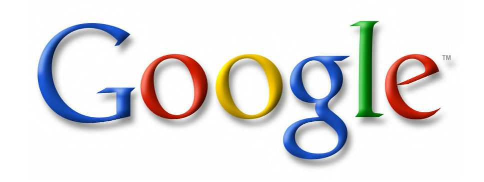

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

И

ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ДЕРЖАВЪ

Великая ошибка въ политикѣ создавать всеобщій и постоянный интересъ противъ самихъ себя.

Князь Меттернихъ.

Никто такъ далеко не заходитъ какъ тотъ, который не знаетъ куда идетъ.

Кромвель.

Skal'kovskii, Konstantin Apollonovich

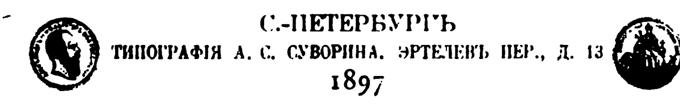
К. СКАЛЬКОВСКІЙ

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

и

ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ДЕРЖАВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1897

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемое сочиненіе имѣетъ цѣлью ознакомить образованную публику, читающую газеты—а кругъ ихъ читателей быстро у насъ увеличивается—въ общемъ очеркѣ съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ всѣхъ державъ и изъ этого положенія вывести, каковы должны быть ихъ отношенія къ Россіи, чтобы затѣмъ, въ свою очередь, изложить взглядъ на тѣ отношенія, которыя въ дѣйствительности существуютъ съ нашей стороны къ иностраннымъ государствамъ.

При такой системѣ изложенія нельзя было избѣжать нѣкоторыхъ повтореній; съ государствами, какъ Англія, Россія встрѣчается чуть не на всѣхъ концахъ свѣта. Съ другой стороны, политическіе и дипломатическіе интересы такъ безконечны, что я не могъ думать дать свѣдѣнія обо всемъ объемѣ нашихъ внѣшнихъ сношеній.

Очень ошибутся тѣ, которые будутъ искать въ моей книгѣ исторію нашей дипломатіи. Подобный трудъ интересенъ только когда у автора имѣются въ рукахъ документы; отличный образецъ подобной исторіи даетъ теперь г. Мартенсъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о нашихъ трактатахъ. Затѣмъ и не пользуясь архивами и обрабатывая только печатный матеріалъ, исторія дипломатическихъ сношеній Россіи чрезвычайно обширная задача, сливаясь почти съ общею политическою исторіею Россіи. Даже въ спеціальномъ изложеніи эта задача все-таки весьма велика. Краткій и неполный еще очеркъ нашихъ дипломатическихъ отношеній къ

Востоку, изданный недавно г. Жигаревымъ, занялъ два объемистыхъ тома.

Но, скажутъ, тогда въ моей книгѣ повторяются только факты уже болѣе или менѣе извѣстные, жеванные и пережеванные. Можетъ быть, но людская память такъ коротка, что напоминать о такъ называемыхъ «всѣмъ извѣстныхъ» вещахъ, которыя обыкновенно извѣстны одному изъ ста, а иногда и изъ тысячи читателей, вовсе не лишнее. Дѣло еще не въ новизнѣ фактовъ, а въ ихъ группировкѣ и въ томъ окончательномъ впечатлѣніи, которое получается изъ этой группировки.

Нѣкоторые читатели могутъ мнѣ сдѣлать замѣчаніе, что я какъ бы враждебно или, во всякомъ случаѣ, кисло отношусь ко всѣмъ народностямъ въ свѣтѣ. Я не отрицаю своего скептицизма; если бы въ моей книгѣ была глава «Россія», я отнесся бы, вѣроятно, и по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, недостатки которыхъ мнѣ по долгому опыту хорошо извѣстны, съ тѣмъ же «холоднымъ вниманіемъ разсудка». Затѣмъ я не скрою, что отвлеченныя идеи о всеобщемъ благѣ и братствѣ народовъ меня мало трогаютъ и интересуютъ. До этого братства еще очень далеко, а пока каждый народъ долженъ думать о себѣ, о своихъ интересахъ и объ интересахъ своихъ друзей.

Другое замѣчаніе можетъ быть мнѣ сдѣлано, что я мѣстами рѣзко критикую парламентарную форму правленія, а мѣстами желаю разнымъ народамъ болѣе свободныхъ учрежденій. Здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Каждому народу я желаю наибольшей свободы и преуспѣянія, поскольку это не вредитъ непосредственнымъ интересамъ Россіи, но конституцію каждаго народа я понимаю исключительно на его бытовыхъ началахъ. Въ прошломъ столѣтіи всѣ были убѣждены, что конституцію можно скроить, какъ платье у портного, поэтому конституціи и сочинялись по заказу. Такъ Жанъ-Жакъ Руссо писалъ конституцію для Корсики, онъ же хотѣлъ облагодѣтельствовать новой конституціей поляковъ. Французская конституція III года республики была написана Эро де-Сейшелемъ въ одинъ присѣстъ въ кафе. Даже знаменитую американскую конституцію сочиняли, ссылаясь не столько на бывшія хартіи штатовъ и обычаи страны, сколько на «Esprit des lois» Монтескье.

Въ нашъ вѣкъ, не смотря на значительный опытъ и на развитіе юридическихъ понятій, портняжный взглядъ на конституціи

не выводится. Политическія учрежденія, какъ одежда, постройка, кухня и проч. должны быть, между тѣмъ, приспособлены къ климату и нравамъ. Палата лордовъ въ Японіи кажется мнѣ такою же странностью, какъ православный храмъ въ стилѣ Pompadour или грузинскій князь въ вицъ-мундирѣ. Копировку англійскихъ учрежденій, которою занимаются уже сто лѣтъ, я считаю для большинства народовъ вредною затѣею и совершенно убѣжденъ, что англійскую конституцію никто не сочинилъ; она выросла сама собою, и считаю справедливымъ мнѣніе того нашего дипломата, который говорилъ, что если бы Англіи въ настоящее время пришлось дать себѣ конституцію, то она, навѣрное, не имѣла бы никакой.

Право мое издать цѣлую книгу о заграничныхъ дѣлахъ Россіи покажется инымъ сомнительнымъ, но я напомню, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ я принималъ дѣятельное участіе въ редакціи иностраннаго отдѣла въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» временъ Корша и въ «Новомъ Времени» А. С. Суворина, причемъ по неволѣ ознакомился съ разнообразными вопросами нашей политики; былъ однимъ изъ весьма дѣятельныхъ публицистовъ во время войны и ѣздилъ даже на театръ ея корреспондентомъ; передъ тѣмъ, во время герцеговинскаго возстанія объѣхалъ славянскія земли *). Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ я объѣздилъ, частью и офиціально, всѣ страны свѣта, кромѣ Австраліи, и познакомился со многими людьми, игравшими выдающуюся роль въ послѣднее время. Во всякомъ случаѣ, я не имѣю ни малѣйшей претензіи учить спеціалистовъ: профессоровъ международнаго права и профессіональныхъ дипломатовъ; съ ихъ стороны я только могу ожидать критики болѣе или менѣе ѣдкой, такъ какъ русскіе люди, добродушные за обѣденнымъ столомъ, удивительно ожесточаются, когда ихъ сажаютъ за письменный.

Со своей стороны, я также имѣю и о спеціалистахъ международнаго права, и о дипломатахъ, въ томъ числѣ и о русскихъ, собственныя воззрѣнія. Я ихъ не скрылъ въ своей книгѣ.

Прибавлю еще, что изъ всѣхъ отраслей правовѣдѣнія наименѣе разработанною и положительною считаю международное право,

---

*) Подъ впечатлѣніемъ этой поѣздки я, можетъ быть, въ своей книгѣ отношусь къ участи славянъ теплѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Впрочемъ, и по происхожденію я наполовину южный славянинъ. Моя мать сербка и отецъ ея былъ однимъ изъ сподвижниковъ Георгія Чернаго: онъ эмигрировалъ въ Россію послѣ казни послѣдняго и получалъ отъ русскаго правительства пенсію.

несмотря на чрезвычайную важность интересовъ, имъ затрогиваемыхъ. До сихъ поръ идетъ споръ даже объ источникахъ, на основанiи которыхъ можетъ быть создана эта наука. Одни видятъ ихъ во взаимныхъ соглашенiяхъ между государствами, выражающихся въ договорахъ и установленныхъ правилахъ международныхъ сношенiй; другiе основываются единственно на обычаяхъ; третьи предполагаютъ существованiе естественнаго права, обязательнаго одинаково для всѣхъ государствъ, и изъ котораго начала международнаго права выводятъ уже путемъ философскаго изслѣдованiя.

Эта неопредѣленность основъ международнаго права имѣетъ важныя неудобства. Хотя несомнѣнно, что отношенiя государствъ должны быть столько же подчинены законамъ справедливости, какъ и отношенiя отдѣльныхъ лицъ, но для международной жизни не выработано такого органа, опредѣленiя котораго имѣли бы силу хотя бы въ глазахъ образованныхъ государствъ. Чѣмъ тѣснѣе становятся взаимныя сношенiя народовъ, чѣмъ болѣе всякаго рода международныя учрежденiя входятъ въ моду, тѣмъ болѣе шаткость международнаго права вызываетъ желанiе достигнуть и въ этой области положенiя вещей, болѣе соотвѣтствующаго успѣхамъ другихъ отраслей правовѣдѣнiя.

Послѣднiя большiя войны показали, что и по настоящее время, несмотря на тысячелѣтнiй историческiй опытъ, продолжается крайняя неопредѣленность въ вопросахъ самыхъ важныхъ, а произвольный образъ дѣйствiй державъ и въ военное, и въ мирное время, постоянно только усиливаетъ взаимное ожесточенiе ихъ и отчуждаетъ народы вмѣсто ихъ сближенiя.

До сихъ поръ еще многiя государства держаться принципа, цинически высказаннаго Мирабо, что «la petite morale (т. е. очевидно то, что называется честностью въ житейскомъ быту) tue la grande».

Одинъ изъ нашихъ талантливыхъ государственныхъ людей, покойный Абаза, произнесъ какъ-то въ государственномъ совѣтѣ блестящую рѣчь, гдѣ между прочимъ высказалъ убѣжденiе, что XX столѣтiе удивитъ человѣчество своею реакцiею. Примѣровъ подобнаго видоизмѣненiя понятiй найти въ исторiи не трудно: достаточно припомнить, чѣмъ былъ XVII вѣкъ послѣ бурнаго XVI столѣтiя, которое во многомъ напоминаетъ ту эпоху теоретическихъ увлеченiй, которой недавно исполнилось сто лѣтъ.

Въ числѣ признаковъ наступающей реакціи наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе стремленіе государствъ обособиться и замкнуться въ крѣпкія границы. Давно ли теоретики мечтали о томъ, что, послѣ всемірныхъ выставокъ, телеграфныхъ и литературныхъ конвенцій, различныхъ международныхъ обѣдовъ и праздниковъ, Европа, а за нею мало по малу и весь земной шаръ, образуютъ какъ бы одну семью, одно государство, гдѣ не будетъ таможенъ и гдѣ войдутъ въ употребленіе не только общая монета или общій вѣсъ, но и общіе гражданскіе и уголовные законы и чуть-чуть не общій языкъ. Какой-то университетскій профессоръ мечталъ даже, что, при помощи особыхъ оптическихъ сигналовъ, мы войдемъ въ сношенія и съ жителями другихъ планетъ. А теперь мы видимъ, что и на своей-то планетѣ далеко до единства: и общею монетою, и торговыми договорами, и разными другими проявленіями братства народовъ тяготятся даже тѣ страны, которыя шли во главѣ объединительнаго движенія.

И курьезное дѣло, въ то время, когда съ оружіемъ въ рукахъ европейцы стараются войти въ общеніе съ замкнутыми народами Японіи, Китая, Индо-Китая, въ самой Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ все усиливается стремленіе ограничить иностранцамъ право свободно проживать на чужой территоріи, размножаться тамъ и богатѣть.

У насъ международное право, какъ и вся почти наука въ Россіи, не вышла еще изъ періода подражательности. По справедливому замѣчанію «Новаго Времени», эта наука занимаетъ среди нашихъ университетскихъ каѳедръ положеніе русскаго нѣмца. «Она не обрусѣла еще, но кое-что русское уже начинаетъ въ нее проникать».

Новое международное право родилось какъ разъ въ неудачное для нашей политики время и потому ему иногда и нечего дѣлать при рѣшеніи вопросовъ, интересующихъ Россію; для послѣднихъ нужно «найти основанія, еще соотвѣтствующія нашимъ новѣйшимъ успѣхамъ, а не прошлымъ пораженіямъ».

Найти это должны прежде всего дипломаты, такъ какъ оригинальныхъ воззрѣній отъ профессоровъ ожидать трудно. Ученость обыкновенно и состоитъ въ томъ, чтобы знать тридцать шесть чужихъ мнѣній и не имѣть своего собственнаго.

До послѣдняго времени, однако, основаніемъ дипломатіи былъ маккіавелизмъ: подчиненіе всѣхъ принциповъ одному — собствен-

ному интересу. Это направленіе прекрасно очертилъ Вольтеръ баснею Эзопа. Левъ заключилъ договоръ съ сосѣдями о раздѣлѣ добычи на четыре равныя части. На основаніи основательныхъ причинъ, которыя левъ объяснитъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, онъ беретъ себѣ прежде всего три части, а затѣмъ обѣщаетъ задавить всякого, кто прикоснется къ четвертой. C'est là le sublime de la politique, — иронически прибавляетъ Вольтеръ. Англія до сихъ поръ другой политики и не знаетъ.

Указавъ на то, что дипломатія, а особенно съ вестфальскаго мира, когда учредились постоянные посты дипломатическихъ представителей, была главнымъ образомъ орудіемъ мира, Морисъ Блокъ въ своемъ Dictionnaire de la Politique задается вопросомъ: почему слово «дипломатъ» имѣетъ такую дурную репутацію и считается какъ бы синонимомъ хитрости и двуличія? Блокъ объясняетъ это тѣмъ, что недавно еще дипломаты были представителями честолюбивыхъ абсолютныхъ монарховъ, которые вели личную и эгоистическую политику, дипломатамъ же оставалось только вторить полученнымъ указаніямъ de leurs augustes maitres. Съ распространеніемъ гласности и свободы роль дипломатовъ очистилась-де и возвысилась. Кромѣ политическихъ интригъ въ область ея вошли вопросы экономическіе, частнаго права, техническіе, и дипломатія внимательно стала прислушиваться къ органамъ общественнаго мнѣнія.

На чемъ основалъ свою теорію Блокъ, не совсѣмъ ясно. Еще Ѳукидидъ замѣтилъ, что демократическое государство неспособно командовать другими государствами; римская республика, Венеція абсолютныхъ монарховъ не имѣли, а вели политику весьма эгоистическую, Англія, страна, гдѣ наиболѣе личность человѣка и печать свободны, также искони ведетъ самую коварную политику.

Блокъ правъ въ одномъ, что издревле дипломаты представлялись во мнѣніи публики съ дурной стороны. Лицемѣріе считалось всегда основною чертою ихъ характера. Въ этомъ случаѣ мнѣніе всѣхъ народовъ одинаково.

Бомарше словами Фигаро сдѣлалъ знаменитую характеристику дипломата: «Прикидываться незнающимъ того, что знаешь, и знающимъ все, чего не знаешь, слушать то чего не понимаешь и не слышать того что слышишь, дѣлать величайшіе секреты изъ вещей всѣмъ извѣстныхъ, запираться даже для того, чтобы очинить перо, казаться глубокомысленнымъ, когда въ дѣйствительности вы пусты,

играть хорошо или дурно видную роль, плодить шпіоновъ и давать пенсіи предателямъ, распечатывать чужія письма, перехватывать ихъ и стараться облагородить низость средствъ величіемъ цѣли».

Ту же мысль короче изложилъ прототипъ дипломата Талейранъ словами, что «языкъ данъ человѣку, чтобы скрывать его мысли». По мнѣнію одного англичанина: «Дипломатія—искусство сказать что нибудь, когда сказать нечего, а равно искусство ничего не говорить, если вы имѣете что либо сказать». Нѣмецъ Людвигъ Берне говоритъ, что онъ «ничему болѣе не удивляется, но что два дипломата могутъ смотрѣть другъ на друга безъ смѣха,—всегда его будетъ удивлять», а также «что человѣкъ, готовящійся въ дипломаты, долженъ изучить только три вещи: французскій языкъ*), искусство ничего не говорить и искусство говорить неправду».

Это послѣднее искусство, какъ извѣстно, доводится иногда до совершенства; объ одномъ изъ нашихъ дипломатовъ великій визирь Али-паша сказалъ, что онъ представляетъ совершенно необыкновенное явленіе: «Обыкновенно когда кто вретъ, то наоборотъ выходитъ правда. Но у этого господина и наоборотъ все таки выходитъ вранье».

Если дипломатъ не достаточно умѣетъ скрывать мысли, прикидываясь, какъ князь Бисмаркъ, откровеннымъ на распашку, то для него лучше молчать. Молчаніе всегда принимается толпой за глубокомысліе и дипломатъ одной изъ мельяковскихъ оперетокъ очень вѣрно и тонко замѣтилъ, что «молчавъ онъ себя больше всего заставилъ слушать».

Наши дипломаты на разныхъ международныхъ конференціяхъ также обыкновенно или глубокомысленно молчатъ, или отъ времени до времени отпускаютъ французскія фразы, настолько соотвѣтствующія сущности обсуждаемаго предмета, насколько нужно, чтобы онѣ попали въ протоколъ, нисколько не связывая ни произнесшаго ихъ дипломата, ни уполномочившаго послѣдняго правительства, ни тѣмъ менѣе другія стороны, принимающія участіе въ конференціи. Въ этомъ безцвѣтно-неопредѣленномъ положеніи и заключается верхъ дипломатическаго искусства.

*) Въ одномъ нашемъ великосвѣтскомъ салонѣ разговаривали о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ во Франціи для отысканія министра иностранныхъ дѣлъ. «Я этого, признаться, понять не могу, замѣтилъ одинъ нашъ дипломатъ. Ужъ, кажется, французамъ не трудно быть дипломатами, ибо они отъ рожденія говорятъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ».

Дипломатическая литература отражаетъ эту тенденцію, она становится интересною только въ мемуарахъ, печатаемыхъ по смерти дипломатовъ, да и то иногда публику ожидаютъ здѣсь разочарованія, какъ съ мемуарами Талейрана и гр. Бейста. Образчикомъ текущей дипломатической литературы могутъ служить наши дипломатическіе органы: «Le Nord», совершенная макулатура, о которой и говорить не стоитъ, и «Journal de St. Pétersbourg». Этотъ послѣдній составляется довольно тщательно и даетъ весьма подробныя свѣдѣнія о политикѣ княжества Лихтенштейнъ, Сіама, республики Никарагуа и т. д., но чуть какой-либо вопросъ коснется Россіи, наша французская газета ограничивается обыкновенно двумя клише. По полученіи первыхъ извѣстій о событіи она говоритъ: «полученныхъ свѣдѣній еще не достаточно для полнаго и безпристрастнаго заключенія; подождемъ дальнѣйшихъ извѣстій». Когда же всѣ свѣдѣнія получены, газета пишетъ: «факты такъ краснорѣчивы, что всякіе коментаріи съ нашей стороны были бы излишни».

Иногда, впрочемъ, кромѣ молчанія, цѣнится и esprit de repartie, остроумная находчивость. Такихъ дипломатовъ цитируютъ въ исторіи.

Фридрихъ Великій желалъ огорчить англійскаго короля за вялое содѣйствіе и аккредитовалъ къ нему какого-то господина, имѣвшаго репутацію шулера.—Ну что, какъ находятъ въ Лондонѣ моего посланника, насмѣшливо спросилъ онъ англійскаго посланника въ Берлинѣ сэра Элліота.—Находятъ, что онъ достойный представитель вашего величества, отвѣчалъ англичанинъ. Король сдѣлалъ очень кислую гримасу.

Бисмаркъ былъ очень недоволенъ покойнымъ Убри; когда онъ пріѣхалъ къ нему прощаться, оставляя свой постъ, желѣзный канцлеръ спросилъ:—А вы увозите своего повара?—Да, отвѣчалъ Убри.—Это будетъ большая потеря для Берлина, глубокомысленно произнесъ канцлеръ и простился.

Кромѣ молчаливости, прерываемой остротами, дипломату нужны еще терпѣніе, особенно на Востокѣ, гдѣ торопливость считается признакомъ самаго дурного тона, хладнокровіе и изящныя манеры. Идеаломъ хладнокровія былъ Талейранъ, о которомъ маршалъ Ланнъ говорилъ Мюрату: «Son derrière recevrait un coup de pied que sa figure n'en dirait rien».

Изящныя манеры стали нынѣ менѣе цѣниться, и аристократы съ успѣхомъ подражаютъ своимъ конюхамъ по манерамъ и кокоткамъ по разговору, а затѣмъ демократическія правительства создали новый видъ государственныхъ дѣятелей; теперь и «человѣкъ-пушка» изъ цирка можетъ быть депутатомъ, а слѣдовательно министромъ и посломъ. Въ этомъ явленіи, впрочемъ, ничего нѣтъ новаго. Еще Аристофанъ во «Всадникахъ» даетъ слѣдующій совѣтъ колбаснику, который затрудняется управлять республикою:—«Нѣтъ ничего легче, остается только продолжать твое прежнее ремесло, смѣшивать и перемѣшивать дѣла, какъ начинку, тянуть ихъ какъ колбасы и привлекать публику, угощая ее всякими фокусами».

Время съ 1815 по 1830 годъ считаютъ обыкновенно золотымъ вѣкомъ дипломатіи, когда она первенствовала въ разрѣшеніи европейскихъ вопросовъ. Всемогущій Меттернихъ, многочисленные конгрессы и конференціи, безчисленныя ноты и протоколы наполняютъ исторію этого времени. Сила и вліяніе дипломатіи почитаются съ тѣхъ поръ значительно ослабѣвшими, и часто даже раздаются голоса въ печати и на парламентской трибунѣ, что дипломатическое представительство—почти ненужная роскошь. Если дипломаты необходимы еще иногда для разныхъ церемоній, то мнѣнія ихъ и наблюденія не имѣютъ будто бы вѣса, потому что печать и публичное обсужденіе законовъ и государственныхъ вопросовъ въ палатахъ позволяютъ имѣть, при помощи желѣзныхъ дорогъ, почтовыхъ пароходовъ, телеграфа и телефона, свѣдѣнія гораздо быстрѣе и подробнѣе, чѣмъ изъ дипломатическихъ депешъ и донесеній.

Подобныя мнѣнія нельзя не признать крайне преувеличенными и односторонними. Конечно, дипломатіи отведено нынѣ гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, когда какой нибудь красивый и ловкій дипломатъ, приволокнувшись за всемогущей фавориткой, а иногда за королевою,—подчасъ, какъ кавалеръ де Эонъ, переодѣвшись женщиною,—рѣшалъ вопросы войны и мира. И теперь, впрочемъ, не пренебрегаютъ ловкими кавалерами и въ 1856 г. серьезно обсуждался вопросъ, кого изъ красивыхъ гвардейцевъ избрать для посылки въ Парижъ, чтобы фигурировать въ салонахъ кокетливой императрицы Евгеніи. Выборъ остановился на Альбединскомъ, гр. Шуваловѣ и гр. Левашовѣ, которые сопровождали кн. Орлова на парижскій конгресъ, а затѣмъ перваго изъ нихъ оставили военнымъ агентомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ пользовался большимъ успѣхомъ и откуда его вызвали за неосторожное

участіе въ маскарадѣ, въ которомъ императрицѣ Евгеніи пришла фантазія вырядиться въ польское національное платье.

И въ настоящее время умная, энергическая и патріотическая дипломатія найдетъ себѣ достаточно дѣла. Не отдаляясь отъ настоящей минуты, мы въ одномъ примѣрѣ франко-прусской войны можемъ видѣть силу, значеніе и вліяніе на событія правильно устроеннаго дипломатическаго представительства. Еслибъ Наполеонъ III имѣлъ свѣдущихъ представителей въ Мюнхенѣ и вообще въ южной Германіи, то не сомнѣвался бы, что минута объединенія послѣдней очень близка; еслибъ въ Вѣнѣ, вмѣсто легкомысленнаго герцога Граммона, сидѣлъ болѣе серьезный посолъ, то, конечно, Франція не рѣшилась бы такъ скоро на объявленіе войны; еслибъ въ Ферьерѣ, вмѣсто Жюль Фавра, переговаривался съ Бисмаркомъ кто либо другой, то не было бы знаменитой риторической фразы: «ни одного камня крѣпостей, ни одного вершка земли», оплаченной потомъ Эльзасомъ, Лотарингіей съ Мецомъ и пятью милліардами. Наконецъ, что касается насъ, то, развѣ мыслимъ бы былъ берлинскій конгрессъ при другомъ составѣ дипломатіи.

Я не говорю уже о значеніи дипломатіи на Востокѣ. Бёрнсу Англія обязана огромною частью своихъ остъ-индскихъ владѣній; Стратфордъ-Редклифъ положительно выручилъ Турцію въ 1853 г. и причинилъ намъ столько вреда, Лессепсъ — устроилъ Суэзскій каналъ, т. е. сдѣлалъ всемірный экономическій переворотъ. Но если дипломатія не потеряла своего вліянія и пользы, то нельзя, кажется, сомнѣваться, что общій кругъ ея дѣятельности и относительное значеніе въ разныхъ мѣстностяхъ совершенно видоизмѣнились. Личныя интриги играютъ теперь менѣе значительную роль, аристократія въ немногихъ только странахъ сохранила вліяніе на дѣла, зато экономическіе вопросы, торговые и промышленные интересы, передвиженіе путешественниковъ и капиталовъ, заморскія владѣнія и т. д. выдвинулись на первый планъ. Нужно сознаться, что въ виду этого переворота сдѣлано еще очень немного для преобразованія дипломатической службы не только у насъ, но и во всей Европѣ.

«Могущество Россіи велико, различные представители его малы», говоритъ покойный графъ Граббе о нашихъ дипломатахъ въ своихъ запискахъ. Но буквально тѣ же жалобы противъ дипломатовъ раздаются и въ другихъ государствахъ. Вотъ оцѣнка англійскихъ, сдѣланная англичаниномъ: «Репутація, которую пріобрѣли дипло-

маты, есть скорѣе результатъ той тайны, какою окружена дипломатія, чѣмъ слѣдствіе искусства лицъ, глубоко изучившихъ дипломатическую службу. Въ Англіи во всякомъ случаѣ трудно назвать многихъ дипломатовъ, въ промежутокъ времени между отставкою сэра Вильяма Темпля и возвышеніемъ лорда Страффорда Редклифа, которые бы могли занять выдающееся мѣсто. Тѣмъ не менѣе о дипломатіи говорятъ съ благоговѣніемъ, понятнымъ развѣ людямъ, искусившимся въ этой профессіи. Кромѣ того, само слово длинно и благозвучно» (*Спенсеръ-Уольслей.* Иностранная политика Англіи).

Въ опредѣленіи 13 февраля 1720 г. объ учрежденіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ Петръ Великій начерталъ слѣдующую программу дѣятельности нашимъ дипломатамъ: «Къ дѣламъ иностраннымъ служителей коллегіи имѣть вѣрныхъ и добрыхъ, чтобы не было диряво, и въ томъ крѣпко смотрѣть; а ежели кто непотребнаго во оное мѣсто допуститъ, или вѣдая за кѣмъ въ семъ дѣлѣ вину, а не объявитъ, то будутъ наказаны, яко измѣнники».

Къ сожалѣнію, завѣтъ великаго государя не совсѣмъ строго исполнялся и хотя подъ-часъ у насъ было «диряво» и случались дипломаты «непотребные», но о наказаніи начальниковъ ихъ «яко измѣнниковъ» не слышно было.

Русскіе по натурѣ очень способны къ дипломатіи, такъ какъ главная черта русскаго характера: лукавство, прикрытое фальшивымъ добродушіемъ (bonhomie), весьма удобна для дипломатіи. Даже наши старинные дипломаты московской Руси если казались неловки и неуклюжи въ средѣ придворныхъ западной Европы, то отлично вели свои дѣла, а особенно въ переговорахъ съ Малороссіей, Польшей, Крымомъ и Швеціей — странами тогда наиболѣе интересовавшими Россію. Ту же склонность къ дипломатіи и всѣми признанное искусство русскіе блистательно проявили и въ XVIII вѣкѣ, поэтому удивительно, что, начиная съ половины этого вѣка и до послѣдняго времени, дипломатическая карьера привлекла въ Россіи всякаго рода иноземцевъ, и, послѣ Долгорукихъ, Паниныхъ, Репниныхъ, Воронцовыхъ, Румянцевыхъ, Обрѣсковыхъ, мы видимъ цѣлую серію нѣмцевъ, шведовъ, поляковъ, евреевъ литовскихъ, евреевъ финляндскихъ, румынъ, далматинцевъ, грековъ, португальцевъ и даже корсиканцевъ, отстаивающихъ «русскіе» интересы передъ Европой! Россія, конечно, признательна за услуги, оказанныя Шафировымъ, Поццо ди Борго или Каподи-

стріей, но для русскаго чувства и русскаго достоинства желательно, чтобы мы всегда умѣли находить ходатаевъ для себя въ средѣ своего народа, въ средѣ людей, не только отвлеченно сознающихъ государственныя выгоды Россіи, но и живущихъ съ нею однимъ умомъ, однимъ сердцемъ.

Гр. Семенъ Воронцовъ первоначальный наплывъ инородцевъ приписываетъ вліянію правителя канцеляріи гр. Панина, Алопеуса, того самаго, по поводу назначенія котораго посланникомъ въ Берлинѣ гр. Растопчинъ удивлялся: «зачѣмъ даютъ жалованье этому пруссаку тѣломъ и душой, проще бы давать бы его Герцбергу» (прусскому министру). Въ первой половинѣ нашего вѣка наплывъ иностранцевъ еще усилился; по исчисленію г. Татищева, они занимали въ Россіи въ 1825 г. 68 проц. дипломатическихъ должностей, а въ 1854 г.—81 проц. Время не измѣнило ихъ, баронъ Мейендорфъ въ Вѣнѣ былъ нѣмцемъ не менѣе Алопеуса.

Правда, не всѣ русскіе, остававшіеся въ дипломатическомъ корпусѣ, оправдывали нерѣдко ожиданія русскаго общества. Благороднѣйшій гр. Семенъ Воронцовъ сталъ совсѣмъ англоманомъ, кн. Разумовскій и Татищевъ (Д. П.) сдѣлались австрійцами. Кн. Куракинъ былъ посмѣшищемъ для Парижа какъ разъ въ моментъ нашего союза съ Франціей, Киселевъ (посланникъ, а не посолъ) противодѣйствовалъ сближенію съ этою страною, когда въ концѣ 40-хъ годовъ у Николая I явилась счастливая мысль о сближеніи. Безтактность Кокошкина въ Туринѣ и была, говорятъ, причиною холодности къ русскимъ дипломатамъ при Николаѣ I; никакъ нельзя одобрить дѣятельность Сабурова въ Берлинѣ, Катакази въ Вашингтонѣ, кн. Долгорукова въ Тегеранѣ, кн. Горчакова въ Мадридѣ. Желательно вообще, чтобы дипломатическое искусство русскихъ людей шло далѣе основательнаго знанія французскаго языка и чтобъ не повторялись ошибки въ родѣ той, которая дозволила туркамъ, при подписаніи адріанопольскаго трактата, пользуясь плохимъ знаніемъ дипломатами географіи, подмѣнить въ окончательной редакціи трактата рѣку Чорохъ рѣчкою Чолохъ, не включивъ такимъ образомъ Батумъ въ наши владѣнія. Азія вообще была слабымъ мѣстомъ нашихъ дипломатовъ и самъ кн. Горчаковъ, человѣкъ несомнѣнно выдающійся, просилъ фонъ-Кауфмана, когда онъ шелъ на Хиву, не заходить въ Кашгаръ! А графъ Шуваловъ, только пріѣхавъ на берлинскій конгресъ, узналъ отъ г. Бобрикова, на которой сторонѣ Балканъ находится Софія.

Наши командиры, военные и морскіе, всегда не ладили съ дипломатами, а особенно когда послѣдніе были изъ иностранцевъ. Герою Наварина, прямодушному графу Гейдену, нашъ посолъ въ Константинополѣ, тосканецъ Рибопьеръ, писалъ: «мы служимъ тому же государю, намъ поручены тѣ же интересы; тѣ же чувства должны были бы воодушевлять насъ, а все-таки намъ сойдтись невозможно». Рибопьеръ увѣрялъ даже, что графъ Гейденъ будто бы самъ возбуждалъ въ своихъ подчиненныхъ «чувство недовѣрія къ уполномоченному своего государя». Катакази, русскій дипломатъ изъ румынскихъ грековъ (такихъ было особенно много), съ своей стороны писалъ Гейдену: «нетерпѣніе, часто даже гнѣвъ, съ какимъ ваше превосходительство постоянно отвергали малѣйшее изъ моихъ замѣчаній, побуждаютъ васъ считать меня чиновникомъ скорѣе докучливымъ, чѣмъ полезнымъ».

Прямодушный и честный Кодрингтонъ, симпатичнѣйшая и даровитѣйшая личность между союзными адмиралами, самъ былъ отъявленный врагъ дипломатіи. Это постоянно проглядываетъ въ его письмахъ. По поводу истолкованія Англіей Лондонскаго договора 1827 г. въ пользу Турціи, адмиралъ писалъ: «Таково всегдашнее слѣдствіе уклоненія съ прямого пути въ грязные переулки! Въ политикѣ, какъ и на прогулкѣ, никто въ такомъ случаѣ не можетъ ожидать, что вернется домой съ незамаранными сапогами...» Правда, что даже сами дипломаты утомлялись отъ своихъ изворотовъ. Англійскій агентъ Бродвикъ писалъ Гейдену: «Подай то Господи, чтобы согласіе продолжало царствовать и между нашими дворами, но такъ какъ вещи этого рода зависятъ отъ зловреднаго вліянія Меттерниховъ и всего этого дипломатическаго порожденія, то утѣшаю себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что наша дружба не потерпитъ отъ политическихъ ссоръ дворовъ». Даже Катакази заявлялъ: «Быть можетъ скажете вы, графъ, что я говорю какъ мистикъ: но какъ не прибѣгнуть къ Творцу, когда Его творенія только и дѣлаютъ, что дурачатъ другъ друга?»

Въ «Nouvelle Revue» помѣщено было любопытное письмо г. Татищева къ г-жѣ Аданъ, вызванное замѣчаніями, сдѣланными въ «Nord» Жомини по поводу статей г. Татищева въ журналѣ г-жи Аданъ, подъ названіемъ «Paul I et Bonaparte». Жомини, швейцарецъ по происхожденію, въ своемъ возраженіи коснулся вопроса pro domo suo о дипломатахъ изъ иностранцевъ въ Россіи. Онъ упрекалъ г. Татищева въ «смѣлости и беззастѣнчивости» за уни-

женіе цѣлаго поколѣнія «крупныхъ государственныхъ людей, украшавшихъ нашу имперію», прибавляя, что такое порицаніе унижаетъ будто бы косвенно и государей, пользовавшихся услугами этихъ людей.

На это г. Татищевъ весьма резонно отвѣчалъ, что рѣчь шла вовсе не о томъ, что Россія могла пользоваться случайно услугами того или другого иностранца, а о систематическомъ отчужденіи въ руки чужеземныхъ наемщиковъ одной изъ важнѣйшихъ функцій правительства, въ ущербъ и, даже болѣе, въ совершенное устраненіе русскихъ дипломатовъ. Это фактъ въ исторіи безпримѣрный. Нигдѣ не существовало подобной экстериторіальной дипломатіи, чуждой странѣ, которой она считалась представителемъ, не исповѣдующей ея вѣры, не понимающей ея языка и полной презрѣнія къ основнымъ принципамъ ея національнаго существованія. Касательно же неумѣстной ссылки Жомини на государей, г. Татищевъ указывалъ на факты, несомнѣнно доказывающіе, что и Павелъ I, и Александръ I въ концѣ своего царствованія были рѣшительно недовольны своими дипломатами, а равно и на то, что есть нѣкоторыя указанія на подобное разочарованіе Николая I въ крымскую войну и Александра II во время берлинскаго конгресса. За фактическими доказательствами г. Татищевъ отсылалъ Жомини къ своимъ статьямъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», весьма зло прибавляя, что «рекомендуетъ это чтеніе только въ такихъ случаяхъ, если означенный русскій дипломатъ понимаетъ русскій языкъ».

Надобно еще замѣтить, что въ прежнее время левантинцы, напримѣръ, на Востокѣ, далѣе должностей драгомановъ не шли, въ настоящее же время они занимаютъ тамъ всѣ видные посты. Инородческій составъ дипломатіи былъ причиною, что дипломаты относились презрительно ко всему русскому и больше всего боялись сближенія съ русскими. Нашъ посолъ въ Лондонѣ бар. Бруновъ говорилъ издателю «Гражданина» кн. Мещерскому: «Я всегда говорю моимъ соотечественникамъ, къ счастью, ихъ въ Лондонѣ немного: если вы имѣете наивность думать, что посольство служитъ для васъ, то жестоко ошибаетесь». И о такомъ-то русскомъ представительствѣ г. Мартенсъ пишетъ, что «его имя навсегда останется однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ русской дипломатіи». Каковы же были менѣе блестящіе?

Къ несчастью, эти примѣры были заразительны. Покойный секретарь Русскаго Техническаго Общества, Львовъ, разсказывалъ

мнѣ, что когда онъ, во время всемірной выставки въ Лондонѣ, пожелалъ видѣть нашего генеральнаго консула Берга (брата фельдмаршала), то Бергъ, узнавъ, что съ нимъ говоритъ русскій, опрометью бросился за желѣзную рѣшетку, заперся тамъ и продолжалъ разговаривать съ нашимъ офиціальнымъ делегатомъ, какъ тигръ изъ клѣтки.

Это система. Во время моихъ тридцатилѣтнихъ путешествій я перезнакомился съ десятками русскихъ дипломатовъ; за самыми рѣдкими исключеніями все это были очень милые и образованные люди, но никогда, даже по отношенію къ офиціальнымъ моимъ порученіямъ, я не могъ получить отъ нихъ никакого содѣйствія или получалъ его тогда, когда уже давно возвратился домой.

Рядомъ съ нашей офиціальной дипломатіей, тѣми чиновниками иностранной колегіи, красотѣ бакенбардъ которыхъ удивлялся Гоголь (это было, впрочемъ, въ эпоху преобладанія у насъ грековъ, расплодившихся съ легкой руки Каподистрія), наше правительство, никогда не пренебрегало дипломатическими добровольцами. Le secret du Roi также имѣлъ мѣсто въ русской дипломатіи, какъ и во французской и въ дипломатіи другихъ государствъ. Это было даже необходимостью, когда десятки лѣтъ сидѣли на своихъ мѣстахъ дипломаты вродѣ князя Разумовскаго, который пламенѣлъ душою къ австрійскимъ интересамъ (вѣрнѣе, интересамъ своихъ безчисленныхъ вѣнскихъ кредиторовъ) и оставался болѣе чѣмъ равнодушенъ къ русскимъ.

Однимъ изъ лучшихъ неофиціальныхъ дипломатовъ была жена нашего посла въ Лондонѣ, кн. Ливенъ, урожденная Бенкендорфъ, женщина замѣчательнаго ума, другъ Гизо и др. выдающихся европейскихъ дѣятелей.

И въ послѣднее время нѣсколько подобныхъ добровольцевъ оказали значительныя услуги русскому дѣлу: инженеръ Лессаръ въ Туркменской степи, отставной гвардейскій офицеръ Леонтьевъ въ Абиссиніи, отставной дипломатъ г. Татищевъ въ Болгаріи.

Я говорилъ выше о недостаткахъ русской дипломатіи, но несправедливо было бы отрицать и ея заслуги. Конечно, Россія махина великая и дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, своею тяжестью и инерціею, но усилія отдѣльныхъ личностей все-таки что нибудь да значатъ. А въ окончательномъ результатѣ, при всѣхъ сдѣланныхъ ошибкахъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся фактовъ современнаго положенія вещей это—преобладаніе Россіи въ европейскомъ

концертѣ въ восточномъ вопросѣ. По заявленію англійскихъ газетъ, любящихъ подымать шумъ для возбужденія вниманія своего правительства, гегемонія надъ Европою перешла даже отъ Берлина къ Петербургу. Такое усиленіе русскаго вліянія признается впрочемъ миролюбивымъ факторомъ, дѣйствіе котораго будетъ преимущественно направлено къ сохраненію statu quo, а это-де вполнѣ гармонируетъ съ интересами Европы.

Такое блестящее положеніе обусловливается извѣстнымъ единствомъ направленія нашей политики. По мнѣнію г. Мартенса, «для западнаго европейца въ политикѣ государства должны исключительно дѣйствовать какъ движущія причины: холодный разсчетъ и собственный интересъ. Между тѣмъ, какъ политика Россіи бываетъ полна увлеченій, и она неоднократно двигалась стихійными силами и случайностями», но,—прибавляетъ онъ,—«искусство воспользоваться стихійною силою и случайностью не всѣмъ дано и весьма рѣдко случается». Не совсѣмъ понятно, на чемъ основано такое строгое различіе. Я думаю, что политика Франціи еще чаще нашей была руководима увлеченіями и не менѣе нашей создавала постоянные интересы противъ самихъ себя, а если гдѣ стихійныя силы, напр., море и избытокъ рожденій, играютъ выдающуюся роль, то, конечно, въ политикѣ Англіи. Я думаю, что борьбу двухъ началъ можно болѣе или менѣе прослѣдить въ политикѣ каждаго государства, да иначе и быть не можетъ, ибо политика, исключительно великодушная, въ результатѣ непремѣнно оказалась бы глупою, а исключительно эгоистическая, возбудивъ общее негодованіе, причинила бы въ концѣ концовъ себѣ смертельный ударъ, чему мы видимъ примѣръ на Наполеонѣ I, хотя онъ былъ не только геніальнымъ итальянскимъ кондотьеромъ, но въ извѣстной мѣрѣ и носителемъ французскихъ революціонныхъ идей. Да и вся исторія цивилизаціи не представляетъ ли борьбу между національнымъ эгоизмомъ и международнымъ сближеніемъ идей и интересовъ.

Справедливо, что политика Россіи по преимуществу стихійна, хотя уклоненія отъ естественныхъ интересовъ этой обширной страны, почти части свѣта, встрѣчались неоднократно, что я отмѣчаю въ своей книгѣ.

Очень благопріятное вліяніе на успѣхъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ имѣло то, что всѣ государи ея лично чрезвычайно внимательно относились къ вопросамъ иностранной политики, и что общее число руководителей этой политики было не-

велико, почему каждый изъ нихъ обладалъ значительнымъ опытомъ.

Всѣ русскіе государи, даже Павелъ I, принимали близкое участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Екатерина II и Александръ I были даже, можно сказать, извѣстную часть царствованія своими собственными министрами иностранныхъ дѣлъ, гр. Румянцевъ только носилъ этотъ титулъ нѣсколько лѣтъ совершенно номинально. Николай I, какъ видно изъ записокъ гр. Муравьева-Карскаго, писемъ къ кн. Паскевичу и др. документовъ, также былъ au courant малѣйшихъ подробностей въ европейской и азіятской политикѣ; Александръ II и Александръ III слѣдовали такой же системѣ. Александръ III своимъ спокойнымъ и твердымъ характеромъ и національными тенденціями имѣлъ огромное вліяніе на ходъ европейской дипломатіи 80-хъ годовъ и очень поднялъ авторитетъ Россіи, подорванный исходомъ восточной войны.

Изъ ближайшихъ руководителей нашихъ дипломатическихъ сношеній гр. Ростопчинъ, Воронцовъ и Румянцевъ вели ее въ русскомъ духѣ; нѣкоторые считаютъ даже Ростопчина замѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ руководителей внѣшней политики. Онъ и Румянцевъ были, какъ извѣстно, горячими сторонниками французскаго союза. Совершенною противоположностью были баронъ Будбергъ и князь Чарторижскій. О первомъ графъ Ростопчинъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XIX стол., сказалъ, что ему мѣсто быть «не русскимъ министромъ, а идоломъ у дикихъ народовъ или нѣмецкимъ принцемъ». Вся дѣятельность второго, несомнѣнно, умнаго человѣка, была сплошнымъ предательствомъ по отношенію къ Россіи и направлена, при содѣйствіи Нарышкиной и другихъ красавицъ, къ возстановленію Польши.

Съ вѣнскаго конгресса по 1896 годъ Россія имѣла всего четырехъ главныхъ руководителей своей внѣшней политики, пожалуй даже трехъ, такъ какъ Гирсъ, человѣкъ впрочемъ чрезвычайно почтенный, честный и добрый, былъ лишь слабою копіею кн. Горчакова, а также если не считать гр. Каподистрія, имѣвшаго голосъ преимущественно въ вопросахъ восточной политики.

Долѣе всѣхъ руководилъ нашими иностранными дѣлами графъ К. В. Нессельроде, другъ Меттерниха и Австріи. По матери еврей, онъ прежде, чѣмъ вступить въ русскую службу, съ одинаковымъ успѣхомъ служилъ уже въ Австріи, Пфальцѣ, Голландской республикѣ, Франціи и Пруссіи. Замѣчательно, что, когда Александръ I

убѣдился на вѣнскомъ конгрессѣ, что Меттернихъ дѣйствуетъ не въ интересахъ Россіи и что Нессельроде его орудіе, то потерялъ всякое довѣріе къ австрійскому канцлеру и, наоборотъ, приблизилъ къ себѣ Нессельроде. Одно изъ необъяснимыхъ для историковъ противорѣчій этого сложнаго характера. Государь взялъ тогда, впрочемъ, въ статсъ-секретари гр. Каподистрія, отличавшагося благородствомъ своего характера. Нессельроде защищалъ повсюду легитимный принципъ и союзы со всѣми реакціонными началами, даже въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Это былъ послушный чиновникъ, не умѣвшій говорить по-русски. Мухановъ, братъ котораго былъ товарищемъ министра у Нессельроде, говоритъ въ своихъ запискахъ, что Нессельроде «нельзя отказать въ умѣ, нѣкоторой смѣтливости, плавной редакціи и навыкѣ къ дипломатическимъ совѣщаніямъ», но въ немъ замѣчались «излишняя уклончивость и робость, несовсѣмъ умѣстная въ главѣ представителей интересовъ Россіи въ Европѣ». Нѣкоторыя депеши, казалось, написаны представителемъ третьестепенной державы. Нессельроде не зналъ также Востока и «вовсе пренебрегалъ нашею политикою на Востокѣ, не имѣя вовсе русскаго чувства». Зато Нессельроде былъ отличнымъ гастрономомъ и очень заботился о своихъ родственникахъ, которымъ оставилъ большое состояніе.

Преемникъ его князь Горчаковъ, характеристику котораго какъ дипломата я дѣлаю ниже въ XVI главѣ, также очень заботился о своихъ родственникахъ и оставилъ еще большее состояніе, отличаясь чрезвычайной скупостью. По убѣжденіямъ онъ былъ скорѣе либераленъ, смотрѣлъ на вещи шире Нессельроде и хотя лично Азіи не зналъ (азіятскими дѣлами руководилъ Стремоуховъ), но Россія бросила при немъ не въ мѣру осторожную политику на азіятскомъ континентѣ, что чрезвычайно помогло ей въ Европѣ. Мухановъ, сравнивая дѣятельность кн. Горчакова съ политикою въ концѣ царствованія Александра I, говоритъ, что, тогда, была «слабая редакція, но твердая политика», при Горчаковѣ же «прекрасная редакція, но политическое безсиліе»—что, однако, едва ли справедливо, конечно не въ отношеніи редакціи. По крайней мѣрѣ живой свидѣтель этой эпохи, Карамзинъ писалъ въ 1825 г.: «Вижу въ немъ (въ канцлерѣ графѣ А. Р. Воронцовѣ) умъ государственный, ревность, знаніе Россіи — то, чего теперь не вижу». Мухановъ оправдываетъ, впрочемъ, Горчакова: «не виноваты наши

дѣятели; имъ завѣщали эту политику ихъ предшественники, а «сила обстоятельствъ не позволила измѣнить ее».

Гирса короче и лучше всѣхъ опредѣлилъ кн. Лобановъ-Ростовскій словами: «Que voulez-vous. Il n'a été que consul général toute sa vie».

Князь Лобановъ-Ростовскій, къ сожалѣнію, былъ недолго министромъ и слишкомъ недавно, чтобы тайна, скрывающая дипломатическіе переговоры (о нихъ мы можемъ судить только изъ ежегодно представляемыхъ парламентамъ донесеній иностранныхъ представителей), не препятствовала безпристрастной оцѣнкѣ покойнаго. Насколько, однако, можно было судить, онъ велъ политику въ національномъ духѣ, при немъ произошло укрѣпленіе франко-русскаго соглашенія, примиреніе съ Болгаріей и достигнуты блестящіе успѣхи въ Китаѣ.

Новый управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ носитъ имя, которое одно служитъ уже ручательствомъ его русскаго направленія, и надобно пожелать, чтобы по отношенію къ многочисленнымъ врагамъ и завистникамъ Россіи онъ носилъ его всегда, какъ говорили наши предки: «честно и грозно».

катерины II. Съ 1789 г. попытки сближенія неоднократно возоб-
вялялись.

Императоръ Павелъ, преклоняясь предъ геніемъ Бонапарта, ивѣтствовалъ переворотъ 18 Брюмера. Посланникъ нашъ въ ерлинѣ Крюднеръ получилъ приказаніе переговорить съ француз- имъ посланникомъ Бёрнонвиллемъ, на какихъ основахъ могло і произойти сближеніе двухъ державъ. Смерть императора пре- вала эти сношенія, но союзъ былъ формально заключенъ Напо- ономъ съ императоромъ Александромъ I и ему обязана Россія инляндіей и отчасти Бессарабіей. Затѣмъ попытки къ сближенію эобновились при Карлѣ X, послѣ Наварина и въ концѣ 50-хъ го- въ послѣ Крымской войны. Тѣмъ не менѣе, до тѣхъ поръ, пока шператоръ Александръ III не выслушалъ Марсельезу стоя, наша пломатія относилась весьма скептически къ вопросу о возмож- эсти союза между Франціей и Россіей.

Союзъ Россіи съ Франціей можетъ быть только оборонитель- ымъ. У насъ съ Франціей дѣлить нечего, поэтому мы можемъ эддерживать другъ друга въ сферѣ законнаго вліянія каждой раны. Наши восточныя дѣла имѣютъ очень мало общаго съ ея лами; въ Африкѣ, въ Египтѣ, Индо-Китаѣ, и вообще на даль- емъ востокѣ, наши интересы общіе, т. е. враждебные Англіи; варная и нищенская политика Италіи одинаково опасна и для оссіи, и для Франціи. Только одного сознанія общности инте- есовъ недостаточно еще для превращенія сближенія въ союзъ; здобно чтобы во Франціи было достаточно сильное правитель- во, все равно подъ какимъ знаменемъ и чтобы оно относилось къ оссіи вполнѣ искренно, тогда союзъ получитъ реальную под- адку.

Покойный Жомини, бывшій душою нашего министерства ино- ранныхъ дѣлъ болѣе двадцати лѣтъ подъ-рядъ, человѣкъ умный талантливый, въ своей полемикѣ съ г. Татищевымъ по поводу анко-русскато союза доказывалъ, что главною причиною раз- чія русской и французской политики за двѣсти лѣтъ было разли- принциповъ, на которыхъ основывалось правительство обѣихъ занъ. Г. Татищевъ безъ труда разбилъ подобный аргументъ. До- зательства противнаго изобилуютъ въ исторіи. Извѣстенъ союзъ истіаннѣйшаго короля Франциска I съ султаномъ, калифомъ пра- зѣрныхъ, Ришелье, кардинала римской церкви, угнетателя гу- ютовъ, съ нѣмецкими протестантами; сочувствіе сѣверо-амери- нской республики къ Россіи въ крымскую войну, дружба Англіи Турціи, хотя конституціи этихъ странъ имѣютъ такъ мало об- цго, и т. д.

Часто говорятъ, что съ республикой будто бы нельзя имѣть юзовъ, что въ республикѣ никакія дипломатическія «тайны» не- зможны. Но надъ дипломатическими тайнами теперь смѣются ікъ надъ дѣтскими пугалами. Первый сталъ смѣяться князь Бис-

маркъ. А что республики къ дипломатіи способны—доказали блистательно республики Римская и Венеціанская; ихъ дипломатія была первая по послѣдовательности, ловкости и энергіи въ древніе и средніе вѣка. Недурно устраивали свои союзы Голландскіе Штаты въ XVII столѣтіи. Да и теперь Соединенные Штаты не могутъ пожаловаться на свою дипломатію. Сто лѣтъ ведутъ они одну и ту же линію, и эта республика, не имѣя военнаго флота и содержа какихъ нибудь двѣ дивизіи, пользуется полною безопасностью и никто ни ее, ни американскихъ гражданъ, спекулирующихъ по всему свѣту, тронуть не смѣетъ. Дѣло значитъ не въ формѣ правительства, а въ существѣ, т. е. на сколько оно прочно и сильно. Въ этомъ отношеніи, какъ мы выше видѣли, увѣренности со стороны Франціи большой нѣтъ и ничто не гарантируетъ, что какой нибудь Жоресъ станетъ руководить республикою, какъ руководили ею столько лѣтъ Гамбетта или Клемансо.

Жомини не былъ, впрочемъ, врагомъ сближенія съ Франціей, но онъ требовалъ, чтобы, сближаясь съ послѣдней, Россія оставалась въ дружбѣ съ Германіей. Таковое требованіе г. Татищевъ справедливо назвалъ «дипломатическою идилліей», «прекрасною мечтою» и сравнивалъ съ извѣстнымъ желаніемъ сохранить при переправѣ и овцу, и капусту. Г. Татищевъ былъ убѣжденъ, что какъ только Россія пожелаетъ сойтись съ Франціей, такъ непремѣнно разойдется съ Германіей. Этому уже были примѣры въ исторіи, именно при Екатеринѣ II, когда великая императрица отказалась въ 1788 г. возобновить союзъ съ Пруссіей, замѣтивъ въ письмѣ къ Потемкину, что «союзъ съ Пруссіей—вещь на свѣтѣ наиболѣе тяжелая, унизительная и невыносимая, въ чемъ она-де убѣдилась по собственному опыту».

Жомини былъ, пожалуй, правъ въ томъ смыслѣ, что неблагоразумно съ нашей стороны, ради удовольствія, пользоваться симпатіей Франціи, разрывать долголѣтнія мирныя отношенія къ Пруссіи, которыя хотя не всегда были намъ выгодны, но съ которыми мы не могли не считаться. Французы очень ошибаются, если думаютъ, что дружба наша будетъ имѣть цѣлью не уравновѣшеніе силъ, а возстановленіе французскаго преобладанія на континентѣ Европы, преобладанія, причинявшаго Германіи много бѣдствій, а для Россіи также ничего, кромѣ непріятностей, не доставившаго. Для союза надобно, чтобы французы, изучивъ поболѣе Россію — чему начало сдѣлано—поняли выгоды сближенія, а не то только, чтобы союзъ основывался исключительно на страхѣ французовъ передъ Германіей. Россія же никакой другой политики не должна держаться, кромѣ чисто русской, и горячихъ каштановъ изъ печки, надѣемся, вытаскивать она впредь не будетъ ни для кого, даже для прекрасныхъ глазъ г-жи Аданъ.

За двѣсти лѣтъ, несмотря на значительныя симпатіи, существовавшія въ русскомъ обществѣ къ Франціи, обусловленныя и склон-

ностью славянъ къ французамъ и особенно вліяніемъ французскаго просвѣщенія XVIII вѣка, поведеніемъ Франціи мы никакъ не могли быть довольны, кромѣ развѣ въ кратковременное царствованіе Карла X, которое именно у французовъ и пользуется презрѣніемъ. Почва для союза установилась только въ нынѣшнемъ столѣтіи. До этого Франція была по большей части дипломатическимъ противникомъ Россіи и по причинамъ весьма естественнымъ. Борясь почти три вѣка подъ-рядъ съ стремленіями австрійскаго дома къ всемірному господству, Франція искала союзниковъ въ тылу и на флангахъ Австріи. Такими союзниками являлись Швеція, Польша и Турція. Съ ними Франція вела дружбу и потому весьма холодно встрѣтила появленіе на политическомъ горизонтѣ Россіи, для которой друзья Франціи и составляли исконныхъ враговъ, мѣшавшихъ войти въ натуральныя границы. Дружа съ Турціей, Франція командовала на Средиземномъ морѣ и вся торговля Леванта была въ ея рукахъ; даже Остъ-Индія была до конца прошлаго столѣтія болѣе французскою, нежели англійскою.

Все это перемѣнилось къ XIX столѣтію. Швеція пришла къ ничтожеству, Польша испарилась, Турція, приниженная побѣдами Россіи, не смѣла и думать о вмѣшательствѣ въ европейскія дѣла, Англія захватила Остъ-Индію и, воспользовавшись потерею Франціи, во время революціи, военнаго и торговаго флота, забрала въ свои руки и восточную торговлю, и отчасти Средиземное море.

При такихъ условіяхъ Франція не могла оставаться долѣе естественнымъ врагомъ Россіи. Если между нами продолжалось соперничество, то по недоразумѣнію; или потому, что подъ вліяніемъ нѣмцевъ, мы не допускали Наполеона слишкомъ безцеремонно господствовать въ западной Европѣ, или потому, что, вообразивъ себя оплотомъ консерватизма, пытались уединить Францію Луи-Филиппа, представляя ее себѣ очагомъ всѣхъ революцій, за что французы мстили, прикармливая у себя бѣглыхъ поляковъ. Съ своей стороны французы, гордые своимъ единствомъ, не предусмотрительною политикою національностей, расшатывая направо и налѣво старыя государства, создали прямо или косвенно Италію и объединенную Германію, которая для нихъ оказалась опаснѣе, чѣмъ была величественная съ виду, но гнилая внутри священная Римская имперія.

Жомини, принявшій на себя въ полемикѣ съ г. Татищевымъ защиту князя Горчакова, коснулся случайно одного вопроса, который, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Именно онъ сообщилъ, что цѣль дипломатической кампаніи, затѣянной Англіей по поводу возстанія въ Польшѣ въ 1863 г., была «только разссорить Россію съ Франціей, сближеніе коихъ, послѣдовавшее за парижскимъ миромъ, внушало серьезныя опасенія Англіи». По его мнѣнію, «большинство и остальныхъ державъ, принявшихъ участіе въ означенной дипло-

матической кампаніи, руководствовалось тѣми же самыми соображеніями».

Сближеніе съ Франціей было, значитъ, выгодно для Россіи, если чуть не всѣ державы, да еще съ такимъ другомъ, какъ Англія во главѣ, поспѣшили насъ поскорѣе разлучить. Почему же князь Горчаковъ, которому принадлежала мысль объ этомъ сближеніи и которому удалось, благодаря послѣднему, отомстить Австріи за коварное поведеніе ея въ крымскую войну, содѣйствуя изгнанію австрійцевъ изъ Италіи,—почему не продолжалъ онъ своей политики? Почему съ 1863 года онъ сдѣлался только покорнымъ слугою Бисмарка и прямо и косвенно содѣйствовалъ планамъ великаго германскаго дипломата къ объединенію Германіи, къ изгнанію Австріи изъ германскаго союза,—гдѣ она мѣшала намъ менѣе чѣмъ на Востокѣ, и къ униженію Франціи? Конечно, Пруссія оказала намъ—отчасти и въ собственныхъ интересахъ—много услугъ въ польское возстаніе, но эти услуги не такого были сорта, чтобы изъ-за нихъ слѣдовало позабыть болѣе коренные интересы русской политики.

Вотъ эту-то забывчивость едва ли удалось оправдать Жомини. Могутъ сказать, что политику дѣлаетъ не министерство иностранныхъ дѣлъ, что существуетъ много и другихъ вліяній; это безспорно, но безспорно также, что нельзя восхищаться твердостью и мужествомъ государственнаго человѣка, который, имѣя одинъ планъ, затѣмъ безпрекословно пятнадцать лѣтъ подъ-рядъ занимается приведеніемъ въ исполненіе другого плана, прямо противуположнаго. Между тѣмъ, если когда выказалъ князь Горчаковъ свою проницательность, то именно въ желаніи установить, послѣ Парижскаго мира, болѣе тѣсныя политическія сношенія между Россіей и Франціей.

Послѣ 1870 года мысль о сближеніи еще чаще должна была приходить въ голову и русскимъ и французскимъ дипломатамъ, нежели послѣ 1856 года. Даже поляки, прекрасно отблагодарившіе во время коммуны французовъ за гостепріимство, перестали быть препятствіемъ. Однако мы не видѣли ничего подобнаго, и князь Горчаковъ въ такихъ стремленіяхъ неповиннѣе, чѣмъ кто либо. Франція оставалась изолированною, а отъ безсилія ея политики мы же и пострадали, такъ какъ это безсиліе позволило Англіи сдѣлать свои разбойничьи захваты Египта и Кипра.

Въ настоящее время, просвѣтленіе умовъ совершилось съ обѣихъ сторонъ. Оглядываясь вокругъ, мы невольно видимъ, что только на Францію, да на Соединенные Штаты (Штаты—естественный противникъ Англіи) можемъ мы разсчитывать въ будущихъ политическихъ комбинаціяхъ. Восточныя государства: Турція, Персія, Афганистанъ, даже Китай, обираемыя Англіей подъ видомъ союза и помощи, также могутъ быть намъ небезполезными. Во всякомъ случаѣ, эти страны тотъ «тылъ», о которомъ такъ много распростра-

нялся въ своихъ рѣчахъ противъ Россіи покойный графъ Андраши. Наша дипломатія должна въ этомъ смыслѣ и перевернуть фронтъ своей политики. Тонкое знаніе французскаго языка, которымъ наши дипломаты скрывали свои нѣмецкія имена и нѣмецкія мысли, можетъ быть имъ теперь очень полезно для сближенія съ Франціей.

Говоря о сближеніи съ послѣдней, мы вскользь коснулись одного весьма деликатнаго вопроса, а именно, что взамѣнъ военнаго содѣйствія Россіи мы какъ бы по праву стали ждать отъ Франціи содѣйствія финансоваго.

Въ прежнее время, какъ извѣстно, для насъ былъ открытъ голландскій и англійскій денежные рынки, но послѣдній уже въ 60-хъ годахъ для позаимствованій закрылся и вовсе не въ виду только соперничества Россіи и Англіи на Востокѣ. Еще въ 1868 году, послѣ неуспѣшныхъ переговоровъ Рейтерна о помѣщеніи русскаго займа на лондонской биржѣ, «Economist», крупный авторитетъ котораго въ англійскомъ денежномъ мірѣ неоспоримъ, писалъ: «Россія, какъ ни тяжело сказать это, имѣя въ виду ея постоянную финансовую честность по отношенію къ иностраннымъ займамъ, едва ли представляетъ для нашихъ капиталовъ вѣрную обезпеченность и безопасность перваго разряда. Причина того— происходящія въ ней преобразованія. Изъ бюрократіи, тяготѣвшей надъ массой крестьянъ, она становится націей какого-то другого типа, который трудно заранѣе опредѣлить. Никто не обладаетъ достаточными свѣдѣніями относительно новой преобразованной Россіи, а что характеръ, при которомъ она пользовалась кредитомъ, изгладился, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія».

Наше министерство вынуждено было обратиться тогда къ берлинской биржѣ, путь къ которой повидимому пробили покойные Дервизъ и Поляковъ помѣщеніемъ, хотя и на тяжелыхъ условіяхъ, своихъ желѣзнодорожныхъ бумагъ. До того же у насъ съ Берлиномъ были сношенія только по размѣщенію лотерейныхъ займовъ, крайне неудачный планъ которыхъ сочиненъ, какъ извѣстно, въ конторѣ Мендельсона, да по мелкимъ займамъ Царства Польскаго. Такъ какъ по стеченію благопріятныхъ для Германіи обстоятельствъ, берлинская биржа стала, въ 70-хъ годахъ, весьма важною, то помѣщеніе тамъ новыхъ русскихъ государственныхъ и общественныхъ займовъ никакого затрудненія не встрѣчало и нѣмцы набрали нашихъ бумагъ не менѣе, чѣмъ на два милліарда рублей, которыя и спускали, впрочемъ, въ Россію по мѣрѣ повышенія курса бумагъ. Пріобрѣтать нѣмцамъ наши цѣнности было тѣмъ легче, что по торговому балансу Россія, почти до послѣдняго времени, оставалась ежегодно должна Германіи огромныя суммы, почему вексельный курсъ былъ не въ нашу пользу и нѣмцамъ наши бумаги обходились дешевле, чѣмъ стоили въ дѣйствительности.

Находя подобную связь съ берлинскою биржею неудобною въ политическомъ отношеніи, министерство финансовъ пожелало подготовить финансовыя сношенія и съ другими рынками. Пришлось конечно обратиться въ Парижъ, хотя парижская биржа и въ моментъ своего апогея, т. е. въ концѣ второй имперіи, представляла весьма сомнительное помѣщеніе для русскихъ бумагъ. Извѣстно, что 4% заемъ, сдѣланный въ Парижѣ при посредствѣ Абазы, въ 1867 г. подъ залогъ Николаевской желѣзной дороги, несмотря на двойную гарантію (требовавшуюся до тѣхъ поръ только отъ Египта, Перу и т. п. государствъ, чѣмъ глубоко возмущался въ свое время Катковъ), одинъ изъ самыхъ невыгодныхъ для нашего правительства, а подъ вліяніемъ событій 1870 — 1871 гг. французы выпродали имѣвшійся у нихъ огромный запасъ (говорятъ до 7-ми милліардовъ франковъ) иностранныхъ бумагъ и въ томъ числѣ сбыли большинство русскихъ бумагъ.

Послѣ того французскіе капиталисты, какъ извѣстно, невѣжественные насчетъ всего того, что происходитъ заграницею, долго знать ничего не хотѣли кромѣ французскихъ рентъ и другихъ французскихъ солидныхъ бумагъ, а удовлетворить такую тенденцію тѣмъ было легче, что республика, не выходя изъ дефицита, то и дѣло, что прибѣгала къ помощи публичнаго кредита. Затѣмъ, хотя на парижской биржѣ возникли операціи съ сотнями бумагъ и въ ярлыкѣ парижской биржи котировалось безчисленное множество цѣнностей, но эти цѣнности были исключительно достояніемъ спекуляціи. Онѣ питали лишь ажіотажъ и на нихъ съ ничтожными капиталами совершались огромныя номинальныя сдѣлки исключительно съ цѣлью игры, да и эта игра сильно сократилась послѣ краха Бонту, и съ замѣтнымъ упадкомъ дѣлъ во Франціи. Русскіе фонды относительно солидные, колебанія которыхъ незначительны, кромѣ какъ при слухахъ о войнѣ, когда эти бумаги обыкновенно быстро падаютъ, а затѣмъ очень медленно подымаются, представляли весьма неудобный матеріалъ для игры въ томъ видѣ, какъ она велась на парижской биржѣ.

Не нужно забывать также, что вся биржевая игра въ Парижѣ въ рукахъ жидовъ, а эти жиды ровно ничѣмъ не отличаются отъ жидовъ, орудующихъ на берлинской биржѣ. Надобно думать даже, что, несмотря на ненависть, господствующую между Франціей и Германіей, и на то, что еврейскія газеты обѣихъ странъ подъ личиною патріотизма грызутся между собою, на дѣлѣ между семитами двухъ государствъ существуетъ трогательное единодушіе. Извѣстно, что кагалъ уступаетъ право «газака» и «меропійе», т. е. исключительную привилегію эксплоатировать христіанъ извѣстной мѣстности. Очень можетъ быть, что такая привилегія касательно Россіи была уступлена именно берлинскимъ евреямъ. Снять такое ограниченіе было не легко, а до снятія никогда парижская спекуляція на нашу сторону не перешла бы; надѣяться

же на прямое воздѣйствіе на карманы французскаго буржуа было невозможно. Тѣмъ не менѣе сближеніе и по этой части произошло. Я подробно описалъ его въ книгѣ «Les ministres de finances de la Russie».

Воспользовавшись общимъ пониженіемъ процентовъ по займамъ, стремленіемъ нѣмцевъ сбыть русскія бумаги, а французовъ—итальянскую ренту, наши министры финансовъ при помощи Ротшильдовъ, Banque de Paris et des Pays Bas и др. помѣстили во Франціи болѣе 5 милліардовъ франковъ бумагъ, представляющихъ по большей части конверсію займовъ, находившихся въ рукахъ нѣмцевъ и голландцевъ. Части этихъ милліардовъ помѣщены уже прочно въ дѣйствительныхъ сбереженіяхъ массы. Едва ли, однако, французскіе капиталисты руководствовались въ этомъ случаѣ какими-либо платоническими воззрѣніями или идеей союза. Ихъ привлекала ни болѣе ни менѣе какъ страсть къ легкой наживѣ на подъемѣ бумагъ, которая очень ловко подогрѣвается французскими финансистами. Парижъ давно сдѣлался первымъ всемірнымъ рынкомъ для спекуляцій съ бумагами. Государственные и частные дѣятели Франціи на этомъ поприщѣ: Фульды, Мани, Перейры, Миресы и др. создали изъ ажіотажа цѣлую науку. Поэтому нигдѣ не сумѣютъ выпустить такъ ловко займа, какъ во Франціи, и обставить его такими соблазнительными условіями. Французскій финансистъ похожъ въ этомъ случаѣ на французскаго повара, который и кошку приготовитъ вкуснѣе, нежели другой поваръ зайца.

Россія несомнѣнно выиграла, имѣя теперь для своего кредита двѣ биржи, вмѣсто одной берлинской, т. е. стоя на двухъ, а не на одной ногѣ. Французы также выиграли на курсѣ бумагъ и отъ замѣны цѣнностей сомнительныхъ—цѣнностями солидными. Но изобиліе русскихъ бумагъ представляетъ для нихъ и нѣкоторое неудобство. Во время войны они не найдутъ имъ легкаго сбыта и, продавая только у себя, естественно должны будутъ нести потери. Но это обстоятельство одинъ изъ факторовъ, почему Франція будетъ менѣе легкомысленно относиться къ вопросу о войнѣ.

Кромѣ финансовыхъ связей для насъ важны во Франціи связи торговыя и литературныя. Въ началѣ 60-хъ годовъ, подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда въ Европѣ идей свободной торговли, вѣрили въ великую пользу торговыхъ договоровъ, но уже десять лѣтъ спустя началась реакція и теперь въ чудодѣйственность торговыхъ трактатовъ мало кто вообще вѣритъ, большинство же государствъ находитъ ихъ скорѣе стѣснительными. Если трактаты сохраняются и заключаются новые, то потому, что интересы разныхъ промышленностей такъ перепутались, что является опасеніе, какъ бы, добиваясь лучшаго, не испортить того, что уже существуетъ. Нѣкоторыя государства, какъ Испанія и Ру-

мынія, дѣйствовали такъ, что сначала отказывались отъ всѣхъ трактатовъ, а потомъ приступали къ заключенію новыхъ, на другихъ началахъ. Гораздо практичнѣе поступали американцы, упорно отказывавшіеся ставить свой тарифъ въ договорныя отношенія, хотя и они подчасъ уступали.

Россія связала себя цѣлымъ рядомъ трактатовъ, польза которыхъ довольно сомнительна, но отказаться отъ которыхъ было бы рискованно. Первоначально это были трактаты о взаимствѣ и о предоставленіи права наиболѣе покровительствуемой націи, но въ послѣднее время въ трактатахъ стали помѣщаться конвенціонные таможенные тарифы въ виду общаго стремленія государствъ слѣдовать покровительственной системѣ. Въ такомъ смыслѣ заключенъ въ 1893 году торговый договоръ съ Франціей, замѣнившій договоръ 1874 года, заключенный вмѣсто бывшаго трактата 1857 года, отъ котораго русское правительство отказалось вслѣдствіе установленныхъ при Тьерѣ 30 іюня 1872 г. дифференціальныхъ пошлинъ въ пользу французскаго флага; къ трактату 1874 г. была приложена конвенція о взаимномъ положеніи и правахъ консуловъ въ обѣихъ странахъ, и конвенціи объ охраненіи и выдачѣ наслѣдствъ, остающихся послѣ умершихъ подданныхъ обѣихъ странъ. Два послѣдніе договора были очень полезны для Франціи, и ими-то Россія заплатила за отмѣну для ея издѣлій запретительнаго тарифа, давно, впрочемъ, обратившагося во Франціи въ тѣ декораціи, которыми китайцы пугали нападающую армію, такъ какъ никто не могъ помѣшать безпрепятственному провозу русскихъ издѣлій черезъ Германію или Англію. Независимо отъ уступокъ, спеціально сдѣланныхъ Франціи по положенію націи наиболѣе благопріятствуемой, она пользуется и всѣми уступками, сдѣланными по таможенному договору съ Германіей.

Болѣе интереса представляетъ вопросъ о новой литературной конвенціи, которой добиваются французы, хотя ни въ какой литературной конвенціи съ Франціей Россія не нуждается. Намъ очень пріятно, что французы прочли въ переводахъ романы Толстого и Достоевскаго и что военные хоры ихъ играютъ частенько «Боже, Царя храни»; отъ этого намъ ничего не убудетъ; ожидать же контрфакціи русскихъ книгъ во Франціи весьма трудно. Да если бы такая контрфакція и завелась, то, при нашихъ таможенныхъ и цензурныхъ условіяхъ, ей бы не прожить и двухъ мѣсяцевъ. Сбытъ же русскихъ книгъ внѣ предѣловъ Россіи совершенно ничтоженъ; тамъ обращаются только революціонныя изданія и то въ весьма скромныхъ сравнительно съ прежнимъ размѣрахъ.

Литературной конвенція желаютъ только французы. Для нихъ контрфакція можетъ быть дѣйствительно невыгодна, потому что французскія изданія внѣ Франціи продаются на милліоны рублей. Удовлетворить законнымъ требованіямъ на этотъ счетъ францу-

зовъ и имѣла цѣлью литературная конвенція 1861 г., сдѣлавшая невозможною перепечатку французскихъ изданій въ Россіи. Но французы не удовлетворились этимъ. Понятіе о литературной и артистической собственности чрезвычайно расширилось въ послѣднее время во Франціи къ выгодѣ спекуляціи. Фактъ, напримѣръ, что общество охраненія музыкальной собственности запрещало въ Парижѣ шарманкамъ играть французскія вещи безъ разрѣшенія! Подобныя ограниченія, безполезныя для авторовъ ученыхъ и серьезныхъ, чрезвычайно выгодны для авторовъ разной мерзости, пользующейся популярностью; они обезпечиваютъ авторамъ скабрезныхъ романовъ, гривуазныхъ шансонетокъ, неприличныхъ картинокъ огромные доходы. Какая нибудь пошлѣйшая: «En revenant de la revue» доставила автору сотню, если не болѣе, тысячъ франковъ.

Вотъ эту-то собственность и желали бы упрочить за собою французы. Пользуясь неяснымъ изложеніемъ конвенціи 1861 г., которая, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера дипломатовъ, можетъ быть толкуема четверояко, французы стали придираться и требовать вознагражденія за переводы, за исполненіе драматическихъ и даже музыкальныхъ пьесъ, толкуя слово воспроизведеніе (réproduction) не какъ перепечатку, а въ самомъ широкомъ смыслѣ, настолько широкомъ, что нельзя будто бы просвистать вальсъ изъ «Фауста», не заплативъ гонорара наслѣдникамъ Гуно. Навойливость французскаго адвоката Мишеля была причиною, что наше правительство, по просьбѣ издателей, отказалось отъ конвенціи 1861 г. Если бы наши дипломаты, вообще склонные слушать болѣе просьбы иностранныхъ, нежели своихъ подданныхъ, не вняли бы моленіямъ литературы и не разрушили бы трактата 1861 года, то французы все-таки ничего не выиграли бы. Наши смѣтливые издатели и журналисты вмѣсто платежа ограничились бы болѣе дешевымъ способомъ: писали бы только на оберткахъ: сочиненіе Виктора Гюго, переводъ съ норвежскаго перевода, или: сочиненіе Эмиля Зола, переводъ съ турецкаго перевода, и т. п., и никакіе агенты французскаго общества драматическихъ писателей не могли бы заставить ихъ платить тогда въ пользу французовъ незаконные поборы, потому что съ Турціей и Норвегіей трактатовъ у насъ не существуетъ насчетъ литературной собственности, доказать же происхожденіе перевода никакіе эксперты въ мірѣ не въ состояніи.

Засимъ, издавая свое сочиненіе въ свѣтъ, авторъ тѣмъ самымъ открываетъ каждому возможность пользоваться его мыслями, насколько онѣ проявились въ его твореніи. За авторомъ остается только право на ихъ внѣшнюю оболочку, на ихъ форму, и только ее онъ можетъ имущественно эксплоатировать. Переводъ есть лишь пользованіе мыслями оригинала, а не его формою, переводъ передаетъ содержаніе оригинала хотя въ той же системѣ и по-

слѣдовательности, въ какихъ оно изложено въ оригиналѣ, но совершенно инымъ языкомъ и иными литературными оборотами рѣчи, а потому переводъ отнюдь нельзя причислить къ механическому воспроизведенію чужого сочиненія—къ контрфакціи.

А если такъ, то переводчику нѣтъ никакой надобности испрашивать предварительнаго согласія автора оригинала на переводъ послѣдняго, и запрещеніе свободы перевода равносильно запрещенію одного изъ видовъ пользованія чужими мыслями. Хотя нѣкоторыя изъ положительныхъ законодательствъ сочли возможнымъ свободу перевода поставить въ извѣстныя рамки, но это, какъ справедливо объясняетъ г. Табачниковъ въ своей книгѣ: «Литературная собственность», происходитъ отъ невѣрнаго основного взгляда, что авторское право есть льгота, дарованная государствомъ авторамъ въ возмездіе за ихъ труды и въ поощреніе ихъ къ дальнѣйшимъ работамъ. Едва ли, однако, государство, оберегая, напр., за Бело права собственности на его неприличные романы, желало поощрить его къ дальнѣйшимъ трудамъ по той же части.

Со времени уничтоженія конвенціи прошло уже нѣсколько лѣтъ и мы рѣшительно не видимъ, въ чемъ интересы Франціи были нарушены. Хотя литературной конвенціи не существовало, но ни одной контрфакціи французскихъ изданій у насъ не появилось по весьма простой причинѣ, что французскія книги и ноты по дороговизнѣ бумаги, французскаго набора и корректуры въ Россіи обойдутся, конечно, несравненно дороже, чѣмъ во Франціи, Бельгіи и даже Германіи. Охранять контрфакцію для Франціи въ Россіи такъ же безполезно, какъ для Россіи брать привилегіи во Франціи на приготовленіе калачей, саекъ и лыковыхъ лаптей.

II. ГЕРМАНІЯ.

Слово пруссакъ—Preusse означаетъ по-литовски «лѣсной человѣкъ», то же самое, что орангъ-утангъ по-малайски. Таковъ былъ взглядъ на нѣмцевъ въ старину. «Уже въ первый разъ—говоритъ Байронъ—когда германцы появляются въ Италіи (во времена Марія), они представляются въ видѣ вооруженныхъ нищихъ, просящихъ земель и предлагающихъ взамѣнъ услуги своего оружія».

Теперь «какая съ Божіею милостью перемѣна»! Германія можетъ считаться первою на континентѣ Европы державою по образованію и богатству. Германская промышленность и торговля начинаютъ занимать господствующее положеніе на всемъ земномъ шарѣ и вытѣснять самыхъ могущественныхъ соперниковъ. Великобританія, уже полтора вѣка безспорно и безраздѣльно господство-

вавшая на міровомъ рынкѣ, отступаетъ передъ натискомъ младшей соперницы. Лордъ Розберри, въ одной рѣчи по поводу техническаго образованія, указалъ на угрожающее со стороны нѣмцевъ другимъ народамъ пораженіе въ экономической и технической областяхъ. Мнѣніе свое Розберри основалъ на книгѣ Вильямса «Made in Germany», появившейся въ Лондонѣ въ 1896 г. въ трехъ изданіяхъ.

Вильямсъ весьма обстоятельно съ цифрами въ рукахъ разобралъ вопросъ, какимъ образомъ Германія стала первоклассной промышленной страной? Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ она была земледѣльческой страной, промышленность ея была незначительна, промышленный капиталъ весьма ограниченъ, вывозная торговля до того незначительна, что даже не привлекала къ себѣ вниманія оффиціальной статистики; она ввозила въ большихъ размѣрахъ продукты чужихъ странъ для собственнаго своего потребленія. Нынѣ все это измѣнилось. Германская молодежь выросла въ англійскихъ домахъ, усвоила себѣ всѣ тайны англійской промышленности и обогатила ими свои фабрики и заводы. Германія воспитала своего рабочаго такимъ образомъ, что онъ во многихъ областяхъ промышленности сталъ выше, а въ большинствѣ случаевъ наравнѣ съ англійскимъ собратомъ. Нѣмецкіе капиталисты ведутъ умѣренный и простой образъ жизни, что имъ даетъ возможность обходиться безъ немедленнаго значительнаго барыша и накоплять капиталы. Усидчиво работая въ своихъ конторахъ, пріучая своихъ сыновей работать точно такъ же, они тщательно слѣдили за малѣйшими подробностями своего дѣла; они добились государственной помощи въ разныхъ видахъ. Населеніе Германіи возросло въ такой же пропорціи, въ какой оно увеличивалось въ 30 и 40 годахъ въ Англіи. Верфи Германіи строятъ суда, назначенныя для транспорта нѣмецкихъ товаровъ; ея агенты объѣзжаютъ всѣ страны, гдѣ только есть шансы устроить дѣло на какихъ бы то ни было условіяхъ, и предлагаютъ нѣмецкій товаръ даже съ убыткомъ, лишь бы завладѣть рынкомъ. Словомъ, гигантское торговое государство возникаетъ и угрожаетъ англійскому благосостоянію на поприщѣ всемірной торговли. Правда, этотъ порывъ къ промышленности не пользуется всеобщимъ сочувствіемъ въ странѣ и аграрная партія энергично указываетъ на ущербъ, нанесенный германскому земледѣлію новымъ направленіемъ, но этотъ протестъ до сихъ поръ никакого дѣйствія не имѣлъ, да и врядъ ли будетъ имѣть. Нельзя позабыть также и успѣхи въ торговой политикѣ нѣмецкой дипломатіи. Германія пріобрѣла обширныя колоніи, завела повсюду пароходство, заключила выгодные трактаты. Торговые договоры были даже характерной чертой управленія графа Каприви, въ отличіе отъ политики строгой таможенной охраны Бисмарка. Таможенный договоръ съ Россіей увѣнчалъ цѣлую серію таковыхъ и является самымъ важнымъ изъ нихъ.

Не потеряла времени Германія со времени своего объединенія и для успѣховъ въ другихъ отношеніяхъ. Диктатурою своею въ Эльзасъ-Лотарингіи германское правительство пользовалось весьма умѣренно и практично, не гоняясь за эффектными результатами и неосуществимыми утопіями, а преслѣдуя германизацію осторожно и послѣдовательно.

По-истинѣ можно сказать, что, въ интересахъ этой германизаціи, пруссаки въ одинъ годъ дѣлали въ Эльзасъ-Лотарингіи болѣе, чѣмъ другія государства во сто лѣтъ для объединенія своихъ окраинъ. Германизація не шла только административно-полицейскимъ путемъ — она втекала по всѣмъ жиламъ края: школа, судъ, армія, финансовое и торговое законодательство — все служило проводникомъ нѣмецкихъ идей. Вслѣдъ за присоединеніемъ, Эльзасъ-Лотарингія получила обязательное обученіе, всесословную военную повинность, общинную свободу, сокращеніе безполезной администраціи и излишней магистратуры, языкъ, понятный массѣ народа, университетъ, честное отношеніе къ финансамъ и значительныя облегченія въ промышленномъ и торговомъ законодательствѣ. Всѣ эти блага на столько серьезны, что заставили призадуматься многихъ эльзасскихъ патріотовъ и ослабили симпатіи къ Франціи, несомнѣнно существующія въ покоренной области; представители Эльзасъ-Лотарингіи, такъ называемая партія протеста, почти ничѣмъ не отличаются отъ клерикальной партіи.

Съ тою же послѣдовательностью германское правительство дѣйствовало и по отношенію къ своимъ польскимъ окраинамъ. Оно простерло свое усердіе до того, что принялось германизировать Ковенскую, Плоцкую, Калишскую и Волынскую губерніи, такъ что пришлось издать охранительный законъ 1887 года, ограничившій въ Россіи права иностранцевъ, дарованныя въ 1860 году.

Никогда, быть можетъ, предсказанія оракуловъ европейской періодической печати не получали такого сильнаго опроверженія, какъ въ вопросѣ о нравственныхъ послѣдствіяхъ франко-германской войны. Вслѣдствіе этой войны, въ значительной части публики сложилось убѣжденіе, что объединеніе Германіи подъ господствующимъ вліяніемъ Пруссіи положитъ начало полной реакціи, подобной той, какую испытала Европа въ печальныя эпохи 1815—30 и 1849—55 годовъ. Къ счастію для Европы, эти ожиданія не сбылись. Германія не воспользовалась плодами своей побѣды для того, чтобъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ. Не разъ ходили слухи о разныхъ таинственныхъ планахъ германскаго правительства относительно независимости Голландіи, австрійскихъ провинцій, населенныхъ нѣмцами, Царства Польскаго, прибалтійскаго края; даже Стамбулу, казалось, угрожали козни бисмарковой политики; однако, ничего серьезнаго въ дѣйствительности не случилось, и Германія болѣе всего была занята довершеніемъ своего объединенія и ревнивою охраною пріобрѣтеннаго. Правитель-

ство и рейхстагъ обращали по преимуществу вниманіе на вопросы законодательные, финансовые, административные, соціальные (страхованіе рабочихъ и пр.), на дополненіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе и улучшеніе арміи и пр., а образовавшаяся въ половинѣ 1871 года значительная анти-имперская партія центра, составленная изъ клерикальныхъ и особенно католическихъ элементовъ, еще болѣе сосредоточила интересъ на дѣлахъ внутреннихъ.

Князь Бисмаркъ, съ свойственною ему энергіей и послѣдовательностью, началъ безпощадную войну съ новой оппозиціей, поражая ее не только въ представительствѣ ея въ палатахъ, но и въ самыхъ рядахъ партіи, руководимой клерикалами. Изданные съ этою цѣлью въ 1872 — 74 годахъ извѣстные церковные законы дали прусскому правительству широкое право вмѣшательства въ дѣла католической церкви. Извѣстная ловкость канцлера имперіи встрѣтила, однако, достойную себѣ соперницу въ изворотливости прелатовъ католической церкви, дипломатическое искусство которыхъ давно испытано. Хотя за прусскимъ правительствомъ стояла въ этомъ случаѣ почти вся интеллигенція Германіи, но сломить клерикальную оппозицію не удалось.

Борьбаэта возбудила въ Европѣ самыя противуположныя чувства. Въ то время, когда въ религіозной Англіи составлялись митинги, съ участіемъ вліятельнѣйшихъ въ обществѣ лицъ, для заявленія сочувствія многотрудному дѣлу, задуманному княземъ Бисмаркомъ, во Франціи, хвалящейся своимъ свободомысліемъ, журналы всѣхъ партій, кромѣ радикальной, сошлись въ порицаніи прусскаго правительства.

Два элемента, создавшіе Германскую имперію—Пруссія и національная партія — враги католицизма. Пруссія болѣе нежели какое-либо другое государство—дочь протестантской религіи, которая возвысила ее изъ ничтожества; прусское понятіе о церкви, подчиненной государству во имя блага отечества, не вяжется съ католической идеей, что государство существуетъ только для могущества и славы церкви. «Лучше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ»—принципъ, рѣзко протоворѣчащій прусской дисциплинѣ. Не менѣе была враждебна католицизму, особенно ультрамонтанскому, національная партія, убѣжденная, что побѣдой надъ ультрамонтанствомъ новая имперія заслужитъ себѣ скорѣе всего почетный титулъ въ исторіи. Прошедшее Германіи убѣждаетъ несомнѣнно, что съ одиннадцатаго вѣка католицизмъ былъ злѣйшимъ врагомъ германскаго единства, поэтому борьба продолжается и до сихъ поръ. Не мимолетная антипатія, не капризъ кн. Бисмарка вооружилъ двѣ стороны на борьбу, но самая сила вещей, вопросъ о жизни и смерти, старый кличъ: Vita Caroli, mors Conradini. Не безъ вліянія на эту борьбу сказалось и образованіе партіи такъ называемыхъ «старо-католиковъ», вызванное особенностями германскаго католицизма. Во Франціи и въ другихъ католическихъ стра-

нахъ народъ переходитъ отъ вѣры къ безвѣрію, полагаясь только на слово своихъ учителей; въ Германіи грамотное населеніе знаетъ свои догматы и любитъ о нихъ спорить; въ средѣ германскаго духовенства не мало ученыхъ богослововъ, которые доходятъ до всего философскимъ путемъ и не признаютъ навязываемыхъ рѣшеній.

По мнѣнію противниковъ церковной политики Бисмарка, для успокоенія религіознаго волненія не было другого пути, кромѣ свободы, т. е. въ отстраненіи всякаго участія государства въ дѣлахъ церкви и въ отнесеніи послѣдней къ числу равноправныхъ съ другими философскихъ и религіозныхъ ученій. Католицизмъ же болѣе всего боится свободы, такъ какъ единство создалось и поддерживалось въ этой религіи цѣлые вѣка исключительно при помощи правительствъ. Предоставленный самому себѣ, католицизмъ непремѣнно распадется на враждующія между собою секты, которыя уравняютъ вліяніе одна другой. Преслѣдованіе производитъ, наоборотъ, то же дѣйствіе, что̀ и покровительство: оно сближаетъ для борьбы отдѣльныхъ членовъ церкви и заставляетъ ихъ забывать, передъ общимъ врагомъ, мелкія несогласія. Опаснѣйшая сторона католицизма—это его централизація, его почти военное устройство; этою организаціей католицизмъ легко побѣждаетъ другія ученія, болѣе слабо устроенныя; но когда въ разныхъ государствахъ каждый будетъ имѣть право свободно оставлять католическую вѣру, жить гражданской жизнью внѣ церкви, обсуждать ея догматы и правила, тогда католическая церковь будетъ болѣе безопасна для государства. Современныя государства такъ велики и сложены изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ, что добиваться религіознаго единства теперь чистая утопія; поэтому лучше всего предоставить въ этомъ отношеніи побольше свободы, ибо нѣтъ сомнѣнія, что любимѣйшее для гражданъ отечество то, гдѣ они подвергаются наименьшимъ стѣсненіямъ.

Аргументація эта, вѣрная въ своихъ основаніяхъ, не можетъ быть принята безусловно. Конечно, свобода — благо первой необходимости, но самая цѣль учрежденія государства состоитъ уже въ отстраненіи тѣхъ ея проявленій, которыя вредны для отдѣльныхъ гражданъ; а къ числу такихъ проявленій, безъ сомнѣнія, относится и пропаганда религіознаго ученія, основанная не на философскихъ доводахъ, а на дѣйствіи организованной арміи проповѣдниковъ, располагающихъ огромными капиталами и связями, не соединенныхъ со страною семейными узами, получающихъ приказаніе изъ чужого государства и считающихъ себя независимымъ государствомъ въ государствѣ, простирающихъ свои притязанія даже до того, что считаютъ свои интересы выше государственныхъ. Государство имѣетъ въ этомъ случаѣ право защиты и не можетъ оставаться равнодушнымъ, какъ не можетъ не призвать

своихъ гражданъ къ оружію, когда врагъ подходитъ къ границамъ. Такъ поняло свое дѣло прусское правительство. Оно вовсе не руководствовалось догматическими соображеніями; можетъ быть, оно сдѣлало много серіозныхъ промаховъ, которые слѣдовало исправить,—что и сдѣлано въ 1887 г., но въ общемъ оно вѣрно рѣшило, что нельзя оставлять государство безоружнымъ, или вооруженнымъ только административнымъ произволомъ, противъ ученія, разрушительнаго для единства имперіи и такъ тѣсно соединившаго политику съ догматикой, что неизвѣстно, гдѣ кончается одна и начинается другая.

Другимъ врагомъ новой имперіи явился соціализмъ, который въ Германіи жидовскаго происхожденія (Марксъ и Лассаль). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ будущемъ Германская имперія должна болѣе бояться волненія своихъ подданныхъ соціалистовъ, не признающихъ отечества, чѣмъ столкновенія съ иностранными державами.

Національность, по мнѣнію нѣмецкихъ соціалистовъ, повсюду разлагается, въ средѣ народовъ образуется общество космополитическое и международное по своимъ интересамъ и тенденціямъ. Фабрикантъ и купецъ, спекулирующіе на всемірномъ рынкѣ и въ международной торговлѣ; капиталистъ, помѣщающій свои деньги въ иностранные фонды только чтобы имѣть крупный доходъ, хотя бы отъ предпріятій, вредныхъ для его собственнаго отечества; рабочій-эмигрантъ, которому все равно гдѣ зарабатывать кусокъ хлѣба и который мало интересуется славою отечества, не обезпечивающаго его существованія; артистъ и ученый, которые работаютъ для успѣховъ цивилизаціи вообще и заботятся о человѣчествѣ вообще,—всѣ эти столь различные классы современнаго общества имѣютъ въ равной степени международныя стремленія, выходящія за границы извѣстной національности.

Особые успѣхи соціализмъ сталъ дѣлать въ Германіи со времени слiянія на конгрессѣ въ Готѣ въ 1875 г. всѣхъ соціалистическихъ партій; идеи Карла Маркса были взяты тамъ за основаніе и съ тѣхъ поръ эти успѣхи не прекращались. Число соціалистическихъ ассоціацій считается тысячами, онѣ ежегодно увеличиваются сотнями, какъ грибы растутъ и соціалистическія газеты. Но что важнѣе всего—это успѣхъ соціалистовъ въ рейхстагѣ, поощряемый установленною для выборовъ въ эту палату всеобщею подачею голосовъ. Бисмаркъ думалъ въ этомъ способѣ выборовъ найти орудіе противъ партикуляризма, но лекарство оказалось хуже болѣзни. Каждые выборы соціалистическая партія, руководимая Бебелемъ, Либкнехтомъ и Зингеромъ, все усиливалась, а по числу избирателей она давно уже представляется наиболѣе многочисленною. Бисмаркъ пробовалъ было затормозить и это движеніе, какъ хотѣлъ ограничить укрѣпленіе католицизма, но одинаково безуспѣшно. Примѣру его пытался слѣдовать и императоръ Вильгельмъ II, но отказался отъ своихъ попытокъ и соціализму предоставлена

теперь извѣстная свобода, подъ условіемъ не дѣйствовать революціонными средствами.

Несмотря на католиковъ и соціалъ-демократовъ, Германія занимала все время весьма внушительное положеніе, какъ благодаря успѣхамъ своей культуры, такъ и постоянно продолжающимися вооруженіями. Необходимость этихъ вооруженій лучше всѣхъ формулировалъ въ своихъ рѣчахъ въ рейхстагѣ покойный графа Мольтке, возражая ораторамъ «свободномыслящей партіи» Рихтеру, Вирхову и другимъ.

Ссылаясь на извѣстныя сочиненія Камиля Руссэ и Банкрофта, онъ доказывалъ дороговизну и негодность народныхъ ополченій, испытанную въ Америкѣ и во Франціи, а примѣромъ Коммуны подтверждалъ опасность вооружать во время войны народныя массы. Эти два примѣра убѣждаютъ, что необходима извѣстная продолжительность пребыванія въ рядахъ арміи, чтобъ выработать настоящаго солдата. Признавая невозможность обезпечить существованіе государства безъ постоянной арміи изъ опытныхъ солдатъ, Мольтке находилъ, что армія эта должна стоять въ уровень съ политическими потребностями. При этомъ онъ повторялъ два избитыхъ афоризма. «Первая потребность государства»—говоритъ онъ — «обезпечить свое существованіе извнѣ; оставляя страну беззащитною, правительство совершаетъ величайшее преступленіе».—«Чтобъ заставить другихъ уважать миръ—необходимо быть готовымъ къ войнѣ».

Соглашаясь безусловно съ первою изъ этихъ истинъ, нельзя однако признать, что государство можетъ существовать, лишь располагая $1^1/_2$ милліонами штыковъ; въ такомъ случаѣ погибли бы всѣ страны, неимѣющія этой утѣшительной цифры. Исторія говоритъ противное. О международной гарантіи и нейтрализованныхъ государствахъ не было прежде и помину, однако мы видимъ, что небольшія государства: Голландія, Португалія, Швейцарія, Данія, Швеція и др., просуществовали цѣлые вѣка, вовсе не располагая милліонами солдатъ. Хотя графъ Мольтке и презиралъ волонтеровъ, но не могъ отрицать, что когда дѣйствительно представлялись случаи дерзкаго покушенія на независимость какого бы то ни было государства, напримѣръ, Испаніи при Наполеонѣ I, или Мексики при Наполеонѣ III, то и регулярная армія ничего не могла сдѣлать противъ дѣйствительно народной войны.

Второй афоризмъ графа Мольтке прямо принадлежитъ къ числу опаснѣйшихъ заблужденій нашего времени. Знаменитая латинская поговорка—si vis pacem, para bellum—пришлась необыкновенно по душѣ современнымъ государственнымъ людямъ, но какіе доводы приводятся въ ея защиту! Мольтке, напримѣръ, доказывалъ, что Германіи необходимо имѣть огромную армію, потому что ей никто не довѣряетъ. Но, казалось бы, легче пріобрѣсти довѣріе, котораго недостаетъ, по словамъ Мольтке, нежели

увеличивать армію. Для послѣдняго странно было ссылаться на вооруженія Бельгіи, Голландіи, Даніи и даже Англіи; государства эти вооружались вовсе не противъ Германіи, а въ защиту отъ послѣдней. Вооруженія ихъ не прекратятся, а только усилятся, если Германія будетъ оставаться на военномъ положеніи. Не болѣе убѣдительны примѣры Австріи и Россіи. Если Мольтке говорилъ, что государства эти, хотя и понапрасну, опасаются потери своихъ полунѣмецкихъ провинцій, то вооруженія съ ихъ стороны очень понятны; но почему эти опасенія, даже крайне преувеличенныя, могутъ быть причиной для усиленныхъ вооруженій Германіи?

Остается, слѣдовательно, одна Франція. Отторженіе богатыхъ областей возбудило въ ней ненависть къ нѣмцамъ, которая не утихнетъ и въ полвѣка, и оттого понятно, что Германія имѣетъ основаніе опасаться замысловъ съ этой стороны. Но, присматривая за своимъ сосѣдомъ, готовность котораго къ наступательной войнѣ будетъ еще долгое время проблематическою, Германія не должна, однако, изъ каждой военной реформы во Франціи дѣлать предлогъ для новыхъ вооруженій. При подобныхъ условіяхъ европейскій миръ не мыслимъ. Быть готовымъ къ войнѣ не значитъ еще жить въ лагерѣ. А безпрерывныя преобразованія въ германской арміи за послѣднія двадцать пять лѣтъ и постоянныя притворныя опасенія за свою государственную независимость, которой никто серіозно не угрожаетъ, не могутъ не возбуждать въ Европѣ справедливаго недовѣрія. Первое условіе для водворенія спокойствія заключается въ томъ, чтобъ Германія не вздумала, по завѣту Мольтке, «заставлять другихъ поддерживать миръ». Гораздо лучшимъ средствомъ къ тому представляется взаимное сближеніе между государствами; тогда сдѣлается излишнимъ брать на себя роль полицейскаго агента, успокаивающаго Европу. Роль эта была уже дважды въ нашемъ вѣкѣ разыграна въ Европѣ, но съ успѣхомъ весьма сомнительнымъ...

Многіе полагаютъ, что политика вооруженнаго нейтралитета, въ которую вовлечены всѣ государства вооруженіями Германіи, въ экономическомъ отношеніи обходится гораздо дешевле войны и въ то же время можетъ безъ большого риска принести результаты столь же плодотворные, какъ и успѣшныя военныя дѣйствія. Для опроверженія этого полезнѣе всего обратиться къ исторіи государства, которое чаще другихъ видѣло въ вооруженномъ нейтралитетѣ средство болѣе выгодное, чѣмъ открытая война. Я говорю объ Австріи.

Цифры, приведенныя графомъ Мюлиненомъ въ его сочиненіи о финансахъ Австріи, очень поучительны; онѣ ясно доказываютъ, что вооруженный нейтралитетъ стоилъ Австріи съ виду не многимъ дешевле, а въ сущности гораздо дороже войны, не принося никакихъ очевидныхъ результатовъ и дѣйствуя чрезвычайно разорительно на торговлю и народное благосостояніе. Многіе факты ука-

зываютъ даже, что война составляетъ явленіе менѣе гнетущее благосостояніе населенія, чѣмъ такъ называемый вооруженный нейтралитетъ.

Кажущаяся парадоксальность подобнаго воззрѣнія можетъ быть, однако, объяснена безъ особаго труда. Въ дѣлахъ самое важное ясность положенія. Потери, когда размѣръ ихъ опредѣленъ, не страшатъ предпріимчивыхъ людей, развѣ рѣчь идетъ о полномъ разореніи, — предположеніе для большой страны немыслимое. Губитъ предпріимчивость неопредѣленность и неизвѣстность, при которыхъ нельзя вовсе предугадать будущее, сдѣлать какой-либо основательный разсчетъ и потому рисковано браться за всякое дѣло, какъ бы оно ни казалось просто и выгодно. Въ этомъ смыслѣ война, гдѣ потери болѣе или менѣе выясняются, гораздо менѣе опасна, чѣмъ ожиданіе войны. Затѣмъ мобилизація требуетъ почти всѣхъ расходовъ войны (даже тѣхъ же потерь въ людяхъ отъ болѣзней), не давая взамѣнъ никакихъ выгодъ послѣдней.

А выгоды эти прежде всего нравственныя. Всеобщее одушевленіе и энергія, естественно связанныя съ войною въ здоровомъ обществѣ, имѣютъ не малый вѣсъ также и въ экономическомъ отношеніи. Затѣмъ война, хотя, конечно, нѣсколько лихорадочно, даетъ всегда могущественный толчокъ внутренней промышленности страны, а это, въ свою очередь, отражается на общемъ благосостояніи населенія.

Громадныя полчища, содержимыя Германіей и заставляющія всю Европу обращаться въ большой лагерь, показались еще недостаточными германскому правительству и оно, какъ бы не раздѣляя афоризма своего знаменитаго канцлера, что «нѣмцы кромѣ Бога никого не боятся», искало союзниковъ. До послѣдней восточной войны, такимъ довольно угодливымъ союзникомъ была Россія, но когда послѣдняя, справедливо или нѣтъ другой вопросъ, осталась недовольной поведеніемъ «честнаго маклера» на Берлинскомъ конгрессѣ и выказала нѣкоторую независимость, Бисмаркъ, вопреки желанію престарѣлаго своего государя, поторопился заключить тайный союзъ съ Австро-Венгріей.

Какъ люди, не имѣющіе средствъ пить кофе, довольствуются цикоріемъ, такъ и Бисмаркъ, не имѣя возможности залучить въ тройственный союзъ Россію, удовольствовался затѣмъ въ 1882 г. привлеченіемъ Италіи, которая, впрочемъ, и безъ того, начиная съ 1866 года, шла съ Германіей рука объ руку почти во всѣхъ политическихъ вопросахъ.

Наша дипломатія, конечно, смутилась при мысли, что русская политика сдѣлается вдругъ самостоятельною и должна будетъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ послѣ того, какъ мы съ 1814 по 1853 годъ находились подъ австрійскимъ вліяніемъ, съ 1856 по 1863 годъ—подъ французскимъ, а начиная съ 1863 года—подъ прусскимъ. Семидесятилѣтнее вожденіе на помочахъ дѣйствительно

олжно было нѣсколько отучить Россію отъ свободныхъ движеій. Правда, въ восточной политикѣ, особенно въ началѣ царствованія Николая Павловича, мы держались иногда очень независимо и шли наперекоръ всей Европѣ, а маленькими нѣмецкими дворами даже командовали, но послѣ подобныхъ случайыхъ эскападъ быстро смирялись и моменты нашего величайшаго оржества были обыкновенно моментами нашего величайшаго разчарованія. Плоды блестящихъ дипломатическихъ и военныхъ обѣдъ какъ-то мгновенно таяли въ нашихъ рукахъ. Достаточно спомнить обстоятельства, слѣдовавшія за заключеніями выгодныхъ для насъ договоровъ-аккерманскаго, адріанопольскаго, константинопольскаго (ункіаръ-искелесскаго) и санъ-стефанскаго.

Робѣть намъ между тѣмъ и тогда было нечего, а теперь и подавно. Не касаясь еще существа новой, противъ насъ направленой комбинаціи державъ, безопасность нашего уединеннаго положенія доказывалась примѣромъ Англіи. Это «своекорыстное», какъ юбятъ выражаться дипломаты, государство исконнымъ правиломъ воей внѣшней политики поставило—не вступать ни въ какія обязательства на долгій или неопредѣленный срокъ, въ виду неизвѣстыхъ случайностей будущаго. Никогда не искало оно случая убѣить, что его интересы тожественны съ интересами другихъ державъ, и не желало путемъ призрачнаго уравновѣшенія обоюдныхъ нтересовъ и взаимныхъ уступокъ придти къ соглашенію и къ мирому и полюбовному разрѣшенію серьезныхъ вопросовъ. Подобную олитику Англія считала дипломатической метафизикой; министры я безъ церемоніи подсмѣивались надъ послѣднею въ депешахъ; ни безъ церемоніи ставили англійскіе интересы, т. е. барыши, на ервый планъ и для осуществленія своихъ цѣлей пользовались аждымъ средствомъ, не брезгая входить въ соглашенія даже съ стественными противниками Англіи. Такъ нѣсколько разъ морочили они и насъ, дѣлая, напримѣръ, въ греческомъ и египетскомъ опросахъ, Россію орудіемъ своихъ замысловъ.

Пріемы англичанъ весьма просты. Разъ ихъ министры убѣждены, что замѣшаны дѣйствительно англійскіе интересы, они не оятся отвѣтственности. Имъ показалось, напримѣръ, что Россія желаетъ распространить свое вліяніе на Корею, а можетъ быть и занять акой-либо клочокъ корейскаго берега, для Кореи ничтожный, а для нашего флота въ Тихомъ океанѣ очень важный. Дипломаты ругихъ странъ стали бы сейчасъ разводить безконечную переписку, рыться въ старыхъ трактатахъ, искать прецедентовъ, интриговать и т. д. Англичане поступили короче—пошли и взяли отличый кусокъ корейской территоріи. Тутъ роли перемѣнились. Чтоы выжить англичанъ, пришлось и признать протекторатъ Китая адъ Кореей и давать обязательство уже не Кореѣ, но Китаю и акъ бы Англіи, что никто не покусится на корейскую территорію. нгличане ушли, но въ сущности ихъ ретирада была дипломати-

ческою побѣдою, ибо они добились, по крайней мѣрѣ на время, того, что имъ было нужно. Представимъ себѣ, что Россія перемѣнилась ролями съ Англіей и заняла бы ранѣе какой-либо островъ около Кореи или еще лучше бухту близъ Краснаго моря. По всей вѣроятности, тогда англичанамъ пришлось бы вести переговоры и для того, чтобы сбить насъ съ занятой позиціи, дѣлать уступки и давать обѣщанія.

Если Англія доказала, что уединеніе въ иностранной политикѣ вовсе не опасно, то и Франція, которая до кронштадтскаго посѣщенія оставалась совершенно уединенной, даже еще подъ угрозою подвергнуться каждый день новому германскому нашествію, немного проиграла отъ подобнаго уединенія. По крайней мѣрѣ, оно не помѣшало ей пріобрѣсти лакомый кусокъ на Средиземномъ морѣ, въ видѣ Туниса, и распространить свой протекторатъ на Индо-Китай и Мадагаскаръ. Правда, Франція дала себя вытѣснить изъ Египта, но въ этомъ случаѣ вина была ея собственныхъ государственныхъ людей, которые позволили англичанамъ по отношенію къ Египту разыграть en grand ту же комедію, которую они разыграли съ нами en petit относительно порта Гамильтона.

Если уединеніе—допуская, что мы не захотѣли бы искать себѣ союзника во Франціи—не уменьшало нашей силы, то союзъ трехъ державъ, весьма внушительный по итогу солдатъ, которыхъ эти державы въ состояніи выставить въ поле, и по занимаемому имъ центральному положенію въ Европѣ отъ Шлезвига до Сициліи, т. е. приблизительно въ предѣлахъ имперіи Гогенштауфеновъ, не долженъ былъ вызвать слишкомъ большой тревоги. Союзы важны и опасны, когда они преслѣдуютъ реальные интересы и направлены къ ясной, строго опредѣленной цѣли. Такъ соглашеніе, устроенное Фридрихомъ Великимъ, насчетъ раздѣла Польши, надолго измѣнило систему европейскаго равновѣсія; между тѣмъ Священный союзъ, громкій съ виду, ограничился тѣмъ, что былъ пугаломъ либеральной оппозиціи въ мелкимъ державахъ, не помѣшавъ, однако, ни іюльской революціи, ни отпаденію испанскихъ колоній, ни возстановленію Греціи, ни отдѣленію Бельгіи отъ Голландіи, ни признанію полной автономіи Норвегіи.

Союзъ между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей можетъ быть только временной комбинаціей, ибо одна изъ державъ непремѣнно будетъ проведена въ этомъ союзѣ. Прежде всего пострадала Италія, разорившаяся на вооруженія, чтобы играть приличную роль въ союзѣ. Затѣмъ надобно думать, что dupe будетъ и Австро-Венгрія, хотя союзъ по наружному виду въ ея пользу главнымъ образомъ и направленъ, какъ бы развязывая ей руки въ восточной политикѣ. Но въ то время, когда Австро-Венгрія жадными очами смотритъ на Адріатическое побережье и Салоники мечтаетъ уловить въ свои сѣти маленькія балканскія государства, раздувая въ ихъ интеллигенціи скверное чувство неблагодарности,—одинаково

сильное и въ цѣлыхъ народахъ, какъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ,— на ея окраины также поглядываютъ, аппетитно облизывая губы, нѣмцы и итальянцы.

Не можетъ быть тайною, что Австро-Венгрія вступила уже на тотъ путь, въ которомъ находилась Рѣчь Посполитая въ началѣ прошлаго столѣтія, а Турція съ начала нынѣшняго. По наружности еще все обстоитъ благополучно, но невѣдомая сила, которая ничѣмъ остановлена быть не можетъ, разъѣдаетъ цементъ, связывающій это искусственно созданное съ такими усиліями и съ такимъ дьявольскимъ умѣніемъ государство. Сколько угодно мадьярскіе политики могутъ утверждать, что Австро-Венгрія усилилась потому, что Франція выгнала ее изъ Италіи, а Пруссія изъ Германіи, но общее сознаніе самихъ народовъ придунайской монархіи говоритъ другое.

Для такого государства, какъ для больного организма, опаснѣе всего сильныя движенія и эмоціи. Союзъ съ двумя свѣжими организмами непремѣнно гибельно отзовется на дальнѣйшемъ его существованіи. Это все равно какъ бракъ старой, снаружи подкрашенной кокетки съ молодымъ и полнымъ силъ юношею. Послѣ нѣсколькихъ дней притворныхъ восторговъ, начинается быстрое истощеніе и умираніе организма. Политическіе браки разводятся гораздо скорѣе и проще нежели гражданскіе, поэтому и въ сочетаніи двухъ честолюбивыхъ державъ съ третьею, только ищущею средствъ спокойно дожить свой вѣкъ, трудно узрѣть какую-либо опасность. Это скорѣе источникъ слабости, нежели силы. Говорятъ, что въ 1866 г. на увѣщанія знаменитаго епископа Штросмайера опереться не на мадьяръ, а на славянъ, императоръ Францъ-Іосифъ отвѣчалъ съ досадою, что онъ «скорѣе будетъ часовымъ у палатки прусскаго короля, нежели славянскимъ императоромъ». Коварная и беззастѣнчивая политика князя Бисмарка имѣла въ виду соединить обѣ эти роли. Но такая комбинація несостоятельна. Если оказалось невозможнымъ имѣть двухъ германскихъ императоровъ, сѣвернаго и южнаго, то и славянскій императоръ можетъ быть только одинъ.

Не всѣ однако посмотрѣли на союзъ такъ хладнокровно. Какъ только тайна раскрылась, мысль о возможномъ столкновеніи Россіи съ Германіей неоднократно возникала, отношенія двухъ державъ стали натянутыми, несмотря на существованіе какого-то тайнаго соглашенія, окончательно прекратившагося лишь въ 1890 году*).

*) На существованіе этого соглашенія намекаетъ князь Бисмаркъ, но и германское и австро-венгерское правительство опровергаютъ его. Г. Татищевъ находитъ, что договоръ этотъ не можетъ относиться къ 1884 году, а развѣ къ концу 1879 г. или къ началу 1880 года. Совершенно невѣроятно, по мнѣнію г. Татищева, чтобы заключенъ онъ былъ въ 1884 году, одновременно съ договоромъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Скерневицкаго, который подписали между собою три императорскіе двора, срокомъ на три года. Этотъ послѣдній трактатъ истекалъ въ 1887 году— и не былъ возобновленъ по волѣ Императора Александра III. Этого обстоятель-

Покойный Скобелевъ, какъ enfant terrible, прямо заявилъ даже въ Парижѣ, что война наша съ Германіей неизбѣжна.

Это заявленіе произвело страшный переполохъ, хотя въ рѣчи храбраго генерала не было ничего, кромѣ частнаго выраженія патріотическихъ воззрѣній. Нашелся государственный человѣкъ, который заговорилъ объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ не языкомъ Лориныхъ, а съ военною прямотою откровенно и рѣзко изложилъ свои мысли, желанія, а можетъ быть и мечтанія. Скажи то же самое американецъ, англичанинъ, даже нѣмецъ, слова ихъ были бы поняты въ настоящемъ смыслѣ, но за русскими никакъ не хотятъ до сихъ поръ въ Европѣ признать права «смѣть свое сужденіе имѣть» и не допускаютъ возможности говорить—наоборотъ того какъ польскій генералъ въ «Rabagas»—на другихъ языкахъ, кромѣ рабскаго. Поэтому, разъ Скобелевъ не былъ свезенъ на телѣжкѣ dans les steppes glaciales de la Sibérie, иностранныя газеты видѣли въ немъ agent provocateur, подосланнаго русскимъ правительствомъ, и забили въ набатъ, предсказывая близкую войну.

Но ради чего стала бы воевать Россія? Она скорѣе нуждалась въ мирѣ для упроченія своего экономическаго и финансоваго положенія, для поднятія курса кредитнаго рубля и для перенесенія тяжелаго кризиса, вызваннаго обезцѣненіемъ всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Миръ былъ только выгоденъ для громадной русской имперіи, которая увеличилась обширными пріобрѣтеніями въ Средней Азіи по границамъ Афганистана, искусно связываемыми желѣзными дорогами съ центромъ государства. Для чего же Россія стала бы рисковать такими блестящими результатами? Засимъ каждая война должна имѣть свою задачу. Она можетъ вызываться или непосредственными интересами, или обусловливаться ходомъ историческихъ событій, складомъ народной жизни, его вѣковыми тяготѣніями. Таковы были наши войны съ Турціей и послѣдняя изъ нихъ хотя не окончилась какъ быть можетъ было желательно, но все-таки привела къ извѣстной цѣли: Турція политически уничтожена; не начнется вѣроятно XX вѣкъ, и отъ могущества османлисовъ останется одно сладкое воспоминаніе въ Европѣ. Событіе это неизбѣжно, оно совершится само собою и торопить его для Россіи положительно нѣтъ разсчета. Это не значитъ, что мы должны сидѣть сложа руки и считать донъ-кихотствомъ заступничество за слабыхъ и угнетенныхъ, хотя бы угнетателями являлись высокоцивилизованные австро-венгерскіе чиновники; но сводится къ обдуманному и осторожному образу дѣйствій, такъ какъ распаденіе Турціи создастъ рядъ новыхъ политическихъ комбинацій, настолько запутанныхъ и опасныхъ, что русская политика должна приготовиться къ тому, чтобъ избрать для себя наиболѣе вѣрный путь.

ства достаточно, чтобы не вѣрить заключенію въ царствованіе того же государя союзнаго договора Россіи съ Пруссіей, хотя бы подъ названіемъ конвенціи о нейтралитетѣ

Австро-Венгрія находится въ положеніи, которое должно заставлять ее жаждать мира и теперь, и въ будущемъ. Мадьяры, ея няньки въ иностранной политикѣ, воинственные на словахъ, также имѣють не мало дѣла у себя дома. Вся австро-венгерская имперія представляетъ слабое сцѣпленіе частей, которыя развалятся при большомъ европейскомъ столкновеніи. Францъ-Іосифъ— государь опытный; но война никогда не удавалась ему. Въ каждую войну онъ терялъ провинціи, а новая большая война угрожаетъ еще бо̀льшими опасностями.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что распаденіе Турціи дастъ начало полной метаморфозѣ Австро-Венгерской монархіи. Рѣшеніе восточнаго вопроса изъ Константинополя перейдетъ въ Вѣну. Предвидѣть это событіе возможно, оцѣнить его послѣдствія и опредѣлить роль Россіи весьма затруднительно. Можно предполагать лишь одно, что во всѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергнется дунайская монархія, славянамъ выпадетъ первенствующая политическая роль, а если Россія станетъ впредь держаться опредѣленной народной политики, то, конечно, это славянское движеніе, сочувствіе къ которому на сосѣднемъ Балканскомъ полуостровѣ несомнѣнно, силою вещей выдвинетъ Россію на первый планъ въ Европѣ.

Но славянскій вопросъ далеко нельзя признать созрѣвшимъ. Это не вошедшій въ общее сознаніе вопросъ о невозможности дальнѣйшаго продолженія турецкаго владычества; славяне до сихъ поръ географическое понятіе; исторія ихъ страшно раздѣлила и перепутала со всѣми враждебными славянству и православію элементами. Дѣйствуя насильственно, можно достигнуть результатовъ прямо противоположныхъ желаемымъ и ожидаемымъ. Вѣдь, напр., берлинскій конгрессъ привелъ къ усиленію вліянія Австріи, т. е. нѣмцевъ, на Востокѣ; съ поляками нѣмцы хотя и не въ большой дружбѣ, но извѣстными уступками они могутъ сдѣлать своимъ орудіемъ это легковоспламеняющееся племя, чуждое политической прозорливости. Нападая на твердыни германства въ то время, когда въ славянскихъ народностяхъ нѣтъ сплоченной собственной политической силы и достаточно опредѣленнаго политическаго плана, можно, при неудачѣ и поспѣшности, испортить дѣло.

Остается меньшая изъ великихъ державъ, Италія, которая съ 1866 года идетъ въ хвостѣ Германіи и по всей вѣроятности не разорветъ союза съ послѣдней, такъ какъ союзъ этотъ основанъ на строгомъ пониманіи своихъ интересовъ. У Италіи два историческихъ врага: Францiя и Австрія, но, не имѣя силы вести политику наступательную, Италія гораздо болѣе выиграетъ ожидая событій, подъ прикрытіемъ германскаго могущества. Съ Франціей у Италіи отношенія изъ-за Туниса весьма обострились. Италія надѣется когда нибудь оторвать отъ Австріи нѣкоторыя пограничныя земли; часть этихъ земель, напримѣръ, южный Тироль, она

можетъ получить и при всякомъ исходѣ, гдѣ участь Австро-Вен герской монархіи будетъ поставлена на карту; другую же часть Истрію и Далматинское побережье, конечно не Россія предоставит Италіи, ибо это было бы измѣною общеславянскому дѣлу. Італі очень горячится на словахъ. Она снѣдается честолюбіемъ и жа ждетъ чего-то, чего—и сама не знаетъ; она, какъ юноши, кото рые никогда недовольны, потому что желанія ихъ неограниченн и безмѣрны, но въ сущности итальянцы народъ практическій Они пожелали сдѣлать Италію колоніальной державой; пока эт желанія мало удались, да если бы Италія и выиграла въ силѣ как держава колоніальная, то она на столько же потеряла бы какъ дер жава континентальная. Удовлетворить обѣимъ задачамъ одновре менно не по средствамъ Италіи. Есть еще причина, которая н дасть послѣдней сойти съ мирнаго пути, это ея финансовое по ложеніе; оно далеко не прочно. Это знаютъ итальянскіе госу дарственные люди и потому надобно думать, что они будутъ очен и очень осторожными.

Если Россія могла бы желать войны, то очевидно, что желані это должно быть направлено только противъ Австро-Венгріи. Соб ственно съ Германіей, олицетворяемой Пруссіей, у насъ не был серьезныхъ поводовъ для войны. Мы можемъ не любить нѣм цевъ, завидовать первенствующей роли ихъ правительства в Европѣ, быть недовольными двуличной политикой въ восточном вопросѣ, но подобныя шероховатости, обычныя между народам (ибо гдѣ же найдется два народа, любящіе непритворно друг друга?), не даютъ почвы для вооруженнаго столкновенія.

Война съ нѣмцами противна нашей исторіи, мало того; гер манское единство отчасти дѣло нашихъ рукъ. Россія всегда ока зывала помощь въ серьезныхъ случаяхъ Германіи. Семилѣтня война лишь эпизодъ нашей политики XVIII вѣка, нисколько н измѣняющій общаго правила. И въ настоящее время торжество Гер маніи съ 1866 года принесло намъ нѣкоторыя выгоды по отно шенію къ державѣ, которой мы постоянно оказывали услуги и ко торая первая породила раздраженіе между германскимъ и сла вянскимъ міромъ. Торжество Германіи ослабило Австро-Венгрік настолько, что послѣдняя не могла помѣшать успѣхамъ Россі въ турецкую войну. Во многихъ другихъ вопросахъ мы также н имѣли повода быть недовольными Германіей. Она помогла нам въ польскомъ вопросѣ; относительно прибалтійскаго вопроса Гер манія держалась постоянно чрезвычайно сдержанно, не позво ляя себѣ ни малѣйшаго сопоставленія прибалтійскаго вопроса с шлезвигъ-голштинскимъ. Агитація по этому поводу имѣла совер шенно частный характеръ, и твердой русской политикѣ по от ношенію къ эстамъ и латышамъ мѣшали не внѣшніе нѣмцы, а тѣ русскіе подданные, которые въ душѣ остаются иноплеменниками Конечно, каждый вопросъ можетъ сдѣлаться причиною войны, есл

мы во что бы то ни стало пожелаемъ послѣдней, но желать-то, ея, какъ я сказалъ выше, было бы безцѣльно. Оно было бы и не политично.

Не политично потому, что такая война, требуя громаднаго напряженія силъ отъ Россіи, только при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ могла бы сопровождаться успѣхомъ и то относительнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Австро-Венгрія, Италія и Германія дѣйствовали бы заодно. Германіи во всякомъ случаѣ было бы выгодно содѣйствіе Австро-Венгріи, такъ какъ и въ случаѣ проигрыша платить пришлось бы послѣдней.

Какъ бы мы высоко ни цѣнили свою армію и достоинства своихъ полководцевъ, но надобно вспомнить, что рѣчь идетъ не объ оборонительной войнѣ, въ которой я считаю Россію непобѣдимой, а о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ соединенныхъ силъ трехъ первоклассныхъ державъ, могущихъ выставить болѣе трехъ милліоновъ солдатъ. Противъ такой массы нельзя дѣйствовать безъ союзниковъ, а на кого можемъ мы разсчитывать, кромѣ горсти героевъ черногорцевъ?

Франція естественная союзница наша въ войнѣ съ Германіей. Увѣряютъ, что Франція такъ горитъ желаніемъ возвратить себѣ Эльзасъ-Лотарингію, что стоитъ какой нибудь державѣ обнажить мечъ противъ Германіи, чтобы Франція немедленно съ своей стороны ввязалась въ войну. Подобныя завѣренія основаны на буквальномъ толкованіи воинственныхъ возгласовъ нѣсколькихъ французскихъ газетъ, но едва ли, какъ я уже говорилъ, они соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей.

Французовъ я считаю болѣе мирными, чѣмъ бы даже слѣдовало—pacifiques presque à outrance, говоритъ о нихъ Леруа Болье. Франція показала свое миролюбіе въ послѣднее время и можно сказать, что ни одно правительство не будетъ прочно во Франціи, если оно не поставитъ мирной программы. Это не значитъ, что французы совсѣмъ обабились и не въ состояніи противустать вторженію непріятеля. Безъ хвастовства они могутъ сказать, что готовы къ войнѣ, болѣе чѣмъ когда либо, а военная репутація французовъ упрочена вѣками.

Но процессъ внутренняго устройства во Франціи, какъ мы видѣли, еще далеко не закончился; хотя республиканскій образъ правленія пускаетъ мало-по-малу корни во французскомъ обществѣ, но правительственные классы его на столько еще не сформировались, партіи такъ не прочны и не организованы, что когда Гамбетта, популярнѣйшій и вліятельнѣйшій человѣкъ въ странѣ, взялъ въ руки управленіе, то не продержался и трехъ мѣсяцевъ. При такой непрочности положенія, какое министерство во Франціи рѣшится на европейскую войну? Колоніальныя экспедиціи показали также, что, несмотря на громкія фразы, военная организація

не достигла во Франціи того совершенства, которое необходимо для счастливаго состязанія съ Германіей.

Эти препятствія, однако, не единственныя: Франція можетъ руководиться еще другими соображеніями.

Коалиціи, подобной той, которая существовала въ семилѣтнюю войну, ожидать теперь невозможно. При союзѣ же Германіи, Австро-Венгріи и Италіи съ одной стороны, и Россіи съ Франціей—съ другой, ничего для послѣдней утѣшительнаго ожидать нельзя, а скорѣе наоборотъ: чѣмъ торжество Россіи будетъ полнѣе, тѣмъ участь, подготовляющаяся Франціи въ будущемъ, печальнѣе. Дѣло въ томъ, что побѣда наша не можетъ подорвать силъ единой Германіи, она отразится главнымъ образомъ на Австро-Венгріи, которая будетъ расшатана, какъ расшатана теперь Турецкая имперія. Пораженіе Австро-Венгріи приведетъ къ тому, что враждебныя части имперіи, нѣмецкая, мадьярская и славянская, разслоятся и при новомъ толчкѣ распадутся. Тогда славянскія народности образуютъ федерацію подъ покровительствомъ Россіи, или рядъ отдѣльныхъ державъ—подобно нынѣшнимъ славянскимъ монархіямъ на Балканскомъ полуостровѣ—также въ кругѣ русскаго вліянія. Въ такомъ же точно положеніи очутятся 9 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ. Если они и образуютъ независимое государство, то очевидно политика его будетъ невольно тяготѣть къ Германіи, какъ политика слабыхъ славянскихъ державъ къ Россіи.

Что же выиграетъ тутъ Франція? Понятное дѣло — ничего. Если ей удастся вырвать у Германіи 1½ милліона своихъ эльзаскихъ нѣмцевъ, то за то она же сама будетъ содѣйствовать той же Германіи усилиться присоединеніемъ 9 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ. Съ такимъ приращеніемъ Германія займетъ еще болѣе грозное положеніе посреди Европы и, предоставляя Россіи извѣстную свободу на Востокѣ, безъ особаго затрудненія удовлетворитъ свой аппетитъ насчетъ Голландіи и фламандской части Бельгіи.

Какой же разсчетъ Франціи содѣйствовать подобнымъ комбинаціямъ? Политика ея, какъ понимали Талейранъ, Тьеръ, Прудонъ и другіе проницательные люди, должна главнымъ образомъ основываться на поддержаніи европейскаго равновѣсія; только при такой системѣ географическое положеніе Франціи и при ограниченномъ сравнительно населеніи дастъ ей еще извѣстную силу и вліяніе.

А кромѣ Франціи на кого можемъ разсчитывать мы въ случаѣ столкновенія съ Германіей, Италіей и Австро-Венгріей? Швеція и Румынія друзья Германіи. Сила Даніи совершенно ничтожна, а ея географическое положеніе таково, что ни Англія, ни Швеція не допустятъ тамъ никогда преобладанія Россіи. Голландія боится Германіи, но это мирная держава, воюющая только съ малайскими племенами и политически подчиненная Англіи. Бельгія, Швейцарія, Испанія, Португалія, Греція, Соединенные Штаты не

принимаютъ активнаго участія въ вопросахъ континентальной политики. Послѣдніе много-много если продадутъ намъ нѣсколько старыхъ кораблей для крейсерства, да тайно будутъ снабжать порохомъ и оружіемъ.

Ждать чего-либо отъ Турціи и Англіи мы не можемъ. Наступательный союзъ съ Россіей для Турціи едва ли возможенъ потому, что всѣ успѣхи Россіи, эмансипируя славянъ, въ концѣ концовъ обратятся противъ Турціи же. Англія съ своей точки зрѣнія также не можетъ желать скорѣйшаго распаденія Турціи, какъ Франція не можетъ стремиться къ распаденію Австро-Венгріи. Обладаніе Константинополемъ даетъ ключъ къ Египту, а безъ преобладанія въ Египтѣ и на Суэзскомъ каналѣ не можетъ продолжаться господство Англіи въ Остъ-Индіи, Австраліи и на дальнемъ Востокѣ.

Такимъ образомъ, никакого разсчета нарушать естественный ходъ историческихъ событій, подымать дунайскій вопросъ, не окончивши босфорскій, и воевать съ Германіей даже въ союзѣ съ Франціей, для насъ не существуетъ. Обстоятельства и безъ того складываются скорѣе въ нашу пользу.

«Все дается въ свое время тому, кто умѣетъ ждать» — вотъ девизъ, который должна избрать теперь Россія для своей внѣшней политики. Мы говоримъ объ умѣньи ждать, которое заключается въ томъ, между прочимъ, чтобъ болѣе сосредоточивать свое вниманіе и свои силы надъ разработкою внутреннихъ вопросовъ, надъ развитіемъ благосостоянія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Такая политика не означаетъ, какъ уже выше замѣтилъ, что мы должны оставаться спокойными зрителями, любуясь терзаніями славянскаго міра, какъ боемъ гладіаторовъ въ циркѣ, и выжидая исхода. Холодное безучастіе не въ нравахъ нашего сердечнаго народа, онъ ни на одну минуту не выдѣлитъ себя изъ общей славянской семьи: не для чего только вышибать силою дверь...

Къ сожалѣнію, не одни вооруженія и союзы противопоставили интересы Россіи и Германіи и создали антагонизмъ, которому конца не предвидится. Разрывъ произошелъ и на экономической почвѣ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что политическія и экономическія обстоятельства въ Россіи за послѣднія сорокъ лѣтъ чрезвычайно благопріятствовали германской торговлѣ и германскимъ капиталистамъ. До сооруженія желѣзныхъ дорогъ внѣшняя торговля наша производилась преимущественно моремъ, сухопутныя же сношенія были ничтожны; Англія играла тогда первенствующую роль; помѣщеніе иностраннымъ капиталовъ въ Россіи было незначительно и до 60-хъ годовъ пріобрѣтеніе иностранцами недвижимой собственности до крайности затруднялось. Все это существенно затѣмъ измѣнилось.

Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и направленію ихъ, германскіе порты стали выходомъ для богатѣйшихъ русскихъ областей,

Германія сдѣлалась путемъ огромнаго транзита между Россіею и Западною Европою. Тѣ же дороги и ихъ тарифы открыли сбытъ въ Россію произведеніямъ нѣмецкой промышленности. Дозволеніе покупать недвижимую собственность и обѣднѣніе польскаго дворянства, послѣ возстанія 1863 г., сосредоточили въ рукахъ нѣмцевъ множество земель на западной окраинѣ, а несообразность нашего таможеннаго тарифа, поддерживаемая финансистами изъ нѣмцевъ, поощрила постройку на этихъ земляхъ многочисленныхъ фабрикъ. Дешевизна капитала въ Германіи, при дороговизнѣ его въ Россіи, сдѣлала выгоднымъ пріобрѣтеніе нѣмцами русскихъ бумагъ, а особенно такихъ, которыя имѣли реальное обезпеченіе, какъ желѣзнодорожныя и земельныя; политическія обстоятельства, закрывавшія французскіе и англійскіе рынки для русскихъ фондовъ, также содѣйствовали помѣщенію русскихъ займовъ у нѣмцевъ. Словомъ, все шло въ руку нѣмцевъ и мало-по-малу петербургская биржа сдѣлалась лишь филіальнымъ отдѣленіемъ берлинской. Такимъ образомъ прочесть въ биржевой хроникѣ С.-Петербурга, что рубль сталъ дороже на копѣйку потому, что какому-нибудь прусскому чиновнику дали русскій орденъ, не только никого не шокировало, но казалось весьма естественнымъ. Явились люди, которые пресерьезно были убѣждены, что если бы всѣхъ берлинскихъ жидовъ пожаловать въ статскіе совѣтники, то это подняло бы нашъ рубль по крайней мѣрѣ на пять копѣекъ.

Одного, однако, никакъ не могли добиться нѣмцы среди своего торжества — это заключенія торговаго трактата. Наши дипломаты и финансисты смутно сознавали, что заключи мы въ придачу къ вышеописаннымъ явленіямъ торговый договоръ, то Россія, при существовавшей до 1877 года фритредерской системѣ, рѣшительно стала бы въ крѣпостную, экономическую зависимость отъ Германіи, заняла бы то положеніе, въ которомъ стояла Португалія по отношенію къ Англіи, благодаря извѣстному Метуанскому трактату 1703 года. Поэтому всѣ заявленія о договорѣ нѣмецкой дипломатіи оставались безъ дальнѣйшаго движенія и пресѣкались въ корнѣ. Эта твердость даже замѣчательна, въ виду того, что съ остальными державами торговые и навигаціонные трактаты заключались самымъ легкомысленнымъ образомъ, послѣ того, что какой-либо столоначальникъ департамента торговли и мануфактуръ писалъ, что препятствій съ точки зрѣнія русской торговли, промышленности и судоходства къ подписанію трактата нѣтъ. Образчикомъ подобнаго трактата былъ договоръ съ Румыніей.

Строго говоря, нѣмцамъ на трактатѣ и настаивать особенно было нечего: они и безъ него пользовались всѣми преимуществами, благодаря своему пограничному положенію, а также и тому обстоятельству, что въ Россіи нѣмецкая торговая колонія завела прочныя торговопромышленныя сношенія еще съ XVII столѣтія, а если вспомнить Ганзу, то и раньше.

Ухудшенію торговыхъ отношеній Германіи съ Россіей положили начало сами нѣмцы установленіемъ охраны для своего земледѣлія. Винить ихъ за это впрочемъ нечего, ибо если преувеличенный взглядъ физіократовъ на земледѣліе и невѣренъ, то замѣчаніе Сюлли, что земледѣліе и скотоводство — два сосца, питающіе государства—справедливо и охранять ихъ нужно.

Еще лѣтъ двадцать назадъ признавалось безспорною истиною въ политической экономіи, что съ возрастаніемъ населенія цѣнность жизненныхъ продуктовъ будетъ постоянно увеличиваться, а вмѣстѣ съ нею и поземельная рента, цѣнность же фабричныхъ продуктовъ постепенно понижаться. Сообразно съ этимъ и протекціонисты, считая положеніе сельскихъ хозяевъ вполнѣ обезпеченнымъ, участіе свое главнымъ образомъ обращали на фабрично-заводскую промышленность, тщательно оберегая ея первые шаги отъ конкурренціи иностранныхъ государствъ, успѣвшихъ уже долголѣтними усиліями развить свое производство. Листъ и Кери, которые десятки лѣтъ были оракулами протекціонистовъ, устанавливали даже родъ закона, по коему каждое издѣліе на столько нуждалось въ таможенной охранѣ, на сколько удалялось отъ сырого матеріала.

Огромные успѣхи, сдѣланные удешевленіемъ перевозокъ, когда доставка изъ Америки, Индіи, Австраліи въ какія-нибудь тридцать лѣтъ подешевѣла въ десять разъ, совершенно видоизмѣнили вышеозначенныя понятія, еще разъ доказавъ, что формулы политической экономіи, выведенныя изъ извѣстнаго временного хозяйственнаго и юридическаго строя вещей, вовсе не имѣютъ безусловнаго значенія. Теперь стало всѣмъ очевиднымъ, что, благодаря дешевизнѣ морской и желѣзнодорожной перевозки, можно доставить хлѣбъ изъ Остъ-Индіи или Сѣверной Америки въ середину Германіи или Франціи и продавать его тамъ гораздо дешевле, чѣмъ мѣстный хлѣбъ обходится производителямъ издержками производства; на долю же рентьера при такихъ условіяхъ ничего, конечно, не остается.

Подобный фактъ, представляющій цѣлую экономическую революцію, окончательно разрушилъ оптимистическую систему «экономическихъ гармоній» политико-экономистовъ старой школы. Прежде можно было фантазировать на тему, что одно государство будетъ преимущественно сбывать свое дешевое вино, а покупать у другого государства дешевый портеръ, или, производя часы, обмѣнивать ихъ на горчицу и т. д. Каждое государство могло отказаться отъ водворенія у себя выдѣлки часовъ, горчицы, портера и т. п. и оставаться по этимъ предметамъ данникомъ другого государства. Совсѣмъ иначе вопросъ представляется съ хлѣбомъ.

До сихъ поръ отъ половины до двухъ третей и болѣе населенія каждаго изъ европейскихъ государствъ, не исключая Англіи, занималось исключительно земледѣліемъ. Этотъ промыселъ не только

вошелъ въ нравы жителей, но и обусловилъ складъ государственной и общественной жизни, систему воспитанія, систему финансовъ, распредѣленіе налоговъ и т. п. Закрывши какую-нибудь локомотивную фабрику, можно пригласить ея рабочихъ обратиться къ другимъ занятіямъ, но такое приглашеніе — безуміе, разъ оно обращается къ земледѣльческому населенію Европы. Нельзя сотни милліоновъ людей оторвать отъ занятія, къ которому они приспособлялись вѣками, нельзя пожертвовать всѣмъ оборотнымъ капиталомъ, вложеннымъ въ земледѣліе: скотоводствомъ, лошадьми, сельско-хозяйственными постройками и машинами, нельзя обучить милліоны людей новымъ ремесламъ; да если бы все это и было возможно, то ничего не получилось бы, кромѣ ужаснѣйшаго кризиса и всеобщаго бѣдствія. Фабрики, удвоивъ сразу свою производительность, создали бы такую массу произведеній, которую покупать было бы некому, и нищенство распространилось бы по Европѣ съ ужаснѣйшею быстротою.

Такимъ образомъ, естественно создался вопросъ о необходимости уже для многихъ странъ, не имѣющихъ плодородной почвы или же обременившихъ свое земледѣліе черезчуръ тяжелыми налогами, ограждать свое сельское хозяйство помощью таможенной системы. Князь Бисмаркъ, со свойственными ему проницательностью и необыкновеннымъ здравомысліемъ, понялъ эту роковую необходимость ранѣе другихъ государственныхъ людей Европы и, несмотря на сопротивленіе парламента, установилъ таможенныя пошлины въ огражденіе германскаго земледѣлія. Пошлинъ этихъ, вслѣдствіе постояннаго удешевленія морскихъ фрахтовъ, оказалось скоро недостаточно и пошлины были повышаемы. Вслѣдъ за Германіей послѣдовали Франція, Италія, Швеція, Испанія и др. державы. Замѣчательно, что повышеніе пошлинъ не встрѣчало въ парламентѣ того ожесточеннаго сопротивленія, которое вызывало первоначальное ихъ установленіе. Только слѣпые и узколобые теоретики не видѣли необходимости измѣненій и протягивали руку депутатамъ отъ морскихъ портовъ, наживающихся отъ комиссіонной торговли иностраннымъ хлѣбомъ, и потому естественно несогласныхъ ни на какія тарифныя измѣненія. Вопли этихъ комиссіонеровъ нашли отголосокъ и въ Россіи.

Имѣя въ виду, что Германія покупала около пятой части вывозимой изъ Россіи пшеницы и половины вывозимой ржи, нельзя было считать повышеніе пошлинъ въ Германіи для Россіи индифферентнымъ; я думаю, однако, что опасенія большихъ убытковъ для русской торговли были крайне преувеличены. Для сельскаго хозяйства таможенная пошлина далеко не могла имѣть того значенія, какъ для промышленности. На фабрикахъ, подъ вліяніемъ пошлинъ, можно утроить и удесятерить по произволу производство, сельское хозяйство ограничено количествомъ пахатныхъ земель и ихъ плодородностью. Какъ бы пошлины на сельскохозяй-

ственные продукты велики ни были, увеличить посѣвы значительно Германія не могла. Самое большое, чего достигла она, это огражденія своего земледѣлія въ его прежнемъ видѣ, т. е. сельское хозяйство, если не разовьется, то по крайней мѣрѣ сохранить за собою нынѣшній рынокъ. Остается, значитъ, еще то увеличеніе потребленія, которое вызывается приростомъ населенія и увеличеніемъ потребленія отъ развитія достатка и промышленности. На этотъ плюсъ наша торговля и должна была разсчитывать въ будущемъ, равнымъ образомъ какъ и на сохраненіе того, что ей удалось захватить въ свои руки.

Что повышеніе пошлинъ, и даже значительное, не останавливаетъ покупокъ заграницею, разъ торговыя связи установились и населеніе привыкло къ потребленію извѣстныхъ товаровъ, доказываетъ примѣръ той же Германіи по отношенію къ Россіи. Хотя привозъ фабричныхъ издѣлій гораздо легче ограничить, чѣмъ привозъ жизненныхъ припасовъ, хотя съ этою цѣлью всѣ наши таможенныя пошлины съ 1877 г. были увеличены на 100°/o, да паденіе курса содѣйствовало удорожанію германскихъ товаровъ въ Россіи на 60°/o, привозъ нѣмецкихъ товаровъ не сократился.

Такимъ образомъ, если сбытъ русскаго хлѣба въ Германію и грозилъ уменьшиться, то немного, и въ общемъ балансѣ это сокращеніе могло быть безъ труда покрыто увеличеніемъ вывоза въ Германію русскаго керосина и другихъ продуктовъ. Во всякомъ случаѣ, если повышеніе пошлины въ Германіи и оказалось болѣе тяжелымъ, нежели можно было предполагать, то Россіи слѣдовало мириться съ этимъ фактомъ. Мы предоставили себѣ полную свободу въ тарифной политикѣ и не стѣснялись по два и по три раза въ годъ безъ милосердія облагать нѣмецкіе продукты, привозимые въ Россію; было бы непохвальнымъ лицемѣріемъ, достойнымъ англичанъ, жаловаться на то, что нѣмцы дѣйствуютъ съ тою же свободою по отношенію къ русскимъ товарамъ, привозимымъ въ Германію.

Но интересы кармана не знаютъ сантиментальности. Хлѣбныя пошлины повели къ ряду репрессалій. Россія немедленно подняла всѣ свои таможенныя пошлины. Затѣмъ нѣмецкіе интересы были задѣты измѣненіемъ тарифной политики желѣзныхъ дорогъ, затрудненіемъ въ дальнѣйшемъ пріобрѣтеніи и арендѣ въ Западномъ краѣ недвижимой собственности и дифференціальными таможенными пошлинами на чугунъ, каменный уголь и хлопокъ. Нѣкоторыя ограниченія сдѣланы были и въ передвиженіи нѣмецкихъ рабочихъ.

Если взвѣсить строго все, что сдѣлано Россіей противъ Германіи за послѣднія десять лѣтъ, то нельзя увидѣть въ этомъ систематическаго недоброжелательства къ нѣмцамъ. Узрѣвъ рискъ полнаго экономическаго подчиненія, мы приняли только необходимѣйшія мѣры для сохраненія за собою самостоятельности и

свободы дѣйствій. Можно утверждать даже, что наше рѣшеніе запоздало по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять, если не на пятнадцать. Желаніе Россіи высвободиться изъ зависимости нѣмцевъ было принято, однако, весьма дурно въ Германіи, и такъ какъ оно совпало съ политическимъ охлажденіемъ, послѣдовавшимъ за Берлинскимъ трактатомъ, то вызвало со стороны нѣмцевъ цѣлую финансовую войну, которая довела нашъ рубль до полтинника. Германія запретила своимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ учитывать русскія бумаги, что послужило сигналомъ продажѣ массами русскихъ бумагъ и замѣнѣ ихъ итальянскими. Въ концѣ-концовъ возгорѣлась настоящая таможенная война, причинившая Россіи большіе убытки, и окончившаяся торговымъ трактатомъ, которымъ хотя были парализованы повышенія пошлинъ, сдѣланныя по тарифу 1891 года, но прекращены репрессаліи.

Если нѣмцы были правы, охраняя свои земледѣльческіе интересы, то и Россія была права, отвѣтивъ, въ виду ожидавшагося нарушенія ея торговаго баланса, на «боевыя пошлины» повышеніемъ таможеннаго тарифа. Хотя это повышеніе касалось всѣхъ государствъ, но главнымъ образомъ отражалось оно на сбытѣ нѣмецкихъ произведеній.

Россія несомнѣнно пострадала отъ этой войны, но нельзя сказать, чтобы и Германія отъ нея выиграла. Продать свои русскія бумаги съ убыткомъ, получать доходы со своихъ земель и фабрикъ въ Россіи въ обезцѣненныхъ кредитныхъ рубляхъ—едвали было пріятно для нѣмцевъ въ Германіи. Поэтому при всей любви къ Бисмарку и уваженіи къ его политикѣ, нѣмцы не прочь были ухватиться за первый предлогъ, чтобы возвратить потерянное и возстановить прежнее свое значеніе въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ. Заключеніе торговаго трактата, связавши насъ въ будущемъ—было одно изъ наилучшихъ средствъ, чтобы достигнуть этого, тѣмъ болѣе, что уступки со стороны Германіи всегда будутъ призрачны; наоборотъ, наши потери весьма и весьма существенны. Это доказать вовсе не трудно.

Находясь въ довольно сходныхъ климатическихъ и культурныхъ условіяхъ со средней, наиболѣе производительной частью Россіи, Германія не можетъ дѣятельно обмѣниваться съ нею иначе, какъ эксплоатируя русскій рынокъ. Большая часть нашихъ вывозныхъ товаровъ не только Германіи не нужна, но, наоборотъ, вывозъ ихъ, какъ, напримѣръ, вывозъ спирта, представляетъ для Германіи опасную конкурренцію. Въ привозѣ, за ничтожными исключеніями, трудно указать на товары, особенно мануфактурные и металлическіе, которые мы нисколько не хуже и даже не дороже не могли бы приготовлять у себя дома. Колоніальные и восточные товары также намъ выгоднѣе покупать на мѣстѣ, чѣмъ изъ вторыхъ рукъ въ Германіи. Между тѣмъ всякія уступки, которыя

Россія дѣлаетъ нѣмцамъ, она въ силу другихъ заключенныхъ торговыхъ трактатовъ, должна предоставлять и остальнымъ государствамъ. Короче говоря, нѣмцы станутъ устанавливать нашъ таможенный тарифъ и опредѣлять мѣру покровительства внутренней промышленности Россіи.

На дѣлѣ будетъ еще хуже, потому что разъ тарифъ нашъ связанъ договоромъ, его измѣнять нельзя безъ согласія другой стороны, между тѣмъ нынче придуманы могущественныя средства для парализованія дѣйствія высокаго охранительнаго тарифа; средства эти—вывозныя преміи и синдикаты. Если еще воспрещеніе вывозныхъ премій можетъ быть оговорено въ трактатѣ, то какъ ограничить искусственное пониженіе цѣнъ для вывоза, дѣлаемое гласными и негласными синдикатами и картелями частныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Единственное средство бороться противъ заграничныхъ синдикатовъ представляетъ повышеніе пошлинъ, но при договорѣ средство это уничтожается.

Я убѣжденъ, что съ Германіей Россія можетъ экономически уживаться въ будущемъ и безъ пожертвованій. Непосредственная эксплоатація Россіи, помощью сбыта нѣмецкихъ издѣлій и направленія транзита черезъ Пруссію, конечно, ослабнетъ и не можетъ возстановиться въ прежнемъ видѣ, но какъ поприще для приложенія нѣмецкаго капитала, Россія надолго еще остается открытою для Германіи и будетъ работать на нѣмецкихъ капиталистовъ. Это имѣетъ дурныя стороны, но нельзя отрицать, что представляетъ оно для Россіи и свои извѣстныя выгоды. Если мы сами не умѣемъ дѣлать сбереженій, то поневолѣ должны пользоваться, хотя временно, сбереженіями другихъ націй. Безъ капитала, какъ доказываетъ экономическая наука, производство невозможно. Русскій же капиталъ, въ зависимости отъ требованій фиска, отъ вліянія кабака, а также и отъ славянскихъ привычекъ жить выше средствъ, наростаетъ слишкомъ медленно. Только долгимъ періодомъ лѣтъ уменьшимъ мы вліяніе трехъ вышеозначенныхъ факторовъ.

Не довольствуясь таможенными репресаліями, Германія выгнала отъ себя административною властью десятки тысячъ русскихъ подданныхъ, преимущественно евреевъ и поляковъ, хотя ея собственные подданные ежегодно эмигрируютъ во всѣ части свѣта и число нѣмцевъ въ Россіи и Франціи достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, а въ Америкѣ—милліоновъ. Правда, Соединенные Штаты еще ранѣе ограничили приливъ къ себѣ китайцевъ, но сдѣлали они это съ разными оговорками и притомъ для будущей только эмиграціи; не было и рѣчи объ изгнаніи тѣхъ желтокожихъ, которые водворились уже на территоріи республики. Нѣмцы поступили иначе. Смѣлымъ рѣшеніемъ они подтвердили право каждаго государства не допускать къ себѣ иностранцевъ, даже самыхъ мирныхъ и трудолюбивыхъ, разъ это признается невыгод-

нымъ для собственныхъ подданныхъ. Подобная теорія находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми, которыхъ держались до сихъ поръ всѣ государства и которыя проповѣдывали съ каѳедры, какъ непреложную истину. Нѣмецкая теорія обѣщаетъ въ будущемъ великія усложненія. Есть государства бѣдныя, есть богатыя, есть народы зажиточные и народы оборванцы, что зависитъ отъ распредѣленія капиталовъ. Богатство вездѣ имѣетъ, однако, одно и то же вліяніе, оно притягиваетъ къ себѣ тѣхъ, у кого его нѣтъ. Такимъ образомъ, движеніе населенія изъ странъ менѣе богатыхъ въ болѣе богатыя, или изъ странъ, гдѣ земли недостатокъ въ страны, гдѣ въ ней избытокъ (ибо земля тотъ же капиталъ), какъ нельзя болѣе естественно. Поэтому, право свободнаго мѣстожительства и передвиженія не только въ предѣлахъ своего государства, но и въ другихъ государствахъ считалось какъ бы прирожденнымъ правомъ человѣчества.

Германія отвергаетъ это и возвращается къ законамъ и практикѣ прежняго времени, когда цѣлыя населенія изгонялись изъ страны по политическимъ видамъ, или же вынуждались, какъ евреи, жить въ извѣстномъ ограниченномъ пространствѣ осѣдлости. Вопросъ, однако, возможно ли достигнуть этого при нынѣшней плотности населенія въ Европѣ? Возстановлять равновѣсіе между избыткомъ населенія въ одномъ мѣстѣ и недостаткомъ въ другомъ, рано или поздно, придется, и тогда не останется ничего болѣе, какъ прибѣгать для такого уравновѣшиванія къ помощи оружія. Хорошо тѣмъ странамъ, у кого много свободныхъ земель, какъ у Россіи, или кто запасся колоніями, какъ Англія; но въ какое положеніе станутъ тѣ страны, которыхъ колоніи или ничтожны, или же находятся въ тропическомъ климатѣ, невозможномъ для размноженія европейцевъ. Если всѣ государства станутъ на германскую точку зрѣнія и начнутъ закрывать у себя доступъ иностранцамъ, то не придется ли ждать въ будущемъ цѣлаго ряда войнъ для измѣненія границъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ населенію окажется жить тѣсно. Не повторится ли явленіе, которое, по словамъ Байрона, представляли нѣмцы въ началѣ ихъ исторіи.

Газеты, конечно, раздували перечисленные выше инциденты (особенно весною), толковали о возможности войны и примиреніи, хотя ни о какомъ «примиреніи» не могло быть рѣчи, потому что не было ссоры. Если, подъ вліяніемъ минутнаго негодованія за вмѣшательство русской дипломатіи во франко-германскія отношенія въ 1875 г., нѣмцы рѣзко измѣнили свою политику и, забывъ всѣ услуги Россіи, дошли до организаціи могущественной коалиціи и ряда экономическихъ притѣсненій, а Австро-Венгрію необдуманными дѣйствіями на Балканскомъ полуостровѣ поставили въ вызывающее положеніе, то ужъ, конечно, не Россіи было являться съ повинной. Россія ничьей дружбы не искала. Это она доказала своими

отношеніями къ Франціи, союзъ съ которою былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на знаменитую «лигу мира»; Россія, однако, формальнаго союза съ послѣднею не заключала, всячески оберегая нѣмецкую щепетильность. Большей любезности едва ли было возможно требовать, а тѣмъ менѣе возможно ожидать, чтобы Россія заискивала у государства, заключающаго противъ нея тайные союзы.

Съ другой стороны, мы столько лѣтъ прожили съ Германіей въ мирѣ, столько интересовъ нравственныхъ и матеріальныхъ связываютъ насъ съ этимъ сосѣднимъ государствомъ, что мы первые готовы радоваться разъясненію недоразумѣній. «Худой миръ лучше доброй ссоры», говоритъ народная мудрость, а еще лучше хорошій миръ. Слѣдуетъ стоять за достоинство и независимость Россіи, но держаться политики чуждой легкомыслія и оскорбительной заносчивости, стоять за добрыя сосѣдскія отношенія къ Германіи, разъ подъ предлогомъ этихъ отношеній насъ не будутъ, какъ имѣются примѣры, водить за носъ.

Пессимисты увидѣли большую опасность въ томъ, что въ Германіи вступилъ на престолъ молодой тридцатилѣтній Вильгельмъ, окружившій себя новыми людьми и устранившій отъ дѣлъ Бисмарка, котораго считали душою германской политики.

Но если Бисмаркъ и сошелъ со сцены, то не надобно забывать, что въ рейхстагѣ столько же сторонниковъ имперіи, сколько и враговъ ея. Съ такимъ большинствомъ можно управлять, но трудно начинать рискованную войну. Императоръ Германіи былъ въ лѣтахъ, когда человѣкъ дѣлается вполнѣ благоразумнымъ. Его выставляли честолюбивымъ, воинственнымъ, ненавистникомъ французовъ. Все это возможно, но тѣ взгляды, которые онъ высказывалъ, будучи принцемъ и не неся никакой отвѣтственности, быстро измѣнились, когда на него пала громадная отвѣтственность*). Подобныя превращенія случались нерѣдко и въ наши дни. Альфонсъ XII испанскій, котораго всѣ считали ничтожнымъ человѣкомъ, оказался весьма разумнымъ государемъ; его вдовѣ не предсказывали и полугодового царствованія, между тѣмъ она удивила Европу упроченіемъ своей власти. Давно извѣстно изреченіе: qu'un jacobin ministre n'est pas un ministre jacobin. То же самое прилагается и къ государямъ. Корона дѣлаетъ голову менѣе легкою и поступки менѣе опрометчивыми. Когда надобно считаться съ интересами 50 милліоновъ людей, то не такъ легко увлекаются фантазіями, какъ увлекается частный человѣкъ въ домашней откровенной бесѣдѣ, а особенно когда эти фантазіи стоятъ милліона жизней—цифра потери въ людяхъ Германіи и Франціи въ войну 1870—71 годовъ.

*) Процессъ Леккерта и Люцова выяснилъ, что и при германскомъ дворѣ существуетъ камарилья, смѣнившая дамское вліяніе, существовавшее при Вильгельмѣ I. Душа этой камарильи, гр. Эйленбургъ, систематически устраняетъ отъ власти вліятельныхъ министровъ.

Успокоенію болѣе всего содѣйствовалъ твердый образъ дѣйствій покойнаго императора Александра III. Онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ сохраненія мира въ Европѣ въ послѣдніе годы и подалъ не мало примѣровъ хладнокровія, осторожности и твердой воли. Онъ очень равнодушно относился къ запугиваніямъ и къ заискиваніямъ противной стороны, и при каждомъ ожидаемомъ свиданіи въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ инсинуацій разныхъ нѣмецкихъ рептилій, германскія биржи положительно чахли, спекулируя то на повышеніе, то на пониженіе, смотря по мѣрѣ приближенія или отдаленія свиданія.

Волненіе нѣмецкихъ оффиціозовъ и биржевиковъ было конечно, очень лестно для Россіи; оно показывало, что наше отечество не такая величина, къ которой можно относиться равнодушно даже по наружности, что отсрочка съ ея стороны и на мѣсяцъ исполненія формальнаго акта вѣжливости составляетъ міровое событіе. Волненіе также доказывало, что нѣмцы какъ бы чувствовали за собою вину, если не могли оставаться спокойными въ томъ даже случаѣ, когда, казалось бы, ничто не должно было возбуждать ихъ мнительности.

Но если нѣмцы могутъ успокоиться теперь и въ уравновѣшенномъ состояніи духа продолжать увеличивать свою армію и свои вооруженія, то далѣе этого успокоенія не должны, кажется, извлекать какихъ-либо оптимистическихъ выводовъ для дальнѣйшаго. Вѣкъ, когда императоръ Александръ I сантиментально клялся на гробѣ Фридриха II — злѣйшаго врага Россіи и всего русскаго—поддерживать разныя прусскія измышленія, неимѣющія ничего общаго къ кровнымъ интересамъ русскаго государства, прошелъ безвозвратно. Прошелъ и вѣкъ, когда мы позволили разорить Данію, державщую ключъ къ Балтійскому морю, и пораженіемъ Франціи разрушить европейское равновѣсіе, не давъ намъ за это позволеніе никакого вознагражденія, кромѣ платоническаго права завести на Черномъ морѣ нѣсколько поповокъ.

Знаменитый испанскій министръ прошлаго столѣтія графъ Аранда, находясь въ отставкѣ, брался одного своего родственника, назначеннаго посланникомъ въ Россію, въ десять минутъ ознакомить со всею европейскою политикою. Для этого онъ развернулъ карту Европы и, указывая на извилистыя очертанія границъ разныхъ государствъ, сказалъ: «Вы видите, нѣтъ ни одного государства, которое имѣло бы правильную фигуру круга или квадрата, каждое государство врѣзывается въ другое острыми углами и старается заполнить промежутки между этими углами; въ свою очередь, сосѣднее государство также старается пріобрѣсти пространство, которое округляло бы его углы. Въ этомъ, мой другъ, и состоитъ вся европейская политика»...

Къ сожалѣнію, въ то время, когда Пруссія изъ какой-то весьма угловатой фигуры пріятно округлялась на счетъ своихъ

сосѣдей, мы готовы были даже апплодировать этому округленію, не заботясь нисколько о собственныхъ углахъ и забывая наши собственные интересы. Такому практическому генію, какъ Наполеону I, просто не понятными казались нѣкоторые поступки въ этомъ случаѣ Россіи, и онъ приписывалъ ихъ женскимъ чарамъ.

Дружественныя отношенія Россіи къ Пруссіи установилъ еще впрочемъ Петръ Великій, искавшій въ бранденбургскомъ курфирствѣ естественнаго союзника противъ Швеціи и Польши, въ то время очень сильныхъ и для Россіи весьма опасныхъ. Затѣмъ, хотя обстоятельства рѣзко измѣнились, но дружба, можно сказать, существовала вплоть до 26-го сентября 1879 года, до знаменитаго австро-нѣмецкаго союзнаго договора, то усиливаясь, то ослабѣвая, за исключеніемъ весьма поучительнаго періода Семилѣтней войны, когда русскія войска не только заняли Берлинъ и взяли съ него хорошую контрибуцію, но и древнюю столицу Пруссіи— Кенигсбергъ обратили въ губернскій городъ, а жителей привели къ присягѣ на подданство императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; въ Кенигсбергѣ чеканилась тогда русская монета и даже появился православный монастырь съ архимандритомъ изъ города Данкова!

Въ 1760 г. былъ составленъ проектъ о совершенномъ присоединеніи завоеванной части Пруссіи къ Россійской имперіи, проектъ, на которомъ императрица Елисавета 30-го апрѣля написала: «быть по сему». При этомъ, однако, въ виду того, что нынѣшнія Курляндская и Ковенская губерніи не были еще русскими, императрица оставляла за собою право: «получа въ свое владѣніе Пруссію, удобнаго средства искать: невозможно ли будетъ съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и къ взаимному обоихъ сторонъ *удовольствію*, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе...»

Означеннаго «удовольствія» не послѣдовало; въ 1761 году императрица Елисавета умерла, а преемникъ ея, Петръ III, внезапно перевернулъ политику русскаго двора, — и Россіи вдругъ пришлось сдѣлаться великодушнымъ и самоотверженнымъ другомъ своего врага Фридриха II-го. Съ этого момента отношенія Россіи къ Пруссіи покоились не столько на политическомъ разсчетѣ, сколько на личной глубокой и искренней привязанности русскихъ государей къ прусскимъ королямъ, особенно къ Фридриху-Вильгельму III-му и къ Вильгельму I-му. Хотя нѣмецкіе и германскіе историки и рептиліи пытались заподозрить эти отношенія, приписывая намъ своекорыстные и честолюбивые замыслы, желаніе господствовать надъ слабымъ сосѣдомъ, но результатъ лучше всего доказываетъ противное.

Подъ могучимъ покровомъ русской дружбы выросла и окрѣпла Пруссія и развились тѣ силы, которыя дали ей возможность взять въ свои руки дѣло единства Германіи и осуществить въ свою пользу эту завѣтную мечту нѣмецкаго народа. Содѣйствуя, хотя

быть можетъ и безотчетно, означенному единству, мы пренебрегали элементарнѣйшими основаніями международной политики, а что это за основанія—проще всего опредѣлилъ Тьеръ, когда онъ въ 1865 г. предостерегалъ Францію противъ столь же добродушно-легкомысленнаго отношенія къ созданію итальянскаго единства. «Когда рѣчь идетъ о политикѣ внутренней, то можно еще, говорилъ Тьеръ, серьезно толковать о новой политикѣ. Для участія народа въ управленіи, для уступки высшимъ классомъ среднему и низшему извѣстной доли вліянія на дѣла потребовались новыя формы. Но для иностранной политики, обратимся ли мы къ древности, къ самому политическому изъ древнихъ историковъ Полибію, или къ самому политическому изъ историковъ новыхъ—Гвичіардини, вездѣ мы видимъ, что иностранная политика есть только осторожность бдительныхъ государствъ, которыя внимательно наблюдаютъ за тѣми, кто ихъ окружаетъ, чтобы помѣшать маленькимъ государствамъ сдѣлаться большими, большимъ сдѣлаться еще бо̀льшими и опасными. Словомъ, всегда и вездѣ видна одна и та же осторожность и одна и та же бдительность».

Вотъ золотыя слова, которыя сдѣлались теперь, надобно надѣяться, навсегда и девизомъ русской внѣшней политики. Ихъ тѣмъ легче запомнить нѣмцамъ, что они сами не знаютъ другой и до сихъ поръ, кажется, не имѣютъ повода жаловаться, чтобы подобная политика причинила имъ вредъ. Эту политику прекрасно опредѣлилъ князь Бисмаркъ, сказавъ князю Горчакову въ 1879 году: «я добрый другъ—съ друзьями и добрый врагъ—съ врагами».

При такомъ девизѣ можно быть убѣжденнымъ, что миръ еще много лѣтъ нарушенъ не будетъ. Въ заключеніе нельзя не опровергнуть мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, будто война необходима, иначе всѣ государства разорятся на вооруженіе и что дальнѣйшее выжиданіе нестерпимо. Такое мнѣніе ни на чемъ не основано. Конечно, расходы на армію и флотъ очень тягостны, выше я приводилъ разсчеты графа Мюлинена, что они обходятся не многимъ дешевле войны; если они будутъ продолжаться въ прежней пропорціи, то подобная непроизводительная затрата капитала дастъ еще болѣе перевѣса въ экономическомъ отношеніи населенію государствъ Америки и Австраліи, но война военныхъ расходовъ не сократитъ. Никогда война не сопровождалась обезоруженіемъ. Напротивъ, послѣ каждой войны, по указанію новаго опыта, государства быстро перевооружались, мѣняли форму обмундированія, приписывая цвѣту штановъ какую-то магическую силу, и съ лихорадочною поспѣшностью увеличивали свои военныя силы и военные запасы.

Если сокращеніе армій не есть мечта, то она скорѣе достигнется продолжительнымъ миромъ, а не войною. Противъ вѣроятности послѣдней въ Европѣ говорятъ особенно три обстоятельства. Во-первыхъ, со всеобщею воинскою повинностью война затроги-

ваетъ чувствительно интересы всего населенія, масса котораго предпочитаетъ всегда спокойствіе; во-вторыхъ, современная война требуетъ гигантскихъ затратъ, надолго разоряющихъ страну; наконецъ, теперь, при чуткости и свободѣ общественнаго мнѣнія, отвѣтственность въ случаѣ неудачной войны гораздо сильнѣе не только для министровъ, но и для государей. Хотя человѣческія страсти дѣйствуютъ съ прежнею силою, но вышеозначенныя три обстоятельства служатъ мощнымъ регуляторомъ и сдерживаютъ правительства въ изысканіи предлоговъ къ вооруженному столкновенію.

III. АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

Пятидесятилѣтнее царствованіе монарха Австро-Венгерской имперіи замѣчательно превратностями судьбы и составляетъ интересную эпоху въ исторіи дунайской монархіи.

Воспитанный въ самой узкой клерикальной и военной обстановкѣ, Францъ-Іосифъ еще юношей, довольно неожиданно, получилъ корону, вслѣдствіе отказа своего дяди отъ престола, въ такую минуту, когда одна половина монархіи была охвачена революціонною бурей, а другая находилась въ открытомъ возстаніи. Недостатокъ опытности побудилъ молодого императора протянуть руку реакціи и употребить десять лѣтъ на безплодныя попытки централизировать разнородный составъ имперіи. Финансовое разореніе и угрожающее положеніе Венгріи были единственнымъ результатомъ этой реакціи. Печальный исходъ итальянской войны 1859 года открылъ опасность избраннаго пути и указалъ на реформы, какъ на средство исцѣлить недугъ, подточившій крѣпость могущественной прежде имперіи.

Реформы шли сначала довольно медленно, но несчастія 1866 года, когда Австрія, потерпѣвъ замѣчательныя пораженія, была въ нѣсколько недѣль изгнана одновременно изъ Германіи и Италіи, доказали окончательно, что традиціонная политика никуда болѣе не годится, что необходимо радикальное обновленіе обветшалой имперіи. Хотя задача австрійскихъ реформаторовъ далеко еще не закончена, хотя нѣтъ сомнѣнія, что только одна изъ комбинацій федеративнаго устройства удовлетворитъ разнородные интересы австрійскаго населенія, но и въ настоящее время прогрессъ, сдѣланный Австро-Венгріей, нельзя уже не признать значительнымъ. Тамъ, гдѣ еще сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ назадъ властвовали Меттернихи, Генцы и Бахи и школами руководили іезуиты, мы видимъ современное европейское государство.

Въ обѣихъ половинахъ имперіи господствуетъ парламентаризмъ, широкое земское самоуправленіе, довольно полная свобода печати,

подоходный налогъ и обязательный гражданскій бракъ, независимые университеты и другія еще болѣе рѣшительныя нововведенія. И въ матеріальномъ отношеніи свобода благопріятно подѣйствовала на Австрію. Несмотря на несчастныя войны и сопряженныя съ ними потери провинцій, финансовыя затрудненія и кризисы, Австро-Венгрія въ послѣднія тридцать лѣтъ замѣтно разбогатѣла, промышленность ея сдѣлала большіе успѣхи, а Вѣна и Будапештъ стали одними изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Европы.

Богатство это имѣло и оборотныя стороны, развивъ биржевыя спекуляціи, повлекшія къ страшному краху 1873 г., отразившемуся во всей Европѣ, и къ усиленію значенія евреевъ. Одно время Вѣна совсѣмъ ожидовѣла, но усилившаяся наглость евреевъ вызвала естественную реакцію и повела къ образованію, въ 1887 г., по инициативѣ Шемерера и доктора Люгера, весьма вліятельной въ мелкой буржуазіи и нисшемъ духовенствѣ партіи антисемитовъ и къ усиленію клерикализма, ослабѣвшаго было со времени паденія централистической политики.

Изъ числа конституціонныхъ государствъ Европы, гдѣ идетъ горячая борьба партій, Австро-Венгрія находится въ особенно тяжелыхъ условіяхъ; въ то время, когда въ другихъ странахъ вопросъ о государственномъ единствѣ остается внѣ сомнѣнія, и всѣ пререканія вращаются только на почвѣ политической и отчасти соціальной, въ Австро-Венгріи обстоятельства несравненно болѣе затруднительны: тамъ къ политическимъ затрудненіямъ примѣшивается еще вопросъ о національности, а каждую національность приходится разсматривать здѣсь какъ отдѣльное государство, политическіе и соціальные интересы котораго своеобразны и не могутъ быть удовлетворены однимъ какимъ-либо рѣшеніемъ, какъ бы раціонально ни казалось оно съ виду.

Нѣмецкая половина имперіи соперничаетъ съ мадьярскою, нѣмецко-чешская буржуазія съ жидами. Въ Богеміи и Моравіи мы видимъ ожесточенную войну нѣмцевъ съ чехами, въ Тиролѣ нѣмцевъ съ итальянцами, въ Штиріи и Каринтіи хорутанъ съ нѣмцами, въ Далмаціи—сербовъ съ итальянцами, въ Галиціи—поляковъ съ малороссами, въ Венгріи — мадьяръ съ словаками, сербами и русскими, въ Трансильваніи, Буковинѣ и Банатѣ—мадьяръ съ румынами, въ Хорватіи и Славоніи—сербовъ съ мадьярами. Такова картина Австро-Венгріи. Ни одна національность ея не можетъ успокоиться и сложить оружіе, потому что ни одна изъ нихъ не можетъ удовлетвориться идеалами и интересами другой національности. Въ средѣ самихъ національностей нѣтъ единства и общности стремленій: младочехи ненавидятъ старочеховъ, малороссы распадаются на партіи руссофильскую и радикально-соціалистическую, аристократическіе хорваты не ладятъ съ демократическими сербами, у поляковъ свои партіи: станчики, змартвыхстанцы, радикалы, даже нѣмцы съ 1879 распались на партіи

либеральныя: нѣмецко-австрійскую и нѣмецкую, желающую соединенія съ Германіею, клерикальную гр. Гогенварта, клерикально-радикальную, антисемитскую и партію центра—гр. Коронини.

Идеалъ патріархально-полицейскаго государства подъ кровомъ старинной и популярной династіи, возможный въ XVIII столѣтіи, брошенъ теперь окончательно. Онъ никого не удовлетворяетъ, такъ какъ всѣ части Австро-Венгріи слишкомъ эмансипировались въ культурномъ и особенно въ національномъ отношеніяхъ. Предсказать въ точности время разложенія очень трудно, но что оно рано или поздно настанетъ, предвидѣть легко. Можно, конечно, на мѣстѣ «австрійскихъ» патріотовъ утѣшать себя, что существуютъ же государства, какъ Швейцарія, гдѣ три національности, разныхъ по языку и вѣрѣ, мирно уживаются между собою, но эти маленькія комбинаціи, прочность которыхъ къ тому же еще требуетъ провѣрки опыта европейской войны, ничего не доказываютъ для обширной военной монархіи, желающей играть выдающуюся роль.

Государственные люди Австріи съ трудомъ поняли необходимость уступокъ интересамъ разныхъ національностей, входящихъ въ составъ имперіи. Графъ Бейстъ и Деакъ въ 1867 году устроили соглашеніе съ венграми, пожертвовавъ въ пользу послѣднихъ южными славянами. Австрія раскололась тогда на-двое. Раздѣленіе это не принесло, однако, ожидаемыхъ результатовъ, потому что чехи считали свое королевство имѣющимъ не менѣе правъ на автономію, чѣмъ Венгрія, которая благодаря придворной ловкости ея аристократовъ стала руководить иностранною политикою имперіи. Графъ Гогенвартъ приготовилъ было соглашеніе и съ чехами, и Австрія должна была расколоться уже на три части; но планъ Гогенварта не удался, такъ какъ въ Вѣнѣ испугались, что и другія національности потребуютъ удовлетворенія послѣ уступокъ, сдѣланныхъ чехамъ. На первомъ планѣ въ этомъ случаѣ стояли поляки, содѣйствіемъ которыхъ преимущественно и пользовалось вѣнское правительство для отстраненія гибельнаго для него соглашенія славянскихъ племенъ между собою. Сдѣлавъ уступки другимъ національнестямъ и создавъ такимъ образомъ рядъ полунезависимыхъ государствъ, соединенныхъ только династическими узами, дунайская монархія рисковала расклеиться, потому что этихъ узъ, несмотря на уваженіе къ древнему Габсбургскому дому, было бы недостаточно для скрѣпленія связи между народами, чуждыми другъ другу по языку, вѣрѣ, симпатіямъ и даже экономическимъ интересамъ.

Поэтому, оставивъ федеративный вопросъ въ сторонѣ, преемники Гогенварта думали удовлетворить на-время страну конституціонными реформами, направляя послѣднія такъ, чтобъ сломить сопротивленіе тѣхъ частей имперіи, которыя не признавали порядковъ, введенныхъ съ 1867 года. Важнѣйшею изъ этихъ ре-

формъ является измѣненіе системы выборовъ въ рейхсратъ и связанное съ нею увеличеніе числа депутатовъ отъ рабочаго сословія.

Заигрыванія съ разными національностями продолжались впрочемъ сообразно интересамъ составленія министерскаго большинства. Императоръ Францъ-Іосифъ много разъ объѣзжалъ свои разношерстныя владѣнія. Былъ онъ и въ Далмаціи, и въ Чехіи, и въ Буковинѣ, и въ Галичинѣ, не считая постоянныхъ посѣщеній Венгріи; всюду и вездѣ его сопровождали восторгомъ, между тѣмъ положеніе дунайской монархіи отъ того ни на волосъ не упрочилось и самое существованіе обширной имперіи составляетъ предметъ нескрываемыхъ опасеній для ея государственныхъ людей.

Равнымъ образомъ, какой только политики не держались въ Вѣнѣ въ послѣдніе годы, то продавая свою душу мадьярамъ, то кокетничая съ федералистами, то возвращаясь къ нѣмецкимъ централистамъ. Закрывая глаза на дѣйствія Россіи во время войны съ Турціей, Австрія поспѣшила захватить лучшіе куски изъ военной добычи: Боснію, Герцеговину и часть Старой Сербіи и въ этомъ приращеніи своей территоріи и своего населенія немедленно пріобрѣла новый источникъ слабости, потому что сейчасъ же бросилась въ объятія своему злѣйшему врагу, исключившему ее изъ германскаго союза.

Эта безконечная погоня за направленіемъ далеко еще не окончилась. Такъ, со свойственнымъ австрійцамъ искусствомъ удовлетворять одну національность на счетъ другой и жертвовать слабыми въ пользу сильныхъ, они, чтобъ заручиться содѣйствіемъ поляковъ въ рейхсратѣ, пожертвовали въ ихъ пользу интересами русскаго населенія въ Галиціи.

Три пятыхъ населенія Галиціи, даже по весьма пристрастнымъ исчисленіямъ, принадлежатъ къ русскому племени; населеніе это подавлено польскимъ дворянствомъ и еврейскою буржуазіей; только крестьяне и сельское духовенство сохраняютъ еще свою національность, стираемую введеніемъ польскаго языка и администраціи. Такой составъ населенія не можетъ, конечно, дать русскимъ значительнаго вліянія на выборахъ, несмотря на ихъ многочисленность. Въ прежнее время при прямыхъ выборахъ, несмотря на всѣ усилія, министерству Шмерлинга удавалось провести въ вѣнскій рейхсратъ не болѣе полуторыхъ десятковъ русскихъ депутатовъ; но и это ничтожное число возбуждало зависть и опасенія польскаго большинства, такъ какъ депутаты простонародья никогда не вотировали вмѣстѣ съ панами, а держались централистской нѣмецкой партіи. Подобное положеніе, не говоря уже объ его крайней несправедливости и нелогичности, угрожаетъ многочисленными затрудненіями. Примѣръ Тріединаго королевства въ этомъ случаѣ нисколько не поучителенъ, потому что между словенами и сербами нѣтъ вовсе той племенной вражды, какая исторически

образовалась между русскимъ и польскимъ населеніемъ Галиціи; кромѣ того, словены не желаютъ вовсе дѣлать сербовъ словенами, и наоборотъ. Въ Галиціи совсѣмъ другое: польская аристократія и католическое духовенство продолжаютъ тамъ ту же политику ополяченія русскаго населенія, которая такъ грустно отозвалась нѣкогда на отношеніяхъ Польши къ Малороссіи и въ Австріи вызвала кровавую жакерію 1846 года. Австрійское правительство знаетъ это очень хорошо и между тѣмъ изъ опасенія Россіи даетъ новое оружіе въ руки поляковъ, которыхъ, конечно, никто не сочтетъ прочными друзьями австрійской монархіи. Въ этомъ случаѣ они даже вовсе не считаютъ нужнымъ скрывать свои стремленія и намѣренія. Заигрываніе съ поляками составляетъ, однако, часть правительственной программы.

Во время послѣдней русско-турецкой войны, польскіе политики въ Галиціи, пользуясь отвлеченіемъ вниманія Россіи въ другую сторону, составили отъ имени львовскаго сейма адресъ къ императору Францу-Іосифу въ томъ смыслѣ, что польскій народъ никогда не отказывался отъ своей національной самостоятельности, но для Австро-Венгріи панславистская Россія представляетъ-де бо̀льшую опасность и только тѣ славянскія племена, которыя не отказываются отъ своей національной самостоятельности, могутъ служить оплотомъ, защищающимъ Австро-Венгрію отъ Россіи. На основаніи адреса, уже въ 1879 г. польская партія получила преобладающее вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику Австріи. Составители адреса, партія станчиковъ, а именно ея корифеи: гр. Альфредъ Потоцкій, гр. Людвикъ Водзицкій, Янъ и Станиславъ Козьмяны, гр. Тарновскій, Земилковскій, Дунаевскій, Зыбликевичъ, Бадени добились большого значенія и вліянія. Въ основу партіи былъ принятъ принципъ, что поляки свою духовную жизнь должны развивать на католицизмѣ и консервативныхъ началахъ и стараться поднять папскую власть. Извѣстный историкъ Шуйскій прибавилъ къ этой основной програмѣ еще политическую точку зрѣнія, именно, что такъ какъ возстановленіе независимой Польши можетъ произойти только при помощи Австріи, то поляки должны оставить тайные заговоры, вести себя мирно въ Россіи и Пруссіи, въ Австріи же добиваться преобладающаго вліянія. Приведенная програма, строго соблюдается польскими политиками и она уже принесла ту пользу, что поляки дѣйствительно верховодятъ въ Австріи. Поляки, конечно, очень довольны, что въ нихъ заискиваютъ и не скрываютъ своего удовольствія поддерживая поочередно всѣ правительства. Цислейтанское правительство, во главѣ котораго стоитъ теперь полякъ графъ Бадени, очень радо, что поляки довольны. Выходитъ, всѣ довольны. Спрашивается только, кого же тутъ обманываютъ? Возможно развѣ какое либо серьезное сближеніе поляковъ съ Австро-Венгріей? У поляковъ мысль объ единствѣ не умираетъ; если поляки не мечтаютъ уже о своей Рѣчи Посполитой, то про-

екты Чарторижскаго и Велепольскаго создать Польшу въ видѣ государства, связаннаго только династическимъ союзомъ съ какимъ-либо другимъ большимъ государствомъ, сохраняютъ свою силу и заманчивую прелесть.

Но и Чарторижскій, и Велепольскій надежды свои возлагали на Россію. Тутъ есть еще смыслъ, какъ потому, что Россія государство славянское, которое рано или поздно станетъ во главѣ славянскихъ племенъ, какъ Пруссія стала во главѣ германскихъ, такъ и по обширности польской территоріи, вошедшей въ составъ Россіи: почти двѣ трети бывшей республики составляютъ теперь нераздѣльную часть русской имперіи. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится Австрія. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, т. е. въ состояніи нѣмецко-мадьярскаго дуализма, Австрія есть мертворожденный политическій организмъ, съ которымъ неразсчетливо полякамъ связывать свое будущее; если Австро-Венгрія обратится въ тріаду и дастъ удовлетвореніе чехамъ, то поляки также не извлекутъ изъ этого ничего для себя утѣшительнаго; остается, слѣдовательно, дожидаться переустройства Австро-Венгріи на федеративныхъ началахъ. Тутъ, однако, представляются два весьма важныхъ обстоятельства. Первое, возможна ли серьезная федерація изъ нѣмцевъ, мадьяръ, итальянцевъ и славянъ? Не послужитъ ли федерація началомъ распаденія дунайской монархіи? Нѣмцы потянутъ къ Германіи, итальянцы къ Италіи, славяне составятъ свои политическія единицы. Венгрія останется островомъ въ славянскомъ мірѣ, который мало-по-малу подточатъ славянскія волны. Второе—если федерація удержится, то, какъ всякая федерація, она должна имѣть строгое равновѣсіе въ своихъ внутреннихъ частяхъ и спокойную, миролюбивую политику, таковы федераціи сѣвероамериканская, швейцарская; между тѣмъ возможно ли спокойствіе и равновѣсіе при участіи въ федераціи такого члена, какъ поляки съ претензіей на обладаніе огромными территоріями до Днѣпра и Балтійскаго моря? Если и ранѣе многія народности Австріи неохотно смотрѣли на ея военные замыслы и протестовали даже противъ войны съ Пруссіей, то какой оппозиціи надобно ожидать при федеративномъ устройствѣ? Взвѣсивъ все это, становится очевиднымъ, что заигрыванія австрійскаго правительства съ поляками значенія для будущаго имѣть не въ состояніи.

Во всякомъ случаѣ мы можемъ оставаться совершенно спокойными и дожидаться, что пройдетъ немного времени какъ тѣ же фразы и любезности на семи языкахъ будутъ расточаться гдѣнибудь на другомъ концѣ Австро-Венгріи, въ итальянскомъ Тиролѣ или въ Сирміи. Такова ужъ судьба этой странной монархіи. Надобно сознаться, однако, что государственные люди ея очень искусны и къ счастію своему сидятъ подолгу на мѣстахъ. Однимъ изъ такихъ искусниковъ несомнѣнно былъ графъ Таафе, десять лѣтъ управлявшій Австріей при помощи правительственнаго боль-

шинства, состоявшагося благодаря усиліямъ графа, побудившаго чеховъ ко вступленію въ рейхсратъ и присоединенью къ правительственной партіи. Ловкость графа Таафе несомнѣнна. Это не человѣкъ крупныхъ рѣшеній, но человѣкъ, умѣвшій выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и оказавшій своей странѣ не мало существенныхъ услугъ. Онъ возобновилъ соглашеніе съ Венгріею и улучшилъ финансы Цислейтаніи, бывшіе до него въ неудовлетворительномъ положеніи. По примѣру князя Бисмарка, онъ заглянулъ и въ область соціально-экономическихъ вопросовъ. Сначала онъ избралъ программу, состоявшую въ примиреніи національностей—мечта въ Австріи невозможная. Теперь народности непримиримы въ Австріи болѣе, чѣмъ когда-либо. Поэтому большинство въ рейхсратѣ остается чисто-искусственнымъ, составленнымъ изъ мелкихъ фракцій, съ которыми надобно между тѣмъ считаться, ибо иначе парламентское большинство рушится. Строго говоря, правительство не имѣетъ никакой партіи и управляетъ при помощи компромиссовъ. Къ нему лучше всего прилагаются слова Макіавеля: «каждая партія управляетъ до тѣхъ поръ, пока итогъ ея ошибокъ менѣе итога промаховъ ея противниковъ».

Видя невозможность удовлетворить всѣхъ, Таафе измѣнилъ программу. Какъ умный человѣкъ онъ не боялся парадоксовъ и сказалъ въ рейхсратѣ: «Чтобы хорошо управлять Австріею, надобно, чтобы всѣ партіи были болѣе или менѣе недовольны!» Тѣмъ кто жаловался онъ говорилъ: «Вы жалуетесь? Значитъ я хорошо управляю». Есть доля истины въ этой фразѣ; тѣмъ не менѣе между подвластными Габсбургамъ народами антагонизмъ скорѣе усилился, и перемѣна въ положеніи сводится только къ тому, что при вступленіи графа Таафе въ управленіе Цислейтаніею недовольство преимущественно предъявляли чехи, теперь же въ роли обиженныхъ и оскорбленныхъ выступаютъ нѣмцы, оскорбленные уступками, сдѣланными клерикаламъ въ школьномъ законѣ 1869 г. Въ послѣднее время, къ протестамъ централистовъ присоединился и ропотъ младочеховъ и аристократической радикальной партіи, во главѣ которой стоитъ князь Алоизій Лихтенштейнъ.

Но если австрійскіе государственные люди пользуются славянами для своихъ цѣлей, то и трусятъ ихъ они чрезвычайно. По этому поводу достаточно припомнить комичный инцидентъ съ появленіемъ генерала Черняева въ январѣ 1877 года въ Прагѣ, напоминающій случай съ Карломъ XII въ Бендерахъ и съ Гарибальди въ Лондонѣ. Австрійскіе чиновники сочли, впрочемъ, болѣе приличнымъ подражать поведенію турокъ, нежели англичанъ.

Оваціи, которыми былъ встрѣченъ въ Прагѣ генералъ Черняевъ, какъ нельзя болѣе были естественны; для Австріи онѣ никакой опасности не представляли и въ каждомъ конституціонномъ

государствѣ прошли бы благополучно, но идея держать въ опекѣ славянскую массу такъ въѣлась въ австрійское чиновничество, что нѣсколько звуковъ чешскихъ народныхъ пѣсенъ привели его въ паническій страхъ. Нельзя винить за него Черняева, потому что въ его поведеніи не было ничего, что не показывало бы только желанія охранить свое достоинство, какъ человѣка свободнаго и принадлежащаго къ подданнымъ державы, имѣющей нѣкоторыя права на уваженіе въ Европѣ*). Нельзя винить и пражское населеніе, которое, конечно, не могло оставаться равнодушнымъ къ такому наглому нарушенію гостепріимства, особенно въ отношеніи человѣка, оказавшаго важныя услуги не только славянскому дѣлу, но и гуманности и цивилизаціи вообще.

«Естественное и, можно сказать, инстинктивное отвращеніе къ Австріи», — говоритъ Гильфердингъ, — «ощущается почти всѣми». Это чувство вытекаетъ изъ сознанія безнравственности того явленія, что государство, лишенное всякой органической стихіи, завладѣло нѣсколькими народами, богато одаренными природою, и чтобъ сдѣлать изъ нихъ послушныхъ подданныхъ, отняло у нихъ всякую свободу развитія. Ложное политическое начало, на которомъ основано существованіе Австро-Венгріи, не можетъ, хотя бы благоразуміе, повидимому, того и требовало, допустить въ своихъ предѣлахъ независимую дѣятельность какой бы то ни было народности. Она не можетъ допустить этого безъ самоотреченія, потому что представляетъ государство, существующее только въ силу отрицанія всякой народной стихіи въ своихъ подданныхъ.

Насколько это вѣрно, видно изъ того, что когда послѣ разгрома 1866 года, Австрія была вынуждена хотя отчасти отречься отъ своихъ вѣковыхъ государственныхъ основъ и помириться хотя съ одною изъ подвластныхъ ей народностей, т. е. допуститъ свободное развитіе мадьярскаго племени, то она была въ состояніи это сдѣлать лишь новымъ, еще худшимъ закрѣпощеніемъ всѣхъ остальныхъ народностей и, въ особенности, славянскихъ. Вмѣсто растлѣвающаго вліянія народности нѣмецкой—потому что австріецъ, съ его полнѣйшимъ отсутствіемъ умственной дѣятельности и грубѣйшимъ матеріализмомъ, вовсе не похожъ на своихъ сѣверныхъ и западныхъ нѣмецкихъ братій — огромная масса славянъ была насильно подчинена уже вовсе чуждому и даже противному ей по духу вліянію мадьярскому. Конечно, рождается естественный вопросъ: какимъ образомъ горсть мадьяръ или нѣмцевъ можетъ имѣть такое роковое значеніе для плотной массы славянскаго населенія?— но не слѣдуетъ забывать грустной исторіи послѣдняго.

*) Курьезно, что наше посольство въ Вѣнѣ Черняева, какъ сербскаго генерала, признало турецкимъ подданнымъ и совѣтовало австрійскимъ властямъ обратиться къ турецкому послу!

Чувство народности имѣетъ у австрійскихъ славянъ огромную жизненную силу, потому что оно коренится въ умахъ народа; но оно также имѣетъ и свою слабую сторону, бывшую неизбѣжною причиною разочарованія, которое испытывали славянскіе патріоты всегда, когда событія требовали отъ нихъ практическихъ рѣшеній, вмѣсто теоретическихъ умствованій. Эта слабая сторона заключается въ томъ, что образованный и особенно высшій классъ западныхъ славянъ забылъ большею частью органическія начала своего племени и принадлежитъ по своимъ общественнымъ идеаламъ германскому и латинскому міру. Это забвеніе общихъ племенныхъ началъ и служитъ главною причиною разъединенія и безсилія славянъ, особенно на венгерской половинѣ монархіи, гдѣ славянъ, а болѣе всего угорскую Русь, преслѣдуютъ сильнѣе, чѣмъ на нѣмецкой.

Съ славянами эту часть преслѣдованія раздѣляютъ и румыны, которыхъ при абсолютной монархіи третировали какъ собакъ, а при конституціи угнетаютъ въ Венгріи всячески, только болѣе утонченными средствами. Не видя исхода, румыны обращались прямо къ императору, но добились только тюремнаго заключенія своимъ уполномоченнымъ.

Замѣчательно однако, что преслѣдованіе не мѣшаетъ румынамъ плодиться въ той части славянскихъ земель, гдѣ сербскій элементъ еще былъ усиленъ въ XVII вѣкѣ извѣстнымъ поголовнымъ переселеніемъ изъ Старой Сербіи въ Банатъ, подъ предводительствомъ патріарха Черноевича; славяне, сверхъ правительства и духовенства, встрѣтили соціальнаго и непобѣдимаго врага, въ необычной плодовитости румынскаго племени. Потому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ названія мѣстностей сербскія, очень часто сербовъ вовсе не осталось. Ихъ остается, однако, довольно, чтобы составить противовѣсъ централизаціоннымъ претензіямъ мадьяръ и добиваться для этой части сербскихъ земель той же автономіи, которою пользуется Хорватія и Славонія, автономіи, дѣлающейся первымъ шагомъ къ объединенію всѣхъ сербскихъ земель въ одно государственное цѣлое. Централизаторскіе попытки мадьяръ тѣмъ беззаконнѣе, что Хорватія принадлежала коронѣ св.. Стефана вовсе не по праву завоеванія, а по добровольному избранію одной и той же династіи, притомъ на извѣстныхъ для послѣдней условіяхъ. Тѣснѣйшее подчиненіе сербскихъ земель началось только послѣ 1849 года. Съ 1867 года положеніе еще ухудшилось и только соглашеніемъ 1874 года сдѣланы кое-какія уступки сербамъ, весьма недостаточныя. Историческое право, впрочемъ, было бы еще не такъ важно, еслибъ насильственное распространеніе мадьярскаго языка могло принести хотя какую нибудь пользу славянамъ. Знакомясь съ нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, славяне все-таки получали возможность черпать ближе изъ источника цивилизаціи, быть можетъ, имъ по духу и не подходящей, но, во вся-

комъ случаѣ, старой и богатой. Но что могутъ почерпнуть славяне изъ цивилизаціи мадьярской и какое просвѣтительное значеніе можетъ имѣть послѣдняя? Самое изученіе мадьярскаго языка для славянъ крайне затруднительно. И романскіе, и германскіе языки имѣютъ довольно много сроднаго съ языкомъ славянскимъ— корень ихъ одинаковъ и грамматика построена на тѣхъ же началахъ; это только части одного и того же главнаго организма. Но языкъ мадьярскій не сходенъ въ Европѣ ни съ однимъ языкомъ, кромѣ языка кочевыхъ вогуловъ Пермской губерніи. Курьезно, что сами образованные мадьяры не имѣли еще недавно понятія о своемъ языкѣ, объясняясь по-латыни и по-нѣмецки. Когда зашла рѣчь о необходимости поощрить, наконецъ, свой языкъ, старые магнаты обратились за его изученіемъ къ своимъ горничнымъ и кухаркамъ!

До 1872 года Венгрія, если выключить Хорватію и Словонію, представляла нѣкоторый контрастъ съ Цислейтаніей своей относительно спокойной конституціонной жизнью. Партія Деака располагала въ сеймѣ огромнымъ и однороднымъ большинствомъ и руководила безъ затрудненія дѣлами. Не занимая никакихъ офиціальныхъ должностей, но играя роль перваго министра, Деакъ сумѣлъ создать себѣ въ Венгріи совершенно особое положеніе, подобнаго которому нельзя найти въ другой странѣ, положеніе тѣмъ болѣе замѣчательное, что Венгрія—страна аристократическая, а Деакъ—провинціальный адвокатъ, выдвинувшійся исключительно вслѣдствіе своихъ талантовъ или, вѣрнѣе, дѣловитости, такъ какъ особымъ краснорѣчіемъ онъ никогда не отличался, да и отличиться не могъ, потому что всѣ мадьяры—природные ораторы.

Болѣзнь Деака и непріятности, постигшія графа Лоніайя, разстроили мало-по-малу господствующую партію; къ этому присоединились многочисленныя внѣшнія затрудненія вслѣдствіе неурожая, вѣнскаго биржевого кризиса, холеры, и особенно вслѣдствіе дурного положенія финансовъ, Разладъ мало-по-малу проникъ также и въ ряды оппозиціи; два главнѣйшіе вождя ея, Гичи и Коломанъ Тиша, разошлись во взглядахъ, и Тиша сблизился съ партіей Деака. Изъ руководителей умѣренной лѣвой стороны, Гичи пользовался общимъ уваженіемъ за свою политическую честность; онъ былъ популяренъ не менѣе Деака, но старъ и нерѣшителенъ, и потому не могъ взять на себя бремя управленія. Наоборотъ у товарища его, и отчасти соперника, Коломана Тиши, не было недостатка ни въ желаніи быть первымъ министромъ, ни въ способностяхъ; но Тиша находился первоначально въ положеніи очень двусмысленномъ: партія его держалась такъ называемой «Бихарской программы», т. е. требовала для Венгріи только личнаго союза съ Австріей и отрицала дуализмъ. Тиша однако безъ труда сдѣлалъ уступки въ своихъ убѣжденіяхъ и какъ ловкій оппортунистъ остался затѣмъ на пятнадцать лѣтъ верши-

телемъ политическихъ судебъ Венгріи, пока не пришлось пожертовать имъ, какъ протестантомъ, въ разгаръ ожесточенной борьбы партій изъ-за ограниченія вліянія католическаго духовенства, чрезвычайно сильнаго въ Венгріи.

Эпоха продолжительнаго управленія Тиши ознаменовалась подъемомъ экономическихъ силъ страны. Въ то время, когда Австрія улучшала мало-по-малу свои финансы Венгрія—постоянно запутывала ихъ. Конечно, общая участь всѣхъ новыхъ государствъ (Венгрія послѣ тысячелѣтняго существованія въ послѣднее время совершенно обновилась) имѣть неудовлетворительные финансы; но такое положеніе венгерскихъ финансовъ какъ-то не вязалось съ понятіемъ о чрезвычайномъ богатствѣ Венгріи и о сдѣланномъ ею экономическомъ прогрессѣ.

Нѣкоторую роль въ финансовыхъ затрудненіяхъ Венгріи играли причины естественныя и непредотвратимыя, но болѣе всего сдѣлало вреда неумѣлое управленіе финансами. Несмотря на постоянныя предостереженія оппозиціи, правительство и большинство венгерскаго парламента не хотѣли сначала и слышать о какихъ-либо ограниченіяхъ, разсчитывая на «неисчерпаемыя естественныя средства страны». Какъ щедры были они на непроизводительныя затраты, можно видѣть изъ того, что Венгрія, безъ министерствъ военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ, которыя общи для всей имперіи, имѣла, однако, десять министровъ—роскошь не малая для государства въ $15^1/_2$ милл. населенія, когда первоклассныя даже державы ограничиваются семью или восемью министерствами. Число чиновниковъ по крайней мѣрѣ вдвое превышало потребность страны; губернаторовъ назначали даже въ такіе города, которые вовсе ихъ не желали; расходы королевскаго двора были два раза значительно увеличены въ теченіе какихъ-нибудь семи лѣтъ. Не забыты были и такъ называемые «производительные расходы»; столица юнаго королевства устроила свои скверы и бульвары на казенный счетъ; болѣе же всего требовали субсидій желѣзныя дороги. Венгрія очень скоро ознакомилась съ современной доктриной, утверждающей, что желѣзныя дороги должны быть прежде и болѣе всего полезны тѣмъ, кто выдаетъ, утверждаетъ и получаетъ концессіи; государство же, акціонеры и публика являются уже на второмъ планѣ, чтобы, какъ говорятъ французы, «payer les pots cassés». Пять седьмыхъ государственныхъ доходовъ поглощалась прежде, чѣмъ оставалась хотя одна копѣйка на многочисленныя и разнообразныя потребности государства: администрацію, полицію, пути сообщенія, судъ, народное образованіе, санитарную часть, народную оборону (гонведовъ) и пр. Неудивительно, что Венгрія не могла никакъ свести концы съ концами и, вынужденная бороться съ дефицитомъ, ежегодно прибѣгала къ займамъ.

Болѣе всего способствовалъ этой путаницѣ своимъ оптимизмомъ бывшій министръ финансовъ Керкаполи. Хорошій профес-

соръ и ловкій діалектикъ, онъ принялся за изученіе финансовой науки уже по увольненіи своемъ въ отставку изъ министерства; когда наконецъ печальная истина раскрылась, то, несмотря на самоувѣренность венгерскихъ баричей, считающихъ себя еще отъ рожденія созданными для министерскихъ портфелей, никто изъ нихъ не пожелалъ принять печальное наслѣдство Керкаполи. Большинство палаты депутатовъ, прозрѣвшее опасность, упросило Гичи, одного изъ предводителей оппозиціи и главнаго врага финансовой политики правительства, принять управленіе министерствомъ финансовъ. Затѣмъ Тиша, при содѣйствіи весьма дѣльныхъ министровъ публичныхъ работъ, графа Іосифа Зичи и Бароша, поправилъ финансы страны, пользуясь тѣмъ, что венгерская половина эксплоатируетъ австрійскую. Труденъ былъ только первый переходъ къ экономіи. Во всякомъ случаѣ дефицитъ изъ венгерскаго бюджета исчезъ и нынѣ, при предстоящемъ въ 1897 г. пересмотрѣ соглашенія Венгріи съ Австріей, парламентъ послѣдней требуетъ увеличенія пропорціональнаго участія Венгріи въ расходахъ страны, предпочитая въ противномъ случаѣ учрежденіе таможенной черты.

Помимо финансовыхъ реформъ, понадобились для Венгріи и многія другія реформы. Нужно, было въ этой странѣ, гдѣ до 1848 г. были только два сословія: помѣщиковъ и крѣпостныхъ, принять мѣры для созданія средняго класса, а равно для того, чтобъ аристократія уважала, а не презирала трудъ и трудящіеся классы народа; въ особенности же полезно было бы Венгріи оставить свою узкую національную политику, перестать угнетать славянскія народности, входящія въ составъ ея населенія и составляющія самую трудолюбивую его часть, и, вмѣсто идей «мадьяризаціи», слѣдовать болѣе общимъ идеямъ свободы, прогресса и общественнаго благосостоянія. Къ сожалѣнію, несмотря на многочисленность славянъ въ Транслейтаніи и на довольно высокую цивилизацію нѣкоторыхъ изъ нихъ, депутаты ихъ не сумѣли образовать въ палатѣ независимой и серьезной партіи, и играютъ жалкую роль въ рукахъ мадьярскаго правительства. Особою зависимостью отличаются депутаты отъ словаковъ.

Это, впрочемъ, общая участь славянъ во всѣхъ странахъ. Не даромъ о нихъ нашъ знаменитый сатирикъ Салтыковъ остроумно замѣтилъ: «Славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся... Слезы, которыя капаютъ, капаютъ у нихъ внутрь, капаютъ кровавыми пятнами на сердце и все накипаютъ, все накипаютъ, пока не перекипятъ совершенно»...

Долголѣтнее управленіе Тиши и побѣда надъ аристократическою и католическою партіями въ церковномъ и школьномъ вопросахъ приготовили мало-по-малу полное торжество либераловъ, выразившееся на выборахъ 1896 года, стоившихъ всего 40 убитыхъ и болѣе 100 раненыхъ (черта венгерскихъ политическихъ нравовъ). Въ но-

вомъ венгерскомъ парламентѣ будетъ подавляющее большинство правительственныхъ либераловъ, на долю же враждующихъ между собою оппозиціонныхъ партій осталось едва по нѣсколько человѣкъ. Самая симпатичная, съ славянской точки зрѣнія, оппозиціонная католическая партія, такъ называемая народная, подъ бывшимъ предводительствомъ «руссофила» (какъ его величаютъ мадьяры) графа Ф. Зичи и кн. Эстергази, насчитываетъ не болѣе двадцати лицъ. Провалился даже знаменитый Угронъ, не дававшій правительству отдыха своими нерѣдко очень рѣзкими запросами, и его партія разсѣяна. Послѣдствіемъ этой побѣды либераловъ будутъ еще сильнѣйшее ожидовѣніе Венгріи, безпрепятственная мадьяризація славянъ и румынъ и стремленіе къ полной независимости отъ Австріи. Насчетъ послѣднихъ вожделѣній баронъ Банфи, первый министръ, высказалъ, что его государственные идеалы совпадаютъ вполнѣ съ идеалами Кошута, только кошутовцы требуютъ независимости немедленно, а онъ-де приближается къ ней исподволь, но вѣрно. Надобно замѣтить, впрочемъ, что до 1849 г. Венгрія была уже въ личной уніи, а до 1723 г. въ ней даже существовалъ особый порядокъ престолонаслѣдія.

Россія давно устроила дипломатическую агентуру въ Буда-Пештѣ: политика государства съ 15-ти милліоннымъ населеніемъ достаточно интересна, чтобъ оправдать расходъ этого рода, а тѣмъ болѣе въ виду доминирующаго положенія, занятаго мадьярами во внѣшней политикѣ дунайской монархіи. Какъ скудны были свѣдѣнія о Венгріи даже въ европейскомъ обществѣ, доказательствомъ тому служитъ прелестная наивность французскаго журналиста Мильо, напечатавшаго, какъ онъ удивился, узнавъ въ Буда-Пештѣ, что его лакей — мадьяръ. «У насъ въ Парижѣ, пишетъ Мильо, всѣ думаютъ, что мадьяръ значитъ венгерскій аристократъ». Въ Россіи, конечно, посильнѣе этого въ географіи и этнографіи, но много ли свѣдѣній имѣемъ мы о мадьярахъ, кромѣ того, что они носятъ узкіе гусарскіе панталоны, играютъ маршъ Ракочи, дѣлаютъ мышеловки и кричатъ «елейенъ!» Такое же незнаніе господствуетъ взаимно и въ Венгріи относительно Россіи, съ примѣсью еще ненависти, возбуждаемой воспоминаніемъ о 1849 годѣ. Поколѣніе, произведшее венгерскую революцію, только что вымерло, въ его рукахъ долго находилась власть, а потому отъ его непосредственнаго потомства трудно ожидать большого сочувствія къ Россіи.

Ростиславъ Фадѣевъ удачно сравнилъ Европейскую Турцію съ сундукомъ, крышку котораго тщетно старается открыть Россія, потому что на крышкѣ этой сидитъ Австро-Венгрія. Это положеніе Австро-Венгріи начинаетъ, повидимому, тяготить ее. Въ то время, когда наше общественное мнѣніе относится почти равнодушно ко всякимъ вопросамъ завоевательной политики на западѣ, вѣнскіе и пештскіе публицисты бьютъ постоянно тревогу, кричатъ

во всеуслышаніе, что Австро-Венгрія находится въ исключительныхъ условіяхъ, такъ какъ каждую минуту должна быть готова къ войнѣ за свое существованіе. По ихъ мнѣнію, главный и самый опасный врагъ Австро-Венгріи—Россія. Сами русскіе указываютъ-де на то, что восточный вопросъ, столь тѣсно связанный съ интересами Австріи, долженъ быть рѣшенъ не въ Стамбулѣ, а въ Вѣнѣ. Русскіе интересы встрѣчаются, кромѣ того, враждебнымъ образомъ съ австрійскими въ Польшѣ и Галиціи. Покуда польская національность будетъ пользоваться въ Австро-Венгріи значеніемъ и почетомъ равноправнаго элемента, всѣ усилія Россіи, направленныя противъ этой національности въ Польшѣ, останутся тщетны. Отсюда вытекаетъ, что завоеваніе Галиціи является единственнымъ средствомъ для разрѣшенія польскаго вопроса и что Россія, рано или поздно, рѣшится его испытать. Если же Россіи удастся захватить Галицію, то, по мнѣнію австровенгерскихъ публицистовъ, восточный вопросъ также разрѣшится въ ея пользу, и она создастъ на Балканскомъ полуостровѣ федерацію государствъ, родственныхъ по вѣрѣ и племенному составу и подчиняющихся ея вліянію. Австро-Венгрія очутится тогда между двумя сильными державами: германскою и всеславянскою, къ которымъ, по племенному родству, невольно будутъ тяготѣть составляющіе ее главные элементы населенія. Тогда настанетъ конецъ Австро-Венгріи и взорамъ современниковъ предстанетъ одно общее, обагренное кровью поле битвы, на которомъ разыграется ничѣмъ не отвратимое столкновеніе германскаго міра со славянскимъ. Все это и служитъ де лучшимъ доказательствомъ необходимости для Европы политической самостоятельности Австро-Венгріи, такъ какъ погибель послѣдней была бы началомъ продолжительныхъ племенныхъ войнъ, которыя не кончились бы ранѣе полнаго порабощенія слабѣйшей стороны. Извѣстный австрійскій ученый и политическій дѣятель Зюсъ высказалъ даже, что во всякомъ случаѣ безъ войны въ будущемъ столѣтіи останутся только три политическія группы: сѣверо-американцы, русскіе (славяне) и желтое племя, все остальное будетъ слишкомъ ничтожно.

«Если отъ подобнаго перемѣщенія политическаго центра тяжести сильно пострадаютъ Италія, Франція и Англія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, то на Австро-Венгріи оно отразится еще въ большей мѣрѣ. Можно даже прямо сказать, что успѣхъ Россіею будетъ купленъ лишь путемъ насильственной смерти и распаденія Австро-Венгріи и повлечетъ за собою ограниченіе сферы вліянія Германской имперіи. Въ плохо сшитыхъ владѣніяхъ Австро-Венгріи при общей войнѣ каждый найдетъ въ ея провинціяхъ что ему нужно. Понятно, что послѣдняя должна оградить себя отъ послѣдствій политики, клонящейся къ освобожденію славянскихъ племенъ, а потому она рано или поздно должна рѣшить, суждено ли славянамъ сдѣлаться господствующимъ

народомъ въ Европѣ, или же соединенными усиліями послѣдней устоять и остановить ихъ чрезмѣрныя притязанія и, отбросивъ это племя за его естественнные рубежи, сдѣлать совершенно безвреднымъ». Таково мнѣніе нашихъ противниковъ.

Спорить трудно, что вся наша политика по отношенію къ Австро-Венгріи основывается теперь, при другой группировкѣ интересовъ въ европейскихъ дѣлахъ, на отношеніяхъ этого государства къ славянамъ и къ Балканскому полуострову.

«Ежели стеченія обстоятельствъ и привели бы къ сему (славянскому) единству, оно будетъ на гибель Россіи», писалъ императоръ Николай I. Министръ его графъ Уваровъ, наиболѣе содѣйствовавшій сближенію съ славянами, когда при мысли объ этомъ у дипломатовъ школы графа Нессельроде тряслись поджилки, писалъ съ своей стороны: «Все, что имѣемъ мы на Руси, принадлежитъ намъ однимъ, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ намъ руки и молящихъ о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по расчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма».

Въ 1857 г., по поводу запрещенія аксаковскаго «Паруса», славянскій вопросъ былъ обсуждаемъ въ комитетѣ министровъ и по предложенію намѣстника царства Польскаго кн. Горчакова былъ признанъ опаснымъ и безполезнымъ. Подозрительный правительству славянскій вопросъ долгое время оставался въ Россіи только мнѣніемъ небольшого литературнаго кружка и не выступалъ на политическую почву. До сербской войны и похода Черняева онъ былъ даже почти неизвѣстенъ большинству нашей публики. Слабая попытка поставить его болѣе практически проявилась лишь въ съѣздѣ славянскихъ депутатовъ въ 1867 году на этнографическую выставку въ Москвѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что иниціатива этого дѣла принадлежала вовсе не Россіи, а тѣмъ чешскимъ политическимъ дѣятелямъ, Палацкому, Ригеру и др., которые, отстаивая федеральныя начала противъ дуалистическихъ плановъ графа Бейста и Деака, сдѣлали этимъ нѣкоторую политическую диверсію. Панславизмъ былъ тутъ пугаломъ для австрійскихъ министровъ, которые, впрочемъ, судя по ихъ упорству въ уступкахъ, не очень испугались его.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ лондонскомъ «New British Review» были напечатано слѣдующее довольно вѣрное сужденіе о русской политикѣ по отношенію къ славянскому вопросу:

«До сихъ поръ панславистская манія забавляла подданныхъ Россійской имперіи насчетъ Австріи. Она привлекала вниманіе многихъ патріотовъ, которые, не будь этой маніи, набросились бы на внутреннюю политику. Эта манія сослужила во всѣхъ отношеніяхъ хорошую службу русскому правительству, которое извлекло отсюда много для себя выгодъ, но которое никогда не принимало въ этомъ дѣятельнаго участія, всячески стараясь избѣгать того,

чтò могло бы компрометировать его. Такимъ образомъ, панславизмъ не имѣетъ въ Россіи офиціальнаго значенія. Русское правительство, вѣроятно, не истратило ни одного рубля на отправку эмиссаровъ въ славянскія провинціи Австріи, хотя добрые люди и утверждаютъ, будто эти провинціи переполнены русскими агентами. Если панслависты и заглядываютъ иногда въ славянскую Австрію, то это не офиціальные дѣятели, а простые любители или охотники, вызвавшіеся побывать тамъ».

Не отрицая важности панславизма въ будущемъ, нельзя не сознаться, что онъ и до сихъ поръ не вышелъ изъ сферы платоническихъ стремленій; а насколько однихъ этихъ стремленій недостаточно, тому служатъ доказательствомъ Германія и Италія, которыя тысячу лѣтъ дожидались своего единства, несмотря на смутно сознаваемую всѣми политическую необходимость этого единства и на дѣйствительное единство языка, нравовъ и цивилизаціи. Славяне, разбросанные отъ береговъ Адріатическаго моря и Одера до Тихаго океана, въ совершенно разнообразныхъ климатическихъ, культурныхъ и религіозныхъ условіяхъ, поставленные на разныя степени цивилизаціи, раздѣленные исторически на крайніе политическіе лагери (каковы, напримѣръ, русскіе и поляки) и не имѣющіе пока ни общаго языка, ни общей науки, искусства и литературы, которыя были всегда у нѣмцевъ и итальянцевъ, потребуютъ, конечно, для своего полнаго политическаго объединенія такого періода времени, который позволитъ австро-венгерскимъ государственнымъ людямъ поспать спокойно, не безпокоясь о предстоящихъ ужасахъ торжества панславизма.

Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что спать имъ все-таки не слѣдуетъ, такъ какъ будущность Австріи является въ весьма проблематическомъ видѣ: опасность для ея государственнаго существованія можетъ произойти не отъ Россіи и не отъ напора славянскихъ стремленій. Она выйдетъ оттуда, откуда австро-венгерскіе политики ожидаютъ помощи противъ Россіи. Не нужно забывать, что въ Австріи живетъ девять милліоновъ нѣмцевъ. Эти нѣмцы жаждали, конечно, независимости австрійской монархіи, потому что она давала имъ возможность эксплоатировать двадцать семь милліоновъ славянъ, венгровъ, румынъ и итальянцевъ, и командовать ими. Въ настоящее же время, когда мало-по-малу выгоды этого преобладанія уничтожаются, нѣмцы начинаютъ не безъ симпатіи поглядывать на великое общегерманское отечество, поглотившее уже слишкомъ сорокъ милліоновъ нѣмцевъ. Найти въ нѣдрахъ этого отечества успокоеніе отъ всѣхъ непріятностей и опасностей политической борьбы съ десятками противуположныхъ и недовольныхъ національностей, покажется, быть можетъ, для австрійскихъ нѣмцевъ соблазнительнымъ. Вотъ почему уже и образовалась въ рейхсратѣ нѣмецкая партія, добивающаяся сліянія съ общимъ Vaterland'омъ.

Тѣмъ не менѣе Австро-Венгрія должна опасаться и эмансипаціи своихъ славянъ. Они прозрѣютъ и потребуютъ власти сообразно своей численности, хотя бы Россія и не шевелила для этого пальцемъ. «Мы надѣемся только на свои силы, слышалъ я въ Загребѣ уже въ 1875 г., потому что въ мечту нашихъ отцовъ, будто русскіе придутъ и спасутъ насъ, не вѣрятъ теперь даже гимназисты».

Славянскій вопросъ, до 40-хъ годовъ зрѣвшій только въ головахъ нѣсколькихъ ученыхъ и представителей католическаго духовенства, поддерживавшихъ національныя литературы, въ интересахъ лучшей проповѣди въ простонародьѣ, не представляетъ уже какого-либо воображаемаго призрака, созданнаго или произвольно вызваннаго усложненіемъ политическихъ отношеній; нѣтъ, онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ историческая необходимость, естественное послѣдствіе и результатъ всеобщаго движенія цивилизаціи. Наступило, повидимому, время, когда славяне начали сознавать, что имъ предстоитъ еще иная борьба, кромѣ той, въ которой они тысячу лѣтъ сряду состязаются съ другими народами въ одномъ лишь личномъ мужествѣ и храбрости, и что передъ ними открывается болѣе благородная арена соревнованія, если только они не хотятъ, чтобъ племя ихъ, какъ негодный элементъ, было исключено изъ общаго хода человѣческаго прогресса и исчезло изъ всемірной исторіи.

«Никто, конечно, не откажетъ въ самой горячей симпатіи такому сознанію, замѣчаетъ по этому поводу австрійскій писатель Гемерле; но форма, въ которой готовы выступить наружу стремленія, вытекающія изъ самосознанія славянъ, должна живо озабочивать всѣхъ мыслящихъ людей. Форма эта называется Россіей, а господство послѣдней не можетъ быть благопріятно европейскому прогрессу; при такой формѣ всѣ пріобрѣтенія, добытыя трудомъ, силою и геніемъ романскихъ и германскихъ народовъ, могутъ погибнуть въ борьбѣ съ безплодными (?) стремленіями славянъ, а потому едва ли слѣдуетъ сомнѣваться, что славянскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ мечомъ. Чѣмъ скорѣе возгорится война, тѣмъ лучше; ибо всякое усиленіе Россіи, каждый новый шагъ ея на пути внутренняго развитія, есть для Европы источникъ слабости». Таковы мнѣнія австро-венгерскихъ публицистовъ, одушевляемыхъ, съ одной стороны, чувствомъ австрійскаго патріотизма, а съ другой—волнуемыхъ невольнымъ сознаніемъ безсодержательности подобнаго патріотизма, въ виду того положенія, въ которое стала Австрія относительно славянскихъ народностей, помазавъ ихъ по губамъ Октябрскими дипломами 1860 г., которыми были положены новые основы ея внутренней политики и предоставлено всѣмъ ея народностямъ право обсуждать мѣстные вопросы на своихъ земскихъ сеймахъ. Правительство уже черезъ мѣсяцъ (sic) стало обдумывать въ Вѣнѣ какъ бы съузить рамки октябрьской конституціи. Послѣдствіемъ чего и появился патентъ 26 февраля 1861 г., а

затѣмъ и дуализмъ, которымъ, по удачному выраженію Бейста—«славяне были приперты къ стѣнѣ».

Война, о которой говорится выше, легче всего возникнетъ изъ-за восточнаго вопроса, такъ какъ не нужно быть глубокимъ знатокомъ политики, чтобъ не сознавать, что вопросъ этотъ долженъ на столько созрѣть въ скоромъ времени, чтобы потребовать окончательнаго рѣшенія. Возбужденный уже давно, онъ подвергался только временнымъ остановкамъ—сперва вслѣдствіе того, что «больной человѣкъ» оказывался еще бодрымъ и духомъ, и тѣломъ, а затѣмъ благодаря тому, что возникли затрудненія относительно раздѣла наслѣдства. Каждый изъ претендентовъ выжидалъ минуту, когда начнутъ читать отходную надъ умирающимъ, чтобы поскорѣе захватить свою часть остающагося имущества. Нѣкоторые дѣйствовали приэтомъ подъ личиною доктринерскаго принципа старой школы—поддержанія европейскаго равновѣсія; для другихъ вопросъ заключался въ округленіи границъ, торговыхъ выгодахъ, открытомъ морѣ, въ племенномъ и религіозномъ покровительствѣ, хотя въ концѣ концовъ сводился къ желанію господствовать надъ Золотымъ Рогомъ, которое, по мнѣнію Наполеона I, влечетъ за собою всемірное господство.

Послѣднее желаніе показываетъ хорошій вкусъ, а также и здоровый аппетитъ; никто, конечно, не сомнѣвается, что именно Россія чувствуетъ такой аппетитъ и съ начала XVIII столѣтія считаетъ себя призванною рано или поздно вырѣшить восточный вопросъ. Дѣйствительно ни одно государство въ Европѣ не будетъ обладать такимъ богатствомъ и могуществомъ, какъ Россія, когда она вступитъ во владѣніе наслѣдіемъ османовъ; потому нечего и удивляться, что Россія преслѣдуетъ эту заманчивую цѣль съ такою настойчивостью. При такой постановкѣ, восточный вопросъ вѣрнѣе, по мнѣнію Гемерле, называть вопросомъ о «русскомъ всемірномъ господствѣ».

Многіе государственные люди высказывали, правда, мысль, что обладаніе Россіей Константинополемъ не влечетъ за собою какой-либо опасности; такъ Кобденъ и Брайтъ находили, что вслѣдствіе утвержденія русскаго владычества возникли бы на берегахъ Босфора великолѣпные города, процвѣли бы науки и искусства, и цивилизація отъ этого только бы выиграла. Фоксъ утверждалъ, что было бы безуміемъ стараться соперничать съ возрастающимъ могуществомъ Россіи на Черномъ морѣ; тѣмъ не менѣе, по мнѣнію того же австрійскаго публициста, предусмотрительная заботливость западныхъ державъ, а отчасти и Австріи, недаромъ же поддерживали Турецкую имперію и спасали ее отъ гибели. Основаніемъ къ такому образу дѣйствій послужило соображеніе, что торгово-политическіе интересы не могутъ еще служить единственнымъ мѣриломъ въ международныхъ отношеніяхъ, и что прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду самый характеръ расширенія чьего-

либо могущества, такъ какъ оно можетъ отразиться иногда весьма гибельно на самостоятельности другихъ народовъ и государствъ. А такъ какъ несомнѣнно, что цѣль Россіи—вызвать къ жизни многочисленныя родственныя ей славянскія племена, чтобъ поглотить ихъ въ стремительномъ потокѣ русской культуры и сдѣлаться владыкой юго-восточной Европы, то это доставитъ Россіи такое могущество, о какомъ едва ли мечтали сами римляне.

Понятно, что вся политика Австріи за двѣсти почти лѣтъ и состояла въ удаленіи насъ отъ разрѣшенія восточнаго вопроса. Было бы долго перечислять всѣ интриги и предательства Австріи по отношенію къ Россіи въ восточномъ вопросѣ. Австрія не спускала глазъ съ Балканскаго полуострова даже въ самыя отчаянныя минуты своей исторіи: такъ рѣшительно протестовала она противъ занятія Катарро въ моментъ, когда русскія войска шли къ ней на помощь послѣ постыдной капитуляціи Маака. Однимъ изъ самыхъ главныхъ и возмутительныхъ предательствъ было поведеніе австрійскаго двора во время войны, которую Россія вела съ Турціей при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ союзѣ съ Австріей. Несмотря на страшное кровопролитіе, на потерю 100,000 человѣкъ, на огромныя денежныя жертвы и побѣды Миниха, Россія ничего не получила, потому что Австрія, тайно отъ своего союзника, заключила миръ съ Турціей.

Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, Ланчинскій, писалъ по этому случаю: «Съ неописаннымъ прискорбіемъ принужденъ я донести, коимъ образомъ мирная негоціація, которая въ турецкомъ лагерѣ отправлялась черезъ генерала Нейберга и толь долгое время содержана была въ крайнемъ секретѣ, наконецъ, вскрылась зѣло гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая вѣрность и здѣшняго двора честь повреждена и репутація оружія ногами попрана». Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Синцендорфъ, старался солгать, что Нейбергъ дѣйствовалъ самовольно, императоръ Карлъ VI также «съ зѣло прискорбной миной» объявилъ, что «въ семъ срамномъ поступкѣ не имѣетъ никакого участія; надѣется онъ на правосудное сердце русской государыни, что изъ-за этого злосчастнаго случая дружбы къ нему не перемѣнитъ, но болѣе сожалѣть будетъ». Ланчинскій спросилъ, упоминается ли въ злосчастныхъ прелиминаріяхъ объ интересѣ ея величества?—«Упоминается, — отвѣчалъ цесарь, — только не въ такой мѣрѣ, какъ надлежало и какъ я писалъ».

На дѣлѣ мы были безсовѣстно преданы и ратификація прелиминарій возбудила удивленіе даже со стороны нашего главнаго тогдашняго врага въ восточной политикѣ — французскаго двора. Мало того, постыдный міръ возмутилъ даже вѣнцевъ, всегда столь спокойныхъ. Въ Вѣнѣ удвоены были караулы и приняты мѣры, чтобы войска могли немедленно задавить мятежъ, но все обошлось благополучно.

Еще гнуснѣе была роль Австріи на вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ, послѣ потоковъ крови русскихъ солдатъ, пролитой за Австрію, вопреки русскимъ интересамъ, въ 1799, 1805 и 1813—1814 годахъ, Меттернихъ не постыдился заключить съ Франціей и Англіей тайный союзъ противъ Россіи, инструментъ коего былъ случайно найденъ Наполеономъ I въ бумагахъ бѣжавшаго изъ Тюльери Людовика XVIII.

Всѣмъ извѣстно, что поведеніе Австріи въ крымскую войну, стоившее Россіи трети Бессарабіи, сильно охладило отношенія обоихъ государствъ. Для характеристики этого поведенія припомнимъ, что съ 1815 года Россія была самымъ ревностнымъ и услужливымъ помощникомъ австрійской политики въ Европѣ, поэтому неудивительно, что даже австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буоль иронически отозвался тогда, что «Австрія удивляетъ свѣтъ неблагодарностью».

Въ крымскую войну графъ Буоль сказалъ нашему послу въ Вѣнѣ, что «австрійская политика опредѣляется географіей; направленіе рѣкъ опредѣляетъ и направленіе австрійской политики». Фраза эта имѣла успѣхъ, ее не забыли въ вѣнскихъ канцеляріяхъ. И такъ какъ Дунай течетъ на востокъ, то туда стремилась и австрійская политика, сталкиваясь рѣшительно съ русской почти по всѣмъ пунктамъ.

Со времени Буоли уже семь министровъ занимали постъ, прославленный Кауницомъ и Меттернихомъ: Рехбергъ, Менсдорфъ-Пульи, Бейстъ, Андраши, Гагерле, Кальноки и Голуховскій. Первые два держались робко идей Меттерниха и лорда Стасфорда-Редклифа, т. е. оберегали какъ святыню цѣлость Оттоманской имперіи. Бейстъ, отчасти съ благословенія Бисмарка, понялъ, что парижскій трактатъ отжилъ свое время и что безсмысленно удерживать Румынію и Сербію вассалами султана. Но аппетитъ по отношенію къ турецкимъ землямъ впервые вновь разыгрался у Австро-Венгріи при графѣ Андраши, который былъ цыганомъ и по наружности, и по характеру. Лично обязанный туркамъ, съ похвальною твердостью отказавшимся выдать его австрійцамъ для повѣшенія за поведеніе въ 1849 г., Андраши съ спокойнымъ сердцемъ выторговалъ отъ России разрѣшеніе захватить огромный кусокъ турецкихъ земель, а три года спустя, противъ той же Россіи, заключилъ въ какой-то гостинницѣ съ Бисмаркомъ союзъ, ставшій «тройственнымъ».

Андраши снова оправдывалъ захватъ географическими соображеніями. Владѣя узкой полосой Далмаціи, Австрія не могла-де, въ стратегическихъ видахъ, позволить взять Боснію-Герцеговину ни Сербіи, ни Черногоріи, оставлять же эти большія провинціи Турціи—было также нельзя. Слѣдующіе министры, раздѣляя подобныя «географическія» воззрѣнія, увѣряли, что только сохра-

няютъ захваченное и не думаютъ ни о Салоникахъ, ни о томъ, чтбы распространять австрійское вліяніе въ Болгаріи.

Присоединеніе Босніи и Герцеговины было шагомъ смѣлымъ, такъ какъ оно могло имѣть вліяніе на юго-славянскій вопросъ и получить для Австро-Венгріи опасное значеніе. Дѣйствительно, образованіе новой самостоятельной сербской страны рядомъ съ существующими неминуемо должно было повлечь сближеніе сербовъ между собою въ болѣе тѣсный союзъ. Разъ же сербы въ Австро-Венгріи твердо почувствуютъ необходимость создать одно цѣлое, вся искусственная система дуализма рушится сама собою. Но сербы, оказавшіе австрійскому правительству столь важную услугу въ 1849 году, были уже разъ обмануты, какъ замѣчаетъ Гильфердингъ, «съ безстыдствомъ, которому трудно найти примѣръ въ исторіи» и мадьяры справедливо смѣялись, что «сербамъ пожаловали, какъ благодѣяніе и въ награду за преданность, тѣ же милости что мадьярамъ за мятежъ». Сербы были обмануты и на этотъ разъ. Далмація осталась въ составѣ Цислейтаніи (чему отчасти рады славяне цислейтанскіе, не желавшіе уменьшенія числа своихъ депутатовъ въ нѣмецко-польскомъ рейхсратѣ), а Боснія и Герцеговина, какъ уступленныя «временно», образовали общеимперскую область, не принадлежащую непосредственно ни къ какой части монархіи, т. е. не усиливающую въ парламентахъ ни сербскаго, ни вообще славянскаго элемента ни въ одной изъ нихъ. Они цивилизуется барономъ Калаемъ по нѣмецко-еврейской мѣркѣ, противной населенію, но вызывающей панегирики европейскихъ журналистовъ.

Такова была до сихъ поръ политика Австро-Венгріи, таковою она, конечно, всегда и будетъ. Надобно удивляться не тому, что австрійскіе государственные люди слѣдуютъ настойчиво извѣстной системѣ, хотя и не очень похвальной, но испытанной вѣками, а тому, что находились наивные люди, которые, забывая поучительные уроки исторіи, мечтали у насъ объ «австрійской дружбѣ».

Личное свиданіе государей въ Варшавѣ не сблизило интересовъ двухъ странъ, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Австрія помогала осуществленію весьма неясныхъ плановъ Наполеона III относительно Польши. Планы его не получили никакого опредѣленнаго очертанія, но Галиція пріобрѣла претензію сдѣлаться польскимъ Піемонтомъ. Надежда эта была парализована только славянскимъ движеніемъ, возникшимъ во всей Австріи и даже въ той же Галиціи. Какъ ни слабо было это движеніе, оно показало вѣнскому кабинету крайнюю опасность какихъ-либо наступательныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Рѣшительный поворотъ въ направленіи австрійской политики произвели, однакоже, успѣхи Германіи. Привыкнувъ сотни лѣтъ водить эту страну на буксирѣ, Австрія не оцѣнила съ перваго раза значеніе германскаго единства; но событія франко-прусской

войны окончательно открыли ей глаза. Австрія увидѣла, что ея первенствующая роль въ центрѣ Европы навсегда окончена, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознала опасность для своего существованія въ стремленіяхъ Германіи подчинить всѣ нѣмецкія земли своей власти. Противодѣйствовать вліянію Германіи, нашедшей себѣ преданную союзницу въ Италіи, Австрія могла только опираясь на Францію или на Россію; разстроенное положеніе первой изъ этихъ странъ мѣшало сближенію, сближенію же съ Россіей, помимо всѣхъ другихъ соображеній, помѣшало выдающееся положеніе Венгріи, какъ источника задирательной политики въ восточномъ вопросѣ, — которая болѣе всего отдѣляла интересы Россіи отъ австрійскихъ. Вѣнскія газеты осуждали претензію мадьяръ руководить восточнымъ вопросомъ, но совѣтывали, во всякомъ случаѣ, своему правительству осторожность въ этомъ дѣлѣ, находя, что политика императора Іосифа II, содѣйствовавшая успѣхамъ Россіи противъ Турціи, была очень вредна австрійскимъ интересамъ, отдавая въ руки Россіи Дунай—жизненную артерію Австро-Венгріи.

Отношенія Австро-Венгріи къ Россіи напоминаютъ теперь положеніе, въ которомъ первая находилась относительно Пруссіи—послѣ ольмюцкаго договора. Австріи удалось тогда пріостановить на нѣкоторое время стремленіе Пруссіи къ достиженію цѣлей, несогласныхъ съ выгодами дунайской монархіи; но это была только временная побѣда, потому что совершенно отказаться отъ своихъ замысловъ это полное жизни и силы государство не было въ состояніи. Дѣйствительно, при первомъ удобномъ случаѣ оно съ усиленнымъ напряженіемъ возобновило нападеніе и нашло Австрію совершенно неподготовленною къ отпору. Въ такомъ же положеніи находится и Россія. Она помнитъ, что Австрія остановила ее во время крымской войны и наканунѣ берлинскаго конгреса, въ ту самую минуту, когда Россія, казалось, уже овладѣвала предметомъ вѣковыхъ своихъ домогательствъ; Австрія надѣла на Россію тѣ тяжелыя оковы, которыя она сбросила только въ настоящую минуту.

Подобное положеніе естественно заставило австрійскихъ военныхъ людей отказаться отъ обычной апатіи и тщательно изучать всѣ шансы неминуемой будто бы войны Россіи съ Австріей. Начало этимъ изслѣдованіямъ положилъ еще въ 1868 году венгерецъ Капольнай. Быстрое сооруженіе цѣлой сѣти стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ въ юго-западной части Россіи въ концѣ 60-хъ годовъ обратило на себя вниманіе австрійскихъ стратегиковъ, которые признали, что австрійская сѣть желѣзныхъ дорогъ весьма недостаточна на случай войны съ Россіей. Этотъ предметъ былъ подробно разработанъ, и австрійцы пришли къ заключенію (отъ котораго впослѣдствіи отказались), что не слѣдуетъ строить крѣпостей, а нужно всячески развивать желѣзнодорожную сѣть; такъ какъ единственный способъ дѣйствія, обѣщающій успѣхъ въ войнѣ съ Россіей, есть наступленіе.

Блистательный примѣръ выгодъ наступательныхъ дѣйствій германскихъ войскъ во франко-прусской войнѣ создалъ у австрійскихъ военныхъ писателей этотъ поворотъ убѣжденій въ пользу наступленія. Для наступательныхъ дѣйствій внѣ своихъ предѣловъ Россія не можетъ будто бы, по бѣдности и обширности территоріи, выставить силы, соразмѣрныя своему населенію, а потому, сознавая недостаточность средствъ для наступленія, Россія всегда, по мнѣнію австро-венгерскихъ военныхъ писателей, старалась обезпечить себѣ успѣхъ посредствомъ сильныхъ союзниковъ, удачнаго выбора минуты для открытія военныхъ дѣйствій и ослабленія противника возбужденіемъ внутреннихъ безпокойствъ и возстаній въ его странѣ. Тайна военныхъ успѣховъ Россіи заключалась бо̀льшею частью не въ стратегическомъ и тактическомъ превосходствѣ, а въ искусной политикѣ! Въ случаѣ войны съ Россіей, Австро-Венгріи въ особенности слѣдуетъ остерегаться подобныхъ комбинацій. Нравственное впечатлѣніе, которое произведетъ открытіе военныхъ дѣйствій на австрійской территоріи на нѣкоторые элементы населенія Австро-Венгріи, враждебно къ ней расположенные и доступные вліянію славянскихъ идей, слѣдуетъ предотвратить во что̀ бы то ни стало, такъ какъ ошибку, сдѣланную въ этомъ отношеніи, едвали окажется возможнымъ поправить даже будущими побѣдами. Наоборотъ, при наступленіи можно разсчитывать на содѣйствіе Польши, хотя значеніе этого содѣйствія не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ высоко, особенно имѣя въ виду политическія усложненія, къ которымъ оно можетъ привести Австрію, также владѣющую бывшими польскими провинціями.

Центръ Россіи, на который и слѣдуетъ прямо наступать австрійской арміи, есть Москва; хотя силы Россіи и ея стратегическое положеніе представляютъ немаловажныя препятствія къ успѣху, тѣмъ не менѣе Австро-Венгрія должна непремѣнно взять на себя инициативу, съ тѣмъ чтобъ занять хотя извѣстное пространство русской земли, откуда, не вдаваясь въ дальнѣйшее преслѣдованіе арміи, ограничиться обороною занятаго края. Система эта могла бы повести къ экономическому истощенію Россіи. Но при этомъ вѣнскіе и пештскіе писатели забываютъ, кажется, что, по финансовому положенію, Австро-Венгрія едва-ли не была бы истощена въ такомъ случаѣ гораздо ранѣе, нежели Россія.

Способъ дѣйствія, предлагаемый другими военными авторитетами — также наступленіе, но объектъ дѣйствій прежде всего Петербургъ, потомъ Москва; цѣль дѣйствій — окончательное политическое ослабленіе Россіи. При вынужденномъ обстоятельствами отступленіи австро-венгерская армія все-таки должна думать только объ одномъ—какъ бы при первой возможности снова обратиться къ наступательному образу дѣйствій, почему не должна отступать за Карпаты, а занять фланговыя позиціи за рѣками Саномъ, Вислокомъ и Дунайцомъ.

Австро-венгерская дипломатія, для устраненія вѣроятностей войны увѣряетъ, что намъ будто бы выгоднѣе идти съ нею рука объ руку, нежели соперничать на Балканскомъ полуостровѣ. По ея мнѣнію, нашъ главный интересъ укрѣпиться на Черномъ морѣ; при этихъ условіяхъ можно будто бы отдать Салоники австрійцамъ, тѣмъ болѣе, что въ Архипелагѣ и на Средиземномъ морѣ Россія интересовъ де не имѣетъ. Да и обладаніе Чернымъ моремъ представляетъ для насъ интересъ лишь какъ средство сохранить безопасность южныхъ хлѣбородныхъ губерній!

Но если бы роль Россіи на Черномъ морѣ сводилась только къ послѣднему, то собственно говоря и хлопотать было бы не о чемъ, такъ какъ нашимъ южнымъ провинціямъ никто не угрожаетъ, и за двѣсти лѣтъ не было примѣра, чтобы кто либо начиналъ войну съ цѣлью ихъ отторженія, тогда какъ примѣры противнаго, т. е. войны, объявленной Россіей съ цѣлью наступленія на югѣ, многочисленны. Эти примѣры, которые находятся въ естественной и логической связи съ походами, которые Русь дѣлала черезъ Черное море еще въ X вѣкѣ, а можетъ быть подъ другими названіями и ранѣе, показываютъ, что двигателемъ ихъ была сила стихійная и непреоборимая. Сила эта извѣстна. Она вытекаетъ именно изъ невозможности для могучаго народа, для обширной имперіи упираться въ закрытое со всѣхъ сторонъ море, ключи къ которому находятся къ тому же у врага. Такимъ врагомъ былъ прежде византійскій грекъ, теперь турка. Еще Талейранъ замѣтилъ, что «Россія — гигантъ, у коего не можетъ быть полнаго развитія внутреннихъ силъ, благодаря тому, что поражены оба легкія», т. е. выходы изъ Балтійскаго и Чернаго морей. Движеніе на югъ вовсе не имѣетъ прямого соотношенія съ нашимъ стремленіемъ къ объединенію славянства, хотя въ послѣднее время оба движенія пошли параллельнымъ путемъ.

При такихъ условіяхъ какой же имѣетъ смыслъ запираться въ Черномъ морѣ? Россіи нуженъ именно выходъ на просторъ, въ Средиземное море, которое издавна служило связью со всѣмъ образованнымъ міромъ, а съ прорытіемъ Суэзскаго канала окончательно получило это значеніе. Какимъ же образомъ при сознаніи такого обстоятельства можно говорить спокойно объ отдачѣ Австро-Венгріи Салоникъ или другихъ открытыхъ портовъ Балканскаго полуострова. Отдавая побережье послѣдняго, мы отдаемъ и морское его населеніе. А каково будетъ наше положеніе и на Черномъ морѣ, если, имѣя могущественный флотъ, Австро-Венгрія будетъ въ состояніи запереть насъ, когда ей угодно, въ Дарданелахъ?

Я не говорю уже о малой вѣроятности осуществленія такой политической комбинаціи, при которой большинство земель Балканскаго полуострова перешло бы въ руки австрійцевъ. И теперь въ Австро-Венгріи славяне большинство населенія; государ-

ство это управляется только тѣмъ, что славяне подѣлены между нѣмцами и мадьярами. Прибавится еще нѣсколько милліоновъ славянъ, центръ тяжести перемѣстится и Австро-Венгрія сдѣлается по преимуществу славянскимъ государствомъ, т. е. станетъ вверхъ ногами. Нѣмецкія и мадьярскія провинціи будутъ болтаться тогда въ воздухѣ безъ всякой связи и смысла.

При такой перспективѣ странно толковать о русско-австрійскомъ союзѣ. Но если даже не гадать о будущемъ, а преслѣдовать исключительно ближайшія цѣли, то и тогда этотъ союзъ является нелогическимъ и противоестественнымъ. «На мертвомъ человѣкѣ жениться нельзя», глубокомысленно сказалъ Наполеонъ III агентамъ польскаго возстанія 1863 года, просившимъ помощи Франціи. Эти слова вполнѣ прилагаются и къ нашимъ отношеніямъ къ австрійцамъ. Благодаря извѣстному дипломатическому искусству австрійскихъ государственныхъ людей, благодаря безспорной энергіи и настойчивости венгерскихъ магнатовъ, Австро-Венгрія можетъ просуществовать въ настоящемъ своемъ видѣ большее или меньшее число лѣтъ, но это политическій организмъ, несомнѣнно обреченный къ смерти.

Сильная военная монархія въ центрѣ Европы всегда была необходима и всегда имѣла большое значеніе, но роль имперіи Габсбурговъ отняла теперь имперія Гогенцолерновъ и, конечно, не подѣлится ею ни съ кѣмъ. Изгнанная изъ Германіи, какъ изгнанная передъ тѣмъ Франціей изъ Италіи, Австро-Венгрія думаетъ поправить свои дѣла на Востокѣ, но то, что было возможно въ XVII столѣтіи, измѣнилось къ XX столѣтію, въ виду положенія, занятаго съ тѣхъ поръ Россіею, которая намѣтила уже ясно свои задачи по отношенію къ турецкому наслѣдству. Затѣмъ, если какое либо соглашеніе возможно, то съ кѣмъ заключать его, когда Австро-Венгрія, кромѣ своей династіи, представляетъ лишь организованную гражданскую войну не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніяхъ?

Потому можно рекомендовать для Россіи только выжидательное положеніе. Россія никогда болѣе не приметъ на себя трудъ примирять населяющія австро-венгерскую монархію національности съ лотаринго-габсбургской династіей, какъ въ 1849 году, да и вообще союзъ съ Австро-Венгріей былъ бы нелѣпъ, хотя и война съ нею безуміе и напрасная преждевременная растрата силъ, когда и безъ того всѣ политическія комбинаціи складываются въ нашу пользу.

Послѣ всѣхъ потерь и неудачъ Австро-Венгрія остается всетаки въ Европѣ могущественнымъ государствомъ, и голосу ея монарха повинуется огромная и храбрая армія; не дорожить добрыми отношеніями такого сосѣда было бы крайне неполитично. Австро-Венгрія важна для насъ, во-первыхъ, какъ противовѣсъ Германской имперіи, которая, хотя находится теперь съ нею въ

самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, но отношенія эти будущими событіями легко могутъ измѣниться; во-вторыхъ, доброжелательныя и открытыя сношенія съ Вѣной необходимы для Россіи въ видахъ мирнаго и добросовѣстнаго разрѣшенія польскаго вопроса; наконецъ, единомысліе съ Австріей не невозможно для насъ и въ восточномъ вопросѣ. Хотя интересы Россіи тутъ противорѣчатъ австрійскимъ интересамъ, но, желая по возможности мирнаго и постепеннаго разрѣшенія этого вопроса—а именно такого и слѣдуетъ желать для блага Россіи—нельзя не признать, что оно можетъ быть достигнуто только соглашеніемъ обоихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ.

Я могу ограничиться только очень немногими замѣчаніями касательно нашей торговой политики по отношенію къ Австро-Венгріи. Несмотря на сосѣдство и обширную границу, торговля Россіи съ дунайской монархіей въ общей сложности, включая и транзитные грузы, не превосходитъ 45—55 мил. р. въ годъ, т. е. немногимъ болѣе, чѣмъ торговля съ Австро-Венгріей маленькой Швейцаріи. Причина такого положенія та, что вывозъ нашъ встрѣчаетъ конкуренцію въ венгерскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, а привозъ австрійскихъ фабрикатовъ въ Россію стѣсняется нашею покровительственною системою и тяжелою таможенною процедурою.

Весьма мало также сдѣлано для взаимнаго ознакомленія производителей обѣихъ странъ. Купцы наши ѣздили, правда, въ австрославянскія земли съ колоколами, но никто не поинтересовался собрать тамъ какія-либо свѣдѣнія о возможности расширенія торговыхъ дѣлъ. Наше торговое сословіе очень равнодушно къ вопросамъ, связаннымъ съ австро-венгерской торговлей; учрежденному въ Вѣнѣ генеральному консульству пришлось болѣе заниматься русскими нигилистами и проигравшимися въ Монако соотечественниками, чѣмъ торговыми вопросами. Австро-венгерскіе купцы и правительство, наоборотъ, давно добивались измѣненія торговыхъ условій помощью заключенія болѣе удовлетворительнаго торговаго трактата. Даже поѣздка императора Франца-Іосифа въ 1874 г. въ С.-Петербургъ была въ связи съ заключеніемъ новаго торговаго трактата. Хотя сущность проектированнаго международнаго торговаго договора Россіи съ Австріей сводилась къ крайне незначительнымъ облегченіямъ по торговлѣ на сухопутной границѣ, но послѣ длинныхъ переговоровъ онъ не состоялся, и только въ 1894 году, послѣ того какъ Австро-Венгрія издала законъ о 50% надбавкѣ къ таможеннымъ пошлинамъ для странъ, не имѣющихъ трактатовъ, былъ заключенъ трактатъ, повторившій въ общихъ чертахъ условія русско-германскаго торговаго договора. Въ пользу Россіи были на 10 лѣтъ закрѣплены существующія хлѣбныя пошлины. Этимъ аграрная партія венгерскихъ и польскихъ помѣщиковъ лишена возможности причинить намъ ущербъ.

IV. ВЕЛИКОБРИТАНІЯ.

«Англичане—строгій и суровый народъ, говоритъ ихъ знаменитый историкъ Фрудъ, они не знаютъ состраданія иначе какъ на законномъ основаніи»; при этомъ англичане — народъ самый оригинальный въ мірѣ и хотя не выдумали обезьяны, какъ нѣмцы, но выдумали очень многое другое, въ особенности лицемѣріе—cant, вѣрнѣе безстыдный цинизмъ, при помощи котораго они ограбили почти весь міръ. Грабили они прямо, хватая на морѣ суда, вырѣзывая селенія мирныхъ негровъ и полинезійцевъ, грабили и косвенно—продавая опіумъ, проповѣдуя свободу торговли, заключая торговые трактаты, склоняя къ отмѣнѣ невольничества, устраивая безъ церемоній на чужой землѣ колоніи, посылая своихъ эмиссаровъ устраивать рабочія стачки, отыскивая повсюду «англійскіе интересы» и т. д., и т. д. И вотъ, какъ бы въ сознаніи содѣянныхъ прегрѣшеній, англичане начинаютъ каяться.

Покаяніе хотятъ дѣлать они не какимъ либо новымъ путемъ, по рецепту Дарвина или Герберта Спенсера, нѣтъ, а тѣмъ, который съ успѣхомъ былъ испытанъ въ Ѳиваидѣ еще въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Хотя все, говорятъ, на свѣтѣ случается, но между всѣми неожиданными вещами едва ли кто бы могъ подозрѣвать, что соборъ англиканскаго духовенства въ 1889 году будетъ серьезно обсуждать вопросъ, предложенный нѣсколькими клержименами господствующей церкви, объ устройствѣ въ Англіи общежитій, члены которыхъ дадутъ обѣты бѣдности, послушанія и цѣломудрія, т. е., по просту говоря, монастырей!

Сочинителя подобнаго проекта еще двадцать лѣтъ назадъ сочли бы за сумасшедшаго и отправили бы въ Бедламъ, хотя надобно сказать, что противъ пользы отъ уничтоженія въ XVI вѣкѣ монастырей и конфискаціи ихъ имуществъ неоднократно раздавались въ Англіи голоса и даже лордъ Биконсфильдъ посвятилъ этому нѣсколько блестящихъ страницъ въ своемъ знаменитомъ романѣ «Sybille». Но теперь дѣло идетъ уже не о ретроспективныхъ сожалѣніяхъ эксцентрическаго романиста, или о мечтаніяхъ поэта, а о положительномъ фактѣ.

Причины, побудившія англичанъ заняться монастырскимъ вопросомъ, состоятъ въ томъ, что при нынѣшней церковной организаціи приходскіе священники рѣшительно не въ состояніи заботиться о своей паствѣ въ большихъ городахъ. Сытому и довольному клержимену, окруженному большимъ семействомъ, съ привычками богатаго буржуа, некогда посѣщать грязныя и убогія жилища голодныхъ бѣдняковъ, да онъ къ этому и не способенъ. Въ свою очередь храмъ и проповѣдь такого господина не привлекаютъ рабочаго, сознающаго, что священникъ—баринъ и его нуждъ не понимаетъ и имъ не сочувствуетъ.

Чѣмъ кончится это дѣло — трудно предвидѣть. Сомнительно однако, чтобы общество, гдѣ не было такъ долго монастырей и гдѣ такъ цѣнится личная свобода, согласилось допустить обѣты, хотя бы и срочные и легко разрушимые. Во всякомъ случаѣ это религіозное движеніе чрезвычайно любопытно. Оно служитъ новымъ подтвержденіемъ духа реакціи, который мало-по-малу охватываетъ европейское общество. Нѣчто подобное было уже въ XVII вѣкѣ, послѣ волненій политическихъ и религіозныхъ XVI вѣка, да случалось и ранѣе. Сколько голосовъ раздается уже противъ парламентаризма, самоуправленія, свободы труда, свободы печати, свободы переселенія. Чего добраго, могутъ договориться до возстановленія инквизиціи и пытки.

Но ни одна изъ современныхъ доктринъ не потерпѣла такого фіаско въ такое непродолжительное время, какъ теорія свободной торговли, выставлявшаяся постоянно англичанами панацеею общаго мира и общаго благополучія. Даже въ клубѣ Кобдена въ Лондонѣ—учрежденіи, созданномъ исключительно для распространенія фритредерскихъ идей, — было заявлено грустное для его членовъ сознаніе, что идеи эти быстро теряютъ почву въ Европѣ. Въ самой Англіи имъ приходится съ трудомъ бороться противъ теоріи такъ называемой fair trade «справедливой торговли», теоріи, не представляющей ничего другого, кромѣ протекціонизма подъ другимъ болѣе для англійскаго уха пріятнымъ названіемъ.

Въ виду первостепеннаго значенія, принадлежащаго теперь религіознымъ вопросамъ въ Англіи, невольно удивляешься перемѣнѣ, произошедшей тамъ въ этомъ направленіи въ теченіе послѣдняго вѣка, особенно въ высшемъ обществѣ. Монтескьё, тончайшій наблюдатель своего времени, говоритъ, что въ Англіи нѣтъ религіи, что въ парламентѣ онъ не знаетъ и четырехъ лицъ, которыя ходили бы въ церковь, что въ обществѣ никто не говоритъ о религіи. Какъ сильно измѣнились, судя по этому отзыву, англійскіе нравы со времени путешествія знаменитаго мыслителя!

Затѣмъ, препятствій англичанамъ замаливать ихъ грѣхи въ монастыряхъ, конечно, нѣтъ. Можетъ быть даже тогда политика ихъ сдѣлается менѣе эгоистична. Они станутъ менѣе эксплоатировать Остъ-Индію, менѣе обманывать Турцію, устыдятся своего поведенія въ Египтѣ и, чего добраго, предложатъ намъ соединить поскорѣе желѣзнодорожнымъ путемъ Москву съ Калькуттой, построивъ посреди дороги, въ горахъ Афганистана, лавру, или, пожалуй, группу монастырей на подобіе Аѳона, гдѣ ихъ политическіе дѣятели, дипломаты и банкиры изъ Сити будутъ «спасаться» на старости лѣтъ. Скорѣе всего должны бы покаяться англичане за свои отношенія къ бѣдной Ирландіи. Всѣ увѣренія англійскаго правительства и англійской печати, лицемѣрно поддерживающей въ этомъ случаѣ свое правительство, будто бы ирландцы довольны послѣдними преобразованіями и феніанизмъ по-

терялъ всякую почву подъ ногами, совершенно ложны. Взаимное раздраженіе и ненависть, политическая и религіозная, продолжаютъ проявляться съ такою силою, что заставляютъ невольно призадуматься надъ судьбою дальнѣйшихъ отношеній Ирландіи къ ея могущественному властителю, систематически и безпощадно, въ теченіе вѣковъ, цинически подчиняющаго ирландскіе интересы собственнымъ потребностямъ.

Въ одной изъ своихъ лучшихъ рѣчей Брайтъ предлагалъ когда-то англійскому парламенту посвятить цѣлую сессію исключительно разсмотрѣнію ирландскихъ дѣлъ, чтобъ разъяснить, наконецъ, истинныя причины недовольства ирландцевъ и издать рядъ законоположеній, которыя разрѣшили бы окончательно ирландскій вопросъ. Но призывъ благороднаго патріота не встрѣтилъ сочувствія въ средѣ эгоистической палаты, находившей, что эмиграція, сократившая въ двадцать лѣтъ населеніе Ирландіи на 30%, совершенно удовлетворительно отстраняетъ всѣ затрудненія, созданныя сотнями лѣтъ эксплоатаціи, угнетенія и несправедливости, и блистательно разрѣшаетъ задачу, предложенную нѣкогда въ знаменитомъ ироническомъ проектѣ Свифта, — откармливать и съѣдать ежегодно 120,000 ирландскихъ дѣтей для уменьшенія числа папистовъ и повышенія заработной платы остающимся въ живыхъ ирландцамъ.

Гладстонъ сдѣлалъ для Ирландіи, можетъ быть, болѣе всѣхъ англійскихъ министровъ до него бывшихъ, за что̀ и заслужилъ отъ консерваторовъ титулъ революціонера, тайнаго католика и атеиста. Онъ сдѣлалъ бы, конечно, и болѣе, еслибъ не встрѣчалъ сопротивленія не только въ упорномъ индифферентизмѣ парламента, но и въ нерѣшительности своихъ товарищей, которые, по англійскому обычаю составлять министерства, набираются изъ аристократическаго кружка, преисполненнаго предразсудковъ и предвзятыхъ мыслей. Уничтоженіемъ въ Ирландіи государственной церкви и регулированіемъ поземельныхъ отношеній землевладѣльцевъ и фермеровъ, помощью land bill'ей, обезпечившихъ послѣднихъ отъ самовольнаго и безъ всякаго вознагражденія изгнанія съ фермы, Гладстонъ оказалъ Ирландіи немаловажную услугу; но услуга эта, повидимому, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ ирландцевъ. Глухое броженіе въ странѣ, сдерживаемое только военною силою, и прогрессія аграрныхъ преступленій показываютъ, что Ирландію можетъ успокоить только цѣлый рядъ мѣропріятій, изданныхъ исключительно въ ирландскихъ интересахъ и обсуженныхъ въ средѣ самихъ же ирландцевъ.

Теперь уже и въ самой Англіи начинаютъ сомнѣваться въ томъ, чтобъ англичане безъ участія автономнаго ирландскаго парламента могли удовлетворительно разрѣшить ирландскій вопросъ. Изъ этого сознанія вытекаютъ различныя предположенія о выдѣленіи Ирландіи изъ вещественнаго соединенія съ Великобританіей и объ учрежденіи союза съ нею только въ лицѣ общаго

монарха. Послѣднее требуютъ, впрочемъ, пока только друзья ирландцевъ. Другіе прожектеры умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и ограничиваются дуализмомъ, въ родѣ существующаго въ Хорватіи по отношенію къ Венгріи.

Противники подобной реформы говорятъ, что уже въ прошломъ столѣтіи былъ сдѣланъ неудачный опытъ съ ирландскимъ самоуправленіемъ; ирландцы имѣли уже право контроля надъ своими податями и даже надъ содержаніемъ королевскихъ войскъ въ мирное время въ Ирландіи — и не сумѣли сохранить его. Кромѣ того, ирландскій парламентъ, по мнѣнію этихъ лицъ, поведетъ прямо къ реакціи и упадку. Въ Ирландіи преобладаютъ республиканскія и ультра-католическія идеи. Религіозный фанатизмъ легко можетъ уживаться съ какою угодно формою правленія, и Ирландія, при отдѣленіи, изъ умѣренно-конституціоннаго государства превратится въ ретроградную республику, въ родѣ республикъ Южной Америки. Дѣйствительно съ 1782 по 1800 годъ Ирландія имѣла уже свой парламентъ, уничтоженный вслѣдствіе возстанія 1798 года; но исторія этого уничтоженія составляетъ позорную страницу англійской исторіи. Одинъ изъ благороднѣйшихъ англійскихъ государственныхъ людей, Д. Корнуаль Люисъ, въ своей «Исторіи англійскаго правительства съ 1770 по 1830 годъ», приписываетъ уничтоженіе отдѣльнаго ирландскаго парламента невозможности, вслѣдствіе нахальства протестантской партіи, сохранить равенство между протестантами и католиками и преувеличеннымъ опасеніямъ французскаго нашествія. Англичане, по словамъ того же писателя, считали отдѣльный парламентъ только игрушкою для забавы ирландцевъ. Для отнятія этой игрушки англичане поступили однако весьма коварно, обѣщали ирландцамъ эмансипацію католиковъ, но исполнили это обѣщаніе только двадцать восемь лѣтъ спустя; они подкупили также владѣтелей гнилыхъ ирландскихъ мѣстечекъ, на что̀ израсходовано было болѣе 9 милл. рублей, не считая раздачи мѣстъ, титуловъ и пр. Этого достаточно, чтобъ судить, насколько короткій опытъ самостоятельнаго управленія Ирландіей отдѣльнымъ ирландскимъ парламентомъ говоритъ за или противъ пользы отдѣльнаго ирландскаго правительства. Нужно прибавить еще, что ирландскій парламентъ прошлаго столѣтія, организованный совершенно въ духѣ англійской олигархіи, не можетъ считаться удовлетворительнымъ выраженіемъ экономическихъ и нравственныхъ потребностей страны.

Относительно вліянія ультра-католицизма можно сказать, что вредъ этого вліянія гораздо сильнѣе теперь, потому что онъ тайный, какъ вредна всякая болѣзнь, загнанная внутрь. Религія всегда сильнѣе тогда, когда она притѣсняется, нежели когда она свободна. При большей свободѣ католической религіи скорѣе можно ожидать безпристрастнаго и критическаго отношенія къ ней всего ирландскаго населенія. Затѣмъ, въ Ирландіи протестант-

ское населеніе составляетъ весьма значительный процентъ и при своемъ богатствѣ и образованіи сумѣетъ, конечно, отстоять свои права и религіозную свободу. Изъ двухъ опасностей—возвращенія католической церкви отнятыхъ у нея въ Ирландіи имуществъ и передачи католическому духовенству всего народнаго образованія,—послѣдняя, конечно, серіознѣе; но нѣтъ сомнѣнія, что протестантскій элементъ и образованный классъ ирландцевъ найдетъ возможнымъ защитить свободу воспитанія, какъ отстоялъ ее образованный классъ во всѣхъ недавно еще ультра-католическихъ странахъ—въ Испаніи, Италіи и даже въ Австріи. Потому опасенія относительно будущей католической реакціи кажутся сильно преувеличенными.

Упорство англичанъ въ дѣлѣ уступокъ Ирландіи проще всего объясняется личными интересами; недавно еще англиканское духовенство собирало громадные доходы съ ирландскихъ католиковъ въ свою пользу; теперь многіе англійскіе землевладѣльцы пользуются въ Ирландіи исключительнымъ и привилегированнымъ положеніемъ, съ которымъ, конечно, никто не желаетъ добровольно разстаться. Въ политическомъ же отношеніи отдѣленію Ирландіи никакого серіознаго препятствія не представляется, въ особенности для такой страны, какъ Англія, гдѣ подобная система федеративнаго соединенія испробована уже съ успѣхомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Ирландія представляетъ государство съ населеніемъ около $5^1/_2$ милл., постоянно уменьшающимся, бѣднымъ на столько, что въ нѣкоторые годы страна эта положительно приноситъ дефицитъ англійскому казначейству. Между тѣмъ, та же Англія имѣетъ владѣнія, напримѣръ, Канаду, съ $4^1/_2$ милл. жителей, южно-африканскія и австралійская колоніи (включая Новую Зеландію), которыя пользуются совершенною самостоятельностью и либеральными, почти республиканскими учрежденіями. Эти государства имѣютъ парламенты, основанные на всеобщей подачѣ голосовъ, чеканятъ свою монету и облагаютъ англійскіе товары при ввозѣ ихъ таможенными пошлинами для поощренія своей промышленности; а въ сношеніяхъ съ метрополіей они довели свободу до того, что Викторія, напримѣръ, обѣщала ссылать своихъ уголовныхъ преступниковъ въ Англію, если послѣдняя будетъ продолжать попрежнему высылку своихъ преступниковъ въ эту колонію. Если англійскія войска и стоятъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ владѣній, то это дѣлается единственно въ интересахъ самихъ колоній, не желающихъ подвергать себя военной повинности и предоставляющихъ означенную честь метрополіи.

Если Англія можетъ спокойно переносить подобное положеніе относительно Канады, Австраліи, Капской земли, Наталя и др. своихъ владѣній, то, конечно, одинъ предразсудокъ или ложный стыдъ заставляетъ ее увѣрять, будто для Ирландіи немыслимы такія уступки. Ирландія отдѣлена отъ Англіи естественными границами,

не можетъ угрожать ей политически, не можетъ и опереться на другую какую-либо страну; нуждается въ Англіи, какъ источникѣ капитала, нуждается въ англійскихъ фабрикахъ для сбыта своего труда, въ англійскомъ флотѣ и т. д. Вообще Ирландія гораздо болѣе нуждается въ Англіи, чѣмъ Англія въ Ирландіи. Единственное, что получаетъ Англія отъ Ирландіи—это полчища голодныхъ рабочихъ; но ихъ у нея и своихъ довольно. Поэтому политическое отдѣленіе Ирландіи въ томъ видѣ, какъ отдѣлена теперь Канада и т. п., должно оставаться однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для англійскаго парламента, если у послѣдняго хватитъ когда нибудь времени заняться серіозно Ирландіей. До этого отдѣленія однако очень далеко, ирландскій вопросъ былъ даже причиною распаденія существовавшей болѣе полуторастолѣтія партіи виговъ. Противники ирландскихъ реформъ и вообще наиболѣе умѣренные виги подъ именемъ «уніонистовъ», подъ предводительствомъ лорда Гартингтона, присоединились къ торіямъ и образовали вмѣстѣ съ послѣдними консервативную партію, оставшіеся же виги съ частью радикаловъ составили либеральную партію. Чистые радикалы и ирландцы остались особыми партіями, причемъ ирландцы распались еще на партію парнелистовъ и антипарнелистовъ сообразно отношенію ихъ къ идеямъ преемника О'Конеля—Парнеля, создателя «Національной лиги» и «бойкотизма».

Англійскій парламентъ многократно подвергался порицаніямъ и не за одно равнодушіе къ ирландскимъ дѣламъ. Еще Кобденъ говорилъ, что парламентъ имѣетъ свои достоинства, но «это ужасно тяжелая и дорого стоющая машина». Лордъ Блэкбурнъ писалъ, что когда онъ спросилъ, почему новый законъ не понятенъ, то министръ, внесшій билль, отвѣчалъ, что это сдѣлано было нарочно. «Если бы парламентъ понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, онъ бы навѣрно сталъ критиковать и задерживать законъ, теперь же спеціалисты поймутъ послѣдній, а въ случаѣ нужды судъ разъяснитъ недоразумѣнія». Общее мнѣніе таково, что въ Англіи, странѣ самоуправленія, парламентъ занимается только важными вещами и пренебрегаетъ мелочами. На дѣлѣ же это далеко не такъ, недаромъ и сложилась пословица въ Англіи, что «парламентъ все дѣлаетъ, только не въ состояніи мужчину сдѣлать женщиною».

Въ какія мелочи входитъ парламентъ, видно изъ способа его разсмотрѣнія городскихъ уставовъ. Уставъ города Аштона на Лайнѣ, утвержденный въ 1886 году, занимаетъ сто двадцать страницъ in-folio. Введеніе къ закону занимаетъ 5 страницъ, за которыми слѣдуетъ 5 страницъ объясняющихъ термины, упоминаемые въ уставѣ; это цѣлый юридическій лексиконъ. Разсмотрѣнію этого закона парламентская комиссія посвятила три мѣсяца и изъ 259 первоначальныхъ статей его оставила 219—и о чемъ только не говорятъ означенныя статьи. Парламентъ занялся и неприличными шансонетками, и объявленіями о средствахъ противъ се-

кретныхъ болѣзней, и правилами о собачьихъ намордникахъ, и разборомъ правъ жителей города Аштона мѣшать музыкантамъ и пѣвчимъ нарушать ихъ покой. Всѣ постановленія на этотъ счетъ образуютъ настоящій кодексъ. Такая регламентація для каждаго города и учрежденія отдѣльно, кромѣ потери времени, вызываетъ еще огромные расходы. У насъ жаловались, и справедливо, что проведеніе концессіей желѣзныхъ дорогъ обходилось предпринимателю въ значительныя суммы, которыя потомъ приходилось наверстывать насчетъ строительнаго капитала. Но расходы въ Россіи мелочь по сравненію съ тѣмъ, что требуется издержать въ Англіи, чтобы получить концессію желѣзной дороги.

Любопытныя данныя на этотъ счетъ содержатся въ обширномъ сочиненіи графа де-Франкевиля: Le Gouvernement et le parlement britanniques. Франкевиль приводитъ просто невѣроятные примѣры. Когда шла рѣчь о концессіи линіи изъ Лондона въ Брайтонъ, четыре конкуррировавшихъ компаніи издержали 100,000 фунт. стерл. на расходы въ парламентѣ, имъ понадобилось до 20 адвокатовъ, 6 sergents или совѣтниковъ короны, 20 ходатаевъ по дѣламъ, цѣлый штатъ парламентскихъ агентовъ, экспертовъ, инженеровъ и пр. Общество Trent Valley получило отказъ въ концессіи на линію изъ Стона въ Рюгби издержавъ 147,000 фунт. стерл. Концессія на Great Northern, о которой спорили пять обществъ, не была разсмотрѣна въ одну сессію, хотя парламентская комиссія посвятила ей 82 засѣданія. Когда, наконецъ, билль вотировали, издержки общества дошли до 550,000 фунт., но такъ какъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя пришлось измѣнить нѣкоторые параграфы концессіи, то расходы въ парламентѣ дошли до 770,000 фунт. стерл. И это за желѣзнодорожную линію въ 355 верстъ!

Для линіи изъ Ворчестера въ Герефордъ общество съ капиталомъ въ 555,000 фунт. стерл. издержало 240,000 фунт. стерл. на полученіе концессіи. Двадцать лѣтъ назадъ въ Англіи считалось, что расходы на полученіе концессіи и устраненіе конкуррентовъ составляютъ 30,000 руб. на версту; десять лѣтъ тому назадъ расходы дошли до 36,000 руб., а теперь превосходятъ 40,000 руб. на версту. Офиціальный документъ, представленный парламенту въ 1884 году, объясняетъ, что за десять лѣтъ, съ 1872 по 1882 годъ, желѣзнодорожныя общества издержали въ парламентѣ болѣе 4.000,000 фунт. стерл., при чемъ означенныя цифры не полны еще, такъ какъ сорокъ обществъ не доставили свѣдѣній о своихъ издержкахъ.

Я сообщаю всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія вовсе не для того, чтобы ввергнуть въ грусть бывшихъ путейскихъ дѣятелей, зачѣмъ они продешевили при выдачѣ концессій въ миѳическую теперь эпоху желѣзнодорожной горячки 1866—1876 годовъ, а дабы показать, что и на западѣ не все такъ хорошо и благоустроено,

какъ издали кажется. Сэръ Ричардъ Мунъ, предсѣдатель одного изъ главныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ London and North Western Railvay, произнесъ рѣчь, гдѣ доказывалъ, что англійскій парламентъ изданіемъ новаго закона о тарифахъ желѣзныхъ дорогъ просто-на-просто «ограбилъ» акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ. Бываютъ, однако, явленія и противуположныя въ той же парламентской практикѣ.

Весьма важный законопроектъ, которымъ измѣнялись правила о приготовленіи и продажѣ взрывчатыхъ веществъ, въ самый день внесенія, палата общинъ приняла безъ преній въ первомъ и второмъ чтеніяхъ и немедленно приступила къ обсужденію по статьямъ. Одобривъ его затѣмъ безъ всякихъ перемѣнъ и безъ голосованія, палата въ тотъ же день препроводила билль въ палату лордовъ, которая приняла его цѣликомъ.

Такая поразительная быстрота разрѣшенія важнаго законодательнаго вопроса въ двухъ многочисленныхъ собраніяхъ служитъ подтвержденіемъ, что въ Англіи конституціонный механизмъ приспособленъ для какого угодно разрѣшенія дѣлъ. Та же палата, которая въ сутки разрѣшила не шуточный вопросъ о динамитѣ, посвятила десятки засѣданій на обсужденіе подробностей своего регламента, хотя съ послѣднимъ не связано ничье существованіе и такъ или иначе редактированная статья не угрожаетъ ничьей жизни.

Здѣсь-то и проявляется здравый смыслъ и практическая сметка англичанъ. Они понимаютъ, что въ общемъ хорошій регламентъ палаты, регулирующій спокойное и серьезное обсужденіе тысячи законовъ, которые такъ или иначе будутъ касаться всего населенія Англіи, несравненно важнѣе, чѣмъ спеціальный законъ, который сегодня кажется чрезвычайно важнымъ, но завтра при успокоеніи революціонныхъ элементовъ можетъ оказаться мертвою буквою, однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ законовъ, которые въ Англіи никогда не отмѣняются, но и никогда не примѣняются на практикѣ. Въ другихъ государствахъ смотрятъ иначе. Во Франціи, напримѣръ, или въ Италіи законъ, въ родѣ того, что былъ утвержденъ англійскими палатами безъ преній, вызвалъ бы безчисленныя пререканія, поправки и измѣненія въ статьяхъ, но умѣнье разобраться въ путаницѣ различныхъ интересовъ, а главное— умѣнье быть единодушными въ надлежащую минуту, для принятія безъ длинныхъ церемоній практическихъ и рѣшительныхъ мѣръ, и составляетъ силу конституціонной жизни Англіи. Потому-то въ то время, когда во всей Европѣ, даже въ Голландіи, жалуются, что парламентарная форма не удовлетворяетъ современнымъ потребностямъ государственной жизни и требуетъ обновленія, въ Англіи подобныя жалобы вызываютъ лишь улыбку.

Иногда впрочемъ улыбаться приходится не англичанамъ. Послѣдніе высказываютъ подчасъ такое недовѣріе въ вещахъ даже со-

вершенно невинныхъ, которое и объяснить себѣ нельзя, не обладая нѣкоторой долей британской логики. Это въ особенности блистательно проявилось въ вопросѣ о проведеніи ламаншскаго подводнаго туннеля. Какъ извѣстно, англійское правительство, вопреки выданной парламентомъ концессіи, приказало пріостановить работы по устройству этого туннеля, подъ предлогомъ, что онѣ угрожаютъ безопасности Англіи!

Исторія этого событія поучительна, доказывая, какъ узкій консерватизмъ и недоброжелательство къ прочимъ народамъ продолжаютъ составлять отличительныя черты англійскаго характера. Когда въ сороковыхъ годахъ Томэ-де-Гамонъ, авторъ проекта подводнаго туннеля, поѣхалъ въ Англію пропагандировать свою идею, то былъ принятъ тамъ съ распростертыми объятіями. Правда, лордъ Пальмерстонъ встрѣтилъ его также сухо, какъ и автора проекта прорытія Суэзскаго канала, за то королева Викторія, принцъ Альбертъ, Кобденъ, Гладстонъ—закрывшій потомъ работы на туннелѣ—осыпали Томэ-де-Гамона комплиментами. «Погодите только, чтобы *старикъ* (т. е. лордъ Пальмерстонъ) померъ», сказалъ на прощаніе Томэ-де-Гамону Кобденъ.

Старый Palm умеръ и въ 1875 году Мишелю Шевалье, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усилій, удалось черезъ лорда Дерби, тогда министра иностранныхъ дѣлъ, добиться концессіи. Немедленно были начаты работы и туннель могъ бы быть оконченъ въ 1885 году. Оппозиція проведенію туннеля началась только въ 1884 году статьями въ «Times» и журналѣ «Nineteenth Century». Вскорѣ агитація усилилась; вся военная партія, съ герцогами Кембриджскимъ и сэромъ Гарнетомъ Уольслеемъ во главѣ, и вся старо-консервативная партія присоединились къ противникамъ туннеля. Въ pendant къ знаменитой брошюрѣ «Сраженіе при Доркингѣ», какой-то шутникъ издалъ брошюру: «Какъ Джонъ Буль потерялъ Лондонъ». Здѣсь описывалось, что подъ предлогомъ участія въ массонскомъ праздникѣ французская армія, переодѣтая въ штатское платье, но со спрятанными кинжалами, поѣхала по туннелю и, выѣхавъ въ Англію, захватила хитростью Дувръ, Лондонъ, а черезъ нѣсколько дней и всю Англію. Эта нелѣпость произвела колоссальное впечатлѣніе въ публикѣ. Даже такіе первоклассные умы, какъ Любботъ, Спенсеръ, Гукслей стали противниками прорытія туннеля! Въ виду рѣзкаго поворота общественнаго мнѣнія и правительство потеряло голову. Гладстонъ назначилъ комиссію, преимущественно изъ военныхъ, для обсужденія вопроса объ опасности для Англіи отъ туннеля, а до того пріостановилъ работы.

Любопытно, какъ въ эпоху сооруженія Суэзскаго, Панамскаго и Коринѳскаго каналовъ и проведенія Монъ-Сенискаго и Сенъ-Готардскаго туннелей, могла явиться такая оппозиція невинному въ военномъ отношеніи предпріятію, экономическія послѣдствія

котораго громадны. Я говорю «невинному» потому, что устье канала будетъ имѣть діаметръ всего въ двѣ сажени. Неужели же англичане не имѣютъ всегда возможности завалить чѣмъ нибудь подобную дыру въ случаѣ опасности близкой войны? Одинъ остроумный французъ объясняетъ, что англичане поступаютъ такъ подъ вліяніемъ «нервовъ», какъ поступаютъ хорошенькія женщины. Нервы пройдутъ и туннель явится, потому безполезно и убѣждать англичанъ. Можетъ быть это и вѣрно.

Что британцы болѣе нервны, чѣмъ думаютъ, доказываетъ, почти всегда неожиданная перемѣна въ общественномъ мнѣніи, вызывающая перемѣну въ министерствахъ, особенно же если министерства задаются преобразованіями; англичане по натурѣ своей несомнѣнно консервативны въ политическихъ дѣлахъ и идея смѣлаго реформатора, храбро обновляющаго обветшалое зданіе ихъ законодательства, имъ просто противна. Англичане съ охотою принимаютъ только тѣ реформы, которыя давно уже проникли во всеобщее сознаніе. Послѣ парламентской реформы 1832 года побѣда либераловъ на выборахъ была такъ рѣшительна, что въ палату вступило очень мало консерваторовъ и, казалось, торійская партія надолго утратила свое политическое значеніе. Не прошло, однако, и двухъ лѣтъ, какъ либеральное министерство стало подвергаться сильнымъ нападеніямъ быстро оправившейся консервативной партіи, а въ 1835 году уже пало подъ напоромъ послѣдней. Та же исторія повторялась неоднократно. Англійскіе консерваторы новой формаціи не имѣютъ ничего впрочемъ общаго съ реакціонерами; они признаютъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ благосостоянія Англіи—свободу печати, доставляющую рабочему обильные источники познанія, образованія и удовольствія; они одобряютъ парламентскую форму правленія, но только подъ условіемъ существованія партій, безъ которыхъ всякое собраніе пало бы передъ могуществомъ или подкупомъ министра; парламентскія реформы 1832—1884 гг. они упрекаютъ только за то, что, усиливъ вліяніе аристократіи и расширивъ права среднихъ классовъ, онѣ мало сдѣлали для рабочихъ классовъ, и даже прямо отмѣнили многія привилегіи, которыя принадлежали рабочимъ съ незапамятныхъ временъ. Такіе взгляды могутъ высказывать публично только англійскіе консерваторы. Въ своей полемикѣ съ радикалами, защищая палату лордовъ и корону противъ нападковъ Лабушера и т. п., Дизраэли не прибѣгалъ къ тѣмъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгнулъ бы французскій легитимистъ или прусскій юнкеръ, а приводилъ доводы въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: лорды наслѣдственные лучше назначаемыхъ короной, потому что каждый лордъ знаетъ, что если сословіе, къ которому онъ принадлежитъ, будетъ постоянно идти въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, то это можетъ повести къ тому, что потомству его не доведется пользоваться его достоинствомъ. Преимущество монархіи для Ан-

гліи Дизраэли видѣлъ въ томъ, что каждое лицо, поставленное въ непрерывное общеніе съ самыми выдающимися государственными людьми разныхъ партій, даже при посредственныхъ способностяхъ, пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени значительный запасъ политическаго знанія и политической опытности; что республиканское правительство при федеральномъ устройствѣ, наиболѣе удобномъ для большого государства, стоитъ гораздо дороже монархіи — это видно изъ американскаго бюджета, — и, наконецъ, что при существованіи монарха, какъ «источника почестей», множество важныхъ должностей могутъ быть даровыя; въ республикѣ же онѣ требуютъ вознагражденія. Словомъ, Дизраэли не сходилъ ни на минуту съ почвы чисто-реальныхъ интересовъ.

Разстройство либеральной партіи, располагавшей такъ долго значительнымъ большинствомъ въ Палатѣ общинъ и съ успѣхомъ осуществившей весьма серіозныя реформы: законъ о начальномъ народномъ образованіи, преобразованіе арміи, расширеніе избирательнаго права и ирландскій поземельный вопросъ, почти непонятно для континентальнаго читателя, поражающагося тѣмъ, до какой степени въ Англіи вліятельны еще религіозные интересы и какъ противенъ англичанамъ всякій радикализмъ въ дѣлѣ реформъ. Нужно, чтобъ злоупотребленія какого-либо учрежденія достигли въ этой странѣ до крайнихъ предѣловъ, чтобъ англичане рѣшились хотя бы на самыя малѣйшія уступки и измѣненія. Если отстранить узкіе и мелочные интересы разныхъ религіозныхъ сектъ, то мѣропріятія Гладстона кажутся мѣрами до того умѣренными, что можно только удивляться тому ожесточенію, съ которымъ они порицались въ парламентѣ и образчикомъ котораго могутъ служить слѣдующія слова бывшаго министра Горсмэна: «Въ палатѣ общинъ не исчезъ еще духъ, который допустилъ бы министра такимъ образомъ обезчестить законодательное собраніе и разрушить независимость парламента!»

Коалиція, возставшая противъ Гладстона, состояла изъ закоснѣлыхъ приверженцевъ англиканской церкви, враговъ Ирландіи и нѣкоторыхъ радикаловъ, предводительствуемыхъ Чемберленомъ. Гладстонъ понялъ силу подобной коалиціи и сразу заявилъ о готовности своей сдѣлать уступки, благоразумно заявляя, что для него дорогъ принципъ преобразованій, а не второстепенныя подробности. Но уступчивость не всегда бываетъ умѣстна; по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ желаніе угодить обѣимъ сторонамъ ни къ чему не повело. Одна газета остроумно замѣтила, что удовлетворить всѣ интересы такъ же трудно, какъ накормить одною пищею всѣхъ звѣрей зоологическаго сада. Англичане чрезвычайно презираютъ парламентскія коалиціи и компромиссы.

Гладстонъ и за нимъ Розбери удалились отъ дѣлъ, но чѣмъ разрѣшится кризисъ либеральной партіи, неизвѣстно. Англійскія министерства, исчерпавъ свою программу, любятъ иногда удаляться

отъ дѣлъ, получивъ пораженіе по какому-либо второстепенному вопросу. Это своего рода хорошая тактика, дозволяющая имъ потомъ гораздо легче возвращаться снова къ дѣламъ. Поэтому какъ ни велико кажется торжество по внутреннимъ вопросамъ консерватизма и лорда Салисбюри и какъ ни «пріѣлась», выражаясь вульгарно, Англіи изворотливая политика Гладстона, все-таки либеральная партія располагаетъ еще нѣкоторымъ вліяніемъ въ парламентѣ; но погони за министерскими портфелями въ Англіи не существуетъ. Одинъ писатель еще въ прошломъ столѣтіи остроумно подмѣтилъ эту черту. «Станьте на мосту въ Парижѣ» — сказалъ онъ — «и спрашивайте проходящихъ, желаютъ ли они быть министрами: изо ста человѣкъ едва ли одинъ откажется отъ подобнаго благополучія; сдѣлайте то же самое въ Лондонѣ: едва ли вы встрѣтите одного человѣка на сто, который пожелалъ бы когда-нибудь быть министромъ». Отъ этого въ Англіи нѣтъ примѣра, чтобъ партія, располагающая въ палатѣ всего нѣсколькими голосами, добивалась власти съ такимъ же рвеніемъ и азартомъ, какъ будто бы за нею было большинство страны. Временная слабость либераловъ зависитъ и отъ отсутствія опытнаго руководителя: Гарткортъ замѣнить Гладстона не въ силахъ.

Засимъ управленіе страной торійскимъ министерствомъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ реакціи; очень многія либеральныя реформы были проведены въ Англіи въ этомъ столѣтіи торіями, послѣ неудачи, понесенной либералами. Поэтому только часть реформъ будетъ отложена, особенно та, которая касается палаты лордовъ, по другимъ же вопросамъ консервативное министерство, съ другими только людьми, невольно пойдетъ по стопамъ своего предшественника, а объ иностранной политикѣ и говорить нечего. Въ этомъ отношеніи Англія не мѣняется, да и вообще отличная организація партій даетъ ея политическому строю удивительную устойчивость. Зато мы и видимъ старую королеву Викторію, научившуюся искусству управленія у нѣмецкаго доктора Эрнеста Штокмара, спокойно царствующею уже шестьдесятъ первый годъ, въ то время когда въ этомъ періодѣ Европа вынесла революцію 1848 года, Луи-Филиппъ и Наполеонъ III умерли на чужбинѣ, Изабелла II и Амедей отказались отъ престола, императоръ Бразильскій, король греческій Оттонъ, князь Александръ Болгарскій, хедивъ Измаилъ и цѣлая серія государей нѣмецкихъ и итальянскихъ государей были изгнаны, Мурадъ V свергнутъ и заточенъ, король датскій потерялъ половину своихъ владѣній, императоръ австрійскій былъ изгнанъ изъ Германіи и Италіи. Я не говорю уже о трагической смерти императора Александра II, императора Максимиліана, герцога Пармскаго, Абдулъ-Азиса, президентовъ Линкольна, Гарфильда, Карно и мн. др.

Въ старину, начиная отъ Ивана Грознаго, англичане считались нашими лучшими союзниками и пользовались въ Россіи боль-

шими привилегіями по торговлѣ. Барыши, извлекавшіеся ими, повели къ прекращенію привилегій, которое не могло совершиться иначе, какъ изгнаніемъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, англичанъ изъ Россіи, подъ предлогомъ, что «аглицкіе люди учинили зло великое—короля Каролуса на смерть убили». Торговыя сношенія затѣмъ мало-по-малу возстановились, но дружба смѣнилась уже нѣкоторымъ недовѣріемъ съ обѣихъ сторонъ.

Петръ Великій хотя искалъ союза съ Англіей противъ Швеціи, желалъ вступить съ англичанами въ «великую аліанцыю» и даже предлагалъ для герцога Мальборо создать княжество Кіевское, Владимірское или Сибирское, «которые похочетъ», но уже тогда инстинктивно сознавалось, что усиленіе Россіи на Балтійскомъ морѣ для Англіи пріятно быть не можетъ. На вопросъ нашего посла Матвѣева въ 1706 году, потребно ли англичанъ обнадеживать, что «не изволите великихъ воинскихъ флотовъ въ томъ морѣ имѣть», Петръ Великій собственноручно написалъ: «Зѣло потребно только о числѣ (т. е. о числѣ кораблей) еще прежде времяни не давать знать»...

Понятно, что англичанъ въ этомъ случаѣ провести нельзя было и уже въ концѣ царствованія Петра мы видимъ Англію рѣшительно на сторонѣ нашихъ противниковъ. Тогда, однако, ссориться съ Россіей она имѣла интересъ второстепенный. Не придавая значенія Остъ-Индіи, Англія не обращала большого вниманія и на Турцію, гдѣ первенствующую роль играла Франція, пользовавшаяся, еще съ XVI вѣка, оттоманскимъ могуществомъ для традиціонной борьбы своей съ Австрійской или, по тогдашнему, Германской имперіей.

Во второй половинѣ XVIII вѣка центры политической тяжести перемѣщаются: Россія приближается къ Черному морю и Англія, которая уже при Петрѣ смотрѣла на это приближеніе недоброжелательно, старается воспрепятствовать распространенію русскаго могущества на Востокѣ. Во всѣхъ войнахъ при Екатеринѣ II-й англійская дипломатія становится прямо поперекъ русской. Съ тѣхъ поръ усиленіе англійскаго владычества въ Остъ-Индіи, пріобрѣтенія Цейлона, береговъ Аравіи, части Остъ-Индскаго Архипелага, развитіе торговли съ Китаемъ и Японіей и, наконецъ, перемѣщеніе главнаго торговаго пути на дальній Востокъ и въ Австралію черезъ Суэзскій каналъ окончательно укрѣпили въ англійской государственной политикѣ желаніе парализовать насколько возможно вліяніе Россіи. Послѣдняя съ своей стороны не оставалась въ долгу и пользовалась при случаѣ внутренними затрудненіями Англіи. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый вооруженный нейтралитетъ 1780 года, посылка въ 1863 году эскадры Лесовскаго въ Соединенные Штаты въ моментъ, когда эта держава готова была объявить войну Англіи за поддержку конфедераціи, и т. п.

Словомъ, за полтораста слишкомъ лѣтъ можно насчитать очень

немного случаевъ, гдѣ наши интересы шли рука объ руку съ англійскими, встрѣчаясь притомъ нерѣдко лишь по недоразумѣнію или чисто внѣшнимъ образомъ. Участіе въ великой борьбѣ Англіи противъ Наполеона, Наваринъ и союзъ противъ замысловъ Франціи, имѣвшей виды на Египетъ, вотъ почти всѣ случаи совмѣстнаго дѣйствія Россіи и Англіи.

Но борьба съ Наполеономъ I прервана была четырехлѣтней морской войной Россіи съ Англіей изъ-за континентальной системы; отъ Наварина англійское правительство отказалось и выразило публичное порицаніе своему адмиралу Кодрингтону; наконецъ, союзъ противъ Махмета-Али, въ дѣйствительности направленный противъ задорнаго министерства Тьера, имѣлъ мимолетное значеніе для русскихъ интересовъ, впрочемъ, крайне невыгодное.

Затѣмъ подъ личиною дружественныхъ отношеній Англія всегда шла противъ насъ. Всѣмъ извѣстна ея роль въ послѣднюю восточную войну. Въ томъ же духѣ дѣйствовала ея дипломатія во всѣхъ переговорахъ о мирѣ послѣ нашихъ войнъ съ Турціей, таково было участіе и въ вѣнскомъ конгрессѣ, вмѣшательство въ польскія и греческія дѣла, интриги въ Средней Азіи, захватъ Египта, Занзибара и т. д. Мы не говоримъ уже о крымской войнѣ.

Рядомъ съ этимъ у насъ было сдѣлано очень мало хотя бы для литературнаго и общественнаго соединенія съ англичанами, подымавшими одно время даже вопросъ о сближеніи церкви англиканской съ православной. Совершенному отсутствію русскихъ въ Лондонѣ и въ Англіи можетъ быть приписано отчасти то постоянно недоброжелательное и почти враждебное отношеніе, которое господствуетъ противъ Россіи въ англійскомъ обществѣ и въ англійской печати. Газеты всегда полны скверныхъ противъ насъ выходокъ, а держать сторону Россіи для политическаго человѣка считается эксцентричностью. Тѣмъ болѣе было чести покойному лорду Черчиллю, что онъ смѣло сталъ руссофиломъ и доказалъ это не только на словахъ, но и на дѣлѣ, когда былъ министромъ индійскихъ дѣлъ. Изъ лондонскихъ газетъ только одна «Pall-Mall-Gazette» защищала русскую политику совершенно безкорыстно.

Англія всегда сочувствовала тройственному союзу и союзъ этотъ и впредь будетъ дѣйствовать съ Англіей сообща, во многихъ вопросахъ касающихся Россіи; съ Италіей Англія имѣетъ повидимому касательно Средиземнаго моря особое, тайное соглашеніе. Тѣмъ удивительнѣе, что лордъ Салисбюри недавно еще рѣшительно протестовалъ противъ приписываемаго Бисмарку отзыва, будто между Англіей и Россіей существуетъ неизбѣжный и постоянный антагонизмъ. «Это мнѣніе-де предразсудокъ устарѣвшей дипломатіи». «У меня — говорилъ далѣе Салисбюри — есть полное основаніе думать, что Россія преслѣдуетъ тѣ же цѣли и имѣетъ тѣ же намѣренія, что и мы, во всемъ, что касается событій на Востокѣ!» Въ подкрѣпленіе словъ премьера министръ индійскихъ дѣлъ Га-

мильтонъ подтвердилъ, что «между Англіей и Россіей не существуетъ-де неразрѣшимыхъ споровъ и что Россія одна изъ тѣхъ странъ, въ отношеніи которой не существуетъ у англичанъ ни національнаго отвращенія, ни промышленнаго соперничества, ни колоніальной конкуренціи».

Послѣ всѣхъ извѣстныхъ прецедентовъ протянуть прямодушно руку и предложить систему мнительной недовѣрчивости замѣнить системою откровеннаго и дружелюбнаго уваженія взаимныхъ интересовъ покажется и неожиданнымъ, и даже благороднымъ. Подобная попытка—если даже она осталась бы въ видѣ платонической попытки—дѣлаетъ величайшую честь консервативному министерству. Конечно, и родственныя отношенія двухъ династій имѣютъ свое значеніе въ настоящей дружественной демонстраціи, но еще большее вліяніе оказываетъ вѣроятно сознаніе, что въ XIX столѣтіи политика мелкаго лукавства не должна имѣть болѣе мѣста. Такія сильныя державы, какъ Англія и Россія, не имѣютъ нужды дѣйствовать скрытно и во тьмѣ. Ихъ политика должна быть ясною и дѣйствовать соотвѣтственно сознанію своего права и своего интереса, настоящаго, а не вымышленнаго.

Къ сожалѣнію, надобно припомнить, что и либеральная партія на словахъ дѣлала попытки къ сближенію съ Россіей, а между тѣмъ чуть не затѣяла съ нами въ 1885 войны изъ-за Мерва, заставивъ парламентъ вотировать $6^1/_2$ мил. фунт. стерлинг. на мобилизацію. Поэтому спѣшить протягивать англичанамъ руку нечего, хотя воевать съ ними мы должны лишь въ крайнемъ случаѣ, только тогда, когда не будетъ уже рѣшительно никакого другого исхода, т. е. когда дѣйствительно честь Россіи того потребуетъ.

Понятіе о чести, однако, очень условно. Можно довести щепетильность до того, что считать безчестіемъ всякую малѣйшую уступку, считать униженіемъ передвиженіе взадъ или вбокъ каждаго батальона. Въ политикѣ, я полагаю, такая щепетильность совершенно неумѣстна. Здѣсь преслѣдуются истинные интересы страны и, только одного самолюбія ради, никакой государственный дѣятель войны начинать не долженъ. Всѣ войны, начинавшіяся изъ-за «престижа», съ «легкимъ сердцемъ», какъ, напр., восточная 1853 г., франко-прусская, мексиканская, англійскія экспедиціи въ Афганистанъ, оканчивались неудачно.

Теперь прошли времена кондотьерскихъ походовъ, когда войны тянулись десятки лѣтъ, а жизнь шла себѣ своимъ чередомъ ни шатко, ни валко; поле войны было только мѣстною болячкою на тѣлѣ Европы. Теперь не то. Война какъ тифъ охватываетъ все тѣло послѣдней, а о воюющихъ державахъ и говорить нечего. Формированіе и передвиженіе милліонныхъ армій, милліардные расходы, гигантскіе убытки отъ застоя торговли, промышленности, мореходства—все это держитъ страну во время войны въ такомъ

возбужденномъ состоянии, которое непремѣнно вызываетъ потомъ сильное истощеніе, поэтому никакое государство, какъ бы оно богато ни было, не можетъ теперь воевать слишкомъ долго, не рискуя огромными потерями, даже банкротствомъ. Къ тому же не однѣми финансовыми потерями сопровождается война. Потери на поляхъ сраженія также только еще поэтическая сторона войны; но рядомъ съ войной и ея подвигами начинаются обыкновенно эпидеміи, быстро переходящія изъ госпиталей на населеніе; зараза происходитъ и въ нравственномъ отношеніи: война даетъ поводъ къ спекуляціямъ, къ наживѣ, къ воровству казны. Подряды, перевозки, судостроеніе, интендантство, и даже, къ стыду военнаго сословія, простое командованіе частями войскъ, особенно такими, гдѣ имѣется продовольствіе лошадей, даютъ пищу колоссальнымъ злоупотребленіямъ.

Все это, конечно, хорошо извѣстно и безъ сомнѣнія ни съ англійской, ни съ русской стороны нѣтъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, людей, которые желали бы войны, только ради войны. Были, правда, философы не только въ мундирѣ, какъ Скобелевъ, но и штатскіе, какъ Прудонъ, доказывавшіе, что война такъ же необходима и полезна для человѣчества, какъ гимнастика или легкіе кутежи для здоровья отдѣльнаго человѣка, но эти парадоксальныя теоріи едва ли слѣдуетъ принимать во вниманіе при дипломатическихъ переговорахъ.

Здѣсь въ разсчетъ можетъ быть принимаемо только одно: какое изъ государствъ должно дѣлать уступки, наименѣе затрогивающія его національные интересы? Какое должно пожертвовать минутнымъ самолюбіемъ для предотвращенія бѣдствій войны, нисколько не нарушая, однако, существенныхъ своихъ интересовъ? Ставя вопросъ на эту практическую точку зрѣнія, не исключающую, впрочемъ, достоинства великодушія и нисколько не унизительную, я полагаю, что въ настоящій моментъ Англія не пожелаетъ очертя голову воевать съ Россіей.

Для этого надобно обратиться къ сути вопроса: изъ-за чего могла бы начаться война? Очевидно, изъ-за преобладанія въ Азіи. Непосредственныхъ пунктовъ столкновенія у англичанъ съ нами нѣтъ. Въ России мы противъ англичанъ ничего не имѣемъ; живя у насъ, англичане оказываются полезными дѣятелями, торговля съ ними для Россіи самая выгодная, политика русская въ старые годы была даже настолько дружественная по отношенію къ Англіи, что привилегіямъ англичанъ завидовали другіе народы. Раздоръ начался, когда Россія, сознавая свою силу и выяснивъ свою задачу, начала неуклонно двигаться впередъ на Востокъ, двигаться быстро и неудержимо. Англія не могла равнодушно смотрѣть на это поступательное движеніе впередъ, какъ не можетъ Россія, напримѣръ, равнодушно смотрѣть на нѣмецкое Drang nach Osten. Англія старалась затормозить всячески наше движеніе. Это было

ея право; гнѣваться на англичанъ за то, что они ограждаютъ свои интересы, резона нѣтъ. Не могли же мы серьезно считать, что естественныя границы Россіи только Ледовитый, Тихій и Индійскій океаны и что никто уже никакихъ интересовъ въ Азіи кромѣ Россіи имѣть не можетъ.

Особую опасливость по отношенію къ распространенію русскаго владычества проявилъ лордъ Пальмерстонъ. Биконсфильдъ слѣдовалъ политикѣ Пальмерстона при помощи Турціи удерживать движеніе русскихъ на востокъ и къ Индіи, завоеваніе которой Россіей Гладстонъ назвалъ «страхомъ старыхъ бабъ», хотя на дѣлѣ всячески ставилъ намъ тѣ же препятствія, что и лордъ Биконсфильдъ. Это впрочемъ была обыкновенная политика Гладстона. Онъ назвалъ напр. пріобрѣтеніе Кипра «обманомъ, оскорбленіемъ Англіи, взяткою, не имѣющей цѣны», но не подумалъ вернуть Кипръ туркамъ.

Опасенія за Индію сдѣлали англичанъ особенно мнительными. Я думаю, что Англія имѣетъ для того основанія: казачій походъ при Павлѣ I, вся наша политика при персидскомъ дворѣ, посылка Витковскаго, завоеваніе Туркестана, посольство Столѣтова—это достаточно подтверждаютъ. Съ 1865 года Россія быстро стала подвигаться къ границамъ Индіи и съ сѣвера и съ запада. Несомнѣнно, что выгоднѣе было бы сойтись въ Азіи обоимъ народамъ своими границами поскорѣе, но англичане сближенія границъ не желаютъ и въ 1873 году Россія признала въ принципѣ право Англіи на подобную политику, на нейтральную полосу между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи. На дѣлѣ, однако, силою вещей русскіе съ 1870 по 1885 годъ прошли ровно половину прежняго пути отъ Россіи до Индіи. Еще двадцать пять лѣтъ подобнаго же мирнаго движенія, и русскіе кордоны охватятъ индійскую границу.

Думаю, что это случится неизбѣжно. Но это не значитъ, что должно случиться завтра или черезъ два или три года. Завоевать Индію не трудно, трудно владѣть ею съ пользою для человѣчества. Индіей полтора вѣка владѣли португальцы, владѣли персы, французы, отчасти голландцы. Гдѣ слѣды этого владычества? Если бы Индію намъ теперь англичане добровольно уступили, то мы, право, не знали бы, что съ нею дѣлать. Безъ торговаго флота и безъ капиталовъ Индія была бы для насъ только бременемъ, экономическія исторіи Кавказа и Туркестана это вполнѣ доказываютъ. Зачѣмъ же намъ излишнею торопливостью упреждать событія? Будутъ ли теперь русскіе аванпосты на Паропамизѣ, или не будутъ, вовсе не важно, когда знаешь заранѣе, что вся страна за Паропамизомъ вплоть до индійской границы будетъ рано или поздно русскою. «Все приходитъ во-время тому, кто умѣетъ ждать», говоритъ умная пословица.

Для значенія нашего въ Азіи уступка того или другого клочка земли значенія имѣть не можетъ. Ужъ если несчастія и потери крым-

ской войны не ослабили нашего авторитета въ глазахъ населенія Балканскаго полуострова, то и ничтожныя уступки по границамъ не уменьшатъ нисколько нашего авторитета въ Азіи. Англія вѣдь не побоялась заключить невыгодный миръ съ Южно-Африканской республикой, хотя шовинисты увѣряли, что это подорветъ ея авторитетъ въ Африкѣ. Для англичанъ же уступки въ афганской границѣ имѣютъ принципіальное значеніе. Не надобно забывать, что съ каждымъ пріобрѣтеніемъ клочковъ афганской территоріи, Россія въ сущности пріобрѣтаетъ право идти впредь уже по направленію къ Индіи такъ же свободно, какъ будто бы это происходило въ ея собственной области. Тогда потеря Индіи станетъ не дѣломъ времени, до котораго, быть можетъ, не доживутъ наши дѣти, а поставится въ зависимость отъ усмотрѣнія каждаго командующаго на границѣ русскаго генерала.

Хотя слѣдовательно есть полное основаніе думать, что войны не будетъ, но все-таки не лишнее заранѣе оцѣнить взаимные шансы при столкновеніи двухъ могущественныхъ монархій—войны слона съ китомъ, по удачному выраженію варцинскаго отшельника. Хотя Англія не совсѣмъ удачно воевала даже съ Трансваалемъ, но это не резонъ, чтобы къ подобному противнику мы могли относиться легкомысленно. Если Англія захочетъ, то она можетъ воевать хоть съ цѣлымъ свѣтомъ, какъ доказала ея слишкомъ двадцатилѣтняя война въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Столкновенія Россіи съ Англіей также не даютъ права третировать послѣднюю свысока.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи мы воевали съ Англіей два раза: въ 1808—1812 годахъ и въ 1854—56 годахъ, и оба раза неудачно. Въ первый разъ мы потеряли 4 линейныхъ корабля, 6 фрегатовъ, 7 корветовъ и др. суда, въ томъ числѣ, въ устьѣ Таго всю эскадру Сенявина; во второй, въ Севастополѣ, весь черноморскій флотъ. Конечно, эти воспоминанія не могутъ ни на минуту умалить нашей энергіи, но все-таки для войны одного энтузіазма недостаточно. Если бы для войны нужно было, какъ увѣрялъ Монтекукули, только три вещи: «деньги, деньги и деньги», то и толковать нечего, что Англія была бы гораздо сильнѣе Россіи. Но для войны нужно еще многое другое и люди, и военная организація, и флотъ, и техническія условія, нужна также боевая опытность не въ мелкихъ экспедиціяхъ, а въ веденіи большой войны.

Деньги, впрочемъ, весьма важный элементъ войны; въ этомъ случаѣ несомнѣнно, что Англія стоитъ благопріятнѣе Россіи. Нашъ бюджетъ милліардъ руб.; мы можемъ его немного увеличить, далѣе занять нѣсколько сотъ милліоновъ во Франціи, а затѣмъ останется уже одинъ рессурсъ — выпускъ кредитныхъ билетовъ, цѣнность которыхъ будетъ падать все ниже и ниже, вслѣдствіе застоя въ отпускной торговлѣ отъ блокады портовъ и направленія всего вывоза въ прусскіе порты. Паденіе нашего рубля до четвертака въ

началѣ XIX столѣтія и совершилось какъ разъ во время войны съ Англіей изъ-за нашего присоединенія къ континентальной системѣ послѣ тильзитскаго мира. Доходы Англіи и ея колоній составляютъ въ сложности свыше 2 милліардовъ рублей. Если считать даже, что бюджетъ Остъ-Индія, какъ бюджетъ Россіи, не подлежитъ дальнѣйшему растяженію, то все-таки остальныя части Британской имперіи могутъ смѣло увеличить свои расходы еще на полмилліарда изъ обыкновенныхъ бюджетныхъ средствъ, а затѣмъ кредитъ Англіи неограниченъ. Если она для войнъ съ французской республикой и имперіей могла занять у себя дома около 7 милліардовъ руб., то теперь подобныя колоссальныя кредитныя операціи сдѣлались для нея вдесятеро легче. А всѣ биржи Европы къ ея услугамъ.

По вопросу о людяхъ Англія не такъ благопріятно поставлена. Населеніе ея съ колоніями, хотя превосходитъ населеніе Россіи въ два съ половиною раза, но если вычесть слабосильныхъ индусовъ и полудикихъ туземцевъ разныхъ острововъ Тихаго океана, то останется не болѣе 70 — 80 милл. населенія, способнаго къ дѣйствительной военной службѣ (въ томъ числѣ около 42 милл. бѣлаго населенія). Значитъ, Англія въ этомъ случаѣ слабѣе Россіи, несомнѣнно, на одну четверть и даже треть. Еще менѣе удовлетворительна англійская военная организація. Россія, если только позволятъ финансовыя средства, безъ особаго затрудненія можетъ выставить армію до $2^1/_2$ милл. человѣкъ, въ томъ числѣ свыше милліона войска, весьма хорошо обученнаго и способнаго къ совершенію какихъ угодно походовъ. Казачьи войска, дающія до ста тысячъ всадниковъ, очень приспособлены къ азіятской войнѣ, на которой, такъ сказать, и выработался ихъ типъ. Британская военная организація гораздо менѣе даетъ средствъ развертывать военныя силы. Нельзя сказать, однако, чтобы и Англія не могла выставить огромной арміи. Въ этомъ случаѣ въ Россіи господствуетъ, кажется, опасное заблужденіе.

Въ мирное время Англія имѣетъ регулярную армію въ 220,000, да въ Индіи армію въ 230,000—240,000 человѣкъ, кромѣ того имѣется резервъ свыше 8,000 и колоніальныхъ войскъ около 8,000. Такимъ образомъ, войскъ, равносильныхъ нашей дѣйствующей арміи, у Англіи имѣется около 540,000 человѣкъ. Затѣмъ, для внутренней обороны Англія имѣетъ 260,000 милиціи и волонтеровъ, ирландскую милицію—14,000, индійскія мѣстныя войска—260,000, канадскую милицію—30,000 и т. д. Это, конечно, войска не важныя, но достаточно удовлетворительныя для внутренней службы и обороны страны, тѣмъ болѣе, что Россія едва ли будетъ въ состояніи сдѣлать гдѣ-либо высадку значительнаго отряда. Надобно также имѣть въ виду, что за годъ, что протянется война, англійская милиція, находясь постоянно подъ оружіемъ, пріобрѣтетъ значительную военную опытность.

Но это еще не всѣ рессурсы Англіи для войны. Соединенные Штаты, сѣверяне и южане, во время междоусобной войны изъ ничтожныхъ кадровъ въ 25,000 человѣкъ создали армію до 2 милліоновъ и огромный флотъ. Это были милиція и волонтеры, но дрались они очень недурно. При огромныхъ денежныхъ средствахъ, увеличивая преміи, Англія, по примѣру Америки, можетъ весьма значительно увеличить резервы своей дѣйствующей арміи. Найти двѣсти, триста тысячъ рекрутъ для Англіи никогда не представитъ ни малѣйшаго затрудненія, что равносильно нашему годичному или полуторагодичному набору новобранцевъ. Достоинство же этихъ людей съ русскими рекрутами, конечно, одинаково. Такимъ образомъ, въ случаѣ войны, даже не имѣя союза или соглашенія съ Италіей и не принимая въ разсчетъ афганскія и вспомогательныя индѣйскія войска, Англія можетъ выставить дѣйствующую армію въ 400,000 человѣкъ, которая, по мѣрѣ убыли, будетъ пополняться обученными волонтерами, а при наступательной со стороны русскихъ войнѣ поддерживаться мѣстными милиціями.

Арміи этой недостаетъ, однако, опыта большихъ европейскихъ войнъ. Таковой Англія не вела, можно сказать, со времени Ватерло. Англійскія войска также избалованы гораздо болѣе нашихъ; они имѣютъ только одно преимущество, если дѣло коснется похода въ Индію, это — лучшее приспособленіе къ тамошнему вредному для европейцевъ климату. За то означенное несомнѣнное качество уравновѣшивается опасеніемъ, что въ тылу у себя англичане имѣютъ населеніе сомнительной вѣрности, которое для русской наступающей арміи можетъ явиться въ видѣ союзниковъ.

Гдѣ на сторонѣ Англіи сохранится несомнѣнное превосходство, такъ это на морѣ. Rule Britania of sea—долго еще будетъ ея девизомъ. На Черномъ морѣ флотъ нашъ еще только устраивается. На Балтійскомъ много-много если онъ, при помощи миноносокъ и береговыхъ укрѣпленій, будетъ въ силахъ защищать наиболѣе важные въ стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ пункты. Вся надежда остается для Россіи на крейсерство. Морская торговля составляетъ наиболѣе уязвимое мѣсто англичанъ, конечно, если мы возьмемся за дѣло какъ слѣдуетъ.

Никакой параллели между убытками Россіи на морѣ въ случаѣ войны и убытками Англіи провести нельзя. Наша морская торговля малое дитя передъ англійской. И у себя дома нашъ торговый флотъ имѣетъ только 10 проц. перевозокъ, оставляя остальное иностранцамъ; каботажъ нашъ также очень слабъ, да и по названію онъ только русскій, пароходныхъ сношеній у насъ чрезвычайно мало. Такимъ образомъ въ случаѣ войны, бездѣйствіе торговаго флота, принося ущербъ отдѣльнымъ лицамъ, въ общей экономіи Россіи замѣтной роли играть не будетъ. Если же удастся нейтрализировать Черное море, заперевъ для англичанъ проливы,

то торговому флоту на югѣ предстоитъ даже блистательное поприще.

Совсѣмъ не то въ Англіи. Торговый флотъ ея одинъ изъ самыхъ крупныхъ элементовъ ея благосостоянія. Трудно исчислить барыши, доставляемые имъ странѣ. Возьмемъ, напримѣръ, Германію, страну богатую, предпріимчивую и издревле мореходную. Казалось бы, англійскій торговый флотъ для нея значенія не имѣетъ, между тѣмъ «Kölnische Zeitung» сдѣлала въ 1885 г. разсчетъ, что, благодаря этому флоту, англичане съ нѣмцевъ взимаютъ ежегодно 73 мил. руб. контрибуціи, именно 36 мил. за фрахты, 28 мил. комиссіи купцамъ, 17 мил. р. страховыхъ премій, процентовъ на задатки и портовыхъ расходовъ. Если Германія, обладающая большимъ торговымъ флотомъ, платитъ англійскому мореходству такую дань, то что же уплачиваютъ всѣ другія страны въ сложности.

Цифры на этотъ счетъ получаются колоссальныя. Считая еще только суда значительныхъ размѣровъ, Англія имѣла въ 1895 году 13.469,000 тоннъ; при этомъ на паровыхъ судахъ, теперь наиболѣе важныхъ, изъ торговаго флота всего міра Англіи принадлежало 9.984,000 тоннъ. Эти цифры Bureau Veritas далеко, однако, ниже дѣйствительности. Потому безъ преувеличенія можно сказать, что около 25,000 парусныхъ судовъ и пароходовъ, плавающихъ подъ англійскимъ флагомъ, представляютъ поживу для русскихъ крейсеровъ и каперовъ, тотъ пирогъ, полакомиться которымъ найдется не мало охотниковъ.

Пожалуй, могутъ замѣтить, что на случай войны значительная часть англійскихъ судовъ подыметъ нейтральный флагъ, но подобная операція очень затруднительна, такъ какъ законы всѣхъ странъ, кромѣ Россіи, поднятіе національнаго флага обставляютъ сложными формальностями, а едва ли англичане свой флагъ промѣняютъ на русскій. Затѣмъ вездѣ продажа кораблей обложена крѣпостными пошлинами и расходъ на эти пошлины при перемѣнѣ флага будетъ для англичанъ чувствителенъ. Но самое главное, что Россія имѣетъ право заявить, что она не признаетъ законными всѣхъ передачъ англійскихъ судовъ подданнымъ другихъ державъ, совершенныхъ послѣ объявленія войны, а потому даетъ право своимъ крейсерамъ и каперамъ захватывать подобныя суда.

Какую роль играютъ вообще англійскія суда въ торговлѣ, видно изъ того, что черезъ Суэзскій каналъ, по которому проходятъ наиболѣе цѣнные грузы изъ цѣлой всемірной торговли, на сумму не менѣе 2 милліардовъ рублей, постоянно болѣе 75% всѣхъ проходящихъ судовъ принадлежитъ англичанамъ. Значитъ, весь остальной земной шаръ, сложившись вмѣстѣ, едва-едва получаетъ на свой пай четвертую часть перевозокъ на дальній Востокъ. Въ самой Англіи и говорить нечего, что англійскій флагъ премируетъ всѣ остальные. Понятно теперь положеніе Англіи и

англійской торговли, когда эта сила, ее поддерживающая, будетъ парализована дѣйствіемъ русскихъ крейсеровъ и каперовъ.

Потери на грузахъ не менѣе важны для англичанъ, чѣмъ потери на судахъ. Вся торговля Англіи и ея колоній производится моремъ. Эта торговля въ Англіи и ея колоніяхъ превосходитъ 13 милліардовъ рублей. Каждый лишній процентъ страхованія отъ опасности захвата на эту сумму составляетъ уже 130 мил. руб. Но эти цифры далеко не выражаютъ интересовъ англичанъ, потому что ихъ суда, какъ мы сказали, служатъ для перевозокъ и для торговли не только между портами Англіи и ея колоній, но и между портами разныхъ другихъ государствъ.

Эти обороты, составляющіе въ сложности еще нѣсколько милліардовъ рублей, болѣе всего пострадаютъ въ случаѣ войны, потому что, если англичане поневолѣ согласятся у себя дома заплатить, по случаю войны, лишній процентъ, то итальянцы или французы, напримѣръ, имѣющіе, положимъ, перевозки въ Индію или Америку, предпочтутъ въ такомъ случаѣ фрахтовать не англійскія, а свои или нейтральныя суда. Это предпочтеніе дастъ толчокъ судостроенію на континентѣ, а все, что прибавится къ торговому флоту другихъ державъ, въ виду современнаго направленія покровительственной таможенной политики, составитъ въ будущемъ прямую потерю для англійскаго флота.

Что это угроза не теоретическая, доказывается примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ. Во время междоусобной войны 1861—1865 г. торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ опасенія южанскихъ каперовъ, чрезвычайно уменьшился. Перевозки перешли въ руки англичанъ и такъ и остались. Подобный примѣръ, англичанамъ хорошо извѣстный, долженъ сильно охлаждать ихъ воинственный восторгъ, если только они убѣдятся, что Россія шутить не намѣрена и, забывъ о бумагомараніи профессоровъ международнаго права и о фразахъ дипломатовъ на разныхъ политико-кулинарныхъ конгрессахъ, выпуститъ на Англію сотню отчаянныхъ добровольцевъ. Кромѣ захвата судовъ и грузовъ, послѣдніе могутъ съ англійскихъ колоній и портовъ брать денежныя контрибуціи по «благоусмотрѣнію» касательно размѣра.

Въ истекшую войну роль нашего военнаго флота была весьма скромная. Онъ не только не принималъ активнаго участія въ войнѣ, какъ въ 1770 году, когда Алексѣй Орловъ разгромилъ турецкій флотъ въ Архипелагѣ, но даже не могъ, какъ 1828 году эскадра графа Гейдена, блокировать Дарданеллъ. Такого рода ограниченіе собственной боевой силы было сдѣлано изъ любезности къ Англіи и естественно вызвало воспоминаніе о времени, когда не она намъ, а мы ей обрѣзывали на морѣ когти. Подобный моментъ былъ въ 1780 г. Воспользовавшись тѣмъ, что Англія находилась въ войнѣ съ Франціей, Испаніей, Голландіей и соественными колоніями, Россія сдѣлала декларацію, послужившую

по присоединеніи къ принципамъ этого документа Швеціи, Даніи, Пруссіи, королевства обѣихъ Сицилій и Священной Римской имперіи, началомъ лиги, извѣстной подъ названіемъ «вооруженнаго нейтралитета». Но если въ 1780 году мы явились иниціаторами лиги, обуздавшей наглость Англіи на морѣ, то тринадцать лѣтъ спустя, въ царствованіе же императрицы Екатерины II нами самими были разрушены всѣ плоды вооруженнаго нейтралитета.

Ослѣпленная ненавистью къ французской революціи, Россія въ 1793 году приступила къ союзу съ Англіей и приняла участіе въ несправедливыхъ мѣрахъ блокады, отъ которыхъ пострадала вовсе не одна Франція. Тогда изданъ былъ указъ, по которому хлѣбъ, мука и всякіе жизненные припасы были отнесены къ числу предметовъ военной контрабанды.

У нашей дипломатіи есть постоянно въ запасѣ отличное средство умѣрить жаръ англійскаго правительства въ его заносчивыхъ требованіяхъ относительно Россіи, и надобно только удивляться, что дипломатія не воспользовалась до сихъ поръ этимъ средствомъ. Мы говоримъ объ отказѣ отъ парижской декларацiи 4 (16) апрѣля 1856 года, ограничившей свободу нашихъ дѣйствій на случай морской войны. Даже берлинская офиціозная печать намекала на возможность для Россіи прибѣгнуть къ этому ultima ratio, но наша дипломатія остается въ нерѣшимости, какъ оставалась она въ эпоху берлинскаго конгресса, когда почтенный и ученый г. Мартенсъ на столбцахъ «Голоса» разводилъ жалкія слова въ защиту деклараціи, которая де «послѣднее слово науки» и потому представляетъ такую святыню, которой касаться никакъ нельзя.

Между тѣмъ «неприкосновенность частной собственности на морѣ», подобно «свободной торговлѣ», есть вовсе не научный принципъ, а англійскій подвохъ, съ которымъ Англія, при помощи разныхъ ученыхъ, давно морочитъ публику. Не сумѣла только она обморочить Соединенные Штаты, Испанію и Мексику, которые хотя уважаютъ и науку и прогрессъ, но отъ присоединенія къ парижской деклараціи 1856 года отказались. Американцы справедливо заявили при этомъ, что недостаточно только объявленія неприкосновенности частной собственности на морѣ; чтобы быть логичнымъ, необходимо съ тѣмъ вмѣстѣ запретить въ военное время и блокаду торговыхъ портовъ, а это, очевидно, невозможно.

Тридцатилѣтній опытъ достаточно, кажется, показалъ, что парижская декларація осталась почти мертвою буквою. Всѣ пункты ея нарушались даже такою слабою державою какъ Турція. Что же будетъ въ случаѣ войны какой-либо державы съ Англіей? Вопросъ о парижской деклараціи неоднократно весьма подробно разбирался мною въ «Новомъ Времени» въ 1876—78 и 1885 годахъ, когда онъ имѣлъ живой интересъ. Я не буду повторять вновь высказанныхъ тогда теоретическихъ и практическихъ аргументовъ. Въ краткихъ словахъ они сводятся къ тому, что Англія,

имѣющая огромный военный флотъ, благодаря парижской декларацiи, воспрещаетъ государствамъ, не имѣющимъ такого флота, усиливать свой крейсерскiй флотъ волонтерами или приватирами. Далѣе, только имѣя огромный военный флотъ, можно дѣйствительно блокировать всѣ торговые порты какой-либо страны; слѣдовательно одна Англiя пользуется выгодами «дѣйствительной блокады», какъ она формулирована въ парижской декларацiи 1856 года. Блокада между тѣмъ остается «бумажной», а не «дѣйствительной»; мы это испытали на Черномъ морѣ. Одесса и другiе города не видали турецкихъ судовъ, но ни одно нейтральное судно не дерзнуло войти въ эти порты. Недавно итальянцы взяли въ открытомъ морѣ голландское судно, которое везло ружья абиссинцамъ. По парижской декларацiи нейтральный флагъ покрываетъ грузъ, кромѣ случаевъ военной контрабанды, споры о предѣлахъ которой безконечны. Но такъ какъ три четверти всѣхъ товаровъ въ мiрѣ перевозятся по морю на англiйскихъ судахъ, то очевидно, что Англiя болѣе всего пользуется выгодами этого постановленiя, при чемъ самое ограниченiе военной контрабанды немногими предметами невыгодно именно для Россiи, ибо стѣсняетъ захватъ судовъ въ открытомъ морѣ — единственное средство существенно вредить Англiи и заставить ее смириться.

Не менѣе выгодно для Англiи и воспрещенiе брать въ призъ нейтральный грузъ на непрiятельскихъ судахъ, ибо Англiя островъ и безъ морской торговли существовать не можетъ. Безъ подвоза хлѣба моремъ Англiя умретъ съ голоду въ два мѣсяца. Понятно, что, давая право возить нейтральные грузы на непрiятельскихъ судахъ во время войны, парижская декларацiя сохраняетъ для Англiи безпрепятственное производство торговли и обезпечиваетъ ея продовольствiе.

Словомъ, парижская декларацiя какъ будто бы нарочно сочинена для Англiи. Она и была задумана ею послѣ крымской войны. Наполеонъ III, обманувшiй Англiю быстрымъ заключенiемъ мира, не противился этому нарушенiю интересовъ Францiи, хотя французскiе спецiалисты морского права всѣ были противъ декларацiи. Другiя державы также не спорили; Австрiя и Пруссiя потому, что въ морскихъ дѣлахъ заинтересованы тогда были мало, Россiя и Турцiя потому, что думали только о заключенномъ мирѣ. Только Соединенные Штаты, Испанiя и Мексика, какъ я сказалъ, не попались на удочку и рѣшительно отказались присоединиться къ декларацiи, благодаря чему Соединенные Штаты и избавились въ 1862 году отъ войны съ Англiей.

Со времени франко-прусской войны и изобрѣтенiя Германiей «волонтернаго» флота явилось убѣжденiе, будто парижскую декларацiю можно обойти. И у насъ были того же мнѣнiя, что и привело къ учрежденiю такъ называемаго Добровольнаго флота. Надобно, однако, признать, что этимъ учрежденiемъ обходится, хотя

и довольно неудачно, лишь одна статья парижской деклараціи 1856 года, именно та, которая гласитъ, что «La course est et demeure abolie» и воспрещаетъ вооруженіе корсаровъ; всѣ остальныя статьи деклараціи остаются въ силѣ. Для насъ же, на случай морской войны, важна не только свобода снаряжать наибольшее число крейсеровъ для захвата англійскихъ судовъ и грузовъ, но и отмѣна признанія, что нейтральный флагъ покрываетъ отъ захвата на морѣ англійскую собственность. Только въ такомъ случаѣ русскіе крейсеры и добровольцы принесутъ пользу и англійская торговля затрещитъ на всѣхъ концахъ міра, а мы будемъ въ силахъ отомстить Англіи за изморъ, къ которому она приведетъ экономически Россію блокадою портовъ Балтійскаго и Чернаго морей.

Парижская декларація не есть договоръ, она связываетъ каждое государство только до момента, когда заявляется, что держаться этой деклараціи государство болѣе не намѣрено. Самое названіе «декларація» показываетъ, что это есть только заявленіе тѣхъ принциповъ, которыми намѣрены руководиться извѣстныя государства въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ перемѣною обстоятельствъ взгляды могутъ измѣняться, и измѣненіе принципіальныхъ воззрѣній на вопросы международнаго права нисколько не могутъ быть воспрещаемы государству, какъ и измѣненіе его взглядовъ на вопросы политической экономіи, напримѣръ, на перемѣну покровительственной таможенной политики на свободноторговую, государственнаго права (наприм., перемѣны формы правленія), и т. п. Другія державы могутъ объ этомъ скорбѣть и даже платонически протестовать, но эти протесты ни на волосъ не умаляютъ державныхъ правъ каждаго самостоятельнаго государства. Что это такъ, доказывается тѣмъ, что передъ каждой войной правительства подтверждаютъ о своемъ намѣреніи соблюдать постановленія парижской деклараціи. Для послѣдней войны съ Турціей у насъ это было сдѣлано именнымъ указомъ Правительствующему Сенату 12 апрѣля 1877 года. Слѣдовательно для отказа Россіи отъ деклараціи достаточно простой нотификаціи. Это заявленіе, навѣрно, произвело бы магическое дѣйствіе на англичанъ. Конечно нѣсколько профессоровъ международнаго права, особенно такихъ, которые пишутъ томы о морскомъ правѣ, моря въ глаза не видавши, завопили бы благимъ матомъ о неуваженіи къ наукѣ, но неужели подобныя выходки могутъ хотя на минуту стѣснять нашихъ дипломатовъ, если рѣчь идетъ о священнѣйшихъ интересахъ отечества. Какой нибудь Робеспьеръ могъ сказать: «Perissent plutôt les colonies qu'un principe», но эти безнравственныя слова смѣшны въ устахъ тайныхъ совѣтниковъ.

Противники каперовъ увѣряютъ, что при одностороннемъ отказѣ отъ деклараціи суда нейтральныхъ державъ имѣютъ право не подчиняться осмотру каперовъ воюющей державы. Но каперъ

плаваетъ подъ военнымъ флагомъ и для торговаго судна нѣтъ повода разбирать, на какихъ основаніяхъ снаряжено это военное судно; дѣло купца уважать военный флагъ воюющей державы. Наконецъ, если бы купеческій корабль отказывался допустить осмотръ судовыхъ документовъ, а въ случаѣ нужды и обыскъ груза для конфискаціи военной контрабанды, то на то и имѣются на каперѣ пушки, чтобы заставить купеческій корабль нейтральной державы быть послушнымъ.

Вопросъ о мѣстѣ снаряженія каперовъ послѣ прецедента дѣла «Алабамы» вопросъ, дѣйствительно, деликатный. Но нельзя сказать, чтобы его нельзя было разрѣшить. Каперъ можетъ спокойно выйти изъ американскаго или другого нейтральнаго порта, какъ купеческое судно, пушки же, снаряды и порохъ получить въ морѣ съ другого судна русскаго или нейтральнаго, которое доставитъ его на условленное рандеву. Мало ли существуетъ въ океанахъ пустынныхъ архипелаговъ и вообще спокойныхъ мѣстъ, гдѣ перегрузка съ судна на судно очень удобна. Такимъ же образомъ русскіе капера и военные крейсеры будутъ, вѣроятно, снабжаться каменнымъ углемъ и провизіей. Послѣдними, впрочемъ, они будутъ пользоваться и съ уничтожаемыхъ призовъ.

Насъ пугаютъ еще тѣмъ, что съ экипажами русскихъ каперовъ англичане будутъ поступать, какъ съ пиратами. Опять угроза ровно ни на чемъ не основанная. Разъ судно плаваетъ подъ военнымъ флагомъ, снаряжено по уполномочію русскаго правительства и подчиняется дѣйствію русскихъ морскихъ законовъ и военной дисциплинѣ, приравненіе его къ морскимъ разбойникамъ никоимъ образомъ невозможно. Если же Англія, въ припадкѣ страха и рѣшилась бы, вопреки здравому смыслу, дозволить себѣ нѣчто подобное, то у Россіи всегда есть средства для репрессалій. Всѣ многочисленные англійскіе подданные, живущіе въ Россіи, и ихъ имущество будутъ служить порукою и обезпеченіемъ того, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы экипажей русскихъ каперовъ иначе, какъ въ честномъ бою. На этотъ счетъ, впрочемъ, и спорить нечего, каперство практиковалось столько вѣковъ, что выработало для себя весьма прочное положеніе въ законодательствѣ всѣхъ государствъ.

Главнымъ аргументомъ противъ отказа отъ парижской декларацiи, по мнѣнію г. Мартенса, служитъ опасность, которую представляло бы право вооруженія корсаровъ. Подъ русскимъ военнымъ флагомъ могли бы появиться пираты и мы вынуждены были бы отвѣтить передъ нейтральными державами за ихъ незаконныя дѣянія. Въ подтвержденіе своей мысли г. Мартенсъ изъ дипломатическихъ архивовъ выкопалъ нѣсколько случаевъ подозрительныхъ поступковъ греческихъ корсаровъ, дѣйствовавшихъ подъ русскимъ флагомъ въ эпоху экспедицій Орлова-Чесменскаго и Сенявина. Но едва ли такіе примѣры сколько нибудь убѣди-

тельны. Они доказываютъ только, что надобно быть очень осмотрительнымъ въ выдачѣ каперскихъ свидѣтельствъ (lettres de marque). Затѣмъ, если въ XVIII и началѣ XIX столѣтія, при отсутствіи гласности, почты и телеграфа могли быть случаи продолжительнаго злоупотребленія каперскими свидѣтельствами, то въ настоящее время они почти невозможны. Явныя нарушенія международнаго права сдѣлаются очень скоро извѣстными и отъ провинившагося судна не только будетъ отнято свидѣтельство, но и экипажъ преданъ военному суду.

Во всякомъ случаѣ, если бы паче чаянія нашему правительству и пришлось бы заплатить вознагражденіе нѣсколькимъ подданымъ нейтральныхъ державъ за обиды, причиненныя имъ русскими крейсерами и корсарами, то таковое вознагражденіе сущіе пустяки сравнительно съ гигантскими убытками для Англіи отъ энергическаго дѣйствія корсаровъ. Затѣмъ отказъ отъ парижской деклараціи не подразумѣваетъ еще непремѣнно выдачу каперскихъ свидѣтельствъ. Къ помощи корсаровъ правительство можетъ обратиться, лишь въ крайнемъ случаѣ и даже вовсе не обратиться, какъ не обратились напримѣръ Соединенные Штаты въ 1861—1865 годахъ, несмотря на отказъ ихъ присоединиться къ парижской деклараціи. И безъ вооруженія крейсеровъ правительство, отказываясь отъ парижской деклараціи 1856 года, выигрываетъ очень много, а именно облегчая дѣйствіе крейсеровъ военнаго флота.

Англія многократно морочила насъ не только на политическомъ поприщѣ. Точно также дѣйствовала она и на торговомъ. Тарифъ 1797 г., составленный въ видѣ уступки Англіи, отмѣнилъ льготы русскимъ судамъ въ таможенныхъ и корабельныхъ сборахъ; при этомъ большое плаваніе, которымъ мы мало занимались, было сохранено за русскими, а каботажъ предоставленъ иностранцамъ! Этотъ тарифъ убилъ въ конецъ созданіе Петра— русскій торговый флотъ.

Съ тѣхъ поръ возстановленіе сбавки пошлинъ стало затруднительно въ виду множества трактатовъ о взаимствѣ, заключенныхъ нами съ 1832 г. съ иностранными державами, по которымъ Россія обязалась не предоставлять своему флагу привиллегій въ таможенныхъ и корабельныхъ сборахъ. Это категорическое обѣщаніе яснѣе всего формулировано въ договорѣ съ Англіей 1858 г., имѣющемъ силу и до сихъ поръ. Хотя этотъ трактатъ можетъ быть нарушенъ предупрежденіемъ Англіи за годъ впередъ, но, предварительно такого заявленія, необходимо строго и точно взвѣсить, что потеряемъ мы при отказѣ отъ взаимства и можно ли ожидать репрессалій?

Надобно полагать, что отказъ отъ трактата съ Англіей былъ бы возможенъ безъ малѣйшаго ущерба для нашей внѣшней торговли; различныя государства предоставили себѣ недавно подобную свободу дѣйствій, ничѣмъ не нарушивъ интересовъ своей тор-

говли и не создавъ политическихъ затрудненій. Франція, Испанія, Румынія, въ видахъ покровительства промышленности и мореходству, отказались напр. отъ заключенныхъ договоровъ. Бразилія также объявила, что отказывается отъ всѣхъ торговыхъ трактатовъ и консульскихъ конвенцій. Франція и ранѣе не стѣснялась трактатами о взаимствѣ *).

Что при отказѣ отъ взаимства потери Россіи будутъ мнимыя, доказывается еще и тѣмъ фактомъ, что запретительные корабельные сборы, которыми облагали нашъ флагъ заграницею, ради которыхъ мы и заключили трактаты, почти равняются ластовому платежу, наложенному городами на наше судоходство. Затѣмъ, и при взаимствѣ, въ Англіи съ русскаго, какъ и съ каждаго иностраннаго судна, взимаютъ разныхъ портовыхъ сборовъ противъ своего, англійскаго, въ два и три раза болѣе, т. е. если англичанинъ долженъ заплатить 100 рублей, то русскій, при одинаковыхъ условіяхъ, платитъ 200—300 рублей.

V. ИТАЛІЯ.

«Я горячусь, говоритъ Байронъ, когда слышу, что итальянецъ говоритъ дурно о другомъ итальянцѣ, потому что хотя каждый изъ нихъ лжетъ въ частности, но въ общемъ говоритъ вѣрно. И хотя каждый знаетъ, что онъ старается сочинить ложь, но навѣрно сознаетъ, что ему это не удастся, потому что невозможно каждому изъ нихъ сказать что либо о другомъ дурного, что не было бы еще ниже истины; такъ плохъ итальянскій національный характеръ, столько лѣтъ унижаемый». Этотъ презрительный отзывъ былъ сдѣланъ въ моментъ, когда въ будущности «сапога» всѣ начинали сомнѣваться. Италія была тогда, говоря словами Меттерниха, лишь географическимъ, а никакъ не политическимъ терминомъ. Тогда было въ Италіи семь неограниченныхъ и независимыхъ другъ отъ друга правительствъ, притомъ правительствъ деспотическихъ, ставившихъ власть выше права и развратившихъ всѣ слои общества до того, что, въ видѣ протеста, явилась каморра, особый родъ разбойничества, неизвѣстный въ другихъ странахъ.

Но французская философія XVIII вѣка, и особенно французская революція, воскресили въ итальянцахъ, которые тысячелѣтіемъ религіознаго мрака, раздробленности и иноземнаго угнетенія, казалось,

---

*) По тарифному закону Макъ-Кинлея установлена 10% надбавка со всѣхъ товаровъ, привозимыхъ на судахъ тѣхъ государствъ, которыя не заключатъ торговыхъ договоровъ о льготахъ для американской хлѣбной торговли.

дошли до послѣдней степени униженія, сознаніе ихъ единства и политической будущности. Первыя пятьдесятъ лѣтъ нынѣшняго вѣка прошли въ развитіи этихъ идей и въ введеніи ихъ, такъ сказать, въ общій обиходъ всего народа. Случайныя благопріятныя обстоятельства позволили, въ 1859 году, начать ликвидацію прежняго государственнаго порядка на Апеннинскомъ полуостровѣ и потомъ заключить ее въ 1870 году занятіемъ Рима и уничтоженіемъ свѣтской власти папъ. Всѣ иноземныя правительства были изгнаны; отдѣльныя части страны соединились въ одно цѣлое, и въ Европѣ явилась новая тридцатимилліонная нація, безспорно занявшая мѣсто въ совѣтѣ великихъ державъ. Ликвидація эта обнаружила противорѣчивыя явленія.

Объединенной Италіи понадобилась собственная національная армія, содержаніе которой обходилось дорого; развитіе морской торговли потребовало созданія военнаго флота; постройка желѣзныхъ дорогъ, улучшеніе портовъ, преобразованіе суда и администраціи, перенесеніе столицы, война съ Австріей и проч. вынудили заключеніе огромнаго долга на тяжелыхъ условіяхъ, часто свыше 10% годовыхъ. Чтобъ вынести расходы на всѣ эти предметы, пришлось прибѣгнуть къ увеличенію всѣхъ налоговъ, введенію табачнаго откупа, установленію ненавистнаго народу налога на помолъ муки, къ конфискаціи церковныхъ, монастырскихъ, общинныхъ и благотворительныхъ имуществъ и фондовъ, и, наконецъ, къ обязательному курсу денегъ и выпуску неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ. При прежнихъ правительствахъ, между тѣмъ, государственнаго долга почти не было, и для пополненія относительно небольшого бюджета достаточны были невысокіе налоги; притомъ властителямъ Италіи удавалось даже скопить порядочные капиталы на черный день. Разница прежняго отъ новаго порядка объяснялась, однако, очень просто. Прежніе властители Италіи опирались на австрійскіе и французскіе штыки. При прежнихъ правительствахъ не было долга и ассигнацій, но зато и ничего не было, кромѣ полиціи, свѣтской и духовной. Налоги считались невысокими по сравненію съ другими государствами Европы, какъ невысоки они, напримѣръ, въ Турціи; но зато въ Италіи не было ни безопасности, ни правосудія, ни народныхъ школъ, ни маяковъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни коммерческаго кредита. Получить всѣ подобныя блага нельзя было даромъ, а чтобъ купить ихъ, потребовались деньги, и даже очень большія деньги.

Какъ тяжелъ показался переходъ отъ стараго порядка къ новому, можетъ служить доказательствомъ нерѣдко обсуждавшійся въ средѣ государственныхъ людей Италіи вопросъ о томъ, не составляетъ ли пресловутое единство одного изъ источниковъ разоренія, и не выгоднѣе ли, для отстраненія тяжелой необходимости, нѣсколькимъ богатымъ сѣвернымъ провинціямъ полуострова

платить огромныя суммы, не только для удержанія, но и для просвѣщенія южныхъ отсталыхъ провинцій,— перейти къ системѣ федеративнаго устройства на монархическомъ или республиканскомъ началѣ, причемъ каждая область содержала бы себя сама и пользовалась бы благами цивилизаціи на столько, на сколько позволяютъ ей собственныя средства? Чувство единства восторжествовало однако. Образованное меньшинство продолжало вѣрить, отчасти своекорыстно, что посѣянныя на почвѣ Италіи сѣмена свободы должны принести плоды и что всѣ затрудненія должны имѣть только временный характеръ.

Несомнѣнно, что самая поспѣшность происшедшихъ перемѣнъ имѣла своимъ результатомъ то, что улучшеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являлось болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Свобода слова и печати существуютъ въ Италіи, но сила кулака и произвола властей и муниципалитетовъ продолжаютъ имѣть вліяніе, такъ какъ легче реформировать законы, чѣмъ воспитать цѣлую націю.

«Теперь, когда Италія сдѣлана, остается сдѣлать итальянцевъ», эти слова Массими д'Азеліо лучше всего характеризовали положеніе Апеннинскаго полуострова въ моментъ объединенія. Извѣстно, что до сихъ поръ даже среднія сословія не говорятъ по-итальянски и каждый городъ имѣетъ свои нарѣчія. Чиновники и особенно армія сдѣлались важнѣйшими орудіями объединенія, послѣдняя обратилась въ школу для народа (половина грамотныхъ въ Италіи выучились грамотѣ въ рядахъ арміи), здѣсь же итальянецъ получалъ нѣкоторое нравственное развитіе. Вотъ почему палаты никогда не жалѣли денегъ на армію и расходы на нее съ 1861 года увеличены въ два съ половиною раза. При такихъ затратахъ естественно родилось желаніе, чтобъ эта армія смыла пораженіе свое при Кустоццѣ, и то горячечное настроеніе, въ которое приводилъ парламентъ Криспи, настроеніе, которое одинъ изъ итальянскихъ депутатовъ въ одной изъ рѣчей объяснялъ необходимостью будто бы «принять ванну изъ горячей крови»!

«Если итальянцы когда либо будутъ имѣть власть дать себѣ конституцію,—писалъ въ своихъ запискахъ адмиралъ Чичаговъ,— я думаю, что она будетъ переложена на партитуру, будетъ подчинена прекрасному и одушевлена тѣмъ, что прекрасно. Первые поэты, первые художники, быть можетъ, первыя красавицы,—сдѣлаются у нихъ величайшими государственными людьми»... Адмиралъ ошибся въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и когда прозѣвалъ Наполеона подъ Березиной. Любопытно, что сказалъ бы онъ теперь, если бы былъ свидѣтелемъ выборовъ въ Италіи, когда каторжника Амилькара Чипріани избрали сразу въ депутаты въ двухъ коллегіяхъ, между прочимъ, въ древней Равеннѣ.

Отъ конституціи въ Италіи выиграли главнымъ образомъ средніе классы, и въ особенности чиновники, адвокаты, журналисты

и представители такъ называемыхъ «либеральныхъ профессій», города обстроились и число газетъ непомѣрно возрасло, народъ же, скорѣе, потерялъ; для него тяжелы безчисленные налоги казенные, провинціальные, коммунальные, которые явились послѣдствіемъ парламентарныхъ порядковъ. Политиканы и биржевые дѣльцы положительно угнетаютъ его; даже въ Ломбардіи, которая могла бы быть земнымъ раемъ, народъ гибнетъ отъ голода и пелагры— этой ужасной болѣзни, источникъ коей видятъ въ кукурузной полентѣ, вѣроятно, ни въ чемъ не виноватой.

Такимъ объясненіемъ удовольствовалась, по крайней мѣрѣ, парламентская комиссія, назначенная для изслѣдованія вопроса о причинахъ бѣдности въ сельскомъ классѣ населенія. Надобно думать, комиссія состояла изъ дѣльцовъ, которые твердо заучили слова Лабрюйера, что «для успѣха въ свѣтѣ надобно умѣть, чтобы васъ учили вещамъ, которыя вы знаете, люди о нихъ не имѣющіе понятія»... Отношеніе простаго народа къ парламенту мѣтко опредѣлилъ одинъ рабочій въ рѣчи, произнесенной на избирательномъ собраніи въ Миланѣ. Указавъ, что Депретисъ, занявъ съ 1876 года власть, повелъ ту же политику, которую до него вели консерваторы, рабочій заключилъ: «Мы совершенно напоминаемъ мельницу, о которой говорится въ баснѣ: перемѣняется мельникъ, оселъ же все продолжаетъ молоть муку и нисколько ему отъ этой перемѣны не легче!»

Въ защиту мельника надобно припомнить впрочемъ, что тысяча лѣтъ итальянской исторіи—это исторія тысячелѣтняго деспотизма, въ томъ числѣ худшаго изъ всѣхъ — чужеземнаго; при такихъ условіяхъ народу не легко было воспитаться для политической жизни; къ этому присоединяются подвижность и впечатлительность итальянскаго характера, разрозненность интересовъ различныхъ мѣстностей, и даже климатическія условія, не позволяющія иногда прилагать достаточныхъ усилій для окончанія начатаго дѣла.

Всѣ вышеуказанные недостатки отражаются и на дѣятельности итальянскаго парламента.

Причины неудовлетворительнаго хода этой машины весьма разнообразны. На первомъ планѣ стоитъ вялость въ исполненіи своихъ обязанностей со стороны депутатовъ. Изъ пятисотъ членовъ итальянскаго парламента рѣдко болѣе половины посѣщаютъ засѣданія; кромѣ того, начало каждой сессіи проходитъ безплодно въ преніяхъ по безчисленному множеству излишнихъ запросовъ, въ концѣ же сессіи палата не имѣетъ времени достаточно зрѣло обсудить предлагаемые ей многочисленные законы. Собственная иниціатива депутатовъ также весьма слаба. Вина падаетъ и на правительство, которое предлагаетъ часто законы, не будучи заранѣе увѣрено въ ихъ успѣхѣ и разсчитывая только на случайное большинство въ пять или шесть голосовъ. Это ничтожное большинство

зависитъ отъ чрезвычайнаго раздробленія партій въ палатѣ, составляющаго одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ итальянской политической жизни. Партій въ англійскомъ смыслѣ этого слова въ итальянской палатѣ пока нѣтъ, а есть только мелкія фракціи или, вѣрнѣе, котеріи депутатовъ, преслѣдующихъ исключительно личныя цѣли; потому-то ни одно министерство не можетъ удержаться сколько-нибудь продолжительное время въ извѣстномъ составѣ, и очень легко преобразуется или падаетъ подъ ударами коалиціи другихъ партій, во всемъ, однако, между собою несогласныхъ, кромѣ борьбы съ существующимъ министерствомъ. Вообще, гдѣ палаты дѣлятся не на большія партіи, а на мелкія фракціи, руководимыя честолюбцами, тамъ очень легко, устраивая коалиціи, класть существующему правительству палки подъ ноги, не достигая этимъ однако никакихъ существенныхъ результатовъ.

Группировка партій основана въ Италіи на другихъ началахъ, нежели бòльшая или меньшая степень сочувствія ихъ къ прогрессу. Ретроградовъ и революціонеровъ въ итальянскомъ парламентѣ очень мало; остается только огромное большинство либеральной партіи, раздробленное на многіе враждебные между собою кружки, расходящіеся по вопросамъ совершенно второстепеннымъ.

Эти положенія особенно выяснились со времени продолжительнаго управленія Депретиса; съ тѣхъ поръ плутоватые Криспи и Джіолитти и честнѣйшій де-Рудини управляли въ сущности съ тѣмъ же большинствомъ. Католики не принимаютъ участія и въ выборахъ, а въ составъ оппозиціи входятъ нѣкоторыя маленькія группы различныхъ тенденцій,—въ томъ числѣ группа республиканцевъ или соціалистовъ и такъ называемые умѣренные. Республиканцы Имбріяни, Кавалотти, Колайани и др.—враги тройственнаго союза и друзья Франціи; умѣренные не противъ Франціи, но считаютъ полезнымъ и тройственный союзъ.

Въ средѣ оппозиціи мало или почти нѣтъ единодушія; это-то и составляетъ главную силу министерской лѣвой, которая, успѣшно переживъ десять или двѣнадцать министерскихъ кризисовъ, непрерывно пользуется властью. Несмотря на парламентскія разногласія, оппозиція и министерская партія согласны также въ желаніи сохранить Савойскую династію. Существуетъ еще мало вліятельная оппозиціонная партія ирредентистовъ; она стремится присоединить къ итальянскому королевству всѣ области Италіи, подпавшія иностранной власти; главная сфера ея агитаціи находится въ южномъ Тиролѣ (Тріентѣ) и въ Истріи, хотя послѣдняя на двѣ трети страна славянская.

Третій важный недостатокъ парламентской дѣятельности въ Италіи заключается въ излишнемъ предпочтеніи вопросовъ политическихъ экономическимъ и административнымъ. Отъ этого и происходитъ безчисленное множество запросовъ, поглощающихъ очень много времени, при чемъ безпрерывно возбуждается вопросъ о до-

вѣріи къ министерству. Очевидно, что при этомъ значеніе парламента, какъ политическаго учрежденія, должно выступать на первый планъ передъ значеніемъ его, какъ законодательнаго учрежденія, роль котораго для страны, въ полномъ смыслѣ слова обновляющейся, между тѣмъ весьма важна.

Монтескье высказалъ нѣкогда мысль, въ парадоксальной формѣ заключающую великую истину, подтверждаемую ежедневнымъ опытомъ. «Земли», говоритъ знаменитый писатель, «приносятъ доходъ не пропорціонально ихъ плодородію, а пропорціонально ихъ свободѣ». Еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія Италія была одною изъ самыхъ бѣдныхъ и неразвитыхъ частей Европы. Италію называли даже «страною макаронъ и скрипичныхъ струнъ». Но съ тѣхъ поръ, какъ заведена общая для всей Италіи «говорильня», экономическое устройство этой страны сдѣлало успѣхи, были прорыты Апеннинскій и Сенъ-Готардскій тунели, заведено пароходство; развилась и промышленность, которая до 1859 года была въ совершенномъ упадкѣ. Итальянцы, быть можетъ, единственная нація въ Европѣ, соединяющая, подобно французамъ, изящный вкусъ съ искусствомъ техники, а потому промышленности ея можно предсказать блестящее будущее, несмотря на многія неблагопріятныя условія, въ особенности на отсутствіе дешеваго топлива. Но, по правдѣ сказать, развитіе промышленности далеко не принесло ожидаемыхъ плодовъ; ни развитіе фабрикъ, ни устройство рельсовыхъ путей, ни усилія нѣкоторыхъ болѣе благоразумныхъ помѣщиковъ подать руку помощи сельскимъ классамъ населенія не помогли массѣ; бѣдность крестьянъ въ Италіи усиливается. Заработная плата низка и совершенно не соотвѣтствуетъ дороговизнѣ продовольствія и размѣрамъ налоговъ.

Этому какъ бы противорѣчатъ свѣдѣнія объ итальянскихъ сберегательныхъ кассахъ, гдѣ сосредоточено болѣе милліарда лиръ сбереженій низшихъ классовъ, но эти кассы питаются городскими сословіями. Потому-то въ Италіи замѣчается бѣгство изъ деревень въ города. Большая часть помѣщичьихъ усадебъ или обращены въ фермы, или заброшены и разрушаются за отсутствіемъ ремонта. Поля Ломбардіи, Венеціи и южныхъ провинцій быстро теряютъ населеніе и грозятъ обратиться въ пустыни. Сельское населеніе изъ центральной Италіи эмигрируетъ толпами заграницу, не заботясь вовсе объ ожидающихъ его за океаномъ затрудненіяхъ. Ничто не останавливаетъ переселенцевъ, ни желтая лихорадка, ни непріятности тяжелаго морского переѣзда, ни рискъ не найти въ Соединенныхъ Штатахъ, Бразиліи и Лаплатѣ работы. Крестьяне продаютъ имущество и безъ слезинки оставляютъ отечество и могилы предковъ. Все для нихъ лучше, чѣмъ нищенство въ родной странѣ. Дѣти подрастаютъ, хлѣба нѣтъ, истощенная почва болѣе не кормитъ, остается одно—искать земли менѣе неблагодарной...

Болѣе ста тысячъ здоровыхъ крестьянъ эмигрировали изъ Италіи въ два послѣдніе года. Поэтому цѣнность земли падаетъ каждый день. Собственники и арендаторы должны обанкрутиться и лишиться собственности, тѣмъ болѣе, что треть ихъ дохода приходится отдавать въ видѣ налога. Итальянское правительство думало помочь поземельнымъ собственникамъ, обложивъ привозный хлѣбъ таможенными пошлинами, но это обложеніе еще болѣе угнетаетъ массу населенія, покупающую хлѣбъ. Отсюда прискорбныя явленія, дошедшія въ Сициліи и Масса-Карара до открытаго возстанія. Да и положеніе поземельныхъ собственниковъ немного улучшилось отъ повышенія пошлинъ на хлѣбъ, потому что одновременно, вслѣдствіе политическаго соперничества съ Франціей, Италія принудила въ 1887 г. послѣднюю прекратить привозъ къ себѣ итальянскихъ продуктовъ, а Франція покупала именно произведенія итальянскаго сельскаго хозяйства, отдавая взамѣнъ того мануфактуры и металлическія издѣлія.

Первымъ условіемъ для облегченія участи крестьянскаго сословія въ Италіи и уменьшенія эмиграціи было бы сокращеніе налоговъ, но само собою разумѣется такое требованіе чистѣйшая утопія при желаніи Италіи играть неподобающую политическую роль въ Европѣ и, вмѣсто того, чтобы тратить деньги на облѣсеніе горъ, осушеніе болотъ и уничтоженіе маларіи и пелагры, издерживать милліоны на постройку гигантскихъ броненосцевъ и на злосчастныя экспедиціи въ родѣ абиссинской.

Кромѣ соціальнаго вопроса для Италіи первостепенную важность имѣетъ вопросъ объ ея отношеніяхъ къ папѣ. Всѣмъ государствамъ, страдающимъ отъ язвы клерикализма, объединенная Италія оказала услуги, очень ловко и смѣло ведя борьбу съ папскимъ престоломъ и пользуясь каждымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобъ наносить папству удары; но успѣхамъ итальянскаго правительства по этой части стала угрожать опасность съ той именно стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать ее. Франція, сдѣлавшая болѣе всѣхъ другихъ государствъ для единства Италіи, бросилась въ началѣ 1870 годовъ въ ярую клерикальную реакцію, естественнымъ послѣдствіемъ которой могла быть война за независимость папскаго престола. Французская республика воевала уже однажды, въ 1849 году, для возстановленія свѣтской власти папскаго престола.

При такихъ условіяхъ итальянское правительство не могло оставаться спокойнымъ. Во всѣхъ другихъ странахъ католицизмъ является вопросомъ все-таки второстепеннымъ, для Италіи это вопросъ жизни или смерти; положеніе, занимаемое папою, могло быть каждый день причиною войны, а нѣтъ сомнѣнія, что Италія не выдержала бы единоборства съ Франціей, имѣющей вдвое сильнѣйшую армію и обширныя денежныя средства. Италіи пришлось искать союзниковъ. А гдѣ же легче было найти ихъ противъ ка-

толической реакціи, какъ не въ Германіи, которой Италія обязана уже была пріобрѣтеніемъ въ 1866 году Венеціи и въ 1870 году Рима.

Такимъ образомъ либераламъ всѣхъ странъ представилось поучительное зрѣлище итальянскаго короля, отправляющагося въ Берлинъ искать защиты для конституціонной монархіи и религіозной свободы у Германіи, еще недавно представлявшейся твердымъ оплотомъ реакціи,—защиты противъ Франціи, одно имя которой считалось десятки лѣтъ чуть не символомъ либеральныхъ и великодушныхъ стремленій нашего вѣка. Такъ быстро мѣняются роли на сценѣ всемірной исторіи! Поддерживать Италію для Германіи былъ прямой разсчетъ: на это указывала ей внутренняя антиклерикальная политика, не говоря уже объ отношеніяхъ къ Франціи, не забывшей потери трехъ департаментовъ. Поэтому Викторъ-Эмануилъ нашелъ въ Берлинѣ самый почетный пріемъ, который на двадцать лѣтъ опредѣлилъ характеръ иностранной политики Италіи.

Труднѣе было примиреніе съ Австро-Венгріей, начавшееся равнымъ образомъ съ посѣщенія Викторомъ-Эмануиломъ Вѣны. Хотя Австро-Венгрія стала на путь либеральныхъ отношеній къ церкви, едва ли, однако, итальянскій король могъ найти въ Вѣнѣ общее сочувствіе въ высшихъ сферахъ. Значительная часть населенія Австріи — горячіе католики; аристократія и дворъ попрежнему въ рукахъ клерикаловъ; государственные люди стараго поколѣнія не въ состояніи были забыть вѣковыхъ традицій, дѣлавшихъ Австрію естественнымъ врагомъ Италіи и опорою папскаго престола.

Съ другой стороны и въ Италіи далеко не всѣ сочувствовали сближенію съ вѣковымъ врагомъ. Мало-по-малу въ Италіи создался ирредентизмъ, особенно вслѣдствіе разочарованій на берлинскомъ конгресѣ. Журналы своими толками о движеніи Австро-Венгріи на Востокъ возбудили надежды, что и Италія получитъ соотвѣтственное вознагражденіе. Разочарованіе вызвало неудовольствіе, которое сначала держалось въ довольно умѣренныхъ границахъ. Но затѣмъ пропаганда усилилась и сдѣлалась до того рѣзкою, что, казалось, общественное мнѣніе должно было вовлечь правительство въ войну съ Австріей. Тогда вышла книга Italicae res, полковника Гемерле, австрійскаго военнаго агента, котораго мы видѣли уже въ качествѣ завоевателя на бумагѣ Россіи, напечатанная по внушеніямъ вѣнской канцеляріи. Итальянское правительство, послѣ зрѣлаго обсужденія, убѣдилось, что несвоевременно прибѣгать къ оружію, и Кайроли далъ слово австрійскому послу, что Италія не желаетъ войны съ Австро-Венгріей.

Во всемъ этомъ политическомъ imbroglio положеніе Италіи было тѣмъ болѣе натянуто, что финансовое положеніе ея вовсе не соотвѣтствовало политическимъ претензіямъ. Выше я говорилъ, что если итальянское королевство съ первыхъ же дней своего существованія было поставлено въ затруднительное положеніе, то одною изъ глав-

ныхъ причинъ тому было запутанное положеніе принятаго имъ наслѣдства. Положеніе финансовъ при прежнихъ правительствахъ вовсе не было такъ блистательно, какъ увѣряютъ; оно не только не было въ цвѣтущемъ положеніи, но представляло дефицитъ въ 39 милліоновъ, который неизбѣжно бы увеличился, вслѣдствіе потребностей въ чрезвычайныхъ расходахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ все оставалось попрежнему, то финансовое положеніе Италіи продолжало бы ухудшаться, потому что при деспотическомъ управленіи торговля и промышленность находились въ полномъ застоѣ. Это видно также изъ историческаго обозрѣнія финансовыхъ отчетовъ прежнихъ государствъ. И безъ объединенія Италіи дѣла на полуостровѣ пошли бы очень плохо. По образованіи итальянскаго королевства расходы стали возрастать постоянно, преимущественно отъ военныхъ потребностей, а доходовъ далеко не хватало на покрытіе издержекъ правительства, такъ какъ трудно было, среди всеобщаго разлада, устроить хорошую финансовую администрацію. Послѣдняя долго дѣйствовала ощупью, дѣлая опыты, а извѣстно, какъ дорого обходятся въ финансовомъ отношеніи всякаго рода опыты.

Итальянское казначейство оборачивалось только при помощи кредита. Государственный долгъ возрасталъ въ очень крупныхъ размѣрахъ. Онъ былъ въ 1861 году равенъ 3,128 милл. лиръ, и съ тѣхъ поръ увеличивался до 13,115 милл. лиръ. Наростаніе государственнаго долга не было бы еще такъ серьезно и даже опасно, если бы параллельно съ нимъ не увеличивалось въ Италіи постоянно обращеніе неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ. Обращеніе это было регулировано сначала Майорано, создавшимъ consorzio банковъ, а затѣмъ реформами Мальяно, возстановившаго размѣнъ и пріобрѣвшаго за свое десятилѣтнее управленіе славу чуть не великаго финансиста; но частью по причинамъ экономическимъ — невыгодному торговому балансу — частью по причинамъ политическимъ — вступленіи Италіи на путь политическихъ авантюровъ и желаніи имѣть свои колоніи, финансы Италіи начали вновь быстро портиться и лажъ на золото появился.

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать ни вредныхъ послѣдствій выпуска банковыхъ билетовъ, ни увеличенія государственнаго долга. Многіе признаки показываютъ, что производительныя силы Италіи при всѣхъ указанныхъ выше недостаткахъ развивались. Доказательствомъ тому служатъ курсы ренты и вексельный. Итальянская рента пріобрѣла себѣ очень обширный рынокъ въ Парижѣ (при помощи Ротшильдовъ), Лондонѣ и Берлинѣ, а потому, несмотря на новые выпуски, курсъ ея держится сравнительно прочно. Точно также и лажъ на золото далеко не соотвѣтствовалъ въ своихъ колебаніяхъ количеству выпускаемыхъ неразмѣнныхъ билетовъ. Луцатти заявилъ даже недавно въ палатѣ, что эра крупныхъ дефицитовъ скоро прекратится.

Если теперь что-либо можетъ нарушить коренным образомъ всѣ усилія итальянскихъ финансистовъ и повести Италію къ государственному банкротству, такъ развѣ только большая война. Но для чего ей воевать? «Я убѣжденъ, говоритъ Гладстонъ, что у Италіи нѣтъ ни одного врага въ мірѣ». Натянутость ея отношеній съ Франціей вызвана обстоятельствами, нынѣ прекратившимися, она была поддержана Криспи искусственно и ничѣмъ не можетъ быть оправдана. «Всѣ истинные друзья Италіи ото всей души желаютъ ей только одного, чтобъ она жила въ прочной дружбѣ со всѣми державами... Что касается европейскихъ бурь, то онѣ не должны представлять для Италіи ни опасности, ни затрудненій, если только сама она не будетъ своими дѣйствіями искать такой опасности, вмѣшиваясь безъ нужды въ постороннія для Италіи дѣла».

Гладстонъ забылъ только, что говоритъ о родинѣ Макіавеля, имя котораго возбуждаетъ понятіе о чемъ-то темномъ, гнусномъ и низкомъ, между тѣмъ Макіавель занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду итальянскихъ государственныхъ людей, историковъ и драматурговъ. Такое сочетаніе вовсе не случайно: Макіавель въ своей знаменитой книгѣ резюмировалъ политическое міросозерцаніе цѣлаго народа, и тѣ идеи, которыя онъ заповѣдалъ Италіи, пережили вѣка, а если прослѣдить итальянскую политику за триста лѣтъ, то легко убѣдиться, что макіавелевскія идеи составляли всегда ея сущность и руководили ея выдающимися дѣятелями. Мало того, эта политика служила предметомъ отпуска. Вмѣстѣ съ своими пѣвцами-кастратами, архитекторами, возводившими и на сѣверѣ зданія барокко, и буффонами, Италія снабжала разныя государства ловкими политиками и дипломатами, которые цѣнились именно за полнѣйшее отсутствіе какихъ либо нравственныхъ качествъ, могущихъ стѣснять ихъ свободу дѣйствій. Можно ли вообразить себѣ, напримѣръ, что либо безнравственнѣе политики Венеціи, которой государственные люди гордились тѣмъ, что они «прежде венеціанцы, а уже затѣмъ христіане», и въ своекорыстномъ эгоизмѣ кровью своихъ славянскихъ солдатъ удерживали въ позорномъ рабствѣ славянскія и греческія земли, продавая папу въ пользу Турціи, турковъ въ пользу Испаніи, Испанію для Франціи и т. д.

Столь же коварна была и политика Піемонта, гдѣ государи Савойскаго дома съ необыкновеннымъ искусствомъ и послѣдовательностью пользовались географическимъ положеніемъ этой ничтожной землицы à cheval на границахъ владѣній могущественныхъ Франціи, Испаніи и Священной Римской имперіи и систематическимъ предательствомъ не только съумѣли сохранить свою независимость, но и настолько расшириться и упрочиться, чтобы въ XIX столѣтіи играть уже въ дѣлахъ Итальянскаго полуострова первенствующую роль.

До какого цинизма доходило это пользованіе каждымъ благо-

пріятнымъ обстоятельствомъ, лучше всего явствуетъ изъ участія, которое Піемонтъ принялъ въ Крымской войнѣ. Туринскій парламентъ, гдѣ нашлось нѣсколько честныхъ людей, съ трудомъ могъ убѣдиться краснорѣчіемъ Кавура въ выгодахъ договора 26 января 1855 года, который послалъ 15,000 итальянцевъ на театръ войны въ моментъ, когда Россія, ослабѣвъ въ борьбѣ съ тремя державами, не могла уже представить надлежащаго сопротивленія. Итальянцы не задумались вмѣшаться въ дѣло, для нихъ чуждое, и проливать кровь народа, ничего имъ дурного на сдѣлавшаго, единственно ради надежды получить подачку. Лордъ Мальмесбюри, бывшій двукратно министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 50-хъ годахъ, въ своихъ запискахъ сообщаетъ мало извѣстный у насъ фактъ, что итальянцы, въ лицѣ сардинскаго правительства, весьма серьезно хлопотали въ 1855 году объ уступкѣ имъ Крымскаго полуострова. По проекту графа Кавура, Крымъ, отнятый отъ Россіи, долженъ былъ стать нейтральнымъ, какъ Бельгія, и отданъ пьемонтцамъ, которые цивилизовали бы его (sic) и сдѣлали центромъ торговли! Итальянцы въ Крыму, по словамъ графа Кавура, возбудили бы у русскихъ менѣе ненависти, чѣмъ турки, а у англичанъ менѣе зависти, чѣмъ австрійцы, тоже претендовавшіе на захватъ Крыма. Такая комбинація тѣмъ болѣе была бы естественна, что генуэзцы владѣли уже когда-то значительною частью Крыма; единственное же неудобство ея состояло бы лишь въ томъ, что султанъ останется хозяиномъ проливовъ. Прекращеніе, по волѣ императора Наполеона III, военныхъ дѣйствій послѣ взятія Севастополя,—прекращеніе, сдѣланное потому, что во французскомъ обществѣ крымская война никогда популярна не была,—похоронило нелѣпый проектъ графа Кавура. Проектъ этотъ показываетъ, однако, какъ могутъ разыграться иногда аппетиты нѣкоторыхъ націй при видѣ того, что плохо лежитъ. Россія въ своемъ великодушіи, а можетъ быть и просто по добродушной халатности, забыла это скверное дѣло, но Европа его помнитъ, и съ тѣхъ поръ создалась для итальянской политики кличка «политики подачки на водку (politique de pourboire)».

«На водку» же Сардинія получила за двадцать пять лѣтъ не мало. Война Франціи съ Австріей дала ей Ломбардію; то же стремленіе Франціи къ распоряженію дѣлами Европы позволило итальянцамъ въ мирное время, вопреки всякимъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, захватить Тоскану, Парму, Модену, большую часть Папскихъ владѣній, а также, поощряя предпріятія Гарибальди — этого кондотьера XVI столѣтія, живьемъ перенесеннаго въ XIX-е, какъ Кавуръ былъ Макіавелемъ XIX столѣтія—захватить и королевство обѣихъ Сицилій.

На этомъ «на водку» не остановились. За свое безславное участіе, выразившееся въ пораженіяхъ подъ Лиссою и Кустоццою, итальянцы получили Венецію и еще дѣлали церемоніи, когда Ав-

стрія не уступала ее прямо, а отдавала сначала Наполеону III; итальянцы желали показать видъ, будто бы сами отвоевали такой прекрасный кусокъ земли. Въ 1870 г., когда Франція, которой Италія обязана была своимъ національнымъ существованіемъ, изнемогала въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ, итальянцы послали ей въ помощь для виду нѣсколько кондотьеровъ изъ бывшихъ кліентовъ окружныхъ судовъ, въ родѣ генерала Бордоне, которыхъ французы прогнали при первой возможности, сами же итальянцы бросились и захватили Римъ и остатки Папской области.

Когда французы установили протекторатъ надъ Тунисомъ, то итальянцы подняли такой гвалтъ, что для успокоенія ихъ англичане, обыкновенно все забирающіе и никому ничего не дающіе и не позволяющіе брать, дозволили итальянцамъ захватить часть, конечно не своихъ, а турецкихъ владѣній въ Африкѣ, на берегу Краснаго моря. Въ будущемъ же дали итальянцамъ право надѣяться на захватъ, принадлежащаго равнымъ образомъ Турціи, Триполи.

Итальянцы всетаки не удовлетворились, и досада, что не имъ достался кусокъ африканскаго берега на Средиземномъ морѣ, надолго укрѣпила въ нихъ вражду къ Франціи, хотя съ французскаго владычества при Наполеонѣ I и началось возрожденіе Италіи. Оно принесло съ собою гражданскую и религіозную свободы, равенство передъ закономъ, однообразіе законодательства, гласность судопроизводства, порядокъ въ администраціи и финансахъ, оно обезпечило пути сообщенія въ Италіи великолѣпными работами, организовало народное просвѣщеніе и подняло военный духъ. Добрая треть населенія полуострова въ первый разъ услыхала тогда, что есть на свѣтѣ Италія. О громадныхъ услугахъ для Италіи Наполеона III и говорить нечего, онѣ у всѣхъ въ памяти. За то и отблагодарили же итальянцы своего благодѣтеля, пожертвовавшаго для нихъ жизнью 100,000 французскихъ солдатъ. Отлитая по частной подпискѣ статуя императора Наполеона III валялась гдѣ-то на дворѣ въ Миланѣ, потому что населеніе не позволяло ее поставить на площади!

Криспи, всю свою политику построившій на мегалломаніи, высказалъ какъ-то мысль, что постоянныя вооруженія въ концѣ концовъ разорятъ Европу въ пользу Америки и что онъ готовъ-де былъ пользоваться каждымъ предлогомъ къ тому, чтобы прекратить новые расходы на армію и флотъ, но, къ сожалѣнію, его долгъ былъ держать Италію въ состояніи защищаться въ случаѣ нападенія, нападенія же слѣдовало опасаться со стороны Франціи, которой и предоставлялось поэтому подать примѣръ разоруженія.

Кто знаетъ коварный характеръ итальянской политики и еще болѣе коварный и деспотическій характеръ самого Криспи, тотъ пойметъ всю ложь подобныхъ завѣреній, да еще въ такой моментъ, когда вопросъ о возобновленіи тройственнаго союза,—этого главнаго источника опасеній и безпорядковъ въ Европѣ за послѣднія во-

семнадцать лѣтъ—обсуждался въ тайнѣ кабинетовъ, не дожидаясь даже срока окончанія договора.

Для опроверженія разсужденій Криспи лучше всего взглянуть на бюджеты Италіи. Съ 1879 г., съ приступа къ направленному противъ Россіи тройственному союзу, за десять лѣтъ союза съ Германіей и Австро-Венгріей, государственные расходы Италіи возросли на 555 мил. фр. или 47 проц., но относительно общаго итога бюджета расходы взиманія не увеличились, всѣ расходы, кромѣ военныхъ, пропорціонально уменьшились, да и абсолютно они увеличились только на 65 мил., тогда какъ военныя издержки, составлявшія до тройственнаго союза пятую часть бюджета, составляли въ 1889 г. болѣе трети. Между тѣмъ во Франціи, съ ея громадными затратами на военную часть, армія и флотъ поглощали только 24 проц. общаго бюджета расходовъ. И это непомѣрное возростаніе военныхъ издержекъ производилось въ то время, когда бѣдность массы населенія во всѣхъ почти частяхъ Апеннинскаго полуострова доходила до крайнихъ предѣловъ, итальянскіе муниципалитеты и крупные банки банкротились, и когда Россія рѣшительно ни въ чемъ не угрожала Италіи и не соперничала съ нею даже экономически.

Во время обсужденія проекта закона о подчиненіи надзору государства благотворительныхъ учрежденій, вѣрнѣе о конфискаціи въ пользу опустѣвшей итальянской казны капиталовъ этихъ учрежденій, Криспи забавлялъ своихъ мамелюковъ насмѣшками надъ тѣмъ, что существуютъ еще въ Италіи учрежденія для выкупа невольниковъ у пиратовъ и для леченія прокаженныхъ.—«Теперь нѣтъ ни пиратовъ, ни прокаженныхъ», воскликнулъ онъ при хохотѣ и рукоплесканіяхъ министерскаго большинства.

Эти слова такъ же вѣрны, какъ и другія завѣренія итальянскаго премьера. Проказа вовсе не думала исчезать изъ Европы, а, по завѣренію медицинскихъ авторитетовъ, она свирѣпствуетъ въ Италіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Пираты современные—на биржѣ—нисколько не лучше старинныхъ грабителей. Невольниковъ же въ Италіи если не de jure, то de facto милліоны, если не десятки милліоновъ. Развѣ не невольники рабочіе въ сѣрныхъ копяхъ Сициліи, рыбаки и ловцы ковралловъ, эмигранты, сотнями тысячъ запродающіе свой трудъ въ Америку, наконецъ, почти всѣ крестьяне-contarini, бѣдствующіе повсюду, такъ что круглый годъ не видятъ мяса, кромѣ какъ случайно отъ собственной издохшей отъ болѣзни скотины, а мѣстами не знающіе даже соли!

При такихъ воззрѣніяхъ и такомъ кругѣ нравственныхъ понятій трудно, конечно, ожидать, чтобы для Россіи Италія измѣнила кореннымъ основамъ своей политики, хотя и по отношенію къ Россіи Италія ничѣмъ кромѣ благодарности обязана быть не должна.

Забывъ оскорбленіе, нанесенное въ крымскую войну, Россія, гдѣ общественное мнѣніе съ наивнымъ восторгомъ привѣтство-

вало освобожденіе Италіи, сдержала въ 1859 г. Пруссію, готовую помочь Австріи. Этимъ Россія облегчила возможность Наполеону III справиться съ послѣдней и возстановить итальянское единство. Исконная заступница легитимнаго принципа, Россія очень скоро, а именно въ 1862 г., признала новое королевство и въ 1863 г. заключила съ нимъ торговый договоръ, чѣмъ не только нарушила свои принципы, но и порвала старинныя связи съ неаполитанскими Бурбонами, намъ ничего кромѣ хорошаго не-приносившими. Извѣстно, что во всей Европѣ только неаполитанскій король держался во время крымской войны дружественнаго намъ нейтралитета. Самое же важное — Россія позволила нарушить систему европейскаго равновѣсія, ибо разумѣется, что если Россіи трудно было справляться съ четырьмя великими державами, то еще труднѣе стало входить въ соглашеніе съ пятью. Наша дипломатія, какъ и дипломатія французская, не сообразила также, что единство итальянское быстро и неизмѣнно повлечетъ за собою единство германское, т. е. создастъ на границахъ Россіи сильную военную монархію взамѣнъ слабаго союза, половина членовъ котораго пресмыкалась передъ Россіею.

Въ войны 1866 и 1870 г. нашъ дружественный къ Пруссіи нейтралитетъ былъ очень на руку итальянцамъ; безъ него Италія не получила бы никогда Венеціи и Рима. Но чѣмъ же отблагодарила за это насъ Италія? Она стала принимать участіе во всѣхъ интригахъ, которыя начали затѣваться противъ Россіи въ послѣднія двадцать лѣтъ. Она ни въ чемъ не поддержала насъ на берлинскомъ конгрессѣ, молчаливо одобрила захваты Англіи въ Египтѣ. Италія продолжаетъ серьезно мечтать, что рано или поздно ей удастся овладѣть Истріей и Далмаціей, положеніе которыхъ въ политическомъ отношеніи слегка напоминаетъ положеніе прибалтійскихъ губерній. Но какъ никогда послѣднія не станутъ Германіей потому, что частица ихъ населенія говоритъ по-нѣмецки, такъ никогда Россія не можетъ, ради горсти объитальянившейся буржуазіи, допустить отдачу словенскаго и сербскаго побережья Адріатики—Синяго моря—въ руки древнихъ враговъ славянства. Кромѣ Истріи и Далмаціи, Италія стала находить, что и Албанія, особенно ея побережье, была бы ей совсѣмъ съ руки. Такимъ образомъ, на Балканскомъ полуостровѣ у насъ явился новый конкуррентъ.

Въ настоящее время Италія идетъ уже далѣе и заявляетъ, что никогда не потерпитъ русскаго флота на Средиземномъ морѣ. Эта фанфаронада не осталась нескромною болтовнею отдѣльнаго государственнаго лица. Криспи по одному посвисту князя Бисмарка леталъ на поклонъ въ Фридрихсруэ, гдѣ еще въ виду возможности только франко-русскаго соглашенія, нисколько Италіи не касавшагося и, какъ чисто оборонительнаго, нисколько для Италіи не опаснаго, затѣвались какіе-то союзы, цѣль которыхъ

ясна только въ томъ отношеніи, что Россія должна была ждать отъ нихъ всякой непріятности, хотя «Кельнская Газета»—органъ германскаго канцлера—увѣряла, что «тройной союзъ защищаетъ только штыками европейскую культуру» и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать «тюркосамъ или казакамъ сдѣлать попытку совершить набѣгъ на благословенныя поля центральной Европы»... Не надѣясь твердо на помощь Германіи и особенно Австро-Венгріи, которой Тріентъ, Истрію и Далмацію вовсе не хочется уступать Италіи, а равно допускать ее на Балканскій полуостровъ, послѣдняя заключила, повидимому, тайное соглашеніе о Средиземномъ морѣ съ Англіей. Въ это соглашеніе Италія пыталась одно время втянуть и Испанію.

На какую подачку вновь разсчитываетъ Италія,—неизвѣстно. Но макіавелизмъ, который помогъ ей такъ въ эпоху 1858—70 гг., не всегда бываетъ непремѣнно успѣшенъ. Изъ своей прошлой исторіи Италіи могла бы убѣдиться, что кривые пути, если и приводятъ къ цѣли, то болѣе медленно и болѣе тяжелымъ образомъ, чѣмъ прямые. Во всякомъ случаѣ Италія, созданная одною прихотью Наполеона III, вопреки ходу исторіи и интересамъ всей Европы, далеко не можетъ считать свое положеніе упроченнымъ, чтобы поддерживать политику приключеній. Вмѣсто замысловъ о гегемоніи на Средиземномъ морѣ и о турецкомъ наслѣдствѣ, лучше бы она лечила свою пелагру, искореняла разбойничество въ южныхъ провинціяхъ и улучшала благосостояніе низшихъ классовъ. Папскій вопросъ также одинъ изъ тѣхъ, о которомъ не должна забывать Италія, ибо римская курія въ своей послѣдовательной политикѣ проникнута тѣми же макіавелевскими принципами, и по отношенію къ политикѣ итальянцевъ представляетъ живое осуществленіе поговорки: «à corsaire corsaire et demi».

Россія же не должна смущаться итальянскими кознями и обращать вниманія на всѣ мелочныя непріятности, сдѣланныя со времени отозванія въ 1888 г. графа Греппи и не смягченныя любезнымъ пріемомъ покойнаго Гирса у короля Умберта, главнаго сторонника тройственнаго союза и агресивной политики. Если все величіе героевъ Лиссы и Кустоццы не испугало до сихъ поръ абиссинцевъ, то тѣмъ болѣе русскіе могутъ оставаться равнодушными къ дѣйствіямъ оффиціальной Италіи, неоффиціальная же можетъ попрежнему продолжать пріѣзжать насъ развлекать и потѣшать на разныхъ сценахъ и на улицахъ. Артисты вродѣ Мазини, Цукки, Дузе и т. п. будутъ у насъ всегда les bienvenus. Заработки ихъ хотя частью смягчатъ невыгоды баланса по торговлѣ Италіи съ Россіей. Вынужденная покупать у насъ хлѣбъ, шерсть, керосинъ и пр., Италія всегда переплачиваетъ Россіи и обложеніе нашихъ продуктовъ высокими пошлинами не измѣнило означеннаго неблагопріятнаго соотношенія.

РИМСКІЙ ПРЕСТОЛЪ.

VI. РИМСКІЙ ПРЕСТОЛЪ.

Ренанъ сказалъ:—«Теперь только еще двѣ силы на свѣтѣ: папа и печать». Тэнъ въ послѣднемъ томѣ своего знаменитаго сочиненія: «Origines de la France contemporaine» прекрасно изложилъ громадные успѣхи, сдѣланные католицизмомъ въ XIX столѣтіи. Успѣхи эти достигнуты не только въ полуцивилизованныхъ странахъ, какъ республика Экуадоръ, которая въ 1890 г. посвятила свой народъ «Святому сердцу Іисусову: La Republica del sagradi Corazon», но и въ самыхъ свободныхъ и образованныхъ государствахъ, какъ Соединенные Штаты, Голландія и Англія. Двѣ причины особенно содѣйствовали современному положенію католицизма. Съ одной стороны, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ долголѣтнее управленіе Пія IX римскою церковью; съ другой — образованіе Германской имперіи въ центрѣ Европы.

Папство Пія IX было необыкновеннымъ явленіемъ въ исторіи церкви, и еслибъ ультрамонтанство когда-либо восторжествовало, то Пій IX, конечно, считался бы болѣе великимъ человѣкомъ, чѣмъ Григорій VII. Но этого, вѣроятно, не случится; напротивъ, никто не повредилъ болѣе въ будущемъ католичеству, чѣмъ покойный папа. «Пій IX»—говоритъ Ренанъ — «болѣе сдѣлалъ въ исторіи католичества, чѣмъ Ришелье и Людовикъ XIV въ исторіи Франціи; но какъ послѣдніе намѣтили уже черты будущей революціи, такъ и дѣятельность Пія IX объяснила, что и католицизмъ погибнетъ революціоннымъ путемъ, отъ избытка власти и преувеличенія своего основного принципа». Еще въ средніе вѣка папы, отъ Григорія VII до Бонифація VIII, стремились создать нѣчто въ родѣ христіанскаго калифата въ Европѣ, но это удалось только Пію IX, который послѣдовательно установилъ: догматъ, не имѣющій никакого основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ мнѣніи соборовъ, осудилъ въ силлабусѣ весь гражданскій строй современнаго общества

и, наконецъ, позволилъ провозгласить себя непогрѣшимымъ. Эти безпримѣрныя притязанія, такъ легко принимаемыя католиками, показываютъ уже начало конца, потому что всякая сила, дойдя до высшей степени своего напряженія, теряется, всякая власть, не признающая себѣ никакихъ границъ, падаетъ, и гордость наказывается съ момента своего полнѣйшаго торжества».

Эти слова Ренана являются для папства не однимъ только предсказаніемъ; они отчасти уже сбылись: два мѣсяца спустя по провозглашеніи непогрѣшимости, папа лишился своей свѣтской власти. Потеря эта многозначительна. Если въ средніе вѣка папа могъ еще иногда не имѣть пристанища, то это не вліяло на церковь, сложившуюся тогда въ чрезвычайно плотныя и законченныя формы; другое дѣло—настоящее время: глава обширнаго царства вѣрующихъ, почти полубогъ, немыслимъ съ образомъ жизни авантюриста, и нѣтъ сомнѣнія, что теперь даже самыя клерикальныя государства будутъ стараться, для своего спокойствія, избѣгать присутствія у себя папы. Такое положеніе центра католицизма уже само въ себѣ заключаетъ источникъ большихъ опасностей; но къ этому присоединяются еще и другія условія.

Борьба католицизма съ свѣтскою властью, борьба, ожесточеніе которой проницательные люди предвидѣли уже въ 1870 году, послѣ безпримѣрныхъ притязаній ватиканскаго собора, начинаетъ распространяться мало-по-малу по всему свѣту и вызывала столкновенія даже въ такихъ отдаленныхъ странахъ, какъ Бразилія и Гватемала. Постепенно усиливающееся значеніе этой борьбы видно изъ отношенія, въ которое поставила себя къ ней Англія. Три вѣка, какъ извѣстно, англичане съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ боролись противъ притязаній папскаго престола и католицизма *). Послѣдній, казалось, уступилъ, и въ эпоху движенія въ пользу политической эмансипаціи католиковъ католицизмъ казался опаснымъ только въ Ирландіи. На дѣлѣ, однако, пропаганда шла дѣятельнѣе прежняго, католическая вѣра дѣлала въ Англіи успѣхи, и обращенія высокопоставленныхъ лицъ, особенно богатаго лорда Бьюта и бывшаго министра маркиза Грея-и-Рипона, раскрыли глаза англійскому обществу. Въ то же время въ такъ называемомъ «ритуализмѣ» англиканская церковь стала выказывать стремленіе возвратиться къ прежнимъ католическимъ преданіямъ и замѣнить пышною внѣшностью сухую протестантскую разсудочность своихъ обрядовъ. Опасность такого положенія заставила англійское общество встрепенуться и самъ Гладстонъ выступилъ на поле духовной полемики съ «Опытомъ и ритуализмомъ» и Politic expostulation».

Слѣпое повиновеніе, требуемое ультрамонтанами, доктринамъ

---

*) Даже во время религіозной свободы, при Кромвелѣ, публичное отправленіе католической вѣры было запрещено въ Англіи, подъ предлогомъ, какъ гласилъ законъ, что католики, «притворяясь вѣрующими въ Бога, проповѣдуютъ лишь одинъ развратъ».

Syllabus'а и догмату папской непогрѣшимости, несовмѣстимо съ гражданскими обязанностями, возлагаемыми каждымъ государствомъ на его гражданъ. Это мнѣніе не разъ высказывалось уже и ранѣе Гладстона, но ультрамонтаны постоянно доказывали, что непогрѣшимость папы касается только вопросовъ вѣры и чисто-нравственныхъ.

«Пій IX и его панегиристы, иронически замѣчаетъ Гладстонъ, гордо утверждаютъ, что средневѣковые папы, съ ихъ соборами, никогда не думали вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, что Григорій VII не воевалъ противъ императора Генриха IV, Иннокентій—противъ Раймонда Тулузскаго, что Павелъ III не отнималъ престола у Генриха VIII англійскаго, а Пій V не исполнялъ той же «отеческой обязанности» относительно королевы Елисаветы!..

Если, однако, непогрѣшимость касается только вопросовъ вѣры и нравственности, то пусть какой угодно римскій казуистъ докажетъ, что есть хоть одна отрасль человѣческой дѣятельности, которая не соприкасается съ нравственностью. Подобное различіе—только недостойная уловка узкой политики, которая ищетъ прикрыть такимъ образомъ дерзкое честолюбіе лицъ, занимающихъ папскій престолъ, или, вѣрнѣе, лицъ, скрывающихся за этимъ престоломъ. Римскій первосвященникъ, sacro approbante concilio, желаетъ имѣть высшее руководство надъ нашимъ разумомъ, личной волей, надъ всѣмъ, что̀ касается нашихъ обязанностей. И онъ провозглашаетъ это не какъ правило для монастырской жизни, а какъ нѣчто обязательное для всѣхъ и каждаго. Еще болѣе, чѣмъ догматъ о непогрѣшимости папъ, опасна для общества третья глава Syllabus'а — о всемірномъ повиновеніи. Въ этой главѣ неоднократно повторяется, что папа имѣетъ право на безусловное повиновеніе, подъ страхомъ утраты вѣчнаго спасенія, не только во всѣхъ вопросахъ вѣры и нравственности, но во всемъ, касающемся церковной дисциплины и управленія церковью. Подъ вліяніемъ этой доктрины, въ папскія сѣти попадаютъ тысячи совершившихся фактовъ, цѣлыя государственныя системы, принятыя тѣмъ или другимъ образомъ въ разныхъ странахъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ предполагается полное отдѣленіе церкви отъ государства, можно составить цѣлый списокъ вопросовъ, которые, касаясь ближайшимъ образомъ церкви, относятся также и къ компетентности государства. Достаточно взять для примѣра бракъ, похороны, воспитаніе, тюремную дисциплину, законы о святотатствѣ, общественную благотворительность, церковныя имущества, обѣты безбрачія, права монашествующихъ, и т. д., и т. д. Въ Европѣ кругъ подобныхъ вопросовъ еще болѣе обширенъ и пунктамъ столкновенія двухъ сферъ нѣтъ счета. Неужели по всѣмъ этимъ вопросамъ стоитъ папѣ заявить, что они касаются вѣры, нравственности или церковнаго управленія и дисциплины, чтобы, подъ страхомъ утраты вѣчнаго спасенія, всѣ католики обязаны

были не повиноваться государственнымъ властямъ? Правда, ни какой вселенскій соборъ не подтвердилъ пока формально всѣх притязаній силлабуса и энцикликъ, но за этимъ дѣло, конечнс не станетъ.

Въ ожиданіи этого подтвержденія никому не слѣдуетъ забы вать, что такое безусловное повиновеніе потребовалъ папа, в царствованіе котораго осуждены и преданы проклятію свободно слово, свободная печать, вѣротерпимость, свобода совѣсти, изу ченіе гражданскихъ и философскихъ вопросовъ помимо церковно власти, гражданскій бракъ и право государства опредѣлять гра ницы церковной власти. Другими словами, папа потребовалъ дл своей церкви привилегіи опредѣлять самой ея гражданскія права съ другой же стороны, ссылаясь на божественное право, пап требуетъ гражданской невмѣняемости и содѣйствія свѣтской власт для утвержденія своего владычества.

Католическій вопросъ для насъ не менѣе важенъ, чѣмъ дл Англіи и даже для Германіи. Хотя въ Германіи болѣе трети населе нія католиковъ, а у насъ только 6—7%, но за то католицизмъ какъ политическое знамя, далеко не имѣетъ въ Германіи таког антигосударственнаго значенія, какъ въ Россіи, гдѣ онъ сливаетс съ польщизной. Если оппозиція эта не можетъ проявляться въ Рос сіи такъ гласно и такъ рѣзко, какъ въ Германіи, значеніе ея все таки значительно, и нельзя отрицать у государства право прини мать извѣстныя мѣры противъ замысловъ клерикальной партіи. По бѣда Ватикана и у насъ отразилась бы самымъ прискорбным образомъ, укрѣпивъ вліяніе іезуитовъ, значительно ослабѣвше послѣ реформъ, предпринятыхъ въ Царствѣ Польскомъ съ 1864 г Во всякомъ случаѣ, отъ своего католическаго населенія мы отка зываться не желаемъ, обращать его въ господствующую вѣру н намѣрены, поэтому остается для нашего же спокойствія найти какоі нибудь modus vivendi.

Наша политика по отношенію къ католицизму на западноі окраинѣ Россіи вовсе не случайна. Она есть плодъ нашихъ вѣ ковыхъ отношеній къ польскому государству, другими словами плодъ всей русской исторіи. Конечно, давно прошло то время, ко гда католицизмъ былъ господствующею религіей въ Западномъ краѣ и католики были господами, «панами» здѣсь. Но воззрѣніе, что католичество—«панская» вѣра, костелъ—«панская» церковь—со храняется въ народѣ и теперь, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ много католиковъ. Съ этимъ легко соединяется мысль о пре восходствѣ «панской» вѣры предъ вѣрою, исповѣдуемою мужикомъ «хлопомъ»; если «панъ» выше «хлопа», то не трудно придти къ мысли, что и вѣра панская выше «вѣры хлопской». Не менѣе ненормальнымъ представляется и то обстоятельство, что въ за падной Россіи до сихъ поръ простые крестьяне не только не умѣютъ хоть сколько нибудь отличить православіе отъ католиче-

ства, но даже не могутъ правильно назвать свою вѣру. Спросите у православнаго крестьянина въ томъ краю: какой онъ вѣры? Онъ вамъ отвѣтитъ, что онъ «вѣры русской»! Значитъ, онъ смѣшиваетъ національность съ религіей и, противополагая свою вѣру католической, называетъ послѣднюю «польской вѣрой». Конечно, на первый взглядъ это можетъ представиться мелочью, на которую не стоитъ обращать особеннаго вниманія; но если вникнуть глубже въ смыслъ такого явленія, то оно представится отнюдь не мелочью.

Поэтому, если въ чисто религіозныхъ вопросахъ еще могла быть рѣчь объ уступкахъ папѣ, то къ притязаніямъ его по вопросамъ политическимъ правительство не могло не отнестись весьма строго. Въ этомъ отношеніи Пій IX своимъ вмѣшательствомъ въ польскія и уніатскія дѣла*) поставилъ себя въ безвыходное положеніе и послѣ дерзостей, сказанныхъ имъ нашему повѣренному въ дѣлахъ, разрывъ съ римскимъ престоломъ сталъ неизбѣженъ. Со вступленіемъ на папскій престолъ умнаго и осторожнаго Льва X, обстоятельства измѣнились и сношенія съ римской куріей мало-по-малу возстановились. Этого важнаго результата мы достигли безъ заискиванія и уступчивости, а послѣдовательною политикою. Заслуга тутъ въ значительной степени можетъ быть приписана покойному Макову.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что взгляды на исходъ переговоровъ, начатыхъ послѣднимъ съ Римомъ, весьма различны. Графъ Д. А. Толстой, считавшійся авторитетомъ въ католическихъ дѣлахъ, былъ противъ, а остряки увѣряли, что «Льву Макову не перехитрить Льва тринадцатаго», и дѣйствительно нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ въ епископы лицъ оказались неудобными и назначеніе ихъ оживило польскій духъ въ Западномъ краѣ. Но

---

*) По поводу уніатовъ не могу не припомнить, что покойный Жюль Симонъ, представляя французской академіи книгу «Le centenaire du Journal des Débats» и разсказывая, какъ Наполеонъ I, преслѣдуя печать, конфисковалъ «Débats» и назначилъ цензора главнымъ редакторомъ оппозиціонной газеты, прибавилъ: «Тотъ же способъ преслѣдованія былъ употребляемъ русскими во время преслѣдованія русинской церкви (église ruthénienne). Они брали католическіе храмы, дѣлали изъ нихъ русскія церкви и заставляли бывшихъ священниковъ исполнять обязанности звонарей. Такимъ образомъ священникъ сзывалъ своихъ вчерашнихъ чадъ слушать еретическаго проповѣдника».

Для бывшаго министра просвѣщенія, профессора и академика, легкомысліе, высказанное въ этихъ словахъ, поразительно! Во-первыхъ, что это за русинская церковь? Если разумѣется уніатская, то Жюль Симону слѣдовало бы знать, что никогда и папы не считали ее католическою; они оставили греко-уніатамъ ихъ православные догматы и обряды, довольствовались признаніемъ своего главенства. Затѣмъ о какихъ преслѣдованіяхъ уніатской церкви идетъ рѣчь? Преслѣдовали ее не русскіе, а поляки. Если же подъ преслѣдованіемъ разумѣется двоякое возсоединеніе, то анекдотъ сомнителенъ. Возсоединенія оба раза произведены были склоненіемъ къ православію уніатскаго духовенства, за которымъ послѣдовала масса прихожанъ. Если были протестанты, то въ средѣ мірянъ: противъ нихъ, къ сожалѣнію, употреблялись иногда полицейскія мѣры въ интересахъ сохраненія общественнаго спокойствія.

извѣстно, что всѣ вопросы, касающіеся католической іерархіи, считаются наиболѣе трудными для разрѣшенія не только у насъ, но и повсемѣстно. Совѣтники римской куріи, какъ извѣстно, первые дипломаты въ мірѣ, о которыхъ самъ Бисмаркъ обломалъ зубы и, поклявшись торжественно, что не пойдетъ въ Каноссу, т. е. не сдѣлаетъ католицизму уступокъ, все-таки въ концѣ концовъ уступилъ и измѣнилъ такъ называемые «майскіе законы».

Наше правительство въ католическомъ вопросѣ существенныхъ уступокъ не сдѣлало. Оно признало лишь то, что стало необходимымъ силою вещей и противодѣйствовать чему было бы лишь желаніемъ проломить лбомъ стѣну. Дѣйствіе, быть можетъ, очень рѣшительное и смѣлое, но, какъ извѣстно, не приносящее никогда никакой пользы.

Если наше соглашеніе съ папою не установило мира въ католической церкви въ Россіи и не привязало къ намъ католическаго населенія, то во всякомъ случаѣ оно устранило возможность въ близкомъ будущемъ многихъ непріятныхъ случайностей и вовсе не ставило насъ въ худшее противъ прежняго положеніе. Ужъ одно возобновленіе нормальныхъ отношеній правительства къ римскому двору, при полномъ сохраненіи свободы дѣйствій, представляло результатъ весьма удовлетворительный, дѣлающій честь миролюбію Льва XIII. Добиться чего либо подобнаго при Піѣ IX было совершенно немыслимо.

Можно какъ угодно смотрѣть на католицизмъ, можно считать его, особенно при извѣстномъ оттѣнкѣ фанатизма со стороны населенія, очень опасною доктриною для цѣлости государства, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что католицизмъ есть дѣло совѣсти и убѣжденія многихъ десятковъ милліоновъ. Въ Россіи католиковъ, по самому умѣренному счисленію, свыше 8 милліоновъ. Какими бы государственными и религіозными идеалами ни задаваться, интересы совѣсти этихъ милліоновъ не могутъ быть игнорированы. Признавая даже всѣ означенные 8 милліоновъ пребывающими въ глубокомъ и опасномъ заблужденіи, правительство, не возвращаясь къ западно-европейскимъ пріемамъ XVI и XVII вѣка, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ религіознымъ убѣжденіямъ такого множества людей.

Это одинъ существующій фактъ. Другой состоитъ въ свойствѣ католицизма. Послѣдній немыслимъ безъ папы и папскаго авторитета. Можно и философски и канонически оспаривать законность подобнаго явленія, оно, однако, фактически существуетъ и доколѣ существуетъ каждое правительство, имѣющее въ составѣ своего населенія католиковъ, должно по необходимости съ нимъ считаться, а особенно правительству такого государства, гдѣ населеніе это считается милліонами.

Третій фактъ состоитъ въ томъ, что папское правительство или такъ называемая римская курія никогда не мѣняетъ своей

политики. И оно, конечно, уступаетъ иногда силѣ и обстоятельствамъ, но затѣмъ при первой возможности возвращается къ прежнимъ своимъ претензіямъ. Когда папы были итальянскими государями, а въ XVI вѣкѣ довольно даже могущественными, они подчиняли еще свою политику династическимъ и чисто государственнымъ интересамъ, но съ утратою территоріальнаго могущества политика папскаго двора все болѣе дѣлалась исключительно религіозною, а потому болѣе настойчивою и вліятельною. Триста и двѣсти лѣтъ назадъ самые набожные государи, какъ Филиппъ II или Людовикъ XIV, въ грошъ не ставили папу, теперь даже протестантскія государства крайне осторожно относятся ко всѣмъ католическимъ вопросамъ.

Такова наличность фактовъ, обусловливающая отношенія русскаго правительства къ папскому двору. Съ послѣднимъ съ 1867 г. у насъ не было офиціальныхъ дипломатическихъ сношеній. Сила вещей заставила однако завести офиціозныя сношенія, сначала чисто дѣловыя, ибо католицизмъ немыслимъ безъ папы. Недостатокъ постоянныхъ сношеній съ римскимъ дворомъ выразился болѣе всего въ дезорганизаціи высшей католической іерархіи. Безъ папы новыхъ епископовъ посвящать нельзя, а въ семнадцатилѣтній промежутокъ разрыва сношеній только счастливая случайность не позволила еще естественною смертью сдѣлать всѣ католическія каѳедры въ Россіи вакантными. Вопросъ о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ сталъ такимъ образомъ наиболѣе настоятельнымъ. Онъ не могъ, однако, разрѣшиться безъ опредѣленія участи тѣхъ епископовъ, которыхъ наше правительство сослало за участіе въ мятежѣ 1863 года, но лишить которыхъ сана, безъ согласія папы, не нарушая самымъ кореннымъ образомъ принциповъ католической вѣры, не могло.

Папа, не настаивая на возобновленіи конкордата, на возстановленіи закрытыхъ монастырей, на изгнаніи русскаго языка изъ богослуженія и на множествѣ другихъ деликатныхъ вопросовъ, согласился уменьшить въ Россіи число католическихъ епархій, сосланнымъ епископамъ далъ у себя епархіи in partibus и утвердилъ новыхъ епископовъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ русскимъ правительствомъ.

Добившись отъ папы уступки по важнѣйшему для насъ вопросу, отъ котораго зависѣло, можно сказать, дальнѣйшее безмятежное существованіе католицизма въ Россіи, правительство, въ свою очередь, вынуждено было сдѣлать нѣсколько уступокъ. Важнѣйшая состояла въ томъ, что въ академіи и семинаріяхъ министерство народнаго просвѣщенія инспектируетъ лишь преподаваніе русскаго языка, литературы и исторіи, и въ томъ, что правительство не можетъ заставить епископа удержать въ своей епархіи священника, признаваемаго епископомъ негоднымъ. Но даже и при новомъ положеніи католическія духовно-учебныя заведенія

стали гораздо болѣе въ подчиненіи администраціи, чѣмъ православныя духовно-учебныя заведенія; такимъ образомъ католики получили здѣсь лишь ту равноправность, которая обезпечена въ извѣстной степени всѣмъ вѣроисповѣданіямъ въ нашемъ сводѣ законовъ. Въ отношеніи же возстановленія правъ епископовъ,— хотя это возстановленіе можетъ имѣть въ политическомъ отношеніи нѣкоторыя неудобства—ни съ логической, ни съ юридической стороны означенная уступка оспариваема быть не должна. Дѣйствительно, въ такой религіи, какъ католическая, гдѣ все основано на авторитетѣ, администрація не въ состояніи быть судьею между епископомъ и священникомъ. Если по нашимъ законамъ каждый начальникъ имѣетъ право уволить своего подчиненнаго по извѣстному 3-му пункту, безъ объясненія причинъ, и заградить тѣмъ доступъ чиновнику во всѣ другія вѣдомства, то хоть частицу подобнаго права нельзя отнимать у епископовъ, которые также начальники, а по каноническимъ понятіямъ весьма полновластные, своего духовенства. Пруссія также пробовала ограничить дисциплинарныя права епископовъ по отношенію къ священникамъ ихъ епархій, но также признала невозможность удерживать долѣе это анти-каноническое ограниченіе.

Спустя нѣсколько лѣтъ переговоры съ папою снова возобновились; г. Извольскій былъ болѣе счастливъ въ своихъ сношеніяхъ съ кардиналомъ Рамполлою, нежели агенты покойнаго Макова, гг. Мосоловъ и Бутеневъ, были въ переговорахъ съ кардиналомъ Якобини, и въ концѣ концовъ дипломатическое представительство Россіи при папскомъ дворѣ возстановлено.

Переходя отъ области спеціально церковныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ внимательнаго разбора, я долженъ указать еще на то, что дружелюбныя отношенія къ папѣ необходимы Россіи не только для спокойнаго управленія западною окраиною, но и въ общей экономіи нашихъ политическихъ отношеній въ Европѣ. Папа—такой козырь, который лучше имѣть въ своей игрѣ, нежели видѣть въ игрѣ противниковъ. Папа силою обстоятельствъ сталъ элементомъ, съ которымъ непремѣнно должна считаться наша дипломатія, если не желаетъ проспать событій.

Съ папою наши отношенія ухудшились по тремъ причинамъ: во-первыхъ, по сочувствію, если не по косвенному содѣйствію, которое Россія оказала итальянскому объединенію — надѣясь этимъ ослабить Австрію и наказать ее за гнусное поведеніе въ крымскую войну; во-вторыхъ, изъ-за польскаго вопроса, гдѣ виноватъ былъ іезуитскій антуражъ Пія IX; наконецъ, изъ-за крѣпкой дружбы Россіи съ Германіей въ моментъ, когда послѣдняя начала безпощадную войну противъ католической іерархіи. Польскія дѣла значительно измѣнили свою физіономію; цѣну дружбы съ Германіей мы познали еще на берлинскомъ конгрессѣ, а плату за нее получили въ тайномъ договорѣ Германіи съ Австро-Венгріей и Ита-

ліей. Оставались не вполнѣ выясненными только наши дальнѣйшія отношенія къ итальянскому единству.

Но съ тѣхъ поръ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что на Средиземномъ морѣ мы имѣемъ теперь серьезнаго и опаснаго противника— державу, которая, создавшись коварствомъ и насиліемъ, невольно должна вести фальшивую политику и для своего благополучія стараться вести двойную игру и мутить воду, отношенія Россіи къ папѣ опредѣлились. Италія ненавидитъ своего благодѣтеля—Францію, которой обязана существованіемъ, какъ обязаны Россіи своимъ появленіемъ на свѣтъ Румынія, Греція, Сербія и Болгарія. Эта ненависть, связанная съ боязнью, заставляетъ Италію опасаться сближенія Франціи съ Россіей и вынуждаетъ бросаться въ объятія Германіи и вассала послѣдней—Австро-Венгріи. Желаніе командовать Средиземнымъ моремъ заставляетъ Италію съ неменьшею боязнью относиться къ возможности появленія русскаго флота въ Дарданеллахъ; наконецъ, извѣстная жадность итальянцевъ, побуждающая ихъ стараться урвать что нибудь изъ богатаго наслѣдства умирающей Турецкой имперіи, также заставляетъ ихъ ревниво и съ завистью относиться къ каждому шагу Россіи на Востокѣ.

На берлинскомъ конгрессѣ отъ Италіи мы не видѣли никакой поддержки, а съ тѣхъ поръ она заключила тайные договоры съ нашими естественными противниками, заключила ихъ даже съ двухъ сторонъ: съ Германіей и Австро-Венгріей для дѣйствія на сухомъ пути и съ Англіей для дѣйствія на морѣ. Къ такому поведенію Россія, конечно, оставаться равнодушною не можетъ. У насъ и безъ того много недруговъ и завистниковъ въ Европѣ, чтобы мы могли спокойно переносить всякаго рода козни и двуличіе; «кто не за насъ, тотъ противъ насъ» — таковъ долженъ быть всегда девизъ здравой и практической политики, политики того, кто не желаетъ, чтобы его водили за носъ. «Прощать врагамъ надобно — когда они уже повѣшены», сказалъ одинъ геніальный человѣкъ.

По своему географическому положенію Италія находится внѣ круга прямого съ нашей стороны воздѣйствія. Поведеніе ея и объясняется, вѣроятно, безнаказанностью до момента, когда Россія станетъ твердою ногою на Балканскомъ полуостровѣ. Но у Италіи есть очень слабая сторона — это ея отношенія къ папскому престолу. Какъ ни признавать законными стремленія итальянскихъ народцевъ къ единству, но двѣсти милліоновъ католиковъ и безчисленная армія католическаго духовенства, разсѣянная по всему земному шару, съ трудомъ перевариваютъ мысль, что это единство создалось путемъ споліаціи папскаго престола, лишеніемъ послѣдняго того, чѣмъ онъ тысячу лѣтъ владѣлъ спокойно. Грабежъ, какъ извѣстно, коснулся не только владѣній папы, но и дворцовъ, картинъ, предметовъ древности и т. п. Какъ уладить свои отно-

шенія Италія къ папскому престолу—предвидѣть трудно, но несомнѣнно, что въ настоящемъ своемъ видѣ эти отношенія тотъ ракъ, который незримо точитъ крѣпость итальянскаго государственнаго организма. Видимая слабость папы ничего не доказываетъ. И прежде папы бывали въ рукахъ византійскихъ губернаторовъ и французскихъ королей. Наполеонъ I дѣлалъ опытъ плѣненія папы, но сила папскаго престола отъ того не умалялась, а выростала; она въ прямой связи съ міросозерцаніемъ массы, а реакція въ религіозномъ отношеніи всегда возможна.

Если таково значеніе папы въ Италіи, то очевидно, что онъ нашъ естественный политическій союзникъ; только черезъ папу можемъ мы имѣть въ Италіи надлежащее вліяніе, а потому Россія должна препятствовать всему, что ведетъ къ уничтоженію папскаго престижа и къ умаленію политическаго значенія папы. Конечно, мы не должны ради этого жертвовать своею политическою независимостью, забывать о Польшѣ и заключать необдуманные конкордаты, но благоразумныя уступки, вниманіе къ положенію папы, какъ главы католической церкви, извѣстное уваженіе къ правамъ его, какъ вѣнценосца, должны постоянно руководить нашими дѣйствіями—это будетъ хорошею политикою.

Вообще нашей дипломатіи слѣдуетъ навсегда забыть свою рутину, оставить зады Священнаго союза, коихъ мѣсто въ архивахъ, и вести политику новую, оригинальную и не опирающуюся на допотопные предразсудки.

ВТОРОСТЕПЕННЫЯ ЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

VII. ШВЕЦІЯ И НОРВЕГІЯ.

Оскаръ II правитъ двумя просвѣщеннѣйшими и трудолюбивѣйшими народами. Шведско-норвежская монархія съ 1815 года вступила, можно сказать, въ тотъ періодъ, о которомъ давно великій мыслитель замѣтилъ: «счастливы народы, не имѣющіе исторіи!» Ничего бьющаго на эффектъ, никакихъ политическихъ трагикомедій не представляетъ болѣе политическая жизнь Скандинавскаго полуострова: прогрессъ, успѣхи просвѣщенія, гражданственности, огромные успѣхи экономическіе,—таковъ несложный, но существенный балансъ скандинавской исторіи за послѣднія восемьдесятъ лѣтъ. Это устраненіе себя съ внѣшняго политическаго поприща не устраняетъ борьбу партій и даже антагонизма двухъ частей Скандинавскаго государства.

Въ Швеціи конституція существуетъ очень давно и она только нарушалась, но не отмѣнялась абсолютными монархами въ родѣ Карла XII и Густава III. По этой конституціи, весьма схожей съ существующей до сихъ поръ въ Финляндіи, государственные чины раздѣлялись на четыре сословія. Такъ какъ каждый старшій въ родѣ дворянинъ засѣдалъ лично, а прочія сословія избирали депутатовъ, то понятно, что дворянское сословіе преобладало на сеймѣ. Затѣмъ всѣ либеральныя профессіи, пополнявшіяся преимущественно дѣтьми крестьянъ, не имѣли вовсе представителей. Такой порядокъ привелъ къ реформѣ 1866 года, когда была введена англійская система двухъ палатъ. Этотъ законъ былъ принятъ послѣ упорнаго сопротивленія, благодаря только личному вліянію короля Карла XV.

Такъ какъ верхняя палата, имѣющая почти такой же объемъ власти, какъ и нижняя, пополняется, по новому закону, депута-

тами, избираемыми на десять лѣтъ земскими и городскими собраніями, то произошло совершенное перемѣщеніе политической силы. Дворянство потеряло большую часть своего значенія и образовало юнкерскую или придворную партію. Она имѣетъ, впрочемъ, въ числѣ своихъ представителей лучшихъ ораторовъ палаты. Часть дворянъ съ демократическимъ оттѣнкомъ перешла на сторону крестьянъ. Горожане и духовенство утратили прежнее значеніе и это было причиною, что въ 1870 году удалось, наконецъ, отмѣнить законъ, по которому только лютеранинъ аугсбургскаго исповѣданія могъ быть въ Швеціи членомъ палаты, избирателемъ и вообще занимать какую либо должность. По новой конституціи, половина членовъ государственнаго совѣта, т. е. министровъ, должна быть непремѣнно не дворянскаго происхожденія. Такимъ образомъ верхняя и нижняя палаты и министерство фактически перешли въ руки крестьянъ.

Торжество крестьянъ не должно быть нисколько удивительнымъ. Въ Швеціи крестьяне всегда играли важную роль, а дворянство было искусственно создано и поощряемо королевскою властью. Рабства и крѣпостного права въ Швеціи не существовало и крестьянство составляло сословіе не только свободное, но и относившееся постоянно съ недовѣріемъ и нѣкоторою завистью къ высшимъ классамъ. Дворянское сословіе образовалось въ Швеціи не ранѣе XIV столѣтія, и притомъ какъ чисто служилый элементъ. Лишь король Іоаннъ III въ концѣ XVI столѣтія не только сдѣлалъ дворянство наслѣдственнымъ, но и дозволилъ носить дворянскіе титулы тѣмъ даже, у кого не было земли. Абсолютизмъ Карла XI и Карла XII понизилъ на время значеніе дворянства, но по смерти Карла XII оно забрало всю власть въ свои руки. «Секретный комитетъ», избиравшійся сеймомъ, былъ единственною властью, передъ которою пассовала даже королевская власть. Это продолжалось до извѣстнаго coup d'Etat Густава III, когда вновь, до паденія короля Густава IV, возобновили абсолютизмъ, пользовавшійся высшимъ сословіемъ только какъ декораціей. Всѣ эти перевороты происходили въ верхнихъ слояхъ общества, а масса сельскаго населенія оставалась въ прежнемъ положеніи и продолжала пользоваться извѣстною долею самоуправленія. Въ ней лежало ядро шведской національности и она своимъ осмысленнымъ консерватизмомъ спасала государство въ критическія минуты, которыхъ Швеція пережила не мало въ теченіе своей бурной и кровавой исторіи.

Шведамъ однако до suffrage universelle далеко. Вычислено, что только 6% всего населенія пользуется правомъ голоса; въ этомъ отношеніи ниже Швеціи стоитъ только Венгрія. Крестьяне же, о которыхъ выше шла рѣчь, напоминаютъ по богатству скорѣе мелкихъ буржуа.

Верхняя палата имѣетъ огромное консервативное и протекціо-

нистское большинство. Нижняя палата раздѣляется на четыре партіи: старая національная партія, предводитель коей Свенъ Нильсонъ; новая національная партія или консервативная; прогресисты избираемые преимущественно городомъ и центръ, предводитель коего Герсловъ. Консерваторы протекціонисты, остальныя партіи стоятъ за свободу торговли. Прогрессисты поддерживаютъ интересъ рабочихъ, требуютъ соціальныхъ реформъ и расширенія избирательнаго права. Министерства, конечно, мѣняются, но чаще всего господствуетъ протекціонистская и консервативная партія. Она отвергла проектъ страхованія рабочихъ (хотя соціализмъ въ Швеціи развивается) и желаетъ сократить число представителей въ палатахъ, чтобы ослабить вліяніе городовъ, болѣе демократическихъ.

Такую же важную политическую роль крестьяне играютъ и въ Норвегіи. Послѣдняя осуществляетъ собою почти идеалъ «мужицкаго царства». Съ тѣхъ поръ, какъ депутаты норвежскихъ крестьянъ по собственной инціативѣ собрались въ Эйдевольдѣ, при извѣстіи, что ихъ отечество тайнымъ соглашеніемъ Россіи со шведскимъ наслѣднымъ принцемъ оторвано отъ Даніи, и вотировали себѣ либеральнѣйшую конституцію, которую имѣлъ достаточно такта принять Бернадоттъ, Норвегія управляется крестьянами и управляется—замѣтимъ—отлично. Нищая при отдѣленіи отъ Даніи, она уже давно не имѣетъ прямыхъ налоговъ и богатѣетъ постоянно.

Норвегія, пожалуй, тягость для Швеціи, шведы ее ненавидятъ, боятся ея демократическаго вліянія, поругиваютъ норвежцевъ и норвежскіе порядки. Они, дѣйствительно, не совсѣмъ пріятны для шведскаго монарха. Когда онъ вноситъ предложеніе въ норвежскій стортингъ, то двери палаты отворяются настежь, членъ государственнаго совѣта въ полномъ мундирѣ несетъ королевское посланіе въ сопровожденіи шести членовъ палаты; палата встаетъ съ мѣста и молча выслушиваетъ чтеніе; затѣмъ посланникъ съ такою же церемоніей удаляется, дверь затворяется и... стортингъ безъ разговоровъ отвергаетъ королевское посланіе. Если стортингъ два раза вотировалъ безъ измѣненія законъ и король наложилъ veto, то при третьемъ голосованіи палата «умоляетъ» (это оффиціальный терминъ) короля принять законъ, если же король опять кладетъ veto, то законъ самъ собою входитъ въ силу. Мало того, конституція не даетъ королю права заключать трактаты и объявлять войну и требуетъ, чтобы король, liste-civile котораго не превосходитъ 150,000 р. въ годъ, непремѣнно жилъ въ Норвегіи два мѣсяца въ году, причемъ строго воспрещаетъ кому-либо изъ шведовъ сопровождать короля. Неудивительно, что послѣдній на свое періодическое пребываніе въ Норвегіи смотритъ, какъ на родъ почетной ссылки. Въ остальное время король сносится съ норвежскимъ правительствомъ при помощи особаго министра, про-

живающаго въ Стокгольмѣ. Нашъ статсъ-секретаріатъ по финляндскимъ дѣламъ составляетъ копію этого послѣдняго учрежденія.

Не довольствуясь еще этимъ, норвежцы требуютъ для Норвегіи большей доли самостоятельности въ области иностранной политики, а часть населенія обнаруживаетъ стремленіе и къ расторженію уніи. Для объясненія этого факта, надобно припомнить, что въ 1814 году, норвежцевъ пришлось присоединять силою, они добились почти полной автономіи и, кромѣ государя, общимъ осталось только министерство иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ не только правительство, но и армія и флотъ у Норвегіи—особые отъ Швеціи.

Норвежцы, однако, всегда были недовольны и такою слабою связью и находили ее для себя стѣснительною, жалуясь, что въ международныхъ сношеніяхъ интересы Норвегіи жертвуются въ пользу шведскихъ интересовъ. Жалобы эти, по разнымъ обстоятельствамъ, въ послѣднее время усилились; такъ, напр., Швеція стала слѣдовать покровительственной таможенной системѣ, а норвежцы желаютъ держаться свободной торговли; шведы отказались принять участіе въ парижской всемірной выставкѣ въ 1889 г., а Норвегія приняла въ ней участіе, что вызвало даже отставку министра иностранныхъ дѣлъ Эренсверда, одобрившаго нелѣпый отказъ шведско-норвежскаго посланника въ Парижѣ, графа Левенгаупта, представить норвежскаго делегата на выставкѣ президенту Французской республики.

Норвежцы требуютъ также, чтобы изъ ихъ флага были исключены помѣщенные скромно въ углу шведскіе цвѣта и чтобы король по конституціи былъ лишенъ права назначать своего сына вице-королемъ норвежскимъ.

Если два послѣднія требованія удовлетворить не трудно, то разрѣшить первое затрудненіе касательно общей дипломатіи весьма трудно. Несомнѣнно, что Швеція и Норвегія имѣютъ разные торговые и политическіе интересы, но если сдѣлать министра иностранныхъ дѣлъ изъ норвежцевъ, то это, конечно, не удовлетворитъ шведовъ, какъ не удовлетворяетъ норвежцевъ нынѣшній министръ изъ шведовъ. Имѣть же двухъ министровъ невозможно, такъ какъ посланники и консулы будутъ получать тогда противоположныя приказанія. Если же сдѣлать и дипломатическихъ представителей разныхъ, то это почти равносильно полному отдѣленію обоихъ государствъ и уничтоженію уніи.

Іоганъ Свердрупъ, предводитель лѣвой, управлявшій пять лѣтъ Норвегіей въ качествѣ перваго министра, и велъ политику въ такомъ смыслѣ, выразившуюся въ приговорѣ, произнесенномъ въ 1884 г. ригсредомъ надъ членами министерства Зельмена за ихъ якобы противуконституціонныя дѣйствія и созданіе шведско-норвежскаго совѣта по иностраннымъ дѣламъ подъ предсѣдательствомъ короля. Благодаря выборамъ 1888 года, измѣнившимъ нѣсколько

составъ стортинга и ольдстинга, королю удалось въ 1889 г. провести министерство правой съ Эмиліемъ Стангомъ во главѣ, но этотъ талантливый адвокатъ не затормозилъ нисколько сепаратическаго движенія.

Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, полное отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи можетъ быть только пріятно, хотя, въ свое время, Россія болѣе всего и старалась объ уніи, желая вознаградить Швецію за потерю Финляндіи. Не говоря уже объ исторической къ намъ враждѣ шведовъ, шведское правительство находится теперь несомнѣнно, если не въ тайномъ союзѣ, то подъ сильнымъ вліяніемъ Германіи. Король Оскаръ II, несмотря на свое гасконское происхожденіе, былъ всегда почитателемъ нѣмцевъ, а послѣ брака своего старшаго сына, кронпринца Густава, на баденской принцессѣ, двоюродной сестрѣ императора германскаго, сталъ еще болѣе германцемъ. Это нѣмцефильство и составляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія со стороны норвежцевъ, опасающихся войны изъ-за интересовъ тройственнаго союза.

Газета «Daily Chronicle» помѣстила крайне важное письмо норвежскаго писателя Біернстерна-Бьернсона, въ которомъ послѣдній заявляетъ, что причина шведско-норвежскаго разлада коренится въ сопротивленіи, которое оказываетъ Норвегія проекту присоединенія Скандинавіи къ тройственному союзу, такъ какъ норвежцы находятъ, что Россія вовсе не угрожаетъ Скандинавскому полуострову. Норвежцы подозрѣваютъ, что Германія поддерживаетъ Швецію въ мысли завоеванія Норвегіи. Бьернсонъ повторяетъ, что Норвегія никогда не согласится примкнуть къ тройственному союзу и скорѣе предпочтетъ нарушить унію со Швеціей.

Когда «С.-Петербургскія Вѣдомости» со словъ Бьернсона упомянули о враждебномъ къ намъ настроеніи шведовъ, стокгольмская офиціальная газета «Post-Tidning» напомнила, что король союзныхъ государствъ неоднократно и ясно объявлялъ въ своихъ тронныхъ рѣчахъ, что Швеція и Норвегія желаютъ сохранять ненарушимый нейтралитетъ и жить въ мирѣ и дружбѣ со всѣми своими сосѣдями. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Дугласъ, при первомъ своемъ появленіи въ ригсдагѣ, высказался въ такомъ же смыслѣ слѣдующими словами: «Расходы по вооруженію арміи и флота не имѣютъ другой цѣли, какъ неустанное охраненіе внѣшней безопасности государствъ и стремленіе всѣми средствами сохранять ихъ нейтралитетъ при могущихъ возникнуть европейскихъ осложненіяхъ». Такъ называемыя шведскія вооруженія, по его словамъ, не что иное, какъ исполненіе реорганизаціи арміи, принятое послѣ многолѣтнихъ обсужденій въ 1892 году.

Хотя независимая Норвегія будетъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ враждебной намъ Англіи, но надобно ожидать, что вліяніе это въ значительной степени парализуется вліяніемъ дружественной Рос-

сіи Даніи. Съ послѣдней норвежцевъ связываетъ общая вѣковая исторія, общая культура и старинныя симпатіи, не совсѣмъ и понятныя, потому что до отдѣленія Норвегіи отъ Даніи послѣдняя была скорѣе нѣмецкимъ, чѣмъ скандинавскимъ государствомъ даже во внутреннемъ управленіи. Теперь это, конечно, измѣнилось, поэтому надобно будетъ думать, что, освободившись отъ Швеціи, Норвегія будетъ искать сближенія съ Даніей.

Шведы, какъ поляки, венгерцы и турки, считаются на Западѣ естественными нашими врагами; до сихъ поръ въ самой Швеціи существовало убѣжденіе, будто только стремленіе Россіи къ завоеваніямъ было причиною паденія Швеціи. Такія воззрѣнія ошибочны. Для этого стоитъ безпристрастно взвѣсить всѣмъ извѣстные историческіе факты.

Шведская монархія внезапно выдвинулась изъ ничтожества на первое мѣсто геніемъ Густава Адольфа. Заслуга послѣдняго состояла не въ военныхъ только подвигахъ, но въ умѣніи принять подъ свое покровительство протестантскіе интересы, составлявшіе въ XVII вѣкѣ партію прогресса въ Европѣ. Къ сожалѣнію, созданная на окровавленныхъ поляхъ Германіи, монархія не имѣла прочнаго основанія; она представляла собою какъ бы пирамиду, стоявшую острымъ концомъ къ странѣ, т. е. въ положеніи равновѣсія наиболѣе неустойчиваго. Поцо ди Борго очень вѣрно замѣтилъ о шведахъ: «C'est un malheur d'avoir une grande histoire et une petite puissance, on est enflé par l'orgueil et humilié par la faiblesse». Въ апогеѣ своего величія Швеція считала только 5 милліоновъ жителей. Роль покровителей протестантскихъ государствъ противъ соединенныхъ усилій папы, императора и испанскаго короля съ такимъ же успѣхомъ поспѣшили принять Ришелье и Кромвель, и первенствующее значеніе Швеціи быстро померкло. Громовой ударъ нанесъ ему Карлъ XII.

Какъ ни дорогъ шведамъ этотъ коронованный кондотьеръ, но можно ли сомнѣваться, что его близорукое непониманіе возникающаго значенія Россіи и было причиною внезапнаго паденія Швеціи на степень третьеклассного государства—паденія, подобныхъ которому по быстротѣ немного примѣровъ во всемірной исторіи.

Россія не явилась по отношенію къ шведамъ въ роли завоевателя. Часть Финляндіи, Олонецкій край, берега Финскаго залива, значительная часть Прибалтійскаго края были исконно-русскими владѣніями, и Россія вступила только въ свои права, какъ вступаетъ наслѣдникъ, достигнувъ совершеннолѣтія, а эта-то возможность и настала для нея при Петрѣ Великомъ. Наши западники говорятъ объ окнѣ, прорубленномъ въ Европу, но Россія всегда понимала значеніе для себя Балтійскаго моря; имъ пользовался Новгородъ; Иванъ Грозный раздавалъ на этомъ морѣ каперскія свидѣтельства. Окно всегда было русскимъ: оно было

только временно заткнуто шведскою тряпкою. Шведское владычество было даже очень непродолжительно, потому что въ Эстляндіи шведы водворились въ самомъ концѣ XVI вѣка, въ Лифляндіи и Ингерманландіи въ началѣ XVII вѣка, а къ началу XVIII вѣка уже не осталось въ этихъ земляхъ и слѣдовъ шведскаго владычества.

Никто изъ русскихъ не уважалъ такъ шведовъ, какъ нашъ великій преобразователь, позаимствовавшій у нихъ очень много въ военномъ, административномъ и судебномъ отношеніи, но никто не нанесъ имъ такихъ сильныхъ ударовъ. Вся шведская исторія XVIII вѣка была повтореніемъ ошибки Карла XII; шведская аристократія не хотѣла признать существующихъ фактовъ и страна теряла все болѣе и болѣе. Не было, конечно, недостатка въ людяхъ проницательныхъ, но постоянно преобладала партія, искавшая для «французовъ сѣвера», какъ тщеславно называли себя шведы, отдаленныхъ союзниковъ противъ Россіи.

Окончательный ударъ нанесъ Швеціи Наполеонъ I своей коварной и эгоистической политикой. Война 1808 — 1809 года и континентальная система разорили въ конецъ бѣдную страну и привели ее на край гибели; къ счастью, удачная перемѣна династіи спасла Швецію и не только подняла ея внутреннее благосостояніе, но династическимъ союзомъ съ Норвегіей усилила и ея политическое значеніе въ Европѣ.

Безъ сомнѣнія, не всѣ шведы успокаиваются на подобныхъ результатахъ; существуетъ меньшинство горячихъ головъ, мечтающихъ о прошедшихъ безвозвратно временахъ мюнстерскаго и оливскаго мира, но масса, повидимому, чужда подобныхъ мнѣній и желаетъ укрѣпленія съ Россіей чувствъ добраго сосѣдства, которыя, несомнѣнно, повлекутъ за собою и тѣснѣйшее сближеніе въ экономическомъ отношеніи. Со Швеціей наши счеты закончены. Претензіи, которыя имѣли взаимно другъ противъ друга оба государства, должны быть давно исключены изъ ихъ актива. Войдя, такъ сказать, въ естественныя границы свои, Россія и Швеція не имѣютъ болѣе осязательныхъ причинъ искать случая вредить другъ другу. Къ тому же исторія оставила на этотъ счетъ такіе указанія и уроки, которые нельзя изгладить изъ человѣческой памяти.

Общественное мнѣніе по отношенію къ Россіи измѣнилось въ Швеціи даже со времени крымской войны. Извѣстно тогдашнее злорадство шведовъ, едва не приставшихъ къ коалиціи послѣ усилій, которыя французскій посолъ, маршалъ Канроберъ, дѣлалъ въ Стокгольмѣ, чтобъ привлечь Швецію на сторону нашихъ противниковъ. Благоразуміе правительства удержало вовремя воинственный порывъ народа; но въ 1863 г. снова пронеслись коекакія тучки на политическомъ горизонтѣ. Въ настоящій моментъ, когда европейскія государства снова дѣлятся на два лагеря, роль

Швеціи весьма затруднительна. Поѣздки короля Оскара въ Берлинъ и затѣмъ въ Петербургъ показали, что шведско-норвежское правительство не чуждо политики, доставившей Россіи столько неудовольствій въ прошедшемъ. Швеція и Норвегія едва не примкнули къ «лигѣ мира», которая образовалась въ послѣднее время сближеніемъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи. Между тѣмъ я слышалъ въ Стокгольмѣ отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣріи, что во все время войны 1877 г. сочувствіе шведовъ было не на сторонѣ турокъ, ихъ старинныхъ союзниковъ, а на сторонѣ Россіи, какъ представительницы гуманныхъ и освободительныхъ началъ, которыя всегда найдутъ отголосокъ въ странѣ, не знавшей рабства.

Несмотря на смежность границъ, мы еще очень мало знаемъ Швецію и Норвегію, завели съ ними весьма недостаточныя торговыя связи и вообще не пользуемся всѣми выгодами своего географическаго положенія. Извѣстна бѣдность нашего сѣвера, неумѣніе наше сдѣлать что-либо для его голоднаго и нищенскаго населенія. Какъ нѣкогда Петръ Великій, видя рыцарскіе подвиги на безчисленныхъ поляхъ сраженія, покрывшихъ шведское имя неувядаемою славою, учился у шведовъ искусству побѣждать враговъ, такъ и теперь мы безъ стыда можемъ поучиться у нихъ искусству побѣждать природу, поучиться, какъ на скудной почвѣ, при суровомъ климатѣ, при бѣдности всѣхъ естественныхъ даровъ, трудолюбіемъ, образованіемъ и особенно свободными учрежденіями упрочивается не только безбѣдное существованіе, но даже комфортъ и достатокъ значительнаго населенія.

Возростающее преобладаніе крестьянъ выгодно для Россіи, дѣлая политику скандинавскихъ державъ мирною и утилитарною. При такомъ направленіи только и возникали у насъ со Швеціей и Норвегіей два серьезныхъ вопроса—одинъ о Шпицбергенѣ, другой о Карскомъ морѣ. Засимъ для Норвегіи имѣетъ значеніе стремленіе Россіи создать военный портъ на Мурманѣ. Существуетъ, правда, еще вопросъ о Финляндіи, но я считаю его внутреннимъ русскимъ вопросомъ; онъ разрѣшится, когда мы станемъ въ правильныя отношенія къ этому краю, относительно котораго, начиная съ 1809 года и ранѣе при Павлѣ I, былъ сдѣланъ безчисленный рядъ ошибокъ.

Къ Финляндіи всецѣло примѣняются слова, сказанныя Самаринымъ по поводу заявленія кн. Суворова, что отъ остзейцевъ нечего болѣе и требовать, разъ они преданы государю. «Теорія эта, писалъ Самаринъ, есть съ одной стороны нелѣпость, съ другой—заключаетъ въ себѣ самомъ разрушительное и опасное для насъ начало. Кто же повѣритъ, кто въ состояніи разумно допустить, чтобы можно было вѣрно и надежно служить государю и при этомъ ненавидѣть православіе, гнушаться русскаго языка, систематически преграждать русскимъ доступъ въ торговыя и ремесленныя обще-

ства». Поэтому, пока политика наша по отношенію къ Финляндіи существенно не измѣнится, мы можемъ считать, что политически это есть источникъ не силы, а слабости нашей у самой столицы государства и на Балтійскомъ морѣ. Венгерцы отлично показали, къ какимъ результатамъ приводятъ династическіе союзы.

По вопросу объ устройствѣ порта на Мурманѣ нельзя прежде всего не вспомнить о крайней небрежности (покойный Сидоровъ былъ увѣренъ, что не обошлось безъ подкупа), съ которой при размежеваніи въ 20-хъ годахъ съ Норвегіей мы уступили послѣдней всѣ лучшіе гавани Финнмаркена. А затѣмъ удивительно легкомысліе, съ которымъ были уничтожены въ 50-хъ годахъ наши военно-морскія учрежденія въ Сѣверномъ морѣ. Конечно, Архангельскъ съ замѣною парусяаго флота паровымъ потерялъ свое военное значеніе, но едва ли такъ легко можно было поступиться пунктомъ, единственнымъ въ Европѣ, гдѣ выходъ нашихъ судовъ не запертъ чужими владѣніями.

Къ счастью, въ Архангельскѣ нѣтъ болѣе надобности. На сѣверѣ, на границѣ Норвегіи, мы имѣемъ никогда не замерзающія мѣста, гораздо болѣе удобныя для устройства военно-морской станціи. Если бы здѣсь устроить грозный военный портъ, то, конечно, близость его къ торговымъ портамъ Англіи, Норвегіи и Германіи, а съ другой стороны возможность придти къ нему на помощь изъ Соединенныхъ Штатовъ и Франціи дала бы нашимъ военно-морскимъ силамъ другое значеніе, чѣмъ какое имѣютъ онѣ, болтаясь въ затертыхъ со всѣхъ сторонъ водахъ Чернаго и Балтійскаго морей, или находясь въ другомъ полушаріи въ Восточномъ океанѣ. Притомъ балтійскіе и тихо-океанскіе порты замерзаютъ. И послѣдніе, слѣдовательно, не могутъ служить прочною опорою для крейсерской войны. Нашимъ крейсерамъ придется зимою взятые призы вводить въ нейтральные порты, что сопряжено съ огромными затрудненіями.

Вопросъ объ устройствѣ порта на Мурманѣ поднятъ очень давно, напрасно покойный Кази и г. Бѣломоръ приписывали себѣ эту честь; но, подобно многимъ вопросамъ, важность которыхъ осязательна для многихъ, онъ оставался до послѣдняго времени безъ движенія. Трудно придумать даже, отчего это. Мы въ простотѣ предполагаемъ самыя простыя причины. Привыкнувъ къ привольной жизни около Петербурга или на южномъ берегу Крыма, моряки съ ужасомъ помышляютъ о портѣ за полярнымъ кругомъ въ вѣчныхъ туманахъ. Портъ этотъ представляется имъ чѣмъ-то невозможнымъ. Между тѣмъ, рядомъ существуютъ же зажиточные норвежскіе городки. Если при Екатеринѣ случалось нашимъ военнымъ судамъ зимовать въ Колѣ, которая по климату навѣрное хуже, чѣмъ поселеніе на берегу океана, около теплаго теченія, то, конечно, житье зимою на Мурманѣ не должно бы казаться ужаснымъ. Трудно будетъ только начало, а затѣмъ, когда устроится

поселеніе, заведется клубъ, наѣдутъ дѣвицы, наши моряки получать возможность танцовать польку, новый портъ по складу своей жизни мало чѣмъ станетъ отличаться отъ Кронштадта или Николаева. Необходимо, однако, новый портъ соединить желѣзною дорогою съ сѣтью финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ и съ Петербургомъ, тогда онъ выиграетъ въ стратегическимъ отношеніи и жизнь въ немъ сдѣлается совсѣмъ нормальною.

Во всякомъ случаѣ пора, наконецъ, серьезно заняться этимъ вопросомъ и положить хотя начало его разрѣшенію. Это такое дѣло, на которое мало десяти, пятнадцати лѣтъ, потому нечего его и откладывать постоянно. Мало-по-малу, безъ крупныхъ затѣй и не требуя милліоновъ тамъ, гдѣ можно обойтись сотнями тысячъ, явится возможность для Россіи на морѣ и въ Европѣ занять подобающее положеніе. Что вопросъ о мурманскомъ военномъ портѣ имѣетъ крупное политическое значеніе, доказывается неоднократно повторявшимися въ англійскихъ газетахъ слухами, что мы требуемъ отъ Норвегіи уступки намъ порта въ Варангерскомъ заливѣ.

Возможность свободнаго плаванія по Карскому морю, которая вторичною экспедиціей Норденшельда, а также экспедиціей Виггинса въ 1876 году была окончательно доказана, возбудила вопросъ— о территоріальности Карскаго моря.

Русскіе промышленники, занимающіеся звѣриными промыслами на Новой Землѣ и въ Карскомъ морѣ, начали взывать о защитѣ ихъ противъ произвола и господства иностранцевъ въ сѣверныхъ водахъ Россіи. Они объясняли, что въ то время, когда сѣверныя гавани послѣдней еще закрыты льдами, иностранныя суда, преимущественно подъ норвежскимъ флагомъ, приходятъ иногда три мѣсяца ранѣе русскихъ промышленниковъ и выбиваютъ моржей, тюленей и другихъ морскихъ звѣрей, а иногда увозятъ и добычу, оставленную русскими. Такъ какъ иностранцы истребляютъ матокъ во время ихъ беременности, или тогда, когда дѣтёныши ихъ не въ состояніи жить безъ матки, то подобный несвоевременный бой можетъ повести къ полному истребленію звѣря, чтó замѣчается уже у береговъ Гренландіи, Шпицбергена и Исландіи. Истребленіе звѣря въ водахъ Исландіи и было причиною направленія иностранныхъ промышленниковъ къ русскимъ побережьямъ, въ особенности въ мало еще тронутое эксплоатаціей Карское море.

Каждое государство обязано защищать собственность и интересы своихъ подданныхъ. Поэтому каждое государство издаетъ постановленія относительно прибрежныхъ частей моря и содержитъ въ случаѣ нужды военную силу для поддержанія своего права. Государство имѣетъ здѣсь право законодательства, суда и полиціи, хотя бы даже и не имѣло права собственности. Кромѣ того, ловля береговая и въ предѣлахъ территоріальнаго моря

всегда считалась исключительнымъ правомъ государства, владѣющаго берегами и территоріальнымъ моремъ, если особыми договорами не было сдѣлано исключеніе. Въ этомъ случаѣ сѣверное побережье Россіи не можетъ быть исключеніемъ. Служа поприщемъ эксплоатаціи и средствомъ прокормленія десятковъ тысячъ русскаго населенія, издревле занимавшагося промыслами въ этихъ водахъ и связаннаго съ ними всѣмъ своеобразнымъ складомъ своей жизни, населеніе это не можетъ быть оставлено безъ куска хлѣба, потому что климатъ благопріятствуетъ иностранцамъ выходить изъ своихъ гаваней въ русскія воды нѣсколькими мѣсяцами ранѣе нашихъ сѣверныхъ промышленниковъ. Тѣмъ менѣе не можетъ быть рѣчи о предоставленіи иностранцамъ полной свободы пользоваться богатствами, заключающимися въ русскихъ водахъ, безъ соотвѣтственнаго съ ихъ стороны вознагражденія.

По иниціативѣ англійскаго правительства особымъ закономъ было запрещено русскимъ подданнымъ бить тюленей у береговъ Гренландіи ранѣе 22-го марта по старому стилю, между тѣмъ, гораздо ранѣе ходатайства великобританскаго правительства, русскіе промышленники и общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ ходатайствовали въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ объ установленіи пощадныхъ сроковъ для боя тюленей и другихъ морскихъ звѣрей у русскихъ береговъ Сѣвернаго океана.

Разсматривая вопросъ о средствахъ оградить сѣверныя воды, и въ особенности Карское море, отъ хищническихъ набѣговъ иностранныхъ промышленниковъ, нельзя было не обратить вниманія на то обстоятельство, что Карское море имѣетъ многія данныя, чтобъ считаться моремъ закрытымъ (mare clausum). Авторитеты международнаго права не отрицали никогда исключительныхъ правъ Англіи на проливъ св. Георгія, Даніи—на Зундъ и Бельты, Неаполя на Мессинскій проливъ, Голландіи на Зюдерзее, Швеціи до 1721 г. на Финскій заливъ, и т. д. Карское море имѣетъ гораздо болѣе правъ, нежели эти воды, считаться моремъ территоріальнымъ. Со всѣхъ сторонъ окружено оно владѣніями Россійскаго государства; проливы, ведущіе въ него, девять мѣсяцевъ въ году всегда заперты льдами и составляютъ непрерывное продолженіе территоріи Россійскаго государства, и по очертанію береговъ оно приближается скорѣе къ заливу, какъ оно и называется во многихъ европейскихъ географіяхъ и на картахъ. Заливы же безспорно составляютъ всегда часть моря территоріальнаго. Къ послѣднему относится обыкновенно и часть моря, гдѣ мореплаваніе одного народа наноситъ вредъ другому чрезъ ловлю морскихъ звѣрей и рыбъ, что́ исключаетъ море изъ положенія открытаго.

Права Россіи на Карское море вполнѣ подтверждаются и другими основаніями международнаго права, именно правомъ перваго занятія и безспорнымъ владѣніемъ въ теченіе полувѣка.

Если императоръ Александръ I торжественно, указомъ 4-го сентября 1821 г., призналъ закрытымъ моремъ часть Тихаго океана, заключающуюся между Беринговымъ проливомъ, Алеутскими, Курильскими островами и 54° с. широты; если Охотское море, несмотря на то, что между окружающими его островами находились японскіе острова Матсмай, Утуринъ и Урупъ, считалось до послѣдняго соглашенія съ Японіей также закрытымъ моремъ, то Карское, разумѣется, имѣетъ гораздо болѣе права быть причислено къ закрытымъ морямъ Россіи.

Со времени основанія русскаго государства, Карское море всегда считалось принадлежностью Россіи. Ни одна держава не оспаривала этого права. Въ царствованіе Михаила Өеодоровича запрещено было плаваніе въ немъ, и иностранныя державы не протестовали. Въ началѣ XVIII вѣка наше правительство предполагало основать крѣпость на Новой Землѣ и, наконецъ, въ XVIII столѣтіи и въ началѣ XIX отправляло для изслѣдованія его морскія экспедиціи. Оно считало его закрытымъ для иностранныхъ морскихъ промышленниковъ, иначе оно не дало бы особыхъ правъ въ 1833 г. Бранту и въ 1869 г. Корибутъ-Кубитовичу.

На основаніи этихъ соображеній, общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ просило подтвердить дипломатическимъ путемъ о неотъемлемости правъ Россіи на Карское море, какъ на море закрытое и чисто-русское, а также о береговомъ правѣ Россіи по всему берегу Ледовитаго океана, отъ Печоры до Берингова пролива, съ прилегающими островами, банками и отмелями. Тѣмъ болѣе, что норвежскіе публицисты поспѣшили возбудить вопросъ: самая Новая Земля можетъ ли считаться принадлежащею Россіи?

Правительство наше не спѣшило однако удовлетворить означеннаго ходатайства, такъ какъ Карское море хотя и въ малыхъ еще размѣрахъ становится транзитнымъ путемъ для сообщенія Сибири съ Западною Европою.

Болѣе внимательно наши дипломаты отнеслись къ ходатайству того же общества въ 1872 году о неуступкѣ Шпицбергена норвежцамъ, о чемъ шведско-норвежское правительство обратилось къ нашему съ формальнымъ запросомъ. Такъ какъ Шпицбергенъ (Грумантъ) есть самый важный пунктъ Сѣвернаго океана для производства китоловнаго и др. морскихъ промысловъ, то извѣстіе о ходатайствѣ скандинавовъ не могло не возбудить вниманія въ такое время, когда вопросъ о развитіи производительныхъ силъ сѣвера былъ поднятъ у насъ и въ правительствѣ, и въ публикѣ.

Съ формальной стороны ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не могъ безусловно считать Шпицбергенскіе острова принадлежащими къ ея владѣніямъ, и Норвегія менѣе всѣхъ другихъ странъ въ правѣ была заявить свои претензіи, такъ какъ норвежцы только въ послѣднее время стали посѣщать сѣверный архипелагъ. Между

тѣмъ русскіе издавна и весьма часто совершали плаванія къ нему и жили тамъ по нѣсколько лѣтъ; вслѣдствіе этого въ русскомъ народѣ и сложилось убѣжденіе, что Шпицбергенъ составляетъ часть русскаго государства. Съ своей стороны, русское правительство неоднократно, особенно въ XVIII столѣтіи, принимало мѣры для развитія промысловъ на Шпицбергенѣ и озабочивалось улучшеніемъ участи поморовъ, посѣщавшихъ этотъ архипелагъ. Необитаемость Шпицбергена также не могла служить основаніемъ для присоединенія его къ Норвегіи. Необитаемы также русскіе острова: Новая Земля, Новая Сибирь, Кильдинъ, Колгуевъ, Вайгачъ, но никому въ голову не придетъ требовать ихъ присоединенія къ какой-либо державѣ.

Наши дипломаты не рѣшились, однако, настаивать на включеніи Шпицбергена въ составъ русскихъ владѣній и, не отдавая его Норвегіи, они объявили его какъ бы нейтральнымъ и доступнымъ для промышленной эксплоатаціи всѣхъ морскихъ державъ.

VIII. ДАНІЯ.

Если въ стаканъ съ растворомъ нѣсколькихъ солей, одна относительно другой нейтральныхъ, подлить какой-нибудь реактивъ, то случается иногда замѣчать совершенное перемѣщеніе составныхъ частей: тѣ же элементы образуютъ новыя комбинаціи, часть солей садится, а въ растворѣ остаются совсѣмъ другія соли. Нѣчто подобное происходитъ и въ политическомъ мірѣ, причемъ роль дѣйствующаго реактива играютъ перевороты и большія войны.

Послѣ революціонныхъ войнъ, завершившихся 1815 годомъ, произошло подобное перемѣщеніе въ составныхъ частяхъ различныхъ государствъ, называемое для краткости «измѣненіемъ карты Европы». Въ періодъ отъ окончанія крымской войны до нашего времени, составные элементы европейскихъ государствъ опять пришли въ броженіе и стремятся кристаллизоваться въ другомъ видѣ и образовать новыя политическія комбинаціи. Румынія соединилась, Италія объединилась, Германія сплотилась, Австрія расклеилась, Турція, Данія и Франція раздробились и т. д. Понятно, что на этомъ реакція не остановится—сократятся и преобразуются и другія старыя государства, образуются новыя.

Общее направленіе шло пока къ объединенію. Кавуръ облегчилъ гимназистамъ изученіе географіи, вычеркнувъ изъ списка пять государствъ; Бисмаркъ, съ своей стороны, уничтожилъ еще четыре. Затѣмъ на очередь европейской публицистикой были поставлены объединенія Иберійскаго полуострова, Скандинавскихъ государствъ и Нидерландовъ, или присоединеніе Голландіи и Бель-

гіи къ сосѣднимъ странамъ. Идея объединенія скандинавскихъ государствъ, Швеціи, Норвегіи и Даніи, получила сильный толчокъ послѣ отнятія у Даніи, въ 1864 году, ея нѣмецкихъ провинцій. Идею эту поддерживалъ покойный король Карлъ XV. Изъ разоблаченій Квантена, бывшаго библіотекаря шведскаго короля, видно, что въ моментъ, когда война между Пруссіей и Даніей уже вспыхнула, Карлъ XV предложилъ соединить Швецію, Норвегію и Данію въ одинъ семейный союзъ съ общимъ парламентомъ и военными силами. Король датскій отказался подъ предлогомъ, что Швеція и Норвегія не могутъ ему вполнѣ обезпечить обладаніе Шлезвигъ-Голштиніей. Скандинавскій конгрессъ экономистовъ показалъ затѣмъ, что идея объединенія не созрѣла еще даже на почвѣ экономической, которая далеко опередила, напримѣръ, въ Германіи, объединеніе политическое.

Не смотря на близкое племенное родство, историческія условія чрезвычайно разъединили скандинавскія государства. Швеція, не смотря на свою конституцію, восходящую до XIV вѣка, въ настоящее время самое отсталое изъ скандинавскихъ государствъ. Хотя парламентская реформа 1866 года уничтожила старый сословный сеймъ, но въ Швеціи до сихъ поръ дворянство сохраняетъ различныя привилегіи, а лютеранство пользуется значеніемъ государственной религіи. Гражданское и церковное законодательство, и особенно законы о правахъ женщинъ, также чрезвычайно отстали въ Швеціи. Наоборотъ, деспотическая нѣкогда Данія теперь одно изъ либеральнѣйшихъ государствъ, а бывшая ея провинція, Норвегія, безъ сомнѣнія, самая демократическая монархія Европы. Государственное устройство Норвегіи такъ дорого норвежцамъ, что они отстаиваютъ его съ особою ревностью; всѣ попытки шведскаго правительства объединиться съ Норвегіей учрежденіемъ особой палаты для разсмотрѣнія общихъ для полуострова дѣлъ встрѣчали со стороны норвежскаго парламента рѣзкій отказъ. А современная борьба показываетъ, какъ далека отъ норвежцевъ серьезная идея сближенія со шведами.

Въ послѣднее время оказалось, что и Исландія желаетъ отдѣлиться отъ Даніи, чтобъ присоединиться къ Норвегіи. Предлогомъ къ тому исландцы выставляли централизацію управленія, неимѣніе своего представительства и то, что датчане занимаются преимущественно земледѣліемъ и пассивной торговлей, и вовсе не колонизируютъ своихъ владѣній; между тѣмъ Норвегія имѣетъ огромный торговый флотъ, ведетъ весьма активную торговлю и норвежцы охотно переселяются на сѣверъ; такимъ образомъ, вмѣсто объединенія, предъ вами являются совершенно противоположныя стремленія къ отторженію: Норвегіи отъ Швеціи и Исландіи отъ Даніи. Скандинавскому единству мѣшаетъ еще и то, что теоретическіе проповѣдники этого единства, забывая исторію двухъ послѣднихъ вѣковъ, присоединяютъ къ скандинавской уніи и Фин-

ляндію, а попытка отнять ее у могущественной Россіи была бы просто безуміемъ.

Исландія съ ея волканами и бѣлыми медвѣдями хотя и не Богъ знаетъ какой лакомый кусокъ, но для такого маленькаго государства, какъ Данія, во всякомъ случаѣ,—колонія, нелишенная извѣстной цѣнности. Датское правительство отвергло первоначальное предложеніе исландскаго альтинга объ измѣненіи исландской конституціи въ смыслѣ личнаго соединенія острова съ Даніей. Не имѣя успѣха въ Копенгагенѣ, исландскій альтингъ, чтобы подкрѣпить свое ходатайство, созвалъ народное собраніе. Результаты этого собранія хотя не оправдали ожиданій альтинга— большинство собранія высказалось за необходимость сдѣлать уступки и войти въ соглашеніе съ правительствомъ,—но неудача эта не охладила сепаратическихъ стремленій альтинга; онъ послалъ новыя предложенія въ Копенгагенъ, которыя были приняты въ 1874 г. и установили личное соединеніе Исландіи съ королевствомъ. Предложенія эти состояли въ слѣдующемъ: альтингъ облеченъ законодательною властью и одинъ будетъ утверждать каждые два года бюджетъ острова; министры дѣлаются отвѣтственными только передъ альтингомъ; никакая субсидія для общихъ потребностей датской монархіи не можетъ быть взята съ Исландіи безъ согласія альтинга. Антидатская агитація въ Исландіи все-таки не прекратилась; недавно исландскій языкъ сдѣланъ официальнымъ.

Но исландскія событія незначительны въ сравненіи съ внутреннею борьбою партій въ самой Даніи, напоминающей борьбу прусской палаты съ правительствомъ въ 1862 — 1865 годахъ. Въ Даніи, совершенно иначе нежели въ другихъ государствахъ, въ оппозиціи съ правительствомъ находится не городское, а крестьянское сословіе, оно и посылаетъ въ парламентъ большинство, которое наноситъ пораженія министерству.

Сельскіе жители Даніи мало напоминаютъ крестьянъ другихъ мѣстностей. Мы уже видѣли въ Швеціи, что политическая сила перешла тамъ въ руки сельскаго населенія со времени послѣднихъ измѣненій въ конституціи; сельская масса въ Даніи еще болѣе вліятельна со времени введенія конституціи 1866 года. Крестьяне и учителя сельскихъ школъ положительно господствуютъ въ нижней палатѣ и съ ними съ трудомъ борется правительство, сознающее, что разъ крестьянство одолѣетъ въ палатахъ окончательно, оно возбудитъ непремѣнно вопросъ о самой формѣ правленія.

Монархіи обязана Данія своимъ минувшимъ величіемъ, громкими подвигами конца XVI и начала XVII столѣтія, но монархическая политика, затягивавшая постоянно Данію въ континентальные вопросы, была причиною ея паденія. Въ настоящее время датчане, какъ голландцы и какъ норвежцы, сохраняютъ наружныя формы монархіи, хотя масса народа настолько развита

и интересы ея до такой степени ограничены сферою собственныхъ домашнихъ дѣлъ, что нѣтъ болѣе никакихъ препятствій завтра же установиться какимъ угодно демократическимъ формамъ правленія.

Строго говоря, большого выигрыша отъ этого не будетъ для народа, ибо и въ настоящее время датчане пользуются весьма свободными учрежденіями; въ законахъ не осталось и слѣда какого-либо неравенства сословій. Тѣмъ не менѣе конституціонный кризисъ существуетъ въ Даніи хронически и правительство вынуждено было даже управлять нѣсколько лѣтъ безъ бюджета, правильно утвержденнаго, опираясь единственно на снисходительныя голосованія верхней палаты, гдѣ правительство изъ 66 членовъ собственною властью назначаетъ двадцать одного, чѣмъ это учрежденіе существенно отличается отъ шведской высшей палаты. Защитники бюрократіи называютъ партію датскихъ крестьянъ соціалистической и даже привѣтствовали смерть ея предводителя, профессора Гансена, и воровство въ нѣсколькихъ рабочихъ ссудосберегательныхъ кассахъ денегъ, какъ радостное для монархіи событіе, но уже одинъ видъ датской деревни достаточенъ, чтобы признать кличку «соціалистовъ» справедливою быть можетъ касательно нѣкоторой части копенгагенскихъ фабричныхъ рабочихъ, по отношенію же къ датскимъ крестьянамъ—основанною на чистѣйшемъ недоразумѣніи.

. Министерство графа Гольштейнъ фонъ-Гольштейнборга, управляющее съ 1870 года, и смѣнившее его въ 1875 г. министерство Эструпа отказывались выйти въ отставку. При каждомъ голосованіи въ фолькетингѣ они терпѣли пораженія, но, вопреки конституціонной практикѣ, не уступали мѣсто кабинету, взятому изъ рядовъ большинства. Въ свое оправданіе министерства приводили, что одинъ фолькетингъ не представляетъ еще страны. Отговорка эта, конечно, не выдерживаетъ критики, потому что въ Англіи, гдѣ палата лордовъ наслѣдственная, и въ Бельгіи и Голландіи, гдѣ она избирается народомъ помимо всякаго участія короны, министерство подчиняется однако волѣ нижней палаты и формируется исключительно изъ ея большинства. Безъ этого уничтожается самое основаніе парламентарнаго управленія—воля народа, выражаемая большинствомъ голосовъ.

Чтобъ показать, какъ было убѣждено датское министерство въ своей непопулярности и не надѣялось найти поддержки въ странѣ, достаточно привести фактъ, что, не смотря на многочисленныя пораженія въ палатѣ, на отказы въ кредитахъ, значительныя сокращенія бюджета и отклоненіе всѣхъ важнѣйшихъ его проектовъ, министерство не рѣшалось, однако, распускать фолькетингъ, зная очень хорошо, что новые выборы только усилятъ оппозицію. Между тѣмъ новые выборы—лучшее средство для кон-

ституціоннаго правительства, чтобъ показать, находится ли истина на его сторонѣ.

Въ воззваніи къ странѣ, изданномъ оппозиціей, справедливо говорилось: «Теперь существуетъ несогласіе фолькетинга съ правительствомъ; между тѣмъ необходимо, чтобъ правительство и палата, избираемая народомъ, шли постоянно рука объ руку. ландстингъ не имѣетъ далеко тѣхъ правъ, что фолькетингъ, потому что послѣднему предоставлены важнѣйшія права: разсмотрѣніе бюджета и отдача подъ судъ министерства. Пререканія съ правительствомъ могутъ окончиться только двоякимъ образомъ: если король сомнѣвается, что фолькетингъ представляетъ мнѣнія избирателей, то долженъ распустить палату, если же не сомнѣвается, то можетъ уволить министерство и пригласить другое, болѣе согласное съ мнѣніемъ большинства фолькетинга».

Желаніе это вполнѣ законно и согласно съ обычаями конституціонной жизни; но датское правительство не думало уступать. Это объяснялось и тѣмъ, что правая была единодушна, а оппозиція (лѣвая) раздѣлена и состоитъ изъ «датчанъ» (умѣренная лѣвая) и европейцевъ (радикальная партія), враждебныхъ между собою; есть еще центръ, мало вліятельный. Одно время партіи утомились въ борьбѣ и пошли на компромиссы, по засимъ борьба вновь возгорѣлась. Интересно, чѣмъ можетъ окончиться это безконечное столкновеніе. Вялость внѣшней политики даетъ хорошее оружіе въ руки оппозиціи.

Съ потерей своихъ нѣмецкихъ областей Данія, ставъ государствомъ чисто скандинавскимъ, должна была также, казалось, отойти въ разрядъ счастливыхъ государствъ, не имѣющихъ исторіи. Существовавшій одно время проектъ нейтрализаціи Даніи при своемъ осуществленіи еще болѣе выдѣлилъ бы ее изъ круговорота европейской политической жизни. Только немногія событія заставляли обратить вниманіе на положеніе вещей въ этомъ маленькомъ государствѣ, которое долго считалось образцомъ мирнаго довольствія. Важнѣйшими явленіями датской политики за послѣднее время были отношенія къ Германіи и Россіи.

Германія дѣлала неоднократно попытки сблизиться съ государствомъ, нейтралитетъ котораго для нея во всякомъ случаѣ весьма важенъ. Данія, оправившись отъ кроваваго пораженія 1864 года, быть можетъ забыла бы свои прежнія притязанія, еслибъ извѣстная статья пражскаго трактата, включенная по настоянію Наполеона III, была выполнена Пруссіей. Къ сожалѣнію, послѣдняя, принимая во вниманіе, что Данія въ пражскомъ трактатѣ никакого участія не принимала, заинтересованная же сторона, Австрія, никакихъ претензій не заявляла, а главное руководствуясь принципомъ «что взято—то свято», и не помышляла собирать когда-либо голоса населенія сѣвернаго Шлезвига и исправить свою сѣверную границу. Визитъ наслѣднаго принца гер-

манскаго въ 1873 г. долженъ былъ, повидимому, замѣнить для Даніи уступку территоріи. Насколько это удовлетворило датчанъ, судить не трудно; посѣщеніе германскаго наслѣднаго принца имѣло семейный характеръ и принято было довольно холодно датскимъ населеніемъ.

Стоя на твердой почвѣ договоровъ, Данія могла бы протестовать и противъ включенія Гельголанда въ составъ Германской имперіи, такъ какъ островъ этотъ, принадлежавшій Даніи съ 1712 г., хотя и былъ захваченъ англичанами въ 1807 году, но утвержденъ за Англіей лишь трактатами 1814—15 годовъ, подъ которыми подписалась и Россія. Къ сожалѣнію, договоры эти не въ первый разъ нарушались берлинскимъ дворомъ. Цѣлый рядъ международныхъ постановленій ограждалъ проливы, соединяющіе Нѣмецкое море съ Балтійскимъ, охрана коихъ въ обще-европейскомъ интересѣ поручена была Даніи, за которою, сверхъ того, были укрѣплены Шлезвигъ и Голштинія, какъ необходимое дополненіе ея владычества надъ Зундомъ и Бельтами. Съ этимъ интересомъ, общимъ всей Европѣ, вполнѣ совпадали и частные интересы Россіи, а потому, естественно, онъ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ оставался непреложнымъ догматомъ нашей дипломатіи.

Прорубая окно въ Европу, Петръ Великій предвидѣлъ, что отвоеванное имъ у шведовъ побережье можетъ принести Россіи всю ожидаемую пользу лишь подъ условіемъ, что входъ и выходъ въ Балтійское море останутся всегда открытыми для заводимаго имъ флота, какъ военнаго, такъ и торговаго. Отсюда тѣсный союзъ Петра съ Даніей, а при первыхъ попыткахъ копенгагенскаго двора перейти на сторону враговъ Петра—стремленіе самому завладѣть мекленбургскимъ и голштинскимъ поморьемъ посредствомъ брачныхъ союзовъ съ владѣтелями этихъ странъ.

Союзный договоръ съ датчанами при Екатеринѣ II пріобрѣлъ надлежащую устойчивость, вслѣдствіе обмѣна на Ольденбургъ и Дельменгорстъ правъ наслѣдника русскаго престола на Шлезвигъ и Голштинію, съ уступкою означеннаго удѣла младшей линіи голштинскаго дома. Съ этой минуты связь Даніи съ Россіей оставалась неразрывною, за исключеніемъ короткаго промежутка, когда, въ 1812 году, необходимость удержать Бернадота отъ союза съ Наполеономъ вынудила императора Александра I дать согласіе на отторженіе Норвегіи отъ Даніи и на присоединеніе ея къ Швеціи въ видѣ вознагражденія за утраченную Финляндію.

Императоръ Николай неизмѣнно оставался другомъ Даніи. Когда, въ 1848 году, революціонное движеніе въ Германіи обратилось противъ Даніи съ цѣлью отторженія отъ нея припэльбскихъ герцогствъ и Пруссія объявила ей войну, Николай I не ограничился дипломатическими представленіями берлинскому двору, а послалъ свой флотъ на защиту Копенгагена. «Не бойся, король датскій, Епанчинъ съ тобою», сказалъ, говорятъ, Фридриху VII русскій

адмиралъ, ветеранъ Наварина, командовавшій русскою эскадрою, и въ этихъ простодушныхъ словахъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Татищевъ, скрывался глубокій политическій смыслъ. Дѣйствительно, одного появленія нашего флота подъ стѣнами датской столицы оказалось достаточнымъ, чтобы спасти Данію отъ грозившей ей опасности.

Лондонскій договоръ 1852 года обезпечилъ Даніи признаніе цѣлости ея територіи всѣми великими державами. Но это обезпеченіе оказалось мнимымъ. Когда въ 1864 г. Пруссія съ Австріею начали войну противъ маленькой Даніи, въ Копенгагенѣ имѣли право разсчитывать на защиту Англіи и Россіи. Бездѣйствіе англичанъ достаточно объясняютъ слова одного изъ ихъ государственныхъ людей: «Если бы Киль былъ портомъ Нѣмецкаго моря, то вопросъ шлезвигъ-голштинскій могъ бы касаться Англіи; но Киль гавань балтійская и вопросъ этотъ—русскій вопросъ». Но какое-то пагубное ослѣпленіе удержало русскую дипломатію отъ подачи Даніи помощи въ борьбѣ ея съ превосходными силами двухъ великихъ державъ не за одно свое существованіе, но и за прямой и преемственный русскій интересъ. Англія, дважды уничтожавшая въ началѣ этого столѣтія морскую силу Даніи съ тою же безцеремонностью, какъ она уничтожила морское могущество Голландіи, не пошевелила пальцемъ, и ограничилась платоническими манифестаціями въ парламентѣ. Англія думала, что создаетъ опаснаго врага Россіи, но упустила изъ виду, что объединенная Германія пожелаетъ стать морскимъ государствомъ и въ этомъ отношеніи будетъ скорѣе дѣйствовать противъ Англіи нежели противъ Россіи.

По отношенію къ внутренной политики Даніи Россія должна, конечно, относиться нейтрально, но успѣхи ея партій для нея не безразличны. Датскіе соціалисты стоятъ за союзъ съ Германіей, лѣвые не желаютъ этого союза и рѣшительно противятся военнымъ расходамъ и укрѣпленію Копенгагена, для насъ весьма важному. Ихъ пугаетъ, впрочемъ, слухъ о секретномъ договорѣ Даніи съ Россіей.

Еще въ декабрѣ 1896 г. фолькетингъ, по инпціативѣ представителя реформаторской лѣвой Кристоффера Гаге, единогласно принялъ резолюцію, что правительство не упуститъ никакого случая убѣдить иностранныя государства въ томъ, что Данія при войнахъ другихъ государствъ будетъ исключительно заботиться о сохраненіи своего нейтралитета. Первый министръ Реедцъ-Тотъ заявилъ при этомъ, что «Данія въ теченіе долгаго европейскаго мира едва ли будетъ имѣть возможность торжественно заявить о своемъ намѣреніи держаться въ сторонѣ отъ всякаго европейскаго столкновенія, но что никакого договора съ Россіей она не имѣетъ. Правительство настойчиво заявляетъ, что укрѣпленіе столицы имѣетъ цѣлью обезпечить только нейтралитетъ. Правительство всегда

стремилось избѣжать всего, что могло бы въ случаѣ войны наложить на Данію какія-либо обязательства.

Въ дѣйствительности, однако, неприкосновенность водъ, омывающихъ Данію—утопія; проливы, раздѣляющіе Балтійское море отъ Каттегата, никакъ нельзя назвать теперь датскими водами. Еще на Зундъ, вслѣдствіе установившейся по старому обычаю пошлины, Данія имѣла претензіи какъ на свои воды, но выкупъ въ 1858 году пошлинъ сдѣлалъ Зундъ открытымъ для всѣхъ достояніемъ и лишилъ Данію какихъ-либо правъ на полицію въ этихъ водахъ. Но нельзя сказать, чтобы прилегающія къ Балтійскому морю маленькія державы не могли въ случаѣ войны оказать намъ никакого содѣйствія. Ужъ если только Швеція, Норвегія и Данія заявятъ, что англійскія военныя суда и призы не имѣютъ права, кромѣ случая force majeure заходить въ ихъ порты и тамъ получать что либо, то и это очень стѣснитъ англичанъ, какъ былъ стѣсненъ французскій флотъ въ 1870—71 гг. при его военныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи.

Еще бы лучше было, если бы сосѣднія съ Балтійскимъ моремъ державы, опираясь на Германію, предложили Англіи, въ виду крайняго убытка для ихъ торговли отъ крейсерской войны, не дѣлать Балтійское море цѣлью военныхъ операцій. Подобные случаи не рѣдки. Въ крымскую войну, въ угоду Соединеннымъ Штатамъ, союзники отказались дѣлать наши американскія колоніи предметомъ военныхъ операцій, а мы, ради Австріи, сдѣлали то же самое по отношенію къ Сербіи. Въ послѣднюю восточную войну, въ угоду Англіи, мы обязались не производить военныхъ дѣйствій противъ Египта и вообще въ восточной части Средиземнаго моря. Эти прецеденты даютъ нейтральнымъ державамъ право попытаться сдѣлать Англіи вышеозначенныя предложенія.

Вопросъ только: приметъ ли ихъ Англія? Мы думаемъ, что нѣтъ. Иначе тогда ей пришлось бы ограничиться на морѣ, гдѣ ея сила особенно велика, только дѣйствіями противъ пустынныхъ береговъ Архангельской губерніи и Приморской области Восточной Сибири. Если же Англія не изъявитъ согласія на нейтрализацію Балтійскаго моря, то едва ли можно надѣяться, что подобный отказъ Германія и скандинавскія державы почтутъ за casus belli.

Конечно, вмѣсто нейтрализаціи Балтійскаго моря можно бы по общему договору нейтрализировать Данію, но этотъ проектъ хотя нашелъ сторонниковъ въ датскомъ парламентѣ, былъ бы только на руку Германіи и, слѣдовательно, вреденъ для Россіи. При нейтрализаціи Даніи Германія была бы спокойна за свою сѣверную границу, Данія сдѣлалась бы тогда вассаломъ Германіи, тогда какъ теперь вся сила ея въ томъ, что она можетъ заключить съ кѣмъ нибудь союзъ и тѣмъ получить значеніе. Въ случаѣ нужды она можетъ заключить союзъ и съ тою же Германіей. Нейтрализація Даніи

невозможна также безъ нейтрализаціи Швеціи и Норвегіи, имѣющихъ съ нею много общихъ интересовъ.

Датскіе проливы измѣнили, впрочемъ, въ послѣднее время свое значеніе. Германія, которая на Балтійскомъ морѣ съ военно-морской точки получила преобладающее значеніе, парализовала стратегическое значеніе Даніи сооруженіемъ морского канала, соединяющаго Нѣмецкое и Балтійское моря. Въ настоящее время флоты Германіи и ея союзниковъ, даже при враждебномъ положеніи Даніи, могутъ свободно двигаться изъ моря въ море. Каналъ вызвалъ большія опасенія въ датской печати. Изъ балтійскаго Гелеспонта, говорила она, Зундъ обращается въ болото, по которому будетъ сообщаться Копенгагенъ съ сосѣдними шведскими портами. Опасенія эти, конечно, преувеличены, но равнымъ образомъ преувеличены и надежды на проектъ, благодаря porto franco, парализовать торговое значеніе канала и сдѣлать датскую столицу соперницею Гамбурга и Бремена.

Для насъ торговля съ Даніей довольно выгодна. Она урегулирована недавно договоромъ 1894 г., который замѣнилъ торговый договоръ 1782 г., старѣйшую изъ нашихъ торговыхъ конвенцій. Договоръ 1782 г. окончился въ 1794 г., но косвенно былъ возстановленъ мирнымъ трактатомъ 1814 г. и дополненъ въ 1831 г. Изъ этого договора въ сущности только одна статья сохраняла силу. Новый договоръ скопированъ съ русско-германскаго и русско-австро-венгерскаго; таможенныхъ пошлинъ онъ не коснулся, такъ какъ онѣ очень малы въ Даніи для русскихъ товаровъ.

IX. ГОЛЛАНДІЯ И ЛЮКСЕНБУРГЪ.

Голландцы — маленькій народецъ, не производящій хлѣба въ достаточномъ количествѣ даже для своего потребленія и имѣющій промышленность, которая не особенно отличается на выставкахъ; народецъ, который не въ состояніи наполнить свои карманы и контрибуціей, такъ какъ онъ не въ силахъ былъ побѣдить даже султана ачинскаго.

Въ прежнее время (правда, очень давно) голландская промышленность была первая въ Европѣ, и до сихъ поръ титулъ «голландскаго» остался почетнымъ названіемъ для многихъ продуктовъ; говорятъ: «голландское полотно», «голландская бумага» и т. п., чтобъ показать высокое качество товара. Разсматривая же голландскіе отдѣлы на выставкахъ, не только не замѣчалось этого превосходства голландскихъ издѣлій передъ прочими европейскими, но даже не находилось вовсе нѣкоторыхъ продуктовъ, которыми,

повидимому, особенно славилась Голландія, напримѣръ, писчей бумаги.

Богатство Голландіи приписываютъ обыкновенно ея колоніямъ; но доходы колоній давно уже сильно сократились, голландскій торговый флотъ также уменьшается. Не совсѣмъ неосновательно Голландію называютъ европейскимъ Китаемъ; а при всемъ томъ всетаки голландцы самый богатый народъ въ Европѣ. Когда въ 1870 году былъ конвертированъ австрійскій государственный долгъ слишкомъ на милліардъ рублей, оказалось, что половина его находится въ голландскихъ карманахъ, хотя въ тѣхъ же карманахъ, какъ извѣстно, помѣщалась уже и порядочная часть долговъ русскихъ, американскихъ, испанскихъ и многихъ другихъ. Тайна этого факта заключается, несомнѣнно, въ двухъ обстоятельствахъ—какъ я убѣдился во время моего двукратнаго путешествія по Голландіи: во-первыхъ, въ томъ, что богатство распространено тамъ во всѣхъ классахъ общества, а не въ одномъ, какъ въ большей части другихъ государствъ, и во-вторыхъ, разъ накопленное богатство не уничтожается, такъ какъ во всѣхъ слояхъ голландскаго общества трудолюбіе и умѣренность одинаковы, и доходъ всегда съ нѣкоторымъ избыткомъ покрываетъ расходы каждаго частнаго бюджета, отчего образованіе новыхъ капиталовъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. Въ Голландіи говорятъ: «это человѣкъ сумасшедшій, онъ проживаетъ двѣ трети своего годового дохода!»

Поднятая въ послѣднее время мысль о возсоединеніи Голландія съ Бельгіей имѣетъ очень мало шансовъ на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ вниманія послѣ упорной борьбы, которую шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Бельгія выдержала противъ правительства голландскаго короля Вильгельма II. Защитникомъ объединенія выступилъ, между прочимъ, покойный, весьма извѣстный бельгійскій публицистъ Лавеле́, статьи котораго произвели сильное впечатлѣніе и въ Бельгіи, и въ Англіи.

Революція 1830 года, говоритъ Лавеле́, была такою же большою ошибкою, какою была бы, напр., революція, которая отдѣлила бы Ирландію отъ Англіи. Устройство королевства Нидерландовъ, осуществившее идею, къ которой стремились нѣкогда герцоги Бургундскіе, было однимъ изъ лучшихъ дѣлъ вѣнскаго конгресса. Сѣверныя провинціи Нидерландовъ, германскаго происхожденія, служили препятствіемъ къ покоренію южной части Франціей; южныя провинціи латинскаго происхожденія играли ту же роль по отношенію къ Германіи. Государство съ 9 или 10 милліонами населенія въ Европѣ, не считая колоній, съ бюджетомъ свыше 100 милл. рублей, было бы такъ же сильно, какъ Пруссія въ 1815 году, и представляло бы совершенно удовлетворительныя условія для защиты отъ иноземнаго нашествія. Въ настоящее время Голландія съ опасеніемъ смотритъ на востокъ, т.-е.

на Германію, Бельгія—на югъ, и для обѣихъ нѣтъ увѣренности въ совершенной безопасности. Друзья свободы въ Бельгіи, опираясь на протестантовъ въ Голландіи, могли бы съ успѣхомъ сопротивляться ультрамонтанству; теперь же, совершенно одинокіе, они очень близки къ окончательному пораженію. Возбудивъ революцію 1830 года, бельгійское католическое духовенство, по мнѣнію Лавеле́, совершило преступленіе противъ спокойствія Европы.

Весьма интересно, что въ то время, когда иберійскій и скандинавскій союзы проповѣдуются во имя племенного единства, возстановленіе Нидерландовъ поддерживается во имя религіозной свободы и политической независимости. Насколько послѣдніе мотивы серьезнѣе перваго—покажетъ время; по до сихъ поръ интересы національностей брали рѣшительный перевѣсъ надъ всякими другими соображеніями.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что реакціонный духъ, мало-по-малу охватываетъ всю Европу; даже такія государства, какъ Голландія, стоящая почти особнякомъ въ системѣ европейскихъ государствъ и представляющая въ своей конституціи довольно удачное приложеніе децентрализація провинцій (бывшихъ штатовъ), не составляютъ исключенія изъ общаго направленія и дѣлаютъ уступки минутному настроенію общественнаго мнѣнія. Послѣднія министерства Геемскирка и барона Макея принадлежали къ консервативной, даже клерикальной партіи. Конечно, нужно принять во вниманіе, что голландскіе консерваторы не имѣютъ ничего общаго съ французскими ultras, прусскими юнкерами или бельгійскими клерикалами, что это не болѣе, какъ либералы очень умѣреннаго оттѣнка, нѣчто въ родѣ англійскихъ виговъ. Во всякомъ случаѣ, очевиденъ тотъ фактъ, что либеральна яголландская партія, такъ долго державшая, подъ руководствомъ Торбека, управленіе въ своихъ рукахъ, теперь разстроена и не имѣетъ болѣе никакой опредѣленной программы — явленіе, которое замѣчается и въ Бельгіи.

Большіе успѣхи клерикаловъ въ Голландіи тѣмъ еще замѣчательнѣе, что, всегда осторожные въ отношеніи религіозныхъ вопросовъ, голландцы оградили еще себя отъ вторженія клерикализма въ народную среду запрещеніемъ преподавать въ народныхъ школахъ какой бы то ни было катехизисъ, предоставляя религіозное воспитаніе юношества исключительно семейному вліянію.

Подобная система свѣтскаго и нейтральнаго воспитанія составляетъ предметъ аттаки со стороны голландскихъ клерикаловъ, которые распадаются на двѣ главныхъ партіи: антиреволюціонеровъ, ярыхъ кальвинистовъ, строющихъ всю политику на религіозныхъ началахъ и потому равнодушныхъ даже къ формѣ правительства, и католиковъ, необыкновенно искусно предводительствуемыхъ священникомъ Шепманомъ. Провинціи Лимбургъ и сѣверный

Брабантъ душою преданы этой партіи, быстро усиливающейся и въ другихъ провинціяхъ.

Низшія школы въ Голландіи раздѣляются на правительственныя, получающія субсидіи отъ общинъ, и на частныя. Такъ какъ въ первыхъ преподаваніе Закона Божія не входитъ въ составъ программы, то родители, желающіе доставить дѣтямъ религіозное образованіе, принуждены обращаться къ частнымъ школамъ, число которыхъ быстро растетъ. Защитники послѣднихъ и требуютъ либо прекращенія субсидіи правительственнымъ школамъ, либо распространенія ея и на частныя. Затѣмъ между внутренними вопросами Голландіи заслуживаютъ вниманія: избирательный цензъ, введеніе подоходнаго налога, непріятнаго богатымъ голландцамъ, живущимъ рентою отъ иностранныхъ процентныхъ бумагъ, но тѣмъ не менѣе необходимаго для поправленія голландскихъ финансовъ, не питаемыхъ болѣе манною колоніальныхъ избытковъ, и вопросъ о всеобщей военной повинности. Насколько удастся разрѣшить эти задачи — предсказать трудно, такъ какъ каждое министерство, по своему характеру не столько политическое, сколько дѣловое, едва ли располагаетъ серьезнымъ большинствомъ въ палатахъ. Во всякомъ случаѣ, исходъ этихъ вопросовъ, важный для голландцевъ, имѣетъ только самый ничожный интересъ для другихъ европейскихъ державъ.

Выборы 1891 г., къ общему удивленію, кончились побѣдою либераловъ; вмѣстѣ съ радикалами и соціалистами, партію которыхъ въ Голландіи создалъ Домела Нювенхуйсъ, они составили большинство въ нижней палатѣ относительно консервативныхъ партій католиковъ и ихъ союзниковъ протестантовъ и антиреволюціонеровъ. Расколъ послѣдней партіи съ католиками, несмотря на обѣщаніе сопротивляться военному закону и угождать папѣ, и обезпечилъ побѣду либераламъ, предводители которыхъ Фанъ Гутенъ и Рюль, до того во многомъ не согласные между собою, стали министрами. Въ Голландіи, странѣ самостоятельныхъ характеровъ, случаи, что депутаты не идутъ за своими вождями, заключающими соглашенія, нерѣдки.

Колоніальная система до XIX столѣтія была одинакова во всѣхъ государствахъ и облеклась въ извѣстныя, весьма опредѣленныя формы, которыя всѣмъ хорошо извѣстны по критикѣ въ каждомъ руководствѣ политической экономіи. Систему эту можно назвать эксплоатаціей колоній метрополіею, съ исключеніемъ изъ конкурренціи всѣхъ прочихъ государствъ. Послѣ громадныхъ политическихъ переворотовъ въ колоніяхъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, политика эта, занимающая важныя страницы въ исторіи трехъ столѣтій, существенно видоизмѣнилась, и, сообразно народному характеру различныхъ государствъ, управленіе колоніями сложилось въ три разнородныя системы.

Голландія создала систему доходныхъ колоній—доходныхъ не въ

смыслѣ эксплоатаціи колоніальнаго населенія, но отъ благоразумнаго направленія колоніальной производительности. Двадцать-пять тысячъ голландцевъ держатъ въ рукахъ большую часть Остъ-Индскаго архипелага въ 29,000 кв. миль, съ 25 милл. туземнаго населенія; они извлекали изъ него огромные доходы; даже въ неудачный періодъ 1867 — 1871 годовъ Голландія получила отъ своихъ колоній 51,202,600 гульденовъ чистаго дохода. Этимъ она обязана генію губернатора Явы, генерала Ванъ-денъ-Боша, который въ тридцатыхъ годахъ ввелъ въ колоніяхъ, приносившихъ до того постоянный убытокъ, широкую культуру предметовъ, потребныхъ Европѣ: кофе, сахара, индиго, кошенили и табаку. Счастлива та страна, гдѣ генералы употребляютъ свои таланты на разведеніе кофе! Благодаря подобному явленію, Голландія съ 1833 года получила отъ своихъ колоній болѣе 500 милл. руб. чистаго барыша. При такихъ барышахъ, достигавшихъ въ благопріятные годы 24 милл. руб., очевидно, Голландія смотрѣла весьма равнодушно на тѣ колоніи, которыя не приносили ей барыша; наоборотъ, она всячески старалась укрѣпить за собою владычество въ колоніяхъ, дающихъ прибыли. Эти стремленія превосходно обрисовались въ рѣшеніи вопроса о гвинейскомъ берегѣ и Суматрѣ.

Дѣло въ томъ, что на гвинейскомъ берегу у Голландіи были колоніи, которыми она владѣла двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ и которыя — о ужасъ — приносили ей 50,000 руб. ежегоднаго убытка. Съ другой стороны, Голландія владѣла $^4/_5$ острова Суматры, который, по естественнымъ богатствамъ, не уступаетъ нисколько баснословной Явѣ, но имѣетъ только въ десять разъ менѣе населенія. Остальная $^1/_5$ острова Суматры принадлежала номинально англичанамъ, которые, по свойственной имъ жадности, и заявляли весьма неопредѣленныя притязанія и на другія части острова. Голландцы, для окончательнаго рѣшенія вопроса о разграниченіи Суматры, предложили уступить гвинейскій берегъ англичанамъ и возложить на нихъ бремя 50,000 р. дефицита. Англичане, забывъ совѣты своего великаго экономиста Смита—«оставлять всѣ колоніи, которыя не могутъ содержать себя во время мира и защищать во время войны», и слова Корнуаль Льюиса, что «націи не дѣлаетъ чести владѣніе странами, которыя не приносятъ ни ей, ни другимъ дохода, и что безславно удерживать колонію, откуда не извлекаешь ни доходовъ, ни военной или морской силы, ни коммерческихъ выгодъ, ни способовъ для эмиграціи», — согласилась на это предложеніе.

Это согласіе пробудило патріотизмъ голландцевъ; пріѣхалъ какой-то черный депутатъ отъ африканскаго короля Эльмина и умолялъ парламентъ не утверждать уступки. Самыя вліятельныя газеты писали, что Голландія не можетъ продавать населенія, находящагося $2^1/_2$ вѣка подъ покровительствомъ; если же ей обходится дорого содержаніе гвинейской колоніи, то она можетъ

подарить ее королю Эльмина, посылающему такихъ краснорѣчивыхъ депутатовъ. Когда законъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ, газеты взывали къ королю, вспоминая, что онъ присягалъ блюсти цѣлость государственной территоріи, а конституція 1798 года, правда отмѣненная, даже прямо оговаривала неотчуждаемость гвинейскаго берега. Все это не помогло, и подданные короля Эльмина сдѣлались подданными королевы Викторіи; зато голландцы спокойнѣе смотрятъ теперь на Суматру и другія остъ-индскія колоніи.

Суматра оказалась, однако, не очень пріятнымъ пріобрѣтеніемъ. Для упроченія голландскаго владычества пришлось снаряжать экспедиціи противъ ачинскаго султана, бывшія причиною паденія нѣсколькихъ министерствъ и стоившія много денегъ и до сихъ поръ далеко не доведенныя до конца. Значеніе этой войны гораздо важнѣе, чѣмъ она кажется съ виду. Отказавшись отъ полнаго завоеванія острова, голландцы продолжаютъ войну уже двадцать слишкомъ лѣтъ на другихъ основаніяхъ. Они усилили военный флотъ, чтобы дѣйствительнымъ образомъ блокировать берега Суматры; затѣмъ, занятые пункты укрѣплены, и внутрь страны голландцы подвигаются осторожно, не аттакуя болѣе на-авось мало извѣстныя имъ позиціи. Прекратить же войну значило бы уронить навсегда значеніе Голландіи въ Индійскомъ архипелагѣ. Это тѣмъ опаснѣе, что голландцы своихъ обширныхъ владѣній вовсе не колонизируютъ. Небольшая вербованная армія удерживаетъ тамъ въ повиновеніи двадцать пять милліоновъ довольно воинственныхъ туземцевъ, сохранившихъ большей частью свою администрацію, свою аристократію и даже своихъ наслѣдственныхъ султановъ. Заронить въ эту массу сознаніе безсилія Голландіи все равно, что отказаться отъ владѣній, изъ которыхъ Голландія извлекла уже столько милліоновъ и которыя при обязательной для мѣстнаго населенія культурѣ кофе обѣщаютъ еще для ея торговли громадныя выгоды.

Ачинское дѣло имѣетъ очень много общаго съ нашими отношеніями къ Хивѣ. Неосторожную экспедицію, предпринятую голландцами съ малыми средствами противъ Кратона въ 1872 году, можно сравнить съ нашею хивинскою экспедиціей 1839 года. Затѣмъ мы долго бездѣйствовали, пока, изучивъ съ 1869 по 1872 годъ пути, уничтожили въ 1873 году политическое значеніе Хивы на вѣрняка. Голландцы, болѣе заинтересованные на Суматрѣ, торопились исправить сдѣланную ошибку: на слѣдующій же годъ возобновили они экспедицію, но опять съ недостаточными средствами. Не подлежитъ также сомнѣнію, что англійскіе купцы поддерживаютъ военною контрабандою упорное сопротивленіе ачинцевъ; какъ ни слаба Голландія, но англичане не желаютъ позволить ей занять крѣпкое положеніе въ Малаккскомъ проливѣ, на важномъ торговомъ пути изъ Индо-Китая, Китая и Японіи въ Европу.

Положеніе голландцевъ далеко еще не отчаянное; для такой богатой страны война, въ родѣ ачинской, нипочемъ; но голландцы — народъ вообще крайне разсчетливый. Едва ли, однако, разсчетливость возьметъ у нихъ верхъ надъ политическимъ благоразуміемъ. Съ конца XVII вѣка Голландія быстро шла къ потерѣ своего политическаго вліянія; утрата колоній низвела бы ее на степень третьеклассной державы, и тогда она несомнѣнно будетъ поглощена сильнымъ сосѣдомъ, давно бросающимъ на нее жадные взоры.

Сосѣдъ этотъ Германія, но голландцы вовсе не желаютъ слiянія съ послѣдней, что особенно проявилось, когда въ 1889 г. германскій императоръ посѣтилъ Голландію съ огромною свитою и министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Маршалемъ, очевидно съ цѣлью втянуть сосѣда въ тройственный союзъ.

«Нидерландскій народъ не желаетъ никому подчиняться, желаетъ жить самостоятельно»—таковъ былъ общій крикъ всѣхъ органовъ печати безъ различія партій. «Standard», органъ антиреволюціонеровъ, энергически доказывалъ, что необходимо Вильгельму II вынести твердое убѣжденіе, что голландцы вовсе не нѣмцы, живутъ и думаютъ иначе и что «нѣтъ ничего общаго между флегматическими жителями Амстердама и Роттердама и лихорадочными (?) жителями Берлина». Въ свою очередь органъ либераловъ «Handelsblat» протестовалъ противъ всякой идеи союза. Такія-де идеи могутъ прійти только извнѣ, голландское же правительство не можетъ имѣть другой политики, кромѣ мира со всѣми державами и полнаго нейтралитета. «Tijd», органъ католической партіи, не видитъ, что̀ Голландія можетъ имѣть общаго съ тройственнымъ союзомъ, а тѣмъ болѣе въ интересахъ его выступать противъ Франціи. Ея роль—держаться внѣ всякихъ ссоръ великихъ державъ.

Голландію нельзя, впрочемъ, считать совершенно нейтральною. Хотя Англія разорила торговлю и морское могущество Голландіи, но послѣдняя находится подъ ея сильнымъ вліяніемъ; Англія многократно помогла Голландіи въ ея столкновеніяхъ съ Франціей, спасла ея отъ полнаго подчиненія послѣдней, голландскія колоніи легко могутъ быть захвачены англичанами, послѣдніе держатъ въ своихъ рукахъ сообщеніе съ этими колоніями черезъ Суэзъ, поэтому голосъ англійской дипломатіи преобладающій въ Гаагѣ.

Съ Германіей связываютъ Голландію только династическіе интересы. Домъ Нассау нѣмецкаго происхожденія, престолонаслѣдіе въ случаѣ бездѣтности королевы должно перейти къ нѣмцамъ; несомнѣнно также, что королева Вильгельмина выйдетъ замужъ за нѣмецкаго и протестантскаго принца. Но такъ какъ королевѣ всего шестнадцать лѣтъ, то съ рѣшеніемъ этого важнаго вопроса, который можно сравнить съ вопросомъ о бракѣ королевы Изабеллы Испанской въ 40-хъ годахъ, торопиться не слѣдуетъ.

Съ Россіей Голландію связываетъ старинная дружба, идущая

еще съ начала XVII столѣтія, когда голландцамъ даны были большія привилегіи въ торговлѣ. Тогда же была сдѣлана первая попытка занять у Голландіи деньги. Посольство, отправленное съ этою цѣлью въ 1614 г., успѣха не имѣло; генеральные штаты обѣщали склонить шведскаго короля къ миру, но денегъ не дали. Также неудачна была попытка, сдѣланная въ 1631 г. Любопытно, что когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ составлялись проекты развитія русскаго торговаго флота, то прежде всего вспомнили о Голландіи. «Ни единъ во всей вселенной, говоритъ одинъ проектъ, есть, чтобы такими малыми проторьми такое множество кораблей можно велѣть дѣлать и держать, какъ его величеству лично, потому что его земля обильна и слишкомъ имѣетъ лѣсу, пеньки, желѣза, смолы и иные товары, которые къ морскому дѣлу годны...» Ярославскій купецъ Антонъ Лаптевъ возилъ тогда (въ 1646 году) въ Амстердамъ пушные товары, для устройства прямой торговли, и хотя попытка его была неудачна, но она доказываетъ, что и старинные русскіе торговые люди понимали пользу торговли съ Голландіей и сознавали необходимость развитія отечественнаго мореходства*). Любовь Петра Великаго ко всему голландскому извѣстна.

Послѣ новой неудачной попытки занять денегъ у голландцевъ при Елизаветѣ Петровнѣ, заемъ въ Амстердамѣ, наконецъ удался въ 1769 г. Съ тѣхъ поръ Екатерина II и Павелъ I сдѣлали цѣлый рядъ займовъ черезъ Десмеда и Гопе. Изъ признательности Екатерина оказала Голландіи косвенную поддержку въ ихъ войнѣ съ Англіей, объявленіемъ такъ называемаго вооруженнаго нейтралитета. Послѣ конверсіи 1817 г., позаимствованія изъ глубокихъ голландскихъ кармановъ продолжались до послѣдняго времени. Съ конверсіями Вышнеградскаго голландцы отдѣлались (съ хорошимъ барышомъ) отъ большинства русскихъ бумагъ, хотя не имѣли никогда повода на нихъ жаловаться. Неаккуратный платежъ процентовъ во время войны 1812—1815 гг. былъ немедленно цѣликомъ пополненъ, при помощи Англіи, по заключеніи мира. Это сдѣлало русское правительство популярнымъ въ Голландіи болѣе чѣмъ кровь русскихъ солдатъ, пролитая за освобожденіе этой страны отъ французскаго владычества, при Павлѣ I и Александрѣ I. По возстановленіи мира, Россія, по родственнымъ связямъ дворовъ (королева Анна Павловна и королева Софія), находилась въ отличныхъ отношеніяхъ съ Голландіей, императоръ Николай I думалъ

---

*) По собственному откровенному отзыву иностранныхъ купцовъ, нелишенному для насъ назиданія и въ настоящее время: «для того-де они Антонова (Лаптева) товару не купили, чтобы инымъ рускимъ торговымъ людямъ ѣздить въ наши государства было неповадно; а только-де въ нашихъ государствахъ русскіе торговые люди учнутъ торговать такъ же, какъ мы у васъ, и мы всѣ останемся безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы торговые люди». Самыя, такимъ образомъ, неудачи Лаптева краснорѣчиво говорили въ пользу выгодъ, предстоящихъ Россіи отъ морской торговли.

даже помочь ей въ борьбѣ съ возставшей Бельгіей, двинуть русскія войска противъ французовъ, защищавшихъ бельгійскій народъ противъ законнаго его правительства — голландскаго короля Вильгельма II, зятя русскаго государя. Нѣкоторое, мало замѣтное, впрочемъ, охлажденіе дворовъ произошло при Александрѣ II, который не могъ сочувствовать поведенію Вильгельма III, страннымъ образомъ сочетавшаго скупость съ развратомъ и внесшаго раздоръ въ свое собственное семейство. Преслѣдованіе, которому сынъ его, извѣстный въ Парижѣ подъ именемъ Prince Citron, подвергся за связь съ графинею Штиронъ, вынудило этого принца покинуть отечество и преждевременно погубить свою жизнь въ оргіяхъ и тѣмъ оставить Голландію безъ наслѣдника.

Мы всегда были предупредительны къ голландцамъ даже въ мелочахъ; такъ по протесту ихъ мы прекратили чеканку голландскихъ червонцевъ, издавна производившуюся въ маломъ видѣ на монетномъ дворѣ для нѣкоторыхъ надобностей. Затѣмъ поддерживать колоніальную державу голландцевъ составляло, конечно, всегда прямую обязанность Россіи. Мы это еще недавно доказали, присудивъ по третейскому суду голландцамъ часть французской Гвіаны, богатую золотомъ. Споръ съ Франціей шелъ изъ-за того, что границею по трактатамъ должна была считаться р. Марони, между тѣмъ въ верховьяхъ рѣка эта состоитъ изъ рр. Лама и Тапанагони, и неизвѣстно кому должно было принадлежать значительное пространство земли между означенными двумя рѣками.

Со смертью короля Вильгельма III, въ силу салическаго закона, находившійся въ династической уніи съ Голландіей, Люксенбургъ,—сталъ самостоятельнымъ государствомъ и въ немъ воцарился бывшій нассаусскій герцогъ Адольфъ, нѣкогда женатый на русской великой княжнѣ.

Исторически Люксенбургъ принадлежитъ Германской имперіи; до 1812 г. онъ связанъ съ нею экономически, входя въ составъ цольферейна; по національности и культурѣ это скорѣе полуфранцузская страна; горное дѣло и выдѣлка перчатокъ питаютъ жителей. Въ политическомъ отношеніи преобладаютъ клерикалы. Люксенбургъ, нейтралитетъ котораго гарантированъ лондонскимъ трактатомъ 1867 года, спичка между громаднымъ чугуннымъ молотомъ и наковальнею. На него смотрять, какъ на кусокъ для вознагражденія того или другого государства при измѣненіи въ картѣ Европы. Люксенбургцы и особенно ихъ престарѣлый великій герцогъ, уже разъ терявшій корону, ничего, конечно, не желаютъ болѣе, какъ оставаться безусловно нейтральными и защищаются отъ всяческихъ подозрѣній въ тайныхъ сношеніяхъ съ Германіей. Для Россіи только этого и нужно отъ Люксенбурга.

X. БЕЛЬГІЯ.

Такъ какъ сентябрьская революція въ Бельгіи произошла вслѣдъ за іюльской революціей въ Парижѣ, то французы, а вслѣдъ за ними и вся Европа вообразили, будто это было либеральное движеніе противъ голландскаго деспотизма. Многимъ, знавшимъ голландскій характеръ, и тогда казались упреки Голландіи въ деспотизмѣ безсмысленными, но революціонная легенда увлекала общественное мнѣніе. Съ тѣхъ поръ дѣло разъяснилось. Вся бельгійская революція 1830 года была твореніемъ іезуитовъ и католическаго дворянства, опасавшагося за свои льготы при голландскомъ правительствѣ (даровавшемъ, замѣтимъ въ скобкахъ, Бельгіи достаточную долю автономіи). Клерикализму пришла на помощь Франція, думавшая поудить рыбку въ мутной водѣ и присоединить къ себѣ Бельгію, и Англія, всегда съ завистью относившаяся къ богатой Голландіи и даже подъ личиною дружбы не перестававшая работать къ ея ослабленію.

Въ Бельгіи почти всѣ серьезные политическіе люди и многіе видные писатели поняли уже, что совершили съ своей пресловутой революціей, прославленной въ Брюсселѣ десяткомъ монументовъ изъ бронзы, камня и мрамора, порядочную глупость. Нидерланды, въ томъ видѣ, какъ ихъ создалъ вѣнскій конгрессъ и какъ имъ и слѣдовало быть по географическимъ и экономическимъ условіямъ, представляли бы теперь государство въ 10 милліоновъ богатѣйшихъ жителей въ метрополіи, да 25 милліон. въ колоніяхъ; Голландія вносила свой флотъ, свои торговыя связи; Бельгія— свою промышленность, свое горное дѣло, обѣ — свою высокую культуру, обширные капиталы и свободныя учрежденія. Такое государство имѣло бы значеніе въ Европѣ не меньшее, чѣмъ имѣютъ его Испанія и Италія; оно было бы въ состояніи вооружить въ случаѣ нужды 300 или 400 тысячъ человѣкъ въ свою защиту, а также найти союзниковъ, какъ находила ихъ безъ труда Голландія въ XVII вѣкѣ.

Что же мы видимъ теперь, когда оба государства вполнѣ независимы другъ отъ друга? Бельгія защищается лишь воображаемымъ нейтралитетомъ, Голландія покровительствомъ Англіи, для которой, однако, голландскія колоніи пришлись бы очень кстати. Но еще болѣе кстати приходятся онѣ Германіи. Поэтому можетъ наступить часъ — и это сознаютъ бельгійскіе патріоты, когда Германія и Франція, чтобы покончить свои вѣковые счеты, растащутъ бывшіе Нидерланды по кускамъ и покончатъ съ ихъ вѣковою оригинальною цивилизаціею. Какъ бы въ предвидѣніи этого, король бельгійцевъ обзавелся уже для своей династіи новымъ королевствомъ — Конго, куда помѣщаетъ свои капиталы. Такой исходъ не можетъ быть, конечно, утѣшителенъ для патріо-

товъ 1830 года. Они должны прійти къ грустному сознанію, что фантазія ихъ молодости была самообольщеніемъ, стремленіемъ создать политическую комбинацію, которая не имѣла подъ собой никакой твердой почвы, и не обѣщаетъ прочности въ будущемъ.

Бельгійцы счастливо соединяютъ скупость голландцовъ съ нѣкоторыми свойствами, заимствованными отъ французской цивилизаціи. Эта страна и теперь поражаетъ своимъ богатствомъ; препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія бельгійской промышленности, вслѣдствіе политическихъ условій, слѣдуетъ считать ограниченность внутренняго рынка. Но если по наружности Бельгія одна изъ счастливыхъ странъ въ Европѣ, въ особенности въ матеріальномъ отношеніи, то многіе симптомы указываютъ на то, что безмятежность бельгійской политической жизни есть слѣдствіе скорѣе нравственнаго утомленія и ничтожества, а не правильнаго и здороваго отправленія всѣхъ государственныхъ функцій. Застой и отупѣніе, въ которыхъ находится бельгійская политическая жизнь, обозначаются въ продолжительныхъ политическихъ преніяхъ въ палатѣ депутатовъ, крайне рѣзкихъ и грубыхъ. Извѣстна, напр., прискорбная сцена вызова на дуэль нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшаго перваго министра Фреръ-Орбана, за дерзкую фразу, сказанную имъ чуть не за десять лѣтъ до того депутату Гильери. Должно быть, политическая жизнь въ странѣ мало оживлена и интересна, если какая-либо фраза не можетъ быть забыта десять лѣтъ и возбуждаетъ при одномъ намекѣ на нее такія прискорбныя сцены. Не нужно приписывать это явленіе излишней щепетильности бельгійскихъ депутатовъ; напротивъ того, нигдѣ не господствуетъ болѣе дурной тонъ, чѣмъ въ брюссельской палатѣ. Это происходитъ какъ отъ неизящества вообще тяжеловѣсной фламандской расы, такъ и особенно отъ чрезвычайно рѣзкаго различія между двумя господствующими въ Бельгіи политическими партіями.

Нужно не мало усилій, чтобъ одолѣть стенографическій отчетъ безконечно длиннаго ряда засѣданій, посвящаемыхъ ежегодно бельгійской палатой представителей обсужденію политики правительства. Притомъ изъ всей этой массы сквернаго французскаго языка нельзя извлечь никакой идеи, никакой живой политической программы; видно только ожесточеніе партій, упреки, инсинуаціи, а чаще всего — ругательства. Нужно сознаться еще, что въ послѣднемъ отношеніи либеральная партія едва ли не превосходитъ клерикаловъ, которые хоть наружно умѣютъ сохранить нѣсколько спокойствія и такта. Что же будетъ при замѣчаемомъ усиленіи въ палатѣ соціалистической партіи.

Во многихъ отношеніяхъ конституціонная жизнь Бельгіи напоминала англійскую, хотя, конечно, сходство это болѣе внѣшнее, такъ какъ въ Бельгіи нѣтъ вовсе крупныхъ аристократическихъ и земельныхъ интересовъ, а въ Англіи ультрамонтанство играетъ

сравнительно незначительную роль. Сходство двухъ странъ заключается въ томъ, что у обѣихъ, вслѣдствіе необыкновеннаго, сравнительно съ прочею Европою, матеріальнаго благосостоянія, консервативный элементъ очень силенъ въ обществѣ; радикальная партія, не смотря на обширное рабочее населеніе, только въ послѣднее время, съ измѣненіемъ конституціи, могла пріобрѣсти вліятельное положеніе въ бельгійской палатѣ депутатовъ. Затѣмъ крупныя подраздѣленія бельгійской консервативной партіи, клерикалы и либералы, подобно англійскимъ тори и вигамъ, до такой степени были равны силами, вліяніемъ и богатствомъ, что конституціонная жизнь шла съ чрезвычайною правильностью, безъ особыхъ толчковъ и рѣзкихъ переходовъ; десятки лѣтъ клерикальныя и либеральныя министерства смѣняли другъ друга безъ малѣйшаго затрудненія, не только не подавая повода къ какимъ-либо революціоннымъ вспышкамъ, но даже не производя никакого замѣшательства въ текущей администраціи; нѣсколько разбитыхъ стеколъ и двойная порція выпитаго пива успокаивала въ Бельгіи самыя распаленныя страсти. Все это, конечно, служитъ къ чести здравомыслящаго бельгійскаго народа и объясняется его исторіей, гдѣ, рядомъ съ деспотизмомъ иностранныхъ государей, испанскихъ и австрійскихъ, мы видимъ постоянно либеральное и широкое муниципальное самоуправленіе въ рукахъ многочисленнаго и образованнаго средняго сословія, отлично подготовившаго массу къ конституціонной жизни.

Равновѣсіе партій чрезвычайно, какъ извѣстно, облегчаетъ функціонированіе парламентарной системы. Безъ него приходится управлять съ большинствомъ искусственно слѣпленнымъ изъ мелкихъ, нерѣдко враждебныхъ одна другой фракцій, и каждую минуту готовыхъ распасться, или же—что еще хуже,—съ большинствомъ, совершенно подавляющимъ своею численностью оппозицію. Министерство, представляющее подобное большинство, особенно когда оно сидитъ долго на мѣстѣ, въ концѣ концовъ начинаетъ управлять такъ же самовластно, какъ если бы никакихъ конституціонныхъ гарантій не существовало.

Въ Бельгіи ни одна партія не засиживалась во главѣ управленія; это не уменьшало, однако, ожесточенія партій. Помимо общегосударственныхъ и экономическихъ интересовъ, тутъ примѣшиваются и интересы національности, и особенно религіозные. Католики почти исключительно фламандцы, либералы—валоны, затѣмъ бельгійскіе католики отличаются крайнимъ ультрамонтанскимъ оттѣнкомъ; либералы отстаиваютъ науку и не стѣсняясь высказываютъ, что католическая церковь въ Бельгіи заботится о народѣ лишь съ цѣлью эксплоатаціи въ пользу своихъ выгодъ и своего честолюбія. Конечно, съ обѣихъ сторонъ для людей, смотрящихъ со стороны, замѣтны преувеличенія въ упрекахъ. Надобно, сказать,

однако, что если истина на сторонѣ бельгійскихъ либераловъ, то историческая логика на сторонѣ католиковъ.

Бельгійскую революцію сдѣлали клерикалы; потому неудивительно, что почти до пятидесятыхъ годовъ, за немногими исключеніями, они стояли во главѣ управленія. Послѣдствіемъ этого было чрезвычайное размноженіе въ Бельгіи іезуитовъ и развитіе самыхъ обскурантныхъ клерикальныхъ интересовъ. Революція 1848 года измѣнила нѣсколько такое положеніе вещей. Послѣ нея лѣтъ двадцать преобладали министерства либеральныя, которыя если и не всегда удачно, то во всякомъ случаѣ энергично и послѣдовательно боролись съ возроставшей дерзостью клерикаловъ. Положеніе либераловъ было тѣмъ затруднительнѣе, что ихъ подозрѣвали въ тайномъ сочувствіи къ Франціи, бывшей тогда въ зенитѣ своего могущества; клерикальная же партія выставляла себя, какъ единственную защитницу національныхъ и патріотическихъ стремленій.

Въ 1871 году въ Бельгіи случилось событіе, очень схожее съ тѣмъ, что происходило въ Англіи и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, а именно выборы, произведенные либеральнымъ министерствомъ для подкрѣпленія распадавшейся въ палатѣ депутатовъ министерской партіи, неожиданно дали весьма серьезное большинство клерикаламъ, давно уже бывшимъ не у дѣлъ. Отчасти повліяла на это событіе франко-прусская война 1870 года, показавшая Бельгіи всю опасность ея положенія; но болѣе пораженію либераловъ содѣйствовало то, чѣмъ объяснялись неоднократныя пораженія Гладстона, а именно, что страна, по существу своему строго-консервативная, утомилась слишкомъ многочисленнымъ рядомъ преобразованій. Что объясненіе это вполнѣ справедливо, видно изъ того, что клерикалы, одержавъ побѣду, и не подумали воспользоваться ею для разрушенія всего, что̀ сдѣлали либералы. Будь нѣчто подобное во Франціи или Испаніи, клерикальное министерство предложило бы десятки поспѣшно-составленныхъ законовъ, буквально противоположныхъ тѣмъ, которые только что были утверждены народнымъ представительствомъ. Но въ Бельгіи, болѣе опытной въ конституціонной жизни, поступили иначе: клерикалы не предложили ни одной рѣзкой политической мѣры и ограничились дѣлами административными и экономическими. Это ставили имъ въ упрекъ либералы во время преній, усмотрѣвъ въ такой политикѣ лучшее сознаніе въ безсиліи. Но едва ли такой упрекъ можетъ быть безусловно принятъ; скорѣе осторожность бельгійскихъ клерикаловъ слѣдовало приписать благоразумной умѣренности и опытности въ дѣлахъ.

Нужно сказать также, что упрекъ въ безсиліи относится одинаково и къ либеральной партіи въ Бельгіи. По крайней мѣрѣ лучшіе клерикальные ораторы—Дюмортье, Малу и Жакобсъ—приглашали нѣсколько разъ либераловъ формулировать точнѣе свою

политическую программу, но тѣ ничего не могли привести, кромѣ введенія обязательнаго свѣтскаго воспитанія (до сихъ поръ въ Бельгіи господствуетъ такъ-называемая «свобода воспитанія», которой добиваются всѣми силами французскіе клерикалы), и ограничивались крѣпкими прозвищами своихъ противниковъ, называя ихъ «злостными банкротами», «отравителями», «лгунами».

Видя въ клерикализмѣ своего смертельнаго врага, бельгійскіе либералы, чтобы бороться съ нимъ, искали оружія въ примѣрѣ другихъ странъ. «Культурная борьба» князя Бисмарка и законы Ферри во Франціи пришлись имъ очень на руку и они сочинили свой маленькій законъ о первоначальномъ образованіи, состоявшій въ томъ, что законъ Божій въ первоначальныхъ школахъ не преподавался, но въ каждой школѣ должно быть отведено помѣщеніе, гдѣ, по желанію родителей, ихъ дѣти могутъ получить у священниковъ своей вѣры соотвѣтственное религіозное воспитаніе.

Понятно, что такой законъ долженъ былъ возмутить клерикаловъ. Шесть недѣль подрядъ въ палатѣ шли самыя ожесточенныя пренія, пока законъ не прошелъ. Противники не стѣснялись въ выраженіяхъ. Депутатъ Берже увѣрялъ, напримѣръ, что будто бы «ежедневно въ Бельгіи съ церковной каѳедры и на столбцахъ католической печати взываютъ къ возмущенію, убійству и грабежу». «Церковь, сказалъ депутатъ Варнантъ, занимается въ Бельгіи исключительно политикой: она сдѣлалась журналистомъ, политическимъ маклеромъ и даже биржевымъ агентомъ, марая свои ризы въ сообществѣ откупщиковъ и зайцевъ». «Ничто васъ не останавливаетъ, говорилъ Жотранъ, обращаясь въ палатѣ къ католикамъ: вы поддѣлываете исторію, какъ и другіе документы; вы остались людьми фальшивыхъ декреталій, и, когда идетъ рѣчь объ интересахъ церкви, вы не останавливаетесь передъ поддѣлкою текста законовъ».

Если такъ выражались депутаты почтенныхъ лѣтъ и консервативныхъ въ общемъ убѣжденій, то каковъ долженъ быть языкъ періодической печати, а она очень многочисленна и вліятельна въ Бельгіи. Въ скромнѣйшемъ «Indépendance Belge» напечатаны были избирательные циркуляры либеральныхъ кандидатовъ въ сенаторы, которые по рѣзкости и грубости языка могли бы поспорить развѣ съ американскими памфлетами. Тѣмъ же тономъ, если не хуже, отвѣчали представители клерикализма, весьма невоздержанные на рѣзкія выраженія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ свѣтская власть не позволяетъ имъ, по примѣру добраго стараго времени, сжигать на кострахъ не только писанія либераловъ, но для краткости и самихъ либераловъ.

Такимъ образомъ политическое положеніе Бельгіи пришло въ непривлекательное положеніе какого-то маразма. Извѣстнѣйшіе политическіе дѣятели ея публично заявляли о своемъ безсиліи; новыхъ партій, новыхъ идей и людей не являлось, а между тѣмъ

іезуиты, захватывая постепенно воспитаніе, дѣйствительно отравляли нравственно цѣлыя поколѣнія и подготовляли для Бельгіи большія непріятности въ будущемъ. Перемѣна въ группировкѣ партій произошла случайно изъ-за попытка разрѣшить вопросы, интересующіе европейское горнорабочее населеніе, помощью международнаго конгресса въ Парижѣ, созваннаго не правительствами разныхъ державъ, а непосредственно самими рабочими. Попытка эта хотя не имѣла, по разнымъ обстоятельствамъ, послѣдствіемъ принятіе какого либо опредѣленнаго рѣшенія, какъ желали нѣкоторые болѣе нетерпѣливые коноводы, напр. общей стачки горнорабочихъ въ Европѣ, впредь до включенія въ законодательство 8-часовой продолжительности рабочаго дня въ подземныхъ работахъ, но повлекла къ ускоренію разрѣшенія вопроса о пересмотрѣ бельгійской конституціи.

На парижскомъ горнорабочемъ конгрессѣ самыми рьяными оказались бельгійскіе уполномоченные; они добились того, что прочіе горнорабочіе обѣщали имъ поддержку въ случаѣ, если бельгійскіе рабочіе сдѣлаютъ стачку, дабы добиться у себя дома измѣненія законовъ о наймѣ. Прибѣгать къ подобнымъ экстралегальнымъ путямъ, по словамъ бельгійскихъ уполномоченныхъ, необходимо, потому что нельзя было ожидать улучшенія участи рабочихъ отъ бельгійскаго парламента при его прежней организаціи.

Дѣйствительно, Бельгія жила при избирательной системѣ pays légal, скопированной съ системы, существовавшей во Франціи при Луи-Филиппѣ и забракованной тамъ въ 1848 году. Изъ шести милліоновъ населенія Бельгіи только сто двадцать тысячъ человѣкъ пользовались избирательными правами. Такимъ образомъ, парламентъ въ Брюсселѣ представлялъ интересы богатыхъ классовъ, а рабочее населеніе имѣло въ немъ случайныхъ представителей, допущенныхъ по милости умѣренной либеральной партіи. Даже главный вождь бельгійскихъ радикаловъ Жакобсъ попалъ въ палату благодаря подобной коалиціи.

Клерикальное министерство Бернерта хотя и не находило нужнымъ мѣнять конституцію, но, опасаясь серьезнаго рабочаго движенія, а особенно если оно, какъ указалъ парижскій конгресъ горнорабочихъ, будетъ поддержано рабочими другихъ сосѣднихъ странъ,—рѣшилось сдѣлать измѣненія въ избирательномъ законѣ, чтобы привлечь къ управленію менѣе зажиточные классы населенія.

Само собою разумѣется, что о всеобщей подачѣ голосовъ, существующей во Франціи, а также и въ Германіи для выборовъ въ рейхстагъ, которой добивались рабочіе,—не было и рѣчи. Наиболѣе подходящими для Бельгіи были избирательныя системы: голландская и англійская. Но въ первой слишкомъ высокъ цензъ и число избирателей только удвоилось бы; англійская система болѣе либеральна; сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя полезныя измѣненія, можно было число избирателей въ Бельгіи довести до 600 тысячъ. При все-

общей подачѣ голосовъ ихъ было бы свыше $1^1/_2$ милліоновъ. Послѣ безконечно длинныхъ преній, затянувшихся главнымъ образомъ изъ-за вопроса о предоставленіи королю права обращаться непосредственно къ избирателямъ (referendum), избирательный законъ былъ измѣненъ въ 1892 году.

Расширеніе выборнаго начала можетъ повести въ Бельгіи къ послѣдствіямъ гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ одно измѣненіе внутренняго порядка управленія и удовлетвореніе интересовъ рабочаго сословія. Бельгія, какъ я сказалъ, состоитъ изъ двухъ половинъ, рѣзко различающихся между собою происхожденіемъ, языкомъ и складомъ жизни. Восточная часть страны населена валонами, которые ближе всего къ французамъ и легко усваиваютъ французскую цивилизацію; западная часть—фламандская. Фламандцы эти очень мало отличаются отъ голландцевъ: языкъ ихъ и образъ жизни весьма приближаются также къ сѣверо-германскому.

Первоначально Бельгія была организована по французскимъ образцамъ, но мало-по-малу фламандская національность стала эмансипироваться; она заявила свое существованіе въ литературѣ, театрѣ, періодической печати, затѣмъ она потребовала и добилась равноправности въ администраціи и на судѣ. Даже столица Бельгіи—Брюссель—теперь городъ гораздо болѣе фламандскій, чѣмъ французскій. Но и на этомъ борьба не окончилась и рѣзкая противоположность двухъ національностей все болѣе и болѣе обозначается. Такъ какъ культура высшихъ классовъ въ Бельгіи еще со временъ бургундской династіи была французская и французское вліяніе упрочилось двадцатилѣтней связью Бельгіи съ Франціей во время республики и первой имперіи, то при ограниченномъ составѣ избирателей не представлялось затруднительнымъ поддерживать нынѣшній полуфранцузскій складъ вещей. Другое будетъ дѣло, когда при расширеніи избирательнаго права палата наполнится представителями среднихъ и низшихъ классовъ населенія. Тогда различіе національностей обострится чрезвычайно и, по всей вѣроятности, не будетъ найдено другого выхода, какъ уничтоженіе Бельгіи, какъ особаго государства, и разъединеніе ея на двѣ части, которыя, прямо и косвенно, войдутъ въ сферу вліянія, съ одной стороны, германо-голландскаго, съ другой—французскаго. Этотъ расколъ, конечно, вызоветъ рядъ серьезныхъ европейскихъ компликацій, такъ какъ Англія никогда не согласится уступить голландскихъ колоній Германіи или Франціи, а послѣднія, а равно и Россія ни за что не отдадутъ ихъ Англіи.

Россія поступила неразсудительно, участвуя, хотя и противъ своего желанія и неохотно, въ созданіи Бельгіи. Я говорилъ уже, что Николай I хотѣлъ было даже воевать въ защиту правъ Голландіи. Когда принцъ Леопольдъ, англійская креатура, принялъ корону Бельгіи и тѣмъ узаконилъ бельгійскую революцію, Николай I долго не хотѣлъ поддерживать съ Бельгіей

правильныхъ дипломатическихъ сношеній. Еще въ 1842 г. онъ заявилъ, что не назначитъ представителя, ссылаясь на то, что Бельгія принимала на службу польскихъ мятежниковъ. И въ настоящее время Бельгія чужда намъ; это въ политическомъ отношеніи наполовину англійское, наполовину германское государство. Не довольствуясь тѣмъ, что по лондонскимъ трактатамъ 1831 и 1839 гг. Бельгія была объявлена державою нейтральною, она заключила съ Англіей особый договоръ 9 и 11 августа 1870 г., по которому Англія приняла на себя обязательства поддерживать независимость и нейтралитетъ Бельгіи, т. е. нѣкоторымъ образомъ установила надъ нею протекторатъ. Бельгія страна клерикальная, а клерикалы повсюду враги Россіи; она держится свободной торговли и въ торговомъ отношеніи намъ почти не нужна. Наоборотъ, для бельгійскихъ капиталистовъ Россія представляетъ обширное поле эксплуатаціи, и огромные бельгійскіе капиталы затрачены въ русскіе горные и механическіе заводы и въ конно-желѣзныя дороги. Бельгія очень нажилась также при постройкѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Нейтралитетъ Бельгіи обезпеченъ великими державами, но тѣмъ не менѣе, въ виду опасности, которая угрожаетъ отъ Франціи, не имѣющей возможности, вслѣдствіе отнятія Эльзаса и Лотарингіи и постройки ряда крѣпостей, съ успѣхомъ дѣйствовать на Германію иначе какъ чрезъ Бельгію, король Леопольдъ II заключилъ, говорятъ, тайный союзъ съ Германіей и даже, если вѣрить сенсаціонной брошюрѣ Жирара, обязался предоставить ей въ случаѣ войны укрѣпленія по р. Маасу. Бельгійское правительство постоянно однако протестовало противъ слуховъ о тайномъ трактатѣ и, не довольствуясь заявленіемъ своихъ министровъ, до нынѣшняго де Сметъ де Нейера включительно, поручило брюссельскому бургомистру Бульсу сдѣлать торжественное въ этомъ смыслѣ заявленіе въ Марсели.

Но имѣется или нѣтъ договоръ, несомнѣнно, что Бельгія не находится въ сферѣ франко-русскаго вліянія, что она увеличиваетъ свою армію, а поэтому къ ней въ политическомъ отношеніи должно относиться осторожно. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что изобиліе союзниковъ иногда такъ же опасно, какъ и ихъ отсутствіе. Наполеонъ I очень вѣрно, хотя и цинически, выразилъ эту мысль въ Тильзитѣ, сказавъ: «qu'il faut coucher à deux et jamais à trois».

Династическою связью съ королевствомъ Конго Бельгія вошла въ кругъ колоніальной политики. Объ этомъ я скажу еще въ другомъ мѣстѣ, но здѣсь могу замѣтить, что экономическая политика для Бельгіи самая важная, такъ какъ Бельгія безъ свободы торговли существовать можетъ съ трудомъ и рѣзкое повсемѣстное возвращеніе, по иниціативѣ Бисмарка, къ покровительству отозвалось крайне невыгодно на бельгійскихъ интересахъ. Статьи, написанныя по этому поводу въ яро-фритредерскихъ органахъ,

просто смѣшно читать, до такой степени онѣ задорны. Россіи сильно достается въ нихъ за повышеніе таможеннаго тарифа; особенно распинается старый проказникъ, бельгійскій экономистъ Густавъ де-Молинари, увѣряющій, будто наше отечество возвращается обратно къ варварству и что по теоріи ея финансистовъ «двѣ потери равносильны одному барышу».

Но не одними этими старыми остротами Бастіа ограничиваются могикане фритредерства. Видя пораженіе свое на практической почвѣ, они придумали теперь новый изворотъ, который и проповѣдуютъ серьезно, какъ спасеніе для бельгійской промышленности. Дѣло въ томъ, что отъ общаго повышенія пошлинъ должны болѣе всего пострадать интересы тѣхъ государствъ, которыя не имѣютъ своего внутренняго значительнаго рынка. Въ сущности это законно, ибо по какому праву какая нибудь Бельгія, пользуясь низкими пошлинами, настолько развивала свои фабрики, что недавно еще ея вывозъ превосходилъ вывозъ Россіи, имѣющей въ двадцать разъ болѣе населенія. Для сохраненія подобныхъ незаконныхъ барышей маленькихъ и богатыхъ странъ экономисты и совѣтуютъ, яко бы съ цѣлью борьбы съ экономически-гигантскими территоріями, какъ Россія, Китай или Соединенные Штаты, заключить общіе таможенные союзы изъ нѣсколькихъ сходныхъ по своей промышленности государствъ. Одинъ подобный союзъ проектируется образовать изъ Австро-Венгріи и Германіи, другой — изъ Бельгіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Швейцаріи и можетъ быть Португаліи.

Понятное дѣло, что каждая изъ этихъ странъ въ отдѣльности не будетъ настолько наивна, чтобы принять подобный совѣтъ. Не говоря уже о томъ обстоятельствѣ, что общій таможенный тарифъ двухъ странъ невозможенъ иногда вслѣдствіе разницы политическаго устройства и финансовой системы — что отчасти мы у себя видимъ на примѣрѣ Финляндіи—включеніе какого либо государства въ таможенный союзъ съ другимъ государствомъ было бы равносильно уничтоженію промышленности одного изъ нихъ. Возьмемъ хотя Испанію. Вывозъ ея вина, главнаго предмета отпуска, конечно, не много усилится отъ заключенія таможеннаго союза съ Франціей или Италіей, странами винодѣльными; да и теперь этому вывозу мѣшаетъ не покровительственная политика сосѣдей по отношенію къ винодѣлію, а другія условія. Между тѣмъ испанскія фабрики и заводы, при включеніи Испаніи въ союзъ, хотя будутъ ограждены отъ конкурренціи Англіи и Германіи, но ничто не помѣшаетъ имъ еще легче быть разоренными конкурренціей фабрикъ французскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ, продукты которыхъ придутъ тогда въ Испанію совершенно безпошлинно.

Венгрія страдаетъ отъ конкурренціи Соединенныхъ Штатовъ; какую же пользу можетъ принести ей таможенный союзъ съ Гер-

маніей? И теперь венгерскіе фабриканты жалуются на общность таможенъ Венгріи съ Австріей и на невозможность для венгерцевъ соперничать съ австрійскими, особенно съ богемскими продуктами. Что же станетъ съ венгерскою промышленностью, когда къ этой конкурренціи прибавится еще конкурренція болѣе развитой фабричности Германіи? Такимъ образомъ, идею таможенныхъ союзовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ широкомъ видѣ, какъ она проектируется, нельзя не признать непрактичною. Во всякомъ случаѣ возвращеніе большинства государствъ къ охранительной политикѣ должно произвести крупный переворотъ, послѣдствія котораго еще трудно и предвидѣть. Можно a priori предсказать только, что промышленные центры, искуственно развившіеся на чужой счетъ, навѣрное пострадаютъ. Не видя себѣ поддержки, Бельгія сама стала возвращаться къ протекціонизму, по крайней мѣрѣ для своего земледѣлія. Надобно думать, что примѣру ея послѣдуетъ и Голландія, гдѣ земледѣльцы буквально бѣдствуютъ, хотя клочки земли, ими воздѣлываемые, отняты у моря, съ громадными затратами труда и капитала.

XI. ШВЕЙЦАРІЯ.

Одинъ нѣмецкій профессоръ въ 1507 году писалъ о швейцарцахъ, что «болѣе нѣжныхъ чувствъ можно встрѣтить у турковъ, нежели у этихъ горныхъ жителей, жестокихъ, грубыхъ, гордыхъ своею силою, вѣчно готовыхъ къ войнѣ, воспитанныхъ съ колыбели для войны, упивающихся христіанскою кровью, наживающихся вслѣдствіе ссоръ королей». «Швейцарія—писалъ триста лѣтъ спустя Байронъ—это проклятая нація грубіяновъ, эгоистовъ и дураковъ, гнѣздящихся въ самомъ поэтическомъ углу земного шара. Я никогда не могъ выносить ея жителей». А въ одно время съ великимъ англійскимъ поэтомъ австрійскій генералъ замѣтилъ иронически, что «ожидать отъ швейцарца, чтобы онъ сдѣлалъ что нибудь даромъ, значитъ нанести ему жесточайшее оскорбленіе».

Все это съ улучшеніемъ путей сообщенія значительно измѣнилось, Швейцарія не продаетъ болѣе крови своихъ сыновъ на защиту реакціи; въ послѣдній разъ швейцарскіе наемные солдаты дрались за папу въ 1848 г. при Виченцѣ и въ 1860 г. при Кастельфидардо, и хотя католическая часть Швейцаріи очень клерикальна, но вѣдь эта страна весьма образованная и съ развитою промышленностью. Къ сожалѣнію, швейцарская промышленность, подобно бельгійской, не имѣетъ своего внутренняго рынка и, будучи при-

нужденною подчиняться потребностямъ чужихъ странъ, не можетъ выработать самобытнаго характера; только при помощи извѣстной предпріимчивости швейцарскаго купечества издѣлія швейцарскихъ фабрикъ распространяются не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ и на дальнемъ Востокѣ, особенно въ Китаѣ; издѣлія эти предназначаются для потребителей средняго достатка.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія и наплывомъ иностранцевъ, положительно грозящихъ всѣхъ швейцарцевъ обратить или въ содержателей гостинницъ или въ прислугу въ послѣднихъ, измѣнилась и швейцарская конституція не только федеральная, но и кантональная, представлявшая во многихъ кантонахъ грубую эксплоатацію одного класса населенія другимъ, деревень—городами и т. п.

Федеральная конституція была пересмотрѣна въ послѣдній разъ въ 1874 году, послѣ того какъ народъ отвергъ проектъ конституціи, составленный въ 1872 г., и съ тѣхъ поръ подъ ея вліяніемъ усилились радикальная партія и стремленіе къ централизаціи. Въ настоящее время множество административныхъ и особенно экономическихъ функцій перешло изъ кантоновъ въ руки центральнаго правительства, серьезно возбужденъ даже вопросъ объ объединеніи уголовнаго и гражданскаго законодательствъ, что предвѣщаетъ, по мнѣнію многихъ, уничтоженіе самаго принципа, на которомъ создался союзъ въ 1291 году. Въ 1890 году въ конституціи было сдѣлано измѣненіе, значительно расширившее право referendum (непосредственнаго обращенія къ народу) по заявленію 30,000 гражданъ-избирателей, а именно даровано право требовать не общаго, а частичнаго пересмотра конституціи, чѣмъ разныя партіи и особенно радикалы не преминули воспользоваться. Право референдума также нарушаетъ интересы кантоновъ, давая преимущество много-населеннымъ передъ маленькими.

Между прочимъ неожиданнымъ примѣненіемъ обращенія къ народу было возстановленіе смертной казни. Противъ этого измѣненія конституціи велась сильная агитація. Юристы цифрами доказывали, что въ пять лѣтъ число крупныхъ преступленій замѣтно въ Швейцаріи увеличилось. Мнѣніе печати раздѣлилось. Часть ея защищала возстановленіе смертной казни, другая—горячо порицала возвращеніе къ прежней «варварской» юстиціи. Викторъ Гюго и др. выдающіеся политическіе дѣятели поощряли прогрессивную швейцарскую печать письмами и наставленіями. Результатъ плебисцита швейцарскія либеральныя газеты объясняли причинами болѣе политическими, нежели философскими воззрѣніями массы. Такъ какъ конституція 1874 г. была уступкою централизму, то всѣ противники централизма охотно подаютъ голосъ за отмѣну какой угодно статьи неудобной для нихъ конституціи. Поэтому, напримѣръ, кантонъ Ваадтъ, котораго населеніе противъ смертной казни и гдѣ послѣдней не было, подалъ все-таки теперь голосъ противъ 65 статьи консти-

туціи только ради того, что и прежде кантонъ вотировалъ противъ новой конституціи въ цѣломъ ея составѣ. На помощь защитникамъ смертной казни пришли также всѣ нежелающіе объединенія швейцарскаго уголовнаго устава, а 65 статья и была первою попыткою ограничить права отдѣльныхъ кантоновъ имѣть особое уголовное законодательство.

Для насъ рѣшеніе швейцарскаго народа любопытно болѣе съ общей политической точки зрѣнія. Какъ извѣстно, до сихъ поръ публицисты, съ легкой руки Руссо, а затѣмъ Бентама, придавали всеобщей подачѣ голосовъ значеніе необыкновенно демократическаго фактора. По ихъ мнѣнію, царство демократіи только и возможно при абсолютномъ примѣненіи всеобщей подачи голосовъ, которая въ состояніи надѣлить міръ всѣми благами широкой свободы. Историческій опытъ не оправдываетъ пока подобныхъ теорій. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя государства, какъ Голландія, при ограниченномъ политическомъ цензѣ оказываются несравненно либеральнѣе, чѣмъ французская, бывшая испанская или южноамериканскія республики; всякій разъ, когда серьезно, а не притворно только, спрашивали мнѣнія массы народа, не насилуя его совѣсти, рѣшеніе оказывалось всегда гораздо консервативнѣе, нежели мнѣніе интеллигенціи. Швейцарскій плебисцитъ служитъ подтвержденіемъ вышеозначеннаго положенія. Его нужно понимать исключительно въ томъ смыслѣ, что большинство швейцарскаго народа не желаетъ измѣненія своей вѣковой конституціи ради теоретическихъ соображеній, хотя бы самыхъ логическихъ и заманчивыхъ. Онъ довольствуется устраненіемъ изъ конституціи того, что лишь само собою пришло уже въ негодность. Какъ извѣстно, такая осторожность составляетъ всю тайну успѣха конституціонной жизни и въ Англіи.

Политикой швейцарцы очень интересуются, особенно въ итальянскихъ кантонахъ; для участія въ какихъ либо ничтожныхъ выборахъ, избиратели пріѣзжаютъ даже изъ Америки. Дѣло, особенно въ Тессинѣ, доходитъ до вооруженнаго столкновенія, и центральное правительство мобилизируетъ свои войска, чтобы выгонять самозванныхъ правителей; во французскихъ кантонахъ идетъ горячая клерикальная борьба, хотя народъ въ Швейцаріи вообще противъ притязаній папскаго престола. Судя по составу депутатовъ, въ національномъ совѣтѣ въ настоящее время преобладаетъ лѣвая партія; партіи правыхъ и центра въ общей сложности едва равняются по числу лѣвой; къ послѣдней примыкаютъ соціалисты, точнѣе радикалы, такъ какъ чистыхъ соціалистовъ въ палатѣ еще немного.

Внутренними швейцарскими дѣлами наша печать и публика вовсе не интересуются. Въ послѣднее время обратилъ на себя вниманіе только случай, напоминающій нѣсколько отношенія нашихъ городовъ, особенно Скопина, къ гарантіи цѣлости вкладовъ въ городскіе общественные банки. Три города кантона Аргау:

Цофингъ, Ленцбургъ, Баденъ и городъ въ кантонѣ Цюрихъ—Винтертурдъ гарантировали заемъ въ 9 мил. франк. на окончаніе желѣзной дороги, называемой National Bahn. Дорога обанкрутилась, и кредиторы дороги обратились къ городамъ. Винтертурдъ согласился уплачивать свою часть по купонамъ долговъ дороги, но другіе горбда сначала предложили уплатить менѣе половины долга, когда же это предложеніе кредиторами принято не было, города предпочли объявить себя несостоятельными.

Суды кантона Ааргау не признали, однако, возможнымъ объявить города банкротами, а федеральный судъ отказалъ въ своемъ содѣйствіи кредиторамъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ правительство кантона Цюрихъ, несмотря на сопротивленіе кантона Ааргау, заставило швейцарское федеральное правительство вмѣшаться въ это дѣло и назначить комиссію для изслѣдованія положенія несостоятельныхъ городовъ. Комиссія эта нашла, что городскія управленія трехъ вышеозначенныхъ городовъ совершенно истощили свои кассы, и что хотя буржуазія этихъ городовъ имѣетъ значительные сословные доходы, а кантонъ Ааргау располагаетъ запаснымъ капиталомъ въ 25 мил. франк., проценты котораго даютъ возможность обходиться безъ прямыхъ налоговъ — установленію коихъ населеніе кантона всегда противилось, но средства эти юридически нельзя привлечь къ уплатѣ гарантированнаго городами долга. Призванный для окончательнаго рѣшенія вопроса швейцарскій парламентъ (Assemblée fédérale) въ обоихъ своихъ совѣтахъ положилъ, что такъ какъ силою ничего подѣлать нельзя, то остается «братски» помочь зарвавшимся городамъ. Поэтому швейцарское правительство дало пострадавшимъ городамъ въ ссуду, за маленькіе проценты и на продолжительный срокъ, половину суммы, слѣдующей кредиторамъ дороги, съ тѣмъ, чтобы кантоны Цюрихъ и Ааргау гарантировали этотъ заемъ и затѣмъ уже приняли мѣры для дальнѣйшаго разсчета съ кредиторами.

Этотъ казусъ поучителенъ для насъ въ томъ смыслѣ, что и въ республиканской Швейцаріи въ аналогическомъ случаѣ не было найдено ничего остроумнѣе, какъ ошибки городского самоуправленія покрыть на счетъ казны. Лучше не придумалъ бы и самъ Рыковъ.

Швейцарія, на основаніи особаго прибавленія къ парижскому трактату 20 ноября 1815 г., считается стороною нейтральною. Этимъ она обязана вліянію Лагарпа на своего коронованаго ученика, почему австрійскій уполномоченный при Гельветической республикѣ и могъ написать, что «изъ отечества кнута распространились здѣсь идеи равенства и правъ человѣка». Нейтралитетъ направленъ былъ главнымъ образомъ противъ Франціи, но онъ оберегалъ Швейцарію и противъ Австріи. Въ послѣднее же время сталъ оберегать противъ объединившихся Италіи и Германіи, которыя черезъ Швей-

царію, при помощи Сентъ-Готардскаго тонеля, провели торговый путь, могущій быть обращеннымъ въ военное сообщеніе.

Во всякомъ случаѣ нейтралитетъ не даетъ права государству подъ предлогомъ свободы въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, безнаказанно нарушать свои обязанности къ другимъ державамъ и неимѣть надлежащаго наблюденія за проживающими иностранцами. Между тѣмъ при извѣстіи о гнусномъ злодѣяніи 1-го марта нигилисты публично обнимались на улицахъ Женевы и поздравляли другъ друга съ пролитіемъ крови русскаго монарха. Курьезное зрѣлище въ странѣ, которая вѣками проливала кровь за чужихъ монарховъ и даже увѣковѣчила въ Люцернѣ великолѣпнымъ памятникомъ эту черту швейцарскаго характера. Однако, не подобная иронія судьбы, а фактъ, что политическіе убійцы могутъ устраивать трогательныя публичныя демонстраціи на улицахъ европейскихъ городовъ, получаетъ болѣе непосредственную практическую важность. Дѣйствительно, въ моментъ, когда расточается столько фразъ о солидарности человѣчества, которое должно-де представлять одинъ народъ, управляемый общими законами нравственности и справедливости, когда объединяются даже почтовые тарифы, никакъ не могутъ договориться до сознанія, что убійство одинаково безнравственно, совершается ли оно въ монархіи или въ республикѣ и прикрывается ли оно стремленіями служить собственному или «общему благу». А служба послѣднему, какъ извѣстно, по большей части бываетъ повыгоднѣе для гг. революціонеровъ преслѣдованія ихъ личныхъ цѣлей.

Для насъ этотъ вопросъ имѣлъ особенное значеніе, такъ какъ цѣлыя шайки русскихъ нигилистовъ пріютились въ различныхъ европейскихъ центрахъ, въ особенности въ Швейцаріи, особенно въ Цюрихѣ, въ Англіи и Франціи, гдѣ совершенно свободно и даже открыто подготовляли цѣлый рядъ преступленій, самыхъ возмутительныхъ и ужасныхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждое государство можетъ принимать къ себѣ политическихъ преступниковъ, но всѣ юристы согласны, что право убѣжища законно только для тѣхъ эмигрантовъ, которые переносятъ свое изгнаніе спокойно и съ достоинствомъ, которые не составляютъ новыхъ заговоровъ и не пытаются совершать новые перевороты. Государство въ правѣ не только оказывать гостепріимство эмигрантамъ, но даже давать имъ пособія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно обязано принимать извѣстныя предохранительныя мѣры: назначать имъ мѣсто жительства, которое они не имѣютъ права мѣнять безъ позволенія, удерживать ихъ въ случаѣ нужды силою или, наоборотъ, силою высылать, когда они злоупотребляютъ покровительствомъ и компрометируютъ международныя сношенія. Оно и понятно: государство, дающее эмигрантамъ убѣжище, связано также извѣстными отношеніями и къ тому государству, откуда выходятъ эти эмигранты. Оно не можетъ и не

должно дозволять дѣйствовать противъ правительства народа, съ которымъ состоитъ въ дружественныхъ и мирныхъ сношеніяхъ.

Съ вопросомъ о правѣ убѣжища связанъ вопросъ о выдачѣ. Какъ ни пытались, по случаю просьбы Россіи о выдачѣ Гартмана, извратить вопросъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ, но несомнѣнно для наиболѣе компетентныхъ юристовъ, что общее правило не исключаетъ тщательнаго разбора каждаго отдѣльнаго случая. Даже въ Англіи, хотя Allen Bill 1844 года ставитъ эмигрантовъ подъ прямое покровительство государя и запрещаетъ послѣднему высылать ихъ, но законъ 1848 года пояснилъ, что это относится до тѣхъ эмигрантовъ, которые на англійской почвѣ будутъ вести себя честно.

Такимъ образомъ, въ принципѣ нѣтъ поводовъ препятствовать соглашенію правительствъ, которое пресѣкало бы возможность приготовлять заграницею, на нейтральной почвѣ, открыто и безнаказанно преступленія, совершаемыя въ другихъ государствахъ; между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что политическій антагонизмъ и зависть различныхъ государствъ мѣшаютъ исполненію того, что вошло уже, такъ сказать, въ публичное право народовъ.

Едва ли не единственной серьезной попыткой въ послѣднее время добиться отъ другого государства прекращенія завѣдомаго покровительства политическимъ преступникамъ можетъ служить извѣстная блокада Швейцаріи французскими войсками послѣ знаменитой ноты, адресованной швейцарскому федеральному совѣту въ 1836 году герцогомъ Монтебелло. Швейцарское правительство закрыло тогда тайныя общества и выслало массу эмигрантовъ разныхъ націй. Затѣмъ рядъ попытокъ остался тщетнымъ. Извѣстна участь предложеній Жюль Фавра послѣ коммуны и князя Бисмарка послѣ покушеній на жизнь императора Вильгельма—принять какой либо общій образъ дѣйствій противъ анархистовъ.

Несмотря на эти неудачи, новыя и настойчивыя попытки совершать политическія убійства въ Россіи, Ирландіи, Италіи, Германіи, Испаніи, во Франціи и др. мѣстахъ, въ то время, когда никакихъ революцій или гражданскихъ переворотовъ въ этихъ странахъ не происходило, переполнило мѣру человѣческаго терпѣнія и на Россію и ея дипломатію пала обязанность озаботиться новымъ приглашеніемъ всѣхъ европейскихъ правительствъ на конференцію, которая обсудила бы два существенно важныхъ вопроса, первый: гдѣ кончается политическое преступленіе и начинается преступленіе противъ общаго права, и второй—особенно важный въ случаѣ, если первый вопросъ и связанный съ нимъ вопросъ о выдачѣ будетъ признанъ неразрѣшимымъ — какими мѣрами каждое государство гарантируетъ честное отношеніе къ другому государству, не дозволяя врагамъ послѣдняго подготовлять quasi-политическія преступленія? Къ сожалѣнію, попытка, сдѣланная Россіей въ

этомъ смыслѣ, благодаря противодѣйствію Англіи, никакого успѣха не имѣла.

Кромѣ инициіативы въ созывѣ конференціи противъ анархистовъ наша дипломатія должна была принять мѣры для переговоровъ съ отдѣльными правительствами о выполненіи ими своихъ международныхъ обязанностей.

Въ особенности Швейцарія провинилась на этотъ счетъ и заслуживала вниманія. Достоинство Россіи обязывало, чтобы эта республика не относилась такъ легко къ своимъ полицейскимъ обязанностямъ. Мы не можемъ, какъ Франція, блокировать швейцарскія границы, но у насъ имѣлось не мало средствъ заставить Швейцарію выслать скопившихся въ ней анархистовъ въ такія государства, гдѣ правительства болѣе сильны и внимательны, а главное, болѣе заинтересованы въ недопущеніи анархическихъ элементовъ. Если Швейцарія не захотѣла бы принимать никакихъ серьезныхъ мѣръ для прекращенія публичныхъ приготовленій къ убійствамъ, то для Россіи оставалась грустная необходимость прервать съ нею дипломатическія сношенія, не выдавать паспортовъ русскимъ подданнымъ въ Швейцарію, воспретить въѣздъ и пребываніе швейцарскихъ подданныхъ въ Россіи (а таковыхъ тысячи) и обложить двойною противъ тарифа таможенною пошлиною всѣ швейцарскія произведенія. Въ случаѣ же, если и это не помогло бы, то намъ ничего не оставалось бы, какъ заключить конфиденціальный договоръ, развязывающій въ будущемъ руки Германіи, если бы она, преслѣдуя свою традиціонную политику, пожелала анексировать кое-какіе куски швейцарской территоріи. Само собою разумѣется, что не одна Швейцарія должна нести отвѣтственность за свою преступную поблажку убійцамъ. Если наши дипломаты оглянутся хорошенько, то найдутъ не мало средствъ заставить и другія государства исполнять болѣе внимательно ихъ международныя обязанности*).

Нашей дипломатіи не пришлось, однако, утруждать себя переговорами; вразумить Швейцарію взяла на себя въ 1889 г. Германія по извѣстному дѣлу полицейскаго агента Вольгемута, арестованнаго и высланнаго изъ Швейцаріи по подозрѣнію, что онъ наблюдаетъ за проживающими тамъ анархистами и соціалистами. Германское правительство послало швейцарскому рядъ рѣзкихъ нотъ и въ одной заявило даже, что не только можетъ отказаться отъ охраненія нейтралитета Швейцаріи, такъ какъ Германія въ настоящемъ

*) Замѣчательно, что убѣжищемъ для политическихъ дѣятелей и писателей Швейцарія сдѣлалась какъ бы съ благословенія Россіи. Эрцъ-герцогъ Іоаннъ австрійскій, бывшій потомъ въ 1848 г. регентомъ Германской имперіи, говорилъ въ 1815 г. императору Александру I по поводу нейтрализаціи Швейцаріи: «Развѣ не нужно, чтобы было такое мѣсто, гдѣ честные люди, подвергающіеся преслѣдованію, гдѣ угнетенная мысль, находили бы убѣжище», на что государь, взявъ эрцъ-герцога за руки, съ чувствомъ произнесъ: «Какъ мнѣ пріятно слышать васъ разсуждающимъ такимъ образомъ».

своемъ видѣ въ парижскомъ трактатѣ 1815 г. не участвовала, но и вообще не станетъ признавать этого нейтралитета, если пойдетъ рѣчь о наказаніи Швейцаріи за нарушеніе международнаго права. Этотъ взглядъ противорѣчитъ общепринятому, что вѣчная (perpetuelle) нейтрализація есть договоръ, отъ котораго можно отказаться съ согласія всѣхъ обязавшихся сторонъ. Поэтому и сама Германія на немъ не настаивала, но такъ какъ протесты ея противъ свободы, предоставленной въ Швейцаріи анархистамъ, поддержали Австро-Венгрія и Россія, то Швейцарія приняла нѣкоторыя мѣры для обузданія послѣднихъ, между прочимъ по постановленію федеральнаго совѣта былъ изгнанъ князь Крапоткинъ. Постановленіе это не лишено извѣстной важности съ международной точки зрѣнія, такъ какъ въ немъ прямо ставились въ вину князю Крапоткину не только его революціонная дѣятельность на швейцарской почвѣ, но и участіе въ лондонскомъ соціалистическомъ конгрессѣ. Подобное строгое отношеніе къ революціонной пропагандѣ особенно знаменательно, если сопоставить его съ мнѣніемъ о возможной выдачѣ Гартмана, высказаннымъ съ американскою откровенностью товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ.

Республики, такимъ образомъ, какъ бы опережали въ вопросѣ объ ограниченіи права убѣжища монархическія правительства. Здѣсь не нужно видѣть какого либо новаго факта международнаго права въ смыслѣ его научной разработки. Дѣло объясняется проще. Анархисты въ своей безпощадной войнѣ съ современнымъ обществомъ не щадятъ представителей правительства, къ какому бы они оттѣнку мнѣній ни принадлежали. Печальная участь генерала Гарфильда и Карно показала, что и высшіе сановники республикъ нисколько не обезпечены противъ покушеній безумцевъ. А это, очевидно, заставило призадуматься мирныхъ буржуа, стоящихъ во главѣ швейцарскаго и американскихъ правительствъ.

XII. ИСПАНІЯ.

Революціонная эра въ Испачія далеко не закончена. Пиринейскій полуостровъ оставался слишкомъ долго неподвижно-спокойнымъ зрителемъ движенія, начавшагося въ Европѣ реформаціей, религіозными войнами и заключившагося революціями. Неудивительно, что Испанія, принужденная теперь передѣлать у себя работу четырехъ вѣковъ, не можетъ такъ скоро выработать окончательно вполнѣ устойчивое политическое устройство.

Въ 1868 году Испанія произвела у себя революцію въ совершенно французскомъ вкусѣ: династія была изгнана, составъ министерства измѣненъ, кое-что передѣлано въ конституціонной хартіи; но всѣ административныя злоупотребленія, централизація, безчест-

ное отношеніе къ податнымъ деньгамъ, невольничество въ колоніяхъ и пр. остались нетронутыми, и тѣ $^{9}/_{10}$ испанцевъ, которые индифферентны къ чисто-политическимъ вопросамъ, находились въ недоумѣніи, какой смыслъ имѣлъ переворотъ и что выиграла страна отъ проявленія державной власти народа.

Для посторонняго безпристрастнаго наблюдателя поведеніе испанскихъ учредительныхъ кортесовъ представлялось какъ нельзя болѣе естественнымъ. Послѣ всякаго переворота страсти до такой степени разыгрываются, а государство, точно выдержавшее опасную хирургическую операцію, такъ возбуждено, что правительство,—все равно монархическое ли или республиканское—невольно дѣлается консервативнымъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время. Торопиться въ одну-двѣ сессіи палаты перемѣнить весь строй сложившейся годами государственной жизни, истребить всѣ злоупотребленія и исправить всѣ недостатки—значило построить карточное зданіе, которое при всей красотѣ снаружи разлетѣлось бы отъ перваго столкновенія съ непривлекательною дѣйствительностью.

Преобразователемъ этого осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ порядка явилось радикальное министерство Зорильи. Названіе «радикаловъ» не имѣло вовсе въ этомъ случаѣ общеевропейскаго значенія, потому что радикальная партія въ Испаніи состояла изъ образованныхъ представителей буржуазіи и администраціи, пользовалась сочувствіемъ столичнаго общества и не шла далѣе умѣреннаго либерализма. Подобные люди не годились для широкихъ политическихъ и соціальныхъ реформъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пустыхъ препирательствъ маршалъ Примъ призвалъ на престолъ итальянскаго принца Амедея. Избранный только слабымъ большинствомъ голосовъ въ кортесахъ и непопулярный въ странѣ, какъ иностранецъ, молодой король съ самаго пріѣзда понялъ трудность своего положенія. Онъ нашелъ испанскія партіи организованными въ нѣсколько монархическихъ, антидинастическихъ и республиканскихъ фракцій, и среди нихъ только нѣкоторую образованную часть либеральной буржуазіи,—которая во всѣхъ странахъ составляетъ такъ называемый центръ, готовую безъ заднихъ мыслей поддерживать новыя учрежденія. Зорилья, Риверо, Мартосъ и др. добросовѣстно отнеслись къ дѣлу водворенія новой династіи на началахъ конституціи, самой либеральной, можно сказать, изъ всѣхъ монархическихъ конституцій въ Европѣ, послѣ норвежской. Но лица эти не пользовались достаточнымъ авторитетомъ въ странѣ. Видя слабое вліяніе министерства на страну, король думалъ, что возвращеніе къ партіи болѣе консервативной, не измѣняя общаго положенія дѣлъ, упрочитъ его положеніе. Съ этой цѣлью онъ уволилъ Зорилью и пригласилъ къ управленію партію праваго центра, руководимую Сагастой, Серрано и Топете; но попытка была крайне неудачна, сагастисты, пользуясь не бо̀льшимъ вліяніемъ въ странѣ,

чѣмъ радикалы, имѣли противъ себя весьма небезукоризненное прошлое.

Коалиція оппозиціонныхъ партій оживила надежды карлистской партіи и вызвала серьезное возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ. Республиканцы, поощряемые сосѣдствомъ французской республики, неустанно подрывали монархію, консерваторы отшатнулись отъ правительства, рѣшившагося уничтожить выгодное для нихъ невольничество въ колоніяхъ; къ этому присоединилось еще хроническое возстаніе въ Кубѣ, финансовыя затрудненія, безпорядки въ администраціи, противодѣйствіе духовенства и пр., и пр. Не предвидя исхода изъ этой путаницы и зная холодность населенія, переходившую даже въ насильственныя покушенія, молодой король призналъ наиболѣе благоразумнымъ исполнить мысль, которая не оставляла его, говорятъ, съ самаго вступленія на испанскую почву—сложить корону, предоставивъ испанцамъ самимъ позаботиться объ улучшеніи своего положенія. Катастрофа 1867 г. въ Кверетаро послужила также королю Амедею урокомъ, показавъ, какъ чувствительны испанцы въ дѣлѣ своей самостоятельности.

Когда король Амедей сложилъ съ себя корону, всѣ высказали сомнѣніе, чтобъ республиканская форма установилась въ Испаніи безъ всякихъ потрясеній. Грустный опытъ испанскихъ республикъ въ Америкѣ предвѣщалъ смуты. Республиканская форма существуетъ уже въ 14-ти государствахъ, населенныхъ испанцами, но только въ Чили и отчасти въ Венецуэлѣ республиканскія формы привились прочно. Вопросъ возникалъ и о томъ, какая республика была возможна въ Испаніи. Унитарная республика нигдѣ не приносила пока полезныхъ результатовъ и неизмѣнно оканчивалась диктатурой и торжествомъ солдатчины. Федеративная же республика въ странѣ старой и насильно объединяемой пятьсотъ лѣтъ, не могло быть устроена въ два часа, безъ тщательнаго изученія потребностей каждой отдѣльной мѣстности. Притомъ собраніе кортесовъ едва ли могло присвоивать себѣ учредительную власть. Оно было выбрано не безъ административнаго вліянія со стороны министерства чисто монархическаго; республиканцевъ de l'avant-veille въ немъ было мало. Къ лицамъ же, переходящимъ изъ одного лагеря въ другой подъ вліяніемъ минуты, слѣдуетъ всегда относиться очень осторожно, потому что люди эти потомъ такъ же легко переходятъ въ противоположный лагерь и не задумываются надъ разрушеніемъ своего собственнаго созданія. Вѣковой деспотизмъ смѣнился въ Испаніи, въ 30-хъ годахъ этого столѣтія, междоусобной войной, которая стала хроническою, и эти два элемента не могли воспитать въ испанскомъ народѣ уваженія къ законности и политическаго такта, безъ которыхъ свободныя учрежденія остаются на бумагѣ и разлетаются какъ пухъ, при серьезномъ давленіи обстоятельствъ.

Сомнѣнія очень скоро оправдались. Хотя кортесы, оставшіеся державными, были избраны подъ вліяніемъ радикальной партіи, но временное правительство было составлено изъ республиканскихъ депутатовъ, которые въ палатѣ были въ меньшинствѣ, а въ странѣ располагали также не очень значительными силами. Правительство это, гдѣ преобладалъ Фигверасъ, распустило кортесы, и, вмѣсто того, чтобъ по возможности держаться законности и успокоить враждебныя респуликѣ партіи, силою разогнало постоянную комиссію кортесовъ.

Это насиліе не осталось безнаказаннымъ. Опытъ убѣждаетъ, что изъ нарушенія правъ законодательныхъ собраній ничего полезнаго никогда не выходило. Долгій парламентъ и нѣкоторыя собранія французскихъ республикъ служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Coup d'Etat, даже не стоющій ни капли крови, разрушая въ сознаніи народномъ чувство законности, разнуздываетъ такія страсти, для успокоенія которыхъ требуется много времени. На выборы въ учредительные кортесы явилось самое ничтожное число избирателей, притомъ наименѣе образованныхъ. Депутаты, избранные при этихъ условіяхъ, естественно не могли пользоваться нравственнымъ и политическимъ авторитетомъ. Съ первыхъ же засѣданій начался рядъ пререканій и раздоровъ, конституція была забыта, и готовилась вспыхнуть междоусобная война. При полной политической неумѣлости новые кортесы вручили власть Пи-и-Маргалю, который изъ всѣхъ членовъ временнаго правительства выказалъ наименѣе характера и наиболѣе доктринерства. При немъ страна стала распадаться и организовалось обширное кантональное возстаніе. Въ то время, когда кантоналисты, не имѣя ни опредѣленной задачи, ни сочувствія къ массѣ населенія, захватывали крѣпости и броненосныя суда и разоряли населеніе богатѣйшихъ городовъ Испаніи, Пи-и-Маргаль проповѣдывалъ, что возлагаетъ всю надежду на одни «моральныя средства» къ спасенію.

Ожиданіе полной анархіи вызвало естественную реакцію; даже въ неудовлетворительномъ составѣ учредительныхъ кортесовъ оно понудило многихъ подумать о необходимости обширной партіи толковыхъ приверженцевъ республики. Руководителемъ и душою этой партіи сталъ Кастеляръ, здравый смыслъ котораго заставилъ его сразу изъ крайнихъ перейти на правую сторону палаты и организовать ея силы. Знаменитый ораторъ сознавалъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ даже простого общаго лада, нельзя ограничиться одною проповѣдью крайнихъ философскихъ и политическихъ теорій.

Партія Кастеляра отняла власть у Пи-и-Маргаля и вручила ее Сальмерону, который оказалъ большія услуги странѣ, сконцентрировавъ кантональное возстаніе въ одной Картагенѣ, возстановивъ дисциплину и протянувъ руку зажиточнымъ классамъ общества, испуганнымъ анархіей и готовымъ эмигрировать. Но Ка-

стеляръ недолго игралъ второстепенную роль тамъ, гдѣ въ сущности онъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Эффектный, но непрактическій отказъ Сальмерона подписывать смертные приговоры въ странѣ, гдѣ de facto и безъ того кровь лилась рѣкой, заставилъ кортесы передать исполнительную власть Кастеляру. Ему была вручена диктатура, которою онъ пользовался три мѣсяца очень умѣренно и не безъ искусства. Онъ приготовилъ паденіе Картагены; съ пустымъ казначействомъ онъ управлялъ страною, организовалъ кое-какую армію, и сколько могъ задерживалъ карлистское возстаніе, на преодолѣніе котораго у него не было ни денегъ, ни солдатъ. Диктатура открыла глаза Кастеляру. Онъ окончательно пришелъ къ убѣжденію, что конституціонные проекты необходимо отложить впредь до успокоенія страны. Къ несчастію, какъ человѣкъ новый, безъ большихъ связей во вліятельныхъ кружкахъ общества, онъ не могъ создать сильную партію и поневолѣ въ своихъ консервативныхъ стремленіяхъ опирался на партію Серрано, Сагасты и другихъ, которые произвели революцію 1868 года. Партія эта не пользовалась большимъ почетомъ у республиканцевъ, и потому Сальмеронъ, поставивъ еще разъ принципы выше интересовъ государства, помогъ Пи-и-Маргалю и непримиримымъ свергнуть Кастеляра. Этимъ сверженіемъ кортесы подписали себѣ смертный приговоръ.

У Кастеляра не хватило духа, произнеся въ два часа дня громкія слова, что «вѣкъ пронунціаменто навсегда законченъ», въ шесть часовъ утра стать во главѣ новаго пронунціаменто; но у союзниковъ его, воспитанныхъ въ другихъ правилахъ, мысль о насильственномъ разогнаніи кортесовъ давно созрѣла и была исполнена безъ малѣйшаго колебанія. Душа переворота, генералъ Павіа, судя по его, быть можетъ и притворному, безкорыстію, не преслѣдовалъ личныхъ цѣлей; онъ сдѣлался орудіемъ умѣренной партіи, которая страшилась повторенія анархіи. Насиліе, сдѣланное Павіей, одобрили вліятельныя сферы публики. Кастеляръ протестовалъ, но это не помѣшало новому правительству печатно расточать бывшему диктатору комплименты. Какъ знать? Быть можетъ горькій опытъ убѣдилъ честнаго Кастеляра, что рано или поздно дѣло должно было кончиться такимъ образомъ.

Диктаторомъ сталъ Серрано, никакой программой не задавшійся, а разсуждавшій только о томъ, какую изъ трехъ ролей выгоднѣе съиграть ему: Бонапарта, Монка или Макъ-Магона. Его положеніе не внушало увѣренности въ будущемъ, и испанскія либеральныя газеты, несмотря на строгость цензурныхъ условій, не стѣснялись высказывать, что республика, такъ или иначе, но непремѣнно погибнетъ въ рукахъ Серрано, что и случилось, когда 30-го декаяря 1878 г. генералъ Мартинецъ-Кампосъ возстановилъ бурбонскую династію въ лицѣ семнадцатилѣтняго Альфонса XII. Государство, гдѣ горсть солдатъ и честолюбивыхъ генераловъ со-

здаютъ по произволу ту или другую форму правленія, несомнѣнно, дошло до послѣдней степени упадка и развращенія, и, конечно, не риторическое краснорѣчіе «первыхъ ораторовъ въ свѣтѣ» подыметъ его.

Послѣ fiasco, испытаннаго въ Испаніи республикой, сулившей золотыя горы, а на дѣлѣ приведшей страну къ распаденію и полной анархіи, возстановленіе конституціонной монархіи было встрѣчено большинствомъ испанскаго народа какъ начало эпохи успокоенія. Король Альфонсъ, несмотря на свои юные годы, съумѣлъ довольно твердо взять въ руки бразды правленія. А это дѣло не легкое въ странѣ, которая въ полномъ смыслѣ раздиралась партіями и къ которой примѣнены совершенно чуждые ея исторіи и народному духу порядки.

Удерживая почти все время во главѣ управленія консервативное министерство съ Кановасъ-дель-Кастильо—своимъ бывшимъ учителемъ—во главѣ, королю Альфонсу удалось усмирить окончательно карлистское и кубанское возстанія, сблизиться съ Португаліей и, войдя въ тѣсныя отношенія съ Германіей, стать въ положеніе, независимое отъ Франціи — государства, которое, по своему географическому положенію можетъ влiять на внутреннія испанскія дѣла. Періодъ относительнаго спокойствія подѣйствовалъ благопріятно на Испанію и въ другихъ отношеніяхъ: несчастные испанскіе финансы начали улучшаться, а въ торговой политикѣ Испаніи удалось отказаться отъ невыгодныхъ для нея торговыхъ трактатовъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ значительно подвинулась впередъ.

Во всякомъ случаѣ это было только начало и Испаніи еще надо бы было очень много усилій и труда, чтобы упрочить свое положеніе и занять подобающее мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ. Смерть короля Альфонса рисковала остановить нормальный ходъ дѣлъ и снова ввергнуть Испанію въ періодъ смутъ и революцій, обыкновенно являющихся тамъ, гдѣ власть находится въ рукахъ регентства и гдѣ династія не встрѣчаетъ единодушной поддержки во всей массѣ населенія. Къ счастью для Испаніи, въ регентшѣ Маріи-Кристинѣ она нашла замѣчательную женщину. Отъ своего дѣда, знаменитаго полководца-побѣдителя при Асплернѣ эрцъ-герцога Карла, она унаслѣдовала стойкость и отвагу, необходимую для управленія испанцами, а по мужскому складу ума и дѣловитости она напоминаетъ свою прабабушку, императрицу Марію-Терезію, отличаясь отъ послѣдней только веселымъ характеромъ.

Королева-регентша изучаетъ все въ подробности, читаетъ много и буквально удивляетъ министровъ своими спеціальными по всѣмъ предметамъ познаніями. Она заявила также желаніе исполнять строго свои конституціонныя обязанности. Къ сожалѣнію, въ Испаніи послѣднее не такъ-то легко. Испанцы, точно дѣти, любятъ

перемѣны и не могутъ ни на чемъ долго успокоиться. Они хвалятъ королеву за желаніе управлять внѣ вліянія придворной камарильи, но перемиріе и тишина, наступившія въ Испаніи и имѣвшія послѣдствіемъ, что единственный разъ парламентъ не былъ распущенъ до срока (сессія 1888—1891 гг.), обязаны случаю и едва ли объ испанцахъ нельзя будетъ и впредь острить, что ихъ конституціонная монархія основана sur la foi de leurs pères et celle de leurs créanciers.

Хотя въ странѣ имѣются двѣ главныхъ партіи—консервативная и либеральная, руководимая весьма замѣчательными государственными людьми—Кановасомъ дель-Кастильо и Сагастой, изъ коихъ первый пользуется особымъ уваженіемъ, а второму нельзя отказать въ изворотливости, но обѣ эти партіи не дисциплинированы. Это скорѣе естественныя въ каждой странѣ два теченія общественнаго мнѣнія, теченія, границы которыхъ мѣняются постоянно; правительственные же кружки распадаются на многочисленныя группы, гдѣ личные интересы рѣшительно преобладаютъ надъ политическими и нравственными соображеніями. Испанія ранѣе Америки узнала не только язву репортажа, но и язву отъ появленія класса «политикановъ». Для массы людей политика здѣсь давно уже стала ремесломъ и какой-либо энергическій человѣкъ, который сто лѣтъ назадъ останавливалъ бы въ ущельяхъ Сьеры Морены дилижансы, теперь не менѣе ловко очищаетъ карманы публики, сдѣлавшись политическимъ авантюристомъ и добившись выбора въ кортесы. Народъ смутно сознаетъ, что его морочатъ, что всѣ реформы обращаются лишь на его эксплоатацію, но онъ безсиленъ сбросить съ себя ярмо, наложенное на него интеллигенціею, да и основы, на которыхъ покоилось вѣковое зданіе испанской монархіи, систематически разбивались съ 1812 года.

Внутренняя политика Испаніи для иностранца, незнакомаго съ тонкостями партійныхъ интригъ, кажется даже не совсѣмъ понятною. Министерство располагаетъ, напримѣръ, въ палатахъ большинствомъ, но это ничего не значитъ, ибо выборы совершенно въ рукахъ правительства и, слѣдовательно, бо̀льшее или меньшее число голосовъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Важно мнѣніе политическихъ вожаковъ и настроеніе общественнаго мнѣнія въ правящемъ классѣ. Если оно рѣшительно противъ, то министерство увольняютъ безъ церемоніи, а новое выбираетъ какую ему угодно палату. Такимъ образомъ, парламентскій механизмъ въ Испаніи—одна комедія; управляетъ кружокъ политикановъ. Я не говорю уже о личныхъ сношеніяхъ. Здѣсь всѣ ссорятся и спорятъ о политикѣ публично, но это не мѣшаетъ дружбѣ и нерѣдко за однимъ столомъ встрѣчаешь какъ пріятелей людей, сидящихъ на крайнихъ концахъ палаты и готовыхъ тамъ, кажется, растерзать другъ друга.

Несмотря на обезпеченное большинство, министерства скоро оказываются безсильными. Они потому и ослабѣваютъ, что имѣютъ

въ кортесахъ такое большинство, которое показывало, что оппозиція не попала въ палату, а осталась внѣ ея, т. е. въ странѣ. Въ тѣхъ же конституціонныхъ государствахъ, гдѣ оппозиція лишена легальнаго средства представлять свои интересы, она прибѣгаетъ къ революціонному пути. Оттого-то въ Англіи правительство такъ и прочно, что оппозиція давно организована тамъ въ партію, почти не уступающую въ силѣ правительственной партіи, и оппозиція знаетъ, что вопросъ о проведеніи ея идей есть только вопросъ времени.

Вслѣдствіе подтасовки выборовъ, карлисты имѣютъ въ сенатѣ и въ кортесахъ лишь по одному представителю, хотя цѣлыхъ три провинціи, часть духовенства и много помѣщиковъ въ остальныхъ остаются преданными Донъ-Карлосу. Республиканцы также послѣ позорнаго опыта 1874 — 1876 гг. малочисленны. Республиканцы сильно разсчитываютъ въ будущемъ на всеобщую подачу голосовъ, но люди, весьма близко знакомые съ политическими вопросами Испаніи, увѣряютъ, что при расширеніи права голосованія надобно ожидать прямо противоположнаго, а именно усиленія консервативной партіи, такъ какъ въ сельскомъ, наиболѣе многочисленномъ населеніи вліяніе духовенства и помѣщиковъ еще очень сильно, и крестьяне ненавидятъ буржуазію, скупившую по дешевой цѣнѣ большую часть монастырскихъ земель, а въ кортесахъ направляющую политику въ томъ смыслѣ, чтобы тяжесть налоговъ главнымъ образомъ падала на земледѣліе. Это и было причиною появленія въ Андалузіи тайнаго общества «Черной руки», напугавшаго своею соціалистическою программою.

Соціалистическое движеніе среди сельскаго населенія Испаніи нельзя объяснить себѣ, не ознакомившись ближе съ положеніемъ тамъ поземельной собственности. Въ сѣверной части Испаніи, наиболѣе плотно населенной, и особенно въ Пиренейскихъ горахъ, начиная съ восточной части Каталоніи и оканчивая западной частью Галисіи, поземельная собственность очень раздроблена: можно даже сказать, что въ Галисіи дробленіе это достигло гомеопатическихъ размѣровъ. Трудолюбіе и бережливость, доходящая часто до скупости, свойственны этому населенію и дѣлаютъ то, что въ сѣверной части Испаніи уваженіе къ личной собственности очень велико и коммунистическая пропаганда не имѣетъ никакого успѣха. Вслѣдствіе культуры, населеніе, чтобъ быть ближе къ своимъ полямъ, разсѣяно тутъ мелкими поселеніями и отдѣльными хуторами.

Совершенно иначе, нежели въ сѣверной Испаніи, организована поземельная собственность въ Андалузіи и Эстрамадурѣ; тамъ изгнаніе мавровъ оставило слѣды, которые не изгладятся еще цѣлыя столѣтія. Побѣда надъ маврами была вознаграждена раздачею обширныхъ земель дворянству, сопровождавшему королей въ ихъ походахъ или воевавшему на свой собственный счетъ. Половина способной къ воздѣлыванію земли принадлежала тутъ

прежде къ заповѣднымъ имуществамъ; оттого населеніе по необходимости сосредоточилось въ трехъ или четырехъ большихъ городахъ и въ нѣсколькихъ людныхъ селеніяхъ; путешественникъ же проѣзжаетъ десятки верстъ совершенной пустыни, прежде чѣмъ встрѣтитъ какую-нибудь уединенную хижину. Въ странѣ нѣтъ никого, кромѣ крупныхъ помѣщиковъ и безземельныхъ рабочихъ. Эти-то рабочіе, трудящіеся круглый годъ подъ палящимъ солнцемъ Андалузіи, и требуютъ теперь раздѣла обширныхъ невоздѣланныхъ земель, забывая, что вѣковая давность узаконила право нынѣшнихъ владѣльцевъ. Короче, испанскій крестьянинъ желаетъ быть «собственникомъ» путемъ грубаго захвата. Аграрное движеніе въ Испаніи, впрочемъ, не новость; признаки экономической революціи на югѣ Испаніи замѣчались давно. При министерствѣ Нарваэса возстаніе съ этою цѣлью было сдѣлано въ Аватралѣ, при маршалѣ О'Доннелѣ—въ Лохѣ. Переворотъ 1868 года оживилъ надежды испанскихъ крестьянъ; съ тѣхъ поръ надобно было ожидать новаго возстанія: оно и случилось.

Уничтоженіе заповѣдной собственности и майоратовъ должно принести современемъ свои плоды и раздробить въ Испаніи поземельную собственность, которая законнымъ путемъ перейдетъ тогда во многія руки. Тому же способствуетъ поземельный налогъ, введенный въ Испаніи по образцу французскаго. Но желанія сельскаго населенія опережаютъ благодѣтельное вліяніе изданныхъ законовъ. Это стремленіе къ землѣ произвело въ рукахъ пролетаріевъ довольно странную путаницу понятій. Желая владѣть землей, они всячески между тѣмъ препятствуютъ распродажѣ государственныхъ и общинныхъ земель отдѣльными участками. По мнѣнію испанскихъ крестьянъ, общественныя земли должны отдаваться исключительно имъ за небольшую арендную плату. Правительство пробовало эту систему, но безъ успѣха. Пролетаріи, не имѣя запаса сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, спѣшили продавать за стаканъ вина земли, которыя имъ ничего не стоили. Такимъ образомъ лица, которыя могли бы заплатить государству за тѣ же земли значительныя деньги, при посредствѣ крестьянъ пріобрѣтали ихъ за безцѣнокъ. Дешевизна эта привлекала людей безъ трудолюбія, знанія и капитала, и земля оставалась все-таки необработанною.

Сколько разъ въ Испаніи ни мѣнялись правительства, сколько разъ ни передѣлывалась конституція—злоупотребленія остаются неизмѣнными. Зло, очевидно, лежитъ въ ложной организаціи и заимствованной изъ Франціи централизованной администраціи, которая процвѣтаетъ, несмотря на всѣ перевороты, и считаетъ себя чѣмъ-то независимымъ отъ страны. «Франція есть страна, завоеванная своими чиновниками»—фраза еще болѣе справедливая для Испаніи. Идея Кастеляра объ организаціи въ Испаніи федеральнаго государства въ томъ и состояла, чтобъ дать обще-

ству самодѣятельность и необходимое самоуправленіе. Безъ такой реформы Испанія будетъ всегда вращаться въ ложномъ кругу.

Страна попрежнему пребываетъ въ періодѣ, который одинъ испанскій писатель хорошо охарактеризовалъ словами: «въ моемъ несчастномъ отечествѣ никто не желаетъ повиноваться и никто не умѣетъ повелѣвать». Анархія господствуетъ даже въ арміи, т. е. въ такомъ учрежденіи, которое въ остальной Европѣ считается по своей строгой дисциплинѣ опорою порядка, и эра преторіанскихъ революцій не миновала. «Я убѣжденъ, говорилъ мнѣ съ грустью одинъ депутатъ, весьма преданный правительству и назначенный губернаторомъ въ одну изъ важнѣйшихъ провинцій, что стоитъ согласиться пяти генераламъ, чтобы опрокинуть у насъ въ Испаніи какое угодно правительство»...

Насколько недовѣрчиво испанское общество къ правительству, показываетъ случай съ подпискою въ пользу раненыхъ въ карлистской войнѣ. Подписка на этотъ предметъ, предложенная газетами, шла очень успѣшно до тѣхъ поръ, пока правительство, для облегченія пересылки денегъ, не предложило передавать деньги въ казначейства. Это распоряженіе сразу прекратило подписку, потому что испанская публика убѣждена, что всѣ деньги, собранныя такимъ образомъ, будутъ украдены чиновниками.

Очень трудно, конечно, судить о положеніи страны столь своеобразной и относительно мало изученной, особенно въ ея соціальныхъ отношеніяхъ, какъ Испанія, но и изъ фактовъ общеизвѣстныхъ, а равно изъ ея политической практики за послѣднее двадцати-и даже пятидесятилѣтіе можно сдѣлать нѣсколько, повидимому, безошибочныхъ заключеній о томъ пути, внѣ котораго Испанія будетъ постоянно вращаться въ безъисходномъ кругу военно-революціонныхъ и анархическихъ движеній.

Прежде всего нужно полагать, что конституція и административный режимъ, существующіе въ Испаніи, къ ней вовсе не подходятъ. Для парламентскаго управленія при помощи средняго сословія въ Испаніи нѣтъ достаточно элементовъ и это управленіе не удовлетворяетъ потребностямъ народной массы. Централизація также вовсе не свойственна странѣ, гдѣ одновременно, какъ, напримѣръ, въ 1873 году, однѣ провинціи проливали кровь за абсолютную монархію, а другія съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали соціально-демократическую республику.

По географическому положенію Испаніи, по характеру ея исторіи и свойству жителей, ей нужна не буржуазная конституція съ узенькою, эгоистическою плутократическою политикою и водевильною борьбою парламентскихъ фракцій, а очень сильная центральная власть, пользующаяся уваженіемъ въ народѣ, съ широкимъ самоуправленіемъ провинцій. И до сихъ поръ въ Испаніи сохранились крѣпкіе остатки муниципальныхъ городскихъ и сельскихъ учрежденій, которыя спасли Испанію противъ владычества

Наполеона, и теперь еще составляютъ единственный противовѣсъ противъ чиновничьяго деспотизма. Для страны съ такимъ разнороднымъ составомъ населенія, которое только силою инквизиціи удалось привести къ одному знаменателю и сплотить въ нѣчто цѣлое, необходима полная децентрализація.

Послѣ реформы конституціи необходима реформа арміи. Большая армія — зло для Испаніи. Конечно, государство, гдѣ такъ плохо охраняется право собственности, нуждается въ военной силѣ, но сила эта должна быть организована какъ-нибудь иначе, напримѣръ, въ видѣ жандармеріи, милиціи и т. п., но не въ видѣ тѣхъ преторіанскихъ когортъ, которыя по первому сигналу своихъ вѣчно недовольныхъ карьерою генераловъ дѣлаютъ разныя «пронунціаменто» на городскихъ площадяхъ. Слишкомъ стотысячную армію Испанія содержитъ, главнымъ образомъ, противъ Франціи, но, не говоря уже о томъ, что послѣдняя едва ли подумаетъ когда-либо серьезно о войнѣ съ Испаніей, эта страна въ состояніи защищаться противъ могущественнаго сосѣда одною системою удачныхъ союзовъ. Комбинируя ихъ дѣйствіе, Испанія могла бы сократить свою постоянную армію на половину.

Но и эта половина опасна, если Испанія будетъ продолжать прежнюю вялую внѣшнюю политику и такъ мало развивать предпріимчивость своей торговли. Характеръ испанскій не имѣетъ настойчивости, но въ немъ много энергіи и отваги; колоніи и европейскія войны XVII и XVIII столѣтія давали исходъ этимъ качествамъ испанцевъ и Испанія была спокойна внутри, несмотря на невыносимо скверное управленіе. Теперь она представляетъ паровикъ, закрытый со всѣхъ сторонъ, въ которомъ паръ, находящійся подъ сильнымъ давленіемъ, ищетъ исхода. Испанское правительство должно открыть клапаны. Оно должно найти пищу народной энергіи. Эксплуатація сосѣдняго Марокко, хорошая колоніальная политика, возстановленіе торговыхъ связей съ Южной Америкой и Мексикой—вотъ то поприще, гдѣ могли бы найти себѣ съ пользою для страны занятіе тѣ герои, которые безславно растрачиваютъ энергію на улицахъ Барселоны или Бадахоса.

Къ сожалѣнію, Испанія не находитъ поддержки для такой политики въ другихъ странахъ. Несмотря на расточаемыя въ изобиліи на разныхъ международныхъ торжествахъ фразы о единеніи и братствѣ народовъ, до сихъ поръ еще основаніемъ международныхъ отношеній служатъ лицемѣріе и самый мелкій эгоизмъ. Сколько лѣтъ терзается Испанія въ мукахъ самой постыдной междоусобной войны, какъ сильно ни страдаютъ и культурные, и экономическіе интересы Европы и Америки отъ того, что одно изъ крупныхъ государствъ находится безпрерывно въ состояніи анархіи—никто, однако, не безпокоится и не хлопочетъ серьезно о томъ, чтобы положить конецъ такому положенію. Дизраэли, напримѣръ, выразилъ притворное участіе къ судьбѣ «благороднаго народа»,

хотя ему стоило пошевелить пальцемъ, чтобы прекратить снабженіе карлистовъ англійскимъ оружіемъ и сдѣлать тѣмъ для «благороднаго» народа въ десять разъ болѣе, чѣмъ всѣми краснорѣчивыми сожалѣніями, высказываемыми въ стѣнахъ парламента. Еще хуже поступала Франція. Не разъ уже унижала и разоряла она Испанію, хотя послѣдняя, по своему географическому положенію и другимъ условіямъ, должна бы быть ея лучшимъ союзникомъ.

Правительство Макъ-Магона не могло быть оправдано тѣмъ, что являлось слѣпымъ орудіемъ народныхъ страстей; оказывая тайную помощь карлистамъ, правительство его старалось угодить только небольшой части монархической партіи, выше всего ставящей узкіе клерикальные интересы. Въ томъ же, что карлистское возстаніе держалось преимущественно послабленіемъ пограничныхъ французскихъ властей, не могло быть сомнѣнія, какъ бы ни доказывали противное оффиціальныя слѣдствія, производимыя французскими чиновниками. Баскское населеніе, хотя и очень энергично, но, воюя непрерывно почти три года въ предѣлахъ своей ограниченной гористой территоріи, бросивъ промышленность и не имѣя возможности торговать, скоро должно было прійти въ такое разоренное положеніе, что правильная война, требующая значительныхъ матеріальныхъ средствъ, сдѣлалась бы для него невозможною. Только помощь извнѣ и поддерживала очагъ возстанія; помощь эта не могла, между тѣмъ, приходить иначе, какъ черезъ французскую границу, потому что Бискайскій заливъ, хотя и не вполнѣ, но всетаки въ извѣстной мѣрѣ блокировался испанскимъ флотомъ. По собственному опыту мы знаемъ цѣну пограничныхъ поблажекъ. Стоитъ только припомнить, какъ строгій надзоръ со стороны австрійцевъ по галицийской границѣ прекратилъ возстаніе 1863 года гораздо скорѣе, чѣмъ сдѣлали это военныя дѣйствія. Такую же двуличную роль играли Соединенные Штаты въ оба кубанскія возстанія, не обращая никакого вниманія на незаконность иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государства совершенно самостоятельнаго.

Когда карлистская война затянулась, то даже либеральныя газеты находили, что европейскія государства имѣютъ право вмѣшаться въ это дѣло, забывая, что карлизмъ есть только одна изъ многочисленныхъ политическихъ партій въ Испаніи; слѣдовательно, возставая противъ него, иностранныя государства не ограничиваются умиротвореніемъ извѣстной территоріи, но какъ бы вступаютъ въ борьбу съ извѣстными слоями испанскаго общества, болѣе или менѣе разсѣянными во всемъ государствѣ. Такое предположеніе, по мнѣнію защитниковъ вмѣшательства, далеко не оправдывается фактами. Безъ сомнѣнія, въ Испаніи существуетъ извѣстная реакціонная партія, которая не прочь помочь возстановленію донъ-Карлоса, въ надеждѣ увидѣть приэтомъ и возстановленіе всякихъ несправедливостей добраго стараго времени; но

партія эта не имѣетъ большихъ корней въ народѣ и ограничивается преимущественно платоническимъ сочувствіемъ. Карлизмъ охватываетъ всю народную массу только въ трехъ сѣверныхъ провинціяхъ, которыя, отстаивая свое мѣстное, почти республиканское самоуправленіе (fueros), желаютъ силою навязать деспотическаго короля остальной, большей части Испаніи. Вотъ противъ этого-то безумнаго притязанія извѣстной части своей территоріи и должно бороться во что бы то ни стало всякое благоразумное испанское правительство. Врагъ является тутъ если не внѣшнимъ, то, во всякомъ случаѣ, какъ бы постороннимъ, такъ какъ сѣверныя провинціи Испаніи, и по языку, и по государственному и административному устройству, не имѣли съ прочей Испаніей почти ничего общаго. Связь обѣихъ частей была скорѣе федеративная; а, признавая эту точку зрѣнія, иностранная помощь мадридскому правительству такъ же могла бы быть оправдана, какъ, напримѣръ, помощь Австріи ганноверскому королю и другимъ нѣмецкимъ государямъ въ войнѣ съ Пруссіей въ 1866 году.

Но кромѣ формальной точки зрѣнія, есть еще и другая, болѣе будто бы возвышенная, и въ данномъ случаѣ болѣе вѣрная. Были, конечно, примѣры самаго прискорбнаго вмѣшательства въ чужія дѣла; но есть немало и такихъ, которыми справедливо гордится исторія. Таково, напримѣръ, вмѣшательство Россіи, Англіи и Франціи въ дѣло независимости Греціи, вмѣшательство Сардиніи въ сицилійское возстаніе 1860 года, что повело къ ускоренію единства Италіи, и т. д. Карлизмъ защищаетъ не только принципъ легитимизма—весьма еще, въ данномъ случаѣ, спорный, потому что салическій законъ былъ въ Испаніи новостью—но и самыя отсталыя и дурныя цѣли, опираясь приэтомъ на испорченные элементы; поэтому борьба съ нимъ является-де заслугою передъ человѣчествомъ и какъ бы обязанностью современнаго общества!

Подобные же софизмы повторяются теперь по поводу возстанія испанскихъ колоній. Одно время романскіе народы первенствовали въ колоніяхъ: но первенство ихъ было призрачное, и потребовалось немного усилій, чтобъ Франція потеряла Индію, Луизіану и Канаду, Испанія—Мексику и среднюю и южную Америку, Португалія—Бразилію. Съ этими потерями пала и такъ называемая колоніальная система ихъ. Только относительно Кубы и Порто-Рико Испанія продолжала слѣдовать прежней системѣ, состоявшей въ томъ, чтобъ держать колоніальное населеніе въ умственномъ и политическомъ рабствѣ, не извлекая для страны отъ колоній никакихъ денежныхъ выгодъ, не содѣйствуя даже развитію своего торговаго флота и промышленности. Она дѣлала изъ колоній только поле эксплоатаціи для голодныхъ чиновниковъ, промотавшихся офицеровъ и безсовѣстныхъ адвокатовъ. Могъ ли какой-либо губернаторъ Кубы заботиться о водвореніи порядка, когда ежегодный доходъ его отъ одного только допущенія привоза черныхъ неволь-

никовъ доходилъ иногда до $2^1/_2$ милл. руб. и каждое министерство старалось покормить у такого нечистаго источника своихъ друзей? Результаты этого порядка лучше всего означились теперь на Кубѣ, гдѣ, для поддержанія хотя какого-нибудь порядка, разстрѣливаютъ почти безъ суда десятки молодыхъ людей за самыя невинныя домонстраціи.

Республика, несмотря на кратковременность своего бурнаго существованія, успѣла уничтожить невольничество на Порто-Рико, трудолюбивое населеніе котораго привязано къ своей метрополіи. Вопросъ о невольничествѣ на островѣ Кубѣ также поставленъ былъ на очередь, но разрѣшеніе его представлялось гораздо затруднительнѣе, потому что не могло быть сдѣлано, по справедливости, безъ вознагражденія рабовладѣльцевъ; а такъ какъ цѣнность негровъ на Кубѣ составляла отъ 12 до 15 милліардовъ піесетъ, то очевидно, что бѣдной Испаніи нельзя было провести этотъ вопросъ благополучно до конца; насильственное же разрѣшеніе вопроса стало началомъ экономическаго разоренія богатаго острова, производящаго одного сахара на 150 милл. руб; ему стала угрожать жалкая участь Санъ-Доминго или Ямайки, положеніе же негровъ немного улучшилось.

Куба еще одна изъ тѣхъ романскихъ колоній, которыя, благодаря необыкновенному богатству, при одномъ отсутствіи открытаго возстанія, окупали все-таки свое содержаніе и приносили даже кое-какой доходъ, не считая того, который остается въ карманахъ чиновниковъ. Но истинные образчики колоній испанскихъ—Филиппины, Фернандо По и Президіи. Всѣ эти владѣнія, щедро одаренныя природою, на берегу моря, на великихъ морскихъ путяхъ, существуютъ исключительно для удовольствія своихъ чиновниковъ и доставляютъ метрополіямъ одни расходы. За то сколько въ теченіе года требуютъ онѣ разныхъ циркуляровъ, положеній, правилъ, регламентовъ, запрещеній, сколько исписывается бланковъ предписаніями и отношеніями!

Ослѣпленіе испанцевъ въ ихъ колоніальной политикѣ, послѣ стольких чувствительныхъ потерь, просто непонятно, и объясняется только черезчуръ крупными интересами партій, заинтересованныхъ въ колоніальныхъ злоупотребленіяхъ. Тутъ необходимы реформы очень широкія, иначе потеря колоній неизбѣжна. Нѣкоторые публицисты находятъ, впрочемъ, что для Испаніи, въ интересахъ торговли и для поднятія нравственнаго уровня администраціи, подобная потеря была бы выгодна. Но большинство испанскаго общества справедливо полагаетъ, что безъ колоній Испанія обнищаетъ окончательно и представитъ удивительный примѣръ страны, которая дошла до ничтожества по собственной винѣ, такъ какъ по географическому положенію нѣтъ въ Европѣ страны болѣе безопасной отъ внѣшнихъ потрясеній. Для спасенія колоній испанцы готовы на всякія жертвы, но не слѣдуетъ забы-

вать, что никакое правительство не обладаетъ тѣмъ таинственнымъ талисманомъ, съ помощью котораго изъ ничего можно создать себѣ обильные рессурсы и безъ пожертвованій ликвидировать безпорядочное хозяйство прежняго времени. Испанія патріотически подписала у себя заемъ въ 400 милліоновъ піесетъ послѣ того, что иностранцы отказались давать имъ въ долгъ. Участь колоній зависитъ отъ поведенія Соединенныхъ Штатовъ и отчасти Англіи. На послѣднюю послѣ примѣра начала нынѣшняго столѣтія надежда плоха, а правительство Соединенныхъ Штатовъ дозволило своимъ подданнымъ въ интересахъ сахарозаводчиковъ помогать возстанію а само держится сфинксомъ, желая по отношеніи къ Испаніи на Антильскомъ морѣ играть роль, которую Россія играетъ по отношеніи къ Турціи. Въ своей лебединой пѣснѣ, посланіи къ конгрессу, Кливлэндъ отвергаетъ мысль пріобрѣсти Кубу за деньги до тѣхъ поръ, пока Испанія не выразитъ желанія продать островъ, но высказываетъ мнѣніе, что Испаніи слѣдовало бы предложить Кубѣ автономію. Соединенные Штаты сдѣлали даже Испаніи конфиденціальное сообщеніе въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ, если острову будетъ предложена при гарантіяхъ исполненія достаточная автономія, и предложеніе это будетъ принято инсургентами, то Соединенные Штаты приложатъ серьезныя усилія и найдутъ средства къ тому, чтобы подъискать такія гарантіи. Соединенные Штаты всегда-де готовы предложить свои добрыя услуги обѣимъ сторонамъ. Въ концѣ посланія указывается однако, что можетъ образоваться такое положеніе вещей, въ виду котораго обязанности Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ державнымъ правамъ Испаніи должны будутъ уступить мѣсто «высшимъ обязанностямъ», которыхъ никакъ нельзя игнорировать.

Для Россіи наступленіе этихъ «высшихъ обязанностей» вовсе не желательно. Для уравновѣшенія морского могущества высшая обязанность Россіи заботиться всячески, чтобы Испанія сохранила свои колоніи. У насъ многіе того мнѣнія, что такъ какъ Испанія находится на другомъ концѣ Европы, то ея политика для Россіи такъ же индеферентна, какъ политика Бразиліи или Перу. Великое заблужденіе, раздѣлявшееся между тѣмъ и нашей дипломатіей. Дружба съ Испаніей для Россіи гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, а дипломатія наша немногимъ лучше знаетъ теперь Испанію, чѣмъ въ моментъ, когда при Петрѣ Великомъ князь Долгорукій ѣздилъ къ испанцамъ, вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ, дѣлать заемъ для Россіи.

Взаимность интересовъ обѣихъ державъ уже проявилась исторически. Не отвлеки въ 1812 году Испанія огромной части силъ Наполеона I, исходъ компаніи могъ быть другой; въ свою очередь, не побѣди мы Наполеона, можетъ быть Испанія оставалась бы до сихъ поръ вассальнымъ французскимъ государствомъ. Несмотря на такое очевидное доказательство, съ вѣнскаго кангресса мы

немного сдѣлали для укрѣпленія дружбы. При Александрѣ I испанцы имѣли полное право претендовать на продажу имъ гнилыхъ кораблей бывшей эскадры Сенявина; при Николаѣ I мы держали сторону карлистовъ и долго не признавали Изабеллы. Поддержка Донъ-Карлоса, едва не стоившая намъ участія Испаніи въ крымской войнѣ, была послѣднею попыткою вмѣшательства во внутренніи дѣла Иберійскаго полуострова. Подобное вмѣшательство не принесло никому пользы, между тѣмъ оставило въ населеніи сильную подозрительность къ Россіи. Продажа русской эскадры въ 1818 году особенно курьезна. Россія, желая содѣйствовать королю Фердинанду VII спасти американскихъ его подданныхъ отъ анархіи и удержать колоніи, уступила ему 5 линейныхъ кораблей и 3 фрегата за 13,000,000 руб. (уплаченныхъ, впрочемъ, англичанами). Испанцы пришли въ восторгъ и возгордились, какъ только могли. «Но вотъ возвѣщенное событіе, пишетъ одинъ русскій историкъ, совершилось. Въ Кадиксъ приползла грозная эскадра. Она представляла самое жалкое зрѣлище. Почти ни одинъ корабль не былъ годенъ къ плаванію въ океанѣ. Нужно было употребить цѣлые мѣсяцы кропотливой работы, чтобы починить ихъ; мало того, во всей эскадрѣ не было ни одного запаснаго паруса и даже ни одного сухаря для значительнаго русскаго экипажа, который долженъ былъ тотчасъ же вернуться домой, а въ Кадиксѣ съѣстные припасы были вдесятеро дороже, нежели въ русскихъ гаваняхъ. Испаніи пришлось издержать еще 14 милліоновъ реаловъ, чтобы только выпроводить этихъ гостей во-свояси». Дѣло это произвело въ свое время большой скандалъ; въ заключеніе всѣ опытные капитаны отказались отъ начальствованія надъ русскими судами, когда при вооруженіи одного изъ этихъ судовъ дно отвалилось отъ остова, а корабль «Александръ», только что вышедшій въ океанъ, немедленно вернулся для починки.

Въ свое время почти всѣ европейскія газеты посвятили цѣлый рядъ статей вопросу о непризнаніи Россіей испанской республики, приписывая сдержанность нашу проявленію патріотическаго чувства, протестующаго противъ преобладающаго значенія Германіи въ европейской политикѣ, и выводя изъ этого заключеніе о пораженіи князя Бисмарка, возбудившаго вопросъ о признаніи испанскаго правительства. Затѣмъ взвели на насъ и другое обвиненіе, а именно въ стремленіи къ возстановленію на Западѣ легитимныхъ началъ. Стремленія эти имѣли, къ счастью, непродолжительное вліяніе въ дѣлахъ русской внѣшней политики; почти во весь XVIII вѣкъ и со времени крымской войны интересы монарховъ, не съумѣвшихъ или не желавшихъ поладить съ своими подданными, очень мало трогали Россію, хотя нѣкоторые изъ этихъ монарховъ, какъ, напримѣръ, короли неаполитанскій и греческій, не скрывали своихъ горячихъ симпатій къ русскому правительству. Послѣднее, въ русскихъ интересахъ, не затруднилось признать

постепенно всѣ династическія перемѣны въ Испаніи, Италіи, Греціи и Румыніи. Когда подъ взрывомъ общественнаго презрѣнія пала династія Бонапартовъ, наше правительство не отказало въ признаніи французскаго правительства, которое никакой писанной конституціи не имѣло и отличалось такою же неопредѣленностью формъ, какъ и испанская республика.

По всей вѣроятности, однако, русское правительство усматривало ту разницу между французскою и испанскою республиками, что первая, хотя и явилась результатомъ уличной революціи, но получила очень скоро санкцію въ одобреніи, почти единогласномъ, народнаго представительства. Испанская же республика, хотя и возникла совершенно легальнымъ порядкомъ, вслѣдствіе отказа короля Амедея отъ престола, но грубое насиліе генерала Павіи, штыками разогнавшаго народное представительство и создавшаго диктатуру маршала Серрано, лишило эту республику законнаго основанія и поставило ее въ очень двусмысленное положеніе.

Легко могло статься, что какой-либо честолюбивый генералъ дерзнулъ бы, по примѣру Павіи, сдѣлать новое pronunciamento и создать въ Мадридѣ другое правительство. Въ виду этой случайности, русское правительство предпочло остаться въ выжидательномъ положеніи, но затѣмъ оно первое признало возстановленіе на престолѣ Альфонса XII, хотя особой благодарности за это не получило, такъ какъ обстоятельства измѣнились и испанцы разучились разсчитывать на Россію. Альфонсъ XII чуть не сдѣлался союзникомъ Германіи, за что и былъ освистанъ въ Парижѣ. Только попытка Бисмарка захватить часть Маріанскихъ островов открыла глаза испанцамъ.

Хотя Испанія для насъ другой міръ, болѣе удаленный во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ Китай или Японія, но дружба съ Испаніей, повторяю, можетъ быть намъ только полезна. Во-первыхъ потому, что Испанія по своей исторіи и колоніальному положенію естественный врагъ Англіи. Во-вторыхъ, по своему положенію на Средиземномъ морѣ Испанія противникъ Италіи, поведеніе которой относительно насъ такъ коварно, и впредь, конечно, останется не менѣе двуличнымъ. Но самое важное значеніе имѣетъ Испанія въ общей группировкѣ европейскихъ державъ. Если считать, что Германія, по ея центральному положенію, надолго останется сильнѣйшею державою въ Европѣ, то естественно, что она будетъ искать всякаго случая ослабить возможность выгоднаго союза Россіи съ Франціей—отвлеченіемъ силъ этой послѣдней. Достаточно во время европейскаго столкновенія Испаніи мобилизировать свою армію, чтобы Франція была вынуждена отдѣлить двѣсти тысячъ для защиты южной границы, а такимъ образомъ она станетъ много слабѣе противъ Германіи и Италіи, позволивъ послѣднимъ употребить болѣе силъ противъ Россіи.

Это для всѣхъ ясно; вотъ почему въ ухаживаніи за Испаніей недостатка не было, а равно и въ попыткахъ вовлечь ее въ союзы. Съ этою цѣлью происходили морскія демонстраціи въ Барселонѣ, съ этою же цѣлью первоклассныя державы имѣютъ въ Мадридѣ пословъ, потому что посламъ всегда легче вести интимные переговоры, нежели посланникамъ, а особенно, когда во главѣ правительства стоитъ женщина. Мы завели теперь посла въ Испаніи и должны поддерживать съ Испаніей самыя лучшія отношенія, какія мы поддерживали, напримѣръ, всегда съ Соединенными Штатами.

Какъ ни покажется странною мысль о союзѣ Россіи съ Испаніею, но, несмотря на указанные выше прецеденты, нельзя считать и его невозможнымъ. Испанія по своимъ политическимъ условіямъ всегда почти преслѣдовала тѣ же цѣли, что и Россія, и только примѣшиваніе къ политикѣ разныхъ постороннихъ соображеній мѣшало сближенію двухъ государствъ. Испанія всегда была врагомъ Англіи, а на континентѣ Европы Англія дружила постоянно только съ Пруссіею, поэтому мысль о союзѣ Испаніи, Франціи и Россіи противъ этихъ двухъ государствъ занимала политиковъ еще въ XVIII столѣтіи. Теперь роли перепутались, но будущее никому не извѣстно, и мысль о союзѣ трехъ державъ легко можетъ возникнуть; конечно, она имѣла бы для насъ гораздо болѣе значенія, когда Испанія была еще сильною морскою и колоніальною державою. Въ послѣднее время по поводу союза былъ вопросъ въ кортесахъ, на который Кановасъ отвѣчалъ уклончивыми фразами о выгодахъ полнаго нейтралитета.

Справедливость требуетъ замѣтить, что не мы одни, но что и испанцы, по малому, вѣроятно, знакомству съ Россіей и ея силами, довольно равнодушно относились къ сближенію, считая Россію какъ бы внѣ круга своей внѣшней политики. Даже въ торговомъ отношеніи Испанія съ Россіей имѣла мало сближенья, хотя, находясь на двухъ противуположныхъ концахъ Европы, въ разныхъ климатахъ, оба эти государства могли бы дѣятельно обмѣниваться своими товарами. Россія нуждается въ свинцѣ, мѣди, пробкѣ, апельсинахъ, винахъ и др. испанскихъ товарахъ, Испанія въ хлѣбѣ, лѣсѣ, керосинѣ.

Замѣчательно, что уже при Петрѣ Великомъ, когда едва были сдѣланы первыя начала къ устройству русскаго торговаго флота, мы помышляли о распространеніи торговой дѣятельности нашей въ Испаніи. Въ 1723 году Петръ Великій повелѣлъ, по примѣру Голландіи, учредить изъ торговыхъ людей компанію въ Гишпанію. «И когда (сказано въ указѣ) въ этомъ заобыкломъ государствѣ принужденіе чинится, тѣмъ болѣе у насъ надобно принужденіе, какъ у новыхъ людей во всемъ». «Но какъ всѣмъ извѣстно—говорится далѣе въ указѣ—что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, а потому коммерцъ-

коллегія для этой новости управленіе должно имѣть, пока въ совершенство придетъ». Компаніи было обѣщано вспоможеніе кораблями, матросами и частью деньгами отъ казны.

Но однѣ принудительныя мѣры и покровительство правительства не могли имѣть успѣха въ предпріятіяхъ, для которыхъ потребно образованіе, большой капиталъ и обширное торговое мореходство.

На основаніи промеморіи коммерцъ-коллегіи, поданной въ 1726 году объ испанской торговлѣ и о посылкѣ въ Испанію казенныхъ и купеческихъ товаровъ, былъ посланъ въ Кадиксъ по торговымъ дѣламъ купецъ Семенниковъ, а затѣмъ по требованію нашего повѣреннаго при испанскомъ дворѣ князя Голицына опредѣлены еще консулами Щербатовъ и Вешняковъ (послѣдній замѣнилъ Евреинова). Съ своей стороны въ томъ же 1726 году главный магистратъ подалъ промеморію о пріумноженіи коммерціи въ Испаніи и объ отправленныхъ туда купеческихъ людяхъ Басковѣ и Холщенниковѣ. Товары, посланные въ распоряженіе консуловъ, проданы своевременно не были, ихъ оставили у вдовы Головина и только въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія они были распроданы.

Въ 1760 г. опять послѣдовалъ указъ Прав. Сената объ учиненіи коммерціи съ Испаніей. Въ 1763 г. нашему министру при испанскомъ дворѣ князю Репнину были посланы образчики парусины и равендука; въ 1764 г. по Высочайшему указу разсматривались въ комиссіи о коммерціи прошеніе и кондиція, поданныя отъ компаніи купцовъ, желавшихъ производить торги въ Испаніи, а въ 1765 г. былъ опредѣленъ консуломъ въ Кадиксѣ Бранденбургъ, закупавшій между прочимъ для Россіи испанскіе піесеты. Назначенному въ 1766 г. въ Бордо консуломъ Видтготу также было поручено обслѣдованіе испанской торговли. Для поощренія непосредственной торговли съ Испаніей въ 1766 г. дозволено было олонецкому купцу Попову на собственномъ его 3-хъ-мачтовомъ кораблѣ отвезти изъ С.-Петербурга брусья и доски въ Испанію въ видѣ опыта безпошлинно.

Въ 1771 г. новый указъ Прав. Сената о распространеніи коммерціи отъ С.-Петербургскаго порта въ Испаніи; при этомъ собирались свѣдѣнія о приходѣ испанскихъ кораблей и объ оборотахъ испанцевъ въ Россіи. Испанское правительство съ своей стороны черезъ своего посланника чрезвычайно хлопотало о торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей. Въ 1775 г. было учреждено русское консульство въ Гибралтарѣ, а въ 1782 г. мы хлопотали о сбавкѣ въ испанскихъ областяхъ пошлины съ вина и водки. Въ числѣ товаровъ, сбывавшихся тогда въ Испаніи, были лѣсные матеріалы и мачты. Несмотря на всѣ эти мѣропріятія, до сихъ поръ торговля Россіи съ Испаніей незначительна.

Послѣ заявленія въ 1882 г. Испаніи, что она отказывается отъ заключеннаго съ нами въ 1876 г. торговаго договора, но-

вый торговый трактатъ былъ заключенъ въ 1885 году. Къ сожалѣнію, созданію прямыхъ торговыхъ сношеній съ Испаніей заключенный трактатъ помочь не могъ, а скорѣе могъ повредить. Это покажется парадоксальнымъ, между тѣмъ это именно такъ. Дѣло въ томъ, что недостатку, если не совершенному почти отсутствію прямой, непосредственной торговли Россіи болѣе всего способствовало отсутствіе торговаго флота. Въ прошломъ столѣтіи, когда у насъ былъ, благодаря системѣ поощреній, свой торговый флотъ, были и свои торговыя конторы заграницей; теперь русскаго торговаго флота (не считая субсидированныхъ пароходовъ и судовъ, поднявшихъ обманнымъ образомъ русскій флагъ) нѣтъ, нѣтъ и русскихъ торговыхъ домовъ заграницею. Конечно, можно насчитать нѣсколько фирмъ, устроенныхъ русскими подданными, преимущественно изъ евреевъ, въ разныхъ мѣстахъ Европы, но это такая мелочь, такая капля въ морѣ, что о ней не стоитъ и говорить. Русскаго же торговаго флота нѣтъ, потому что его нельзя создать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать торговые трактаты, тому препятствующіе.

Всѣ торговые договоры, заключенные до сихъ поръ, какъ я имѣлъ случай указывать, имѣли единственною цѣлью помѣшать Россіи дать своему національному флагу покровительство, и русско-испанскій договоръ буквально повторилъ то же самое ограниченіе. Шестая статья его гласила, что «суда испанскія, нагруженныя или ненагруженныя, и грузъ ихъ въ Россіи, откуда бы оныя ни пришли, изъ своей или иной страны, и какое бы ни было мѣсто происхожденія или назначенія ихъ груза, будутъ пользоваться *во всѣхъ отношеніяхъ* при входѣ, во время ихъ пребыванія и при выходѣ равноправностью съ національными (т. е. русскими судами)». Мало того, статья 7-я разрѣшала испанцамъ въ извѣстной степени, подъ видомъ выгрузки въ разныхъ портахъ и догрузки, каботажное плаваніе, составляющее на бумагѣ исключительную привилегію не только русскихъ судовъ, но даже русскихъ подданныхъ.

Нужно оговориться, что новыхъ льготъ Испанія не получила. То, что составляло предметъ 6-й статьи договора, было уже разрѣшено по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ 30-го марта 1872 г. Но есть маленькая разница между льготою, добровольно предоставленною, и договоромъ. Разрушить послѣдній всегда труднѣе. Единственное, что можно было сказать въ пользу испанско-русскаго трактата о торговлѣ и мореплаваніи въ томъ видѣ, какъ онъ заключенъ, это краткость его срока. Трактатъ подписанъ былъ всего на два года, а затѣмъ дѣйствіе трактата сохраняло силу только въ случаѣ, если одна изъ договаривающихся сторонъ не сдѣлаетъ за двѣнадцать мѣсяцевъ заявленія о намѣреніи прекратить дѣйствіе онаго. Прежде трактаты заключались обыкновенно на десять лѣтъ; такимъ образомъ наша дипломатія сама, очевидно, сомнѣвалась въ выгодности новаго договора.

И дѣйствительно, въ 1887 г. былъ заключенъ уже новый трактатъ, по которому Испанія предоставила намъ нѣкоторыя льготы. Къ сожалѣнію, за послѣднее время испанская торговля вообще находится въ угнетенномъ состояніи. Причиной этому служатъ отчасти политическія обстоятельства, отчасти то, что торгово-промышленная дѣятельность современной Испаніи отдана всецѣло на произволъ частныхъ предпринимателей и правительство совершенно безсильно регулировать и направлять экономическую жизнь народа. Мало того, даже тѣ операціи, которыя составляютъ во всѣхъ другихъ странахъ неотъемлемую правительственную регалію, въ Испаніи сдаются на откупъ частнымъ лицамъ.

XIII. ПОРТУГАЛІЯ.

Объединеніе Иберійскаго полуострова съ перваго взгляда не представляетъ большихъ трудностей; о немъ поговаривали даже серьезно во время трехлѣтняго междуцарствія въ Испаніи, послѣ изгнанія Изабеллы II. По языку и образу жизни, Португалія немногимъ отличается отъ иныхъ провинцій Испаніи; тѣмъ не менѣе можно смѣло предсказать, что объединеніе этихъ двухъ государствъ весьма еще далеко отъ осуществленія. Главная причина заключается въ общемъ характерѣ населенія: испанцы горды, жестоки, честны и лѣнивы, португальцы — трудолюбивѣе, любятъ торговлю, характера мягкаго, но низкаго. Имъ болѣе всего обязано человѣчество торговлею людьми: опасную торговлю неграми они удачно замѣнили теперь торговлею китайскими куліями; вообще же испанцы презираютъ португальцевъ. Въ Испаніи католицизмъ былъ главнымъ объединяющимъ элементомъ; съ ослабленіемъ его, современная Испанія стремится превратиться въ федерацію; этого хочетъ республиканская партія. Подобная идея находитъ поддержку и въ Португаліи. Извѣстный заговоръ Антехо, пэра королевства, насколько онъ объясненъ весьма неполнымъ слѣдствіемъ, былъ вызванъ не сочувствіемъ къ иберійскому единству, а именно потворствомъ иберійскому федерализму. Поэтому присоединенія Португаліи къ Испаніи нельзя ожидать ранѣе коренного преобразованія самой Испаніи на федеративныхъ началахъ, чего, при существованіи въ Испаніи монархіи, ждать невозможно.

Нынѣшняя португальская династія происходитъ изъ того саксенъ-кобургскаго герцогскаго семейства, которое пресловутый докторъ Штокмаръ, при помощи англійской дипломатіи, посадилъ на столько троновъ въ Европѣ. Такъ какъ водвореніе ея было плодомъ гражданской войны, то ее нельзя еще считать вполнѣ упрочившейся. Нынѣшній король очень молодъ, а отецъ его домъ-

Луисъ вступилъ на престолъ неожиданно въ 1861 году, вслѣдствіе смерти своего старшаго брата, домъ-Педро д'Алькантара (по слухамъ, отравленнаго герцогомъ Лоле), также молодымъ человѣкомъ. Онъ хотя не пользовался особенною любовью подданныхъ и служилъ постоянно мишенью для сатирическихъ газетъ (въ Португаліи печать совершенно свободна), но процарствовалъ 28 лѣтъ, сравнительно съ своею матерью, довольно благополучно. Среди англійскихъ филантроповъ онъ пріобрѣлъ извѣстность уничтоженіемъ, при министерствѣ Са де Бандейра, невольничества въ португальскихъ колоніяхъ, а въ португальской литературѣ—хорошимъ переводомъ «Гамлета». Надобно замѣтить, впрочемъ, что со временъ маркиза Помбаля это было уже, кажется, третье освобожденіе невольниковъ и едва ли они и посейчасъ вполнѣ свободны, такъ какъ въ Португаліи реформы дѣлаются только на бумагѣ и къ нимъ возвращаются неоднократно.

За все продолжительное царствованіе домъ-Луиса былъ только одинъ переворотъ, сдѣланный въ 1870 г. извѣстнымъ маршаломъ Сальданьей для изгнанія министерства герцога Лоле, сокращенія числа депутатовъ и продажи духовныхъ имѣній, и съ тѣхъ поръ Португалія мирно управлялась по очереди двумя партіями: реформаторовъ и прогрессистовъ, долѣе же всѣхъ управлялъ, начиная съ 1871 года,глава партіи реформаторовъ Фонтесъ, отдавшій Португалію въ руки плутократіи. Для лучшаго торжества среднихъ классовъ въ 1878 и 1885 гг. конституція была передѣлана въ очень либеральномъ духѣ. Въ результатѣ Португалія построила желѣзныя дороги, привлекла много иностранныхъ капиталистовъ и авантюристовъ, но сельское населеніе ея бѣдствуетъ и эмигрируетъ въ Америку, а дворянство обѣднѣло и лишилось значенія. Какъ и повсюду, сельское хозяйство, важнѣйшее въ Португаліи занятіе населенія, переживаетъ тяжелый кризисъ. Землевладѣльцы, несмотря на ссуды казеннаго земельнаго кредита, изнемогаютъ подъ тяжестью огромныхъ процентовъ и въ нѣсколько лѣтъ совершенно разоряются, а арендаторы по существующему законодательству почти лишены кредита. Въ торговомъ отношеніи Португалію эксплуатируютъ англичане, къ которымъ съ 1870 г. присоединились нѣмцы.

Послѣ парламентской реформы португальская палата депутатовъ должна состоять изъ 149 членовъ (12 отъ колоній), выбираемыхъ одиночною баллотировкою на четыре года, причемъ правомъ голоса могутъ пользоваться и священники, и военные, при условіи извѣстнаго ценза. Прислуга не допускается, однако, до подачи голосовъ; съ другой стороны всѣ отцы семейства и лица, умѣющія читать и писать (кромѣ военныхъ), имѣютъ право голоса, хотя бы не имѣли ценза. Депутаты для своего избранія также нуждаются въ цензѣ; они получаютъ во время сессій жалованья по 220 р. въ мѣсяцъ, но не могутъ занимать мѣстъ въ нѣкоторыхъ частныхъ компаніяхъ

и при дворѣ. Въ засѣданіяхъ не бываетъ и половины вышеозначеннаго числа депутатовъ; послѣдніе большую часть времени пребываютъ въ отсутствіи, подъ предлогомъ, что имъ нечего дѣлать. Депутаты, какъ вездѣ, дѣлятся на политическія партіи; таковыхъ, если не считать оттѣнковъ, въ Португаліи теперь четыре: двѣ крайнихъ, такъ сказать революціонныхъ, находящихся внѣ правительства—легитимистовъ и республиканцевъ, и двѣ умѣренныхъ, въ которыхъ сосредоточивается поочередно власть—прогрессистовъ и реформаторовъ (regeneradores), какъ называютъ себя въ Португаліи для благозвучія консерваторы.

Легитимисты, бывшіе мигуэлисты, защитники абсолютной монархіи и теократіи, постоянно теряютъ почву и ея важнѣйшіе представители живутъ заграницею. Въ палатѣ роль мигуэлистовъ незначительна, но, благодаря духовенству и нѣсколькимъ искуснымъ публицистамъ, партія не можетъ считаться окончательно умершею. Духовенство хотя лишилось поземельной собственности, но стало богаче прежняго, такъ какъ взятыя у него и проданныя казною земли были замѣнены процентными бумагами съ бо̀льшимъ доходомъ.

Республиканская партія создалась только въ 1870 годахъ, подъ вліяніемъ учрежденія республикъ во Франціи и въ Испаніи, и хотя въ палатѣ она имѣетъ еще мало значенія, но въ народѣ мало-по-малу пускаетъ корни. Возстанія въ 1883 и 1890 гг. въ сѣверной Португаліи произошли при крикахъ: «да здравствуетъ республика!» Республиканцы дѣлятся на умѣренныхъ и соціалистовъ. Они отчасти сторонники иберійскаго союза. Вліяніе принадлежитъ двумъ центральнымъ партіямъ, которыя не отличаются почти по принципамъ, но скорѣе представляютъ извѣстные интересы, группирующіеся вокругъ нѣкоторыхъ лицъ. Образовались эти партіи изъ бывшей либеральной партіи, отстаивавшей конституцію 1826 года противъ деспотизма донъ-Мигуэля. Тогда въ первый разъ партія распалась на два оттѣнка—хартистовъ и сентябристовъ. Королева Марія да-Глоріа поддерживала первыхъ, но переворотъ 1846 года привелъ къ власти послѣднихъ. Борьба продолжалась до 1852 года, когда маршалъ Сальданья, послѣ измѣненія конституціи, соединилъ ихъ въ одну партію, но въ 1855 году изъ-за финансоваго вопроса партія распалась снова на двѣ, принявшія свои нынѣшнія названія: реформаторовъ и прогрессистовъ. Одно время прогрессисты раздѣлялись еще на двѣ партіи, но сначала болѣе консервативная часть присоединилась къ реформаторамъ, а затѣмъ и всѣ партіи слились въ одну. Новый переворотъ, сдѣланный Сальданьей въ 1870 году, окончательно разъединилъ обѣ партіи.

Впрочемъ и теперь, какъ я сказалъ, обѣ онѣ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Перебѣжчики изъ обѣихъ партій встрѣчаются постоянно, а потому и министерское большинство мѣняется

безпрерывно; случается, что подчиненные министровъ подаютъ противъ нихъ голоса; бываетъ, что министерство, располагающее огромнымъ большинствомъ голосовъ, выходитъ по собственному желанію въ отставку и замѣняется коалиціоннымъ министерствомъ. Такъ случилось, напр., въ 1890 г., когда реформаторъ Серпа Пименталь замѣнилъ прогрессиста Барросъ-Гомеса не съумѣвшаго противостоять Англіи.

Если въ самой Англіи парламентарная форма правленія уже выказываетъ многія неудобства, и публицисты такого столпа доктринерства, какъ «Journal des Débats», дерзаютъ порицать ее, то понятно, сколько въ этой формѣ непрактичнаго и неприложимаго къ условіямъ страны въ родѣ Португаліи. Государство, гдѣ высшее сословіе или эмигрировало, или совершенно равнодушно къ политикѣ, гдѣ среднее сословіе состоитъ изъ ростовщиковъ и иностранныхъ авантюристовъ, а низшее лишено земли,—имѣетъ весьма мало элементовъ для прочнаго парламентарнаго правительства. Бюрократіи здѣсь открытъ полный просторъ, и она, подавъ руку плутократіи, должна невольно стать всемогущею, не встрѣчая никакихъ ограниченій, а только прикрываясь громкими фразами изъ доктринерскаго лексикона о правовомъ порядкѣ, и т. д.

И въ строго конституціонныхъ государствахъ личный элементъ всегда играетъ огромную роль; потому, несмотря на множество фигурантовъ парламентской сцены, въ каждой изъ нихъ одинъ, рѣдко два человѣка забираютъ власть и становятся безусловно необходимыми. Бисмаркъ въ Германіи, Тиша въ Венгріи, Криспи въ Италіи, Братіано въ Румыніи, Гладстонъ въ Англіи, Жюль Ферри во Франціи, Кановасъ въ Испаніи, Эструпъ въ Даніи и т. д. управляли на нашихъ глазахъ страною съ бо̀льшимъ авторитетомъ, чѣмъ прежніе властители par droit divin. Въ Португаліи такой диктатурѣ образоваться было еще легче, и роль ея неограниченнаго вершителя судебъ занималъ Фонтесъ, глава партіи реформаторовъ, взявшій за основаніе афоризмъ Дидро, что «трудно государственному человѣку, который сознаетъ, что онъ дѣлаетъ добро, не быть немного деспотомъ».

Подкупъ былъ главное орудіе его политики. Казенныхъ денегъ онъ не жалѣлъ и отъ всѣхъ крупныхъ затратъ ему кое-что перепадало. Португалія, начавшая дѣлать долги еще съ конца XV столѣтія, брала деньги на условіяхъ тяжелыхъ. Займы, конечно, требовали на уплату процентовъ денегъ, а для добыванія послѣднихъ усиливались налоги, что въ концѣ концовъ повлекло къ частичному банкротству и установленію монополій.

Вообще въ Португаліи конституція—чистѣйшая комедія. Нигдѣ нѣтъ такой разницы между тѣмъ, что написано на бумагѣ, и существуетъ въ дѣйствительности; половина избирателей не является на выборы. Никакой оппозиціи въ палатахъ нѣтъ, оппозицію дѣлаетъ само министерство для закрытія глазъ народу, са-

жая однихъ друзей налѣво, другихъ направо, но всегда сохраняя огромный численный перевѣсъ въ друзьяхъ. Правительство всемогуще, Фонтесъ распоряжался какъ диктаторъ. Это былъ совершенно «палатный мэръ» временъ Меровинговъ. Выборы въ парламентъ нечестны, притомъ правительство на нихъ производитъ давленіе.

Со стороны Португаліи въ продолженіе многихъ лѣтъ ничего не дѣлалось для ея африканскихъ колоній. Въ прежнія времена вниманіе Португаліи было обращено исключительно на колонизацію Бразиліи, а затѣмъ наступила смутная эпоха междуусобной войны. Когда наконецъ португальское правительство признало нужнымъ выйти изъ бездѣйствія по отношенію къ своимъ африканскимъ владѣніямъ, то хотя очень мало сдѣлано для ихъ развитія и колоніи доставляли немного прибыли, но тѣмъ не менѣе сразу замѣтны уже были успѣхи. Торговля Анголы удвоилась. Не менѣе благопріятные результаты получились и въ остальныхъ колоніяхъ Африки. Эти успѣхи возбудили жадность англичанъ и въ 1890 г. они безъ церемоніи отобрали себѣ добрую половину африканскихъ колоній Португаліи. Лордъ Салисбюри отправилъ Португаліи ультиматумъ въ десять строкъ, гдѣ объяснилъ, чего хочетъ, забывъ прибавить, почему онъ такъ хочетъ. А дѣло шло ни меньше, ни больше какъ о земляхъ около Замбезе, которыми Португалія владѣла спокойно более трехсотъ лѣтъ. Португальцы, народъ робкій, не послѣдовали примѣру испанцевъ, когда нѣмцы захотѣли у послѣднихъ оттянуть одинъ изъ Маріанскихъ острововъ. Португальское правительство, которому было дано всего 24 часа на размышленіе, уступило, обѣщаясь насчетъ своего «права» сдѣлать воззваніе къ Европѣ, къ той миѳической «Европѣ», къ которой наши дипломаты все отсылали боснійскихъ и герцеговинскихъ сербовъ, пока ихъ не захватили въ свои цѣпкія руки австрійцы.

Разговаривать съ англичанами — это все равно, что глухому служить обѣдню. Вся исторія англійской политики есть самое безцеремонное нарушеніе элементарныхъ основаній международнаго права. Захватъ ихъ въ португальскихъ колоніяхъ нисколько не болѣе возмутителенъ, чѣмъ захватъ Гибралтара, Мальты, Гонгъ-Конга, острововъ и гаваней на Персидскомъ заливѣ, Бирмы, Занзибара и т. д., и т. д. Этими захватами можно испестрить страницу и все-таки всѣхъ не перечислить. Развѣ когда-нибудь удавалось уговорить англичанъ возвратить незаконную добычу. Да они не имѣютъ обыкновенія и отвѣчать на платоническія напоминанія о подобныхъ грабежахъ.

Такимъ образомъ кончилось и заявленіе португальскаго правительства о примѣненіи къ его спору съ Англіей 12-й статьи трактата о Конго, подписаннаго въ Берлинѣ всѣми морскими державами и постановившаго, что дальнѣйшіе територіальные споры въ Африкѣ должны разрѣшаться третейскимъ судомъ. Англія на такой

судъ добровольно никогда не согласится, въ виду того, что опытъ ея обращенія къ этому суду въ вопросахъ о проливѣ Фука въ Америкѣ, о бухтѣ Делагоа въ Африкѣ и др. былъ всегда неудаченъ, какъ по очевидной неосновательности англійскихъ претензій, такъ и потому, что въ настоящемъ спорѣ не могло быть и рѣчи о правѣ со стороны англичанъ. Португальцамъ въ однѣхъ и тѣхъ же широтахъ принадлежали оба берега океановъ въ южной Африкѣ, съ одной стороны въ Анголѣ, съ другой—въ Мозамбикѣ; само собой разумѣется, что и пространство между этими берегами было также португальскимъ. Понимать иначе значило бы не признавать и правъ англичанъ на ихъ владѣнія въ Канадѣ и американцевъ на дальнемъ Западѣ въ моментъ, когда между колоніями на берегу Атлантическаго и Тихаго океановъ была еще пустыня, по которой проходили отдѣльные охотники и торговцы.

Интересно, что бы заговорили англичане, если бы тогда американцы влѣзли къ нимъ въ Канаду съ юга подъ предлогомъ, что тамъ англійскихъ поселеній и англійскихъ чиновниковъ нѣтъ. Между тѣмъ буквально то же сдѣлали англичане съ португальцами. Ограничивая владѣнія послѣднихъ на сѣверѣ рѣкою Руо, впадающей въ Шире, а на югѣ забирая округа Матабеле, Машоне и Макалака—величиною больше всей Англіи—англичане заставляли португальцевъ отказаться отъ непрерывности своихъ владѣній и ограничиваться береговою полосою. Курьезнѣе всего, что, отрицая право португальцевъ на непрерывность ихъ владѣній, англійская печать это свое залѣзаніе въ чужія владѣнія объясняла желаніемъ установить непрерывность англійскихъ владѣній отъ Капланда до Египта, который англичане не задумываются также причислять къ собственнымъ колоніямъ. Эту «идею» одобрилъ, какъ извѣстно, самъ Гладстонъ.

Надобно пожалѣть, что португальцы не поставили вопроса ребромъ и не отвергли англійскаго ультиматума. Блокада Лиссабона, если бы англичане и рѣшились на нее, менѣе была бы важна для Португаліи, чѣмъ потеря двухъ-третей ихъ заморскихъ владѣній, между тѣмъ насильственныя дѣйствія англичанъ противъ Португаліи не остались бы, вѣроятно, безнаказанными.

Кромѣ Австро-Венгріи, которая совершенно индиферентна къ колоніальнымъ вопросамъ, и Италіи, которой удалось захватить турецкія и абиссинскія владѣнія на Красномъ морѣ при содѣйствіи тѣхъ же англичанъ, всѣ остальныя морскія державы заинтересованы въ ограниченіи непостижимой наглости Англіи. Не говоря уже объ Испаніи и Голландіи, богатыя колоніи которыхъ первыя станутъ объектомъ новыхъ захватовъ Англіи, изъ великихъ державъ Францiя, Россія и даже Германія навѣрное были бы готовы, какъ показалъ позднѣйшій опытъ съ Трансваалемъ, явиться посредницами и защитить слабую Португалію отъ насилія. Какъ никакое гражданское общество немыслимо безъ наказанія

нарушителей права и возстановленія авторитета послѣдняго, такъ и общество государствъ не можетъ существовать безъ соблюденія началъ международнаго права. Государства заинтересованы въ томъ, чтобы международное право не нарушалось, и должны возстановлять его въ тѣхъ случаяхъ, когда оно попирается.

Равнодушіе и безучастіе въ подобныхъ случаяхъ свидѣтельствовало бы объ эгоистичной и близорукой политикѣ, узаконяющей разбой, ибо кто нарушаетъ международное право, дѣлаетъ этимъ вредъ не одному пострадавшему, но и всѣмъ остальнымъ державамъ. Франція, отъ которой Англія отняла большую часть своихъ колоній (Индія, Канада, Антильскіе острова), болѣе всѣхъ заинтересована, чтобы въ заморской политикѣ никто не руководился правилами, наказуемыми уложеніемъ о наказаніяхъ. Россія, которой Англія оказала столько вреда въ восточной политикѣ, также должна пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы ставить Англію на свое мѣсто. Германія, гдѣ князь Бисмаркъ, создатель колоніальной политики Германіи, вырвалъ владѣнія для послѣдней въ Африкѣ и на Новой Гвинеѣ изъ-подъ носу Англіи, пренебрегши рычаніемъ послѣдней, не менѣе заинтересована, чтобы Англія своихъ хищныхъ аппетитовъ не считала основаніемъ права.

Очевидно, не трудно было эти три державы, а также Испанію и Нидерланды, склонить къ энергичному протесту противъ политики Англіи и заставить ее предоставить територіальный споръ съ Португаліей третейскому суду. Россія, которая ежеминутно страдаетъ отъ интригъ Англіи въ Афганистанѣ, Персіи, Китаѣ, должна была воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы умѣрить англійскую алчность. Что было возможно русскимъ дипломатамъ въ 1780 году, казалось, было еще легче при нынѣшнихъ колоссальныхъ военныхъ и финансовыхъ средствахъ Россіи.

Если бы Англія не подчинилась требованію отдать ея територіальный споръ съ Португаліей на разсмотрѣніе конференціи европейскихъ державъ, или не избрала бы одну изъ послѣднихъ третейскимъ судьею для рѣшенія означеннаго спора, то этимъ она себѣ же создала бы весьма непріятный прецедентъ. Англійскія владѣнія разбросаны по всему свѣту. Разъ Англія считаетъ, что владычество надъ ними основано не на правѣ, а только на силѣ, то не понадобится длинныхъ церемоній, чтобы воспользоваться этими владѣніями, когда сила будетъ почему-либо не на сторонѣ англичанъ.

Для Россіи это можетъ быть пріятнѣе, чѣмъ для кого-либо. Какъ ни увертываются англичане отъ выясненія своего положенія въ Остъ-Индіи, какъ ни закрываютъ они себѣ глаза отъ опасности горстью солдатъ держать въ рукахъ 250 милліоновъ индѣйцевъ, но пробьетъ часъ и Богъ знаетъ, какъ скоро, когда владычество это будетъ потрясено. Тогда нечего будетъ справляться съ старыми архивами, по примѣру самой Англіи: достаточно будетъ заявить ей, что вмѣсто англійскихъ резидентовъ и коллекторовъ въ

Ость-Индскихъ владѣніяхъ вводятся земскіе начальники. Съ этой точки зрѣнія — хотя скораго присоединенія Индіи я вовсе не желаю, намъ, можетъ быть, слѣдовало бы скорѣй радоваться беззастѣнчивому поведенію Англіи, если бы зрѣлище притѣсненія слабаго и беззащитнаго сильнымъ и грубымъ не было по-истинѣ возмутительно и если бы интересы справедливости не должны были всегда стоять впереди матеріальныхъ выгодъ.

Соображенія эти не раздѣлялись однако даже въ русскомъ обществѣ. Въ «Новомъ Времени» было помѣщено письмо, гдѣ поведеніе Англіи относительно Португаліи если не оправдывалось, то объяснялось тѣмъ, что владѣніе португальцевъ въ Африкѣ ограничивалось береговыми постами, что въ эти владѣнія шла дѣятельная колонизація англичанъ и что, устраняя англичанъ изъ Африки, европейскія державы будутъ-де работать не въ пользу безобидныхъ португальцевъ, а въ пользу нѣмцевъ.

Очень не трудно возразить на всѣ эти пункты. Въ Сибири, на Тихомъ океанѣ наше фактическое занятіе ограничивается немногими пунктами, на всемъ Камчатскомъ полуостровѣ одно русское поселеніе, остальная граница открыта. Неужели поэтому можно считать наши сибирскія владѣнія принадлежащими Россіи только номинально? Американскіе промышленники такъ, впрочемъ, повидимому, и понимали, потому что послѣ ряда посылокъ крейсеровъ, чтобы прогонять китобоевъ, пришлось устроить новое русское поселеніе въ Чукотской землѣ. Но едва ли американскіе авантюристы авторитеты въ международномъ правѣ. На сѣверѣ Сибири по берегамъ нѣтъ рѣшительно русской власти. Неужели англичане или норвежцы могутъ, пользуясь этимъ, пройти въ устья Оби или Енисея и устроить тамъ свои колоніи? Мы и Шпицбергенъ не согласились уступить въ 1874 году Норвегіи, хотя не плаваемъ туда болѣе ста лѣтъ. Въ Ость-Индіи англійская власть также выражается во многихъ мѣстахъ лишь въ занятіи только нѣсколькихъ стратегическихъ береговыхъ пунктовъ и въ договорахъ съ полунезависимыми владѣльцами. Береговая англійская армія не сторожитъ всѣхъ уголковъ обширныхъ индѣйскихъ границъ. И англичане платятъ разнымъ индѣйскимъ владѣтелямъ субсидіи, какъ платитъ Португалія африканскимъ царькамъ. Это не уменьшаетъ, однако, въ глазахъ англичанъ правъ ихъ на Индію.

Что англійская колонизація просачивалась въ португальскія владѣнія, что въ бассейнъ Замбезе, вслѣдъ за миссіонерами, шли торговцы и колонисты, проводились дороги и устраивались поселенія, это также не измѣняетъ сущности вопроса. У насъ на Азовскомъ морѣ при Екатеринѣ греческія колоніи устраивались ранѣе, чѣмъ русскія поселенія; нѣмцы населяютъ теперь западную окраину; неужели это въ чемъ-либо можетъ умалять державныя права Россіи на Новороссійскій или Западный край?

Англичане чувствуютъ неправоту своихъ захватовъ и потому измѣняютъ тактику; вмѣсто прямого присоединенія они выдаютъ хартіи большимъ торговымъ компаніямъ, которыя берутся эксплоатировать яко бы никому не принадлежащія пространства, а затѣмъ англійское правительство принимаетъ подъ свою защиту эти англійскія компаніи, да кстати ужъ и эксплоатируемыя ими територіи. Такъ поступили англичане на Борнео, какъ поступаютъ они въ южной и средней Африкѣ. Само собою, что такая система слишкомъ грубыми нитками шита, чтобы не распознать ея истинную цѣль.

Англичане ли будутъ владѣть колоніями въ Африкѣ, или нѣмцы— для Россіи далеко не все равно.

Въ самой Африкѣ, Россія владѣній еще ищетъ и потому ей безразлична та или другая группировка внутреннихъ африканскихъ територій. Единственное, что для Россіи важно — это то, чтобы наименьшее число африканскихъ портовъ находилось въ рукахъ англичанъ, такъ какъ успѣшность крейсерской войны противъ Англіи прямо пропорціональна числу портовъ, не находящихся въ прямой зависимости отъ англичанъ. Но эти соображенія второстепенны. Имѣются поважнѣе этого. Первое изъ нихъ,— направленіе нѣмецкой эмиграціи. Несомнѣнно, что Германія даетъ ежегодно большой избытокъ населенія. Онъ направляется теперь частью на западъ въ Америку, частью на востокъ въ Россію; Соединенные Штаты начинаютъ стѣснять притокъ къ себѣ эмигрантовъ, что должно усилить приливъ нѣмцевъ въ Россію. Вотъ въ этомъ отношеніи весьма важно, чтобы Германія устроила себѣ колоніи, которыя поглощали бы избытокъ ея рабочихъ рукъ. Нѣмцы подъ экваторомъ и нѣмцы въ Ковенской губерніи для Россіи не одно и то же.

Усиленіе Германіи на океанѣ будетъ очень полезнымъ противовѣсомъ англійскому морскому могуществу. Во всякомъ случаѣ, оно менѣе опасно для Россіи, чѣмъ сосредоточеніе главныхъ нѣмецкихъ морскихъ силъ на Балтійскомъ морѣ, или новое усиленіе политическаго могущества Англіи, которая и безъ того непрерывною сѣтью своихъ владѣній, отъ Кипра до Колумбіи, какъ въ кольцѣ сдерживаетъ естественное поступательное движеніе Россіи на востокъ къ океанамъ.

Англія давно земной шаръ, кромѣ европейскихъ владѣній и холодной Сибири, признаетъ какъ бы находящимся въ вассальной зависимости («въ кругѣ англійскихъ интересовъ»); пока эта зависимость выражалась непрошеннымъ вмѣшательствомъ англичанъ въ чужія дѣла и захватомъ никому не принадлежащихъ земель, можно еще было молчать, но когда захватываются земли, какъ принадлежащій Турціи Египетъ или португальскія владѣнія въ Африкѣ, на пользованіе которыми имѣется не гражданская давность, а десятки такихъ давностей, общій интересъ всѣхъ евро-

пейскихъ государствъ повторить этой державѣ, которая ведетъ себя съ высокомѣріемъ Наполеона, въ моментъ, когда онъ командовалъ Европою отъ Кадикса до Москвы, англійское же: «руки прочь!»

Португалія, потерявшая уже часть африканскихъ колоній, должна сторо потерять и свои индійскія владѣнія: Гоа, Сальчете, Бардесъ и другіе остатки великихъ завоеваній Васко-де-Гама и Альмеиды. Возстанія сипаевъ случаются очень часто; для усмиренія ихъ посылались войска и ѣздили наслѣдники престола; это несомнѣнно начало движенія, послѣдствіемъ котораго будетъ отпаденіе колоній. Движеніе это, конечно, начато по внушеніямъ англичанъ, которые хотя и считали Португалію чѣмъ-то въ родѣ своего крестника, но все-таки не прочь забрать Индостанъ исключительно въ свою руки; гавань Гоа тоже не лишена для нихъ значенія. Потери отъ того, по словамъ англичанъ, для Португаліи никакой, будетъ даже выгода... въ сокращеніи безполезныхъ расходовъ; только архіепископъ Гоа, важное лицо, предшественники котораго избили 400,000 сирійскихъ христіанъ, издревле жившихъ въ Индіи — все, въ чемъ выразилось португальское владычество въ Индіи,—останется за штатомъ.

Надобно сказать, что въ самой Португаліи имѣется сильная партія, поддерживаемая вліятельнѣйшими газетами, Jornal do Commercio и Las Navidades, которая стоитъ за сокращеніе коloніальныхъ владѣній Португаліи. Не довольствуясь тѣмъ, что Мозамбикъ отдали уже большой компаніи, ставшей полунезависимой въ административномъ отношеніи, предлагаютъ теперь для поправки финансовъ и выкупа изъ частныхъ рукъ желѣзныхъ дорогъ, общества которыхъ разоряетъ страну, продать Мозамбикъ, Тиморъ, Макао, Сенъ-Жанъ д'Ахуде и португальскую Гвинею, оставивъ себѣ только богатѣйшія колоніи Сенъ-Томе, Зеленаго мыса и Анголу. Депутатъ Ферейра де-Альмеида вносилъ уже предложеніе въ этомъ смыслѣ въ палату, но противъ него высказалось правительство.

Такъ какъ Россіи купить португальскихъ колоній не удастся, въ виду того, что по договору 1890 г. съ Англіей Португалія обязалась не уступать своихъ колоній безъ своего согласія, то таковая продажа для насъ невыгодна. Вообще же Португалія, хотя и маленькая страна, но Россія не должна пренебрегать ею, а, напротивъ, жить съ нею постоянно въ дружбѣ.

Для Португаліи важны торговыя сношенія съ Россіей, особенно съ Финляндіей; для нея, конечно, никогда не лишнее и сочувствіе столь могущественной державы, какъ Россія. Взаимно для Россіи доброе расположеніе Португаліи можетъ быть весьма кстати. Незначительная на материкѣ Европы, Португалія имѣетъ все-таки огромныя владѣнія (болѣе 1 мил. кв. верстъ) и на Индійскомъ, и на Атлантическомъ океанѣ.

Къ сожалѣнію, какъ я узналъ лично, о Россіи португальцы имѣютъ понятія весьма приблизительныя. Единственное обстоятельное португальское сочиненіе о Россіи «Quadros da litteratura, dos sciencias e artes na Russia» издано въ Лиссабонѣ въ 1868 г. нашимъ соотечественникомъ, дипломатомъ г. Вакселемъ. Въ то время, когда тотъ же г. Ваксель написалъ исторію португальской музыки, князь Гедройцъ — исторію португальскаго народа, а покойный Соболевскій былъ замѣчательнымъ знатокомъ португальскаго языка и литературы, едва ли когда какой-нибудь португалецъ дѣлалъ серьезныя изслѣдованія о Россіи. Существуетъ только португальскій переводъ 1816 г. похвальнаго слова Петру Великому сочиненія Ломоносова. Латино Коэльо знаетъ по-русски и переводилъ въ стихахъ отрывки изъ Пушкина и другихъ поэтовъ, но его переводы не изданы. Есть два напечатанныхъ перевода оды «Богъ». Въ послѣднее время уроженецъ Мадеры и извѣстный португальскій публицистъ Фаріа-и-Кастро перевелъ и напечаталъ «Пиковую даму». Болѣе португальцы интересуются нашими нигилистами, и извѣстная книга Степняка: «Подземная Россія» переведена на португальскій языкъ съ итальянскаго.

Впрочемъ, по правдѣ сказать, и наши познанія о Португаліи, за исключеніемъ немногихъ указанныхъ выше лицъ, недалеко ушли. Самые образованные люди смутно припоминаютъ имена Генриха Мореплавателя, Магелана, Васко ди-Гама, Камоэнса и Помбаля. Теперь къ этимъ гимназическимъ познаніямъ прибавились свѣдѣнія изъ «Африканки» да стихи изъ оперетки, что Les Portugais sont toujours gais. Вотъ и всѣ свѣдѣнія. И то послѣднее еще, къ сожалѣнію, ложно. Между тѣмъ, нѣкоторое сближеніе двухъ странъ вовсе, какъ я сказалъ, не лишнее. Португалія государство для насъ вдвойнѣ интересное: и въ торговомъ и въ политическомъ отношеніи. Въ торговомъ она важна потому, что было бы очень легко завести прямыя сношенія моремъ съ Португаліей на судахъ подъ русскимъ флагомъ. Португальцы нуждаются въ нашемъ хлѣбѣ, спиртѣ, лѣсѣ, пенькѣ, мы—въ португальскихъ винахъ, соли, пробкѣ, апельсинахъ. Здѣсь вполнѣ возможенъ обоюдовыгодный обмѣнъ безъ малѣйшей эксплоатаціи одной стороны другою. Теперь нашъ оборотъ съ Португаліей не превосходитъ 2½ милл. рублей въ годъ, но его легко утроить и учетверить. Главный интересъ для Россіи былъ бы, конечно, въ расширеніи привоза ея хлѣбовъ, хотя здѣсь препятствіемъ служитъ покровительственная система. До 1857 г. привозъ иностраннаго хлѣба въ Португалію былъ вовсе запрещенъ, а нынѣ сельскіе хозяева снова добиваются запретительныхъ пошлинъ. Таможенная система такъ неустойчива, что въ одномъ 1888 году пошлина на пшеницу мѣнялась четыре раза, сообразно колебанію цѣнъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ политическомъ отношеніи Португалія важна не по своей малочисленной военной силѣ, а по ея колоніальному

положенію въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ случаѣ крейсерской войны португальскіе порты могли бы намъ быть очень полезными. Правда, мы уже однажды потеряли въ устьяхъ Таго всю эскадру Сенявина, но это прискорбное событіе не должно умалять нашу энергію въ будущемъ.

Конечно, Португалія почти вассалъ въ политическомъ отношеніи Англіи, но тѣмъ умнѣе и искуснѣе долженъ быть дипломатъ, котораго мы назначаемъ въ Лиссабонъ представителемъ русской политики. До сихъ поръ же Португалія считалась для нашей дипломатіи или богадѣльней, или мѣстомъ ссылки. Захожденіе отъ времени до времени военныхъ судовъ также не поможетъ. Моряки всѣхъ націй, извѣстно, въ иностранныхъ портахъ моютъ только бѣлье и ищутъ такія заведенія, которыя въ сферахъ международной политики вѣса не имѣютъ.

Къ тому же въ послѣднее время обстоятельства нѣсколько измѣнились. Изъ-за наглаго поведенія Англіи, которая безъ церемоніи поступаетъ съ португальскими колоніями, Португалія довольно сухо относится къ англійскимъ притязаніямъ на командованіе. И въ финансовомъ отношеніи Португалія, благодаря парижской биржѣ, эмансипировалась отъ англійскаго преобладанія. При искусной дипломатіи, наше вліяніе, совершенно теперь незамѣтное въ Лиссабонѣ, могло бы упрочиться. А что дружба и маленькой страны бываетъ очень полезна — доказала намъ Черногорія.

Торговыя отношенія между Россіею и Португаліею были опредѣлены трактатомъ 1851 года, на основаніи котораго обѣ договорившіяся стороны даровали другъ другу право наибольшаго благопріятствованія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до начала 1891 года, когда португальское правительство заявило о своемъ намѣреніи прекратить дѣйствіе договора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, войти съ нами въ переговоры о заключеніи новаго торговаго соглашенія. При возникшихъ вслѣдъ затѣмъ переговорахъ лиссабонскій кабинетъ не призналъ возможнымъ заключить новый трактатъ на основѣ взаимнаго наибольшаго благопріятствованія и распространить на Россію всѣ тѣ льготы по торговлѣ и мореплаванію, какія Португалія предполагала въ то время предоставить Испаніи и Бразиліи, а предложила намъ ограничиться примѣненіемъ права наибольшаго благопріятствованія только къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ товарамъ и условіямъ взаимнаго торговаго оборота.

Дѣйствіе трактата 1851 г. прекратилось въ 1892 году, а въ началѣ сентября 1893 г., по ходатайству португальскаго правительства, нами былъ установленъ временный modus vivendi съ этой державой. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, тянувшихся болѣе двухъ лѣтъ, въ 1896 г. заключена съ Португаліей новая торговая конвенція, причемъ нами, взамѣнъ небольшого пониженія пошлинъ на пробку (португальская пробка лучше всѣхъ другихъ), пріобрѣтены пониженія португальскаго тарифа по 15-ти

статьямъ, обнимающимъ весьма существенные предметы нашей отпускной торговли; такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи конвенція является для Россіи выгодною, а практическое примѣненіе этихъ выгодъ будетъ уже дѣломъ предпріимчивости нашихъ торговцевъ. Съ этою цѣлью полезно устроить при нашихъ консульствахъ постоянныя выставки образцовъ русскихъ товаровъ. Въ Лиссабонѣ, правда, учрежденъ торговый и промышленный музей, но Россія представлена въ немъ двумя деревянными ложками и одной деревянною чашкою, да и то очень грубой работы!

ВОСТОКЪ.

XIV. ТУРЦІЯ.

До нынѣшняго столѣтія вниманіе Турціи было почти исключительно обращено на европейскія дѣла. Захвативъ въ XV и XVI вѣкахъ огромную территорію на юго-востокѣ Европы, Турція начала терять ее съ конца XVII столѣтія. Ей пришлось устремить всѣ свои усилія на борьбу съ возроставшимъ могуществомъ европейскихъ сосѣдей, чѣмъ она поневолѣ ослабляла свое вліяніе въ Азіи и Африкѣ. Мало-по-малу Алжирія, Тунисъ, Триполи, Египетъ, Аравія, большая часть Сиріи и Малой Азіи сдѣлались только номинально подчиненными турецкому владычеству. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ направленіе турецкой политики совершенно измѣнилось. Потерявъ Новороссійскій край, Кубанскую область, Абхазію, Мингрелію, Бессарабію, часть Венгріи, Трансильванію и признавъ независимость Греціи, Румыніи, Сербіи, Черногоріи и Самоса, Турція не могла уже разсчитывать на какой-либо другой образъ дѣйствій въ Европѣ, кромѣ сохраненія status quo, чему благопріятствовало и взаимное недоброжелательство европейскихъ государствъ, которыя не хотѣли видѣть расширенія чьихъ-либо границъ на счетъ Турціи. Взамѣнъ этого вниманіе турецкихъ государственныхъ людей обратилось на возстановленіе владычества султана въ другихъ частяхъ свѣта.

Успѣхи, сдѣланные въ этомъ направленіи турецкою политикой, не лишены интереса. Силой оружія или дипломатическими происками были мало-по-малу уничтожены всѣ полунезависимыя пашалыки въ Европѣ и Малой Азіи, присоединенъ Триполи, успокоенъ Ливанъ, неоднократно побѣждено могущество египетскаго вице-короля и, наконецъ, возстановлено турецкое владычество въ значи-

тельной части Аравіи. Турки помышляли даже о томъ, чтобъ перейти на другой берегъ Краснаго моря и, не опасаясь тропическаго климата, возстановить свою власть по берегамъ Абиссиніи и далѣе къ югу, до самаго Занзибара.

Побѣды эти не оставались, конечно, незамѣченными въ Европѣ, но европейскія державы, за рѣдкими исключеніями, не стремились положить какое-либо препятствіе расширенію турецкаго владычества на Востокѣ. Сознаніе, что роль Турціи, какъ европейскаго государства, хотя этотъ титулъ былъ данъ ей только въ 1856 г., окончилась, какъ бы указывало, что справедливость требовала для вознагражденія развязать ей руки въ дѣлахъ азіятскихъ и африканскихъ.

Въ Стамбулѣ постарались возвести территоріальные замыслы Турціи даже въ политическую доктрину. Турецкіе дипломаты доказывали, а извѣстная часть английской и вѣнской журналистики подтверждала, что попытка султана возстановить свое значеніе въ Аравіи основывалась на религіозномъ единствѣ, связывающемъ всѣ мусульманскіе народы. Въ Европѣ, говорили эти турецкіе политики, существуетъ принципъ національностей, старающійся измѣнить старую политическую систему, основанную съ XVI вѣка на принципѣ равновѣсія; мусульманскія государства обладаютъ принципомъ не менѣе для нихъ важнымъ: религіей, быть можетъ слѣпой и фанатической, но во всякомъ случаѣ не потерявшей своего прежняго исключительнаго значенія. Коранъ—единственная сила, одинаково направляющая и духовную, и гражданскую, и даже государственную дѣятельность мусульманскихъ народовъ. Такое исключительное положеніе ученія Магомета, уцѣлѣвшее безъ большихъ измѣненій на развалинахъ восточнаго могущества, дѣлается легко объяснимымъ для всякаго, кто вникалъ въ исторію Востока, къ сожалѣнію-де, мало извѣстную европейскимъ публицистамъ.

Турецкое правительство, повидимому, приняло близко къ сердцу эти теоріи «пантуркизма». По крайней мѣрѣ цѣлый рядъ политическихъ событій показывалъ, что, не смотря на внутреннее безсиліе, близость банкротства, религіозныя волненія и изнеможеніе, съ которымъ можно сравнить развѣ жалкое положеніе Испаніи въ концѣ прошлаго столѣтія, когда послѣдняя, при всей обширности своихъ владѣній, не имѣла средствъ вооружить линейнаго корабля или защитить государственную почту отъ грабежей около столицы короля, не знавшаго предѣловъ своей власти — несмотря на все это, Турція выступила собирательницею мусульманскихъ областей.

Дѣло началось съ торжественнаго пріема Якубъ-хана, чрезвычайнаго посланника кашгарскаго эмира. Владѣтель Алтышара, побѣдитель въ борьбѣ съ Коканомъ и Китаемъ, сталъ опасаться за свою независимость, видя приближеніе русскихъ къ своимъ владѣніямъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ остъ-индскимъ правительствомъ и въ то же время изъявилъ желаніе признать себя васса-

ломъ султана, надѣясь въ этой роли найти въ англичанахъ еще болѣе усердныхъ защитниковъ. Англійскій посолъ въ Константинополѣ, сэръ Генри Эллiотъ, очень хлопоталъ въ пользу Якубъ-хана, и послѣдній уѣхалъ со многими пожеланіями, захвативъ кстати нѣсколько современныхъ орудій и инструкторовъ, не помѣшавшихъ, впрочемъ, паденію независимости Кашгара.

Вторымъ интереснымъ фактомъ явилось извѣстное ачинское дѣло. Ачинскій султанъ, полагая, что борьба съ голландцами ему не по силамъ, послалъ Саидъ-эффенди уполномоченнымъ въ Стамбулъ, съ предложеніемъ принять вассальную зависимость отъ Турціи и оттоманское знамя. Предложеніе Саида-эффенди было принято очень хорошо: голландское правительство получило ноту, на которую, впрочемъ, отвѣчало очень категорическимъ отказомъ. Турецкое правительство, храброе противъ второстепенныхъ государствъ, думало было послать свой броненосный флотъ къ берегамъ Суматры, но тотъ же сэръ Генри Эллiотъ, съ виду принимавшій сторону Турціи, отсовѣтовалъ послѣдней наступательную политику. Какъ ни дорожила Англія независимостью Турціи, она, однакоже, помнила, что 50 милліоновъ мусульманъ живутъ въ англійскихъ остъ-индскихъ владѣніяхъ, а позволить поднять въ Стамбулѣ знамя пророка для возстановленія древнихъ притязаній, значило бы создать себѣ въ будущемъ немало затрудненій въ Азіи.

Еще рѣзче проявилась противоположность интересовъ Англіи и Турціи въ столкновеніи на южномъ берегу Аравіи. Въ 1871 г., воспользовавшись смутами въ племени ассиръ, турки начали рядъ завоеваній въ Аравіи, доставившихъ имъ около трехъ милліоновъ новыхъ подданныхъ. Съ другой стороны египетскія войска начали двигаться по западной сторонѣ Краснаго моря и южной Аденскаго залива, и присоединять независимыя африканскія владѣнія; между прочимъ, они захватили Берберу, важнѣйшій отпускной портъ сѣверо-восточной Африки. Въ Аравіи турецкая армія, распространяя свое владычество изъ Йемена въ Гадрамаутъ, дошла до Лагеи—владѣнія независимаго султана, въ 18 верстахъ отъ Адена, который англичане справедливо считаютъ Гибралтаромъ Краснаго моря и Индійскаго океана и безъ котораго немыслима безопасность важнаго для нихъ пути изъ Европы въ Остъ-Индію черезъ Суэзскій каналъ. Султанъ Лагеи получаетъ отъ Англіи субсидію въ 10,000 рублей; изъ его владѣній Аденъ снабжается жизненными припасами и водою. Очевидно, что англичане не могли оставаться равнодушны къ захвату такого важнаго пункта турками. Когда турецкій отрядъ отказался добровольно очистить Лагею, англійскій губернаторъ Адена, зависящій отъ бомбейскаго правительства, не задумался, съ достойною англичанина смѣлостью, послать отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ, чтобъ выгнать турокъ изъ Лагеи. Турція не дерзнула спорить съ Англіей и, несмотря на слабость политики тогдашняго англійскаго кабинета,

которую одна сатира характеризовала формулой: «не поддерживать своихъ друзей и не нападать на своихъ враговъ», поспѣшила установить въ южной Аравіи «нейтральную полосу».

Абдулъ-Гамидъ, потерявъ столько христіанскихъ провинцій, также вспомнилъ, что султанъ есть не только государь Турецкой имперіи, но и калифъ, т. е. духовный глава всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ. Абдулъ-Гамидъ утѣшалъ себя мыслью, что Турція еще можетъ играть крупную роль во всемірныхъ дѣлахъ въ качествѣ представительницы «панисламизма», т. е. политическаго и духовнаго союза всѣхъ мусульманскихъ народностей. Осуществленіе этихъ турецкихъ иллюзій повело бы однако только къ скорѣйшему уничтоженію Турціи. Тѣсное соединеніе духовной власти со свѣтской, т. е. принятіе на себя (замѣтимъ, узурпаторское) султаномъ званія калифа и составляетъ главнѣйшее препятствіе для какихъ бы то ни было полезныхъ улучшеній въ турецкомъ устройствѣ. Всѣ уступки, которыя султанъ могъ бы еще сдѣлать, какъ государь, онъ не въ силахъ исполнить, какъ духовный глава правовѣрныхъ, не рискуя скомпрометировать себя.

Вмѣсто безцѣльной погони за возстановленіемъ своего господства въ предѣлахъ монархіи XVI и XVII вѣковъ, Турціи гораздо было полезнѣе озаботиться устройствомъ того, что у ней осталось отъ этой громадной монархіи. И теперь Турція—кусокъ довольно лакомый; правительству ея довольно работы внутри страны. Бороться же безсильно противъ шаекъ разбойниковъ, смотрѣть равнодушно на голодную смерть своихъ подданныхъ и въ то же время стремиться вмѣшиваться въ чужія дѣла по меньшей мѣрѣ нелогично. Впрочемъ, съ своей стороны, мы могли бы только радоваться пантуркизму, такъ какъ расширеніе турецкаго владычества въ полуцивилизованныхъ странахъ сталкиваетъ турецкіе интересы съ англійскими, а менѣе нѣжныя отношенія Англіи къ Турціи вообще повредить намъ не могутъ.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, подъ гнетомъ господствовавшей въ Европѣ системы политическаго застоя, идеи, покровительствуемыя Англіею, взяли верхъ: на Турцію начали смотрѣть не какъ на общаго врага, а какъ на необходимое условіе европейскаго равновѣсія, и начали думать не о разрушеніи ветхаго зданія Оттоманской Порты, а объ его реставраціи. Псевдо-реформаторская дѣятельность султана Махмуда II, заслужившаго въ западной печати титулъ великаго человѣка за то, что, вмѣсто чалмы, надѣлъ на свою армію греческія фески и обрилъ солдатамъ бороды, и гюльханейскій гатти-шерифъ—родъ либеральнаго фельетона, сочиненнаго Решидъ-пашею, бросили пыль въ глаза Европы. Дипломаты, собравшіеся на конгрессъ въ Парижѣ, въ 1856 году, торжественно признали «la haute valeur» этого фельетона, оставшагося не болѣе какъ плодомъ турецкой канцелярской

музы, и гостепріимно включили Турцію въ сонмъ европейскихъ державъ.

Сколько «либеральныхъ» людей перебывало съ тѣхъ поръ во главѣ турецкаго правительства, если вѣрить иностраннымъ журналистамъ. Решидъ-паша, Фуадъ-паша, даже Али-паша превозносились какъ великіе реформаторы и обновители обветшалаго зданія турецкой монархіи. Темная интрига, возведшая Мидхата-пашу въ званіе перваго министра, привѣтствовалась западно-европейской журналистикой какъ «заря свободы», озаряющая мусульманскій міръ. Люди, знакомые съ положеніемъ дѣлъ на берегахъ Босфора, знали истинную цѣну всѣмъ этимъ похваламъ и порицаніямъ и не вѣрили краснорѣчію туркофильской печати. Для этихъ людей и Мидхатъ-паша, заигрывавшій съ партіей «Молодой Турціи», но еще управляя дунайскимъ вилайетомъ выказавшій себя жестокимъ врагомъ славянъ, не представлялъ ничего, кромѣ огромной перетасовки личнаго состава чиновниковъ, весьма обыкновенной въ бюрократическихъ государствахъ. А Турція изъ всѣхъ своихъ реформъ послѣднихъ сорока лѣтъ лучше всего усвоила себѣ недостатки многочисленной централизованной и жадной бюрократіи, соединившей въ одинъ типъ придирчивость французскаго чиновника съ апатіей русскаго и продажностью греческаго.

Для турецкаго реформатора еще недостаточно милости султана, нужно умѣть ладить и съ корыстолюбивымъ гаремомъ, и съ закоренѣлыми предразсудками духовенства, и съ «старой партіей», и съ представителями великихъ державъ, оспаривающихъ вліяніе на дѣла Востока, и съ представителями тѣхъ банкирскихъ домовъ, которые доставляютъ Турціи кредитъ на европейскихъ биржахъ на условіяхъ чисто-ростовщическихъ, и т. д., и т. д. Задача не легкая.

Къ этому присоединяется безвыходное положеніе внутренней политики. Если болѣе просвѣщеннымъ нѣмцамъ и мадьярамъ трудно управлять враждебными національностями Австро-Венгріи, то каково положеніе турецкаго правительства, которое въ одной Европейской Турціи должно руководить шестнадцатью болѣе или менѣе значительными національностями, изъ которыхъ греки и славяне ясно сознали уже цѣль своихъ стремленій. Чтобъ найтись въ этомъ омутѣ противоположныхъ интересовъ, необходима или растлѣвающая ловкость, или честность и государственная идея по-истинѣ великаго политика.

Каждая смѣна великаго визиря въ Турціи наполняла сердца публицистовъ ни на чемъ не основанной надеждой, что новый визирь, поднятый на верхъ могущества гаремной интригой, долженъ непремѣнно совершить великія реформы, которыя откроютъ для Турціи новые политическіе горизонты и залечатъ ея экономическія язвы. Но кромѣ громкихъ обѣщаній всѣ великіе визири ничѣмъ себя не ознаменовали и не воспользовались даже и тѣми

средствами и тѣмъ временемъ, которыя были у нихъ въ распоряженіи. Все ограничивалось перемѣщеніемъ чиновниковъ; а до чего доходитъ кочеваніе администраціи въ Турціи — примѣромъ тому можетъ служить Смирна, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ имперіи: тамъ въ сорокъ три года перемѣнилось сорокъ восемь губернаторовъ, вся дѣятельность которыхъ прошла, конечно, въ однихъ переѣздахъ, пріѣздахъ, отъѣздахъ и устройствѣ квартиры.

Между тѣмъ, не говоря уже о различныхъ, весьма важныхъ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ, раздирающихъ Турцію, одни экономическіе интересы такой обширной страны могли бы дать пищу для самой усиленной дѣятельности какому угодно трудолюбивому министру; не менѣе значенія имѣло бы и преобразованіе, или, вѣрнѣе, упрощеніе администраціи. Въ этомъ смыслѣ пока ровно ничего не дѣлается. Государственные доходы находятся въ очень плохомъ, если не отчаянномъ положеніи; между тѣмъ никто не думаетъ о развитіи производительныхъ силъ государства, поставленнаго чрезвычайно выгодно въ географическомъ и климатическомъ отношеніи. Учредили-было на бумагѣ министерство горныхъ и лѣсныхъ дѣлъ, но къ эксплоатаціи рудныхъ мѣсторожденій и лѣсовъ никто и не приступалъ. Опытъ показалъ, напримѣръ, что взиманіе податей непосредственно чиновниками гораздо прибыльнѣе взиманія черезъ откупщиковъ; никто, однако, не обратилъ вниманія на эти опыты. Въ непроизводительныхъ расходахъ накакого сокращенія не дѣлается, несмотря на постоянно-возрастающій дефицитъ; земледѣліе остается безъ всякаго поощренія; нечего и говорить уже о бездѣйствіи по сооруженію шоссе, портовъ, каналовъ, по устройству морского и рѣчного пароходства— однимъ словомъ, по всему тому, что даетъ теперь жизнь и движеніе промышленности и торговлѣ. Если и сооружаются какія-нибудь дороги, то обыкновенно онѣ разрушаются на одномъ концѣ ранѣе, нежели другой построенъ. Желѣзныя же дороги, благодаря подкупамъ при выдачѣ гарантій, только разоряютъ финансы.

Систему же турецкихъ финансовъ можно оцѣнить по слѣдующему факту. Въ эпирскомъ вилайетѣ собиралось 3 мил. рублей податей; изъ нихъ 2 милліона отсылалось въ Константинополь, а 1 мил. расходовался на мѣстѣ. Но изъ этого милліона ни одной копѣйки не издерживалось ни на образованіе, ни на пути сообщенія; даже низшіе чиновники, не получая почти жалованья, жили взятками. Весь милліонъ шелъ въ жалованье высшимъ чиновникамъ, которые вознаграждались втрое выше, нежели въ Европѣ.

Законы Турецкой имперіи кодифицируются, но судебное устройство преобразовывается очень медленно, несмотря на категорически-выраженное желаніе самого султана. Недвижимая собственность стѣсняется многочисленными формальностями, а капиталы остаются безъ движенія, или поглощаются ажіотажемъ, потому что

поземельнаго кредита не существуетъ. По народному образованію былъ изданъ хорошій законъ, который остался вовсе безъ приложенія, и сочинили даже законъ, вводящій даровое и обязательное обученіе; послѣднее, конечно, осталось на бумагѣ.

Права и обязанности чиновниковъ въ точности не опредѣлены и не разграничены; положеніе ихъ совершенно не обезпечено, такъ какъ пенсій и эмеритальныхъ кассъ въ Турціи не существуетъ. Персоналъ турецкой администраціи комплектуется оригинальнѣйшимъ въ мірѣ образомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что базисомъ его служитъ гнусный порокъ турокъ, заставляющій ихъ держать вокругъ себя молодыхъ людей, офиціально приставленныхъ, будто бы, для подаванія и зажиганія чубуковъ и наргиле. Если подобный юноша состоитъ при султанѣ и успѣетъ понравиться, онъ легко сдѣлается министромъ, посланникомъ или «вали» (генералъ-губернаторомъ); если онъ пользуется милостью вали, то его ожидаетъ мѣсто каймакана или мудира, т. е. по-нашему губернатора или уѣзднаго начальника и т. д. Несмотря на такую странную подготовку, турецкіе чиновники, вслѣдствіе хорошихъ манеръ, врожденныхъ восточнымъ народамъ, и невозмутимаго спокойствія, имѣютъ весьма презентабельный видъ и этимъ видомъ вводятъ въ обманъ европейскихъ туристовъ, принимающихъ тупую апатію за глубокомысліе. Только двѣ привычки отталкиваютъ турецкихъ чиновниковъ и офицеровъ отъ европейцевъ—спанье, не раздѣваясь, въ тѣхъ же вышитыхъ мундирахъ, въ которыхъ они управляютъ и командуютъ днемъ, а затѣмъ слабость къ чесноку, слабость, издревле общая всѣмъ южнымъ народовъ.

А на бѣду Турецкой имперіи вообще не везетъ: финансовый кризисъ, неурожай, голодъ, пожары, грабежи и всякія другія бѣдствія обрушиваются на нее и ухудшаютъ ея и безъ того не очень красивое положеніе. Въ эту-то трудную пору правительство оказалось гораздо ниже своей задачи. Посылая, напр., помощь голодающимъ, администрація въ то же время принимаетъ всѣ мѣры для взысканія съ нихъ податныхъ недоимокъ. Губернаторъ голодающей провинціи разсказывалъ публично одному европейцу: «Я получилъ девятнадцать телеграммъ о поспѣшномъ взысканіи недоимокъ. Такъ какъ жители платить не въ состояніи, то придется многихъ посадить въ тюрьму, но жители будутъ отъ этого въ восторгѣ, такъ какъ получатъ даровое казенное продовольствіе; я боюсь только, что, пожалуй, всѣ жители пожелаютъ быть посаженными въ тюрьмы». «Право, сейчасъ бы бросилъ все и уѣхалъ, если бы самому было что ѣсть», прибавилъ турецкій администраторъ. Во многихъ изъ деревень не осталось и половины населенія, а между ними продолжали распредѣлять прежнюю сумму податей, и глашатай взывалъ на базарѣ: «Если у кого остались волы, ослы, бараны, коровы или хлѣбъ, все тащите, правовѣрные, про-

давайте и платите налоги!». Вотъ уже подлинно буквальное исполненіе знаменитаго англійскаго изреченія, что «платить подати и умирать долженъ каждый»!

Пожары на Востокѣ, въ тѣхъ городахъ, которые построены изъ дерева, безпрерывны. Разбойничество, всегда сильное въ оттоманскихъ провинціяхъ, съ голодомъ, конечно, только усилилось. Какъ-то около Александретты было схвачено и послано за крѣпкимъ карауломъ четыреста разбойниковъ. Четыреста человѣкъ— да это маленькая армія, въ родѣ тѣхъ, что сражались за независимость Греціи или бунтуютъ теперь въ южно-американскихъ республикахъ.

Такова картина внутреннихъ золъ, разъѣдающихъ Турецкую имперію. «Турки», говоритъ ихъ извѣстный панегиристъ Убичини, «не сдѣлались ни лучше, ни хуже; они не отстали и не подвинулись впередъ; они прожили это время—вотъ все, что можно сказать о нихъ». Но болѣе справедливо оцѣнилъ ихъ англійскій историкъ Фриманъ, сказавъ, что «въ то время, какъ другіе народы дѣлаются лучше и лучше, турки становятся все хуже». Нѣтъ сомнѣнія, что многое въ нынѣшнихъ условіяхъ могло бы быть исправлено при одномъ добромъ желаніи и безъ большихъ затрудненій. Почва Турціи плодородна, христіанская часть населенія трудолюбива и отчасти предпріимчива, морской путь во всѣ части свѣта открытъ круглый годъ,иностранные капиталы помѣщаются въ Турціи довольно охотно, туда же переселяются изъ Европы техники, артисты, даже литераторы; но ложная правительственная система и мертвящая администрація губятъ все въ корнѣ, не давая странѣ вздохнуть свободно и оправиться хоть на минуту, чтобъ сбросить съ себя вѣковой гнетъ и освѣжиться новыми силами. Никто не думаетъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей страны; гораздо болѣе интересуютъ всѣхъ политическія столкновенія и подъ-часъ пустыя бредни о возстановленіи имперіи османовъ.

Передъ послѣдней восточной войной турецкіе министры и дипломаты были пресерьезно убѣждены, что полунезависимымъ государствамъ, входившимъ тогда въ составъ Оттоманской имперіи, не только не слѣдуетъ заботиться о дальнѣйшемъ отдѣленіи, но, скорѣе, хлопотать о тѣснѣйшемъ сближеніи подъ скипетромъ султана, такъ какъ это, будто бы, могло послужить единственнымъ спасеніемъ для ихъ національностей; предоставленныя же самимъ себѣ, вассальныя государства Турціи немедленно-де сдѣлаются добычею своихъ сильныхъ сосѣдей.

Туркофилы въ этомъ случаѣ сильно заблуждались. Хотя нельзя не признать искусства, съ какимъ въ серединѣ XIX столѣтія турецкое правительство возстановило свою власть въ провинціяхъ, но успѣхи эти не должны были ослѣплять стамбульскихъ политиковъ. Возстановленіе власти султана было достигнуто исключи-

тельно силой оружія; никакихъ другихъ мотивовъ для сближенія Турціи съ ея вассалами не было, да и быть не могло. Какія данныя имѣла она для устройства федеральной связи? Народы не привлекались къ ней ни единствомъ религіи, ни единствомъ языка, ни желаніемъ объединенія законодательства; даже въ торговомъ отношеніи интересы различныхъ частей Турецкой монархіи совершено различны, и съ развитіемъ пароходства замѣчается теперь быстрое ослабленіе экономической централизаціи Константинополя. Если же ничто не привлекало вассаловъ Турціи къ объединенію, а, наоборотъ, важнѣйшіе интересы свободы, національности, правосудія и образованія побуждали ихъ самостоятельно вырабатывать свое государственное устройство, то, конечно, стремленія къ полной автономіи и независимости какъ политической, такъ и экономической, были въ высшей степени законны, и безъ сомнѣнія никакими ухищреніями устарѣвшей въ своихъ пріемахъ турецкой дипломатіи воспрепятствовать ихъ эмансипаціи было нельзя.

Такъ же безцѣльнымъ, какъ проектъ турецкой федераціи, считаю я другой вопросъ—о преобразованіи власти великаго визиря. Великій визирь соединяетъ въ своемъ лицѣ власть перваго министра, министра внутреннихъ дѣлъ и единственнаго докладчика по всѣмъ отраслямъ управленія передъ султаномъ; только дѣла духовныя и юстиціи не находятся въ его вѣдѣніи. Положеніе это Абдулъ-Гамидъ думалъ какъ-то измѣнить тѣмъ, что, оставивъ великаго визиря главою кабинета, отдѣлилъ отъ него министерство внутреннихъ дѣлъ и допустилъ всѣхъ министровъ до личныхъ докладовъ. Подобное преобразованіе не принесло пользы и не могло принести. Въ Турціи и безъ того имѣется уже болѣе десятка министерствъ; образованіе новаго увеличивало только число чиновниковъ и усложняло переписку. Дозволеніе же всѣмъ министрамъ сноситься непосредственно съ султаномъ имѣло послѣдствіемъ уничтоженіе единства, существующаго въ турецкомъ кабинетѣ (диванѣ); каждый министръ началъ дѣйствовать самовластно, укрываясь за волею султана, и усилились неизбѣжныя пререканія разныхъ вѣдомствъ, сдерживать которыя у великаго визиря не было средствъ.

Какой-то шутникъ распустилъ-было въ заграничныхъ газетахъ слухъ о томъ, что предполагалось свиданіе четырехъ сильныхъ монарховъ магометанскаго міра: турецкаго султана, египетскаго хедива, тунискаго бея и мароккскаго императора. Программою этого фантастическаго свиданія долженъ былъ послужить проектъ федераціи всего мусульманскаго міра отъ Индійскаго моря до Атлантическаго океана. Неизвѣстно, могла ли подобная глубокомысленная идея когда-либо осуществиться, но если бы случай привелъ встрѣтиться мусульманскихъ монарховъ, то, безъ сомнѣнія, у нихъ былъ бы только одинъ интересный предметъ для разговора, а именно, какъ устроить финансы, которые были одинаково дурны во всѣхъ мусульманскихъ странахъ.

Первенство въ этомъ случаѣ принадлежало Турціи. Она ухитрялась въ мирное время, не производя почти общественныхъ работъ и не выплачивая даже аккуратно жалованья арміи и чиновникамъ, дѣлать ежегодно огромные займы и запутывать до такой степени свои финансы, что не было другого исхода, кромѣ объявленія государственнаго банкротства.

Въ 1854 году, благодаря содѣйствію тогда союзныхъ Англіи и Франціи, Турціи удалось впервые заключить заграничный заемъ. Средство это чрезвычайно понравилось турецкимъ государственнымъ людямъ. Возможность займа отстраняла необходимость предусмотрительности и позволяла легко удовлетворять различныя прихоти вліятельныхъ лицъ; съ другой стороны, при заключеніи займовъ черезъ услужливыхъ банкировъ, на условіяхъ, обыкновенно довольно тяжелыхъ, нѣсколько милліоновъ лишней комиссіи незамѣтно оставлялись, чтобы полакомить турецкихъ министровъ. Министры эти мѣнялись безпрерывно, аппетитъ ихъ возобновлялся постоянно, и потому неудивительно, что, въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ, турецкимъ правительствомъ было заключено пятнадцать заграничныхъ займовъ, на сумму въ милліардъ руб. Къ этимъ займамъ нужно прибавить еще внутренній неотвержденный долгъ, исчислить который не легко.

Большая часть милліарда была доставлена мелкими англійскими и особенно французскими капиталистами. Постоянныя жалобы ихъ вынуждали, однако, турецкое правительство установить хотя какой-либо порядокъ въ финансовомъ управленіи. Въ 1861 году государственный бюджетъ былъ въ первый разъ опубликованъ; Турція опередила насъ въ этомъ отношеніи на цѣлый годъ. Въ 1865 году различные долги были объединены и отверждены, и учреждена государственная долговая книга, въ законѣ о которой сказано, что «никакой новый долгъ не можетъ быть вписанъ въ книгу прежде, чѣмъ будутъ изысканы для платежа процентовъ и погашенія надлежащія средства изъ сбереженій въ расходахъ или отъ возрастанія доходовъ». Эти реформы мало принесли пользы. Займы возобновлялись съ тѣхъ поръ съ изумительной легкостью. Лѣтомъ 1875 года, необходимость прибѣгнуть къ новому займу для покрытія процентовъ по прежнимъ долгамъ поставила турецкое правительство въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Министръ финансовъ. Садыкъ-паша объѣхалъ Европу, и вездѣ получилъ одинъ отвѣтъ, что турецкое правительство не найдетъ болѣе кредита, если не допуститъ европейскихъ капиталистовъ контролировать употребленіе собираемыхъ займами суммъ.

Садыкъ-паша былъ смѣненъ, но великій визирь, сваливъ, по обыкновенію, всѣ бѣдствія на неспособность своихъ предшественниковъ, вынужденъ былъ уступить требованію европейскихъ кредиторовъ. Съ этою цѣлью турецкое правительство заключило договоръ съ Оттоманскимъ банкомъ, который сдѣлался государствен-

нымъ казначействомъ Турціи. Результатомъ новаго порядка вещей былъ успѣхъ громаднаго займа, выпущеннаго турецкимъ правительствомъ на лондонской и парижской биржахъ. Но, избавившись отъ грабежа своихъ финансовыхъ агентовъ, турецкое правительство подпало подъ худшее иго европейскихъ биржевиковъ и спекуляторовъ. Какая эксплоатація, административная или банкирская, оказалась тяжелѣе для Турціи, скоро показалъ опытъ. Въ 1875 г. Турція предложила платить проценты вмѣсто денегъ новыми облигаціями.

Никто на можетъ строго осудить правительство, которое во время страшной войны, спасая цѣлость государства, пріостанавливаетъ платежи звонкою монетою по своимъ билетамъ, или даже, временно, платежи процентовъ по займамъ. Salvus rei publicae lex suprema esto, говорили еще римляне. Но объявить государственное банкротство ради того, что подати, выбивавшіяся палкою изъ народа, шли не на его просвѣщеніе, не на развитіе торговли, или на исправленіе дорогъ, а на сооруженіе прихотливыхъ мраморныхъ дворцовъ на Босфорѣ, постройку никому ненужныхъ броненосныхъ судовъ и на содержаніе въ сералѣ двухъ тысячъ наложницъ, превосходило мѣру дозволеннаго по общепринятымъ понятіямъ о честности, которая одинаково обязательна какъ для мелочного торговца, такъ и для государства съ трехсотъ-тысячною арміею. Оправдываться герцеговинскимъ возстаніемъ для турецкаго правительства не было основанія; возстаніе ограничилось двумя бѣдными и гористыми провинціями.

Что Блистательная Порта приняла подобное «блистательное» рѣшеніе не удивительно. Но что должно удивлять всѣхъ, это неловкая защита нѣкоторыми газетами невѣроятнаго поступка турецкаго правительства, который нагло назывался «приведеніемъ въ порядокъ турецкихъ финансовъ». Въ числѣ защитниковъ споліаціи турецкимъ правительствомъ своихъ кредиторовъ явился и «Journal de St.-Pétersbourg». По его словамъ, должно было полагать, что турецкое правительство «твердо рѣшилось оставить путь полумѣръ и заняться экономическимъ развитіемъ страны». «Въ послѣднемъ случаѣ, отвращеніе финансоваго міра къ турецкимъ бумагамъ будетъ только временнымъ, а впослѣдствіи превратится даже въ горячую симпатію, потому что всѣ, кто считаетъ себя ограбленными, получатъ выгоду отъ повышенія цѣнъ турецкаго займа въ тотъ моментъ, когда сдѣлается извѣстнымъ, что турецкая финансовая администрація отказалась навсегда отъ случайныхъ спекуляцій».

Наша дипломатическая газета забыла прибавить, когда именно наступитъ тотъ день, когда капиталисты убѣдятся въ просвѣтленіи разума турецкой финансовой администраціи, которая до тѣхъ поръ, кромѣ, какъ взяточничествомъ и казнокрадствомъ, ничѣмъ себя не проявила, и полагала, будто всѣ капиталисты въ состоя-

нія дожидаться этой вожделѣнной минуты и хранить, какъ драгоцѣнность, турецкіе фонды. «Journal de St.-Pétersbourg» не соображалъ, что у капиталистовъ скорѣе явится опасеніе, что если турецкое правительство платитъ сегодня только половину процентовъ по своимъ долгамъ, то завтра оно можетъ, на тѣхъ же основаніяхъ, вовсе отказаться отъ ихъ платежа. Слѣдовательно, каждый изъ капиталистовъ поспѣшитъ не спрятать турецкія бумаги въ сундукъ, а отдѣлаться поскорѣе отъ нихъ.

Что наступаетъ время, когда турецкое правительство и вовсе перестанетъ платить проценты по своимъ займамъ, было несомнѣнно. Для этого слѣдовало только прислушиваться къ сужденіямъ газетъ, въ родѣ указанной, и дѣйствовать послѣдовательно. Если рѣшеніе турокъ, вмѣсто пяти франковъ платить по долгамъ два съ половиною, провозглашалось первымъ шагомъ къ несомнѣнному прогрессу и «экономическому развитію страны», то рѣшеніе турокъ вовсе не платить процентовъ, навѣрное, должно было довести развитіе Турецкой имперіи до ея апогея. Наконецъ, если Турція, руководствуясь финансовою политикою еще болѣе радикальною, вмѣсто платежа пяти франковъ, попросило бы, наоборотъ, эти пять франковъ вновь у своихъ кредиторовъ, то благосостояніе ея навѣрное дошло до крайнихъ предѣловъ человѣческаго благополучія!

Вообще, въ это время наши дипломаты, на словахъ, впрочемъ, переполнены были странными, относительно Турціи, иллюзіями. Въ этомъ отношеніи замѣчательна рѣчь русскаго посла въ Константинополѣ, генерала Игнатьева, сказанная на обѣдѣ, данномъ въ его честь въ Одессѣ въ 1873 г.

«Что бы ни говорили мои противники», заявлялъ онъ, «но въ теченіе девятилѣтняго пребыванія въ Турціи у меня не было ни одной крупной ссоры съ Портой. Въ моихъ сношеніяхъ я постоянно старался ослабить тѣ предразсудки, которые враги и завистники наши поселяли съ своекорыстною цѣлью въ государственныхъ людяхъ Турціи»... «Мы находимся въ наилучшихъ сосѣдственныхъ отношеніяхъ съ Турціей всякій разъ, когда министръ, находящійся во главѣ правительства (т. е. великій визирь), не руководствуется предвзятыми мыслями, внушенными ему нашими противниками»... Настоящую политику Россіи въ Константинополѣ Игнатьевъ характеризовалъ слѣдующими словами: «Намъ ни пяди чужой земли не нужно. Мы ничего себѣ не желаемъ. Естественное сочувствіе наше къ единовѣрцамъ безвредно (для Турціи). Мы желаемъ всякому свое—правду и справедливость, а зла—никому».

Спустя три года послѣ этой рѣчи возгорѣлась восточная война, въ причинахъ которой игралъ такую видную роль Игнатьевъ. Ему приписывали, неизвѣстно насколько справедливо, самонадѣянность, съ которой мы начали войну съ ничтожными силами (да еще потерявъ понапрасно, по совѣту генерала Коцебу и др. спеціалистовъ,

цѣлую зиму), какъ графу Шувалову приписывали потомъ излишнюю робость и уступчивость по окончаніи войны между санъ-стефанскимъ миромъ и берлинскимъ конгрессомъ.

Выходитъ, мы провинились одинаково и въ смѣлости, и въ робости. «Фортуна—женщина, она принадлежитъ только смѣлому», сказалъ Макіавель, и нигдѣ, конечно, этотъ афоризмъ не прилагается съ такою силою, какъ въ войнѣ. Если отдѣльныя личности цѣнятся и награждаются въ военное время, главнымъ образомъ, по степени выказываемаго удальства и храбрости, то совершенно одинаково смѣлость должна проявляться и въ той коллективной личности, которая называется государствомъ. Смѣлость еще вдвойнѣ похвальна, когда выказывающій ее защищаетъ святое дѣло. Исторія знаетъ въ этомъ случаѣ удивительные примѣры. Въ 1808 году отдѣльные города Испаніи возстали противъ деспотизма Наполеона, располагавшаго военными силами половины Европы, и безъ всякаго предварительнаго соглашенія, избравъ тѣнь временнаго правительства, формально объявили войну всемогущему императору, и что-жъ оказалось? Эти, по заключенію рутинной логики, безумцы вышли побѣдителями.

Безъ сомнѣнія, большое государство не можетъ рисковать въ одинаковой степени своими интересами, какъ малое или такое, для котораго война является отчаянною ставкою игрока, но смѣлость и опрометчивость—понятія вовсе не тожественныя. Пруссія, повидимому безъ всякаго подготовленія, смѣло дѣйствовала въ 1866 году, а Наполеонъ III, послѣ длинныхъ колебаній и получивъ отъ своего военнаго министра завѣреніе, что даже всѣ пуговицы пришиты на своихъ мѣстахъ въ арміи, начавъ въ 1870 году войну, какъ вышло на повѣрку, поступилъ только опрометчиво Таковъ нерѣдко бываетъ плодъ излишней предусмотрительности. Въ 1796 году Наполеонъ началъ кампанію съ арміей безъ сапоговъ, а разбилъ четыре арміи; тотъ же Наполеонъ, весьма тщательно приготовившись къ кампаніи 1812 года, настолько тщательно, что не забылъ даже напечатать фальшивыхъ русскихъ ассигнацій, понесъ жестокое пораженіе.

Я нарочно привелъ эти элементарные примѣры, чтобы показать, какъ несостоятельно мнѣніе, будто бы на войнѣ лишь тотъ побѣждаетъ, кто дѣйствуетъ ощупью, раздумывая на каждомъ шагу и спрашивая направо и налѣво, какъ думаютъ о его поступкахъ. Подобную именно роль навязывали нашей арміи наши заграничные друзья, забывая, что едва ли кто настолько наивенъ, чтобы вести войну по указанной ему заранѣе дорожкѣ. Если подобныя указанія безсмысленны, то не болѣе того заслуживало одобренія желаніе нашей дипломатіи узнать заранѣе, какое впечатлѣніе произведетъ то или другое изъ возможныхъ событій. Конечно положеніе однихъ было въ этомъ случаѣ легче, другихъ—труднѣе. Англія, навѣрное, сказала бы, что всегда станетъ противодѣйствовать успѣхамъ Россіи

на Востокѣ и была бы по-своему права. Но если бы спросить графа Андраши, что сдѣлаетъ Австро-Венгрія при той или другой комбинаціи, то, конечно, онъ далъ бы отвѣтъ очень уклончивый. Развѣ можно было предусмотрѣть не только общую совокупность обстоятельствъ, могущихъ совпасть одновременно со взятіемъ Константинополя, но и впечатлѣніе, которое это событіе произведетъ на измѣнчивое общественное мнѣніе, легко признающее совершившіеся факты и даже восторгающееся ими. Зная же заранѣе, что мы Константинополь брать не намѣрены, Андраши, конечно, не затруднился, или точнѣе, не постыдился (ибо участвовалъ въ дѣлежѣ Турціи) принять сторону Англіи.

Дѣло все шло о томъ, какъ бы успокоить Англію, хотя въ дѣйствительности скорѣе она должна была опасаться насъ съ ея Индіей и торговымъ флотомъ. Это успокоеніе заставило Россію пренебрегать до послѣдней минуты содѣйствіемъ Персіи, которая диверсіей къ Евфрату съ своей, хотя и очень плохой арміей, могла бы отвлечь часть турецкихъ силъ, быть можетъ равную той, которую турки могли свободно высадить въ Сухумѣ.

Относительно Суэзскаго канала, хотя онъ составлялъ часть египетской территоріи и также долженъ былъ считаться нейтрализованнымъ, какъ, напримѣръ, Ладожскій каналъ, Россія могла, пожалуй, сдѣлать уступку; собственно отъ канала доходы Египта ничтожны, а акціи, принадлежавшія вице-королю, проданы Англіи; между тѣмъ для нейтральныхъ державъ каналъ былъ не только важенъ, но даже необходимъ. Единственное, что могла выговорить Россія за свою уступку, это воспрещеніе Турціи возить по каналу войска изъ ея владѣній по Красному морю. Другое дѣло берега Египта. Князь Горчаковъ въ своей нотѣ къ лорду Дерби настаивалъ на правѣ Россіи распространить военныя дѣйствія и на Египетъ, какъ на часть Турецкой имперіи, но затѣмъ уступилъ. Между тѣмъ блокировать берега Египта являлось прямою необходимостью и обязанностью для Россіи во время войны. Торговля Египта превосходила 150 милліоновъ рублей въ годъ и на эти средства онъ снарядилъ армію, сражавшуюся съ нами. Подобная блокада была невыгодна для нейтральныхъ державъ; но блокада береговъ Германіи была въ десять разъ невыгоднѣе, однако никто и пикнуть не посмѣлъ, когда Франція объявила нѣмецкіе порты блокированными. Да не только Франція, Данія блокировала ихъ въ 1849 и 1864 годахъ. Въ восточную войну, вопреки буквальному тексту парижской деклараціи 4-го апрѣля 1856 года, которую Турція подписала тѣмъ охотнѣе, что заранѣе знала, что къ исполненію ее никто не понудитъ, послѣдняя объявила «бумажную» блокаду русскихъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей и настаивала на неприкосновенности этой блокады, не взирая на протесты, правда, довольно робкіе, нейтральныхъ державъ. Между тѣмъ, многія государства, особенно

Греція и Италія, очень сильно пострадали отъ подобной незаконной блокады.

Само собою разумѣется, что мы должны были также воспользоваться правомъ взаимно блокировать и турецкіе берега по Средиземному морю и входъ въ Дарданеллы. Извѣстно, въ какомъ ужасномъ положеніи сухопутные пути сообщенія въ Турціи. Все торговое значеніе Константинополя основано на томъ, что онъ центръ обширныхъ каботажныхъ сообщеній. Блокируя турецкіе порты, мы, во-первыхъ, ставили столицу въ отчаянное положеніе умереть съ голода, во-вторыхъ, дезорганизовали окончательно всю перевозку рекрутъ, снарядовъ, припасовъ и пр. изъ Сиріи, Египта, Малой Азіи, Кандіи, Архипелага, и обратно.

Вообще вредить врагу всѣми мѣрами—составляетъ цѣль войны, и какъ ни кажется грустною необходимость распространять тягости войны на мирныхъ жителей—это совершенно неизбѣжно, иначе войны тянулись бы слишкомъ долго, представляя только родъ забавы для дѣйствующихъ армій. Такими и были кондотьерскія войны XV и XVI столѣтій въ Европѣ и нынѣшнія войны въ южно-американскихъ республикахъ, оканчивающіяся очень часто безъ убитыхъ и даже раненыхъ. Въ 1877 — 1878 гг. военная необходимость вынуждала заставлять поголодать населеніе столицы Турціи, чтобы этимъ косвеннымъ путемъ вынудить турецкое правительство къ большей уступчивости при заключеніи мира. Константинополь съ своими окрестностями заключаетъ, какъ извѣстно, почти милліонъ населенія, питающагося исключительно привознымъ хлѣбомъ. Поэтому почти каждую войну вопросъ о продовольствіи столицы становится грознымъ призракомъ передъ турецкимъ правительствомъ *).

---

*) Видя, что снабженіе Константинополя хлѣбомъ косвеннымъ путемъ, черезъ Ливорно и Марсель, обходится слишкомъ дорого, турецкое правительство, опасаясь неудовольствія стамбульской черни, сперва уничтожило до 1-го марта 1878 года привозную таможенную пошлину на хлѣбъ (равную почти 14%)—что было весьма благоразумно, а затѣмъ объявило, что готово выпускать изъ яко бы блокируемыхъ южныхъ русскихъ портовъ суда, нагруженныя хлѣбомъ—что было уже совершенно наивно, тѣмъ болѣе, что Турція давала пропускъ только подъ условіемъ выгрузки хлѣба въ Константинополѣ.

Имѣя въ виду, что вся хлѣбная торговля въ портахъ южной Россіи находится въ рукахъ иностранцевъ и, отчасти, космополитическихъ евреевъ, нѣтъ сомнѣнія, что эти «благодѣтели» нашей страны поспѣшили бы «ничто же сумняшеся» изобильно снабдить турецкую столицу и ея интендантскіе склады относительно дешевымъ продовольствіемъ. Поэтому слѣдуетъ безусловно одобрить распоряженіе правительства о воспрещеніи вывоза хлѣба изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, воспрещеніе, которое не было сдѣлано ранѣе только въ виду уже фактически прекратившагося отпуска изъ русскихъ портовъ.

При этомъ я, однако, долженъ обратить вниманіе на одно, довольно, по моему мнѣнію, важное обстоятельство. Извѣстно, что въ виду турецкой фиктивной блокады портовъ, правительство наше временно разрѣшало въ русскихъ южныхъ моряхъ заниматься каботажемъ судамъ подъ нейтральнымъ флагомъ, что воспрещается, въ интересахъ русскаго мореходства, въ мирное время. Были поводы опасаться, что многія изъ подобныхъ нейтральныхъ судовъ, особенно англійскихъ и австрійскихъ, нагрузившись русскимъ хлѣбомъ въ Одессѣ или Таганрогѣ

У насъ сложилось мнѣніе, будто бы блокада турецкихъ портовъ была невозможна, потому что у насъ не было флота, но это невѣрно, скорѣе сила турецкаго флота была только на бумагѣ. Если бы Россія сдѣлала диверсію въ Средиземномъ морѣ, то двухъ поповокъ и нѣсколькихъ миноносныхъ судовъ, имѣвшихся въ Черномъ морѣ, было бы вполнѣ достаточно для обороны послѣдняго.

Существуетъ еще другое возраженіе, будто бы у насъ не было на Средиземномъ морѣ точки опоры, а современныя правила нейтралитета стѣсняютъ плаваніе военныхъ судовъ. На это замѣчу, что нейтралитетъ Даніи, Швеціи и Пруссіи не мѣшалъ, однако, англо-французамъ отлично плавать въ Балтійскомъ морѣ въ крымскую войну; можно было понудить Грецію не закрывать въ угоду англичанамъ свои превосходные порты, и изъ ея громаднаго торговаго флота образовать недостающій Россіи транспортный и крейсерскій флотъ. Слѣдовательно, если мы не шли въ Средиземное море, то вовсе не ради преувеличенныхъ недостатковъ нашего флота, или какихъ либо стѣсненій международнаго права, а по убѣжденію въ рѣшительномъ превосходствѣ нашемъ по сухому пути, нѣсколько охлажденномъ неудачами подъ Плевною.

Въ публикѣ и въ извѣстной части нашей печати существуетъ убѣжденіе, что войны 1853—56 гг. и 1877—78 гг. были дѣломъ прихоти. Русскіе взяли да и пошли бить бѣднаго турку. Такъ толковать міровыя событія едва ли возможно. Эти двѣ войны, тяжелыя для насъ—потому что мы надѣлали кучу ошибокъ по части дипломатіи, финансовъ, генеральнаго штаба, интендантства и т. д., оказались, какъ всегда, не готовыми къ войнѣ и въ выборѣ лицъ руководились фаворомъ и протекціей—въ сущности были неизбѣжны. Это лишь два послѣднія звенья въ той цѣпи войнъ, которая началась еще съ Куликовской битвы и окончится лишь тогда, когда наша армія въ томъ или другомъ видѣ приведетъ Россію къ открытымъ морямъ.

Жалобы на послѣднюю войну основывались главнымъ образомъ на сопровождавшемъ ее финансовомъ разстройствѣ, но и предыдущія наши войны съ турціей влекли за собою буквально тѣ же послѣдствія. «Изъ войны Турецкой вышли мы не безъ славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пребудемъ въ голяхъ», писалъ гр. Воронцову Завадовскій послѣ второй турецкой войны при Екатеринѣ II. Разница та, что, закончивъ съ двойными усиліями войну 1877—78 гг., мы испугались собственной побѣды и договоръ побѣдителя съ побѣжденнымъ отдали на пере-

и прописавъ свои документы въ Севастополь, Феодосію и другіе русскіе порты, преспокойно отправятся въ Константинополь, гдѣ, конечно, будутъ приняты съ распростертыми объятіями и даже въ случаѣ, весьма сомнительнаго, протеста со стороны своихъ консуловъ, ссылаться на вынужденный заходъ въ турецкій портъ по случаю дурной погоды, аваріи и т. п.

смотръ своимъ исконнымъ врагамъ*), — явленіе небывалое въ исторіи. Мы, точно, затруднялись рѣшить, чѣмъ и какъ могутъ быть удовлетворены честь и интересы Россіи. Но понятіе о народной чести весьма можетъ быть различно и конечно Россія понимала ее не въ смыслѣ только удовольствія побить турокъ. Это было бы ужъ черезчуръ мелко и недостойно. Честь Россіи заключалась въ дарованіи турецкимъ христіанамъ свободы и дѣйствительной независимости подъ покровительствомъ Россіи, а это англійскимъ проектомъ, принятымъ графомъ Шуваловымъ, вовсе не достигалось. Относительно собственно русскихъ интересовъ также можно было поспорить. Безъ сомнѣнія, Батумъ полезное для насъ пріобрѣтеніе, но ни для кого не секретъ, что, если бы не коекакія серальныя интриги, Батумъ турки продали бы намъ гораздо ранѣе за 40 милліоновъ рублей; выходитъ, будто бы за всѣ военныя издержки Россія, сверхъ контрибуціи, которую турки платятъ такъ неаккуратно, получила сорокъ милліоновъ рублей. Но въ состояніи ли насъ вознаградить подобная ничтожная сумма?

Достаточно вспомнить громадные расходы на мобилизацію нашей арміи и содержаніе ея въ теченіе пяти мѣсяцевъ на Прутѣ, потери отъ банкротствъ, убытки отъ задержекъ движенія по желѣзнымъ дорогамъ и отъ прекращенія черноморской и азовской торговли, потери на курсахъ и отъ необходимости выпускать кредитные билеты, собственно военные расходы, денежную помощь сербамъ и черногорцамъ и, наконецъ, убытки отъ грабежей, совершаемыхъ турками на нашемъ кавказскомъ берегу, чтобы, и не очень утруждая себя ариѳметическими вычисленіями, понять, какъ маловажна была уступка Батума. Она не покрывала и сотой части нашихъ потерь и расходовъ.

Пародируя пресловутый отвѣтъ венеціанскихъ пословъ, наши соперники на Востокѣ давно говорятъ: «мы прежде всего англичане, а затѣмъ христіане»; не было повода, почему это изреченіе русскіе вывернули въ 1878 г. на изнанку къ явной своей невыгодѣ..

Англичане и австро-венгерцы не вышли изъ своей роли, являясь съ предложеніями, истинная цѣль которыхъ была остановить Россію на полдорогѣ, но мы также не вышли бы изъ своей, если, послѣ сдѣланнаго прискорбнаго опыта добиться чего-либо при помощи Европы, отказались входить въ какія-либо политическія комбинаціи, искренность которыхъ могла быть заподозрѣна. Времена перемѣнились и къ нынѣшнимъ войнамъ уже не могутъ быть приложены извѣстныя слова Макіавеля, что «ихъ начинаютъ безъ боязни, продолжаютъ безъ опасности и оканчиваютъ безъ убытковъ».

*) Любопытенъ отзывъ о берлинскомъ конгрессѣ и тактикѣ европейской дипломатіи англійскаго дипломата Лейярда въ разговорѣ съ Скобелевымъ, происходившемъ въ 1878 г. послѣ конгресса. Лейярдъ между прочимъ сказалъ: «Quand les Gaules ont monté au Capitole les oies ont crié et les Gaules ont eu peur. Nous avons fait comme les oies et les russes ont eu peur».

Россія обнажила мечъ съ такими цѣлями, что вложить его могла лишь заранѣе увѣренная въ осуществленіи своего первоначальнаго намѣренія хотя въ главнѣйшихъ чертахъ. Къ сожалѣнію, не всѣ раздѣляли такое воззрѣніе, что и привело насъ уступка за уступкою въ Берлинъ на конгрессъ, подъ предсѣдательствомъ того человѣка, который казался безпристрастнымъ «честнымъ маклеромъ».

Въ берлинскомъ трактатѣ, важнѣйшемъ для Россіи дипломатическомъ актѣ послѣднихъ сорока лѣтъ, главнѣйшую роль играли графъ Шуваловъ и кн. Горчаковъ. Выяснить ихъ личное, весьма многостороннее участіе въ восточной войнѣ возможно станетъ лишь по опубликованіи дипломатическихъ документовъ. Но результаты не говорятъ въ ихъ пользу. При своихъ несомнѣнныхъ способностяхъ, Шуваловъ, быть можетъ, былъ бы хорошимъ представителемъ Россіи въ другой странѣ, кромѣ Англіи; но въ Лондонѣ, преклоняясь передъ аристократическими порядками и вынужденный постоянно защищать несимпатичную для него политику на Востокѣ графа Игнатьева, онъ находился въ неловкомъ положеніи. На бѣду, судьба поставила во главѣ англійскихъ дѣлъ человѣка геніальнаго, хотя и со слабостями—лорда Биконсфильда; послѣдній безъ труда проводилъ Шувалова. Нашъ посолъ и не подозрѣвалъ, напр., о договорѣ англичанъ съ турками, повлекшемъ къ уступкѣ Англіи острова Кипра и протекторату надъ Малой Азіею.

Во все время, отъ начала герцеговинскаго возстанія до объявленія войны, Шуваловъ былъ противъ энергическаго вмѣшательства Россіи въ турецкія дѣла, въ чемъ сходился съ кн. Горчаковымъ, который далеко не былъ сторонникомъ рѣшительной политики. Нерѣшительность эта, между тѣмъ, и сдѣлала войну неотложною. Съ другой стороны, проволочка, разоряя насъ въ финансовомъ отношеніи, дала возможность туркамъ отлично вооружиться и укрѣпиться на англійскія деньги. Еще за три недѣли до объявленія войны Шуваловъ подписалъ съ лордомъ Дерби извѣстный протоколъ 19-го марта о согласіи Европы улучшить участь турецкихъ христіанъ.

Когда война была, наконецъ, объявлена, Англія черезъ посредство графа Шувалова добилась важной уступки, что Россія не сдѣлаетъ восточную часть Средиземнаго моря полемъ военныхъ дѣйствій; такимъ образомъ балтійскій флотъ былъ обреченъ на бездѣйствіе, Константинополь не могъ быть блокированъ, а Египетъ открыто помогалъ Турціи. Такого унизительнаго условія англичане не рѣшились предложить Россіи даже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Но это были цвѣточки передъ тѣмъ, что насъ ждало впереди. Необыкновенно быстрые успѣхи русской арміи послѣ перехода черезъ Балканы поразили англичанъ. Они сдѣлали всѣ усилія, чтобы остановить наши войска у Константинополя. Австро-Венгрія, хотя и купленная до войны уступкою сербскихъ областей, измѣнила

намъ и перешла на сторону противниковъ. Но ни Англія, ни Австро-Венгрія къ войнѣ готовы не были и, не смотря на всѣ ихъ похвальбы, воевать бы не стали. Вотъ тутъ-то и проявилось вліяніе Шувалова; онъ былъ убѣжденъ и убѣдилъ другихъ, что англичане рѣшились воевать во что бы то ни стало. Пока шли переговоры объ условіяхъ пересмотра санъ-стефанскаго договора, Англія и Австро-Венгрія дѣйствительно вооружались, а русская армія вымирала отъ тифа у стѣнъ Константинополя.

Берлинскій трактатъ увѣнчалъ дипломатическую дѣятельность Шувалова въ теченіе пяти лѣтъ. Обладая большимъ характеромъ, честолюбивый и недоброжелательный, онъ не отказывался нести отвѣтственность за свои поступки и смотрѣлъ, повидимому, на свои труды по конгрессу какъ на заслуживающіе награды; по крайней мѣрѣ, диктуя извѣстныя корреспонденціи въ «Голосъ» изъ Берлина въ 1878 г., онъ включилъ туда фразу, что заслужилъ отъ Россіи памятникъ.

Статьи берлинскаго договора были заранѣе условлены Шуваловымъ въ Лондонѣ и имъ же привезены въ Петербургъ до конгресса. Достигнутое предварительными переговорами съ Англіею соглашеніе не избавляло, однако, насъ отъ необходимости посчитаться и съ австро-венгерскими притязаніями. Князь Бисмаркъ, защищая роль Германіи на берлинскомъ конгрессѣ, заявилъ, что онъ самъ изумился содержанію предварительныхъ условій, но смѣшно было, прибавлялъ онъ иронически, отъ него требовать, чтобы онъ сталъ «болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе». Истина великая!

Роль графа Шувалова на конгрессѣ нашла у насъ защитниковъ, но чѣмъ объяснить, напримѣръ, слова, сказанныя Шуваловымъ передъ конгрессомъ кн. Бисмарку: «Я ѣду въ Петербургъ воевать съ ультра-русскою партіею», или сказанныя имъ во время конгресса депутатамъ Сербіи и Черногоріи (какъ свидѣтельствовалъ Ристичъ): «Идите къ графу Андраши, ваше будущее зависитъ отъ Австріи». Даже «будущее», которое, по общему мнѣнію, въ руцѣхъ Божьихъ!

Слишкомъ близкая дружба покойнаго графа къ Дерби и его семейству, и противодѣйствіе къ пріѣзду въ Лондонъ графа Игнатьева съ извѣстнымъ протоколомъ, пріѣзду, который могъ бы привести къ замѣнѣ Дерби болѣе серьезнымъ и спокойнымъ (какъ подтвердилъ опытъ) лордомъ Салисбюри, также останутся укоромъ для Шувалова.

Общій характеръ нашего канцлера князя Горчакова извѣстенъ; онъ влагалъ въ свою дипломатическую дѣятельность много ума и изворотливости, а также упрямства, обладалъ патріотизмомъ, но ему недоставало хладнокровія, которое на войнѣ, какъ и за столомъ конференцій, обезпечиваетъ успѣхъ. Онъ былъ злопамятенъ и мелочно тщеславенъ. Злую, но вѣрную оцѣнку сдѣлалъ ему

одинъ бывшій сотрудникъ князя, занимавшій выдающійся дипломатическій постъ. «Князь былъ противоположностью того русскаго витязя, который говорилъ: ѣду не свищу, наѣду не спущу. Горчаковъ громко свисталъ, но Европѣ спускалъ». Эфектъ фразы онъ считалъ иногда за дѣйствительное впечатлѣніе. Онъ былъ премилымъ causeur'омъ, а какъ стилистъ гордился классическими познаніями и долго носился съ цитатою изъ Светонія о различіи между анархіею и свободою, вставленною въ одну изъ депешъ о польскихъ дѣлахъ.

Горчаковъ ненавидѣлъ Австрію. Ему принадлежитъ знаменитая фраза: «L'Auriche n'est pas un Etat ce n'est qu'un gouvernement». Но и въ этой ненависти князю недоставало хладнокровія. Опубликованные теперь документы несомнѣнно доказываютъ, что въ своемъ нерасположеніи къ Австріи Горчаковъ слишкомъ увлекался, отчего преувеличивалъ опасность участія Австріи въ крымской войнѣ и тѣмъ отвлекъ русскія силы отъ Севастополя.

Изъ депешъ самого Горчакова видно, что никогда австрійцы ни однимъ словомъ не грозили намъ войною, напротивъ, нашъ посланникъ нѣсколько разъ пугалъ ихъ войною и заставлялъ усиленно вооружаться. Это недоразумѣніе дорого обошлось Австріи, а для насъ было совершенно пагубно. Горчаковъ оправдывался впослѣдствіи тѣмъ, что гр. Нессельроде—этотъ, по мѣткому опредѣленію одного писателя, «разительный примѣръ притягательной силы, существующей между ничтожествомъ и фортуной»—желавшій для вѣнскихъ конференцій посадитть Бруннова, нарочно оставлялъ его безъ инструкцій.

Извѣстный франко-прусскій публицистъ, бывшій правитель канцеляріи графа Бейста, Юліанъ Клячко написалъ цѣлую книгу «Les deux chanceliers», чтобы доказать, какую роковую ошибку сдѣлалъ Горчаковъ, помогая въ 1870 году Пруссіи, а не Франціи; такого же мнѣнія держались и держатся многіе и у насъ въ Россіи. Но если взвѣсить безпристрастно всѣ обстоятельства, то нельзя безусловно обвинить поведеніе Горчакова въ этомъ случаѣ. Россія, оказавъ помощь Франціи въ 1870 г., конечно повредила бы временно интересамъ Пруссіи, но остановить объединеніе Германіи она бы не могла, ибо это объединеніе, на двѣ трети уже готовое, совершилось бы и помимо воли Россіи, съ тою же разницею, что, вмѣсто сосѣдей, иногда капризныхъ, но въ общемъ мирныхъ, мы имѣли бы тогда смертельныхъ враговъ, что, при политическомъ состояніи нашихъ западныхъ окраинъ, вовсе не было бы утѣшительно. Кто знакомъ съ исторіей, кому извѣстно, какія нестерпимыя мучительства Германія вынесла отъ Франціи въ царствованія Людовикомъ XIII, XIV, XV, во времена Республики и Наполеона I, тотъ пойметъ, что нѣмцы должны были, наконецъ, догадаться, что не могутъ оставаться вѣчно раздѣленными. Кто знаетъ эту исторію, тотъ, безъ сомнѣнія, не будетъ задаваться ложнымъ сантиментализмомъ и въ

поведенiи Германiи по отношенiю къ Францiи увидитъ лишь естественный законъ возмездiя.

Горчаковъ, впрочемъ, скоро увидѣлъ опасность для Россiи и европейскаго равновѣсiя отъ ослабленiя Францiи, и въ 1875 г., благодаря личному вмѣшательству покойнаго государя, Германiя отказалась отъ намѣренiя напасть на беззащитную Францiю и разорить ее въ конецъ. Недовольные нѣмцы съ этого-то момента и стали снова оказывать Австро-Венгрiи предпочтенiе передъ Россiей и обманули наши ожиданiя на конгрессѣ. Бисмаркъ увѣрялъ впрочемъ, что событiе 1875 г. существовало только въ старческомъ воображенiи Горчакова.

Поведенiе канцлера во время сербской войны, хотя и нерѣшительное въ общемъ, влекло къ той же цѣли, къ которой стремились и помыслы всей просвѣщенной Россiи. Въ вопросѣ о добровольцахъ въ Сербiи наша дипломатiя сбросила даже съ себя рутину, хотя поведенiе Россiи въ этомъ случаѣ напоминало только поведенiе Англiи въ 1836 г. по отношенiю къ междоусобной войнѣ въ Испанiи. Въ защитѣ Сербiи, какъ ранѣе въ вопросѣ объ отказѣ отъ парижскаго трактата, Горчаковъ былъ даже смѣлѣе и рѣшительнѣе тогдашняго военнаго министра.

За то въ теченiе восточной войны, непосредственная роль князя Горчакова была весьма скромная. Проживая въ Бухарестѣ, онъ оставался какъ бы зрителемъ двухъ противоположныхъ теченiй нашей дипломатiи: одного, которое имѣло въ виду русскiе интересы, quand même, другого, желавшаго поставить нашу дипломатiю въ связь съ «европейскимъ концертомъ», т.-е. въ хвостѣ англiйскаго министерства. Первое теченiе взяло верхъ въ санъ-стефанскомъ договорѣ, но второе побѣдило въ концѣ концовъ на берлинскомъ конгрессѣ.

Здѣсь-то въ послѣднiй разъ могло проявиться дипломатическое искусство Горчакова, но престарѣлый канцлеръ совершенно по-старчески выражалъ свое участiе, а именно заболѣвалъ всякiй разъ, когда на очереди стоялъ щекотливый вопросъ для нашего нацiональнаго достоинства, по которому приходилось дѣлать уступки. Благодаря этому дипломатическому прiему, подпись князя Горчакова отсутствуетъ на протоколахъ наиболѣе обидныхъ для насъ засѣданiй конгресса, хотя и стоитъ на самомъ трактатѣ. Канцлеръ забылъ совѣтъ одного знаменитаго министра, что государственный человѣкъ долженъ имѣть здравый разсудокъ; а когда онъ имѣетъ счастье обладать таковымъ, то необходимо второе качество—имѣть храбрость показывать, что его имѣешь. Его «умыванiе рукъ» возбудило только сарказмы лорда Биконсфильда, хотя на-время обѣлило князя Горчакова въ русскомъ общественномъ мнѣнiи, а объ общественномъ мнѣнiи Горчаковъ очень заботился. Замѣчательно, пишетъ Семевскiй, что когда старый канцлеръ начиналъ говорить о берлинскомъ трактатѣ, онъ просто ожесточался противъ

своихъ сочленовъ по конгрессу вообще и противъ русскаго въ особенности; на этого послѣдняго канцлеръ валилъ всю вину.—Онъ (т. е. графъ Шуваловъ) испортилъ въ четыре недѣли всю мою службу Россіи!» «Но, конечно, прибавляетъ покойный издатель «Русской Старины», князь былъ самъ виноватъ во многомъ, а въ особенности въ томъ, что чуть не со слезами напросился непремѣнно ѣхать представителемъ Россіи и съ простодушіемъ старца, себя пережившаго, думалъ, что Бисмаркъ не болѣе какъ его воспитанникъ! За это самообольщеніе и довелось дорого поплатиться». Князь разошелся, впрочемъ, съ княземъ Бисмаркомъ, такъ высоко имъ до того цѣнимымъ, понявъ, какую двуличную роль игралъ «честный маклеръ» на конгрессѣ.

Конгрессъ еще только началъ свои занятія, а Россія уже вынуждалась дѣлать уступки, и даже непредвидѣнныя въ русско-англійскомъ соглашеніи. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ разговора уничтожалось великое дѣло, на которое Россія и славянскія государства употребили три года и ради коего, забывая нерѣдко о своихъ внутреннихъ, часто безотлагательныхъ, нуждахъ, сдѣлали громадныя затраты.

Невольно являлось сомнѣніе въ возможности ожидать чего либо отъ конгресса и представлялся вопросъ, не слѣдовало ли выбраться изъ этого «европейскаго ареопага», какъ прозвали конгрессъ, не зная, очевидно, того, что ареопагъ былъ судъ, а сажать Россію на скамью подсудимыхъ было не за что.

Желаніе получить одобреніе отъ Европы за производимые на Востокѣ перевороты было всегда величайшей ошибкой нашей дипломатіи. На чемъ основывалось подобное желаніе во время послѣдней войны? Люди, вовсе не особенно проницательные, но знакомые сколько нибудь съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія на Западѣ, заранѣе предсказывали невозможность добиться подобной санкціи. Не говоря уже о буржуазномъ настроеніи массы средняго сословія въ Европѣ, какъ огня боящагося какихъ-либо переворотовъ, послѣдствіями которыхъ бываютъ хотя временныя экономическія потери, даже рабочее сословіе, выступающее теперь какъ огромная политическая сила, не могло оказать намъ содѣйствія. При его маломъ развитіи и подъ вліяніемъ соціалистовъ Россія кажется ему до сихъ поръ гораздо болѣе опасною для прогресса, нежели Турція.

Разсчитывать на высшіе правительственные классы, на интеллигенцію мы также не имѣли никакого права. Еще въ прошломъ столѣтіи правительства Европы съ завистью смотрѣли на успѣхи русскаго оружія, и не было войны съ Турціей, гдѣ бы европейскія державы, а особенно Англія, Австрія и Франція, которыя тогда однѣ и имѣли значеніе, не старались насъ обрѣзать и провести при окончательномъ результатѣ.

О новѣйшемъ времени я и не говорю. Какіе результаты Россія извлекла изъ войны 1828—29 года, кромѣ вреднаго самомнѣнія о превосходствѣ своей военной организаціи, которая тогда уже оказалась весьма неудовлетворительною. Г. Мартенсъ весьма ярко описываетъ панику въ Берлинѣ, когда, въ 1829 г., русская армія, перейдя Балканы, двинулась къ Адріанополю. Ансильонъ, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ нашему посланнику графу Алопеусу, что «взятіе турецкой столицы вызоветъ самыя ужасныя послѣдствія». А крымская война? Я помню, что когда умеръ опозоренный Наполеонъ III, то каждый старался лягнуть его, возлагая на покойнаго многія такія провинности, за которыя онъ былъ отвѣтственъ лишь косвенно. И что же, тогда вліятельные органы печати, какъ «Revue des deux mondes» — вѣчно находившійся въ опозиціи съ имперіей — заявляли, что Наполеонъ III, при всѣхъ недостаткахъ, сдѣлалъ одно великое дѣло. Это великое дѣло — крымская война!

«Journal des Economistes», скромнѣйшій ученый органъ, котораго никакъ уже нельзя заподозрить въ подкупѣ турецкимъ правительствомъ, устами своего редактора, сенатора Гарнье, назвалъ войну 1877 года «позорнымъ проявленіемъ русскаго варварства». Чего же было ожидать отъ публицистовъ, стоявшихъ на менѣе нейтральной почвѣ? А печать отражала европейское общественное мнѣніе и слишкомъ наивно было убаюкивать себя оффиціозными статьями и эксцентрическими выходками двухъ, трехъ членовъ британскаго парламента. Да и какія сдѣлала Европа заявленія въ пользу великодушной политики? Не она ли вѣками не только не помогала итальянцамъ освободиться отъ ихъ тирановъ, но еще ковала Италіи новыя цѣпи. Не Франція ли только въ 1870 году, по необходимости, убрала своихъ солдатъ изъ Рима. А сочувствіе Европы къ дѣлу южанъ, а равнодушіе къ раздробленію и уничтоженію Даніи? Все это факты, которые должна была имѣть въ виду наша дипломатія.

Поэтому, добиваться какой-то монтіоновской преміи отъ Европы за великодушіе было равносильно желанію зачерпнуть воду рѣшетомъ. Не только ни о какомъ сочувствіи не должно было подымать рѣчи, но именно слѣдовало пользоваться тѣмъ, что «Европа» есть фикція и нужно, какъ показалъ блистательно опытъ владычества Наполеона I надъ Европою, очень долгое время, чтобы она предприняла что нибудь сообща.

Вся цѣль нашей политики послѣ пораженія Турціи должна была состоять въ томъ, чтобы стать въ такое положеніе, изъ котораго другія державы не могли бы насъ выбить иначе, какъ войной *). Объявить же послѣднюю вовсе не было такъ просто. Если

*) Если занять самый Константинополь для насъ не представлялось необходимости, то безусловно важно было занять стратегическіе пункт босфорскаго полуострова: Бѣлградскій Лѣсъ и Даудъ-Пашу, а также принять мѣры, чтобы ту-

Европа въ началѣ 1877 года позволила Россіи идти на Турцію, не подозрѣвая еще Плевны и саганлугскаго похода, то естественно, что она, хотя и противъ сердца, проглотила бы результаты этой войны. Во всякомъ случаѣ, заключи мы въ январѣ съ Турціей не прелиминарный, а окончательный миръ, какъ хотѣлъ гр. Игнатьевъ, думая обойти этимъ обѣщанія, сдѣланныя Австро-Венгріи, положеніе европейскихъ державъ было бы крайне затруднительное. Коалицію составить въ рѣшительный моментъ не такъ-то легко, а противъ каждаго государства, рѣшившагося дѣйствовать врозь, Россія была бы сильнѣе, потому что имѣла армію уже мобилизованную и одушевленную блестящею побѣдою надъ врагомъ.

Что же мы дѣлаемъ въ это время? Мы начинаемъ вести переговоры. Но англичане на наше искреннее желаніе покончить дѣло мирно—отвѣчаютъ грубостями и приступаютъ къ мобилизаціи, которой мы противопоставляемъ покупку трехъ, четырехъ почтовыхъ судовъ въ Германіи и Америкѣ! Съ Англіей заодно подымается Австро-Венгрія.

Въ этотъ періодъ не было недостатка въ совѣтахъ дѣйствовать энергически, махнуть на все рукою и занять силою проливы. Подобный планъ встрѣчалъ затрудненія; поэтому принятый выжидательный методъ не можетъ быть безусловно порицаемъ. Если уже разъ мы сдѣлали ошибку, признавъ, уступая Англіи и Австро-Венгріи, миръ прелиминарнымъ, то не слѣдовало казаться пойманными въ ловушку и дать залогъ того, что Россія не желаетъ непремѣнно драться ради только удовольствія вести войну. Дипломатія могла принести тутъ пользу и намъ слѣдовало, не теряя времени и не затягивая переговоровъ, спросить наиболѣе заинтересованныя державы (а ихъ всего двѣ) порознь и затѣмъ поступать, какъ оказалось бы выгоднѣе въ стратегическомъ отношеніи.

Взамѣнъ этого, мы проводимъ полгода времени въ переговорахъ; нѣкоторые наши органы печати даже желали убѣдить Биконсфильда, что это онъ намъ далъ порученіе уничтожать Турцію. Мало того, когда наши увѣщанія остались безъ должнаго эфекта, мы согласимся пригласить уже не одну Англію или Австро-Венгрію, но и всю Европу на конгрессъ...

Конгрессъ же, какъ я сказалъ, заранѣе ставилъ Россію въ крайне неловкое положеніе. Возьмемъ, напримѣръ, Францію: по ея историческимъ традиціямъ, по интересамъ ея многочисленныхъ капиталистовъ Франція не могла быть довольна новымъ порядкомъ вещей на Востокѣ, но, проученная въ 1870—71 году, Франція была осторожна въ своей политикѣ и трудно было ожидать отъ нея какого-либо серьезнаго противодѣйствія. Разъ же ее призы-

---

рецкія войска не сосредоточивались и передъ нами не воздвигались новыя укрѣпленія. Обстоятельства сложились иначе: русская армія расположилась, въ виду англійской эскадры, въ нездоровомъ по своему климату С.-Стефано, а турки, оправившись, приняли угрожающее положеніе.

вали на конгрессъ, разъ ея уполномоченный заявлялъ тѣ или другія требованія, народная честь и достоинство требовали уже готовности поддержать эти требованія. Такимъ образомъ, изъ чисто пассивной роли Франція переходила въ активную—и въ ущербъ намъ.

Въ томъ же положеніи находилась Италія. Какъ ни нуждалась она въ Германіи, но эта зависимость не мѣшала ей понимать свои интересы на Востокѣ, которые сходны съ французскими и ничего общаго съ нашими не имѣли.. Даже Германія, не желая на конгрессѣ заявлять себя нашимъ союзникомъ и считая, что она уже достаточно облагодѣтельствовала насъ лондонскимъ соглашеніемъ 1871 г., возстановившимъ черноморскій флотъ, должна была занять положеніе вовсе для насъ не особенно выгодное.

Въ чемъ же была прибыль для Россіи отъ конгресса? Дипломатія обязана была знать заранѣе, что такое конгрессъ. Изъ пяти конгрессовъ, бывшихъ въ этомъ столѣтіи, два—вѣнскій и парижскій, созванные только утвердить существующіе факты, хотя и не создали ничего долговѣчнаго, все-таки достигли извѣстныхъ цѣлей; наоборотъ, конгрессы веронскій, тропаускій, лайбахскій съ темными и неясными программами, имѣвшіе въ виду не прошедшее, а будущее, ровно ни къ чему не привели. Даже во время крымской войны, когда пораженіе Россіи сдѣлалось очевиднымъ, парижскій конгрессъ состоялся очень легко, но къ чему привела примирительная вѣнская конференція, тянувшаяся всю зиму 1853—1854 года и окончившаяся для насъ полнымъ фіаско, выразившимся въ присоединеніи Австріи къ нашимъ врагамъ.

Все это историческіе факты, противъ которыхъ нельзя спорить серьезно. Соображая ихъ, поневолѣ задаешься вопросомъ, чего мы могли ожидать отъ конгресса, который сразу становился силою вещей поперекъ цѣлей и стремленій Россіи? А это могло быть предвидѣно.

Даже такіе хладнокровные люди,какъ нашъ главнокомандующій гр. Тотлебенъ, не скрывали своего неудовольствія и раздраженія противъ рѣшеній берлинскаго конгресса. Очень любопытенъ отзывъ Тотлебена о дипломатахъ конгресса въ перепискѣ, приложенной ко второму тому его біографіи г. Шильдера (письмо изъ Андріанополя, отъ 22 сентября 1878 г.). Въ своей всеподданнѣйшей запискѣ о конгрессѣ Горчаковъ написалъ: «Берлинскій трактатъ есть самая черная страница въ моей служебной карьерѣ». Александръ II подписалъ къ этимъ строкамъ собственноручно: «и въ моей также». «Несомнѣнно, говоритъ г. Бобриковъ, нашъ военный уполномоченный на конгрессѣ, что въ Берлинѣ мы были вообще уступчивы. Чтобы скорѣе выйти изъ напряженнаго состоянія и избѣжать возможности новыхъ международныхъ усложненій, мы, быть можетъ, слишкомъ легко шли на уступки, не прозрѣвая въ намѣреніяхъ соперничествующихъ державъ. дѣйствительно ли стояла за ихъ тре-

бованіемъ рѣшимость войны, или то была ловко замаскированная пустая угроза. Такому положенію, конечно, много содѣйствовала полная изолированность, съ которою мы явились на берлинскомъ конгрессѣ, какъ будто бы послѣдній былъ для насъ совершенною неожиданностью и не могъ быть нами предвидѣнъ». И въ литературѣ международнаго права, не смотря вообще на ненависть иностранныхъ писателей къ Россіи, берлинскій конгрессъ считается возвращеніемъ къ порядкамъ, существовавшимъ въ дипломатіи полвѣка назадъ.

Послѣ конгресса, возвращаясь въ октябрѣ 1878 г. въ Лондонъ, графъ Шуваловъ посѣтилъ разные дворы для новыхъ увѣреній въ миролюбивомъ настроеніи Россіи! Такъ какъ берлинскій трактатъ вызвалъ общее негодованіе въ Россіи, то нѣмцы, заигрывавшіе уже съ австрійцами, стали опасаться рано или поздно возмездія за ихъ двуличное поведеніе на конгрессѣ и поторопились заключить въ 1879 г. тайный союзъ съ Австро-Венгріею противъ Россіи. Извѣстіе объ этомъ союзѣ было встрѣчено очень дурно въ С.-Петербургѣ, и на Шувалова, косвеннаго виновника этого опаснаго для Россіи соглашенія, была возложена нелестная миссія съѣздить въ Варцинъ къ Бисмарку и въ Вѣну.

Изучая событія, послѣдовавшія за восточною войною, занимающій нынѣ важный дипломатическій постъ, а во время войны сотрудникъ яро туркофильскаго «Journal des Débats» Габріель Шармъ пришелъ въ свой книгѣ о положеніи Востока послѣ войны къ заключенію, раздѣляемому, по его словамъ, не только выдающимися государственными людьми Турціи, но и султаномъ Абдулъ-Гамидомъ, что для турокъ было гораздо выгоднѣе принять безпрекословно санъ-стефанскій договоръ, нежели воспользоваться «благами» берлинскаго трактата. Единственно, что выиграла Турція отъ пересмотра санъ-стефанскаго договора, это нѣсколько большее географическое единство въ своихъ европейскихъ владѣніяхъ, затѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ Турція только проиграла отъ излишней заботливости своихъ западно-европейскихъ нянекъ.

Къ чему, напримѣръ, послужило раздѣленіе Болгаріи на двѣ части? Каждый разъ, когда Турція заводила рѣчь о посылкѣ войскъ на Балканы и укрѣпленіи тамъ своей границы, она встрѣчала отказъ; такимъ образомъ Восточная Румелія нисколько не охраняла Константинополя. Единая Болгарія могла бы при извѣстныхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ стать въ независимое положеніе отъ Россіи, какъ стала, напримѣръ, Румынія; въ нынѣшнемъ же своемъ состояніи Болгарія только лишній козырь въ рукахъ Россіи. Какъ до берлинскаго трактата, такъ и послѣ него Балканы остались за русскими и послѣдніе могутъ когда угодно дойти до святой Софіи. Но по крайней мѣрѣ до берлинскаго трактата Турція вынуждена была считаться съ одной Россіей, съ тѣхъ поръ у нея явился другой не менѣе сильный противникъ — Австро-Венгрія.

Салоники и Константинополь одинаково въ опасности, или, вѣрнѣе, опасность потерять ихъ удвоилась, ибо и Россія и Австро-Венгрія идутъ къ одной и той же цѣли. Турція не можетъ надѣяться даже, что соперничество великихъ двухъ державъ нейтрализируетъ ихъ силы въ ея пользу, потому что послѣ того уже, какъ она отдала часть Арменіи Россіи, Боснію и Герцеговину—Австро-Венгріи и Кипръ—Англіи, Европа вынудила у нея уступки новой территоріи Черногоріи и двухъ великолѣпныхъ провинцій королевству Греческому. Какъ ни былъ тяжелъ для Турціи санъ-стефанскій договоръ, онъ не возлагалъ на нее унизительнаго обязательства удовлетворить честолюбію даже грековъ, — народа, который мусульмане презираютъ и ненавидятъ болѣе всѣхъ другихъ своихъ бывшихъ христіанскихъ подданныхъ.

Но и эти уступки не послѣднія. Пока книга Шарма печаталась, Франція окончательно отняла у Турціи протекторатъ надъ Тунисомъ, а Англія безъ церемоніи вытѣснила турецкое владычество изъ Египта и втайнѣ готовится даже обратить послѣдній въ простую англійскую колонію. Параллельно съ этимъ Англія вела интриги для возбужденія автономнаго движенія въ Сиріи и другихъ арабскихъ областяхъ. Стоило ли для подобныхъ результатовъ, намѣчающихъ уже въ близкомъ будущемъ распаденіе Турціи, унижаться передъ Европою, изощрять себя въ дипломатическихъ хитростяхъ и разорять страну, удерживая нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ подъ ружьемъ огромную армію, совершенно несоотвѣтствующую средствамъ населенія.

Впрочемъ, окончательное заключеніе, къ которому приходитъ Шармъ, состоитъ въ томъ, что при какихъ угодно измѣненіяхъ во власти султана, даже при возобновленіи въ Константинополѣ конституціонной комедіи, Турція непремѣнно погибнетъ; весь вопросъ только въ срокѣ ея существованія. Шармъ жалѣетъ объ этой гибели ради спокойствія Европы, онъ повторяетъ слова Тьера, что «трупъ Турціи будетъ заражать Европу пятьдесятъ лѣтъ подъ-рядъ», но все-таки ни откуда онъ не видитъ для Турціи спасенія.

Турція, какъ государственный организмъ, возродиться не можетъ. Она останется до смерти тѣмъ, что она есть. Ея достоинства не менѣе другихъ причинъ влекутъ ее къ гибели. Часто хвалятъ, и не безъ основанія, удивительное самопожертвованіе, спокойную храбрость и добродушіе турецкаго населенія, но эти-то добродѣтели и погубятъ Турцію. Какъ возможно улучшить такое дурное правительство, какъ турецкое, когда населеніе выноситъ его не волнуясь, не протестуя, даже не жалуясь громко?

Давно повторяютъ, что каждый народъ имѣетъ то правительство, которое онъ заслуживаетъ. «Это, конечно, истина, замѣчаетъ, Шармъ, но требующая оговорокъ, ибо недостатки правительства зависятъ нерѣдко отъ слишкомъ покладливаго характера подданныхъ. Когда управляющіе не боятся вовсе управляемыхъ, когда

первые знають, что могутъ все себѣ позволить, не опасаясь, что отъ нихъ потребуютъ отчета, то естественно не соблюдаютъ никакой мѣры и дозволяютъ себѣ неслыханныя злоупотребленія». Турція служитъ лучшимъ доказательствомъ этого положенія, а въ особенности Турція послѣ восточной войны. Если бы турки во внутренней жизни проявили хотя немного той храбрости, которую они выказали на полѣ сраженія, то не позволили бы тѣмъ, кто эксплоатируетъ ихъ, подъ видомъ управленія, влечь ихъ въ бездну. Къ сожалѣнію, ничто не въ силахъ побороть инерціи турокъ во внутреннихъ дѣлахъ и только извнѣ найдутъ они для себя или спасеніе, или ужъ окончательную погибель.

Что такое Турція въ настоящее время? Если нельзя назвать государственный организмъ ея мертвымъ, то нельзя и не видѣть, что даже друзья и панегиристы Турціи начинаютъ сомнѣваться въ возможности обновить, при настоящихъ условіяхъ, ея дряхлое политическое тѣло. Одна безпристрастная газета, посмѣявшись надъ тѣмъ, что «неизлечимо больной» пережилъ большую часть своихъ услужливыхъ врачей, говоритъ, однако, что Турецкая имперія въ своемъ подражаніи Европѣ напоминаетъ дѣтей разбогатѣвшихъ лавочниковъ, которые безумную трату денегъ и займы считаютъ признакомъ хорошаго тона.

Недавно еще Европа имѣла случай убѣдиться, какъ невольно охладѣваетъ это сочувствіе даже у такихъ государствъ, которыя десятки лѣтъ ставили себѣ задачею поддерживать во что бы то ни стало status quo Оттоманской монархіи. Вѣнскій кабинетъ въ настоящемъ столѣтіи былъ злѣйшимъ врагомъ эмансипаціи народностей, живущихъ въ Турціи, и не только не уступалъ, но иногда, напримѣръ въ вопросѣ объ освобожденіи грековъ, превосходилъ Англію консервативностью своей политики въ восточномъ вопросѣ. Но какъ только конституціонныя реформы послѣднихъ 35-ти лѣтъ позволили славянскому населенію самой Австріи поднять хотя слабый голосъ, мы видимъ, что дипломаты ея, даже съ мадъярскимъ графомъ Андраши во главѣ, являлись защитниками угнетенной сербской національности. Франція давно уже охладѣла въ своихъ туркофильскихъ стремленіяхъ, а наше поколѣніе стало свидѣтелемъ такого же охлажденія и со стороны Англіи.

Дѣйствительно, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на Турцію, вездѣ видны тѣ же признаки разложенія и упадка, которые я описалъ выше, говоря о положеніи Турціи до войны. Политическія окраины и вассальныя земли султана или отпали, или упрочили свою независимость; въ національномъ отношеніи турецкая раса вырождается и быстро уменьшается въ числѣ, а развивающіяся расы, славянская и эллинская, готовы возобновить ту страшную борьбу, которая разрушила нѣкогда Византійскую имперію. Въ религіозномъ отношеніи на Балканскомъ полуостровѣ представляется огромный расколъ церквей, проклинающихъ одна дру-

гую. Нисколько не утѣшительнѣе и другія стороны народной жизни. Центральная администрація сдѣлалась азартною игрой придворныхъ кружковъ; недавно, напримѣръ, всѣмъ ворочалъ секретарь султана, арабъ Изетъ-бей; мѣстныя власти живутъ на счетъ народа, выжимая послѣдніе соки; земледѣліе разорено; промышленность погибла уже очень давно; торговля рѣшительно въ застоѣ, города въ развалинахъ; порты засоряются; налоги ростутъ и ростутъ, а всѣ улучшенія остаются мертвою буквою на бумагѣ. Нѣсколько новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ, обогатившія барона Гирша и нѣсколько нѣмецкихъ его сородичей, принесутъ, конечно, свою пользу, но не въ силахъ будутъ остановить общій упадокъ.

По заключеніи мира Турція не могла и думать существовать самостоятельно. Она не могла опираться на Англію, обманувшую ее и нявшую Кипръ и Египетъ, ни на Францію, отнявшую Тунисъ и вынудившую Порту отдать значительную территорію Греціи, ни на Австро-Венгрію, поощрявшую въ 1877 г. къ сопротивленію Россіи и затѣмъ отнявшую Боснію и Герцеговину, ни на Италію, отнявшую Массову и жадно поглядывающую, что бы ей еще взять. О покровительствѣ Россіи, вслѣдъ за войною, Турціи также нельзя было думать. Россія послѣ войны такъ увлеклась устройствомъ новой Болгаріи, такъ вошла въ свою роль защитницы правъ и стремленій Болгаріи противъ и въ ущербъ туркамъ, что послѣднимъ немыслимо было предлагать намъ принять на себя покровительство Оттоманской имперіи. Поэтому естественно, что турки обратились въ Берлинъ.

Султанъ отправилъ къ императору германскому чрезвычайнаго посла Али-Низами-пашу съ просьбою о покровительствѣ и союзѣ. Въ то время политическое могущество Германіи достигало своего апогея. Россія, ослабленная продолжительною войною, не могла помышлять о самостоятельности. Послѣ нѣкоторыхъ промедленій, между императорами русскимъ и германскимъ состоялось свиданіе въ Данцигѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя въ Скерневицахъ между тремя имперіями установилось извѣстное соглашеніе. Сближаясь съ Портою, князь Бисмаркъ не счелъ однако возможнымъ придать этому сближенію характеръ союза. Нѣмцы согласились быть покровителями Турціи, но не приняли на себя никакихъ обязательствъ относительно обезпеченія ея территоріи. Покровительство было болѣе академическое, но турки были рады и этому, рады, что нашелся въ Европѣ могущественный народъ, который не пренебрегалъ завязать съ ними дружескія сношенія послѣ грандіозныхъ погромовъ и бѣдствій, а, главное, ничего за это отъ турокъ не требовалъ. Соображеніе щадить самолюбіе Россіи не помѣшало къ тому же Германіи послать въ Турцію офицеровъ-инструкторовъ и чиновниковъ-финансистовъ. Военнымъ предстояло реорганизовать турецкую армію и укрѣпить Босфоръ, финансисты, устраивая турецкіе фи-

нансы*), должны были содѣйствовать экономическому вытѣсненію Англіи и Франціи и завладѣнію турецкимъ рынкомъ продуктами германскаго производства.

Опираясь на Германію, турки, конечно, стали позаносчивѣе. Послѣ заявленія Бисмарка, что «Болгарія не стоитъ костей одного померанскаго гренадера», они не обращали никакого вниманія на протесты наши касательно Болгаріи, хотя если бы въ Софіи получилось извѣстіе, что турецкая армія перешагнетъ румелійскую границу для водворенія порядка въ Болгаріи и что эта армія пришла въ движеніе для исполненія воли Русскаго Царя, то всѣ Стамбуловы и вся его шайка палочниковъ разбѣжались бы, какъ стая воронъ послѣ ружейнаго выстрѣла.

Затѣмъ нашей дипломатіи пришлось испытать цѣлый рядъ непріятностей. Ежегодно, напр., изъ Одессы отправлялся пароходъ Добровольнаго флота на Сахалинъ, или, какъ называютъ его каторжные, Соколиный островъ, съ транспортомъ новыхъ ссыльныхъ и грузомъ тюремнаго вѣдомства. Такъ какъ при каторжныхъ слѣдовала военная команда, то пароходъ несъ въ теченіе рейса не коммерческій, а военный флагъ. Военныя суда черезъ Босфоръ безъ согласія турецкаго правительства проходить не могутъ, поэтому и для посылки крейсера Добровольнаго флота «Нижній-Новгородъ» съ каторжными испрашивалось согласіе турецкаго правительства. Турки, однако, объявили, что даютъ его «въ послѣдній разъ».

Подобная оговорка могла стѣснить правительство въ его стремленіяхъ колонизировать Сахалинъ. Перевозка массы людей моремъ черезъ тропики и безъ того дѣло не легкое; оно станетъ еще затруднительнѣе, если пароходы съ ссыльно-каторжными пришлось бы посылать на Сахалинъ не изъ Одессы, а изъ Ревеля, отчего пребываніе въ морѣ удлинится по меньшей мѣрѣ на двадцать дней. Пришлось посылать суда подъ коммерческимъ флагомъ.

Вопросъ о турецкой контрибуціи также принималъ подъ-часъ острый характеръ. Извѣстно, что турецкое правительство думало вовсе избавиться отъ контрибуціи, поставивъ наше требованіе послѣ всѣхъ другихъ своихъ долговыхъ обязательствъ. Четырехлѣтніе переговоры и командировка г. Тернера привели къ тому, что мы отказались отъ процентовъ по контрибуціи и согласились довольствоваться только ничтожною суммою ея погашенія. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Подъ предлогомъ англо-египетской войны Турція погашенія не платила, но обязалась внести къ началу будущаго года сумму, слѣдовавшую за 1883 г. Тутъ произошло новое «маленькое» недоразумѣніе. Порта полагала начать

---

*) Въ этомъ отношеніи вліяніе ихъ проявилось. Изъ 116,135,063 турец. лиръ государственнаго отвержденнаго долга было въ 14 лѣтъ погашено 12,267,767 лиръ. правительство стало платить 1 процентъ интересовъ и средняя цѣна турецкихъ фондовъ съ 26% въ 1883 г. поднялась до 47% въ 1895 г.

уплату съ начала турецкаго финансоваго года, т. е. съ 1-го марта, русскій же посолъ желалъ уплаты съ 1-го января 1883 г. Послѣ обмѣна мыслей по этому поводу, стороны согласились обратиться за разъясненіями къ директору оттоманскаго банка, Форстеру, который, какъ англичанинъ, понятно, принялъ сторону турокъ и заявилъ, что турецкому правительству легче начать уплату военной контрибуціи съ 1-го марта! Такой аргументъ показался г. Нелидову убѣдительнымъ; еще «легче» для турецкаго правительства было бы вовсе не платить контрибуціи, на что оно повидимому и разсчитывало, зная нашу любезность, называемую для приличія великодушіемъ.

Дѣло, само собою разумѣется, не въ двухъ мѣсяцахъ отсрочки. Въ нашихъ казначействахъ всегда имѣется двѣсти, триста милліоновъ рублей наличныхъ и 2½ турецкихъ милліона позже уплаченныхъ не ввели бы министерство финансовъ въ затрудненіе; важенъ тутъ принципъ. А именно — нашей дипломатіи необходимо выказывать твердость при всякомъ случаѣ. Извѣстно, что каждый разъ, когда наша дипломатія говоритъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, заявленія ея выслушиваются съ должнымъ вниманіемъ, соотвѣтствующимъ значенію и силѣ Россіи въ средѣ другихъ державъ. Наоборотъ, какъ затянутъ наши дипломаты тоненькой фистулой почтительную рѣчь о европейскомъ концертѣ, о содѣйствіи другихъ державъ и т. п., такъ и остаются не при чемъ.

Въ концѣ концовъ, терпѣніе нашей дипломатіи истощилось и она разразилась протестомъ; протестъ этотъ произвелъ надлежащее дѣйствіе: султанъ торжественно согласился назначить русскаго делегата наблюдать при оттоманскомъ банкѣ за тѣмъ, чтобы слѣдуемыя намъ суммы не попадали въ чужіе карманы, а относительно самаго способа уплаты контрибуціи подписалъ конвенцію, причемъ наша дипломатія согласилась уже вмѣсто условленныхъ 1.200.000,000 франковъ получить только 800.000,000 франковъ. Турки все-таки продолжаютъ платить весьма неаккуратно.

Если въ 1881 г. Бисмаркъ отклонилъ формальный турецкій союзъ, то въ 1889 г. онъ, выступая рѣшительнымъ противникомъ Россіи, измѣнилъ свои взгляды, но тогда султанъ Абдулъ-Гамидъ отказался подписать таковой по первому требованію Берлина и на приглашеніе присоединиться къ тройственному союзу сказалъ германскому послу Радовицу: «Я имѣю право оставаться нейтральнымъ и свободнымъ и не позволю, чтобы меня лишили этого права». Султанъ понялъ, что нелѣпо было ждать, чтобы нѣмцы изъ-за турокъ стали когда либо воевать противъ Россіи или Австро-Венгріи.

Мало того, турки начали мириться и съ мыслью о тѣсномъ союзѣ съ Россіей, мысль о которомъ промелькнула у нихъ послѣ санъ-стефанскаго мира. И у насъ въ разгаръ болгарскихъ смутъ, когда Россія была изолирована въ политическомъ отношеніи и со дня на день могла ожидать войны, особенно опасной по

беззащитности нашихъ черноморскихъ прибрежій, печать указывала на выгодность и даже необходимость русско-турецкаго союза. Мысль о такомъ союзѣ не нова. Любимою мечтою Фридриха Великаго, котораго турецкій исторіографъ Васыфъ-эффенди назвалъ: «въ коварствѣ и шайтанствѣ несравненнымъ, въ искушеніяхъ и мороченіи людей вторымъ дьяволомъ», былъ тройственный союзъ съ Россіею и Турціею, такъ чтобы Россія, связанная обязательствами, ничего не могла предпринять на Востокѣ, тогда какъ за Пруссіею оставался бы широкій просторъ относительно Австріи, Саксоніи, Даніи, Польши. Екатерина II не признала подобный проектъ тройственнаго союза удобнымъ. Въ запискѣ графа Безбородко, которую императрица одобрила въ 1779 г., было сказано: «Не упоминая уже о томъ, колико оскорбителенъ былъ бы для деликатности ея (императрицы) союзъ съ державою, всей христіанской республикѣ непріязненной, ниже коль вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвести въ народахъ подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ, особливую къ намъ преданность и надежду питающихъ, коихъ вѣнскій дворъ отъ насъ отвращать и привязывать къ себѣ не упустить».

Къ XIX столѣтію взгляды измѣнились; въ 1802 году гр. Кочубей, въ запискѣ, поданной Александру I, высказался за необходимость поддерживать Турцію: «Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи; нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Теперь, конечно, обстоятельства еще болѣе перемѣнились. Для Турціи союзъ былъ бы полезенъ, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что двухвѣковой опытъ доказалъ, что она не можетъ противостоять русскому оружію. Сосѣдей, которые никогда не упускаютъ случая поживиться на счетъ Турціи, когда Россія приводитъ ее въ беззащитное положеніе,—такихъ сосѣдей турки имѣютъ массу. Весь міръ такіе добрые для нихъ сосѣди. А друзей вѣрныхъ, которые защищали бы турокъ противъ Россіи, вовсе не имѣется. Слѣдовательно, по самой логикѣ вещей, для обезпеченія своего дальнѣйшаго существованія туркамъ не остается другого средства, какъ взывать къ великодушію и пощадѣ Русскаго Царя. Во-вторыхъ, Россія не преслѣдуетъ, какъ западныя державы, политики, заключающейся въ экономической эксплоатаціи малопромышленныхъ народовъ, къ которымъ принадлежатъ турки. Союзъ съ Россіей никакихъ матеріальныхъ невыгодъ Турціи не причинитъ. Скорѣе, опираясь на этотъ союзъ, турки успѣютъ освободиться отъ когтей безсовѣстной эксплоатаціи, въ которыхъ теперь душатъ ее европейцы, пользуясь турецкою изолированностью и слабостью и ехидно ссылаясь на капитуляціи, цѣль которыхъ была какъ разъ противоположная той, которой онѣ служатъ теперь. Капитуляціи, дарованныя европейцамъ турками по собственной инціативѣ, должны

были, какъ извѣстно, улучшить ея матеріальное состояніе, а теперь онѣ только разоряютъ Турцію.

Съ другой стороны несомнѣнно, что союзъ могъ быть полезенъ и для русскихъ. Въ своей восточной политикѣ Россія стремится, главнымъ образомъ, къ двумъ цѣлямъ: вліять попрежнему на судьбы освобожденныхъ ею христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова; запереть проливы иностраннымъ военнымъ судамъ, когда имъ вздумается вторгаться въ Черное море. Русско-турецкій союзъ дастъ Россіи то и другое.

Очень многіе даже среди турокъ того мнѣнія, будто въ Константинополѣ почва такъ хорошо подготовлена, что Россія, если бы сегодня пожелала турецкаго союза, то завтра же могла бы имѣть его въ карманѣ. Если и не считать, что почва вполнѣ подготовлена, то нельзя не признать, что при настоящей комбинаціи европейскихъ силъ, турокъ полезно держать въ своихъ рукахъ. Турція въ смыслѣ угрозы для Европы отошла, благодаря русскому оружію, въ область исторіи. Идти противъ турокъ далѣе, это все равно, что рваться на войну со шведами за то, что Делагардій былъ въ Новгородѣ, а Карлъ XII въ Малороссіи. Турція была ненавистна намъ какъ государство, какъ военно-духовный лагерь. Къ туркамъ, какъ къ народу, русскій народъ не имѣетъ ненависти, какъ не имѣетъ ее и къ другимъ тюркскимъ племенамъ на Волгѣ, Средней Азіи, на Кавказѣ, въ Крыму. Турецкихъ плѣнныхъ мы всегда принимали радушно. Наши офицеры и солдаты, возвращаясь домой послѣ войны, ругали румынъ и болгаръ и не стѣснялись хвалить турокъ за ихъ честность и храбрость.

Россія—государство, несомнѣнно, славянское, говорятъ далѣе сторонники русско-турецкаго союза, но она также государство восточное, не только въ силу своего географическаго положенія, но и въ силу племенного состава населенія. Если чехи, хорваты, болгары и т. п. имѣютъ право на наше покровительство, то съ должнымъ вниманіемъ должны относиться мы и къ туркамъ, персамъ, афганамъ, монголамъ, китайцамъ. Дружественныя отношенія со всѣми этими восточными народами нисколько не представляютъ теперь измѣны той вѣковой политикѣ, которой слѣдовала Россія въ интересахъ цивилизаціи. Только узкая близорукость можетъ не видѣть, какъ обстоятельства быстро измѣняются и какъ необходимо каждому народу приспособлять свои отношенія къ новымъ условіямъ.

При такомъ положеніи вещей, прямой-де интересъ Россіи состоитъ не въ томъ, чтобъ тайными происками и интригами содѣйствовать немедленному разрушенію турецкаго государственнаго организма, а въ томъ, чтобъ сдѣлать Россію достаточно сильною и готовою безъ малѣйшихъ колебаній придать то направленіе своей политикѣ, которое будетъ наиболѣе выгодно въ виду возможныхъ случайностей. Вслѣдствіе крайней запутанности интересовъ, общій итогъ которыхъ называется восточнымъ вопросомъ, очень опасно

употреблять впредь при разрѣшеніи его прежнія насильственныя мѣры. Интересъ Россіи не ускорять естественнаго хода событій и не навязывать себѣ добровольно затрудненій, выйти изъ которыхъ возможно только съ огромными усиліями и матеріальными пожертвованіями.

Въ этихъ разсужденіяхъ, конечно, много справедливаго. Хозяинъ положенія вещей въ Турціи теперь безспорно Россія, и она должна воспользоваться этимъ, чтобы надолго обезпечить свое законное преобладаніе и интересы прочнаго мира на Востокѣ.

Намъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть на-сторожѣ, что вопросъ о раздѣлѣ Турціи, который я подробно разбираю въ слѣдующей главѣ, съ 1894 года поднятъ вновь уже Англіей, забывшей съ 1878 г. свой догматъ неприкосновенности Оттоманской имперіи. Англійскія газеты неустанно твердятъ о невозможности дальнѣйшаго пребыванія христіанъ подъ игомъ мусульманъ и требуютъ на первый разъ автономіи Арменіи, думая этимъ вызвать затрудненія для Россіи въ Закавказскомъ краѣ, а у насъ на границѣ создать новую Румынію, да какую еще, съ доброю примѣсью дикихъ курдовъ! Что англичане интригуютъ и въ русской Арменіи, доказывается высылкою изъ Эчміадзина епископа Орманьяна, возбуждавшаго мѣстное населеніе противъ русскаго правительства. Когда требовали свободы сербы и болгары, то легко возникало въ умѣ представленіе объ ихъ землѣ, границы коей каждому болѣе или менѣе извѣстны. Но какъ представить себѣ будущее армянское царство, когда армяне не живутъ въ Турціи сплошною массою и даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они преимущественно сосредоточены, число армянъ не превосходитъ 24% общаго числа населенія. Да и кромѣ этого можно ли удовлетворить армянъ, пользующихся, кстати сказать, большею свободою въ религіозномъ отношеніи, нежели русскіе въ Галиціи или Венгріи, не удовлетворяя грековъ и Македонію, другими словами, не раздѣляя и не выгоняя Турцію изъ Европы? Самое большое, что Россія можетъ сдѣлать для армянъ, это согласиться, примѣнительно къ 61 ст. берлинскаго трактата, дать Арменіи управленіе вродѣ существующаго для Ливана съ христіанскимъ губернаторомъ во главѣ.

Освобождая Македонію, придется ее дѣлить или признать отдѣльнымъ государствомъ. А какъ посмотритъ на подобный проектъ Австро-Венгрія мечтая о Салоникахъ? Македонія къ тому же населена греками, болгарами и сербами и, судя по идущей горячей борьбѣ изъ-за религіознаго вопроса, трудно рѣшить, какая національность можетъ въ ней господствовать. Съ освобожденіемъ болгаръ и возсоединеніемъ съ Болгаріей восточной Румеліи очень усилилась болгарская агитація въ Македоніи. Одной изъ наиболѣе блестящихъ побѣдъ Стамбулова было исходатайствованіе у султана фирмана на учрежденіе трехъ болгарскихъ епископскихъ каѳедръ въ Македоніи. Сербы не мирятся, однако, съ такою побѣдою и

сильнѣе прежняго поссорились съ греками. Не менѣе труденъ вопросъ о Іерусалимѣ, а затѣмъ все-таки остается для разрѣшенія самый мудреный вопросъ — вопросъ о проливахъ.

Въ слѣдующей главѣ я объясняю, что Константинополь, если не останется въ рукахъ султана, можетъ быть только русскимъ. Всякая другая комбинація будетъ для насъ невыгодна да и едва ли возможна. Константинополь не можетъ быть ни болгарскимъ, ни греческимъ, ни, какъ вѣрно полагали Николай I и Нессельроде, вольнымъ городомъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ превратился бы въ космополитическій центръ, притонъ всякаго рода авантюристовъ. Безъ прочнаго правительства, онъ, на подобіе Кракова, сталъ бы только предметомъ вѣчныхъ споровъ для сосѣдей. Еще болѣе фантастична комбинація покойнаго Данилевскаго («Россія и Европа») сдѣлать Константинополь общимъ всему православному и славянскому міру городомъ. Обращенію его въ столицу международной организаціи, основательно замѣтилъ гр. Комаровскій, препятствуютъ его удаленность и положеніе на окраинѣ Европы, пестрое населеніе, въ политическомъ отношеніи совершенно не развитое, наконецъ, всѣ традиціи его прошлаго. Поэтому непонятно, почему Комаровскій, только съуживая идею Данилевскаго, предлагаетъ обратить Константинополь въ общую столицу балканскихъ государствъ.

Занятіе Россіей Константинополя дало бы намъ самую безопасную границу на югѣ. На это возражаютъ, что такое занятіе невозможно безъ полной или частичной нейтрализаціи проливовъ, а тогда Черное море станетъ территоріальнымъ и интересы Австріи, Румыніи, Болгаріи пострадаютъ. Но, во-первыхъ, почему эти интересы не страдали столько же отъ принадлежности проливовъ султану; затѣмъ Австрія имѣетъ уже выходъ въ Средиземное море, а Румынію и Болгарію я не понимаю иначе какъ въ видѣ государствъ дружественныхъ Россіи; если же они будутъ враждебными, то Россія и безъ проливовъ найдетъ средства вредить имъ. Наконецъ нейтрализація полная, т. е. оставленіе проливовъ безъ укрѣпленій, невозможна—гдѣ же была бы тогда наша безопасность, а неполная вродѣ той, что дана Суэзскому каналу, не имѣла бы значенія, такъ какъ Россія въ случаѣ войны никогда не согласилась бы пропускать суда воюющихъ съ нею державъ.

Обладаніе Россіей проливами вернуло бы въ дѣйствительности къ положенію, созданному Ункіаръ-Скелесійскимъ договоромъ 1833 года. Договоръ этотъ вызвалъ, правда, громы въ Лондонѣ и Парижѣ, но благополучно просуществовалъ восемъ лѣтъ, ничьихъ рѣшительно интересовъ не нарушивъ.

Въ одномъ былъ Данилевскій правъ, что Константинополь не долженъ дѣлаться столицей Россіи. Перенесеніе центра имперіи съ сѣвера, гдѣ таится ея національная мощь, далеко на югъ, нанесло бы страшный ущербъ всей ея самобытности. Извѣстно, сколько

пагубныхъ послѣдстсвій имѣло перенесеніе столицы въ Петербургъ, на далекую чуждую окраину. Эти послѣдствія еще въ XVIII столѣтіи извѣстный историкъ князь Щербатовъ изложилъ весьма наглядно. По его мнѣнію, столица на окраинахъ не позволяетъ государямъ знать, что дѣлается внутри имперіи, удаляетъ правительство отъ народа, который мало его видитъ, привлекаетъ высшее сословіе въ отдаленную столицу и лишаетъ его познанія нуждъ страны и того, что можетъ быть въ тягость народу, вытекавшаго изъ постояннаго сближенія, а равно заставляетъ это сословіе всю жизнь посвящать исканію милостей у двора; столица на окраинѣ дѣлаетъ то, что отъ отдаленія «и вопль народный не доходитъ до столицы», лишаетъ народъ непосредственнаго примѣра лучшихъ его сыновъ, не живущихъ болѣе въ провинціи; наконецъ, близость къ вражескимъ границамъ дѣлаетъ общее положеніе менѣе прочнымъ. Перенесеніе столицы въ Константинополь было бы повтореніемъ ошибки Петра I, только въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Во всякомъ случаѣ, если объ обращеніи Константинополя въ русскій городъ можно говорить пока лишь теоретически, то разрѣшеніе вопроса о проливахъ становится само собою на очередь.

По мнѣнію покойнаго Каткова, настоятельно необходимо для нашего правительства обращеніе къ другимъ державамъ съ заявленіемъ о закрытіи, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, для военныхъ и торговыхъ судовъ воюющихъ державъ Босфора съ Дарданеллами, Суэзскаго канала, Бельтовъ и Зунда. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное разрѣшеніе вопроса очень облегчило бы наше положеніе на случай войны; къ сожалѣнію, одной угрозой нейтральнымъ державамъ здѣсь много не подѣлаешь, да и угроза имѣетъ значеніе только когда за нею можетъ послѣдовать возмездіе. Самое отношеніе Россіи и нейтральныхъ державъ къ вопросу о проливахъ Мраморнаго моря чрезвычайно различно и не поддается одинаковому рѣшенію.

Закрытіе проливовъ, пока ключъ отъ нихъ въ рукахъ султана, представляется наиболѣе легкимъ. Безусловное право Турціи не пропускать военныя суда черезъ проливы не подлежитъ спору и Турція добровольно не пропуститъ англійскій флотъ въ Черное море не нарушивъ своего нейтралитета относительно Россіи. Но представляется вопросъ: какъ поступятъ Турція и Россія, если англійскія суда силою прорвутся сквозь Дарданеллы? О Босфорѣ я не говорю, потому что, разъ флотъ прошелъ Дарданеллы, Турція поневолѣ должна будетъ уступить, въ виду беззащитности Константинополя. При нарушеніи англичанами нейтралитета, Турціи представляется два исхода: Турція можетъ ограничиться протестами, можетъ объявить Англіи войну. Послѣднее она сдѣлаетъ, конечно, лишь при угрозѣ объявленія войны со стороны Россіи. Но тутъ явится новый вопросъ: въ союзѣ съ кѣмъ для Турціи выгоднѣе

воевать — съ Англіей ли противъ Россіи или съ Россіей противъ Англіи?

Для Россіи также представляется весьма затруднительный для разрѣшенія вопросъ, что выгоднѣе: смотрѣть ли сквозь пальцы на плохое соблюденіе Турціей ея нейтралитета, или же имѣть противъ себя не только англійскія, но и турецкія военныя силы? Я думаю, что, въ виду важности для успѣха войны въ Азіи запереть проливы и въ виду того, что со времени разрушенія крѣпостей по Дунаю, въ Болгаріи и Арменіи, война съ Турціей для насъ будетъ незатруднительна, намъ выгоднѣе, въ случаѣ отказа Турціи серьезно защищать Дарданеллы при помощи батарей и своего немалаго броненоснаго флота, для чего объявить ей войну или же безъ объявленія занять Константинополь и потребовать сдачи укрѣпленій. Здѣсь явится только одно условіе — это необходимость вознаградить Австро-Венгрію за ея нейтралитетъ, ибо безъ согласія Австро-Венгріи теперь на Балканскомъ полуостровѣ воевать трудно. Новый кусокъ турецкихъ владѣній могъ бы послужить вознагражденіемъ; надобно опасаться, однако, что венгерскіе совѣтники Франца-Іосифа будутъ очень противиться такому увеличенію славянъ въ дунайской имперіи. Да и что можно было бы обѣщать вѣнскому двору, когда мы уже, кажется, все обѣщали.

Наша дипломатія, повидимому, измѣнила свой взглядъ на проливы, по крайней мѣрѣ въ офиціозной газетѣ «Nord» напечатана недавно корреспонденція изъ С.-Петербурга, ставящая вопросъ о проливахъ въ новомъ видѣ. Указавъ, какія крупныя перемѣны произошли на берегахъ Чернаго моря со времени конвенціи 1841 г., корреспондентъ присовокупляетъ, что проливы не играютъ-де болѣе роли ключа Турціи къ Черному морю. Турція превратилась во второстепенную державу, и она не имѣетъ никакого права считать себя стражею моря, которое ей болѣе не принадлежитъ. Черное море должно быть объявлено свободнымъ, но, благодаря своему миролюбивому и безкорыстному правительству, Россія вовсе не желаетъ осложнять этого вопроса, предъявляя исключительныя притязанія на проливы. Желая-де облегчить рѣшеніе этого вопроса, она требуетъ безусловной свободы проливовъ, т.-е., чтобы любое иностранное судно могло свободно проходить черезъ проливы, не подвергаясь стѣснительнымъ и нерѣдко даже оскорбительнымъ формальностямъ, которыя нынѣ требуются отъ иностранныхъ военныхъ судовъ.

Вообще теперь въ восточномъ вопросѣ вновь воцарилась чрезвычайная путаница. О ней можно судить не только по кровавымъ неурядицамъ въ столицѣ и провинціяхъ, но и по воззрѣніямъ дипломатіи и періодической печати. Самыя ярыя туркофильскіе органы печати считаютъ крайне безразсуднымъ вѣрить въ будущее Турціи. Минутное успокоеніе, наступившее въ настоящее время, можетъ, по ихъ мнѣнію, ввести въ заблужденіе только

тѣхъ, кто не знакомъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ; дѣйствительность въ очень близкомъ будущемъ превзойдетъ будто бы самыя худшія и мрачныя ожиданія.

Положеніе Турціи въ самомъ дѣлѣ критическое и опять пошла было рѣчь о международной конференціи по турецкимъ дѣламъ. Въ Россіи подобное предположеніе не возбудило сочувствія. По-нашему восточныя дѣла—болѣе всего русскія дѣла. Если для Россіи конференція ничего не обѣщаетъ, то для Турціи она угрожаетъ раздѣломъ, въ виду того, что и по словамъ англійскихъ государственныхъ людей, Турція безсильна поддерживать порядокъ въ своихъ границахъ и прекратить безчеловѣчія. Но русскіе дипломаты ищутъ иного средства, кромѣ раздѣла Турціи, чтобы прекратить кровавыя расправы. Дипломаты увѣряютъ, что такія средства есть, а именно — соглашеніе Россіи съ Турціей и гарантія ея границъ. Но прежде всего надобно, чтобы Европа дѣйствовала прямо, чтобы Турція знала, чего держаться. Англія должна прекратить всякіе сочувственные армянамъ митинги, а Турція должна обязаться во что бы то ни стало ввести реформы; для послѣднихъ же необходимы денежныя средства. Европейскимъ державамъ, вмѣсто того, чтобы настаивать на скорѣйшей уплатѣ долговъ, слѣдуетъ поэтому сдѣлать новыя разсрочки, а, буде нужно, дать ссуду. Безъ денегъ не только Турція, но и никакая страна не въ силахъ приступить къ реформамъ. Трудно даже ожидать спокойствія тамъ, гдѣ армія и полиція не получаютъ по два года жалованья. Въ этомъ случаѣ взгляды дипломатовъ Россіи и Франціи—принимающей къ сердцу интересы своихъ капиталистовъ, нѣсколько расходятся.

Французы изъ четырехъ почти милліардовъ франковъ турецкихъ долговъ, стоющихъ и по нынѣшнему курсу не менѣе двухъ милліардовъ, имѣютъ двѣ трети (Англія всего 12%). Поэтому французы желали бы, чтобы администраціи публичнаго долга, учрежденной волею султана, дать характеръ кассы египетскаго долга, включивъ русскаго делегата. Въ такомъ случаѣ и русская контрибуція конвентировалась бы въ числѣ прочихъ долговъ. Французы находятъ, что если они дали Россіи въ долгъ пять или шесть милліардовъ, то по чувству товарищества Россія не откажется помочь имъ взыскать съ Турціи полтора милліарда ихъ долга. Желаніе это, пожалуй, законно, но наши дипломаты, привыкшіе дѣлать поблажки Турціи въ уплатѣ контрибуціи, благо эти деньги казенныя, находятъ, что интересы кредиторовъ не такъ важны. Чтобы не ссориться съ Франціей, нашъ посолъ, играющій теперь въ Константинополѣ первую роль, заявилъ Портѣ, что въ случаѣ если будутъ нарушены права совѣта управленія Dette Publique или будетъ сдѣлано посягательство на предоставленные владѣльцамъ турецкихъ фондовъ государственные доходы, Россія, подобно всѣмъ прочимъ державамъ, будетъ вынуждена потребовать учрежденія международной финансовой комиссіи, предусмотрѣнной

18 параграфомъ берлинскаго трактата. Задачею комиссіи будетъ разслѣдованіе финансоваго положенія Оттоманской имперіи и той новой части государственныхъ доходовъ, которая должна быть предоставлена кредиторамъ.

Въ настоящее время Турція имѣетъ два бюджета: одинъ общій. покрывающій расходъ двора, администраціи, арміи и пр., второй по государственному долгу. Въ то время, когда первый въ ужасномъ дефицитѣ и правительство нищенствуетъ, второй обезпеченъ лучшими доходами, имѣетъ избытки, служащіе для выкупа долговъ. А такъ какъ рядомъ правительство дѣлаетъ новые долги, то для обезпеченія ихъ оно передаетъ комиссіи администраціи долга въ обезпеченіе все новые источники доходовъ, оставаясь безъ гроша. Очевидно, что такое положеніе совершенно ненормальное и продолжаться не можетъ. Между тѣмъ Турція гарантировала еще легкомысленнѣйшимъ образомъ множество желѣзныхъ дорогъ. Эти гарантіи совершенно камень на шеѣ у Турціи. Турція лишена также, благодаря капитуляціямъ, возможности увеличить свои таможенные доходы и остается съ Англіей единственной въ Европѣ фритредерской страной, къ сожалѣнію, насильно. Поэтому необходимо или отмѣнить или пересмотрѣть капитуляціи. Эти остатки другихъ вѣковъ мѣшаютъ не только увеличенію таможеннаго дохода, которое одно могло бы улучшить положеніе финансовъ, но и правильному отправленію юстиціи. Турція давно хотѣла пересмотрѣть свой таможенный тарифъ, причемъ имѣлось въ виду установить нѣкоторое покровительство для собственной промышленности, разоренной европейской конкурренціей, ограничившись на первый разъ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ до 20 проц., вмѣсто нынѣшнихъ 8 проц.

Съ подобнымъ рѣшеніемъ можно было только поздравить турецкое правительство. До сихъ поръ лишь одно государство не знало никогда покровительственной системы — это несчастная Польша; оно и погибло,— примѣръ для Турціи вовсе не поучительный. Съ экономической точки зрѣнія европейскимъ государствамъ нѣтъ повода опасаться упроченія въ Турціи промышленности; съ богатымъ государствомъ выгоднѣе торговать, чѣмъ съ бѣднымъ, какъ въ частной жизни удобнѣе имѣть дѣло съ богатыми, нежели съ нищими. Поэтому, казалось бы, что рѣшеніе Турціи не должно бы возбуждать ничьего противодѣйствія. Турція дѣлаетъ только то, что Англія сдѣлала въ 1649 г., Россія — въ 1822 г., Соединенные Штаты — въ 1861 г. Но не такъ посмотрѣли европейскіе торгаши, привыкшіе эксплоатировать Турцію. Для подобной категоріи аферистовъ каждое измѣненіе таможенныхъ пошлинъ равносильно временному сокращенію барышей, почему эти господа и подымаютъ крикъ. Иностранная дипломатія считаетъ своею обязанностью внимать этимъ крикамъ и производить давленіе на турецкое правительство.

Въ дѣлѣ пересмотра турецкаго таможеннаго тарифа интересы Россіи не противоположны, а скорѣе солидарны съ турецкими. Это подсказываютъ намъ и соображенія нравственныя, и соображенія экономическія. Нравственныя соображенія основаны на справедливости. Россія до 1894 года держалась въ своей таможенной политикѣ полной независимости; никому совать носа въ наши тарифные вопросы мы не позволяли. Разъ же мы держались подобныхъ воззрѣній, справедливость и прямой интересъ нашъ не отказывать и Турціи въ такомъ же правѣ по отношенію къ другимъ государствамъ.

Справедливыми и великодушными намъ быть къ тому же вовсе не трудно, ибо торговля Россіи съ Турціей такова, что измѣненія въ таможенномъ тарифѣ существеннаго значенія не имѣютъ. Прежде всего надобно замѣтить, что весь вывозъ въ Турцію не играетъ замѣтной роли въ общемъ отпускѣ изъ Россіи. Въ 1895 году вывозъ въ Турцію составлялъ всего 16 милл. руб., но и изъ этой суммы надобно вычесть многіе товары, которые показываются въ таможнѣ, какъ идущіе въ Турцію, но въ сущности идутъ въ одинъ изъ турецкихъ портовъ, чтобы, перегрузившись тамъ, отправиться въ другія страны.

Разбирая списокъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Турцію, мы видимъ, что большинство ихъ состоитъ изъ жизненныхъ припасовъ: пшеницы, кукурузы, муки, коровьяго мяса, крупнаго и мелкаго скота, или изъ сырыхъ матеріаловъ: шелка, шерсти, сала, лѣсу, пальмоваго дерева, невыдѣланныхъ кожъ, мѣди и т. п. Эти товары и впредь, очевидно, будутъ оплачиваться въ Турціи незначительными таможенными пошлинами, а нѣкоторые изъ нихъ предполагается даже сдѣлать безпошлинными. Между жизненными припасами въ довольно крупной цифрѣ фигурируетъ спиртъ, пошлина на который само собою должна быть въ связи съ тѣмъ налогомъ, которымъ турецкое правительство обложитъ у себя выдѣлку этого продукта.

Собственно же издѣлій, т. е. такихъ товаровъ, на которыхъ предполагаемое повышеніе турецкихъ таможенныхъ пошлинъ отзовется болѣе или менѣе чувствительнымъ образомъ, изъ Россіи въ Турцію вывозится самое ничтожное количество. Главную роль по европейской границѣ играютъ между ними веревки и полотна, а по азіятской — шерстяныя издѣлія. Веревки во всякомъ случаѣ будутъ идти изъ Россіи, ибо ихъ брать больше не откуда, а сокращеніе вывоза прочихъ русскихъ издѣлій, если считать, что увеличеніе цѣны отъ введенія пошлины на 10 или 15 коп. на рубль сократитъ сбытъ издѣлій, совершенно ничтожно въ общемъ балансѣ русской торговли.

Весь вопросъ сводится, значитъ, къ 50—200,000 рублямъ, на которые рискуетъ уменьшиться русскій вывозъ въ Турцію. Намъ

кажется, что о такомъ пустякѣ и разговаривать нечего, тѣмъ болѣе, что мы не стѣснялись никогда обкладывать турецкіе товары въ Россіи и съ 1876 года увеличили на нихъ пошлину слишкомъ на сто проц. противъ прежняго.

XV. ДЕРЖАВЫ БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

Человѣку, сколько нибудь знакомому съ исторіей, нельзя называть донъ-кихотствомъ нашу освободительную миссію на Востокѣ? Развѣ неизвѣстно, что взоры всѣхъ порабощенныхъ народностей Балканскаго полуострова обратились къ Россіи, какъ къ послѣднему прибѣжищу, тогда, когда еще сама она съ трудомъ отбивалась отъ татарскихъ набѣговъ? Уже съ конца XV вѣка начинаются обращенія къ намъ въ этомъ смыслѣ грековъ, въ XVII идея панславизма вполнѣ созрѣла если не у ученыхъ, то у народовъ и завязываются постоянныя политическія сношенія Россіи съ сербами, чёрногорцами и православными румынами. Она вносила свободу въ ряды этихъ угнетенныхъ національностей, свободу дѣйствительную, а не ту, которая, выражаясь эмблемами и фразами, влечетъ за собою порабощеніе народной массы кружку интеллигенціи и капиталистовъ.

По самому положенію своему единственной независимой славянской и православной державы, Россія представлялась естественнымъ центромъ, куда невольно обращались за помощью всѣ угнетенныя славянскія и православныя національности. Отказаться отъ этого положенія — закрыть, такъ сказать, глаза и уши, не видѣть и не слышать того, что дѣлается на Востокѣ — было бы чистѣйшимъ абсурдомъ, да и дѣломъ немыслимымъ, такъ какъ ни одно государство не можетъ, даже на-время, отказаться отъ своей національной физіономіи, отъ своихъ вѣковыхъ идеаловъ, отъ своей исторической задачи.

Задача эта создается не отвлеченными умствованіями двухъ, трехъ политиковъ, и, въ этомъ случаѣ, идея иностранныхъ публицистовъ о пресловутомъ, никогда не существовавшемъ «завѣщаніи Петра Великаго», которое стремится исполнить, во что бы то ни стало, Россія, довольно смѣшна,— историческая задача обусловливается стихійными началами, а именно племенными отличіями, географическимъ положеніемъ и т. п., отстранить которыя нѣтъ силъ, а не духовнымъ завѣщаніемъ. Какъ Англія не могла не сдѣлаться морскою и колоніальною державою, такъ Россія не могла не подчинить своему вліянію и колонизировать добрую половину Европы и Азіи, не могла не сдѣлаться центромъ тяготѣнія для всѣхъ славянъ.

Но братская помощь, которую находили у насъ угнетенныя славянскія національности, всегда далека была отъ мысли поддерживать въ нихъ несбыточныя надежды, а тѣмъ болѣе не шла въ подрывъ государствамъ, съ которыми мы сохраняли дружественныя или, вѣрнѣе, мирныя отношенія. Такъ въ 1875 г. русскіе не могли равнодушно, конечно, переносить мысли о безпощадномъ истребленіи ихъ братій въ Герцеговинѣ, но ни о какомъ дѣятельномъ участіи не было и рѣчи до тѣхъ поръ, пока Турція сама не нарушила своихъ добрыхъ къ намъ отношеній.

Болѣе всего надобно было опасаться, чтобы Турція, въ малодушномъ отчаяніи, не явилась нарушительницею трактатовъ и не дерзнула бы, подъ предлогомъ противодѣйствія панславизму, нарушить ту связь, которая искони существуетъ между Россіею и независимыми сербскими государствами. Извѣстно, что Турція не признавала полной самостоятельности Черногоріи, несмотря на то, что эта самостоятельность освящена вѣками. Съ Черногоріею же у насъ существовали отношенія, которыя не могли быть нарушены военнымъ занятіемъ этого края турками, въ какихъ бы то ни было высшихъ стратегическихъ соображеніяхъ. Независимость Сербіи также была обезпечена, между прочимъ, гарантіею Россіи. Поэтому Россія не могла допустить и мысли, чтобъ турецкое правительство, подъ предлогомъ бѣгства нѣсколькихъ дезертировъ, или сбора въ предѣлахъ княжества нѣсколькихъ тысячъ піастровъ въ помощь семействамъ инсургентовъ, угрожало независимости Сербіи и стѣсняло бы совершенно естественное въ ея населеніи проявленіе сочувствія къ своимъ братьямъ по крови, языку и религіи.

Россія вовсе не была даже противникомъ примиренія двухъ воюющихъ сторонъ. Въ интересахъ гуманности она желала только, чтобы кровопролитіе окончилось какъ можно скорѣе; у насъ сожалѣли даже о безполезно гибнущихъ турецкихъ солдатахъ, участь которыхъ тѣмъ болѣе была плачевна, что они сражались за неправое дѣло, не встрѣчая не только ни малѣйшаго сочувствія со стороны другихъ народовъ, но страдая отъ хищничества собственныхъ чиновниковъ, безпутно расходовавшихъ въ Стамбулѣ деньги, назначенныя въ жалованіе и на покупку припасовъ. Отдавая, однако, должное чувству гуманности, не слѣдовало забывать, что есть нѣчто гораздо болѣе возвышенное — чувство справедливости. А если гдѣ послѣднее—основаніе каждаго благоустроеннаго общества — было попрано, то именно въ отношеніяхъ несчастныхъ райевъ къ мусульманскому владычеству. Достаточно было написано краснорѣчивыхъ словъ въ теченіе слишкомъ четырехъ вѣковъ, чтобы изобразить страданія христіанскаго населенія въ Турціи, и конечно новаго нельзя было ничего прибавить, кромѣ сознанія, что ни время, ни движенія прогресса, ни постепенное разложеніе Оттоманской имперіи не имѣли ровно никакого вліянія на улучшеніе положенія этого населенія.

Съ грустью нужно было даже признать, что интересы его дѣлались еще годъ отъ году все болѣе и болѣе чуждыми Европѣ. Въ прежнее время, когда христіанская пропаганда была очень сильна, какое-то рыцарское чувство по отношенію къ турецкому владычеству овладѣвало всей западной Европой. Борьба съ ненавистнымъ мусульманствомъ воодушевляла одинаково мальтійскаго рыцаря, венеціанскаго нобиля или венгерскаго магната. Ослабленіе воинствующаго католицизма и созданіе теоріи національностей постепенно разорвали тѣ симпатіи, которыя проявлялись къ христіанскому населенію Турціи въ западной Европѣ. Горячее сочувствіе замѣнилось сухимъ и отвлеченнымъ понятіемъ о политическомъ равновѣсіи, передъ которымъ умолкали всѣ другія соображенія.

Славянская идея, хотя честь ея открытія приписываютъ себѣ западно-славянскіе ученые, въ сущности была дѣломъ Россіи, потому что до возвеличенія послѣдней идея эта не имѣла никакого практическаго смысла. Старинныя славянскія монархіи пали во времена слишкомъ отдаленныя и смутныя, а Чехія и Польша черезчуръ зависѣли отъ западныхъ вліяній, чтобы имѣть возможность сдѣлаться ядромъ возрождающихся славянскихъ національностей. Россія первая пробудила въ славянахъ плодотворное въ будущемъ значеніе своего племенного достоинства. Славянинъ не могъ мечтать обратиться въ нѣмца, мадьяра или турка, какъ старая хорутанская, хорватская и боснійская аристократія, а желалъ остаться славяниномъ, по примѣру извѣстнаго англичанина, отвѣчавшаго маршалу Себастіани, который заявилъ, что если бы онъ не былъ французомъ, то хотѣлъ бы сдѣлаться англичаниномъ: — «а я если бы не былъ англичаниномъ, то желалъ бы быть англичаниномъ».

Но если Россія невольно возбудила во всѣхъ славянскихъ племенахъ такое сознаніе и сдѣлала изъ принципа національности ихъ политическое знамя, то съ тѣмъ вмѣстѣ она дала славянамъ и нѣкоторое право надѣяться на то, что она станетъ въ уровень со своимъ историческимъ призваніемъ. Исторія отвѣчаетъ, какъ и когда Россія исполнила свою задачу въ этомъ отношеніи, и я не стану пересказывать того, что всѣмъ извѣстно. Скажу одно, что русская дипломатія никогда не придавала большого значенія обѣщаніямъ, щедро раздаваемымъ турецкимъ правительствомъ. Какъ каждый несостоятельный должникъ готовъ писать векселя на какія угодно суммы и на какихъ угодно условіяхъ, точно также и Турція готова была давать тысячу обѣщаній, зная заранѣе, что она исполнить ихъ не въ силахъ, не рискуя на самоубійство, но соображая, что одинаково удобно не исполнить десяти данныхъ словъ, какъ и одного, для лица, которому не вѣрятъ, хотя и дѣлаютъ видъ, что придаютъ значеніе его честности.

Недобросовѣстность турецкаго правительства проявлялась на каждомъ шагу. Къ числу реформъ, обѣщанныхъ однимъ изъ султанскихъ фирмановъ христіанскимъ подданнымъ Турціи, относится и то, что взимаемая доселѣ съ христіанъ подать, взамѣнъ личнаго отправленія воинской повинности, будетъ уменьшена наполовину. Кромѣ того, эта подать должна была взиматься, по словамъ султанскаго фирмана, только съ тѣхъ, которые по своимъ лѣтамъ способны къ отправленію воинской повинности, т. е. съ лицъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Подобная реформа была бы дѣйствительно весьма благодѣтельна для христіанъ, если бы она буквально и добросовѣстно выполнялась. Между тѣмъ, что же оказывалось на дѣлѣ. Немедленно послѣ изданія фирмана, визирь, извѣщая объ этой реформѣ представителей христіанскихъ общинъ въ Турціи, прибавилъ, что хотя лица отъ 20 и выше 40 лѣтъ и изъяты отъ уплаты воинской подати, тѣмъ не менѣе общая сумма, которая должна быть взимаема съ лицъ свободныхъ по своимъ лѣтамъ къ отправленію воинской повинности, отнюдь не должна быть меньше той, которая до того взималась со всѣхъ безъ исключенія! Это обстоятельство можетъ служить образчикомъ того, какъ исполнялись обѣщанія турецкаго правительства о благодѣтельныхъ для его подданныхъ реформахъ, а такихъ примѣровъ легко насчитать десятки.

Что-жъ удивительнаго, что райи не придавали никакого значенія турецкимъ реформамъ, потеряли всякое довѣріе и смотрѣли на свое положеніе, какъ на чистѣйшее рабство.

Исходя изъ такой точки зрѣнія и признавая, что вообще нѣтъ предмета болѣе важнаго во всей нашей иностранной политикѣ, какъ вопросъ восточный, тотъ или другой исходъ борьбы, начатой въ 1875 году сербами за свою свободу, не могъ казаться для насъ одинаковымъ. Тутъ рѣчь шла не въ томъ, что дралась горсть волонтеровъ и инсургентовъ, что всѣ наши жертвы ограничились нѣсколькими сотнями тысячъ рублей, почти со слезами выпрошенными отъ лицъ, которыя на свои прихоти не задумались бы издержать въ десять разъ болѣе, вопросъ ставился немного посущественнѣе.

Въ теченіе десяти лѣтъ это было уже четвертое возстаніе православныхъ христіанъ Турціи; каждое изъ нихъ, при помощи лицемѣрной европейской дипломатіи, тушилось въ волнахъ крови и приводило только къ ухудшенію положенія христіанскаго населенія. Неужели на эти отчаянныя попытки забитаго населенія добиться хотя относительной свободы и признанія своихъ человѣческихъ правъ, слѣдовало смотрѣть съ точки зрѣнія турецкихъ чиновниковъ, какъ на случайное проявленіе буйства и непокорности установленнымъ властямъ. Не ясно ли было, что все это только матеріалы для громаднаго возстанія, которое рано или поздно должно было охватить весь Балканскій полуостровъ, а быть

можетъ занять и часть дунайской имперіи. Не благоразумнѣе ли было, не дожидаясь подобнаго непредотвратимаго событія, размѣры и послѣдствія котораго исчислить трудно, постараться хотя по частямъ удовлетворить интересамъ христіанскаго населенія Турціи. Европейская дипломатія отвергла такой путь — благоразумный и осторожный; что же получилось въ результатѣ? Сначала сербская война и походъ Черняева, затѣмъ восточная война. Къ чести нашей печати должно сознаться, что она приняла—правда, нѣсколько позже, чѣмъ бы слѣдовало—весьма близко къ сердцу интересы возставшихъ сербовъ. Такого сочувствія долго не замѣчалось въ нашемъ обществѣ и оно быстро исчезло послѣ войны. Явленіе это печально и не можетъ быть объяснено только вялостью, съ которою мы вообще воспринимаемъ постороннія возбужденія. Равнодушіе не такъ еще въ этомъ случаѣ возмутительно, какъ фарисейство, прикрывавшее у многихъ скаредность пышными патріотическими фразами.—Помилуйте, гдѣ намъ заботиться о милліонахъ славянскихъ душъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ, когда и для своихъ-то несчастныхъ средства наши неудовлетворительны, слышалось съ разныхъ сторонъ.

Подобныя разсужденія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Еслибъ мы дѣйствительно дожидались, для того чтобъ придти на помощь южнымъ славянамъ, времени, когда у насъ не будетъ ни бѣдности, ни несчастныхъ случаевъ, а водворится царство «млека и меда», то, безъ сомнѣнія, долго дожидались бы этого. Между тѣмъ наше тяжелое положеніе не могло идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ игомъ, которое выносило большинство православнаго населенія въ Турціи. Оно не имѣло никакой собственности; религіозныя убѣжденія его презирались и ежеминутно нагло попирались; личная безопасность и человѣческое достоинство ничѣмъ не обезпечивались; подати, хотя по суммѣ и небольшія, но взимаемыя самымъ безжалостнымъ образомъ, шли на расходы, для населенія вовсе чуждые и неизвѣстные, а въ замѣнъ того ему не давалось ни школъ, ни суда, ни дорогъ, ничего, ничего такого, что могло поднять человѣка изъ его первобытнаго скотскаго состоянія на степень мыслящаго гражданина.

Вотъ какъ знаменитый Али-паша герцеговинскій опредѣлялъ, по словамъ покойнаго Гильфердинга, права влаховъ (православныхъ сербовъ): «Никогда не говори, несчастный, чтобъ тебя судили по закону Божію! Да, полно, знаешь ли ты, что говорится въ законѣ-то? Вотъ, вѣдь, какъ законъ говоритъ о влахахъ: Со всякаго влаха слѣдуетъ брать ежегодно по 9 драхмъ чистаго серебра въ царскую казну, да еще не просто,—пришелъ и взялъ: нѣтъ! нужно схватить его за шапку да ударить трижды о земь и сказать: подай харачъ! а при этомъ въ глаза ему поносить крестъ. Пусть влахъ вѣрно служитъ 99 лѣтъ турку; да и тогда слѣдуетъ убить его, чтобъ не дать умереть своею смертію. Влахамъ не

нужно ничего другого, кромѣ только того, чтобъ они не голодали; они должны ходить наги и босы, какъ ослы, работать на всѣхъ турокъ и повиноваться имъ. Вотъ что говорится въ законѣ; но мы, турки, по нашему нраву очень добры и въ этомъ отступаемъ отъ закона: мы много позволяемъ влахамъ и почти поровняли ихъ съ собою».

Въ этихъ характеристичныхъ словахъ, опирающихся на несуществующіе тексты корана, опредѣляются тѣ условія, при которыхъ прозябало нѣсколько милліоновъ христіанскаго населенія въ Турціи. Часть этого населенія, многократно безуспѣшно пытавшаяся сбросить съ себя подобное иго, не имѣвшее оправданія въ XIX вѣкѣ, взялась снова за оружіе. Россія не возбуждала его для этого; можно сказать даже, что она узнала о возстаніи позже другихъ державъ. Неужели она могла остаться вовсе безучастна въ борьбѣ, гдѣ лились потоки невинной крови и совершались возмущающіе душу безчеловѣчные поступки, ссылаясь только на то, что и у насъ случилось нѣсколько пожаровъ, да урожай плохъ?

Подобное положеніе для Россіи было невозможно ни по видамъ человѣколюбія, ни сообразно значенію нашему въ ряду другихъ славянскихъ народностей, ни, наконецъ, въ собственныхъ ея выгодахъ.

О человѣколюбіи говорить нечего. Вся Европа подала намъ примѣръ въ этомъ случаѣ, организуя комитеты и подписки. Ужели свои могли быть равнодушнѣе чужихъ? О средствахъ и говорить не стоитъ, потому что хотя мы относительно и бѣдны, но, сообразно уплачиваемымъ налогамъ, не бѣднѣе же многихъ другихъ государствъ; притомъ бѣдность наша не препятствовала намъ тратить ежегодно милліоны и даже десятки милліоновъ рублей на расходы, которые, быть можетъ, и полезны, но не составляли насущной необходимости.

Человѣколюбіе, однако, недостаточный и недостойный, такъ сказать, стимулъ въ этомъ случаѣ. Развѣ можно согласиться, чтобъ русскіе руководились къ страждущимъ славянамъ тѣми же чувствами, какъ испанцы, или жители Канады. Помочь сербамъ въ 1876 году мы должны были уже ради того, что мы Россія, т. е. единственное славянское государство, которое судьба избавила отъ уничтоженія и сохранила вѣка неприкосновеннымъ. Какъ славянская держава, Россія имѣетъ призваніе, отказаться отъ котораго было бы равносильно самоубійству. Какое же можетъ быть другое призваніе естественнѣе, какъ освобожденіе отъ ига прочихъ славянскихъ народностей, историческими невзгодами разобщенныхъ и утратившихъ свою самобытность. Прежде, однако, чѣмъ думать о самостоятельности славянскихъ государствъ, будущихъ нашихъ союзниковъ, надобно было озаботиться о томъ, чтобъ славянскія населенія не утратили, въ ожиданіи этой вожделѣнной минуты, своей народности, какъ утратили ее уже многіе милліоны славянъ

въ Германіи. На комъ же лежала, опять-таки, обязанность пещись въ этомъ случаѣ, какъ не на Россіи. Для славянъ Россія если не является спасительницею, то все-таки останется опорою, примѣромъ и надеждою въ будущемъ. Можно ли было въ такомъ положеніи, созданномъ исторіею и логикою событій, отворачиваться нерѣшительно въ минуты затруднительныя?

Послѣднее было даже неразсчетливо, если уже мѣрить народную политику на торгашескій аршинъ. Даже самые близорукіе мыслители, пробѣжавъ исторію Россіи за послѣднія столѣтія, видятъ, что вся ея политика, за исключеніемъ случайныхъ уклоненій въ сторону, подъ вліяніемъ иностранцевъ, неизмѣнно шла къ упроченію значенія нашего отечества на Востокѣ, гдѣ первенствующее до того вліяніе имѣла Оттоманская имперія. Для этого мы вели войны, поглотившія милліоны людей и милліарды рублей, для этого, преимущественно, въ ожиданіи могущихъ возникнуть событій, мы содержимъ армію, стоющую ежегодно сотни милліоновъ рублей. Знаменитый ораторъ Донозо-Кортесъ обрисовалъ какъ-то очень удачно значеніе такого рода войнъ, сказавъ, что «міръ никогда не видѣлъ то, что удивляетъ нашу эпоху, а именно, что арміи служатъ орудіями цивилизаціи, тогда какъ идеи приводятъ къ варварству». Никакая армія не поработала столько для цивилизаціи, какъ русская, и нигдѣ идеи не давали такихъ отрицательныхъ результатовъ, какъ именно у насъ. Представлялось самое простое, удовлетворительное и, можно сказать, скорое рѣшеніе восточнаго вопроса, и мы не могли этимъ не воспользоваться. Ветхая магометанская имперія, расшатанная успѣхами русскаго оружія, разваливалась на части, подъ вліяніемъ напора собственныхъ элементовъ. Славяне, составляющіе краеугольный камень имперіи, до сихъ поръ молчаливая рабочая сила, выдѣлялись, и все зданіе готово было рухнуть.

Нельзя, конечно, сказать, что источникъ всѣхъ золъ, сопровождавшихъ оттоманское владычество, заключался въ магометанской религіи. Можно доказать и противное. Что религія эта сама по себѣ мирится съ прогрессомъ, показываетъ исторія арабовъ. Несмотря на то, что религіозный фанатизмъ во времена калифовъ былъ безконечно сильнѣе турецкаго, онъ не помѣшалъ арабамъ спасти драгоцѣнные остатки классической древности, создать свою обширную и богатую литературу и обогатить человѣчество полезнѣйшими научными открытіями — я не развиваю этой темы, извѣстной всѣмъ и каждому. Такіе же блестящіе результаты дала мусульманская культура въ Индостанѣ. И въ настоящее время въ Египтѣ магометанская религія легко уживается со всѣми побѣдами человѣческаго разума: съ равноправностью религій и сословій, съ успѣхами знанія и пр. Зло, подточившее могущество османлисовъ, было въ другомъ обстоятельствѣ.

Кто прослѣдилъ исторію турецкаго государства, хотя полную блестящихъ страницъ, но вносившую повсюду разрушеніе, даже въ среду мусульманской цивилизаціи, легко убѣдится, что, съ самаго основанія своего, монархія эта была исключительно военною. Никакихъ другихъ идей, кромѣ идей большого военнаго стана, турки не носили, и съ первыхъ дней своего могущества, вопреки утвержденію въ неспособности ихъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи, они отлично умѣли заимствовать тѣ отрасли послѣдней, которыя имѣли соотношеніе съ военнымъ ремесломъ. Если теперь европеецъ находитъ въ Турціи средневѣковые порядки рядомъ съ скорострѣльными ружьями и броненосными судами, то такая же дисгармонія, можно сказать, существовала съ поконъ вѣку въ турецкомъ лагерѣ.

Въ XV столѣтіи, когда турки представлялись всѣмъ чѣмъ-то въ родѣ азіятской орды, въ дѣйствительности мы видимъ ихъ, рядомъ съ Европой, едва вышедшей изъ феодальныхъ пеленокъ, обладающими постоянными арміями, артиллеріей, бомбардировавшей греческую Византію, и могущественнымъ флотомъ, который выметаетъ изъ Средиземнаго моря слабые флоты тогдашнихъ европейскихъ державъ. Два вѣка военное счастіе не измѣняло туркамъ и завоеванія Мурада II, Магомета II, Селима и Сулеймана Великаго образовали къ концу XVII столѣтія державу въ 100 тысячъ кв. геогр. миль, т. е. величайшее и сильнѣйшее по тому времени государство въ трехъ частяхъ свѣта.

Остріемъ меча, однако, не можетъ держаться имперія. Это доказалъ Римъ, который предлагалъ еще побѣжденнымъ народамъ свою несравненную книгу законовъ, а турецкій законъ, заключающійся въ коранѣ и коментаріяхъ, хотя и оказался весьма подходящимъ къ условіямъ огромнаго числа народовъ, отъ южнаго Китая до центральной Африки, но не могъ никогда пустить прочныхъ корней въ Европѣ при совершенно различныхъ соціальныхъ и географическихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, съ потерею въ XVII столѣтіи военнаго могущества, подорваннаго успѣхами имперскаго и русскаго оружія, Турція мгновенно начала терять свой raison d'être и затѣмъ только взаимное недовѣріе европейскихъ державъ дозволило ей продержаться до настоящаго времени, а въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія укрѣпить даже нѣсколько свое вліяніе въ провинціяхъ, которыя мало-по-малу сдѣлались почти независимыми отъ центральной власти.

Событія 1875—78 гг. не были слѣдовательно неожиданностью. Какъ бы ни желали защитники status quo закрывать себѣ глаза, но несомнѣнно, что искусственное поддержаніе разлагавшагося организма являлось источникомъ бѣдствій гораздо худшихъ, чѣмъ смѣлая хирургическая операція.

Въ чемъ же состояла спасительная операція—было понятно само собою. Сгнила не Турція, не ея народныя силы, а тѣ сла-

быя связи, которыя сдерживали ихъ въ опредѣленной политической формѣ. Раздѣленіе Турецкой монархіи становилось слѣдовательно à l'ordre du jour и отъ болѣе или менѣе удачнаго произведенія этого расчлененія, сдѣланнаго ли силою оружія вассаловъ или путемъ общаго соглашенія европейскихъ державъ, зависѣло спокойствіе Европы. Турецкая монархія, скроенная мечемъ изъ земель и народностей, ничего общаго между собою не имѣющихъ, при расчлененіи должна была распасться, какъ кристалическая порода, связующее вещество которой вывѣтрилось, а минеральныя частицы опредѣленной формы сохранили свои грани.

Оставалось, слѣдовательно, только опредѣлить тѣ зерна, тѣ плотныя политическія агрегаціи, далѣе которыхъ дѣленіе Турецкой монархіи идти не могло, а затѣмъ уже задать вопросъ, какого рода новыя комбинаціи возможны изъ этого первичнаго матеріала? Этнографія служила могущественнымъ орудіемъ для разъясненія такого вопроса.

Турецкая монархія состояла въ 1877 году изъ мозаики самыхъ разнообразныхъ народностей, не сходныхъ ни по языку, ни по соціальнымъ условіямъ, но многія изъ этихъ народностей образовали естественныя группы, довольно близкія между собою и всегда сохранявшія въ той или другой формѣ тѣсную связь. Числовыхъ данныхъ обо всѣхъ этихъ народностяхъ имѣлось очень много, хотя всѣ онѣ были невѣрны, въ особенности въ исчисленіи количества турокъ, къ которымъ обыкновенно относили почти всѣхъ магометанъ. Впрочемъ, даже по оффиціальному, крайне преувеличенному разсчету, турковъ въ Европѣ, Африкѣ и Азіи не болѣе 40% всего населенія Турецкой имперіи, въ дѣйствительности же ихъ навѣрное было менѣе четверти всего населенія. Цифровыя данныя не имѣли, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ особаго значенія, потому что въ Турціи примѣры одновременнаго сожительства нѣсколькихъ національностей на протяженіи одной и той же территоріи слишкомъ часты, и желать при новомъ политическомъ устройствѣ страны держаться строго и исключительно принципа національности составило бы почти неразрѣшимую задачу, да и представлялось излишнею роскошью въ виду того, что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ мы не видимъ государства съ вполнѣ однороднымъ племеннымъ составомъ.

Обращаясь къ историческимъ примѣрамъ, мы замѣчаемъ, что значительныя части, входившія нѣкогда въ составъ турецкой агломерація, очень легко ассимилировались съ сосѣдними государствами, или образовали самостоятельныя единицы. Такъ, часть Венгріи, Славонія и Банатъ сдѣлались достояніемъ короны св. Стефана, Россія воспользовалась западнымъ Кавказомъ, Новой Россіей и Бессарабіей, Франція—Алжиромъ. Греція, Черногорія, Румынія, Сербія, Самосъ, Египетъ, Тунисъ и Недждъ устроились къ началу восточной войны вполнѣ или отчасти независимо. Нѣтъ со-

мнѣнія, что и дальнѣйшее дробленіе турецкихъ земель могло идти въ томъ же естественномъ направленіи: нѣкоторыя части могли ассимилироваться сосѣдними государствами, изъ другихъ образоваться автономическія единицы, находящіяся въ вассальной зависимости отъ этихъ государствъ, наконецъ, третьи должны были составить собственныя вполнѣ самостоятельныя единицы.

Основнымъ принципомъ участія постороннихъ государствъ въ расчлененіи слѣдовало поставить высшіе интересы свободы и національныхъ инстинктовъ народовъ, населявшихъ Турецкую имперію, а никакъ не вопросы европейскаго равновѣсія. Во имя ихъ многократно уже сочинялись планы раздѣленія Турціи съ вознагражденіемъ изъ ея остатковъ всѣхъ государствъ, сила которыхъ могла бы имѣть вліяніе на поддержаніе сгнившаго турецкаго организма, не разбирая, насколько такое вознагражденіе обѣщаетъ прочности въ будущемъ.

Турція владѣла въ 1877 г. территоріей въ Европѣ, Азіи и Африкѣ; часть ея безъ всякаго затрудненія могла быть устроена на основаніяхъ уже, такъ сказать, намѣченныхъ. Въ Европѣ двѣ вліятельныя группы національностей имѣли преимущественное право на наслѣдіе турецкой монархіи. Я не говорю объ османлисахъ, ибо разъ существованіе ихъ государства признавалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Европы и началами справедливости, то не было надобности заботиться о пріисканіи средствъ создать имъ въ Европѣ независимое положеніе, тѣмъ болѣе, что часть такъ называемыхъ турокъ — славянскіе ренегаты, которые, безъ сомнѣнія, быстро поглотятся большинствомъ населенія, а другая—истые османлисы—постепенно вымираетъ, и подъ напоромъ цивилизаціи естественно уничтожится сама собою, даже при всѣхъ гарантіяхъ ея соціальнаго и религіознаго быта. Гораздо затруднительнѣе вопросъ объ албанцахъ, которые ни по происхожденію, ни по языку, а тѣмъ менѣе по образу жизни могутъ быть причислены къ одной изъ преобладающихъ на Балканскомъ полуостровѣ племенныхъ группъ.

Славяне образуютъ тамъ двѣ главныя отрасли: сербовъ и болгаръ. Граница первыхъ очерчена довольно ясно, но для политическаго переустройства ихъ являлись многія препятствія въ религіи, соперничествѣ династій Нѣгоша и Обреновича, а особенно въ томъ, что наибольшая часть сербскаго народа и весьма близкихъ къ послѣднему словенъ состоитъ въ подданствѣ нѣмцевъ и мадьяръ. Очень трудно гадать о будущемъ, но невозможно отнять у сербовъ право мечтать объ образованіи единой Сербіи, государства, которое, включая сербовъ, хорватовъ и словенъ (хорутанцевъ), образуетъ королевство съ весьма почтенною цифрою (свыше 11 мил.) населенія, въ очень выгодныхъ географическихъ условіяхъ.

Пока, однако, такое королевство является болѣе плодомъ политическихъ фантазій, а ликвидація сербскихъ земель, принадлежа-

щихъ Турціи, фактъ настоятельный. Я думаю, что нейтрализовать противорѣчивые интересы возможно было вполнѣ удовлетворительно такимъ образомъ. Княжество Сербія получала бы большую часть Босніи и ту часть Старой Сербіи, гдѣ сохранилось еще сербское населеніе. Часть Босніи, такъ называемая Краина, населенная сербами-католиками, уступалась Австріи и присоединялась къ Далмаціи, отъ которой взамѣнъ того отдѣлялось все чрезполосное владѣніе по Катарскому заливу и вмѣстѣ съ Герцеговиной присоединялось къ Черногоріи; къ послѣдней отходила бы также часть Албаніи, населенная православнымъ населеніемъ, и ближайшій къ Антивари берегъ Адріатическаго моря.

Болгарія, и вся населенная болгарами, а отчасти турками и греками часть Македоніи, Добруджи и Румеліи, за исключеніемъ Константинополя, должны были образовать независимое государство Болгарское, въ $5^1/_2$ или 6 мил. населенія, съ центромъ въ Адріанополѣ, портами въ Варнѣ и Салоникахъ, и съ принцемъ греческаго исповѣданія на престолѣ, по выбору учредительнаго собранія. Эпиръ и Ѳессалія присоединялись къ греческому королевству, которое кромѣ того получало Критъ и острова Архипелага, т. е. всего свыше 1.700,000 новыхъ подданныхъ. Изъ Архипелага исключались только, какъ стратегическіе пункты, Тенедосъ и Родосъ, которые должны находиться въ рукахъ того, кто будетъ владѣть Константинополемъ.

Оставшаяся неприсоединенною къ Черногоріи часть Албаніи, съ населеніемъ въ 200,000, если не пожелала бы присоединиться сама къ Греціи, могла образовать небольшую независимую республику — родъ старыхъ швейцарскихъ кантоновъ. Албанія такая землица, присоединеніе которой будетъ скорѣе тягостью, чѣмъ находкой для какого угодно государства.

Греція по своему географическому положенію могла сохранить попрежнему полную независимость, но Болгарія—по совершенной новости ея политическаго положенія и по неравномѣрности этнографическаго состава населенія, особенно по окраинамъ, а равно сербскія земли — въ виду объясненнаго выше ихъ двойственнаго положенія, необходимо должны были оставаться подъ протекторатомъ болѣе сильнаго государства. По географическому положенію такихъ государствъ два—Австро-Венгрія и Россія: протекторатъ послѣдней, какъ государства славянскаго и одинаковаго по вѣрѣ, имѣлъ болѣе правъ и охотнѣе принялся бы мѣстнымъ населеніемъ. Австро-Венгрія, господствуя уже надъ столькими милліонами сербовъ, имѣла бы, пожалуй, также право на послѣднихъ, но присоединеніе вассальныхъ сербскихъ государствъ къ Австріи произвело бы постепенно отпаденіе отъ послѣдней собственныхъ сербскихъ земель; затѣмъ такое усиленіе славянскаго элемента разрушаетъ всю систему дуализма, внѣ котораго въ Австріи возможна только федерація, причемъ славяне получатъ преоблада-

ющее значеніе, т. е. разрушать тѣ основы, на которыхъ зиждется теперь монархія Габсбурговъ.

Гораздо естественнѣе сербскія государства и Болгарію было поставить въ вассальную, хотя гибкую зависимость отъ Россіи. Австро-Венгрія же могла быть вознаграждена тѣмъ, что Румынія, отъ которой отходилъ клочокъ Бессарабіи, необходимый, какъ естественная граница для Россіи, слившись съ румынскими же Трансильваніей и Буковиной, образовала подъ именемъ Дакіи независимую группу въ Австрійской монархіи, подобно Венгріи. Для румынъ замѣна турецкаго вассальнаго владычества австрійскимъ никакой существенной разницы не составила бы и даже казалась бы выгодною, потому что такимъ образомъ осуществлялось единство румынскаго племени въ Европѣ. Австрія же обратилась бы временно въ тріединую Дунайскую монархію, гдѣ четыре составныхъ элемента ея: славяне, нѣмцы, мадьяры и румыны парализовали бы центробѣжныя стремленія каждой части имперіи.

Для того, чтобы Россія могла поддерживать свой протекторатъ надъ славянскими землями надлежащимъ образомъ, а равно, чтобы Австрія, владѣя Дунаемъ, не могла каждую минуту отрѣзать Россіи доступъ къ ея ближайшимъ союзникамъ, необходимо Босфоръ и Дарданеллы съ окружающими мѣстностями оставить въ рукахъ Россіи. Такое черезполосное владѣніе при существованіи пароходства на незамерзающемъ морѣ никакого затрудненія для Россіи не составило бы, между тѣмъ оно поставитъ ее прочно на открытомъ и совершенно необходимомъ для нея Средиземномъ морѣ.

Безъ сомнѣнія, на этомъ морѣ и другія государства имѣютъ интересы не менѣе существенные, особенно Англія, для которой съ прорытіемъ Суэзскаго перешейка Средиземное море получило снова первенствующее значеніе, какъ кратчайшій путь въ Остъ-Индію. Поэтому Англія по справедливости имѣла бы право занять нѣкоторые необходимые для нея пункты турецкихъ владѣній по Красному морю и Персидскому заливу, напр. Джедду, Бассору и др., а затѣмъ вся остальная населенная арабами часть Оттоманской имперіи, т. е. южная Сирія, Мессопотамія, Геджасъ, Іеменъ, Египетъ и Триполи должны образовать одно независимое государство съ столицею Каиромъ и населеніемъ въ 14 мил., которое, пожалуй, можетъ сохранить нынѣшнюю египетскую династію, но съ перенесеніемъ протектората отъ Турціи къ Англіи, которая обезпечиваетъ такимъ образомъ навсегда за собою Красное море и Персидскій заливъ, т. е. прямое сообщеніе съ Индостаномъ и Австраліей. При этомъ Суэзскій каналъ и Святыя мѣста слѣдовало нейтрализовать и подчинить управленію особыхъ международныхъ комиссій.

Тунисъ, составляющій часть арабскихъ владѣній Турціи, хотя и чисто номинальныхъ, долженъ быть сдѣланъ вассаломъ Италіи, или если послѣдняя будетъ вознаграждена южнымъ Тиролемъ, въ

замѣнъ усиленія австрійскаго могущества на Дунаѣ вассальною зависимостью $4^1/_2$ мил. румынъ, то—Франція, которая, соединивъ свои колоніи Сенегала съ владѣніями по Средиземному морю, пріобрѣтала бы тогда въ западной Африкѣ такое же прочное положеніе, которое Англія займетъ въ южной и восточной частяхъ этого обширнаго материка.

Нѣсколько затруднительнѣе былъ вопросъ о переустройствѣ малоазіятскихъ владѣній Турціи. Выше я сказалъ уже, что большая часть Сиріи и Мессопотаміи должны бы отойти къ Египту; точно также весьма естественно Арменію, какъ страну христіанскую и имѣющую географически и въ племенномъ отношеніи много общаго съ Закавказьемъ, присоединить непосредственно къ Россіи. Затѣмъ останутся еще Анатолія, Курдистанъ и сѣверная часть Сиріи, дальнѣйшая участь которыхъ требуетъ нѣкотораго разъясненія.

Я забылъ прибавить, что владѣніе Константинополемъ и проливами немыслимо безъ владѣнія болѣе или менѣе значительной полосой азіятскаго берега. Граница здѣсь должна быть проведена сообразно военнымъ потребностямъ, не гоняясь за территоріальнымъ расширеніемъ, потому что обладаніе Константинополемъ, даже подъ условіемъ содержанія тамъ постоянно значительной военной силы, окупится необыкновенными выгодами этой мѣстности для торговли. По примѣрному соображенію, на обоихъ берегахъ проливовъ Россіи досталось бы около $1^1/_2$ мил. населенія.

Остальная часть Малой Азіи представляетъ страну, населенную внутри турками, лазами, курдами и др. мусульманскими народами, а по окраинамъ греческими колоніями. Грековъ здѣсь свыше милліона, а турокъ по умѣренному даже счету не менѣе шести милліоновъ. Отдѣленіе береговой полосы, не говоря уже о затруднительности разграниченія, было бы невозможно, такъ какъ это значило бы обречь на смерть экономическое развитіе и безъ того довольно бѣдной мѣстами страны. Во всякомъ случаѣ, порѣшивъ разъ навсегда подчинять христіанскія народности туркамъ въ возможно меньшихъ пропорціяхъ, не оставалось ничего, кромѣ уступки Требизонда и лежащихъ къ востоку гаваней Россіи, какъ естественнаго дополненія Армянской области, и образованія изъ западной и юго-западной частей Малой Азіи, т. е. изъ древней Іоніи и Каликіи съ островомъ Кипромъ и нѣкоторыми ближайшими островами особаго греческаго государства въ 2 м. населенія, которое, имѣя столицею Смирну, могло бы находиться до времени въ личномъ соединеніи съ греческимъ королевствомъ, какъ, напримѣръ, Норвегія соединена съ Швеціей.

Затѣмъ, остальное пространство nolens volens въ ожиданіи, пока сбудется пророчество одной остроумной дамы: que l'Asie mineure sera majeure, должно сохраниться пока подъ турецкимъ владычествомъ. Причемъ можно избрать столицею Бруссу, Дамаскъ или

Діаберкиръ. У султана все еще осталось бы тогда столько же подданныхъ, сколько имѣетъ ихъ другой могущественный мусульманскій государь, шахъ персидскій. Нѣсколько гаваней по Средиземному, Мраморному и Черному морямъ доставятъ этому государству средства для выгодной торговли, но о заведеніи какого либо военнаго флота, конечно, не можетъ быть болѣе рѣчи, да онъ и не имѣлъ бы смысла. Турецкая администрація обратила въ пустыню означенный край, но онъ вовсе не такъ бѣденъ. Нашъ соотечественникъ, покойный П. Чихачевъ, многіе годы изучавшій Малую Азію во всѣхъ отношеніяхъ, убѣжденъ, что при другомъ порядкѣ вещей она и теперь, вопреки мнѣнію Либиха, приписывавшаго запустѣніе ея истощенію почвы, могла бы кормить огромное населеніе.

Остается еще одинъ вопросъ, — турецкій внѣшній государственный долгъ. Хотя лица, ссудившія турецкому правительству деньги, давно въ высокихъ процентахъ выручили свои капиталы, тѣмъ болѣе, что займы выпускались обыкновенно между 40 и 50 за сто, но для успокоенія европейскихъ капиталистовъ было бы справедливо турецкій внѣшній долгъ раздѣлить между всѣми наслѣдниками пропорціонально населенію, исключивъ даже, пожалуй, собственно турецкое государство, которому и безъ того предстоялъ большой расходъ на перевозъ администраціи въ Азію.

Проектовъ раздѣла Турціи существовало не мало *). До нынѣшняго столѣтія, подъ вліяніемъ отчасти воспоминаній о крестовыхъ походахъ, волновавшихъ Европу два съ половиною вѣка, мысль объ уничтоженіи мусульманскаго государства была въ модѣ. Она занимала не только политиковъ, но и ученыхъ. Бэконъ въ своемъ «de Bello sacro» доказывалъ, что турки стоятъ внѣ международнаго права; графъ де-Бревъ, игравшій важную роль въ Левантѣ, представилъ Людовику XIII подробную записку о необходимости изгнанія турокъ изъ Европы. Ту же идею проводилъ Лейбницъ, въ 1668 году, въ «Consilium Aegyptiacum», а Вольней, въ 1788 году, въ извѣстныхъ «Considérations sur la guerre des Turcs».

И русскихъ проектовъ раздѣла Турціи было не мало. Практически мысль эта обсуждалась и дѣлались надлежащія приготовленія, по инниціативѣ Екатерины II, въ 1788 году. Графъ Ростопчинъ въ 1800 г. предлагалъ Павлу I раздѣлить Турцію, причемъ Россія возьметъ Румелію, Булгарію и Молдавію; Австрія—Боснію, Сербію и Валахію; Пруссіи отдавалось курфиршество гановерское и епископство падернборнское и мюнстерское; Франціи—Египетъ. Греція съ островами Архипелага образуетъ республику.

*) Вышеизложенный проектъ раздѣла Турціи былъ предложенъ мною наканунѣ войны, въ «Новомъ Времени», въ формѣ анонимнаго письма изъ Біаррица. Письмо это въ свое время, въ 1877 г., вызвало много комментаріевъ и обошло европейскую печать.

Въ Тильзитѣ между Александромъ I и Наполеономъ былъ намѣченъ слѣдующій планъ раздѣла Турціи. Россія пріобрѣтала: Бессарабію, Молдавію, Валахію и Болгарію до Балканъ; Наполеонъ присоединялъ къ своимъ владѣніямъ: Албанію, Өессалію, Морею, Кандію и соглашался дать Австріи Боснію и Сербію. Турки удерживали Константинополь, Румелію, Малую Азію и Египетъ. Соотвѣтственно съ этимъ въ началѣ турецкой войны Александръ I предложилъ Австріи занять Боснію, Сербію и Крайну, въ то время какъ Россія завладѣла бы дунайскими княжествами.

Въ 1828 году гр. Каподистріа представилъ тайному комитету, созванному Николаемъ I, новый планъ политическаго переустройства Балканскаго полуострова. Оттоманская имперія въ Европѣ замѣнялась странами: Дакіею, составленною изъ Молдавіи и Валахіи; Сербіею, обнимавшею кромѣ этой области еще Болгарію и Боснію; Македоніею, въ составъ которой вошли бы, кромѣ собственно Македоніи и Өракіи, многіе острова Архипелага. Эпиромъ съ областью того же имени и Албаніею и, наконецъ, Греціею. Эти государства составляютъ между собою федерацію, столицею которой назначается Константинополь, объявляемый вольнымъ городомъ, съ прирѣзкою небольшой территоріи. Послѣдній пунктъ вызвалъ справедливыя возраженія со стороны гр. Поццо-ди-Борго и Дашкова, находившихъ, что, при указанныхъ условіяхъ, Константинополь не былъ бы въ состояніи, закрывъ проливы, ограждать черноморское побережье. Такое же мнѣніе высказалъ и гр. Нессельроде въ 1829 г. въ моментъ, когда побѣды Дибича подняли вопросъ о раздѣлѣ. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, передавая, очевидно, мысли Николая I, находилъ, что не только нельзя сдѣлать Константинополь вольнымъ городомъ, но всячески слѣдуетъ укрѣплять проливы для защиты отъ отброшенныхъ въ Азію турокъ.

Наконецъ предъ началомъ Крымской войны императоръ Николай, въ извѣстномъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ Сеймуромъ, предлагалъ дунайскія княжества, Сербію и Болгарію сдѣлать независимыми и поставить подъ протекторатъ Россіи, а Англіи отдать Египетъ и Критъ *).

Всѣмъ извѣстнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ планы раздѣла разстраивались. Герцогъ Веллингтонъ въ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ, упомянувъ, что Турція умираетъ уже четыре столѣтія, весьма остроумно замѣтилъ, что вопросъ о наслѣдствѣ «больного человѣка» было бы легче рѣшить, если бы въ Турціи было два Константинополя.

*) Достоинъ вниманія, по своей курьезности, поддержанный прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV проектъ Радовица обратить Святыя мѣста въ собственность пяти великихъ державъ, причемъ гору Сіонъ, укрѣпивъ, занять смѣшаннымъ европейскимъ гарнизономъ. Только въ Парижѣ къ проекту отнеслись сочувственно, потому что онъ подходилъ къ предложенію, сдѣланному Гизо Меттерниху и Пальмерстону. Въ С.-Петербургѣ же прусскій проектъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ.

Я не претендую на безусловно хорошее рѣшеніе, но оно мнѣ кажется достаточно примиряющимъ тѣ интересы, которые въ восточномъ вопросѣ непосредственно сталкиваются. Удовлетворить всѣхъ и каждаго, конечно, невозможно, да и въ Европѣ немного вопросовъ, гдѣ на другой почвѣ взаимныя компенсаціи возможно сдѣлать ко всеобщему удовольствію.

Война 1877 г. остановилась на половинѣ—до полнаго раздѣла Турціи не дошло. Частичные же раздѣлы, частью на основаніи берлинскаго трактата, частью по позднѣйшимъ соглашеніямъ, произошли нѣсколько иначе, чѣмъ проектировано выше. Румынія, получившая вмѣсто южной Бессарабіи Добруджу, Сербія, увеличившаяся Нишской провинціей, и Черногорія, получившая Антивари, сдѣлались независимыми государствами. Россіи досталась, сверхъ части Бессарабіи, Батумская и Карсская области. Австро-Венгрія взяла себѣ, якобы временно, Боснію, Герцеговину и часть старой Сербіи, Англія также, будто бы временно, захватила Кипръ, Греція получила Ѳессалію и только часть Эпира, Франція заняла Тунисъ, Италіи уже безъ всякаго согласія Турціи взяла часть египетскихъ гаваней по Красному морю.

Но одно дѣло отвоевать свободу какого-либо народа, другое устроить его государственный бытъ на вполнѣ прочномъ основаніи. Дипломаты нѣсколько разъ задавали себѣ вопросъ: отчего это за послѣднія 50 лѣтъ наше положеніе среди освобожденныхъ нашею кровью народовъ Балканскаго полуострова нисколько не улучшилось, но даже ухудшилось—и это послѣ блестящихъ побѣдъ 1829 и 1877 годовъ? Вмѣсто того, чтобы отвѣтить прямо, что главная вина въ политикѣ, которая, связывая насъ по рукамъ и ногамъ, заставляла слушать коварные совѣты западныхъ друзей, дипломаты винятъ обыкновенно нашу заботливость объ освобожденныхъ народахъ.

Освобождая народы, говорятъ они, мы постоянно брали на себя роль ихъ опекуновъ и руководителей и хотя, несомнѣнно, поступали въ этихъ случаяхъ безкорыстно, тѣмъ не менѣе, «неумѣреннымъ вмѣшательствомъ» въ чужое хозяйство, во-первыхъ, подавали поводъ къ обвиненіямъ въ тайномъ намѣреніи вполнѣ подчинить себѣ освобождаемыхъ единовѣрцевъ, а, во-вторыхъ, возбуждали противъ себя недовольство въ странѣ. И правительство, и общество совершенно упускали изъ виду, что въ благодѣтельствуемыхъ нами странахъ мы все же были чуждымъ элементомъ и что поэтому, при непосредственномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла страны, главная отвѣтственность за ошибки падала на насъ, а не на тѣхъ, кого мы поддерживали.

Говорить подобное, значитъ забывать, въ какомъ положеніи были освобожденные нами народы. Когда Киселевъ взялъ въ руки управленіе Румыніей, то «первыя основы общежитія и гражданственности—обезпеченіе личности и собственности, можно сказать, не существовали въ княжествахъ,—пишетъ его біографъ Заблоцкій-

Десятовскій; главнымъ источникомъ доходовъ полиціи было разбойничество и воровство. Преступниковъ не только не преслѣдовали, но, напротивъ того, тайно имъ покровительствовали, участвуя съ злодѣями въ дѣлежѣ награбленнаго и накраденнаго... Отправленіе правосудія считалось какъ простой придатокъ власти и какъ дѣло совершенно второстепенное; законы оставались безъ власти; фаворитизмъ и капризъ рѣшали дѣло и справедливость приносилась въ жертву корыстнымъ интересамъ и низкимъ страстямъ... Вездѣ сила замѣняла право, вмѣсто закона господствовалъ произволъ, и злоупотребленія всякаго рода составляли единственный способъ производить и пріобрѣтать богатство»...

Въ еще худшемъ положеніи послѣ освобожденія была Греція при гр. Каподистріа и Сербія при Георгіѣ Черномъ и Милошѣ. Какимъ же образомъ можно утверждать, что мы непрошенно хозяйничали въ странахъ, когда эти страны не имѣли другихъ хозяевъ, кромѣ атамановъ разбойничьихъ шаекъ? Вѣдь это только въ 1877 году, послѣ того, какъ мы сами подверглись временному умственному затменію, мы сообразили, что стоитъ заказать гг. Лукьянову и Градовскому сочинить для Болгаріи конституцію на манеръ бельгійской, чтобы бывшіе прикащики въ турецкихъ лавкахъ обратились въ конституціонныхъ министровъ. Тогда еще не знали чудодѣйственной силы, которая нашего же интендантскаго чиновника Стамбулова обратила вдругъ въ Гизо или Питта, съ которымъ русскіе дипломатическіе генералы разговаривали съ подобающимъ почтеніемъ.

Дипломаты увѣряютъ, что мы, къ сожалѣнію, мало знаемъ исторію нашихъ сношеній съ балканскими народами, а если бы знали, то видѣли бы, что, за исключеніемъ времени Киселева въ Румыніи, мы пользовались своимъ «неограниченнымъ» вліяніемъ въ ущербъ собственнымъ интересамъ. Интересъ же нашъ будто бы состоялъ только въ признаніи «права полной самостоятельности балканскихъ народовъ во внутреннемъ управленіи». Создадимъ «Болгарію для болгаръ», «Румынію для румынъ», «Грецію для грековъ», говорили дипломаты, и «едва ли можно сомнѣваться, что повсемѣстно начнется быстрый поворотъ въ нашу пользу и нѣсколько десятковъ дѣйствительныхъ нашихъ враговъ потеряютъ всякую почву».

Прежде чѣмъ перейти къ разбору этой программы, надобно защитить память графа Киселева отъ малѣйшаго сочувствія къ подобнымъ взглядамъ. Хотя дипломаты считаютъ управленіе Киселева единственнымъ пріятнымъ исключеніемъ, но вотъ что писалъ самъ Киселевъ къ кн. Орлову въ 1833 г., когда уже достаточно поуправлялъ дунайскими княжествами:

«Надо разсѣчь узелъ, оставить за нами княжества въ теченіе десяти лѣтъ. Я думаю такъ потому, что считаю Дунай границею имперіи, и несмотря на Нессельрода и всѣхъ вашихъ петербург-

скихъ политиковъ, сила возьметъ верхъ надъ природой, и мы будемъ тамъ, гдѣ намъ должно быть. Продолжая оккупацію, мы пріучимъ умы насъ видѣть и присоединеніе сдѣлается удобнѣе. Оставить добровольно выгодное положеніе, въ которомъ мы находимся, будетъ глупостью, которую вы, я увѣренъ, не потерпите»...

Орловъ отвѣчалъ, что вполнѣ сочувствуетъ Киселеву, но сомнѣвается въ успѣхѣ, въ видунаш его тѣснаго сближенія съ Австріею, т. е. въ виду Нессельродовъ и другихъ дипломатовъ того времени.

Предлагая создавать вполнѣ автономныя и чуждыя намъ государства на Балканскомъ полуостровѣ и забывая, что народности перемѣшаны тамъ во многихъ мѣстахъ такъ, что никогда нельзя разграничить національности въ точно опредѣленныхъ границахъ, дипломаты совѣтовали Россіи взять за образецъ политику Наполеона III въ Румыніи во времена князя Кузы и политику австровенгерцевъ по отношенію къ Сербіи въ настоящее время.

Этотъ совѣтъ показываетъ только, что и дипломаты забываютъ очень скоро исторію. Наполеонъ III дѣйствительно руководилъ политикой Румыніи при Кузѣ; онъ дѣйствительно былъ авторомъ румынскаго единства, которое наша дипломатія, заискивавшая у Франціи послѣ крымской войны, имѣла непростительную слабость допустить, что было одною изъ величайшихъ ошибокъ въ ея исторіи. Но, спрашивается, гдѣ плоды этой наполеоновской политики? Румынія давно вышла изъ круга французскаго вліянія, Наполеонъ же своими интригами на Дунаѣ только лишилъ Францію естественнаго союзника, что и почувствовалъ на собственной спинѣ въ 1870 г. Наполеонъ I былъ въ этомъ случаѣ сообразительнѣе, предлагая намъ на эрфуртскомъ свиданіи дунайскія княжества. Къ несчастью, наша дипломатія, принимая даръ Наполеона, увлеклась затѣмъ такого рода политикой, которая, подъ внѣшнимъ видомъ торжества, на пятьдесятъ лѣтъ отодвинула Россію на задній планъ, отдавъ ее въ руки Австріи.

Еще менѣе убѣдительна ссылка на примѣръ Австро-Венгріи. Что думаютъ австрійцы по отношенію къ Сербіи, никто не знаетъ, но всѣмъ извѣстно, что думаютъ австрійцы и мадьяры по отношенію къ сербамъ. Здѣсь далеко они не ограничиваются тѣмъ «общимъ политическимъ руководительствомъ», о которомъ лепетали дипломаты. Мало-по-малу австрійцы и венгерцы не только стали «хозяйничать», но и забрали сербовъ Хорватіи, Срѣма, Славоніи, Башки, Баната, Военной границы, Далмаціи, Рагузанской республики, Боки Которской, Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. Трудно послѣ этого предполагать, что австрійцы намѣрены поступить иначе по отношенію къ тому клочку сербскаго народа, который живетъ еще полу-автономно въ нынѣшнемъ королевствѣ Сербіи, такъ какъ онъ не составляетъ и 15 проц. общаго числа сербовъ, попавшихъ уже въ руки Габсбургскаго дома. Какъ хорошо же жилось сербамъ подъ этимъ «руководительствомъ» Австріи,

видно изъ того, что еще въ прошломъ столѣтіи, когда въ Россіи въ полномъ цвѣту было и крѣпостное право, и пытка, сто тысячъ сербовъ ушло въ наше подданство, предпочитая сосѣдство съ хищными татарами нѣмецкимъ чиновникамъ и іезуитскимъ священникамъ.

Я полагаю, что намъ нѣтъ нужды въ примѣрахъ ни Наполеона III, ни современныхъ австрійскихъ дипломатовъ. Россія имѣетъ на Балканскомъ полуостровѣ свою исторію, начинающуюся еще со Святослава, и въ ея выводахъ должна искать себѣ рѣшенія и примѣровъ. Наша задача пошире сочиненій для румынъ и болгаръ эфемерныхъ автономій и конституцій и призванія туда нѣмецкихъ принцевъ. Россія стоитъ во главѣ восточнаго міра, во главѣ всѣхъ славянъ и всего православія и въ интересахъ ихъ должна вести войну съ Западомъ, вести неустанно и вѣками. Для насъ болгары, сербы, румыны только солдаты въ колоссальной борьбѣ, солдаты въ гигантской вѣковой битвѣ. Въ битвѣ же всегда оправдывается старое правило, что обѣ стороны одинаково боятся другъ друга. «Кто первый съумѣетъ освободиться отъ этого впечатлѣнія и сдѣлаться морально господиномъ положенія, тотъ и будетъ побѣдителемъ, ибо надъ всѣми силами стоятъ тѣ, которыя дѣйствуютъ на душу и наполняютъ ее или страхомъ и заботой, или гордостью и самоувѣренностью».

Эти умныя строки, выписанныя мною изъ нѣмецкаго курса стратегіи (Баронъ Кольмаръ фонъ-деръ-Гольцъ: «Вооруженный народъ»), лучше всего рисуютъ тотъ образъ дѣйствій, который должна избрать Россія. Горе ей, если она будетъ слушаться дипломатовъ и заискивать расположенія кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе болгаръ и румынъ, которые обязаны ей всѣмъ, т. е. тѣмъ, что они люди, а не рабочій скотъ турокъ. Гордость тѣмъ, что Россія сдѣлала для освобожденія балканскихъ народовъ, и увѣренность въ томъ—какъ выразился Киселевъ—что мы «будемъ тамъ, гдѣ намъ должно быть», такова программа русской политики. Программа простая и ясная, а, слѣдовательно, легко осуществимая. Въ хитросплетеніяхъ же, достойныхъ безсильнаго государства, прикидывающагося крѣпкимъ, мы непремѣнно запутаемся и въ концѣ концовъ проиграемъ.

Народы живутъ не мѣсяцами и годами, и вопросъ еще— долго ли будетъ общественное мнѣніе въ освобожденныхъ нами турецкихъ провинціяхъ намъ враждебно? Весьма вѣроятно, что очень скоро произойдетъ рѣзкій переворотъ и всѣ славянскія и православныя народности поймутъ, что только подъ охраною Россіи онѣ могутъ обезпечить себѣ въ будущемъ спокойное существованіе.

Болгарія.

Источникомъ затруднительнаго положенія болгарскаго народа наиболѣе служитъ трудность разграничить границы разселенія болгарскаго племени отъ греческаго и частью сербскаго и румынскаго, а затѣмъ малая подготовленность болгарскаго народа къ конституціонной жизни, навязанной ему съ 1878 года.

Болгары, какъ и сербы, румыны и греки въ моментъ освобожденія ихъ русскими были деморализованы многовѣковымъ турецкимъ рабствомъ. Неудивительно, что дарованную имъ свободу они употребляютъ не на упроченіе внутренняго мира и благосостоянія, а на взаимныя соперничества, которыя еще усиливаются фантазіями о возстановленіи ихъ былого величія. Политическая рознь, вѣроисповѣдная вражда, унаслѣдованная отъ Византіи, страсть къ интригамъ и обезьянское преклоненіе передъ верхушками западнаго прогресса являются весьма серьезными препятствіями къ дальнѣйшему преуспѣянію и къ спокойному развитію балканскихъ государствъ. Эти безпокойныя наслѣдники Турціи обѣщаютъ дать не менѣе послѣдней работы дипломатіи.

Греко-болгарскій церковный споръ, возникшій при содѣйствіи русской дипломатіи еще до образованія автономной Болгаріи, немедленно обратился въ жгучій національно-политическій вопросъ. Въ печати нашей по поводу его появился рядъ рѣзкихъ статей, принадлежащихъ г. Филиппову, писателю весьма свѣдущему въ церковныхъ вопросахъ, очевидно направленныхъ къ защитѣ притязаній константинопольскаго патріаршаго престола.

Г. Филипповъ держался на такой узкой, исключительно-канонической почвѣ, на которой, чтобы препираться съ нимъ, нужно было бы обратиться къ древности, авторитетъ которой въ разрѣшеніи современныхъ политическихъ столкновеній едва ли можетъ быть серьезно поддерживаемъ. Но нѣкоторыя изъ соображеній г. Филиппова не лишены до сихъ поръ значенія. Причиною новаго раскола онъ считалъ отказъ св. синода принять во всемъ этомъ дѣлѣ болѣе дѣятельное участіе. Сообразно съ этимъ взглядомъ онъ и излагаетъ исторію событій, повлекшихъ къ опредѣленіямъ константинопольскаго собора, предавшаго болгаръ и принципъ раздѣленія церквей по народностямъ, а не по территоріямъ, проклятію. Бывшій константинопольскій патріархъ Григорій два раза, какъ извѣстно, приглашалъ Россію на вселенскій соборъ для разрѣшенія этого вопроса и оба раза получалъ отказъ, въ послѣдній разъ даже довольно жесткій. «Горько видѣть», говоритъ г. Филипповъ, «что мы, лишенные установленныхъ вселенскою церковью для всѣхъ мѣстныхъ церквей обязательныхъ періодическихъ соборовъ, дошли уже до того, что перестали вѣрить въ силу собора, которая есть между тѣмъ главная сила церкви. Въ подобныхъ слу-

чаяхъ церковь никогда не сомнѣвалась въ достоинствѣ и силѣ соборнаго сужденія, вѣруя, что спасеніе во мнозѣ совѣтѣ... Для самой русской церкви созваніе собора было бы началомъ возстановленія изъ того печальнаго и униженнаго положенія, въ которое она повержена многими исторически-сложившимися причинами, и болѣе всего лишеніемъ соборнаго начала».

Причиною отказа синода г. Филипповъ считаетъ дипломатическія соображенія, — что русскіе іерархи могли быть подавлены численностью представителей чисто-греческихъ церквей: константинопольской, антіохійской, іерусалимской, александрійской и аѳинской, и доказываетъ, что подобное опасеніе было несправедливо, такъ какъ на нашей сторонѣ, кромѣ нравственнаго авторитета Россіи, были бы епископы славянъ турецкихъ, австрійскихъ и румынскихъ. Офиціально синодъ отвѣчалъ патріарху, что всѣ соборы созывались до сихъ поръ для устраненія ересей, а вопросъ греко-болгарскій не угрожаетъ опасностью ни одному изъ догматовъ православной вѣры. На это г. Филипповъ возражаетъ указаніями на постановленія всѣхъ семи соборовъ, занимавшихся очень много административно-церковными дѣлами, что и положило начало каноническому праву.

Отдавая справедливость заявленію г. Филиппова о пользѣ соборнаго обсужденія, какъ наиболѣе въ принципѣ справедливаго, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и къ осторожному рѣшенію синода руководившагося въ этомъ случаѣ вовсе не тѣми соображеніями, о которыхъ говоритъ г. Филипповъ. Синодъ сознавалъ, что всѣ каноническія будто бы основанія, приводимыя константинопольскимъ патріархатомъ, не выдерживаютъ критики и приводятся единственно въ финансовыхъ видахъ—чтобъ дозволить фанаріотскому духовенству высасывать попрежнему въ свою пользу послѣдніе соки изъ бѣднаго болгарскаго населенія.

Политическая сторона греко-болгарскаго вопроса такова. Въ Турціи около двухъ милліоновъ грековъ и болѣе пяти милліоновъ болгаръ; между тѣмъ, благодаря прежнему, нынѣ смягченному, смѣшенію въ турецкомъ государственномъ устройствѣ духовнаго и свѣтскаго управленія, греческое духовенство захватило въ свои руки всѣ православныя епархіи имперіи и считало болгаръ чѣмъ-то въ родѣ дойной коровы. Когда же лучшіе люди Болгаріи, видя независимость другихъ славянскихъ церквей, задумали, наконецъ, освободить свой народъ отъ греческаго ига, то патріархатъ сталъ ссылаться на то, что установленіе раздѣленія восточныхъ церквей сдѣлано соборами, а слѣдовательно касаться его — значитъ касаться догматовъ православной церкви. Подобные аргументы не выдерживаютъ, конечно, никакой критики, потому что никогда вопросы церковной администраціи не могутъ быть относимы къ догматамъ; къ тому же вселенскіе соборы были еще во времена восточной Римской имперіи; съ тѣхъ поръ не только измѣнились

всѣ политическія отношенія, но и учредились, и уничтожились многія восточныя церкви, безъ всякаго протеста со стороны другихъ церквей. Такъ, сдѣлались совершенно независимы церкви русская, румынская, греческая, австрійская, и почти независима сербская; наоборотъ, утратила самостоятельность церковь грузинская. Замѣчательнѣе всего то, что болгарская или охридская церковь была уже почти независима до 1767 года, и только съ этого сравнительно недавняго времени началась ея тѣсная связь съ константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ.

При такой постановкѣ вопроса не могло быть, кажется, и рѣчи о правахъ греческаго духовенства. Единственнымъ спорнымъ пунктомъ, даже въ глазахъ канонистовъ, являлось разрѣшеніе, данное турецкимъ правительствомъ по настоянію гр. Игнатьева устраивать параллельныя епархіи въ мѣстахъ, гдѣ населеніе смѣшанное, напримѣръ, въ Константинополѣ. Но и этотъ вопросъ, конечно, могъ бы быть улаженъ полюбовнымъ соглашеніемъ и не повлекъ бы къ расколу. Если же дѣло зашло такъ далеко, то именно потому, что у грековъ была задѣта самая чувствительная сторона — ихъ карманы; а главное, благодаря вліянію продажной журналистики въ Аѳинахъ, и отчасти въ Константинополѣ, примѣшался сюда и вопросъ національно-политическій. Его я считаю гораздо болѣе важнымъ, нежели всѣ споры о томъ, могутъ ли быть два епископа во градѣ единомъ—вопросъ, съ такимъ паѳосомъ разъясняемый г. Филипповымъ.

Было время, когда, среди апатіи славянскаго населенія, греческое населеніе Европейской Турціи прониклось самымъ горячимъ энтузіазмомъ къ Россіи. Восторженный пріемъ великаго князя Константина Николаевича въ Константинополѣ, въ 1845 году, можно считать апогеемъ этого энтузіазма. Любовь къ Россіи появилась не спроста; кровью нашею мы, можно сказать, освободили православное населеніе Турціи отъ ига, и, какъ народъ болѣе развитый, греки воспользовались этимъ освобожденіемъ ранѣе румынъ, и особенно славянъ. Но, получивъ изъ рукъ Россіи свободу, греки очень скоро поняли, что ихъ интересы далеко не солидарны съ интересами прочаго православнаго населенія Турціи; между тѣмъ, это населеніе всегда было и будетъ намъ ближе грековъ.

Воспоминанія давно минувшаго величія, иностранныя внушенія и соблазнительное сосѣдство независимаго греческаго королевства внушаютъ турецкимъ грекамъ праздныя мысли о возстановленіи Византійской имперіи, разбивающіяся о сопротивленіе славянскихъ народностей. Цивилизація послѣднихъ теперь не такъ далеко уступаетъ греческой, чтобъ горсть грековъ могла надѣяться управлять славянами, какъ въ VIII или X вѣкѣ. Славянская идея и плодотворнѣе, и далеко современнѣе византійской, а потому нельзя ожидать, чтобъ славяне въ Турціи отказались отъ своего будущаго въ пользу весьма сомнительнаго прошедшаго. Греки

очень хорошо сознаютъ это и спѣшатъ разорвать поскорѣе всякую связь съ православными славянами, чтобъ не быть поглощенными славянской волной, но, пользуясь вѣковымъ раздѣленіемъ, сохранить свое прежнее вліяніе въ турецкихъ дѣлахъ. То же самое замѣчаемъ мы теперь въ политическихъ отношеніяхъ къ славянамъ румыновъ. Послѣдніе индиферентны къ церковнымъ вопросамъ, но ихъ мучитъ сознаніе своего безсилія противъ непреклоннаго теченія исторіи, которая выдвигаетъ на первый планъ славянъ на юго-востокѣ Европы.

Чтобъ ускорить кризисъ, отъ котораго пострадаютъ болѣе всего сами же греки, послѣдніе торопили патріархатъ разослать опредѣленіе константинопольскаго собора, чтобъ предать проклятію и тѣ церкви, которыя не согласятся съ постановленіемъ собора, т. е. останутся въ общеніи съ болгарами. Церкви эти — славянскія, и на первомъ планѣ русская. Мы не должны были смущаться такою категорическою постановкой вопроса; если увлеченіе грековъ и могло повредить нашей связи съ народомъ, отъ котораго мы нѣкогда заимствовали духовное просвѣщеніе и который вознаградили освобожденіемъ отъ турецкаго ига, то разрывъ съ славянами изъ-за греческаго фанаріотскаго духовенства былъ бы отрицаніемъ всей русской исторіи, политическимъ абсурдомъ.

О ходѣ первоначальнаго устройства Болгаріи въ моментъ войны и шатаніи мысли при этомъ очень интересныя свѣдѣнія можно почерпнуть изъ записокъ въ «Русской Старинѣ» главнаго сотрудника кн. Черкаскаго, сенатора Анучина. Изъ этихъ откровеній видно, какъ все велось непослѣдовательно и вопреки очевидности.

На примѣрѣ Польши, Россія могла видѣть, что славянская держава, обставленная либеральными учрежденіями, вовсе не должна быть навѣрное другомъ, а тѣмъ болѣе покорнымъ слугою Россіи. Затѣмъ идея пересаживать принципы англійской конституціи въ турецкій вилайетъ была довольно странною идеею, видѣть же русскихъ чиновниковъ, обучающихъ болгаръ тонкостямъ конституціоннаго права, было явленіемъ уже высокаго комизма. Неудивительно, что ироническій возгласъ: «Свобода какъ въ Болгаріи» сталъ одно время девизомъ нашихъ нигилистовъ.

На бѣду еще проектъ болгарской конституціи, выработанный нашими доморощенными либералами, подвергся, на основаніи берлинскаго договора, переработкѣ въ тырновскомъ собраніи, гдѣ всѣ недоучки являлись въ качествѣ авторитетовъ парламентаризма. Между тѣмъ грустное положеніе Греціи и Румыніи, конституціи коихъ были самовольно передѣланы въ либеральнѣйшемъ духѣ, позволяло предвидѣть, какіе плоды принесетъ вновь устраиваемая «говорильня». При этомъ расчлененіе какихъ нибудь трехъ милліоновъ освобожденныхъ болгаръ на два государства вынуждало создавать для нихъ два весьма сложныхъ государственныхъ аппарата.

Исторію дальнѣйшихъ отношеній Россіи къ Болгаріи вплоть до появленія «кобургскаго узурпатора» весьма обстоятельно изложили въ своихъ книгахъ гг. Матвѣевъ и Татищевъ. Сочиненіе послѣдняго («Изъ прошлаго русской дипломатіи») прямо обвинительный актъ противъ нашей дипломатіи. Дѣйствительно, если берлинскій трактатъ испортилъ значительно дѣло, то и наша политика немного сдѣлала для исправленія результатовъ конгресса, скорѣе ихъ ухудшила. Берлинскій конгрессъ неосновательно призналъ Балканы границею болгарской народности, когда къ югу отъ Балкановъ болгаръ было столько же, сколько и къ сѣверу, и эта южная часть болгарскаго населенія, какъ наиболѣе удаленная отъ глазъ Европы, и подвергалась турецкимъ насиліямъ. Какое же основаніе имѣлось для того, чтобы лишить эту часть населенія благъ независимости, а частью и совсѣмъ оставить подъ властью турокъ? Самая болгарская автономія, немыслима была безъ опоры о какое либо могущественное государство, которое служило бы ей прочнымъ основаніемъ не только политическимъ, но и культурнымъ. Неужели подобнымъ базисомъ могла служить Турція или, что еще хуже съ славянской точки зрѣнія, Австро-Венгрія съ ея нѣмецко-мадьярскимъ дуализмомъ и католичествомъ?

Россія это сознавала и потому, жертвуя сербами и предоставляя ихъ вліянію Австро-Венгріи, старалась вопреки если не буквѣ, то духу берлинскаго договора, остаться хозяиномъ въ Болгаріи и образовать изъ нея передовой редутъ русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, для чего снабдила Болгарію въ изобиліи русскими чиновниками, а образованіе арміи взяла совсѣмъ въ свои руки. Такая политика не удалась однако отъ неудачнаго выбора лицъ и своенравной непослѣдовательной дипломатіи.

Съ заключеніемъ мира, князъ Горчаковъ только номинально оставался руководителемъ нашей иностранной политики, которая шла вяло и нерѣшительно. Онъ послалъ въ Румелію своего родственника Алеко-пашу, а отправлявшемуся въ Болгарію Баттенбергу не далъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакой серьезной политической программы. Самый выборъ принца Александра, полунѣмца, полуполяка, былъ сдѣланъ весьма неудачно, какъ и выборъ Богоридиса. Малообразованный, легкомысленный и заносчивый, хотя довольно умный принцъ презиралъ и Россію, и русскихъ. Полномочный комиссаръ кн. Дондуковъ-Корсаковъ, какъ показалъ своимъ управленіемъ Кавказа, также не имѣлъ политическихъ дарованій. Неудачная конституція сразу дала преобладаніе народному собранію надъ центральною властью и сдѣлала княжество игралищемъ партій; въ этомъ смыслѣ князь Александръ былъ правъ добиваясь передѣлки конституціи.

А что это были за политическія партіи? Болгары имѣли много хорошихъ сторонъ, въ особенности добрую нравственность, бережливость и трудолюбіе; какъ страстные земледѣльцы, они по-

степенно колонизировали и распахивали большую часть земель Болгаріи, Румеліи и Македоніи, бросаемыхъ безъ вниманія турками, считающими себя въ Европѣ какъ бы временными гостями. Въ умственномъ отношеніи въ болгарскомъ народѣ также замѣчался поворотъ къ лучшему: число школъ и газетъ значительно увеличивалось, и болгары вели страстную борьбу съ фанаріотскимъ духовенствомъ, опиравшимся не столько на каноны вселенскихъ соборовъ, сколько на турецкихъ чиновниковъ; при всемъ томъ они были наименѣе развитымъ изъ славянскихъ племенъ, наиболѣе угнетаемымъ турками и эксплоатируемымъ греками. Среди этой-то наивной и полуневѣжественной массы политическіе интриганы и начали свои дѣла. Образовались двѣ партіи: консерваторовъ и радикаловъ-народниковъ. Первые изъ зажиточнаго городского класса и купечества, имѣя, при помощи взятокъ, администрацію на своей сторонѣ, находили, къ несчастію, свои выгоды въ сохраненіи прежняго порядка вещей для эксплоатаціи, при содѣйствіи турковъ, бѣднаго сельскаго населенія. Народники образовались изъ учителей, репортеровъ — изъ молодыхъ болгаръ, учившихся въ Россіи и заграницею и набравшихся соціалистическихъ идей. Таковы были партіи, съ которыми слѣдовало считаться князю и нашей дипломатіи. На бѣду ихъ обѣ партіи при многихъ недостаткахъ отличались горячимъ болгарскимъ патріотизмомъ.

Князю пришла идея помеломъ прогнать эти партіи, но онъ не встрѣтилъ поддержки въ мѣстной русской дипломатіи, сближавшей его сначала, при Давыдовѣ, со псевдо-консерваторами, а затѣмъ при г. Кумани—съ народниками. Только въ генералѣ Эрнротѣ, впослѣдствіи горячемъ защитникѣ финляндской конституціи, принцъ Александръ нашелъ сторонника своихъ автократическихъ идей и, не дожидаясь пріѣзда Хитрово, который долженъ былъ рѣшить, плоха или хороша тырновская конституція, сдѣлалъ въ апрѣлѣ 1881 года переворотъ. Систовское учредительное собраніе вслѣдствіе поддержки Россіи, открыто заявленной Хитрово, хотя не сочувствовало князю и избирательнымъ маневрамъ его храбраго и рѣшительнаго министра, но одобрило coup d'Etat.

Замѣчая, что консервативное министерство успѣха не имѣетъ и власть его не укрѣпляетъ, принцъ просилъ прислать ему русскихъ министровъ внутреннихъ и военныхъ дѣлъ, видя въ этомъ лишь предлогъ эмансипироваться отъ вліянія русской дипломатіи. Ему сначала въ просьбѣ отказали, но поѣздка въ Россію уладила дѣло и зависимость болгарской арміи отъ создавшей ее Россіи ослабилась. Русскихъ министровъ князь, видя ихъ слабость, думалъ и совсѣмъ обратить въ свое слѣпое орудіе, но, встрѣтивъ сопротивленіе, снова поѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ во время коронаціи 1883 г. Князю отказали въ просимыхъ деньгахъ (въ которыхъ онъ постоянно нуждался) и послали руководителя въ лицѣ одного изъ опытнѣйшихъ нашихъ дипломатовъ г. Іонина, котораго однако

совершенно обошелъ Баттенбергъ. Еще уступчивѣе былъ другой представитель Россіи, г. Кояндеръ.

Со времени этой побѣды между нашимъ и болгарскимъ правительствомъ обнаружилась натянутость отношеній, очень обрадовавшая западныхъ доброжелателей Россіи. Князь объѣхалъ соперничавшіе съ нами дворы въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, а въ Софіи началъ открытую борьбу противъ «диктатуры» русскихъ министровъ. Для достиженія своей идеи онъ, популярности ради, предложилъ возстановить тырновскую конституцію, что вынудило русскихъ министровъ подать въ отставку. За тѣмъ князь задумалъ подчинить себѣ непосредственно армію и выборъ военнаго министра, ранѣе назначавшагося всегда Россіей. Полагая, что на князя вліяютъ наши же русскіе офицеры Лѣсовой и Ползиковъ, правительство отозвало ихъ; въ отвѣтъ на это князь уволилъ русскаго военнаго министра, исключилъ изъ своей свиты остальныхъ русскихъ офицеровъ и вызвалъ изъ Россіи всѣхъ болгарскихъ офицеровъ.

Такой образъ дѣйствій еще усилилъ симпатіи къ Баттенбергу въ Западной Европѣ, а русское правительство вмѣсто своевременнаго протеста вдругъ уступило, но только точнѣе опредѣлило положеніе нашихъ офицеровъ въ болгарской службѣ. Такой отвѣтъ на дерзость князя, вовсе не пользовавшагося тогда сочувствіемъ въ народѣ, конечно увеличилъ его смѣлость и онъ вмѣсто Цанкова, считавшагося нашей дипломатіей искреннимъ другомъ Россіи, сдѣлалъ первымъ министромъ Каравелова, на сторону Россіи перешедшаго только послѣ того, какъ его, а кажется и его жену, высѣкъ Стамбуловъ.

Между тѣмъ дѣла въ другой половинѣ Болгаріи, Восточной Румеліи, шли не лучше. Тамъ также сидѣло нѣсколько русскихъ чиновниковъ, но на второстепенныхъ должностяхъ; ихъ всячески выживалъ симпатизировавшій туркамъ Алеко-паша. Конституція или статутъ Румеліи отдавалъ ее на разграбленіе вновь созданной многочисленной бюрократіи. Подвиги этого чиновничества гораздо болѣе, чѣмъ національныя стремленія, содѣйствовали перевороту въ Филиппополѣ, прекратившему самостоятельность худосочнаго созданія берлинскаго конгресса. Турція не обращала на Восточную Румелію вниманія, а европейская дипломатія, видя худое по отношенію къ Россіи поведеніе болгаръ въ княжествѣ, какъ бы толкала румелійцевъ на сліяніе съ послѣдними. Призывая европейскія государства примкнуть къ лигѣ мира, князь Бисмаркъ не скупился въ это время на обѣщанія. Въ 1885 г. между болгарами держался даже слухъ, что соединеніе княжества съ Румеліею будетъ приданымъ германской принцессы Викторіи, предполагаемой невѣсты князя Александра.

Переворотъ очень некстати пришелся для Россіи, удрученной афганскимъ столкновеніемъ и только что, при помощи скерне-

вицкаго и кремзирскаго свиданій, якобы подружившейся съ Германіей и Австро-Венгріей, которые заключили уже противъ нея тайный союзъ. Такъ какъ переворотъ былъ дѣломъ англо-австрійскихъ интригъ и неожиданнымъ былъ только для Россіи, то понятно становилась наша досада, тѣмъ болѣе, что принцъ Александръ успѣлъ до этого забѣжать въ Лондонъ, гдѣ получилъ надлежащія наставленія отъ лорда Салисбюри. Соединеніе лишило окончательно князя расположенія русскаго правительства, ранѣе утраченнаго неосторожною болтовнею, но онъ, набравшись храбрости въ войнѣ съ Миланомъ, не только не обратилъ на это вниманія, но позволилъ себѣ передъ фронтомъ выученныхъ нами войскъ презрительно отозваться о русской арміи. Исключеніе изъ списковъ нашей арміи и разрывъ дипломатическихъ сношеній были отвѣтомъ на эту новую любезность русской креатуры.

Надѣясь на своихъ «союзниковъ», Германію и Австрію, Россія желала разрѣшить положеніе Болгаріи конференціей въ Константинополѣ, но это новое дипломатическое состязаніе окончилось для насъ, по обыкновенію, неудачно: платоническимъ порицаніемъ на бумагѣ нарушенія берлинскаго трактата, непослѣдовательнымъ защитникомъ котораго являлись такимъ образомъ едва ли не мы одни. Россія при этомъ опротестовала состоявшееся, при посредствѣ Англіи, признаніе Портой соединеніе Болгаріи воедино; протестовала она и противъ выборовъ отъ Румеліи въ общій болгарскій парламентъ. Понятно, что такое поведеніе, хотя формально и соотвѣтствовавшее трактату, поколебало наше вліяніе въ Болгаріи, гордой въ это время своими побѣдами надъ сербами.

Но въ моментъ, когда болгары все болѣе и болѣе обращались противъ насъ, и Баттенбергъ, поддерживаемый только частью консерваторовъ и имѣя противъ себя остальныя партіи, не былъ въ фаворѣ у софійскихъ интригановъ. Этимъ воспользовалась горсть заговорщиковъ, офицеровъ и кадетъ; они низложили князя и отправили въ Россію точно кладь съ наложеннымъ платежемъ.

Низложеніе князя Александра, служившаго главною причиною нашей чрезвычайно странной политики въ болгарскомъ вопросѣ, открывало подлежащій просторъ русской дипломатіи для установленія въ Болгаріи такого порядка вещей, который согласовался бы съ интересами Россіи. «Но нигдѣ и никогда—говоритъ г. Татищевъ—полная несостоятельность нашей политики не выразилась болѣе ярко и наглядно, какъ въ дѣйствіяхъ Россіи до и послѣ переворота 9 августа. Три года она всю свою политику въ Болгаріи строила въ виду случайности отрѣшенія отъ власти Баттенберга, искала даже заручиться согласіемъ на нее своихъ ближайшихъ союзниковъ, дворовъ берлинскаго и вѣнскаго, и когда, наконецъ, фактъ совершился, то не сумѣла имъ воспользоваться». Тамъ, гдѣ нужна была быстрота и рѣшимость, Россія выказала

сначала рѣшительность, а затѣмъ уже и совершенное незнаніе внутренняго положенія Болгаріи.

Въ эту страну, намъ тогда враждебную, былъ отправленъ въ качествѣ не посла, а какъ бы политическаго комиссара генералъ Каульбарсъ, совершенно неспособный и для самаго обыкновеннаго дипломатическаго порученія, хотя быть можетъ и дѣльный какъ военный агентъ. Выборъ на Каульбарса палъ какъ на бывшаго пріятеля Баттенберга; выбору этому, какъ состоявшемуся помимо нея, наша дипломатія не сочувствовала и къ злоключеніямъ русскаго уполномоченнаго относилась не безъ ироніи. Положеніе Каульбарса было смѣшное, почти унизительное, и хотя болгарское народное собраніе, избирая вмѣсто принца регентство, изъявляло Россіи «чувство любви и благодарности», но руководить своими дѣлами Россію вовсе не просило. Болгарамъ очень ужъ пришлась по вкусу ихъ quasi-независимость. Болгарское регентство не желало, согласно настоянію Россіи, отсрочить выборъ новаго князя. Ссориться съ ними изъ-за этого не стоило, такъ какъ зерно вопроса лежало въ сущности въ мелкихъ партійныхъ раздорахъ, но мы, слушаясь Цанкова и защищая не столько русскіе, сколько цанковскіе интересы, поставили вопросъ ребромъ. Видя полный неуспѣхъ своей миссіи и будучи свидѣтелемъ, какъ русскій флагъ и русскіе подданные подвергаются безнаказанно оскорбленіямъ, Каульбарсъ уѣхалъ, прервавъ вновь дипломатическія сношенія съ Россіей, чему конечно несказанно обрадовались западныя державы, тайно поддерживавшія болгаръ въ ихъ сопротивленіи указаніямъ русской дипломатіи. Гр. Кальноки и Салисбюри жаловались даже въ палатахъ на наше хозяйничанье въ Болгаріи, гдѣ въ дѣйствительности никто насъ не слушалъ.

Неуспѣхъ Каульбарса, въ виду недостаточной выясненности его роли, вызвалъ въ Россіи взрывъ негодованія даже въ публикѣ. Впрочемъ, въ русскомъ обществѣ господствовали насчетъ Болгаріи самыя противорѣчивыя воззрѣнія. «Гражданинъ», напримѣръ, обозвалъ бунтомъ проявившееся въ части (увы! весьма небольшой) болгарской арміи отвращеніе къ регентству «Но вѣдь съ этой точки зрѣнія слѣдовало признать бунтовщиками и нижегородское ополченіе, двинувшееся въ 1612 г. на выручку къ Москвѣ, гдѣ засѣдало, тоже считавшее себя законнымъ, правительство царя Владислава,—отвѣчалъ я ему въ «Новомъ Времени». А если такъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, мы должны снять съ памятника, возвышающагося на Красной площади и воздвигнутаго «благодарною Россіею», изваянія «гражданина Минина» и «князя Пожарскаго», и замѣнить ихъ конною статуею Мещерскаго, представляющаго въ одномъ лицѣ и «князя» и «гражданина»... Зашла рѣчь даже объ окупаціи если не всей Болгаріи, то хотя Варны, и дивизія генерала Абрамова стала готовиться къ отплытію, но, къ *счастью,* благоразуміе взяло верхъ и наше правительство рѣши-

лось предоставить болгаръ ихъ собственной участи, дѣйствуя исключительно черезъ Порту, вліяніе которой, впрочемъ, въ Софіи равнялось нулю.

Такъ наши дипломаты, послѣ отказа принца Вальдемара, предложили было кандидатуру князя Мингрельскаго, отвергнутую болгарами, избравшими принца Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго. Его называли австрійскимъ кандидатомъ, но онъ, кажется, былъ скорѣе всего своимъ собственнымъ. Болѣе французъ, чѣмъ нѣмецъ по воспитанію, смѣлый и остроумный, принцъ очень честолюбивъ и съ жадностью ухватился за вакантный тронъ; онъ обращался первоначально къ кн. Лобанову-Ростовскому въ Вѣнѣ, но, не встрѣтивъ сочувствія, сошелся со Стамбуловымъ. Совершенно неожиданно для нашей дипломатіи принцъ принялъ, конечно, избраніе и въ іюлѣ 1887 г. явился въ Болгарію, не дожидаясь признанія европейскихъ державъ. «Наша дипломатія, говоритъ г. Татищевъ, лишній разъ доказала полную свою непредусмотрительность».

Дальнѣйшія событія показали и ея безсиліе. Въ февралѣ 1888 года Россія заявила, что она считаетъ избраніе принца недѣйствительнымъ и смотритъ на прибытіе его въ Болгарію и на захватъ имъ власти, какъ на явное нарушеніе берлинскаго трактата, и опубликовало программу русско-болгарскихъ отношеній, составленную на случай устраненія болгарскаго кризиса, но это не привело ни къ какому результату. Правда, согласно нашему желанію, Порта заявила о незаконности избранія Фердинанда на болгарскій престолъ, но заявленіе не имѣло значенія въ глазахъ болгарскаго правительства, такъ какъ великія державы, за исключеніемъ Франціи, съ первыхъ же дней прибытія Кобурга въ Болгарію начали сноситься съ нимъ такъ же свободно, какъ и съ другими государями Балканскаго полуострова.

Противодѣйствовать политикѣ князя пришлось болѣе всего нашему посланнику въ Бухарестѣ покойному Хитрово, тому самому, который въ извѣстныхъ сатирическихъ стихахъ осмѣялъ цивилизаторскую въ Болгаріи миссію кн. Черкасскаго. Но Хитрово, человѣкъ, впрочемъ, умный, оказался въ данномъ случаѣ не лучшимъ дипломатомъ, чѣмъ былъ поэтомъ. Измѣною одного изъ своихъ мелкихъ служащихъ, Якобсона, частью укравшаго, частью поддѣлавшаго документы, онъ даже нѣсколько скомпрометировалъ себя, тѣмъ болѣе, что онъ впутывался и во внутреннія румынскія дѣла.

Не смотря на отсутствіе надлежащей санкціи при избраніи, но при постоянномъ покровительствѣ державъ, особенно Австро-Венгріи, не скупившейся на комплименты и на поощренія, принцъ Фердинандъ преспокойно просидѣлъ десять лѣтъ, найдя въ Стамбуловѣ очень искуснаго, хотя и неразборчиваго въ средствахъ помощника. Зная нравственное состояніе Болгаріи Стамбуловъ и его сподвижники Начевичъ, Странскій, Стояновъ и др. дѣйство-

вали терроромъ: палки, тюремное заключеніе, пытки, а подчасъ и смертные приговоры, постановляемые въ 24 часа, служили орудіями управленія. Печать была также запугана. Народное собраніе огромнымъ большинствомъ утверждало всѣ ихъ мѣры; главы оппозиціи, начиная съ Цанкова, поссорившаго Стамбулова, первоначально горячаго русофила, съ Россіей, эмигрировавшаго еще въ 1888 году, предпочли покинуть Болгарію. Не лишено значенія, что, не теряя времени въ пустыхъ словопреніяхъ, терроризированное собраніе вотировало въ это время много полезныхъ законовъ.

Стамбуловъ превзошелъ однако мѣру, особенно казнь въ 1890 году сторонника Россіи Паницы, о которомъ самъ судъ ходатайствовалъ, вызвала реакцію. Отношенія Стамбулова къ балканскимъ державамъ, особенно къ Сербіи, также не были удовлетворительны; онъ дружилъ только съ Турціей, отъ которой добился важныхъ для болгарскаго народа уступокъ въ Македоніи въ церковныхъ вопросахъ. Одно время казалось, что Стамбуловъ и принцъ Фердинандъ совсѣмъ потеряли голову въ своихъ стараніяхъ вырвать съ корнемъ русское вліяніе въ Болгаріи. Преподаваніе русскаго языка въ школахъ было уничтожено, привозъ русскихъ книгъ воспрещенъ. Принцъ окрестилъ даже своего сына въ католическую вѣру и добился измѣненія конституціи въ томъ смыслѣ, что и наслѣдникъ его можетъ не быть православнымъ. Вслѣдствіе, вызванной такою антиславянскою политикою реакціи явились заговоры; убійство министра финансовъ Бельчева было предостереженіемъ, а затѣмъ зарѣзали на улицѣ на бойкомъ мѣстѣ, передъ клубомъ, и самого Стамбулова, какъ подозрѣваютъ, не безъ участія его бывшихъ товарищей по министерству. Стамбуловъ въ это время впрочемъ первымъ министромъ уже не былъ, принцъ Фердинандъ уволилъ его еще въ 1894 г., какъ опасаясь вообще этого честолюбца-патріота, такъ и въ предвидѣніи, что при Стамбуловѣ никогда примиренія съ Россіей произойти не можетъ.

Увольненіе диктатора дѣйствительно расчистило почву для сближенія болгаръ съ Россіей. Общее неудовольствіе массы народа заставило князя круто измѣнить политику. Смерть императора Александра III, упорно противустоявшаго возобновленію связей съ Болгаріей, пока Кобургскій принцъ будетъ на престолѣ, также имѣла свое вліяніе.

Ранѣе того, впрочемъ, принцъ началъ неоффиціальные переговоры при посредствѣ защитника болгаръ въ нашей печати г. Татищева. Гирсъ не придавалъ этимъ переговорамъ значенія; наши дипломаты были въ душѣ рады, что Болгарія оставалась непримиримою, не давая имъ болѣе хлопотъ. Но иначе на дѣло взглянулъ кн. Лобановъ-Ростовскій, когда сталъ руководителемъ русской иностранной политики.

Присланная поклониться праху покойнаго императора депутація съ митрополитомъ во главѣ просила прощенья; она уѣхала очаро-

ванная милостивымъ пріемомъ въ С.-Петербургѣ и разсказы ея произвели странный эффектъ въ Болгаріи. Желая выйти, наконецъ, изъ ненормальнаго международнаго положенія, въ которое мы были вовлечены болѣе всего собственными ошибками, Государь Императоръ мудро рѣшилъ воспользоваться крупнымъ шагомъ, сдѣланнымъ для взаимнаго сближенія принцемъ Фердинандомъ—обращеніемъ его сына Бориса въ православіе. Шагъ былъ дѣйствительно для принца не маловажный, потому что жена его полуфранцуженка, полуитальянка, принадлежитъ къ очень клерикальной семьѣ. Она боялась папскаго проклятья и ей въ протестѣ помогали всѣ родственники и австрійскій дворъ. Съ другой стороны благоразумные совѣты поскорѣе искать въ Россіи прощенія дали принцъ Омальскій, сказавшій, что «Принцамъ надобно брать припримѣръ съ Генриха IV, а не съ графа Шамбора», и Ганото. Правительственное сообщеніе 27 января 1896 г. возвѣстило, что «одушевляемый чувствами великодушія и искренняго доброжелательства къ Болгаріи, Государь Императоръ внялъ просьбѣ принца Фердинанда и Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства его» командированіемъ въ Софію, какъ свидѣтеля-воспріемника при совершеніи таинства мѵропомазанія генералъ-маіора графа Голенищева-Кутузова.

Затѣмъ принцъ уже черезъ два мѣсяца былъ признанъ Портою и всѣми державами, ѣздилъ въ Петербургъ и Парижъ, гдѣ былъ принятъ радушно, присутствовалъ въ Москвѣ на коронаціи, и нормальныя дипломатическія сношенія Россіи съ Болгаріей возстановились.

Болгарія снова считается въ орбитѣ русской политики. Будущее, конечно, покажетъ, насколько раскаяніе «цѣлокупной Болгаріи» и ея правителей были дѣйствительно искренни. Пока же, благодаря нашей примирительной политикѣ, Болгарія могла спокойно заняться улучшеніями во внутреннемъ своемъ управленіи, и не причиняла намъ хлопотъ въ критическіе моменты армянскаго движенія въ Константинополѣ. Благодаря этому, и македонскій вопросъ, подогрѣваемый одновременно изъ Софіи и изъ Вѣны, не вызывалъ особыхъ осложненій.

Болгарскій простой народъ къ политикѣ равнодушенъ, онъ одинаково спокойно выносилъ всѣ министерства отъ перваго консервативнаго Бурмова до нынѣшняго Стоилова, надѣясь только на Бога и русскаго Царя; но другое дѣло интелигенція, и дальнѣйшее положеніе Болгаріи будетъ во многомъ зависѣть отъ положенія ея партій. При Стамбуловѣ преобладала правительственная партія, затѣмъ въ оппозиціи была партіи русская Каравелова и, пока еще былъ живъ Баттенбергъ, партія «александритская» Родославова, желавшаго возвращенія принца Александра. Новое положеніе вызоветъ, конечно, другую группировку партіи. Послѣдніе выборы, сдѣланные будто бы безъ давленія администраціи, дали

огромное преобладаніе сторонникамъ министерства Стоилова, изъ котораго вышелъ скомпрометированный антирусской политикой военный министръ Петровъ, удалившійся какъ равно и Начевичъ après fortune faite (въ Болгаріи достаточно для этого быть министромъ) совершенно отъ дѣлъ. Оппозиція относительно малочислена. Нынѣшняя министерская партія «соединисты», ядро ее положила бывшая руссофильская партія въ Восточной Румеліи. Къ этой партіи принадлежатъ Гешовъ, Маджаровъ, Тодоровъ, Величковъ, Вазовъ. Стоиловъ глава кабинета, нѣкогда ярый врагъ Россіи, теперь нашъ староникъ; онъ во всякомъ случаѣ самый образованный изъ болгарскихъ государственныхъ людей, вполнѣ европеецъ. Къ министерской партіи примкнула часть цанковистовъ, бывшихъ руссофиловъ сѣверной Болгаріи; въ опозиціи находятся Цанковъ, добивающійся премьерства, остатки сеидовъ Стамбулова съ знаменитымъ палочникомъ Петковымъ во главѣ, и конституціонисты, предводитель которыхъ Радославовъ.

Экономически положеніе Болгаріи со времени ея освобожденія, судя по хорошему положенію финансовъ, улучшилось, но есть и дурные признаки. На ряду съ другими земледѣльческими странами, Болгарія, въ теченіе ряда лѣтъ, находится подъ вліяніемъ низкихъ цѣнъ и ея сельское населеніе, составляющее 70%, при недостаткѣ въ дешевомъ кредитѣ, не можетъ оправиться, несмотря на многообразныя мѣры правительства; тотъ фактъ, что во время, повсемѣстныхъ жалобъ на недостатокъ въ деньгахъ, вклады въ банкъ и въ ссудо-сберегательныя кассы возрастаютъ безпрерывно, ничего не доказываетъ. Вклады эти принадлежатъ большею частью мелкимъ городскимъ капиталистамъ. Болгарскіе крестьяне попрежнему отличаются бережливостью, но въ жизни средняго сословія появилась уже роскошь, послѣдствіемъ коей замѣчается множество банкротствъ, особенно въ столицѣ. Акціонерная и промышленная дѣятельность въ Болгаріи развивается, портъ въ Варнѣ улучшенъ и урегулировано плаваніе по Дунаю, отчего выиграютъ не только Австро-Венгрія, Германія и Сербія, но и Россія. Торговля первой постоянно развивается, торговля послѣдней за исключеніемъ немногихъ товаровъ находится попрежнему въ плачевномъ положеніи и необходимо скорѣйшее заключеніе торговаго договора. Для этого договора мы возьмемъ, конечно, за основаніе заключенный недавно австро-болгарскій договоръ, по которому пошлины не превышаютъ 14%, и по срокъ договора не могутъ быть измѣнены не только эти пошлины, но и акцизы и заставные сборы въ городахъ.

Расширеніе нашихъ торговыхъ сношеній со всѣми придунайскими странами подвигается впередъ чрезвычайно туго, не смотря на субсидіи дунайскому пароходству. Изъ книги г. Мураневича «Русско-Балканскій торговый вопросъ» легко убѣдиться, что основныя причины этого печальнаго явленія заключаются не во внѣшнихъ препятствіяхъ, а лежатъ преимущественно въ насъ самихъ.

Важнѣйшею же помѣхою служитъ полное незнакомство русскаго купечества съ главнѣйшими балканскими странами. Представленія многихъ нашихъ купцовъ и фабрикантовъ объ этихъ странахъ по-истинѣ чудовищны. Подобный недостатокъ, къ сожалѣнію, мало пополняется трудами русскихъ консуловъ на Балканскомъ полуостровѣ. Консулы прежде всего агенты международной торговли, а потомъ уже дипломатіи, слѣдовательно, содѣйствовать выясненію вопросовъ торговаго свойства ихъ прямая обязанность. Наши представители въ славянскихъ земляхъ держатся, однако, иного взгляда.

Равнодушный пріемъ, встрѣченный г. Мураневичемъ у русскихъ консуловъ на Балканскомъ полуостровѣ, не былъ явленіемъ случайнымъ: лучшаго отношенія къ своей скромной задачѣ не удалось г. Мураневичу вызвать и со стороны главы консуловъ въ Константинополѣ. Изъ девяти представителей Россіи, къ которымъ обращался г. Мураневичъ за содѣйствіемъ, только трое отнеслись просто, нехитростно и сочувственно къ просьбѣ и доставили просимыя свѣдѣнія.

Но если со стороны дипломатовъ г. Мураневичъ встрѣтилъ только равнодушіе, то со стороны московскаго купечества отношенія были по-истинѣ забавныя. Надобно замѣтить еще, что г. Мураневичу все время покровительствовали Аксаковъ, митрополитъ Михаилъ, Ристичъ и др.; иначе бы его и на порогъ къ себѣ не пустили московскіе богачи. Началъ дѣйствовать г. Мураневичъ въ самое благопріятное время, сейчасъ послѣ войны, когда Болгарія представляла почти ту же Россію: вся гражданская администрація, все военное начальство состояло изъ русскихъ людей, въ рынкѣ всѣ товары были русскіе. Слѣдовательно, для каждаго благого русского начинанія была готова самая плодотворная почва.

Не смотря на то, однако, что проекты г. Мураневича не требовали никакихъ жертвъ, а лишь разумнаго пониманія собственной торговой выгоды, онъ не встрѣтилъ въ Москвѣ никакихъ симпатій, хотя, повторяю, объ устройствѣ торговли съ Балканомъ слѣдовало озаботиться тотчасъ же послѣ войны. Такъ сдѣлала Австро-Венгрія и уже отчасти пожинаетъ плоды своихъ трудовъ.

Переговоры въ Москвѣ г. Мураневичъ началъ съ г. Найденовымъ, который сейчасъ же направилъ его къ московскому папѣ— Морозову. Морозовъ всячески дѣло тянулъ, между тѣмъ другіе московскіе тузы говорили, что примутъ участіе въ дѣлѣ только, когда во главѣ его станетъ Морозовъ. Видя столь незавидное положеніе, г. Мураневичъ обратился оффиціально въ московскій биржевой комитетъ. Члены комитета отнеслись сочувственно къ проекту, но предсѣдатель комитета, г. Найденовъ, доложилъ проектъ мимоходомъ, никого не предувѣдомивъ, въ концѣ одного изъ засѣданій кучкѣ спѣшившихъ разойтись членовъ. Рѣшеніе было понятно — дѣло «подробно изслѣдовать». Между тѣмъ покойный Морозовъ, узнавъ о передачѣ дѣла биржевому комитету, обидѣлся и

сказалъ г. Мураневичу: «теперь пусть вамъ биржевой комитетъ и помогаетъ».

Видя, что дѣло плохо, Мураневичъ обратился къ содѣйствію дипломатовъ, тѣ на бумагѣ выразили свое сочувствіе, но одинъ изъ нихъ, явившись въ Москву, говорилъ купцамъ совсѣмъ другое. Тогда вмѣшались въ дѣло Аксаковъ и Скобелевъ. По ихъ инціативѣ Морозовъ собралъ, наконецъ, у себя купцовъ, и когда Скобелевъ первый подписалъ 500 рублей, то купцы, тщеславія ради, мигомъ собрали 10,000 рублей на торговую экспедицію въ Болгарію. Но лишь стоило явиться деньгамъ, какъ въ проектируемое дѣло втерся одинъ человѣчекъ, не имѣвшій понятія о Балканскомъ полуостровѣ, и не только онъ вошелъ въ составъ экспедиціи, но и сталъ во главѣ ея; мало того, началъ устранять всячески остальныхъ ея членовъ.

До отправки экспедиціи князь Александръ Болгарскій пріѣхалъ въ Москву, казалось бы чего лучше. Но стоитъ прочесть у г. Мураневича, какъ купцы отлынивали, подъ разными предлогами, отъ участія въ депутаціи къ князю, какъ состоявшіе при князѣ русскіе чиновники старались депутацію не допустить и т. д. Князь, впрочемъ, принялъ депутатовъ милостиво и обѣщалъ полное содѣйствіе. Тутъ повторилось обычное русское явленіе. Когда экспедиція прибыла въ Болгарію, то всѣ члены ея были уже въ ссорѣ между собою. «Мы перестали, пишетъ г. Мураневичъ, кланяться другъ другу и взаимно избѣгали встрѣчъ. Когда одинъ изъ насъ былъ у кого-нибудь въ гостяхъ и вдругъ туда же приходилъ нашъ глава, то хозяинъ не зналъ, что ему дѣлать съ нами, разводилъ насъ по разнымъ комнатамъ и пряталъ другъ отъ друга».

Несмотря на подобныя милыя отношенія, экспедиція все-таки собрала кое-какія свѣдѣнія и привезла въ Москву подробный отчетъ. Но здѣсь уже окончательно перестали интересоваться ею. На собраніи у Морозова купцы бѣгло посмотрѣли на образцы привезенныхъ товаровъ и, послѣ нѣсколькихъ «оховъ» и «аховъ» о трудности конкурренціи, принялись пить чай и говорить о... кавказскомъ транзитѣ. Провожая гостей домой, хозяинъ со вздохомъ сказалъ: «что же, господа, мѣсяца черезъ два соберемся опять, посмотримъ тогда, что сдѣлать можно. Съ тѣхъ поръ прошло много разъ по «два мѣсяца», а про дѣятельность гостей Морозова на пользу русско-балканской торговли рѣшительно ничего не слышно.

Г. Мураневичъ, однако, не унимался; онъ сочинилъ проектъ общественнаго пароходства по Дунаю, втягивалъ Губонина въ постройку болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ, ходатайствовалъ о томъ же по разнымъ министерствамъ и, не видя успѣха, рѣшилъ, что для русскихъ купцовъ важны не журавли въ небѣ, а синицы въ рукахъ. Желая дать возможность купцамъ уловить эти синицы, т. е. нажить хотя что нибудь съ болгаръ немедленно, г. Мура-

вичъ уговорилъ бывшаго болгарскаго военнаго министра князя Кантакузена подрядъ для болгарской арміи устроить такъ, чтобы русскіе могли легко принять участіе въ торгахъ съ выгодою для себя. Дѣло это было не легкое, ибо товарищъ болгарскаго военнаго министра г. Котельниковъ, хотя и русскій, желалъ непремѣнно «въ интересахъ справедливости» отдать подрядъ австрійцамъ.

Купцы наши и фабриканты польстились сначала на заработокъ. Торговаться въ Болгаріи вызвались гг. Казѣевъ, Лобачевъ, Сеньковъ, Ляпинъ, Щербаковъ. Но затѣмъ въ концѣ концовъ дѣло разстроилось и подрядъ остался за австрійцами. Ляпинъ и Сеньковъ, вывѣдавъ у г. Мураневича въ чемъ дѣло, тайкомъ хотѣли устроить подрядъ черезъ жидовъ, но не съумѣли, Лобачева не пустила въ Болгарію жена, Казѣевъ желалъ сдавать непремѣнно товаръ въ Москвѣ, а не въ Болгаріи и т. д. Очень характеренъ разговоръ автора съ кожевеннымъ фабрикантомъ Лобачевымъ. Г. Мураневичъ успокоивалъ Лобачева, что въ Болгаріи взятокъ не берутъ. «Какъ бы не такъ! Вѣдь въ министерствѣ не мало русскихъ служитъ?»—Такъ что же?—«Значитъ они и братушекъ научили благому дѣлу», стоялъ на своемъ «опытный» фабрикантъ.

Вѣнцомъ всѣхъ стараній г. Мураневича было увѣдомленіе одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, нашедшаго, что проектъ торговли Россіи съ Болгаріей представляетъ «матеріальныя выгоды для участниковъ слишкомъ сомнительныя и во всякомъ случаѣ достижимыя лишь черезъ продолжительный промежутокъ времени». Отъ комитета, состоящаго почти исключительно изъ нѣмцевъ, грековъ и евреевъ, другого отвѣта трудно было, конечно и ожидать.

Несмотря на всѣ неудачи, г. Мураневичъ не разочаровался окончательно и въ книгѣ своей приходитъ къ заключенію, что по теоретическимъ соображеніямъ вовсе не слѣдуетъ, будто мы не можемъ вытѣснить изъ славянскихъ земель австрійскіе и англійскіе продукты.

XVI. ДЕРЖАВЫ БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

Сербія.

Въ странахъ гористыхъ и лѣсистыхъ какъ Сербія, Боснія и Герцеговина даже небольшія военныя силы могутъ очень долго сопротивляться регулярной арміи. Сербы—народъ, живущій по преимуству скотоводствомъ, а извѣстно, что ни одинъ народъ, не говоря уже о самомъ воспитаніи его, не выдерживаетъ такъ удобно бѣдствій народной войны, какъ именно народъ пастушескій, легко переносящій съ собою не только средства къ жизни, но даже бо-

гатства. Потому-то въ то время, когда болгары вѣками безропотно выносили самое ужасное турецко-греческое иго, единоплеменные имъ сербы постоянно воевали противъ турокъ и отстояли хотя частицу своей независимости. Если нѣкоторыя сербскія земли и были побѣждены, наконецъ, окончательно, какъ, напримѣръ, Боснія, то не силою оружія, а измѣною своей же аристократіи, принявшей исламъ въ обмѣнъ за различныя феодальныя права и льготы. Большинство сербовъ не желало, однако, подобнаго скотскаго существованія. Дѣйствительно, была ли малѣйшая тѣнь справедливости, чтобъ одиннадцати-милліонный народъ, довольно развитый, населяющій почти сплошь пространство отъ Бачки и Баната до Албаніи,—территорію, замѣчательную столько же по своему стратегическому положенію, сколько и по богатству,—народъ, единый по языку и обычаямъ, находился въ такихъ унизительныхъ условіяхъ; итальянцы и нѣмцы въ Цислейтаніи, мадьяры въ Транслейтаніи, турки на Балканскомъ полуостровѣ — все это считало сербовъ низшею расою, и только ничтожному по числу населенію княжествъ Сербіи и Черногоріи удалось достигнуть хотя какого-нибудь сноснаго существованія.

Одного сознанія своего національнаго единства было недостаточно для вызова всѣхъ многочисленныхъ возстаній. Рука Россіи и Австріи сказывалась нерѣдко, а въ послѣднемъ герцеговинскомъ возстаніи справедливо видѣли вліяніе происковъ Австріи, мечтавшей пріобрѣсти, въ замѣнъ потерянныхъ итальянскихъ областей и гегемоніи въ Германіи, Боснію и Герцеговину.

Когда возстаніе перешло въ открытую войну, то не было сомнѣнія, что два слабыя княжества не въ силахъ сопротивляться, даже пассивно, турецкой монархіи, располагавшей трехсотъ-тысячною арміею; они разсчитывали на поддержку Россіи, которая одно изъ нихъ даже вызвала къ жизни успѣхами своего оружія.

Неудачный исходъ первой, такъ сказать, офиціозной помощи, охладилъ у насъ съ поразительною силою вспыхнувшее въ 1876 году сочувствіе къ славянскому вопросу и естественно вызвалъ полемику. Фадѣевъ, одинъ изъ толкавшихъ Россію въ войну и хотѣвшій даже для этого поступить въ египетскую службу, въ своемъ анонимномъ памфлетѣ противъ Черняева ошибку военнаго плана 1876 года видѣлъ въ томъ, что центромъ дѣйствія избрана была Сербія и изъ-за этой «дрянненькой», какъ онъ выражался, страны пожертвовали интересами Болгаріи, которая будто бы готова была возстать и доставила бы военный матеріалъ несравненно болѣе могущественный, нежели Сербія. Все, что говорилось о болгарской трусости и неготовности къ возстанію, по словамъ автора, была клевета, исходившая изъ штаба сербской арміи.

Съ азартомъ Фадѣевъ опрокидывался также на Черняева, какъ на главнокомандующаго. Признавая въ Черняевѣ только хорошаго «третьестепеннаго военнаго дѣятеля», онъ находилъ, что неумѣ-

ренныя похвалы вскружили голову генералу, какъ и многимъ другимъ въ Россіи. Всѣ стратегическія дѣйствія Черняева подверглись рѣзкому порицанію, и особенно нападалъ Фадѣевъ на его первыя дѣйствія, давшія возможность соединиться разбросаннымъ турецкимъ корпусамъ, которые легко могли подвергнуться истребленію по частямъ.

Дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, болгаре гораздо храбрѣе, чѣмъ ихъ считали до войны,— но организація болгарскаго движенія была внѣ сферы дѣятельности Черняева, которому предстояло не мало дѣла и съ собственною арміею. За организацію болгарскаго движенія взялись особые спеціалисты, заручившіеся предварительно деньгами довѣрчивыхъ людей, и если означенные спеціалисты, выдававшіе себя за популярныхъ въ Болгаріи лицъ, ничего не сдѣлали, то должны были пенять больше всего на самихъ себя. Не сдѣлали же они потому, что ничего не съумѣли толкомъ сдѣлать, а желали сначала пользоваться трудами Черняева, а затѣмъ сочли даже болѣе выгоднымъ стараться сѣсть на мѣсто послѣдняго, надѣясь этимъ путемъ доставить себѣ дешевые лавры. Фадѣевъ былъ — одинъ изъ спеціалистовъ, бравшихся заставить Болгарію придти на помощь сербамъ. Своими бравадами онъ содѣйствовалъ укрѣпленію мысли, что турецкая армія вполнѣ дезорганизована, и что стоитъ дать знакъ, и Болгарія подымется, какъ одинъ человѣкъ.

Упреки Черняеву за военные планы могутъ дѣлать военные канцеляристы, одерживающіе побѣды на картѣ, передвигая вмѣсто армій по произволу цвѣтныя булавки, но Фадѣевъ, который постоянно воевалъ въ своихъ статьяхъ противъ академическаго догматизма, отлично зналъ, что и наилучшія стратегическія комбинаціи остались бы только благими намѣреніями. Недостаточно задумать движеніе, чтобы осуществить его—нужно имѣть матеріалъ: штабъ и армію, а въ іюлѣ мѣсяцѣ ни штаба, ни арміи у Черняева, въ европейскомъ смыслѣ, не было. Толпы вооруженной милиціи нисколько не походили на закаленныхъ солдатъ итальянской арміи и, желая подражать Бонапарту въ походѣ 1796 года и по очередно разбивать непріятельскія арміи, дѣлая смѣлыя и изворотливыя движенія, Черняевъ потерпѣлъ бы полнѣйшее фіаско.

Неудача Черняева имѣла, однако, свое вредное вліяніе; она разочаровала русскую дипломатію въ сербахъ и заставила въ моментъ войны, поднятой якобы за нихъ, вполнѣ поступиться ихъ интересами, пойдя на встрѣчу графу Андраши въ желаніи овладѣть Босніей и Герцеговиной. Наиболѣе пострадавшимъ на берлинскомъ конгрессѣ было сербское племя, такъ много перетерпѣвшее, вѣчно раздробленное и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно жившее въ борьбѣ. По трактату, Сербское княжество, вмѣсто Босніи, получило округа: Пиротъ, Враньу, Легковацъ и Прокупье, нарочно на юго-востокѣ, чтобы раздуть старую вражду между сербами и бол-

гарами. Между тѣмъ Австро-Венгрія, не затратившая ни одного гроша и не пролившая не одной капли крови, захватила Боснію и Герцеговину, а затѣмъ вырвала изъ слабыхъ рукъ Турціи и часть Старой Сербіи. Захваты вѣнскаго двора, устанавливая на прочныхъ основаніяхъ нѣмецко-мадьярское вліяніе среди юго-восточныхъ славянъ, предупреждали въ будущемъ возможность сліянія сербовъ боснійскихъ и герцеговинскихъ съ сербами Черной Горы и княжества. Эти ловкіе захваты невольно также должны были усилить исконное соперничество между Россіей и Австро-Венгріей на Востокѣ.

Хотя на основаніи трактата и константинопольской конвенціи 21 апрѣля 1879 года, болѣе точнымъ образомъ опредѣлившей условія австро-венгерскаго занятія, Боснія и Герцеговина были признаны составною частью владѣній турецкаго султана, вслѣдствіе чего онъ попрежнему оставался единственнымъ верховнымъ владѣтелемъ этихъ провинцій, но турецкій суверенитетъ былъ чисто номинальнымъ и власть турецкаго султана представляется въ видѣ «jus nudum».

Кромѣ ненормальности съ юридической точки зрѣнія такого положенія, берлинскій конгрессъ допустилъ относительно означенныхъ областей еще другую странность — не упомянулъ о срокѣ «занятія». Эта недомолвка, давшая Австро-Венгріи возможность занимать Боснію и Герцеговину, когда оффиціальная цѣль занятія ихъ — замиреніе — уже давно достигнута, объясняется вовсе не недосмотромъ со стороны составителей трактата, а исключительно тѣми соображеніями, которыми руководилось австро-венгерское правительство, принимая участіе въ конгрессѣ. Ему нуженъ былъ митровицкій ключъ отъ великаго европейскаго пути, оканчивающагося Салониками. Но графъ Андраши не имѣлъ духу требовать прямо уступки Босніи и Герцеговины, опасаясь Венгріи, постоянно боящейся утратить свой вліятельный голосъ въ имперіи, при увеличеніи славянскаго элемента.

Такое безсрочное занятіе ставитъ, по мнѣнію г. Мартенса и Блюнчли, эти провинціи въ крайне странное положеніе, не подходящее ни подъ какую извѣстную юридическую форму, а другого профессора международнаго права гр. Комаровскаго «Восточный вопросъ» заставляетъ рекомендовать: «Черногоріи расширить свои предѣлы вдоль Адріатическаго побережья и присоединить къ себѣ Герцеговину, Боснію же отдать Сербіи, причемъ лучше всего было бы Черногоріи и Сербіи соединиться»! Какъ будто бы эти ученые не знали, что, независимо отъ трактата, Россія тогда же обязалась не только никогда не требовать возврата Австро-Венгріей захваченныхъ провинцій, но и не препятствовать присоединенію Старой Сербіи.

Неудивительно послѣ этого, что сербы были крайне недовольны результатами войны, указывая на принесшую очень мало

жертвъ и въ десять разъ болѣе получившую Болгарію. Во всемъ этомъ они винили Россію и либеральное министерство, управлявшее во время войны. Къ сожалѣнію, еще не настало время раскрыть всѣ причины, поведшія ко взаимному недоразумѣнію и многолѣтнему охлажденію между Россіей и Сербіей; тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что главная причина этихъ прискорбныхъ явленій не Россія, а недобросовѣстность Милана и нѣкоторыхъ изъ его совѣтниковъ, скрывшихъ отъ народа правду объ отношеніяхъ Россіи къ Сербіи. Лишеніе сербскаго народа его завѣтныхъ мечтаній, ради которыхъ онъ и проливалъ кровь, не могло утѣшить то, что во время войны 1876 года, кромѣ обильныхъ приношеній отъ русскаго народа, Сербія сдѣлала въ Россіи заемъ черезъ митрополита Михаила и что при этомъ императоръ Александръ II простилъ Сербіи около милліона рублей стараго долга, сдѣланнаго еще при князѣ Михаилѣ, послѣ бомбардировки Бѣлграда.

Миланъ и Ристичъ спекулировали на нашъ счетъ, обязавшись выступить въ августѣ 1877 года и откладывая это подъ предлогомъ заговора Карагеоргіевича (въ сущности возмущенія одного батальона въ Тополѣ), съ ясной цѣлью не соваться въ воду, пока русскіе не возьмутъ Плевны. Россія платила по 15 коп. золотомъ за 60 тысячъ сербскихъ солдатъ, а ихъ было на-лицо не болѣе половины, и притомъ съ августа, когда сербы должны были выступить, тогда какъ войска ихъ двинулись только въ декабрѣ, когда Вранья, Нишъ, Пиротъ уже были взяты. Россія же содержала въ это время Милана на свой счетъ и притомъ гораздо роскошнѣе, чѣмъ онъ жилъ потомъ королемъ.

О королевствѣ Сербіи, какъ и о другихъ маленькихъ государствахъ Балканскаго полуострова, можно сказать то же, что говоритъ Тенъ о провинціальныхъ городкахъ Франціи, что это капли воды, въ которыхъ въ микроскопъ видно, что страшные звѣри готовы каждую минуту пожрать другъ друга. Въ особенности подобное пожираніе удобно наблюдать на Сербіи, микроскопической странѣ, гдѣ и теперь только 2½ милл. жителей, но гдѣ политическія страсти кипятъ какъ въ котлѣ. За какія-нибудь шестьдесятъ лѣтъ тамъ династія Карагеоргіевичей и Милошъ Обреновичъ были изгнаны, князь Михаилъ зарѣзанъ чуть не публично, король Миланъ вынужденъ отказаться отъ престола, а король Александръ сдѣлалъ болѣе комическій нежели трагическій переворотъ, еще не достигнувъ совершеннолѣтія.

По остроумному замѣчанію «Temps», юный король сербскій напоминаетъ принца Конде, о которомъ говорили, что онъ молодымъ человѣкомъ уже болѣе убилъ подъ собою коней, чѣмъ старые ветераны. «Сербскій король болѣе назначилъ и уволилъ министерствъ, нежели королева Викторія за шестьдесятъ лѣтъ своего царствованія».

Политическая жизнь Сербіи вообще представляетъ рядъ вопіющихъ противорѣчій и, при неразвитости и подвижности народной массы, открываетъ удобное поле для разныхъ интригановъ. Оттого сербское королевство и «сербіанцы» пользуются весьма нелестною репутаціею въ прочемъ сербскомъ мірѣ, особенно въ Черногоріи и Хорватіи. Въ глазахъ грубыхъ и храбрыхъ черногорцевъ «сербіанцы», ожидовѣли, а по мнѣнію аристократическихъ хорватовъ, населеніе королевства состоитъ исключительно изъ свинопасовъ, правительство же, подъ маскою ложнаго конституціонализма, продолжаетъ традиціи бѣлградскихъ трехбунчужныхъ пашей. Говоря о Сербіи, не нужно забывать однако, давно ли она вышла изъ своего вѣкового и рабства оцѣпенѣнія. Еще въ 1865 г. красное знамя лжепророка гордо развѣвалось надъ бѣлградскою твердынею, въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ сербской земли.

Скупштина по конституціи 1869 года и дополненіямъ къ ней, сдѣланнымъ въ 1889 г., полновластна и князь и король только приводятъ въ исполненіе ея постановленія, но не санкціонируютъ ихъ*). Правда, часть депутатовъ скупштины — 30 назначаются непосредственно правительствомъ, но около ста выбираются, болѣе или менѣе, независимо. Не смотря на это и на свободу печати, король можетъ дѣйствовать въ извѣстной степени какъ угодно, а Миланъ даже управлялъ совсѣмъ деспотически, притомъ въ высшей степени прихотливо и непослѣдовательно. Этотъ человѣкъ, въ рукахъ котораго находилась, можно сказать, судьба Сербіи, своею апатіею въ дѣлѣ иностранной политики и самовластіемъ по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ принесъ дѣлу сербскаго народа болѣе вреда, чѣмъ всѣ турецкіе баталіоны и западные дипломаты, взятые вмѣстѣ.

Говорятъ, что регенты нарочно откармливали Милана, чтобы сдѣлать его лѣнивымъ и равнодушнымъ къ дѣламъ. Когда я въ первый разъ видѣлъ его въ 1875 году, прищуренные глаза князя обличали упрямство и показывали, что кровь Обреновичей не остыла въ его жилахъ. Онъ уменъ, но чрезвычайно скрытенъ и никто не можетъ заставить его проговориться. Упорство характера Милана видно было и въ мелочахъ. На балу, во дворцѣ, онъ открылъ однажды балъ съ дочерью Мариновича; этимъ обидѣлась жена какого-то дипломатическаго агента, считавшая себя старшею дамою въ Бѣлградѣ; князь, тогда еще совсѣмъ юный, рѣшилъ, во избѣжаніе споровъ, баловъ болѣе не давать, что и сдержалъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Злые языки прибавляютъ, что тутъ руководили и соображенія экономическія, потому что бережливость наслѣдственна у Обреновичей. «Великій», какъ называютъ его въ Сербіи, Ми-

---

*) Существуетъ еще великая скупштина, которая вчетверо больше обычнаго народнаго собранія; но она созывается только въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо принять рѣшенія по самымъ важнымъ и конституціоннымъ вопросамъ.

лонъ требовалъ, чтобъ прислуга его постоянно ссорилась между собою, если же онъ замѣчалъ, что все спокойно, немедленно увольнялъ всю дворню.—«Если они не ссорятся, говорилъ старый герой, значитъ стакнулись, чтобъ обворовывать меня».

Для интригъ Милана удобное поле представляла партійная рознь, а партій въ Сербіи en veux-tu—en voilà, даже у каждаго офицера, кромѣ галуновъ, должно быть непремѣнно свое политическое знамя. Въ 1872 году, когда наступило совершеннолѣтіе Милана, насчитывались въ княжествѣ слѣдующія партіи: старая турецкая, князя Милана, Карагеоргіевичей, князя Николая Черногорскаго, радикальная, республиканская, не говоря уже о всемірной партіи — гемороидальной, для которой хоть трава не расти. И все это на населеніе въ 1.350,000 душъ, изъ котораго болѣе милліона занималось исключительно разведеніемъ свиней и стояло на той степени развитія, что свинью зарѣзать, что турка—все равно. Князь началъ княженіе полнымъ удаленіемъ регентовъ и устраненіемъ отъ дѣлъ Ристича съ либеральнымъ министерствомъ. Министерство это пользовалось нелестною кличкою «ministère des assassins», такъ какъ члены его были замѣшаны въ дѣлѣ объ убійствѣ князя Михаила въ Топчидере. Впрочемъ, всѣ безъ исключенія выдающіеся сербскіе дѣятели были тогда, болѣе или менѣе, прикосновенны къ этой cause celèbre, начиная съ сербскаго Мольтке, Блазнаваца,—преобразователя мѣстной арміи,—наблюдавшаго съ горы за совершеніемъ преступленія. Удаляя либераловъ Миланъ мстилъ за удаленіе его матери изъ сербской столицы. На сцену выступило консервативное министерство.

На князя имѣлъ тогда рѣшительное вліяніе ярый консерваторъ Мариновичъ, постоянный соперникъ Ристича во всѣхъ дѣлахъ. Ристичъ, имя котораго и у насъ пріобрѣло популярность, хотя человѣкъ очень способный, все-таки не болѣе, какъ политическій интриганъ. Консерваторы далеко не пользовались симпатіями въ Сербіи, а потому, желая пріобрѣсти популярность, стали помогать движенію въ Босно-Герцоговинѣ; наступало время войны и министерство, не будучи въ силахъ справиться съ положеніемъ, было замѣнено опять министерствомъ либеральнымъ съ Михайловичемъ, Груичемъ и Ристичемъ; министерство это вынесло на себѣ обѣ войны. Результаты ея повредили однако либераламъ. Неувѣренные въ своей силѣ, консерваторы, въ 1879 году, сблизились съ лѣвымъ крыломъ либераловъ. Отъ этого произошла партійная пертурбація. Омладина, отдѣлившаяся отъ молодой соціальной Сербіи, снова стала чисто либеральной партіей, а отпавшіе отъ либераловъ (соціалисты), образовали ядро радикальной партіи; что же касается до консерваторовъ, то они переименовали себя въ прогрессистовъ или напредняковъ. Такимъ образомъ въ 1880 году образовалось первое напредняцкое министерство съ Пирочанцемъ во главѣ. Обѣ партіи, хотя и образовали два отдѣльныхъ клуба, но не находили

своевременнымъ расходиться: напредняки изъ боязни оппозиціи, а радикалы для того, чтобы имѣть долю участія въ спекуляціяхъ Милана съ Бонту. Имѣвшіе въ скупщинѣ всего семь представителей либератовъ вышли оттуда въ самомъ началѣ дѣла съ Бонту, а радикалы перессорились съ напредняками уже тогда, когда Бонту обанкрутился (въ 1882 г.), а Миланъ (получившій лично $3^1/_2$ милліона франковъ) и напредняки тѣмъ не менѣе ему же поручили постройку желѣзныхъ дорогъ. «Мы не хотимъ имѣть что либо общее съ напредняками, они продали Сербію», заявили радикалы и также вышли изъ скупщины.

Такимъ образомъ напредняки остались одни у власти, — и смѣло со своимъ королемъ предались Австро-Венгріи. Наша дипломатія, въ виду соглашеній 1877 и 1878 гг., на это не обращала большого вниманія, съ одной стороны разсчитывая на традиціонную къ намъ привязанность сербскаго народа, а съ другой — думая, что Австрія, няньчась со своимъ любимцемъ Миланомъ, ставшимъ въ 1882 г. королемъ, развяжетъ намъ руки по отношенію къ Болгаріи. На чемъ основывалось такое мнѣніе понять трудно, въ виду извѣстной ревнивой политики Австріи. Она ни на минуту не измѣняла своей двуличности по отношенію къ Болгаріи, выживая насъ оттуда. Между тѣмъ, уступая вѣнскому двору, мы на семь лѣтъ запустили свои отношенія въ Бѣлградѣ *).

Почувствовавъ себя на свободѣ и внѣ всякаго контроля отъ Россіи, либеральной и радикальной партій, министерство съ Миланомъ заодно и подъ покровительствомъ Австро-Венгріи пустилось, что называется, во вся тяжкія. Наступило полное банкротство Бонту, отъ чего Сербія потеряла $4^1/_2$ милл. руб., но король и его министры продолжали продавать Сербію иностранцамъ. Впрочемъ и изъ Россіи, при помощи Волжско-Камскаго банка, Миланъ призанялъ нѣсколько милліоновъ.

Вся дальнѣйшая политика его представляла безтолковую партійную игру, сопровождавшуюся не только смѣною министровъ, но и возмущеніями, ссылками и тюрьмами. По очереди король перебѣгалъ отъ Христича, прозваннаго «мясникомъ», наполнившаго тюрьмы радикалами, т. е. представителями руссофильской партіи, и приговорившаго къ смертной казни ихъ предводителей, Пашича, Таушановича, Велиміровича и др., къ напреднякамъ, глава которыхъ Гарашанинъ былъ ему особенно милъ по своимъ австрофильскимъ тенденціямъ, и наконецъ къ либераламъ.

Травля радикаловъ и подтасовка выборовъ дозволила ему совершить безумнѣйшій поступокъ — объявить въ ноябрѣ 1885 года Болгаріи войну. Румелійскій переворотъ признанъ былъ сербскимъ

*) Князь Горчаковъ раскаявался въ такомъ потворствѣ Австро-Венгріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ нота его къ нашему послу въ Вѣнѣ, Новикову, отъ 2 февраля 1879 г.

правительствомъ нарушеніемъ равновѣсія, установленнаго на Балканскомъ полуостровѣ берлинскимъ трактатомъ, вслѣдствіе чего Миланъ приступилъ къ мобилизаціи своей арміи съ тѣмъ, чтобы не допустить объединенія обѣихъ Болгарій, не добившись соотвѣтственнаго земельнаго приращенія для своего королевства. Внушенія дипломатіи не оказали никакого вліянія, такъ какъ изъ двухъ державъ, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя условія для выраженія порицанія военнымъ приготовленіямъ Сербіи — Германія молчала, а Австро-Венгрія явно потворствовала братоубійственной войнѣ. Австро-Венгрія имѣла цѣлью округлить для себя сербскую область, сдѣлавъ Милана тараномъ для прокладки дороги къ Эгейскому морю, а затѣмъ, вытѣснивъ Россію изъ-за Дуная, стать полновластною распорядительницею балканскихъ славянъ. Разсчеты вѣнскаго кабинета въ первую минуту сербо-болгарскаго столкновенія, казалось, оправдывались, охранители берлинскаго трактата и Порта остались безучастными зрителями, несмотря на то, что Сербія вторгалась въ вассальное княжество турецкаго султана. Но уже черезъ нѣсколько дней обнаружилась ошибочность разсчетовъ вѣнскаго двора. Неожиданно для австро-венгерскихъ дипломатовъ, болгары отразили нападеніе и сами вторглись въ Сербію.

Видя пораженіе сербскихъ войскъ и трепеща за участь своего подручника, Австрія обратилась за помощью къ Россіи, которая предложила великимъ державамъ прекратить борьбу путемъ энергическаго давленія, условленнаго между Портою и державами. Австрія, мало вѣря въ чудодѣйственную силу дипломатическихъ нотъ, чтобы скорѣе добиться перемирія между Сербіей и Болгаріей, въ виду опасности, грозившей столицѣ сербскаго королевства и престолу преданнаго ей Обреновича, присоединила къ требованіямъ великихъ державъ угрозу болгарскому князю, что если онъ не пріостановитъ побѣдоноснаго шествія по сербской территоріи, то австро-венгерскія войска выступятъ на помощь Милану. Эта угроза была причиной, что 19 февраля 1886 года въ румынской столицѣ былъ подписанъ мирный договоръ, между Сербіей и Болгаріей. Австро-Венгрія очень ловко являлась такимъ образомъ спасительницею Сербіи.

Видя неудачи, радикалы и либералы, вслѣдствіе ужаснаго положенія внутреннихъ дѣлъ, на минуту забыли партійные споры и рѣшились дѣйствовать противъ Милана единодушно. Союзъ ихъ состоялся въ концѣ 1886 года и въ короткій срокъ принесъ внушительные результаты, зависѣвшіе впрочемъ болѣе отъ того, что Германія и Австро-Венгрія, изъ боязни франко-русскаго союза, стали дѣлать Милану надлежащія внушенія.

Послѣдній быстро повернулся въ противоположную сторону и послалъ королеву съ сыномъ въ Ялту для примиренія его съ Россіей, но эта попытка не удалась и, не смотря на благосклонный пріемъ, оказанный самой королевѣ, перетрусившій Миланъ вынужденъ былъ

въ 1887 г. пригласить Ристича для составленія либерально-радикальнаго «фузіоннаго министерства» при участіи Саввы Груича, человѣка очень честнаго, но слабохарактернаго. Министерство потребовало возвращенія нашего друга митрополита Михаила, отрѣшеннаго королемъ въ 1881 г. и изгнаннаго въ 1883 г.

1888 годъ былъ концомъ австро-венгерскаго господства въ Сербіи. Дѣйствія въ этотъ годъ Милана удивили весь міръ. По совѣту королевы, онъ уволилъ Ристича и сдѣлалъ снова первымъ министромъ Гарашанина, но рядомъ съ этимъ началъ бракоразводное дѣло съ королевой. Не встрѣчая сочувствія въ синодѣ, онъ собственною властью, ссылаясь на примѣры старыхъ сербскихъ королей, развелъ себя, на что, впрочемъ, получилъ одобреніе митрополита Өеодосія. Это событіе было дурно принято въ Россіи, такъ какъ Наталія молдаванка, воспитанная въ одесскомъ институтѣ, считалась почему-то преданною Россіи. Разводъ взволновалъ и сербскія партіи, хотя королева никакой популярностью не пользовалась. Радикалы даже прямо протестовали противъ развода.

Два дня спустя по разводѣ Миланъ созвалъ великую скупщину для пересмотра конституціи. Результатомъ выборовъ было чрезвычайно сильное большинство радикаловъ. Министерство Христича сначала игнорировало выборы, но затѣмъ подало въ отставку. Великая скупщина приняла новую конституцію съ важной поправкой, въ силу которой король лишался права заключать безъ вѣдома и утвержденія великой скупщины союзы и конвенціи съ иностранными государствами. Вслѣдствіе этого Миланъ, и ранѣе поговаривавшій объ отреченіи, отказался отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына Александра, а до совершеннолѣтія установилъ регентство изъ Ристича, Белимарковича и Хорватовича.

Отреченіе короля было принято съ удовольствіемъ, какъ возвратъ къ русской и славянской политикѣ и прекращеніе финансовыхъ безобразій. Пашичъ, ставшій первымъ министромъ, программою поставилъ объединеніе всѣхъ сербовъ, экономическую и политическую солидарность между всѣми державами Балканскаго полуострова, нравственную и умственную связь со всѣми славянскими народами.

Отъ отказа Милана и до coup d'Etat 1-го апрѣля 1893 года регенты управляли уже въ болѣе русскомъ направленіи, опираясь на радикальную партію, изъ которой выдѣлилась крестьянская партія Катича. Хотя регенты употребляли всѣ усилія, чтобы не задѣть Австро-Венгрію, но дипломаты и особенно газеты въ Вѣнѣ и Пештѣ были очень враждебны къ преобразованію Сербіи, и въ 1890 г. графъ Кальноки дѣлалъ даже Сербіи угрозы въ делегаціяхъ, кончившіяся репресаліями въ таможняхъ. Сербы терпѣли все, держась девиза своего герба, «Tempus et meum jus».

Переворотъ, сдѣланный юнымъ королемъ, не измѣнилъ положенія Россіи въ Бѣлградѣ, но внутреннее положеніе не стало устой-

чивѣе, чѣмъ при регентахъ. Родители короля надоѣдали своими ссорами и интригами, пока ихъ не успокоили, Милана разными субсидіями, а королеву пересмотромъ ея бракоразводнаго дѣла; одинъ разъ пришлось королеву выжить изъ Бѣлграда силою. Для порядка приглашали снова въ премьеры н l'homme à poigne—Христича. Финансовое положеніе также осталось запутаннымъ; для погашенія долга учреждены монополіи подъ надзоромъ иностранныхъ кредиторовъ. Недавно еще министерство Новаковича опять обвинило короля въ заговорахъ съ иностранными державами противъ своихъ министровъ; король въ свою очередь нашелъ, что министерство позволяетъ скупщинѣ нарушать конституцію, и поручилъ посланнику въ Вѣнѣ Симичу, умѣренному напредняку, но болѣе дипломату чѣмъ человѣку партіи, составить министерство.

Такъ какъ Симичъ въ Вѣнѣ persona gratissima, то явилось предположеніе, что австро-венгерское вліяніе снова восторжествовало въ Бѣлградѣ, хотя повидимому опасность еще не велика; Симичъ и въ Петербургѣ оставилъ хорошія воспоминанія. Въ своей программѣ онъ настаивалъ на необходимости возстановить въ Сербіи тотъ конституціонный режимъ, который былъ упраздненъ государственнымъ переворотомъ 1893 года. Для этого слѣдуетъ приступить къ пересмотру соглашенія 1869 года, принявъ въ основу конституцію 1888 года, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ статей, ограничивающихъ власть короля. Затѣмъ новый президентъ совѣта отмѣтилъ необходимость поддерживать дружественныя отношенія со всѣми державами, но «главнымъ образомъ съ Россіей, съ которою Сербія связана узами единоплеменности и религіи, а также съ Австро-Венгріей, съ которою Сербія связана интересами сосѣдства» и, наконецъ, съ княжествами болгарскимъ и черногорскимъ.

Программа эта не содержитъ ничего такого, что заставило бы подозрѣвать кабинетъ Симича въ намѣреніи держаться строго австрофильской политики. Скорѣе она представляется желаніемъ сидѣть между двухъ стульевъ. Вѣроятно, новое министерство будетъ только переходнымъ. Послѣ избранія новой скупщины, мѣсто кабинета Симича займетъ либо либеральное, либо радикальное министерство, и въ томъ, какъ и другомъ случаѣ трудно ожидать, чтобы вступившіе во власть представители этихъ партій не стали бы держаться русской, т. е. независимой по отношенію къ Австро-Венгріи политики.

Наши торговыя сношенія съ Сербіей, не смотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ отъ Ниша въ Кладово, открывающихъ для насъ рынки Старой Сербіи и Македоніи, скорѣе сокращаются. Если въ общемъ итогѣ онѣ кажутся увеличивающимися, то это отъ поставки для казенной монополіи русскаго керосина. Такое положеніе зависитъ отъ преобладанія Австро-Венгріи, низкаго курса денегъ, а отчасти отъ обѣднѣнія Сербіи.

Сербія страна мелкой собственности. Обработка полей производится примитивнымъ способомъ, земледѣльческихъ орудій не ввозится и никакихъ мѣръ къ улучшенію породъ скота не принимается. Причины того—рутина, лѣность и отсутствіе наличныхъ денегъ у крестьянъ. Виноградники были опустошены филоксерой и пероноспорой, такъ что для удовлетворенія мѣстнаго потребленія приходится ввозить вино изъ Турціи. Даже свиноводству сталъ грозить упадокъ, за отсутствіемъ другого пути для вывоза, кромѣ Венгріи, куда былъ запрещенъ транзитъ сербскихъ свиней подъ предлогомъ ветеринарныхъ мѣръ. Всѣ промышленныя заведенія носятъ въ Сербіи кустарный характеръ и подъ натискомъ европейскихъ фабрикантовъ клонятся къ упадку, между тѣмъ, несмотря на поощреніе со стороны правительства, дарующаго 10-ти лѣтнія исключительныя привилегіи и всяческія облегченія, крупныя предпріятія не возникаютъ.

Для развитія торговли съ Сербіей въ 1892 г. мы начали переговоры о торговомъ трактатѣ, которыя и закончены въ 1893 г. Мы согласились на установленіе въ Сербіи разныхъ монополій и на пониженіе пошлинъ на черносливъ (важнѣйшій послѣ свиней предметъ вывоза), а съ своей стороны добились признанія за нами правъ наиболѣе благопріятствуемой націи (что представляетъ сбавку 40% пошлинъ съ общаго тарифа), т. е. тѣхъ же льготъ, которыя даны Австро-Венгріи и Германіи, сбавки пошлинъ на керосинъ и кожи и пониженія «трашарины» (octrois).

Черногорія.

Вся мѣстность, занимавшаяся Черногоріей до границъ берлинскаго трактата, была прежде необитаема; постоянныя войны съ турками заставили черногорцевъ, мало-по-малу, очистить ровныя и плодородныя мѣстности Зеты, имъ искони принадлежавшія, и переселиться на высоты, куда ни турецкая ни никакая другая армія въ мірѣ не дерзала заглядывать, потому что достаточно было десяти человѣкъ, бросавшихъ сверху камни, которыхъ безчисленное множество, чтобъ удержать батальоны. Только подкупомъ и измѣною можно было что-нибудь сдѣлать въ такихъ мѣстахъ; но черногорцы доказали, что и такой способъ войны къ нимъ непримѣнимъ. Принужденные жить постоянно въ горахъ, они, понятно, старались эксплуатировать ихъ, но это давалось съ большимъ трудомъ.

Достаточно взглянуть на черногорскія пашни, чтобъ убѣдиться, какихъ усилій требуется отъ земледѣльца. Замѣчательно, что въ Брдѣ, гдѣ хлѣбопашество гораздо проще и легче, черногорецъ дѣ-

лается скоро лѣнивымъ и работаетъ крайне неохотно, да и въ прочихъ мѣстахъ работаютъ болѣе женщины; онѣ же служатъ для перевозокъ. Le nostre donne sono le nostre mule, говорилъ проводникъ извѣстному путешественнику Убичини. Въ Черногоріи количество удобной земли недостаточно для потребностей населенія; послѣднее часто терпитъ голодъ; горы, покрытыя весьма рѣдкимъ кустарникомъ, а не травою, могутъ скорѣе кормить козъ, чѣмъ овецъ; поэтому въ странѣ естественно образуется пролетаріатъ, ищущій себѣ занятій. И въ мирное время черногорцы шли на заработки внѣ страны въ Турцію и Австрію; въ одномъ Цареградѣ ихъ болѣе двухъ тысячъ, но еще охотнѣе готовы они были искать пропитанія въ военныхъ набѣгахъ, «четахъ». Поэтому война, даже самая неравная, не только не пугала черногорца, но, скорѣе, радовала его. Для страны уничтоженіе даже нѣкотораго избытка населенія, тяготящаго ее, не могло считаться большимъ несчастіемъ. Конечно, подобный порядокъ вещей ненормаленъ и продолжаться долго не можетъ, однако единственное средство обратить черногорцевъ въ вполнѣ мирныхъ гражданъ состоитъ въ расширеніи ихъ владѣній и въ присоединеніи къ нимъ сосѣднихъ плодородныхъ и пустынныхъ турецкихъ округовъ. Безъ этого всякія убѣжденія и мѣропріятія будутъ совершенно излишними.

Торговля Черногоріи ничтожна. Она производится преимущественно съ Австріей и отчасти съ Англіей и состоитъ изъ отпуска табаку и нѣкоторыхъ продуктовъ земледѣлія и привоза тканей, металлическихъ издѣлій и колоніальныхъ товаровъ. Изъ Россіи Черногорія вывозитъ керосинъ, составляющій монополію князя.

Черногорская администрація очень не сложна. Князь входитъ во всѣ дѣла; подъ деревомъ, онъ публично разбираетъ просьбы своихъ подданныхъ. При мнѣ секретарь князя французъ, изъ алжирскихъ конныхъ егерей, не знаю писалъ ли что нибудь, но зато объяснялъ черногорцамъ, какъ лучше рубить шашкою. Послѣ князя, важнѣйшая власть въ Черногоріи—сенатъ или государственный совѣтъ. Сенаторы или воеводы живутъ болѣе по домамъ и пріѣзжаютъ въ Цетинье по очереди. Предсѣдатель сената, двоюродный братъ князя, Божидаръ Петровичъ Негушъ, воспитанный во Франціи. Онъ же теперь министръ внутреннихъ дѣлъ. Изъ другихъ членовъ государственнаго совѣта вліятельны: Вуковичъ—министръ иностранныхъ дѣлъ, Пламенацъ—министръ военный и Матановичъ—министръ финансовъ. Сима Поповичъ, министръ просвѣщенія и исповѣданій, почтъ и телеграфовъ—основатель «Гласа черногорца». Министръ юстиціи г. Богишичъ живетъ болѣе въ Парижѣ, да и что ему дѣлать въ странѣ, гдѣ дѣла разбираются подъ древомъ? Имѣется, впрочемъ, въ Цетинье высшая судебная палата.

По характеру черногорцы отличаются простотою, но болѣю «простотою московскою». Даже воспитанные въ Сенъ-Сирѣ, французы только по наружности и хотя читаютъ «Figaro» и «Revue des deux

mondes», не брезгають чеснокомъ, оставаясь въ душѣ черногорцами. Всѣ черногорцы пламенные патріоты и только воспитаніе нѣсколько уразнообразило ихъ симпатіи, выражающіяся болѣе во внѣшности. Всѣ они образують, конечно, партіи.

Ранѣе учрежденія министерствъ администрація состояла изъ канцелярій: военной и финансовъ. Хотя онѣ помѣщались отъ меня въ двухъ шагахъ по тому же корридору гдѣ я жилъ, но мнѣ не удалось слышать скрипа перьевъ и видѣть этихъ чиновниковъ. Едва ли въ канцеляріяхъ и было много дѣла, особенно у канцеляріи финансовъ. Въ мое время во всей черногорской казнѣ не было положительно ни копейки. Мѣстная администрація состоитъ изъ капетановъ, завѣдывающихъ округами. Расправа капетановъ очень короткая.

Вообще же черногорцамъ нужно удивляться. Со всѣми пособіями, государственный бюджетъ ихъ не превосходилъ до войны 1877—1878 гг. 125,000 руб. въ годъ, потому что податей платить никто не хотѣлъ — въ чемъ же было бы тогда отличіе свободнаго человѣка отъ подданнаго Турціи? На эти деньги черногорцы, отказывая себѣ патріотически во всемъ, умудрялись содержать армію слишкомъ въ 20,000 человѣкъ, отлично вооруженныхъ, да такую армію, которая стоитъ сорока тысячъ. Понятно, что эта армія, въ Европѣ стоившая бы пять, шесть милліоновъ рублей, внушала во всѣхъ державахъ великое къ Черногоріи уваженіе и желаніе быть пріятнымъ. Россія, стариннѣйшій другъ Черногоріи, платила liste-civil, большую часть котораго князь уступалъ въ государственную казну. Россія же сдѣлала съемку Черногоріи, заплатила за составленіе кодекса и пр.; Австрія проводила для черногорцевъ дороги, содержитъ даромъ почту и телеграфъ; Франція уплачивала жалованье секретарю князя, его доктору и т. д. Какъ скромны здѣсь издержки, видно изъ того, что сенаторы, десять лѣтъ учившіеся въ Парижѣ, получали еще недавно по 300 и по 500 гульденовъ жалованья въ годъ, т. е. по 25 руб. въ мѣсяцъ, сумма, за которую въ Петербургѣ трудно нанять кучера, и теперь министрамъ дается по 2000 гульденовъ. Не нужно, однако, думать по этимъ умѣреннымъ цифрамъ, что черногорцы какіе нибудь дикари. Напротивъ того, въ Черногоріи книги печатались въ Рѣкѣ еще въ концѣ XV вѣка. Правда, типографскія литеры были перелиты потомъ въ пули противъ турокъ, но грамотность въ Черногоріи никогда не прекращалась; архивы черногорскіе въ порядкѣ, а потому объ исторіи черногорской сочиненій очень много; въ Цетиньѣ издается своя газета.

Газета эта называлась «Черногорецъ», потомъ «Черногорка», а съ 1878 г. выходитъ подъ названіемъ «Гласа черногорца». Такія превращенія обусловливались законами о печати въ Австріи. Какъ скоро газета тамъ запрещалась, она мѣняла заглавіе и снова продолжала свое существованіе; такъ какъ главный сбытъ черногорской газеты въ австрійскія владѣнія у тамошнихъ сербовъ, то

запрещеніе и разрѣшеніе ея въ Австріи весьма важно для редакціи.

Съ точки зрѣнія черногорцевъ и всѣхъ южно-славянскихъ писателей (Вацликъ «Независимость Черногоріи»), Черногорія всегда была совершенно независимымъ государствомъ, претензіи на которое султана имѣли не болѣе основаній, чѣмъ, напр., имѣли бы притязанія итальянскаго короля, основанныя на его титулѣ короля іерусалимскаго и кипрскаго. Турецкіе государственные люди, наоборотъ, всегда считали Черногорію только вассальнымъ государствомъ, съ такими же правами, какъ права Сербія или Египта, а слѣдовательно, составляющимъ неразрывную часть Оттоманской имперіи. На дѣлѣ взглядъ черногорцевъ былъ, конечно, правильнѣе, потому что никогда турки фактически не владѣли Черногоріей; но дипломатически до 1878 г. вопросъ оставался совершенно неразрѣшеннымъ, такъ какъ никакіе трактаты или конвенціи великихъ державъ не разрѣшали, съ точки зрѣнія европейскаго международнаго права, вѣковыя несогласія Порты съ Черногоріей; это небольшое государство оставалось въ какомъ-то совершенно исключительномъ положеніи въ Европѣ.

По странной разсѣянности, въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ въ Систовѣ въ 1791 г., черногорцы названы были русскими дипломатами «турецкими подданными». На это черногорцы возражали, что въ договорѣ, заключенномъ въ Граховѣ въ 1838 году, и въ договорѣ объ опредѣленіи границы, заключенномъ въ 1842 году, сами турки называли Черногорію независимою державою. Болѣе серьезно вопросъ выступилъ на сцену во время заключенія парижскаго трактата 1856 года. Въ одномъ засѣданіи, при вопросѣ австрійскаго уполномоченнаго, графа Буоля, объ отношеніяхъ Россіи къ Черногоріи, покойный Али-паша заявилъ, что Порта считаетъ Черногорію неразрывною частью Оттоманской имперіи, хотя не думаетъ измѣнять своихъ отношеній къ ней. Заявленіе это было встрѣчено молчаніемъ всѣхъ уполномоченныхъ, въ томъ числѣ и нашихъ, выражавшихъ тѣмъ какъ бы свое согласіе съ мнѣніемъ турецкаго посла. Извѣстіе объ этой сценѣ заставило князя Данила обратиться ко всѣмъ дворамъ, участвовавшимъ въ парижскихъ конференціяхъ, съ протестомъ, въ которомъ князь довольно рѣзко объявлялъ, что турецкія претензіи не выдерживаютъ критики. «Скорѣе черногорцы», говоритъ онъ, «имѣютъ право владѣть половиною Албаніи и всей Герцеговиной, такъ какъ мои предки владѣли этими землями; турки же никогда не владѣли Черногоріей». Протестъ остался безъ отвѣта. Въ 1857 году турецкое правительство предложило князю Данилу, находившемуся въ Парижѣ, черезъ французское правительство, заключить договоръ, съ тѣмъ чтобъ онъ призналъ себя вассаломъ Порты и получилъ въ вознагражденіе званіе и жалованіе мушира (корпуснаго командира) и наслѣдственное владѣніе Черногоріей. Князь Данилъ отказался даже обсуждать это

предложеніе. Въ 1858 году была назначена международная комиссія для разграниченія владѣній Турціи и Черногоріи. Уполномоченные Турціи и Австріи противились назначенію въ эту комиссію черногорскаго депутата, но уступили энергическимъ настояніямъ русскаго и французскаго уполномоченныхъ. При обсужденіи доклада комиссіи въ собраніи посланниковъ великихъ державъ въ Константинополѣ, Али-паша хотѣлъ включить въ протоколъ засѣданія претензіи Порты на Черногорію, Бутеневъ и Тувенель этому воспротивились, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, графъ Лудольфъ, принялъ сторону Турціи, англійскій и прусскій послы остались въ нерѣшимости. Споръ былъ очень оживленный и грозилъ разстроить конференцію, но въ слѣдующее засѣданіе Али-паша заявилъ, что Порта согласна оставить пока вопросъ открытымъ.

Вопросъ былъ поднятъ снова Портою послѣ неудачной для черногорцевъ войны 1862 года. Омеръ-паша совѣтовалъ въ то время оттоманскому правительству воспользоваться правами побѣдителя и вынудить у черногорцевъ признаніе ихъ вассальной зависимости отъ Турціи. Фуадъ-паша, бывшій тогда великимъ визиремъ, боялся, однако, раздражить великія державы возбужденіемъ этого вопроса и обошелъ его, заявивъ, что «Портѣ нѣтъ надобности подтверждать то, чѣмъ она пользовалась всегда по праву, а теперь будетъ пользоваться и въ силу завоеванія». Вслѣдствіе такого толкованія въ ультиматумѣ Омера-паши, принятомъ черногорцами, не упоминалось ни единымъ словомъ о верховномъ правѣ султана. Турки выговорили себѣ только право устроить укрѣпленную блокгаузами торговую дорогу по черногорской территоріи изъ Никшича въ Спужъ. Европейскія державы все-таки увидѣли въ этомъ замаскированное покушеніе на независимость Черногоріи, вопреки формальному обѣщанію самихъ турокъ, передъ началомъ похода 1862 года, вызваннаго, какъ извѣстно, герцеговинскимъ возстаніемъ. Россія протестовала весьма рѣзко и съ достоинствомъ; Франція также протестовала, но болѣе мягко; къ ней позднѣе, и довольно неохотно, присоединилась Австрія. Только Англія оправдывала дѣйствія Турціи, хотя и не становилась явно на ея сторону. Турецкое правительство, видя неудовольствіе европейскихъ державъ, снова уступило и, воспользовавшись, какъ предлогомъ, просьбою князя Николая, срыло въ 1864 году всѣ свои блокгаузы, построенные на черногорской территоріи. На этомъ вопросъ и остановился до новаго возстанія въ Герцеговинѣ.

Извѣстіе о назначеніи сербскаго публициста Сундечича черногорскимъ консуломъ въ Зарѣ и о согласіи австро-венгерскаго правительства принять его въ этомъ званіи, послѣ посѣщенія княземъ Николаемъ Вѣны и личныхъ переговоровъ его съ графомъ Андраши, указывало на измѣненіе австрійской политики по отношенію къ Черногоріи и было новымъ признаніемъ со стороны одной изъ европейскихъ великихъ державъ полной независимости Чер-

ногоріи и права ея имѣть собственное дипломатическое представительство.

Вопросъ о томъ, что и другія государства послѣдуютъ этому примѣру, и не только акредитуютъ своихъ консуловъ въ Цетиньѣ, но и закрѣпятъ какимъ-нибудь международнымъ актомъ за черногорскимъ народомъ—триста лѣтъ отстаивавшимъ свою свободу и оказавшимъ немалыя услуги не только южнымъ славянамъ, но и всей Европѣ во время всепожирающаго могущества турецкой монархіи—былъ разрѣшенъ только восточною войною и новою кровью, пролитою черногорцами и Россіей.

Видя въ черногорцахъ наиболѣе вѣрныхъ союзниковъ Россіи, берлинскій конгрессъ былъ для нихъ крайне скупъ и прирѣзалъ весьма небольшое количество земель, преимущественно албанскихъ, болѣе удаленныхъ, и поставилъ морскія силы Черногоріи въ зависимость отъ Австро-Венгріи. Особенно неохотно уступленъ былъ Черногоріи портъ Антивари изъ опасенія, что Россія сдѣлаетъ изъ него свой военный портъ. Однако передача Гусиньи и Плавы не могла осуществиться, такъ какъ населеніе вмѣстѣ съ албанцами возстало противъ присоединенія къ Черногоріи. Въ виду этого, великимъ державамъ въ 1880 г. пришлось замѣнить уступку Гусиньи и Плавы частью областей Земской и Вермосской съ портомъ Дульциньо, причемъ, вслѣдствіе сопротивленія турецкаго правительства такому рѣшенію державъ, ихъ военныя суда блокировали портъ Дульциньо. Имѣя бюджетъ въ 400—500,000 руб., Черногорія, конечно, большой силы за этими прирѣзками не пріобрѣла; реформы состояли въ учрежденіи министерствъ, въ постройкѣ казармъ для упражненія собираемыхъ на время войскъ и въ проведеніи, что было полезнѣе, нѣсколькихъ дорогъ, въ томъ числѣ въ Антивари, обладающему прекрасной бухтой, которой недостаетъ только мола для безопасной стоянки судовъ.

Съ тѣхъ поръ однако, какъ императоръ Александръ III назвалъ князя Николая своимъ единственнымъ другомъ, въ Европѣ фонды черногорскаго двора очень поднялись. Княжеское семейство породнилось съ другими дворами, а принцесса Елена вышла даже замужъ за наслѣднаго принца итальянскаго. Бракъ этотъ, весьма почетный, не будетъ, конечно, имѣть политическаго значенія, какъ не имѣли браки тетки итальянскаго короля съ принцемъ Наполеономъ для судьбы Франціи и другой тетки Умберта съ королемъ португальскимъ—на участь Амедея Савойскаго на Иберійскомъ полуостровѣ. Черногорія останется русскою.

XVII. РУМЫНІЯ.

Надобно удивляться, какъ иногда вопросы, сами по себѣ ясные до очевидности, затемняются при обсужденіи—ради того, что обѣ спорящія стороны вращаются въ области общихъ мѣстъ и громкихъ фразъ, не давая себѣ вовсе труда ознакомиться хотя слегка съ исторіей того предмета, изъ-за котораго идетъ споръ. Таковъ былъ и вопросъ о южной части Бессарабіи, отторгнутой отъ Россіи парижскимъ трактатомъ 1856 года и возвращенной по берлинскому трактату, взамѣнъ Добруджи, отрѣзавшей насъ весьма некстати отъ непосредственнаго соприкосновенія съ вассальными княжествами Турецкой имперіи.

Что румынскіе министры и политическіе вожди, получившіе воспитаніе въ парижскихъ кафе среди подонковъ тамошней мелкой прессы, что румынскіе журналисты—эта жалкая и невѣжественная литературная богема, имѣли смѣлость увѣрять, будто бы южная Бессарабія составляла искони неразрывную часть румынскаго отечества, нѣтъ ничего удивительнаго, но что подобная мысль повторялась и у насъ журналами весьма почтенными и даже профессорами, это уже совершенно непростительно. Не говоря о справкѣ со множествомъ печатныхъ сочиненій, эпохи бухарестскаго и адріанопольскаго мира—не какія-нибудь эпохи Рюрика или Фарамонда, о которыхъ можно фантазировать какъ угодно, да и въ 1878 г. было не мало живыхъ современниковъ этихъ славныхъ для Россіи событій.

Бессарабія до присоединенія ея къ Россіи никогда не составляла ни независимой, ни даже общей области; она заключала въ себѣ нѣсколько частей, бывшихъ совершенно отдѣльными. Земли, присоединенныя бухарестскимъ трактатомъ, состояли изъ слѣдующихъ трехъ частей. Первая была присоединена отъ Турціи; это такъ называемая «Райя», или христіанскія провинціи, управлявшіяся до того особыми пашами. Сюда входила большая часть Хотинскаго уѣзда, страна пограничная, гдѣ поляки вели постоянную войну съ турками и молдаванами за Буковину; туркамъ принадлежали затѣмъ города: Бендеры, Аккерманъ, Измаилъ, Рени, или Томарово. Отъ Турціи же непосредственно пріобрѣтена была южная часть Бессарабіи, извѣстная подъ именемъ «Буджака», или турецкой Бессарабіи. Уступленная нами въ 1856 году территорія составляла малую лишь часть этой площади. Буджакъ, т. е. нынѣшніе уѣзды: Измаильскій, Аккерманскій, Бендерскій и часть Кишиневского, были искони степью, обитатели которой до конца минувшаго столѣтія не измѣняли кочевому образу жизни. Наконецъ, собственно отъ молдаванскаго господарства были присоединены въ 1812 г. цинуты: Гречань, Кодру, Хаторничень, Орхей, Сорока и часть

Ясскаго цинута, т. е. нынѣшніе уѣзды Ясскій, Сорокскій, Оргѣевскій и большая часть Кишиневскаго до Троянова вала.

Буджакъ, по описанію очевидцевъ, до присоединенія его къ Россіи, представлялъ пустыню, въ которой не было ничего кромѣ травы и высокаго бурьяна; на степи паслись огромные табуны дикихъ коней буджакскихъ татаръ; обработанныхъ полей и колодцевъ было весьма мало и то только возлѣ рѣдкихъ поселковъ. Жителями этихъ степей являлись хищные звѣри и птицы, скрывавшіеся при появленіи человѣка. Человѣкъ былъ здѣсь временнымъ гостемъ, страшась долго оставаться въ такой пустынѣ.

Причина подобнаго запустѣнія лежала въ исторіи. Въ то время, когда сѣверная Бессарабія издревле была населена молдаванами, южная, лежавшая на пути движенія дикихъ ордъ, нѣсколько разъ измѣняла племенной составъ своего населенія. Лѣтописецъ Несторъ зналъ южную Бессарабію, населенную славянами: тиверцами и уличами; еще къ концу XII вѣка тутъ владѣли князья галицкіе, но половцы и затѣмъ монголы истребили славянское населеніе. Въ томъ же вѣкѣ по берегамъ моря, а также въ Бендерахъ и Сорокахъ основались генуэзцы. Образовавшіяся въ XIII и XIV вѣкахъ княжества валахское и молдавское начали все болѣе и болѣе распространять свое владычество на востокъ на счетъ половцевъ или тумановъ, но послѣдніе съ успѣхомъ отстаивали южную Бессарабію отъ румынъ до 1412 года. Только вмѣшательствомъ Венгріи и Польши эта страна временно и чисто номинально подпала подъ власть молдавскихъ и валахскихъ князей, но уже въ 1482 году, со взятіемъ Баязетомъ II Киліи и Аккермана, южная часть Бессарабіи сдѣлалась собственностью турокъ.

Во время этихъ войнъ южная Бессарабія совершенно запустѣла, и Солиманъ II въ 1569 году уступилъ древнюю родину уличей 30 тысячамъ ногайскихъ семействъ, выведеннымъ турками и татарами съ береговъ Волги, послѣ неудачныхъ попытокъ соединить эту рѣку съ Дономъ посредствомъ канала. Ногайцы неоднократно пытались освободиться отъ ига крымскихъ хановъ, которымъ они были уступлены турками. Все ногайское населеніе дѣлилось въ Буджакѣ на четыре кочевья: Эдиссанъ и Оранъ-оглу— занимавшіе нынѣшній аккерманскій уѣздъ, Орумбетъ-Оглу — въ бывшемъ Кагульскомъ уѣздѣ, и Измаилъ-Канесси по берегамъ Дунайскихъ гирлъ; поэтому и до сихъ поръ множество урочищъ южной Бессарабіи носятъ татарскія названія, румынскія же имена появились только въ самое послѣднее время.

Еще съ половины XVIII столѣтія ногайцы начали выселяться въ теперешнюю Таврическую губернію, а въ 1770 г. графъ Панинъ, по взятіи Бендеръ, перевелъ туда и на Кубань 12,000 душъ ногайцевъ. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, турки, вслѣдствіе недоразумѣній съ крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ, снова

овладѣли Буджакомъ и удержали его за собою до бухарестскаго мира. Сѣверною же частью Бессарабіи они владѣли непрерывно еще со временъ молдавскаго князя Богдана, сына Стефана Великаго, т. е. съ конца XV столѣтія.

Въ 1806 году, при началѣ турецкой войны императора Александра I-го, во всемъ Буджакѣ было уже не болѣе 5,000 татаръ, но стараніями герцога Ришелье, управлявшаго тогда Новороссійскимъ краемъ, и эти послѣдніе были выведены въ Крымъ. Южная часть Бессарабіи снова совершенно запустѣла, но за колонизацію ея дѣятельно взялось наше правительство. Въ 1807 году изъ задунайскихъ запорожцевъ, перешедшихъ въ подданство Россіи, было образовано Усть-Дунайское казачье войско и поселено въ южной части Прута. Съ 1809 года, въ надеждѣ, что Бессарабія перейдетъ подъ власть Россіи, Буджакскія степи населяются новыми переселенцами: болгарами, сербами и раскольниками-некрасовцами. Въ 1814 и 1815 годахъ переселены въ Буджакъ 1,500 семействъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ герцогства Варшавскаго. Въ 1816 и 1817 годахъ, а затѣмъ съ 1833 по 1842 годъ, образованы новыя колоніи нѣмецкихъ переселенцевъ, преимущественно изъ Виртемберга. Болгарскимъ и нѣмецкимъ колонистамъ было отдано въ Буджакѣ 800,000 десятинъ земли, а остальныя затѣмъ 900,000 десятинъ зачислены въ казну и жаловались разнымъ лицамъ за заслуги. Тутъ-то впервые появились въ Буджакѣ молдавскіе поселенцы изъ сѣверной Бессарабіи и частью изъ Молдавіи. Не мало шло также сюда и бѣглыхъ русскихъ и малороссіянъ, судя потому, что при одномъ губернаторѣ Федоровѣ было выслано изъ Бессарабіи въ Россію 35,000 бродягъ, а въ южной Бессарабіи оказались по переписи 6,000 малороссіянъ, никѣмъ не переселенныхъ. Послѣ войны 1828 — 1829 годовъ снова было поселено въ южной Бессарабіи болѣе 1,000 душъ некрасовцевъ и 3,000 семействъ болгаръ. Переселеніе болгаръ продолжалось потомъ до 1834 года. Между 1837 и 1843 годами изъ русскихъ переселенцевъ были образованы по Дунаю поселенія вольныхъ матросовъ. Города южной Бессарабіи, особенно Рени и Измаилъ, населялись греками, явившимися преимущественно въ 20-хъ годахъ изъ Архипелага, и болгарами. Послѣдніе образовали около Измаила торговый посадъ Тучковъ. Надобно замѣтить, что всѣ города перешли къ намъ отъ турокъ запустѣвшими и разоренными.

Таковы историческіе факты. Одинъ бѣглый взглядъ на нихъ показываетъ, имѣли ли румыны какое либо историческое право считать южную Бессарабію неотъемлемою частью своего отечества. Положительно можно сказать, что отъ древнѣйшихъ временъ до 1856 года румыны составляли самую незначительную и притомъ пришлую, а не коренную по численности часть мѣстнаго населенія, наравнѣ съ евреями, цыганами, армянами и съ второстепенными національностями разноплеменной Бессарабіи. Съ 1856 года об-

стоятельства, конечно, нѣсколько измѣнились. Значительная часть русскихъ и нѣкоторое количество болгаръ выселилось изъ южной Бессарабіи въ Россію, мѣста ихъ заняли румынскіе выходцы, затѣмъ образованіе изъ двухъ русскихъ уѣздовъ двухъ румынскихъ департаментовъ вызвало огромное переселеніе чиновниковъ. Во всякомъ случаѣ этотъ приливъ разныхъ проходимцевъ, продолжавшійся съ небольшимъ только двадцать лѣтъ, не давалъ румынамъ права одѣваться въ траурныя ризы и посыпать главу пепломъ, когда зашла рѣчь о потерѣ пріобрѣтенія, доставшагося имъ незаконно, случайно и безъ всякихъ съ ихъ стороны заслугъ или правъ.

Притязанія румынъ весьма мѣтко охарактеризовалъ прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Бюловъ фразою: «вотъ забавные союзники! *)».

Если бы мы, придерживаясь пріемовъ Наполеона III, пожелали устроить плебисцитъ, то и въ этомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что огромное большинство жителей южной Бессарабіи вотировало бы за возвращеніе къ Россіи. Высказывалось правда мнѣніе, что такъ какъ Румынія — государство конституціонное съ широкими, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, гарантіями личной свободы, то невѣроятно какъ-то предполагать въ какой либо части ея населенія сеперативныя стремленія. Но на это, не вступая даже въ разсмотрѣніе вопроса: дѣйствительно ли румынская конституція обезпечиваетъ какую либо свободу, кромѣ свободы пасквиля въ странѣ, гдѣ такъ мало грамотныхъ, можно возразить, что разноплеменный и чуждый по языку и интересамъ румынскому большинству составъ населенія южной Бессарабіи прямо уже указывалъ, что конституціонныя блага должны имѣть для послѣдняго чисто второстепенное значеніе. Свободныя рѣчи на непонятномъ языкѣ, сказанныя чужими людьми, имѣютъ вообще мало прелести, а когда изъ этихъ рѣчей вытекали законы, совершенно чуждые населенію, и налоги очень тяжелые, да въ придачу на потребности для народа излишнія, а особенно на содержаніе арміи румынскихъ чиновниковъ и продажныхъ судей, то очевидно, что болгары, нѣмцы, русскіе раскольники и др. осѣдлые жители южной Бессарабіи далеко не въ силахъ были оцѣнить различіе страны свободной отъ несвободной.

Александри, румынскій поэтъ, котораго румыны въ своемъ простодушіи считаютъ равнымъ Пушкину плюсъ Альфредъ де-Мюс-

*) Заграницею, однако, даже серьезные органы продолжаютъ повторять румынскій вздоръ. «L'intervention de la Roumanie, пишетъ П. Леруа Больe, dans cette guerre avait été décisive: sans l'appoint qu'apportèrent ses troupes, les Russes eussent peut-être été arrètés définitivement devant les fortifications de Plewna. Elle en fut pourtant assez mal récompensée и далѣе: la première de ces provinces (т. е. южная Бессарабія), située sur la rive gauche du Pruth et du bas Danube était fertile, bien cultivée et entièrement peuplée de Roumains» «(Economiste Français» 1896 № 29).

се,—хотя онъ сочинилъ только нѣсколько благозвучныхъ подражаній молдавскимъ народнымъ пѣснямъ, обратился къ князю Горчакову съ открытымъ письмомъ, гдѣ протестовалъ противъ обмѣна южной Бессарабіи на Добруджу. Въ Добруджѣ Александри видѣлъ только средство впутать Румынію въ славянскія дѣла. «Если бы Добруджа, говорилъ онъ, была въ десять разъ обширнѣе и богаче, то Румынія предпочла бы отъ нея отказаться, чтобы не перемѣщать своего національнаго центра дѣйствія и въ особенности чтобы своимъ согласіемъ не освящать системы территоріальныхъ присоединеній, которыя незамѣтно могутъ исключить Румынію изъ семейства латинскихъ народовъ.» Но это надобно замѣтить, что только языкъ свой румыны унаслѣдовали отъ римскихъ ссыльно-каторжныхъ, религію же и культуру они получили отъ Византіи и до конца 50-хъ годовъ азбука ихъ была славянская.

«Румынія, говорилось еще въ письмѣ, не забываетъ, чѣмъ она обязана Россіи, но 1812 г. оставилъ въ этихъ воспоминаніяхъ зачатки неудовольствія, которые не могутъ исчезнуть, такъ какъ тутъ затронуты жизненные вопросы румынскаго народа». Въ 1812 году, какъ извѣстно, Бессарабія была присоединена къ Россіи, и подобный намекъ показывалъ, что Александри заботился не столько о возвращеніи Россіи южной Бессарабіи, сколько объ отобраніи вообще отъ Россіей всей Бессарабіи. Та же мысль, и точно также неудачно замаскированная, проведена была въ циркулярной нотѣ, съ которою румынское правительство обратилось къ иностраннымъ державамъ, протестуя противъ предполагаемаго обмѣна Добруджи на клочокъ Бессарабіи.

Въ доказательство основательности недовѣрія румынъ къ Россіи, Александри привелъ изъ «Histoire du Consulat et de l'Empire» Тьера слѣдующій поучительный анекдотъ. На вѣнскомъ конгрессѣ императоръ Александръ I доказывалъ императору Францу I, что извѣстная и испытанная честность его характера служитъ лучшей гарантіей для австрійскаго народа.—«Такъ, такъ, замѣтилъ императоръ Францъ, великодушіе государей конечно гарантія, но хорошая граница во всякомъ случаѣ еще болѣе надежная гарантія».

Приводя этотъ отвѣтъ, румынскій Альфредъ де-Мюссе не подозрѣвалъ, что онъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ его же собственныхъ теорій. Если хорошая граница лучшая гарантія и благодушныхъ намѣреній государей и, прибавлю кстати, признательности народовъ, то безъ сомнѣнія только Дунай и Прутъ можно признать серьезною границею между Россіей и Румыніей, которая хотя сама по себѣ и ничтожна, но устами своего же поэта заявляетъ себя лишь аванпостомъ на Востокѣ латинской расы.

Жомини, подписавшійся «Русскимъ», мастерски обработалъ въ «Nord» сентиментальное посланіе румынскаго поэта и разоблачилъ нѣкоторыя темныя стороны дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ послѣдней войнѣ. Соображенія дипломата объ основной

точкѣ зрѣнія Александри не лишены значенія. А именно, послѣдній стоялъ на почвѣ національностей. Жомини не отрицалъ, что эта почва, въ предѣлахъ, конечно, благоразумія и возможности, должна служить основаніемъ политики, но удивлялся, почему принципъ національности законенъ для румынъ, а когда онъ ставится Россіей, то сейчасъ же обзывается «панславизмомъ» и встрѣчаетъ яростное сопротивленіе со стороны тѣхъ же румынъ.

Южная Бессарабія была отнята отъ Россіи не вслѣдствіе завоеванія, она не была даже театромъ военныхъ дѣйствій. Мысль о такомъ отнятіи явилась въ послѣднюю минуту переговоровъ въ головѣ австрійскаго уполномоченнаго, графа Буоля. Въ этой мысли не было и тѣни желанія вознаградить Румынію, еще не существовавшую, или даже Молдавію, не принимавшую участія въ крымской войнѣ, а единственно намѣреніе отстранить отъ Дуная Россію, которую почему-то подозрѣвали въ желаніи стѣснять свободное судоходство по этой рѣкѣ. Отнятый клочокъ земли былъ отданъ Молдавіи, какъ самой безобидной сосѣдкѣ, и такое рѣшеніе было именно причиной, почему Россія легко согласилась на уступку своей территоріи. Она привыкла видѣть въ Молдавіи собственное дѣтище и на расчлененіе Бессарабіи смотрѣла какъ на семейное дѣло.

Такимъ образомъ, потеря южной Бессарабіи была дѣломъ завистливой политики, имѣвшей цѣлью обезпечить навсегда существованіе Оттоманской имперіи. События 1877 г. доказали тщетность подобныхъ ожиданій, и всѣ мотивы, которые вызывали отнятіе у Россіи ея территоріи, потеряли всякій смыслъ и болѣе не существуютъ. Свобода судоходства по Дунаю стала международнымъ принципомъ, охраняемымъ великими державами. Мысль закрыть въ случаѣ войны доступъ Россіи къ Турціи нейтральной территоріей не осуществилась. Искусственныя преграды оказались призрачными, а система, изобрѣтенная для спасенія Турціи, ее-то и погубила, такъ какъ турки не могли не злоупотреблять оружіемъ, даннымъ имъ въ руки. Самый парижскій трактатъ, который задавался подобными цѣлями, былъ нарушенъ прежде всего Молдавіей, соединившейся съ Валахіей, вопреки трактату и дипломатическимъ протоколамъ. По парижскому трактату, какъ извѣстно, самое существованіе Румыніи вовсе не предполагалось. Парижскій конгрессъ установилъ только въ принципѣ соединеніе дунайскихъ княжествъ, пользовавшихся съ давнихъ временъ административною и отчасти политическою автономіей. Изъ этого соединенія вытекли совершенно новыя политическія комбинаціи: образовалось новое централизованное государство, совершенно почти самостоятельное, давшее себѣ новое названіе, два раза измѣнявшее конституцію, два раза избиравшее новую династію, создавшее національную армію, заключавшее займы, чеканившее монету, разославшее своихъ представителей и т. д. Правда, Турція по-

стоянно протестовала, но протесты ея становились все слабѣе и слабѣе, и Аарифи-паша довольно вѣрно замѣтилъ съ оттѣнкомъ мусульманскаго фатализма, что «человѣческая воля безсильна сдержать потокъ обстоятельствъ». Протестовала не одна Турція. Россія также не признавала, напримѣръ, права румынскаго правительства конфисковать монастырскія имущества, Австрія не хотѣла слышать о какой-то «Румыніи»; имя это возбуждало всегда затрудненія на разныхъ международныхъ собраніяхъ, конгрессахъ, выставкахъ; но мало-по-малу затрудненія уладились; набравшаяся подъ прикрытіемъ русской арміи храбрости, Румынія провозгласила въ 1877 г., опять-таки вопреки договору 1856 г., свою полную независимость.

Почему же изъ разорваннаго такимъ образомъ въ клочки парижскаго трактата должна была уцѣлѣть непремѣнно только та статья его, которая освящала незаконное отнятіе русской территоріи, и почему выгодами трактата пользовались бы именно тѣ, которые его первые нарушили? Если румыны, логически доказывалъ далѣе Жомини, желаютъ ссылаться на парижскій трактатъ, присоединившій часть Бессарабіи къ Молдавіи, то пусть прежде всего они возстановятъ эту Молдавію, уничтожатъ свое единство и изберутъ снова господарей, и пусть Порта, съ своей стороны, исполнитъ тѣ обязательства, которыя она приняла на себя по парижскому трактату.

Румыны ссылались еще на конвенцію, заключенную съ Россіей при вступленіи нашихъ войскъ, и на содѣйствіе румынской арміи противъ Плевны. Оба эти аргумента нельзя не признать не имѣющими никакого практическаго значенія. Румынія, прежде чѣмъ заключить съ нами конвенцію, обращалась тайно ко всѣмъ дворамъ съ просьбою гарантировать ея нейтралитетъ, т.-е., другими словами, брала на себя инииціативу образовать коалицію, съ цѣлью помѣшать Россіи воевать съ Турціей. Когда же Россія объявила, что будетъ считать Румынію воюющей державой, румыны вдругъ возгорѣлись желаніемъ содѣйствовать освобожденію восточныхъ христіанъ. Россія приняла это содѣйствіе и обязалась защищать неприкосновенность Румыніи, но въ военномъ, конечно, смыслѣ, а вовсе не гарантируя обладаніе страной, которую Россія всегда считала своею собственностью.

Вообще нейтрализацію Румыніи Жомини признавалъ справедливо—мечтою. По его мнѣнію, трактаты въ этомъ случаѣ совершенно безсильны, и если мы видимъ примѣръ такой нейтрализаціи на Бельгіи, то это единственно потому, что Англія рѣшилась разъ навсегда лучше вести войну, чѣмъ уступить какой-либо великой державѣ антверпенскій портъ. Если же полный нейтралитетъ Румыніи невозможенъ, то ссориться ей съ Россіей не приходится.

Румынія мало вняла совѣтамъ нашей дипломатіи, и послѣ новыхъ безплодныхъ протестовъ на берлинскомъ конгрессѣ осталась враждебной Россіи, особенно въ періодъ до конца 1887 г.,

когда Иванъ Братіано, стоявшій во главѣ управленія съ 1875 г., пользовался полнымъ могуществомъ вмѣстѣ съ своими сторонниками либералами, консервативная же оппозиція практически перестала принимать дѣятельное участіе въ управленіи государственными дѣлами. Только выборы въ февралѣ 1888 г. нѣсколько исправили положеніе оппозиціи, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ министерство Братіано подало въ отставку, уступивъ мѣсто министерству Ѳедора Росетти, выдающагося члена «юнимистовъ» или младо-консерваторовъ. Результатомъ общихъ выборовъ, происходившихъ въ октябрѣ 1888 г., было еще большее усиленіе юнимистской партіи, которая насчитывала въ числѣ своихъ сторонниковъ либеральныхъ консерваторовъ и независимыхъ либераловъ.

Какова была внутренняя политика за время управленія Братіано можно судить по вышедшей въ Бухарестѣ брошюрѣ князя Георгія Бибеско, извѣстнаго сотрудника «Nouvelle Revue». Изданная въ столицѣ Румыніи, брошюра эта, если и заключаетъ нѣкоторыя преувеличенія, то едва ли судъ могъ бы оставить безнаказанными содержащіяся въ ней обвиненія; очевидно, послѣднія имѣли фактическія основанія, и автора не рѣшились преслѣдовать судомъ.

Бибеско обращается къ королю Карлу Гогенцолернскому, который на просьбу оппозиціи два раза лично обѣщалъ гарантировать свободу выборовъ. Не смотря на это обѣщаніе, довольно оригинальное въ странѣ, претендующей на обладаніе либеральнѣйшей конституціей, черезъ нѣсколько же дней Николай Кречулеско, бывшій у насъ румынскимъ посланникомъ, заявилъ въ газетахъ, что въ Кантулунгѣ, гдѣ онъ явился на сенаторскіе выборы, никто не смѣлъ подать за него голосъ. Кречулеско обвинялся-де въ руссофильствѣ! Избиратели со слезами на глазахъ заявляли ему, что не смѣютъ подавать голосовъ, ибо, не смотря на тайну выборовъ, полиція провѣряетъ выборные бюллетени и затѣмъ жестоко преслѣдуетъ виновныхъ.

Руссофильство — дѣйствительно ужасное преступленіе въ глазахъ румынъ, особенно если вспомнить, что для освобожденія Румыніи отъ турецкаго ига русскій народъ проливалъ свою кровь въ 1711, 1738—39, 1769—74, 1788—91, 1806—12, 1828—29, 1853 — 56 и 1877—78 годахъ. Сколько храбрыхъ солдатъ сложили свои головы на поляхъ Румыніи, сколько поумирало ихъ тамъ въ госпиталяхъ, сколько денегъ было издержано при этомъ въ Румыніи — и счесть трудно. Все это, какъ оказывается, было необходимо только для дарованія румынскому православному народу нѣмецкаго правителя и псевдо-конституціи.

Эта конституціонная комедія двѣнадцать лѣтъ разыгрывалась одною и тою же труппою Братіано. Князь Бибеско дѣлаетъ очень поучительный обзоръ главнѣйшихъ фигурантовъ этой труппы.

Иванъ Братiано, первый министръ, началъ весьма скромно съ заключенiя въ тюрьмѣ въ Парижѣ въ 1853 году за покушенiе на жизнь императора Наполеона III. Срокъ заключенiя былъ сокращенъ, такъ какъ, по увѣренiю Ранка, Братiано выдалъ своихъ друзей. Въ 1866 году Братiано участвовалъ въ заговорѣ противъ князя Кузы, окончившемся переворотомъ, а, находясь въ оппозицiи, два раза принималъ участiе въ заговорахъ: въ 1870 году (бунтъ въ Плоешти) и въ 1875 году (заговоръ Мазаръ-паши). Этотъ радикализмъ не помѣшалъ покойному нынѣ Братiано участвовать въ желѣзнодорожныхъ дѣлахъ. Такъ, вопреки энергическому сопротивленiю консервативной партiи, руководимой Ласкаромъ Катаржи, онъ отдалъ знаменитому Струсбергу постройку румынскихъ желѣзныхъ дорогъ за 120 миллiоновъ франковъ дороже, чѣмъ предлагала построить ихъ французская компанiя, и, наоборотъ, заплатилъ за выкупъ тѣхъ же дорогъ въ казну 237 миллiоновъ франковъ, когда могъ заплатить лишь 71 миллiонъ франковъ. «Figaro» весьма непочтительно назвалъ Братiано: un bandit international. Нѣтъ сомнѣнiя, что его политикѣ Румынiя обязана тѣмъ, что потеряла покровительство Россiи и бросилась въ объятiя Австро-Венгрiи, а затѣмъ стала унижаться передъ Германiей добиваясь чести вступить въ тройственный союзъ. Братiано нарушилъ также конституцiю, заставивъ палату, ночью, почти внезапно, вопреки 96 статьѣ статута, назначить королю удѣльныя имѣнiя.

Одинъ изъ помощниковъ Братiано, военный министръ Ангелеску, попалъ-таки подъ судъ. О немъ Братiано заявилъ въ палатѣ, что зналъ, что въ военномъ министерствѣ воруютъ, но «предпочиталъ лучше упустить одного виновнаго, нежели обезчестить армiю». Недурная теорiя, открывающая для казнокрадовъ весьма широкiе горизонты. Не лучше и другiе помощники.

Дмитрiй Стурдза, министръ народнаго просвѣщенiя и духовныхъ дѣлъ, до назначенiя министромъ прославился грязными, анонимными памфлетами противъ короля: «L'Espion prussien» и «L'Allemagne, le Roymanie et le prince Charles». Правда, тогда Стурдза былъ бѣденъ; ставъ министромъ, онъ разбогатѣлъ и сдѣлался директоромъ всѣхъ выгодныхъ компанiй; надобно замѣтить, что и бюджетъ расходовъ Румынiи удвоился во время либеральнаго министерства. Прежде Стурдза былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и на этомъ посту отличился особымъ пресмыкательствомъ передъ Австро-Венгрiей. Когда Стурдза временно занималъ должность перваго министра, печать обличила, что его агенты пытали въ Бордени крестьянъ. Слѣдствiе подтвердило это обвиненiе. Пытка, по словамъ князя Бибеско, въ большомъ уваженiи у румынскихъ либераловъ.

Министръ юстицiи, Евгенiй Статеско, представитель истинно румынскаго правосудiя. Въ палатѣ онъ постоянно угрожалъ поставить своихъ политическихъ противниковъ «внѣ закона». Суды не-

рѣдко отказывались постановлять приговоры по возбужденнымъ Статеско съ политическою цѣлью дѣламъ и этотъ оригинальный министръ юстиціи заявилъ въ 1887 году въ палатѣ, что онъ «принимаетъ иногда участіе въ подсудимыхъ, достойныхъ симпатіи, и хлопочетъ за нихъ у судей»!

Самый замѣчательный, однако, типъ государственнаго человѣка я оставляю pour la bonne bouche. Это министръ внутреннихъ дѣлъ Раду Михаи, извѣстный хорошо русскимъ, такъ какъ онъ былъ префектомъ полиціи въ Бухарестѣ во время войны. Во время выборовъ, какъ доказали судебные процессы, Раду Михаи нанималъ агентовъ-палочниковъ, обѣщавъ имъ въ день по 5 франковъ, но выдалъ по 3. Слѣдующая сцена, взятая цѣликомъ изъ парламентскихъ протоколовъ, характеризуетъ вышеозначеннаго румынскаго дѣятеля.

Войновъ, бывшій министръ въ кабинетѣ Братіано, заявлявшій уже въ 1883 г. въ сенатѣ, что въ Румыніи: «министры воруютъ, губернаторы воруютъ, всѣ воруютъ», вновь повторилъ обвиненіе, что «въ администраціи поголовно воруютъ». Онъ прибавилъ при этомъ: «когда я вижу, что люди, не имѣвшіе десять лѣтъ назадъ сапоговъ, имѣютъ теперь по двѣнадцати тысячъ золотыхъ въ годъ дохода, я говорю имъ: вы также воры!» На это Раду Михаи спросилъ: «Не обо мнѣ ли вы это говорите?» Войновъ предложилъ назвать имена. Министръ, сконфузившись, замѣтилъ, что «не его дѣло давать ему разрѣшеніе, что Войновъ злоупотребляетъ трибуной и что онъ требуетъ прекращенія преній». Министерское большинство поспѣшило вотировать прекращеніе и министръ уѣхалъ изъ засѣданія. Еще лучше исторія, сообщенная въ публичной рѣчи извѣстнымъ дѣятелемъ оппозиціи Градичеану, на основаніи письма капитана Вареска. Капитанъ пишетъ, что у него украли часы и что онъ нашелъ ихъ потомъ у префекта полиціи, нынѣ министра Раду Михаи. Префектъ, однако, часовъ не отдалъ, а промѣнялъ ихъ въ дежурной комнатѣ во дворцѣ на хронометръ у Когальничану, бывшаго перваго министра. Хорошенькіе, нечего сказать, порядки у румынъ въ ихъ столицѣ, имя которой по-румынски значитъ между тѣмъ «городъ радостей»!

Честная часть румынскаго общества возмутилась, наконецъ, и почти силою избавила страну отъ управленія Братіано, предательски отдававшаго священнѣйшіе интересы этой православной страны въ руки австрійцевъ и искавшаго съ лакейскимъ усердіемъ поощренія въ передней у князя Бисмарка. Направленіе юнимистскаго (отъ Junea drepta—молодая правая) министерства Розетти-Карпа было весьма неопредѣленное и для Россіи, конечно, было болѣе пріятно увидѣть во главѣ управленія людей въ родѣ Ласкара Катаржи, Лаговари, Вернеско и другихъ корифеевъ консервативной партіи.

Юнимистское министерство держалось также «германской политики», оно выгнало изъ Румыніи русскихъ офеней, подъ предлогомъ,

что они шпіоны и революціонные агенты! Само же министерство подъ словомъ «германская политика» разумѣло будто бы «политику, стремящуюся къ внутреннему улучшенію страны». Почему такая политика называется «германскою» — понять трудно. По ней выйдетъ, что и Франція, заботящаяся не менѣе Румыніи о своемъ внутреннемъ улучшеніи и безопасности, также слѣдуетъ германской политикѣ—абсурдъ очевидный. Ключъ къ его нѣкоторому уразумѣнію заключается въ рѣчи Братіано, сказанной въ отвѣтъ на запросъ Бларамберга. Рѣчь эта была лебединою пѣснью павшаго перваго министра. Краснорѣчіе Братіано явилось въ формѣ ораторскаго упражненія на тему, что для маленькаго государства опасно-де связывать свою политику съ политикою большого государства, а лучше держаться независимо, потому что въ случаѣ войны большія государства имѣютъ обыкновеніе жертвовать интересами маленькихъ государствъ и даже живиться на ихъ счетъ. Подъ большими государствами Братіано не только разумѣлъ, но и прямо называлъ ихъ—Россію, Австро-Венгрію и Турцію. Такимъ образомъ, только Германія, какъ государство нейтральное, могла-де оказывать Румыніи вполнѣ безкорыстное содѣйствіе. То, что румыны были вѣка или за турокъ или за австрійцевъ, или за русскихъ, Братіано называлъ «несчастіемъ для Румыніи». Вообще, вся рѣчь Братіано дышала глубокою ненавистью къ Россіи, а отчасти и недоброжелательствомъ къ Франціи. Старый революціонеръ 1848 года и подпольный журналистъ временъ второй имперіи сказался въ ней. Видно, что Братіано не забылъ ни своего бѣгства изъ Бухареста передъ русскими войсками въ сентябрѣ 1848 года, ни трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ по приговору парижскаго tribunal correctionnel.

Братіано разсказывалъ, н примѣръ, какъ фактъ, что когда Киселевъ оставлялъ управленіе дунайскими княжествами, то разослалъ во всѣ округа комисіи для уплаты поселянамъ убытковъ, понесенныхъ отъ воровства русскихъ чиновниковъ; посылка вызвана была будто бы общими жалобами сельскаго населенія. Братіано сообщалъ далѣе съ негодованіемъ, что Гамбетта утверждалъ, будто Франція не имѣетъ интересовъ на Дунаѣ, причемъ присутствующій при разговорѣ французскій генералъ прибавилъ, что Франція смѣло можетъ предоставить Константинополь русскимъ. Братіано привелъ это какъ фактъ непониманія французами ихъ собственныхъ интересовъ и объявилъ, что онъ отвѣтилъ Гамбеттѣ фразой: «Не постигаю, что можетъ выиграть Франція отъ занятія русскими Константинополя». Самое же любопытное сообщеніе Братіано сдѣлалъ о договорѣ, заключенномъ Румыніей съ Россіей передъ послѣдней восточной войною. Онъ сдѣлалъ его, какъ выразился, для доказательства того, что «большія державы не бѣгаютъ за маленькими для заключенія договоровъ». Истина, едва ли требовавшая доказательствъ.

«Когда я былъ въ Ливадіи, разсказывалъ Братіано, мнѣ заявили, что русская армія должна пройти черезъ Румынію, на что я отвѣчалъ: Конечно, но только тогда, когда мы заключимъ объ этомъ договоръ. Князь Горчаковъ, услыша это, посмотрѣлъ на меня съ великимъ изумленіемъ и сказалъ: Договоръ? Да вы-то кто? Я отвѣчалъ на это, что мы хотя маленькая нація, но вынуждены будемъ сопротивляться, если съ нами не заключать договора.—Если вы будете сопротивляться, сказалъ Горчаковъ, мы васъ раздавимъ.— Конечно, отвѣчалъ Братіано, вы сильная держава, вы можете насъ раздавить, но вы получите тогда къ намъ уваженіе (?!); вѣрнѣе, однако, что вы насъ не раздавите, потому что не пожелаете, идя освобождать одинъ христіанскій народъ, пройти по дорогѣ по трупамъ другой христіанской націи. Присутствовавшій при разговорѣ графъ Игнатьевъ вмѣшался тогда и сказалъ: Нѣтъ, г. Братіано, князь Горчаковъ немного погорячился; естественно и несомнѣнно, что мы заключимъ договоръ»...

Передавая этотъ разговоръ и сообщивъ, что князь Бисмаркъ заявилъ ему, что если Румынія желаетъ войны, то должна обращаться не къ Германіи и Австро-Венгріи, Братіано прибавилъ, очевидно по адресу Россіи: «Всякій, кто захочетъ войти въ Румынію безъ нашей воли, встрѣтитъ насъ передъ собою; мы съумѣемъ сопротивляться и прольемъ нашу кровь до послѣдней капли для защиты отечества».

Эта угроза, въ виду того, что Россія и не думала никогда искать войны съ Румыніей и проливать румынскую кровь, только смѣшна. Не забавны, а возмутительны остальныя мѣста рѣчи Братіано.

Одно мѣсто — это которое касается изображенія управленія Киселева въ видѣ эксплоатаціи Румыніи шайкою воровъ; другое— подробности заключенія Ливадійскаго договора. Стоитъ ли останавливаться и надъ первымъ обвиненіемъ? Какъ будто бы неизвѣстно, о чемъ я уже говорилъ, что въ 1829 году первыя основы общежитія и гражданственности — обезпеченіе личности и собственности, можно сказать, не существовали въ Дунайскихъ княжествахъ. Преступниковъ не только не преслѣдовали, но полиція тайно имъ покровительствовала, участвуя съ злодѣями въ дѣлежѣ награбленнаго и накраденнаго. Единственною цѣлью эфемернаго правительства фанаріотовъ было безстыдное хищничество, единственною опорою—рабское униженіе передъ султаномъ, единственною движущею силою — безпримѣрная продажность. А что Киселевымъ и его сотрудниками было кое-что сдѣлано, видно изъ того, что еще въ 1842 году, т. е. восемь лѣтъ спустя по отъѣздѣ Киселева изъ княжествъ, валахское собраніе вотировало воздвигнуть ему памятникъ. Киселевъ отказался и дурно сдѣлалъ, ибо этотъ монументъ на площади въ Бухарестѣ, конечно, служилъ бы лучшимъ опроверженіемъ клеветъ, подобныхъ тѣмъ, которыя произносилъ въ своей рѣчи Братіано.

Разоблаченіе разговора въ Ливадіи служитъ только къ укрѣпленію доброй репутаціи князя Горчакова, какъ дипломата, нѣсколько пострадавшей отъ разоблаченій послѣдняго времени. Заключить какой-либо договоръ съ Румыніей было величайшею съ нашей стороны ошибкою, за которую мы дорого поплатились во время войны. Румынія была тогда вассаломъ Турціи и мы имѣли полное и законное право на время войны взять ея администрацію и желѣзныя дороги въ свои руки, пріостановить дѣйствіе конституціи и установить военную диктатуру. Мы же просто унижались передъ румынами, запретили по договору, заключенному кн. Кантакузеномъ, войскамъ переходить черезъ Бухарестъ, переплачивали за все вдесятеро и заставляли нашихъ начальниковъ даже самыхъ высшихъ терпѣть дерзости румынскихъ чиновниковъ. Особенно бѣдствовали наши госпитали. За табакъ, который «Красный Крестъ» провозилъ для раненыхъ въ Болгарію, румынская табачная монополія потребовала 1.700,000 левъ штрафу. Нашъ посланникъ, о которомъ уполномоченный «Краснаго Креста» доносилъ, что «qu'il fait tout ce qu'il peut mais il peut si peu» отказался спорить съ румынами. Пришлось обратиться къ помощи германской императрицѣ Августы, по просьбѣ которой штрафъ былъ снятъ. «Великое изумленіе» на лицѣ князя Горчакова при наглыхъ словахъ Братіано весьма понятно. Россія, создавшая своею кровью Румынію, благодѣтельствовавшая ее безъ конца, шла проливать кровь за ея окончательное освобожденіе, и вдругъ представитель этого самаго народа, почитавшагося нами дружественнымъ, начинаетъ, очевидно подстроенный Австро-Венгріей, торговаться позорнѣйшимъ образомъ, надѣясь сорвать что-нибудь съ Россіи еще до войны.

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторое просвѣтленіе въ головахъ румынскихъ политиковъ теперь началось. Министерство Карпа, сравнительно съ управленіемъ Братіано, представляло уже прогрессъ; здравый смыслъ бралъ мало-помалу верхъ и румынское общество, испорченное ложнымъ воспитаніемъ, начало понимать наконецъ, кто его истинные друзья и кто враги.

Смѣнившее еще въ 1890 г. юнимистовъ и многократно распадавшееся и преобразовавшееся консервативное министерство отдало подъ судъ Братіано и сдѣлало нѣсколько полезныхъ реформъ для крестьянскаго сословія. Министерство было къ сожалѣнію очень непрочно отъ интригъ, происходившихъ въ средѣ самой партіи, распадавшейся на боярскую или старо-консервативную Катаржи и ново-консервативную Вернеско, Мано, Лаговари. Юнимисты также преобразовались въ конституціонную партію, а въ оппозицію кромѣ націоналъ-либераловъ, либераловъ-диссидентовъ (Дмитрія Братіано) и соціалистовъ прибавилась, ничтожная впрочемъ по значенію, партія, желающая, вопреки неудачному опыту съ княземъ Кузою, имѣть государя изъ румынъ. Консерваторы хотя

и поддерживали съ Россіей корректныя отношенія, но въ тайнѣ все-таки, особенно подъ вліяніемъ короля и наслѣднаго принца, тянули къ Германіи и Австро-Венгріи. Министры иностранныхъ дѣлъ заявляли, что существованіе тройственнаго союза «утѣшительно» и что Румынія будетъ защищаться противъ нападенія откуда бы оно ни шло. При этомъ подымался вновь вопросъ и о полной нейтрализаціи Румыніи подъ гарантіей великихъ державъ. Консерваторы укрѣпили Бухарестъ очевидно противъ Россіи. Они интриговали также въ Болгаріи, когда эта страна была намъ враждебна. У короля Карла явилась даже мысль предложить Стамбулову, управлявшему Болгаріей диктаторски, личное соединеніе Болгаріи съ Румыніей въ лицѣ гогенцолернской династіи. Это избавляло бы, по его мнѣнію, Румынію отъ возможности русскихъ «тисковъ» съ двухъ сторонъ, чего румыны особенно боятся, почему постоянно и обращаются къ тройственному союзу.

Императоръ Францъ-Іосифъ ѣздилъ даже въ 1896 г. въ Бухарестъ, рискуя подвергнуться оскорбленію румынскихъ радикаловъ-иррендентистовъ, мечтающихъ о присоединеніи Трансильваніи и Буковины и учредившихъ, по почину депутата Когальничано, сенатора Марзеско и др., «Лигу единства румынскаго образованія» считающую членовъ десятками тысячъ. Такъ какъ за этой поѣздкой послѣдовалъ пріѣздъ сербскаго короля, то наши заграничные друзья стали представлять Румынію какъ бы центромъ нарождающейся на берегахъ Дуная коалиціи второстепенныхъ державъ, враждебной Россіи и расположенной дѣйствовать заодно съ тройственнымъ союзомъ. Однако время, когда дипломатія тройственнаго союза могла придавать большую цѣну присоединенію Румыніи—миновало, вслѣдствіе оборота политическихъ обстоятельствъ, приведшихъ къ тѣсному сближенію между Россіей и Франціей При нынѣшнихъ условіяхъ Румыніи лучше всего жить въ дружескихъ отношеніяхъ съ нами. Восточныя событія, какой бы оборотъ они ни приняли, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ не могутъ возродить обстановку, при которой Россіи пришлось вступиться въ 1877 г. за балканскихъ христіанъ. Для Австро-Венгріи, еслибъ она вздумала противодѣйствовать Россіи въ Турціи, помощь Румыніи большой пользы принести не можетъ, поэтому всякая коалиція балканскихъ государствъ оказалась бы излишнею и повела бы развѣ только къ тому, что Россіи пришлось бы принять надлежащія мѣры съ цѣлью уничтожить разъ навсегда возможность повторенія подобныхъ коалицій.

Поэтому къ измѣненію нашихъ отношеній едва ли можетъ послужить то, что недавно министерство Ауреліано заняло мѣсто либеральнаго кабинета Дмитрія Стурдзы. Кризисъ произошелъ изъ-за низложенія и заключенія въ монастырь румынскаго митрополита Геннадія. Это тоже любопытный образчикъ румынскаго государственнаго дѣятеля: синодъ обвинялъ его въ присвоеніи чу-

жихъ денегъ, даже пожертвованій на благотворительныя цѣли, и въ продажѣ священныхъ предметовъ. Не имѣя ранѣе ни гроша, митрополитъ вдругъ очутился богатымъ человѣкомъ. Митрополитъ въ оправданіе ссылался на какія-то постановленія карѳагенскаго собора. Ссылки эти не помогли, но рѣзкіе протесты консервативной партіи заставили министерство выйти въ отставку, а новое освободило митрополита fin de siècle.

Князь Григорій Стурдза является въ Румыніи однимъ изъ немногихъ сторонниковъ тѣснаго союза съ Россіей. Большая же часть румынскихъ государственныхъ дѣятелей, начиная съ Димитрія Стурдзы и кончая Павломъ Карпомъ, Александромъ Лаговари и Таки Іонеску, не перестаютъ твердить, что Румынія должна служить «желѣзными воротами», закрывающими Россіи доступъ къ Константинополю. По случаю обсужденія отвѣтнаго адреса на послѣднюю тронную рѣчь, Гр. Стурдза произнесъ въ палатѣ депутатовъ рѣчь, гдѣ доказывалъ, что единственною благоразумною для Румыніи политикою является искренняя связь съ Россіей и конфедерація всѣхъ балканскихъ народовъ, не исключая Греціи и Румыніи, подъ эгидою Россіи. Политика, основанная на союзѣ съ Австро-Венгріей, чревата, напротивъ, серьезными опасностями въ случаѣ войны. Державы въ концѣ концовъ придутъ, быть можетъ, къ соглашенію подѣлить между собою королевство: Россія возьметъ Молдавію, а на долю Австро-Венгріи достанется Валахія или Австро-Венгрія будетъ почему либо принесена въ жертву своею союзницею—Германіею. Поэтому было бы искусною политикою обращать взоры не на Вѣну и Буда-Пештъ, въ особенности не на Буда-Пештъ, гдѣ угнетаютъ трансильванскихъ румынъ, а на Петербургъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Стоицеско заявилъ по этому поводу, что отношенія между Румыніей и Россіей превосходны, и что Стурдза забываетъ національное положеніе Румыніи, которая въ качествѣ выдающагося орудія мира и цивилизаціи (?!?) на Востокѣ должна поддерживать наилучшія отношенія не съ одной только, а со всѣми державами Европы. Въ заключеніе министръ упомянулъ о «великодушныхъ (sic) дѣяніяхъ султана въ пользу живущихъ въ Турціи румынъ». Рѣчь эта сопровождалась горячими одобреніями большинства палаты, которое, наоборотъ, встрѣтило рѣчь Стурдзы шумными протестами. Одинъ изъ депутатовъ прервалъ даже оратора замѣчаніемъ: «то, что вы говорите, было бы умѣстно въ Россіи, но никакъ не въ румынскомъ парламентѣ»! Этакое, подумаешь святилище.

Румынія оригинальнымъ образомъ соединяетъ внѣшній парижскій лоскъ высшаго общества съ первобытнымъ состояніемъ массы; потому первое довольствовалось только иностранными произведеніями, а послѣдняя сама снабжала себя неприхотливыми произведеніями, доступными ей по низкому уровню цивилизаціи. При та-

кихъ условіяхъ не было мѣста серьезной промышленности; но желаніе при помощи таможенныхъ пошлинъ укрѣплять и развивать свою промышленность и, главнымъ образомъ, содѣйствовать равновѣсію между отпускомъ и привозомъ для созданія того баланса, который недавно еще вовсе отрицали экономисты, какъ пустой, средневѣковой предразсудокъ, охватило теперь и такія страны, которыя нельзя было никогда заподозрить въ стремленіи къ протекціонизму. Наиболѣе впечатлѣнія произвела въ этомъ случаѣ измѣна Румыніи. Когда Францiя обложила привозъ хлѣба пошлиною, а Австро-Венгрія стѣснила привозъ къ себѣ скота, Румынія, страна земледѣльческая, нуждающаяся въ рынкахъ для своихъ произведеній и угнетенная конкурренціей Остъ-Индіи и Соединенныхъ Штатовъ, ни мало не испугалась такихъ угрозъ. Она выработала таможенный тарифъ, совершенно не заботясь о томъ, какъ посмотрятъ на него сосѣди венгерцы и даже французы, которыхъ въ другихъ отношеніяхъ румыны боготворятъ, и ввела этотъ тарифъ въ дѣйствіе. Засимъ румынскія палаты, для возстановленія равновѣсія въ торговомъ балансѣ страны, отпускъ которой былъ парализованъ, приняли резолюцію, уполномочивающую правительство повысить таможенный тарифъ на 50% и лишить нѣкоторыя государства привилегій, которыя они имѣли по пользованію пониженными пошлинами. Подобное благоразумное рѣшеніе привело просто въ умоизступленіе экономистовъ, считавшихъ, что Румынія должна вѣчно оставаться дойною коровою западноевропейскихъ фабрикантовъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что иностранные капиталисты не рѣшаются строить въ Румыніи фабрикъ изъ опасенія, что правительство можетъ отступить отъ системы автономнаго таможеннаго тарифа и тогда мѣстное производство окажется не въ состояніи конкуррировать съ ввозимыми изъ европейскихъ фабрично-промышленныхъ центровъ товарами.

Въ Румыніи, особенно въ менѣе богатой Молдавіи, владѣльцы имѣній, за весьма рѣдкими исключеніями, сами хозяйствомъ не занимались и сдавали ихъ въ аренду «посессорамъ» (преимущественно евреямъ), досуги же свои посвящали политикѣ, картамъ и волокитству. Достигшее къ концу 1894 года высшихъ предѣловъ паденіе цѣнъ на земледѣльческія произведенія повліяло кореннымъ образомъ и на весь сельско-хозяйственный строй Румыніи. Не говоря уже о неплатежѣ посессорами арендной платы, большинство послѣднихъ совершенно отказалось отъ дальнѣйшаго арендованія, не смотря на предлагаемое владѣльцами имѣній уменьшеніе договорной цѣны. Землевладѣльцы вынуждены либо сами вести хозяйство, на что у нихъ нѣтъ ни опыта, ни денежныхъ средствъ, либо отдавать землю мелкими участками крестьянамъ. Само государство также понесло въ этомъ отношеніи непосредственные убытки; между тѣмъ, со времени установленія на австрійской и на венгерской границахъ суровыхъ санитарныхъ мѣръ, подъ предло-

гомъ охраны отъ заноса эпизоотіи, но, главнымъ образомъ, для устраненія конкурренціи венгерскому скотоводству, и эта отрасль сельскаго хозяйства сократилась, не смотря на заключенный румынскимъ правительствомъ съ Австро-Венгріей въ 1894 году спеціальный договоръ, на который возлагались большія надежды. Финансы Румыніи, несмотря на такое положеніе, въ порядкѣ; за 25 лѣтъ дефицитъ былъ въ ней только четыре раза. Это объясняется болѣе богатствомъ почвы, чѣмъ хозяйственностью управленія.

Съ Россіей Румынія заключила въ 1886 г. новый торговый договоръ, весьма для насъ не выгодный и сильно стѣснившій сбытъ русскихъ товаровъ въ эту страну, и безъ того не очень значительный. Договоръ требуетъ пересмотра.

XVIII. ГРЕЦІЯ.

Еще Цицеронъ въ одной изъ рѣчей, дѣлая весьма любопытную характеристику грековъ и называя ихъ легкомысленнѣйшимъ народомъ, прибавилъ «что же касается добросовѣстности и святости присяги, то этотъ народъ въ нихъ ничего не понимаетъ». Ту же мысль проводитъ нашъ лѣтописецъ Несторъ, говоря: «суть бо греци льстиви отъ древнихъ временъ», а Торквато Тассо въ безсмертныхъ терцинахъ повторяетъ: La fedi greca a chi non è palese. Къ сожалѣнію, эта нравственная увертливость сохранилась до сихъ поръ съ примѣсью «независимости сердца». Въ той рѣчи, которую король Георгъ прочелъ въ день двадцатипяти-лѣтняго своего царствованія, онъ, очевидно, повторяя написанное ему министерствомъ и, не обращая вниманія ни на родственныя связи, ни на получаемую отъ нашего правительства по договору дотацію въ 4,000 фунт. стер., ни однимъ словомъ не обмолвился о Россіи. Между тѣмъ Греческое королевство, какъ государство, есть русское созданіе— послѣдствіе извѣстнаго «греческаго проекта» Екатерины II.

Народъ греческій разбросанъ по разнымъ частямъ Европы, Азіи и Африки, отъ Сициліи до устьевъ Дона, въ количествѣ четырехъ милліоновъ, собрать его воедино нѣтъ никакой возможности и такъ называемая «великая греческая идея» есть мечта, противорѣчащая исторіи и географіи, вотъ почему Греческое королевство, успѣхами русскаго оружія и русской дипломатіи создалось въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ. Оно имѣло задачею ослабленіе Турціи и въ этомъ смыслѣ достигло цѣли.

Прочное начало освобожденія Греческаго королевства было положено сраженіемъ въ Наваринской бухтѣ 8 октября 1827 г., гдѣ три соединенные флота: русскій, англійскій и французскій, подъ командою адмираловъ графа Гейдена, Кодрингтона и де-Риньи,

уничтожили турецко-египетскій флотъ, подъ начальствомъ Ибрагима-паши. Греки передъ тѣмъ уже шесть лѣтъ тщетно боролись за свою независимость. Эта борьба возбудила симпатіи всего образованнаго европейскаго общества, которое въ тягостномъ положеніи тогдашней политической реакціи радовалось, что хотя одинъ народъ въ Европѣ ищетъ свободы. Во Франціи, хотя дружба съ Турціей велась еще съ начала XVI столѣтія, всѣ органы печати съ энтузіазмомъ высказывались за грековъ. Даже общественное мнѣніе и журналистика въ Англіи, вопреки традиціоннымъ предубѣжденіямъ, настойчиво требовали немедленнаго окончанія восточныхъ замѣшательствъ и грозили, что въ случаѣ нужды Англія одна объявитъ Турціи войну въ защиту грековъ. При такихъ обстоятельствахъ Англія, Россія и Франція, по предложенію послѣдней, но очевидно подъ вліяніемъ нашей дипломатіи, составили конференцію въ Лондонѣ, результатомъ которой явился договоръ 1827 года; тайныя статьи его гласили, что греки будутъ признаны воюющей стороной и затѣмъ имъ и Турціи будетъ предложено заключить перемиріе, непринятіе котораго побудитъ три кабинета прибѣгнуть тогда для успокоенія Востока къ сообразнымъ съ обстоятельствами мѣрамъ.

Диванъ принялъ нотификацію этого договора съ обычнымъ для турокъ высокомѣріемъ.—«Чего вы боитесь за насъ? сказалъ рейсъ-эфенди (министръ-иностранныхъ дѣлъ) Пертевъ-эфенди, одному изъ нѣмецкихъ пословъ. Мы сами не имѣемъ никакого страха и будемъ защищаться до послѣдней капли крови». Эта гордая самоувѣренность овладѣла и всѣмъ народомъ. На бѣду Турціи войска ея имѣли какъ разъ въ это время временный успѣхъ въ Греціи. Поэтому коллективная нота, назначавшая туркамъ 15-ти дневный срокъ для размышленія, осталась безъ отвѣта и Пертевъ на вторичное напоминаніе о ней сухо отвѣчалъ, что онъ даже не читалъ ноты, услышавъ, что она касается внутренняго для Порты греческаго вопроса.

Державы все еще медлили разрывомъ, когда пришло неожиданное извѣстіе, что огромный турецко-египетскій флотъ отправленъ съ дессантомъ въ 25,000 человѣкъ въ Морею. Согласно полученнымъ инструкціямъ, командиры союзныхъ эскадръ потребовали отъ Ибрагима-паши, не предпринимать ничего до времени. Паша было согласился, но когда въ нарушеніе даннаго обѣщанія произвелъ высадку и обнародовалъ безчеловѣчную прокламацію, угрожавшую возставшимъ грекамъ разрушеніемъ домовъ, уничтоженіемъ оливковыхъ плантацій и избіеніемъ мужчинъ, то соединенные флоты трехъ державъ вторглись въ Наваринскую гавань.

Изъ всѣхъ морскихъ битвъ новѣйшаго времени ни одна не признавалась столь блистательною и не имѣла такого громкаго отголоска, какъ наваринская, и историки справедливо поставили ее по значенію на ряду съ битвою саламинскою, гдѣ греческій флотъ, подъ

начальствомъ славнаго Ѳемистокла, разбилъ на-голову варваровъ и спасъ тѣмъ европейскую цивилизацію.

На долю русскихъ судовъ въ наваринскую битву выпала одна изъ почетныхъ ролей. По общему отзыву, русская эскадра, составленная изъ судовъ балтійскаго флота, маневрировала и сражалась образцовымъ образомъ. Тутъ въ младшихъ чинахъ отличилось много офицеровъ, трудами которыхъ былъ преобразованъ потомъ черноморскій флотъ, вписавшій въ нашу военную исторію безсмертныя имена Синопа и Севастополя. Подвигъ русскаго флота былъ тѣмъ примѣчательнѣе, что очень долгое время, почти со шведской войны 1790 года, нашъ флотъ находился въ загонѣ и совершенно игнорировался въ интересахъ военно-сухопутныхъ силъ. Но духъ нашихъ моряковъ всегда былъ выше тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми они располагали, и русскіе моряки не задумывались совершать свои подвиги на какихъ угодно судахъ, руководясь извѣстнымъ изреченіемъ славнаго адмирала Чичагова, успокаивавшаго императрицу Екатерину II за участь балтійскаго флота въ шведскую войну словами: «Не бойся, матушка, вѣдь не проглотятъ».

Союзъ Россіи, Англіи и Франціи во имя свободы и цивилизаціи противъ турецкаго ига кажется чѣмъ-то необыкновеннымъ *). Что представлялось возможнымъ полвѣка назадъ, обратилось потомъ въ совершенную утопію. Обстоятельства, вызвавшія единство дѣйствій, приведшее къ наваринскому побоищу, были чисто случайныя. Конечно, при пособіи многихъ благородныхъ талантовъ европейское общественное мнѣніе было настроено въ пользу грековъ, но вѣковая политика кабинетовъ не измѣнилась бы такъ легко подъ давленіемъ народнаго увлеченія, если бы во Франціи Карлъ X не былъ искреннимъ почитателемъ Николая I, а въ Англіи совершенно безкорыстно не принялъ сторону грековъ одинъ изъ ея величайшихъ политическихъ дѣятелей, Каннингъ. Послѣдній, правда, не дожилъ до наваринской битвы, наслѣдники же его въ министерствѣ немедленно измѣнили взгляды. Кодрингтонъ былъ смѣщенъ и Велингтонъ заявилъ въ палатѣ, при протестѣ, впрочемъ, виговъ, что Наваринъ былъ «прискорбной неожиданностью, несчастнымъ событіемъ». Такимъ образомъ, Наваринское сраженіе останется только почетнымъ эпизодомъ великой задачи эпохи освобожденія, и Россія можетъ съ гордостью сказать себѣ, что дѣло уничтоженія турецкаго владычества въ Греціи принадлежитъ главнымъ образомъ ей.

Освобожденіе застало жителей нынѣшней Греціи въ печальномъ видѣ. Греки при тогдашнемъ уровнѣ своей цивилизаціи не могли, конечно, производить очень пріятнаго впечатлѣнія на европейцевъ. Они безпрестанно занимались морскимъ разбоемъ и, нападая на турецкія и египетскія суда, захватывали и товаръ, при-

*) Онъ необыкновеннымъ кажется, повидимому, и грекамъ. Они ждали 50 лѣтъ, чтобы поставить памятникъ въ память Наварина, вотированный еще въ 1831 г.

надлежавшій французскимъ и англійскимъ подданнымъ. Случалось, что греческіе пираты нападали и на суда союзныхъ державъ, а награбленный товаръ сбывали затѣмъ въ греческихъ гаваняхъ. Съ другой стороны, жители Іоническихъ острововъ, хотя сами греки, помогали Ибрагиму-пашѣ и постоянно нарушали блокаду турецкихъ портовъ. Графъ де-Риньи не стѣснялся писать нашему адмиралу: «нѣтъ никакой возможности вразумить всѣхъ этихъ дикихъ звѣрей, именуемыхъ кандіотами, греками или турками», и къ Кодрингтону: «Боюсь, что намъ самимъ придется создавать эту Грецію, ибо гдѣ она—не вижу. Забавно, что приходится платить этимъ молодцамъ, дабы они сражались за свое собственное дѣло, да еще платить имъ, чтобы они не разбойничали на морѣ,—а вѣдь подлинная картина такова, и она одна вѣрна съ подлинникомъ!»

Вотъ изъ этакого-то матеріала пришлось создавать новое государство. Неудивительно, что и двадцать пять лѣтъ позже Эдмондъ Абу нашелъ еще полную анархію и придворныхъ, имѣвшихъ участіе въ барышахъ шаекъ разбойниковъ. Теперь въ такомъ участіи обвиняются нѣкоторые депутаты, но разбойничество продолжаетъ быть одною изъ язвъ Греціи. Каждый годъ истребляютъ «послѣднюю шайку», но число разбойниковъ не уменьшается. Это неудивительно при дурномъ положеніи юстиціи. Хотя кодексъ и процедура заимствованы изъ Франціи, но судьи, смѣняемые по прихоти министра юстиціи, подкупны; иностранцы всегда теряютъ процессы и часто дѣла рѣшенныя снова перерѣшаются тридцать лѣтъ спустя.

Греки, какъ я сказалъ, никогда не были однимъ народомъ. Въ исторіи мы ихъ видимъ въ видѣ постоянно соперничающихъ другъ съ другомъ городовъ, единство представлялъ ихъ языкъ, удивительно способный для софизмовъ. Эта софистика и осталась основаніемъ ихъ характера и политики. Какъ греки безъ конца спорили о славѣ горы Ѳавора, въ то время когда Магометъ громилъ врата Царь-града, такъ и теперь они живутъ фразами.

Истинные эллины, по справедливому замѣчанію Реклю, тѣ, которые живутъ не въ Греціи, а въ Турціи и другихъ странахъ, вдали отъ развращающаго вліянія греческой бюрократіи. За границею королевства сохранились гораздо лучше преданія и порядки общинной жизни, и тамъ греческіе граждане дѣйствуютъ всего свободнѣе. Заграничныя общины наиболѣе также богаты и благоустроены и на ихъ пожертвованія содержатся важнѣйшія благотворительныя и учебныя заведенія въ королевствѣ. Несмотря на скупость и эгоизмъ, греки имѣютъ прекрасную черту въ характерѣ—щедрость въ пожертвованіяхъ на общеполезныя предпріятія. Трудно сосчитать число ежегодныхъ пожертвованій съ этою цѣлью, потому что жертвуютъ не только милліонеры, но и простые пастухи; въ особенности многочисленны пожертвованія на дѣло образованія. Аѳинскій университетъ весьма роскошно содержится

исключительно на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ. Пожертвованія эти принесли уже плоды: греки-горожане, по внѣшности, особенно живущіе заграницею, немногимъ отличаются отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ; имъ недостаетъ теперь только нравственнаго воспитанія, которое, конечно, придетъ мало по малу, и котораго, независимо отъ расовыхъ свойствъ, невозможно требовать отъ народа, недавно освободившагося отъ вѣковаго рабства. Щедрость имѣетъ, впрочемъ, и свои дурныя стороны: университетъ переполненъ умственнымъ пролетаріатомъ и нерѣдко адвокаты и доктора служатъ лакеями, чтобы не умереть съ голода.

Со времени своего освобожденія Греческое королевство сдѣлало, конечно, нѣкоторые успѣхи, но несомнѣнно, что оно имѣетъ, несмотря на троекратную реформу, самую дурную и неустойчивую конституцію и самую развращенную и централизованную бюрократію. Даже помощники сельскихъ старостъ назначаются въ Греціи королемъ. Число чиновниковъ въ Греціи сравнительно больше, чѣмъ во всякой другой странѣ Европы: они составляютъ $^1/_{60}$, а съ семьями $^1/_{12}$ всего населенія королевства, и хотя жалованье чиновниковъ весьма скромное, но по бюджету оно поглощаетъ болѣе четверти всѣхъ доходовъ.

Налоги въ Греціи чрезмѣрны; несмотря на крайнюю воздержанность, населеніе не имѣетъ возможности удовлетворить даже первымъ потребностямъ жизни въ пищѣ и одеждѣ. Поэтому эмиграція идетъ не въ Грецію, а наоборотъ—масса грековъ, особенно съ острововъ, гдѣ сообщеніе удобнѣе, отправляется ежегодно искать счастья въ Турцію, Египетъ и даже въ Индію. Люди работающіе и предпріимчивые удаляются, а остается толпа интригановъ, которые изъ политики дѣлаютъ себѣ доходное ремесло, и послушные чиновники, участь которыхъ зависитъ отъ министровъ.

Желаніе осуществить «великую идею», т. е. собрать греческій народъ воедино, начавъ съ присоединенія Крита, привело къ расходамъ, не соотвѣтствующимъ средствамъ страны. Благодаря содержанію арміи и флота и неудачнымъ финансовымъ операціямъ, греческое государственное казначейство опустѣло и курсъ его билетовъ сильно упалъ (на 40%). Въ результатѣ Греція уменьшила въ 1893 году, по закону, проведенному Трикуписомъ, платежъ процентовъ по долгамъ, даже имѣвшимъ спеціальное обезпеченіе, на 70%. Это дало возможность сводить бюджетъ безъ дефицита, но правительство не хочетъ объявить окончательно государственнаго банкротства и ведетъ переговоры съ представителями своихъ западно-европейскихъ кредиторовъ о конверсіи долга. По проекту Трикуписа, предполагалось или уплачивать внѣшнимъ кредиторамъ постоянный анюитетъ, или нѣкоторую часть причитающихся по облигаціямъ процентовъ, въ извѣстной возрастающей прогрессіи, такъ что кредиторы лишены были возможности воспользоваться возможнымъ улучшеніемъ финансовъ Греціи и вексельнаго курса.

По проекту Дельяниса, человѣка лично честнаго, напротивъ, предполагается предоставить кредиторамъ воспользоваться возможнымъ улучшеніемъ финансовъ и вексельнаго курса. Хотя поведеніе Греціи относительно кредиторовъ неблаговидно, но удовлетвореніе предложенія послѣднихъ, т. е. учрежденіе особой наблюдательной за долгомъ комиссіи весьма для насъ съ политической точки зрѣнія не желательно, ибо это дало бы еще лишній козырь для вмѣшательства Англіи и другихъ европейскихъ державъ во внутреннія дѣла Греціи.

Экономическое положеніе Греціи весьма тягостно. Страна нуждается въ открытіи внутреннихъ частей государства при помощи шоссейныхъ дорогъ и легкихъ рельсовыхъ путей, а затѣмъ въ развитіи земледѣлія. Къ несчастію, однако, сельское хозяйство въ Греціи въ большомъ загонѣ и низшіе классы на перебой стремятся къ занятію правительственныхъ должностей или къ либеральнымъ профессіямъ. Промышленность Греціи не сдѣлала успѣховъ. Существеннымъ тормазомъ для нея является необходимость ввоза сырыхъ матеріаловъ изъ-за границы.

Единственнымъ, имѣющимъ дѣйствительно значительный сбытъ заграницу, предметомъ вывоза является коринка, въ виду чего отъ судьбы этого продукта и его ежегоднаго урожая зависитъ болѣе или менѣе вся торговля Греціи. Предложенныя и отчасти приведенныя въ исполненіе законодательныя мѣры противъ чрезмѣрнаго паденія цѣнъ на коринку—каковы, напр. устройство правительственныхъ складовъ, куда производители обязывались отдавать 15°/о урожая для исключительнаго потребленія внутри страны—не привели, однако, ни къ чему.

Первый проектъ греческой конституціи былъ написанъ какимъ-то учителемъ, который устроилъ правительство изъ трехъ членовъ и двухъ членовъ-корреспондентовъ! Но за этою милою наивностью быстро выступила некрасивая дѣйствительность.

Въ Греціи продажа голосовъ въ выборахъ совершается совершенно открыто, особенно на Цикладахъ. Пелопонесъ и Іоническіе острова менѣе заражены этой болѣзнью. Въ нѣкоторыхъ городахъ устанавливается настоящая ярмарка при выборахъ; за голосъ платится отъ 20 до 75 драхмъ. Замѣчательно, однако, что подкупаемые ведутъ себя честно и возвращаютъ полученныя деньги, если противникъ дастъ болѣе. Такимъ образомъ кандидаты знаютъ заранѣе, будутъ ли они избраны, или нѣтъ. Всѣ на это жалуются, но палаты не кассируютъ выборовъ подъ предлогомъ, что купленные голоса (когда подкупъ раскрытъ) не могли бы существенно измѣнить большинства! Между тѣмъ палата, состоящая изъ 150 подобныхъ депутатовъ, всесильна, потому что высшей палаты, регулировавшей бы дѣйствія низшей, въ Греціи не имѣется.

Политическихъ партій въ Греціи давно нѣтъ въ западномъ смыслѣ. Всѣ депутаты почти согласны въ главныхъ внѣшнихъ

и внутреннихъ вопросахъ и борьба сводится къ личностямъ. Потому было бы очень трудно характеризовать трикупистовъ, дельянистовъ или среднюю партію Ралли какимъ либо эпитетомъ вродѣ консерваторовъ, радикаловъ и т. п., опредѣляющимъ въ другихъ парламентахъ програму партіи. Въ Греціи имѣется только нѣсколько личностей, ставшихъ почему либо впереди; вокругъ нихъ и группируется толпа депутатовъ, чиновниковъ, выборныхъ агентовъ и дѣльцовъ. Когда подобная личность дѣлается первымъ министромъ, она сейчасъ же сажаетъ повсюду своихъ кліентовъ, но никакой програмы у нея нѣтъ и политика сводится къ веденію дѣлъ въ такомъ духѣ, какъ вело ихъ предъидущее министерство; бояться должно болѣе своихъ друзей, нежели враговъ. Падаетъ кабинетъ подъ напоромъ кліентовъ противника, торопящихся поживиться, въ свою очередь, казеннымъ пирогомъ.

Такимъ образомъ въ прежнее время правили Булгарисъ, Заимисъ, Комундуросъ, а въ послѣднее время по очереди Трикуписъ и Деліанисъ и падали по очереди, хотя въ политикѣ ничего не мѣнялось, но слабѣла популярность министерства именно отъ пребыванія его во власти. Конституціонная жизнь Греціи страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, что и жизнь другихъ южныхъ государствъ; депутаты легко составляютъ коалиціи въ палатѣ для низверженія существующихъ министровъ и очень рѣдко сходятся между собою для проведенія какихъ либо общихъ законодательныхъ проектовъ. Существовавшій, съ 1872 года, болѣе полутора лѣтъ, кабинетъ Делигеоргиса показался замѣчательнымъ примѣромъ политической долговѣчности въ Греціи. Точно также, только одинъ изъ министровъ Булгарисъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, отказался отъ притязаній дѣлить «добычу» и произвелъ очень хорошее впечатлѣніе на страну, но подражателей ему не нашлось.

Смерть Трикуписа, считавшагося англоманомъ, разстроила его партію и партія Деліаниса, считающагося другомъ Россіи, имѣетъ теперь противъ себя разстроенныхъ противниковъ и небольшую промежуточную партію Ралли.

Для опозиціи почва всегда подготовлена; для этого, кромѣ финансоваго вопроса имѣется критскій вопросъ. Островъ, гдѣ половина населенія мусульманскаго, греки считаютъ своимъ и постоянно возбуждаютъ тамъ возстанія, поддерживаемыя скверною турецкою администраціею. Когда наслѣдный принцъ женился на сестрѣ германскаго императора, то греки были убѣждены, что Критъ будетъ приданымъ. Имъ очень поэтому не понравились слова Бисмарка, замѣтившаго, что «онъ интересовался всегда болѣе послѣднимъ комкомъ земли въ своемъ саду, нежели этимъ островомъ и что критяне, платя мало налоговъ, навѣрное будутъ менѣе счастливы подъ греческимъ владычествомъ, нежели подъ турецкимъ». Въ утѣшеніе грековъ нѣмецкая принцесса приняла православіе, что едва не поссорило аѳинскій синодъ съ вселенскимъ патріархомъ. Си-

водъ разрѣшилъ принцессѣ не погружаться въ воду, а патріархъ доказывалъ, что онъ одинъ имѣетъ право давать подобное разрѣшеніе!

До сихъ поръ католическая церковь преимущественно была призвана бороться съ государственною властью и оспаривать у нея преобладаніе не только въ религіозныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Восточная церковь, помня апостольскія правила, не расходилась существеннымъ образомъ съ государственною властью. Это коренное различіе двухъ церквей опредѣлилось, какъ всѣмъ извѣстно, ихъ исторіей. Въ то время, когда римская церковь, пользуясь безначаліемъ, господствовавшимъ послѣ разложенія западной римской имперіи, подняла свой авторитетъ до того, что до XVI вѣка считала себя выше всякой государственной власти, а судя по послѣднимъ притязаніямъ папы и собора 1870 года, считаетъ себя таковою до сихъ поръ,—восточная церковь развивалась подъ покровительствомъ византійскаго государственнаго строя. Турки, овладѣвъ Константинополемъ, взяли въ свои руки высшее церковное управленіе. Такое же положеніе, подчиненное верховной власти, заняла потомъ церковь эта въ Россіи и Венгріи; но въ послѣднее время въ Греціи православная іерархія старалась организоваться нѣсколько самостоятельно отъ государства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ броженіе охватываетъ и ее, съ тою разницей, что она ставитъ себѣ политическимъ знаменемъ эгоистическій интересъ греческой національности, католическая же церковь борется вообще противъ успѣховъ человѣческаго разума — цивилизаціи и гражданской свободы.

Я изложилъ выше одно изъ важнѣйшихъ движеній, охватившихъ восточную церковь, именно такъ называемое греко-болгарское церковное столкновеніе, которое превратилось теперь въ чисто-политическій вопросъ о преобладаніи на Балканскомъ полуостровѣ эллинскаго или славянскаго элемента. Столкновеніе это далеко не улажено, и ожесточенная борьба константинопольскаго патріархата показываетъ, что у грековъ нѣтъ въ умѣ и мысли о какихъ либо уступкахъ болгарамъ. Она особенно обострилась въ 1890 году, когда патріархъ Діонисій, креатура Трикуписа, самовольно оставилъ свое мѣсто и заперъ церкви, и Россія водворила своихъ монаховъ въ Іерусалимѣ. Греки ставили Діонисія наравнѣ съ Златоустомъ и Фотіемъ, а противъ болгаръ горѣли на словахъ такою ненавистью, что, казалось, возвратились времена, когда императоръ Василій Македонянинъ шелъ разрушать имперію Аспаруха и Крума.

Греко-болгарское столкновеніе болѣе всего поддерживалось сочувствіемъ и участіемъ высшаго духовенства королевства греческаго, а также аѳинскихъ журналистовъ и политическихъ дѣятелей, мечтающихъ о возстановленіи Византійской имперіи въ границахъ XI или X вѣка. Нѣкоторые признаки указываютъ, что и въ средѣ духовенства королевства идетъ борьба, какъ это обозна-

чилось изъ столкновенія аѳинскаго синода съ греческимъ правительствомъ, по поводу замѣщенія въ должности предсѣдателя греческаго синода, послѣ смерти митрополита Ѳеофила, повлекшее къ распущенію синода.

Другое не менѣе рѣзкое столкновеніе произошло въ 1888 г. вслѣдствіе назначенія министерствомъ, вопреки мнѣнію синода, предсѣдателемъ его и аѳинскимъ митрополитомъ архіепископа Германа. Кандидатъ синода архіепископъ коринѳскій обвинялъ своихъ товарищей въ симоніи. Церковь королевства, независимая отъ вселенскаго партіарха по конституціи 1844 г., а de facto съ 1850 г., отличается изобиліемъ іерарховъ: на 2 милл. населенія имѣется 6 митрополитовъ, 14 архіепископовъ и 20 епископовъ.

Для Россіи греческая эмансипація принесла плоды прямо противоположные ожидаемымъ. Времена, когда греческіе матросы потихонько подплывали къ нашимъ военнымъ судамъ и цѣловали у нихъ руль, давно прошли. Греческое королевство теперь одинъ изъ нашихъ противниковъ на Востокѣ по теоріи, что благодѣянія переносятся труднѣе всего. Греція сдѣлалась центромъ интригъ западно-европейской дипломатіи и вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ оппозиціи противъ эмансипаціи славянскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ. Вражда Греческаго королевства къ Россіи, изъ-за мечтаній аѳинскихъ публицистовъ возстановить восточную Римскую имперію съ Константинополемъ въ видѣ столицы, постоянно еще усиливается. Греки вредили намъ, возбудивъ отлученіе болгарской церкви на константинопольскомъ помѣстномъ соборѣ; во время восточной войны — своею весьма двуличною политикою; теперь они интригуютъ въ средѣ константинопольскаго духовенства; въ экономическомъ отношеніи они вредятъ намъ, учредивъ у себя государственную монополію продажи керосина и спичекъ, — двухъ товаровъ, въ которыхъ русскіе не имѣли бы въ Греціи соперниковъ. Словомъ, отъ грековъ пользы не видать, а вреда не мало, не говоря уже о тѣхъ грекахъ, которые обираютъ русское населеніе въ южныхъ портахъ, а въ особенности въ Таганрогѣ и по всему азовскому побережью, гдѣ русское населеніе по отношенію къ хитрымъ эллинамъ до сихъ поръ остается въ роли скиѳовъ. Греки смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть на Россію только какъ на удобное орудіе для выниманія изъ печи каштановъ. Поведеніе грековъ вынудило даже Россію дать имъ урокъ, принявъ участіе въ блокадѣ, прекратившей попытки воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Турціи, чтобы оттянуть отъ нея нѣсколько клочковъ территоріи.

Греція, объявившая войну султану уже по заключеніи перемирія между Россіей и Портой, ничего не получила отъ берлинскаго конгресса, если не считать постановленія относительно Крита, въ которомъ турецкое правительство обязывалось добросовѣстно примѣнить органическій статутъ 1868 г., съ нѣкоторыми въ немъ

измѣненіями. Вслѣдствіе этого греки стали настойчиво домогаться Эпира, Өессаліи и части Македоніи и тѣмъ вынудили великія державы, во исполненіе 24 ст. берлинскаго трактата, предложить Греціи и Портѣ свое посредничество. Предложеніе это было принято и лѣтомъ 1880 года въ Берлинѣ была созвана конференція, которая провела новую, для Греціи весьма выгодную, границу; но Порта отвергла ее и съ своей стороны, послѣ долгихъ переговоровъ, предложила созвать новую конференцію въ Константинополѣ. Конференція эта въ концѣ 1881 году разрѣшила греко-турецкій конфликтъ предоставленіемъ Греціи Өессаліи и малой части Эпира, каковое рѣшеніе и было принято обѣими заинтересованными сторонами.

Если греки желаютъ быть счастливы въ будущемъ, то должны пораздумать надъ постояннымъ противорѣчіемъ между ихъ широкими политическими фантазіями и некрасивою дѣйствительностью. Счастье Греціи въ ея рукахъ; оно заключается во внутренней медленной и тяжелой работѣ и въ тѣсномъ политическомъ союзѣ съ Россіей, съ которой должны соединять грековъ не только чувство благодарности, но и общность религіи, а также и нѣкоторое племенное родство. Хотя жители Греческаго королевства удивительнымъ образомъ сохранили не только свой языкъ, но и черты національнаго характера: любовь къ перемѣнамъ и къ діалектикѣ, предпочтеніе интеллектуальнаго достоинства моральному, страстную любовь къ жизни и къ ея наслажденіямъ, но несомнѣнно, что они теперь не болѣе, какъ эллинизированные славяне и отчасти албанцы. Славянское вліяніе сохранилось даже въ народномъ костюмѣ.

Россія великодушна, она желаетъ за зло платить добромъ, и такъ какъ русскіе дипломаты, благодушно наивные, не въ силахъ соперничать съ потомками Улисса, то явилось желаніе дѣйствовать не на греческій умъ и сердце, а на греческій карманъ. Отсюда и возникло въ Россіи въ 1884 г. желаніе замѣнить дипломатическое искусство изюмомъ.

Изюмъ-коринка, какъ сказано выше, составляетъ важнѣйшую отрасль отпускной греческой торговли, болѣе половины всего вывоза королевства Греціи. Коринка отправляется огромными массами въ Англію, гдѣ безъ коринки англичане были бы лишены чистѣйшаго изъ своихъ наслажденій, ибо у нихъ не было бы ни plum-pudding'а, ни plum-cakes, всякихъ вообще традиціонныхъ plums, которыхъ коринка главное основаніе. Если бы и другія государства, въ особенности Россія, поѣдали коринку въ такой же пропорціи, какъ англичане, то Греція была бы богатѣйшею страною въ мірѣ, доходы ея были бы неисчерпаемы и вся территорія покрылась бы виноградниками. Къ несчастію, русскіе мало ѣдятъ коринки.

Греки вообразили себѣ, что это происходитъ отъ таможенной пошлины въ 1 руб. 50 коп. съ пуда, которою обложена была у

насъ коринка, наравнѣ съ прочими видами изюма и другими сухими фруктами, и что если бы пошлину снять, то русскіе быстро пріучатся ѣсть коринку въ щахъ и съ кашею. Не смотря на то, что опытъ снятія съ коринки пошлины былъ уже разъ сдѣланъ и что русскій народъ отъ того къ коринкѣ никакого влеченія не пріобрѣлъ и сбытъ ея ни на одинъ пудъ не увеличился, греки неустанно продолжали хлопотать о безпошлинности коринки.

Немного казалось страннымъ допускать такой предметъ роскоши безпошлинно, когда въ Россіи обложены пошлиною даже глины, алебастръ, руды, уголь, не говоря уже о русскихъ книгахъ, но, опасаясь греческихъ интригъ на Востокѣ, рѣшились сдѣлать грекамъ это удовольствіе, при чемъ, очевидно, разсчитывали, что Россія, отъ потери дохода съ коринки, примѣрно тысячъ пятидесяти въ годъ, не обѣднѣетъ, греки же не разбогатѣютъ на столько, чтобы имѣть средства еще болѣе вредить намъ на Востокѣ. На бѣду это великодушное рѣшеніе было принято внезапно, какъ разъ въ моментъ, когда обсуждался вопросъ о новомъ обложеніи чая, вина, шампанскаго, масла и др. предметовъ, съ цѣлью пополнить ожидавшійся дефицитъ.

Въ видахъ канцелярскаго удобства, освобожденіе коринки съ дипломатическую цѣлью присоединили къ вопросу объ обложеніи другихъ товаровъ съ фискальною цѣлью. Такимъ образомъ сберегалось время на писаніе протоколовъ и нѣсколько листовъ бумаги. Экономія эта оказалась, однако, очень невыгодною для казеннаго кармана. Слухъ о новыхъ пошлинахъ сначала проникъ въ печать; когда объ этомъ купцы, а особенно московскіе, преимущественно отличающіеся «игрою ума», узнали, то мгновенно сообразили, что если очистить пошлиною чай, вино и др. дорогіе товары немедленно, не дожидаясь указа, то наживешь порядочный кушъ денегъ. Согласно съ этимъ разсчетомъ, купцы и принялись «очищать» свои склады въ таможняхъ, а одинъ домъ по телеграфу, говорятъ, потребовалъ даже два парохода съ чаемъ изъ Лондона въ Либаву. Понятное дѣло, что очищали именно тѣ товары, на прибавкѣ въ пошлинѣ которыхъ министерство финансовъ и разсчитывало получить восемь, девять милліоновъ. Изъ этой суммы оно не досчиталось доброй части. И все это изъ-за маленькой проволочки въ распубликованіи тарифа, вызванной коринкой.

Коринка замѣнила такимъ образомъ роль дипломата, но дебютъ ея въ этой роли обошелся русской казнѣ въ два милліона. Но убытки казны на этомъ не остановились. Со времени отмѣны пошлины на коринку и до 1893 г., ввозъ въ Россію этого продукта составлялъ, въ среднемъ, немного болѣе 40 тыс. пудовъ ежегодно. Въ 1893 году количество поступившей на наши рынки коринки вдругъ достигло 200 тыс. пудовъ, а въ теченіе 1894 года, и особенно — въ первой половинѣ 1895 года, положеніе дѣла

рѣзко измѣнилось: привозъ коринки увеличился почти въ 30 разъ, фабрикація изюмнаго вина приняла небывалые размѣры, и изъ винодѣльческихъ районовъ. послышались громкія жалобы и ходатайства о защитѣ отъ новаго и неожиданнаго врага. Внимая жалобамъ, г. Витте обложилъ опять коринку пошлиною, да еще выше существовавшей до 1885 г.

Послѣ коринки важнѣйшій доходъ Греціи—отъ морскаго извоза, падающаго отъ конкурренціи пароходства. Греки надѣялись поддержать свое мореходство прорытіемъ Коринѳскаго канала. Одесская банкирская фирма Рафаловича приняла участіе въ подпискѣ на сборъ капитала въ 30 милліоновъ франковъ, необходимаго для этого прорытія. Каналъ, съ большими затрудненіями, вслѣдствіе банкротства comptoir d'Escompte, построенъ извѣстнымъ венгерскимъ авантюристомъ, врагомъ Россіи генераломъ Тюромъ. Тюръ слѣдовалъ тому же направленію, которое было проектировано 1820 лѣтъ назадъ инженерами римскаго императора Нерона, но сдѣлалъ каналъ доступнымъ для судовъ большихъ размѣровъ.

Главная выгода отъ канала для транзита состоитъ въ сокращеніи пути и въ избавленіи судовъ отъ необходимости огибать опасный мысъ Матапанъ. Но сокращеніе это не очень-то значительно; для судовъ, идущихъ изъ Адріатическаго моря въ Черное, оно составляетъ около 170 морскихъ миль, а для судовъ, идущихъ изъ Средиземнаго—только 60 миль. Разстоянія эти при дешевизнѣ морскихъ фрахтовъ такъ не велики, что едва ли изъ-за нихъ стоитъ подвергаться потерѣ времени, неизбѣжной при слѣдованіи даже по нешлюзованному каналу, и въ особенности необходимости уплачивать пошлины за право прохода по каналу. Гораздо важнѣе Коринѳскій каналъ будетъ, вѣроятно, для каботажнаго судоходства, весьма распространеннаго въ Греціи. Коринѳскій каналъ въ 1895 г. посѣтили 2,324 судна съ 345,453 тоннъ, а генералъ Тюръ ожидалъ судоходное движеніе по каналу въ $7^1/_2$ милл. тоннъ.

Для Россіи Коринѳскій каналъ можетъ принести нѣкоторую пользу, потому я не вижу большой бѣды, что нѣсколько греческихъ рублей отвлеклись съ одесской биржи на это предпріятіе. Хотя срочныхъ пароходныхъ линій въ Адріатическое море Россія не имѣетъ, но несрочныя сношенія наши съ портами Эпира и Албаніи, а также съ Корфу, Фіуме, Бриндизи, Анконой, Венеціей и особенно Тріестомъ довольно значительны; правда, они совершаются частью на парусныхъ судахъ, которыя будутъ избѣгать канала по необходимости расходовъ на буксировку и трудности лавировать въ Патрасскомъ заливѣ, но извѣстно, какъ парусное судоходство теперь быстро вытѣсняется паровымъ. Для судовъ, идущихъ къ намъ изъ океана и западной части Средиземнаго моря, Коринѳскій каналъ едва ли сдѣлается нормальнымъ путемъ; поэтому участіе его въ этомъ отношеніи и для русской торговли окажется второстепеннымъ.

Оффиціальные отчеты о греческой внѣшней торговлѣ очень запаздываютъ появленіемъ въ свѣтъ, и свѣдѣнія имѣются только въ консульскихъ донесеніяхъ. Вывозная торговля Россіи въ Грецiи сильно падаетъ, а привозная, наоборотъ, увеличивается, хотя балансъ все-таки въ нашу пользу. Замѣчательно, что между цифрами русской и греческой таможенной статистики существуютъ рѣзкія различія. Цифры таможенной статистики разныхъ государствъ не могутъ, само собою разумѣется, совпадать между собою. Наша таможенная статистика отмѣчаетъ цѣну товара въ русскомъ портѣ въ моментъ вывоза; въ греческомъ портѣ этотъ самый товаръ является уже болѣе дорогимъ, ибо въ цѣнность его входятъ фрахтъ, комиссія, страхованіе въ пути и таможенная пошлина. То же самое касается цѣнности греческихъ товаровъ въ русскихъ портахъ. Во всякомъ случаѣ, допуская, что греческіе товары могли удвоиться въ своей цѣнѣ, дойдя до русскихъ таможенъ—тѣмъ болѣе, что главные греческіе товары: оливковое масло, табакъ и вино обложены у насъ высокими пошлинами, трудно предположить, чтобы русскіе товары упятерялись въ свой цѣнѣ на пути въ Грецію.

Три четверти нашего вывоза въ Грецію состоитъ изъ пшеницы; затѣмъ идутъ лѣсъ, паюсная икра, пшеничная мука. Все это предметы, которые нигдѣ не облагаются значительными таможенными пошлинами. Очевидно, слѣдовательно, что въ показаніяхъ о торговлѣ Россіи съ Греціей есть крупныя ошибки или въ русскихъ или въ греческихъ таможенныхъ отчетахъ.

XIX. ЕГИПЕТЪ.

Гете въ 1827 году говорилъ Эккерману, что онъ хотѣлъ бы прожить лишнихъ лѣтъ пятьдесятъ, чтобы дожить до того, чтобы видѣть англичанъ владѣльцами какого нибудь канала черезъ Суэзъ. Оказывается, что для этого не потребовалось бы и полвѣка, а если бы великій нѣмецкій поэтъ, оказывавшійся въ данномъ случаѣ близорукимъ политикомъ, прожилъ сверхъ желаемаго еще три-четыре годика, то увидѣлъ бы англичанъ полными хозяевами не только Суэзскаго канала, но и всего Египта.

Добились такого положенія сыны коварнаго Альбіона безъ большого труда, тѣмъ же порядкомъ, которымъ они составили себѣ почти все свое колоніальное могущество, именно идя завистливо по пятамъ французовъ и пользуясь или обстоятельствмми или легкомысліемъ французской политики, забирая безъ всякой церемоніи изъ-подъ французскаго вліянія огромныя области. Такъ было въ Сѣверной Америкѣ, на Антильскихъ островахъ, въ Остъ-Индіи, такъ случилось и въ Египтѣ.

Потеря вліянія въ этой странѣ — потеря, которая нарушаетъ положеніе, издавна занятое въ Левантѣ французской политикой и торговлей — ляжетъ чернымъ пятномъ на дипломатіи третьей республики, какъ на душѣ дипломатіи второй имперіи останется потеря французскаго вліянія въ Италіи и Германіи.

Марсель дѣятельно торговалъ съ Египтомъ уже во время заключенія первыхъ капитуляцій (1535 г.); эти договоры развили торговлю; въ XVII вѣкѣ она уже была такъ значительна, что Лейбницъ обратился именно къ Людовику XIV съ проектомъ изгнать невѣрныхъ изъ этой страны. Людовика XVI занимала мысль о каналѣ между Краснымъ и Средиземнымъ морями; тотъ же проектъ интересовалъ и Наполеона I, старавшагося упрочить французское вліяніе въ Египтѣ, какъ первый этапъ по пути въ Индію, потерянную при Людовикѣ XV. Въ XIX столѣтіи роль французовъ сдѣлалась еще почетнѣе. Мехметъ-Али поручилъ имъ преобразованіе своей арміи и администраціи, а при Измаилѣ — Лессепсъ прорылъ Суэзскій каналъ.

Пока не было канала, т. е. морского пути черезъ Египетъ въ Индію, Франція играла въ Каирѣ первенствующую роль. Съ 1869 года декораціи мѣняется. Красные дни для Египта миновались. Съ 1862 по 1865 годъ, вслѣдствіе американскаго междоусобія и огромнаго запроса на египетскій хлопокъ, торговля этой страны развилась до громадныхъ размѣровъ, учредилось много банковъ, обширная сѣть пароходства, деньги лились рѣкою, и милліонныя состоянія составлялись въ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ прекращеніемъ войны хлопокъ едва-едва сбывался даже по цѣнамъ дешевѣйшимъ противъ того, во что обходился онъ земледѣльцамъ; единственною поддержкою торговли служилъ отпускъ хлѣба и сахара-сырца, въ послѣднее время также пострадавшій. Кромѣ того, въ Александріи на биржѣ завелась оживленная биржевая игра, главною пищею которой служили фонды и билеты египетскаго казначейства. Такъ какъ монетная единица въ Египтѣ металлическая, то бумажныя цѣнности принимались съ учетомъ, который колебался отъ 15-ти до 30-ти процентовъ; на этихъ-то колебаніяхъ была основана игра, на которой, при умѣніи, наживалось не мало денегъ.

Нельзя сказать, чтобы египетская торговля клонилась серьезно къ упадку, или страна не имѣла средствъ къ своему дальнѣйшему развитію. Напротивъ, почва Египта такъ богата, а производительность такъ разнообразна, что въ товарахъ, потребныхъ для Европы, недостатка никогда быть не можетъ, но ужасная финансовая система въ конецъ разоряла населеніе. Управленіе Измаила вело Египетъ несомнѣнно къ банкротству. Феллахи выпродали уже всю мѣдь, въ которой накопляли свои скудныя сбереженія, налоги постоянно возрастали и доводили сельское населеніе до отчаянія. Значительныя суммы, собираемыя такимъ образомъ, поглощались

самымъ непроизводительнымъ образомъ, преимущественно займами, заключаемыми, не смотря на поземельное обезпеченіе, изъ 11-ти или 12-ти процентовъ. Займы эти шли на постройки, на платежи иностранцамъ по разнымъ процессамъ, и особенно на вооруженія. Египетъ содержалъ довольно значительную армію, вооруженную скорострѣльными ружьями и одѣтую въ сольфериновые казакины и бѣлыя перчатки; офицеры, набираемые изъ тѣхъ же неграмотныхъ арабовъ, ходили въ лакированныхъ полусапожкахъ и тонкомъ платьѣ. Не имѣя силъ ограничить себя въ издержкахъ, хедивъ пробовалъ-было собрать нѣчто въ родѣ парламента, но шутка эта рѣшительно не удалась. Выбранные какъ попало, арабы болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы имъ позволили сидѣть поджавъ ноги и курить трубки. Всего труднѣе было образовать оппозицію; въ нее добровольно никто не соглашался идти: а какой же парламентъ, кромѣ парламента второй имперіи съ 1852 по 1857 годъ, можетъ обходиться безъ оппозиціи? Пришлось образовать лѣвую сторону по особому назначенію хедива; тогда всѣ депутаты пожелали быть въ оппозиціи.

Египетъ въ концѣ 60-хъ годовъ можно было сравнить съ сосудомъ, куда Европа выбрасывала всю пѣну, всѣ нечистоты своего общества. Разные авантюристы, злостные банкроты, уголовные преступники бѣгали на его гостепріимную почву нажить копѣйку, и, разъ составивъ состояніе, дѣлались членами общества. Процессы составляли особенность Египта, и адвокатское занятіе тамъ было самое прибыльное; къ счастію, язва эта теперь уменьшилась, а до судебной реформы можно было, подъ пустымъ предлогомъ, начать процессъ съ правительствомъ и, опираясь на пособіе консуловъ, облеченныхъ весьма широкою властью, вытянуть себѣ приличное вознагражденіе. Европейскіе порядки въ этомъ случаѣ извращались, и чиновникъ давалъ взятки частнымъ лицамъ, чтобъ только избавиться отъ ихъ назойливости.

Съ разореніемъ Египта начался и упадокъ французскаго вліянія, что весьма сокрушало египетское правительство; оно естественно должно было подчиниться вліянію англичанъ, интересы которыхъ дѣлали ихъ вѣрными союзниками султана. Турецкое правительство между тѣмъ не довѣряло Египту и принимало соотвѣтственныя мѣры для ограниченія его автономіи. Подчиняясь турецкому вліянію, хедивъ, не смотря на свою задолженность, вынужденъ былъ послать десять тысячъ войска противъ Сербіи и 18,000 противъ Россіи, причемъ погублено не мало англійскихъ подданныхъ магометанъ изъ остъ-индскихъ владѣній, поступившихъ, вопреки торжественно заявленному нейтралитету британскаго правительства, на службу хедива и сражавшихся противъ Россіи.

Въ концѣ концовъ Измаилъ-паша, бросая деньги просто за окно и попавъ въ руки самыхъ скверныхъ спекуляторовъ, кругомъ задолжалъ. Такъ какъ ему вѣрила только очень дурная часть евро-

пейской биржевой публики, то въ обыкновенное время никто бы и не сталъ думать объ интересахъ прогорѣвшихъ въ Египтѣ спекуляторовъ, какъ никто не думаетъ о сотняхъ милліоновъ погибшихъ столь же позорно на бумагахъ Перу или республикъ средней Америки, но Египетъ сдѣлался съ 1869 г. путемъ къ дальнему Востоку, почему, англичане удвоили свои интриги покупкою въ 1875 г. 177,000 акцій Суэзскаго канала, принадлежавшихъ замотавшемуся хедиву.

Востокъ имѣетъ грустную привиллегію давать пищу европейской дипломатіи и политической печати. Не успѣло утихнуть возстаніе въ полутурецкой, полуавстрійской Герцеговинѣ, не успѣли кривошійцы истощить терпѣніе читающей публики, какъ на смѣну ихъ явились египтяне съ Араби-пашею во главѣ. Этотъ ловкій офицеръ, захватявшій диктатуру въ странѣ фараоновъ, сталъ первымъ человѣкомъ въ текущей политикѣ 1881 г., каждый день газеты посвящали его малѣйшимъ словамъ и жестамъ передовыя статьи, корреспонденціи и телеграммы.

Дипломаты также очнулись. Они съ прискорбіемъ увидѣли, что ихъ жалкое дѣтище—берлинскій трактатъ, долженствовавшій укрѣпить «больного» на много лѣтъ, оказался недѣйствительнымъ и процессъ разложенія турецкаго владычества пошелъ все быстрѣе и быстрѣе: не успѣлъ Тунисъ окончательно выскользнуть изъ-подъ протектората, хотя и номинальнаго, Турціи, какъ очередь пришла Египту. У дипломатовъ, какъ извѣстно, пріемы отличаются стереотипностью. Каждое государство желаетъ погрѣть свои лапы около костра, пожирающаго бывшія владѣнія султана, но никто не хочетъ въ этомъ сознаватся, почему существуетъ болѣе благозвучный перифразъ: «защита интересовъ своихъ подданныхъ». Хотя бы этихъ подданныхъ было полтора человѣка и каждый изъ нихъ, вернувшись въ свое отечество, судился бы немедленно за воровство-мошенничество, но, разъ эти мошенники живутъ на Востокѣ, дипломатія къ нимъ проникается необыкновенною нѣжностью, конечно на словахъ, въ теоріи; такъ какъ, говоря о защитѣ интересовъ подданныхъ, разумѣютъ не реальные интересы каждаго изъ нихъ порознь, а нѣчто неуловимое, возвышенное и потому недоступное обыкновеннымъ житейскимъ разсчетамъ.

Для охраненія этихъ интересовъ взываютъ къ европейскому концерту. «Концертъ» также изобрѣтеніе дипломатическаго ума. Интригуетъ, интригуетъ какое-нибудь государство, да и попадется, видитъ — плохо дѣло, сейчасъ взываетъ къ европейскому концерту. Соберутся дипломаты и узаконятъ существующіе факты, потому нельзя—какъ бы не вышло чего еще хуже. Подобные «концерты» происходятъ періодически черезъ нѣсколько лѣтъ и обыкновенно послѣ нихъ взаимное недовѣріе разныхъ державъ еще болѣе усиливается, а интриги ожесточаются. Иногда изъ концерта вытекаетъ война, хотя концертъ значитъ согласіе.

У Англіи явилась подобнымъ же путемъ необыкновенная заботливость о капиталистахъ, имѣвшихъ египетскія долговыя обязательства, и даже о фелахахъ, которыхъ грабили безнаказанно уже 5,000 лѣтъ и все не могли окончательно ограбить. Забывая, что у нихъ въ Ирландіи есть свои собственные феллахи, не менѣе достойные симпатіи, англичане придумали устроить контроль надъ египетскими финансами, но такъ какъ финансы есть лишь продуктъ остальной администраціи, то англійскій контроль распространился косвенно и надъ послѣдней. .Франція, какъ низко ни пала она въ дипломатическомъ отношеніи съ 1870 года, не могла стерпѣть такого хозяйничанья англичанъ на африканскомъ континентѣ, гдѣ французы также имѣли право на «цивилизующую миссію», и настояла, чтобы и ей дали участіе въ означенномъ контролѣ. Французское правительство въ 1878 г. заключило договоръ о совмѣстномъ преобразованіи администраціи Египта (condominium 1878 г.). Этотъ договоръ дѣйствовалъ безъ особыхъ затрудненій, какъ вспыхнуло возстаніе противъ иностранцевъ вообще и хедива.

Египтяне очень скоро сообразили, что домашнее, очень грубое, но патріархальное управленіе въ результатѣ будетъ, пожалуй, полегче, чѣмъ систематическое, при помощи усовершенствованныхъ фискальныхъ пріемовъ, выжиманіе изъ страны сока на уплату долговъ, которые, по справедливости, можно считать векселями, подписанными безумцемъ подъ наущеніемъ ростовщиковъ. Внѣшнее благоприличіе новой администраціи не соблазнило массу, и ея глухое неудовольствіе перешло скоро въ открытое сопротивленіе. Сначала расправились съ главнымъ виновникомъ бѣдствій, хедивомъ Измаиломъ, его прогнали, а затѣмъ зашла рѣчь, нельзя ли избавиться и отъ иностранныхъ нянекъ. Араби-паша стоялъ во главѣ партіи, домогавшейся эманспипаціи Египта въ политическомъ отношеніи, — понятно, какую онъ долженъ былъ пріобрѣсти силу. Франціи и Англіи въ силу condominium'а вмѣстѣ слѣдовало усмирять возстаніе, но Фрейсинэ, бывшій тогда первымъ министромъ, или перехитрилъ, или струсилъ военныхъ дѣйствій, предоставивъ англичанамъ честь уничтоженія при Тель-эль-Кебирѣ войска Араби-паши. Макъ-Карти остроумно замѣтилъ, что «англичане, покоряя Египетъ для хедива, напоминали солдатъ Кромвеля, сражавшихся за короля». Впрочемъ, по части маккіавелизма въ политикѣ, англичане могли бы давать уроки самому Маккіавелю.

Съ этого момента французское вліяніе окончательно уничтожилось; англичане, занявшіе своими гарнизонами долину Нила, приступили къ отвоеванію у махдистовъ Судана и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ этимъ предлогомъ стали захватывать въ свои руки египетскую администрацію.

Потеря Судана началась пораженіемъ въ 1883 г. Гикса-паши въ ущельи Касгиль, взятіемъ въ 1885 г. Хартума и Дарфура и

закончилось присоединеніемъ въ 1888 г. Баръ-Эль-Газала и въ 1889 г. Вадигальфы, главнаго города экваторіальной провинціи. Только Суакимомъ не удалось овладѣть махдистамъ. Нашъ клиперъ «Стрѣлокъ» былъ свидѣтелемъ въ Суакимѣ одной изъ военныхъ экспедицій англичанъ противъ суданскихъ повстанцевъ.

Если англичане оказались тогда плохими воителями, то зато ихъ административными и дѣловыми способностями справедливо восхищался г. Скрыдловъ. Онъ счелъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ начальствомъ о томъ образцовомъ порядкѣ, который былъ заведенъ англичанами во время окупаціи. Можно себѣ представить, какъ такой порядокъ долженъ былъ дѣйствовать на русскаго, привыкшаго къ безобразіямъ въ своихъ портахъ. На берегу, за всю мѣсячную стоянку клипера г. Скрыдловъ не видѣлъ ни одного пьянаго солдата или матроса, ни одной драки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ни одного кабака! Для поддержанія такого порядка англичане не останавливались, однако, передъ самыми крутыми мѣрами. На дворѣ таможни, занятой сильнымъ англійскимъ карауломъ, производились экзекуціи сѣченья кошками. Въ особенности вызвало много разговоровъ наказаніе въ присутствіи адмирала и множества офицеровъ разнаго рода оружія батальона египетскихъ солдатъ, заявившихъ о своемъ нежеланіи работать на англичанъ. Уличенный въ тайной продажѣ вина солдатамъ, содержатель кофейной, греческій подданный, былъ тоже высѣченъ кошками. Такимъ образомъ, не имѣя возможности испытывать блага дранья на своихъ *), англичане не жалѣютъ этого исправительнаго средства для египтянъ и др. иностранцевъ. Совершенно по-англійски.

Несмотря на свое искусство, несмотря на потерю убитыми, ранеными и больными пятой части всего отряда, англичане успѣха въ своей завоевательной политикѣ не имѣли; главные торговые пути въ Картумъ и Берберъ остались въ рукахъ мятежниковъ, съ которыми и золото не помогло. Махди и Османъ-Дигма отвергли всѣ предложенія подкупа. Такъ какъ наступали сильные жары, то безплодныя экспедиціи и заканчивались; военныя дѣйствія въ Суданѣ не могутъ происходить при 40° R.

Англичане, конечно, не отказались отъ своей завѣтной идеи завоевать Суданъ и экваторіальную область Египта, чтобы протянуть руку своимъ восточнымъ и южнымъ владѣніямъ въ Африкѣ, тѣмъ болѣе что съ 1889 года, послѣ того, какъ въ сраженіи при Тоскѣ былъ убитъ Махди, а преемникъ его Абдалла оказался человѣкомъ нерѣшительнымъ, сила махдистовъ слабѣетъ. Англичане соединятъ, конечно, Суакимъ желѣзной дорогой съ Бербе-

*) Впрочемъ, тѣлесное наказаніе не исчезло и въ самой Англіи. Судъ присяжныхъ въ Варвикширѣ въ 1896 г. потребовалъ тѣлеснаго наказанія за кражи со взломомъ и нападеніе на женщинъ и дѣтей. Судья утвердилъ приговоръ и глубокомысленно прибавилъ: «кошка о девяти хвостахъ скоро положитъ конецъ этимъ преступленіямъ въ Ливерпулѣ».

ромъ и, сдѣлавшись безусловными хозяевами Судана, усилять значеніе этого важнаго торговаго центра, служащаго средоточіемъ обмѣна товаровъ между Аравіей и Индіей съ одной стороны, Нубіей и внутренней Африкой — съ другой.

Для лучшаго упроченія своей власти, кромѣ экспедицій для освобожденія Гордона и отвоеванія Судана, англичане уговорили всѣ державы заключить 29-го октября 1888 г. договоръ о нейтрализаціи Суэзскаго канала, сохраняющій навсегда свободный путь въ Остъ-Индію для торговыхъ и военныхъ судовъ. Франція и Россія имѣли слабость подписать и этотъ договоръ, а профессора международнаго права находятъ, что нейтрализація должна со временемъ распространиться и на все Красное море, такъ чтобъ оно составляло съ каналомъ, въ юридическомъ отношеніи, одно цѣлое. Между тѣмъ, нейтрализація имѣла бы смыслъ лишь подъ непремѣннымъ условіемъ срытія укрѣпленія на всемъ протяженіи воднаго пути, на что, конечно, Англія никогда не согласится.

Такимъ образомъ, англичане сдѣлались почти полными хозяевами этой части Африки и не хотятъ шестнадцатый уже годъ и слышать о назначеніи какого-либо срока для очищенія Египта отъ своихъ войскъ. Хотя послѣдній номинально остается частью Турецкой имперіи, и хедивъ, попрежнему, сидитъ со своимъ гаремомъ въ Каирѣ, но въ дѣйствительности Египетъ управляется изъ Лондона и англичане имѣли даже наглость обидѣться, что европейскіе консулы не явились in corpore привѣтствовать принца Уэльскаго, точно будущаго египетскаго государя, когда онъ пріѣхалъ въ Каиръ въ октябрѣ 1889 года.

Европейскіе кредиторы Египта довольны сидѣніемъ англичанъ, потому что египетскіе фонды поднялись чуть не втрое противъ временъ Измаила, но египтяне и послѣ ссылки Араби-паши—этого «мистическаго тамбуръ-мажора» по мѣткому опредѣленію одного француза, очень недовольны англійскою окупаціей. Оппозиція проявляется нерѣдко. По совѣту лорда Дюфферина Тефикъ-паша возстановилъ въ 1884 г. придуманное Измаиломъ законодательное собраніе изъ нотаблей съ правомъ совѣщательнаго голоса. За это время собраніе набралось храбрости и не отказываетъ себѣ въ удовольствіи дѣлать англичанамъ непріятности. Ежегодно, напримѣръ оно критикуетъ бюджетъ и безуспѣшно требуетъ исключенія 84,000 фунт. стерл., необходимыхъ на расходы по англійскому окупаціонному корпусу.

Предлогомъ для того, чтобы оставаться въ Египтѣ, англичане выставляютъ обыкновенно то обстоятельство, что египетская армія недостаточно устроена и не въ силахъ защищать Египетъ отъ махдистовъ. Недавно еще тотъ же доводъ въ десятый разъ повторилъ лордъ Салисбюри въ палатѣ лордовъ. Махдисты были однако наголову разбиты близь Суакима корпусомъ, состоявшимъ изъ однихъ египетскихъ войскъ; а засимъ въ 1896 году корпусъ еги-

петскихъ войскъ подъ начальствомъ Кичинера началъ войну для обратнаго завоеванія Судана и безъ труда отвоевалъ уже цѣлую провинцію Донголу; значитъ, египетскія войска достаточно надежны, и отсутствіе стойкости въ нихъ не можетъ болѣе служить благовиднымъ предлогомъ для вѣчнаго сидѣнія англичанъ на берегахъ Нила.

Надобно замѣтить, что Европа, по ненависти къ Россіи, относилась къ этому сидѣнію довольно добродушно. Только Франція. прозѣвавшая Египетъ, и протестовала отъ времени до времени. Французы долго не соглашались напр. на конверсію 5°/о египетскаго привилегированнаго долга въ $3^{1}/_{2}$°/о, доказывая весьма основательно, что если политическое и экономическое положеніе Египта такъ хорошо, что онъ можетъ конвертировать свои долги и понижать проценты по обязательствамъ, то это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ, что помощь англичанъ въ устройствѣ египетскихъ дѣлъ по меньшей мѣрѣ излишня. Къ сожалѣнію, и въ этомъ протестѣ французы были слабо поддержаны другими державами. Такъ какъ жиды всѣхъ биржъ были заинтересованы въ конверсіи, то въ концѣ концовъ Франція въ 1890 г. уступила.

Англичане проявили затѣмъ новую безцеремонность по отношенію къ Египту. Они назначили товарищемъ министра юстиціи англичанина изъ остъ-индскаго судебнаго вѣдомства. Европейцы судятся теперь въ Египтѣ смѣшанными судами изъ европейцевъ же, слѣдовательно египетское министерство юстиціи касается исключительно туземнаго мусульманскаго населенія. Передѣлывать же туземную юстицію по англійскому образцу, какъ передѣлана египетская армія, финансы и управленіе публичныхъ работъ, значило окончательно обращать Египетъ въ англійскую колонію. Въ чемъ же будетъ выражаться еще независимость Египта, если всѣ отрасли его управленія будутъ въ рукахъ англійскихъ чиновниковъ? Это далеко не то, что временная военная окупація для поддержанія порядка. Французы вновь протестовали, на этотъ разъ болѣе рѣзко. Парижская печать поддержала протестъ, съ меньшимъ, однако, жаромъ, чѣмъ какой былъ проявленъ, напримѣръ, по вопросу о томъ, должны ли фигурировать французскія картины въ Берлинѣ, или нѣтъ.

Между тѣмъ въ Египтѣ дѣло шло вовсе не о фразахъ. Не считая нравственнаго вліянія, французы заинтересованы и матеріально въ Египтѣ гораздо болѣе англичанъ. Участіе французскихъ капиталистовъ въ Суэзскомъ каналѣ равнялось 838 мил. франк., съ доходомъ отъ 28 до 38 мил. фр. въ годъ, французамъ принадлежитъ треть египетскаго государственнаго долга, по коему Франція получаетъ отъ 40 до 45 мил. франковъ ежегодно. Французамъ принадлежитъ также около 100 мил. франковъ, затраченныхъ въ крупныя египетскія предпріятія: египетскій поземельный кредитъ, коммерческіе банки, ломбарды и пр.

Но если общественное мнѣніе Франціи, сбитое съ толку пустыми риторами и мелкими политическими интриганами, недостаточно вѣрно оцѣнивало роль своего правительства по отношенію къ англійскимъ захватамъ въ Египтѣ, то и другія государства, заинтересованныя въ томъ, чтобы умѣрить цѣпкость англійскихъ рукъ въ Африкѣ, напрасно не оказывали французамъ болѣе могущественнаго содѣйствія. Окончательный захватъ Египта Англіею не можетъ быть желательнымъ, напримѣръ, для Германіи. Прочно тамъ водворившись и держа въ своихъ рукахъ Суэзскій каналъ, британское правительство навѣрное приступитъ къ осуществленію своей завѣтной мечты о превращеніи всей восточной части африканскаго материка въ сплошную англійскую колонію. Само собою разумѣется, что Германія не можетъ допустить ничего подобнаго уже вслѣдствіе своего колоніальнаго соперничества съ Англіей, а чего не допуститъ Германія, тому ужъ, конечно, не станутъ содѣйствовать, по крайней мѣрѣ явно, ея союзники Австро-Венгрія и Италія. Интересы континентальной Европы оказываются, такимъ образомъ, тожественными въ египетскомъ вопросѣ. Окупація не можетъ быть признана законною и съ точки зрѣнія международнаго права. Она стоитъ въ противорѣчіи съ лондонскою конвенціею 1840 г., создавшею современное международное положеніе Египта, а равно съ многочисленными договорами и правительственными распоряженіями послѣднихъ лѣтъ.

Если наша дипломатія могла еще оставаться болѣе или менѣе равнодушною (хотя ей и этого не слѣдовало дѣлать) къ англійскимъ захватамъ въ португальской Африкѣ, то къ хозяйничанью англичанъ въ Египтѣ ей вовсе не слѣдовало оставаться индиферентною. Непосредственная торговля Россіи съ Египтомъ довольно значительна, особенно по привозу оттуда хлопка. Черезъ Египетъ идетъ не только морской путь въ русскія владѣнія на Тихомъ океанѣ, но гавани Египта обращены лицомъ къ Дарданелламъ, которыя представляютъ единственный выходъ для Россіи къ морю на югѣ. Французы, имѣющіе владѣнія на обоихъ берегахъ Средиземнаго моря, поставлены въ этомъ случаѣ въ несравненно болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ мы.

Въ египетскихъ дѣлахъ мы уже неоднократно дѣлали промахи. Самый крупный изъ нихъ была помощь, дважды оказанная нами султану противъ Мехмета-Али и въ особенности военная помощь въ 1833 г. Хотя по ункіаръ-скелесійскому договору мы получили за это въ награду воспрещеніе доступа военнымъ судамъ всѣхъ націй въ Черное море, но подобное воспрещеніе, какъ я уже говорилъ, умалялось тѣмъ, что воевать съ нами на Черномъ морѣ державы могли лишь при союзѣ съ Турціей. Наоборотъ, развались Турція еще въ 30-хъ годахъ, подъ ударами своего непокорнаго вассала, не было бы ни крымской войны, ни восточ-

юй войны 1877 года. Да и съ Луи-Филиппомъ намъ было легче правиться, чѣмъ съ Бисмаркомъ.

Во внутреннихъ дѣлахъ Египта мы непосредственно мало заинтересованы. Наши подданные тамъ—это нѣсколько одесскихъ евревъ и грековъ или крещеныхъ арабовъ. Египетскому правительству ь долгъ мы ничего не давали, а, слѣдовательно, вопросъ о контолѣ надъ египетскимъ долгомъ для насъ безразличенъ. Но какъ ы и кѣмъ ни управлялся Египетъ, намъ не все равно. Намъ нѣтъ азсчета, чтобы Египетъ сдѣлался снова турецкимъ пашалыкомъ чтобы Турція, которая такъ прекрасно порется по всѣмъ швамъ воихъ границъ, укрѣпилась объединеніемъ подъ однимъ сильнымъ ентральнымъ управленіемъ. Затѣмъ, будетъ ли Египетъ подъ нглійскимъ или французскимъ протекторатомъ, для насъ не все авно. Взявъ въ разсчетъ соперничество Россіи съ Англіей на семъ протяженіи Азіи отъ Герата до Японскаго моря, намъ не ожетъ быть пріятно, чтобы Египетъ сдѣлался англійскимъ. Импеаторъ Николай предлагалъ, правда, Египетъ англичанамъ въ 853 году и лордъ Салисбюри къ общему удивленію еще въ наалѣ нынѣшняго года, при преніяхъ объ адресѣ, находя, что ся политика Англіи въ восточномъ вопросѣ за послѣднія сорокъ ѣтъ, въ томъ числѣ и его собственная, оказалась ошибочной, призналъ, что самую крупную ошибку сдѣлалъ либеральный кабиетъ Абердина, отвергнувшій предложенія императора Николая I. Іо Россія впредь если и можетъ оставить Англію въ Египтѣ, то ишь въ формѣ протектората, чисто военнаго, при условіи, что роливы Мраморнаго моря будутъ наши и что Франція получитъ іадлежащую компенсацію.

Лучше же всего для Россіи Египетъ автономный и самостояельный, и мы должны его всячески поддерживать, будетъ ли во лавѣ этого Египта стоять Тевфикъ или Халимъ, или просто случайный диктаторъ вродѣ Араби-паши. Турецкія поползновенія намъ, іаоборотъ, слѣдуетъ пресѣкать и никакъ не пользоваться ими, даже акъ средствомъ противъ Англіи. Мы тѣмъ легче можемъ сочувствовать тенденціямъ египетской національной партіи, что онѣ никакимъ русскимъ интересамъ ни прямо, ни косвенно не угрожаютъ, опеченіе же о Египтѣ всякой другой державы намъ опасно.

Египетъ давно могъ служить отличною пробою для крѣпости акъ называемаго франко-русскаго соглашенія и пора было пейти отъ громкихъ фразъ къ чему либо существенному. Совмѣстное воздѣйствіе двухъ такихъ могущественныхъ державъ должно епремѣнно имѣть весьма успокоивающее дѣйствіе на англичанъ, оторые легко оцѣнятъ разницу между Португаліей и государствами, очти граничащими съ Индіей: одно съ сѣвера, другое—съ воюка.

Англія, не обращая вниманія на капитуляціи и пренебрегая эрховною властью турецкаго султана, намѣревалась было прину-

22

дить всѣ прочія державы къ заключенію торговыхъ договоровъ съ хедивомъ. Съ этою цѣлью былъ выработанъ общій таможенный тарифъ, направленный противъ державъ, которыя не обезпечатъ своихъ интересовъ заключеніемъ подобныхъ договоровъ. Тарифъ этотъ долженъ былъ вступить въ дѣйствіе уже съ 5-го января 1892 г. Русскому правительству было непосредственно сдѣлано приглашеніе заключить съ Египтомъ торговую конвенцію.

Наша дипломатія не дала, однако, на этотъ разъ провести себя и по представленію ея, а равно и французскаго правительства, султанъ поручилъ своему верховному комиссару въ Египтѣ, гази-Мухтару-пашѣ торжественно протестовать какъ противъ притязаній хедива на самостоятельное заключеніе торговыхъ договоровъ, такъ и противъ незаконнаго назначенія Скотта юрисконсультомъ при египетскомъ министерствѣ финансовъ. Очевидно, англо-египетская торговая конвенція признавалась какъ бы не существующей. Если бы даже Порта вздумала взглянуть на нее сквозь пальцы, то прочія державы не согласятся на измѣненіе таможенныхъ порядковъ и все останется въ прежнемъ положеніи. Англійское правительство только скомпрометировало себя, поторопясь раскрыть свои карты.

Такимъ образомъ, первая же попытка совмѣстнаго дѣйствія Россіи и Франціи увѣнчалась успѣхомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что за этимъ первымъ успѣхомъ могли послѣдовать другіе, еще болѣе существенные, если только наша дипломатія будетъ дѣйствовать прямо и настойчиво. Потому и произвела не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе изворотливая, не въ мѣру ужъ скромная, замѣтка по этому поводу «Journal de St.-Pétersbourg».

Русскій и французскій послы потребовали отъ Порты отдѣльными и настоятельными нотами, чтобы впредь, до заключенія новыхъ торговыхъ договоровъ, взимаемая съ товаровъ таможенная восьмипроцентная пошлина съ цѣнности товаровъ сохранилась въ силѣ и въ Египтѣ. Русское правительство, по словамъ телеграммы «Сѣвернаго агентства», не признавало притязанія египетскаго правительства навязывать свой таможенный режимъ тѣмъ иностраннымъ державамъ, которыя не согласились вступать въ торговыя соглашенія съ Египтомъ.

Присяжный органъ нашей дипломатіи, «Journal de St.-Pétersbourg», счелъ долгомъ сдѣлать разъясненіе, что «Сѣверное Агентство» чуть ли не виновно, что сообщило какое-то застарѣлое извѣстіе, не имѣющее къ тому же и существеннаго значенія, потому что египетское правительство намѣрено-де вести себя какъ слѣдуетъ. Если же Россія и дерзала дѣлать представленія, то это имѣло лишь академическое значеніе — подтвержденія легальной точки зрѣнія, которая юридически не можетъ быть и оспариваема, т. е. что наша дипломатія повторяла какую-то истину à la M-r de la Palisse. Между тѣмъ, роль нашей дипломатіи вовсе не была

такая жалкая, и напрасно старалась французская газета несомнѣнный успѣхъ русской дипломатіи представить чѣмъ-то имѣющимъ только ретроспективный интересъ повторенія азбучныхъ истинъ.

Въ 1888 году Россія протестовала вмѣстѣ съ Франціей противъ изданныхъ египетскимъ правительствомъ правилъ санитарной полиціи и патентнаго сбора съ иностранцевъ, какъ нарушающихъ капитуляціи; требованіе наше было отчасти удовлетворено, хотя отношенія сдѣлались съ тѣхъ поръ холоднѣе.

Еще болѣе имѣлъ успѣха протестъ Франціи и Россіи, поддержанный европейскими судами въ Египтѣ, противъ безцеремоннаго обращенія суммъ, принадлежавшихъ европейскимъ кредиторамъ и находившихся въ распоряженіи международной комиссіи, наблюдавшей за египетскимъ долгомъ, на расходы упомянутой выше суданской экспедиціи.

Исходъ этого дѣла въ Каирѣ — несомнѣнный, существенный успѣхъ франко-русской политики въ Египтѣ. Англія должна впредь знать, что она не имѣетъ никакого права располагать финансовыми средствами Египта на военные расходы арміи, которой поставлена скромная задача установить господство Англіи на африканскомъ материкѣ отъ мыса Доброй Надежды до Египта. Англійская печать, понятно, съ ожесточеніемъ напала на рѣшеніе апелляціоннаго суда и утверждала, что оно послужитъ лишь къ тому, что Англія продлитъ окупацію Египта и станетъ въ этой странѣ еще на болѣе твердую ногу. Какъ бы въ подтвержденіе угрозы англійскій комиссаръ лордъ Кромеръ сообщилъ египетскому правительству, что англійское правительство готово дать взаймы потребные на экспедицію 500,000 ф. ст., такъ какъ, по мнѣнію этого правительства, египетское не въ состояніи покрыть ее.

Выражая готовность ссудить Египту деньги, Англія съ перваго взгляда какъ будто хотѣла подчиниться рѣшенію апелляціоннаго суда, на самомъ же дѣлѣ она попирала его, совершенно напрасно надѣясь вывернуться изъ положенія, въ которомъ увязла, прибѣгая къ смѣлымъ передержкамъ.

Суэзскій каналъ.

Смерть строителя Суэзскаго канала принята была европейскою и даже французскою публикою довольно равнодушно, между тѣмъ Лессепсъ былъ, можетъ быть, самымъ выдающимся дѣятелемъ второй половины XIX столѣтія; во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ вещь, которая имѣетъ по-истинѣ міровое значеніе и передъ которою всѣ подвиги Бисмарка, Мольтке и т. п. покажутся потомству совершенными мелочами. Это удивительный примѣръ человѣка, сотво-

ршвшаго великія дѣла не будучи великимъ человѣкомъ. Любопытно, что еще въ 1869 г., во время торжествъ открытія Суэзскаго канала, когда вся Европа преклонялась передъ «геніемъ» Лессепса, присутствуя въ качествѣ делегата русскаго правительства, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» я, не увлекаясь общимъ восторгомъ, сдѣлалъ слѣдующую характеристику строителя канала: «Одни сравниваютъ Лессепса съ Христофоромъ Колумбомъ; другіе считаютъ его только умнымъ и ловкимъ человѣкомъ, нѣчто въ родѣ Самуила Соломоновича Полякова; мнѣ кажется что истина лежитъ въ этомъ случаѣ въ серединѣ». Исторія сооруженія Панамскаго канала подтвердила нѣсколько этотъ суровый приговоръ.

Карьера Лессепса очень оригинальна,—и обстоятельства чрезвычайно помогли осуществленію его идей, послѣдствій которыхъ онъ самъ, очевидно, предвидѣть не могъ, хотя въ громкихъ фразахъ недостатка въ его рѣчахъ никогда не было.

Служа въ молодости въ Египтѣ, ему пришла мысль соединить Красное море съ Средиземнымъ, что было уже осуществлено въ малыхъ размѣрахъ (каналомъ изъ Нила) при фараонахъ, но о чемъ тщетно мечтали многіе великіе умы до Наполеона I включительно. Въ 1848 году Лессепсъ былъ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи, въ моментъ реакціоннаго министерства Нарваэса, который на смертномъ одрѣ заявилъ своему духовнику, что «не можетъ простить своихъ враговъ, ибо уже заранѣ всѣхъ ихъ разстрѣлялъ». Въ это время Лессепсъ породнился съ графинею Монтихо и ея дочерью, впослѣдствіи французской императрицей Евгеніей: она-то и повліяла на своего мужа, чтобы онъ до конца поддерживалъ предпріятіе Суэзскаго канала.

Съ Наполеономъ III Лессепсъ не всегда, впрочемъ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ 1849 г., состоя посланникомъ въ Римѣ, онъ былъ противъ французской экспедиціи. Отозванный принцемъ президентомъ республики, Лессепсъ оставилъ навсегда дипломатическую службу и тутъ-то, воспользовавшись своимъ полувынужденнымъ бездѣйствіемъ, задумалъ осуществить Суэзскій каналъ.

Дѣло первоначально шло очень дурно, англичане оказывали сильнѣйшее противодѣйствіе, средствъ было мало. Лессепсъ метался во всѣ стороны, ища денегъ; онъ былъ даже для этого въ Одессѣ, гдѣ ему сильно покровительствовалъ г. Новосельскій. Лессепсъ вспоминалъ объ этомъ на открытіи Суэзскаго канала и сообщилъ, что жена его (первая) говорила по-русски, что вообще русскій языкъ былъ всегда въ употребленіи въ его домѣ.

На капиталы г. Новосельскаго Лессепсъ, конечно, Суэзскаго канала не устроилъ бы. Но весьма кстати сѣверо-американское междоусобіе обогатило Измаила-пашу, пріятеля Лессепса. Щедрый вообще, Измаилъ сталъ тогда сыпать деньгами, и каналъ, при помощи инженеровъ Бореля и Лавалле, сдѣлавшихъ необходимы

изобрѣтенія, къ 1869 г. былъ кое-какъ законченъ и торжественно открытъ.

Каналъ счастья Измаилу не принесъ. Онъ возбудилъ зависть Англіи и у Измаила-паши отобрали флотъ и ограничили автономію Египта. Зато акціонеры Суэзскаго канала, полуразоренные за десять лѣтъ и состоявшіе преимущественно изъ легковѣрныхъ парижскихъ консьержей и кухарокъ, внезапно разбогатѣли: цѣна акцій сразу увеличилась въ пять и шесть разъ. Эта популярность Лессепса среди швейцаровъ и кухарокъ и позволила ему, десять лѣтъ спустя, найти легко деньги для прорытія другого перешейка—Панамскаго. Но здѣсь уже были совсѣмъ другія обстоятельства. Дѣло было плохо изслѣдовано и разсчитано; оно поглотило безплодно массу денегъ, безтолково истраченныхъ. Репутація Лессепса пошатнулась и, вмѣсто «новаго Христофора Колумба» и le Grand Français, его, въ видѣ комплимента называли: un Annenkoff français.

Такова внѣшняя сторона дѣятельности Лессепса. Совсѣмъ иначе представляется эта дѣятельность въ ея историческихъ послѣдствіяхъ. Здѣсь мы стоимъ передъ чѣмъ-то колоссальнымъ, опредѣлить размѣры чего еще и невозможно, пожалуй. Если Лессепсъ не заставилъ земной шаръ обращаться навыворотъ на своей оси, то онъ, несомнѣнно, заставилъ всю жизнь на этомъ шарѣ перевернуться вверхъ дномъ. Послѣдствія прорытія Суэзскаго канала далеко превзошли всѣ смѣлыя ожиданія Лессепса и государственныхъ людей, и ученыхъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Во-первыхъ, этотъ «великій французъ», несомнѣнно патріотъ, политически скорѣе умалилъ и разорилъ Францію, чѣмъ возвысилъ и обогатилъ ее. Панамскій крахъ поглотилъ до милліарда рублей народныхъ сбереженій и Франція, благодаря вмѣшательству Англіи, начавшемуся съ покупки у хедива такъ называемыхъ привиллегированныхъ суэзскихъ акцій, была вытѣснена изъ Египта, а засимъ, такъ какъ благодаря Суэзскому каналу развилась именно морская торговля, то, имѣвшая мало торговаго флота Франція, конечно относительно, проиграла въ международномъ торговомъ балансѣ.

Англія, торговое верховенство которой и хотѣлъ уничтожить Лессепсъ, направивъ торговлю вновь къ Средиземнымъ портамъ, покинутымъ съ открытіемъ Америки и кругового пути въ Индію, чрезвычайно выиграла отъ Суэзскаго канала. Остъ-Индія и Австралія получили совсѣмъ другую цѣну; вслѣдъ за Египтомъ, Англія захватила добрую половину Африки и обращаетъ ее въ богатыя цвѣтущія колоніи. Торговый флотъ Англіи, не составлявшій въ итогѣ половины, теперь равняется двумъ третямъ всѣхъ торговыхъ флотовъ, и англійскій языкъ царитъ повсемѣстно. Китай и Японія никогда не были бы тѣмъ, чѣмъ стали, если бы не прорылся Суэзскій каналъ. Весь прогрессъ ихъ основанъ на существованіи этого

канала, который приблизилъ ихъ къ Европѣ, по времени, втрое и вчетверо противъ прежняго. Отъ канала выиграло даже западное побережье Сѣверной Америки и каналъ создалъ зачатки жизни на мертвыхъ пустыняхъ нашего побережья Восточной Сибири; онъ видоизмѣнилъ также нашу вѣковую торговлю съ Китаемъ.

Но все это ничто по сравненію съ тою торговою и экономическою революціею, которую Суэзскій каналъ произвелъ, давъ столь энергическій толчокъ паровому морскому мореходству. Послѣ открытія канала морское кораблестроеніе сдѣлало невѣроятные успѣхи въ объемѣ судовъ, ихъ быстротѣ и въ уменьшеніи потребленія топлива. Поэтому прежде, напримѣръ, привезти въ Англію изъ Херсона пудъ шерсти стоило 4 руб., а теперь стоитъ привезти изъ Южной Америки 10 копѣекъ. Такое рѣзкое измѣненіе въ цѣнѣ провоза, понятно, произвело полный переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ не только разныхъ странъ между собою, но и внутри каждой страны. Вмѣсто собственнаго производства стало дешевле покупать хлѣбъ въ Индіи, сало и шерсть въ Южной Америкѣ или южной Африкѣ, мясо и масло въ Австраліи, фрукты въ Калифорніи и т. д. Наоборотъ, дешевый провозъ каменнаго угля, машинъ и разныхъ химическихъ продуктовъ позволилъ устраивать фабрики во всѣхъ концахъ міра, даже подъ тропиками. Пониженіе цѣнъ на пассажирскихъ пароходахъ удесятерило эмиграціонное движеніе и новыя колоніи стали возникать съ неслыханною дотолѣ быстротою, старыя же столь же быстро культивироваться. Двадцать лѣтъ назадъ три четверти Соединенныхъ Штатовъ были почти terra incognita, гдѣ бродили дикіе индѣйцы, — теперь треть той же территоріи уже распахана для посѣва хлѣба, который пароходы везутъ въ Европу.

Подобныя явленія произвели рѣзкій переворотъ въ экономической политикѣ. Всѣ страны охраняли прежде свою промышленность, теперь онѣ строго охраняютъ свое земледѣліе, наиболѣе пострадавшее отъ естественнаго послѣдствія прорытія Суэзскаго канала— пониженія фрахтовъ. Если наши помѣщики и мужики не знаютъ, куда сбывать свой хлѣбъ, гдѣ-нибудь въ Тульской или Воронежской губерніяхъ, то косвенный виновникъ тому Лессепсъ. Подъ вліяніемъ экономической революціи, созданной имъ, всѣ почти страны вернулись къ протекціонизму и колоніальной политикѣ. Сообразно съ этимъ произошелъ переворотъ и въ экономической наукѣ. Теоріи Адама Смита оказываются построенными на условіяхъ жизни, которыя такъ же далеки отъ насъ, какъ условія какого-нибудь феодальнаго государства.

Вотъ какое вліяніе имѣлъ этотъ небольшого роста, живой и говорливый французъ. Если судить по вліянію на судьбы народовъ, то Франція, поставившая Наполеону I вандомскую колонну, должна Лессепсу — на англійскія, впрочемъ, деньги — поставить колонну вышиною, по крайней мѣрѣ, съ Эйфелеву башню.

Успѣхъ Суэзскаго канала и по открытіи движенія достался однако не безъ борьбы. Это грандіознѣйшее предпріятіе создалось безъ гарантіи. Изъ необходимаго для его сооруженія капитала, 342 милл. франковъ собраны были, какъ сказано, подпискою у мелкихъ французскихъ капиталистовъ, а 117 милл. правленіе, или вѣрнѣе Лессепсъ, создали положительно изъ ничего, во время самой постройки. Изъ капиталистовъ въ наиболѣе рискованномъ положеніи очутились владѣльцы акцій, интересы которыхъ должны были удовлетворяться послѣ интересовъ владѣльцевъ облигацій и «делегацій»; но и послѣдніе поставлены были въ очень затруднительное положеніе, когда по открытіи движенія оказалось, что безъ займа компанія не въ состояніи будетъ уплачивать проценты по своимъ долговымъ обязательствамъ. Еще въ 1870 году потребовалось реализовать заемъ въ 12 милл. фр. на покрытіе расходовъ. Но уже въ 1872 году доходъ достигъ 18 милл. фр. и превзошелъ расходы. Такимъ образомъ, за удовлетвореніемъ долговыхъ обязательствъ, свободный остатокъ позволилъ начать выдачу дивиденда по акціямъ, котораго тщетно нѣсколько лѣтъ дожидались акціонеры.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что такое благопріятное положеніе канала было достигнуто только путемъ нормальнаго увеличенія движенія. Болѣе всего въ этомъ случаѣ сдѣлала настойчивость Лессепса, съ половины 1872 года рѣшившагося взимать по каналу не по офиціальной, показанной въ судовыхъ документахъ, а по дѣйствительной грузовой вмѣстимости кораблей. Англія, которой это ближе всего касалось, признала сначала подобное распоряженіе, равнявшееся почти 40-процентной надбавкѣ къ тарифу, законнымъ — рѣдкій примѣръ прямодушія въ англійской торговой политикѣ. Иначе взглянуло на дѣло французское общество «Messageries Maritimes»; оно затѣяло противъ компаніи процессъ, и своимъ протестомъ вызвало дипломатическое вмѣшательство Австро-Венгріи и Италіи. Разъясненіе вопроса было предоставлено султану, какъ монарху, утвердившему концессію; послѣдній одобрилъ въ принципѣ рѣшеніе компаніи. Такимъ рѣшеніемъ компанія обязана была содѣйствію французскаго и русскаго правительствъ. Въ данномъ случаѣ нельзя не одобрить образа дѣйствій нашего представителя въ Константинополѣ, такъ какъ онъ удовлетворялъ принципу справедливости. Точныя цифры показывали, что съ открытіемъ Суэзскаго канала фрахты на дальній Востокъ значительно упали, на почтовыхъ пароходахъ даже на $^3/_4$; отъ этого выиграла вся Европа. Транзитная пошлина не отягощала торговлю: на одномъ страхованіи сберегалось болѣе, чѣмъ уплачивалось компаніи. Тѣмъ же, кто былъ недоволенъ прибавкою, Лессепсъ остроумно предлагалъ плавать старымъ путемъ, вокругъ мыса Доброй Надежды.

Картина, однако, скоро перемѣнилась; компанія стала выручать около 80 мил. фр. въ годъ, акціи ея поднялись въ семь разъ и

обѣщають въ будущемъ подняться еще въ десять и болѣе разъ *). Поэтому возникъ вопросъ, не слѣдуеть ли принять во вниманіе и общіе интересы, торговые и политическіе, вытекающіе изъ существованія Суэзскаго канала. Противники компаніи замѣчали, что нельзя оставлять важнѣйшій въ мірѣ торговый путь на произволъ небольшому собранію капиталистовъ и биржевыхъ спекулянтовъ, что торговцы всѣхъ странъ не могуть оставаться равнодушными къ дѣйствіямъ компаніи. Въ отвѣть на это быль предложенъ довольно практическій планъ: право прохода по каналу, но не самый каналъ, выкупить европейскими державами, подобно тому какъ было выкуплено право безпошлиннаго прохода по Зунду и Шельдѣ. Такимъ образомъ отстранялась политическая сторона вопроса: каналъ оставался египетскимъ, но движеніе по немъ становилось свободнымъ и нейтрализовалось для транзита.

Весьма важно, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма трудно, опредѣлить степень участія каждаго государства отдѣльно въ расходахъ, сопряженныхъ съ выкупомъ судоходныхъ сборовъ на Суэзскомъ каналѣ. Конечно, отъ канала выигрывають болѣе всего Англія, Франція, Россія, Голландія, Германія, Турція, Испанія и Португалія, имѣющія владѣнія по ту сторону канала; но и всѣ другія государства Европы, а также Китай, Японія, Соединенные Штаты Америки и Австралійскія колоніи получають немалыя выгоды оть сокращенія пути для перевозки товаровъ черезъ каналъ, и потому должны принять на себя извѣстную долю расходовъ.

Для опредѣленія степени участія каждаго государства въ суммѣ выкупа правильно предлагали принять пропорцію товаровъ, которые изъ различныхъ государствъ идуть на Востокъ, напр., уголь, металлы и мануфактурныя произведенія, или привозятся съ Востока, напр., шелкъ, чай, сахаръ, кофе, хлопокъ, рись и проч. Обороть съ этими товарами составляеть обыкновенно около 20°/o общаго баланса заграничной торговли каждаго государства; слѣдовательно этоть процентъ и могъ быть принять за весьма справедливую и прочную норму при распредѣленіи доли участія каждаго государства въ выкупѣ судоходныхъ сборовъ канала. Всякая другая норма была бы не совсѣмъ справедлива. Если бы взять, напримѣръ, въ основаніе отношеніе числа судовъ, проходящихъ по каналу, то 75°/o расхода пало бы на Англію, хотя, конечно, она далеко не пользуется въ такой пропорціи выгодами новаго пути, особенно благопріятствующаго, какъ извѣстно, южной Европѣ. Столь же несправедливъ будеть и разсчеть, сдѣланный по размѣру торговаго флота каждаго государства, потому что въ такомъ случаѣ на Грецію, не торгующую почти съ дальнимъ Востокомъ, пали бы

*) Въ настоящее время по каналу проходить (1895 г.) 3.434 судовъ, въ томъ числѣ русскихъ 30, и провозится 216.638 пассажировъ (въ томъ числѣ 8,860 русскихъ солдать). Доходы компаніи составляють свыше 79 милл. фр. и акціи ея вмѣсто 500 фр. стоять 3,400 фр.

огромные расходы, а Швейцаріи, играющей важную роль въ торговлѣ съ дальнимъ Востокомъ, не пришлось бы заплатить ни копѣйки.

Расходы по выкупу судоходныхъ сборовъ на каналѣ, будь они сдѣланы своевременно, были бы сравнительно не очень велики. За выкупъ зундской пошлины, которая близко касалась только немногихъ государствъ, было уплачено 20½ милл. рублей. Между тѣмъ, для полнаго вознагражденія акціонеровъ Суэзскаго канала, въ эксплоатаціи котораго заинтересованы болѣе или менѣе всѣ образованныя государства, нужно было выплатить 80 милл. руб., а именно 200 милл. франковъ складочнаго акціонернаго капитала и 120 милл. франковъ долговъ компаніи. Кромѣ того, слѣдовало вознаградить еще и египетское правительство, которое имѣло по концессіи право на 15% изъ будущихъ прибылей компаніи.

Проектъ полнаго выкупа судоходныхъ сборовъ за проходъ по Суэзскому каналу заслуживаетъ вниманія и до сихъ поръ, хотя придется уже заплатить сумму въ шесть разъ большую. Это было бы особенно выгодно для нашего правительства, возвращающаго пароходамъ пошлины, уплачиваемыя ими за проходъ по каналу. Но теперь, когда почти всѣ права египетскаго правительства и акціи послѣдняго перешли къ англичанамъ, трудно ожидать выкупа. Пока ограничились нейтрализаціей канала, но такъ какъ каналъ фактически находится въ рукахъ англичанъ, имѣющихъ въ Египтѣ значительную армію, то безъ сомнѣнія каналъ останется открытымъ для англійскихъ судовъ военныхъ и торговыхъ во все время военныхъ дѣйствій. Нашимъ же судамъ и думать тогда нечего туда заглядывать. Торговлю англичанъ по каналу можно, однако, отчасти парализовать, направляя дѣйствіе русскихъ крейсеровъ въ Индійскій океанъ и въ Аденскій заливъ.

АФРИКА.

XX. АБИССИНІЯ И КРАСНОЕ МОРЕ.

Красное море, забытое и заброшенное въ теченіе трехъ вѣковъ, призвано теперь играть важную роль во всемірной торговлѣ, а слѣдовательно и въ исторіи человѣческаго прогресса и цивилизаціи. Въ древности и въ средніе вѣка оно служило однимъ изъ путей, по которымъ шла индійская торговля; торговлю эту не слѣдуетъ, однако, понимать въ настоящемъ значеніи. Только самые дорогіе товары выдерживали провозъ и рискъ того времени, а потому обороты были крайне ограничены. Съ открытіемъ Америки и покореніемъ восточнаго побережья Средиземнаго моря турками, торговля по этому пути почти прекратилась, а съ тѣхъ поръ самая мысль о возможности плаванія по Красному морю сдѣлалась болѣе и болѣе невѣроятною. Это, впрочемъ, относилось всегда только къ сѣверной части моря, такъ какъ въ средней и южной постоянно плавали арабскія суда, преимущественно съ поклонниками, а также заходили туда и суда Остъ-Индской компаніи. Этимъ путемъ были посланы, напримѣръ, англійскія войска изъ Индіи для изгнанія французовъ изъ Египта, въ концѣ прошлаго столѣтія.

Развитіе пароходства прямо указало на выгоды пользоваться болѣе короткимъ воднымъ путемъ для срочныхъ сообщеній, сравнительно съ тѣмъ, который существовалъ вокругъ мыса Доброй Надежды. Какъ великъ прогрессъ, созданный пароходствомъ по новому пути, въ сокращеніи времени, — видно изъ того, что, по открытіи Индіи португальцами, парусное судно изъ Европы употребляло на путь въ Индію тринадцать мѣсяцевъ; въ 1830 году на это же путешествіе необходимо было еще четыре съ половиною мѣсяца; между тѣмъ теперь, пользуясь Суэзскимъ каналомъ

и путемъ по Красному морю, можно доѣхать изъ Европы до Индіи въ 10 дней.

Англичане всегда понимали пользу новаго пути и усердно его изучали. Кромѣ разсчетовъ политическихъ—опасенія преобладанія французскаго вліянія въ Египтѣ—упорству англичанъ въ противодѣйствіи сооруженію канала способствовали болѣе всего сомнѣнія въ возможности парусснаго плаванія по Суэзскому заливу и вообще по Красному морю къ сѣверу отъ Джедды, по направленію къ Суэзу, а также и то, что до американскаго кризиса и развитія въ Остъ-Индіи плантацій хлопчатника, торговля этой страны не имѣла серьезныхъ связей съ Европою. Весь балансъ индійской торговли былъ основанъ тогда на опіумѣ, который вывозился въ Китай, а полученный тамъ въ обмѣнъ чай доставлялся въ Англію, какъ доходъ ея отъ остъ-индскихъ владѣній. Выгода же плаванія въ Англію изъ Китая на пароходахъ, сравнительно съ плаваніемъ на парусныхъ судахъ по старому пути, была тогда сомнительна. Она была сомнительна и послѣ, потому что англійское правительство принуждено было назначать большія преміи тѣмъ пароходамъ, которые скорѣе другихъ доставятъ чай изъ Китая въ Англію по Суэзскому каналу.

Въ настоящее время можно уже составить себѣ довольно отчетливое понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ Краснаго моря. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для плаванія пароходовъ это одно изъ самыхъ лучшихъ морей въ мірѣ по отсутствію тумановъ, почти постояннымъ попутнымъ вѣтрамъ въ извѣстномъ направленіи, или штилямъ, достаточно широкому и глубокому фарватеру, свѣтлымъ ночамъ и преобладанію хорошей погоды. Съ другой стороны, море это заключаетъ множество островов, подводныхъ банокъ, коралловыхъ рифовъ, дѣлающихъ берега его трудно доступными безъ весьма опытнаго лоцмана; дующіе постоянно, кромѣ полнолунія и новолунія, сѣверные вѣтры дѣлаютъ плаваніе парусныхъ судовъ невыгоднымъ въ сѣверной его части; суда принуждены по мѣсяцамъ лавировать въ узкихъ проливахъ.

Еще важнѣйшимъ препятствіемъ для развитія судоходства нужно считать то, что на всемъ пути изъ Суэза въ Аденъ, т. е. на протяженіи слишкомъ тысячи трехсотъ миль, нѣтъ ни одного порта, куда безъ напрасной потери времени, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, могло бы зайти судно за грузомъ. Оба берега: африканскій, принадлежащій египетскому и итальянскому правительству, и аравійскій, подчиненный, турецкому султану, одинаково пустынны, безводны и неплодородны; только узкая южная полоса аравійскаго берега, называемая Йеменомъ, составляетъ исключеніе; но и ея производительность, ограничивающаяся кофе, да верблюжьей и овечьей шерстью, весьма незначительна, хотя здѣшній кофе положительно лучшій въ мірѣ.

Африканскіе порты Краснаго моря вывозятъ небольшія количества кофе, слоновой кости, перламутра, страусовыхъ перьевъ и иногда невольниковъ, послѣднее тщательно скрывается изъ страха англичанъ; изъ Массовы, порта Абиссиніи, откуда англичане начали свою, подъ предводительствомъ лорда Непира, пресловутую экспедицію противъ Өеодора, шли также нѣкоторыя произведенія скотоводства; изъ аравійскихъ гаваней вывозится почти исключительно кофе, который весь свозится въ Джедду, откуда по очисткѣ направляется въ Суэзъ и Каиръ. Пароходы могутъ имѣть тутъ очень мало грузовъ и только иногда достаточно пассажировъ, мусульманскихъ поклонниковъ; но послѣдніе появляются два мѣсяца въ году, во время рамазана и байрама. Бѣдность населенія препятствуетъ развитію и привозной торговли; на аравійскомъ берегу она ограничивается бумажными матеріями, а на африканскомъ — сверхъ того стеклярусомъ и бусами, такъ какъ извѣстно, что весь костюмъ дамъ внутри Африки состоитъ нерѣдко лишь изъ одной нитки бисера или мелкихъ раковинъ, если же онѣ носятъ передники, то не ради стыдливости, а для защиты отъ колючихъ растеній.

Такимъ образомъ значеніе портовъ Краснаго моря, главнымъ образомъ, стратегическое и поэтому-то Англія, считающая себя чуть не монополисткою суэзскаго пути, весьма ревниво смотритъ на возможность для другихъ державъ устроиться здѣсь. Она не могла воспрепятствовать Франціи устроиться въ Таджурскомъ заливѣ, но египетскую Массову, удобнѣйшій портъ для Абиссиніи, предоставила дружественнымъ итальянцамъ, народу цѣпкому, который и въ Крыму съумѣлъ просидѣть слишкомъ двѣсти лѣтъ.

Но гораздо ранѣе итальянцевъ мысль завязать сношенія съ Абиссиніей пришла и русскимъ. Глядя на дѣлежъ африканскаго пирога, нѣкоторые наши патріоты со вздохомъ спросили себя: почему же Россіи не досталось ничего при дѣлежѣ? Почему мы одни смотрѣли равнодушно на растаскиваніе по частямъ Африки; развѣ у насъ нѣтъ тутъ ужъ никакихъ интересовъ? Нѣкоторыя газеты, въ томъ числѣ и «Московскія Вѣдомости», вспомнивъ абиссинскаго маэстро Лазарева, нашли, что для Россіи интересы въ Африкѣ существуютъ—это поддержаніе Абиссиніи, страны, христіанская вѣра которой имѣетъ съ православіемъ много общаго, по крайней мѣрѣ, по догматамъ. Абиссинія и ранѣе занимала нашу московскую прессу и «братьевъ-абиссинцевъ» очень протежировали «Современныя Извѣстія» въ 1876 или 1877 годахъ. Абиссинія, въ свою очередь, имѣла всегда высокое мнѣніе о могуществѣ Россіи и императоръ Іоаннъ посылалъ даже въ подарокъ Александру II крестъ, но на это не обратили вниманія и крестъ потомъ съ трудомъ былъ розысканъ.

Подъ вліяніемъ газетъ, г. Ашиновъ, саратовскій мѣщанинъ, пожалованный въ Парижѣ въ казачьи «гетманы», сдѣлалъ маленькую

экскурсію въ Абиссинію, а затѣмъ при покровительствѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ задумалъ водвориться на берегахъ Краснаго моря на землѣ, уступленной ему туземнымъ владѣльцемъ, и открыть оттуда постоянныя сношенія съ Абиссиніей. Попытка эта кончилась весьма печально. Адмиралъ Жерве, затѣмъ другъ русскихъ, бомбардировалъ лагерь Ашинова и забралъ его спутниковъ въ плѣнъ.

Чѣмъ болѣе вдумываешься въ смыслъ нападенія французовъ на нашу абиссинскую миссію въ Сагалло, тѣмъ болѣе должно признать въ немъ весьма некрасивый поступокъ, вызванный исключительно желаніемъ радикальнаго министерства Флокэ и Гоблэ заискать расположеніе Италіи. Не совсѣмъ непонятна также поспѣшность, съ какою нѣкоторыя наши газеты выдали патенты благонадежности показаніямъ французовъ; поспѣшность тѣмъ болѣе странная, что въ моментъ, когда они сочли долгомъ оправдывать передъ русскою публикою поступки Гоблэ и Флокэ, французы уволили послѣднихъ въ отставку.

Вопросъ былъ еще болѣе затемненъ коментаріями, сдѣланными къ убійству русскихъ подданныхъ въ Сагалло газетами въ родѣ «Гражданина» и «Новостей». Невѣжественный цинизмъ перваго трогательно соединился въ данномъ случаѣ съ злорадствомъ послѣднихъ. «Морское сраженіе» между отцомъ Паисіемъ и Комп. и французскимъ «адмиральскимъ судномъ» заставило предполагать князя Мещерскаго, что почтенный архимандритъ былъ не въ трезвомъ состояніи, а можетъ быть и «въ состояніи невмѣняемости отъ какихъ либо психическихъ причинъ»! «Новости», съ своей стороны, восхваляли «осмотрительный и дружелюбный образъ дѣйствій французскаго правительства» — выразившійся въ убійствѣ и раненіи всего только 10 русскихъ подданныхъ! Съ рѣдкою проницательностью онѣ «положительно пришли къ заключенію, что цѣль Ашинова была поссорить насъ съ Франціей»! «Новости» находили даже очень забавною мысль архимандрита Паисія «преподать абиссинцамъ ученіе православной вѣры». Въ заключеніе «Новости» увѣряли, будто актъ водруженія на французской территоріи русскаго коммерческаго флага былъ равносиленъ «захвату чужой собственности»!

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти обвиненія, надобно посмотрѣть, дѣйствительно ли экспедиція Ашинова находилась на территоріи, хотя и номинально подчиненной Франціи. Сомнѣнія въ этомъ быть не можетъ, ибо даже въ географіи Реклю (см. русскій переводъ изданіе А. А. Ильина) сказано, что селеніе или группа хижинъ, Сагалло, служившее мѣстомъ посадки на суда галасскихъ невольниковъ, перевозимыхъ въ Аравію, было пріобрѣтено въ 1882 году французскимъ путешественникомъ Полемъ Солелье отъ начальника кабулита Адъ-али и офиціально взято во французское владѣніе въ 1884 году.

Но эта формальная сторона нисколько еще не говоритъ, что, высаживаясь въ Сагалло, Ашиновъ совершилъ Богъ вѣсть какое преступленіе противъ публичнаго права. Берега Таджурскаго залива не были заняты Франціей, она пріютилась въ Обокѣ, и Ашиновъ могъ считать, что пріобрѣлъ клочокъ этихъ пустынныхъ съ виду береговъ путемъ договора, какъ пріобрѣлъ ихъ точно также частный человѣкъ — Солелье. Французы даже ту мѣстность, гдѣ стоитъ Обокъ, фактически лишь двадцать лѣтъ спустя заняли послѣ того, какъ она номинально была уступлена данакилями, а теперь Обокъ бросили и перешли въ Джибутти.

Берега Африки пустынны и незаселенны, поэтому ошибочное занятіе мѣстностей весьма легко, оно не нарушаетъ ничьихъ интересовъ, а поэтому исправляется безъ труда путемъ дружелюбныхъ переговоровъ, а не силою оружія. Германцы захватили огромные берега въ юго-западной Африкѣ, гдѣ потомъ, однако, признали одну бухту (Китовую) собственностью англичанъ; нѣмцы взяли затѣмъ значительную территорію въ восточной Африкѣ, которая всѣми считалась въ подданствѣ занзибарскаго султана; точно такъ же поступили они въ Новой Гвинеѣ. Англичане захватили лучшую часть острова Борнео, считавшуюся во владѣніи Голландіи, и безъ церемоніи забрали принадлежавшій Кореѣ Гамильтонъ. Сами французы, столь чувствительные къ пребыванію отца Паисія въ Сагалло, три года сидѣли съ войсками на Ново-Гебридскихъ островахъ, вовсе имъ не принадлежавшихъ, и англичанамъ съ трудомъ удалось выжить ихъ оттуда хотя на время.

Англичане просили, однако, объ этомъ «честью», а не стрѣляли въ находившихся тамъ французовъ. Скажутъ, что и англичане, и французы, и нѣмцы дѣйствовали по уполномочію своего правительства, Ашиновъ дѣйствовалъ на свой страхъ, какъ частный человѣкъ. Хотя въ первый разъ Ашиновъ ѣздилъ въ Таджурахъ на русскомъ суднѣ и эта поѣздка была описана въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», хотя отца Паисія изъ Одессы везли до Суэза на русскомъ же пароходѣ и при отплытіи торжественно служили молебны, но несомнѣнно то, что и онъ, и Ашиновъ дѣйствительно частные люди. Чтожъ это, однако, доказываетъ? Развѣ въ первый разъ въ Россіи частные люди занимаютъ свободныя земли ранѣе правительства?

Не вспоминая о томъ, что вся почти Сибирь занята была частными людьми, развѣ обширная территорія Русской Америки не была занята якутскими купцами Шелеховымъ и Комп. Правительство не отказалось потомъ принять эту территорію въ русскую державу и продать Соединеннымъ Штатамъ. Мало того, до 40-хъ годовъ мы владѣли въ Калифорніи колоніей Россъ и уступили ее швейцарскому подданному, гражданину Мексиканской республики, хотя Россъ былъ занятъ агентами Россійско-Американской компаніи

несомнѣнно на испанской территоріи, а испанцы были въ это время еще нашими союзниками въ борьбѣ съ Наполеономъ I.

Тотъ фактъ, что Ашиновъ подымалъ въ Сагалло русскій коммерческій флагъ, самъ по себѣ не имѣетъ ровно никакого значенія. Есть правила для поднятія этого флага на судахъ, плавающихъ въ морѣ, ибо тамъ этотъ флагъ опредѣляетъ національность судна и всѣ связанныя съ этимъ обстоятельствомъ правоотношенія; для поднятія же купеческаго флага на сухомъ пути правилъ нѣтъ, каждый можетъ украшать имъ свой домъ, дачу или складъ товаровъ. Если французскіе рестораторы украшаютъ флагами свои трактиры на Каменномъ островѣ и Черной Рѣчкѣ, то непонятно, почему русскіе люди не могли повѣсить своего флага надъ своимъ жилищемъ на берегу Таджурскаго залива и за что они должны были поплатиться за это жизнью.

Указанія нашихъ газетъ, что съ Ашиновымъ поѣхали въ экспедицію какіе-то фельдфебели и кантонисты, ничего не доказываютъ. И спутники Пизарро, Кортеса, Ермака и др. тоже, вѣроятно, не принадлежали къ цвѣту аристократическаго общества. Да и едва ли можно думать найти въ Россіи охотниковъ колонизировать абиссинскія пустыни между тайными совѣтниками или институтками. Малочисленность миссіи (въ первую экспедицію Ашинова поѣхало-де всего семь человѣкъ) также ничего не доказываетъ. Колонизація Сенегала, Канады, Луизіаны, Новой Зеландіи и мн. др. обширныхъ нынѣ колоній равнымъ образомъ началась весьма скромно съ отдѣльныхъ личностей.

По моему мнѣнію, вся вина въ прискорбномъ сагалльскомъ инцидентѣ лежала на французскомъ министерствѣ и его агентахъ. Если русская экспедиція попала не на свое мѣсто и не могла въ скоромъ времени быть перевезенною на другое, или двинуться далѣе въ глубь въ Абиссинію, то французамъ слѣдовало терпѣливо дожидаться, пока не пришло бы приказаніе русскаго правительства очистить чужую территорію. Еще лучше, если бы это приказаніе сопровождалось посылкою русскаго судна. Во всякомъ случаѣ никакой серьезной опасности для Франціи отъ пребыванія лишній мѣсяцъ Ашинова въ Сагалло быть не могло. Кто видѣлъ туземцевъ сѣверо-восточнаго угла Африки,— знаетъ, что опасеніе, будто «распространеніе Ашиновымъ неблагопріятныхъ для Франціи слуховъ» могло быть гибельно для республики — совершеннѣйшій вздоръ. Дикари эти о Франціи понятія не имѣютъ и нѣсколько паръ подаренныхъ имъ панталонъ скорѣе могли внушить уваженіе къ правительству господъ Флокэ и Гоблэ, нежели безцѣльное убійство русскихъ подданныхъ. Въ Африкѣ и безъ того человѣческая жизнь цѣнится очень мало.

Французамъ, которые спокойно перерѣзали въ 1793 — 94 гг. цвѣтъ своей интеллигенціи, а въ 1871 году разстрѣляли въ одинъ день двадцать или тридцать тысячъ обезоруженныхъ федерали-

стовъ, пять человѣкъ убитыхъ ничего, быть можетъ, не значили. Но русскіе люди къ человѣческой жизни относятся съ большимъ уваженіемъ. Государство въ сто двадцать милліоновъ имѣло право требовать, чтобы ни одинъ волосъ съ головы его подданныхъ не падалъ безъ нужды. Россія имѣетъ поболѣе средствъ, чѣмъ древній Римъ, заставить къ ея гражданамъ относиться съ уваженіемъ. А въ особенности это важно въ странѣ, гдѣ наше имя пользуется особымъ уваженіемъ.

Что мысль Ашинова не была вполнѣ неосновательна, доказывается какъ установленіемъ съ тѣхъ поръ прочныхъ сношеній съ Абиссиніей, такъ и новою попыткою русскихъ водвориться на Красномъ морѣ. «Times» первый сообщилъ, что русское военное судно «Запорожецъ» заходило въ Рахитъ.

Рахита или, вѣрнѣе, Рахейта — небольшой, полунезависимый султанатъ на берегу Краснаго моря, недалеко отъ Перима передъ самымъ Бабельмандебскимъ проливомъ. Онъ раздѣляетъ собою сферы вліянія въ этихъ мѣстахъ Италіи и Франціи и подчиненъ султану Ауссы, давнему вассалу Абиссиніи, которая и имѣетъ сюзеренныя права надъ Рахейтой. Итальянскія газеты какъ-то объявили протекторатъ Италіи надъ султаномъ Ауссы, но это было событіе исключительно телеграфическое, а не дѣйствительное. Франція этого протектората не признавала и въ мирномъ договорѣ Италіи съ Абиссиніей ничего не говорится о передачѣ Менеликомъ Италіи его правъ на Ауссу, занятую абиссинцами въ 1875 г., а съ нею и на Рахейту. Заслуживаетъ вниманія, что и германскія газеты высказываютъ сильныя сомнѣнія насчетъ правъ Италіи на Рахейту, но думаютъ, что водвореніе Россіи на морскомъ пути въ Индію только скорѣе заставитъ Англію вступить въ тройственный союзъ.

По другой версіи, исходящей изъ французскихъ источниковъ, несмотря на неоднократно возникавшее за послѣднее время предложеніе уступить брошенный Обокъ Россіи для устройства угольной станціи (Сагалло для этого гораздо удобнѣе) и не смотря на отправку въ Абиссинію русскихъ экспедицій, наше правительство не намѣревается занимать какой бы то ни было пунктъ на западномъ берегу Краснаго моря. Рахейту намъ, конечно, охотно уступили бы абиссинцы, но ея гавань мелководна и Франція, хотя и нашъ союзникъ, едва ли бы очень обрадовалась видя насъ ставшими прочно на красноморскомъ пути по сосѣдству съ нею.

Да и въ Россіи существуетъ мнѣніе, что намъ ни на Красномъ морѣ, ни въ Африкѣ рѣшительно нечего дѣлать, такъ какъ ни одно государство, кромѣ, быть можетъ, Соединенныхъ Штатовъ, съ ихъ богатымъ дальнимъ Западомъ, не поставлено относительно колоніальной политики такъ выгодно, какъ Россія.

Прежде всего, Россія сама есть колонія славянъ между финскими и тюркскими племенами, а заселеніе сѣвернаго Кавказа, Заволжья и южнаго Урала, на нашихъ глазахъ совершающееся, показываетъ, что колонизаціонное движеніе не завершилось еще въ предѣлахъ самой Европейской Россіи. Затѣмъ понадобится не одна сотня лѣтъ, дабы существующее русское населеніе расплодилось настолько, чтобы заполнить собою огромную площадь Сибири и Средней Азіи. Одна Томская губернія можетъ прокормить-де современемъ 10—20 милліоновъ населенія. Какія же еще искать Россіи колоніи? При этомъ ненадобно забывать, что русскія ненаселенныя территоріи находятся въ тѣхъ же широтахъ и приблизительно въ тѣхъ же климатическихъ и культурныхъ условіяхъ, какъ и метрополія, а это вопросъ для будущности важности чрезвычайной. На эксплуатацію туземнаго африканскаго населенія при помощи сбыта продуктовъ надежда также плоха. Если мы до сихъ поръ не можемъ продавать сами свои продукты въ Гамбургѣ, Бордо, Кадиксѣ или Смирнѣ, если мы ждемъ, чтобы у насъ купили ихъ нѣмцы, греки или англичане, то когда же дождемся мы русскихъ купцовъ на рынкахъ Тимбукту, Бусса, Іола или Кука?

Не отрицая вѣскости означенныхъ разсужденій, я все-таки думаю, что въ интересахъ крейсерства и для ознакомленія восточной Африки и Аравіи съ русскимъ флагомъ было бы выгодно занять намъ одинъ изъ заливовъ Краснаго моря или Аденскаго залива, для учрежденія тамъ русскаго порта, какъ опорнаго пункта для пароходныхъ сношеній съ Приморскою областью и на случай морской войны, хотя, конечно, для мирнаго времени русскимъ пароходамъ всегда выгоднѣе заходить въ Аденъ или какой нибудь другой иностранный портъ, гдѣ производится оживленная торговля, ибо въ такихъ пунктахъ фрахтовъ болѣе, каменный уголь, вода и провизія дешевле, легче найти лоцмановъ, кочегаровъ и пр.

Захвативъ съ благословенія англичанъ, боявшихся появленія на Красномъ морѣ русскихъ, часть владѣній, принадлежавшихъ Турціи, и ея вассалу Египту, итальянцы, не дожидаясь законнаго за ними укрѣпленія этого грабежа, начали вторгаться въ абиссинскія, уже вполнѣ независимыя владѣнія. Стоя на почвѣ и для каждаго дикаря священныхъ принциповъ неприкосновенности родной земли, абиссинцы крѣпко поколотили итальянцевъ. Послѣднимъ этого только и было нужно. Возмездіе за оскорбленіе военной чести знамени, покрывшаго себя такой славой подъ Кустоццой и Лиссой, явилось благовиднымъ предлогомъ для новаго вторженія въ Абиссинію уже съ удесятеренными силами.

Россія не могла остановить этого нападенія на независимое и мирное государство. Хотя въ Красномъ морѣ, служащемъ путемъ сообщенія для Россіи къ ея владѣніямъ на Восточномъ океанѣ,

мы имѣемъ вдесятеро болѣе интересовъ, чѣмъ Италія, но, къ сожалѣнію, мы лишены тамъ прямыхъ средствъ воздѣйствія. Но если русскій флотъ и русская дипломатія безсильны были что либо сдѣлать въ пользу бѣдныхъ абиссинцевъ, то никто не мѣшалъ русскому обществу сочувствовать угнетеннымъ. По старинной формулѣ французскія сословія помогали своему королю: дворянство кровью, среднее сословіе деньгами, духовенство молитвами. Вотъ и мы, за неимѣніемъ лучшаго, ограничились въ помощи абиссинцамъ на первое время добрыми пожеланіями.

Дѣло абиссинцевъ было правое. Этотъ храбрый народъ, сумѣвшій сохранить свою христіанскую цивилизацію среди самыхъ неблагопріятныхъ культурныхъ условій и окруженный злыми иновѣрцами, магометанами и язычниками, заслуживаетъ лучшей участи. А прежде всего право сохранить свою независимость. Игра на шарманкахъ не измѣнитъ тропическаго климата и не обратитъ безводныхъ скалъ въ плодоносныя равнины, поэтому отъ Италіи абиссинцамъ ждать было нечего. Новое же рабство только окончательно погубило бы ихъ. Затѣмъ, что бы ни сулили итальянцы, разъ абиссинскій народъ отвергалъ эти посулы съ презрѣніемъ, никто не былъ въ правѣ его понуждать къ повиновенію, а особенно ссылаясь на заключенный Антонелли въ 1888 г. уччіальскій договоръ. По договору этому расъ-мангашъ провинціи Окуло-Кузай продалъ ее Италіи. Подобный договоръ, конечно, не могъ считаться законнымъ, потому что губернаторъ не можетъ продавать землю безъ вѣдома своего государя, а негусъ объ этомъ договорѣ ничего не зналъ. Когда же новый негусъ, бывшій король Шоа Меneликъ, потребовалъ у Италіи незаконно захваченной провинціи, ему было отказано на томъ основаніи, что Италія-де нѣсколько лѣтъ владѣетъ ею. Естественно слѣдовало пожелать бѣднымъ абиссинцамъ полнаго успѣха, пусть они отстаиваютъ родную землю и пусть побьютъ крѣпко покушающихся на ихъ свободу и независимость. Этимъ, кромѣ удовольствія, они и себѣ, и намъ ничего не могли доставить.

Въ комическомъ манифестѣ, распубликованномъ въ Массовѣ, генералъ Санъ-Марцано заявлялъ, что Италія «съ любовью смотритъ» на свои африканскія владѣнія, «въ будущности которыхъ она сильно заинтересована». Ради этой-то любви итальянцы и снаряжали корпуса, которые убивали абиссинцевъ и жгли ихъ жилища. Правда, незадолго до того, видя, что негусъ для войны занялъ деньги въ той же Италіи, одинъ изъ итальянскихъ министровъ увѣрялъ въ палатѣ, что «таинственная Африка протягиваетъ дружески и довѣрчиво руки!»

Благословеніе, которое Россія послала абиссинцамъ, принесло имъ пользу. Итальянская армія, привезенная чтобы возстановить военную репутацію итальянскаго знамени, замаранную пораженіемъ при первыхъ встрѣчахъ съ полудикарями, долго не рѣшалась по-

казать носа изъ-за укрѣпленій, то наступалъ періодъ сильныхъ жаровъ, то періодъ тропическихъ дождей, при которыхъ никакія дѣйствія въ Абиссиніи невозможны. Болѣзненность и смертность въ войскахъ, къ тропическому климату не привыкшихъ, естественно сильно увеличивались въ это время.

Такимъ образомъ отъ болѣзней погибало навѣрное гораздо болѣе солдатъ, чѣмъ пало ихъ подъ ударами храбрыхъ абиссинскихъ воиновъ, но итальянцы предпочитали лучше оставаться въ госпиталяхъ и проливать кровь отъ диссентеріи, нежели рисковать новымъ пораженіемъ. Въ концѣ концовъ Криспи нашелъ, однако, что хотя осторожность — мать благоразумія, но въ военномъ дѣлѣ, наоборотъ, смѣлость считается лучшимъ качествомъ для каждой арміи, а тѣмъ болѣе въ странахъ полуцивилизованныхъ. Не говоря уже о баснословныхъ подвигахъ горсти испанцевъ въ южной и средней Америкѣ, о блистательныхъ дѣйствіяхъ французовъ и англичанъ въ Индіи въ XVIII столѣтіи и объ экспедиціяхъ нашихъ отрядовъ въ средней Азіи, гдѣ на одного солдата приходилось по меньшей мѣрѣ десять непріятелей, въ той же Абиссиніи, когда она была гораздо менѣе извѣстна, когда улучшенное оружіе не давало такого перевѣса европейцамъ и когда переносныя желѣзныя дороги, артезіанскіе колодцы, консервы и др. орудія борьбы въ полудикой странѣ не получили такого усовершенствованія, англійскій отрядъ, въ половину менѣе многочисленный, чѣмъ итальянская армія, безъ труда прошелъ всю страну и разорилъ столицу грознаго Ѳеодора.

Но такая рѣшительность, поддержанная генераломъ Баратьери, дорого обошлась итальянцамъ. Разбитые подъ Амба-Аладжи, Макале и Адуей они потеряли двѣ трети своего экспедиціоннаго корпуса и постыдно бѣжали, бросивъ почти всю артиллерію. Это не рекомендуетъ итальянскую армію, а также не рекомендуетъ предусмотрительности итальянскаго правительства, которое посылало свои войска не соображая, въ состояніи ли они выполнить возложенную на нихъ задачу. Несомнѣнно, что пораженіе абиссинскаго экспедиціоннаго корпуса повредило репутаціи итальянской арміи гораздо болѣе, чѣмъ какое угодно пораженіе на поляхъ Европы, не говоря уже объ огромныхъ денежныхъ потеряхъ отъ безполезныхъ расходовъ по экспедиціи.

Сваливая всю вину на главнокомандующаго (Криспи суду преданъ не былъ), Италія поспѣшила заключить миръ съ Абиссиніею, или, точнѣе, негусъ, столько же храбрый, сколько и великодушный, продиктовалъ Италіи условія мира. Главныя условія договора, подписаннаго докторомъ Нераццини, заключались въ признаніи со стороны Италіи независимости Абиссиніи, отмѣнѣ уччіальскаго договора и полученіи военной контрибуціи.

Въ предварительныхъ переговорахъ по этому предмету игралъ значительную роль г. Леонтьевъ, ѣздившій на свой счетъ въ Абис-

синію послѣ того, какъ экспедиція г. Машкова, мало знакомаго съ иностранными языками, осталась почти безъ результатовъ. Г. Леонтьевъ, человѣкъ замѣчательно энергическій, искусно воспользовался тѣмъ, что Россія никогда не признавала протектората Италіи надъ Абиссиніей и относилась къ послѣдней дружественно. Это подтвердилъ почетный пріемъ въ 1895 г. перваго абиссинскаго посольства въ Россіи, подъ начальствомъ двоюроднаго брата негуса Дамто, названнаго у насъ принцемъ, хотя въ Абиссиніи принцевъ нѣтъ.

Вслѣдъ за договоромъ пошли слухи о тайномъ договорѣ между Россіей и Италіей, взамѣнъ нѣкоторыхъ гарантій, обезпечивающихъ територріальную цѣлость Италіи, послѣдняя же приняла на себя обязательство держаться въ восточномъ вопросѣ политики laissez faire по отношенію къ Россіи. Нѣкоторые органы вѣнской печати присовокупляли, что въ силу именно упомянутаго договора Россія-де заставила Абиссинію подписать миръ на выгодныхъ для Италіи условіяхъ. Офиціозный «Nord» энергично однако это опровергаетъ: никакого особаго политическаго договора между Россіей и Италіей не существуетъ. Единственный, сдѣланный Россіей въ этомъ цѣлѣ шагъ заключался въ отвѣтѣ, данномъ нашимъ правительствомъ негусу Менелику въ отвѣтъ на собственноручное письмо послѣдняго Государю Императору. Въ письмѣ этомъ Менеликъ спрашивалъ, какъ ему слѣдуетъ поступить по отношенію къ предложеннымъ Италіею условіямъ мира? Россія помогла также абиссинцамъ получить въ Іерусалимѣ церковь, неправильно захваченную коптами. Оказывая эту любезность, султанъ воспользовался предлогомъ, чтобы снарядить въ Абиссинію турецкое посольство съ цѣлями еще не совсѣмъ ясными.

Негусъ получилъ орденъ Александра Невскаго, но важнѣйшимъ шагомъ для сближенія Россіи съ Абиссиніей послужила отправка подъ начальствомъ г. Шведова санитарнаго отряда. Отрядъ, который итальянцы не пропустили черезъ свои владѣнія, пробылъ въ Абиссиніи семь мѣсяцевъ и результаты его дѣятельности выразились въ оказаніи медицинской помощи тридцати тысячамъ раненыхъ и больныхъ и въ основаніи абиссинскаго Краснаго Креста; отдѣленіе отряда оставлено для продолженія дѣятельности. Отрядъ сначала встрѣченъ былъ недружелюбно, абиссинцы и самъ Менеликъ не постигали его высокой миссіи, но безкорыстная дѣятельность отряда, раздача лекарствъ и помощь врачей произвели впечатлѣніе. Негусъ навѣщалъ нашъ госпиталь, присутствовалъ при операціяхъ, и даже учился приготовлять лекарства.

Въ настоящее время Абиссинія отдѣлена отъ Краснаго моря полосою ширины отъ 40 верстъ на сѣверѣ и до 300 верстъ на югѣ. Съ запада Абиссинія граничитъ съ анархическимъ царствомъ махдистовъ. Съ юга она владѣетъ неопредѣленными границами, доходящими до озера Стефаніи, соприкасаясь со сферою англій-

скаго вліянія и съ полудикими народностями галласовъ и данакалой. Такимъ образомъ, помимо путей внутренней мѣновой торговли Абиссинія должна пользоваться единственно портомъ Джибутти, французскимъ быстро развивающимся центромъ управленія протектората надъ страною Сомали. Съ англійскимъ портомъ Зейла Абиссинія почти дѣлъ не имѣетъ, такъ какъ дорога туда длиннѣе и менѣе безопасна. Существуетъ уже проектъ соединить Джибутти трансафриканскою желѣзною дорогою черезъ пустыню съ Харраромъ и далѣе вести ее черезъ Абиссинію, англійскія владѣнія, королевство Конго во французское Конго. Изслѣдованіе этого пути поручено губернатору послѣдняго, Брацца.

Эритрейя (какъ прозваны итальянскія владѣнія на Красномъ морѣ въ 1890 г.), послѣ мира въ Адисъ-Абада, при такомъ положеніи, не имѣя возможности отвлечь транзитъ отъ Джибутти на Массову и представляя, по добросовѣстному изслѣдованію депутата Плебано, пустыню, почти негодную для культуры и цивилизаціи, не въ силахъ болѣе существовать, тѣмъ болѣе что приходится воевать и съ махдистами, имѣющими виды на уступленную Англіей, хотя ей равнымъ образомъ не принадлежавшую, Кассалу. Итальянцы отъ Эритрейи вѣроятно откажутся, сохранивъ временно Массову. По договору съ негусомъ они должны мѣстность за Маребомъ уступить абиссинцамъ, и возможно, что въ нарушеніе договора они передадутъ Массову англичанамъ подъ предлогомъ, что портъ этотъ ранѣе принадлежалъ Египту. Но ни Франція, ни Россія не должны допускать подобной передачи, совершенно нарушающей равновѣсіе силъ на Красномъ морѣ. Морской берегъ нуженъ Абиссиніи, которая въ смыслѣ плодородія почвы, климата и орошенія поставлена въ благопріятныя условія. Ея почва пригодна вовсе не для одного куссо — средства отъ солитера, которымъ долгое время только и была извѣстна европейцамъ Абиссинія—но и для всѣхъ культурныхъ растеній Европы. Къ несчастію, постоянныя внутреннія и внѣшнія войны, а отчасти и характеръ самихъ абиссинцевъ мѣшаютъ развитію народнаго благосостоянія. Абиссинцы, занимаясь исключительно войною и наполняя многочисленныя монастыри, мало склонны къ занятію земледѣліемъ и разыгрываютъ роль господъ. Это своего рода Черногорія, съ населеніемъ въ пятнадцать разъ большимъ. Каждый абиссинецъ солдатъ въ душѣ, онъ страстно любитъ оружіе и походы, а работу предоставляетъ женщинамъ и галласамъ.

Развитію сношеній съ Россіей населеніе Абиссиніи, не вполнѣ довѣряющее французамъ, сочувствуетъ, смотря на русскихъ какъ на защитниковъ своей вѣры. Русскіе товары пользуются успѣхомъ и сбытъ ихъ былъ бы вполнѣ обезпеченнымъ, тѣмъ болѣе, что промышленныхъ заведеній въ Абиссиніи мало. Вывозятъ оттуда безпошлинно кофе и хлопокъ. Не нужно, впрочемъ, преувеличивать торговаго значенія нашихъ новыхъ друзей; страна, гдѣ все

одѣяніе мужчинъ часто въ однихъ длинныхъ панталонахъ, а женщинъ въ синей рубашкѣ, а пища растертые между двухъ камней хлѣбныя зерна, и въ видѣ роскоши немного сквернаго меда, не можетъ быть серьезною потребительницею. Самое выгодное продавать туда старыя ружья.

XXI. АФРИКА.

Мы присутствуемъ при событіи, важность котораго можно будетъ оцѣнить только въ будущемъ — это дѣлежъ Африки, части свѣта наименѣе интересовавшей до сихъ поръ европейцевъ, не смотря на близкое сосѣдство. Только Египетъ, который древніе считали частью Азіи, по своему необыкновенному богатству и выгодному географическому положенію, составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Остальная Африка служила только для снабженія колоній рабочею силою, а нѣкоторые пункты—пристанищемъ для кораблей, идущихъ въ Индію, Австралію и Америку. Внутренность же континента такъ была мало извѣстна, что еще тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ одинъ астрономъ могъ съ справедливою гордостью сказать, что карта луны гораздо точнѣе карты Африки.

Недоступности Африки содѣйствовали наиболѣе четыре обстоятельства: сплошная форма ея, лишенная морей и заливовъ, врѣзывающихся въ материкъ, убійственный для европейцевъ климатъ, отсутствіе воды или, наоборотъ, гніющія болота по берегамъ и характеръ мѣстности, представляющій огромное плато, спускающееся къ морю уступами, вслѣдствіе чего всѣ рѣки Африки падаютъ каскадами и потому не могутъ служить для непрерывнаго сообщенія съ внутренностью страны. Замѣчательно также, что середина этой части свѣта населена гораздо сильнѣе, нежели окраины, зато это густое мѣстами населеніе находится на очень низкомъ уровнѣ цивилизаціи; достаточно сказать, что есть въ Африкѣ обширныя области, гдѣ всѣ перевозки дѣлаются на плечахъ людей, есть области, гдѣ за недостаткомъ соли употребляютъ коровью мочу, есть наконецъ области, гдѣ благодаря мухѣ цеце никакое скотоводство невозможно.

Европейцамъ, однако, благодаря примѣненію пара къ промышленности, благодаря увеличенію населенія отъ водворенія безопасности и лучшихъ гигіеническихъ условій для низшихъ классовъ населенія, слишкомъ тѣсно на той территоріи, которую захватила ихъ цивилизація, и открытіе новыхъ рынковъ и новыхъ мѣстъ для колонизаціи становится насущною необходимостью. Европейская производительность такъ напряжена, что открытіе какой

нибудь Японіи съ тридцатимилліоннымъ населеніемъ только на два или на три года возбудило оживленіе; черезъ три года японскій рынокъ былъ такъ же переполненъ европейскими товарами, какъ и богатые рынки Силезіи и Бельгіи. При подобныхъ условіяхъ понятно, что остается только добираться до центра Африки и тамъ искать эту любимую экономистами расу «потребителей», такъ какъ въ Европѣ уже число производителей превосходитъ количественно число потребителей, и мы присутствуемъ при удивительномъ явленіи — позорномъ для человѣческаго ума — возрастаніи бѣдности массы при необыкновенномъ увеличеніи производительности, далеко превосходящемъ потребительную силу населенія. Этотъ перевѣсъ предложенія передъ запросомъ распространяется даже на предметы сельскаго хозяйства. Въ будущемъ можно ждать, что населеніе Европы перемретъ съ голоду оттого, что хлѣбъ и другіе продукты будутъ слишкомъ дешевы и изобильны!

Въ надеждѣ извлечь что нибудь изъ Африки, которая, за малыми исключеніями, являлась только поставщицей слоновой кости, страусовыхъ перьевъ, масляничныхъ сѣмянъ, а покупала болѣе водку и старыя ружья, европейскія государства и принялись кроить наслѣдіе Хама, какъ большой имянинный пирогъ. Теперь уже можно сказать, что свободныхъ береговъ Африки не осталось, да и внутри, если гдѣ еще по картѣ значатся незанятые клочки, то эта такая дрянь, которая не имѣетъ и не можетъ никогда имѣть никакой цѣнности, или же мѣстности, о которыхъ идетъ споръ.

Страсть къ африканскимъ завоеваніямъ, говоритъ Нордау, обратилась въ настоящую эпидемію. Эта манія поддерживается, по его мнѣнію, двухъ сортовъ людьми: лицемѣрами и циниками. Лицемѣры утверждаютъ, будто овладѣваютъ Африкой для пользы туземцевъ. а циники откровенно признаются, что дѣлаютъ захваты собственно для себя. Единственная культура, вводимая европейцами въ Африкѣ—это водка, и еслибъ запретили ея ввозъ, то половина интереса къ Африкѣ пропала бы. Чтобы имѣть возможность покупать спиртные напитки, туземцамъ приходится работать. Но къ чему развивать въ негрѣ вкусъ къ водкѣ и бумажнымъ тряпкамъ и увеличивать трудъ, отъ котораго негръ былъ до сихъ поръ свободенъ? Что касается проповѣди христіанства африканцамъ, то Нордау полагаетъ, что многіе изъ нихъ могутъ преподать уроки кротости и терпимости европейскимъ народомъ, желающимъ цивилизовать ихъ. Оставивъ въ сторонѣ лицемѣровъ, Нордау обращается къ циникамъ и спрашиваетъ — могутъ ли они надѣяться извлечь выгоды изъ своихъ захватовъ? Судя по настоящему положенію дѣлъ, было бы дешевле для плательщиковъ податей выдавать содержаніе африканскимъ войскамъ и чиновникамъ удерживая ихъ въ Европѣ.

Тропическія страны Африки недоступны для постоянныхъ европейскихъ поселеній и промышленныхъ предпріятій. Одинъ нѣмецкій путешественникъ сказалъ: «Гдѣ есть вода въ Африкѣ и

какая нибудь растительность, тамъ климатъ убійственный. А тамъ, гдѣ климатъ здоровый, нѣтъ воды и ничего не ростетъ». Самые крѣпко сложенные бѣлые, живя въ жаркомъ поясѣ, вырождаются черезъ нѣсколько поколѣній и становятся тѣнью своихъ предковъ, если не вымираютъ окончательно отъ нужды и болѣзней. Поселенцы между тропиками не только не двигаютъ впередъ цивилизаціи, но, напротивъ, вскорѣ у нихъ ничего не остается отъ прежнихъ физическихъ и интеллектуальныхъ качествъ, кромѣ испорченнаго языка, да кастовой спѣси. «При развитіи европейской эмиграціи экваторъ будетъ служить страшнымъ котломъ, гдѣ будетъ таять человѣческое мясо. Это возрожденіе древняго жертвоприношенія Молоху. Народы умѣренныхъ поясовъ будутъ бросать часть своихъ дѣтей въ его пасть, чтобы такимъ образомъ очистить мѣсто для остальныхъ». Но если сказанное справедливо, хотя и не вполнѣ, для тропической части Африки, то значительная часть ея и на сѣверѣ и на югѣ вполнѣ удобна для жизни европейцевъ. Эти-то страны и сдѣлались теперь по преимуществу цѣлью для захватовъ и подъ-часъ яблокомъ раздора.

Первый раздѣлъ Африки былъ произведенъ въ 1885 году, когда Германія вступила въ разрядъ колоніальныхъ державъ. Будучи младшей изъ этихъ державъ, Германія тѣмъ не менѣе руководила первой ихъ конференціей по дѣламъ Африки, собравшейся въ Берлинѣ. Франція и Германія могли быть довольны плодами совмѣстнаго дѣйствія, ибо аппетитъ Англіи былъ ограниченъ. Италія и Португалія, тогдашнія союзницы Англіи, ничего не выиграли: Португалія едва спасла свои прежнія пріобрѣтенія, Италія получила пустынную часть африканскаго берега подъ самымъ экваторомъ. Еще болѣе недовольна была Англія, которая все еще держалась мнѣнія, что и въ Африкѣ ей должна принадлежать львиная доля. Берлинская конференція создала новое государство Конго изъ мало-вѣдомыхъ странъ, впервые пройденныхъ Стенли— удивительнымъ примѣромъ газетнаго репортера, обратившагося въ вершителя судебъ народовъ.

Во время берлинской конференціи 1885 г., подымались нѣкоторыя принципіальные вопросы международнаго права, и нашъ уполномоченный на конференціи, графъ Капнистъ, не сидѣлъ все время молча, хотя Россія въ вопросѣ о Конго, напримѣръ, прямо заинтересована не была. Такъ, Капнистъ возражалъ противъ попытки признать Дунай, часть береговъ котораго принадлежитъ Россіи, какою-то международною державною территоріею. Далѣе нашъ посланникъ въ Голландіи протестовалъ противъ теоріи, признающей каменный уголь военною контрабандою. «Россія, сказалъ графъ Капнистъ, не допускаетъ примѣненія этой теоріи къ африканскимъ областямъ». Хотя нельзя признать эту фразу вполнѣ достаточною, но, во всякомъ случаѣ пріятно было услышать ее отъ русскаго дипломата, ибо при поверхностномъ даже уразумѣніи

ложенія Россіи на случай морской войны сдѣлается яснымъ, что ютивъ расширенія понятія о военной контрабандѣ въ томъ смыслѣ, обы въ нее входилъ каменный уголь, должна всегда энергиче-ки протестовать наша дипломатія.

Понятія о военной контрабандѣ и примѣненія понятій этихъ ь международному праву отличаются шаткостью и неопредѣленостью. Никто серьезно не можетъ отрицать права каждаго воюющаго государства воспрепятствовать нейтральнымъ государствамъ набжать своего противника предметами, могущими служить непріятелю для военныхъ цѣлей, но авторитеты международнаго рава спорятъ, слѣдуетъ ли подъ понятіе о контрабандѣ пододить тѣ предметы, которые не непосредственно, а только косвнно могутъ быть необходимы для военныхъ цѣлей. Такъ, лошади могутъ требоваться не для одной кавалеріи, но и для сельскаго хозяйства; сѣра и селитра не для одного пороха, но и для имическихъ заводовъ и т. д.

Разрѣшить напередъ, что такое военная контрабанда, очень рудно, и профессора международнаго права много потратили на го византійской діалектики; большая часть правительствъ понятіе военной контрабандѣ опредѣляетъ всякій разъ по-своему смотря о потребностямъ.

Считать ли каменный уголь военною контрабандою—одинъ изъ аиболѣе спорныхъ вопросовъ международнаго права. Изъ автоитетовъ послѣдняго, Блюнчли скорѣе противъ захвата угля, кромѣ ѣдкихъ, исключительныхъ случаевъ доставки его на военныя уда противника; наоборотъ, Кильморъ, Гесснеръ, Перельсъ и др. аходятъ захватъ угля во многихъ случаяхъ правильнымъ. На рактикѣ, въ крымскую войну англійское правительство признало аменный уголь контрабандою. въ итальянскую—Франція и Италія отказались отъ такого признанія, въ франко-прусскую войну англійское правительство снова запретило торговымъ судамъ подвозъ угля французскому флоту въ Сѣверномъ морѣ. Эти дѣйствія объясняются весьма просто интересами каждой изъ вышеупомянутыхъ державъ.

Дѣйствія Россіи должны подходить ближе къ дѣйствіямъ Франціи и Италіи, нежели къ дѣйствіямъ Англіи. Во время послѣдней восточной войны наше правительство не объявляло каменнаго угля военною контрабандой, но по одному случаю оно не предоставило, днако, этому товару какъ бы полной свободы обращенія. Дѣло ыло такъ. Въ маѣ 1877 г. англійское правительство возбудило опросъ: дозволено ли будетъ англійскимъ судамъ, не опасаясь ахвата, перевозить въ Портъ-Саидъ каменный уголь для употребленія на купеческихъ судахъ, проходящихъ черезъ Суэзскій каалъ? Наше министерство иностранныхъ дѣлъ, вступивъ объ этомъ ъ переписку съ морскимъ министерствомъ, высказало мысль, что ожно бы изъявить на это согласіе на тѣхъ же основаніяхъ, ко-

торыя были приняты для перевозки на нейтральныхъ судахъ каменнаго угля, предназначеннаго для англійскихъ военныхъ судовъ, пребывающихъ въ непріятельскихъ портахъ съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы великобританское правительство впередъ объявило о количествѣ каменнаго угля, необходимаго на опредѣленное время для предположенной цѣли, дабы не могло произойти никакого злоупотребленія, такъ какъ Портъ-Саидъ находится на территоріи непріятельской державы. Морской министръ, покойный Лесовскій, отвѣтилъ, что такъ какъ каменный уголь не объявленъ военной контрабандой и Портъ-Саидъ блокировать не предполагается, то доставленіе угля въ этотъ портъ на англійскихъ судахъ можетъ производиться безпрепятственно, и для огражденія этихъ грузовъ угля отъ захвата нашими крейсерами не требуется особыхъ удостовѣреній о назначеніи угля. Взглядъ морского министра былъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильный; все-таки для успокоенія Англіи относительно пропуска каменнаго угля для англійскихъ судовъ въ непріятельскихъ портахъ была послана, по Высочайше утвержденному докладу кн. Горчакова, инструкція командирамъ нашихъ морскихъ силъ, по которой они имѣли право требовать отъ англійскихъ судовъ, перевозящихъ уголь въ турецкіе порты, въ числѣ другихъ судовыхъ документовъ, и свидѣтельства, выдаваемыя англійскимъ адмиралтействомъ и удостовѣренныя русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, что уголь дѣйствительно назначенъ для англійскихъ военныхъ судовъ.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ наше правительство какъ бы отступилось отъ категорическаго признанія, что каменный уголь не будетъ считаемъ вообще военною контрабандою. Графъ Капнистъ заявилъ, что въ предѣлахъ африканскихъ водъ Россія также не согласна признавать каменный уголь военною контрабандою. Но мнѣ кажется, что въ интересахъ Россіи слѣдовало бы добиваться признанія этого принципа не для одной Африки, но и вообще для всѣхъ случаевъ, кромѣ указываемыхъ Блюнчли, а именно когда каменный уголь непосредственно доставляется непріятельской эскадрѣ.

Дѣйствительно, признаніе каменнаго угля военной контрабандой выгодно только Англіи и англійскому военному флоту. Она одна снабжаетъ и весь міръ, и себя собственнымъ каменнымъ углемъ. Хотя въ случаѣ таковаго признанія англійскій уголь будетъ подлежать захвату и на нейтральныхъ судахъ, но, во-первыхъ, угольные призы очень малоцѣнны, чтобы стоило изъ-за нихъ связываться и спорить съ нейтральными державами, во-вторыхъ, перевозка англійскаго угля подъ нейтральнымъ флагомъ сравнительно рѣдкое исключеніе. Совсѣмъ не то для Россіи. У насъ только крейсерство на Черномъ морѣ не нуждается въ привозѣ иностраннаго каменнаго угля, ибо свой можетъ быть всегда доставленъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ Донецкаго бассейна. Флотъ же на мо-

ряхъ Балтійскомъ, Бѣломъ, въ Тихомъ океанѣ и вообще вездѣ, гдѣ могутъ плавать русскіе крейсеры и добровольцы, нуждается въ подвозѣ иностраннаго каменнаго угля. Такъ какъ русскій торговый флотъ есть миѳъ, да и во время войны онъ едва ли дерзнетъ плавать гдѣ-либо, то единственнымъ источникомъ для снабженія насъ углемъ остается перевозка его на нейтральныхъ судахъ, но и она сдѣлается если не невозможною, то очень рисковою и дорого стоющею при признаніи каменнаго угля военною контрабандою, то есть подлежащимъ захвату и подъ нейтральнымъ флагомъ.

Каменный уголь имѣетъ, между тѣмъ, для насъ не одно военное значеніе. Безъ привознаго каменнаго угля, просто, не можетъ существовать промышленность всего Балтійскаго побережья, а это ровно треть всей русской промышленности. Уже въ крымскую войну недостатокъ угля давалъ себя знать, но съ тѣхъ поръ промышленность здѣсь удесятерилась. Признаніе каменнаго угля контрабандою въ случаѣ морской войны поставитъ обширную часть Россіи въ самое критическое положеніе, особенно если война будетъ продолжительна. Поэтому, наши дипломаты свободу угля отъ захватовъ и исключеніе его изъ списка предметовъ военной контрабанды должны поддерживать всегда и всюду крайне настойчиво и принципъ этотъ формулировать при каждомъ удобномъ случаѣ съ достаточною ясностью и опредѣленностью.

Не смотря на недовольство первымъ раздѣломъ Африки, англичане вошли въ дружественныя отношенія къ Германіи, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго момента для второго раздѣла Африки. Чего англичане не могли добиться силою отъ Германіи, то они надѣялись получить ловкостью. Дѣйствительно, для Германіи возникли серьезныя затрудненія въ колоніяхъ; нѣмцы — новички въ этомъ дѣлѣ — не нашли сразу выхода изъ затрудненій и это повредило ихъ обаянію, чѣмъ и воспользовались англичане. Они разорили нѣмецкія предпріятія на Нигерѣ и Бенуэ, у Камерунскаго берега, и съ обычною безцеремонностью захватили островъ Ламу, торговый центръ германской колоніи Виту; англійскій генеральный консулъ въ Занзибарѣ поставилъ также въ крайне опасное положеніе экспедицію, посланную Германіей на выручку Эмина-паши, запретивъ Петерсу выгружать оружіе; сами же англичане отправились на выручку Эмина-паши, дабы этимъ способомъ обезпечить себѣ свободный доступъ къ германскимъ владѣніямъ въ восточной Африкѣ. Кромѣ того, англичане изъ Капской области наступая въ сѣверномъ направленіи, сдѣлали захваты, вплоть до германскихъ владѣній во внутренней Африкѣ. Италія съ своей стороны захватила Оббію въ Сомалійскомъ султанствѣ, и хотѣла занять Кисмаю, главный портъ Сомалійской области, хотя эта область была пріобрѣтена германскимъ восточно-африканскимъ обществомъ, по договору. Дабы покончить споры, нѣмцы согласились съ англичанами на новый раздѣлъ и въ 1890 г. перекроили четвер-

тую часть Африки по ихъ усмотрѣнію, не стѣсняясь мнѣніемъ другихъ державъ и тѣмъ менѣе желаніемъ туземцевъ. Нѣмцы согласились подчинить Занзибаръ протекторату Англіи, не спрашиваясь султана послѣдняго, и сверхъ того отдали англичанамъ Виту и Сомалійскій берегъ. Англичанамъ окончательно досталась вся территорія къ сѣверу отъ великихъ озеръ вплоть до Абиссиніи и экваторіальныхъ провинцій, окончательно потерянныхъ Эминомъ-пашею. Къ югу земли взяли себѣ нѣмцы, отнявъ у занзибарскаго султана берега отъ Дельгадо до Паньона. Трактатъ исправилъ и другія нѣмецко-англійскія границы въ Африкѣ.

Громадная площадь внутренней Африки, свыше 2 милл. квадр. верстъ, почти неизвѣстная двадцать лѣтъ назадъ, образуетъ новое королевство Конго, состоящее въ династической связи съ Бельгіей, съ правомъ послѣдней въ 1900 году присоединить себѣ Конго и совсѣмъ, за уплатою нѣкоторыхъ издержекъ. Если же Бельгія когда либо откажется отъ этого владѣнія, оно переходитъ къ Франціи, у которой, а частью у Португаліи, взятъ выходъ для королевства къ Атлантическому океану.

Конго управляется изъ Брюсселя, преимущественно на средства короля Леопольда II, такъ какъ полудикая территорія не покрываетъ расходовъ управленія. Англичане къ тому же вынудили новое королевство держаться принциповъ свободной торговли, т. е. лишить себя лучшей части доходовъ—таможенныхъ. Англія вообще держитъ Конго въ своихъ рукахъ и даже убѣдила ея короля отдать ей территоріи, которыя установляли непосредственную связь ихъ владѣній въ средней и южной Африкѣ съ египетскимъ Суданомъ, но Франція не допустила этой затѣи. Въ настоящую минуту, впрочемъ, между Конго и Англіей произошло минутное охлажденіе изъ-за разстрѣлянія капитаномъ Лотеромъ одного англійскаго авантюриста. Цивилизаторская миссія Конго, какъ и другихъ европейскихъ поселеній въ тропической части Африки, подвергается сомнѣніямъ. Африканскій дикарь способенъ къ образованію и къ культурѣ не хуже европейца, но большой вопросъ, станетъ ли этотъ дикарь счастливѣе отъ нашей цивилизаціи?

Какъ извѣстно, не было проявленія болѣе гнуснаго лицемѣрія, какъ во всѣхъ попыткахъ Англіи прекратить торговлю африканскими невольниками. Прикрываясь громкими фразами гуманности, свободы, блага дикарей, Англія въ дѣйствительности искала только предлога для разоренія, тѣхъ конкурирующихъ съ ея индійскими владѣніями, государствъ и колоній, которымъ, по условіямъ тропическаго климата, трудъ чернокожихъ необходимъ.

Хотя умыселъ Англіи давно былъ разоблаченъ, но она отъ времени до времени умѣла улавливать на этотъ счетъ наивныхъ. Къ числу послѣднихъ не замедлили, конечно, причислиться и наши дипломаты нессельродовской эпохи. Извѣстно, что, въ силу англо-русскаго договора о торговлѣ и мореплаваніи 1841 г. (по-

томъ возобновленнаго въ 1879 г.), Россія признала за англійскими крейсерами безусловное право осмотра (droit de visite), хотя недовѣріе къ Англіи въ этомъ случаѣ имѣло за собою извѣстныя историческія данныя. Англія стояла за право осмотра, такъ какъ это право обезпечивало ей неограниченное господство на морѣ. Въ прошломъ столѣтіи ея произволъ въ этомъ отношеніи и былъ причиною провозглашенія вооруженнаго нейтралитета.

Видя, что Германія, Франція и Португалія дѣлаютъ успѣхи на африканскомъ континентѣ, Англія задумала снова половить рыбку въ мутной водѣ, поигравъ на дудкѣ гуманности, для чего и обратилась къ посредничеству своего главнаго агента на континентѣ, короля бельгійскаго, который хотя и дружитъ втайнѣ съ Германіей, но еще болѣе зависитъ отъ англичанъ, чтобы отказать имъ въ доброй услугѣ. И вотъ, по инціативѣ Леопольда II, а въ дѣйствительности по просьбѣ лорда Салисбюри, переданной лордомъ Вивіаномъ въ Брюсселѣ, въ ноябрѣ 1889 г. была созвана новая конференція о прекращеніи невольничества.

Конференція засѣдала семь мѣсяцевъ, засѣданія ея были почему-то облечены тайною, но, вслѣдствіе противодѣйствія Франціи, Турціи и Португаліи, англичанамъ не удалось при всей таинственности провести публику, что видно изъ генеральнаго акта конференціи, подписаннаго 2-го іюля 1890 года.

Казалось бы, что Россіи вопросъ объ африканскихъ невольникахъ вовсе не касается. Но мы приняли участіе въ брюссельской конференціи и даже, какъ увѣряли «Новости», «явились на ней выразителями историческихъ (?) традицій Россіи, которая всегда стремилась къ идеальному благу, къ освобожденію страдающаго человѣчества». Въ особенности, по словамъ «Новостей», замѣчательна была роль на конференціи г. Мартенса. Онъ «блистательно» разрѣшилъ «трудную задачу конференціи» и при томъ «съ большимъ талантомъ и тактомъ». Англичане и французы готовы были уже перессориться между собою. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, если вѣрить «Новостямъ», конференція, по предложенію французскаго уполномоченнаго Когордана, обратилась къ русскому уполномоченному съ просьбою примирить противоположные взгляды выработкой новаго проекта. «Задача была въ высшей степени трудная, почти неразрѣшимая». Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней, г. Мартенсъ предложилъ составленный имъ новый проектъ, въ которомъ «чрезвычайно остроумно обойдено было главное препятствіе и удовлетворялись интересы обѣихъ сторонъ».

Остроуміе г. Мартенса дѣйствительно блистательно, если ему, можетъ быть въ жизни не видавшему чернаго невольника береговъ Африки и Индѣйскаго океана, удалось въ нѣсколько дней разрѣшить то, надъ чѣмъ сотни лѣтъ напрасно бились государственные люди и авторитеты международнаго права.

Торговля теперь уже не производится на большихъ невольничьихъ судахъ, а на небольшихъ баркасахъ, обыкновенно не превышающихъ 450 тоннъ вмѣстимости. Противъ этихъ невольничьихъ кораблей г. Мартенсъ предложилъ сохранить право осмотра въ тѣхъ случаяхъ, когда эти корабли идутъ подъ флагомъ страны, признающей такое право. Если же подозрительный корабль плаваетъ подъ флагомъ страны, не признающей droit de visite, напримѣръ, подъ флагомъ Франціи, то крейсеръ, останавливающій судно, не имѣетъ права приступить къ его осмотру, а можетъ лишь потребовать отъ него корабельныя бумаги для провѣрки. Если изъ этой провѣрки выяснится вполнѣ правильный характеръ судна и его груза, то все дѣло этимъ и ограничивается. Если же подозрѣнія не разсѣются, то судно безъ всякаго осмотра отводится крейсеромъ въ ближайшій портъ, гдѣ имѣется консулъ той страны, подъ флагомъ которой подозрительное судно захвачено. Въ портѣ производится предварительное слѣдствіе, послѣ котораго консулъ произноситъ окончательный приговоръ, руководствуясь, въ случаѣ виновности, постановленіями регламента. Слѣдовательно, судить задержанныя суда могутъ исключительно власти того государства, подъ флагомъ котораго они плаваютъ.

Таковы главныя основанія проекта, составленнаго г. Мартенсомъ и принятаго единогласно брюссельской конференціей. «Можно сказать, прибавляли «Новости», что этимъ проектомъ спасена была участь конференціи и предложены были самыя практическія мѣры для борьбы со зломъ». Что честь конференціи этимъ, можетъ быть, была спасена и что дипломатамъ удалось подписать протоколъ, я не сомнѣваюсь, но очень сомнительно, чтобы этотъ дипломатическій «инструментъ» оказался практическимъ. Стоитъ для торговли неграми строить суда не въ 500, а въ 501 тонну (конференція приняла 500 тоннъ)—и все остроуміе г. Мартенса обратится въ ничто.

Да и остроуміе проекта вообще не велико. Если считалось унизительнымъ пустить на свое судно для осмотра англійскаго офицера, то не унизительнѣе ли подвергаться за сотни миль таскпнію подъ конвоемъ англійскаго судна для осмотра, послѣ котораго можетъ ничего не оказаться, да навѣрно и не окажется, такъ какъ по дорогѣ ночью можно побросать всѣхъ невольниковъ въ море.

Относительно торговли невольниками можно замѣтить, что она зависитъ отъ жадности европейцевъ къ слоновой кости и уничтоженіе ея невозможно, по милости соперничества между европейцами. Знаменитый путешественникъ Казати, ратуя противъ торговли неграми, признаетъ вопросъ о рабствѣ весьма спорнымъ и разрѣшимымъ лишь съ помощью постепенныхъ мѣропріятій, безъ рѣзкихъ потрясеній, которыя только способны увеличить трудности. Хотя общественное мнѣніе Европы чтитъ память Уильберфорса, какъ одного изъ благодѣтелей человѣчества, но подымалось не мало го-

лосовъ, особенно во Франціи, Испаніи и Америкѣ, равнымъ образомъ доказывавшихъ, что если торговля неграми можетъ быть прекращена, то совершенно иного требуетъ рабство. Порожденное, какъ необходимость, въ состояніи младенчества человѣческой цивилизаціи, оно должно исчезнуть не въ силу случайностей или какихъ либо внезапныхъ реформъ, а вслѣдствіе постепеннаго перерожденія соціальнаго строя. Было бы «безсмысліемъ и варварствомъ» насильственно и немедленно освободить африканскихъ рабовъ, не соображаясь съ экономическими и другими условіями. Африканцы не могутъ усвоить сразу того, чему христіанство учило европейцевъ въ теченіе девятнадцати вѣковъ. На этотъ счетъ назидательныя данныя собраны въ брошюрѣ Брехта «Kirche und Sklaven».

Масса природныхъ препятствій въ Африкѣ ставила постоянныя препятствія духовному и моральному развитію ея населенія. Объявленія войны работорговлѣ, преслѣдованія ея въ сокровеннѣйшихъ уголкахъ, исключенія самой возможности ея производства, вслѣдствіе воспрещенія продажи товара на рынкахъ, еще недостаточно. Осилить арабовъ, этотъ фанатическій народъ, не понимающій основныхъ идей отечества и нравственности,—вотъ единственное средство, пригодное для достиженія цѣли, по мнѣнію Казати. До тѣхъ поръ, пока раса эта сохранитъ за собой преимущество въ сѣверной и средней Африкѣ, всякая попытка цивилизаціи послѣдней останется безплодной. Этого мнѣнія держался и Гордонъ, но его слишкомъ энергическія дѣйствія противъ арабовъ и невольничества и были причиною потери Судана и экваторіальныхъ провинцій Египта.

Замѣчательно, что англичане являлись недавно еще самыми ретивыми работорговцами. Вывозъ негровъ производился европейцами въ прошломъ столѣтіи въ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ нѣкоторые годы онъ простирался до 100,000 штукъ. Восточно-африканскіе арабы—мелочные торговцы въ сравненіи съ огромной торговлей человѣческимъ мясомъ, какой занимались европейскія націи до недавняго времени.

Одинъ нѣмецкій пасторъ замѣтилъ своимъ прихожанамъ: «я беру жалованье, чтобъ учить, какъ слѣдуетъ поступать добродѣтельно, но еслибъ отъ меня потребовали исполнить то, чему я учу васъ, я не взялъ бы въ пять разъ болѣе жалованья». Въ политическомъ мірѣ этотъ пасторъ — Англія. Съ такимъ же лицемѣріемъ, какъ дѣйствовала она въ прекращеніи торговли неграми, преподаетъ Англія всѣмъ народамъ уроки международнаго права и по другимъ вопросамъ, сама же безпрерывно нарушаетъ его первая, совершая вопіющія насилія въ странахъ отдаленныхъ надъ государствами слабыми; хотя относительная слабость государства никогда еще не давала никому права забывать элементарныя понятія о правѣ.

Въ 1848 году англичане, тяготясь управленіемъ обширной и малонаселенной страной къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, образовали изъ нея четыре округа и предложили голландскимъ колонистамъ, населявшимъ территорію, управляться самостоятельно, сохраняя за собою верховную власть и покровительство. Въ 1854 году, разсчитавъ, что покровительство равносильно содержанію небольшого войска и требуетъ расходовъ, англичане предложили колонистамъ совершенное отдѣленіе. Колонисты, окруженные со всѣхъ сторонъ враждебными африканскими племенами, долго отказывались отъ самостоятельности, но англичане рѣшительно оставили ихъ, и по особому договору была образована республика Оранжевой рѣки, въ которую вошла вся территорія между рѣками Оранжевой, Вааль и горою Дракенсбергъ. Въ томъ же договорѣ, изъ опасенія англійскихъ интригъ, было выговорено, что англичане не заключаютъ болѣе никакихъ договоровъ съ африканскими племенами, сосѣдними съ новою республикою.

Сначала все шло хорошо и Оранжевую республику, вслѣдъ за Англіей, признали Соединенные Штаты, Германія, Франція, Россія, Австрія, Италія, Испанія и Голландія. Въ 1869 году въ республикѣ были найдены богатыя алмазныя копи,которыя привлекли приливъ новыхъ колонистовъ и обѣщали большія выгоды. Англичане смекнули, что дурно сдѣлали, уступивъ республикѣ самостоятельность; раскаяніе ихъ было тѣмъ сильнѣе, что съ прорытіемъ Суэзскаго канала капскимъ колоніямъ угрожалъ кризисъ и обѣднѣніе; помочь колоніальному правительству доходомъ отъ чужихъ алмазныхъ копей показалось англичанамъ весьма подходящимъ.

Не задумываясь долго, англичане въ 1870 году объявили Оранжевой республикѣ, что одинъ изъ искателей алмазовъ, капитанъ Ватербоэръ, просилъ принять его въ англійское подданство, признавая его копи англійскою собственностью; не успѣла эта бумага дойти до Блемфонтейна, столицы Оранжевой республики, какъ четыре дня спустя, не дожидаясь отвѣта, англичане захватили богатую территорію и послали туда своихъ чиновниковъ. Правительство республики протестовало и просило въ крайнемъ случаѣ поручить разборъ дѣла третейскому суду какого либо нейтральнаго государства. На это министръ колоній графъ Кимберлей отвѣчалъ, что третейскій судъ можетъ вызвать въ южной Африкѣ «серьезныя политическія компликаціи». Въ слѣдующихъ депешахъ англійское правительство оправдывало свой захватъ тѣмъ, что республика не устроила порядочной администраціи на копяхъ, чѣмъ затруднила будто бы ихъ разработку, а также Англія имѣетъ свѣдѣнія, что республика занимается торговлею неграми. Республиканское правительство легко доказало всю фальшивость подобныхъ обвиненій; тогда англійское правительство обличило республиканское правительство въ поддѣлкѣ документовъ, довольно, впро-

чемъ, косвенно. Мало того, узнавъ, что алмазы находятся и въ территоріи Кемпбеля, уступленной республикѣ племенемъ грикасовъ, англичане объявили притязанія и на эту землю, забывъ договоръ, воспрещающій имъ вмѣшиваться въ споры республики съ сосѣдями.

Правительство Оранжевой республики обратилось тогда ко всѣмъ державамъ съ торжественнымъ протестомъ, прекрасно написаннымъ, противъ наглаго нарушенія международнаго права и попранія сильнымъ правъ слабаго государства, которое старалось всегда жить съ англичанами въ дружбѣ и честно исполняло трактаты. Протестъ Оранжевой республики остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что у европейскихъ государствъ довольно своихъ несправедливостей и правонарушеній, чтобъ идти возстанавливать законность въ южную Африку, да еще въ странѣ, которая немногимъ и было извѣстна.

Для насъ это дѣло могло имѣть интересъ, но не потому, чтобъ мы желали поддерживать справедливость въ южномъ полушаріи, но ради того, что съ англичанами Россія имѣла свои счеты и объясненія, для которыхъ дѣло Оранжевой республики могло послужить урокомъ. Но, конечно, наша дипломатія оставила дѣло безъ всякаго вниманія.

Видя грустное положеніе Оранжевой республики, другая голландская республика—Трансвааль, также образовавшаяся изъ колонистовъ, ушедшихъ изъ-подъ англійскаго режима въ Капской землѣ, постаралась совершенно уединиться и отыскать для сбыта своихъ продуктовъ выхода въ португальскій портъ Луренсо-Маркесъ. Англичане не оставили въ покоѣ и эту республику. Они едва не захватили Луренсо-Маркеса (присужденнаго окончательно Португаліи только въ 1877 г., по третейскому суду Макъ-Магона) и, воспользовавшись финансовыми затрудненіями молодой республики, предложили въ 1877 г., черезъ британскаго дипломатическаго агента Шипстона, присоединиться къ англійскимъ владѣніямъ, что и было принято.

Неудачная война съ зулусами, предпринятая послѣ присоединенія земли кафровъ, и пораженіе англичанъ въ 1880 г. подали мысль голландскимъ колонистамъ возстать. Они трижды поколотили англичанъ и особенно сильно при Majuba Hill. Гладстонъ приказалъ тогда главнокомандующему вступить въ переговоры съ новою республикою, принявшею имя Южно-Африканской. Послѣдняя стала независимою подъ условіемъ не заключать трактатовъ безъ согласія Англіи. Къ счастью колонистовъ, въ 1887 г. въ республикѣ было найдено золото и она быстро обогатилась и привлекла массу колонистовъ. Это богатство естественно возбудило зависть англичанъ, которые въ это время, лучше оцѣнивъ значеніе материка Южной Африки, сдѣлали очень много для упроченія своего тамъ положенія. Продолжая свою вѣковую политику:

подбирать то, что плохо лежитъ. Англія, заѣхавъ разъ въ португальскій hinterland, черезъ губернатора Капской колоніи увѣдомила правительство Трансваальской республики, что эти страны: Матабале, Машона, Макалака, а также вся территорія до Замбезе находятся въ «сферѣ исключительно англійскаго вліянія». Извѣстно, что означаетъ эта фраза. Такимъ образомъ англичане сдѣлались владѣльцами страны, изобилующей золотомъ, алмазами и др. минеральными богатствами и служащей прямымъ путемъ внутрь Африки; кромѣ того англичане захватили весь бассейнъ верховьевъ Замбезе, помощью которой идетъ къ Индійскому океану торговля центральной Африки. Особенно много сдѣлано въ этой мѣстности Сесилемъ Родсомъ, прозваннымъ «южно-африканскимъ Наполеономъ». Онъ, въ качествѣ перваго министра, отлично велъ дѣла Капланда, а затѣмъ организовалъ новое государство изъ обширныхъ странъ къ сѣверу отъ этой колоніи до Замбезе, причемъ разрѣзалъ на-двое португальскія владѣнія и окружилъ съ сѣвера голландскія республики англійскими владѣніями*).

Голландскія республики отвѣчали на эти захваты упроченіемъ у себя голландскаго языка въ администраціи и судѣ и ограниченіемъ правъ новыхъ пришельцевъ. Возрожденіе голландскаго элемента въ самыхъ владѣніяхъ англичанъ въ Капѣ и Наталѣ повело къ образованію, по мысли Гофмейера, «Африканскаго союза», который долженъ былъ объединить политическія усилія голландцевъ. Скоро, однако, республики увидѣли, что союзъ «африкандеровъ» для ихъ независимости опасенъ; они отказались отъ таможеннаго объединенія и съ трудомъ согласились въ 1890 г. оставить маленькое черное королевство Свизиланда подъ общимъ протекторатомъ. Но если боэры республикъ нашли мало поддержки отъ своихъ соплеменниковъ въ англійскихъ владѣніяхъ, то къ нимъ неожиданно пришла помощь съ другой стороны, отъ Германіи.

Германіи удалось водвориться въ южной Африкѣ въ 1884 г. только хитростью. Бисмаркъ спросилъ лорда Гренвиля составляетъ ли берегъ къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки принадлежность Капской колоніи? Не подозрѣвая задней мысли, англійскій министръ отвѣчалъ, что колонія не претендуетъ на эту мѣстность. Бисмаркъ немедленно объявилъ ее нѣмецкою; англичане подняли шумъ, но имъ удалось вырвать обратно только клочокъ (правда, лучшій)—Китовую бухту. Занявъ эту мѣстность, нѣмцы вошли въ дружественныя сношенія съ боэрами, президентъ Трансвааля Крюгеръ въ 1885 г. посѣтилъ Берлинъ. Опасаясь, что нѣмцы станутъ сосѣдями боэровъ, англичане безъ церемоніи заняли Бечуаналендъ и

*) Эти земли образовали область, обладающей верховными правами компанія British South Africa: часть ея переименована нынѣ въ Родезію. Подобная же компанія имѣется и для земель по р. Нигеру. Такимъ образомъ, вопреки своимъ же классическимъ экономистамъ, англичане вернулись къ системѣ привиллегированныхъ большихъ компаній.

такимъ образомъ навсегда разъединили нѣмецкія колоніи юго-западной Африки, весьма бѣдныя, отъ богатыхъ голландскихъ республикъ.

Нѣмцы, однако, нашли отличный случай отомстить и установить надъ голландцами родъ нравственнаго протектората. Богатства Трансвааля въ золотѣ, поставившія быстро эту страну рядомъ съ Калифорніей и Австраліей и доставившія громадныя барыши спекулянтамъ въ родѣ Барнато, Гирша и др., вновь возбудили аппетиты англичанъ. Подъ руководствомъ Родса, съ тайнаго благословенія англійскаго министра колоній Чемберлена, англичане на территоріи Южно-Африканской компаніи снарядили въ концѣ 1895 году флибустьерскую экспедицію для завоеванія Трансвааля, подъ предлогомъ угнетенія тамъ англичанъ! Предупрежденные во-время боэры поколотили вновь англичанъ и взяли въ плѣнъ предводителя разбойничьей шайки Джемсона. Англійское правительство заступилось бы навѣрное за своихъ, но германскій императоръ поспѣшилъ поздравить торжественно президента Южно-Африканской республики Крюгера съ побѣдою и высадилъ въ Лауренсо-Марксѣ германскихъ матросовъ для подачи помощи боэрамъ.

Это возмутило и вмѣстѣ съ тѣмъ напугало англичанъ. Они для виду присудили выданнаго имъ Джемсона съ его сообщниками къ тюремному заключенію, и хотя затѣмъ скоро помиловали, по требованію общественнаго мнѣнія, видѣвшаго въ разбойникѣ національнаго героя, но все-таки стали къ южнымъ республикамъ относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ противъ прежняго. Интриги, однако, продолжаются; такъ англичане вызвали возстаніе въ Бечуаналендѣ. По германскимъ газетамъ этотъ африканскій инцидентъ имѣлъ связь съ возвращеніемъ Сесиля Родса на родину. На африканской почвѣ выростетъ, безъ сомнѣнія, еще много поводовъ къ препирательствамъ между Германіей и Англіей и поэтому не мѣшаетъ отмѣтить напечатанный въ «Berliner Neueste Nachrichten» документъ, въ которомъ содержатся нѣкоторыя интересныя подробности, касающіяся Россіи и Трансвааля. Послѣ набѣга Джемсона, посланецъ президента Крюгера, послѣ поѣздки въ Парижъ, долженъ былъ также отправиться и въ С.-Петербургъ. Но, благодаря образу дѣйствій тогдашняго министерства Буржуа, поѣздка въ Россію не состоялась. Это не первый примѣръ, что французскіе радикалы, въ угоду ненавидящимъ Россію соціалистамъ, дѣйствуютъ по отношенію къ намъ двулично. Теперь, заключаетъ упомянутый документъ, положеніе дѣла, насколько оно касается Россіи и Франціи, совершенно измѣнилось; Россія нынѣ, фактически, руководитъ Европой, и слѣдовало бы послать изъ Преторіи въ С.-Петербургъ дипломатическаго агента, для того, чтобы уяснить, насколько англійская политика имѣетъ шансы на успѣхъ въ Европѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ наша дипломатія должна твердо идти рука объ руку съ германскою и не до-

пускать ни въ какомъ случаѣ англичанъ до новыхъ захватовъ чужой собственности. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что дѣятельность Родса и нѣкоторымъ англичанамъ кажется еще не совсѣмъ ясною. «Times» высказалъ подозрѣніе, что Родсъ хочетъ устроить южноафриканскіе соединенные штаты, въ которыхъ играть роль Вашингтона. Если это такъ, то наше сочувствіе должно быть и на сторонѣ Родса.

Какъ извѣстно, въ половинѣ прошлаго столѣтія Франція была, послѣ Испаніи, первою колоніальною державою. Она владѣла Канадой и всѣмъ теченіемъ Миссисипи и Миссури, т. е. большею частью нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ; въ Индіи французы занимали—по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи—то же положеніе, которое заняли теперь англичане. Санъ-Доминго снабжалъ всю Европу сахаромъ и царилъ между Антильскими островами. Все это было утрачено, по словамъ историковъ, ошибками царствованія Людовика XV и войнами первой республики, но, вѣрнѣе, оттого, что французскія заморскія колоніи не имѣли прочнаго базиса, существуя исключительно ловкостью нѣсколькихъ лицъ, умѣвшихъ съ малыми средствами поддерживать престижъ Франціи въ отдаленныхъ странахъ.

Послѣ того Франція неоднократно желала возсоздать себѣ колоніальныя владѣнія, но каждый разъ неособенно удачно; англичане ревниво слѣдили за дѣйствіями въ этомъ направленіи французовъ и разстраивали всѣ ихъ планы. Надобно сказать также, что общественное мнѣніе очень слабо поддерживало въ колоніальномъ вопросѣ правительство. Потерявъ съ 1870 года преобладающее значеніе въ Европѣ, французы вновь задумали расширить свои внѣевропейскія владѣнія. Въ короткій періодъ времени, Франція захватила Тунисъ, утвердилась въ Тонкинѣ, превратила протекторатъ надъ Таити и Новогебридскими островами въ фактическое владѣніе, устроила срочную пароходную линію изъ Марселя въ Австралію, дѣятельно расширяетъ свои владѣнія въ Сенегалѣ, захватила устья Конго и, наконецъ, подтвердивъ права Франціи на островъ Мадагаскаръ, сначала установила надъ нимъ протекторатъ, а затѣмъ и совсѣмъ завоевала его.

Послѣдняя попытка заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ Мадагаскаръ — территорія не маловажная. Площадь его на 7 милліоновъ десятинъ болѣе площади всей Франціи, населеніе равно 4 милліонамъ, и островъ можетъ прокормить населеніе въ десять разъ большее, вслѣдствіе богатства своей почвы. Климатъ середины острова здоровый, берега легко доступны судамъ, а положеніе посреди торговыхъ путей на Суэзъ и вокругъ мыса Доброй Надежды, по сосѣдству французскихъ, португальскихъ и англійскихъ колоній, чрезвычайно выгодное.

Права Франціи на Мадагаскаръ были существенны, конечно на столько, на сколько вообще имѣютъ подъ собою юридическую

почву колоніальныя притязанія стараго времени. Еще въ 1642 г. нѣкто Риго или Рико получилъ отъ Ришелье исключительную привиллегію на торговлю съ Мадагаскаромъ, а довѣренный Риго, Прони, выстроилъ Фортъ-Дофэнъ на полуостровѣ Толонгавѣ. Преемникъ Прони, Флакуръ, устроилъ много новыхъ постовъ въ разныхъ мѣстахъ острова и окрестилъ Мадагаскаръ названіемъ «Восточной Франціи». Преемники Флакура занимали новыя мѣста; къ сожалѣнію, назначенный Кольберомъ въ 1670 году, вице-королемъ, Деге надѣлалъ столько ошибокъ, что вызвалъ возстаніе и, не надѣясь справиться съ послѣднимъ, ушелъ со всѣмъ гарнизономъ въ Индію.

Съ тѣхъ поръ, до царствованія Людовика XV, французовъ не было на островѣ, но французское правительство постоянно подтверждало свои права на Мадагаскаръ. Въ 1768 году, при министерствѣ герцога Пралена, де-Манданъ снова занялъ Фортъ-Дофэнъ, но дальнѣйшія попытки французовъ пріостановились неуспѣхомъ экспедиціи внутрь острова, руководимой знаменитымъ авантюристомъ Беніовскимъ. Не смотря на эти неудачи, права Франціи оставались безспорными, настолько безспорными, что англичане въ 1815 г., получивъ отъ Франціи Иль де-Франсъ (островъ св. Маврикія) съ подчиненными ему мѣстами, рѣшили, что подъ послѣдними нужно разумѣть Мадагаскаръ, на что, однако, Франція не согласилась.

Вслѣдствіе этого французы вновь заняли Фортъ-Дофэнъ, Тамитаву и др. пункты на островѣ. Но въ это же время одинъ изъ предводителей туземцевъ Радама изъ племени говасовъ, при тайной помощи англичанъ, началъ утверждать мало-по-малу свою власть надъ всѣми племенами острова, какъ бы не признавая номинальнаго владычества французовъ. Послѣдніе рѣшились тогда объявить войну преемницѣ Радама, его вдовѣ Ранавало. Къ несчастію, экспедиція, снаряженная при Карлѣ X въ 1829 году морскимъ министромъ Гидъ де-Невилемъ, окончилась весьма неудачно. Занявъ сначала фортъ Ларрей и др. пункты, начальникъ экспедиціи Гурбейръ покинулъ ихъ, страдая отъ недостатка продовольствія.

Не смотря на новыя неудачи, правительство іюльской монархіи продолжало считать Мадагаскаръ въ числѣ своихъ владѣній, о чемъ и заявляло постоянно въ международныхъ актахъ. Въ 1847 г. приготовлялась туда экспедиція подъ начальствомъ генерала Дювивье, но палаты не дали денегъ. Французы ограничивались водвореніемъ на нѣсколькихъ островкахъ. При имперіи Наполеономъ III, для лучшей охраны вышеозначенныхъ островковъ: Сентъ-Мари, Майоттъ и Носи-бей, заключенъ былъ съ королемъ племени говасовъ Радамой II договоръ и затѣмъ такой же договоръ въ 1868 году со вдовою Радамы Розагериной. Въ этихъ договорахъ, вѣроятно изъ опасенія Англіи, вопреки прежнимъ заявленіямъ фран-

цузскаго правительства, предводители племени говасовъ неосторожно названы королями Мадагаскара, а наоборотъ, владѣнія Франціи около острова получили скромное названіе «Майотта и подчиненныхъ ему мѣстъ».

Французы, однако, справедливо находили, что трактаты эти вовсе не связывали имъ рукъ. Двѣсти лѣтъ никто не оспаривалъ правъ Франціи на островъ, да и тѣ колоніи, которыя она имѣла тамъ, получены не отъ предводителей говасовъ, а договорами съ другими племенами. Само собою англичане держались другой точки зрѣнія и ихъ газеты называли попытки Франціи возстановить свой протекторатъ надъ Мадагаскаромъ набѣгами флибустьеровъ. Англійское правительство оказалось, однако, сговорчивымъ. Оно признало протекторатъ французовъ не только надъ островомъ, но заодно и надъ громадною частью западной Африки, включая Суданъ и половину степи Сахары, подъ условіемъ развязать ему руки относительно Занзибара, получившаго значеніе для сбыта товаровъ изъ Индіи. Площадь французскихъ владѣній въ Африкѣ оказалась такимъ образомъ огромною, но по качеству она не стоитъ и десятой части англійскихъ владѣній.

Нельзя не пожелать Франціи полнаго успѣха, хотя признаться, въ послѣднемъ можно и сомнѣваться. Для этого достаточно взглянуть на положеніе ближайшей къ Мадагаскару французской колоніи—Реюніонъ. Не смотря на богатство своей почвы, островъ этотъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Освобожденные негры работать не желаютъ, ихъ замѣняли индусскіе кули, но по проискамъ плантаторовъ сосѣдняго англійскаго острова св. Маврикія вывозъ индійскихъ кули теперь запрещенъ. Французы думали тогда найти рабочихъ для Реюніона въ Мозамбикѣ, но и здѣсь находившееся въ рукахъ англичанъ португальское правительство создало препятствія. Вслѣдствіе такого положенія Реюніонъ, для котораго метрополія не доставляетъ ничего, кромѣ чиновниковъ, находится въ жалкомъ экономическомъ положеніи. Та же участь, вѣроятно, ожидаетъ и Мадагаскаръ въ рукахъ французовъ, самыхъ дурныхъ колонизаторовъ.

Лежащая рядомъ съ Египтомъ, турецкая провинція Триполи интересна только потому, что на нее, со времени занятія французами Туниса, жадно поглядываетъ Италія. Провинція эта имѣетъ значеніе и оттого, что изъ нея ведутъ лучшіе пути во внутрь континента. Французы уже изъявляли желаніе приступить къ сооруженію желѣзной дороги въ 3,000 километровъ длиною, которая соединила бы Средиземное море съ богато и густо населеннымъ райономъ, окружающимъ озеро Чадъ въ центральной Африкѣ, крайней границей того района, который англичане «уступили» великодушно Франціи, не имѣя на него ни малѣйшаго права. Въ С.-Петербургъ пріѣзжали даже съ этою цѣлью Дюпорталь, директоръ тунисскихъ желѣзныхъ дорогъ и директоръ французскихъ казен-

ныхъ желѣзныхъ дорогъ, командированный французскимъ правительствомъ для изученія способа дешевой постройки Закаспійской желѣзной дороги, и лѣсничій Бланъ—для изученія способа огражденія Закаспійской дороги отъ песчаныхъ заносовъ.

Самое естественное и кратчайшее направленіе такой дороги было бы изъ Триполи на Мурзукъ, вдоль нынѣ существующаго караваннаго пути, но такъ какъ Триполи Франціи не принадлежитъ, то приходится проектировать дороги или изъ Алжира, или изъ Туниса. Изъ Алжира, по одному проекту, дорога пойдетъ изъ Орана и направится въ Тимбукту, недавно занятому Франціей; по другому проекту предпочитаютъ направленіе изъ Алжира чрезъ Бискру къ озеру Чадъ. Едва ли, однако, не лучшее будетъ направленіе изъ тунисской гавани Габеса къ тому же озеру. Какому пути отдать предпочтеніе, укажутъ, конечно, дальнѣйшія изслѣдованія. Напередъ, впрочемъ, можно предсказать, что военное министерство будетъ стоять за путь болѣе прямой и скорый къ осуществленію, а министерство публичныхъ работъ за путь дешевый.

Выгоды отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ французы вполнѣ оцѣнили. Благодаря сѣти дорогъ, окупаціонный корпусъ въ Алжирѣ могъ быть сокращенъ до десяти тысячъ человѣкъ, и спеціалисты увѣряютъ, что каждый километръ пути уменьшаетъ на цѣлую роту потребности въ войскѣ, для водворенія полнаго спокойствія въ краѣ. Проектированная дорога свяжетъ французскій Суданъ непрерывною линіею съ владѣніями Франціи по Средиземному морю.

Алжирію и Тунисъ можно разсматривать теперь какъ составную часть Франціи; особою конвенціею 1896 г. Россія распространила даже на Тунисъ свое таможенное соглашеніе съ Франціею; поэтому страны эти не могутъ возбуждать особыхъ политическихъ вопросовъ. Съ русской точки зрѣнія слѣдуетъ радоваться, что такой важный стратегическій пунктъ, какъ портъ Бизерта, командующій Сициліей и островомъ Мальта перешелъ въ руки нашихъ союзниковъ. Еще въ 1877 г. Тунисъ воевалъ съ нами; въ началѣ войны тунисскій бей Мухамедъ-эсъ-Садыкъ-паша объявилъ себя нейтральнымъ, почему русскій консулъ оставался въ Тунисѣ, но затѣмъ бей отправилъ 1,000 вьючныхъ муловъ и 5,000 человѣкъ вспомогательнаго войска. Такое измѣненіе образа мыслей бея тѣмъ непонятнѣе, что Тунисъ находился въ гораздо большей зависимости отъ европейскихъ государствъ, нежели отъ Турціи. Зависимость бея отъ Порты была чисто номинальная и ограничивалась почти одной инвеститурой; наоборотъ, надѣлавъ долговъ и не зная какъ изъ нихъ извернуться, а съ другой стороны нуждаясь въ заграничномъ кредитѣ, бей согласился подчиниться финансовой опекѣ Англіи, Франціи и Италіи, для чего имѣлась въ Тунисѣ особая комиссія изъ представителей этихъ государствъ. Такъ какъ воевать безъ денегъ нельзя, то понятно, что

бей получилъ въ 1877 г. нѣчто въ родѣ полусогласія отъ своихъ опекуновъ. Любопытно, что первый министръ и совѣтникъ бея, генералъ Гуссейнъ, заступившій мѣсто извѣстнаго Кереддина, попалъ случайно въ Плевну, гдѣ и просидѣлъ все время осады.

Система управленія Тунисомъ выбрана французами довольно удачная: политически связанная съ Франціей, страна эта сохранила, соотвѣтствующее культурѣ и религіи населенія самостоятельное, восточное управленіе. Напротивъ того, управленіе Алжиромъ, который французы мечтали обратить во французскіе департаменты, нельзя не признать довольно неудачнымъ. Хотя экономически Алжирія, несомнѣнно, сдѣлала успѣхи, но до сихъ поръ, не считая содержанія арміи, она стоитъ Франціи болѣе 10 милл. руб. въ годъ. Затѣмъ арабское населеніе остается чуждо Франціи и скорѣе разоряется. Отъ французскаго владычества преуспѣли одни алжирскіе жиды, гнуснѣйшіе въ мірѣ ростовщики, эмансипированные во время войны 1877 г. извѣстнымъ декретомъ Кремье, который, по мнѣнію даже іудофиловъ, какъ Леруа Больe, настоящее государственное преступленіе. Но такъ какъ всѣ алжирскіе евреи радикалы, то никакой надежды на отмѣну нелѣпаго декрета нѣтъ. Несомнѣнно, что будущее развитіе Алжиріи зависитъ отъ того, будетъ ли Франція смотрѣть на нее какъ на колонію, населенную арабами, и откажется ли отъ своихъ централизаторскихъ и бюрократическихъ претензій.

Съ Алжиріей граничитъ богатое по природнымъ средствамъ, но полудикое Марокко. Объ этомъ государствѣ знатокъ восточныхъ дѣлъ гр. Муравьевъ-Карскій въ 1869 г. писалъ Ермолову, что оно чувствительный нервъ Англіи, «едва ли не чувствительнѣе Египта», значеніе котораго для англичанъ вѣрно оцѣнилъ Наполеонъ I. Вопросъ объ учрежденіи русскаго штатнаго консульства въ Тангерѣ и о пользѣ заключенія дружественнаго союза съ Марокскимъ государствомъ поднятъ былъ еще въ 1830 году, но до сихъ поръ остается открытымъ. Грозный повелитель Марокко, считающій себя калифомъ наравнѣ съ турецкимъ султаномъ, никогда, впрочемъ, въ Тангерѣ не живетъ, а изъ своихъ трехъ столицъ предпочитаетъ Фецъ. По большей части онъ находится не въ столицѣ, а воюетъ съ непокорными племенами, изъ которыхъ состоитъ большинство населенія Марокко.

Въ Тангерѣ живутъ только губернаторъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, съ которымъ и переговариваются аккредитованные въ Марокко дипломаты. Всѣ почти государства имѣютъ здѣсь свои миссіи, а Англія, Франція и Испанія и свои почты. Консульскій персоналъ очень великъ и состоитъ изъ весьма сомнительнаго народа, набивающаго подъ разными предлогами карманы. Продѣлки американскаго консула изъ евреевъ едва даже не вызвали въ 1887 г. бомбардировку Тангера военными судами Соединенныхъ Штатовъ.

Тангерскіе евреи хотя пользуются презрѣніемъ арабовъ и эксплоатируютъ населеніе, но, покровительствуемые миссіями, живутъ въ безопасности, какъ и другіе иновѣрцы; въ Тангерѣ христіанскіе храмы помѣщаются на лучшихъ улицахъ, а также издается нѣсколько газетъ. Газеты занимаются и политикою, доказывая, что Марокко должно принадлежать марокканцамъ.

Для объясненія этого, надобно замѣтить, что по географическому положенію и по свойству почвы Марокко—вторая Испанія и на этотъ лакомый кусокъ давно заглядываются разные народы. Уже и въ настоящее время торговля Марокко, какъ изъ Тангера, такъ и изъ другихъ портовъ, постоянно развивается. Важнѣйшій вывозъ—миндаля, деревяннаго масла, кожъ, шерсти, воска и разныхъ смолъ. Сосѣдняя Испанія участвуетъ въ этой торговлѣ гораздо менѣе, нежели Англія и Франція. Это не мѣшаетъ Испаніи мечтать болѣе другихъ о пріобрѣтеніи Марокко, которое она, впрочемъ и должна когда либо получить цѣною искуснаго нейтралитета въ европейской войнѣ, гдѣ интересы Франціи будутъ серьезно замѣшаны. Для Россіи подобныя поползновенія—значенія не имѣютъ; мы не можемъ допустить, чтобы Марокко овладѣла Англія, поэтому охотно уступимъ Марокко Испаніи при нѣкоторомъ исправленіи его границъ въ пользу Франціи. Туатъ, впрочемъ, давно слѣдуетъ взять послѣдней.

Испанцы, по наслѣдству отъ Португаліи еще въ XVI вѣкѣ, водворились на марокканскомъ берегу въ такъ называемыхъ президіяхъ Сеута, Мелила и др. Сеута лежитъ на берегу Гибралтарскаго пролива, который имѣетъ здѣсь не болѣе 25 верстъ ширины. Испанцы воображаютъ, что англичане только спятъ и видятъ, чтобы овладѣть Сеутою, а если бы ею овладѣли, то стали бы первою державою въ мірѣ. Въ дѣйствительности, при обладаніи Гибралтаромъ, владѣніе другою гаванью, къ тому же открытой, было бы для англичанъ скорѣе тягостью. Разсказываютъ, что Моретъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, серьезно помышлялъ о возможности предложить англичанамъ Сеуту въ обмѣнъ на Гибралтаръ. Россія и Франція конечно осуществленія подобнаго проекта допускать не должны, ибо, разъ англичане станутъ на почву Марокко, они быстро заберутъ всю страну. Сеута въ другихъ рукахъ имѣла бы важное значеніе; какъ пунктъ для торговли съ Марокко, она легко могла бы соперничать съ Тангеромъ, а также служить, при устройствѣ порто-франко и при улучшеніи порта, конкуррентомъ Гибралтару въ смыслѣ транзитнаго пункта для судовъ, идущихъ изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ и обратно. Но, само собою, испанцы и не помышляютъ объ этомъ. Для нихъ Сеута, подобно другимъ портамъ на африканскомъ прибрежьи, служитъ мѣстомъ ссылки. Сюда же отправляютъ и политическихъ преступниковъ, и Сеута играетъ важную роль въ мартирологѣ испанскихъ революціонеровъ, которыхъ африканская жара, конечно, охладить не можетъ.

АЗІЯ.

XXII. СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Наши отношенія къ Азіи издавна обусловливались естественнымъ ходомъ вещей; только съ величайшей натяжкой можно назвать ихъ завоеваніями, да и насильственное присоединеніе полупустынныхъ пространствъ не имѣетъ ничего общаго съ англійскою системою покоренія богатыхъ и сравнительно цивилизованныхъ государствъ, съ населеніемъ въ десятки милліоновъ. Съ древности уже славянская колонизація двигалась на востокъ, переходя постепенно съ Оки на Волгу, съ Волги на Каму и Чусовую, далѣе за Обь и Ангару. Для отраженія кочевыхъ сосѣдей народъ нашъ, почти помимо государственной власти, образовалъ военную силу— казаковъ, которые разсыпались непрерывною цѣпью по рр. Дону, Тереку, Волгѣ, Уралу и по сибирской границѣ до Амура и Тихаго Океана. Пограничные интересы и виды торговли привели, наконецъ, и правительство къ необходимости вмѣшаться въ азіятскую политику. Въ этомъ случаѣ оно очень часто только узаконивало существующіе факты; такъ по верховьямъ р. Иртыша расположилась русская колонизація гораздо ранѣе включенія ихъ въ русскіе предѣлы; по Амуру казаки плавали всегда и не подозрѣвая, что государственная граница идетъ гораздо сѣвернѣе. То же самое было и на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Къ киргизамъ еще до 30-хъ годовъ правительство наше относилось съ особою дипломатическою осторожностью. Мы не рѣшались переходить р. Уралъ, хотя киргизы, номинально съ 1730 года наши подданные, спокойно грабили на обоихъ его берегахъ. Точно также іомуды восточнаго берега Каспія нѣсколько разъ приносили намъ присягу, но не были принимаемы въ русское подданство. Даже среднеазіятскія ханства пытались еще въ прош-

лемъ столѣтіи подчиниться нашему вліянію, на что̀ не было обращено должнаго вниманія. Обрусеніе оренбургскаго края, устройство новой линіи въ степи, постоянный приливъ колонизаціи въ Семипалатинскій и Семирѣчинскій края и развитіе по всѣмъ этимъ мѣстностямъ русской торговли и промысловъ естественно привели къ необходимости успокоить киргизскую степь. Для этого самое практическое средство было отрѣзать ихъ отъ вліянія средне-азіятскихъ ханствъ и по мысли оренбургскаго генералъ-губернатора Обручева сомкнуть оборонительныя линіи противъ Кокана и Хивы. Занятіе съ 1864 по 1868 годъ Туркестанскаго края вооруженною силою осуществило это предположеніе. Кромѣ успокоенія степи, занятіе это позволило водворить миръ въ Коканѣ, Бухарѣ, Хивѣ, положить предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Джаты-Шара. Желаніе офиціально возстановить кратчайшій торговый путь по Аму-Дарьѣ, а въ дѣйствительности занять прочную позицію противъ Хивы, о силѣ которой имѣлось преувеличенное представленіе, повлекло къ возобновленію занятія южной части пустыннаго побережья Каспійскаго моря. Въ заключеніе полная анархія въ сѣверно-западныхъ областяхъ Китая, отторгнутыхъ возстаніемъ дунганъ, побудила занять нѣкоторые пограничные пункты и кульджинское ханство.

Англичанамъ, понятно, очень не понравились намѣренія Россіи водворить какой либо порядокъ въ полудикихъ странахъ средней Азіи, вѣдь и покореніе Кавказа представлялось всегда въ Англіи какъ попытка нарушить порядокъ въ Азіи. Сколько лѣтъ терпѣли мы безпорядки въ киргизской степи, грабежи на Каспійскомъ морѣ, оскорбленія со стороны ничтожной Хивы, перерывъ удобнѣйшаго и кратчайшаго пути въ Азію по Аму-Дарьѣ, а все это потому, что англичане являлись какими-то патентованными стражами международныхъ правъ даже по отношенію къ кочующимъ народамъ. Только съ занятіемъ Красноводска, мы сдѣлали рѣшительную попытку освободиться изъ-подъ гнета англійскаго общественнаго мнѣнія; но сколько лѣтъ до того графъ Нессельроде и другіе наши дипломаты слышать не хотѣли о какомъ-либо русскомъ водвореніи на восточномъ берегу Каспійскаго моря, потому что сосѣдство съ Персіей можетъ вызвать ревность англичанъ; хотя тѣ же англичане преспокойно занимали острова на Персидскомъ заливѣ, а затѣмъ переходили на твердую землю и устраивали прочныя колоніи, монополизировавшія персидскую торговлю на югѣ.

Красноводскъ былъ занятъ въ 1869 году, и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ измѣнялся взглядъ на значеніе этого пункта: то отдавали предпочтеніе Александровскому форту на Мангышлакѣ, то предлагали перенести морскую пристань южнѣе, къ Серебрянному бугру, то въ дѣйствительности пытались устроить портъ въ Узунъ-Ада. Одно время промелькнуло даже предположеніе и вовсе оставить восточный берегъ Каспійскаго моря. Послѣднее однако,

къ счастью, не осуществилось; иначе Каспійское море, несмотря на все выгодное географическое положеніе, снова было бы обречено на десятки лѣтъ на прежнее запустѣніе. Напротивъ, съ ежегодною приплатой 100,000 рублей, восточные порты этого моря были связаны круглый годъ срочнымъ сообщеніемъ съ Астраханью, Петровскомъ и Баку и постройки красноводскаго форта перенесены на болѣе удобное мѣсто. Построена даже на возвышенномъ мѣстѣ мечеть. «Мечети этой», писалъ одинъ корресподентъ, «постараются придать по возможности величественный видъ, чтобъ наружность ея производила сильное впечатлѣніе на послѣдователей Магомета. Около мечети строится школа для туркменъ. Если пропаганда муллы увѣнчается успѣхомъ, и туркмены внесутъ хотя небольшую сумму для мечети—это будетъ служить новымъ доказательствомъ довѣрія къ намъ туркменъ»...

Я сильно сомнѣваюсь, чтобъ заботы о магометанской пропагандѣ приносили намъ гдѣ-либо пользу. Всѣ степные, кочующіе народы, подавленные одною мыслью найти кормъ для своихъ стадъ, единственнаго источника существованія, чрезвычайно индифферентны въ религіозныхъ вопросахъ: къ тому же бѣдность не позволяетъ имъ заводить храмовъ и содержать духовенство. Такое положеніе выгодно для Россіи и съ политической, и съ культурной точки зрѣнія. Являться тутъ съ казенными средствами для искусственнаго возбужденія религіознаго фанатизма, и въ особенности мусульманскаго, наиболѣе для насъ опаснаго, значило повторять ошибки, неоднократно нами сдѣланныя. Вспышки этого фанатизма надѣлали довольно зла и на Кавказѣ, и въ Оренбургскомъ краѣ, и въ киргизской степи. Поэтому я полагаю, что устройствомъ въ Туркменіи мечетей можно было и повременить.

Самъ по-себѣ Красноводскъ, украшенный и обстроенный, даже и при всѣхъ «доказательствахъ довѣрія къ намъ туркменъ», все-таки былъ до времени совершенно ничтоженъ и интересенъ только какъ пунктъ кратчайшаго и удобнѣйшаго сообщенія съ Хивою. Отъ утвержденія въ послѣдней нашего вліянія и зависѣло будущее значеніе Россіи не только въ торговлѣ средней Азіи, но и въ азіятской политикѣ. Бывшій посланникъ въ Персіи и знаменитый ученый Роулинсонъ читалъ, въ присутствіи принца Уэльскаго, лекцію въ лондонскомъ Географическомъ Обществѣ, въ которой доказывалъ, что занятіе Красноводска испугало персидскаго шаха и составляло нарушеніе границъ хивинскихъ владѣній; устройство же русскими Чикишлярскаго поста на правомъ берегу р. Атрека будетъ постоянною угрозою для Хорасана, т. е. Персіи, и для Герата.

Насколько было правды въ этихъ увѣреніяхъ, достаточно видно изъ всей исторіи отношеній Персіи, Хивы и Россіи къ туркменамъ. Туркмены всегда немилосердо грабили персидскія владѣнія; Хива изрѣдка дѣлала на нихъ набѣги и собирала дань, но она дѣлала это и съ нашими киргизами. Наоборотъ, еще во время

Петра Великаго туркмены приняли подданство Россіи и не мало содѣйствовали русскимъ войскамъ, отправленнымъ въ Хиву подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго. Послѣ Петра туркмены сами неоднократно просили о принятіи ихъ въ наше подданство, но въ тѣ времена Россія не хотѣла и думать о прочномъ водвореніи въ степи. Въ 1802 г. туркмены опять объявили себя подданными Россіи и правительство рѣшилось было завести укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря, однако и на этотъ разъ отказалось отъ своего намѣренія. Въ 1819 г. Муравьевъ, по порученію Ермолова, два раза прошелъ степь отъ Каспійскаго моря до Хивы и обратно, и повсюду встрѣчалъ среди туркменъ дружбу и расположеніе. Муравьеву было поручено выбрать удобное мѣсто для постройки крѣпости, которую предполагалось сдѣлать и мѣстомъ склада товаровъ. Онъ избралъ два пункта: одинъ на Балханскомъ заливѣ, близъ нынѣшняго Красноводска, а другой—при Серебряномъ бугрѣ, около впаденія въ море р. Гюргени. Послѣднее обстоятельство весьма замѣчательно потому, что Серебряный бугоръ лежитъ гораздо южнѣе устья р. Атрека, обладаніе даже правымъ берегомъ котораго оспаривалось у насъ англичанами. Затѣмъ въ 1833 г. русскіе водворились, наконецъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, построивъ Ново-Александровское укрѣпленіе, перенесенное въ 1846 г. въ Тюкъ-Караганъ. Въ періодъ съ 1833 г. по 1856 г. три раза туркмены предлагали опять свою зависимость и просили у Россіи покровительства; но только въ 1869 г. было приступлено къ устройству укрѣпленій въ Красноводскѣ и Чикишлярѣ. Впрочемъ занятіемъ, по туркманчайскому трактату, острова Ашуръ-Аде и устройствомъ тамъ морской станціи русскіе еще ранѣе водворились въ самомъ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, противъ бывшей столицы Персіи—Астрабада.

Такимъ образомъ разсужденія Роулинсона о какихъ-то нарушеніяхъ границъ Хивинскаго ханства по Каспійскому морю и угрозахъ существованію Персіи были несостоятельны. О правахъ хивинскаго хана на берегъ моря не могло быть и рѣчи, и уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ русское правительство считало все побережье до устья Гюргени своею безспорною собственностью. Персіяне также смотрѣли на наши попытки съ благодарностью, потому что только русскіе крейсеры спасали Астрабадскую провинцію отъ полнаго разграбленія туркменами. Слѣдовательно офиціальное проведеніе границы по рѣкѣ Атреку, сдѣланное въ послѣднее время, не болѣе, какъ любезная уступка съ нашей стороны Персіи.

При занятіи среднеазіятскаго края невольно возникло естественное желаніе, чтобъ это занятіе не составляло бремени для государства. Поэтому, прежде всего, представлялось необходимымъ утвердить прочно наше обладаніе на такихъ земляхъ, которыя были въ состояніи прокармливать войска и окупать расходы на адми-

нистрацію и благоустройство. Для этого слѣдовало перейти отъ безплодныхъ степныхъ пространствъ, гдѣ безъ всякой пользы расходовались деньги и люди, къ мѣстамъ орошеннымъ и съ болѣе высокою культурою. Начало тому было положено занятіемъ Ташкента, затѣмъ наиболѣе основательными пріобрѣтеніями можно почесть присоединеніе Ходжентскаго уѣзда, Кульджи и особенно Заравшанскаго края, мѣстностей плодородныхъ и способныхъ къ самому широкому экономическому развитію. Но и за этими присоединеніями, Туркестанскій край остался чѣмъ-то неполнымъ и отрѣзаннымъ во многихъ частяхъ отъ Россіи и открытымъ по границамъ для ежеминутныхъ нападеній какихъ нибудь коканскихъ инсургентовъ или туркменскихъ шаекъ.

Лордъ Грей, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ, не обращалъ большого вниманія на наступательное движеніе русскихъ къ р. Аму-Дарьѣ, которая представляла весьма важный въ стратегическомъ отношеніи путь къ границамъ англійскихъ владѣній. Но успѣшность движенія возбудила въ англичанахъ, всегда ревнивыхъ къ интересамъ Россій въ Азіи, мысль поднять вопросъ объ опредѣленіи нейтральной полосы между русскими владѣніями и находящимися въ подчиненномъ отношеніи къ намъ средне-азіятскими ханствами съ одной стороны и англійскими владѣніями въ Индостанѣ—съ другой. Надобно замѣтить, что и въ Россіи первые успѣхи показались чуть не сумасбродствомъ. Новый край въ С.-Петербургѣ совсѣмъ былъ неизвѣстенъ: когда Циммерманъ донесъ о взятіи Пишпека, приказано было благодарить намѣстника Кавказскаго; затѣмъ возникли преувеличенныя опасенія о расходахъ, необходимыхъ для обладанія завоеваннымъ краемъ; наконецъ, возбудились сомнѣнія высшаго разбора о томъ, что подумаетъ о насъ Англія, какъ взглянетъ на наши успѣхи газета «Times» и не напишетъ ли новой обличительной статьи противъ Россіи профессоръ Арминіусъ Вамбери въ Буда-Пештѣ? Мало-по-малу, всѣ эти опасенія разсѣевались, и среднеазіятская политика наша, перейдя изъ рукъ дипломатовъ въ руки генералъ-губернаторовъ, становилась все болѣе и болѣе рѣшительною, строго послѣдовательною и основанною исключительно на интересахъ края и цѣлой Россіи, а не на фантастическихъ опасеніяхъ и желаніи, во что бы то ни стало, угодить всему свѣту. Другими словами, взявъ за образецъ Англію въ ея индійскихъ дѣлахъ, Россія стала смотрѣть на вопросы средне-азіятской политики, какъ на собственныя свои домашнія дѣла, а не какъ на вопросы международные. Это впрочемъ не было новостью.

Императоръ Александръ I энергически проводилъ по отношенію къ среднеазіятскимъ дѣламъ ту мысль, что эти дѣла—наши домашнія дѣла—и не касаются Англіи. Такое положеніе Нессельроде выразилъ въ инструкціи князю Ливену, послу въ Лондонѣ, въ 1816 г., замѣчая, что принципъ русской азіятской политики: никогда не допускать въ отношеніи подобныхъ столкновеній ни по-

средничества, ни вмѣшательства, ни даже добрыхъ услугъ иностранной державы. Кастльри, когда Ливенъ прочелъ ему депешу Нессельроде, даже не попросилъ съ нея копіи, ибо считалъ неудобнымъ хранить въ архивахъ Foreign Office подобное непріятное заявленіе русскаго правительства.

Когда, вопреки желанію перваго министра, была предпринята первая экспедиція въ Кабулъ, возникли весьма серьезные переговоры съ Англіею и въ то время Россія не признавала Афганистанъ страною, находящеюся внѣ сферы ея дѣйствій въ Средней Азіи. Хотя Пальмерстонъ, устроившій экспедицію, справедливо признается отцомъ систематической подозрительности и враждебности политики Англіи въ отношеніи Россіи, но наша дипломатія не боялась тогда энергической политики въ среднеазіятскихъ дѣлахъ и даже Брунновъ неоднократно писалъ Нессельроде, что правительство не должно обращать слишкомъ большого вниманія на крики англичанъ.

Уроки крымской войны не прошли даромъ и, несмотря на побѣды Черняева, Романовскаго и Кауфмана, мы въ началѣ 70-хъ годовъ сильно понизили тонъ. Для переговоровъ, возбужденныхъ настояніемъ англичанъ объ установленіи нейтральной полосы или буфера, былъ избранъ въ 1873 г. всемогущій тогда графъ Шуваловъ, первый дебютъ котораго на дипломатическомъ поприщѣ былъ, однако, неудаченъ. Онъ заявилъ, что мы никогда не возьмемъ себѣ Хивы, чѣмъ связалъ намъ руки послѣ занятія Хивы войсками фонъ-Кауфмана. Такую же уступчивость проявилъ Шуваловъ и касательно учрежденія нейтральной полосы, по отношенію къ которой Англія брала отъ насъ различныя обязательства, не давая съ своей стороны никакихъ обѣщаній.

Подобной полосой условились считать Афганистанъ, хотя владѣнія эмира Ширъ-Али, подчиненнаго англичанамъ и получавшаго отъ нихъ 150,000 фунт. ежегодной субсидіи на содержаніе арміи, устраиваемой англійскими инструкторами, менѣе всего могли бы казаться «нейтральными». Но, обходя этотъ деликатный вопросъ, кабинеты рѣшились опредѣлить только точнѣе границы самого Афганистана. Означенная необходимость произошла оттого, что послѣдній лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ, при помощи тѣхъ же англичанъ, много воевалъ и номинально пріобрѣлъ владычество въ разныхъ земляхъ, давно имъ утерянное de facto.

По подробной картѣ Средней Азіи, составленной для переговоровъ нашимъ военно-топографическимъ депо по англійскимъ источникамъ, сѣверная граница Афганистана шла по Гинду-Кушу; все, лежащее къ сѣверу — или было независимо, или находилось въ номинальномъ подчиненіи Бухарѣ и Китаю. На дѣлѣ это было не такъ, и границу слѣдовало на картѣ исправить, потому что, лежащія къ югу отъ Аму-Дарьи: ханство Балхъ было покорено еще Достъ-Магометомъ, а ханство Кундузъ уже лѣтъ двадцать

какъ присоединено къ Афганистану сыномъ Доста-Магомета-Афзулъ-Ханомъ. Вотъ чѣмъ ограничивались владѣнія кабульскаго эмира.

Между тѣмъ англійское правительство, просившее сначала Россію собрать по этому предмету на мѣстѣ точныя свѣдѣнія, не дожидаясь результата изслѣдованія Кауфмана, бывшаго противъ уступокъ, и подъ вліяніемъ слуха о походѣ на Хиву, внезапно объявило, что, по его мнѣнію, Афганистану безспорно принадлежать: часть кашгарскихъ владѣній къ западу отъ Сарикуля, независимыя ханства Бадахшанъ и Ваханъ, ханства такъ называемаго афганскаго Туркестана: Кундузъ, Хулумъ и Балхъ (Мазаръ-и-Шерифъ) и бухарскія области Акчи, Сарипуль, Мейманe, Хаббирганъ и Андхой. Такимъ образомъ, владѣнія Афганистана увеличивались неожиданно на цѣлую треть богатѣйшимъ въ земледѣльческомъ и горномъ отношеніи сѣвернымъ склономъ Гинду-Куша и милліономъ жителей. Внѣ «нейтральной» полосы оставались въ Средней Азіи только Хива, уменьшенная значительно Бухара, Коканъ и туркменскія степи. Россія отвѣчала на это притязаніе, что афганскій Туркестанъ можно считать въ числѣ афганистанскихъ владѣній, что противъ причисленія къ нимъ южныхъ округовъ Бухары, отдѣленныхъ отъ послѣдней неудобными степями и песками, Россія также ничего не имѣетъ, но протестовала противъ присоединенія Бадахшана и особенно Вахана, которые отъ кабульскаго эмира были совершенно независимы: незадолго бадахшанскій эмиръ даже разбилъ афганскія войска. Соединеніе этихъ земель съ Кабуломъ поставитъ-де нейтральную полосу, т. е. англичанъ, въ тѣсное соприкосновеніе съ Бухарой (съ непокорными ея округами Гиссаръ и Кулябъ), съ Коканомъ, съ Кашгаромъ и отчасти съ русскими владѣніями—стратегическое положеніе, допускающее въ будущемъ весьма запутанныя политическія комбинаціи.

Послѣ обмѣна новыхъ депешъ, графъ Шуваловъ, всегда готовый поддерживать дружественныя отношенія съ Англіей, рѣшился поступиться Бадахшаномъ и Ваханомъ и включить ихъ въ нейтральную полосу, т. е. подчинить англійскому вліянію. За это Россія получила свободу дѣйствій относительно Хивы, наказать которую давно стало дѣломъ крайней необходимости. Въ результатѣ, слѣдовательно, вышло, что англичане, завопивъ во всеуслышаніе о захватахъ русскихъ, присоединили къ своимъ вассальнымъ владѣніямъ всю ту важную часть Средней Азіи, куда не распространялось еще наше вліяніе.

Впрочемъ, едва ли въ Россіи были лица, знакомыя съ англійской политикой въ Индіи, которыя бы повѣрили, что англичане заботились только о будущемъ величіи кабульскаго эмира. Ширъ-Али-ханъ стоялъ въ это время въ томъ положеніи къ остъ-индскому правительству, въ какое всегда становились многочисленные тамошніе владѣтели,—десятки которыхъ и теперь считаются номи-

нально независимыми—когда Англія предлагала имъ свой союзъ и бралась руководить ихъ дипломатическими дѣлами. По своему угрожающему географическому положенію относительно Пешавера и Пенджаба, Кабулъ всегда былъ предметомъ зависти для англичанъ, и если зависть эта перешла въ дружбу, то очевидно, что Кабулъ находился уже въ ихъ рукахъ.

.Посѣтившій это время Туркестанъ, американскій дипломатъ Скайлеръ, въ отчетѣ своемъ, довольно враждебномъ мѣстному управленію, не могъ не признать, что мы всегда искренно желали воздержаться отъ расширенія своихъ владѣній въ Средней Азіи, но дѣла слагались такъ, что нельзя было не принять роли наступательной, а разъ завоеваніе было сдѣлано, отъ него уже невозможно отступиться, безъ риска потерять всякое значеніе въ краѣ. Вообще русская политика въ центральной Азіи была вполнѣ въ зависимости отъ обстоятельствъ. «Я убѣжденъ, прибавлялъ Скайлеръ, что Россія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія, ни намѣренія напасть на Индію; хотя русскимъ было бы непріятно, если бы вліяніе Англіи распространилось далѣе настоящихъ границъ, и весьма возможно, что когда нибудь между обѣими державами возникнутъ неудовольствія... Личная политика генералъ-губернатора также клонится къ роли умиротворителя Средней Азіи. Въ этихъ видахъ были заключены трактаты съ разными государствами, хотя и весьма слабо наблюдалось впослѣдствіи за поддержаніемъ договоровъ въ должной силѣ».

Изъ всѣхъ туземныхъ ханствъ Коканъ наиболѣе потерялъ отъ русскихъ завоеваній. По ратификаціи торговаго трактата и донесенію о томъ изъ Ташкента, въ Петербургѣ думали, что Коканъ приведенъ окончательно въ вассальное отношеніе къ Россіи. Но на дѣлѣ этого далеко не было: статьи договора соблюдались не совсѣмъ строго; пошлины торговцы платили до 6%, и на представленія со стороны русскаго правительства ханъ не обращалъ никакого вниманія. Скайлеръ былъ того мнѣнія, что очень скоро обстоятельства вынудятъ насъ занять Коканъ, какъ этого желалъ уже генералъ Романовскій.

Политику Бухары относительно Россіи Скайлеръ также обличалъ въ двоедушіи, а уступки, сдѣланныя Бухарой, считалъ номинальными. По поводу уничтоженія невольничества, онъ сообщалъ, что самъ, бывши въ Бухарѣ, видѣлъ открытый торгъ персіянами на базарѣ, и купилъ даже одного изъ нихъ и привезъ въ С.-Петербургъ.

Относительно трактата съ Бухарой, американскій дипломатъ справедливо замѣтилъ, что въ тамошнихъ ханствахъ важно не заключеніе трактата, а поддержаніе его силою. Для всѣхъ, понимающихъ положеніе дѣлъ въ Средней Азіи, очевидно, по его словамъ, что русскимъ слѣдуетъ занять всю мѣстность, простирающуюся до Аму-Дарьи, и даже, можетъ быть, до Гиндукуша. Туркестанская

администрація такъ это и рѣшила и, несмотря на сопротивленіе петербургскихъ дипломатовъ, приступила къ постепенному занятію ханствъ. Дѣло началось съ Хивы. Въ успѣхѣ движенія не могло быть сомнѣнія, потому что сдѣланныя рекогносцировки показали, что путь въ Хиву вовсе не представляетъ тѣхъ неудобствъ, которыя предполагали въ немъ прежде, на основаніи неудачнаго похода Перовскаго, и о которыхъ такъ краснорѣчиво писалъ Вамбери.

Относительно достаточности поводовъ къ походу тоже не могло быть спора. Хива своими постоянными грабежами въ степи и по берегамъ Каспійскаго моря, укрывательствомъ бѣглыхъ и поощреніемъ торговли русскими и персидскими плѣнниками давно заслуживала наказанія. Вопросъ о необходимости похода могъ быть разсматриваемъ только съ точки зрѣнія политической.

Признавая за Россіей полное право, для спокойствія своихъ границъ, раздѣлываться съ пограничными полудикими народами, не признающими другихъ аргументовъ кромѣ силы, общественное мнѣніе не отрицало, что и туземное населеніе выиграетъ отъ присоединенія, если не нарушать его религіозной свободы и нѣкоторыхъ обычныхъ правъ; но присоединеніе окраинъ не признавалось выгоднымъ съ чисто-русской точки зрѣнія. Оно-де заставляетъ усиливать армію, ложится усиленною тяжестью на бюджетъ, увеличиваетъ и безъ того сложную машину администраціи, усложняетъ законодательство и т. д. При нашей централизаціи, подобное возрастаніе окраинъ вредно вліяетъ на общественную жизнь коренныхъ губерній, отвлекая вниманіе правительства къ болѣе отдаленнымъ областямъ.

Хива находилась, впрочемъ, въ исключительныхъ для Россіи условіяхъ; это разбойничье гнѣздо лежало въ низовой части Аму-Дарьи, которая для мѣстнаго полудикаго населенія служитъ только какъ источникъ для орошенія полей; между тѣмъ на протяженіи тысячи верстъ эта рѣка представляетъ водяной путь, значеніе котораго для центральной Азіи еще въ 30-хъ годахъ оцѣнилъ Бёрнсъ.

Это торговый путь не только въ Туркменію, Хиву, Бухару, Бадахшанъ, Систанъ, Хулумъ, Кундузъ, Мазаръ-и-Шерифъ, Афганистанъ, но и въ Индію, потому что отъ Кундуза на Кабулъ до Пешавера, т. е. до желѣзныхъ дорогъ Индіи, останется не болѣе пятисотъ верстъ пути, хотя и гористаго, но трудности котораго съ весьма понятною цѣлью сильно преувеличивались англичанами, которые преспокойно прогуливались тамъ во время занятія Афганистана съ тяжелою артиллеріей. Хотя, конечно, означенный путь, идущій черезъ Баміанское ущелье, не можетъ сравниться съ путемъ отъ Гязскаго берега Каспійскаго моря на Нишапуръ, Мешедъ, Гератъ, Себзаръ, Феррахъ, Газни, Кандагаръ, Кветта и менѣе высокія Солимановы горы. Торговля Европы съ Индіей уже въ древнія времена производилась, однако, по первому

ути. Плиній пишетъ, что во времена Помпея въ семь дней прибывали съ Инда въ Бактріану на берегахъ р. Икаръ, впадающей въ Оксусъ (Аму-Дарью), и что индійскіе товары, перевезенные оттуда резъ Каспійское море въ Куру, могутъ быть перевезены сухоутно не болѣе какъ въ 5 дней до р. Фазиса (Ріона), впадающаго въ Эвксинскій понтъ (т. е. Черное море). Къ этимъ свѣдѣніямъ знаменитаго римскаго ученаго надобно сдѣлать маленькую оправку. Такъ какъ отъ р. Инда до Бактріаны (Балха) 1,600 эрстъ, то этого разстоянія въ 7 дней и на велосипедѣ не проедешь.

Политическую важность возобновленія подобнаго пути, осоэнно съ приложеніемъ пара, легко было оцѣнить, даже противнимъ гг. «ташкентцевъ». Наши среднеазіятскія владѣнія представляли какъ бы длинный языкъ, вытянутый изъ Западной Сибири, ежду степью и враждебными ханствами; соединяя этотъ языкъ ь Каспійскимъ моремъ, мы придавали нашимъ владѣніямъ опредѣленную форму и законченность. Какія бы политическія затрудненія ни представлялись къ сѣверу и къ югу отъ этихъ владѣній, о изъ трехъ важнѣйшихъ путей, связывавшихъ ихъ съ Россіей, . е. омскаго, оренбургскаго и красноводскаго, по крайней мѣрѣ динъ долженъ былъ оставаться свободнымъ; при такихъ только словіяхъ Туркестанскій край не былъ горстью русскихъ, брошенныхъ въ чужой край, но органически сливался съ имперіей.

Точная исторія хивинскаго похода рисуетъ дѣло съ непривлеательной стороны. Еще осенью 1872 года полагали, что полковникъ Маркозовъ, командовавшій экспедиціею, которая отправилась отъ Красноводска до Каспійскаго моря, дойдетъ до Хивы и овладѣетъ ею; но онъ, по неосмотрительности, потерялъ много верблюдовъ и вернулся съ полпути. Тогда рѣшено было нарядить полную экспедицію противъ хана. Кауфманъ предложилъ организовать два отряда: одинъ, изъ кавказскихъ войскъ, ышелъ бы изъ Красноводска прямо на Хиву; другой, подъ личнымъ его начальствомъ, направился изъ Ташкента. Крыжановскій, бывшій въ то время въ Петербургѣ, увѣрилъ, что если еще ретья экспедиція не выйдетъ изъ Оренбурга, то Киргизская тепь будетъ открыта, и хивинцы, при содѣйствіи друзей своихъ, уркменовъ, кинутся на большой почтовый трактъ, ведущій къ ашкенту, и займутъ Оренбургскую губернію!

Эти стратегическія соображенія вынудили совмѣстное снаряженіе рехъ экспедицій. Одна изъ нихъ, Маркозова, благодаря поспѣшности, съ какою онъ шелъ, желая придти первымъ и взять Хиву о прибытія другихъ экспедицій, совершенно не удалась; отрядъ острадалъ невыносимо отъ жары и недостатка воды, и Маркоэвъ былъ вынужденъ вернуться, зарывъ свою пушку въ песокъ побросавъ ружья, которыя потомъ были принесены ему кирги-

зами *). Въ виду неуспѣха Маркозова, въ двѣ недѣли былъ сформированъ еще новый отрядъ Ломакина, который съ Мангышлака двинулся къ Кунграду черезъ Усть-Юртъ. Экспедиція Кауфмана также встрѣтила неблагопріятную погоду, и когда отъ Калата пошла на Аму-Дарью, къ Учъ-Угачу, черезъ пустыню, совершенно ей неизвѣстную на разстояніи около тысячи верстъ, то преодолѣвала трудности выше всякаго описанія; палящій зной и жажда томили войска; всѣ почти верблюды пали; офицеры и солдаты побросали въ степи большую часть багажа и лагерныхъ принадлежностей. Кауфманъ доходилъ до отчаянія, и одно время ожидалъ гибели всей своей экспедиціи среди песковъ. Экспедиція Веревкина дошла между тѣмъ безъ всякихъ затрудненій, и когда она добралась до Аму-Дарьи, дѣла пошли лучше.

Три послѣднія экспедиціи почти одновременно аттаковали городъ Хиву, но какъ только установилось сообщеніе между Кауфманомъ, Веревкинымъ и Ломакинымъ, послѣдніе получили предписаніе прекратить огонь, потому, что городъ намѣренъ сдаться. Веревкинъ, взявшій ворота, видя, что огонь со стороны города не прекращался, съ горстью людей взялъ приступомъ и цитадель; но едва только онъ это успѣлъ сдѣлать, какъ пронеслась вѣсть, что Кауфманъ уже вступаетъ въ капитулировавшій городъ черезъ другія ворота.

Ясно, что войска изъ Ташкента и съ Каспійскаго моря были двинуты напрасно. На встрѣчу Кауфману черезъ Аму-Дарью не тронулся ни одинъ отрядъ—до такой степени всѣ были убѣждены, что генералъ погибъ въ пескахъ. Единственное сопротивленіе встрѣтилъ отрядъ Веревкина, противъ котораго была выслана вся хивинская армія, за исключеніемъ небольшаго отряда, охранявшаго переправу черезъ Аму-Дарью. Вышло такъ, что оренбургская экспедиція, посланная только въ видахъ огражденія степи отъ набѣговъ туркменъ, одна избрала самую лучшую дорогу, на которой почти не встрѣтила препятствій, прибыла благополучно и овладѣла городомъ. Еслибъ въ свое время принятъ былъ совѣтъ оренбургскаго генералъ-губернатора, то Хива была бы взята безъ труда, безъ шума и безъ всякихъ дипломатическихъ непріятностей, какія затѣмъ послѣдовали.

Въ виду успѣховъ, одержанныхъ оренбургскимъ отрядомъ, надобно было дать какую-нибудь роль и ташкентскому отряду, чтобъ и на его долю выпала часть наградъ и почестей за подвигъ, который приписывался единственно оренбурго-мангышлакской экспедиціи. Поэтому, послѣ наложенія контрибуціи на туркменъ

*) Въ виду соперничества трехъ военныхъ округовъ, Маркозовъ избралъ кратчайшій путь черезъ колодцы Игды, Ортакую и Змухширы (граница хивинскаго ханства), но между первыми и вторыми 5 дней безводнаго перехода, а между вторыми и третьими 7 дней. А какъ нарочно 1873 г. былъ исключительно знойный и уже въ апрѣлѣ жара доходила до 40°.

были призваны старѣйшины іомудскаго племени и имъ объявлено, чтобъ въ двѣ недѣли была уплачена часть этой суммы, а остальное уплатится въ разсрочку; въ видѣ же обезпеченія того, что въ указанный срокъ будетъ привезенъ ими первый взносъ, взяты заложники. Но вмѣсто того, чтобъ дождаться истеченія означенныхъ двухъ недѣль, вслѣдъ затѣмъ былъ высланъ отрядъ подъ командою Головачева, который порядочно поколотилъ іомудовъ.

Послѣ разгрома Хивы проще всего казалось, конечно, присоединеніе послѣдней къ русскимъ владѣніямъ; но торжественное обѣщаніе, данное Шуваловымъ, обязывало сохранить самостоятельность этого ханства. Хивинское ханство осталось полунезависимымъ, съ границею по Аму-Дарьѣ; все же лежащее на правомъ берегу послѣдней отдали Бухарѣ; на ханство налагалась контрибуція въ 2 милл. руб., въ обезпеченіе уплаты которой русскіе отряды, содержимые на счетъ хивинской казны, должны были занимать въ теченіе семи лѣтъ укрѣпленные пункты на Аму-Дарьѣ—Кунградъ и Шураханъ; часть этой контрибуціи возложили на туркменъ-іомудовъ; кромѣ того отмѣнялась смертная казнь въ хивинскомъ ханствѣ на вѣчныя времена. Эти условія вызвали нѣсколько болѣе или менѣе основательныхъ возраженій. Указывали на то, что контрибуція составляетъ 3/4 настоящихъ доходовъ ханства, экономическое устройство котораго потрясено освобожденіемъ невольниковъ, на которыхъ лежали труды по обработкѣ земли, что возможность для хивинскаго хана подчинить іомудовъ контрибуціи сомнительна, что Шураханъ лежитъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, слѣдовательно, въ обезпеченіе уплаты хивинцами контрибуціи мы будемъ занимать въ сущности бухарскую территорію, что полная отмѣна смертной казни едва ли своевременна въ Хивѣ, когда наказаніе это не отмѣнено еще въ Англіи и Франціи, наконецъ, что, потративъ на походъ много усилій и 2 милл. р., мы въ результатѣ болѣе всего обезпечиваемъ интересы не свои, а Бухары. Къ этому можно прибавить, что еще болѣе отъ нашего похода выигрывала Персія, которой было возвращено свыше 20,000 человѣкъ здороваго мужского населенія, т. е. капиталъ примѣрно въ 10 милліоновъ рублей.

Хива нами была завоевана, поэтому мы третируемъ ее иначе чѣмъ Бухару, добровольно принявшую нашъ протекторатъ. Поэтому въ Хивѣ нѣтъ дипломатическаго резидента, она получаетъ приказанія отъ туркестанскаго генералъ-губернатора, ханъ не имѣетъ право давать орденовъ и пр.

Часть хивинскихъ земель была отдана Бухарѣ, часть праваго берега Аму-Дарьи и дельта этой рѣки, отъ Аральскаго моря до крайняго, западнаго рукава Аму-Дарьи, была присоединена къ русскимъ владѣніямъ. Для охраны вновь занятой территоріи составленъ особый отрядъ и командиру его предоставлены права губернатора.

Здѣсь, въ 80 верстахъ отъ Хивы и 200 верстахъ отъ Бухары, возникъ русскій городъ Петро-Александровскъ. Городу этому можно предсказать блистательную торговую будущность, въ особенности если найдется достаточно топлива для поддержанія дѣятельнаго по Аму-Дарьѣ пароходства, пока же на этой рѣкѣ мало жизни, и воды ея служатъ болѣе для орошенія. Кромѣ того Петро-Александровскъ будетъ имѣть еще и другія торговыя выгоды. Онъ лежитъ на пути торговыхъ каравановъ изъ Хивы въ Бухару, а слѣдовательно и на пути отъ Самарканда и Бухары къ Каспійскому морю. Съ другой стороны, транзитный путь идетъ на Мервъ и Мешедъ въ Персію.

Мы становились прочно и на Аральскомъ морѣ. Номинально оно считалось и ранѣе въ предѣлахъ русской территоріи, но, по отсутствію на его берегахъ прѣсной воды и населенія, море это не имѣло никакого практическаго значенія, пока вліяніе наше не распространилось до обитаемыхъ пунктовъ по Аму-Дарьѣ, гдѣ могутъ быть устроены торговая колонія, пристань, верфь для постройки судовъ и образовано компетентное управленіе для разъясненія могущихъ возникнуть, вслѣдствіе торговли и судоходства по Аму-Дарьѣ, споровъ и недоразумѣній.

Въ постановленіи правительства о присоединеніи говорилось только о сѣверной и восточной границахъ Хивы, но умалчивалось о границахъ западной и южной. Южная граница съ Бухарой для Россіи была мало интересна; но западная, т. е. Туркменская степь, была очень важна въ политическомъ отношеніи. Офиціальное молчаніе о ней показывало, что русское правительство оставалось при прежнемъ своемъ мнѣніи о безусловныхъ правахъ Россія на Закаспійскую степь. За Хивою очередь настала для Туркменской степи и Кокана.

Въ 1863—65 годахъ мы завоевали по необходимости часть Коканскаго ханства—нашего исконнаго врага въ Киргизской степи, но, о чемъ уже было сказано, не закончили этого завоеванія и довольствовались договоромъ, заключеннымъ въ 1868 г. Лучшая часть ханства, съ населеніемъ въ восемьсотъ тысячъ, поселеннымъ на прекрасныхъ скатахъ горъ, удержала свою независимость. Запертое со всѣхъ сторонъ, политически ханство это никакого значенія не имѣло; оставаясь, однако, въ рукахъ мусульманскихъ фанатиковъ, оно представляло ежеминутную опасность, возможностью возбудить возстаніе въ нашихъ собственныхъ владѣніяхъ. Образуя, въ сущности, лучшую естественную границу для Туркестанскаго края, Коканъ отъ русскихъ владѣній никакою подобною границею отдѣленъ не былъ. При такихъ условіяхъ, занятіе ханства и обращеніе его въ русскую Ферганскую область составляло событіе желательное и нормальное и требовалось только убѣдить въ этомъ князя Горчакова. Занять необходимо было все ханство, а не одинъ только малоплодородный правый берегъ Сыръ-Дарьи, какъ объ этомъ су-

ществовали предположенія. Такая полумѣра положила бы лишь начало новымъ затрудненіямъ въ будущемъ. Присоединеніе Кокана, исполненное въ 1876 г., послѣ того, что коканцы, возмутившіеся подъ начальствомъ Абдуррахмана-Автобачи противъ Худеяръхана, были разбиты сначала фонъ-Кауфманомъ, а затѣмъ знаменитымъ генераломъ Скобелевымъ, встрѣчено было съ радостью даже массою коканскаго населенія, выведенною изъ терпѣнія грабежемъ своихъ хановъ, и не возбудило ничьей зависти, даже мнительной Англіи, потому что Коканъ, отрѣзанный съ трехъ сторонъ неприступными горами, давно казался оазисомъ въ морѣ русскихъ владѣній.

Нѣсколько иначе посмотрѣли англичане на экспедиціи, служившія къ присоединенію тѣсно связаннаго съ Коканомъ Алая и въ особенности къ упроченію западной границы нашихъ среднеазіятскихъ владѣній. Англичане дѣлали видъ, что поражены извѣстіемъ, что экспедиціи направляются на Мервъ. «Это извѣстіе», говорилъ «Times», «измѣнило все дѣло (?) и возбудило, надобно сознаться, во многихъ живѣйшую тревогу». Поводы же къ этой тревогѣ, по словамъ «Times», слѣдующіе: «Хотя въ Мервѣ нѣтъ ничего, кромѣ земляныхъ мазанокъ, но онъ есть пунктъ, имѣющій нѣкоторое торговое и важное стратегическое значеніе. Наименьшее изъ его преимуществъ есть плодородіе его округа, представляющаго свѣтлый пунктъ въ печальной пустынѣ. Онъ имѣетъ еще большее значеніе, какъ пересѣченіе дорогъ изъ Мешеда въ Бухару и изъ Герата въ Хиву. Граница Афганистана отстоитъ лишь на три или на четыре дни пути отъ Мерва, и затѣмъ менѣе чѣмъ въ недѣлю легкаго похода вторгающійся отрядъ можетъ достигнуть Герата. Городъ этотъ можно считать или не считать «ключемъ Индіи», но, по меньшей мѣрѣ, это пунктъ такой важности, что еслибъ онъ попалъ въ руки Россіи, то индійскую армію пришлось бы немедленно усилить, по крайней мѣрѣ, на четвертую часть. Итакъ экспедиція на Мервъ не пустое дѣло. Нѣтъ надобности особенно тревожиться ею, но она будетъ, несомнѣнно, угрозою для насъ на будущее время».

Правда, тонъ «Times» былъ значительно спокойнѣе и не видно было прежняго раздраженія, но всетаки британская нетерпимость и желаніе сдѣлать Азію какимъ-то родовымъ англійскимъ владѣніемъ проглядывала между строчекъ. Между тѣмъ стремленіе русскихъ успокоить Туркменскую степь не должно было возбуждать опасеній, скорѣе оно должно было привѣтствоваться, потому что отъ этого выигрывали не только Россія и Персія, но и косвенно Англія. По картѣ, русскія владѣнія тянулись непрерывно отъ Тянь-Шаня до Каспійскаго моря, но никакое серьезное торговое движеніе въ этомъ направленіи не было возможно, ибо туркменскія племена не были приведены еще окончательно въ покорность. Умиротворить же ихъ навсегда возможно было только занявъ, военнымъ образомъ, всю территорію между моремъ и Аму-Дарьею, такъ,

чтобъ русскія границы соприкасались лишь съ границами государствъ съ осѣдлымъ и спокойнымъ населеніемъ. Это необходимое округленіе границъ подразумѣвалось при переговорахъ гр. Шувалова, предшествовавшихъ хивинской экспедиціи, и Мервъ не былъ включенъ въ такъ называемую «нейтральную полосу», т. е. въ ту части среднеазіятскихъ владѣній, которая была брошена на съѣденіе британскому церберу.

Движеніе русскихъ отрядовъ въ Закаспійскомъ краѣ ограничивалось первоначально рекогносцировками по старому руслу Аму-Дарьи и по Атреку; осуществленіе занятія Мерва для Россіи потребовало гораздо болѣе времени, чѣмъ необходимо было для усиленія остъ-индской арміи на 25,000 человѣкъ, которое съ ужасомъ предрекалъ «Times».

Собственно Мервъ былъ присоединенъ безъ особыхъ хлопотъ искусными переговорами, которые вели доброволецъ-дипломатъ инженеръ путей сообщеній г. Лессаръ и полковникъ Алихановъ. Дѣло кончилось нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Но это могло совершиться лишь послѣ взятія Геокъ-Тепе и разгрома текинцевъ. Послѣднее потребовало цѣлаго похода Скобелева 1880—1881 г., такъ какъ предшествовавшая экспедиція Ломакина въ 1879 г. была отражена съ большими потерями, виною коихъ было легкомысліе нѣкоторыхъ начальниковъ колоннъ. Штурмъ, преждевременно начатый, былъ отбитъ съ потерею пятисотъ человѣкъ; мы ушли бросивъ часть раненыхъ и много оружія, которое служило потомъ противъ насъ.

Окончательное присоединеніе къ имперіи занятаго нашими войсками ахалъ-текинскаго оазиса весьма удачно совпадало съ возвращеніемъ Китаю Кульджи. Ахалъ-текинскій оазисъ не могъ, конечно, сравниться по богатству съ утраченными нами землями, потому что Кульджа представляетъ рѣдкое сочетаніе на маломъ пространствѣ земель, чрезвычайно удобныхъ для земледѣлія и колонизаціи, съ огромными подземными сокровищами, въ особенности въ видѣ каменнаго угля. Но и ахалъ-текинскій оазисъ былъ полезнымъ для Россіи пріобрѣтеніемъ, болѣе всего въ смыслѣ политическомъ.

Значеніе новой территоріи троякое: по отношенію къ путямъ въ Среднюю Азію, по отношенію къ успокоенію Закаспійскаго края и, наконецъ, по отношенію къ сосѣднимъ къ Россіи азіятскимъ государствамъ. Я говорилъ уже, что путь на Гератъ и Кандагаръ есть лучшій путь въ Остъ-Индію. Занятіе на этомъ пути новаго прочнаго базиса, очевидно, было чрезвычайно важно въ стратегическомъ отношеніи и, въ свою очередь, повліяло на отношенія къ намъ Англіи. Чѣмъ болѣе твердо становились мы на пути въ Остъ-Индію, тѣмъ уступчивѣе дѣлалась политика Англіи въ восточномъ вопросѣ. Это не требуетъ доказательствъ.

Умиротвореніе Закаспійской степи, невозможное, пока въ тылу у кочующихъ тамъ народовъ не было русскихъ укрѣпленій, не лишено значенія въ экономическомъ смыслѣ. Хотя это край вообще бѣдный и пустынный, но полное успокоеніе его подняло благосостояніе кочевниковъ, оживило прибрежные рыбные и нефтяные промыслы, усилило стремленіе къ осѣдлости тамъ, гдѣ она возможна вблизи рѣкъ, что, въ свою очередь, увеличило доходъ правительства и сократило издержки, необходимыя для охраненія новаго края. Нѣчто подобное произошло съ Киргизской степью послѣ присоединенія Туркестана.

Наиболѣе значенія для укрѣпленія за нами присоединеннаго края, а также и для усиленія его стратегическаго значенія имѣло сооружѐніе тамъ желѣзной дороги генераломъ Анненковымъ. Начало постройки этой дороги было встрѣчено очень холодно; даже Скобелевъ, торопясь походомъ и нуждаясь въ верблюдахъ, смотрѣлъ на нее лишь какъ на стѣсняющую его затѣю и относился недружелюбно къ Анненкову, требовавшему для сооруженіи участка только до Кизилъ-Арвата 10,000 верблюдовъ для перевозки матеріаловъ. Въ дальнѣйшей постройкѣ не было недостатка въ противодѣйствіи; ходили слухи чуть ли не объ умопомѣшательствѣ строителя дороги и ѣздила цѣлая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Паукера, провѣрять на мѣстѣ справедливость разныхъ извѣтовъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло было доведено успѣшно до конца и удивило Европу. И въ Лондонѣ, и въ Парижѣ впечатлѣніе отъ открытія Самаркандской желѣзнодорожной линіи было вдесятеро сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

Кто знаетъ порядки, существующіе въ нашихъ канцеляріяхъ, мнительность послѣднихъ въ отношеніи новыхъ и смѣлыхъ затѣй, затрудненія — весьма, впрочемъ, естественныя — сопряженныя съ значительнымъ отпускомъ казенныхъ денегъ, да еще на окраинѣ, тотъ пойметъ, что главныя усилія строителя были не въ покрытыхъ саксауломъ барханахъ средне-азіятской степи, а въ Петербургѣ, въ прихожихъ людей, власть имѣющихъ. Къ счастью, строитель нашелъ дальновиднаго союзника въ лицѣ начальника Главнаго Штаба Обручева, который всячески поддерживалъ его планы. Въ настоящее время закаспійская дорога доведена до Ташкента и продолжается до Андижана съ одной стороны и до Кушка (отъ Мерва) съ другой. А отъ Кушка, какъ извѣстно, до Герата рукой подать.

Закаспійская дорога, доведенная нынѣ до Ташкента, «проткнула Бухару насквозь, какъ булавка какого-нибудь жука». Вся мѣстность около желѣзной дороги въ русскихъ рукахъ, возникли чисто русскія поселенія—Чарджуй и Новая Бухара. Русскіе заняли также на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи весьма важный стратегическій пунктъ относительно Афганистана — Керки, гдѣ и содержатъ гарнизонъ.

Желѣзная дорога совершенно измѣнила отношенія Бухары къ Россіи. Еще очень недавно, особенно между военными, существовало мнѣніе, впервые высказанное Черняевымъ, что Россія сдѣлала ошибку, оставляя самостоятельное существованіе, въ тылу у войскъ, которыя могутъ дѣйствовать противъ Афганистана или Остъ-Индіи, такому крупному центру мусульманскаго фанатизма. Бухару, по мнѣнію этихъ лицъ, слѣдовало присоединить еще въ 1868 году, вмѣстѣ съ Самаркандомъ. Дѣйствовать иначе было, однако, много весьма важныхъ причинъ.

Въ то время наши среднеазіятскія владѣнія не имѣли еще скорыхъ путей сообщенія съ Россіей; Коканъ и Хива были независимы, туркмены находились также почти внѣ вліянія Россіи, поэтому слѣдовало сначала укрѣпить положеніе Россіи въ Туркестанѣ и Закаспійскомъ краѣ. Теперь обстоятельства совершенно перемѣнились и присоединеніе Бухары — совершенно въ нашихъ рукахъ.

Въ 1872 году былъ заключенъ новый торговый договоръ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ съ бухарскимъ эмиромъ. Сравнительно съ договоромъ 1868 года, этотъ трактатъ представлялъ значительный шагъ впередъ, расширяя права русской торговли въ ханствѣ. Въ политическомъ отношеніи договоръ также былъ не маловаженъ: онъ уничтожалъ рабство въ бухарскихъ владѣніяхъ, объявлялъ плаваніе по Аму-Дарьѣ для русскихъ судовъ свободнымъ и позволялъ имѣть въ Бухарѣ постояннаго политическаго агента. Но наибольшее вліяніе для укрѣпленія значенія русскихъ имѣли не трактаты, а занятіе Зарявшанскаго края, который является ключомъ къ Бухарѣ. Край этотъ питаетъ большую часть Бухары и, занимая его, русскіе всегда могутъ отрѣзать воду не только отъ окрестностей Бухары, но и отъ самаго города. Въ настоящее время только расширеніе культуры въ пограничныхъ русскихъ владѣніяхъ и спасаетъ населеніе Бухары отъ голода. Униженіе Хивы и завоеваніе Ахалъ-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ и расширеніе границъ до Афганистана окружили Бухару русскими владѣніями, ставшую такимъ образомъ какъ бы уединеннымъ островомъ среди обширныхъ русскихъ владѣній.

Вмѣстѣ съ этимъ произошла и перемѣна лицъ. Вмѣсто враждебнаго намъ Музаффара-эффенди, эмиромъ сдѣлался, отчасти при помощи Россіи, Сеидъ-Абдулъ-Акхатъ, человѣкъ слабый и думающій болѣе объ увеличеніи своего состоянія, нежели о политическихъ интригахъ. Совѣтники его всѣ люди также очень мало энергическіе; они держатся стороны Россіи, конечно, изъ-за благъ земныхъ, имѣя возможность подъ охраною русскихъ штыковъ болѣе спокойно эксплоатировать туземное населеніе.

Назначенный только съ 1886 г. повѣренный въ дѣлахъ при эмирѣ контролируетъ всѣ дѣйствія бухарскаго правительства. Г. Лессаръ, первый изъ русскихъ агентовъ, прекрасно установилъ ихъ

значеніе. Подъ вліяніемъ этого дипломатическаго агента, напоминавшаго англійскихъ резидентовъ въ Индіи, уничтожено окончательно невольничество, а равно пытка, бросаніе съ башни, клоповники, устроились школы и больницы. Наконецъ, въ 1894 г., Россія сдѣлала еще болѣе важный шагъ, включивъ Бухару, а равно и Хиву, въ свою таможенную черту.

До 1867 года таможенная черта шла у насъ по границамъ Уральской области, Оренбургской, Тобольской и Томской губерній; другими словами, отдѣляла отъ насъ нашихъ же подданныхъ киргизъ. Съ завладѣніемъ Туркестанскаго края эта черта, утратившая всякій смыслъ, была уничтожена и оставалась лишь для сбора акциза съ киргизской соли, каковую цѣль утратила въ 1880 г. Наши среднеазіятскія владѣнія были такимъ образомъ долгое время porto franco, но обстоятельства указали на необходимость приступить вновь къ устройству пограничныхъ таможенъ. Не говоря уже объ удобствѣ, представляемомъ таможенными пошлинами, сравнительно съ сохранившимся въ краѣ сборомъ зякета, установленіе таможенныхъ пошлинъ необходимо было и для огражденія интересовъ русской торговли, особенно чайной, которая въ Туркестанскомъ краѣ не могла выдерживать соперничества однородныхъ товаровъ, привозимыхъ черезъ Персію и Афганистанъ.

Въ этихъ видахъ привозъ чая, кисеи и пр. обложенъ уже былъ въ Туркестанѣ пошлиною. Но это частичное обложеніе не достигало цѣли, а между тѣмъ, съ постепеннымъ замиреніемъ Средней Азіи и съ сліяніемъ нашихъ границъ съ афганистанскими, возможность привоза иностранныхъ товаровъ черезъ Персію, Индію и Афганистанъ въ Россію ежедневно усиливалась. Размежеваніе наше съ Англіей послѣ улаженія вопросовъ о Пендэ и Зюльфагарѣ, окончательно открыло для иностранной торговли въ русскихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ широкія двери. Если англійскіе товары проникали къ намъ даже проходя всѣ опасности и стѣсненія по пути въ мелкихъ ханствахъ, то совсѣмъ въ иномъ положеніи станутъ означенные товары, когда порядокъ въ Афганистанѣ будетъ упроченъ англичанами, которые въ придачу проводятъ тамъ отличные колейные и приближаютъ рельсовые пути. Тутъ надобно непремѣнно опасаться, что англійскіе товары, особенно чай и мануфактуры, черезъ Афганистанъ и Персію, пойдутъ не только въ Туркестанъ и Закаспійскій край, но попадутъ и въ Сибирь, Кавказъ и Восточную Россію.

Вотъ въ предвидѣніи этой-то непріятной для нашей промышленности случайности и устроена таможенная черта, которая, начинаясь у устья Атрека, прошла вдоль всѣхъ нашихъ среднеазіятскихъ владѣній до трудно доступныхъ высотъ отроговъ Тянь-Шани, по границамъ Ферганской и Семирѣченской областей.

Новая таможенная черта, во избѣжаніе черезполосицы и слишкомъ большихъ расходовъ на стражу, захватила Бухару и Хиву,

но понятно, что означенныя среднеазіятскія ханства только выиграли отъ подобнаго включенія въ нашу таможенную территорію. Эмиръ бухарскій, получая изъ собираемаго таможеннаго дохода соотвѣтствующую своему населенію часть, сохранилъ право привозить для себя безпошлинно товаровъ на сумму до двухъ съ четвертью милліоновъ рублей. Изъ части таможеннаго дохода, онъ обязанъ употреблять, впрочемъ, извѣстную сумму на дороги, орошеніе и другія общеполезныя предпріятія. Таможенный союзъ еще тѣснѣе включитъ Хиву и Бухару въ сферу нашей экономической политики, и точнѣе разграничивши владѣнія въ нейтральной полосѣ, при помощи пограничной стражи, которой сформировано уже двѣ бригады, отстранитъ въ будущемъ множество мелкихъ пограничныхъ столкновеній между Россіей, Персіей и Афганистаномъ, которыя представляются обыкновенно вначалѣ пустяшными, а мало-по-малу обращаются въ крупные политическіе вопросы.

Послѣ таможеннаго объединенія автономія Бухары стала почти пустымъ звукомъ; за нею послѣдуетъ, вѣроятно, объединеніе монеты и бухарской арміи. Выгоды послѣдняго объединенія пока спорны. У эмира останется въ утѣшеніе многочисленный гаремъ, право давать аудіенціи, раздавать ордена и время-отъ-времени вѣшать кого либо изъ своихъ подданныхъ. Это право не слишкомъ улыбается, однако, бухарскому народу и онъ, сравнивая постоянно порядки, существующіе въ ихъ автономной области, съ порядками въ сосѣднихъ Туркестанскомъ и Закаспійскомъ краяхъ, невольно убѣждается въ большемъ удобствѣ жить подъ русскимъ владычествомъ; это мнѣніе раздѣляется даже старшинами и другими лицами, которыя имѣютъ пока интересъ поддерживать status quo.

Окончательно присоединять Хиву и Бухару намъ нѣтъ однако разсчета не только по высказаннымъ выше соображеніямъ, но и потому, что такая анекція произвела бы дурное впечатлѣніе на Афганистанъ и на полунезависимыя государства въ Индіи. Послѣднія усмотрѣли бы въ Россіи не возможнаго для нихъ, въ случаѣ разрыва съ англичанами, покровителя, а скрытаго врага.

Русская торговля въ ханствахъ, становясь въ полномъ смыслѣ слова безпошлинною, конечно только выиграла отъ таможеннаго союза. Занятіе средней Азіи вызвало въ русской торговлѣ и мануфактурной промышленности преувеличенныя ожиданія отъ выгодъ новаго рынка, размѣры котораго были расширены воображеніемъ чуть не вдесятеро; число же потребителей русскихъ мануфактурныхъ товаровъ опредѣлялось десятками милліоновъ. Хотя на дѣлѣ это не оправдалось, но было бы крайне опрометчиво заключить, что присоединеніе края было безполезно въ торговомъ отношеніи. Напротивъ того, можно утверждать, что Россія не извлекла еще изъ присоединенія и сотой доли тѣхъ выгодъ, которыя оно обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколько милліоновъ населенія, частью кочевого, частью полуцивилизованнаго, разореннаго тысячелѣтнимъ безсмысленнымъ деспотизмомъ и страхомъ грабежа, конфискаціи и неправосудія, доведеннаго до минимума потребностей, не могутъ представлять значительнаго рынка даже для такой ограниченной промышленности, какъ русская. Малодоступныя еще для русской торговли области Афганистана и китайскаго Туркестана въ нѣкоторомъ случаѣ еще бѣднѣе среднеазіятскихъ рынковъ, а въ другихъ—лежатъ несравненно удобнѣе для снабженія ихъ англійскими товарами черезъ Остъ-Индію и Персію. Оттого и съ этой стороны русская торговля ожидать многаго не можетъ. Но и не представляя непосредственно возможности большого сбыта для русскихъ товаровъ, Средняя Азія тѣмъ не менѣе чрезвычайно важна для Россіи. Она содержитъ, во-первыхъ, огромное количество земель, которыя, при орошеніи и лучшей культурѣ, способны производить въ изобиліи различныя фабричныя растенія и прежде всего хлопокъ, занимающій, какъ извѣстно, первое мѣсто въ привозной торговлѣ *). Во-вторыхъ, средне-азіятскія владѣнія находятся на половинѣ пути изъ Россіи въ Остъ-Индію, страну съ тремя стами милліоновъ населенія и торговлей, чрезвычайно важною для всей Европы.

Подобное значеніе нашихъ новыхъ владѣній требуетъ и особенныхъ мѣръ для того, чтобъ воспользоваться ими съ наибольшею выгодой. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, успокоеніе края; затѣмъ устройство банковъ и возможность для русскихъ купцовъ, промышленниковъ и техниковъ свободно разъѣзжать и водворяться въ сосѣднихъ земляхъ; послѣднее достигается торговыми трактатами. Необходимо стараться, чтобъ пребываніе русскихъ въ краѣ не имѣло характера временнаго занятія и потому слѣдуетъ облегчить для нихъ возможность повсюду селиться, пріобрѣтать собственность. Но самая главная заботливость должна быть обращена на пути сообщенія. Если австралійскія колоніи съ населеніемъ въ 2 милліона приступаютъ теперь къ сооруженію желѣзной дороги въ 3,000 верстъ отъ Мельбурна до Портъ-Дарвина черезъ пустынный и безводный материкъ Новой Голландіи, то для Россіи не должна показаться не по силамъ задача соорудить желѣзную дорогу, которая непосредственно и безъ перегрузки соединила бы сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ остъ-индскою сѣтью.

---

*) Уже въ настоящее время 30% необходимаго нашимъ фабрикамъ хлопка получается съ туркестанскихъ плантацій.

XXIII. АФГАНИСТАНЪ.

Афганистанъ, отдѣляющій насъ отъ Индіи, представляетъ площадь въ 900 верстъ длиною и въ 750 шириною, очень гористую. Главный массивъ горъ составляетъ Кабулистанъ, съ которымъ граничатъ горы Кафиристана и Читрала. Политически Афганистанъ дѣлится на провинціи Кабулъ, Туркестанъ, Гератъ и Кандагаръ и округъ Бадахшанъ. Во главѣ стоитъ эмиръ, нынѣ Абдуррахманъ-ханъ, внукъ Достъ-Магомета, признанный англичанами въ 1880 г. Каждая провинція управляется хакимомъ и старшинами, сохранившими феодальныя права. Произволъ, вымогательство и насиліе—главныя свойства афганскихъ порядковъ, недаромъ слово афганецъ значитъ «разбойникъ».

Нѣкоторый матеріальный прогрессъ замѣчается, впрочемъ, подъ вліяніемъ англичанъ и въ Афганистанѣ. Теперь имѣется постоянная армія въ 30,000 человѣкъ съ артиллеріей, довольно плохой, и арсеналъ; дороги очищены отъ грабителей, устроены магазины, школы и въ Кабулѣ можно найти даже англійскихъ портныхъ. По словамъ Грея, англійскаго доктора эмира, Абдуррахманъ—деспотъ, не терпитъ газетъ и духовенства, но отличается простотою въ обращеніи, доступностью для всѣхъ своихъ подданныхъ и хорошимъ образованіемъ; онъ быстро и справедливо рѣшаетъ лично дѣла и на полезныя учрежденія даетъ ссуды безъ процентовъ.

Дороги въ Афганистанѣ улучшаются, но товары перевозятся исключительно вьюками и транзитная торговля очень стѣснена заставными пошлинами, между тѣмъ торговля Индіи съ русскимъ Туркестаномъ могла бы сдѣлаться немаловажною. Внутреннія богатства Афганистана также не лишены значенія, но въ нашихъ глазахъ Афганистанъ интересенъ по преимуществу какъ нейтральная полоса или страна-буферъ между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи.

Англичане издавна считаютъ Афганистанъ какъ бы своимъ вассальнымъ владѣніемъ, однако два раза уже афганцы выгоняли ихъ, когда англичане хотѣли утвердиться въ Кабулѣ болѣе прочно. Хотя Николай I признавалъ химерою мысль о завоеваніи Индіи и вовсе не увлекался чувствами недоброжелательства къ Англіи, но Англія, не довѣряя Россіи, окончательно потеряла голову, когда въ отвѣтъ на прибытіе въ 1837 г. въ С.-Петербургъ агента афганскаго хана Достъ-Магомета былъ посланъ въ Кабулъ капитанъ Виткевичъ. Предлогомъ для обмѣна посланцевъ были торговыя сношенія, но въ дѣйствительности умный и ловкій Достъ-Магометъ, недовольный сейками, государство которыхъ еще не распалось, искалъ союза съ Персіей и Россіей. Опасеніе видѣть русскихъ у границъ Индіи, поддержанное нашими приготовленіями къ первой хивинской экспедиціи, подъ начальствомъ Перовскаго,

вынудило англичанъ поторопиться завоеваніемъ Афганистана, вовсе не взвѣсивъ послѣдствій этого предпріятія.

Такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ печальномъ походѣ нѣсколько изгладились, то я считаю нелишнимъ припомнить его въ общихъ чертахъ. Чтобы придать своему захвату тѣнь легальности, англичане отправились будто бы возстановлять на кабульскомъ престолѣ одного изъ претендентовъ Шаха-Шуджу. Къ осени 1839 года была собрана армія въ 54,000 человѣкъ и направилась, по приказанію тогдашняго генералъ-губернатора Индіи, лорда Оукленда, двумя колоннами: большая часть, подъ командою сэра Кина, черезъ Боланскій проходъ на Кандагаръ, а меньшая (до 11,000 человѣкъ), подъ командою Уада, Хайберскимъ проходомъ черезъ Джеллалабадъ на Кабулъ. «Мы воевали, откровенно писалъ слѣдующій генералъ-губернаторъ, лордъ Элленборо, чтобы выгнать владѣтеля, который съумѣлъ соединить племена, создать войско и ввести въ странѣ порядокъ». Этотъ гнусный эгоизмъ можетъ служить отчасти извиненіемъ злодѣяній, совершенныхъ затѣмъ афганцами.

Оставивъ 10,000 человѣкъ въ резервѣ въ Синдѣ, также еще тогда полунезависимомъ, главная англійская армія выступила въ февралѣ изъ Шикарпура и, съ трудомъ пробившись черезъ Боланскій проходъ, достигла Кандагара. Оставивъ по дорогѣ гарнизоны, войска пошли на Газни и Кабулъ. Первый изъ этихъ городовъ былъ взятъ приступомъ и затѣмъ Кабулъ сдался почти безъ боя. Неожиданные успѣхи англичанъ побудили Достъ-Магомета искать спасенія въ мирныхъ переговорахъ. Переговоры не удались и эмиръ бѣжалъ въ Гиндукушъ къ Баміану, а Шахъ-Шуджа торжественно вступилъ въ полуопустошенную столицу.

Недостатокъ сочувствія со стороны населенія долженъ былъ немедленно внушить англичанамъ значительныя опасенія, но они забыли роковыя слова келатскаго хана: «вы пришли въ эту страну, это очень хорошо, но какъ-то вы изъ нея выйдете?» и думали, что побѣдили уже всѣ трудности. Мало того, оставивъ небольшіе гарнизоны въ крѣпостяхъ, англичане отпустили въ началѣ 1840 года часть войска обратно въ Индію.

Между тѣмъ въ Кабулѣ да и во всемъ Афганистанѣ немедленно оказались слишкомъ явные признаки нерасположенія къ новому порядку вещей. Достъ-Магометъ и его сынъ Акберъ-ханъ, бѣжавшіе въ горы, а потомъ въ Бухару, поддерживали при помощи своихъ эмиссаровъ броженіе. Англичане сначала думали было о походѣ за Аму, но суровая зима заставила отклонить это намѣреніе. Достъ-Магометъ кончилъ, правда, капитуляціей и былъ отправленъ на житье въ Индію, но и это не успокоило страны, гдѣ развратный Шахъ-Шуджа возбудилъ ненависть народа, вручивъ управленіе въ руки ничтожнаго во всѣхъ отношеніяхъ визиря Мулла-Шикара.

На бѣду для англичанъ два главные представителя ихъ власти, Макнайтенъ и Бернсъ были между собою въ ссорѣ. Знаменитый

Бёрнсъ, дипломатическимъ талантамъ котораго Англія была обязана своими успѣхами въ Средней Азіи, считалъ себя обиженнымъ подчиненіемъ Макнайтену и втайнѣ интриговалъ противъ него. Онъ имѣлъ даже низость писать генералъ-губернатору лорду Оукленду, что дѣла идутъ отлично и подкрѣпленій не нужно, хотя самъ писалъ въ то же время въ Англію, что положеніе вещей отчаянное и что возстаніе несомнѣнно. Вслѣдствіе такихъ раздоровъ главнокомандующій арміей храбрый Кинъ отправился въ отпускъ, а для оставшагося войска не было приготовлено укрѣпленнаго лагеря; не позаботились даже обезопасить проходъ черезъ ущелье, хотя разстояніе отъ Кабула до Фираспура, перваго города подъ властью англичанъ, составляло около тысячи верстъ.

Высокомѣріе англичанъ, гаремы, которые они позаводили, по примѣру Бёрнса, изъ красивыхъ афганокъ, ускорили взрывъ. Первые возстали белуджи и умертвили англійскаго резидента, затѣмъ возмутились горные округа, куда прибылъ Акберъ-ханъ изъ Бухары; возстаніе распространилось до ущелья Курдъ-Кабулъ. Отправленный для усмиренія мятежниковъ бригадиръ Сель дошелъ съ трудомъ до Джеллалабада, но не могъ уже вернуться обратно.

Наконецъ, 2-го ноября 1841 года разразилась буря. Кабулъ возсталъ какъ одинъ человѣкъ и Бёрнсъ былъ убитъ въ числѣ первыхъ. У англичанъ оставалось въ столицѣ 6,000 человѣкъ войска, но ими командовалъ престарѣлый и безтолковый генералъ Эльфинстонъ. Вмѣсто энергическихъ дѣйствій, англичане пустились въ переговоры, забывая, что азіятамъ никогда нельзя довѣрять въ подобныхъ случаяхъ. Переговоры велъ Акберъ-ханъ, истребившій передовые посты англичанъ и подошедшій съ арміей къ Кабулу. Была, впрочемъ, сдѣлана одна попытка занять силою стратегическую позицію около Беймара, но струсившіе сипаи отказывались повиноваться и англичане только потеряли свою артиллерію.

Испуганный Макнайтенъ согласился очистить Афганистанъ и выдать Шаха-Шуджу, но Акберъ-ханъ, подъ предлогомъ подписанія договора, заманилъ къ себѣ англійскаго резидента и измѣннически его убилъ. Убійство совершилось на глазахъ англійскаго войска, но никто не думалъ о мщеніи; мало того, Эльфинстонъ прождалъ еще двѣ недѣли неизвѣстно для чего, давъ возможность афганцамъ занять всѣ пути отступленія.

Наконецъ, 6-го января 1842 года началось знаменитое отступленіе. Бросивъ все свое имущество, англійская армія въ 4,500 чел., сопровождаемая обозомъ и семействами, еще 12,000 человѣкъ, вышла изъ Кабула и пошла по горамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, не имѣя ни продовольствія, ни топлива и единственно полагаясь на обѣщанія коварныхъ афганцевъ. Понятное дѣло, что эти обѣщанія не исполнились; англичане голодали и замерзали сотнями, а афганцы убивали отсталыхъ какъ собакъ и все время

требовали еще отъ Эльфинстона заложниковъ и исполненія разныхъ унизительныхъ условій.

Особенно ужасенъ былъ переходъ черезъ Курдское ущелье. По описанію жены доктора, лэди Сэль, одной изъ немногихъ, пережившихъ это отступленіе, едва сто человѣкъ въ состояніи были нести оружіе. Полуобезумѣвшіе сипаи жгли свои одежды, чтобы согрѣться, женщины и дѣти разбивали бочки съ водкой и пили съ остервенѣніемъ; въ одинъ день афганцы убили здѣсь пятьсотъ солдатъ, кромѣ того погибло болѣе двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ лагернаго сброда. 10-го января Акберъ-ханъ потребовалъ выдачи всѣхъ женщинъ; когда англичане исполнили это, большая часть несчастныхъ была изнасилована и затѣмъ зарѣзана. Оставшаяся горсть англичанъ ѣла сырое мясо и спала на голомъ снѣгу. Акберъ потребовалъ выдачи главнокомандующаго и это было исполнено, ибо отъ англійскаго воинства осталось въ живыхъ только 280 человѣкъ. На другой день лишь небольшая толпа въ 20 человѣкъ достигла Ганджака, т. е. англійскихъ владѣній: въ числѣ нихъ былъ только одинъ англичанинъ!

Это пораженіе успокоило англичанъ до 1879 г., но не послужило урокомъ для нихъ и потребовался второй, въ условіяхъ удивительно сходныхъ съ первымъ пораженіемъ.

До 1878 г. прямыхъ сношеній между Россіею и Афганистаномъ было мало, развѣ лишь изрѣдка происходилъ обмѣнъ вѣжливостей. Письма, присылаемыя туда изъ Туркестана, всегда сопровождаются англійскимъ переводомъ, вѣроятно въ видахъ большаго удобства индійскихъ властей, которымъ, какъ предполагалось, передавались эти письма. Но весною 1878 г., когда Англія дѣлала видъ, что желаетъ воевать съ нами изъ-за Турціи и даже вызвала въ Средиземное море войска изъ Индіи, въ Кабулъ прибыло посольство генерала Столѣтова. Эмиръ Ширъ-Али принялъ посольство съ почестями и, наоборотъ, не пустилъ отправленное одновременно лордомъ Литтономъ англійское посольство. Англія немедленно стала готовиться къ войнѣ противъ Афганистана, а въ ноябрѣ двинулись тремя колоннами въ числѣ 40,000 человѣкъ. Испуганный Ширъ-Али бѣжалъ въ Россію, гдѣ и умеръ, а сынъ его Якубъ поспѣшилъ заключить въ Гандамакѣ въ іюнѣ 1879 г. миръ. По этому миру эмиръ принялъ англійскаго резидента, обязался ни съ кѣмъ не имѣть дипломатическихъ сношеній, допустилъ свободную для англичанъ торговлю и отдалъ области Курумскую, Тишинскую и Сиби, а также Хайберское ущелье, т. е. установилъ выдуманную Биконсфильдомъ «ученую границу», необходимую будто бы для безопасности Индіи.

Этотъ унизительный миръ очень не понравился афганцамъ и въ концѣ августа авторъ его и англійскій резидентъ маіоръ Каваньяри, вмѣстѣ со свитою, были убиты возмутившимися афганскими солдатами. Извѣстіе о новомъ избіеніи англійскаго посольства въ

Кабулѣ произвело страшное волненіе въ Англіи и Индіи. Рѣшено было немедленно наказать виновныхъ, но посланныя войска, подъ начальствомъ Робертса, имѣли успѣхъ только относительный; зима также препятствовала военнымъ операціямъ. Съ трудомъ удерживаясь противъ главныхъ силъ афганцевъ, англичане, подъ начальствомъ генерала Берроу, были совершенно разбиты Эюбъ-ханомъ подъ Кушка-и-Паходомъ и очистили этотъ важный пунктъ. Хотя, замѣнившій Берроу, генералъ Робертсъ разбилъ Эюбъ-хана и заставилъ бѣжать въ Персію, но, видя затрудненіе овладѣть Афганистаномъ, англичане бросили ученыя границы и даже важную въ военномъ отношеніи Курумскую долину. Предварительно же они отправили сомнительнаго Якуба-хана на житье въ Индію, а на мѣсто его посадили эмиромъ Абдуррахмана, съ которымъ и заключили въ Раванъ-Пинди миръ, подъ условіемъ, что эмиръ не будетъ вступать въ сношенія ни съ какимъ другимъ иностраннымъ правительствомъ. Съ своей стороны англичане очистили все занятое по Гандамакскому миру пространство, обязались не имѣть въ Кабулѣ резидента, вернули пушки и оружіе и назначили эмиру субсидію по 120,000 фунт. стерл. въ годъ. Абдуррахманъ долго жилъ въ Самаркандѣ на нашемъ жалованьи и, считавшійся нашимъ, хотя онъ въ душѣ, какъ потомъ оказалось, русскихъ не любилъ, былъ выпущенъ въ рѣшительную минуту. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ афганскомъ Туркестанѣ, благодаря чему и укрѣпилъ свою власть.

Съ тѣхъ поръ англичане измѣнили вообще политику и стали заботиться не столько о своихъ, сколько объ афганскихъ границахъ. Съ этою цѣлью они, послѣ занятія русскими Мерва, начали въ 1884 г. переговоры съ нашимъ правительствомъ о назначеніи разграничительной комиссіи.

Пока наши дипломаты судили да рядили, англичане съ свойственной имъ наглостью подучили афганцевъ самовольно расширить границу по направленію къ Мерву захватомъ въ 1885 г. форта Пенде. Къ счастью, генералъ Комаровъ выгналъ ихъ оттуда, разбивъ афганскія силы подъ начальствомъ Наиба Салара подъ Кушкомъ. Наша дипломатія очень испугалась этого шага и даже полемизировала въ «Новомъ Времени» противъ рѣшительныхъ дѣйствій. Но императоръ Александръ III мудро одобрилъ поступокъ Комарова и не испугался родомонтадъ Англіи, хотя послѣдняя асигновала деньги на мобилизацію арміи на случай войны съ Россіей и укрѣпила Гератъ и Горіанъ. Но Гладстонъ воевать не желалъ, и хотя консервативная печать подбивала на войну, но консервативное министерство, смѣнившее либераловъ, остановило вооруженія. Соединенная комиссія русскихъ и англійскихъ офицеровъ объѣздила затѣмъ въ 1886 г. всю пограничную область и установила новую границу, причемъ Россія получила Пенде и почти всю

страну, на которую заявляла свои права, какъ входившую въ область туркменскихъ кочевьевъ.

Захваты афганскаго эмира продолжались однако, что вызвало въ 1891 и 1892 гг. съ нашей стороны экспедиціи полковника Іонова, имѣвшія цѣлью отстоять права Россіи на водораздѣлъ между Гиндукушемъ и Коракорамомъ, гдѣ были найдены остатки памятника надъ коканскимъ сардаромъ. Въ первую изъ экспедицій Іоновъ арестовалъ англійскихъ шпіоновъ капитана Юнгенсбенда и поручика Девисона, а во вторую прогналъ афганцевъ изъ Само-Таша и занялъ позицію, открывавшую намъ путь въ вассальный Англіи Кашемиръ.

Экспедиція Іонова возбудила вновь опасенія англичанъ, и заставила ихъ въ 1892 г. начать болѣе рѣшительную антирусскую политику въ Кабулѣ. Посольство Мортимера Дюрана скрѣпило союзъ Афганистана съ Англіей подъ условіемъ увеличенія субсидіи на 30,000 фунт. стерл., а затѣмъ англичане присоединили Конджутъ, Яссинъ, Кафиристанъ и Белуджистанъ. Два послѣднія, впрочемъ, не вполнѣ. Кафиристанъ, куда въ свое время не рѣшался идти завоеватель Индіи, шахъ-Баберъ, былъ занятъ въ 1894 г. Абдуррахманомъ, но сіухъ-пуши, населяющіе Кафиристанъ, до сихъ поръ не признаютъ себя во власти Кабула. Белуджи, не смотря на сохраненіе только тѣни независимости, также въ душѣ не считаютъ себя подъ англійскимъ владычествомъ и засылали даже уполномоченныхъ къ нашимъ пограничнымъ начальникамъ.

Ни одно государство не находится въ такомъ двусмысленномъ положеніи относительно своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, какъ Англія. Завистливо слѣдя за каждымъ шагомъ Россіи, почти самой природой поставленной на пути къ присоединеніямъ—благодаря сосѣдству ея съ обширными не-цивилизованными и мало населенными землями—и поднимая шумъ при каждомъ клочкѣ земли, колонизируемомъ этимъ государствомъ, она сама преспокойно занимаетъ одну обширную территорію за другой, предупреждая между тѣмъ, что не потерпитъ, чтобы какое-либо другое государство послѣдовало ея примѣру.

Что, кажется, могло быть неинтереснѣе такой страны, какъ Белуджистанъ, который когда-то съ трудомъ прошла армія Александра Македонскаго? Гористая страна эта, съ рѣдкимъ, разбойничьимъ населеніемъ, хотя и не лишенная минеральныхъ богатствъ, но безъ производительности и торговли, безъ дорогъ. безъ всякаго политическаго значенія, могла бы, кажется, навсегда оставаться въ сторонѣ отъ всякихъ покушеній на свою независимость со стороны какого бы то ни было образованнаго государства; а между тѣмъ и ее захватили теперь англичане, хотя и ранѣе по трактатамъ келатскаго хана съ англійскимъ правительствомъ 1854 и 1872 гг. разрѣшалось послѣднему посылать войска

и содержать гарнизонъ въ тѣхъ частяхъ белуджистанской территоріи, гдѣ оно признаетъ то нужнымъ.

Интересно, какъ объясняли англичане необходимость занятія Кветты. По ихъ словамъ, это конечно могло быть исполнено безъ возраженій, но время могло измѣнить обстоятельства (значитъ, келатскій ханъ не такъ ужъ доволенъ участіемъ въ его судьбѣ англичанъ?); кромѣ того, нельзя въ одну минуту устроить укрѣпленнаго лагеря, а онъ необходимъ для англичанъ именно въ Кветтѣ, какъ операціонный базисъ, въ случаѣ войны съ Россіей въ Средней Азіи. Кветта важна не только съ стратегической точки зрѣнія, но и съ политической. Если Персія пожелаетъ овладѣть Гератомъ и афганскимъ Сеистаномъ, то независимость Афганистана и Белуджистана подвергнется сильной опасности; присутствіе же англичанъ въ Кветтѣ стѣсняетъ Персію. Не менѣе-де важное значеніе будетъ имѣть эта позиція и относительно Россіи.

Любопытно, что всѣ разсужденія лондонскихъ газетъ клонятся при этомъ къ возможности, весьма проблематической, завоеваній со стороны Персіи, Афганистана и отчасти Россіи, хотя для послѣдней Белуджистанъ вовсе не важенъ ни съ какой точки зрѣнія; между тѣмъ англичане какъ бы игнорируютъ вопросъ, почему завоеванія съ ихъ стороны въ районѣ тѣхъ же нейтральныхъ до сихъ поръ азіятскихъ владѣній не представляютъ опасности для Россіи, и почему Остъ-Индія должна бояться за свои границы, а всѣ остальныя государства — оставаться равнодушными къ безопасности своихъ.

Въ дѣйствительности Белуджистанъ важенъ только для расширенія захватовъ Англіи. Благодаря ему она охватываетъ съ юга Афганистанъ, имѣя уже съ нимъ ранѣе границу съ востока. Затѣмъ это владѣніе даетъ англичанамъ непосредственное прикосновеніе съ Персіей. Пользуясь Белуджистаномъ, англичане довели желѣзную дорогу почти до Кандагара (остается всего 100 верстъ) и такъ какъ афганцы желѣзной дороги не допускаютъ по своей территоріи, то устроили на границѣ складъ желѣзно-дорожныхъ принадлежностей на случай экстреннаго продолженія линіи.

Независимо отъ этого, пользуясь Белуджистаномъ, англичане думаютъ обойти крѣпкую позицію афганцевъ въ Кабулистанѣ и провести желѣзную дорогу близъ южной границы Афганистана и далѣе черезъ Сеистанъ къ Герату, составляющему если не ключъ къ Индіи, какъ полагали ранѣе, то ключъ къ Средней Азіи—что для насъ гораздо важнѣе. Сеистанъ — родина Рустема и Зареба, раздѣляется границею на афганскій и персидскій. Вслѣдствіе грабежей белуджей и туркменъ, онъ малолюденъ, но хлѣбороденъ и вообще богатъ природою.

Укрѣпившись на югѣ Афганистана, англичане столь же прочно укрѣпились и на сѣверо-востокѣ присоединеніемъ Читрала. Завоеваніе этой страны совершилось въ 1894—96 гг., подъ предлогомъ

изгнанія сѣвшаго неправильно на престолъ, родственника убитаго владѣтеля (мехтара) Читрала, Умра-хана. Благодаря зимѣ и трудной мѣстности, потребовалось послать въ Читралъ 15,000 человѣкъ войска.

Хотя Мортимеръ Дюранъ въ 1893 г. скрѣпилъ вассальную зависимость Афганистана, но границы послѣдняго, укрѣпленныя къ невыгодѣ Россіи по Герируду и Зульфагару, оставались въ верховьяхъ Аму-Дарьи неясными на пространствѣ слишкомъ 500 в. Новое движеніе наше на Памиръ въ обходъ афганской границы, пользуясь столкновеніемъ афганцевъ съ китайцами, и постройка укрѣпленій на сліяніи Аксу и Акбайтала смутили англичанъ. Были однако голоса за уступки Россіи территоріи до Гиндукуша (въ томъ числѣ начальника штаба англо-индійской арміей Макъ-Грегора, извѣстнаго врага Россіи); Чарльзъ Дилькъ рекомендовалъ, напротивъ, тѣсный союзъ съ Китаемъ, мысль, какъ показалъ дальнѣйшій опытъ, весьма неудачная. Большинство англичанъ склонилось къ укрѣпленію нейтральной полосы (Buffer-Stater).

Извѣстный нашъ противникъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ въ консервативныхъ кабинетахъ, Керзонъ, доказывалъ, что Индія, какъ малое дитя, нуждается въ такихъ предохранительныхъ подушкахъ по всѣмъ своимъ границамъ. Въ «Nineteventh Century» онъ подробно формулировалъ выгоду нейтральныхъ полосъ. Государство, образующее état tampon, по его мнѣнію, останавливаетъ наступленіе и нападающій является виновнымъ, а въ это время Англія имѣетъ время укрѣпить свою границу. На это ему слѣдуетъ возразить, что начавшій войну никогда не признаетъ себя виноватымъ и что разъ границу нужно укрѣплять, то не проще ли это сдѣлать на собственной границѣ съ противникомъ, нежели укрѣплять границу сомнительнаго вассала-союзника. При положеніи буфера владѣтель промежуточнаго государства, какъ показалъ опытъ Афганистана, будетъ постоянно находиться въ самомъ неудобномъ положеніи, считаясь одновременно и съ двумя могущественными сосѣдями, и съ настроеніемъ собственнаго народа, не всегда расположеннаго къ сторонѣ, употребляющей его буферомъ.

Надобно замѣтить, однако, что неудачная мысль о «буферахъ» въ Азіи едва ли не выдумана впервые нашей дипломатіей. По крайней мѣрѣ, графъ Нессельроде еще въ 1838 г. писалъ въ инструкціи русскому послу въ Лондонѣ: «Для предупрежденія этого великаго несчастія (нарушенія мира въ Средней Азіи), необходимо самымъ тщательнымъ образомъ сохранять спокойствіе промежуточныхъ странъ, отдѣляющихъ владѣнія Россіи отъ владѣній Великобританіи».

Въ виду рѣшенія сохранить во что бы то ни стало Афганистанъ, въ качествѣ нейтральной полосы охраняющей Индію, произошло новое и послѣднее англо-русское разграниченіе 1895 г.

Это разграниченіе, какъ и всѣ предъидущія, совершилось къ нашей невыгодѣ. За границу Афганистана былъ принятъ не Гиндукушъ, а русло Аму-Дарьи и даже въ верховьяхъ афганцы, т. е. англичане, перешли къ сѣверу отъ русла важнѣйшаго притока этой рѣки, Пянджи; граница пошла по Аксу. Сначала англичане требовали даже границы по Мургабу. Въ Индію ведутъ изъ Россіи три пути: первый на Гератъ и на Кандагаръ, наименѣе гористый; второй—на Баміанское ущелье изъ долины Кундуза, ведущей въ Кабулу, стоящему на притокѣ Инда; третій путь, памирскій, довольно трудный, на Баригульское и Даркотское ущелья и долину Читрала. Этотъ послѣдній путь позволяетъ арміи переходить изъ истоковъ Аму-Дарьи въ верховья Инда. Русскіе держали уже двадцать лѣтъ ключи къ этому пути въ своихъ рукахъ, но съ 1895 года англичане забрали его въ свои руки. Въ утѣшеніе нашихъ дипломатовъ, англичане обязались мѣстность между Гиндукушемъ, озеромъ Викторіей (Зоркулемъ) и китайскою границею, составляющую безлюдную полосу верстъ въ сто шириною, никогда не присоединять къ своимъ собственнымъ владѣніямъ, что, въ сущности, было бы для насъ гораздо выгоднѣе, и не строить тамъ укрѣпленій.

Англичане отобрали для Афганистана южную часть бухарскаго Дарваза и пріобрѣли такимъ образомъ всю страну къ югу отъ Памира съ населеніемъ въ полмилліона и границу выгодную, въ стратегическомъ отношеніи для сѣверо-западной Индіи, чего и добивались болѣе двадцати лѣтъ. Самое трудное для нихъ было завладѣть обширною, очень гористою, мѣстностью, окружающею здѣсь Индію. Выставляя впередъ свои вассальныя земли, Афганистанъ и Кашмиръ, англичане и забрали всю необходимую имъ территорію. Они присоединили Читралъ и Кунджутъ (Ганза) и раздвинули противъ соглашенія 1873 г. границы Афганистана къ сѣверу какъ только могли. Вмѣсто половины своей индійской арміи, которая была необходима для охраны Пенджаба, англичане, если вѣрить ихъ сторонникамъ, могутъ довольствоваться теперь арміей въ 10,000 человѣкъ, прочно укрѣпившеюся въ трудно доступныхъ ущельяхъ Читрала. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее памирское разграниченіе открываетъ англичанамъ путь въ Кашгаръ, т. е. въ Китайскую имперію, такъ какъ проникнуть туда черезъ Гималаи иначе имъ было нельзя. Теперь же они съ истоковъ Аму-Дарьи имѣютъ сравнительно удобную дорогу на Ташъ-Курганъ въ обходъ горнаго массива Тагарма. Частныя сношенія Кашгара съ Англіею и ранѣе озабочивали не мало русскія власти въ Туркестанѣ. Кашгаръ гораздо ближе къ чертѣ русскихъ владѣній, чѣмъ къ Индіи, и очень важенъ, служа для сношеній Китая, Индіи, Русскаго Туркестана и Афганистана. Поэтому мы ни въ какомъ случаѣ не должны допускать здѣсь прочнаго водворенія англичанъ.

Бухара получила спорныя части Шугнана, Рошана и Вахана; Россіи по памирскому разграниченію досталась почти необитаемая

часть Памира, плоскогорье высотою въ Монъ-Бланъ и покрытое рѣдкою травою, но доступное передвиженію артиллеріи, а затѣмъ обезпеченіе полунезависимости Афганистана. Разграниченіе и укрѣпленіе за Афганистаномъ обязанности быть буферомъ не устраняетъ все-таки возможности дальнѣйшихъ столкновеній. По послѣднимъ извѣстіямъ эмиръ не особенно преданъ Англіи и симпатизируетъ Россіи. Это извѣстно какъ въ Калькуттѣ, такъ и въ Лондонѣ. Тамъ знаютъ также, что въ случаѣ нападенія на Индію, Абдуррахманъ можетъ присоединиться и къ нападающей сторонѣ. Въ виду этого, чтобы обезвредить эмира, Англія разсчитываетъ на двѣ вещи: или на столкновеніе, которое произойдетъ между эмиромъ и вождями отдѣльныхъ племенъ, вслѣдствіе новаго военнаго закона, который кабульское правительство навязываетъ афганцамъ, или на смерть Абдуррахмана и на смуты, которыя могутъ въ такомъ случаѣ произойти въ Афганистанѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ Афганистанъ сдѣлается театромъ междоусобной войны и потому не будетъ въ состояніи употребить свои силы противъ Индіи. Англія же подъ благовиднымъ предлогомъ, если понадобится, двинетъ въ третій разъ свои войска на Кабулъ.

Въ результатѣ, однако, подобныя дѣйствія приведутъ къ тому, что независимаго Афганистана политически болѣе существовать не будетъ и Англія и Россія станутъ въ сердцѣ Азіи другъ противъ друга съ ружьями на перевѣсъ. Россія, вмѣсто сосѣдства жестокихъ полудикихъ хановъ, пріобрѣтетъ сосѣдство просвѣщенныхъ мореплавателей. Это сближеніе русскихъ съ англичанами позволитъ, наконецъ, обѣимъ сторонамъ оцѣнить ихъ истинныя намѣренія, и вмѣстѣ съ тѣмъ побудить жить въ мирѣ, чтобъ не причинять другъ другу напраснаго вреда. Относительно же прочности нашихъ пріобрѣтеній надобно замѣтить, что въ стратегическомъ отношеніи положеніе Россіи въ Средней Азіи все-таки будетъ всегда далеко безопаснѣе положенія англичанъ въ южной. Хотя русскія пріобрѣтенія въ Азіи и не такъ блестящи, какъ англійскія, зато они солиднѣе. Ихъ легко связать тѣсно съ Россіей, а, при помощи немногихъ желѣзныхъ дорогъ, Средняя Азія станетъ въ тѣ же условія относительно отдаленности своей отъ политическаго центра Россіи, въ какихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія находились Заволжье или Новороссійскій край. Русская колонизація этой мѣстности не только возможна, но осуществляется уже на самой отдаленной ея окраинѣ, въ Семирѣченской области, довольно быстро. Англійское же владычество въ Азіи, держась военной силою, всегда сохранитъ характеръ временной торговой конторы для извлеченія извѣстныхъ выгодъ. Уже и теперь связь Индіи съ метрополіей далеко не всегда удобна. Когда же Соединенные Штаты укрѣпятся на Тихомъ океанѣ, и Австралія возмужаетъ настолько, что прервётъ политическую связь съ Англіей, владычество англичанъ въ южной Азіи сдѣлается весьма затруднительнымъ.

XXIV. ПЕРСІЯ.

Съ тѣхъ поръ, какъ персидскій шахъ Нассръ-Эддинъ задумалъ объѣхать Европу, чтобъ ознакомиться съ положеніемъ болѣе образованныхъ государствъ, Персія привлекла общее вниманіе, и въ печати, особенно иностранной, распространялись объ этой странѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія. Трудно было предсказать, какое впечатлѣніе произведутъ путешествія на шаха, а выводить изъ факта поѣздки какія либо предсказанія для будущности Персіи еще труднѣе. Персія давно сошла на степень третьестепеннаго государства, и политически и экономически немногимъ теперь сильнѣе Афганистана. Населеніе быстро уменьшается, большая часть земли даже близъ столицы остается невоздѣланною, а немногія провинціи, гдѣ сохранилась еще какая нибудь промышленная и торговая дѣятельность, разоряются невѣроятной правительственной системой. Значительная часть населенія поселяется нарочно въ уединенныхъ долинахъ во избѣжаніе соприкосновенія съ властями и возможности проѣзда двора—проѣзда, являющагося полнымъ разореніемъ посѣщенной имъ области. Вообще, это страна самаго грубаго деспотизма, и можно только дивиться терпѣнію персидскаго народа. Невольно повторишь слова Монтескье: «какъ это можно быть персіяниномъ?»

Благодаря правительству, со временъ Кира и Дарія, впервые объединившихъ персовъ и мидянъ, буквально разоряющему все, къ чему оно прикасается, Персія не мѣняется, она только приходитъ постепенно въ упадокъ. Персія почти не перемѣнилась противъ того, какъ она описана въ знаменитомъ романѣ Морьера «Хаджи-баба», переведенномъ на русскій языкъ Сенковскимъ. Одинъ дипломатъ, едва ли не покойный Гирсъ, сказалъ о Персіи, что это «le dernier des pays et le dernier des peuples», отзывъ быть можетъ и черезчуръ строгій. Хотя въ Персіи правдивый человѣкъ является въ видѣ феномена, а англичане кажется тѣмъ персамъ и противны, что не любятъ лгать, но есть въ Персіи и свои хорошія стороны.

Персія—рай для бѣдныхъ людей, дешевизна жизни въ ней невѣроятная, значительная часть населенія грамотна, слуги отличаются преданностью, и если рабство въ Персіи существуетъ, то рабы относительно счастливы; имъ даже постоянно грозятъ, какъ наказаніемъ, «свободою», т. е. изгнаніемъ на улицу и необходимостью работать для прокормленія.

Осѣдлое населеніе Персіи миролюбиво и трудолюбиво, грабятъ кочевники, составляющіе четверть всего населенія, но по убѣжденію персовъ и ихъ правительства порядокъ безъ палокъ немыслимъ. Ни званіе, ни возрастъ, ни полъ не избавляютъ въ Персіи отъ тѣлеснаго наказанія—все различіе только въ количествѣ ударовъ.

Наказаніе это, какъ у насъ въ старинной Руси, не считается, впрочемъ, безчестіемъ. Да и самое преступленіе не служитъ персамъ препятствіемъ для достиженія высшихъ должностей. Рахимъ-ханъ, занимавшійся грабежемъ на большихъ дорогахъ и присужденный судомъ къ смертной казни, занималъ потомъ должность губернатора важнѣйшей Испаганской провинціи и откупщика таможенныхъ сборовъ. Нашъ извѣстный закавказскій разбойникъ Беримъ — столько разъ убиваемый по донесеніямъ полиціи — служитъ теперь при тавризскомъ генералъ-губернаторѣ чѣмъ-то въ родѣ оберъ-полицеймейстера.

До сихъ поръ въ Персіи въ тюрьмахъ пытка процвѣтаетъ, а казни очень жестоки, особенно при преслѣдованіи религіозныхъ сектъ. Преступниковъ зарываютъ живыми въ землю, сжигаютъ, распинаютъ, затаптываютъ до смерти и варятъ въ котлахъ, причемъ въ видѣ особой любезности сажаютъ въ кипятокъ, а не вывариваютъ изъ виновнаго бульонъ. Персидское правосудіе если строго, то несложно и, пожалуй, дешево. Въ итогѣ всѣ подкупы чиновниковъ и даже губернаторовъ обходятся дешевле, чѣмъ судебныя и адвокатскія издержки въ другихъ странахъ, а такъ какъ подкупаютъ судей обѣ стороны, то рѣшенія бываютъ обыкновенно довольно справедливы. Боясь чиновниковъ, персы предпочитаютъ, однако, третейскій судъ. Замѣчательно, что, величайшіе врали въ мірѣ, персы рѣдко даютъ на судѣ ложную присягу.

Все здѣсь страшно продажно, администрація, судъ, духовенство; взятки и «безгрѣшные доходы» считаются прерогативами каждой власти. Подкупить можно кого угодно, отъ шаха до послѣдняго его подданнаго. «Русскіе, говоритъ докторъ Уильсъ въ своей интересной книгѣ «Современная Персія», знаютъ эту слабость своихъ сосѣдей и мудро ею пользуются. Когда имѣешь дѣло съ нецивилизованнымъ народомъ, подкупъ является самымъ важнымъ средствомъ». Я сильно сомнѣваюсь, чтобы цивилизованные соотечественники Уильса такъ ужъ пренебрегали подкупомъ.

Въ мирное время Персія имѣетъ не болѣе 30,000 человѣкъ постояннаго войска; это число легко удвоить, но для обученія необходимы европейскіе инструкторы, такъ какъ мѣстные офицеры, взятокъ ради, не обращаютъ вниманія на дисциплину; обученные европейцами персидскіе солдаты не хуже лучшихъ англійскихъ сипаевъ. Персидскій солдатъ, особенно если взятъ изъ горныхъ племенъ, храбръ, понятливъ, дѣятеленъ и выносливъ, нужно только его хорошо кормить и аккуратно платить ему жалованье. Евреи военной повинности въ Персіи не подлежатъ. Прежде англичане и австрійцы посылали въ Персію своихъ инструкторовъ, теперь русскіе инструкторы обучили уже два казачьихъ полка — лучшую кавалерію въ Персіи. Русское вліяніе, проводимое начальникомъ этой кавалеріи г. Косаговскимъ, отлично говорящимъ по-персидски и имѣющимъ личный докладъ у новаго шаха, вытѣснило ан-

глійское изъ арміи и уронило престижъ послѣдняго. Этимъ, конечно, англичане недовольны, такъ какъ, по мнѣнію ихъ государственныхъ людей, Персія должна служить барьеромъ между Англіей и Россіей и не должна допускать распаденія и разрушенія этого барьера. Добровольно допуская Персію подчиняться русскому вліянію, англичане дали бы возможность лишнимъ полкамъ храбрыхъ солдатъ нахлынуть современемъ на Индію. Персія, если даже она не будетъ принуждена сама принять участіе въ борьбѣ между Россіей и Англіей, какъ орудіе Россіи, все-таки опасная величина для Индіи по своему чрезвычайно выгодному географическому положенію.

Уменьшить однако русское вліяніе въ Персіи не такъ-то легко. Россія владѣла уже Гиляномъ и Мазандераномъ, которыя возвратила при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ виду большой смертности въ русскихъ гарнизонахъ, и жители этихъ провинцій, да и вообще сѣверныхъ провинцій Персіи привѣтствовали бы нашу власть и нынѣ съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что въ населеніи ихъ имѣется значительная примѣсь тюркскаго элемента, презирающаго собственно персіянъ. Въ Персіи имѣется также значительное число христіанскаго населенія, несторіанъ и армянъ, состоящихъ подъ покровительствомъ нашей миссіи,— оно также будетъ довольно присоединеніемъ къ Россіи.

При Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I французы старались занять прочную позицію въ Персіи, но со второй четверти нынѣшняго столѣтія послѣдняя стала мѣстомъ, гдѣ по преимуществу встрѣчались нити русской и англійской политики. Персія долго была главною сценою для русско-англійскихъ столкновеній въ Азіи, въ виду претензій персидскихъ шаховъ на Гератъ и того обстоятельства, что мы еще не стали прочною ногою въ Средней Азіи. Проученная въ 1813 и 1827 гг., и послѣ благополучнаго для нея разрѣшенія инцидента съ убійствомъ Грибоѣдова, оскорбившаго ревность тегеранскихъ мужей, Персія, съ 1834 г., сдѣлалась нашею союзницею и находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Россіи. Англійское правительство находило, что преобладаніе въ Тегеранѣ русскаго вліянія можетъ уронить его престижъ въ глазахъ не только сосѣднихъ владѣній, но въ самой Индіи, поэтому всячески открыто противодѣйствовало въ Тегеранѣ стремленіямъ русской политики. Пальмерстонъ, бывшій въ продолженіе почти сорока лѣтъ руководителемъ англійской политики, совершенно откровенно признавался въ подобной цѣли.

Между тѣмъ сама Англія дѣлала все, чтобъ заставить шаха искать покровительства противъ англійскихъ претензій и захватовъ именно у Россіи. Когда, вслѣдствіе задержанія въ 1837 г. англійскаго курьера, Англія чуть не объявила войны Персіи, когда она, пользуясь этимъ происшествіемъ, ввела свой флотъ въ Персидскій заливъ и отняла персидскій островъ Коракъ, и когда англійскій

посланникъ въ Тегеранѣ Макъ-Нейръ предъявилъ при этомъ шаху самыя унизительныя требованія, персидское правительство обращалось естественно за помощью къ Россіи, и нашъ генералъ Дюгамель былъ принятъ въ Тегеранѣ съ распростертыми объятіями. Россія признала права, которыя шахъ предъявлялъ на Гератъ. Но шахъ пошелъ въ 1837 г. войною противъ Герата и афганцевъ, вопреки совѣтамъ Россіи, поэтому несправедливо было обвинять насъ въ подстрекательствѣ, хотя полковникъ Бларамбергъ и былъ свидѣтелемъ осады. Англійское правительство держалось тогда въ отношеніи Персіи такой агрессивной политики, что она должна была привести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Обороною Герата руководилъ англійскій офицеръ, а въ осадѣ участвовалъ баталіонъ изъ русскихъ бѣглыхъ солдатъ. Не довольствуясь тѣмъ, что персы сняли осаду, англичане объявили войну Афганистану. Англійское правительство возстало при этомъ противъ предложенія нашего посланника въ Тегеранѣ, графа Симонича, чтобъ шахъ заключилъ съ эмиромъ афганскимъ договоръ, провозглашавшій полную независимость Афганистана.

Во время крымской войны, конечно, не безъ вліянія Россіи, старавшейся отвлечь силы Англіи, шахъ Мохаметъ, въ 1856 году, завоевалъ Гератъ, тогда независимый отъ Афганистана. Но англичане немедленно объявили Персіи войну и захватили въ Персидскомъ заливѣ Бендеръ-Буширъ и др. гавани. Шахъ обѣщалъ не трогать Герата, за что получилъ обратно свои порты. Послѣ этого успѣха вліяніе Англіи въ Персіи вновь укрѣпилось, Англія къ тому же имѣла въ Тегеранѣ цѣлый рядъ искусныхъ дипломатовъ: Раулинсона, Алисона (любимый секретарь знаменитаго Стратфорда Редклифа), Томсона. Они дѣйствовали бы еще удачнѣе, если бы не были связаны одновременнымъ подчиненіемъ и министерству иностранныхъ дѣлъ, и генералъ-губернатору, а затѣмъ вице-королю Индіи, что подавало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ.

Хотя персы убѣждены въ могуществѣ англичанъ, но, не взирая на полученные уроки, не считаютъ ихъ воинственной державой. Къ тому же они находятся гораздо ближе къ Россіи, чѣмъ къ Англіи. «Англія въ глазахъ персовъ пустой звукъ, а Россія сила, передъ которой нужно преклоняться и трепетать», говоритъ одинъ англичанинъ. Къ этому надобно, однако, сдѣлать поправку, напомнивъ, что золото для персовъ всегда было соблазнительнѣе, чѣмъ вороха дипломатическихъ бумагъ.

Это-то косвенное вліяніе балансировало часто старанія нашей дипломатіи. Конецъ 70-хъ годовъ и начало 80-хъ, особенно время представительства г. Зиновьева, даже по отзыву англичанъ, считается эпохою рѣшительнаго преобладанія Россіи. Въ этотъ періодъ мы установили съ Персіей нашу границу по восточную сторону Каспійскаго моря конвенціями 1881 и 1885 года. По

первой мы, впрочемъ, согласились признать, въ угоду англичанамъ, нашу границу по Атреку, а не по Гюргени, по второй Персія уступила намъ Сераксъ. Согласно договору 1881 года, мы получили право имѣть въ Хоросанѣ своихъ консуловъ, а по слухамъ, секретнымъ соглашеніемъ 1883 года, персы предоставили намъ право, при извѣстныхъ условіяхъ и занимать Хорасанъ войсками, такъ какъ иначе Закаспійская дорога не была бы въ безопасности. Другіе слухи ходили объ уступкахъ около Астрабада, имѣющаго чрезвычайно важное стратегическое значеніе. Здѣсь горы пологи и черезъ Астрабадъ можно проникнуть въ Персіи повсюду.

Наше преобладаніе значительно упало затѣмъ при князѣ Долгорукомъ. Несмотря на неудачи въ Закаспійскомъ краѣ, онъ имѣлъ репутацію человѣка умнаго и рѣшительнаго, поэтому отъ назначенія его въ Тегеранъ, вмѣсто состарившагося въ дипломатической канцеляріи г. Мельникова, ожидали весьма многаго. Но результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Причиною этого люди, знающіе персидскія дѣла, выставляютъ то обстоятельство, что князь Долгорукій, человѣкъ мягкій, не былъ достаточно знакомъ съ восточными нравами и слишкомъ полагался на престижъ своего имени. На бѣду, соперникомъ ему попался сэръ Друммондъ Вольфъ, тончайшій англійскій дипломатъ изъ крещеныхъ евреевъ, отличный знатокъ Востока.

Хотя огромные успѣхи, сдѣланные англичанами во время пребыванія кн. Долгорукаго, были потомъ и посбавлены, частью подъ давленіемъ нашего правительства, частью въ силу обстоятельствъ, но нельзя не признать, что наше положеніе въ Персіи, столь важное для будущаго, не соотвѣтствовало расширенію нашего владычества въ Средней Азіи и на Кавказѣ. Почему на смѣну кн. Долгорукова отправили болѣе искуснаго дипломата, г. Бютцова, служившаго ранѣе по дипломатической части при графѣ Муравьевѣ - Амурскомъ, потомъ посланникомъ въ Китаѣ и Аѳинахъ и знакомаго съ Востокомъ. Воспользовавшись пребываніемъ Насръ-Эддина въ С.-Петербургѣ, Александръ III напомнилъ ему, что сто тысячъ войска стоятъ всегда на границѣ Персіи.

Это напоминаніе было весьма кстати, а то въ 1888 году была открыта для международнаго плаванія р. Карунъ, впадающая въ Шатъ-эль-Арабъ у Мохоммера. Это открытіе разсматривалось какъ блестящая побѣда англичанъ; опасались даже, что они, пользуясь воднымъ путемъ, завладѣютъ всѣми персидскими рынками въ ущербъ Россіи. Но ожиданія не оправдались и, вслѣдствіе притѣсненій въ таможняхъ и неудовлетворительности пути, образовавшееся англійское пароходство бр. Линчъ ликвидировалось.

Въ 1888 г. персы вздумали противиться учрежденію, согласно конвенціи 1881 г., генеральнаго консульства въ Мешедѣ и согласились на это только предоставивъ то же право Англіи. Затѣмъ шахъ воспретилъ было вывозъ хлѣба изъ Хорасана.

Въ 1889 г. англичанину Рейтеру была дана концессія имперскаго банка и монопольное право на всѣ минеральныя богатства Персіи; вмѣстѣ съ этимъ банкъ получилъ концессію на желѣзную дорогу изъ Тегерана въ Шустера и Испагань и на шоссе до Кума. Дѣла банка также не пошли блистательно, а дѣло шоссе ликвидировано. Не лучше вышло и съ третьимъ англійскимъ предпріятіемъ, надѣлавшимъ шуму. Въ 1890 г. шахъ отдалъ на 50 лѣтъ монополію табака компаніи. Придирки агентовъ помогли возбудить неудовольствія; духовенство, пользующееся въ народѣ большимъ авторитетомъ, чѣмъ чиновники, начало проповѣдывать, что табакъ компаніи нечисть. Когда же высшее духовное лицо въ Кербела высказалось противъ монополіи и воспретило куреніе, то шахъ, опасаясь открытаго возмущенія, уничтожилъ концессію, заплативъ англійской компаніи за убытки 5 милл. руб.

Не смотря на слухи, ходившіе въ заграничной печати, что Англія, повидимому, рѣшила оставить Персію внѣ сферы своего непосредственнаго политическаго вліянія, что косвенно подтверждается будто бы соглашеніемъ о памирскомъ разграниченіи, англичане и не думаютъ намъ уступать окончательно вліянія въ Персіи. Въ крайнемъ случаѣ, они предпочли бы раздѣлъ этой страны, взявъ себѣ всю южную часть до Испагани,а намъ предоставивъ сѣверную часть. Хотя послѣдняя гораздо богаче южной, но Россіи нѣтъ интереса дробить и ослаблять Персію. Россія не нуждается въ кускахъ персидской территоріи, а имѣетъ только интересъ сохранить Персію въ предѣлахъ своего политическаго вліянія, хотя въ случаѣ распаденія Афганистана, она не будетъ уже помогать персіянамъ присоединять Гератъ. Теперь моментъ вообще весьма удобный для того, чтобы Россія и Персія сплотились болѣе тѣсно другъ съ другомъ. Англія думала создать изъ Персіи государство-буферъ, Россія, содѣйствуя политическому и культурному пробужденію Персіи, можетъ сдѣлать себѣ изъ этой страны преданнаго союзника. Политика Англіи навязыванія Персіи вассальныхъ отношеній помѣшала ей прочно утвердиться въ Персіи; Россія не имѣетъ никакой надобности повторять англійскую ошибку, хотя въ Персіи, какъ въ восточномъ государствѣ, политика наша должна быть всегда очень твердая и рѣшительная.

Персія, прогрессирующая экономически, является для Россіи болѣе выгоднымъ рынкомъ, чѣмъ Персія разоренная. Персія важна для насъ также какъ противникъ Турціи. Персы и турки всегда жили обособленно и не имѣли никакихъ общихъ цѣлей и интересовъ въ дѣлахъ внѣшней политики, напротивъ, они часто между собою воевали. Россія пользовалась этимъ, и за косвенное содѣйствіе свое во время послѣдней войны персы получили даже небольшое приращеніе территоріи.

Въ послѣднее время въ политической жизни Персіи произошла перемѣна. Шахъ Насръ-Эддинъ былъ убитъ анархистомъ. Уже

немедленно по вступленіи на престолъ Насръ-Эддинъ сдѣлался жертвою покушенія нѣсколькихъ фанатиковъ секты Баби—персидскихъ коммунистовъ, потому-то онъ потомъ такъ часто мѣнялъ свое мѣсто пребыванія, хотя лучше было перемѣнить жестокую политику. Ближайшее знакомство съ Европою не повліяло на шаха: онъ завелъ у себя электричество, купилъ паровую яхту, но остался тѣмъ же деспотомъ; первый шагъ его по возвращеніи изъ первой поѣздки заграницу было удавленіе перваго министра. Появленіе персидскихъ анархистовъ объясняютъ не только порочностью развращенной администраціи, но и пониженіемъ цѣнности серебра, гибельной для персидскихъ рабочихъ конкуренціей европейскихъ фабрикъ, и маніей покойнаго шаха копить богатства, совершенно его охватившей съ тѣхъ поръ, какъ онъ состарѣлся.

Несмотря на разорительное для Персіи пониженіе цѣнности серебра, Насръ-Эддинъ изъялъ изъ обращенія серебряную монету и приказалъ отчеканить мѣдную монету, которая и была пущена въ обращеніе вмѣсто серебряной. Тяжелыя мѣдныя монеты затрудняли расчеты; чтобы перевезти 200 р. требовалась лошадь. Нѣкогда выгодная торговля опіумомъ, шелкомъ и табакомъ парализовалась окончательно. Когда вмѣшался ажіотажъ и размѣнъ повысился до 120—130%, мѣдную монету въ казначействахъ перестали принимать, она пала еще на треть своей цѣнности и для рынковъ это было настоящимъ разореніемъ.

Пока эти событія волновали персіянъ и подрывали вѣру народа въ попеченія о немъ шаха, въ Персію, несмотря на полицейскія мѣры и учрежденіе министерства печати (sic), сталъ проникать печатающійся заграницею на персидскомъ языкѣ листокъ анархистовъ, распространившійся по всѣмъ городамъ и селамъ.

О новомъ шахѣ, благодаря его долгой жизни (болѣе 35 лѣтъ) вдали отъ столицы, сначала говорили, что онъ хорошо знакомъ съ тѣмъ народомъ, надъ которымъ призванъ властовать, но что онъ научился молчать и скрывать свои симпатіи и антипатіи. Музаффаръ очень мало говоритъ, довѣренныхъ лицъ у него нѣтъ; тѣмъ не менѣе многіе факты указывали на его доброту и благоразуміе. Но засимъ въ столицѣ Персіи начались смѣны должностныхъ лицъ, заставляющія относиться нѣсколько недовѣрчиво къ тому, что сообщалось ранѣе о прогрессивныхъ стремленіяхъ новаго шаха. Великій визирь, садръ-азамъ, способствовавшій своими распоряженіями вполнѣ спокойному воцаренію шаха, высланъ подъ конвоемъ въ Кучанъ *) и министрамъ приказано лично представ-

*) Кучанъ—сѣверная провинція Персіи вдоль Копетъ-Дага. Какъ и сосѣдній Буджнуртъ, Кучанъ управляется наслѣдственнымъ генералъ-губернаторомъ, носящимъ громкій титулъ «стрѣлы государства». Эти стрѣлы государства страшное зло въ Персіи, отъявленные грабители и варвары. За невзносъ своевременно податей въ селѣ Гермабъ кучанскій генералъ-губернаторъ приказалъ всѣмъ взрослымъ мужчинамъ отрубить лѣвую ногу! Между тѣмъ, населеніе Кучана, по большей части, курды, отличаются миролюбіемъ, трудолюбіемъ и расположеніемъ къ Россіи, и не похожи на своихъ турецкихъ соплеменниковъ.

лять доклады. Разсказывали, что будто бы павшій визирь тайно принялъ англійское подданство, чѣмъ и объясняли не заступничество за него нашего дипломатическаго персонала въ Тегеранѣ. Но этой сказкѣ никто не повѣрилъ. Смѣщены всѣ министры и почти всѣ губернаторы; все это приписываютъ заурядной въ Персіи придворной интригѣ.

Въ иностранныхъ газетахъ встрѣчаются указанія и на усиливающуюся смуту умовъ во всѣхъ классахъ населенія персидской монархіи. У покойнаго шаха, котораго считали обладателемъ трехсотъ милліоновъ рублей, оказалось, будто бы, гораздо больше долговъ, чѣмъ капиталовъ, государственная казна пуста и новый шахъ прибѣгнулъ уже къ прежней финансовой системѣ, отъ которой хотѣлъ-было отказаться, т.-е. потребовалъ отъ губернаторовъ провинцій немедленнаго и единовременнаго взноса податей; тѣ ссылаются на то, что подати уплачены ими уже за годъ впередъ и т. д.

Я говорилъ выше, что Россія политически должна преобладать въ Персіи; она могла бы владычествовать по своему географическому положенію и въ торговлѣ. Уже въ 1555 англичане для торговли съ Персіей образовали компанію, которая вела торговлю черезъ Волгу и Каспійское море. Въ XVIII вѣкѣ они же дѣлали попытки возобновить покупку шелка тѣмъ же путемъ, а русскіе стали покупать въ это время въ Персіи хлопокъ, но запрещеніе вывоза изъ Россіи золота въ 1812 г. подорвало нашу торговлю.

Позднѣйшіе попытки русскихъ людей основаться въ Персіи были рѣдки; наоборотъ, персіяне съ давнихъ поръ посѣщаютъ Россію для покупки и продажи товаровъ. Мы сами отчасти причиною того, что иностранцы овладѣли многими рынками въ Персіи. Еще въ началѣ 30-хъ годовъ, во время существованія въ Тавризѣ дома бр. Посылиныхъ, ввозилось русскихъ мануфактурныхъ товаровъ: ситцевъ, нанки, миткаля и платковъ ежегодно на сумму 900,000 рублей. Но въ 1837 году началъ свою дѣятельность греческій торговый домъ Ралли, который, пользуясь преимуществами русскаго подданства и покровительствомъ нашей дипломатіи, прочно утвердился въ Тавризѣ. Съ тѣхъ поръ увеличивавшееся число иностранныхъ купцовъ, заводившихъ, по примѣру Ралли, торговыя конторы въ Тавризѣ, было причиною, что уже къ 1842 году торговля русскими ситцами почти прекратилась.

Съ окончаніемъ дѣятельности торговаго дома Посылиныхъ въ Персіи, на остальныя наши предпріятія по сбыту туда русскихъ произведеній надо смотрѣть не иначе, какъ на рядъ самыхъ неудачныхъ попытокъ, потерпѣвшихъ фіаско, или вслѣдствіе совершеннаго незнанія необходимыхъ потребностей страны, или же отъ неурядицы въ самомъ устройствѣ подобныхъ предпріятій.

Въ 50-хъ годахъ основано Кокоревское Каспійское товарищество, имѣвшее вести торговое дѣло въ Персіи, но оно скоро пре-

кратило существованіе. Затѣмъ, стремясь усилить сбытъ мануфактуръ въ среднюю Азію, мы долго оставляли Персію безъ вниманія, открывая ее эксплоатаціи иностранцевъ. Почти вся торговля Россіи съ Персіею сосредоточилась въ рукахъ армянскихъ торговцевъ; между ними есть крупные: бр. Адамовы (покупаютъ шелкъ въ Нишатурѣ и въ Себзеварѣ), Тумаевы (доставляютъ серебро), Мутафовы (торговля сахаромъ и переводъ денегъ), но большая часть армянъ, владѣя крайне скудными средствами, ограничивается одною мелочною торговлею. Къ тому же армяне, вмѣсто того, чтобъ дѣлаться въ Персіи проводниками русской промышленности, мало-по-малу заводятъ сношенія съ западною Европою. Они опасаются также отказываться отъ однажды принятыхъ пріемовъ и относятся съ недовѣріемъ къ каждому нововведенію, хотя бы и полезному,

Вслѣдствіе этого, несмотря на близкое сосѣдство и совершенное отсутствіе въ Персіи фабрикъ и заводовъ, мы снабжаемъ едва десятою частью потребныхъ этой странѣ товаровъ, сами же, наоборотъ, не взирая на первобытное состояніе персидской культуры и ремеслъ, покупаемъ постоянно въ Персіи болѣе, нежели продаемъ, и являемся относительно персіянъ должниками по балансу. Положеніе довольно странное, особенно сравнительно съ положеніемъ тамъ же Франціи, Англіи и Германіи, которыя, продавая Персіи огромное количество своихъ обработанныхъ издѣлій, почти изъ милости берутъ за полцѣны небольшое количество персидскихъ товаровъ. Оказывается, слѣдовательно, что скорѣе персіяне должны интересоваться благоустройствомъ русскихъ таможенъ, чѣмъ наоборотъ.

Это особенно важно было при существованіи такъ называемаго персидскаго транзита, который долго представлялся главною причиною жалкаго положенія персидско-закавказской торговли. Къ Тавризу вели два транзитныхъ пути: одинъ, безпошлинный, черезъ Закавказье, гдѣ построена желѣзная дорога, а другой — по Арменіи, гдѣ турецкое правительство устроило отчасти шоссе и собирало транзитную пошлину. По разсчетамъ, средняя цѣна провоза товара черезъ Закавказье была дешевле на 28 проц. Казалось бы, что при такой дешевизнѣ всѣ товары въ Персію должны были бы слѣдовать только на Поти и Тифлисъ, а между тѣмъ выходило совершенно противное. Несмотря на желѣзную дорогу, русское направленіе съ трудомъ соперничало съ турецкимъ путемъ. Причины такого промедленія весьма просты: хотя по турецкому пути товары оплачивались транзитною пошлиною, но всѣ таможенныя формальности оканчивались у турокъ въ нѣсколько часовъ, между тѣмъ, вслѣдствіе формальностей русскихъ таможенъ, «безпошлинно» идущимъ товарамъ нужно было, по меньшей мѣрѣ, пролежать десять дней при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Не смотря на такое положеніе, безпошлинный транзитъ представлялъ сильную конкурренцію сбыту русскихъ товаровъ въ Персію и его слѣдовало упорядочить. Вопросъ о транзитѣ очень го-

рячо и долго дебатировался и въ печати, и въ государственныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ на сторонѣ транзита была и кавказская администрація, и наша дипломатія, опасавшіяся, что персіяне будутъ очень недовольны стѣсненіемъ ихъ торговли. Вопросъ былъ рѣшенъ въ 1883 г. въ благопріятномъ для русскихъ интересовъ смыслѣ, причемъ Высочайшаго одобренія удостоилось мнѣніе меньшинства — весьма, впрочемъ, внушительнаго — членовъ государственнаго совѣта.

Такимъ путемъ расширился рынокъ для сбыта русскихъ товаровъ въ западной Персіи и закрѣплялся за Россіей еще болѣе важный рынокъ—Закавказье, свободно наводнявшееся иностранною контрабандою, привозившеюся подъ видомъ товаровъ для персидскаго безпошлиннаго транзита. Равнымъ образомъ устранилась опасность, что тотъ же иностранный контрабандный товаръ, при помощи батумско-бакинской желѣзной дороги, проникнетъ въ Среднюю Азію и вытѣснитъ русскія издѣлія изъ этого естественнаго для нихъ рынка.

Для интересовъ Закавказья сокращеніе безпошлиннаго транзита не имѣло никакого серьезнаго значенія, потому что если временно и уменьшился доходъ отъ провоза иностранныхъ товаровъ въ Персію (доходъ отъ провоза персидскихъ товаровъ въ Европу остался въ прежнемъ видѣ), то доходъ закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ и извозчиковъ не уменьшился, ибо, взамѣнъ иностранныхъ товаровъ, въ ту же Персію и въ то же Закавказье стали привозить равное количество русскихъ товаровъ, которые пошли не только изъ Нижняго черезъ Каспійское море, но и прямо изъ Москвы и Кіевъ черезъ Одессу, Севастополь и Таганрогъ на Поти и Батумъ и далѣе по желѣзнымъ и грунтовымъ дорогамъ.

Защитники безпошлиннаго закавказскаго транзита пугали тѣмъ, что вмѣсто русскихъ товаровъ Персія начнетъ покупать иностранные товары, направляя ихъ безпошлиннымъ путемъ на Трапезунтъ. Но съ этимъ путемъ все болѣе и болѣе конкуррируетъ путь черезъ Персидскій заливъ отъ сильнаго пониженія фрахта, изъ Лондона въ Буширъ. Затѣмъ, въ виду пустоты турецкой казны, нельзя ожидать, чтобы турки могли сдѣлать что-нибудь для благоустройства труднаго гористаго пути на тысячу слишкомъ верстъ.

Персидскимъ купцамъ, конечно, не понравилась необходимость платить въ Поти и Батумѣ таможенныя пошлины, но они могутъ избавиться отъ этого—если не пожелаютъ возить товары на Трапезунтъ или черезъ Бендеръ-Буширъ, въ Персидскомъ заливѣ— покупая русскіе товары. Имѣя въ виду, что мы сосѣди съ Персіей, что мы давно знаемъ ея вкусы и что мы крупные потребители отпускныхъ персидскихъ товаровъ, надобно думать, что покупка персами необходимыхъ имъ привозныхъ товаровъ на ближайшихъ русскихъ рынкахъ, вмѣсто пріобрѣтенія ихъ на отдаленныхъ французскихъ и англійскихъ, бѣды большой не составила. При этомъ

надобно припомнить еще, что благами безпошлиннаго транзита пользовалась далеко не вся Персія, а наиболѣе западная, или, точнѣе, сѣверо-западная часть.

Прекращеніе закавказскаго безпошлиннаго транзита имѣло еще одну важную сторону — политическую. Оно показало въ нашемъ правительствѣ твердую рѣшимость въ экономическихъ и торговыхъ вопросахъ слѣдовать впредь исключительно національнымъ интересамъ, не задаваясь отвлеченными принципами и желаніемъ угодить иностранцамъ. Это подтвердилось на происшедшемъ вслѣдъ затѣмъ прекращеніи порто-франко въ Батумѣ, при сохраненіи коего закрытіе транзита было - бы мѣрою не полною. Хотя Россія обязалась по берлинскому трактату допускать въ Батумъ привозъ товаровъ безпошлинно, но это не было какое-либо обязательство, вынужденное у Россіи силою оружія, а простое обѣщаніе нашего правительства, которое оно не было обязано исполнять безконечно и имѣло право взять всегда назадъ, разъ признавало это для интересовъ Россіи необходимымъ. Если Англія и Франція, гарантировавшія въ Берлинѣ цѣлость Оттоманской монархіи, успѣли уже въ это время первая взять у Турціи Египетъ, а вторая—Тунисъ, то понятно, что объ исполненіи такой пустяшной статьи, какъ батумское порто-франко, и разговаривать не стоило, тѣмъ болѣе, что на означенную статью дѣйствительно слѣдовало смотрѣть, какъ на любезность Россіи по отношенію къ иностранной торговлѣ, а не какъ на безсрочное ограниченіе державныхъ правъ русскаго государства на собственный городъ.

Съ момента закрытія транзита русскія предпріятія стали снова появляться въ Персіи. Большія надежды возлагали на попытки Коншина, въ 1884—90 гг., сбывать въ Персіи русскіе мануфактуры, но Коншинъ потерялъ болѣе 100,000 руб. и прекратилъ свои дѣла. Въ 1889 г. учреждено въ Персіи товарищество для торговли г. Полякова. Поляковъ имѣетъ, кромѣ торговли, страховое и транспортное дѣло, спичечную фабрику, ему же принадлежитъ конно-желѣзная дорога въ Тегеранѣ. Онъ получилъ и концессію на желѣзную дорогу отъ Каспійскаго моря на Тавризъ, но не воспользовался ею.

Русская торговля продолжаетъ страдать въ Персіи оттого, что богатые торговцы могутъ, давая взятки, платить менѣе пошлинъ, чѣмъ мелкіе, а торговля ведется преимущественно мелкими торговцами. Сбыту же персидскихъ товаровъ въ Россіи, поощряемому низкими пошлинами по Туркманчайскому трактату 1828 года, на которыя наше министерство финансовъ давно косо поглядываетъ, вредятъ плохіе пути сообщенія, а въ послѣднее время и запрещеніе ввоза въ Россію серебра, съ 1894 г. Персамъ нечѣмъ покрывать благопріятный для нихъ балансъ, въ обмѣнъ на кредитные билеты; послѣдніе впрочемъ уже обращаются въ Персіи. Проще всего было бы для урегулированія торговыхъ отношеній включить

Персію въ нашу таможенную черту или, по крайней мѣрѣ, заключить съ нею таможенный союзъ. Слухъ объ этомъ ходилъ въ 1891 г. и, понятно, очень не понравился англичанамъ. При проведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Персіи и установленіи тамъ фабрикъ союзъ этотъ станетъ неизбѣжнымъ. Это не значитъ, впрочемъ, какъ я уже говорилъ, что мы должны подчинить себѣ Персію, какъ сдѣлали съ Бухарой. Хотя если судьба когда нибудь заставитъ насъ присоединить мусульманское государство, то въ виду отношеній къ Турціи и Афганистану пріятнѣе имѣть подданныхъ шіитовъ. Послѣдній, устроившись въ границахъ, намѣченныхъ Достъ-Магометомъ, сталъ сунитскою державою порядочной силы.

Иностраннымъ капиталистамъ удалось испросить въ послѣднее время двѣ концессіи, одну на желѣзную дорогу отъ Александретты на Багдадъ до Басры, другую отъ Энзели на Тегеранъ до Бендеръ-Бушира. На обѣ дороги не осуществились. Концессіи эти представлялись нѣкоторыми въ видѣ рѣшенія вопроса объ индійской желѣзной дорогѣ не въ пользу Россіи, причемъ порицалась наша дипломатическая бездѣятельность въ столь важномъ экономическомъ и политическомъ вопросѣ. По моему мнѣнію, проекты, одобренные турецкимъ и персидскимъ правительствами, останутся долго еще безъ исполненія. Приэтомъ самое значеніе направленій означенныхъ путей весьма различно для Россіи: путь по Евфрату можно признать для насъ невыгоднымъ въ политическомъ отношеніи, но путь отъ Каспійскаго моря къ Персидскому заливу скорѣе полезенъ для насъ и со стороны политической и съ экономической.

Проектъ рельсоваго соединенія Средиземнаго моря съ Персидскимъ заливомъ не новъ. Онъ былъ составленъ Чеснеемъ еще въ 30-хъ годахъ, и тогда же были сдѣланы необходимыя изысканія; проектъ этотъ много потерялъ послѣ сооруженія Суэзскаго канала, который пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ считался, какъ извѣстно, дѣломъ невозможнымъ. По проекту Чеснея, желѣзная дорога шла отъ Александретты до верховьевъ Евфрата, потомъ вдоль Евфрата до Басры, въ 70 верстахъ отъ Персидскаго залива; отъ послѣдняго города большіе пароходы безпрепятственно уже ходятъ въ Курачи и Бомбей. На этомъ пути дорога прорѣзываетъ только пустыни Сиріи и Месопотаміи, слабо населенныя кочующими племенами, и упирается въ Персидскій заливъ, откуда въ Индію еще 3—5 сутокъ морского пути. Самый заливъ для мореплаванія неудобенъ, климатъ лѣтомъ убійственъ, а множество острововъ и коралловыхъ рифовъ, разбойничье побережное населеніе и недостатокъ маяковъ очень затрудняютъ плаваніе. Дорога проходитъ по провинціямъ, которыя имѣютъ мало значенія для Турціи въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи и населены враждебнымъ арабскимъ племенемъ.

Болѣе всего опасна такому пути конкурренція дешеваго суэзскаго пути. Отправлять по рельсамъ товары не будетъ разсчета, по крайней мѣрѣ для товаровъ не очень цѣнныхъ и не слишкомъ спѣшныхъ. Окупить же дорогу однимъ доходомъ отъ пассажировъ и багажа немыслимо.

Соединеніе Каспійскаго моря съ Персидскимъ заливомъ, отъ Энзели на Рештъ, Тегеранъ, Испагань, Ширазъ и Бендеръ предполагаетъ направленіе индійскаго транзита по Средиземному и Черному морямъ до Поти, далѣе до Баку черезъ Закавказье по желѣзной дорогѣ, оттуда моремъ до Энзели и, наконецъ, по новому желѣзному пути и Персидскому заливу въ Бомбей. Но при такомъ направленіи транзита времени потребуется болѣе, нежели по Суэзскому каналу, а четырехкратная перегрузка и двѣ желѣзныя дороги, обѣ въ гористыхъ мѣстностяхъ, дорого построенныя, т. е. съ высокими тарифами, еще болѣе удорожатъ перевозку, сравнительно съ направленіемъ на Александретту и Басру, не говоря уже о перевозкѣ прямо моремъ.

Мѣстнаго значенія подобная желѣзная дорога имѣть будетъ болѣе, хотя центральная часть Персіи разорена, почва ея или истощена, или безводна, т. е. безплодна; потребуется огромный капиталъ и большое населеніе (а его во всей Персіи нѣтъ и 8 милл.), чтобъ поднять культуру страны. Только Азербайджанъ, Мазандеранъ, часть Хорасана, Гилянъ, окрестности Испагани и немногія другія мѣстности Персіи похожи на оазисы среди пустыни; южная часть Персіи очень гориста и бѣдна, населеніе ея или лѣниво или разбойники. Побережье Персидскаго залива песчано, лишено воды и растительности. Желѣзная дорога при такихъ условіяхъ обойдется очень дорого и не можетъ окупить эксплоатаціи; единственное условіе ея существованія—правительственная гарантія; но для послѣдней нѣтъ денегъ у персидскаго правительства, не имѣющаго средствъ даже пропитать свое населеніе во время голода. Во всякомъ случаѣ, такая желѣзная дорога, особенно участокъ отъ Энзели на Рештъ до Тегерана, проходящій по сравнительно населенной мѣстности, не только не повредила бы интересамъ Россіи, но скорѣе подняла бы ея торговое и политическое значеніе.

Въ послѣднее время возникъ новый проектъ меридіональной желѣзной дороги черезъ Персію, имѣющій цѣлью обойти необходимость выхода дороги въ Персидскій заливъ, стратегическіе пункты котораго въ рукахъ англичанъ, а входъ можетъ было запертъ находящимся въ ихъ владѣніи островомъ Кишма. Новая линія проектируется отъ порта Чахбара, на Оманскомъ заливѣ, составляющемъ часть открытаго Индѣйскаго океана, черезъ персидскую провинцію Мекранъ, мимо Сеистана на Каинъ, Мешедъ и Хорасанъ до Душака на Закаспійской желѣзной дорогѣ. Впослѣдствіи дорога можетъ быть соединена черезъ Гератъ съ Кушкомъ, куда упирается строющаяся вѣтвь Закаспійской желѣзной дороги,

а съ другой стороны—съ линіей Тавризъ—Джульфа и далѣе къ Карско-Тифлиской дорогѣ. Главное неудобство этого проекта, что портъ Чахбаръ и сосѣдніе съ нимъ такъ же мелководны, какъ и порты Персидскаго залива. За то дорога, открывая намъ океанъ, свяжетъ съ нами ближе и Хорасанъ, чрезвычайно теперь важный въ стратегическомъ отношеніи, а равно торговомъ и политическомъ. Главный городъ провинціи Мешедъ—центръ шіитизма, къ гробницѣ имама Руза стекаются шіиты всѣхъ странъ. Городъ этотъ связанъ шоссе съ Асхабадомъ и, въ случаѣ войны, войска изъ Закаспійской области могутъ пройти здѣсь въ то время, какъ другой отрядъ двинется изъ южной Туркменіи на Гератъ. Хорасанъ богатъ хлѣбомъ и фуражемъ. Тутъ, во время похода Скобелева, была образована продовольственная база, и когда Геокъ-Тепе былъ взятъ, отсюда подвозили провіантъ. Это было для насъ очень важно, потому что масса верблюдовъ къ этому времени пала, а верблюды составляютъ жгучій вопросъ въ Средней Азіи. Англичане въ послѣднюю войну потеряли ихъ болѣе 70,000 и тѣмъ разорили Белуджистанъ. Современемъ къ вышеозначенной линіи невольно примкнетъ англійская Кветта-Кандагарская желѣзная дорога и откроетъ путь въ Индію.

XXV. ОСТЪ-ИНДІЯ.

Читая англійскія газеты, можно подумать, что Азія составляетъ какое-то прирожденное владѣніе британской короны, что одна Англія является тамъ представительницей права, цивилизаціи, торговли и мира, прочія же государства только вносятъ начала разрушенія и грабежа и преслѣдуютъ исключительно завоевательныя цѣли, результатомъ которыхъ должно быть изгнаніе англичанъ съ азіятскаго материка. Въ этомъ случаѣ исторія можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ лицемѣрныхъ увѣреній англійской печати и ораторовъ, будто Россія не имѣетъ права пріобрѣтать территоріи въ Азіи и вообще дѣйствовать тамъ самостоятельно, по примѣру Англіи, къ которой будто бы всегда склонялось сочувствіе тамошнихъ народовъ и правителей. Стоитъ сравнить положеніе Россіи и Англіи относительно Азіи и вѣковую политику этихъ государствъ въ этой части свѣта, чтобъ уяснить себѣ, какое изъ двухъ государствъ можетъ упрекать другое въ исключительномъ стремленіи къ завоеваніямъ, въ преслѣдованіи эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ цѣлей и нарушеніи какъ международнаго, такъ и естественнаго права.

Съ 1611 по 1756 годъ, англичане довольствовались торговлею съ Индіей только въ четырехъ ничтожныхъ факторіяхъ. Незначительное несогласіе съ бенгальскимъ набабомъ послужило пово-

домъ къ открытію завоевательной политики, въ которой по-истинѣ l'appetit venait en mangeant. Взявъ за образецъ политику французовъ Дюплеикса и Лабурдоне, съ малыми средствами при помощи ловкихъ союзовъ, создавшихъ одно время франко-индійскую имперію, Клейвъ съ горстью войскъ съ 1756 по 1760 годъ завоевалъ часть Бенгаліи и Мазулипатамъ; онъ же съ 1765 по 1766 годъ докончилъ завоеваніе Бенгаліи и заставилъ аудскаго короля признать себя вассаломъ остъ-индской компаніи. Съ 1775 по 1792 годъ начинаются грабежи и завоеванія Уаррена Гастингса, судимаго потомъ англійскимъ парламентомъ. У аудскаго короля Гастингсъ отнялъ богатѣйшую въ Индіи бенаресскую провинцію, субабъ деканскій уступилъ ему провинціи Гонтуръ и Сиркаръ. Временно успѣхи англичанъ были пріостановлены тогда Гайдеръ-Али, отвоевавшимъ у нихъ Мадрасъ; но по смерти его лордъ Корнвалисъ побѣдилъ Типу-Саиба и присоединилъ большую часть Мейсора.

Новая попытка Типу-Саиба, восточнаго деспота, гордившагося титуломъ гражданина французской республики, повлекла только окончательное покореніе Индостана англичанами. Маркизъ Уэлеслей, которому первому принадлежитъ мысль объ индійской имперіи, разбилъ мейсорцевъ и марратовъ и съ 1799 по 1805 годъ завоевалъ Каимбатуръ, Канару, Вайнандъ, Танджоръ, Гайдерабадъ и оттянулъ отъ великаго могола провинціи: Барельи, Мерадабадъ, Рогилькундъ, Доабъ и Аллагабадъ. Скоро настала очередь и великаго могола; побѣжденный марратами, онъ думалъ найти помощь у англичанъ и поплатился за это сохраненіемъ призрачнаго титула и дѣйствительной потерею провинцій Дели, Агра, Гураджаны, Мирутъ, Этавахъ, Куталлъ, Баллаяръ и Ягернаутъ. Все это было закрѣплено завоеваніемъ и большей части земли марратовъ.

Захватъ столь обширныхъ территорій, съ населеніемъ почти въ сотню милліоновъ, заставилъ англичанъ временно отдохнуть и озаботиться устройствомъ новыхъ владѣній; но это продолжалось недолго. Съ 1815 по 1818 годы лордъ Мона завоевалъ остальную часть владѣній марратскаго пейшвы, между прочимъ Нербудда. Завоеваніе въ 1825 году лордомъ Эмгерстомъ Буртпора подчинило британской коронѣ все пространство отъ Инда и Гималаевъ до мыса Коморина. Къ тому же времени англичане отняли отъ голландцевъ островъ Цейлонъ. Такимъ образомъ, казалось, что главная цѣль англійской политики — пріобрѣтеніе обширнаго и богатаго рынка — была достигнута. Всѣ населенныя, относительно спокойныя и богатыя провинціи были у нихъ въ рукахъ, все лежавшее внѣ не заслуживало уже вниманія; но тутъ-то и выяснились истинные планы англичанъ. Каждый генералъ-губернаторъ и каждый вице-король болѣе всего заботился, чтобъ, оставляя свое мѣсто, съ гордостью указать на приращеніе территоріи, сдѣланное его трудами.

Съ 1824 года началось завоеваніе восточнаго полуострова. Лордъ Эмгерстъ отнялъ значительную часть Бирмы, а именно ара-

канскій и танассерскій округи. Затѣмъ завоеваніемъ канаварской провинціи и Ганрагана англичане перешли на тибетскую плоскую возвышенность и подошли къ границамъ Китая. Въ 1830 годахъ жадные взоры ихъ обратились на сѣверо-западъ. Долина Инда привлекала ихъ, но мысль приблизиться къ средней Азіи, куда, по ихъ мнѣнію, стремилась и Россія, остановила временно порывы. Лордъ Бентинкъ самъ не воевалъ, если не считать присоединенія Ассама, но зато его неутомимые эмиссары, между которыми Бёрнсъ можетъ служить образцомъ англійской дипломатіи на востокѣ, приготовили все для дальнѣйшихъ завоеваній.

Лордъ Ауклендъ снова началъ завоевательную политику. Подъ ничтожными предлогами онъ завоевалъ въ 1838—1839 годахъ Афганистанъ, на стратегическое значеніе котораго обратилъ вниманіе еще Уэлеслей, и занялъ нѣкоторые острова въ Персидскомъ заливѣ. Изгнанные однако изъ Кабула, англичане утѣшились присоединеніемъ несравненно болѣе важной южной части Синда, т. е. исхода бассейна Инда, и отнятіемъ у арабовъ Адена и у китайцевъ Гонъ-Конга. Лордъ Элленборо, начавшій систему завоеваній безъ всякихъ поводовъ, снова началъ войну съ афганцами, но удовольствовался только тѣмъ, что побѣдами Поллока загладилъ пораженія своего предшественника; зато слѣдующій генералъ-губернаторъ, лордъ Гардинджъ, безъ труда, одними интригами, съ 1844 по 1849 годъ, подкопалъ могущественное государство сейковъ.

Маркизъ Дальгузи, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ генералъ-губернаторовъ, въ 1849 году воспользовался этими трудами и присоединилъ Пенджабъ, Синдъ, Нагпоръ, Саттару, а войнами на восточномъ полуостровѣ отнялъ у Бирмы Пегу и распространилъ владычество англичанъ на Пенангъ и весь полуостровъ Малакку. Въ 1857 году лордъ Каннингъ затѣялъ новую войну съ Персіей, окончившуюся занятіемъ Бендеръ-Бушира и значительной части берега Персидскаго залива. Возстаніе 1857—1858 годовъ позволило навсегда уничтожить остатки власти великаго могола и аудскаго короля. Наконецъ, въ новѣйшее время англичане присоединили Кашаръ и землю лушаевъ, привели въ вассальныя отношенія Кашміръ, Непалъ и Бутанъ, сдѣлали новые успѣхи въ Бирмѣ, которая была окончательно присоединена въ 1886 г. лордомъ Дюффериномъ. Затѣмъ англичане подчинили своему вліянію Афганистанъ, границы котораго были раздвинуты насчетъ среднеазіятскихъ ханствъ и припамирскихъ владѣній, присоединили Белуджистанъ, завоевали Читралъ и Гунза. Соглашеніемъ 1896 года съ Франціей Англія, отказавшись отъ мысли создать новое государство-буферъ въ верховьяхъ Меконга, будетъ пользоваться удлиненной границей вдоль и восточнаго побережья Индійскаго океана, свяжетъ Бирму съ Китаемъ посредствомъ желѣзной дороги, цѣликомъ проходящей чрезъ британскую территорію, и значительно увеличитъ свои владѣнія на счетъ Сіама.

Такимъ путемъ въ сто тридцать лѣтъ были завоеваны владѣнія, превосходящія пространствомъ двѣ трети Европы, въ которыхъ, не считая Цейлона, свыше 220 милліоновъ непосредственныхъ подданныхъ Англіи и около 70 милліоновъ, хотя и платящихъ подати шестистамъ туземнымъ владѣльцамъ, но находящихся въ дипломатическомъ и военномъ подчиненіи у индійскаго вицекороля, который къ индійскому будто бы «независимому» князю, правителю нѣсколькихъ милліоновъ, преспокойно пишетъ: «Вспомните, что вы не болѣе, какъ прахъ отъ моихъ ногъ»! Обширность остъ-индскихъ владѣній ужасаетъ самихъ англичанъ. «Я пришелъ къ заключенію», говорилъ Брайтъ, «что зданіе, воздвигнутое нами въ Индіи, слишкомъ обширно. Было неблагоразумно и рискованно присоединять территоріи, которыя слѣдовало лучше оставить независимыми, и вести войны столь же ненужныя, какъ и неимѣющія для себя никакого оправданія. Огромная имперія, которая нами завоевана, слишкомъ обширна для управленія; ея фундаментъ колеблется и иногда кажется, что она готова рухнуть... Нужно принять за правило, что генералъ-губернатору больше чести тогда, когда онъ будетъ отозванъ, за то что ни на одинъ акръ не увеличилъ территоріи нашихъ индійскихъ владѣній, чѣмъ когда онъ присоединитъ къ нимъ цѣлую провинцію или королевство»...

Но и двѣ трети Индо-Китая не удовлетворятъ, вѣроятно, честолюбію англичанъ; ихъ жадные взоры давно обращаются къ самой Срединной имперіи, которая для ловкой эксплоатаціи открываетъ поле получше Индостана. Пятьсотъ милліоновъ населенія, привыкшаго въ теченіе тысячелѣтій къ самому мелочному деспотизму, очень хорошій матеріалъ для какихъ угодно политическихъ и экономическихъ экспериментовъ. Къ этой имперіи англичане давно уже приставили хорошую піявку въ видѣ Гонъ-Конга; но отдѣльный островъ не можетъ имѣть той политической важности, какую представляетъ непосредственное соприкосновеніе, когда тысячи мелочныхъ дѣлъ, возникающихъ безпрерывно на границахъ, дадутъ возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Китая и идти все дальше и дальше. Укрѣпившись въ занятой позиціи и прорѣзавъ ее удобною въ военномъ отношеніи дорогой, англичане потребуютъ новыхъ стратегическихъ пунктовъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Китайской имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ два, три года возстаніе, или другой предлогъ, заставитъ ихъ раскрыть тщательно маскируемыя до тѣхъ поръ батареи.

Хотя европейскіе публицисты всегда къ успѣхамъ англичанъ въ Азіи относятся съ меньшею завистью, нежели къ успѣхамъ Россіи на томъ же поприщѣ, но, къ счастью, въ эксплоатаціи южнаго Китая англичане встрѣтили теперь соперниковъ въ французахъ, мѣшающихъ имъ сдѣлаться по ту сторону Ганга полновластными хозяевами. Захватомъ Анама и Тонкина и стремленіями подняться по Меконгу, Франція представитъ, конечно, серьезное

препятствіе для англійской монополизаціи южной Азіи. Франція непремѣнно должна открыть и для себя путь въ Китай, иначе индокитайскія колоніи ея останутся при томъ же ничтожномъ значеніи, что Карикаль или Пондишери въ Индостанѣ.

Нельзя не удивляться тому, какъ удается англичанамъ управлять Индіей изъ Лондона, за 10,000 верстъ—управлять двѣсти девяносто милліонами людей разныхъ племенъ, религій, цивилизаціи, живущихъ въ самыхъ разнообразныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ. Насколько затруднительны рѣшенія въ дѣлахъ Индіи, можно судить потому, что рѣчь идетъ часто о племенахъ и земляхъ, недостаточно извѣстныхъ даже ученымъ географамъ. Поэтому нельзя не отдать справедливости искусству, съ которымъ изворачивалась до сихъ поръ Англія среди безчисленныхъ затрудненій своей индійской политики.

При ближайшемъ знакомствѣ съ послѣднею дѣлается понятною мнительность и даже ожесточеніе, съ которымъ англичане опасаются малѣйшаго прикосновенія къ ихъ индійской имперіи. Эта имперія, какъ справедливо назвалъ ее въ 1877 году Дизраэли, держится тѣмъ, что тысячелѣтняя цивилизація и рядъ завоеваній, по большей части забытыхъ даже исторіей, нагромоздили въ Индіи безчисленные обломки государственности и вѣрованій, самыхъ разнообразныхъ достоинствъ. Индія состоитъ изъ различныхъ странъ, но ни одна изъ нихъ не представляетъ самостоятельнаго цѣлаго, населеннаго народомъ одного происхожденія, болѣе или менѣе отличающимся отъ другихъ въ соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Въ Индіи нѣтъ и прежде никогда не было никакого единства ни въ политическомъ, ни въ соціальномъ или религіозномъ отношеніяхъ, т. е. тамъ не существуетъ никакой индійской націи и выраженіе «индійскій народъ» имѣетъ миѳическое значеніе. Европейская цивилизація сглаживаетъ національныя различія, поэтому разнообразіе нарѣчій, вѣрованій и расъ несравненно нагляднѣе бросается въ глаза въ Индіи; политическіе перевороты сопровождались тамъ бо̀льшими насиліями, чѣмъ въ Европѣ. Въ послѣдней нѣтъ народа, который настолько отличался бы другъ отъ друга, какъ бенгальцы отъ сейковъ. Образованный магометанинъ изъ сѣверной Индіи скорѣе приближается къ англичанину, чѣмъ къ бенгальцу, получившему степень въ мѣстномъ университетѣ. Затѣмъ вся масса народа раздѣляется на многочисленные и разнообразные племена, роды, касты и религіозныя общины. Часть населенія: амамалайцы, джуанги не вышли еще изъ культуры каменнаго періода, затѣмъ идутъ группы аборигеновъ и арійцевъ, только часть послѣднихъ говоритъ санскритскими нарѣчіями, за ними слѣдуютъ смѣшанныя племена, наиболѣе многочисленныя, и магометане, религія которыхъ болѣе всего сгладила расовыя и кастовыя отличія. Англичане овладѣли Индіею скорѣе вслѣдствіе внутреннихъ рево-

люцій, исполненныхъ туземцами, конечно, по указаніямъ Англіи. Одною военною силою она никогда не достигла бы такой громадной власти надъ 290-милліоннымъ населеніемъ и никогда не съумѣла-бы водворить въ немъ порядокъ и спокойствіе, если бы въ Индіи дѣйствительно были истинныя національности. Въ этой обширной странѣ политическія симпатіи населенія къ своимъ соотечественникамъ, живущимъ по сосѣдству, настолько же холодны, какъ и къ англичанамъ, господствующимъ надъ ними. Національности нѣтъ даже въ туземныхъ владѣніяхъ; наиболѣе значительныя изъ нихъ управляются князьями, которые для своихъ подданныхъ являются такими же иностранцами, какъ и англичане.

Такое же разнообразіе до нѣкоторой степени проявляется и въ административномъ режимѣ, который установленъ англичанами. Семь или восемь главныхъ индійскихъ провинцій, по территоріи и населенію равныхъ большимъ европейскимъ государствамъ, имѣютъ каждая свое отдѣльное правительство, въ значительной степени независимое отъ центральной власти. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что центральная власть въ Индіи не имѣетъ значенія. Хотя важнѣйшія политическія дѣла рѣшаются министерствомъ Остъ-Индіи въ Лондонѣ, и даже бюджетъ Индіи утверждается парламентомъ, вице-король играетъ весьма важную роль. Онъ направляетъ по своему усмотрѣнію постановленія правительствъ въ различныхъ провинціяхъ, контролируетъ сношенія съ иностранными государствами, имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ.

Возможно, что стремленіе къ образованію національности обнаружится въ какой-либо отдѣльной мѣстности, но нельзя допустить, чтобы оно могло охватить всю Индію. Съ большею вѣроятностью можно предсказать, что всѣ народы Европы сольются въ одну націю, чѣмъ настанетъ тотъ моментъ, когда эта мысль сдѣлается достояніемъ населенія всей Индіи. Индусскіе патріоты и теперь требуютъ не объединенія, а раздѣленія Индіи на нѣсколько особыхъ совершенно независимыхъ одно отъ другихъ государствъ—мысль, которую ранѣе высказывалъ Брайтъ.

Но если слить обломки Индіи воедино невозможно, и англичане пользуются разъединенностью интересовъ населенія, для управленія съ небольшими военными силами, то зато ихъ имперія, лишенная внутренней связи, не имѣетъ никакой крѣпости; внѣшнее давленіе легко разнесетъ ее по частямъ, быть можетъ, еще скорѣе, чѣмъ имперія эта создалась. Расширяя неосторожно предѣлы своихъ владѣній, англичане давно вышли изъ области покорныхъ и мирныхъ народовъ и несовсѣмъ благоразумно врѣзались въ племена полудикія и относительно воинственныя, для усмиренія которыхъ требуется военная сила, необходимая, конечно, и внутри страны.

Границы Индіи вообще неспокойны. Простираясь на безконечное пространство отъ Белуджистана до границы Сіама, они окру-

жены многочисленными разноплеменными народами. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ образуютъ довольно могущественныя, но мало цивилизованныя и враждебныя европейцамъ государства; другіе, разбросанные по горамъ и лѣсамъ, образуютъ мелкія племена, среди которыхъ постоянно возникаютъ безпорядки и которыя тревожатъ покой пограничныхъ частей индо-британскихъ владѣній.

Въ двухлѣтній только періодъ 1871—72 гг., о которыхъ у меня подъ рукою свѣдѣнія (Statement exhibiting the moral and material progress of India), англичане воевали для усмиренія лушаевъ, разорявшихъ чайныя плантаціи въ Кашарѣ; начасовъ, куки и др. племенъ, пограничныхъ съ Ассамомъ; хиновъ, хами, миро и др. племенъ, грабящихъ сѣверный Араканъ. Пограничныя племена Пенджаба и Синда были довольно спокойны, но и тутъ встрѣчались случаи усмиренія племенъ биттани и аказаевъ, нападавшихъ на торговые караваны.

Если по границамъ было не спокойно, то въ туземныхъ государствахъ внутри Индостана подъ желѣзною рукой англичанъ случилось въ эти два года нѣсколько событій. Хотя общее преуспѣяніе было удовлетворительно, а нѣкоторыя государства управлялись даже превосходно, принявъ англійскую финансовую и судебную системы, но замѣшательства были въ Кативарѣ изъ-за споровъ правителя съ вассалами о правѣ собственности, и въ Пенджабѣ— вслѣдствіе появленія новой религіозной секты кукасовъ. Возставшіе кукасы были разстрѣляны изъ пушекъ, а основатель секты, въ сущности очень нравственной, Рамъ-Сингъ, сосланъ. Наконецъ, безпорядки были еще въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ вслѣдствіе совпаденія магометанскихъ и буддистскихъ праздниковъ. Зачинщики безпорядковъ также были наказаны смертью.

Строгость англичанъ объясняется тѣмъ, что на 290 мил. туземцевъ Англія имѣетъ армію только въ 239,758 человѣкъ (въ томъ числѣ 73,668 англичанъ). Эта же армія, кромѣ удержанія спокойствія населенія, охраняетъ и границы. Изъ собственно англійскихъ солдатъ, 29,673 находятся въ бенгальскомъ президентствѣ, 20,633 въ Пенджабѣ (ближайшемъ пунктѣ къ русской границѣ), 16,422 въ бомбейскомъ президентствѣ и 13,040 въ мадрасскомъ, со включеніемъ Низама и центральныхъ провинцій Индіи. За послѣдніе десять лѣтъ число солдатъ увеличилось: англійскихъ на 10,000, туземныхъ на 20,000.

Замѣчательно, что въ индійской арміи пѣхота составляетъ 77°/o всего состава, кавалерія 12°/o и артиллерія 6°/o. Такимъ образомъ, не смотря на то, что Индія страна открытая (малолѣсная), кавалеріи тамъ мало (англійской всего 2°/o) — обстоятельство немаловажное въ случаѣ возстанія, потому что разстроить возмущеніе въ первую минуту будетъ не легко. Впрочемъ, недостатокъ кавалеріи возмѣщается отчасти подвижностью пѣхоты, съ помощью желѣзныхъ дорогъ, которыхъ имѣется уже около 30,000 верстъ.

Англичане при расквартированіи стараются смѣшивать свои войска съ сипаями въ пропорціи одного на двухъ, и это показываетъ недовѣріе ихъ не только къ населенію, но и къ сипаямъ. Какъ слабы вообще военныя силы англичанъ въ Индіи, видно изъ того, что въ огромныхъ городахъ, какъ Бомбеѣ и Мадрасѣ, имѣется всего по нѣсколько сотъ солдатъ, и т. д. За то нигдѣ нѣтъ столько оборонительныхъ сооруженій, какъ въ Индіи; часть ихъ устарѣла, но въ Пенджабѣ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ они соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ фортификаціи.

Затрудненіе къ развитію англійскихъ военныхъ силъ въ Индіи заключается въ убійственныхъ климатическихъ условіяхъ. У насъ не особенно нѣжничаютъ съ солдатами, но смертность все-таки не превышаетъ 10 человѣкъ съ 1,000; въ Индіи же и въ нормальное время смертность равна 55 съ 1,000, хотя солдаты расположены въ возвышенныхъ мѣстахъ, въ хорошо устроенныхъ и провѣтриваемыхъ казармахъ, а военные госпитали, построенные въ прохладныхъ гористыхъ мѣстахъ, можно считать даже образцовыми. Солдаты не перевозятся изъ Англіи прямо въ Индію, а постепенно пріучаются къ тропическому климату въ разныхъ колоніяхъ. Если вспомнимъ, что въ самой Англіи солдатъ немного, что люди привлекаются на службу вербовкою, то станетъ вполнѣ понятно, какъ трудно, въ случаѣ нужды, увеличить военныя силы въ Индіи. Въ 1857 г., во время знаменитаго возстанія сипаевъ, Англія прислала всего 80 новыхъ баталіоновъ. Англичане, впрочемъ, могутъ утѣшить себя тѣмъ, что и армія всякаго другого государства, которое дерзнуло бы напасть на Индію, пострадала бы отъ тропическаго климата.

Послѣ возстанія 1857 г., усмиреніе котораго стоило 360 милл. руб., не считая 90 милл. употребленныхъ на преобразованіе арміи, количество туземныхъ войскъ уменьшено въ Индіи не только по недовѣрію къ нимъ, но и по сокращенію, ради экономіи, военно-рабочихъ командъ. Сипаи необходимы однако для англо-индійской арміи, такъ какъ, болѣе привычные къ климату, они избавляютъ собственно королевскія войска отъ многихъ тягостей караульной службы; но репутація какого-то героизма сипаевъ, составленная въ концѣ прошлаго столѣтія въ войнахъ съ малодушными воинами Декана и Майсора, давно уничтожилась. Сипаи, кромѣ набираемыхъ изъ гуркасовъ и др. горныхъ племенъ, очень худощавы и на видъ слабосильны, хотя, говорятъ, очень выносливы.

Фельдмаршалъ лордъ Робертсъ, въ недавно изданной книгѣ «Сорокъ лѣтъ въ Индіи», жалуется на физическое вырожденіе и упадокъ духа воинственныхъ племенъ Индіи, изъ которыхъ вербуютъ сипаевъ, причемъ удостовѣряетъ, что при крайне низкихъ военныхъ качествахъ индусовъ, мѣстныя войска не могутъ принести никакой пользы на войнѣ внѣ предѣловъ Индіи, а развѣ только облегчать непріятелю нанести пораженіе англійскимъ вой-

скамъ. Этотъ отзывъ извѣстнаго генерала, долго командовавшаго англійской арміей, подтверждаетъ мнѣніе, высказанное извѣстнымъ генераломъ Уольслеемъ, нынѣ главнокомандующимъ въ Англіи, въ парламентской комиссіи, что индійскія войска не годятся для войны съ европейской арміей. Англійскіе полки въ Индіи, кромѣ климата, сильно страдаютъ и отъ сифилиса.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сипаи не выдерживаютъ никакого сравненія съ самымъ худшимъ изъ европейскихъ войскъ и представляютъ весьма плохую защиту, въ случаѣ какихъ-либо серьезныхъ политическихъ столкновеній въ Азіи. Это очень озабочиваетъ англичанъ. Дѣйствительно, располагая всего какими-нибудь 80,000 человѣкъ надежнаго войска, остъ-индское правительство имѣетъ военный бюджетъ, уступающій только Россіи, но превосходящій бюджеты военнаго министерства Франціи и Англіи, не говоря уже о Пруссіи, Австріи и Италіи.

Рекомендуемая газетами всеобщая военная повинность, распространенная на населеніе изнѣженное, развращенное и обезсиленное, не обѣщаетъ никакихъ хорошихъ результатовъ. Увеличить расходъ на армію было бы со стороны правительства затруднительно и теперь уже финансы Индіи находятся не въ удовлетворительномъ положеніи. Налоги постепенно повышаются, и остъ-индскій министръ финансовъ всегда самый ненавистный человѣкъ въ странѣ. Въ туземныхъ государствахъ финансовыхъ дѣятелей выбираютъ даже изъ наиболѣе презрѣнныхъ кастъ.

Нужно имѣть въ виду, что распредѣленіе налоговъ въ Индіи весьма несправедливо; болѣе половины финансовыхъ средствъ извлекаются изъ поземельнаго налога, поглощающаго отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ дохода земледѣльцевъ и отъ монополіи на соль, доставляющей 85 милл. рублей. Къ этому бывшій министръ финансовъ Темпль прибавилъ еще, не обращая вниманія на сильнѣйшее сопротивленіе своихъ сотоварищей и общественнаго мнѣнія, подоходный налогъ. Къ счастью Индія имѣетъ источникъ дохода въ 90 милл. рублей, уплачиваемаго жителями другой страны—монополію опіума, оплачиваемую китайцами.

Тяжесть налоговъ тѣмъ сильнѣе, что Индія страна земледѣльческая, 90 проц. ея населенія живетъ отъ земли. Индѣйская община похожа на русскую и произвела тѣ же дурныя явленія. Въ прежнее время подати собирались натурою земиндарами; не разобравъ дѣла, англичане въ 1793 г. обратили послѣднихъ въ помѣщиковъ, оставивъ массу населенія на правахъ вѣчныхъ арендаторовъ за плату; но эти права опредѣлены точно не были и дали поводъ къ эксплуатаціи населенія. Только въ 1859 г. новый законъ для Бенгала, гдѣ населеніе особенно велико, установилъ постоянство оброковъ. Въ 1873 г. тотъ же законъ распространенъ на Мадрасъ и Бомбей, земиндарамъ оставлена только $^1/_8$ часть земель. Въ Индіи землевладѣніе очень мелкое, срокъ чинша 30

лѣтъ, съ платою отъ 50 к. до 30 р. за десятину. Высота оброка, поборы земиндаровъ, ставшихъ міроѣдами, сельскіе ростовщики (мехаджуны) и, какъ результатъ этого, хищническая система хозяйства ведутъ сельское населеніе къ обнищанію и вызываютъ неудовольствіе. Земельный вопросъ—капитальнѣйшій въ Индіи, но регулировать его не легко.

Несмотря на навязываемую англичанами для Индіи свободную торговлю, вслѣдствіе дешевизны труда, обработка индійскаго хлопка на мѣстѣ дѣлаетъ успѣхи и соотвѣтственно сокращается ввозъ англійскихъ матерій. Промышленное пробужденіе Индіи произошло сорокъ лѣтъ назадъ, при участіи конечно англійскихъ капиталистовъ, но къ ужасу ланкаширскихъ фабрикантовъ. Лондонское правительство яро защищаетъ интересы послѣднихъ, а мѣстная администрація отстаиваетъ по возможности интересы Индіи.

Администрація въ Индіи составляетъ особый родъ службы, неимѣющей связи съ англійскими вѣдомствами въ Европѣ. Поступающіе въ индійскую службу не перемѣщаются на европейскіе посты и заканчиваютъ карьеру въ Индіи же. Даже губернаторы провинцій и министры вице-короля состоятъ исключительно изъ такихъ англо-индійцевъ. Изъ этой среды вышелъ и вице-король Лауренсъ, преобразователь индійской администраціи, начавшій службу мелкимъ чиновникомъ. Это, впрочемъ, исключеніе; обыкновенно же вице-короли назначаются изъ аристократовъ на пять лѣтъ, согласно интересамъ партіи, руководящей въ данную минуту парламентомъ. Англо-индійская администрація защищаетъ интересы Индіи и, вопреки тому, что у насъ думаютъ, громко жалуется на несправедливость и эксплоатацію Англія. И чиновники, и постоянно живущіе тамъ купцы и промышленники были не только за обложеніе ввоза англійскихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ Индію таможенною пошлиною, но протестовали и противъ уплаты индійскимъ бюджетомъ расходовъ на экспедицію индійскихъ войскъ въ Суданъ. Только въ вопросѣ о переложеніи металлическаго обращенія съ серебра на золото англо-индійцы предпочли собственный интересъ благу туземцевъ.

Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, паденіе серебра далеко не имѣло приписываемаго для Индіи благодѣтельнаго вліянія. Съ 1870 по 1888 годъ вывозъ изъ Остъ-Индіи увеличился далеко не въ той пропорціи, какъ въ семнадцать лѣтъ, предшествовавшихъ 1870 г., когда курсъ серебра былъ высокъ. Наиболѣе усилился вывозъ изъ Остъ-Индіи чая и пшеницы, но вывозъ перваго увеличился отъ мѣръ, принятыхъ для устройства плантацій; для культуры чая, и отъ упорства китайцевъ, державшихъ высокія цѣны, считая себя монополистами. Вывозъ пшеницы увеличился частью отъ дурныхъ урожаевъ въ Европѣ, но главнымъ образомъ отъ постройки желѣзныхъ дорогъ въ Остъ-Индіи и отъ чрезвычайнаго удешевленія морскихъ фрахтовъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что если паденіе валюты не повліяло прямо на развитіе вывоза, то оно было элементомъ, содѣйствовавшимъ послѣднему, такъ какъ дозволяло получать за товаръ при вывозѣ болѣе; между тѣмъ внутри Остъ-Индіи серебро сохраняло свою прежнюю покупную силу. Паденіе цѣны серебра было для Остъ-Индіи полезно и въ томъ отношеніи, что, удорожая соотвѣтственно привозные товары, оно ограждало, хотя отчасти, индійскій рынокъ отъ переполненія англійскими товарами. Остъ-Индія—фритредерская страна. Таможенныя пошлины составляютъ въ ней въ среднемъ только 4 проц., да и то теперь для большинства англійскихъ мануфактуръ онѣ отмѣнены.

Кромѣ англійской промышленно-торговой эксплоатаціи, въ Индіи имѣются и другія бѣдствія: эпидеміи и голодовки, охватывающія по климатическимъ условіямъ обширныя мѣстности. Въ 1877 г. отъ голода умерло болѣе восьмисотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Индія родина холеры. Здѣсь она въ дельтахъ большихъ рѣкъ, заливаемыхъ въ эпоху дождей (іюнь, іюль, августъ), получила свое начало уже очень давно, ибо въ тамульскихъ рукописяхъ, болѣе древнихъ, чѣмъ Веды и завоеваніе Индіи арійцами, симптомы холеры описаны весьма ясно. Врачи арабскіе въ VII вѣкѣ, португальскіе въ XVI вѣкѣ и англійскіе въ XVII вѣкѣ также весьма подробно описывали холерныя эпидеміи въ Индіи.

Въ Европу ужасная болѣзнь эта въ первый разъ пожаловала въ нынѣшнемъ столѣтіи; всего до сихъ поръ насчитывается пять большихъ холерныхъ эпидемій, причемъ быстрота нынѣшнихъ путей сообщенія чрезвычайно ускоряетъ распространеніе эпидемій. Холера теперь не употребляетъ семь лѣтъ, какъ въ 20-хъ годахъ, чтобъ пройти 1400 верстъ, отдѣляющихъ Астрахань отъ Москвы, теперь она ѣдетъ и на пароходахъ, и по желѣзнымъ дорогамъ. Холера не избавляетъ Индію и отъ чумы.

По опыту Россіи, мы знаемъ, что, при извѣстной степени культуры, голодовки не могутъ быть отстранены однѣми административными мѣрами. Поэтому смѣшно читать наставленія, которыя дѣлаютъ наши газеты англійскому правительству за его неумѣніе справиться съ индійскимъ голодомъ. Въ своей нелюбви къ сантиментальности англичане, впрочемъ, зашли слишкомъ далеко въ противодѣйствіе сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ Индіи. «Какъ бы мы ни поступили и что бы мы ни предприняли, голодъ и чума оставятъ глубокіе слѣды на Индіи въ теченіе долгаго періода», философски замѣтилъ на митингѣ въ Лондонѣ по этому поводу одинъ изъ министровъ. На это соціалистъ Гейдменъ возразилъ, что голодъ въ Индіи вызванъ едва ли не истощеніемъ страны, изъ которой Англія вытягиваетъ ежегодно до двухсотъ милліоновъ рублей; онъ предложилъ прекратить высылку изъ Индіи въ Англію этихъ денегъ и употребить ихъ на спасеніе индусовъ

отъ голодной смерти. Лордъ-мэръ призналъ подобное предложеніе «неумѣстнымъ» и выгналъ оратора изъ зала!

Въ прекрасномъ сочиненіи г. Ламанскаго «Индія» весьма подробно разъяснено, сколько сдѣлано англичанами для противодѣйствія гибельному вліянію неурожаевъ; между прочимъ производится масса общественныхъ работъ, а полезными сооруженіями, особенно ирригаціонными, Англія конечно скорѣе сдѣлается владычицею индійскихъ сердецъ, чѣмъ вмѣшиваясь въ мѣстную администрацію при помощи легіона чиновниковъ, которые поглощаютъ бюджетъ съ пользою главнымъ образомъ для самихъ себя.

Англичане, при лордѣ Бентинкѣ (1828—1835 гг.), уничтожили жестокій обычай «сати» — сожженія вдовъ и истребили гнусную секту туговъ-душителей, въ 1858 г. уничтожена остъ-индская компанія, которую простой народъ представлялъ себѣ злою старухою, сидящею въ Лондонѣ, и преобразована администрація, въ 1860 г. улучшено уголовное законодательство, въ 1869 — 1872 гг. при лордѣ Майо произведена земельная реформа, устроены большія общественныя работы и главнѣйшія желѣзныя дороги.

Что при всѣхъ несомнѣнныхъ заслугахъ англичанъ для культуры они въ Индіи непопулярны, доказывается тѣмъ, что за десять послѣднихъ лѣтъ 3 милліона индусовъ приняли исламизмъ, тогда какъ только 500 или 600 человѣкъ обратились къ протестантской религіи. Даже огромныя затраты англичанъ на распространеніе образованія во всѣхъ видахъ и предоставленіе печати полной свободы не пошли на пользу англійскаго вліянія. Напротивъ, вліяніе мѣстной интелигенціи проявляется въ Индіи въ расширеніи вліянія опозиціонной печати и въ образованіи митинговъ, раздувающихъ неудовольствія. Печать даже организовала періодическіе конгресы, родъ неофиціозныхъ перламентовъ изъ представителей разныхъ частей Индіи, для обсужденія нуждъ Индіи. Эти конгрессы вотируютъ самыя зажигательныя резолюціи. Понятно, рѣшенія, принятыя индійскими національными конгресами, не по вкусу англійской печати, особенно торійской; послѣдняя считаетъ конгрессы не болѣе какъ фарсами и доказываетъ, не безъ основанія впрочемъ, что въ Индіи парламента быть не можетъ, потому что Индія не государство и не народъ, а географическій терминъ. Во всякомъ случаѣ политическія обстоятельства теперь сильно измѣнились, и англичанамъ требуется все больше и больше труда и искуства, чтобъ съ горстью солдатъ и чиновниковъ эксплоатировать съ довольно узкой торговой точки зрѣнія такую громадную часть Азіи, какъ Индія.

Не нужно, однако, выводить отсюда предсказанія о скорой потерѣ англичанами ихъ индійской имперіи. Покойный Голубковъ очень интересовался Индіею и издалъ въ сороковыхъ годахъ переводы о ней различныхъ сочиненій, но труды эти утратили всякое значеніе, такъ какъ предсказанія, заключавшіяся въ нихъ, о близ-

комъ паденіи англійскаго владычества въ Индіи не только не оправдались, но получили въ дальнѣйшей исторіи этой страны полнѣйшее опроверженіе.

Деликатное положеніе англичанъ въ Остъ-Индія усиливается еще ихъ завистливымъ отношеніемъ къ Россіи, хотя на громадномъ азіатскомъ материкѣ, кажется, довольно мѣста для мирнаго сожительства и торговаго соперничества двухъ народовъ. По мнѣнію г. Мартенса, всѣ проекты о завоеваніи англійской Индіи—симптомы или болѣзненнаго состоянія, или безпредѣльнаго тщеславія ихъ авторовъ, но въ дѣйствительности это завоеваніе, не особенно желательное, въ случаѣ серьезной войны съ Англіей неизбѣжно должно быть испробовано. При пассивной оборонѣ мы можемъ только потерять, особенно экономически, для активной же войны съ Англіей у насъ, какъ я уже говорилъ въ IV главѣ, нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ крейсеровъ на морѣ и похода въ Индію на сухомъ пути.

Походъ этотъ, проектъ котораго сочинялъ между прочимъ и Скобелевъ, возможенъ, но очень затруднителенъ. Наши завоеванія въ Средней Азіи облегчили, конечно, задачу; сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое было при Павлѣ I въ 1800 г., въ 1839 г. (во время афганской войны) и въ 1878 году—эпохъ, когда идея похода въ Индію обсуждалась практически нашимъ правительствомъ.

Съ своей стороны, англичане для закрѣпленія обладанія Индіей сдѣлали очень многое. При помощи желѣзной дороги черезъ египетскую Дельту до 1869 года, а потомъ Суэзскаго канала, войска ихъ могутъ быть перевезены изъ Англіи въ Индію въ одинъ мѣсяцъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ мѣсяцевъ. Далѣе, Индія прорѣзана сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ 30,000 верстъ, направленной въ значительной степени въ стратегическихъ соображеніяхъ. Съ тою же цѣлью построены въ различныхъ мѣстахъ Индіи сильныя укрѣпленія, казармы, военные госпитали и проч., а также заняты и укрѣплены горные проходы, далеко впереди оборонительной линіи.

Туземная армія, послѣ возстанія сипаевъ въ 1857 году, которое у насъ продолжаютъ выставлять политическимъ движеніемъ, хотя это просто былъ военный бунтъ, реорганизована заново. Армія эта можетъ нести гарнизонную службу, но военнаго значенія въ европейскомъ смыслѣ не имѣетъ. Кромѣ того, Индія чрезвычайно бѣдна лошадьми — не даромъ ее зовутъ «коровьимъ царствомъ» — ремонтъ, слѣдовательно, страшно дорогъ и затруднителенъ, притомъ европейскія лошади, какъ и люди, не выдерживаютъ климата. Поэтому, отбрасывая сипаевъ и значительную часть непривычныхъ къ климату новыхъ подкрѣпленій, нельзя опредѣлить дѣйствительную боевую силу англичанъ въ Индіи свыше 100,000 человѣкъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ военныхъ спеціалистовъ даже въ 60,000. Цифра по нашимъ европейскимъ масштабамъ не крупная, но ра-

боръ условій войны покажетъ, что для защиты границъ Индіи отъ русскаго вторженія она вполнѣ достаточна при равенствѣ другихъ условій.

Болѣе всего Индія защищается своимъ климатомъ. Какъ извѣстно, съ февраля до половины мая въ Индіи стоятъ невѣроятныя жары до 45° по Реомюру въ тѣни, а съ мая по сентябрь (юго-западный муссонъ) льютъ при такой же почти жарѣ непрерывные дожди, льютъ потоками, о которыхъ въ Европѣ и слабаго понятія нельзя себѣ составить. Есть мѣста, гдѣ выпадаетъ влаги на 3 сажени въ годъ. Такимъ образомъ, только періодъ съ октября до марта — индійская зима, болѣе, однако, жаркая, чѣмъ нашъ іюль, удобенъ для военныхъ дѣйствій въ большихъ размѣрахъ. Конечно, на сѣверо-западѣ въ горахъ представляются значительныя отступленія отъ нарисованной картины; но климатъ вообще въ Индіи убійственъ. Самымъ жаркимъ пунктомъ считается, напримѣръ, Гайдерабадъ (въ Синдѣ), городъ, лежащій, между тѣмъ, по картѣ, довольно сѣверно. Лучшая часть по климату предгорья Гималаевъ; они-то, къ нашему счастью, составляютъ и единственный почти возможный путь для вторженія русской арміи въ Индію.

Но до подножія Гималаевъ нужно добраться, а это не такъ-то просто. Какъ я сказалъ, въ Индію нужно послать непремѣнно болѣе ста тысячъ войска, не считая еще отрядовъ, которые необходимы въ тылу, въ Афганистанѣ, для охраненія сообщеній. Двинуть такую армію по одному направленію нечего и думать: не хватитъ никогда верблюдовъ, лошадей и другихъ перевозныхъ средствъ для артиллеріи, провіанта, артиллерійскихъ запасовъ, понтонныхъ и телеграфныхъ парковъ, подвижныхъ госпиталей, а подчасъ воды и топлива. Поэтому руская армія должна двигаться въ Индію по меньшей мѣрѣ тремя путями, а именно: изъ Закаспійской области на Гератъ, афганскій Сеистанъ по р. Гильматъ, Кандагаръ и далѣе черезъ Боланскій проходъ на Дера-Гази-Ханъ или Шикарпуръ, смотря по усмотрѣнію; другая колонна изъ Зарявшанскаго края и Бухары пойдетъ на Мазаръ-и-Шерифъ, Хулумъ, Баміанское ущелье, Кабулъ и по Кабулъ-Дарьѣ на Пешаверъ и Атокъ; третья колонна изъ Ферганской области черезъ Алай и Памирское плато на Гильгитъ или Кунжутъ и Кашемиръ.

Очевидно, что такое движеніе, даже пользуясь для обхода различными побочными путями, не безопасно; англичане, занимая сосредоточенное положеніе въ верховьяхъ Инда, въ случаѣ малѣйшаго разногласія въ движеніи русскихъ отрядовъ, могутъ разбить каждый изъ нихъ порознь, а всякое отступленіе, имѣя базисъ за тысячу или полторы тысячи верстъ, можетъ обратиться въ жестокое пораженіе. По всѣмъ тремъ направленіямъ русская армія должна будетъ сначала одолѣть пустыни, а затѣмъ перейдти высокія горы по очень труднымъ проходамъ: Боланскому, Баміан-

скому, Хурдскому, Даркотскому и др. Хотя англичане любятъ выставлять эти проходы чѣмъ-то ужаснымъ, но тотъ фактъ, что ихъ отряды переходили тамъ неоднократно съ артиллеріей и громадными базарами, замѣняющими въ индійской арміи обозы, показываетъ, что непроходимость проходовъ, по крайней мѣрѣ черезъ Гиндукушъ, болѣе воображаемая.

Положимъ, что проходы форсированы русской арміей, попасть въ Индію все-таки не такъ легко. Сѣверо-западная граница ея прикрывается не только горными хребтами, но и другими естественными препятствіями. Направляясь южнѣе, т. е. на Синдъ,—самое удобное направленіе для движенія черезъ Афганистанъ—русская армія встрѣтитъ широкую рѣку Индъ, по которой свободно ходятъ англійскіе пароходы и вдоль которой проведена желѣзная дорога отъ Курачи до Атока и далѣе. Если армія возьметъ направленіе по морскому берегу, то, не говоря уже о возможности высадки ей во флангъ моремъ по Арабскому заливу, она погибнетъ или отъ климата, или завязнетъ въ непроходимыхъ болотахъ и тиковыхъ лѣсахъ Курга и Гузерата; взять среднее направленіе прямо изъ Шикарпура также невозможно, тутъ встрѣчаются непроходимые почти степи и пески Раджпутаны, занимающіе сотни квадратныхъ миль безъ воды. Остается, слѣдовательно, идти не на Синдъ, а на Пенджабъ, именно его сѣверную часть, что выгодно, и по возможности войдти скорѣе въ связь съ отрядами, идущими черезъ Памиръ или съ верховьевъ Аму-Дарьи.

Но въ Пенджабѣ русская армія должна будетъ форсировать переправу уже не черезъ одинъ Индъ, а еще сверхъ того черезъ цѣлыхъ пять большихъ рѣкъ, англичане же имѣютъ тутъ сѣть желѣзныхъ дорогъ непрерывно до Калькутты, а также поддерживаютъ прямое рельсовое сообщеніе съ Бомбеемъ, складочнымъ портомъ всего подвозимаго изъ Европы военнаго матеріала. Наши же дороги оканчиваются у Афганистана и ни закавказская, ни закаспійская дороги непосредственной связи съ русскою сѣтью не имѣютъ. Во всякомъ случаѣ, овладѣніе сѣвернымъ Пенджабомъ открываетъ ключъ къ Индіи. Если не настанетъ къ тому времени эпоха жаровъ, то изъ Лагора побѣдоносная армія двинется на Амритциръ, Дели, а достигнувъ разъ долины Джумны, она безъ труда уже вступаетъ въ долину Ганга, т. е. въ богатѣйшія части Индіи, гдѣ только останется брать контрибуціи и отдыхать на лаврахъ.

Завоевать Индію значитъ возможно. Это, впрочемъ, само собою разумѣется, такъ какъ завоевывали же ее по очереди аравитяне, монголы, португальцы, голландцы, Шахъ-Надиръ, французы и наконецъ остъ-индская компанія, послѣдняя хотя и медленно, но съ ничтожными относительно средствами. Теперь такое предпріятіе требуетъ болѣе затратъ и усилій. Сто, двѣсти лишнихъ милліоновъ рублей тутъ легко просчитать и самое дѣло связано съ рискомъ болѣе крупнымъ, чѣмъ война въ Европѣ. Если гласъ

народа—гласъ Божій, то по личнымъ наблюденіямъ я могу подтвердить, что въ Индіи всѣ убѣждены въ возможности ея завоеванія русскими. Англійскіе офицеры, съ которыми я говорилъ объ этомъ еще въ 1871 г., кривились и замѣчали только: «къ чему вамъ Индія, берите уже лучше Китай».

Многіе разсчитываютъ у насъ на помощь отъ возстанія въ Индіи и даже всеобщаго, но къ этому, по моему мнѣнію, слѣдуетъ относиться осторожно. Выше я объяснялъ, почему. Общаго возстанія въ Индіи быть не можетъ, такъ какъ Индія не какое либо государство или народъ, имѣющій хотя и смутные идеалы. Индія—цѣлый міръ: тысячи кастъ, племенъ, народностей, религій враждуютъ, ненавидятъ и презираютъ тамъ другъ друга гораздо болѣе, чѣмъ англичанъ. Послѣдніе, кромѣ того, вовсе не разрушили какихъ-либо національныхъ государствъ; они отвоевали Индію отъ магометанскихъ и слѣдовательно, ненавистныхъ массѣ тирановъ. Индія только перемѣнила хозяевъ, а не даромъ молдованская пословица говоритъ, что «волы всегда радуются, когда имъ покупаютъ новое ярмо». У насъ говорятъ о возстаніи магометанъ, но въ Пенджабѣ, гдѣ будетъ преимущественно война, сейки въ значительной степени идолопоклонники, а не магометане; затѣмъ, магометанское населеніе распадается на ненавидящихъ другъ друга шіитовъ и суннитовъ и еще много другихъ сектъ. Въ послѣднее время ссылались также на сильное броженіе въ полунезависимыхъ государствахъ, потребовавшее даже временнаго введенія цензуры на газеты, но это броженіе происходитъ преимущественно въ бывшемъ маратскомъ населеніи, съ трудомъ въ свое время подчиненномъ остъ-индской компаніей. Наиболѣе неспокойныя страны Голькаръ и др. находятся далеко отъ предполагаемаго мѣста военныхъ дѣйствій русской арміи, почти въ центрѣ Индостана, и весьма выгодно для англичанъ обхватываются желѣзными дорогами, идущими изъ Бомбея на Ахмедабадъ въ Барода и изъ Бомбея на Алагабадъ. Возстаніе тутъ будетъ усмирено быстро, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ англичане не церемонятся съ туземцами.

Я не хочу, однако, сказать, чтобы слѣдовало пренебрегать возможностью возстанія въ случаѣ войны. Въ Бенгалѣ, Мадрассѣ масса спокойнѣе барановъ, но по всей сѣверной границѣ до Ассама, а равно въ Раджпутанѣ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ провинціяхъ искусные эмисары и презрѣнный металлъ могутъ оказать хорошую помощь, отвлекая часть англійскихъ силъ.

Пока однако дѣло дойдетъ до войны съ Англіей, намъ слѣдуетъ думать, какъ бы выгоднѣе торговать съ Индіей. По этому вопросу до сихъ поръ сдѣлано чрезвычайно мало, хотя уже вслѣдъ за открытіемъ Суэзскаго канала Русское общество пароходства и торговли изучало вопросъ и въ 1871 г. снарядило первый прямой пароходъ въ Бомбей; я былъ въ числѣ пасажировъ этого парохода,

а нѣсколько другихъ пассажировъ были хорошимъ указаніемъ для начала линіи, потому что Александрійскую линію Русское общество открыло, говорятъ, перевозкою только одной обезьяны изъ Египта въ Россію.

Во всякомъ случаѣ, приступъ къ дѣлу немного говорилъ въ пользу предпріимчивости русскаго купечества. Въ гласности и заявленіяхъ о бомбейскомъ рейсѣ недостатка не было; но на приглашеніе его не отозвался никто изъ лицъ, серьезно заинтересованныхъ въ торговлѣ остъ-индскими товарами. Большая часть мануфактуристовъ также предпочла подождать результата новаго направленія торговли, нежели спѣшить пользоваться выгодами ея, расчисленными теоретически.

Безъ сомнѣнія, благоразумная осторожность составляетъ основаніе всякой серьезной торговли, а въ особенности въ Россіи, гдѣ капиталы такъ рѣдки и дороги, а кредитъ ограниченъ только небольшимъ числомъ внутреннихъ рынковъ; но осторожность никогда не должна граничить съ индифферентизмомъ, причину котораго слѣдуетъ искать скорѣе всего въ недостаткѣ образованія.

При открытіи новыхъ рынковъ, а въ особенности когда эти рынки соединяются прямыми срочными пароходными сообщеніями, необыкновенно оживляющими и упрощающими торговыя сдѣлки за границею, въ особенности въ Англіи, Германіи, Америкѣ и Швейцаріи, а теперь и въ Австріи и въ Италіи, купцы - фабриканты торопятся на-перерывъ ѣхать съ образцами товаровъ. Агенты эти посѣщаютъ новые порты, собираютъ свѣдѣнія о цѣнахъ, фрахтахъ, качествѣ и количествѣ товаровъ, завязываютъ сношенія, продолжаемыя затѣмъ письменно, знакомятся съ мѣстными вкусами, модами и обычаями. Подобными агентами усѣянъ дальній Востокъ, и въ каждой гостинницѣ ихъ можно встрѣтить десятками. Болѣе способные и энергическіе поселяются въ отдаленныхъ портахъ, гдѣ лѣтъ въ десять, занимаясь комиссіями, если одолѣютъ губительное вліяніе тоски по родинѣ, по обществу и особенно вредный климатъ, то успѣваютъ составить себѣ очень хорошее состояніе. Кромѣ англичанъ, давно извѣстныхъ своимъ предпріимчивымъ характеромъ, по этому пути идутъ теперь болѣе всего нѣмцы и швейцарцы.

Для Россіи остъ-индская торговля могла бы имѣть очень серьезное значеніе и даже весьма скоро занять видное мѣсто въ ряду прочихъ международныхъ сдѣлокъ; потому равнодушіе нашего торговаго люда не совсѣмъ извинительно. Никто, конечно, не допускалъ возможности устроить заочно торговлю за десять тысячъ верстъ; но непонятно, какимъ образомъ въ средѣ нашего почти милліоннаго торговаго сословія не нашлось десятка молодыхъ людей, которыхъ любопытство и жажда наживы не привлекли бы попытать счастья въ Индіи, куда русскій купецъ Афанасій Никитинъ ѣздилъ уже въ 1468—74 гг.

Къ сожалѣнію правительство не поддержало начинаній Русскаго общества, въ субсидіи бомбейской линіи было отказано, и наши сношенія съ Индіей ограничиваются случайными заходами пароходовъ Добровольнаго флота, преимущественно на Цейлонъ. Несмотря на двадцатишестилѣтній періодъ, истекшій со времени открытія суэзскаго пути, общій оборотъ индійской торговли съ Россіей не превосходитъ 2.300,000 рупій. Главнымъ образомъ ввозится керосинъ изъ Батума, а вывозятся хлопокъ, индиго, и сѣмя черезъ Одессу и чай черезъ Батумъ. Ввозъ изъ Европейской Россіи незначителенъ, а вывозъ не увеличивается. Въ прошломъ году замѣчался сильный упадокъ въ вывозѣ хлопка и масличныхъ сѣмянъ, которые представляютъ самую крупную часть торговли. Недостатокъ предпріимчивости купечества не восполняютъ труды консуловъ. Даже штатное консульство въ Бомбеѣ оставалось много лѣтъ вакантнымъ, какъ слышно потому, что и при жалованіи въ 7,000 руб. золотомъ въ годъ изъ нашихъ дипломатовъ не нашлось охотника жить въ городѣ съ такимъ непріятнымъ климатомъ! Въ Индіи намъ необходимо имѣть и торговаго агента и побольше консуловъ. Почти пограничная съ Россіей имперія съ 290 милліонами жителей и завоевательной политикой не можетъ быть оставлена безъ представителей.

Обыкновенно возражаютъ, что, при назначеніи нашихъ агентовъ, въ Индіи англичане поспѣшатъ назначить своихъ въ Туркестанъ, отчего будто бы пострадаютъ русскіе интересы. Подобный доводъ не выдерживаетъ критики. Я полагаю, что Россіи нечего скрываться въ дѣйствіяхъ своихъ въ Азіи, особенно передъ англичанами; гласность въ этомъ случаѣ была бы даже полезна, потому что разсѣяла бы въ нейтральныхъ государствахъ Европы многіе пустые страхи. Извѣстная депеша Скайлера о туркестанскихъ дѣлахъ можетъ служить образчикомъ дипломатической нескромности, но спрашивается, кто потерялъ отъ обнародованія этого документа, и какія могло оно имѣть послѣдствія, кромѣ немедленнаго опроверженія фактовъ вымышленныхъ и раскрытія истины, буде таковая заключалась. Неимѣніе своихъ агентовъ въ Остъ-Индіи, кромѣ неизвѣстности, что дѣлается въ этой странѣ, сопряжено съ другими важными неудобствами. Такъ, двукратно покойный Пашино, бывшій дипломатическій чиновникъ, ѣздилъ въ Остъ-Индію и, по собственному описанію, напечатанному въ «Голосѣ», оба раза подвергался тяжкимъ оскорбленіямъ. Не прискорбно ли это для русскаго имени, столь уважаемаго на Востокѣ? И возможны ли были бы подобные факты, еслибъ мы имѣли консуловъ въ Остъ-Индіи?

Отъ неимѣнія взаимныхъ сношеній и незнанія мѣстныхъ условій въ Азіи, мы пока ничего полезнаго не извлекли, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ тѣ значительныя уступки, которыя мы постоянно дѣлали для успокоенія мнительности англичанъ.

Къ тому же вовсе изолироваться и недопускать агентовъ, не только явныхъ, но и тайныхъ, рѣшительно невозможно, а всегда выгоднѣе находиться подъ наблюденіемъ одного офиціальнаго агента, нежели десяти шпіоновъ.

Такъ какъ мы по врожденнымъ свойствамъ и вкусамъ народъ болѣе сухопутный, то развитія торговли Россіи съ Индіей надобно ждать отъ скорѣйшаго соединенія индійской сѣти желѣзныхъ дорогъ съ европейскою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для Индіи и для англичанъ нужно теперь непрерывное рельсовое сообщеніе, которое, сближая Европу съ дальнимъ Востокомъ на недѣлю пути, имѣло бы серьезное политическое и торговое значеніе и могло бы съ выгодою конкуррировать съ болѣе медленнымъ морскимъ путемъ. Удовлетворяющее такой цѣли рельсовое сообщеніе можетъ быть сдѣлано только черезъ Авганистанъ и Персію отъ Шикарпура до Тегерана и далѣе, или черезъ Закавказье и Россію, или черезъ Константинополь и Вѣну. Конечно, было-бы лучше всего, еслибъ Россія могла построить сама желѣзную дорогу черезъ Кавказъ въ Индію; но это едва-ли возможно по многимъ причинамъ. Шавровъ вѣрно замѣтилъ, что англичане, сочиняя проекты дорогъ въ Индію, всегда смотрѣли на карту только однимъ лѣвымъ глазомъ; поэтому въ ихъ проектахъ желѣзная дорога идетъ не по діагональному кратчайшему направленію, но какъ бы нарочно дѣлаетъ лишній заворотъ къ югу, чтобъ идти по горной и неустроенной странѣ, среди самыхъ неблагопріятныхъ условій.

Какъ ни очевидно преимущество русскаго направленія желѣзной дороги въ Индію, но несомнѣнно также, что пока осуществленіе сплошнаго желѣзнаго пути изъ Европы въ Индію будетъ зависѣть отъ англійскихъ капиталовъ и предпріимчивости, едва-ли этотъ вопросъ разрѣшится выгоднѣйшимъ образомъ какъ для Европы, такъ и для Россіи. Стоитъ вспомнить, какія препятствія дѣлала Англія осуществленію Суэзскаго канала, отъ котораго выигрываетъ болѣе всего англійская торговля. Къ счастью, не одна Англія заинтересована теперь въ сокращеніи и облегченіи пути изъ Европы въ Индію. Не менѣе Англіи заинтересованы въ этомъ Германія, Австро-Венгрія и Швейцарія, прямая торговля которыхъ съ дальнимъ Востокомъ быстро увеличивается. Къ осуществленію прямого пути въ Индію могутъ явиться на помощь Россіи нѣмецкіе капиталы. Наконецъ, еслибъ англичане и собрали очень скоро необходимый капиталъ и опередили Россію въ этомъ случаѣ, построивъ линію изъ Константинополя до Шикарпура, то и тогда она пройдетъ такъ близко къ русской границѣ, что, устройствомъ отъ одного изъ пунктовъ въ Закавказскомъ краѣ или Закаспійской области соединительныя вѣтви до индійской дороги получится непрерывное рельсовое сообщеніе изъ Индіи черезъ Россію въ Европу, сообщеніе кратчайшее, болѣе удобное и подверженное гораздо меньшимъ случайностямъ, нежели путь черезъ Малую Азію. Несомнѣнно, что

оно будетъ предпочитаться торговлею, руководимой барышами, а не политическими симпатіями. Желѣзныя дороги отъ Энзели и Решта въ Тегеранъ и далѣе до Персидскаго залива или отъ Душака или Кушка до Чахбара, о которыхъ я говорилъ выше, составятъ эти вѣтви, и слѣдовательно, преждевременнымъ сооруженіемъ дорогъ на англійскій счетъ удешевятся только вдвое будущіе расходы по соединенію сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ остъ-индскою сѣтью.

Во всякомъ случаѣ, пользуясь нашимъ неоспоримо выгоднымъ географическимъ положеніемъ, мы можемъ спокойно предоставить это дѣло его естественному теченію. Россія не преминетъ воспользоваться всѣми тѣми выгодами, которыя изъ него могутъ произойти. Такимъ образомъ, въ первый разъ съ сотворенія міра, англичане вытащутъ каштаны изъ печи для другихъ, чего мы, конечно, желаемъ отъ души, такъ какъ эти другіе — Россія вынимала на своемъ вѣку не мало чужихъ каштановъ.

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

XXVI. КИТАЙ.

Изъ всѣхъ независимыхъ государствъ Азіи, Китай всегда представлялъ наибольшій интересъ для европейскихъ народовъ какъ по оригинальности своего быта, такъ и по значенію, которое его произведенія получили постепенно во всемірной торговлѣ. Въ послѣднія тридцать пять лѣтъ значеніе Китая внезапно возрасло въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, а, параллельно съ развитіемъ торговли, въ самомъ Китаѣ замѣчалось внутреннее броженіе, которое вовлекало китайскій народъ въ культурное общеніе съ другими народами. Конечно Китай прогрессировалъ въ европейскомъ смыслѣ менѣе быстро нежели Японія, но во всякомъ случаѣ, съ момента заключенія въ Пекинѣ мира съ Франціей и Англіей, т. е. съ 1860 года, онъ сдѣлалъ успѣхи, въ особенности если взять въ разсчетъ, что рѣчь идетъ о государствѣ съ 560 милліоннымъ населеніемъ и съ весьма древней своеобразной цивилизаціей, а также и принявъ во вниманіе могущественную ретроградную партію въ средѣ высшихъ мандариновъ. Впрочемъ, въ китайскихъ нововведеніяхъ главную роль играли не мало тѣ же государственные люди, въ особенности принцъ Гунъ и Ли-хунъ-чжанъ. Послѣдній, занимая различныя военныя и гражданскія должности и состоя въ числѣ наиболѣе выдающихся членовъ высшаго совѣта, имѣлъ во многихъ случаяхъ рѣшающее вліяніе.

Учрежденіе въ 1860 году министерства иностранныхъ дѣлъ было однимъ изъ первыхъ шаговъ къ прогрессу. До того иностранныя сношенія въ Китаѣ вѣдались министерствомъ колоній, которое ставило европейскія державы на одномъ уровнѣ съ данниками Китая: Тибетомъ, Монголіей, Кобдо или Хухуноромъ.

Два весьма важныхъ полуевропейскихъ учрежденія связаны съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: соединенная школа европейскихъ языковъ и главное управленіе морскихъ таможенъ. Первая изъ нихъ, основанная въ 1863 году, сначала была школой для приготовленія переводчиковъ. Затѣмъ заведены военныя и морскія академіи въ Тянь-цзинѣ и Нанкинѣ и специальная школа въ Шанхаѣ, въ число предметовъ преподаванія коихъ введенъ русскій языкъ.

Управленіе приморскихъ таможенъ было учреждено въ 1860 г. Вынужденные заплатить Франціи и Англіи расходы войны и открыть порты для европейской торговли, китайцы остроумно сообразили, что самое дешевое будетъ уплатить контрибуцію изъ европейскихъ же кармановъ. Поэтому былъ изданъ таможенный тарифъ и условлено, что часть таможенныхъ пошлинъ пойдетъ въ счетъ контрибуціи, за уплатой которой будутъ наблюдать европейскіе комиссары. Благодаря быстрому развитію торговли, контрибуція была уплачена уже къ 1867 году; въ теченіе этихъ семи лѣтъ, китайское правительство имѣло возможность убѣдиться въ преимуществахъ европейскаго таможеннаго управленія и не пожелало разставаться съ полезнымъ ему механизмомъ.

Возрастающая важность международныхъ сношеній дала мало-по-малу китайскому правительству сознаніе въ необходимости имѣть постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ заграницей; до того посылались изрѣдка только экстраординарныя посольства. Въ 1877 г. въ первый разъ Го-сунгъ-тау былъ аккредитованъ въ Парижъ и Лондонъ. Затѣмъ Чунь-хоу былъ посланъ въ 1878 г. въ С.-Петербургъ. Въ томъ же году былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ Ли-фэнъ-бао. Аккредитованы посланники въ Вѣну, Римъ, Гаагу, Мадридъ, а равно въ Вашингтонъ и Лиму. Всѣ эти китайскіе дипломатическіе чиновники широко оплачиваются.

Кромѣ дипломатическихъ миссій, китайцы посылаютъ въ Европу особыя миссіи для усовершенствованія молодыхъ людей. Надобно замѣтить также, что давно уже въ Гатфордѣ, около Нью-Іорка, существуетъ китайская школа, гдѣ учатся разнымъ наукамъ 200 учениковъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Китаѣ было основано много журналовъ и газетъ на европейскій манеръ. Журналистика, впрочемъ, тамъ дѣло не новое, а оффиціальная пекинская газета издается съ незапамятныхъ временъ. Драгоманы заграничныхъ миссій обязаны каждую недѣлю представлять переводы статей, которыя могутъ интересовать китайское правительство. Изъ этихъ переводовъ составляется особый журналъ. Слѣдуетъ обратить также вниманіе на возрастающее число книгъ по-китайски, содержащихъ описаніе путешествій. Большинство ихъ принадлежитъ перу китайскихъ дипломатовъ.

Неудачныя войны съ европейцами заставили китайцевъ ввести обученіе и вооруженіе войска на европейскій ладъ. Для этого были

выписаны изъ Европы инструкторы и учрежденъ десятокъ арсеналовъ и заводовъ въ Фучау, Шанхаѣ, Нанкинѣ и въ провинціяхъ Хунанѣ, Ань-хуй, Бей-чжи-ли, Шань-дунѣ и Хань-су.

Важнѣйшее изъ заведеній находится въ Фучау. Оно представляетъ обширную верфь военныхъ судовъ и желѣзодѣлательный заводъ. Арсеналы были устроены, подъ начальствомъ вице-короля Цзо, французскимъ инженеромъ Жикелемъ. Теперь же всѣ техники и рабочіе китайцы. Послѣдніе имѣютъ, какъ извѣстно, къ ремесламъ огромныя способности и въ три мѣсяца деревенскій парень обращается въ сноснаго рабочаго. Китайскій канонерскій флотъ—произведеніе этого арсенала. Вмѣстѣ съ тѣмъ Китай постоянно заказываетъ военныя суда и въ Европѣ. Слабая часть китайскаго флота—это недостатокъ образованныхъ офицеровъ, хотя у китайцевъ имѣются морскія школы и даже суда для практическаго плаванія, но обращеніе съ офицерами принижаетъ ихъ значеніе. Что касается матросовъ, то въ нихъ нѣтъ недостатка, потому что въ Китаѣ значительная часть населенія привыкла къ морю.

Прогрессъ коснулся не одного военнаго флота. Съ открытіемъ Суэзскаго канала, обширный каботажъ между китайскими портами, потерпѣлъ крупное измѣненіе, джонки быстро стали замѣняться пароходами и на рѣкахъ, и на моряхъ. Китайцы имѣютъ уже собственную линію срочнаго морского и рѣчного пароходства, получающую субсидію отъ правительства. Ее учредилъ Ли-хунъ-чжанъ. На пароходахъ компаніи весь экипажъ отъ капитана до юнги китайцы.

Относительно желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ долго ничего не дѣлалось, правительство велѣло даже разобрать построенную европейцами линію изъ Шанхая въ Вусунгъ. Но опасенія войны съ Россіей и особенно голодъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, свирѣпствовавшій въ послѣдніе годы, убѣдили мандариновъ въ пользѣ быстрыхъ путей сообщеній.

Телеграфъ встрѣчалъ менѣе препятствій. Со времени японской экспедиціи на Формозу, островъ этотъ соединенъ съ материкомъ Азіи подводнымъ кабелемъ, положеннымъ на счетъ правительства. Фучау также было соединено тогда съ берегомъ. Затѣмъ правительство рѣшило проведеніе цѣлой сѣти телеграфовъ. Кромѣ телеграфа электричество нашло себѣ примѣненіе въ Китаѣ въ видѣ освѣщенія.

Промышленность всякаго рода также начинаетъ послѣ вѣкового застоя развиваться, особенно въ провинціяхъ, близкихъ къ открытымъ портамъ. Даже въ отдаленной провинціи Хань-су, сосѣдней съ Хухуноромъ, главный городъ провинціи служитъ мѣстомъ, гдѣ наиболѣе старались устроить промышленность на европейскій ладъ. Важнѣйшій заводъ въ городѣ пушечный, другая фабрика готовитъ сукно для арміи, а также разныя матеріи изъ овечьей и верблюжьей шерсти. Быть можетъ, недалеко то будущее,

когда Китай начнетъ перерабатывать всѣ свои сырые продукты и не будетъ отправлять ихъ для выдѣлки въ Европу. Мало того, что обработывать, но и продавать въ Европѣ, посылая ихъ на китайскихъ судахъ. Находящіяся въ Китаѣ фабричныя заведенія работаютъ безъ перерывовъ и уже недостаточны для удовлетворенія мѣстныхъ поступающихъ на нихъ заказовъ. Въ Китаѣ возникаютъ также горные заводы и добываніе угля, коимъ Китай чрезвычайно богатъ. Паденіе цѣны на серебро, дешевизна труда и обиліе всякихъ матеріаловъ—все это способствуетъ развитію въ Китаѣ предпріимчивости и обѣщаетъ сдѣлать его одной изъ наиболѣе мануфактурныхъ странъ.

О будущемъ преобладаніи китайцевъ въ торговлѣ и говорить нечего. Весьма способные къ торговлѣ, превосходя въ настойчивости англичанъ, а въ финансовыхъ спекуляціяхъ евреевъ, они очень скоро усваиваютъ механизмъ европейскаго веденія торговли, и потому являются весьма опасными соперниками европейцамъ и американцамъ. Вытѣснивъ почти всѣхъ иностранцевъ изъ мѣстной торговли, китайцы заводятъ собственныя агентуры въ Европѣ, сообщающія имъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія по своимъ видамъ сообщаютъ имъ мѣстные торговые дома, и конечно не замедлятъ привести въ исполненіе давнишнее свое намѣреніе завести въ Европѣ и Америкѣ, въ главныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, конторы для оптовыхъ закупокъ товаровъ, минуя посредничество иностранныхъ конторъ. О раздробительной торговлѣ, прибавимъ, что ни русскіе, ни иностранцы внутри Китая, не смотря на разрѣшеніе, не торгуютъ, а отдаютъ свои товары на комиссію китайцамъ, получая пропускныя свидѣтельства отъ таможни.

Китайцы, въ заключеніе, усваиваютъ себѣ одно изъ важныхъ преимуществъ, которыми располагали передъ ними европейцы, въ случаѣ политическихъ столкновеній и необходимости быстраго вооруженія—именно умѣніе дѣлать государственные долги. Но Китай можетъ свободно погашать ихъ, какъ видно изъ постоянно возрастающаго поступленія таможенныхъ пошлинъ до 40 милл. руб. въ годъ, въ соотвѣтствіе съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ этого государства. Если сравнить данныя о привозѣ и отпускѣ за десятилѣтній періодъ, то оказывается, что цифра торговля удвоилась. Надобно имѣть еще въ виду, что, не смотря на то, что Китай сталъ доступенъ для торговли, китайское правительство до сихъ поръ не перестаетъ отстаивать насколько можетъ неприступность своей территоріи. Объ экономическихъ средствахъ Китая можно судить потому, что японскій посланникъ въ Пекинѣ, проѣзжая по театру недавней войны, былъ пораженъ, что ея слѣды такъ скоро изгладились. Проѣзжая черезъ Нью-чжуанъ посланникъ не встрѣтилъ на своемъ пути никакихъ признаковъ войны. Все зажило прежнею жизнью, населеніе вернулось, развалины возстановлены, торговое движеніе громадное, жизнь бьетъ ключемъ.

Что касается участія отдѣльныхъ государствъ въ торговлѣ съ Китаемъ, то (причисляя Гонконгъ къ Англіи) изъ общаго оборота въ 315 милл. таэл. на Великобританію приходится свыше 215 милл., на Японію 32 мил., на европейскій континентъ, не включая Россію, 29 мил., на Соединенные Штаты $20^1/_2$ мил. и на Россію 17 мил. Хотя къ заключеніямъ о выгодности для той или другой націи торговать съ Китаемъ нужно относиться съ осторожностью, но во всякомъ случаѣ едва ли кто будетъ спорить, что изъ всѣхъ державъ Англія, несмотря на обычные возгласы торговцевъ объ упадкѣ торговли, при всякомъ малѣйшемъ колебаніи сбыта хлопчатобумажныхъ тканей, извлекаетъ наиболѣе выгоды изъ торговли съ Китаемъ.

Англичане занимаютъ первое мѣсто въ Китаѣ не только по прямой торговлѣ съ Англіей, но и по торговлѣ со своими заморскими владѣніями. Торговля Китая съ Остъ-Индіей имѣетъ особую важность, поэтому понятны попытки установить между обѣими странами желѣзнодорожное сообщеніе, несомнѣнно выгодное и для Китая, особенно для западныхъ его провинцій.

Но если англичане продолжаютъ сохранять свое преобладающее положеніе, то надо сказать, что въ расположеніи китайцевъ по отношенію къ иностранцамъ происходитъ въ послѣднее время переворотъ, и даже въ правительственныхъ сферахъ вліяніе Германіи усиливается. Китайцы начинаютъ довѣрять нѣмцамъ больше даже чѣмъ американцамъ, ибо давно тяготятся высокомѣріемъ англичанъ и самоуправствомъ янки. Нѣмцы, кромѣ большихъ торговыхъ домовъ, имѣютъ въ Китаѣ много посредниковъ, распространяющихъ нѣмецкіе товары, частію въ качествѣ комиссіонеровъ, частію торгующихъ на свой собственный счетъ. Поэтому хотя торговля Англіи несравненно обширнѣе, но нѣмцы изъ сношеній съ Китаемъ извлекаютъ болѣе барышей, чѣмъ англичане, и число торгующихъ въ Китаѣ нѣмцевъ быстро растетъ.

Американцы и теперь занимаютъ въ Китаѣ выдающееся положеніе. Окончаніе Канадской дороги произвело значительный переворотъ въ торговлѣ Китая, и особенно Японіи, для которыхъ она представляетъ одинъ изъ кратчайшихъ путей для сношенія съ Европой. Товары, доставляемые изъ Франціи, имѣютъ въ Китаѣ потребителями исключительно почти европейцевъ и американцевъ, и главнѣйше судовыя команды. Трудно себѣ представить, какую массу денегъ оставляютъ ежегодно военныя эскадры разныхъ націй въ китайскихъ и японскихъ портахъ. Въ отпускной торговлѣ Китая французы занимаютъ первое мѣсто въ покупкѣ шелка.

Въ послѣднее время на китайскихъ рынкахъ появилась и Бельгія. Итальянское правительство, въ свою очередь, обмѣнялось дипломатическими любезностями; припомнило даже венеціанца Марко Поло, чтобы доказать давность сношеній двухъ государствъ, но, несмотря на все это, нѣтъ основаній для значительныхъ торговыхъ сношеній между Италіей и Китаемъ.

Еще лѣтописецъ временъ Алексѣя Михайловича, сосланный въ Сибирь сербъ Крыжаничъ, доказывалъ, что намъ надобно вести активную торговлю съ Азіей и что мы можемъ дешевле пріобрѣтать многіе товары, покупая ихъ изъ Остъ-Индіи, Китая и Бухары, нежели получая отъ нѣмцевъ. Крыжаничъ указывалъ на шелкъ и шелковыя ткани, хлопчатую бумагу и бумажныя ткани, драгоцѣнные камни, сахаръ и пряности, какъ на такіе, которые могли бы сдѣлаться предметомъ активной торговли. Къ сожалѣнію, прошло почти двѣсти лѣтъ, а мысль Крыжанича только начинаетъ еще мало-по-малу осуществляться на дѣлѣ, встрѣчая многочисленныя препятствія.

Независимо отъ экономическаго взаимодѣйствія, Китай, при болѣе близкомъ общеніи съ нимъ, могъ бы имѣть на Россію и культурное вліяніе. Мы еще слишкомъ мало знаемъ эту замкнутую страну и точки нашего соприкосновенія съ нею пока слишкомъ ничтожны для того, чтобы чувствовать на себѣ ея вліяніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что китайская цивилизація, самостоятельно установившаяся въ теченіе тысячелѣтій, имѣетъ въ себѣ много не только оригинальнаго, но и достойнаго подражанія.

Государство, гдѣ земледѣлецъ собираетъ въ годъ восемь жатвъ, гдѣ $^1/_{16}$ десятины прокармливаетъ цѣлое семейство, гдѣ три тысячи лѣтъ не повышали прямыхъ налоговъ, гдѣ не существуетъ ни адвокатовъ, ни повѣренныхъ, ни нотаріусовъ и никому въ голову не приходитъ заводить ихъ, заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, что бы ни говорили любители «прогресса».

Несмотря на то, что, въ силу договоровъ, мы не обдѣлены правами въ Китаѣ, сравнительно съ другими иностранцами, но положеніе русскихъ тамъ недавно еще было гораздо болѣе скромное, чѣмъ французовъ, нѣмцевъ и особенно англичанъ, которые являются въ Китай на собственныхъ корабляхъ, съ обширными капиталами и массою различныхъ мануфактуръ, тогда какъ мы являлись едва замѣтными продавцами, отдавая драгоцѣнные металлы за необходимые намъ китайскіе товары. Наша торговля въ общемъ оборотѣ китайской торговли не составляетъ 6%. Почему русская торговля поставлена въ Китаѣ въ такое невыгодное положеніе, рѣшить не трудно. Всѣ существующіе договоры приспособлены преимущественно для морской торговли, а мы на морѣ и у себя дома находимся въ рукахъ иностранцевъ. Затѣмъ у насъ нѣтъ двухъ важнѣйшихъ предметовъ привоза въ Китай—опіума и дешевыхъ мануфактурныхъ издѣлій, которые наиболѣе требуются китайскими рынками. Это не значитъ, однако, что наша торговля съ Китаемъ не можетъ подлежать значительному расширенію и навсегда должна оставаться въ зависимомъ, второстепенномъ положеніи.

Теперь можно считать исторически доказаннымъ, что до 1653 года у насъ прямыхъ посольскихъ сношеній съ Китаемъ не было. Только со времени, когда въ царствованіе Алексѣя Михайловича была

сдѣлана неудачная попытка отправить изъ Тобольска Байкова, для заведенія сношеній съ Китаемъ, русское населеніе вступило въ близкія отношенія съ вассальной страной Китая Монголіей. Первое время, до заключенія Головинымъ въ 1689 г. невыгоднаго Нерчинскаго трактата, сношенія русскихъ съ монголами не регулировались никакими постановленіями, и торговля производилась совершенно свободно; по трактату для нея были назначены два пункта: Цурухайту и Кяхта. Съ этого же времени обнаружились ясно монопольныя стремленія нашего правительства. Дорогіе мѣха могли доставить царской казнѣ большія суммы, и правительство присвоило себѣ право исключительной торговли мѣхами съ Китаемъ, отправляя казенные караваны въ Пекинъ. Такъ шло торговое дѣло и послѣ Буринскаго трактата 1727 г., которымъ совершенно воспрещенъ былъ выѣздъ русскимъ купцамъ въ Китай, съ цѣлью уничтоженія соперничества съ казенной торговлей. Казна, для огражденія своихъ интересовъ, издала рядъ распоряженій, которыя совершенно убили торговлю частныхъ лицъ, а именно указами 1731, 1734, 1739 и 1752 годовъ воспрещался купцамъ торгъ всякими товарами, отправляемыми съ казенными караванами. Весь пушной звѣрь изъ Сибири перевозился спачала въ сибирскій приказъ въ Москву, потомъ оттуда онъ снова возвращался въ Сибирь и отправлялся въ Китай. Такъ понимались фискомъ въ то время торговыя выгоды страны.

Хотя еще въ 1719 г. былъ отправленъ въ Китай первый консулъ Лангъ съ караванами, для охраны ихъ въ пути и въ Китаѣ, «чтобы имъ нигдѣ, ни отъ кого, ни въ чемъ, и межъ ими никакихъ обидъ и ссоръ не было», но казенные караваны, являясь въ Пекинъ, должны были становиться уступчивыми передъ требованіями китайскаго правительства, и тѣмъ еще болѣе усиливать надменность послѣдняго; отсюда же произошло и ослабленіе политическаго значенія Россіи въ Китаѣ. Китайское правительство сдѣлалось капризнымъ, требовательнымъ и безпрерывно нарушало правильный ходъ даже пограничной торговли; оно нѣсколько разъ запрещало и отправку каравановъ въ Пекинъ. Совѣтъ министровъ въ Пекинѣ принималъ нашего посланца Шокурова нагишемъ въ однихъ порткахъ, подъ предлогомъ жары, а относительно директора каравана Алексѣя Владыкина трибуналъ въ 1755 г. писалъ нашему сенату: «Алексѣй при торгахъ человѣкъ небывалой и глупой. Впредь отъ вашего сената съ караваномъ не присылать таковыхъ». Въ 1764 году, вслѣдствіе рѣзкаго протеста нашего правительства и просьбы китайскихъ купцовъ, торговля русскимъ, передъ тѣмъ изъ-за пустяковъ запрещенная, была разрѣшена, но подъ предлогомъ, что, «по закрытіи торга, россіяне весьма скучаютъ, я-жъ (т. е. богдыханъ) обо всѣхъ животныхъ вообще соболѣзную»!

Въ 1755 году былъ отправленъ послѣдній казенный караванъ въ Китай, такъ какъ въ 1762 году Екатерина II манифестомъ

своимъ уничтожила ихъ вовсе. Китай былъ запертъ для Россіи и торговля начала сосредоточиваться на одномъ пограничномъ пунктѣ— слободѣ Кяхтѣ. Чего не удалось сдѣлать русскимъ: завести активную торговлю съ китайцами, перевести свою дѣятельность внутрь ихъ государства,—то сдѣлали послѣдніе. Подобная крайняя уступчивость требованіямъ иноземцевъ обнаруживалась нашей дипломатіей относительно не одного Китая, но и другихъ странъ.

Съ уничтоженіемъ казенныхъ каравановъ, начинается новый періодъ русско-китайской торговли — кяхтинскій. Самыя интересныя стороны этого періода: измѣненіе предметовъ торговли, правительственная регламентація ея и соперничество московскихъ и сибирскихъ купцовъ между собою. Когда торговля велась казною, при посредствѣ каравановъ, то взамѣнъ дорогихъ мѣховъ, мы вывозили изъ Китая предметы роскоши: фарфоръ, фаянсъ, золото и серебро, дорогія шелковыя матеріи. Впрочемъ, китайскій торгъ уже въ прошломъ столѣтіи занималъ видное мѣсто въ торговлѣ Россіи: обороты его простирались до 7—9 милл. руб., казна получала до 700 тыс. руб. и болѣе. Во второй половинѣ XVIII стол. обороты русско-китайскаго торга составляли 7—9°/o всего торговаго оборота Россіи, въ азіятскомъ же торгѣ онъ занималъ первое мѣсто, именно 68°/o. Таможенный доходъ отъ русской торговли съ Китаемъ составлялъ отъ 20 до 38°/o всего таможеннаго дохода. Золото и серебро привозилось къ намъ изъ Китая въ большомъ количествѣ — до 500 пудовъ.

Съ 1768 года обмѣнъ начинаетъ принимать характеръ, болѣе отвѣчающій массѣ потребителей: китайка, бумажная даба и сахарный песокъ составляли главныя статьи привоза; хотя надо сказать, что и нѣсколько ранѣе, съ заселеніемъ Сибири, шли изъ Китая даба и китайка, въ которыя одѣвалось все населеніе. Торговля мягкой рухлядью, перейдя въ частныя руки, получила быстрое развитіе во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ этого же времени начинается все возрастающій ввозъ чая. Чай сталъ предметомъ необходимости, какъ для Сибири, такъ и для Европейской Россіи. Къ началу XIX ст. требованіе со стороны Китая на пушнину начало уменьшаться, а ввозъ чая возросъ почти въ шесть разъ. Нужно было отыскивать какой нибудь новый продуктъ въ обмѣнъ на чай; торговый балансъ не могъ поддерживаться вывозомъ золота и серебра, недостатокъ ихъ чувствовался даже во внутренней торговлѣ. Противовѣсъ былъ найденъ въ мануфактурахъ и на помощь явился запретительный тарифъ 1822 г., впрочемъ, мало помогшій русскому суконному производству въ первое время, такъ какъ до 1831 г. польское сукно препятствовало этому. Но въ 1845 г., въ числѣ отпущенныхъ черезъ Кяхту въ Китай, не было уже ни одного аршина сукна иностраннаго. Такое же вліяніе оказалъ тарифъ и на торговлю плисомъ.

Китайскій чай продавался въ московскихъ лавкахъ еще до заключенія Нерчинскаго трактата. Казакъ Тюменецъ, посланный въ Монголію въ 1616 году, первый изъ русскихъ познакомился съ чаемъ: «пили, говоритъ онъ, молоко топленое съ масломъ, а въ немъ листье невѣдомо какое», «а иное листье красное невѣдомо какое». Когда Михаилу Ѳеодоровичу ханъ хотѣлъ послать въ подарокъ 200 бахчей чая, то Старковъ сказалъ, что этотъ товаръ русскимъ неизвѣстенъ и ни къ чему негоденъ. Позднѣе спросъ на чай быстро возросъ. Такъ какъ изъ свѣдѣній, собиравшихся по распоряженію графа Сперанскаго, оказалось, что, кромѣ развитія сбыта мануфактурныхъ издѣлій, перевозка кяхтинскихъ товаровъ доставляла сподручный заработокъ сибирскому населенію, то правительство энергически рѣшилось поощрять кяхтинскую торговлю и съ этою цѣлью въ 1823 г. воспретило ввозить въ Россію чай моремъ и вообще черезъ Западную Европу.

И въ кяхтинскій періодъ происходили не только колебанія въ торговлѣ, но и неоднократные перерывы ея со стороны китайцевъ, вслѣдствіе политическихъ неудовольствій и торговыхъ столкновеній. Еще въ прошедшемъ столѣтіи китайцамъ, торговавшимъ въ Кяхтѣ, дана была отъ своего правительства инструкція, предписывавшая имъ дѣйствовать между собою съ общаго согласія. Подобная форма торговли соблазнила и русскихъ купцовъ, и они стали хлопотать объ учрежденіи между собою такого же общества. Заводились и ранѣе общества, которыхъ было до шести, но они не съумѣли монополизировать торговлю въ своихъ рукахъ, хотя подобное стремленіе могло найти поддержку и въ правительствѣ, ибо еще съ 1728 по 1740 г. римскій еврей Самсонъ, консулъ Лангъ и графъ Остерманъ проектировали составить для кяхтинской торговли компанію на подобіе Остъ-Индской. Взаимныя жалобы русскихъ купцовъ заставили наконецъ правительство вмѣшаться, и оно издало уставъ 1800 г. Уставъ этотъ ограничивалъ конкурренцію и обращалъ въ законъ прежнее добровольное установленіе цѣнъ на товары русскихъ купцовъ. Новый уставъ не достигъ, однако, цѣли: слишкомъ много было лицъ, интересамъ которыхъ онъ вредилъ, а потому и не было недостатка въ желаніи и ловкости обходить его. Прежде всего соперничество существовало между сибирскими и московскими купцами, и въ то время, какъ число московскихъ купцовъ съ ихъ оборотами уменьшалось, число сибирскихъ купцовъ и обороты ихъ возрастали.

Въ это время въѣздъ въ Китай, или точнѣе въ Пекинъ, допускался только для немногихъ членовъ духовной миссіи, ознаменовавшей себя за немногими исключеніями, ссорами и пьянствомъ, а ни одинъ изъ нашихъ торговцевъ не смѣлъ не только вступить на землю Китая, но даже и въ Кяхтѣ, единственномъ уголкѣ, гдѣ происходили наши торговыя сношенія съ китайцами, встрѣчалъ множество преградъ въ разнообразныхъ устарѣлыхъ регламента-

ціяхъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія для улаженія сношенія съ Китаемъ было снаряжено съ большою пышностью посольство графа Головкина, но китайцы предложили ему на аудіенціи богдыхану войти на четверинкахъ держа на спинѣ подушку, на которой лежала бы ввѣрительная грамота. Головкинъ, конечно, отказался, тогда китайцы не пустили его далѣе Урги. Новыя правила о кяхтинской торговлѣ, изданныя въ 1855 году, немного измѣнили ея стѣсненія. Мало того, даже и во внутренней торговлѣ Сибири мы не имѣли свободы, ибо были отрѣзаны, благодаря китайцамъ, захватившимъ въ концѣ XVII вѣка Амуръ, отъ сообщенія съ Восточнымъ Океаномъ. Наша же дипломатія хотя и пыталась заговорить объ этомъ въ 1754, 1805 и 1830 годахъ, но поступала такъ робко, что дѣло не двигалось.

Первые русскіе піонеры, казаки и промышленники, подъ командою казака Пояркова, появились на Амурѣ въ 1644 г., который тогда не составлялъ ничьей государственной собственности. Инородческія племена, населявшія берега этой рѣки и ея притоковъ, оставаясь совершенно свободными, при родовомъ устройствѣ своего быта, не платили никому дани. Постепенно они признали надъ собою власть московской державы и стали выплачивать ясакъ, а тридцать шесть лѣтъ спустя, къ началу 1681 года, не только весь Приамурскій край, но и бассейнъ Уссури и часть рѣки Сунгари составляли уже владѣніе Россіи. Главнымъ и укрѣпленнымъ городомъ этой страны былъ Албазинъ, а отъ него, внизъ по Амуру шли наши укрѣпленные остроги: Кумарскій, Зейскій, Косогорскій, Ачанскій и на рѣкѣ Тугурѣ, около ста верстъ отъ ея устья, Тугурскій. Кромѣ того по Амуру существовали уже не только отдѣльные поселки, но и цѣлыя слободы: Андрюшкина, Игнатина, Монастырщина, Покровская, Озерная и др. Въ 1672 году, при урочищѣ Брюсяный-Камень, іеромонахъ Гермогенъ заложилъ монастырь во имя Спаса Всемилостивѣйшаго, для просвѣщенія инородцевъ. Въ 1684 году весь этотъ край названъ Албазинскимъ воеводствомъ, причемъ Албазину были жалованы особый гербъ и печать, а первымъ воеводою посаженъ Алексѣй Толбузинъ.

Главнымъ образомъ утратою амурскаго края тогдашняя Россія обязана бюрократическимъ порядкамъ и проволочкамъ московскихъ приказовъ. Вмѣсто того, чтобы озаботиться своевременною высылкою на Амуръ военной силы, ради его закрѣпленія и обереженія хлѣбопашцевъ, о чемъ настоятельно и неоднократно просили якутскіе воеводы, московскіе подъячіе ограничивались только одними пустыми переговорами, да отписками. Въ Москвѣ спохватились только тогда, когда наши приамурскіе остроги, за исключеніемъ осажденнаго Албазина, оберегаемые горстью казаковъ, были уже уничтожены китайцами. Тутъ снарядили поскорѣй посольство окольничаго Ѳедора Головина, придавъ ему 500 человѣкъ казаковъ. Но эта сила оказалась ничтожною сравнительно съ десятитысячнымъ вой-

скомъ манчжуровъ, и къ тому же она была вынуждена разбиться на мелкіе кордонные посты, для огражденія границъ Забайкалья отъ набѣговъ монголовъ. Головинъ очутился какъ бы въ плѣну у китайцевъ и волей-неволей вынужденъ былъ подписать Нерчинскій договоръ, по которому Россія лишилась всѣхъ завоеваній Пояркова, Степанова, Черниговскаго и Хабарова.

«Россіяне — говоритъ сибирская лѣтопись того времени — несправедливымъ образомъ, перемогающею силою непріятелей съ Амура вытѣснены и, что еще несправедливѣе, насильственнымъ мирнымъ заключеніемъ рѣка Амуръ за китайцами осталась». Завладѣвъ Приамурскимъ краемъ, китайское правительство удовольствовалось, однако, тѣмъ, что горы и безлюдныя пустыни стали отдѣлять съ сѣвера приамурскую Даурію (о которой собственно оно и хлопотало) отъ Якутской области, и оставило весь средній и нижній Амуръ съ его притоками совершенно свободнымъ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ нашелъ его Поярковъ. Мы, впрочемъ, не считали своихъ правъ потерянными и въ 1757 академикъ Миллеръ въ «Ежемѣс. Сочиненіяхъ» доказывалъ, что край принадлежалъ Россіи прежде китайцевъ и что мы несправедливо оттуда были изгнаны и еще несправедливѣе Нерчинскимъ мирнымъ трактатомъ 1689 г. оставили Амуръ китайцамъ.

На дальнѣйшее бездѣйствіе наше, кромѣ робости дипломатіи, преувеличивавшей силу Китая, тогда очень мало извѣстнаго и энциклопедистами со словъ іезуитовъ превозносимаго, вліяли отчасти и географическія заблужденія. Лаперузъ въ 1783 году и Браутонъ въ 1793 г., вслѣдствіе недостаточно точнаго изслѣдованія, признали, что Японское море не имѣетъ сообщенія съ Охотскомъ и что Сахалинъ есть полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ посредствомъ низменнаго перешейка-отмели. На основаніи такихъ заключеній, подкрѣпленныхъ неудачной экспедиціей Гаврилова, всѣ дальнѣйшія попытки къ водворенію въ устьяхъ Амура, не смотря на настойчивость Муравьева, были оставлены вплоть до 1849 г., когда Невельской доказалъ, что Амурскій лиманъ весьма доступенъ.

Это открытіе напугало нашу дипломатію. Послѣ того, что императоръ Николай Павловичъ на докладѣ графа Нессельроде положилъ резолюцію: «весьма сожалѣю, вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить», и на настояніе Муравьева отвѣчалъ: «для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только одни лодки», послѣдовало новое распоряженіе ни подъ какимъ видомъ не касаться лимана р. Амура.

Только новое занятіе Невельскимъ Амура и новая поддержка Муравьева измѣнили взглядъ правительства. Государь нашелъ поступокъ Невельского молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ и о предположеніи упразднить Николаевскій постъ, сказалъ: «гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не дол-

женъ». 15-го февраля 1851 г. правительствующій сенатъ увѣдомилъ китайское правительство о предположеніи нашемъ имѣть наблюденіе за устьемъ р. Амура.

Пріобрѣтеніе Амура, кромѣ увеличенія территоріи, всегда лестнаго для народнаго самолюбія, имѣло особенное значеніе еще и потому, что случилось послѣ военнаго и дипломатическаго пораженія нашего въ крымскую войну. Равнымъ образомъ, оно пріобрѣтало важность оттого, что Россія становилась прочною ногою на Тихомъ океанѣ и обходила, такъ сказать, съ тылу Англію, старавшуюся запереть насъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почему Муравьевъ справедливо получилъ, по заключеніи Айгунскаго трактата, право присоединить къ своему имени титулъ графа Амурскаго.

Еще ранѣе, пользуясь открытіемъ по Нанкинскому договору морскихъ портовъ Китая, Россія постепенно добилась отъ Китая цѣлаго ряда уступокъ въ торговлѣ. Эти уступки выразились: въ заключенномъ въ 1851 году Ковалевскимъ Кульджинскомъ договорѣ, открывшемъ намъ рынки въ Кульджѣ и въ Чугучакѣ и облегчившемъ сношенія съ Западнымъ Китаемъ, возникшія еще въ концѣ XVIII столѣтія; въ 1858 году въ Айгунскомъ договорѣ, заключенномъ графомъ Путятинымъ было намъ даровано право свободной торговли по Амуру, Уссури и Сунгари; въ томъ же году, въ Тянь-цзинскомъ, были уничтожены всѣ ограниченія по торговлѣ въ Маймачинѣ, а въ дополнительномъ Пекинскомъ договорѣ, въ 1860 году, графъ Игнатьевъ, оказывая доброжелательное посредничество между Китаемъ съ одной стороны, Англіей и Франціей съ другой, достигъ того, что для нашей торговли въ Китаѣ были открыты всѣ рынки, уже открытые для Англіи и нѣкоторыхъ другихъ державъ. Договоръ расширилъ наши за-Амурскія владѣнія до границы Кореи; была открыта свободная, безпошлинная торговля по всей пограничной линіи отъ пункта слiянія рѣкъ Шилки и Аргуни, вплоть до границы Кореи; открыта намъ торговля въ Ургѣ и въ Калганѣ, обезпечено хожденіе нашихъ каравановъ въ Китай и получено право торговать въ Кашгарѣ. Потомъ, въ 1862 году, въ Пекинѣ были постановлены точныя правила о сухопутной торговлѣ съ Китаемъ въ Калганѣ. Въ 1869 году послѣднія получили еще большее развитіе.

Наше купечество поспѣшило воспользоваться предоставленными ему правами, чему содѣйствовали не столько еще открытіе доступа въ Китай, сколько допущеніе въ 1861 году привоза чая черезъ европейскую границу Россіи. Мѣра эта, принятая по настоянію гр. Блудова, въ свое время вызвала много жалобъ, но она была безусловно необходима. Для сокращенія контрабанды кяхтинскіе купцы неоднократно просили установить даже бандерольную продажу чая. Но русское правительство, много лѣтъ поддерживавшее Кяхту, не желало создавать въ ней вѣчную монополію для

обогащенія нѣскольких крупныхъ комерсантовъ, продававшихъ въ Китаѣ русскіе товары дешевле, чѣмъ они стоили въ Москвѣ, и наверстывавшихъ убытки съ потребителей въ Россіи.

Купцы, извлекавшіе изъ кяхтинской торговли огромные для себя барыши, не хотѣли оставить прибыльное для нихъ дѣло, и въ первый разъ, сбросивъ россійскую лѣнь и апатію, рѣшились послать своихъ приказчиковъ на внутренніе китайскіе рынки. Благодаря удачному выбору лицъ, опытъ удался. Хотя сбыть русскихъ товаровъ въ Китай не развился, а теперь почти окончательно упалъ, но закупка и приготовленіе чаевъ на мѣстѣ производства дали значительныя прибыли. Посланные приказчики образовали, по примѣру англичанъ, комиссіонные дома, которые и оперируютъ на денежныя средства, доставляемыя крупными чайными торговцами въ Москвѣ, Казани, Кунгурѣ, Иркутскѣ и Кяхтѣ, нажившимися на кяхтинской монополіи. Русскіе водворились сначала въ Калганѣ, Тянь-цзинѣ и Ханькоу, а въ послѣднее время распространили свои операціи и на Фучау и Цзюцзянь. Важнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ пунктовъ для нашей чайной торговли остается Ханькоу, гдѣ русскіе пріобрѣтаютъ большую часть черныхъ байховыхъ чаевъ, отправляемыхъ въ Россію, и лично приготовляютъ на собственныхъ фабрикахъ кирпичный чай, расходящійся въ Сибири и Восточной Россіи. Недавно еще русскіе имѣли заведенія внутри страны для приготовленія и байховыхъ чаевъ, но оставили это дѣло за невозможностью соперничать съ китайцами, поощряемыми тѣмъ, что съ русскихъ требовалась двойная пошлина, ибо китайское правительство находило учрежденіе русскихъ фабрикъ противнымъ трактатамъ. Кяхта естественно потеряла свое прежнее значеніе и сдѣлалась второстепеннымъ рынкомъ, поддерживаемымъ лишь крупною разницею въ пошлинахъ. Это дѣлается въ видахъ политическихъ для сохраненія связей съ Монголіей.

На такой переворотъ болѣе всего имѣло вліяніе пораженіе Китая англо-французами и труды Муравьева и Игнатьева. Скачковъ приписываетъ успѣхи и другимъ дипломатамъ. Заслуги ихъ, говоритъ онъ, еще болѣе опредѣлились бы, если бы разобрать находящіеся въ архивѣ пекинскаго министерства иностранныхъ дѣлъ документы. «Въ исторіи международныхъ сношеній документы эти несомнѣнно займутъ видное мѣсто и бросятъ свѣтъ на тѣ способы воздѣйствія на китайское правительство, какими руководствовались иностранныя державы для пріобрѣтенія правъ въ Китаѣ. Каждый шагъ въ Китаѣ взятъ съ бою, но бои бывали неоднородны. Англія дѣйствовала по преимуществу пушками; Россія исключительно дипломатіей... Всѣ пріобрѣтенія были нами сдѣланы вполнѣ миролюбиво. Не смотря на извѣстную настойчивость китайскаго правительства и крайнюю его скупость даже къ обѣщаніямъ, а тѣмъ болѣе къ уступкамъ, и не смотря на то, что наши представители никогда не находили ни сочувствія, ни содѣйствія, а, напротивъ, встрѣчали

противодѣйствія со стороны иноземныхъ представителей въ Китаѣ, мы умѣли ладить и хотя медленно, но удачно достигали желаемыхъ результатовъ»...

А переговоры, даже при болѣе или менѣе счастливомъ выборѣ дипломатовъ, были крайне тяжелы, при отличныхъ дипломатическихъ способностяхъ китайцевъ. Наши дипломаты не мало перепортили своей крови, чтобы переломить настойчивое упорство китайскихъ дипломатовъ. «Я не могу забыть, говоритъ Скачковъ, характеристическаго отвѣта, полученнаго въ Пекинѣ однимъ изъ европейскихъ дипломатовъ, добивавшимся для своихъ соотечественниковъ, торгующихъ въ Китаѣ, исполненія справедливаго требованія, въ какомъ китайскіе министры отказывали въ своихъ депешахъ. Онъ выразился, что при подобныхъ условіяхъ его соотечественникамъ невозможно и торговать въ Китаѣ. Министры отвѣтили: «да, правда; пусть бы они и не торговали у насъ».

Надобно имѣть въ виду, что Скачковъ говоритъ о дипломатахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, а о прежнихъ графъ Муравьевъ Амурскій не могъ хладнокровно и вспомнить, даже удалившись отъ дѣлъ. Письма же его содержатъ самые жестокіе упреки по адресу Нессельроде и его сотрудниковъ.

Отдавая въ настоящій моментъ рѣшительное предпочтеніе пути въ Китай черезъ Суэзскій каналъ, Россіи слѣдуетъ серьезно заняться изученіемъ и другихъ путей, по которымъ могутъ провозиться оттуда товары. Такихъ главныхъ путей четыре: чрезъ Западную Сибирь, которымъ и пользовались при Іоаннѣ Грозномъ; черезъ Монголію на Кяхту, то есть старый караванный путь; старинный караванный путь по окраинѣ Манчжуріи, о возобновленіи котораго хлопотали гг. Бутины, и амурскій путь. Въ послѣднее время явилась торговля Иркутской губерніи черезъ Тункинскій край.

Наше правительство хорошо понимало, что мы не должны довольствоваться правомъ торговли въ открытыхъ портахъ Китая, но что для сбыта русскихъ товаровъ необходимо искать и другихъ рынковъ и другихъ путей. Дѣйствительно, при сосѣдствѣ Россіи съ Китаемъ и при большей склонности нашего купечества къ сухопутной, чѣмъ къ морской торговлѣ, прямой путь влечетъ нашу торговлю не къ портамъ, а въ Китай Застѣнный, то есть Монголію, Манчжурію и къ китайскимъ степямъ въ Средней Азіи. Тутъ наши купцы могутъ также господствовать, какъ англичане съ ихъ коммерческимъ флотомъ господствуютъ въ портахъ Китая. Интересы этой сухопутной торговли не забыты ни въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ Китаемъ въ послѣднее время.

Такъ какъ въ морской торговлѣ мы были сравнены съ другими морскими державами, то естественно всѣ измѣненія въ ихъ договорахъ, или же частное дополненіе Китаемъ этихъ договоровъ касались и Россіи. Существенные вопросы, связанные съ морскою торговлею въ Китаѣ, были затронуты соглашеніемъ, по-

слѣдовавшимъ между великобританскимъ посланникомъ въ Пекинѣ Уедомъ и китайскимъ министромъ въ Чифу въ 1876 г. Но англійское правительство не утвердило постановленій чифуской конвенціи. Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ наиболѣе важными представлялись вопросы, касавшіеся вывоза мѣстныхъ произведеній изъ внутри страны въ открытые порты. Но съ осуществленіемъ предположеній объ открытіи для нашей сухопутной торговли пути въ западныя провинціи Китая вопросъ о внутреннихъ пошлинахъ на товары, ввозимые въ Собственный Китай, получилъ и для Россіи довольно большое значеніе.

Что касается вопросовъ о судопроизводствѣ и объ оффиціальныхъ сношеніяхъ, особенно же о сношеніяхъ консуловъ съ мѣстными властями, то въ нихъ мы настолько же заинтересованы, какъ и другія державы, и возможныя улучшенія въ этомъ отношеніи весьма для насъ желательны.

Послѣднее урегулированіе нашихъ торговыхъ отношеній къ Китаю произведено с.-петербургскимъ трактатомъ, заключеннымъ 12 февраля 1881 г. Гирсомъ и г. Бюцовымъ, и приложенными къ нему новыми правилами о производствѣ сухопутной торговли. Трактатъ этотъ происхожденія политическаго; онъ былъ заключенъ взамѣнъ не ратификованнаго китайскимъ правительствомъ ливадійскаго трактата 1879 г. За отказъ нашъ отъ обладанія Кульджинскимъ ханствомъ, занятымъ въ 1871 г., китайское правительство предоставило Россіи въ торговлѣ новыя права.

Петербургскій трактатъ надобно разсматривать какъ пораженіе нашей дипломатіи. Кульджа, равно какъ въ свое время и Зарявшанскій округъ, не были включены оффиціально въ предѣлы Россійской имперіи, но обѣ эти территоріи были нами пріобрѣтены по праву завоеванія, т. е. по самому солидному изъ всѣхъ правъ, если вѣрить лучшимъ авторитетамъ международнаго права. Признать Кульджу разъ навсегда русскою помѣшала извѣстная мнительность наша въ азіятской политикѣ. Мы и пожали плоды своей мнительности. Китайцы, весьма равнодушно относившіеся къ кульджинскому вопросу, пока весь восточный Туркестанъ ускользалъ, такъ сказать, изъ ихъ рукъ, разрушивъ, стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, бывшее созданіе Якубъ-бека, сдѣлали видъ, будто бы они никогда и не считали серьезнымъ занятіе русскими Кульджи. Мы, изволите ли видѣть, вошли въ Кульджу, какъ въ 1849 году въ Венгрію, только во имя легитимнаго принципа, чтобы эту мятежную область возвратить ея законному правительству.

Такое оригинальное воззрѣніе основывалось на недоразумѣніи, виною которому былъ нашъ посланникъ въ Пекинѣ г. Влангали, предложившій китайцамъ занять вновь Кульджу, при условіи, если китайскія силы окажутся достаточно многочисленными для поддержанія порядка въ краѣ. Но хотя этотъ, во всѣхъ другихъ

отношеніяхъ достойный дипломатъ, поплатился за свою ошибку мѣстомъ, все-таки мы имѣли достаточно времени убѣдить китайцевъ въ ихъ заблужденіи, не дожидаясь, пока ихъ армія подойдетъ къ нашимъ границамъ.

Эта армія испугала однако многихъ. «С.-Петербургс. Вѣдомости» пугливо высказывали опасеніе, что китайцы ворвутся въ беззащитную Сибирь и тогда горе намъ. Подобныя опасенія можно смѣло отнести къ разряду ребяческихъ. Китай казался долгое время очень сильнымъ только ради нашей мнительности. Въ XVII вѣкѣ горсть казаковъ не задумывалась воевать съ Китаемъ. Побѣды англичанъ въ 1840 году, англо-французовъ въ 1858 году и смѣлые дѣйствія Муравьева раскрыли глаза. Всѣ увидали, что Китай не страшнѣе тѣхъ размалеванныхъ декорацій, которыми прикрывалось его воинство.

Въ началѣ 80-хъ годовъ наступила реакція. Китайцы позавели нѣсколько броненосныхъ лодокъ и купили нѣкоторое количество скорострѣльныхъ ружей; эти продукты европейской цивилизаціи снова сдѣлали Китай страшнымъ въ глазахъ дипломатовъ. Едва ли, однако, сила и слабость государства мѣняются такъ быстро. Китайцы, какъ всѣ азіяты, довольно тонкіе дипломаты и отлично понимали, что войною съ Россіей, даже самой удачной, они ровно ничего не выиграютъ, много-много что разорятъ и безъ того пустынныя окраины, бывшія нѣкогда ихъ же владѣніями; наоборотъ, война ставила Китай въ прямую зависимость отъ англичанъ, опасаться которыхъ китайцы имѣли гораздо болѣе основанія, нежели Россія. Не только пораженіе Китая, но просто истощеніе его отъ войны было очень на руку «рыжимъ варварамъ», которые подбирались уже въ это время къ Китаю по кратчайшему направленію изъ Бирмы.

Но если намъ нечего было опасаться китайцевъ, то, быть можетъ, Кульджу благоразумнѣе было возвратить только ради того, что Россія уже и такъ «велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Къ чему же набирать новыхъ территорій, когда прежнія, а особенно въ Средней Азіи, далеко-де не устроены. И этотъ аргументъ нашихъ дипломатовъ не выдерживалъ критики.

Положеніе Россіи въ Средней Азіи, какъ я говорилъ выше, было крайне непрочно, пока наши отряды разгуливали по степи, таща за собою продовольствіе. Обручевъ первый понялъ, что Россія будетъ сильна только, когда станетъ твердою ногою тамъ, гдѣ возможно постоянное поселеніе. Эту мысль привелъ въ исполненіе Черняевъ, опять-таки вопреки дипломатической премудрости, наказывавшей казаковъ за самовольный переходъ черезъ границу киргизскихъ степей, точно это граница Бельгіи или Голландіи! При всемъ томъ, отношеніе территоріи дикой и степной къ территоріи удобной для прочнаго заселенія было крайне невыгодно въ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи и могло измѣниться развѣ,

когда заселятся Призайсанскій и Прииліискій край. Тутъ-то и получала большое значеніе Кульджа. Это небольшое ханство, помимо его важнаго стратегическаго значенія, представляло прекрасный и довольно уже населенный оазисъ съ плодородною почвою и богатою подпочвою. Средняя Азія бѣдна хлѣбомъ и топливомъ, а Кульджинское ханство богато пшеницею и каменнымъ углемъ, т. е. именно тѣмъ, чего намъ недоставало въ Туркестанѣ. Оно уже заселялось казаками и переселенцами.

Отдать, слѣдовательно, добровольно такой лакомый кусокъ китайцамъ, права которыхъ на Кульджу были потеряны и равносильны правамъ Испаніи на Голландію, Англіи на Соединенные Штаты и Турціи на Греческое королевство, очевидно не слѣдовало. Мобилизируй мы свои войска, когда китайцы еще побѣждали мусульманское возстаніе и разрушали эфемерное Кашгарское ханство, и выкажи болѣе твердости, можетъ быть вопросъ былъ бы рѣшенъ иначе, но опасенія новыхъ осложненій восточнаго вопроса заставили насъ быть уступчивѣе и Чунъ-хоу заключилъ въ Ливадіи трактатъ, по которому, за крупное денежное вознагражде ніе, мы соглашались возвратить Китаю обратно лучшую половину Кульджи.

Уступчивость опасна въ восточной политикѣ. Получивъ половину и имѣя свою армію уже, такъ сказать, у нашихъ границъ, китайцы рѣшили попробовать получить и вторую половину Кульджи. Они отказались ратификовать Ливадійскій трактатъ и посадили Чунъ-хоу, якобы превзошедшаго свои полномочія, въ тюрьму Россія рѣшилась тогда попробовать военную демонстрацію противъ Китая. Въ началѣ 1880 г., подъ начальствомъ адмирала Лесовскаго, была послана въ Тихій океанъ большая эскадра, сосредоточившаяся въ японскихъ водахъ, а часть войскъ туркестанскаго и западно-сибирскаго округовъ была мобилизирована. Посланы были также войска и боевые припасы въ Приморскую область Восточной Сибири.

Демонстрація стоила намъ болѣе десяти милліоновъ рублей, но не запугала китайцевъ. Они медлили отвѣтомъ, желая какъ бы убѣдиться, дѣйствительно ли Россія хочетъ воевать. Финансовыя затрудненія заставили наше правительство взвѣсить, стоило ли вести дорогую войну въ отдаленныхъ мѣстностяхъ изъ-за ханства, которое хотя и очень лакомый кусокъ, но все-таки не покрывало своею цѣнностью расходовъ войны. Эти экономическія соображенія особенно настойчиво проводилъ бывшій министръ финансовъ Абаза. Они взяли верхъ надъ политическими, и мы согласились возвратить Кульджу почти цѣликомъ. Это и составило предметъ договора, заключеннаго въ С.-Петербургѣ маркизомъ Цзенгомъ.

Наши дипломаты утѣшали себя тѣмъ, что Кульджа рано или поздно должна быть наша, такъ какъ владычество китайцевъ среди мусульманскаго населенія восточнаго Туркестана весьма шатко. А

разъ китайцы будутъ изгнаны, кульджинскій край снова-де подпадетъ подъ русское владычество. Конечно, утрата Кульджи, при обширности нашихъ азіятскихъ владѣній, не Богъ-вѣсть какая потеря. Все-таки нельзя не пожалѣть, что у насъ не нашлось тогда искуснаго и рѣшительнаго дипломата.

Хотя снаряженіе эскадры Лесовскаго обошлось довольно дорого, при извѣстномъ стремленіи нашихъ моряковъ чиниться и ремонтироваться по возможности въ каждомъ встрѣчномъ портѣ, но расходы на нее въ сущности были производительными. Значительная эскадра поддержала достоинство русскаго флага въ такихъ водахъ, гдѣ привыкли видѣть только довольно курьезные образчики русскаго флота*). А дѣло доходило до того, что изъ Владивостока отправлялась въ крейсерство подъ адмиральскимъ флагомъ «эскадра», состоявшая изъ одного судна, да еще такой величины, что адмиралъ жилъ въ одной каютѣ съ капитаномъ!

Изъ эскадры часть судовъ оставлена была для пополненія сибирской флотиліи, гдѣ не было даже транспортовъ. Случалось, что, совершая какія-нибудь перевозки, транспортныя суда перегружались по крайней необходимости такъ, что подвергали опасности жизнь сотни людей. Между тѣмъ суда для сибирской флотиліи должны быть не бракъ отъ другихъ флотовъ, а суда отличнаго качества, вслѣдствіе трудности плаванія, въ особенности въ Татарскомъ проливѣ изъ-за тумановъ и льдовъ.

Замѣчательно, что содержаніе трактата, при всей его для насъ невыгодности, произвело большое волненіе между англичанами, а лондонская торговая палата обратились даже, въ январѣ 1882 г., къ министру иностранныхъ дѣлъ лорду Гренвилю съ протестомъ. Нѣтъ надобности останавливаться надъ разборомъ этого страннаго домогательства, такъ ярко выставлявшаго всю дерзкую притязательность ненасытной англійской натуры. Въ льготѣ, выговоренной нашимъ договоромъ съ Китаемъ, англичане напрасно видѣли умаленіе своихъ правъ какъ благопріятствуемой націи. Эта льгота касалась не лицъ, а торговаго пути—столь же свободнаго для англійскихъ подданныхъ, какъ и для русскихъ.

Не взирая на С.-Петербургскій трактатъ и отдачу Кульджи, Китай, гдѣ въ началѣ 80-хъ годовъ англичане пріобрѣли весьма прочное положеніе и гдѣ усилилось также нѣмецкое вліяніе, продолжалъ вооружаться: неизвѣстно только противъ кого. Объясняли.

*) Я посѣтилъ въ 1880 г. въ Амоѣ «Моржъ» — одинъ изъ главныхъ дѣятелей сибирской флотиліи; онъ то-и-дѣло что ходилъ въ Америку, Японію, Китай; по его качествамъ можно было судить о достоинствѣ остальныхъ. Это была старая канонерка, построенная двадцать лѣтъ назадъ, подъ парами могущая идти очень небольшое число миль и то исключительно въ тихую погоду. Служба на суднѣ была чистымъ мученіемъ. При малѣйшемъ вѣтрѣ его такъ качало, что не хватало дѣленій на кренометрѣ и стрѣлка колотила по футляру, при этомъ вода заливала жилыя помѣщенія на поларшина. Въ жаркіе дни температура въ машинѣ подымалась до 52° по Реомюру! Изъ орудій, полагавшихся по штату, судно носило половину, потому что отъ выстрѣловъ непремѣнно расшатались бы его связи.

что это на случай войны съ Японіей, съ которою не былъ оконченъ споръ за острова Ліу-кіу; серьезнѣе было предположеніе, что вооруженія вызывались предосторожностью относительно Кореи. Китай не хотѣлъ допустить ради своей безопасности, чтобы кто-либо другой не только овладѣлъ ею, но и получилъ въ ней преобладающее вліяніе. Вооруженія могли быть направлены и противъ насъ.

Здѣсь для нашей дипломатіи было двойное поприще для бдительнаго вниманія. С.-Петербургскій трактатъ не окончилъ съ Китаемъ множества спорныхъ вопросовъ. До сихъ поръ, напримѣръ, въ русскихъ владѣніяхъ, въ Амурской и Приморской областяхъ живетъ много китайцевъ, которые по Айгунскому трактату должны подчиняться китайскимъ властямъ. Одна эта двойственность могла породить каждую минуту столкновеніе. Между тѣмъ ходили слухи, что, намѣреваясь перевооружить свою армію, китайское правительство остановило выборъ на нашихъ берданкахъ и охотно будто бы вошло бы въ сношенія съ русскими оружейными и патронными заводами. Для китайской арміи требовалось не менѣе 3.000,000 винтовокъ и пятилѣтній запасъ патроновъ; весь такой заказъ составлялъ 126 милліоновъ руб. Но было подозрительно, чтобы Россія, которая для перевооруженія своей арміи и своего флота постоянно обращалась заграницу, сдѣлалась вдругъ поставщицей оружія для другихъ государствъ. Къ тому же намъ, при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ не было разсчета помогать китайцамъ перевооружать свою армію и обращать Небесную имперію въ сильную военную монархію.

Соединеннымъ Штатамъ, Бельгіи, Германіи довольно безразлично, будетъ ли Китай имѣть хорошую армію или нѣтъ. Совсѣмъ не то для Россіи. Тысячеверстная граница наша съ Китаемъ вѣка охранялась ничтожною горстью войскъ и до кульджинскаго столкновенія всегда Небесная имперія опасалась Россіи, Россія же вовсе не думала о защитѣ своихъ границъ противъ Китая. Обстоятельства перемѣнятся, когда у послѣдняго явится армія въ двѣсти, триста тысячъ или милліонъ солдатъ, хорошо вооруженныхъ. Тогда нельзя будетъ границу отъ Вѣрнаго до Владивостока оберегать двумя, тремя десятками линейныхъ батальоновъ и нѣсколькими полевыми орудіями. А постоянное содержаніе большой военной силы на границахъ Китая въ одинъ годъ потребуетъ болѣе денегъ, чѣмъ мы отъ китайцевъ могли получить за винтовки въ пять лѣтъ.

При томъ это былъ моментъ столкновенія Китая съ Франціей, гдѣ всѣ наши симпатіи должны были быть на сторонѣ Франціи, если дальновидность, а не сантиментальность считать присущею нашей политикѣ. Какъ мы воспользовались для расширенія нашихъ границъ на Амурѣ и упроченія торговыхъ связей внутри Китая пораженіемъ Небесной имперіи, нанесеннымъ англичанами и французами, такъ и въ данномъ случаѣ мы выигрывали бы,

если бы Тонкинъ и Формоза остались навсегда во французскихъ рукахъ. Успѣхи китайцевъ, наоборотъ, отозвались бы совсѣмъ иначе. Они сдѣлали бы китайцевъ еще самоувѣреннѣе, требовательнѣе и наглѣе, а предлоговъ для столкновеній съ нами имъ было не искать стать, и на Или, и по верховьямъ Уса и Енисея, и на Уссури происходили у насъ съ китайцами ежедневныя мелкія недоразумѣнія.

Такимъ образомъ, Россіи давать Китаю въ руки хорошее оружіе было не логично. У лицъ, предложившихъ взять китайскій заказъ, былъ, вѣроятно, въ виду маккіавелевскій планъ. Зная, что китайцы за деньги, если пожелаютъ, все-таки пріобрѣтутъ необходимое имъ усовершенствованное оружіе, у насъ думали, что заказъ таковаго на русскихъ казенныхъ заводахъ еще одно изъ лучшихъ средствъ для того, чтобы китайцы не скоро увидали необходимыя имъ берданки. На казенныхъ заводахъ дѣло ведется всегда спустя рукава, механически и рутинно, канцеляризмъ замѣняетъ технику, масса контролеровъ и никакого надзора, каждая вещь обходится втрое дороже и не имѣется никакихъ средствъ усчитать это, никто не хозяинъ, никто ни за что не отвѣчаетъ и никто ни въ чемъ не заинтересованъ. На такомъ заводѣ, понятно, каждый заказъ рискуетъ быть исполненнымъ десять лѣтъ позже. чѣмъ ожидается.

Война Франціи съ Китаемъ дѣйствительно раскрыла неготовность послѣдняго къ серьезной войнѣ. Впрочемъ сначала дѣйствія французовъ были не совсѣмъ удачны, но эти первыя неудачи въ Тонкинѣ задѣли за живое самолюбіе французовъ и, несмотря на предостереженіе ультра-радикальныхъ газетъ, въ родѣ «Intransigeant», утверждавшихъ, что тонкинское предпріятіе было выдумано ради наживы нѣсколькихъ концессіонеровъ - мошенниковъ, французское правительство рѣшилось занять въ Индо-Китаѣ прочную позицію. Французы не скрыли отъ себя, что, впутываясь въ тонкинское предпріятіе, они неизбѣжно приходили въ столкновеніе съ Китаемъ.

У китайскаго правительства всегда были одинъ страхъ и одна цѣль — это не имѣть пограничными сосѣдями европейскихъ державъ. Отъ Остъ-Индіи Китай былъ отдѣленъ недоступнымъ Тибетомъ; но въ случаѣ занятія Франціей Аннама, она являлась сосѣдомъ Юнанской провинціи, гдѣ незадолго съ трудомъ было усмирено весьма серьезное возстаніе. Вотъ почему Китай и хлопоталъ, чтобы была нейтральная полоса между владѣніемъ Франціи въ Тонкинѣ и китайскою границей, предоставляя остальную часть Тонкина Франціи и соглашаясь даже на плаваніе по всей Красной рѣкѣ до самой китайской границы.

Французы на это возражали, что мнительность китайцевъ непонятна, ибо Китай граничитъ уже съ Россіей на протяженіи восьми тысячъ верстъ; но это сравненіе не убѣждало китайцевъ,

потому что наши границы подходятъ только къ пустыннымъ Застѣннымъ областямъ Китая, на которыя послѣднiй смотритъ почти какъ на вассальныя владѣнiя, придавая имъ лишь второстепенное значенiе.

Китайцы опасались, что французы положатъ начало захватовъ. Если французовъ китайцамъ опасаться было нечего, ибо Францiя, и овладѣвъ всѣмъ Аннамомъ, не имѣя колонистовъ-эмигрантовъ и торговаго флота, не въ состоянiи была занять тамъ прочнаго положенiя, то дѣла Аннама и Тонкина могли вызвать вмѣшательство Англiи, съ которою китайцамъ дѣло вести будетъ уже не такъ удобно, особенно если англичане внѣдрятся гдѣ либо въ китайскую территорiю.

Съ нашей точки зрѣнiя индо-китайскiя прiобрѣтенiя Францiи, повторяю, выгодны. Въ торговомъ отношенiи Францiя для Россiи, особенно на дальнемъ Востокѣ, вовсе не соперница, а затѣмъ отвлеченiе вниманiя китайскаго правительства было весьма Россiи на руку. Китай прiобрѣталъ новаго противника и мы должны были воспользоваться этимъ, чтобы искусною политикою поднять нашъ авторитетъ въ Пекинѣ.

Не взирая на затрудненiя съ Францiей и отчасти съ Японiей, правительство юнаго богдыхана предъявляло тогда къ Россiи совершенно безсмысленныя требованiя. Дѣло шло чуть не о возвратѣ китайцамъ залива Посьета, составляющаго самую южную часть нашей Приморской области, въ которой находится нѣсколько русскихъ поселенiй, между прочимъ, Новый Кiевъ и постъ Новгородскiй.

Очень мало замерзающiй зимою и какъ пунктъ ближайшiй къ нашей границѣ съ Кореею и Китаемъ, заливъ Посьетъ имѣетъ весьма важное значенiе въ будущемъ. Значительные города: китайскiй — Хунъ-чунъ и корейскiй — Бянъ-лянь-дзи-ченъ лежатъ лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ. Кромѣ того, отсюда, именно изъ деревни Ханцы, идетъ во внутрь Манчжурiи дорога, по которой провозятся значительные грузы морской капусты, трепанговъ, рыбы. Безъ всякаго сомнѣнiя, когда расширятся торговыя сношенiя съ Манчжурiей и Кореей, еще большая часть произведенiй послѣднихъ пойдетъ черезъ заливъ Посьета, такъ какъ населенныя мѣста Манчжурiи находятся къ нему ближе, чѣмъ къ другимъ гаванямъ; про близость къ Кореѣ и говорить нечего. Отъ поста Новгородскаго до Санъ-Сина около 450 верстъ, Нингуты 250, а до Гирина 350 верстъ.

Но эти-то достоинства залива Посьета и обратили на себя вниманiе китайцевъ, совершенно измѣнившихъ за двадцать лѣтъ свои взгляды на значенiе портовъ и иностранной торговли. Въ прежнее время, когда Китай жилъ замкнутою жизнью, онъ интересовался портами лишь настолько, насколько они служили средствами каботажнаго сообщенiя для мѣстной прибрежной торговли.

Поэтому-то Китай такъ легко уступилъ намъ многочисленные порты южно-уссурійскаго края. Край этотъ былъ почти пустынный и китайцы не соображали, что современемъ, при заселеніи Манчжуріи, эти порты сдѣлаются очень важными для послѣдней, ибо черезъ нихъ пойдетъ въ значительной степени торговля привозная и отпускная. Манчжурія можетъ, конечно, отправлять свои товары и по Сунгари, но такъ какъ послѣдняя впадаетъ въ Амуръ, то и этотъ путь находится въ рукахъ русскихъ.

По азіятскому обычаю китайцы искусно маскировали свои планы. Подъ видомъ обезпеченія голодавшаго въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ населенія, они перевели въ Манчжурію, гдѣ китайское населеніе и безъ того въ нѣсколько разъ превосходитъ манчжурское, десятки тысячъ колонистовъ, а затѣмъ мало-по-малу въ важнѣйшихъ городахъ Манчжуріи сосредоточили войска и возвели укрѣпленія. Укрѣпившись такимъ образомъ, китайцы заговорили съ нашими пограничными властями другимъ тономъ. Они даже дѣлали открытыя нападенія на русскую территорію, приписывая эти нападенія шайкамъ хунхузовъ, бродячихъ китайцевъ изъ того населенія, котораго положеніе осталось неопредѣленнымъ по Айгунскому договору и которое осталось въ предѣлахъ нашей Приморской области, сохраняя до времени номинально подданство Китаю. Хунхузы играли роль «черныхъ флаговъ» во французскомъ Тонкинѣ.

Намъ неизвѣстны въ точности ни требованія Китая, ни какого рода отвѣтъ былъ данъ на эти требованія со стороны правительства, но мы совершенно убѣждены, что они встрѣтили рѣшительный и категорическій отказъ, поддержанный постепеннымъ усиленіемъ нашихъ войскъ въ Приамурскомъ краѣ, составляющихъ нынѣ армію свыше 60,000 человѣкъ.

На дальнемъ Востокѣ, на территоріяхъ, раскинутыхъ на десяткахъ тысячъ верстъ, при слабомъ русскомъ населеніи и маломъ количествѣ регулярныхъ войскъ, владычество наше держалось престижемъ русскаго имени, тѣмъ обаяніемъ, которое оно пріобрѣло постоянными успѣхами въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ. По природѣ трусливые, китайцы при первой уступкѣ дѣлаются заносчивыми и дерзкими и, преувеличивая свои силы, доходятъ въ своемъ самомнѣніи до полнаго отрицанія опасности. Народъ тамъ весьма чутко слѣдитъ, кого изъ иностранцевъ ихъ правительство боится и кѣмъ пренебрегаетъ. Живя замкнуто, слѣпо вѣря своимъ властямъ, они привыкли считать Россію, которой богдыханъ дѣлалъ всегда уступки, самымъ могущественнымъ сосѣдомъ. Задача нашей политики и должна была состоять въ томъ, чтобы поддерживать это обаяніе русскаго имени въ Китаѣ. Только сохраняя его и укрѣпляя, могли мы продолжать спокойно пользоваться нашими дальними восточными окраинами, отрѣзывавшими Манчжурію отъ ея естественнаго исхода къ океану. Разъ мы сдѣлали бы новые

уступки, нашъ престижъ уничтожился бы и тогда удержаніе нашихъ окраинъ потребовало бы пожертвованій не десятковъ, а сотенъ милліоновъ рублей. Бояться же китайцевъ намъ было бы странно. Если горсти сибирскихъ казаковъ въ XVII вѣкѣ смѣло начинали борьбу съ арміями богдыхана, то, конечно, русская имперія имѣла болѣе средствъ для удачной войны и при всякаго рода осложненіяхъ и тайныхъ поддержкахъ Китая. Правда, Китай въ послѣднее время старался организовать свою армію на европейскій манеръ, но и у насъ подъ Нарвою была армія, организованная по-европейски, и одно это обстоятельство не дало еще ей побѣды. Тѣмъ не менѣе нельзя было отрицать, что наше положеніе на дальней восточной окраинѣ къ 80-мъ годамъ измѣнилось. Прошли времена, когда казакъ, помахивая нагайкой, заѣзжалъ въ китайскія владѣнія, а правительство богдыхана черезъ 30 лѣтъ писало протестъ, который поступалъ въ 1-й департаментъ правительствующаго сената и никогда не удостоивался отвѣта.

Китайская дипломатія очнулась и изъ чисто пассивнаго положенія перешла въ наступательное. Французы убѣдились въ этомъ въ Тонкинѣ, англичане въ Бирмѣ, Японія въ Ліу-кіу и Кореѣ. Отношенія къ Японіи въ особенности должны были интересовать насъ. Отношенія эти были давно крайне натянуты и по многимъ признакамъ слѣдовало ожидать, что между двумя великими державами дальняго Востока вспыхнетъ война. Въ былое время война между китайцами и японцами могла интересовать развѣ очень небольшое число спеціалистовъ или служить темою для оперетки, но теперь развитіе международныхъ сношеній тѣсно связало интересы почти всѣхъ европейскихъ державъ съ тѣмъ, что дѣлается въ Тихомъ океанѣ. Ближе всего заинтересованы тутъ, конечно, мы. Поэтому было важно, какъ отнесется къ разрыву Китая съ Японіей наша дипломатія. Она рѣшила, не вмѣшиваясь въ дѣло, свое моральное содѣйствіе оказывать скорѣе Китаю, нежели Японіи. Такой образъ дѣйствій нельзя не признать правильнымъ, хотя онъ и противорѣчилъ тому, что обыкновенно бываетъ въ Европѣ, гдѣ ближайшіе сосѣди, имѣя много предметовъ для споровъ и столкновеній, охотнѣе дружатся съ державами, лежащими отъ нихъ подалѣе.

Дѣйствительно, Китай хотя и сдѣлалъ намъ непріятности, но въ общемъ у насъ не было серьезныхъ поводовъ опасаться этой державы. Съ другой стороны, старинныя торговыя сношенія на протяженіи огромной границы заставляли цѣнить дружбу съ Китаемъ.

По своей консервативной политикѣ, Китай не представлялъ опасности для Россіи и въ будущемъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи къ намъ находилась Японія. Она, правда, уступила Россіи свои права на Сахалинъ, но взамѣнъ Курильскихъ острововъ. Цѣнность послѣднихъ хотя ничтожна, но на Востокѣ въ политикѣ важна послѣдовательность, а въ двѣсти лѣтъ число какихъ

либо территоріальныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Россіей, можетъ быть сосчитано по пальцамъ. Японія затѣмъ являлась государствомъ прогрессирующимъ. Этотъ прогрессъ отдалялъ отъ насъ Японію, сближалъ ее съ нашими противниками на Западѣ. Конечно, наша духовная миссія въ Токіо обратила въ православіе нѣсколько тысячъ человѣкъ, но что значило это ничтожное число, сравнительно съ сорока милліоннымъ населеніемъ Японскаго архипелага.

Японія имѣла уже армію, организованную по-европейски, и броненосный флотъ. Это такія созданія прогресса, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли быть пріятны намъ по близкому сосѣдству Японіи съ русскими владѣніями на Тихомъ океанѣ, которыя раскинуты на тысячи верстъ. Торговыя сношенія наши съ Японіей были совершенно ничтожны и ограничивались торговлею Нагасаки съ портами Приморской области Восточной Сибири. Но въ спорахъ Японіи съ Китаемъ мы должны были дѣйствовать осторожно, не нарушая ничьего самолюбія, главнымъ образомъ дипломатическимъ путемъ; было, однако, несомнѣнно, что сюда переносился центръ тяжести восточнаго вопроса. Та и другая комбинація зависѣла впредь отъ нашихъ политическихъ отношеній къ другимъ державамъ, очевидно, что и въ Пекинѣ, и въ Токіо и на Амурѣ мы должны были имѣть представителями весьма дальновидныхъ и ловкихъ государственныхъ людей.

Когда пораженіе Китая Японіей, о чемъ я говорю болѣе подробно въ XXVIII главѣ, выказало значительную слабость военной организаціи Небесной имперіи, наши дипломаты думали воспользоваться затрудненіями Китая и, по примѣру Англіи, принявшей сторону Японіи, приступить къ раздѣлу Китая. Но такая политика была бы для насъ крайне невыгодной, такъ какъ очевидно, что при раздѣлѣ намъ, по географическому нашему положенію, достались бы только Застѣнныя, сѣверныя, холодныя или пустынныя области, тогда какъ Англія, Франція и Японія воспользовались бы богатыми и населенными провинціями *). Нашъ политическій интересъ былъ не допускать такого невыгоднаго дѣлежа Китая и стараться только удержать его въ дружественной

*) Это не значитъ, впрочемъ, что намъ не слѣдуетъ добиваться обоюдовыгоднаго въ военномъ отношеніи исправленія и спрямленія границъ. Г. Флоринскій, спеціально изучившій этотъ вопросъ, находитъ, что пограничная черта Сибири съ Китаемъ должна была бы идти отъ восточныхъ склоновъ Алатау, со включеніемъ въ наши предѣлы долины Чугучака и всего Чернаго Иртыша, на р. Урунгу, огибая весь Малый Алтай и направляясь далѣе на Улясутай и на верховья р. Орхона, или по крайней мѣрѣ Селенги. Въ Забайкальской области граница могла бы остаться прежняя, за исключеніемъ нижняго теченія Аргуни и верхняго теченія Амура до Благовѣщенска, гдѣ китайскія владѣнія слишкомъ вдаются на сѣверъ въ русскую территорію, стѣсняя доступъ въ Амурскую область. Для удобства пользованія Амуромъ на этомъ протяженіи, было бы значительно выгоднѣе отодвинуть границу на этомъ участкѣ болѣе на югъ, по одному изъ хребтовъ Дауріи, въ направленіи отъ Цурухайту на Благовѣщенскъ. Наконецъ, на самомъ востокѣ, уссурійская граница могла бы быть передвинута отъ оз. Ханка прямо на Сунгари, ниже города Санъ-Синъ, и вдоль по этой рѣкѣ до Амура.

ависимости. Этотъ взглядъ восторжествовалъ и привелъ къ совмѣ-стному дипломатическому воздѣйствію на Японію, увѣнчавшемуся олнымъ успѣхомъ.

Россіи, несомнѣнно, принадлежитъ честь сохраненія мира на альнемъ Востокѣ; она не только предупредила дальнѣйшія осложенія, но и оказала существенную помощь Китаю, въ особенноти, когда, послѣ заключенія мира, возникъ вопросъ объ уплатѣ поніи военнаго вознагражденія. Лѣтомъ 1895 г. Китаемъ заклюэнъ былъ, съ гарантіею Россіи, заемъ въ 100 милл. руб. на весьма лагопріятныхъ для Китая условіяхъ, послѣ котораго второй заемъ а заграничныхъ биржахъ съ той же цѣлью не встрѣтилъ уже икакихъ затрудненій.

Японско-китайская война имѣла огромныя послѣдствія не только ля Китая, Японіи и Кореи, но и для европейскихъ державъ. ранцузское правительство, принявшее такое участіе въ поддерканіи требованій Россіи и въ оказаніи Китаю финансовой помощи, оспользовалось этимъ, чтобы добиться отъ Китая улаженія нѣкоорыхъ политическихъ вопросовъ. Франціи уступлена была терриорія къ востоку отъ Меконга, а для французскихъ товаровъ уменьены ввозныя и внутреннія пошлины. Французы выговорили, кромѣ ого, право на соединеніе своихъ желѣзныхъ дорогъ съ китайскими ь провинціяхъ Юнанъ, Гуанси и Гуандунъ. Для французской торовли были открыты нѣкоторые города и предоставлена свобода плаанія по р. Меконгу. Хотя Германія не получила столь видимыхъ реимуществъ, какъ Франція, но выгоды, которыя она извлекаетъ зъ новаго положенія вещей, въ видѣ заказовъ и проч., знаительны, не считая косвенной выгоды отъ политическаго сближеія съ Франціей.

Россія, конечно, имѣла право на вознагражденіе, соотвѣтствоавшее ея огромнымъ услугамъ. Вскорѣ по заключенію мира пошли тухи о тайномъ русско-китайскомъ договорѣ; слухи эти вновь озникли осенью прошлаго года. Англійскія газеты напечатали даже екстъ конвенціи изъ 12 статей, составленный на языкахъ: китайкомъ, русскомъ и французскомъ, при чемъ послѣдній долженъ иѣть рѣшающее значеніе въ случаѣ разногласій. Договоръ подпианъ, будто бы, членами китайскаго военнаго министерства и русимъ посланникомъ въ Пекинѣ графомъ Кассини. Главнѣйшія атьи договора состоятъ въ томъ, что сибирская желѣзная дорога ожетъ быть продолжена по китайской территоріи изъ Владивоока по манчжурской провинціи и отъ одной изъ промежуточныхъ анцій названнаго рельсоваго пути до китайской провинціи Хеунгъ-Цзянгъ, а оттуда до провинціи Гиринъ. Если Китай не поелаетъ строить желѣзной дороги отъ Шанхай-Куана въ Мукденъ въ главный городъ Гирина, то предоставитъ Россіи право приэсти въ исполненіе этотъ проектъ, сохраняя, однако, за собою право ыкупа пути по истеченіи десяти лѣтъ со дня его сооруженія. Строю-

щіяся линіи будутъ управляемы и эксплоатируемы на основаніи русскихъ желѣзнодорожныхъ законовъ. По всему протяженію линій русскимъ предоставляется право располагать свои войска на тѣхъ пунктахъ, гдѣ туземное содѣйствіе не окажется достаточно дѣйствительнымъ. Намъ разрѣшается заниматься эксплоатаціею горныхъ богатствъ въ провинціяхъ Хелунгъ-Цзянгъ и Гиринъ. Въ трехъ восточныхъ провинціяхъ дѣло преобразованія китайской арміи будетъ поручено русскимъ инструкторамъ. Россіи предоставляется также право взять въ аренду на пятнадцатилѣтній срокъ портъ Кіао-Дзеу (Шанъ-Тунгъ), но не занимать этого порта военными силами, если не существуетъ опасности войны. По истеченіи упомянутаго срока, Китай выкупитъ всѣ оборонительныя сооруженія, сдѣланныя въ Кіао-Дзеу Россіей. Россія поможетъ Китаю привести въ исправность порты Ліао-Тунга (Портъ-Артуръ и Таліенванъ) и въ случаѣ, если Россія будетъ вовлечена въ войну, ей предоставляется право сосредоточить въ этихъ портахъ свои военныя силы.

Англійскія газеты дали вѣру этимъ слухамъ и пришли въ крайнее возбужденіе, особенно «Daily Chronicle», считавшаяся руссофильской. «Westminster Gazette» замѣтила: «Враждебность, которую англичане проявляютъ по поводу каждаго слуха о какомъ-нибудь дѣйствіи Россіи въ области внѣшней политики, вполнѣ достаточно объясняетъ недовѣріе, существующее въ Россіи къ политикѣ Англіи». «Times» съ своей стороны говорилъ: «На дальнемъ Востокѣ достаточно мѣста для обѣихъ державъ, но, въ виду предстоящихъ въ близкомъ будущемъ перемѣнъ, Англія обязана усилить свое положеніе. Съ договорами или безъ нихъ, Россія неизбѣжно будетъ проникать на востокъ къ океану и тянуться къ югу. Фактъ этотъ Англія должна признать. Если интересы Англіи будутъ непосредственно затронуты, она, въ случаѣ необходимости, возьмется за оружіе и окажетъ противодѣйствіе. До того же времени Англія поступитъ правильно, если займется собственными дѣлами». Другого отношенія для Россіи отъ англичанъ и не требуется.

Если слухъ о трактатѣ справедливъ, то онъ Манчжурію, по крайней мѣрѣ сѣверную, ставитъ въ отношеніе Россіи, какъ стоятъ Боснія и Герцеговина въ отношеніи къ Австро-Венгріи, съ тою разницею, что вмѣсто назначенія чиновниковъ мы имѣли бы только право протеста. До сихъ поръ, однако, подтвердилась лишь часть слуха, а именно распубликованъ 27 августа 1896 г. договоръ китайскаго правительства съ русско-китайскимъ банкомъ, учрежденнымъ для усиленія нашихъ торговыхъ и финансовыхъ связей, объ образованіи общества на срокъ 80 лѣтъ для сооруженія и эксплоатаціи желѣзной дороги отъ одного изъ пунктовъ на западной границѣ Фей-Лунъ-Цзянской провинціи (смежной съ нашимъ Забайкальемъ) до одного изъ пунктовъ на восточной границѣ Зирлиской провинціи (смежной съ Амурской областью) и для соединенія этой дороги съ тѣми вѣтвями, которыя русское правительство по-

строить къ китайской границѣ отъ забайкальской и южно-уссурійской дорогъ. Такъ какъ восточная китайская дорога будетъ имѣть, въ силу состоявшагося съ Китаемъ соглашенія, русскую колею, общія станціи и въ полномъ составѣ пропускать поѣзда Сибирской дороги,—то, очевидно, восточно-китайская дорога является лишь промежуточнымъ звеномъ Сибирской дороги Челябинскъ-Владивостокъ, въ обходъ громаднаго изгиба по теченію Амура.

Предпріятіе дороги осуществится въ теченіе шести лѣтъ обществомъ, въ которомъ членами могутъ быть лишь русскіе и китайскіе подданные. Акціонерному капиталу отводится скромная роль, судя потому, что размѣръ его ограниченъ 5 милл. р. кред., да вдобавокъ капиталу не дается и правительственной гарантіи, тогда какъ облигаціонный капиталъ сполна гарантируется Россіею, которой предоставляется право оставить этотъ капиталъ по соглашенной цѣнѣ за собою и выдавать обществу наличныя деньги на постройку. Вообще же финансовыя условія дороги опредѣлены такимъ образомъ, что хозяиномъ ея будетъ русское министерство финансовъ. Нашъ министръ финансовъ утверждаетъ избираемаго обществомъ вице-предсѣдателя правленія, который de facto будетъ главною распорядительною властью. Предсѣдатель же въ правленіи имѣетъ особое назначеніе. Онъ назначается китайскимъ правительствомъ и является какъ бы дипломатическимъ представителемъ китайскаго правительства, имѣя на своей обязанности наблюденіе за исполненіемъ обществомъ его обязательствъ передъ китайскимъ правительствомъ.

Права, дарованныя обществу китайскимъ правительствомъ, весьма существенны. Обществу предоставлено разработывать угольныя копи и эксплоатировать горныя, промышленныя и торговыя предпріятія. Багажъ и товары, перевозимые транзитомъ, освобождаются отъ китайскихъ налоговъ, равно какъ и почта, телеграфъ и проч. Затѣмъ товары, ввозимые изъ Россіи въ Китай и обратно по желѣзной дорогѣ, получаютъ льготы въ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинахъ, а именно пошлины для нихъ уменьшаются на треть по сравненію съ пошлинами, взимаемыми въ китайскихъ морскихъ портахъ. Для товаровъ, назначаемыхъ къ отправкѣ внутрь Китая, транзитная пошлина установлена въ размѣрѣ половины взысканной съ нихъ ввозной пошлины, а засимъ отъ всѣхъ внутреннихъ—заставныхъ и т. д. пошлинъ эти товары освобождаются. Наконецъ, обществу предоставляется имѣть своихъ агентовъ полицейскаго надзора для охраненія порядка на отведенной подъ желѣзную дорогу и ея принадлежностей землѣ. Число этихъ агентовъ въ виду небезопасности страны и обширности ея будетъ, конечно, быстро увеличиваться и понадобится, вѣроятно, не менѣе цѣлой дивизіи.

Кромѣ разрѣшенія дороги подтверждается, что Китай предоставилъ намъ устроить склады угля и вообще устроиться со своимъ морскимъ хозяйствомъ въ Кіао-Дзеу, или другомъ какомъ портѣ

на Ліао-тунгскомъ полуостровѣ, съ цѣлью замѣнить неудобную отнынѣ въ политическомъ отношеніи стоянку въ Нагасаки нашей тихо-океанской эскадрѣ, которая по числу судовъ равняется нынѣ англійской тамъ эскадрѣ. Но это не очень улыбается нашимъ морякамъ, для которыхъ Нагасаки своего рода Капуя. Очень можетъ быть, что мы, по примѣру другихъ государствъ, не откажемъ дать Китаю, съ которымъ теперь у насъ наилучшія отношенія, инструкторовъ для арміи, хотя, повторяю, спѣшить усиливать военную силу Небесной Имперіи для насъ не совсѣмъ выгодно.

Восточно-китайская дорога встрѣтила уже возраженія въ нашей печати. Г. Васильевъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» находитъ, что выгоднѣе было бы вести линію въ Удскій островъ на Охотскомъ морѣ и заселить тундру! Подобное дикое предложеніе не заслуживаетъ вниманія. Болѣе практическіе американцы оцѣнили лучше значеніе новой дороги. Опираясь на нее, они хотятъ создать новый міровой торговый путь, который вступитъ въ соперничество съ нынѣшнимъ остъ-индскимъ, черезъ Суэзскій каналъ. Для этого нѣсколько чикагскихъ милліонеровъ думаютъ поставить на проектируемую изъ Санъ-Франциско линію, на первое время, 4 первоклассныхъ парохода со скоростью въ 20 узловъ въ часъ. Кромѣ пароходныхъ сообщеній Манчжурія заслуживаетъ вниманія и съ точки зрѣнія горной промышленности. Она очень богата золотомъ и извѣстно, что лѣтъ 10—15 тому назадъ наши хищники образовали тамъ цѣлую республику на р. Желтугѣ для добычи золота. Китайцы съ трудомъ выжили ихъ оттуда пославъ отрядъ войскъ и казнивъ сопротивлявшихся.

Для насъ не лишено значенія и быстрое заселеніе Манчжуріи, которое, впрочемъ, не имѣетъ правильной организаціи. Сюда идутъ обезземелившіеся бѣдняки, идутъ они въ одиночку или семьями, большею частію пѣшкомъ, пропитаніе себѣ добывая батрачествомъ. Это народъ самый мирный и неспособный къ нарушенію пограничнаго спокойствія. Но съ возрастаніемъ въ Манчжуріи земледѣльческаго населенія, возрастаетъ въ немъ и производительность жизненныхъ продуктовъ, которые современемъ будутъ служить обезпеченіемъ въ продовольствіи нашей арміи. Это касается Манчжуріи, прилегающей къ нашимъ южно-уссурійскимъ владѣніямъ, такъ какъ Манчжурія амурская и сѣверно-сунгарійская уже теперь способна прокормить сто-тысячную армію.

На восточно-китайской дорогѣ постройка рельсовыхъ линій, вѣроятно, не остановится. Въ pendant къ линіямъ, которыя англичане и французы проектируютъ уже въ Китай изъ Бирмы и Тонкина, не въ далекомъ будущемъ прійдется провести весьма важную для Россіи въ торговомъ и политическомъ отношеніи линію отъ одной изъ станцій забайкальской желѣзной дороги, на Кяхту, Ургу и Калганъ, въ Пекинъ, чтобы войти такимъ образомъ въ связь съ желѣзно-дорожными путями, предполагаемыми къ сооруже-

нію китайскимъ правительствомъ отъ Тянь-цзина къ р. Янцзекіангу, изъ Ханькоу въ Сы-чуанъ и изъ Шанхая въ Кантонъ. Во всякомъ случаѣ дорога въ Пекинѣ остановиться не можетъ, ибо Пекинъ самъ живетъ чужимъ хлѣбомъ и отпускной торговли не производитъ: это городъ чиновничій. Дорога непремѣнно должна упереться въ море и пойти въ богатыя китайскія провинціи, производящія чай и др. товары, необходимые для Европы и Россіи.

XXVII. КОРЕЯ.

Безцеремонное занятіе англичанами одного изъ островокъ около Кореи, когда они своими протестами заставили насъ еще въ 1861 г. покинуть занятый тамъ же, по договору съ однимъ японскимъ феодаломъ, островъ Цусима, невольно наводило на печальныя размышленія о долголѣтней небрежности нашей по отношенію къ устройству военнаго порта въ открытомъ океанѣ, который могъ бы служить базисомъ для операцій военныхъ крейсеровъ.

Съ непонятнымъ легкомысліемъ брошенъ былъ военный портъ— Петропавловскъ въ Камчаткѣ, который хотя и очень удаленъ, но имѣетъ достоинства. Избранный вмѣсто него для военныхъ цѣлей Николаевскъ на Амурѣ оказался не подходящимъ по продолжительной замерзаемости, по мелководію Амурскаго лимана и вообще по трудной доступности для военныхъ судовъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній военный портъ былъ перенесенъ во Владивостокъ, который замерзаетъ и безъ солидныхъ укрѣпленій можетъ быть разрушенъ бомбардировкою издали или отрѣзанъ отъ материка высадкою. Поэтому въ 1880 году возникло предположеніе перенести военный портъ въ Ольгу, но по разнымъ соображеніямъ, довольно основательнымъ, таковое перенесеніе не состоялось.

Владивостокъ теперь сильно укрѣпленъ и обращенъ въ Севастополь Японскаго моря. Слабая часть нашей позиціи, островъ Русскій, обращена укрѣпленіями въ неприступную, и вообще въ настоящее время существуетъ уже мнѣніе, что этотъ портъ удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ государственнымъ потребностямъ. Изъ Золотого Рога есть два удобные выхода въ Амурскій и Уссурійскій заливы. Затѣмъ самыя узкія мѣста Восточнаго и Западнаго Корейскихъ проливовъ имѣютъ не менѣе 25 миль, при глубинѣ 50 саженъ,— а это такая ширина, при которой, при настоящемъ состояніи артиллеріи и миннаго дѣла, невозможно дѣйствительное загражденіе. Если же противъ прорыва нашего флота непріятель предприметъ загражденіе проливовъ военнымъ флотомъ, то этотъ флотъ долженъ быть вдвое сильнѣе нашего, потому что разстояніе между проливами 25 миль и заградить оба пролива одновременно

можно только двумя отдѣльными эскадрами. Кромѣ Корейскихъ проливовъ, Японское море имѣетъ еще другой, вполнѣ удобный выходъ въ океанъ Лаперузовымъ проливомъ, запереть который, при его ширинѣ и большой глубинѣ, также невозможно иначе, какъ сильнымъ флотомъ. Разстояніе отъ Владивостока, какъ до Лаперузова пролива, такъ и до обоихъ Корейскихъ, одно и то же, около 500 миль, и телеграфная станція Корсаковскаго поста можетъ во-время дать знать во Владивостокъ о приходѣ въ Лаперузовъ проливъ непріятельскаго флота.

Противъ замерзаемости порта теперь употребляются сильныя ледоколы. Во всякомъ случаѣ одного Владивостока крайне недостаточно для операцій крейсерской войны. Портъ этотъ чрезвычайно удаленъ не только отъ Россіи и Сѣверной Америки, т. е. отъ тѣхъ мѣстъ, которыя должны снабжать его боевыми припасами, людьми и всякаго рода необходимыми ему предметами, но и отъ операціонныхъ линій русской крейсерской войны. До ближайшихъ японскихъ и китайскихъ портовъ отъ Владивостока отъ 2 до 5 дней хода и то на первоклассныхъ пароходахъ. Берега Приморской области имѣютъ только одно преимущество для крейсерской войны, это свои знаменитые туманы. Туманы дадутъ возможность легко прорывать блокаду.

Совсѣмъ иначе дѣло крейсерства было бы поставлено, если бы военно-морская станція устроилась на архипелагѣ Цусима или въ незамерзающемъ заливѣ Лазаревъ, объ уступкѣ котораго отъ Кореи нѣсколько разъ шли слухи. И по географическому положенію, и по доступности для военныхъ судовъ въ теченіе круглаго года, а не въ лѣтніе и осенніе только мѣсяцы, эти пункты были бы чрезвычайно полезны, какъ опорные для крейсерской войны, поэтому-то англичане, по всей вѣроятности, такъ ревниво на нихъ и поглядывали, а наши дипломаты не только боялись занимать ихъ, но и по отношеніи къ Кореѣ только въ самое последнее время рѣзко измѣнили свою политику.

Корея, какъ извѣстно, оставалась закрытою для иностранной торговли. Въ 1880 году американскій корветъ «Ticonderoga» пришелъ въ Фузанъ и черезъ японскаго консула послалъ письмо въ столицу Кореи. Письмо было возвращено нечитаннымъ и корветъ, простоявъ три дня, ушелъ. Корейцы припомнили, что американцы нападали на ихъ селенія у р. Кока. Въ это же время русскій уполномоченный велъ въ Онжіо-жу переговоры о заключеніи торговаго трактата, но также безуспѣшно. По этому поводу разсказывали, что корейское правительство думало перенести столицу въ одинъ изъ имѣющихся открыться портовъ. Но слухъ оказался преждевременнымъ. Корея не осталась, однако, вовсе недоступною для внѣшней торговли. Японцы съ начала семидесятыхъ годовъ получили здѣсь концессію, но до 1873 г. ворота концессіи стереглись корейскими часовыми и число торговцевъ было ничтожно. По-

строить къ китайской границѣ отъ забайкальской и южно-уссурійской дорогъ. Такъ какъ восточная китайская дорога будетъ имѣть, въ силу состоявшагося съ Китаемъ соглашенія, русскую колею, общія станціи и въ полномъ составѣ пропускать поѣзда Сибирской дороги,—то, очевидно, восточно-китайская дорога является лишь промежуточнымъ звеномъ Сибирской дороги Челябинскъ-Владивостокъ, въ обходъ громаднаго изгиба по теченію Амура.

Предпріятіе дороги осуществится въ теченіе шести лѣтъ обществомъ, въ которомъ членами могутъ быть лишь русскіе и китайскіе подданные. Акціонерному капиталу отводится скромная роль, судя потому, что размѣръ его ограниченъ 5 милл. р. кред., да вдобавокъ капиталу не дается и правительственной гарантіи, тогда какъ облигаціонный капиталъ сполна гарантируется Россіею, которой предоставляется право оставить этотъ капиталъ по соглашенной цѣнѣ за собою и выдавать обществу наличныя деньги на постройку. Вообще же финансовыя условія дороги опредѣлены такимъ образомъ, что хозяиномъ ея будетъ русское министерство финансовъ. Нашъ министръ финансовъ утверждаетъ избираемаго обществомъ вице-предсѣдателя правленія, который de facto будетъ главною распорядительною властью. Предсѣдатель же въ правленіи имѣетъ особое назначеніе. Онъ назначается китайскимъ правительствомъ и является какъ бы дипломатическимъ представителемъ китайскаго правительства, имѣя на своей обязанности наблюденіе за исполненіемъ обществомъ его обязательствъ передъ китайскимъ правительствомъ.

Права, дарованныя обществу китайскимъ правительствомъ, весьма существенны. Обществу предоставлено разработывать угольныя копи и эксплоатировать горныя, промышленныя и торговыя предпріятія. Багажъ и товары, перевозимые транзитомъ, освобождаются отъ китайскихъ налоговъ, равно какъ и почта, телеграфъ и проч. Затѣмъ товары, ввозимые изъ Россіи въ Китай и обратно по желѣзной дорогѣ, получаютъ льготы въ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинахъ, а именно пошлины для нихъ уменьшаются на треть по сравненію съ пошлинами, взимаемыми въ китайскихъ морскихъ портахъ. Для товаровъ, назначаемыхъ къ отправкѣ внутрь Китая, транзитная пошлина установлена въ размѣрѣ половины взысканной съ нихъ ввозной пошлины, а засимъ отъ всѣхъ внутреннихъ—заставныхъ и т. д. пошлинъ эти товары освобождаются. Наконецъ, обществу предоставляется имѣть своихъ агентовъ полицейскаго надзора для охраненія порядка на отведенной подъ желѣзную дорогу и ея принадлежностей землѣ. Число этихъ агентовъ въ виду небезопасности страны и обширности ея будетъ, конечно, быстро увеличиваться и понадобится, вѣроятно, не менѣе цѣлой дивизіи.

Кромѣ разрѣшенія дороги подтверждается, что Китай предоставилъ намъ устроить склады угля и вообще устроиться со своимъ морскимъ хозяйствомъ въ Кіао-Дзеу, или другомъ какомъ портѣ

При этомъ кстати замѣтить, что торговля съ Кореей для насъ вовсе не новость. Корейцы торговали съ Россіей еще въ XVII столѣтіи, именно приходя въ Нерчинскъ и Наунъ, а также на Аргунь, потому что торговать въ Пекинѣ китайскіе императоры корейцамъ запретили, изъ опасенія конкурренціи. Въ Наунъ и Нерчинскъ корейцы привозили шелковую обойную бумагу, посуду, золотую и серебряную бумагу, бумажныя матеріи, цыновки, вѣера, табакъ, золото, шелкъ-сырецъ, китайскія шелковыя матеріи; брали же отъ русскихъ мѣха. Правда, мы мало ушли впередъ по части активной торговли съ XVII столѣтія, но можемъ утѣшить себя,что и корейцы не очень-то быстро шагали съ тѣхъ поръ на пути прогресса.

Наши переговоры получили бы совсѣмъ другое направленіе, если бы, по примѣру извѣстной экспедиціи американскаго командора Перри въ Японію, открывшей эту страну для всемірной торговли, наши представленія были подкрѣплены тихо-океанскою эскадрою въ полномъ составѣ. Корейцы едва ли согласились бы противиться такой внушительной демонстраціи. Мы же, послѣ неудачной попытки нашихъ моряковъ въ 1866 г. начать торговлю съ корейцами въ заливѣ Браутона, ограничились мѣновымъ торгомъ по сухопутной границѣ южно-уссурійскаго края. Только въ 1885 г. удалось намъ, уже послѣ другихъ державъ, заключить торговый договоръ съ Кореей и этого добились мы не столько самостоятельными усиліями дипломатіи, сколько вліяніемъ Китая, который допущеніемъ европейцевъ думалъ парализовать опасное для него преобладаніе въ Кореѣ японцевъ.

Въ этотъ-то моментъ англо-китайская пресса, подъ вліяніемъ опасенія войны Англіи съ Россіей изъ-за Афганистана, приписала намъ рѣшительное намѣреніе занять портъ Лазаревъ (Генсанъ). Быстрое въ своихъ рѣшеніяхъ англійское правительство немедленно, о чемъ я говорилъ нѣсколько разъ, заняло и укрѣпило островъ Гамильтонъ въ Корейскомъ проливѣ. Захватъ корейскаго острова, состоявшаго въ вассальной зависимости отъ Китая, вызвалъ со стороны послѣдняго протестъ, къ которому присоединилось и наше правительство. Дипломатическая переписка между Россіей, Китаемъ и Великобританіей привела къ эвакуаціи Гамильтона въ началѣ 1887 г. Но это было незначительнымъ успѣхомъ нашей дипломатіи. Обстоятельства существенно измѣнились съ японско-китайской войны и положенія, занятаго нами послѣ Симоносекскаго трактата.

Вынужденная вмѣшательствомъ Россіи очистить Ліао-тунгскій полуостровъ и Корею, Японія приложила всѣ старанія къ тому, чтобы дипломатическими средствами и при содѣйствіи части корейскаго чиновничества и войска, захватить въ свои руки правительственную власть въ Сеулѣ. Предлогомъ же, чтобы не уводить изъ Кореи свой отрядъ, японцы выставляютъ опасеніе, что въ случаѣ ухода ихъ многочисленные резиденты будутъ перерѣзаны—опасеніе, говорятъ, не лишенное основанія.

Причина ненависти къ японцамъ лежитъ въ томъ, что они, произведя въ Кореѣ, во время своего полновластія, нѣсколько полезныхъ реформъ: уничтоженіе рабства, мучительныхъ казней и пытокъ, отмѣну разныхъ привилегій и т. п., въ своемъ реформаторскомъ рвеніи коснулись и предметовъ второстепенныхъ, но дорогихъ корейцамъ. Японцы, напр., хотѣли заставить корейцевъ носить цвѣтныя платья и всѣхъ обстричь подъ гребенку. Въ этомъ случаѣ надобно только дивиться, какъ реформаторы похожи между собою во всѣхъ широтахъ.

Борьба при дворѣ въ Сеулѣ двухъ партій японофильской и національной, представительницею которой считалась королева и ея родственники (фамилія Минъ), привела къ трагической развязкѣ. Въ октябрѣ 1895 г. корейскіе солдаты и японскіе соши напали на дворецъ, убили королеву и часть ея свиты, арестовали короля и провозгласили диктатуру бывшаго регента Тай-венъ-гуна. Это убійство возбудило въ Кореѣ общее негодованіе и японское правительство отозвало своего посланника, подозрѣваемаго въ соучастіи съ убійцами.

Наши дипломаты удачно воспользовались такимъ настроеніемъ и, опираясь на нашу тихо-океанскую эскадру, совершенно теперь преобразованную и ни чемъ не уступающую англійской, дали понять, что не допустятъ впредь нарушенія порядка и права короля Ли-хуя. Послѣдній, однако, не довѣрялъ своему антуражу и въ февралѣ 1896 г. переѣхалъ въ русскую дипломатическую миссію, для охраны которой прибыла изъ Чемульпо команда нашихъ матросовъ.

Указъ короля, объяснявшаго свой поступокъ недовѣріемъ къ японофильствующимъ министрамъ, вызвало убійство двухъ изъ нихъ черныю, а остальные министры были, по приказанію короля, казнены и назначенъ новый кабинетъ подъ предсѣдательствомъ Кимъ-Тіонаси. Эти факты съ достаточною ясностью показываютъ эфемерность пресловутой независимости Кореи, установленной Симоносекскимъ договоромъ. Для Россіи положеніе въ будущемъ Кореи имѣетъ существенное значеніе и распространяться, насколько желательно и необходимо включить Корею въ сферу русскаго вліянія, насколько это важно для сохраненія не только нашего престижа, но и безопасности нашей восточной границы излишне. Послѣднее признается и нашими противниками. Въ настоящее время протекторатъ Россіи совершился самъ собою и существуетъ de facto. Король совершенно въ нашихъ рукахъ и ничего намъ отъ Кореи требовать пока не слѣдуетъ, а, напротивъ, нужно помочь ей отдѣлаться окончательно отъ японцевъ. Для этого мы должны пособить корейцамъ организовать армію, найдя пригодные для того элементы въ ея населеніи. Три батальона уже организуются.

Если въ политическомъ отношеніи Корея не выиграла отъ японскаго вмѣшательства, то въ отношеніи торгово-экономическомъ

японская оккупація отразилась довольно благопріятно на положеніи королевства. Она оживила торговлю и промышленность и способствовала усиленію денежнаго обращенія. Въ 1895 г. торговый оборотъ Кореи составилъ 12.888,332 доллар., въ томъ числѣ по вывозу только 9.222,227 доллар. Изъ этихъ данныхъ видно, что торговый балансъ складывается не въ пользу нашего вассала; въ обыкновенные годы дефицитъ, какъ полагаютъ, покрывается тайнымъ вывозомъ шлиховаго золота; Корея, особенно Ханкіенская провинція, издавна пользуется извѣстностью, какъ страна чрезвычайно богатая золотомъ: немногіе европейскіе путешественники, побывавшіе въ этой еще такъ мало изслѣдованной странѣ, укрѣпили за ней славу золотоносности. Американцы получили уже отводы. Желательно, чтобы и это дѣло не миновало русскихъ рукъ.

Для насъ есть еще выгодное поприще дѣятельности въ Кореѣ. До войны пароходство было частью въ китайскихъ рукахъ, затѣмъ его совершенно монополизировали японцы; въ настоящее время наша компанія Шевелева ставитъ здѣсь четыре парохода, заказанныхъ въ Англіи. Три маленькихъ парохода, принадлежащихъ корейскому правительству соединяютъ порты, закрытые для иностранцевъ, съ портами открытыми. Во всякомъ случаѣ особенно радужными надеждами задаваться нечего. Корейскій народъ, хотя и трудолюбивъ, и смиренъ, но безусловно бѣденъ; его потребности очень ограничены, бюджетъ болѣе чѣмъ скроменъ; плохая администрація, постоянныя волненія, наконецъ, значительное обезцѣненіе мѣстной размѣнной монеты немало препятствуютъ развитію торговыхъ сношеній Кореи съ Россіей.

XXVIII. Японія.

Я лично не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, читая въ газетахъ извѣстія объ эмансипаторскихъ подвигахъ юнаго микадо, вводящаго среди сорока-милліоннаго населенія Японіи реформы съ тѣмъ же радикализмомъ, съ какимъ Петръ Великій вводилъ ихъ нѣкогда среди десяти-милліоннаго населенія Россіи, принимали эти извѣстія безъ недовѣрія и даже сильнаго сомнѣнія. Японскій радикализмъ казался мнѣ почему-то весьма подозрительнымъ и похожимъ скорѣе на прихоть, чѣмъ на сознательный планъ возрожденія цѣлаго народа. Посѣтивъ, однако, Японію мнѣ пришлось сознаться, что задача микадо облегчалась весьма значительно тѣмъ высокимъ уровнемъ цивилизаціи, на которомъ уже стояли японцы. Цивилизація эта своеобразна и приняла ложное направленіе; тѣмъ не менѣе, она была осязательна, и масса научныхъ и техниче-

строить къ китайской границѣ отъ забайкальской и южно-уссурійской дорогъ. Такъ какъ восточная китайская дорога будетъ имѣть, въ силу состоявшагося съ Китаемъ соглашенія, русскую колею, общія станціи и въ полномъ составѣ пропускать поѣзда Сибирской дороги,—то, очевидно, восточно-китайская дорога является лишь промежуточнымъ звеномъ Сибирской дороги Челябинскъ-Владивостокъ, въ обходъ громаднаго изгиба по теченію Амура.

Предпріятіе дороги осуществится въ теченіе шести лѣтъ обществомъ, въ которомъ членами могутъ быть лишь русскіе и китайскіе подданные. Акціонерному капиталу отводится скромная роль, судя потому, что размѣръ его ограниченъ 5 милл. р. кред., да вдобавокъ капиталу не дается и правительственной гарантіи, тогда какъ облигаціонный капиталъ сполна гарантируется Россіею, которой предоставляется право оставить этотъ капиталъ по соглашенной цѣнѣ за собою и выдавать обществу наличныя деньги на постройку. Вообще же финансовыя условія дороги опредѣлены такимъ образомъ, что хозяиномъ ея будетъ русское министерство финансовъ. Нашъ министръ финансовъ утверждаетъ избираемаго обществомъ вице-предсѣдателя правленія, который de facto будетъ главною распорядительною властью. Предсѣдатель же въ правленіи имѣетъ особое назначеніе. Онъ назначается китайскимъ правительствомъ и является какъ бы дипломатическимъ представителемъ китайскаго правительства, имѣя на своей обязанности наблюденіе за исполненіемъ обществомъ его обязательствъ передъ китайскимъ правительствомъ.

Права, дарованныя обществу китайскимъ правительствомъ, весьма существенны. Обществу предоставлено разработывать угольныя копи и эксплоатировать горныя, промышленныя и торговыя предпріятія. Багажъ и товары, перевозимые транзитомъ, освобождаются отъ китайскихъ налоговъ, равно какъ и почта, телеграфъ и проч. Затѣмъ товары, ввозимые изъ Россіи въ Китай и обратно по желѣзной дорогѣ, получаютъ льготы въ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинахъ, а именно пошлины для нихъ уменьшаются на треть по сравненію съ пошлинами, взимаемыми въ китайскихъ морскихъ портахъ. Для товаровъ, назначаемыхъ къ отправкѣ внутрь Китая, транзитная пошлина установлена въ размѣрѣ половины взысканной съ нихъ ввозной пошлины, а засимъ отъ всѣхъ внутреннихъ—заставныхъ и т. д. пошлинъ эти товары освобождаются. Наконецъ, обществу предоставляется имѣть своихъ агентовъ полицейскаго надзора для охраненія порядка на отведенной подъ желѣзную дорогу и ея принадлежностей землѣ. Число этихъ агентовъ въ виду небезопасности страны и обширности ея будетъ, конечно, быстро увеличиваться и понадобится, вѣроятно, не менѣе цѣлой дивизіи.

Кромѣ разрѣшенія дороги подтверждается, что Китай предоставилъ намъ устроить склады угля и вообще устроиться со своимъ морскимъ хозяйствомъ въ Кіао-Дзеу, или другомъ какомъ портѣ

нѣйшему открытію японской территоріи для европейской торговли и проникновенію европейцевъ внутрь страны.

Когда для европейцевъ открылось лишь семь городовъ: Нагасаки, Кобе, Осака, Іокогама, Хокодате, Токіо и Ньегата, уже легко было оцѣнить вредъ, принесенный странѣ оживленными сношеніями съ Европою. На это, пожалуй, скажутъ: зато Японія познала блага европейской цивилизаціи. Дѣйствительно, у японцевъ создались нѣкоторыя искусственныя потребности, многіе японцы носятъ пенснэ, цилиндры, крахмаленныя сорочки, узкія лакированные ботинки и галстухи, пьютъ кислое французское вино и скверный американскій спиртъ, снимаютъ фотографіи со своихъ актрисъ и кокотокъ, но къ чему, спрашивается, японцамъ все это, когда Японія жила весело и безбѣдно, не имѣя пролетаріата, а Европа не знаетъ какъ ей успокоить свое рабочее населеніе и куда сунуть избытокъ своего населенія и своей производительности. Пріобрѣтать же изъ Европы нѣсколько машинъ и физическихъ инструментовъ и прежде никто не препятствовалъ японцамъ.

Японія служитъ новымъ доказательствомъ опасности такъ называемой «свободной торговли», выказавшагося уже на шеѣ многихъ народовъ, въ томъ числѣ и Россіи. Заключая дипломатически-торговые трактаты, японцы не подозрѣвали, да и не могли подозрѣвать значенія, которое, особенно послѣ прорытія Суэзскаго канала, пріобрѣтетъ пароходство, поэтому они допустили къ себѣ европейскіе товары съ ничтожною таможенною пошлиною и неосторожно еще связали себѣ руки въ этомъ отношеніи для будущаго. Послѣдствія недолго заставили себя ждать. Страна, внѣшнее довольство коей заставляло ее считать богатою, въ десять, пятнадцать лѣтъ доведена была до банкротства. Даже иностранная торговля, выгодная въ первые годы по открытіи портовъ, стала давать убытки; склады были завалены европейскимъ хламомъ, а питали европейскій привозъ единственно заказы правительства, въ особенности при желаніи послѣдняго имѣть неизвѣстно для какой потребы армію, устроенную на европейскій манеръ, т. е. стоющую очень дорого.

Европейцы старались для поправленія своихъ дѣлъ добиться права торговать повсемѣстно внутри страны, но сами въ Японіи покупали очень мало. Когда назадъ тому полъ-вѣка Японія открылась для европейской и вообще для иностранной торговли, то прежде всего начали вывозить изъ нея золото и мѣдь, содержащую золото, по курсу весьма невыгодному для Японіи. Какія были рѣдкости, предметы древности, чудеса искусства, все это давно скуплено обманнымъ образомъ за безцѣнокъ и перепродано въ Европѣ разбогатѣвшимъ жидамъ и концессіонерамъ. Народъ изъ-за грошей лишился лучшаго своего артистическаго сокровища. Затѣмъ болѣзнь шелковичныхъ червей заставила французовъ и итальянцевъ искать шелка на дальнемъ Востокѣ; изъ Японіи вывозили

шелкъ, особенно яички шелковичныхъ червей; теперь болѣзнь въ Европѣ проходитъ и торговля японскимъ шелкомъ въ застоѣ. Остался чай. Хотя японскій чай вкусомъ гораздо хуже китайскаго, но его требуютъ въ Сѣверную Америку и вывозъ, особенно въ Чикаго, усиливается. Одинъ чай не можетъ, однако, сбалансировать внѣшнюю торговлю цѣлой страны. Между тѣмъ, считая даже, что Японія получаетъ за чай ежегодно нѣсколько милліоновъ долларовъ, посмотримъ, какіе существенные убытки получила она отъ допущенія иностранцевъ.

Вслѣдствіе европейской конкурренціи, цѣны возросли въ пять или шесть разъ: въ особенности вздорожали продукты продовольствія, и простой народъ бѣдствуетъ. Хотя въ 1873 году правительство, по предложенію министра финансовъ Окумы, уменьшило поземельный налогъ на $^1/_6$, но это уменьшеніе вышло увеличеніемъ, ибо одновременно былъ сдѣланъ новый кадастръ, привлекшій новыя земли къ обложенію. Правительство, покупая заграницею пушки и аммуницію, не можетъ уже брать подати рисомъ, оно требуетъ денегъ, а въ Японіи никогда не было достаточно монеты. Правда, у нея было серебро и золото, но эти металлы добывались изъ бѣднѣйшихъ мѣсторожденій, потому что рабочая поденьщина не стоила болѣе 6 копѣекъ, теперь же рабочій съѣдаетъ въ день одного рису на 20 копѣекъ, слѣдовательно, нѣтъ выгоды эксплоатировать пески и руды бѣднаго содержанія. Недостатокъ драгоцѣнныхъ металловъ вызывалъ необходимость выпуска бумажныхъ денегъ. Этотъ выпускъ произвелъ надлежащее дѣйствіе: вся звонкая монета или вывезена изъ страны или спряталась въ банки и въ руки мѣнялъ, лажъ доходилъ до 60 проц. и, что еще хуже, образовались особыя биржи для игры на этотъ лажъ, колеблющійся въ предѣлахъ до 30 проц., и на цѣну риса, которая также быстро колебалась отъ непрочности бумажной денежной единицы. Правительство въ апрѣлѣ 1880 г. силою закрыло эти биржи.

Съ увеличеніемъ налоговъ явилось сейчасъ же политическое неудовольствіе и въ массѣ народа, до того насчетъ политики совершенно равнодушной. Такимъ образомъ, неудовольствіе внизу присоединилось къ естественному неудовольствію вверху, созданному революціей 1868 года и послѣдующими реформами. Очень ошибаются тѣ, кто полагаетъ въ микадо видѣть нѣчто въ родѣ нашего Петра Великаго. Мутцу-Гиго человѣкъ самый беззаботный по отношенію къ политикѣ и по образу жизни мало чѣмъ отличающійся отъ своихъ предшественниковъ, если не считать тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда онъ показывается своимъ подданнымъ въ вышитомъ золотомъ мундирѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ проводить время замкнуто въ весьма невзрачномъ временномъ дворцѣ, устроенномъ въ японскомъ вкусѣ безъ мебели, окруженный толпою босоногой прислуги, сохраняющей отчасти обычаи стараго времени. Какъ прежде управлялъ страною шогунъ, такъ теперь управляетъ

камарилья, отношенія которой къ микадо даже въ точности не совсѣмъ извѣстны.

Революція 1868 года вовсе не была переворотомъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ Европѣ; народъ тутъ ни малѣйшаго участія не принималъ. Сдѣлали переворотъ нѣсколько честолюбивыхъ управителей удѣльныхъ князей Сатцумы, Нагато, Тоза и Гизенъ, которымъ подозрительный деспотизмъ шогуновъ казался тяжелымъ. Изъ этихъ революціонеровъ наиболѣе способными оказались еще живущій нынѣ графъ Ито и убитый Окуба.

Всѣ современные японскіе государственные дѣятели были люди сравнительно молодые. Ихъ idée fixe была доказать, что Японія страна цивилизованная въ европейскомъ смыслѣ и достойная быть принятою въ европейскій «концертъ». Въ сущности японская цивилизація и прежде нисколько не была ниже европейской и отличалась развѣ нѣкоторымъ недостаткомъ техническихъ знаній, которыя постепенно и пріобрѣтались черезъ посредство голландцевъ, пріобрѣтались безъ нарушенія основныхъ началъ соціальной и экономической жизни и безъ тѣхъ непомѣрныхъ тягостей, которыя невольно вызываютъ слишкомъ рѣзкія перемѣны въ народномъ бытѣ.

Ярые западники въ Японіи, какъ и въ Россіи, говорятъ, что посредствомъ общей жизни расширяется умственная и нравственная сфера дѣятельности народа, стоявшаго въ одиночествѣ, развитіе дѣлается многообразнѣе и сильнѣе, богаче результатами. Теоретически, конечно, противъ этого спорить нельзя, но «общая жизнь» понятіе условное. Японія не можетъ снимать сливки европейской цивилизаціи, она, какъ Россія временъ преобразованія, довольствуется лишь подражаніемъ, граничащимъ съ обезьянствомъ; подъ именемъ цивилизаторовъ къ ней наѣхала куча проходимцевъ англичанъ, американцевъ, жидовъ—первыхъ мошенниковъ въ свѣтѣ. Это представители не европейской науки, а оборыши европейскихъ колоній дальняго Востока. Народъ японскій отличался простодушіемъ, честностью, японскія тюрьмы съ ихъ бумажными стѣнами содержали до послѣдняго времени ничтожнѣйшее число преступниковъ, о существованіи замковъ въ дверяхъ никто не подозрѣвалъ. И теперь не только въ лавкѣ, но даже въ трактирѣ, японецъ часто не хочетъ отъ васъ взять всѣхъ слѣдуемыхъ ему денегъ, изъ деликатности ему кажется почему-то, что онъ запросилъ слишкомъ дорого. Можно себѣ представить какое удобное поле наживы представлялъ такой народъ!

Высшія сословія Японіи отличались рыцарскимъ благородствомъ; point d'honneur былъ развитъ даже до смѣшного. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, что дворянинъ, торопясь исполнить приказаніе шогуна, толкнулъ нечаянно во дворцѣ другого дворянина и не успѣлъ извиниться. Задѣтый дворянинъ, полагая, что ему выказано неуваженіе, немедленно распоролъ себѣ брюхо. Исполнивъ порученіе, царедворецъ бѣжитъ, чтобы принести поскорѣе извиненіе и

узнаетъ о смерти оскорбленнаго имъ товарища, онъ немедленно также распарываетъ себѣ брюхо... Если это и анекдотъ, то онъ все-таки характеризовалъ извѣстное настроеніе, извѣстный складъ понятій и воспитанія. Притомъ вѣроятность подобнаго случая доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что распарываніе брюха ради спасенія чести составляло содержаніе большинства японскихъ драмъ и романовъ. Въ одномъ храмѣ показываютъ даже могилу тридцати пяти дворянъ, распоровшихъ себѣ брюхо ради того, что они не съумѣли защитить своего товарища.

И вотъ къ этакому-то рыцарскому народу являются «дѣльцы» нашего времени. Любопытно, какіе уроки нравственности и цивилизаціи могли преподать они японцамъ. Всѣхъ безподобныхъ исторій не перескажешь, но вотъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя. Когда японское правительство собиралось дѣлать заграничный заемъ, одинъ крупный лондонскій банкъ прислалъ своего агента съ условіями; японское правительство заключило заемъ помимо банка; тогда, при помощи англійскаго посланника, банкъ сорвалъ съ правительства 60,000 фунт. стерл., яко бы за безчестіе. Другой случай еще лучше. Японское правительство построило желѣзныя дороги, которыя европейскіе подрядчики сдѣлали втрое дороже настоящаго; мало того, они обязали предсѣдателемъ одной дороги посадить бывшаго члена парламента съ жалованьемъ въ 36,000 долларовъ; потомъ же оказалось, что означенный членъ, будучи директоромъ какого-то банка въ Австраліи, укралъ 150,000 долларовъ, почему акціонеры и прислали его въ Японію, чтобы, взявъ въ руки его огромное жалованье, покрыть свои убытки!

Реформы, кромѣ установленія титуловъ маркизовъ, графовъ, виконтовъ и бароновъ, заведенія военныхъ судовъ, обученія войскъ на европейскій ладъ и устройства казенныхъ фабрикъ, дающихъ громадные убытки, привели также къ созданію бюрократіи въ странѣ, которая не знала, что такое чиновники и даже о полиціи имѣла смутное представленіе. Всѣ прежнія патріархальныя власти уничтожены, удѣльные князья и ихъ свиты не существуютъ, но правительство было вынуждено вознаградить ихъ; такимъ образомъ огромная часть бюджета идетъ въ платежи процентовъ по вознагражденію, данному прежней администраціи; другими словами, японцы, по миролюбивому нраву своему могущіе обходиться при самомъ маломъ числѣ агентовъ правительства, содержатъ теперь двѣ администраціи. Денежныя пожертвованія между тѣмъ ничего не разрѣшаютъ, потому что феодалы и дворянство, кромѣ тѣхъ, которые поступили на службу нынѣшнему правительству, получая ренту изъ бюджета, все-таки остаются въ оппозиціи правительству и живутъ вдали отъ столицы въ ожиданіи перемѣнъ.

Но параллельно съ этою историческою оппозиціею, теперь создалась другая, оппозиція яко бы радикальная. Она дѣйствуетъ путемъ печати. Кто повѣритъ, напримѣръ, что въ Японіи въ од-

номъ 1879 году появилось 236 новыхъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ, впрочемъ, 80 очень скоро прекратились, какъ выражаются у насъ въ «борьбѣ съ равнодушіемъ публики». Если взять въ разсчетъ, что въ томъ же году въ Японіи было напечатано 5,317 новыхъ книгъ и что въ Японіи даже всѣ женщины грамотны, легко заключить о жаждѣ японцевъ къ чтенію и о томъ, дѣйствительно ли «варварскою» страною была Японія до нашествія европейцевъ, не смотря на свою замкнутость.

Въ прошломъ году издавалось въ Японіи 792 газеты, почти все радикальныя и оппозиціонныя. Газеты требовали, какъ панацею отъ золъ, внесенныхъ революціей и приливомъ иностранцевъ, созванія парламента. Въ этой агитаціи помогали имъ политическіе клубы, образовавшіеся по европейскимъ образцамъ по разнымъ городамъ Японіи. Одно политическое общество въ Осака, закрытое теперь правительствомъ, имѣло до 10,000 членовъ. Адресъ, поданный этимъ обществомъ, былъ весьма любопытенъ. Это наборъ тирадъ изо всѣхъ радикальныхъ публицистовъ въ Европѣ; между историческими примѣрами есть ссылка даже на Польшу, участь которой въ XVIII столѣтіи будто бы угрожаетъ Японіи! Въ своемъ адресѣ общество безъ церемоніи писало микадо, надъ божественнымъ происхожденіемъ котораго прямо отъ солнца иронизируютъ теперь свободно въ газетахъ, что онъ обѣщалъ при вступленіи на престолъ искоренить злоупотребленія, но неограниченная власть его и есть важнѣйшее изъ всѣхъ злоупотребленій, а поэтому неугодно ли созвать парламентъ. Такимъ припѣвомъ оканчивался каждый изъ многочисленныхъ пунктовъ длиннѣйшаго адреса.

О парламентѣ посылали адресы даже сельскія общины. Эти адресы подъ разными предлогами не принимались въ правительственныхъ учрежденіяхъ, но о парламентѣ и въ высшихъ сферахъ разсуждали серьезно, забывая, какой могъ быть парламентъ въ странѣ, гдѣ классы, привыкшіе къ управленію и знакомые съ дѣлами государственными, устранены революціей, а народъ совершенно не подготовленъ къ политической дѣятельности, будучи отъ нея отучаемъ цѣлыми вѣками. Одинъ видъ японскаго города, гдѣ нѣтъ ни одной площади, ни одного общественнаго учрежденія, показывалъ уже, какъ трудно къ подобному народу примѣнить англійскія учрежденія, и что парламентъ въ такой странѣ или будетъ игрушкою въ рукахъ правительства, или перейдетъ сразу въ руки немногихъ интригановъ, той породы, которая въ Соединенныхъ Штатахъ пользуется глубочайшимъ презрѣніемъ подъ именемъ «политиковъ». Послѣдніе уже и безъ того взяли въ Японіи всю власть. Администрація послѣдней безъ корней въ народѣ, безъ преданій держалась лишь борьбою мелкихъ политическихъ кружковъ.

Правительство старалось отдѣлаться какой нибудь громкой кличкой безъ внутренняго содержанія. Неоднократно припертое къ

стѣнѣ, оно дѣлало разныя призрачныя уступки. Въ 1868 году созвано было собраніе «Жи-джи-инъ», нѣчто въ родѣ учредительнаго, скоро распущенное; въ 1875 году образованъ «Женъ-ро-инъ», государственный совѣтъ — какъ увѣряютъ японцы по примѣру Россіи — совѣту этому, однако, дѣлъ не давали, рядомъ съ нимъ существовалъ «Шіокцинъ кайджи», названный въ свое время палатою депутатовъ, но члены его были исключительно губернаторы провинцій! Какія бы учрежденія японское правительство ни сочиняло, дѣло не обойдется безъ новыхъ переворотовъ. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе въ Японіи людей, трезво-смотрящихъ на вещи, а равно и болѣе безпристрастныхъ иностранцевъ.

Японскій микадо къ концѣ концовъ даровалъ своему народу 11-го февраля 1889 г. конституцію, согласно обѣщанію, данному еще въ 1881 г. особымъ указомъ, гдѣ было сказано, что Японія увидитъ у себя парламентъ изъ двухъ палатъ: перовъ и представителей.

Къ счастью еще, японскіе реформаторы были настолько благоразумны, что не взяли за образецъ Франціи и не декретировали сразу всеобщей подачи голосовъ. Японскіе депутаты избираются лицами, имѣющими не менѣе 25-ти лѣтъ и платящими ежегодно не менѣе 15 іенъ (около 15 руб.) налоговъ, сумма въ Японіи не маленькая.

Этотъ парламентъ и эта конституція почитались комедіей, одной изъ тѣхъ мало удачныхъ копій европейскихъ порядковъ, которыя усиленно переноситъ въ Японію кружокъ мелкихъ дворянъ юго-западныхъ провинцій Японіи, овладѣвшій, какъ я сказалъ, съ 1868 года правленіемъ и замѣнившій древнюю феодальную систему просвѣщеннымъ, но дорого стоющимъ деспотизмомъ микадо, мирно до того дремавшимъ въ священномъ городѣ Кіото.

Три дня японскій народъ радовался и гулялъ по случаю провозглашенія конституціи, но введеніе представительной системы сопровождалось немедленно зломъ, повсюду ей сопутствующимъ — организаціей партій: либеральной «живуто», прогресистской «кайшинто» и соединенія гражданъ «дайдо-данкетцу». Либераловъ, однако, было немного и партія ихъ мало вліятельна; къ прогрессистамъ принадлежатъ богатые собственники и купцы, къ уніонистамъ—молодежь. Образованный классъ въ Японіи вообще зараженъ теперь крайними идеями и, не имѣя понятія о представительномъ управленіи, склоненъ къ безпорядкамъ, при томъ интересы личностей онъ предпочитаетъ общему благу. Совсѣмъ какъ въ Европѣ!

Прогрессистами предводительствовалъ графъ Окума, бывшій министръ финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, либералами — графъ Итагаки, одинъ изъ «старѣйшихъ либераловъ» въ Японіи, уніонистами — графъ Гото, бывшій министръ почтъ и телеграфовъ. Эти три графа начали жестокую войну между собою на почвѣ пе-

ресмотра торговыхъ трактатовъ Японіи съ иностранцами, лишавшихъ Японію всякой экономической самостоятельности, а иностранцамъ стѣснявшихъ доступъ внутрь страны, кромѣ семи открытыхъ для торговли портовъ.

Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Инойе, не надѣясь на успѣхъ пересмотра трактатовъ, сошелъ со сцены, мѣсто его занялъ Окума, находившійся временно не у дѣлъ. Окума придумалъ вести насчетъ трактатовъ переговоры съ каждымъ государствомъ порознь. Онъ соглашался допустить иностранцевъ внутрь страны и назначить нѣсколько иностранцевъ въ японскій высшій судъ, но подъ условіемъ пересмотра таможенныхъ пошлинъ, очень низкихъ, и уничтоженія въ 12 лѣтъ экстериторіальности для иностранцевъ.

Проектъ этотъ вызвалъ рѣзкія нападки въ газетахъ двухъ другихъ партій и такъ какъ японскій народъ въ душѣ вовсе не расположенъ открывать доступъ во внутрь страны иностранцамъ, то Окума сдѣлался непопулярнымъ. По мѣрѣ успѣха переговоровъ, начатыхъ съ Мексикой, Германіей и Россіей, наиболѣе сговорчивыми изъ иностранныхъ державъ, ожесточеніе печати и партій увеличивалось. Явились грозные признаки народнаго неудовольствія. Расколъ оказался въ самомъ кабинетѣ и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія изъ Европы министра внутреннихъ дѣлъ графа Ямагата, вліяніе котораго должно было рѣшить споръ между министрами.

Ямагата благополучно возвратился, но въ это время нѣкій японскій нигилистъ (Японія всего позавела у себя теперь) бросилъ въ графа Окуму динамитный снарядъ и оторвалъ ему ногу, а себѣ перерѣзалъ кинжаломъ горло «съ убѣжденіемъ, что своею смертью оказалъ странѣ большія услуги». Случай этотъ вызвалъ министерскій кризисъ; глава кабинета генералъ-лейтенантъ Курода подалъ въ отставку, а за нимъ подали ее и прочіе министры. Князь Синейоски Санжо, одинъ изъ главныхъ и, по словамъ газетъ, «благороднѣйшихъ», дѣятелей революціи 1868 года, согласился стать во главѣ новаго кабинета, микадо, однако, обязалъ его взять прежнихъ министровъ.

Такимъ образомъ, все осталось какъ будто по-старому, но покушеніе на Окума имѣло вліяніе, проектъ измѣненія торговыхъ трактатовъ былъ отложенъ, и это успокоило умы. Къ счастью, подоспѣло провозглашеніе 3-го ноября наслѣдникомъ престола пріемыша микадо, принца Гаруномія. Японцы снова повеселились нѣсколько дней. «Веселиться, замѣтилъ весьма основательно по этому поводу одинъ корреспондентъ, всегда пріятнѣе, чѣмъ ссориться».

Когда парламентъ открылся, онъ немедленно вступилъ въ борьбу съ правительствомъ изъ-за права своего разбирать бюджетъ, почему сейчасъ же былъ два раза подъ-рядъ распущенъ. Какъ и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, въ Японіи перемѣны министерствъ

стали совершаться съ быстротою, которой позавидовали бы и европейскія государства. Черезъ три мѣсяца по замѣнѣ кабинета Куроды министерствомъ Синейоски, послѣдній подалъ въ отставку и былъ замѣненъ графомъ Ямагата. Князь Санжо до смерти, впрочемъ, оставался въ числѣ довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ микадо.

Графъ Ямагата пользуется въ Японіи большою популярностью. Онъ взялъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ виконтъ Авоки, который долгое время былъ японскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, а затѣмъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ при графахъ Инойе и Окума. Онъ имѣлъ репутацію человѣка умнаго и трудолюбиваго. Министерство это надобно было считать по направленію консервативномъ въ томъ смыслѣ, что оно, важнѣйшій для Японіи, вопросъ о пересмотрѣ договоровъ съ иностранными державами оставило безъ измѣненій. Ямагата считалъ полезнымъ на-время похоронить его. Но не прошелъ годъ, какъ кабинетъ Ямагаты былъ замѣненъ кабинетомъ графа Матсугато и иностранныя дѣла перешли въ руки бывшаго морскаго министра и посланника въ С.-Петербургѣ гр. Епомото. Во время этого министерства и посѣтилъ Японію наслѣдникъ русскаго престола, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, гдѣ сдѣлался, въ Отцу около Кіото, жертвою покушенія японскаго «соши» (нигилиста), по имени Вуда-Санцо. Японскіе нигилисты формируются, какъ и повсюду, изъ недоучившейся молодежи, но свои анархическіе идеалы они основываютъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ Японіи, отличаясь большою нетерпимостью въ иностранцамъ. Въ 1887 г. былъ изданъ противъ нихъ очень строгій законъ, но число соши все увеличивается и въ 1891 г. они даже штурмовали домъ предсѣдателя палаты депутатовъ.

Въ 1893 году новый кабинетъ Ито, съ участіемъ гр. Инуйе въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и Мутцо—иностранныхъ дѣлъ. Въ это время въ преобразованной Японіи запахло порохомъ.

Война Японіи съ Китаемъ изъ-за Кореи не была, впрочемъ, неъ ожиданною. Корея издавна служила яблокомъ раздора для двух державъ дальняго Востока. Уже въ XVI столѣтіи японцы пыталисЬ завоевать Корею, которая съ XVII столѣтія признавала себя вассаломъ царствующей въ Китаѣ манчжурской династіи. Въ 1876 г., воспользовавшись оскорбленіемъ своихъ моряковъ въ корейскихъ водахъ, японцы, какъ мы видѣли, заключили съ Кореей трактатъ, по которому были открыты японцамъ для торговли два порта; японцы, впрочемъ, и безъ трактата давно торговали въ Кореѣ.

Въ 1882 г. Тай-вен-гунъ, бывшій регентъ, отецъ нынѣшняго корейскаго короля Ли-хуя, человѣкъ честолюбивый, взбунтовалъ народъ противъ японцевъ; дѣло кончилось бѣгствомъ Тай-вен-гуна въ Китай. Но въ 1885 г. вспыхнуло въ Кореѣ новое возстаніе, уже въ обратномъ смыслѣ, т.-е. сторонники японцевъ возстали

противъ вліянія корейскаго реформатора фонъ-Моллендорфа, сторонника сближенія съ Россіей. Помощь китайцевъ потушила возстаніе, Японія потребовала удовлетворенія отъ Китая. Послѣдній дѣйствовалъ, по обыкновенію, увертливо; тогда корейскій король обратился за помощью къ Россіи, но наша дипломатія, находившаяся еще подъ впечатлѣніемъ с.-петербургскаго договора, уклонилась отъ посредничества. Дѣло окончилось удовлетвореніемъ Японіи, получившей денежное вознагражденіе и обѣщаніе корейскаго правительства произвести реформы. «Реформы», какъ извѣстно, сдѣлались съ прекращеніемъ защиты религіозной свободы любимымъ средствомъ вмѣшиваться въ чужія дѣла.

Возгордившись успѣхомъ и имѣя много другихъ счетовъ съ Китаемъ, Японія стала съ этого момента готовиться къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что она знала, что китайцы очень косо поглядываютъ вообще на ея успѣхи по части европейской цивилизаціи и свои вооруженія производятъ главнымъ образомъ въ видахъ ослабленія Японіи. Китайцы, особенно Ли-хунъ-чжанъ выказали въ такой политикѣ большую проницательность, но мало послѣднею воспользовались.

Новые безпорядки въ Кореѣ, начавшіеся въ 1893 г., были ближайшимъ предлогомъ къ столкновенію. Когда безпорядки, въ маѣ 1894 г., дошли до Сеула, корейскій король вновь просилъ о помощи китайцевъ. Прибытіе китайскаго отряда вызвало посылку таковаго же, но болѣе значительнаго со стороны Японіи, которая стала укрѣпляться въ Сеулѣ и другихъ мѣстахъ Кореи. Тогда китайцы обратились къ нашему посредничеству, предлагая послать въ Корею русскія войска, но наша дипломатія, все еще нерѣшительная, ограничилась моральнымъ воздѣйствіемъ.

Японцы, между тѣмъ, будучи готовы къ войнѣ, послали въ іюнѣ ультиматумъ Китаю, требовавшій, помимо другихъ условій, полной независимости Кореи. Ультиматумъ былъ отклоненъ, китайцы стали готовиться къ войнѣ, но опять попробовали безуспѣшно вызвать вмѣшательство европейскихъ державъ; послѣднимъ хотя война вовсе не нравилась, но онѣ не предвидѣли ея послѣдствій.

Дальнѣйшія событія всѣмъ извѣстны. Японцы показали себя молодцами; они разбили китайцевъ и на морѣ и на сушѣ, и такъ же храбро и искусно дѣйствовали въ открытомъ полѣ, какъ и при штурмѣ сильныхъ укрѣпленій; даже зимній походъ не испугалъ ихъ, жителей сравнительно теплой страны. Китайцы не выказали ни храбрости, ни дисциплины, ни даже патріотизма. Казнокрадство и рутина отличали болѣе всего ихъ дѣйствія, не помогло даже участіе европейскихъ офицеровъ и улучшенное оружіе.

Уже въ февралѣ 1895 г. китайцы рѣшились просить мира, который и былъ заключенъ въ апрѣлѣ въ Симоносекѣ на самыхъ тяжелыхъ для нихъ условіяхъ. Кромѣ уплаты контрибуціи въ 320 милл. руб., Китай признавалъ Корею независимою, а Японіи

уступилъ Формозу, Пескадорскіе острова и Ліао-тунгскій полуостровъ. Слишкомъ блистательные успѣхи послужили японцамъ ко вреду: они испугали европейскія державы и повели къ буквальному повторенію того, что произошло передъ берлинскимъ конгрессомъ.

Россія, вступивъ въ данномъ случаѣ въ роль Англіи, обратилась къ Франціи, Англіи и Германіи и предложила вмѣшаться въ это дѣло, какъ нарушающее прежнее политическое равновѣсіе на дальнемъ Востокѣ, и измѣнить условія, выговоренныя графомъ Ито у Ли-хунъ-чжана. Англія, дѣйствовавшая до того вмѣстѣ съ Россіей, перешла на сторону Японіи и отвѣчала, что не видитъ повода вмѣшиваться въ китайско-японскіе переговоры; лордъ Розберри подъ рукою совѣтывалъ, впрочемъ, Японіи быть уступчивѣе. Зато Франція и Германія, вовсе не имѣющія интереса создавать на Тихомъ океанѣ великой военной державы, да еще будущей союзницы тамъ Англіи, рѣшительно присоединились къ Россіи и вынудили у Японіи отказъ отъ Ліао-тунгскаго полуострова взамѣнъ дополнительнаго вознагражденія въ 60 милл. руб.

Наша дипломатія такимъ образомъ выбила Японію изъ позиціи, гдѣ она одинаково угрожала бы и Китаю и Кореѣ, да отчасти и нашимъ восточно-сибирскимъ владѣніямъ. Конечно, это не можетъ нравиться японцамъ и ихъ отношенія къ намъ напоминаютъ теперь наши отношенія къ Англіи послѣ берлинскаго трактата. Но намъ этимъ смущаться нечего. Въ короткій срокъ мы почти удвоили нашу армію въ Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ. А затѣмъ остаются еще въ запасѣ подкрѣпленія изъ Западной Сибири и Иркутскаго генералъ-губернаторства. Эскадра наша также усиливается и не слабѣе теперь японскаго флота; годика же черезъ два намъ Японія не будетъ опасна и въ союзѣ съ Англіей. Окончаніе сибирской желѣзной дороги, при помощи которой мы можемъ насколько угодно усиливать наши боевыя силы на берегахъ Тихаго океана, совершенно обезпечитъ наше положеніе. Оффиціально, впрочемъ, съ Японіей мы находимся въ дружбѣ и японцы думаютъ даже усиливать съ нами непосредственныя торговыя сношенія, особенно съ черноморскими портами Кавказа.

Въ настоящее время первымъ министромъ въ Японіи опять гр. Матсугата, а гр. Окума завѣдываетъ внѣшними сношеніями; такимъ образомъ все тотъ же кружокъ лицъ продолжаетъ держать въ рукахъ судьбы Японіи.

Кружокъ намѣтилъ себѣ теперь двѣ задачи: сдѣлать Японію великою военною державою и въ то же время великою промышленною страною. Въ первомъ отношеніи дѣлаются огромные расходы на вооруженіе, удвоивается армія, значительно увеличивается военный и почтовый флотъ, развиваются желѣзнодорожныя сообщенія. Въ одномъ 1896 г. парламентъ ассигновалъ 43 милл. іенъ на перевооруженіе и 95 милл. іенъ на увеличеніе флота.

Первоначально японская армія была обучена французскими инструктами и имѣла французскій уставъ; но иностранцы, давно выжиты изъ японской службы, потому что своя военная школа, скопированная съ Сенъ-Сира, нафабриковала сотни отличныхъ офицеровъ. Всесословная воинская повинность, дѣло почти революціонное въ странѣ, гдѣ классы были еще недавно строго раздѣлены, привилась; способность же японцевъ къ военной службѣ чрезвычайная. Труднѣе всего было сформировать кавалерію. Для второй своей задачи Японія развиваетъ собственное горное и стальное дѣло и множество японцевъ вновь командированы заграницу для изученія техники. Въ отношеніи увеличенія промышленности японцы доходятъ даже до курьезовъ. Они учредили напримѣръ общество съ капиталомъ въ милліонъ іенъ (долларовъ) для эксплоатаціи рудниковъ въ Перу! Между тѣмъ скудные капиталы Японіи съ успѣхомъ могли бы найти приложеніе въ собственной промышленности. Большая часть каменнаго угля въ Японіи продолжаетъ добываться казенными средствами. А это одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ вывоза.

Огромная контрибуція не даетъ возможности покрывать всѣ эти расходы и вводятся новые налоги. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и до войны японскіе финансы начали приводиться въ порядокъ и японцы возстановили размѣнъ своихъ бумажекъ. Они выпустили постепенно рядъ 5-ти-процентныхъ внутреннихъ займовъ и занятыя деньги употребили на постройку желѣзныхъ дорогъ и развитіе военнаго флота, вносимые же за облигаціи кредитные билеты уничтожали. Ежегодно уничтожалось на 11 или 12 милл. руб. бумажныхъ денегъ. Японцы сдѣлали только то, что одновременно рѣшились и мы сдѣлать (Указъ 1-го января 1881 г.), при лажѣ на 20 проц. меньшемъ японскаго, но разница что они довели свой планъ до конца, а мы на первыхъ же порахъ остановились, пугаемые ложными опасеніями. Министръ финансовъ, который пожелаетъ гдѣ либо провести проектъ возстановленія валюты до конца, долженъ, какъ извѣстный герой изъ «Тысячи и одной ночи», ѣхать прямо не оглядываясь, какія бы ему видѣнія со всѣхъ сторонъ ни представлялись и какіе бы ужасные крики онъ сзади себя ни слышалъ.

Блестящіе военные успѣхи Японіи не противорѣчатъ тому, что я говорилъ выше объ ихъ прогрессѣ. Военные успѣхи дѣло техники. Наши успѣхи въ концѣ царствованія Петра Великаго точно также казались поразительными въ Европѣ, между тѣмъ теперь несомнѣнно доказано, что въ началѣ XVIII столѣтія русскій народъ страшно обѣднѣлъ и культура его въ общемъ пошла скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что хотя многія нововведенія въ Японіи представляютъ не болѣе, какъ каррикатуру, но много заимствовала Японія у Европы и полезнаго. Изъ статистики Японіи, прекрасно, замѣчу, организованной, сравни-

тельно съ трудами нашего центральнаго статистическаго комитета, видно, что въ Японіи существуетъ для взиманія прямыхъ налоговъ кадастръ, котораго у насъ нѣтъ. Недавно введенные у насъ переводы денегъ по почтѣ, вмѣсто пересылки денегъ, давно прекрасно дѣйствуютъ въ Японіи.

Свѣдѣнія объ общественномъ здравіи сообщаютъ, между прочимъ, данныя о причинахъ смерти и занятіяхъ всѣхъ умершихъ, а равно объ ихъ лѣтахъ. Число врачей и аптекъ, пропорціональное населенію въ Японіи, значительно превосходитъ число таковыхъ въ Россіи, а смертность между подкидышами поразительно мала. Пропорціонально населенію японцы читаютъ вдвое болѣе нежели русскіе, а воруютъ сравнительно въ Японіи немного. У насъ изъ одного Скопинскаго банка болѣе было украдено, чѣмъ деньгами во всей Японіи за пять лѣтъ. Несмотря на развитіе бюрократіи, всѣ чиновники въ Японіи, включая и казенное духовенство, весьма малочисленное, получили за 1884 годъ жалованья около трехъ милліоновъ руб. Пропорціонально населенію для Россіи это составило бы около 10-ти мил. руб., между тѣмъ у насъ чиновники только наградъ, пособій, подъемныхъ и др. экстраординарныхъ выдачъ получаютъ болѣе 12-ти мил. руб. въ годъ. Очевидно, самоуправленіе развито еще въ Японіи, но на островахъ Іесо и Окинава земскія учрежденія пока не введены.

Такъ какъ по послѣдней переписи, сдѣланной статистическимъ бюро, въ Японіи было 42 милл., а съ Формозой 45 милл. жителей, то, по мнѣнію европейскихъ купцовъ и газетъ, торговля Японіи съ иностранцами, представляющая нынѣ оборотъ по ввозу и вывозу только 260 милл. руб., способна была бы къ еще большему развитію.

Привозъ товаровъ въ Японію состоитъ преимущественно изъ бумажной пряжи, бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, сахара и керосина; вывозъ — изъ шелка, шелковичныхъ коконовъ и яичекъ, чая и небольшого количества ржи, пшеницы, мѣди, табака. Хотя по таможеннымъ цифрамъ торговля почти балансируется, но онѣ не даютъ точнаго понятія о положеніи вещей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ горячки и наживы, особенно по казеннымъ подрядамъ, барыши европейской торговли сократились. Между иностранцами, торгующими въ Японіи, первое мѣсто безспорно принадлежитъ англичанамъ. Послѣ Англіи второе мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты. Замѣчательно однако, что хотя отпускъ японскихъ товаровъ въ Америку всегда превосходитъ привозъ оттуда въ Японію, но это не вліяетъ на приливъ монеты, ибо вексельныя операціи между Японіей и Соединенными Штатами ликвидируются въ Лондонѣ и выгодный торговый балансъ съ Америкой поглощается невыгоднымъ съ Англіей. Керосинъ — важнѣйшій товаръ, доставляемый изъ Америки.

Въ торговлѣ Японіи съ Франціей по привозу важнѣйшую роль играютъ муселинъ де лены, а по вывозу шелкъ-сырецъ. Съ Италіей у Японіи торговля весьма незначительна. Германія доставляетъ Японіи металлы и шерстяныя издѣлія, но почти ничего у нея не покупаетъ. Изъ Швейцаріи привозятъ много часовъ, показываемыхъ, впрочемъ, въ числѣ французскихъ товаровъ.

Гораздо существеннѣе торговля съ Китаемъ. Изъ Китая доставляются не только сахаръ и другіе китайскіе товары, но и многіе европейскіе. Между китайцами есть довольно богатые купцы; европейцы ихъ игнорируютъ, подъ предлогомъ своей высшей цивилизаціи, на самомъ же дѣлѣ какъ опаснѣйшихъ своихъ соперниковъ, которые быстро идутъ къ перевѣсу въ коммерческихъ дѣлахъ на всѣхъ рынкахъ, особенно въ Нагасаки, а отчасти и въ Іокогамѣ. Японцы, хотя и презираютъ сыновъ Небесной Имперіи, какъ обманщиковъ, но предпочитаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть дѣла съ ними, потому что они за все берутъ дешевле европейцевъ. Это же служитъ причиною, что въ руки китайцевъ перешла почти вся розничная торговля, китайцы же захватываютъ денежныя операціи.

Слабѣе всѣхъ развились торговые обороты у Японіи съ Россіей, не смотря на близкое сосѣдство русскихъ владѣній въ Тихомъ океанѣ съ Японскимъ архипелагомъ, на учрежденіе въ 1880 г. постоянныхъ рейсовъ Добровольнаго Флота и компаніи Шевелева и на старинныя попытки установить торговлю между двумя странами.

Но съ тѣхъ поръ какъ Тихій океанъ былъ впервые въ XVII столѣтіи достигнутъ козакомъ Москвитинымъ, можно указать лишь на робкія и непослѣдовательныя попытки съ нашей стороны пользоваться этимъ океаномъ. Уже ставъ твердо ногою на немъ, мы ждали слишкомъ сто лѣтъ, чтобы при Екатеринѣ, въ 1786 году, признать необходимость въ отправленіи русской экспедиціи вокругъ свѣта. Дѣло, однако, ограничилось разговорами и осуществилось только когда Крузенштернъ, возвратясь въ 1799 году изъ службы въ англійскомъ флотѣ, гдѣ онъ совершилъ плаваніе къ берегамъ Китая, представилъ свой проектъ о сообщеніи моремъ нашихъ европейскихъ портовъ съ восточными.

Но и послѣ экспедиціи Крузенштерна Тихій океанъ посѣщался только военными судами, оставаясь въ монопольномъ пользованіи Россійско-американской компаніи. Мы не будемъ разбирать дѣятельности этой компаніи, обратившейся мало-по-малу изъ россійской въ нѣмецко-чухонскую; замѣтимъ только, что даже въ одинъ изъ наиболѣе цвѣтущихъ для компаніи годовъ, 1846-й, когда былъ открытъ Аянскій портъ и сообщеніе его съ Якутскомъ обезпечено, она имѣла въ Тихомъ океанѣ только 9 небольшихъ судовъ, въ томъ числѣ 2 парохода. Доходы компаніи простирались до 997,483 руб., расходы до 873,435 руб., а вся чистая прибыль отъ монополіи до 124,048 рублей! И это уже въ такое время, когда англи-

чане открыли доступъ европейскимъ судамъ въ важнѣйшіе порты Китая.

Незначительности русской торговли и русскаго судоходства въ Тихомъ океанѣ содѣйствовало и то обстоятельство, что мы держались въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ его, хотя неопредѣленность разграниченія по Нерчинскому трактату оставляла за Россіею полное право на возвращеніе отъ Китая Амурскаго бассейна. Важность обладанія этимъ бассейномъ очень хорошо сознавали и Петръ Великій, и Екатерина; мнѣнія о необходимости возвращенія намъ Амура періодически доходили до Петербурга, но подобное предпріятіе требовало значительныхъ затратъ и достаточнаго числа войскъ, на что тогда не имѣлось ни средствъ, ни удобствъ въ передвиженіи. На бездѣйствіе вліяли, о чемъ я говорилъ выше, отчасти и географическія заблужденія Лаперуза и Браутона. Впрочемъ, по мнѣнію г. Венюкова, ошибка Лаперуза и Браутона невольнымъ образомъ послужила къ выгодѣ Россіи, потому что иначе—какъ знать!—на мѣстѣ нынѣшнихъ Николаевска, Владивостока или Новгородскаго поста не красовались ли бы иностранные торговые города, въ родѣ Шанхая и Гонъ-Конга.

Г. Венюковъ въ своей интересной и полной поучительныхъ фактовъ книгѣ «Обозрѣніе Японскаго архипелага» несправедливо утверждаетъ, будто бы Екатерина II первая оцѣнила значеніе, какое можетъ имѣть для Россіи Японія. Еще Петръ Великій хотѣлъ завести торговлю Россіи съ Японіей. Въ 1722 году комерцъ-коллегія спрашивала у Хрущева, инспектора Сибирской губерніи: «не можно ли водяной ходъ ради купечества учинить нѣкоторыми рѣками, которыя впали въ море Великой Тартаріи, и на иное море, которое къ Японіи подлежитъ?» Въ инструкціи нашему первому консулу въ Китаѣ, Лангу, было сказано: «надлежитъ какъ возможно о японскомъ торгу и о ономъ государствѣ подлинно увѣдомиться, того ради, что когда его императорское величество изволитъ учинить рѣкою Амуромъ ѣздить, то вѣрно есть, что изъ всѣхъ торговъ россійскихъ, никакой бы торгъ прибыльнѣйшій не былъ, какъ сей, а особливо ради малыхъ коштовъ или убытковъ и безопасенія въ ѣздѣ русскихъ и въ провозѣ своихъ товаровъ и оттуда въ вывозѣ другихъ. А у голландцевъ сіе купечество, которое они туда имѣютъ, есть самое важное»...

Прямыя сношенія Россіи съ Японіей начались, впрочемъ, съ Екатерины посылкою въ 1792 году поручика Лаксмана изъ Охотска въ Матсмай съ потерпѣвшими у русскихъ береговъ крушеніе японцами. Эта экспедиція не имѣла никакого значенія. Болѣе ожидали отъ посылки въ 1804 году съ экспедиціей Крузенштерна камергера Рязанова въ качествѣ посланника. Но все предпріятіе кончилось неудачею, и русскій корабль, простоявъ пять мѣсяцевъ въ Нагасаки, вернулся ни съ чѣмъ. Причинами, безъ сомнѣнія, были неумѣлое поведеніе Рязанова и происки голландской фак-

торіи, видѣвшей въ русскихъ торговыхъ соперниковъ. Еще неудачнѣе окончилась посылка въ 1811 году Головнина; японцы его выдержали два года въ плѣну и, возвращая въ 1813 г. Рикорду, прямо заявили о нежеланіи своемъ имѣть сношенія съ русскими. Это же нежеланіе сказалось и сорокъ лѣтъ послѣ, когда въ 1852 году корабль Россійско-американской компаніи «Князь Меньшиковъ» бросилъ якорь въ заливѣ Симодѣ, чтобы сдать семерыхъ японцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе и спасенныхъ русскими.

Но японцы заговорили другое, когда въ 1853 году, одновременно съ американской экспедиціей Перри, явилась къ берегамъ Японіи русская эскадра вице-адмирала Путятина. Послѣ полуторагодовыхъ переговоровъ 14 января 1855 года былъ подписанъ въ Симодѣ договоръ, которымъ открывались для Россіи двѣ японскія гавани, устанавливалась граница между обѣими имперіями, русское правительство получало право назначать консула въ одинъ изъ японскихъ портовъ, русскіе причислялись къ наиболѣе благопріятствуемымъ въ Японіи націямъ и могли пользоваться всѣми преимуществами, какія только даруются другимъ иностранцамъ.

Успѣхи англо-французовъ въ Китаѣ еще болѣе смирили японцевъ и въ 1858 году они заключили рядъ договоровъ, открывавшихъ болѣе широкій доступъ въ Японію иностранцамъ. Соотвѣтственный этому русскій договоръ былъ заключенъ 7 августа 1858 года Путятинымъ и служитъ до сихъ поръ основаніемъ для нашихъ сношеній съ Японіей. По этому договору сверхъ Хокодате и Нагасаки были открыты Канагава (Іокогама), Хіого (Кобе) и обѣщанъ еще одинъ портъ на о. Нипонѣ. По Симодскому трактату, границею Россіи съ Японіей былъ опредѣленъ проливъ, отдѣляющій острова Итурупъ и Урупъ, островъ же Сахалинъ (Крафто) оставленъ «нераздѣленнымъ между Россіей и Японіей, какъ было до сего времени». Дѣйствительно, оба государства съ конца прошлаго столѣтія пытались водвориться на Сахалинѣ, но ни одно не приняло на себя трудъ устроить тамъ какую либо административную организацію, которая подтверждала бы права ихъ на владѣніе островомъ. Хотя владѣніе de facto южною частью острова было признано за японцами еще въ 1780 году, если можно назвать постройку нѣсколькихъ рыбачьихъ хижинъ дѣйствительнымъ занятіемъ извѣстной территоріи; но въ 1803 году, при отправленіи Рязанова посломъ въ Японію, Сахалинъ считался отъ японцевъ независимымъ. Принятый очень дурно, Рязановъ заявилъ японскому правительству, чтобъ оно не простирало своихъ владѣній далѣе о. Матсмая. Въ 1812 году россійско-американская компанія приступила къ занятію и заселенію Сахалина, но начавшіеся переговоры съ Японіей о выдачѣ плѣннаго Головнина заставили пріостановить это дѣло. Русскіе съ тѣхъ поръ описали берега Сахалина; лейтенантъ Хвостовъ объявилъ даже въ 1807 г., что островъ принятъ въ подданство Россіи; японцы, между тѣмъ,

отправлялись туда на рыбную ловлю и вели мѣновую торговлю съ туземнымъ населеніемъ—айнами, но никто не водворялся достаточно прочно. Въ то время наша дипломатія дѣйствовала на дальнемъ Востокѣ весьма нерѣшительно, поэтому русское правительство въ 1816 году отказалось подтвердить актъ присоединенія, совершенный Хвостовымъ.

Дѣло оставалось въ неопредѣленномъ положеніи до 1854 года, когда Путятинъ возбудилъ вопросъ о разграниченіи острова; но японское правительство уклонилось отъ переговоровъ, не видя потребности въ разграниченіи. Совсѣмъ другое значеніе получилъ этотъ вопросъ, когда были открыты на Сахалинѣ значительныя мѣсторожденія каменнаго угля и устроенъ рудникъ около Дуэ. Въ минеральномъ топливѣ крайне нуждается весь Тихій Океанъ и открытіе его такъ близко отъ нашихъ восточныхъ военныхъ портовъ было событіемъ весьма важнымъ. Съ этой минуты Сахалинъ пріобрѣталъ и значительное экономическое значеніе, почему были устроены первыя русскія поселенія на островѣ и начались его изслѣдованія, практическія и научныя. Когда же возникъ вопросъ о превращеніи Сахалина въ обширную пенитенціарную колонію, изслѣдованія острова приняли еще болѣе серьезный характеръ. Между тѣмъ и японцы не дремали: съ развитіемъ своего судоходства и подъ вліяніемъ того оживленія, которое замѣчалось у нихъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, они начали наѣзжать все чаще въ южную часть Сахалина, особенно къ заливу Анивэ, и были тамъ посты, гдѣ русскіе линейные солдаты жили въ одной казармѣ съ японскими.

Неудобство такого страннаго положенія было замѣчено прежде всего японцами, которые пытались было ходатайствовать о возвращеніи имъ Сахалина, но, встрѣтивъ рѣшительный отказъ, пошли на разныя сдѣлки. Одною изъ такихъ среднихъ мѣръ была конвенція, заключенная съ японскимъ посольствомъ Стремоуховымъ въ С.-Петербургѣ въ 1867 году. Изъ этой конвенціи, весьма неясной по своему содержанію, видно, что наше правительство предлагало и получило нѣчто въ родѣ предварительнаго согласія—уступить Россіи весь Сахалинъ, съ вознагражденіемъ Японіи частью Курильскихъ островов. Японскіе чиновники осматривали затѣмъ эти острова. Окончательно обмѣнъ былъ сдѣланъ по договорамъ 25 апрѣля и 10 августа 1875 г. Судя по книгѣ А. Полонскаго, гдѣ собраны всѣ данныя о Курилахъ, острова эти въ экономическомъ отношеніи представляютъ самую малую цѣнность. Изъ двадцати двухъ болѣе значительныхъ островов Курильской группы, девятнадцать составляютъ безспорную собственность Россіи, но далѣе четырнадцатаго почти не заходило русское вліяніе. Острова эти, населенные небольшимъ числомъ мохнатыхъ курильцевъ, очень бѣдны, почва камениста, мало плодородна, лѣса незначительны, рыбы, звѣря и птицы также немного, доступъ судамъ затрудни-

телей. Потому уступка не имѣла для Россіи въ промышленномъ отношеніи значенія и сократила даже нѣкоторые расходы правительства. Уступка острововъ японцамъ была нежелательна развѣ потому, что курильская гряда запираетъ Охотское море, окруженное со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями, и потому территоріальность этого моря никѣмъ серьезно не оспаривалась. Оставить же это море закрытымъ (mare clausum), что немыслимо безъ сохраненія за собою Курильскихъ острововъ, представляло для Россіи нѣкоторыя выгоды. Не говоря о политической и военной точкахъ зрѣнія, на прикрытіе весьма важныхъ устьевъ Амура, въ торговомъ отношеніи Охотское море представляетъ цѣнность по изобилію китовъ и всякаго звѣря. Правда, его богатствами русскіе не пользовались сами и не получали даже ничего отъ тѣхъ иностранцевъ, которые пріѣзжали туда безъ всякаго разрѣшенія, увозили ежегодно добычу на милліоны долларовъ и устраивали даже на русской землѣ постоянныя поселенія, совершенно игнорируемыя нашими административными географами; но никто не мѣшалъ Россіи воспользоваться своимъ правомъ, еслибъ она того захотѣла. Наши эскадры бездѣйствовали въ мирное время въ военныхъ портахъ, или крейсировали у береговъ Италіи и Греціи; было бы гораздо цѣлесообразнѣе крейсировать имъ въ Охотскомъ морѣ и собирать пошлины съ иностранныхъ промысловыхъ судовъ. Конечно, подобное крейсерство обошлось бы не дешево, но оно покрылось бы сборомъ съ чужеземныхъ промышленниковъ, а косвенно—качественнымъ улучшеніемъ экипажей нашего военнаго флота.

Съ географической точки зрѣнія, Сахалинъ лежитъ внѣ линіи, образуемой Курилами и Японскимъ архипелагомъ, но для Приморской области Восточной Сибири островъ этотъ образуетъ весьма важный передовой стратегическій пунктъ. Сахалинъ тянется на протяженіи почти 900 верстъ параллельно нашему берегу Приморской области и запираетъ входъ въ устье Амура; проливъ между островомъ и материкомъ замерзаетъ зимою на четыре мѣсяца и тѣмъ открываетъ удобное сообщеніе по льду. Очевидно, что при такихъ условіяхъ оставлять часть острова въ рукахъ державы, сооружавшей усиленно броненосный флотъ и вооружавшей армію скорострѣльными ружьями, было бы для насъ крайне неразсчетливо и предусмотрительность требовала вырѣшить вопросъ о Сахалинѣ въ то время, когда никакихъ значительныхъ интересовъ Японія съ своими правами на островъ еще не соединяла.

Дополненіемъ къ трактату 1858 г. послужила торговая конвенція 11 декабря 1867 года, подписанная г. Бюцовымъ въ Ходате, съ приложеніемъ таможеннаго тарифа. Дальнѣйшее развитіе торговыхъ сношеній Японіи вызвало желаніе измѣнить существующіе трактаты. Жалобы на эти трактаты шли съ обѣихъ сторонъ. Иностранцы требовали прежде всего дозволенія иностраннымъ кораблямъ посѣщать возможно большее число прибрежныхъ пунктовъ,

такъ какъ сухопутное передвиженіе товаровъ въ Японіи и затруднительно и дорого. Далѣе къ недостаткамъ трактатовъ относили то, что по японскому таможенному тарифу слишкомъ много пошлинъ уплачивалось съ цѣны товара, а не по вѣсу.

Японцы также были недовольны трактатами и требовали ихъ пересмотра. Японцы добивались главнымъ образомъ права назначенія пошлины по своему произволу. Туземная печать высказала крайнюю запальчивость по этому предмету и заводила даже рѣчь объ изгнаніи европейцевъ. Къ счастію, правительство благоразумнѣе печати. Вотъ главнѣйшія возраженія японцевъ противъ трактатовъ: Японія во время ихъ подписанія была не полновластна и иностранныя державы воспользовались внутренними замѣшательствами, чтобы ограничить страну въ ея правахъ политическихъ, общественныхъ и торговыхъ; консула рѣшали крайне пристрастно всѣ дѣла, гдѣ японцы подлежали ихъ суду; иностранныя державы расширили, вопреки смыслу трактатовъ, юрисдикцію своихъ консуловъ; державы эти нарочно затягивали пересмотръ трактатовъ, который обязателенъ былъ еще въ 1872 году; наконецъ,—существующія торговыя отношенія разорительны для Японіи и обогащаютъ только иностранцевъ.

По дѣйствовавшему таможенному тарифу иностранные товары доставлялись или безпошлинно, или уплачивали пошлину въ 5%. Японцы были недовольны этимъ положеніемъ, убивающимъ ихъ промышленность, и желали измѣнить его. Переговоры о пересмотрѣ трактатовъ начались давно съ обѣихъ сторонъ. Еще въ 1879 г. представители иностранныхъ державъ приглашали японское правительство войти въ обсужденіе ихъ предложеній, а японскія торговыя палаты просили также пересмотрѣть трактаты, чтобы, уничтоживъ отпускныя пошлины (что уже сдѣлано), повысить привозныя. Съ своей стороны японцы желали отмѣнить вовсе экстериторіальность для иностранцевъ, что признавалось невозможнымъ въ виду соціальнаго положенія Японіи.

Международная комиссія по пересмотру договоровъ открыла свои дѣйствія въ Токіо въ 1882 г., но не привела къ результату, въ 1886 году была избрана новая конференція и, въ виду переустройства японскихъ судовъ, окончилась отмѣною консульской юрисдикціи. Въ 1888 г. японское правительство заявило, что намѣрено опять возбудить вопросъ о трактатахъ и желало войти въ соглашеніе отдѣльно съ каждымъ правительствомъ.

Согласно съ этимъ, въ 1889 году былъ подписанъ договоръ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Японіей, причемъ послѣдняя давала намъ право наиболѣе благопріятствуемой націи, а мы не только признавали японскую юрисдикцію, но и отказывались отъ предлагаемаго намъ права назначить своего представителя въ кассаціонный судъ. Общественное мнѣніе было тогда противъ новыхъ договоровъ, начались волненія, о которыхъ я говорилъ.

Поэтому, по просьбѣ японцевъ, договоръ 1889 г. былъ отсроченъ на неопредѣленное время.

Успѣхъ японцевъ на войнѣ съ китайцами сдѣлалъ державы болѣе сговорчивыми; по примѣру Англіи, Франція, Германія и Соединенные Штаты заключили новые договоры, причемъ согласились почти на тройное повышеніе пошлинъ. Японцы предлагали и намъ дать тѣ же конвенціонныя ставки, но наши дипломаты предпочли заключить особый договоръ, который и былъ подписанъ 27 мая 1894 г. По этому договору намъ открывается вся Японія, остальные статьи цѣликомъ заимствованы изъ англо-японскаго соглашенія. Договоръ вступитъ въ силу, однако, только черезъ четыре года по подписаніи, т. е. въ 1898 году.

Въ будущемъ расширеніе торговыхъ сношеній между Японіей и Россіей, и преимущественно съ Восточною Сибирью, можетъ быть сдѣлано съ большою выгодой для обѣихъ странъ; необходимо только избѣжать ошибокъ, въ которыя впали другія европейскія государства и Америка. Чтобы торговля имѣла прочное основаніе, надобно, чтобъ она была обоюдовыгодна, а не оказывалась бы на дѣлѣ эксплоатированіемъ одной страны другою, какъ это случилось при первыхъ торговыхъ сношеніяхъ Японіи съ европейскими государствами и Америкой, вслѣдствіе чего торговля далеко не получила того развитія, какого можно было ожидать отъ открытія столь обширнаго рынка какъ Японія.

АМЕРИКА.

XXIX. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Большинство русскихъ, посѣтившихъ Америку, сильно разочаровалось въ ней. О себѣ скажу—наоборотъ. Отправившись въ Соединенные Штаты нѣсколько подъ впечатлѣніемъ «Oncle Sam» и разныхъ вздорныхъ книжекъ, до путешествія Диксона включительно, я послѣ двухкратнаго пребыванія въ этой странѣ, возвратился вынеся скорѣе хорошее, нежели дурное впечатлѣніе.

Нерѣдко читаешь, что опытъ будто бы доказалъ, что американскія учрежденія были соотвѣтствующими только тогда, когда въ мѣстномъ населеніи жилъ еще духъ первыхъ эмигрантовъ изъ Европы, основателей республики, людей политически разумныхъ и нравственно религіозныхъ, а что теперь одно численное большинство безъ достаточнаго образованія и при упадкѣ нравственности (?) не въ состояніи охранить никакія учрежденія отъ искаженія. Другіе увѣряютъ, что съ уничтоженіемъ равновѣсія власти отдѣльныхъ штатовъ и центральной прежняя конституція на дѣлѣ уничтожена и что въ настоящее время, какая бы партія ни захватила власть въ Вашингтонѣ, противъ ея произвола не существуетъ уже огражденія американскому гражданину, а имена республики, свободы, равенства — только одна горькая иронія. Эти смѣлыя утвержденія публицистовъ—грубая мистификація европейской публики.

Безъ сомнѣнія, каждая страна имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Идеала нѣтъ и его въ Америкѣ не достигли и не достигнутъ. Но, если положить на вѣсы худыя и хорошія стороны, то навѣрное въ Соединенныхъ Штатахъ, сравнивая ихъ съ Европою, хорошее сильно перетянетъ въ свою сторону. То, что сказалъ объ Америкѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія Стендаль

(Henry Beyle) остается вполнѣ вѣрнымъ. «Свободное правительство, говоритъ онъ, это правительство, которое не дѣлаетъ ничего дурного своимъ подданнымъ, а, наоборотъ, доставляетъ имъ тишину и спокойствіе. Но отъ этого еще далеко до счастья. Послѣдняго человѣкъ долженъ самъ достигнуть, ибо только очень грубыя натуры могутъ быть вполнѣ счастливыми ради того, что они спокойны и находятся въ безопасности. Мы смѣшиваемъ эти вещи въ Европѣ, пріученные къ правительствамъ, которыя причиняютъ намъ вредъ; избавиться отъ послѣднихъ кажется намъ высшимъ блаженствомъ. Это то же самое какъ положеніе больныхъ, которымъ прискучила ихъ продолжительная болѣзнь. Примѣръ Америки доказываетъ, однако, что одного этого не достаточно»....

Къ недостаткамъ Америки относятъ обыкновенно буржуазный характеръ ея общества. Она и издали и вблизи представляется сборищемъ трудолюбивыхъ и ловкихъ мѣщанъ; интересы науки, искусства, утонченной цивилизаціи стоятъ тамъ на второмъ планѣ, трудъ и ординарный незамысловатый комфортъ — на первомъ. Правда, и въ Америкѣ замѣтно извѣстное различіе въ манерахъ, образованіи, образѣ жизни, но преимущественно преобладаетъ одинъ типъ. Если Россію называютъ мужицкимъ царствомъ, то Америку съ такимъ же основаніемъ можно назвать мѣщанскимъ царствомъ. Желѣзныя дороги и гигантскія сооруженія построены здѣсь въ интересѣ всѣхъ, въ размѣрахъ, о которыхъ Европа не имѣетъ никакого понятія; народная школа и газета доведены до nec plus ultra доступности и дешевизны, и какъ общій результатъ—довольство массы, довольство политическое и соціальное. Я разумѣю именно массу, потому что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ повременамъ, а особенно тамъ, гдѣ волна голодной европейской эмиграціи бьетъ непрерывно, легко указать множество ничего не доказывающихъ исключеній.

Не считая древней Греціи, исторія не знаетъ почти республикъ демократическихъ. Республика и олигархія въ Европѣ сдѣлались синонимами. Американская конституція—любопытное твореніе человѣческаго разума—создала демократическое государство, размѣры котораго могутъ увеличиваться по произволу безъ всякаго опасенія за единство страны. Хотя каждый новый штатъ имѣетъ право сочинить себѣ какую угодно конституцію, онъ не находитъ, однако, ничего лучшаго, какъ копировать старую федеральную. Это фактъ.

Въ Америкѣ указываютъ на различныя злоупотребленія администраціи. Эти злоупотребленія дѣйствительно существуютъ, но они дѣло партіи, и конституція тутъ не причемъ, а развѣ имѣетъ то значеніе, что дозволяетъ всегда передать власть въ руки другой партіи, поневолѣ искореняющей злоупотребленія. Въ Европѣ такой порядокъ вещей немыслимъ, тамъ административныя ошибки

передаются, такъ сказать, по наслѣдству. При этомъ трудно дѣлать сравненія. Если бы въ Европѣ была гласность, хотя на половину подобная американской, то злоупотребленій открылось бы, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Хотя въ Америкѣ, повидимому, управляетъ толпа и всеобщая подача голосовъ, но, всматриваясь ближе, мы видимъ, что нигдѣ болѣе осторожно не подготовляютъ выборовъ и не обсуживаютъ такъ внимательно кандидатовъ. Если же выборы бываютъ подъ-часъ неудачны, то это доказываетъ, что худы не учрежденія, а люди.

О законодательствѣ американскомъ я считаю излишнимъ распространяться. Оно сочинено вновь и не знаетъ никакихъ предразсудковъ, кромѣ нѣкоторыхъ расовыхъ предразсудковъ. Если законы страдаютъ тамъ чѣмъ либо, то исключительно желаніемъ сдѣлать все для поощренія энергіи человѣка, представляя въ случаѣ столкновенія вѣдаться съ судомъ, въ которомъ, увы! сидятъ опять тѣ же несовершенные люди. Судъ, однако, находится также въ рукахъ нуждающагося въ немъ державнаго народа и можетъ чрезвычайно легко освѣжаться болѣе здоровыми элементами. Доказательствомъ служитъ Калифорнія, гдѣ толпа оборванныхъ авантюристовъ въ короткое время обратилась въ собственниковъ, спокойно владѣющихъ имуществомъ цѣнностью въ сотни милліоновъ.

Желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ — 300 тысячъ верстъ протяженіемъ, болѣе чѣмъ во всей Европѣ въ сложности, и дороги эти выстроены превосходно, возятъ дешево, доставляютъ комфортъ, передъ которымъ европейская система можетъ сравниться развѣ съ перевозкою скота. Правда, американцамъ помогаетъ большое вообще пассажирское движеніе, ибо двигаться въ ихъ духѣ.

Школа въ Америкѣ является ранѣе, чѣмъ плугъ проводитъ по дѣвственной почвѣ первую борозду. Параллельно идутъ почта и телеграфъ. Точно также нѣтъ въ Америкѣ города, гдѣ не было бы газеты, т. е. гдѣ бы община не знала, что дѣлается на свѣтѣ, что дѣлается по сосѣдству и особенно въ ней самой. Гласность въ Америкѣ доведена до непонятнаго въ Европѣ развитія и злоупотребленія ея уничтожаются тѣмъ же развитіемъ печати. Хорошихъ и честныхъ газетъ такъ много, что безчестныя не могутъ съ ними конкуррировать и мнѣніе ихъ считается только курьезомъ, а слѣдовательно клевета не можетъ марать порядочнаго человѣка. Джеферсонъ, знаменитый президентъ американской республики и творецъ ея конституціи, преувеличивая роль печати, сказалъ даже: «что лучше жить въ странѣ безъ правительства, но гдѣ существуетъ печать, чѣмъ въ странѣ безъ газетъ, но съ самымъ лучшимъ правительствомъ».

Изо всѣхъ образованныхъ государствъ, не исключая даже Англіи, Соединенные Штаты сдѣлали въ нынѣшнемъ столѣтіи болѣе всего успѣховъ по части новыхъ изобрѣтеній въ механикѣ.

Американцамъ принадлежитъ изобрѣтеніе пароходовъ, электрическихъ телеграфовъ, телефона, скоропечатныхъ машинъ, локомобилей, машинъ для обработки дерева и металловъ, паровыхъ жатвенныхъ машинъ, разныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, револьверовъ, броненосцевъ, швейныхъ машинъ и много другихъ полезныхъ въ мирномъ и военномъ отношеніи предметовъ.

Комфортъ Америки получилъ свое высшее выраженіе въ отеляхъ. Нѣтъ послѣдняго городишка, гдѣ бы не было отличной гостинницы, опрятной, комфортабельной и принаровленной къ потребностямъ всего населенія, а не одного богатаго класса; то же относится до клубовъ, кафе, жилыхъ построекъ, общественныхъ увеселеній и пр.

Такъ называемые моралисты, одобряя матеріальное благосостояніе, не хвалятъ нравственность американцевъ. Рыцарскаго, правда, очень мало въ американскомъ характерѣ, но отчего же толпы пьяныхъ ирландцевъ, попадая въ эту безнравственную страну, дѣлаются очень скоро честными и довольными отцами семейства и собственниками? Лучшая похвала Америки все-таки заключается въ томъ, что послѣднею вполнѣ довольны сами американцы. Съ дѣтскою радостью слушаютъ они всегда похвалы своей странѣ, хотя и безъ того убѣждены, что, оглядываясь кругомъ, они не найдутъ для себя въ цивилизованномъ мірѣ ничего лучшаго. Нельзя не пожелать такого же толковаго и сознательнаго патріотизма всѣмъ народамъ въ мірѣ!

Въ одномъ изъ театровъ Чикаго занавѣсъ въ аллегорической картинѣ изображаетъ необычайное возрожденіе этого города послѣ пожара въ 1871 г. Съ одной стороны пожаръ истребляетъ зданія; женщины и дѣти въ отчаяніи ломаютъ руки, а рядомъ кипитъ уже работа: архитекторы и инженеры чертятъ планы, рабочіе очищаютъ площадь, свозятъ матеріалы и роютъ фундаменты. Эта картина — не фантазія, а дѣйствительность, которая даже въ средѣ практическихъ американцевъ возбудила удивленіе и сдѣлала имя жителей Чикаго почетнымъ. Правда, что послѣднимъ помогали съ замѣчательною щедростью всѣ граждане Союза. Единодушіе американцевъ въ серьезныя минуты поразительно; оно лучше всего показываетъ, что завѣренія разныхъ близорукихъ писателей, по большей части Америки и въ глаза не видавшихъ, о нравственномъ разложеніи этого государства—чистѣйшая сказка или, вѣрнѣе, злонамѣренная клевета. Страна, гдѣ каждый доволенъ своимъ положеніемъ, гордится своею національностью и считаетъ свою страну недосягаемымъ образцомъ для другихъ государствъ, имѣетъ, несомнѣнно, признаки живучести. Къ тому же такая гордость у американцевъ не есть квасной патріотизмъ, происходящій отъ круглаго невѣжества и незнанія условій другихъ странъ, напротивъ того, въ Америкѣ милліоны переселенцевъ изъ всѣхъ государствъ легко имѣютъ возможность сдѣлать сравненіе между тѣмъ благополучіемъ,

которое они нашли въ новомъ отечествѣ, и тѣмъ, которое они оставили въ Европѣ.

Да не подумаютъ, что я выставляю Америку какимъ-то земнымъ раемъ, гдѣ стоитъ только захотѣть, чтобы въ ротъ полетѣли жареныя перепелки. Нигдѣ, наоборотъ, такъ не трудно проложить себѣ безъ труда, или съ трудомъ призрачнымъ, дорогу; зато нигдѣ, имѣя здоровыя руки, нельзя достигнуть такъ скоро поразительной степени благосостоянія, какъ въ Америкѣ.

Доктринеры приписываютъ преуспѣяніе Америки исключительно ея политическимъ учрежденіямъ, но буквально тѣ же учрежденія въ Средней и Южной Америкѣ оказались совершенно безсильными сдѣлать что-либо изъ населенія, чуждаго идеѣ прогресса. Во всякомъ случаѣ, надобно признать, что, каково бы ни было мнѣніе о безусловномъ достоинствѣ джефферсоновской конституціи, въ Соедененныхъ Штатахъ она дѣйствуетъ замѣчательно хорошо. Сколько разъ въ послѣднее время происходили въ штатахъ выборы въ президенты и на безчисленное множество другихъ должностей, и эта агитація, не смотря на различіе и даже противоположность интересовъ Сѣвера, Юга и Запада, разныхъ расъ и т. п. шла спокойно въ средѣ 60-ти милліоннаго населенія. Но многіе, въ томъ числѣ и Катковъ, смотрѣли и смотрятъ иначе и предсказывали неминуемое провозглашеніе диктатуры въ Соединенныхъ Штатахъ, на томъ основаніи, что демократизація учрежденій неизмѣнно приводитъ къ цезаризму. Греческія республики, устоявшія противъ персидскихъ полчищъ, — потомъ, когда власть демократіи достигла крайнихъ предѣловъ, легко стали добычей Македоніи. Римская республика, послѣ окончательнаго торжества демократіи, почти немедленно превратилась въ имперію цезарей. Точно также и Франція, насильственно оторвавшись отъ традиціонной монархіи, послѣ террора безропотно отдалась военному деспотизму; того же спасенія искала она и отъ демократіи 1848 г., и та же участь недавно угрожала ей вновь, въ виду встрѣчаемыхъ ею затрудненій для возстановленія прерванныхъ преданій. Процессъ-де вездѣ одинъ и тотъ же; Соединенные Штаты только ошибочно казались исключеніемъ изъ общаго правила, такъ какъ въ нихъ процессъ политическаго развитія задерживался непомѣрно быстрымъ расширеніемъ территоріи.

Подобныя заключенія кажутся мнѣ черезчуръ странными и поспѣшными. Нѣтъ сомнѣнія, что демократія, какъ каждая форма политическаго общежитія, имѣетъ свои существенные недостатки, легко бьющіе въ глаза при гласности и публичности, свойственной этой формѣ; американская конституція не совершенна и не не лишена крупныхъ погрѣшностей, обозначенныхъ столѣтнимъ опытомъ; но между сознаніемъ необходимости сдѣлать поправки въ конституціонномъ зданіи и водвореніемъ диктатуры -огромная разница.

Расширеніе территоріи Соединенныхъ Штатовъ, которое представляется противовѣсомъ недостаткамъ демократическаго правленія, въ сущности, является наибольшимъ врагомъ для послѣдняго. До сихъ поръ Соединенные Штаты, не смотря на значительную эмиграцію изъ Европы, поддерживали сравнительно однородный составъ своего населенія и пользовались преимущественно умѣреннымъ климатомъ. Присоединеніе Канады съ ея развитымъ и спокойнымъ населеніемъ не измѣнило бы также чувствительно характера американскаго народа. Совсѣмъ другое дѣло, если американское правительство, увлекаясь легкостью территоріальныхъ пріобрѣтеній, захватило бы Кубу, Антильскіе и Сандвичевы острова, Мексику, съ ихъ цвѣтнымъ населеніемъ, облегчило иммиграцію китайцевъ и не приняло мѣръ для быстраго поднятія цивилизаціи въ средѣ чернаго племени,— тогда дѣйствительно демократическимъ учрежденіямъ можетъ грозить серьезная опасность, и Соединенные Штаты или распадутся на части, или усилятъ власть центральнаго правительства.

Къ послѣднему и теперь существуетъ стремленіе, постепенно усиливающееся съ каждымъ расширеніемъ территоріи и увеличеніемъ разнохарактерности населенія; но, пока, это касалось только правъ конгресса, президентъ же республики имѣлъ и безъ того власть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходящую власть иныхъ конституціонныхъ государей Европы. Размѣры этой власти велики, но кругъ ея дѣйствія незначителенъ. Хотя президентъ Соединенныхъ Штатовъ кажется и всемогущимъ, выбирая министровъ не изъ большинства конгресса, а по собственному усмотрѣнію; но въ сущности въ чемъ же можетъ проявиться его власть? Ему подчинено, правда, масса чиновниковъ, но лица эти стѣснены незначительностью круга дѣйствій федеральнаго правительства. Президентъ командуетъ арміей, которой почти нѣтъ, косвенными налогами, почтамтами, индѣйскими дѣлами, иностранными сношеніями, изъ года въ годъ неизмѣнными, и т. д. При такой организаціи исполнительная власть сильна лишь настолько, насколько сильна вообще партія, выдвинувшая ее впередъ.

Всякое покушеніе центральной власти расширить свою самостоятельность должно непремѣнно встрѣтить сопротивленіе въ отдѣльныхъ штатахъ, которые представляютъ, за немногими исключеніями, полноправныя государства. Ошибка лицъ, судящихъ объ Америкѣ, въ томъ и заключается, что они имѣютъ въ виду только федеральную конституцію, играющую, строго говоря, роль второстепенную. Каждый штатъ имѣетъ особую выборную систему, свой гражданскій и уголовный кодексъ, полновластно завѣдываетъ прямыми налогами, судебной частью, путями сообщенія, торговыми дѣлами, народнымъ и религіознымъ образованіемъ, милиціей; во многихъ случаяхъ отдѣльные штаты Америки болѣе независимы отъ вашингтонскаго конгресса, нежели разныя государства Гер-

маніи отъ рейхстага. Эти права отдѣльныхъ штатовъ и свобода ихъ измѣнять свою избирательную систему въ какомъ угодно духѣ, консервативномъ или либеральномъ, будутъ всегда лучшимъ орудіемъ противъ недостатковъ демократіи. Хотя, какъ выше было сказано, тенденція къ расширенію правъ федеральнаго правительства въ Америкѣ несомнѣнно существуетъ, но отъ нея еще очень далеко до какого-либо серьезнаго ограниченія конституціонной власти отдѣльныхъ штатовъ, а тѣмъ болѣе до низведенія ихъ на степень простыхъ провинцій. Извѣстно, что дарованіе неграмъ права голоса на выборахъ въ южныхъ штатахъ могло быть сдѣлано только на основаніи юридической фикціи, разсматривавшей эти штаты какъ непріятельскую территорію, завоеванную оружіемъ въ междоусобную войну. Очевидно, что подобные случаи для коренныхъ преобразованій въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ представляться будутъ не часто, а дарованіе права голоса чернымъ можно считать самою радикальною реформой, проведенною въ послѣднее время въ Америкѣ.

Расширеніе избирательнаго права, составляющаго основаніе всего управленія, такъ какъ исполнительная, судебная и законодательная власти въ Америкѣ основаны одинаково на выборномъ началѣ, озабочиваетъ уже американскихъ государственныхъ людей умѣреннаго оттѣнка. Они вовсе не скрываютъ, что suffrage universel при неразвитой массѣ скорѣе оружіе противъ свободы, нежели въ пользу ея; однако мысль о личной диктатурѣ, которая выйдетъ будто бы изъ всеобщаго избирательнаго права, далека отъ большинства американцевъ. Ихъ страшитъ не деспотизмъ диктатора, а деспотизмъ партій, и противъ вреднаго вліянія послѣдняго они и стараются придумать какія-либо практическія средства, въ особенности для того, чтобы администрація перестала считаться «добычею» партіи, побѣдившей на выборахъ и мѣста не раздавались бы за политическія услуги. «Конечно, говоритъ Гейсъ, въ одномъ изъ своихъ посланій, каждый президентъ попадаетъ на мѣсто лишь усиліемъ своей партіи, но онъ долженъ помнить, что честное служеніе отечеству есть лучшая награда и для его партіи». Афоризмъ весьма неутѣшительный для политическихъ авантюристовъ, чающихъ движенія воды.

Многіе видятъ опасность въ томъ, что въ Америкѣ всего двѣ главныхъ партіи, и одобряютъ образованіе новыхъ. Подобное мнѣніе странно при знакомствѣ съ конституціоннымъ механизмомъ, потому что для разстройства послѣдняго нѣтъ лучшаго средства, какъ я уже нѣсколько разъ говорилъ, изобилія партій. Въ Америкѣ бѣда не въ томъ, что республиканцы и демократы оспариваютъ другъ у друга власть, а въ томъ, что эти партіи черезчуръ плотно организованы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи, какъ бы исключительно для борьбы. Но недостатки эти зависятъ отъ самой системы представительства и системы выборовъ.

Консервативная партія, которая въ сущности дѣйствуетъ въ Америкѣ въ духѣ либеральномъ, такъ какъ желаетъ избавить страну отъ тираніи численнаго большинства, формулировала слѣдующимъ образомъ реформу американскихъ политическихъ учрежденій. По ея мнѣнію, необходимо: дать представительство меньшинству во всѣхъ учрежденіяхъ административныхъ и законодательныхъ; разрѣшить для этого перенесеніе всѣхъ голосовъ на одного кандидата (vote cumulatif); для избранія кандидатовъ производить предварительные выборы; вслѣдствіе чего, запретить такъ называемые caucus и conventions (собранія партій) для выбора кандидатовъ; дать участіе въ выборѣ судей или губернаторамъ съ утвержденія федеральнаго сената, или обѣимъ законодательнымъ палатамъ каждаго штата; запретить президенту республики баллотироваться на свою должность два четырехлѣтія подрядъ, и ввести незначительный цензъ (имущество въ $1^1/_2$ тыс. рублей) для избранія сенаторовъ отдѣльныхъ штатовъ, а также шерифовъ и нѣкоторыхъ полицейскихъ и финансовыхъ чиновниковъ, что отстранило бы отъ избранія этихъ лицъ бездомныхъ ирландцевъ, негровъ и вообще людей, не платящихъ налоговъ. Но отъ осуществленія подобной программы, которое еще весьма и весьма сомнительно, до провозглашенія диктатуры или монархіи очень далекое разстояніе. Какая участь ожидаетъ Соединенные Штаты въ будущіе вѣка, когда они, какъ римская республика, сыграютъ свою роль въ исторіи,—задумываться совершенно преждевременно.

Выборы въ президенты Соединенныхъ Штатовъ производились до сихъ поръ вполнѣ успѣшно, если не считать того, что въ 1864 году возстаніе не позволило южнымъ штатамъ принять участіе въ выборахъ. Обыкновенно всегда побѣждала одна какая нибудь партія и только два раза голоса раздроблялись настолько, что, на основаніи конституціи, пришлось окончательный выборъ президента предоставить палатѣ представителей. До 1860 г. побѣждала обыкновенно демократическая партія, располагавшая номинальными голосами за негровъ южныхъ штатовъ. Только въ 1848 г. былъ выбранъ Захарія Тайлоръ, республиканецъ, или по тогдашней номенклатурѣ вигъ. Всѣ остальные президенты, а именно Джаксонъ (два раза), Ванъ Буренъ (два раза), Полькъ, Пирсъ, Бюкананъ были демократы.

Съ 1860 года относительная сила американскихъ партій перемѣнилась; развитіе западныхъ штатовъ, а затѣмъ освобожденіе негровъ и предоставленіе имъ непосредственнаго права голоса дали перевѣсъ республиканской партіи, которая съ тѣхъ поръ постоянно одерживала верхъ, а именно въ 1860 и 1864 годахъ были избраны Абрамъ Линкольнъ, въ 1868 и 1872 годахъ Грантъ, въ 1876 году, не безъ труда, Гайсъ, въ 1880 году, Гарфильдъ. Только съ избраніемъ Кливлэнда въ 1884 году демократическая партія, впервые съ 1860 г., достигла власти. Ея долгое отчу-

жденіе зависѣло отъ предубѣжденій, сохранившихся на Сѣверѣ со времени международной войны, который настолько же твердо держался республиканскихъ воззрѣній, насколько Югъ—демократическихъ. Привела демократовъ къ власти необходимость очистить администрацію отъ воровъ, но уже въ 1888 г., отъ усилившихся протекціонныхъ стремленій, республиканцы блестяще провели своего кандидата Гаррисона. Въ 1892 году снова побѣдили демократы съ Кливелендомъ. Но на послѣднихъ выборахъ республиканецъ Макъ-Кинлей получилъ необычайное большинство въ пять милліоновъ голосовъ, совершенно неожиданно, такъ какъ до того никогда ни одна партія не имѣла большинства при выборѣ президента болѣе одного милліона голосовъ. Между тѣмъ, самъ по себѣ Макъ-Кинлей, по сравненію съ весьма симпатичнымъ Кливелендомъ, довольно ничтожная личность. Соперникъ его Брайнъ, какъ человѣкъ, куда былъ посильнѣе и поталантливѣе. Но имя Макъ-Кинлея давно стало, даже въ Европѣ, символомъ таможеннаго протекціонизма.

Съ самаго основанія республики было много партій: федералисты, демократо-республиканцы, оппозиціонисты, коалисты, демократы, національные республиканцы и виги, но съ 1856 г. почти всѣ партіи исчезли и на развалинахъ ихъ образовались двѣ партіи, республиканская и демократическая, безусловно распоряжавшіяся судьбой Соединенныхъ Штатовъ попеременно до нынѣшняго года, несмотря на то, что съ 1880 г. начали появляться и исчезать нѣсколько новыхъ партій, какъ-то: партія гринбековъ, народная, рабочихъ и партія сторонниковъ запретительной системы*).

Различіе главныхъ американскихъ партій весьмо существенно. «Республиканцы» стояли за возможную централизацію, покровительственный таможенный тарифъ, бумажныя деньги, равноправность расъ; республиканцы освободили негровъ, но запятнали себя взяточничествомъ въ послѣднія два президентства Гранта. Республиканцы враги подоходнаго налога. «Демократы» имѣютъ репутацію чище, хотя на нихъ лежитъ пятно сочувствія къ южнымъ плантаторамъ во время междоусобной войны. Демократы желаютъ автономіи отдѣльныхъ штатовъ, свободы торговли, ограниченія бумажнаго обращенія и стѣсненія на Югѣ, подавляющаго на выборахъ политическихъ, судебныхъ и муниципальныхъ, большинства

*) Чтобы противодѣйствовать монополіи желѣзныхъ дорогъ, которая въ Соединенныхъ Штатахъ тѣмъ тяжелѣе, что, за исключеніемъ тихо-океанской дороги, всѣ линіи Союза подчинены законодательству отдѣльныхъ штатовъ, фермеры западныхъ штатовъ образовали было политическую партію granges. Злоупотребленія желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ опираются на могущественную партію, состоящую изъ капиталистовъ Новой Англіи и держащую власти въ своихъ рукахъ. Поэтому для борьбы требуются въ Соединенныхъ Штатахъ очень энергическія мѣры. Слѣдуетъ упомянуть также о партіи независимыхъ «Mugwumps», отдѣлившихся отъ республиканской партіи въ 1884 г., вслѣдствіе серьезныхъ обвиненій, возведенныхъ на Блена въ подкупѣ.

даже не пытался приступить къ обсужденію этого вопроса. Если большинство въ конгрессѣ другой партіи, чѣмъ президентъ республики, то посланіе послѣдняго не имѣетъ значенія болѣе, чѣмъ какая нибудь статья въ распространенной газетѣ. Дѣло обстоитъ, конечно, нѣсколько иначе, если и президентъ, и большинство конгресса одинаковой партіи.

Срокъ полномочія представителей палаты два года; она имѣетъ двѣ сессіи: длинную и короткую, и затѣмъ всѣ законопроекты, которые не будутъ разсмотрѣны ко дню закрытія послѣдней, т. е. къ 4 марта, надобно считать погибшими, такъ какъ продолжительность сессіи палаты опредѣлена конституціей. Поэтому, въ теченіе послѣднихъ недѣль, предшествующихъ закрытію короткой сессіи, дѣла разсматриваются въ палатѣ съ крайнею торопливостью и засѣданія идутъ по ночамъ.

Хотя американскому конгрессу подчинена только часть дѣлъ и каждый штатъ имѣетъ свои представительныя учрежденія, но число дѣлъ, проходящихъ черезъ конгрессъ, громадно—отъ 7 до 12,000 ежегодно; это превосходитъ въ десять и пятнадцать разъ труды, напр., нашего государственнаго совѣта. Понятно, что обсудить in plenum такое количество дѣлъ невозможно. Почти всѣ дѣла рѣшаются въ комиссіяхъ или комитетахъ конгресса, въ общихъ же засѣданіяхъ произносятся рѣчи собственно для публики или избирателей.

При такомъ способѣ веденія дѣлъ, понятна важная роль предсѣдателя палаты представителей или спикера. Эта роль усиливается еще и тѣмъ, что въ американскомъ конгрессѣ нѣтъ вожаковъ партій. Но еще болѣе важная привиллегія спикера заключается въ томъ, что, на основаніи правила, принятаго въ 1790 году, всѣ члены многочисленныхъ комитетовъ палаты представителей не избираются путемъ баллотировки, а назначаются властью спикера. Безъ всякаго сомнѣнія, что послѣдній избираетъ ихъ такъ, чтобы его партія имѣла въ комитетахъ большинство голосовъ. Съ правомъ назначать комитетскихъ членовъ натурально соединено право распредѣлять между ними занятія или, другими словами, право заранѣе давать дѣламъ опредѣленное направленіе.

Власть спикера палаты представителей, по конституціи, весьма второстепенная, de facto стала теперь громадною и предсѣдатель палаты хотя избирается на менѣе длинный срокъ, чѣмъ президентъ республики, и роль его менѣе, повидимому, блестяща, но въ мирное время его вліяніе на карьеру политическихъ дѣятелей и на направленіе внутренней политики болѣе сильно, чѣмъ вліяніе президента республики. Особенно поднялъ значеніе этой должности республиканецъ Ридъ.

Распредѣленіе членовъ палаты представителей между различными комитетами составляетъ послѣ избранія спикера самый важный моментъ въ исторіи каждаго конгресса; за нимъ слѣдятъ съ

самымъ живымъ интересомъ. Спикеръ посвящаетъ этой работѣ первыя двѣ недѣли послѣ своего вступленія въ должность и занимается съ такимъ же вниманіемъ, какъ европейскіе первые министры занимаются составленіемъ новаго кабинета. Въ послѣднюю сессію конгресса было 54 постоянныхъ комитета палаты представителей и въ нихъ отъ 3 до 16 членовъ въ каждомъ. Совѣщанія комитетовъ происходятъ втайнѣ, комитеты приглашаютъ въ свои засѣданія министровъ и другихъ служащихъ для объясненій.

Система эта, которую предлагали недавно ввести во Франціи, имѣетъ огромное неудобство. Она уничтожаетъ единство законодательной дѣятельности палаты представителей; члены палаты не обращаютъ вниманія на то, что дѣлается въ собраніяхъ, а интересуются лишь тѣмъ, что происходитъ въ комитетахъ. Эта система стѣсняетъ свободу преній—послѣднія въ общихъ собраніяхъ обратились въ формальность; она ослабляетъ внутреннюю связь между законодательными актами; каждый комитетъ идетъ своею дорогою, не обращая вниманія на неизвѣстную ему дѣятельность другихъ комитетовъ. Наконецъ, система эта очень содѣйствуетъ подкупу членовъ конгресса и косвенному на нихъ давленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ интересъ въ народѣ къ тому, что происходитъ въ конгрессѣ. Она стѣсняетъ и власть административную, создавая рядомъ съ министерствами учрежденія, постоянно вмѣшивающіяся и въ администрацію.

Но почему же система комитетовъ не упраздняется въ виду указанныхъ недостатковъ? Она не упраздняется, отвѣчаетъ Джемсъ Брайсъ, авторъ прекраснаго новѣйшаго сочиненія объ американской конституціи, потому что взамѣнъ ея не придумано ничего лучшаго, а по мнѣнію очень многихъ и нельзя придумать. «Все равно, говорилъ Брайсу одинъ американскій юристъ, хороша или дурна наша теперешняя система, только она одна возможна при нашей конституціи. Такъ какъ она не была создана этой конституціей, а является продуктомъ столѣтняго опыта, то отсюда ясно, какъ были сильны тѣ стремленія, для удовлетворенія которыхъ она сложилась само собою».

Каждое государство имѣетъ свою собственную не только политическую, но и финансовую систему. Есть, конечно, и такія, гдѣ вся система состоитъ въ отсутствіи какого-либо опредѣленнаго плана; но зато въ другихъ странахъ планъ, разъ начертанный, проводится съ удивительною послѣдовательностью.

Англія всегда держалась, напримѣръ, той точки зрѣнія, что налоги должны быть платимы только имущественными классами, которые пользуются политическими правами. Быстрое возрастаніе косвенныхъ налоговъ—налоговъ на потребленіе, было явнымъ нарушеніемъ этого основного принципа ея финансоваго законодательства. Это сознали англійскіе финансисты уже въ 20-хъ годахъ, и съ Роберта Пиля замѣна косвенныхъ таможенныхъ пошлинъ

прямымъ подоходнымъ налогомъ сдѣлалась цѣлью всей финансовой политики Англіи. Мѣнялись партіи въ управленіи, но принципъ оставался, и Гладстонъ былъ его лучшимъ представителемъ.

Америка всегда держалась другой теоріи. Ея бюджетъ основывался обыкновенно на таможенномъ доходѣ. Если до 1861 года отъ возрастанія торговли не разъ случалось понижать пошлины, то потому. что казначейство не знало просто куда дѣваться съ собираемымъ доходомъ. Въ 1861 году военныя обстоятельства принудили Соединенные Штаты создать внезапно средства для покрытія громадныхъ расходовъ, о которыхъ имѣли понятіе только европейскія государства. Американскіе финансисты обратились опять къ таможеннымъ пошлинамъ и повысили ихъ весьма значительно. Кромѣ финансовой цѣли, тутъ достигались и цѣль экономическая—развитіе внутренней промышленности, и цѣль политическая — ударъ торговлѣ Англіи, негласной союзницы южанъ. Когда таможенныхъ пошлинъ оказалось недостаточно, американцы установили пропорціональный налогъ съ произведеній всѣхъ отраслей внутренней промышленности (internal revenue). Систему эту англійскіе экономисты называли средневѣковою, грубою и варварскою; она достигла, однако, своей цѣли: правительство безъ большихъ затрудненій собирало отъ 500 до 700 милл. руб. ежегоднаго дохода, а промышленность получила неслыханное дотолѣ развитіе. Такъ какъ доходовъ всетаки не хватало и пришлось прибѣгать къ печальному содѣйствію ассигнацій, то, чтобъ упадкомъ курса послѣднихъ не создать преміи иностраннымъ привозителямъ, было положено собирать таможенныя пошлины золотомъ. Не признавая гомеопатическихъ вліяній въ излеченіи денежнаго недуга, американскіе финансисты собираемое золото не держали въ кладовыхъ, а продавали время-отъ-времени съ публичнаго торга, какъ товаръ, пользуясь разницею въ курсѣ.

Для мирнаго времени американская система не измѣнилась и избытки поступленій употреблялись на погашеніе государственнаго долга на столько энергически, что представлялся вопросъ— благоразумно ли поступаютъ Соединенные Штаты предпочитая облегченіе будущихъ поколѣній обремененію настоящаго? Нѣтъ сомнѣнія, что разсчетъ американцевъ былъ вѣренъ. Ихъ долгъ выросъ отъ междоусобія; грядущія поколѣнія никакъ не могутъ воспользоваться затратами, сдѣланными изъ милліардовъ этого долга, оттого несправедливо и взваливать на эти поколѣнія расплату за грѣхи нашихъ современниковъ. Съ другой стороны, погашеніе производилось въ Америкѣ не на основаніи остроумной, но нелѣпой системы Перси, а по естественному излишку доходовъ, позволяющему употреблять его на покупку обязательствъ, состоявшихся на весьма тяжелыхъ условіяхъ.

Равнымъ образомъ и послѣ окончанія войны, хотя случалось, что казначейство не знало опять, что дѣлать съ доходами, аме-

риканцы и не думали отказываться отъ своей покровительственной политики. Они уничтожили внутренніе налоги и возвысили относительный размѣръ покровительства, обезпеченнаго промышленности таможеннымъ тарифомъ. Возрастающее благосостояніе, притокъ эмиграціи, развитіе торговли и высокая заработная плата показывали, что подобная система не истощаетъ силъ страны, не можетъ считаться не раціональною и не заслуживала упрековъ, слишкомъ щедро расточаемыхъ ей экономистами.

Болѣе упрековъ заслуживало отношеніе американцевъ къ денежной системѣ. Очень долго вліятельная партія требовала увеличенія бумажно-денежнаго обращенія, доказывая, что нельзя ограничиваться опредѣленнымъ количествомъ бумажныхъ денегъ, но слѣдуетъ сдѣлать денежное обращеніе, такъ сказать, «растяжимымъ». Растяжимость эта достигается выпускомъ новыхъ денегъ въ размѣрѣ, потребномъ для оживленія дѣлъ и возвышенія цѣнъ до нормы, покровительствуемой тарифомъ, поощряя, однако, приэтомъ только серьезные виды производства. Опредѣлить границы этихъ выпусковъ—задача, однако, довольно трудная. Едва ли конгрессъ, изъ какихъ бы умныхъ и практическихъ людей онъ ни состоялъ, можетъ разрѣшить такой мудреный вопросъ.

Когда бумажное обращеніе было регулировано, вниманіе американскихъ сторонниковъ «растяженія» денежнаго обращенія обратилось на серебро и вотъ уже десять лѣтъ идетъ самая ожесточенная борьба, чтобы добиться въ Америкѣ биметализма. Неудовлетворительность денежнаго обращенія въ республикѣ вопросъ весьма важный. По временамъ онъ, совпадая съ излишествами спекуляціи, вызываетъ даже общія банкротства, разоряя множество частныхъ лицъ не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Европѣ.

Къ счастью, насколько причина всѣхъ коммерческихъ кризисовъ или, вѣрнѣе, внезапныхъ расширеній спекуляціи, таинственна, настолько средства бороться съ ними сдѣлались теперь извѣстны. Средства эти состоятъ въ быстромъ и повсемѣстномъ возвышеніи дисконта и умѣренномъ выпускѣ кредитныхъ или банковыхъ билетовъ, замѣняющихъ исчезнувшую изъ обращенія монету. Такимъ путемъ солидныя фирмы и хорошія бумаги удерживаются, хотя, конечно, и съ потерями, а дутыя цѣнности и запутавшіеся спекуляторы погибаютъ, очищая биржевой воздухъ. Американцы, какъ мы выше видѣли, дѣйствовали противъ кризиса такимъ же образомъ, и выпускъ правительствомъ гринбековъ оказалъ неисчислимыя услуги. Конечно, подобныхъ эмпирическихъ средствъ оказывается недостаточно; для отстраненія громадныхъ потерь, истекающихъ изъ кризисовъ, лучше было бы придумать средства предохранительныя; но пока не придумано еще ничего, что могло бы удерживать въ данный моментъ спекуляцію въ благоразумныхъ предѣлахъ, да и едва ли скоро придумается. По крайней мѣрѣ

духъ спекуляціи постепенно распространяется даже на такія государства, которыя были ему чужды. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что если теперь кризисы бываютъ сильнѣе, то зато и короче. Кризисъ 1837 года продолжался въ Америкѣ шесть лѣтъ; въ настоящее же время капиталы перемѣщаются такъ быстро, что однимъ стѣсненіемъ дисконта можно отвратить послѣдствія самаго сильнаго кризиса въ нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣдній кризисъ въ Америкѣ продолжался, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ, но на Европу онъ дѣйствовалъ только опредѣленное время.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ экономическомъ отношеніи Соединенные Штаты имѣютъ много сходства съ Россіей: бумажныя деньги, покровительственный тарифъ, вывозъ сырья и золота и обратный привозъ издѣлій, зависимость отъ иностранцевъ въ торговлѣ и мореходствѣ, обширная территорія съ рѣдкимъ населеніемъ, прекрасные водяные пути и т. д.—все это явленія, общія обѣимъ странамъ, не сходнымъ ни по политическому устройству, ни по духу и складу жизни. Послѣднее различіе не всегда вліяетъ, однако, на экономическія и финансовыя обстоятельства, и русскимъ экономистамъ слѣдуетъ поэтому со вниманіемъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Америкѣ.

Не только для Россіи, но и для всего міра имѣютъ значеніе дѣйствія Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ рабочему вопросу; это одна изъ важнѣйшихъ частей политики Союза. Въ Америкѣ того мнѣнія, что самая богатая страна та, гдѣ вовсе нѣтъ своего населенія. Отчего Мексика, богатства которой давно извѣстны, оставалась въ нищенствѣ? Оттого, говорятъ янки, что въ ней были мексиканцы, самый лѣнивый и самый самолюбивый народъ въ свѣтѣ, способный только разбойничать и вести процессы. Перерѣжьте всѣхъ мексиканцевъ, и завтра Мексика сдѣлается цвѣтущимъ государствомъ, потому что на мѣсто военныхъ и адвокатовъ явятся энергическіе сетлеры и проспекторы, и создадутъ тысячи предпріятій, привлекутъ эмиграцію и капиталы, построятъ желѣзныя дороги...

Эта циническая теорія объясняетъ секретъ преуспѣнія Америки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, почему именно только тамъ могли быть получены такіе по-истинѣ изумительные результаты въ экономическомъ отношеніи. Каждое населеніе содержитъ только извѣстный процентъ рабочихъ силъ, остальное составляютъ лица потребляющія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ особенности западныхъ, населеніе, вслѣдствіе новости эмиграціи, а отчасти и господствующаго духа, заключаетъ несравненно большую пропорцію рабочихъ единицъ, нежели европейскія населенія; при этомъ каждая свободная копѣйка затрачивается въ Америкѣ въ новое дѣло безъ всякаго опасенія не только риска, но даже совершеннаго разоренія. Потому-то трудныя предпріятія, разорившія какую либо компанію, не останавливаются и не бросаются, а наоборотъ, при-

влекаютъ новые и новые капиталы, и вызываютъ новыя усилія энергическихъ людей.

Легкость наживы и изобиліе работы привлекло, какъ извѣстно, иммиграцію, доставившую съ 1824 по 1896 гг. Соединеннымъ Штатамъ 18.215,163 новыхъ гражданъ, въ томъ числѣ Россія дала 699,685.

Недавно еще, при господствѣ теоріи laissez faire, подобная иммиграція считалась благомъ для страны; многія государства, видя успѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, не только покровительствовали ей, но прямо поощряли преміями и другими пособіями. Въ настоящее время замѣчается, однако, сильная реакція противъ такой политики. Приливъ евреевъ и китайцевъ ранѣе всѣхъ заставилъ обратить вниманіе на вредъ и опасность, происходящіе отъ иммиграціи, вредъ, превосходящій нерѣдко пользу отъ нея. Затѣмъ начали приниматься мѣры противъ переселенія нищихъ и больныхъ, а теперь уже принимаются мѣры и противъ усиленнаго прилива иностранцевъ вообще. Пруссія и Россія однѣ изъ первыхъ узаконили мѣры противъ иностранцевъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Затѣмъ и Франція, послѣ сильныхъ колебаній, пожелала идти по этому же пути. Соединенные Штаты поступили еще рѣшительнѣе. Тамъ образовалась даже особая партія know-nothing— людей, требующихъ не допускать въ Америку иностранцевъ. И хотя уже сдѣлано не мало стѣсненій для иммиграціи, но вскорѣ будутъ изданы законы, по которымъ отъ иммигрантовъ, кромѣ средствъ къ жизни, станутъ требовать и грамотности, условія очень тяжелаго, въ особенности для переселенцевъ изъ Россіи и Царства Польскаго, изъ которыхъ до сихъ поръ только 41—48% знали грамоту. Наши эмигранты также бѣднѣйшіе: тогда какъ нѣмцы пріѣзжаютъ имѣя въ карманѣ не менѣе 38 долларовъ, русскіе (т. е. по преимуществу русскіе евреи) имѣли только 7 долларовъ.

Проявляя реакціонный духъ на людяхъ, Соединенные Штаты собираются возвратиться къ другой законодательной практикѣ и по отношенію къ землѣ. Они обратили вниманіе на фактъ, что земли, которыя по дешевой цѣнѣ американское центральное правительство продаетъ эмигрантамъ или которыя были безвозмездно уступлены взамѣнъ гарантіи доходовъ различнымъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ, начали скупаться европейскими капиталистами и, между прочимъ, богатыми англійскими лордами. Такимъ образомъ, образовались огромныя имѣнія въ два милліона десятинъ и вообще болѣе 20 милліон. десятинъ находится въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ. Конечно, эти земли—степи, имѣющія пока мало цѣнности, но при быстромъ заселеніи западныхъ штатовъ и при не менѣе быстромъ устройствѣ тамъ желѣзныхъ дорогъ, захваченныя огромныя пространства земли могутъ пріобрѣсти громадную стоимость, и американскіе граждане встрѣтятся тогда съ тою же крупною поземельною аристократіею, отъ которой большинство ихъ и эмигрировало изъ Европы въ Америку.

Въ предвидѣніи этого въ американскій конгресъ былъ внесенъ проектъ закона, который воспрещалъ иностранцамъ пріобрѣтать въ предѣлахъ республики поземельную собственность изъ свободныхъ казенныхъ земель. Проектъ этотъ встрѣченъ было палатою депутатовъ очень сочувственно, неизвѣстно только, пройдетъ ли онъ въ сенатѣ, гдѣ засѣдающіе въ большинствѣ представители новыхъ штатовъ едва ли поддержатъ законъ, ограничивающій временно мобилизацію поземельной собственности и тѣмъ задерживающій приливъ населенія и капиталовъ въ отдаленныя территоріи Союза. Если же сенатъ убѣдится аргументаціей защитниковъ проекта, то Соединенные Штаты придутъ почти въ то же положеніе, въ которомъ недавно находилась Турція и другія восточныя страны, т. е. поземельными собственниками будутъ въ ней только свои подданные, иностранцы же лишатся права владѣть другою собственностью, кромѣ движимой.

Совокупнымъ приложеніемъ системъ германской и американской, человѣчество вернется мало-по-малу къ тому положенію, которое было въ древности, когда слова: «врагъ» и «иностранецъ» были синонимами. Насколько выиграетъ или проиграетъ отъ того общее благосостояніе, сказать, конечно, трудно; во всякомъ случаѣ подобная революція понятій и гражданскихъ отношеній не можетъ совершиться безъ чувствительныхъ потрясеній.

Стѣсненія американцевъ къ приливу рабочихъ зависятъ отъ примѣненія машинъ, сокращающихъ необходимость въ рабочихъ рукахъ. Въ Америкѣ выросло уже два поколѣнія фермеровъ, которыя не знаютъ, что такое серпъ и коса; а у насъ, въ Россіи, до сихъ поръ существуетъ, даже въ спеціальной литературѣ, мнѣніе, что косильныя и жатвенныя машины настолько несовершенны, что ихъ и заводить не стоитъ. Всѣ, даже мелкіе сельско-хозяйственныя работы въ Америкѣ, начиная съ образцовыхъ хозяйствъ восточныхъ штатовъ и кончая фермами въ индѣйской территоріи, исполняются теперь машинами. Одинъ человѣкъ успѣваетъ обрабатывать по 30 десятинъ въ годъ! Такъ какъ при мелкомъ землевладѣніи невозможно имѣть на каждой фермѣ всевозможныя машины, по значительной ихъ стоимости, то обыкновенно ими обмѣниваются хозяева.

Работа машинъ настолько производительна, что жатва производится всегда во-время и только при помощи мѣстныхъ рабочихъ рукъ. При этомъ нужно замѣтить, что въ полевыхъ работахъ въ Америкѣ никогда не участвуютъ женщины. Очень часто американецъ управляетъ машиною, сидя подъ зонтикомъ, покуривая, а иногда читая газету. Зрѣлище болѣе пріятное—не во гнѣвъ будь сказано американофобамъ—чѣмъ десятковъ покрытыхъ потомъ русскихъ бабъ, не разгибая спины подъ палящимъ солнцемъ, жнущихъ хлѣбъ первобытными орудіями.

Приливъ рабочихъ повліялъ и на сокращеніе работы негровъ. Чернокожіе переходятъ теперь въ города, гдѣ живутъ въ бѣдности, особнякомъ, земли же покупаютъ рѣдко. Хотя негры составляютъ 11 проц. населенія, но они доставляютъ 30 проц. всѣхъ преступниковъ. Американцы иронически относятся къ будущности негровъ, увѣряя, что черные мало-по-малу вымрутъ. Главный мотивъ жалобъ—неисполненіе неграми условій найма. Чуть только урожай получше, негры бросаютъ хозяевъ и преспокойно нанимаются по сосѣдству, унося полученные задатки. Возвратить послѣдніе невозможно, потому что мировые судьи также негры, или выбираются неграми; даже полученіе исполнительнаго листа не ведетъ ни къ чему, ибо у негра не оказывается никакого имущества, а, приговоренный дослужить свой срокъ на плантаціи, онъ работаетъ такъ небрежно, что его лучше прогнать, тѣмъ болѣе, что негры весьма предусмотрительно нанимаются всегда съ пищею отъ хозяина. Объ эмансипаціи негровъ плантаторы болѣе не жалѣютъ. Если посчитать, что имъ стоило содержаніе черныхъ, воспитаніе и леченіе ихъ дѣтей, кормъ въ случаѣ неурожая или застоя въ торговлѣ, то положительно можно сказать, что трудъ негровъ только-только окупалъ себя и вся выгода была въ «приплодѣ».

Въ Америкѣ заработная плата въ два или три раза выше чѣмъ въ Европѣ, но это не мѣшаетъ стачкамъ рабочихъ продолжаться по нѣсколько мѣсяцевъ и въ нихъ участвуютъ десятки и сотни тысячъ рабочихъ; стачки въ особенности сильны на желѣзныхъ заводахъ и въ Нью-Іоркѣ. Цѣль стачекъ, конечно, повышеніе заработной платы, которая не соотвѣтствуетъ будто бы барышамъ капиталистовъ. Замѣчательно, однако, что поведеніе рабочихъ, не смотря на естественное возбужденіе умовъ при стачкахъ, поражаетъ своимъ спокойствіемъ. Достоинство и самообладаніе, съ которымъ американскіе рабочіе ведутъ борьбу, заслужили имъ поддержку публики, подписывающейся на фонды въ пользу рабочихъ, и даже защиту консервативныхъ журналовъ. Только въ одномъ случаѣ американское общественное мнѣніе забило тревогу, именно въ то время, когда въ одной изъ процессій въ Мильуоки, огромномъ городѣ, гдѣ участвовало десять тысячъ человѣкъ, рабочіе носили красное знамя. И здѣсь, впрочемъ, печать заступилась за рабочихъ. Одна изъ крупныхъ нью-іоркскихъ газетъ, «Evening Telegraph», воспользовалась случаемъ, чтобы прочесть наставленіе американскимъ капиталистамъ.

«Десять тысячъ рабочихъ, говоритъ американская газета, выбрали свободный отъ труда день, чтобы собраться, погулять, поговорить, поспорить и посовѣтоваться объ интересующихъ ихъ дѣлахъ. Что бы ни разсказывали, но, не смотря на красное знамя, порядокъ сохранялся великолѣпно: ничья собственность не уничтожилась, ничья голова проломана не была и права ни одного изъ классовъ общества нарушены не были. А сравните съ этимъ по-

веденіе торговой палаты и нѣкоторыхъ банковъ въ томъ же Мильуоки? Г. Петеръ Макъ-Геохъ, напримѣръ, который пять лѣтъ тому назадъ не имѣлъ ни на одинъ долларъ незаложеннаго имущества, благодаря счастливой игрѣ на биржѣ на цѣну жизненныхъ припасовъ, сталъ одною изъ вредныхъ гигантскихъ силъ, запирающихъ выходъ изъ склада жизненныхъ продуктовъ, снабжающаго весь міръ. Представляя заговоръ капитала въ 12 милліоновъ далларовъ, онъ пріобрѣлъ безусловное право контроля надъ торговлею хлѣба въ городѣ. Своею игрою на разницу въ цѣнахъ онъ остановилъ всѣ мельницы въ краѣ, блокировалъ привозъ водою и по желѣзнымъ дорогамъ и прекратилъ заграничный отпускъ, сдѣлавшись со своими друзьями причиною дороговизны, отъ которой невыносимо теперь страдаютъ тысячи семействъ».

Эти слова и сотни другихъ подобныхъ статей доказываютъ, что и въ Соединенныхъ Штатахъ, представляемыхъ обыкновенно царствомъ плутократіи, справедливые интересы труда находятъ себѣ защитниковъ. Надобно надѣяться, что и американскіе рабочіе скоро убѣдятся, что баррикады, ружейные выстрѣлы, красныя и черныя знамена и пресловутый динамитъ никогда не подвинутъ впередъ ихъ дѣла такъ, какъ сдѣлаетъ это умная организація разрозненныхъ силъ для спокойнаго и обдуманнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимаго протеста противъ жадной эксплоатаціи капиталистовъ.

Хотя отъ времени до времени въ Соединенныхъ Штатахъ вѣшаютъ анархистовъ и соціалистовъ, но американцы думаютъ, что разъ общественное мнѣніе перестанетъ находиться подъ вліяніемъ паническаго страха и приметъ къ сердцу интересы труда, будетъ сдѣланъ важный шагъ къ разрѣшенію соціальнаго вопроса. Американцы мечтаютъ даже, что они станутъ въ этомъ случаѣ примѣромъ для Европы. Насколько оправдается самомнѣніе американцевъ, предсказать трудно. Во всякомъ случаѣ легкость, съ которою американцы выходятъ изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ — касается ли это финансовъ, общественныхъ вопросовъ или политики, — заслуживаетъ вниманія людей мыслящихъ.

Соединенные Штаты имѣютъ независимую политику, мало сближающуюся съ нашими общими европейскими дѣлами. На политику они имѣютъ собственныя оригинальныя воззрѣнія, которыя чаще всего формулируются въ президентскихъ посланіяхъ и рѣчахъ въ день вступленія въ новый четырехлѣтній періодъ управленія, а иногда въ резолюціяхъ сената. По мнѣнію американцевъ, большіе флоты и арміи излишни и нѣтъ территоріальнаго пріобрѣтенія, вызывающаго увеличенія военныхъ силъ; наоборотъ, всякое завоеваніе позволяетъ сокращать вооруженія страны. Подобный парадоксъ имѣетъ значеніе, конечно, только въ Америкѣ. Захвативъ Канаду и Мексику, Соединенные Штаты дѣйствительно ста-

нутъ въ положеніе почти неуязвимое относительно Европы; они займутъ тогда почти островное положеніе, подобно Англіи, съ тою разницею, что послѣдняя находится въ двухъ часахъ пароходнаго пути отъ Европы, а Америка—въ семи дняхъ.

Необъятное расширеніе территоріи Союза нисколько не страшитъ американцевъ. Теперь, когда телеграфъ облегчаетъ быстрый обмѣнъ мыслей и дополняетъ выгоды скораго парового сообщенія, всѣ части «континента» находятся, по ихъ словамъ, подъ рукою правительства. Крайніе пункты сближены въ настоящее время, быть можетъ, даже болѣе, нежели при прежнихъ средствахъ сообщенія соединялись между собою границы первоначальнаго небольшого американскаго союза. Американцы не раздѣляютъ мнѣнія тѣхъ, кто въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ видитъ начало разрушенія для государства. Торговля, образованіе, обмѣнъ мыслей и продуктовъ отстранили теперь эту опасность. Потому американцы искренне сожалѣютъ о томъ, что сенатъ отказался принять въ составъ Союза островъ Санъ-Доминго и Сандвичевы острова на правахъ территорій. Подобныя убѣжденія, особенно громко заявляемыя первымъ сановникомъ республики, должны производить самое непріятное впечатлѣніе на Англію и Испанію, болѣе другихъ европейскихъ государствъ заинтересованныхъ въ сохраненіи statu quo въ Новомъ Свѣтѣ. Канада и Куба — это только частицы того, что можетъ удовлетворить здоровый аппетитъ американцевъ, стремящихся даже Тихій океанъ обратить въ американское озеро.

Въ европейской политикѣ американцы признаютъ только одну Англію, хотя ее ненавидятъ и ее боятся, завистливо за нею слѣдятъ и съ нею считаются. Такова попытка Соединенныхъ Штатовъ, о которой я говорю въ слѣдующей главѣ, заключить общій торговый договоръ съ американскими республиками чѣмъ уничтожается торговое преобладаніе въ послѣднихъ Англіи, или другими словами, разрушается вѣковой трудъ англичанъ, старавшихся отторгнуть эти республики отъ Испаніи. Къ другихъ государствамъ американцы равнодушны. Въ то время, какъ на тѣсномъ пространствѣ Европы чуть не пожираютъ другъ друга и на послѣднія средства, входя въ нескончаемые долги, силятся содержать подъ ружьемъ армію слишкомъ въ 5 милліоновъ человѣкъ, американцы считаютъ европейскія дѣла ничтожными. Это можно приписать и обычному самодовольству американцевъ, а отчасти и тому, быть можетъ, болѣе трезвому взгляду, который рождается у человѣка, когда онъ издали смотритъ на борьбу, въ которой не принимаетъ непосредственнаго участія и ожесточеніе которой для него потому совершенно чуждо.

Резюмируя сказанное, мы видимъ, что вся американская политика сводится къ очень немногимъ и незамысловатымъ положеніямъ, поставленнымъ еще «отцами американской свободы». По этому

упрощенному катехизису, матеріальные интересы должны идти впереди прочихъ другихъ: затѣмъ въ вопросахъ внѣшней политики теорія Монроэ—Америка для американцевъ и только въ республиканской формѣ правленія,—остается краеугольнымъ камнемъ; въ экономической политикѣ ту же роль играетъ протекціонизмъ и освобожденіе внутренняго рынка отъ всякой зависимости отъ европейской промышленности. Помимо этого не старается пока придумать что-либо новаго мудрость американскихъ государственныхъ людей, предоставляющихъ вопросы просвѣщенія, права, религіи и пр. заботливости отдѣльныхъ штатовъ.

Въ credo американской политики входитъ «любовь къ Россіи»; конечно и тамъ есть люди противоположнаго мнѣнія, но масса публики за Россію, вовсе не отъ расположенія къ намъ, такъ какъ недостатки русскаго государственнаго устройства тамъ отлично извѣстны, но изъ ненависти къ Англіи. Въ Россіи она видитъ естественнаго врага и соперника Англіи, а Англія ихъ только и интересуетъ и къ ней, несмотря на сродство, они чувствуютъ ненависть, зависть и отчасти страхъ. Нелюбовь и ревность къ Англіи имѣютъ много корней и не скоро еще исчезнутъ въ Америкѣ. Отчасти онѣ основываются на старинной исторической враждѣ, отчасти на стремленіи англичанъ совать всюду свой носъ. Болѣе же всего поддерживаетъ раздраженіе торговое и промышленное соперничество. Американскіе фабриканты, судохозяева, издатели и проч. видятъ въ англичанахъ своихъ естественныхъ и главныхъ конкуррентовъ. Я не говорю уже о второстепенныхъ причинахъ раздраженія, въ родѣ прилива голодныхъ ирландцевъ, переносящихъ свою вѣковую ненависть къ Англіи, высокомѣрнаго отношенія англійской печати ко всему американскому, алабамской исторіи и т. п.

Любовь американцевъ къ намъ напоминаетъ любовь Россіи къ абиссинцамъ, она болѣе культивировалась на почвѣ платонической посылкою «Міантономо» и рѣчами американскихъ моряковъ въ ресторанахъ въ Москвѣ и Нижнемъ или посылкою двухъ грузовъ кукурузы для голодающихъ въ 1891 г. Съ нашей стороны выраженіе любви гораздо реальнѣе. Мы не только ограничивались обмѣномъ вѣжливостей, но и дѣлали серьезные шаги, начиная съ вооруженнаго нейтралитета 1780 г. въ самый разгаръ борьбы американцевъ за независимость.

Непріятности мы доставили американцамъ одинъ разъ—это когда кн. Горчаковъ не хотѣлъ отозвать изъ Вашингтона своего любимца Катакази, между тѣмъ этотъ дипломатъ положительно скомпрометировалъ себя вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла республики. Дѣло дошло до того, что министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшительно отказался принимать нашего посланника.

Но это была мелочь. Посерьезнѣе была конвенція 1826 г. о разграниченіи русскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ съ Со-

единенными Штатами, послѣдовавшая за заключеннымъ еще при Александрѣ I, но ратификованнымъ 27 декабря 1825 г. такимъ же соглашеніемъ съ Англіей. Обѣ эти конвенціи почти неизвѣстны въ Россіи, и между тѣмъ онѣ весьма замѣчательны. «Разграниченіе» съ Англіей состояло въ перенесеніи русской границы отъ Скалистыхъ горъ, по хребту которыхъ она проходила, на западъ до 142 градуса западной долготы (считая отъ Гринича), оставляя между 142 и 130 градусами только узкую полосу берега и нѣкоторые острова; сѣверную часть пріобрѣтенной страны англійское правительство отдало Гудсонбайской компаніи, изъ южной же образовало территорію British Columbia. Разграниченіе съ Соединенными Штатами было просто отказомъ отъ юго-восточной части русскихъ владѣній, составившихъ впослѣдствіи штатъ Орегонъ и территорію Вашингтонъ. Уступленныя страны были важны не только по ихъ неизмѣримому пространству, но и по изобилію пушного звѣря; съ этой поры и возникаетъ англійская и американская мѣховая торговля, которая впослѣдствіи вытѣсняетъ отовсюду русскую и отнимаетъ у насъ одинъ изъ значительныхъ предметовъ вывоза.

Территоріи эти были открыты, завоеваны и отчасти заселены не русскимъ государствомъ, а Россійско-Американской компаніей и были ея лучшими и доходнѣйшими владѣніями, лишившись которыхъ она медленно стала клониться къ упадку. По англійскимъ источникамъ видно, что наша компанія успѣшно соперничала съ Гудсонбайской, а въ началѣ XIX вѣка стала было заводить факторіи на островахъ Тихаго океана.

Въ 1862 г. князь Горчаковъ отказался отъ предложенія тюльерійскаго кабинета сдѣлать совмѣстно съ Англіей вмѣшательство въ междоусобную войну въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь князь Горчаковъ проявилъ, пожалуй, тонкую проницательность, потому что, когда, въ 1863 году, Франціи удалось составить цѣлую коалицію для давленія на Россію, чтобы вынудить ее сдѣлать уступки польскому возстанію, посылка русской эскадры въ Соединенные Штаты и возможность при дружественномъ нейтралитетѣ послѣднихъ крейсерской войны охладила напускной жаръ Англіи и съ тѣмъ вмѣстѣ разстроила грозную коалицію.

Къ сожалѣнію, желаніе угодить Соединеннымъ Штатамъ повело потомъ къ крупной ошибкѣ: продажѣ за 7.200,000 долл. нашихъ американскихъ колоній. Уступка Соединеннымъ Штатамъ русско-американской территоріи не можетъ быть, конечно, пріятна нашему національному самолюбію. Этотъ уголъ Новаго Свѣта исключенъ изъ числа славянскихъ странъ, да и съ экономической точки зрѣнія этотъ фактъ очень важенъ. Хотя пространство Россіи такъ громадно, сравнительно съ количествомъ рабочихъ рукъ и особенно свободныхъ капиталовъ, что чѣмъ болѣе будемъ мы сосредоточивать нашу дѣятельность, тѣмъ лучше, но уступка Ситхи

имѣла вліяніе на сокращеніе (почти несуществующаго у насъ) мореходства дальняго плаванія. Наши обширные берега Тихаго океана остались долго въ мертвомъ застоѣ, сравнительно даже съ XVIII столѣтіемъ, несмотря на выгодное пріобрѣтеніе устьевъ Амура. Потому правительство обязано было сохранить полезную часть дѣятельности бывшей Американской компаніи, а не ликвидировать это, хотя и во многомъ дурно устроенное, но все-таки доходное и прочно установившееся предпріятіе. Еще вреднѣе отозвалась продажа колоній съ военной точки зрѣнія. Россія лишилась единственныхъ своихъ незамерзающихъ портовъ въ океанѣ. Съ прискорбіемъ надобно замѣтить, что продажа колоній была подсказана нашей дипломатіи спекуляціей, искусно скупившей на биржѣ за полцѣны акціи Россійско-Американской компаніи.

Г. Зертисъ пишетъ въ «Московскія Вѣдомости» изъ Ситхи, что хотя уже скоро минетъ тридцать лѣтъ, какъ мы отдали Аляску американцамъ, она — все еще русская страна. Въ какое бы захолустье Аляски вы ни пріѣзжали, вы найдете признаки русской культуры, услышите русскую рѣчь, правда, иногда ломаную, едва понятную. Во всѣхъ значительныхъ пунктахъ, на болѣе или менѣе населенныхъ островахъ красуются русскіе храмы. Кто изъ американцевъ попадаетъ въ Аляску на нѣсколько лѣтъ, особенно по комерческимъ дѣламъ, непремѣнно выучится говорить по-русски.

Г. Зертисъ указываетъ, однако, съ какими затрудненіями приходится бороться нашей миссіи, главнымъ образомъ потому, что изъ Вашингтона мало обращаютъ вниманія на Аляску. Да и мы про Аляску совсѣмъ забыли. Этимъ даннымъ нѣсколько противорѣчатъ свѣдѣнія г. Протопопова въ «Вѣстникѣ Европы». Онъ находитъ излишнимъ учрежденіе для поддержанія православія въ Аляскѣ епархіи въ Санъ-Франциско, гдѣ русскихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Въ самой Аляскѣ въ числѣ жителей православныхъ осталось около 14 тыс. или 27% населенія. Число это, по заявленію самой миссіи, уменьшается какъ отъ вымиранія крещеныхъ индѣйцевъ, такъ и отъ пропаганды католиковъ и методистовъ, болѣе дѣятельной и обставленной лучше нашей денежными средствами. Бѣдность и невѣжество православнаго духовенства въ Аляскѣ поразительны *).

Главнымъ и почти единственнымъ въ послѣднее время промысломъ Россійско-Американской компаніи былъ бобровый; онъ упалъ не столько еще отъ конкурренціи Гудсонбайской компаніи,

*) По моему мнѣнію, въ Аляскѣ насъ ожидаетъ участь французовъ въ Соединенныхъ Штатахъ: останутся только русскія географическія названія, какъ остались французскія Франціи принадлежали двѣ трети Штатовъ, но никогда французы этими мѣстами прочно не владѣли, а о колонизаціи, конечно, не думали. Только французскіе охотники и мѣновые торговцы, сохранившіеся и по сію пору, пріѣзжали и, живя, какъ индѣйцы, занимались обмѣномъ мѣховъ на водку и оружіе, а отъ скуки учили дикарей танцовать кадриль. Знаменитый Шатобріанъ самъ видѣлъ, какъ старый маркизъ командовалъ индѣйцами въ танцахъ: A vous, messieurs les sauvages, à vous mesdames les sauvagesses!

которой операціи и теперь не Богъ вѣсть какъ идутъ важно, а отъ неумѣлаго веденія дѣлъ. Управленіе нашей компаніи попало въ руки какихъ-то чухонцевъ, которые не расширяли, а всячески съуживали дѣятельность компаніи, или же вовлекали компанію въ несоотвѣтствовавшія ея характеру торговыя предпріятія, напр. торговлю чаемъ. Компанія страдала также отъ недостаточнаго капитала, отъ излишняго вмѣшательства въ ея дѣла администраціи. Наслѣдники Россійско-Американской компаніи по части котиковаго и бобровaго промысла, гг. Голь, Гутчисонъ и К°, не имѣя ея привиллегій, наживали отличныя деньги. Это была, къ сожалѣнію, чисто-американская компанія, получившая, при посредствѣ покойнаго Косаговскаго, эксплоатацію Командорскихъ острововъ за безцѣнокъ; когда же срокъ аренды кончился, то число котиковъ очень уменьшилось.

Давно уже ходили разсказы о безчинствахъ, творимыхъ разными авантюристами, прикрывавшимися американскимъ флагомъ, по нашимъ берегамъ Тихаго океана, въ особенности въ сѣверной, промысловой его части, но, располагая тамъ самыми жалкими морскими силами, правительство наше долго не могло ничего подѣлать противъ возраставшей наглости американцевъ.

Наконецъ, мѣра терпѣнія была превзойдена, и въ иностранныхъ газетахъ было распубликовано распоряженіе, по которому иностранныя суда, которыя будутъ уличены, что занимаются торговлею и промыслами въ предѣлахъ русскихъ территоріальныхъ водъ безъ свидѣтельствъ отъ генералъ-губернатора будутъ конфисковаться со всѣмъ грузомъ въ пользу правительства. За точнымъ выполненіемъ означенныхъ правилъ должны слѣдить наши военныя суда, но какъ таковыхъ почти не было, то коммерческія, снабженныя надлежащими инструкціями и имѣющія военныя команды. Правда, и коммерческихъ судовъ у насъ въ Тихомъ океанѣ нѣтъ, но необходимость подобнаго категорическаго заявленія стала неотложною для огражденія береговъ Восточной Сибири отъ грабежа иностранныхъ промышленниковъ. Дѣло доходило неоднократно даже до вооруженныхъ столкновеній.

«Кронштадтскій Вѣстникъ» описалъ, какъ американская шкуна «Діана», занимавшаяся около острова Мѣднаго (одного изъ Командорскихъ, отданныхъ въ аренду компаніи Гудчисона, Коля и Филипеуса) промысломъ, хотя около этого острова вовсе запрещены промыслы, была встрѣчена выстрѣлами, жертвами которыхъ сдѣлались нѣсколько матросовъ. «Діана» ушла въ Петропавловскъ, гдѣ ей оказали медицинскую помощь, но зато конфисковали ея контрабандный грузъ мѣховъ.

Американское правительство немедленно возбудило дипломатическую переписку объ оскорбленіи своего флага. Для подобной переписки вашингтонскій кабинетъ имѣлъ болѣе основанія, чѣмъ для возбужденной имъ, незадолго до того, переписки объ участи

русскихъ евреевъ, но наша дипломатія поддержала право русскихъ подданныхъ защищать свою территорію и свою собственность отъ какихъ угодно покушеній. Для избѣжанія же прискорбныхъ случайностей рекомендовала отличное средство—къ русскимъ берегамъ не приближаться, кромѣ случаевъ force majeure, а заниматься промыслами или въ открытомъ океанѣ, или у собственныхъ береговъ, достаточно обширныхъ въ Тихомъ океанѣ.

Отсюда явился вопросъ объ устройствѣ въ Тихомъ океанѣ постояннаго крейсерства. Конечно, плаваніе тамъ стоитъ не дешево и для гг. офицеровъ скучновато, но положительно можно сказать, что въ десять разъ производительнѣе для государства и полезнѣе для флота плаваніе военныхъ крейсеровъ въ Охотскомъ морѣ и у береговъ Камчатки, чѣмъ содержаніе тройного числа мониторовъ, по годамъ мирно ржавѣющихъ подъ военнымъ флагомъ въ прѣсныхъ водахъ въ Маркизовой лужѣ, какъ характерно называется ближайшая къ Петербургу часть Финскаго залива. Независимо отъ крейсеровъ, изъ сѣверо-восточной части Приморской области, гдѣ особенно «шалили» американцы, былъ образованъ особый округъ, Анадырскій. Крейсерство принесло пользу; нѣсколько американскихъ судовъ было взято призами, и хотя по настоянію американцевъ ихъ потомъ освобождали, но возможность захвата и продолжительной задержки нѣсколько охладила хищниковъ. Къ сожалѣнію, процессъ въ владивостокскомъ морскомъ судѣ показалъ, что поблажки дѣлались и съ нашей стороны.

Американскіе промышленники идутъ къ намъ потому, что въ своихъ водахъ у Прибыловыхъ острововъ американцы, по конвенціи съ Англіей, срокъ которой истекаетъ въ 1898 г., очень тщательно охраняютъ котовъ. Соединенные Штаты въ 1895 г. выслали цѣлую эскадру изъ 6 паровыхъ судовъ для охраны острововъ и республикѣ, по вычисленіямъ Дрэке, командира парохода «Albatros», охрана каждаго котика въ 1894 г. обошлась въ 117 долларовъ за шкуру! Но и это не помогаетъ. По мнѣнію спеціалистовъ, если не воспретить на 6 лѣтъ котиковаго промысла, онъ совершенно прекратится.

Американцы истребили въ нашихъ водахъ не только котиковъ, но и китовъ. Гоняясь за послѣдними, они было думали присоединить къ себѣ Чукотскую землю, показывая ее на своихъ картахъ, даже учебныхъ, независимою отъ Россіи; когда же американцевъ оттуда наши моряки прогнали, то они стали считать своимъ Врангельландъ, на что жаловалась канадская пресса, доказывая, что тамъ будто бы уже развѣвался флагъ Канады; нью-іоркскіе журналы оспаривали это мнѣніе и доказывали, что островъ уже давно принадлежитъ сѣверо-американской республикѣ. Дѣло шло о такой малоизвѣстной мѣстности, что неудивительно, если наши газеты не обратили вниманія на возникшій споръ, но онъ, вѣроятно, не ускользнулъ

отъ нашей дипломатіи. Врангельландъ—не что иное, какъ Врангелева Земля, открытая русскимъ мореплавателемъ бар. Врангелемъ въ 1823 г. близъ береговъ Восточной Сибири. Островъ этотъ до такой степени принадлежитъ географически къ континенту, что часть моря, раздѣляющая ихъ, называется Длиннымъ проливомъ. Положеніе его на далекомъ сѣверѣ 70—75° сѣв. шир. дѣлаетъ островъ мало способнымъ для постоянной жизни человѣка, но онъ важный пунктъ для китолововъ по близости къ Тихому океану.

Споры канадскихъ и американскихъ газетъ, конечно, ребяческая забава. Наше правительство, ссылаясь на титулъ русскаго государя: «и всея сѣверныя земли повелитель», могло, подобно тому, какъ оно это сдѣлало для Шпицбергена, опротестовать свои права, хотя серьезно печалиться о томъ, что ежегодно на двѣ или на три недѣли въ пустую, обложенную со всѣхъ сторонъ льдами землю, втыкаютъ тотъ или другой флагъ, было бы нелѣпо. Запретить же бить китовъ въ открытомъ морѣ около Врангелевой Земли мы права не имѣемъ, да если бы и захотѣли, то не въ силахъ осуществить запрещеніе, по невозможности найти военный крейсеръ, который могъ бы пробраться туда ранѣе и даже вслѣдъ китолововъ. Запрещеніе ограничилось бы предписаніемъ изъ Хабаровска исправнику въ Петрапавловскомъ портѣ въ Камчаткѣ, живущему въ двухъ тысячахъ верстахъ отъ Врангелевой Земли и неимѣющему средствъ починить свою канцелярію, не то что плавать по Ледовитому океану.

Если Соединенные Штаты мало интересны для насъ въ мирное время—хотя мы могли бы имѣть съ ними крупныя торговыя сношенія, то въ военное, особенно при войнѣ съ Англіей, дружественный нейтралитетъ республики для Россіи придется очень кстати. Она уже оказывала намъ кое-какое содѣйствіе въ крымскую войну и въ 1878 г., а могла бы въ случаѣ недостатка во Франціи капиталовъ оказать, въ случаѣ войны, содѣйствіе для выпуска внѣшняго займа на американскихъ биржахъ.

У насъ въ дѣлѣ публичнаго кредита господствуетъ рутина, заставляющая прибѣгать къ посредничеству банкировъ, хотя еще въ прошломъ столѣтіи Монтескье остроумно замѣтилъ, что «банкиры поддерживаютъ государство, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго». Вліяніе банкирской клики, конечно, очень сильно и если даже въ Петербургѣ, какъ показалъ опытъ 1859 г., мелкое соперничество двухъ банкирскихъ фирмъ могло повредить успѣху государственнаго займа, то тѣмъ болѣе нужно опасаться этого вліянія въ военное время на биржахъ иностранныхъ, гдѣ въ средѣ капиталистовъ и биржевыхъ игроковъ не исчезли насчетъ Россіи самые дикіе предразсудки.

На эту-то публику, отчасти невѣжественную, отчасти предубѣжденную, необыкновенно выгодное впечатлѣніе могъ бы произвести успѣхъ кредитной операціи, заключенной помимо избитыхъ

рутинныхъ путей, а именно—заемъ въ Америкѣ. Успѣхъ русскаго займа на биржахъ Соединенныхъ Штатовъ, если бы и не открылъ намъ новаго денежнаго рынка въ будущемъ, то навѣрное произвелъ бы необыкновенный эфектъ въ Западной Европѣ.

Заемъ этотъ, помимо политическихъ цѣлей, имѣлъ бы и серьезныя практическія выгоды. Извѣстно, что Россія постоянно нуждается въ большомъ количествѣ американскихъ товаровъ: хлопкѣ, кожи и проч., сама же отпускаетъ въ Соединенные Штаты очень мало своихъ произведеній; разница покрывается лондонскими тратами, но послѣднихъ будетъ гораздо менѣе во время войны и блокады портовъ. Образованіе у американскихъ банкировъ фонда въ диспозицію русскаго правительства очень облегчило бы трассированіе и дозволило бы продавать въ Петербургѣ переводы прямо на Нью-Іоркъ, Нью-Орлеанъ и др. американскіе порты.

Далѣе, нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже при строгомъ нейтралитетѣ Соединенныхъ Штатовъ подданные послѣднихъ не откажутся отъ выгодъ косвеннаго участія въ войнѣ, помощью снабженія воюющихъ сторонъ различными предметами. Заказы пороха, оружія, покупка судовъ, снаряженіе крейсеровъ, доставка имъ припасовъ и пр. вызовутъ для Россіи необходимость производить въ Америкѣ большіе платежи, которые, конечно, удобнѣе всего и для американцевъ, и для Россіи производить изъ суммъ займа, собраннаго на мѣстѣ и черезъ посредство лицъ, близко знающихъ привычки и обычаи американцевъ.

Если бы американскимъ займомъ удалось покрыть наши расходы въ теченіе войны по заказамъ въ Америкѣ и по невыгодной разницѣ въ торговомъ балансѣ двухъ странъ, то одно это представляло бы уже большое облегченіе, избавляя отъ необходимости скупать лучшіе европейскіе векселя и производить тѣмъ гнетущее давленіе на вексельный курсъ, положеніе котораго должно стать предметомъ живѣйшей заботливости правительства во время войны.

Въ сочувствіи къ намъ американцевъ, въ случаѣ войны съ Англіей, мы не должны сомнѣваться, политическіе мотивы будутъ поэтому клониться къ успѣху русскаго займа. Послѣдній подходитъ также къ характеру американцевъ, любящихъ все новое, чрезвычайное и грандіозное. Самое невозможное предпріятіе именно только въ силу того, что оно кажется невозможнымъ, привлекаетъ въ Америкѣ немедленно массу людей и денегъ. Въ этомъ случаѣ у американцевъ проявляется своего рода рыцарство—недоступное имъ въ другихъ отношеніяхъ. То, что Америка осуществила по части общественныхъ работъ въ самый короткій періодъ времени, въ мѣстностяхъ наиболѣе недоступныхъ и безлюдныхъ, показалось бы невѣроятнымъ въ Европѣ. Поэтому я думаю, что если подписка будетъ предложена умѣло, въ американскомъ духѣ, т. е. сразу на всѣхъ большихъ биржахъ Союза: въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи, Чикаго, Санъ-Луи, Балтиморѣ,

Новомъ Орлеанѣ и Санъ-Франциско, публично, при помощи множества газетныхъ статей, рекламъ, афишъ, предварительныхъ публичныхъ митинговъ и чтеній, то въ успѣхѣ ея нельзя сомнѣваться. Европейскіе пріемы здѣсь неумѣстны и дипломатическое перешептываніе съ двумя-тремя еврейскими банкирами не приведетъ ни къ чему.

Мысль о займѣ въ Америкѣ я развивалъ подробно въ «Новомъ Времени» въ 1877 г., возбудивъ сильную полемику въ нашихъ газетахъ. Европейскія биржи для насъ тогда закрылись. Заключеніе мира отняло, конечно, у этой идеи непосредственную практичность, но она нашла отголосокъ въ заграничной печати. Американскій корреспондентъ «Revue Britannique», между прочимъ, писалъ: «Увѣряютъ, что Россія постарается заключить заемъ въ Америкѣ или непосредственно, или при помощи синдиката банкировъ, во главѣ которыхъ будетъ стоять домъ Ротшильдовъ (?). Нѣкоторые здѣсь не вѣрятъ въ серьезность этого извѣстія, другіе, наоборотъ, считаютъ его весьма возможнымъ, и «Boston Advertiser» предупреждаетъ уже публику отъ помѣщенія денегъ въ эту бочку Данаидъ. Онъ увѣряетъ, что Россія страшно задолжала сравнительно со своими государственными доходами и что она живетъ только займами».

Хотя, какъ я сказалъ, вопросъ о русскомъ займѣ въ Соединенныхъ Штатахъ отодвинулся теперь на отдаленный планъ, но мнѣ кажется, что задача нашего финансоваго управленія—не допускать распространенія въ американской публикѣ заблужденій въ родѣ проповѣдывавшихся бостонскою газетою.

XXX. СРЕДНЯЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Средняя и Южная Америка съ Антильскими островами, кромѣ нѣсколькихъ старинныхъ колоній, потерявшихъ съ изобрѣтенія свекловичнаго сахара и освобожденія рабовъ часть своего торговаго значенія, состоитъ изъ республикъ: испанскихъ, негритянскихъ и португальской. Въ Лондонѣ, гдѣ наиболѣе полно представительство означенныхъ многочисленныхъ державъ, имѣется два дипломатическихъ корпуса: бѣлый и черный. Бѣлый встрѣчается при дворѣ и въ аристократическихъ салонахъ, черный и цвѣтной чаще можно встрѣтить въ игорныхъ домахъ и свидѣтелями въ окружныхъ судахъ.

Кто только не бранилъ эти республики, не бросалъ въ нихъ камней и не давалъ имъ совѣтовъ! Ихъ сравнивали даже съ пьяными илотами, кривляющимися для возбужденія отвращенія въ юныхъ спартіатахъ, т. е. въ европейскихъ державахъ. Искус-

ство волновать народъ, дѣйствительно, стало въ этихъ странахъ профессіей. Народъ такъ часто упражняется въ волненіяхъ и революціяхъ, что дѣйствуетъ какъ на театрѣ. Нѣтъ поэтому ничего болѣе невѣрнаго какъ судить. тамъ о желаніяхъ народа по уличнымъ манифестаціямъ; въ этомъ случаѣ истины надобно искать въ его интересахъ, а не въ его проявленіяхъ. Немногіе посмотрѣли безпристрастно на внутренній смыслъ борьбы, раздирающей Америку, и оцѣнивали по достоинству тѣ результаты, которые добыла она посредствомъ тяжкихъ и кровавыхъ усилій. Издали борьба партій получаетъ тамъ траги-комическій характеръ, съ ея ежедневными пронунціаментами, импровизированными генералами, разбойничающими священниками, и т. п.; но за этой обстановкой есть, конечно, болѣе серьезная сущность, которая измѣняется мало-по-малу подъ напоромъ противоположныхъ давленій. Не касаясь политической стороны вопроса, особенно важной въ этомъ случаѣ, такъ какъ она главнымъ образомъ зиждется на соперничествѣ двухъ расъ: европейской и индѣйской, нельзя отрицать того, что, какъ указываютъ нѣкоторые факты, въ экономическомъ отношеніи броженіе, охватившее Южную и Среднюю Америку послѣ ея вѣкового застоя и вредной рутины, не осталось безъ крупныхъ результатовъ и по отношенію къ Европѣ.

Нетерпѣливая масса ожидала, безъ сомнѣнія, отъ революціи чудесъ, мгновенныхъ преобразованій и улучшеній и лекарства отъ всѣхъ золъ, разъѣдавшихъ государственные организмы Испаніи и Португаліи, забывая, что величайшимъ зломъ слѣдовало считать отсутствіе въ ихъ бывшихъ колоніяхъ труда, правильное развитіе и организацію котораго задерживала долголѣтняя ложная политика. Чудесъ, конечно, не послѣдовало, но выяснилось, что въ экономическихъ преобразованіяхъ, въ развитіи своихъ богатыхъ производительныхъ силъ, въ колонизаціи своихъ внутреннихъ пустынь и въ пріученіи народа къ трудолюбію и бережливости новыя республики найдутъ гораздо скорѣе успокоеніе, нежели въ кровавой борьбѣ изъ-за правительственной формы, которая ведетъ только къ безпрерывнымъ реакціямъ. Немногіе, однако, воспользовались этимъ указаніемъ, а если воспользовались, то ненадолго.

Политической организаціи американскихъ республикъ недостаетъ болѣе всего устойчивости; всеобщая подача голосовъ такъ же примѣнима къ нимъ, какъ къ Дагестану или Чечнѣ. Поэтому, вмѣсто правительства, страны эти имѣютъ лишь организованную анархію. Конституціонныя гарантіи при такомъ порядкѣ вещей—одна мистификація, затрудняющая борьбу честныхъ элементовъ съ авантюристами.

«Нигдѣ я не слышалъ столько дифирамбовъ прогрессу, цивилизаціи, свободѣ; столько восторговъ передъ задачами человѣчества, самоуправленія, говоритъ г. Іонинъ въ своей въ высшей степени интересной книгѣ «По Южной Америкѣ», какъ на бразиль-

скихъ плантацiяхъ или въ степяхъ Лаплаты, какъ на этой почвѣ, гдѣ процвѣтаетъ еще рабство, гдѣ, подъ видомъ республики, господствуетъ самый непримиримый деспотизмъ. Сколько я слышалъ отъ европейцевъ розочарованiй на почвѣ Америки въ этихъ принципахъ 89-го года». «Какъ полезно, прибавляетъ онъ, для познанiя Европы переплыть Атлантическiй океанъ—тамъ можно найти аршинъ, особенно для измѣренiя нашей глупости, которой мы у себя не замѣчаемъ за пропастью другой работы».

Долгое время Европу южно-американскiя дѣла интересовали именно съ этой комической стороны. Всѣ эти генералы Бомбардосы и Патакесы, воюющiе за власть и производящiе революцiи, казались оффенбаховскими героями и давали неистощимую пищу французскимъ водевилистамъ. Развитiе пароходства приблизило, однако, эти опереточныя страны; теперь даже мужики въ Царствѣ Польскомъ хорошо знаютъ, что есть, напримѣръ, Бразилiя. Еще большему знакомству Европы содѣйствовало то обстоятельство, что южно-американскiя государства успѣли надѣлать не только миллiарды долговъ, но и сбыть бумаги этихъ долговъ европейскимъ gogos. Кризисы въ Южной Америкѣ стали влiять на европейскiя биржи и такимъ образомъ поневолѣ приходится слѣдить за тѣмъ, что дѣлается и по ту сторону Атлантическаго океана.

Выше, въ главѣ XII, я говорилъ, что, въ виду сочувствiя къ легитимному принципу, наша дипломатiя не только поддерживала короля испанскаго въ борьбѣ съ его возставшими американскими колонiями,—въ чемъ поступала весьма благоразумно—но даже оказала ему помощь, весьма, однако, недостаточную и неудачную. Затѣмъ, по эмансипацiи колонiй, Россiя очень долго, едва ли не до 70-хъ годовъ не признавала нѣкоторыхъ изъ вновь учрежденныхъ республикъ, что, казалось, не должно было вызывать никакихъ затрудненiй, кромѣ случаевъ, когда наши дипломатическiе агенты въ Лондонѣ, Парижѣ или Мадридѣ должны были принимать обѣды своихъ сотоварищей.

Невозможно, конечно, аккредитовать пословъ ко всякому, кто захватитъ въ столицѣ казначейство и телеграфы; но разъ страна подчинилась перевороту, уплачиваетъ безпрекословно подати и ставитъ рекрутъ, то трудно не считать уже новое правительство достаточно установившимся. Въ такомъ случаѣ правительство, уклоняющееся отъ признанiя, какъ бы старается показать, что оно лучше понимаетъ интересы другого народа, чѣмъ онъ самъ. Если бы дѣло ограничивалось подобнымъ заявленiемъ проницательности, то объ этомъ и говорить бы не стоило; но непризнанiе новаго правительства извѣстной страны ведетъ иногда къ очень серьезнымъ послѣдствiямъ.

Многихъ интересуетъ вопросъ объ исчезновенiи нашихъ колонiй въ Калифорнiи. Въ публикѣ сложилось даже убѣжденiе, будто бы между уступкою этихъ колонiй и открытiемъ золота въ Калифор-

ніи находится какая-то таинственаая связь. На дѣлѣ это не такъ. Калифорнія ускользнула отъ насъ, главнымъ образомъ, отъ непризнанія въ свое время Мексиканской республики. Русскіе, т. е. агенты Россійско-Американской компаніи, водворились въ Калифорніи въ 1812 г., когда Испаніи, занятой Наполеономъ I, было не до своихъ колоній. Русскіе наименовали рѣку Санъ-Себастіанъ Славянкой, свою новую колонію Россомъ, а гавань — гаванью Румянцева; колонія была чисто-земледѣльческою и снабжала Ситху пшеницею. Развитіе русскаго поселенія шло медленно, и оно приносило компаніи дефицитъ. Между тѣмъ, испанскія колоніи отдѣлились отъ метрополіи и мѣстность вокругъ Росса стала, хотя и номинально, принадлежать Мексикѣ. Убыточность Росса зависѣла отъ недостатка по сосѣдству удобныхъ земель подъ пашни. Правитель колоній, баронъ Врангель, проѣзжая въ Петербургъ, завелъ переговоры съ мексиканскимъ правительствомъ, и послѣднее было согласно увеличить русскую территорію подъ условіемъ, чтобы его объ этомъ попросило само правительство. Когда Врангель доложилъ о желаніи Мексики Николаю I, то государь замѣтилъ, что исполненіе просьбы невозможно, ибо онъ не признаетъ Мексиканской республики. На слова же Врангеля, что Пруссія хотя также не признала республики, но имѣетъ съ нею сношенія по торговымъ дѣламъ, Николай I съ живостью возразилъ: «У нѣмцевъ прежде всего деньги, а потомъ честь, а у меня прежде честь, потомъ деньги».

Послѣ такого категорическаго отвѣта, Россійско-Американская компанія рѣшилась, въ 1846 году, продать землю и имущество колоніи Россъ швейцарскому капитану Суттеру, тому самому, на мельницѣ котораго въ 1848 году мормонъ Марешаль нашелъ первое въ Калифорніи золото. Мельница эта находилась отъ нашего Росса верстахъ въ двухстахъ, да и Калифорнія за два года передъ тѣмъ уже была уступлена Мексикою, послѣ несчастной войны, Соединеннымъ Штатамъ.

Единственное воспоминаніе о русскомъ владычествѣ осталось въ рѣкѣ, переименованной изъ Славянки въ Russian-River, да въ Санъ-Франциско я въ 1876 г. видѣлъ престарѣлаго генерала Бодехо, который нѣкогда, по порученію мексиканскаго правительства, наблюдалъ, чтобы русскіе не забирались далѣе своихъ границъ. Продажа Росса за безцѣнокъ (кажется, 40 тысячъ руб.), конечно, фактъ для нашего народнаго самолюбія прискорбный, но, по совѣсти говоря, если бы Калифорнія осталась въ русскихъ рукахъ, то открытое тамъ золото, навѣрное, продолжало бы до сихъ поръ лежать въ землѣ мертвымъ капиталомъ, такъ какъ наши политическія условія никогда не дозволили бы ринуться туда потоку европейской эмиграціи, да еще какой эмиграціи! Калифорнійскими піонерами были по большей части герои баррикадъ и другіе политическіе преступники, тысячами бѣжавшіе изъ Европы послѣ событій 1848 и 1849 годовъ. Ужъ, безъ сомнѣнія, не въ русскую зе-

млю направили бы тогда эти вольные и невольные изгнанники свои стопы, а безъ людей, за десятки тысячъ верстъ отъ Россіи, Россійско-Американская компанія, флотъ которой состоялъ всего изъ 6 судовъ дальняго плаванія, что въ состояніи была сдѣлать, предположивъ даже, что мы измѣнили бы кореннымъ образомъ принципы своего горнаго законодательства.

Замѣчательно, что Калифорніей, по отношенію къ Россіи, интересовался еще Петръ Великій. Въ одной изъ рукописей Публичной библіотеки «Екстрактъ журналовъ мореплаванія и описанія Каспійскаго моря», 1728 г., Ѳ. И. Соймоновъ разсказываетъ, что въ 1722 году, во время похода Петра въ Дербентъ, желая обратить вниманіе государя на давно занимавшую его мысль о плаваніи русскихъ въ Тихомъ океанѣ, онъ, въ бесѣдѣ о новыхъ открытіяхъ, сказалъ: «А какъ Вашему Величеству извѣстно, сибирскія восточныя мѣста и особенно Камчатка, отъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ и японскихъ, Филиппинскихъ острововъ, до самой Америки по западному берегу островъ Калифорнія уповательно отъ Камчатки не въ дальнемъ разстояніи найтиться можетъ; и потому много-бъ способнѣе и безубыточнѣе россійскимъ мореплавателямъ до тѣхъ мѣстъ доходить возможно было, противъ того, сколько нынѣ европейцы почти цѣлые полкруга обходить принуждены.—Тѣ мои слова Его Величество прилежно все слушать изволилъ; но какъ скоро я рѣчь мою окончилъ, такъ скоро мнѣ изволилъ сказать: «Слушай, я то все знаю, да не нынѣ, да то далеко».

Въ настоящее время съ Мексикой мы завели постоянныя сношенія и учредили тамъ даже дипломатическую миссію. Дѣла этой миссіи немного; въ Мексикѣ нашелся одинъ русскій подданный—революціонный журналистъ, который или сидитъ въ тюрьмѣ, или проситъ пособій. Страна эта уже двадцать лѣтъ спокойна, а до того она была въ постоянномъ революціонномъ броженіи. Это броженіе вводило многихъ въ заблужденіе, думали, не тяготится ли Мексика республикой, но при попыткахъ возстановить монархію, мексиканцы разстрѣляли обоихъ императоровъ Итурбида и Максимиліана Австрійскаго.

Революціи въ Мексикѣ прототипъ всѣхъ американскихъ войнъ. Обыкновенно подобная война тянется безконечно и производится слѣдующимъ образомъ: войска правительственныя и инсургентовъ становятся въ сраженіяхъ за 700 шаговъ—ружья же ихъ берутъ на 300 шаговъ, и затѣмъ палятъ до тѣхъ поръ, пока одна сторона не разстрѣляетъ весь запасъ пороха и не отступитъ. Это считается съ противной стороны за побѣду. Убитыхъ, раненыхъ или плѣнныхъ, иначе какъ на бумагѣ, въ этихъ войнахъ не бываетъ.—Такъ къ чему же воюютъ?—спроситъ читатель.

Вотъ здѣсь-то и секретъ. Война даетъ право обѣимъ сторонамъ объявлять осадное положеніе и жить реквизиціями на счетъ мирнаго населенія. Солдатъ, какъ правительственный, такъ и рево-

люціонный, состоитъ на службѣ, пока не награбитъ 50 пезосовъ, затѣмъ прячетъ ружье и идетъ въ ближайшій игорный домъ поиграть въ монтэ; онъ сидитъ тамъ, пожевывая чику (родъ чеснока) и когда проиграется до копѣйки, тогда снова беретъ ружье и возвращается къ своему отряду для новыхъ подвиговъ. Неудивительно, что при подобной системѣ революцій, вся испанская Америка не скоро успокоится, несмотря на лживо-либеральныя фразы своихъ республиканскихъ конституцій и приливъ эмигрантовъ.

Мексиканцевъ нельзя было назвать народомъ испорченнымъ. Извѣстный Лопесъ, предавшій Максиміліана, не смотря на ненависть мексиканцевъ къ этому императору, былъ награжденъ общимъ презрѣніемъ, никто не протягивалъ ему руки и даже жена отказалась отъ него. Лерхо-ди-Техада, избранный въ президенты республики, встрѣтилъ общую поддержку массы, надѣявшейся, что настала эпоха прекращенія военной узурпаціи, и если онъ сдѣлалъ мало, то лишь вслѣдствіе невѣроятной распущенности, которая постигла его, когда онъ добился власти. Напротивъ, преемникъ его, Порфирій Діасъ, управляетъ съ успѣхомъ уже двадцать лѣтъ.

Губили Мексику политическія учрежденія, совершенно ей не соотвѣтствующія. Въ Мексикѣ есть цѣлыя области, напр., Сонора, гдѣ народъ буквально въ дикомъ состояніи; тамъ масса населенія состоитъ изъ индѣйцевъ, на которыхъ охотятся, какъ на дикихъ звѣрей. Это необыкновенно храбрые и искусные хищники. На скаку лошади, лежа подъ ея брюхомъ и держась ногами, подобный индѣецъ стрѣляетъ безъ промаха. И вдругъ этому народу дали всеобщую подачу голосовъ! Въ другихъ частяхъ республики индѣйцы работаютъ, какъ волы, въ рудникахъ и на поляхъ, не интересуясь вовсе политикой. Послѣдняя сдѣлалась достояніемъ «интеллигенціи»—небольшого развращеннаго класса потомковъ бывшихъ испанскихъ чиновниковъ, эксплоататоровъ страны.

Никто въ этой интеллигенціи не думаетъ о производительномъ трудѣ; процессы и революціи—единственное средство пробить себѣ дорогу; поэтому каждый образованный мексиканецъ или адвокатъ, «лисенсіадо», или капитанъ. Каждый адвокатъ мечтаетъ сдѣлаться депутатомъ конгресса, чтобы брать взятки, а каждый капитанъ ждетъ «пронунсіаменто», чтобы попасть прямо въ генералы и грабить своихъ согражданъ подъ предлогомъ гражданской войны.

Насколько политическія формы недостаточны еще для нравственнаго пробужденія Мексики, видно изъ вопроса о разбойничествѣ, которое въѣлось въ нравы и ничѣмъ истреблено быть не можетъ; на него не дѣйствуетъ и прогрессъ цивилизаціи. Вся разница пока лишь въ томъ, что вмѣсто дилижансовъ разбойники грабятъ поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Разбойниковъ вѣшаютъ безъ суда на мѣстѣ преступленія. На почтовыхъ дорогахъ вѣшаютъ на деревьяхъ, и дилижансъ часто задѣваетъ крышею болтающіяся ноги

овѣшенныхъ, на желѣзныхъ дорогахъ вѣшаютъ на телеграфныхъ голбахъ и не снимаютъ тѣлъ для примѣра, но ничто не помоаетъ. Но попадаются только второстепенные разбойники, перволассные имѣютъ связи въ столицѣ и получаютъ своевременно вѣдомленіе о движеніи войскъ и полиціи. Затѣмъ, награбивъ догаточно, они дѣлаются политическими людьми и даже депутатами.

Съ эпохой твердаго и ловкаго управленія Порфирія Діаса бстоятельства измѣнились; эта интересная республика, гдѣ разойники дѣлались генералами и министрами, и наоборотъ, сдѣлала ного успѣховъ по части торговли, промышленности и желѣзныхъ орогъ. Желѣзныя дороги совершили даже экономическій переворотъ въ странѣ, оттянувъ торговлю отъ портовъ къ внутреннему лато, наиболѣе населенному и богатому. Огромное вліяніе имѣло паденіе цѣны серебра, такъ какъ Мексика первая производиельница въ мірѣ этого металла. Судить объ этихъ успѣхахъ издали рудно, но что для поправки своихъ финансовъ мексиканцы прибѣгали къ средствамъ очень энергическимъ, видно, напр., изъ дерета Діаса о сбавкѣ жалованья чиновникамъ.

Согласно этому поучительному документу, только чиновники, олучавшіе менѣе 500 піастровъ жалованья, стали получать его езъ вычета, у всѣхъ остальныхъ, включая и президента республики, дѣлаются вычеты въ возрастающей прогрессіи: отъ 10 до 0 проц. То же самое касается и чиновъ арміи, состоящихъ не на ѣйствительной службѣ. Но и тѣмъ, которые находятся подъ знаенами, доставлено удовольствіе получать жалованье не за полный ѣсяцъ, а лишь за 25 дней, т. е. со сбавкою около 15 проц.

Означенные вычеты мексиканское правительство, впрочемъ, призало своимъ долгомъ. Каждый чиновникъ и военный получилъ а недоданное ему жалованье росписку, по которой уплата послѣуетъ, когда «средства казначейства позволятъ». Росписки эти заѣнены постепенно билетами казначейства, погашаемыми въ 25 лѣтъ.

Экономія коснулась въ Мексикѣ не однихъ служащихъ. Въ ›мъ же декретѣ Порфирія Діаса постановлялось, что всѣ строиэльные расходы казны должны ограничиваться лишь починками, сѣ хозяйственные расходы правительственныхъ учрежденій должны роизводиться съ величайшею бережливостью и на предметы неэбѣжно необходимые. Затѣмъ, наконецъ, всѣ субсидіи, гарантіи и п. уплачиваются, только если окажется остатокъ денегъ за порытіемъ прочихъ административныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, ексиканскіе капиталисты могли протянуть руку мексиканскимъ иновникамъ и вмѣстѣ «сѣвъ на коврѣ терпѣнія» ждать будущаго корѣйшаго процвѣтанія финансовъ республики.

Маленькія республики Средней Америки, которыя никакъ не огутъ образовать федераціи, очень для насъ въ мирное время не нтересны, какъ и черныя республики Антильскихъ острововъ. ольшая федеративная республика Колумбія коснулась нашихъ

интересовъ косвенно концессіей, выданной компаніи Панамскаго канала. «Панама», которая сдѣлалась теперь синонимомъ не соломенной шляпы, а грандіозныхъ плутней, заинтересовала и русскихъ людей. По слухамъ, пресловутые «чеки» освѣжили весьма кстати карманы нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ.

Для Россіи сооруженіе новаго трансъ-океаническаго канала имѣетъ извѣстное значеніе и въ торговомъ отношеніи. Наши сибирскіе порты въ Тихомъ океанѣ получатъ тогда болѣе краткое сообщеніе съ Балтійскимъ моремъ, и этотъ путь гораздо болѣе безопасенъ, нежели нынѣшній путь черезъ Магелланові проливъ.

Колумбійское правительство дало для канала безвозмездно свободную землю. Оно обязалось каналъ и его два конечные порта считать, на-время концессіи въ 90 лѣтъ, одинаково для всѣхъ націй свободными отъ всякаго рода сборовъ не только для прохода судовъ, но и для товарныхъ складовъ. Къ сожалѣнію, не установленъ былъ maximum транзитной пошлины по договору, а это, какъ показалъ примѣръ Суэзскаго канала, вопросъ первостепенной важности для торговли.

Разбираться въ означенномъ вопросѣ не пришлось, въ виду фіаско, которое потерпѣла компанія. Въ 1880 году Лессепсъ увѣрялъ, что Кувре и Гере, извѣстные строители, брались выстроить Панамскій каналъ съ подряда за 512 милліоновъ франковъ. Съ прибавкою процентовъ и общихъ расходовъ стоимость канала выходила въ 600—700 милліоновъ франковъ. Затѣмъ потребовалось 1,200 милліоновъ франковъ, но, судя по цѣнности сдѣланныхъ затратъ, Панамскій каналъ обошелся бы, вѣроятно, въ 1,800 или 2,000 милліоновъ франковъ. Уже сама по себѣ эта цифра громадна, между тѣмъ не нужно упускать изъ виду, что она могла быть собрана займами только изъ $6^1/_2$ и $7^1/_2$ процентовъ.

Лессепсъ, правда, высчиталъ, что по Панамскому каналу будетъ проходить ежегодно 6 мил. тоннъ, но его разсчеты касались тоннъ груза, а не тоннъ водоизмѣщенія, что далеко не одно и то же. Цифра 6 милл. тоннъ груза соотвѣтствуетъ не болѣе 4 милл. тоннъ чистаго тоннажа кораблей, подлежащаго оплатѣ транзитнымъ сборамъ по корабельнымъ документамъ. Нельзя допустить, чтобы на Панамскомъ каналѣ было движеніе болѣе чѣмъ $^3/_5$ противъ Суэзскаго. Транзитная плата, между тѣмъ, вѣроятно, была бы такая, что и въ Суэзѣ, иначе суда попрежнему предпочли бы идти вокругъ мыса Горна или по Суэзскому каналу. Если эти соображенія вѣрны, то первыя пять-шесть лѣтъ доходы Панамскаго канала не превысили бы 40—45 милл. франк.

Этой суммы достаточно для оплаты капитала въ 600—700 милл. фр. по 5%, но не для оплаты $1^1/_2$ или двухъ милліардовъ по 6 или 7%; почему предпріятію Панамскаго канала по открытіи скоро стала грозить очень серьезная опасность. Кромѣ недостатка денегъ, быстротѣ сооруженія мѣшали климатическія условія. Даже

негры съ Ямайки, привычные къ тропическому климату, умирали на каналѣ какъ мухи.

Не видя выхода, компанія рѣшила для продолженія работъ сдѣлать заемъ въ 600 милліоновъ франк. и для большаго привлеченія подписчиковъ—испросила у французскаго правительства разрѣшеніе сдѣлать этотъ заемъ лотерейнымъ. Компанія выудила изъ кармановъ парижской публики эти милліоны, но работы по каналу не подвинулись, истина же, какъ по исходатайствованію означеннаго займа, такъ и по другимъ продѣлкамъ, особенно по невѣроятному по размѣрамъ подкупу печати, раскрылась и всѣ главные дѣятели и французскій министръ публичныхъ работъ Бего угодили въ тюрьму.

Дѣло перешло теперь къ другой компаніи, но я думаю, что во французскихъ рукахъ оно до конца не дойдетъ. Существующая компанія, вѣроятно, станетъ американскимъ предпріятіемъ, и тогда со свойственной американцамъ настойчивостью постройка будетъ докончена. А вѣрнѣе, что американцы построятъ каналъ по другому направленію, черезъ Никарагуа.

Сосѣдъ Колумбіи, республика Эквадоръ, бѣдная страна съ суровымъ климатомъ и весьма неопредѣленными границами, отличается оригинальнымъ полутеократическимъ устройствомъ, распространяющимся даже на армію.

Одно имя Перу напоминаетъ о богатствѣ, и дѣйствительно до 1875 г. Перу считалась богатѣйшею республикою въ Южной Америкѣ, но въ 1875 г. она объявила государственное банкротство, а безумная война 1880 г. разорила совершенно страну. Перу—государство довольно просвѣщенное, погубилъ его даровой доходъ, достававшійся отъ эксплоатаціи гуано. При всеобщей подачѣ голосовъ, крайняя распущенность представительства очень легко переходила въ военную диктатуру и правительство окончательно изворовалось.

Разработка гуано была причиною того, что Перу вошла въ дипломатическія сношенія съ Россіей изъ-за весьма важнаго вопроса о куліяхъ.

Избытокъ населенія въ южныхъ провинціяхъ Китая давно побуждалъ тамошнее населеніе къ переселенію; Калифорнія, Австралія и Индо-азіятскій архипелагъ служили мѣстомъ назначенія для добровольныхъ переселенцевъ изъ Китая. Съ насильственнымъ прекращеніемъ торговли неграми, государства и колоніи Средней и Южной Америки обратили вниманіе на возможность дополнить недостатокъ рабочихъ рукъ усиленнымъ поощреніемъ вывоза рабочихъ изъ Китая. Съ этою цѣлью въ Кантонѣ и другихъ южныхъ китайскихъ портахъ были основаны особыя агентства для найма рабочихъ, устроились «бараконы», дома или, вѣрнѣе, тюрьмы для содержанія эмигрантовъ передъ отъѣздомъ, и бывшій флотъ негріеровъ явился къ услугамъ агентовъ, чтобъ перевозить китайцевъ

въ Гаванну, Перу и на Антильскіе острова. Агенты для найма куліевъ бродили по китайскимъ деревнямъ, заключали съ китайскими пролетаріями контракты на восемь лѣтъ за вознагражденіе обыкновенно по 4 доллара въ мѣсяцъ, съ кормомъ отъ хозяина, и затѣмъ запирали рабочихъ въ бараконы, чтобъ воспрепятствовать побѣгу получившихъ задатки.

Самая ужасная участь ожидала куліевъ во время морской перевозки. Офиціальныя изслѣдованія подтвердили, что отъ небрежности и корыстолюбія капитановъ эмигрантскихъ кораблей куліи цѣлыми сотнями задыхались отъ духоты, умирали отъ оспы и другихъ заразительныхъ болѣзней, сгорали живыми посреди моря, тонули, были убиваемы за возмущенія, и т. п. Даже японское правительство возмутилось нѣкоторыми происшествіями съ куліями, случившимися въ его водахъ. Съ другой стороны, торговля куліями была очень выгодна. Приблизительно кулій обходится содержателямъ бараконовъ въ 25 долларовъ, отъ нихъ покупался капитанами эмигрантскихъ кораблей по 45 долларовъ, а въ Гаваннѣ и Перу перепродавался (конечно, не самъ кулій, а его контрактъ)—за 475 до 500 долларовъ. Но и съ водвореніемъ въ колоніяхъ не кончались еще мученія китайскихъ рабочихъ; тамъ обращались съ ними сурово и давали самыя тяжелыя работы; отвратительная разработка гуано, составлявшая почти единственный источникъ государственнаго дохода Перу, производилась исключительно китайцами.

Противъ торговли куліями, которая не имѣетъ ничего общаго съ добровольной эмиграціей китайцевъ, возстали прежде всего сами китайцы. Чернь нѣсколько разъ возмущалась въ Кантонѣ, Шанхаѣ и другихъ городахъ и избивала европейцевъ, подозрѣваемыхъ въ злоупотребленіяхъ по найму куліевъ. Видя стѣсненіе и со стороны китайской администраціи, которая въ 1857 году запретила китайскимъ подданнымъ быть посредниками въ наймѣ куліевъ, агенты переселились на португальскую территорію, въ Макао. Колонія эта, которою португальцы владѣютъ съ 1570 года, съ развитіемъ съ 1842 года англійскаго Гонконга превратилась въ пристанище игорныхъ домовъ и контрабандистовъ; сюда-то подъ защиту португальскаго флага и пріютилась торговля куліями.

Португальское правительство приняло кое-какія мѣры противъ злоупотребленій агентовъ; по закону всѣ куліи за три дня до отхода корабля помѣщаются въ казенный, довольно опрятный бараконъ, гдѣ особый инспекторъ допрашиваетъ куліевъ, не по принужденію ли они уѣзжаютъ за-границу, причемъ объясняетъ имъ тягость пути, трудную работу въ колоніяхъ и взысканія за нарушеніе контрактовъ. Какъ ни гуманны на бумагѣ эти постановленія и какъ ни старается представить португальское правительство, что Макао играетъ ту же роль для Китая, какъ Бременъ относительно эмиграціи нѣмцевъ изъ Германіи, но подкупность португальскихъ чиновниковъ дѣлала всѣ гарантіи закона призрачными.

Оттого въ это дѣло и вмѣшались правительства европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдніе поступили энергичнѣе прочихъ: Вашингтонскій конгрессъ еще въ 1862 г. объявилъ, что торговля куліями ничѣмъ не отличается отъ торговли неграми, а потому воспретилъ, подъ страхомъ строгихъ взысканій, американскимъ подданнымъ не только принимать какое-либо участіе въ наймѣ куліевъ, но даже въ перевозкѣ куліевъ, нанятыхъ агентами другихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ военнымъ судамъ Союза дано право останавливать и осматривать американскія суда, подозрѣваемыя въ перевозкѣ куліевъ.

Англичане, нуждаясь въ рабочихъ изъ куліевъ, поступили болѣе осторожно. Они нашли, что было бы безполезно запрещать торговлю куліями англичанамъ, такъ какъ этимъ путемъ торгъ перейдетъ только къ «менѣе образованнымъ и гуманнымъ» подданнымъ другихъ странъ. Поэтому въ 1859 году было устроено особое англійское бюро для найма куліевъ и созданы правила, по которымъ куліи нанимались не иначе, какъ на пять лѣтъ, съ условіемъ, что если по истеченіи этого срока кулій не соглашается на новый контрактъ, онъ перевозится обратно на счетъ хозяина въ Китай. Въ контрактѣ означалось также содержаніе и число часовъ работы. На перевозимыхъ отъ англійскаго агентства судахъ смертность куліевъ въ пути не превышала 1%, между тѣмъ на другихъ судахъ она доходила до 10 и даже до 20%. Стѣсненія заставили, однако, торговцевъ куліями избѣгать посредства англійскаго агентства. Видя малый успѣхъ гуманности, англичане объявили, что они не прочь присоединиться къ американскому рѣшенію, если то же сдѣлаютъ и другія государства.

Это встрѣтило сопротивленіе со стороны французскаго правительства, которое полагало, что перевозка куліевъ можетъ доставить доходъ французскому флоту. Французское правительство ограничилось потому только предписаніемъ своимъ консуламъ имѣть за перевозкой куліевъ строгій надзоръ,—предписаніемъ, не имѣвшимъ смысла, потому что куліи перевозятся преимущественно на судахъ Перу и другихъ американскихъ республикъ, на которыя надзоръ французскихъ консуловъ не распространяется. Въ 1866 году французское правительство рѣшилось присоединиться къ условіямъ перевозки, составленнымъ англійскими бюро; но это также не имѣло значенія, потому что агенты, какъ мы уже сказали выше, переселились въ то время изъ китайскихъ городовъ въ Макао.

Китайское правительство, желая чѣмъ-либо пособить дѣлу, обратилось къ Россіи, Пруссіи и Соединеннымъ Штатамъ съ просьбою запретить своимъ подданнымъ торговлю куліями. Соединенные Штаты объявили, что ихъ законъ 1861 года сдѣлалъ даже болѣе этого, а потому пресоединеніе къ англо-французскому соглашенію 1866 года было бы шагомъ назадъ. Пруссія ничего не отвѣчала,

а Россія, не имѣя въ Сводѣ Законовъ какихъ-либо специальныхъ постановленій объ эмиграціи, ограничилась заявленіемъ въ 1866 году, что русскіе подданные, занимающіеся торговлею куліями, не должны разсчитывать на покровительство со стороны государства.

Нельзя не одобрить подобное сдержанное рѣшеніе, въ виду того обстоятельства, что едва ли много русскихъ подданныхъ занималось торговлею куліями, излишняя же ревность въ борьбѣ съ несуществующими злоупотребленіями не всегда умѣстна. Можно припомнить по этому случаю, что Россія слишкомъ охотно поспѣшила присоединиться къ договору о прекращеніи торговли неграми, и потому, еще въ Сводѣ Законовъ 1857 года, въ XV томѣ, существовала непонятная теперь, послѣ реформы 1861 года, прогрессія наказаній, а именно за злоупотребленія при покупкѣ русскихъ крѣпостныхъ людей—недѣйствительность купчей крѣпости, при покупкѣ пограничныхъ киргизовъ и калмыковъ—ссылка въ Сибирь на поселеніе, при покупкѣ негровъ—смертная казнь!

Участіе Россіи на этомъ не остановилось и, когда столкновеніе между Японіей и Перу изъ-за куліевъ едва не довело до войны, Россія была выбрана арбитромъ для рѣшенія спора.

Война между Перу, Чили и Боливіей, о которой я выше говорилъ, какъ о причинѣ окончательнаго разоренія Перу, продолжалась три года и окончилась только въ 1883 году Анконскимъ миромъ. Разбитому на-голову Перу удалось выйти изъ затрудненія по системѣ, практиковавшейся до тѣхъ поръ Австріей — именно, на счетъ своего союзника. Приморская часть Боливіи, къ югу отъ рѣки Лоа и къ западу отъ Кордильеровъ, отошла къ Чили, а остальная, гораздо большая часть, присоединилась къ Перу. Это присоединеніе гарантировано Чили и Бразиліей, заключившими съ Перу оборонительный и наступательный союзъ, направленный противъ общаго врага Бразиліи и Чили—Аргентинской республики.

Чили неудовольствовалась, однако, кусочкомъ береговой полосы и удержала за собою и перуанскую территорію Тарапака, впредь до уплаты военной контрибуціи, составлявшей около 100 милл. руб. Эта цифра такъ велика для разореннаго еще желѣзнодорожной спекуляціей до войны Перу, что, вѣроятно, территорія навсегда останется въ рукахъ побѣдоносной республики, хотя Чили взяла на себя уплату, по биржевой цѣнѣ, существовавшей въ моментъ объявленія войны, половины перуанскаго внѣшняго долга, номинальный капиталъ котораго доходилъ до 490 милл. руб. Перу за это обязалась въ особомъ тайномъ договорѣ не увеличивать своего флота выше извѣстной цифры.

Тяжесть условій должна только радовать друзей мира и прогресса. Подобные уроки отучатъ, наконецъ, испанскія республики начинать войну изъ-за пустяковъ, подвергая опасности и стѣсненію довольно значительные европейскіе интересы. Не говоря о

потеряхъ европейскихъ резидентовъ, война эта тяжело отозвалась на торговлѣ гуано, натровой селитры и мѣди—трехъ предметовъ южно-американской торговли, безъ которыхъ не можетъ обходиться Европа.

Какъ нравоученіе изъ окончившейся войны можно извлечь немногое. Въ военномъ отношеніи обѣ сражавшіяся стороны выказали свою храбрость, какъ и подобало потомкамъ испанскихъ «конквистадоровъ» XVI вѣка; перуанцы особенно отличились на морѣ, чилійцы на сухомъ пути. Затѣмъ Чили побѣдила, главнымъ образомъ благодаря своей болѣе прочной политической организаціи и лучшимъ финансовымъ средствамъ.

Въ Чили народная масса, вообще въ южной Америкѣ неразвитая, такъ какъ она состоитъ изъ индѣйцевъ и метисовъ, на управленіе имѣетъ мало вліянія; правительство находится въ рукахъ богатыхъ помѣщиковъ; даже иностранцы въ видѣ средняго класса допускаются въ Чили только для торговли и не сливаются съ аристократіей, пренебрегающей торговлей. Чилійскій конгрессъ напоминаетъ поэтому англійскія палаты до реформы 1832 года. Такое устройство, быть можетъ и не совсѣмъ правильное съ точки зрѣнія доктринеровъ, давало, однако, Чили устойчивость, что въ связи съ хорошими финансовыми средствами, въ свою очередь зависящими отъ твердаго правительства, обезпечило этой республикѣ перевѣсъ надъ соединенными силами Перу и Боливіи.

Боливія, заброшенная и невѣдомая, замѣчательна развѣ тѣмъ, что ни въ одной странѣ не было столько убійствъ главъ правительства, какъ въ этой странѣ, между тѣмъ Боливаръ сочинилъ ей весьма сложную полумонархическую конституцію, которую полагалъ сдѣлать образцомъ для всѣхъ американскихъ республикъ. Республика эта, несмотря на свое почтенное имя, явленіе довольно уродливое для XIX вѣка, служа оплотомъ іезуитовъ и католическаго фанатизма. Имѣя одинъ только весьма неудобный портъ на океанѣ—Кобиху, она не могла развиваться и въ экономическомъ отношеніи. Теперь этотъ портъ отнятъ и вся будущность страны зависитъ отъ дороги черезъ Анды и Парагвай; тогда она повернется какъ бы лицомъ къ Европѣ и сдѣлается ближе къ послѣдней на десять дней пути.

По окончаніи войны между Боливіей и Чили англичане совсѣмъ забрали Перу въ свои руки, почему чилійцы и согласились дать перуанцамъ деньги для уплаты части долга, опасаясь водворенія британскаго льва въ своемъ сосѣдствѣ. Война, однако, счастья Чили не принесла; почти полстолѣтія эта республика составляла исключеніе изъ южно-американскихъ государствъ, оставаясь спокойной, когда рядомъ чуть не ежегодно производились coups d'Etat и военныя революціи, но въ 1889 г., какъ бы наскучивъ мудрымъ правленіемъ, она сдѣлала революцію.

Чилійцы народъ вообще холодный и серьезный, характеръ ихъ дѣловой, поэтому правительство, какъ я сказалъ, болѣе тридцати

лѣтъ подъ-рядъ и находилось въ рукахъ консервативной партіи, богатыхъ помѣщиковъ и владѣльцевъ рудниковъ. Но такое продолжительное пребываніе у власти одной и той же партіи повлекло къ созданію олигархіи, отъ которой и постаралась избавиться прочая часть населенія.

Органъ чилійской олигархіи, президентъ республики Бальмаседа, желая сохранить власть, не задумался вступить въ борьбу съ народнымъ представительствомъ. Когда конгрессъ отказался утвердить бюджетъ, Бальмаседа хотѣлъ сдѣлать переворотъ, но генералы не показали большой охоты дѣйствовать съ нимъ заодно. Бальмаседа для вида уступилъ, уволилъ наиболѣе непопулярнаго министра внутреннихъ дѣлъ Санфуэнте и поручилъ либералу Прату образовать «примирительное» министерство. Конгрессъ воспользовался этимъ, чтобы вотировать законъ, измѣняющій способъ избранія президента республики. Такъ какъ Бальмаседа желалъ провести въ президенты Санфуэнте, то онъ уволилъ министерство Прата, сдѣлалъ первымъ министромъ свою креатуру Викунью и началъ энергическую кампанію въ пользу выбора Санфуэнте. Это вызвало народныя волненія въ важнѣйшихъ городахъ республики: Сантъ-Яго и Вальпарайсо, затѣмъ возмутился военный флотъ, а наконецъ, къ инсургентамъ пристала и часть арміи.

Революція, окончившаяся побѣдою революціонеровъ, при нѣкоторомъ вмѣшательствѣ Соединенныхъ Штатовъ, отразилась, конечно, и на финансахъ Чили. Бумажныя деньги республики теряли 50%, европейскіе кредиторы также пострадали. Зато революція обрадовала всѣхъ мѣдныхъ заводчиковъ. Чили главный поставщикъ мѣди на всемірныхъ рынкахъ, и всякія затрудненія въ Чили немедленно подымаютъ цѣну мѣди лучше всякихъ синдикатовъ.

Для насъ Чили интересенъ потому, что Чилійскій архипелагъ, лежащій на большомъ пути въ Тихій океанъ, можетъ когда-либо играть важную роль въ крейсерской войнѣ. Но наибольшій интересъ изъ южно-американскихъ республикъ для Россіи представляетъ теперь Аргентинская республика, куда мы даже сочли нужнымъ акредитовать посланника (общаго съ Бразиліей). Эта республика представляетъ примѣръ страны, которая сперва потребляла ввозный хлѣбъ, а затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ дошла до вывоза 1.600,000 тоннъ пшеницы, занявъ третье мѣсто между вывозящими этотъ продуктъ странами. Главными факторами такого необычайно быстраго развитія производства, весьма вреднаго и опаснаго для интересовъ Россіи, являются дѣвственная почва Аргентины и исключительно низкая стоимость обработки.

Въ будущемъ эта страна будетъ играть на европейскихъ рынкахъ еще болѣе видную роль, и съ развитіемъ ея земледѣльческой культуры необходимо серьезно считаться конкуррирующимъ странамъ. Обращаетъ на себя вниманіе и крупный приростъ вывоза продуктовъ скотоводства и живыхъ животныхъ какъ на евро-

ейскіе рынки, такъ и въ Бразилію. Косвенно на развитіе земледѣлія повліяло введеніе у насъ всеобщей воинской повинности, аставившее эмигрировать менонитовъ и нѣмецкихъ колонистовъ начала въ Бразилію, а затѣмъ въ Аргентину. Менониты первые ачали тамъ культуру пшеницы, ячменя и т. д. Попытки дѣлались до нихъ, но только какъ вспомогательное средство, преобладало е овцеводство. Менониты занялись земледѣліемъ серьезно и, на усскій манеръ, хищническимъ способомъ хозяйства, благо протранства земли и здѣсь, какъ и въ южной Россіи, это допускали. ъ пампѣ, какъ и у насъ въ степи, отдѣльный трудъ изолироаннаго колониста пропадаетъ; тутъ нужны не фермы, а села; акимъ образомъ, примѣръ менонитовъ былъ большимъ толчкомъ ля дальнѣйшаго преуспѣянія земледѣлія. Любопытно, что менониты никакъ не хотятъ признать, что они не русскіе, а нѣмцы. акъ ихъ русскими и называютъ тамъ; на видъ, по словамъ г. Іонина, ни тоже напоминаютъ Россію: носятъ мѣховыя шапки съ наушиками, смазные сапоги, рубашки съ косымъ воротомъ, армяки, а дѣ холодно—овчинные тулупы.

Съ 1884 года цѣнность экспорта Аргентины увеличилась на 0% и составляетъ 119.000,000 долл.; въ этотъ же промежутокъ ремени населеніе республики возросло всего на 35%. Такъ акъ ввозъ иностранныхъ товаровъ растетъ далеко не въ такой рогрессіи, то положеніе торговаго баланса республики внушаетъ амыя лучшія надежды на будущее. Аргентинцы давно все видятъ ъ розовомъ свѣтѣ и въ короткій періодъ времени успѣли занять ъ Европѣ въ счетъ будущихъ благъ, подъ залогъ своихъ земель, 36 мил. дол. золотомъ съ ежегоднымъ платежемъ въ 40 милл. олларовъ, что повело къ знаменитому краху, въ который лопулъ домъ Беринга и едва не пострадало наше правительство. рахъ до сихъ поръ отражается на странѣ. Внутреннія волненія натянутость отношеній къ Чили, въ свою очередь, неблагопріятно тражаются на переселенческомъ движеніи, столь значительномъ ъ прежнее время. Промышленность страны, подъ вліяніемъ опаеній за установленіе новыхъ налоговъ и уменьшеніе ввозныхъ ошлинъ, находится также въ застоѣ. Только земледѣліе процвѣаетъ, поддержанное между прочимъ сильнымъ повышеніемъ курса олота, доходящаго до 389%. Не довольствуясь этимъ поощреніемъ, ргентинцы весьма умно заводятъ собственный торговый флотъ. Іатросовъ доставляетъ имъ Далмація, а капитановъ Бока Которкая. Для этихъ православныхъ наше правительство послало русkаго священника.

Эмиграція изъ Россіи идетъ сюда троякимъ образомъ. Во-перыхъ, направляется множество евреевъ, на счетъ фонда покойнаго арона Гирша. Они образуютъ земледѣльческія колоніи, идущія овольно плохо. Наше правительство поощряетъ эмиграцію, освоождая переселенцевъ отъ отбыванія воинской повинности. Но

этого мало, надобно давать денежныя субсидіи. Я глубоко убѣжденъ, что издержка даже полумилліарда на добровольное выселеніе изъ Россіи хотя половины еврейскаго пролетаріата была бы не менѣе полезна, чѣмъ затрата такой же суммы на восточную войну или на Сибирскую желѣзную дорогу.

Поселившіеся въ Аргентинѣ евреи создали эмиграцію другого рода. Они привлекаютъ сюда изъ Царства Польскаго и Западнаго края трудолюбивыхъ польскихъ и литовскихъ крестьянъ, которые будутъ служить имъ работниками, а затѣмъ сюда идетъ, какъ прежде на Востокъ, множество проститутокъ изъ Россіи: Бессарабіи, Волынской губерніи и Царства Польскаго; этимъ дѣломъ орудуютъ наши и австрійскіе жиды.

Не смотря на то, что Уругвай самая маленькая изъ республикъ Южной Америки, въ ней идетъ самая ожесточенная борьба двухъ партій blancos i colorados, почти ничѣмъ не отличающихся по принципамъ и воюющихъ изъ-за личныхъ вопросовъ. Англія здѣсь играетъ большую роль и pronunciamiento безпрерывны. Эта республика, также вредная для Россіи своею конкуренціею по вывозу продуктовъ скотоводства, замѣчательна тѣмъ, что вся ея торговля, а особенно столичнаго города Монтевидео, основана на контрабандѣ.

Страна кромѣ сырыхъ продуктовъ, ничего не производитъ и все, что ей нужно, привозитъ изъ Европы. Но за предметы, вывозимые изъ Европы, въ Бразиліи платятъ 40 до 50 проц. пошлинъ, въ Аргентинѣ еще больше; мудрые правители Уругвая умно воспользовались своимъ географическимъ положеніемъ между этими двумя государствами и, понизивъ у себя ввозную пошлину до 25 проц., сдѣлали то, что изъ общаго количества товаровъ, приходящихъ въ порты Уругвая, только треть назначается для потребленія маленькой республики, а двѣ трети идутъ контрабандою въ Аргентину и Бразилію чрезъ сухопутную границу.

Лежащій внутри континента Парагвай, изъ котораго іезуиты сдѣлали рай земной и который долго былъ южно-американскимъ Китаемъ, для Россіи вовсе не имѣетъ значенія. Онъ до сихъ поръ не очнулся отъ жестокой войны съ Бразиліей, бѣдность страшная, почти все мужское населеніе истреблено войною и теперь работаютъ по преимуществу женщины. Парагвай почти индѣйское государство, ненавидящее все окружающее, и политика его состоитъ въ лавированіи между Бразиліей и Аргентиной.

Послѣдняя изъ испанскихъ республикъ Южной Америки—Венецуэла обратила на себя вниманіе столкновеніемъ съ Англіей, едва не втянувшимъ послѣднюю въ войну съ Соединенными Штатами и заставившимъ британцевъ посбавить свой тонъ. Споръ шелъ изъ-за границъ республики съ англійской Гвіаной. Эта послѣдняя уже и теперь занимаетъ положеніе, которому по богатству и политическимъ выгодамъ едва ли можно найти равное въ свѣтѣ: на Сѣ-

верѣ—Антильское море, Средиземное море Америки, находящееся вполнѣ въ англійскихъ рукахъ; на югѣ, черезъ р. Бранко, открывается доступъ къ богатѣйшему бассейну рѣки Амазонской; на западѣ лежитъ другой, едва ли менѣе богатый, бассейнъ рѣки Ореноко; будущая великая океанская дорога черезъ Панаму проходитъ очень близко, а на границѣ золотые рудники, почти не тронутые.

Англійскіе аппетиты, ничѣмъ ненасытимые, понятно, разыгрались. Уже во время долгой борьбы между Испаніей и Венецуэлой, Англія, втихомолку, заняла различные пункты въ дельтѣ венецуэльской рѣки Ореноко. Затѣмъ, будучи въ войнѣ съ Голландіей союзницей Наполеоновской Франціи, она отобрала у первой часть Гвіаны, англичане, наскоро устроившись тамъ, перешли границу и подвинулись до р. Пумаронъ, непримѣченные Венецуэлой, занятой въ то время борьбой за освобожденіе.

Но лишь только Венецуэла обезпечила свою независимость, ея вниманіе устремилось на захватъ англичанами и съ 1822 г. началась дипломатическая кампанія для возстановленіи территоріальныхъ правъ республики. Но всѣ усилія Венецуэлы оказались тщетными. При каждой попыткѣ къ переговорамъ оказывалось, что претензіи англичанъ шли все дальше и дальше. Лордъ Гренвиль далъ, наконецъ, обѣщаніе передать дѣло на третейскій судъ. Но преемникъ Гренвиля, лордъ Салисбюри, отказался выполнить обѣщаніе. Тогда Венецуэла прервала дипломатическія сношенія и обратилась къ защитѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, президентъ Кливелендъ, въ декабрѣ 1895 г., обратился къ конгрессу съ посланіемъ, въ которомъ говорилось, что правительство Соединенныхъ Штатовъ обязано вмѣшаться въ это дѣло и предложилъ вотировать суммы, необходимыя на сформированіе особой комиссіи для разсмотрѣнія вопроса: какая часть занятой земли должна остаться за Венецуэлой, и затѣмъ, когда эта работа будетъ окончена, объявить, что Соединенные Штаты окажутъ сопротивленіе всякому присвоенію Англіей земель, которыя будутъ признаны принадлежащими Венецуэлѣ.

Главнымъ основаніемъ протеста противъ дѣйствій Англіи выставлялось въ посланіи такъ-называемое «ученіе Монроэ». Россія никогда этой теоріи не признавала, какъ потому, что имѣла сама владѣнія въ Америкѣ, такъ и потому, что подобная доктрина весьма опасный прецедентъ. Пользуясь ею, австралійцы пожелаютъ монополизировать южную часть Тихаго Океана, японцы—сѣверную и т. д. Другія державы также теоретической стороны президентскаго посланія не признали, но защитѣ слабаго государства отъ Англіи не сочувствовать не могли. Сначала казалось, что Англія готова была дойти до войны. Но тѣ, которые знали Англію поближе, были убѣждены, что въ концѣ концовъ англійское правительство послушается указаній Соединенныхъ Штатовъ. Послѣ сообщенія

англійскимъ правительствомъ на разсмотрѣніе вашингтонской комиссіи цѣлаго ряда документовъ, оправдывающихъ, съ англійской точки зрѣнія, занятіе венецуэльской территоріи, Англія не только предоставила все дѣло третейскому рѣшенію, но пожелала даже заключить съ Соединенными Штатами трактатъ, по которому впредь второстепенные споры рѣшаются исключительно третейскимъ судомъ, для чего учреждается постоянное судилище.

Третейское посредничество извѣстно издавна и является въ исторіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Уже у грековъ оно имѣло форму апелляціи къ третьему городу или союзнику; у римлянъ оно носило названіе recipezatio. Въ федеративныхъ государствахъ оно получало нерѣдко характеръ постояннаго учрежденія, какъ это было еще въ Греціи, напримѣръ, въ ахейскомъ союзѣ. Изъ современныхъ установленій по этой части замѣчательнѣе другихъ австрорегальный судъ, учрежденный въ 1815 году для государей Германскаго союза и преобразованный въ 1834 году. Теперь права его перешли къ Германскому Союзному Совѣту. Случаи разрѣшенія третейскимъ посредничествомъ разныхъ столкновеній довольно многочисленны: въ одномъ XIX столѣтіи ихъ насчитываютъ нѣсколько десятковъ, но самый извѣстный изъ нихъ—дѣло объ «Алабамѣ», отвратившее войну между Англіей и Соединенными Штатами. Не смотря на все это, нельзя сказать, чтобъ мы были близки къ тому моменту, когда спорящія стороны, вмѣсто того чтобъ браться за оружіе, будутъ готовы подчиняться мирному посредничеству третьихъ лицъ.

На это есть много причинъ — и самая важная изъ нихъ та, что войны возникаютъ по большей части вовсе не изъ-за недоразумѣній. Напротивъ, вызывающее войну государство очень хорошо знаетъ, что оно неправо; но цѣль его не торжество справедливости, а преобладаніе или территоріальные захваты; иногда война ведется также для отвлеченія вниманія подданныхъ отъ вопросовъ внутренней политики. Очевидно, что третейское посредничество, не подкрѣпленное матеріальною силой, во всѣхъ этихъ случаяхъ должно оставаться безплоднымъ, и обратившаяся къ нему сторона только дала бы время болѣе коварному посреднику приготовиться къ войнѣ. Во всякомъ случаѣ «вооруженный миръ» (слово, изобрѣтенное, какъ извѣстно, Тьеромъ) дѣлается для Европы невыносимъ. Онъ поглощаетъ напрасно столько милліардовъ, что мыслящіе люди должны съ радостью привѣтствовать даже самыя слабыя попытки, дѣлаемыя съ цѣлью свести международныя отношенія на путь справедливости и международнаго права.

Бразилія.

Въ кабинетѣ бывшаго бразильскаго императора находился превосходный бюстъ Александра Македонскаго; на замѣчаніе одного путешественника, что Цезарь сказалъ объ Александрѣ: «онъ былъ моложе меня, когда покорилъ весь свѣтъ», Домъ-Педро отвѣчалъ: «А я въ эти годы завоевалъ уже сердца моего народа!» Словами этими восхищались біографы Домъ-Педро. Истина ихъ разоблачилась однако. Безъ всякаго почти протеста ни со стороны массы бразильскаго народа, ни со стороны общественнаго мнѣнія, послѣ казарменной революціи, императоръ, спокойно царствовавшій болѣе полувѣка, былъ силою посаженъ на пароходъ, занимавшійся перевозкою замороженнаго мяса, и отправленъ въ Европу, куда благополучно и прибылъ.

Невольно напрашивается вопросъ: въ чемъ провинился бразильскій государь и не являлся ли онъ по отношенію къ своему народу какимъ-то тираномъ и нарушителемъ его вольностей? На это всѣ бразильскіе писатели и европейскіе путешественники единогласно отвѣчаютъ слѣдующее.

Бразилія имѣла по добавочному акту 1834 года къ конституціи 1824 года государственное устройство, гдѣ автономія ея двадцати отдѣльныхъ провинцій была вполнѣ обезпечена. Децентрализація управленія была полная. Императоръ имѣлъ по этой либеральнѣйшей конституціи только ограниченное право не утверждать вотируемые палатами законы (veto suspensif) и ни разу этимъ правомъ не воспользовался. Свои конституціонныя обязанности Домъ-Педро исполнялъ точнѣйшимъ образомъ, призывая по очереди къ управленію партіи либераловъ и консерваторовъ, смотря по настроенію общественнаго мнѣнія. Выборное начало проведено въ Бразиліи во всѣхъ инстанціяхъ и съ 1881 г. тамъ не было болѣе двойныхъ выборовъ. Религіозный миръ въ Бразиліи былъ также обезпеченъ. Папа Левъ XIII въ январѣ 1888 года заявилъ, что съ провозглашенія независимости Бразиліи, у нея не было ни одного столкновенія съ римскимъ престоломъ. Иновѣрцы пользовались всѣми политическими правами, печать безусловно свободна. Полная свобода слова и каррикатуры допускались даже во время войны съ Парагваемъ.

Главная забота императора была—народное образованіе. «Если бы я не былъ императоромъ, то желалъ бы быть школьнымъ учителемъ», говорилъ Домъ-Педро. Когда ему предлагали построить новый дворецъ, онъ отказался, сказавъ, что сначала нужно выстроить зданія для школъ; когда послѣ парагвайской войны палаты вотировали 1.200,000 рублей на монументъ императору, онъ отдалъ эти деньги на школы въ Ріо-Жанейро. Такъ же ревностно заботился онъ о наукахъ и искусствахъ, лично принимая участіе

въ трудахъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ. Любимѣйшее занятіе Домъ-Педро была астрономія; онъ говорилъ по-французски и итальянски, зналъ отлично латинскій и греческій языки и понималъ по-еврейски и по-русски. Онъ перевелъ нѣсколько книгъ Библіи по-латыни; затѣмъ сочинилъ не мало стиховъ и перевелъ на португальскій языкъ Лонгфелло и Манцони. Занятіе науками не мѣшало ему заниматься дѣлами правленія. Каждый день онъ давалъ аудіенціи, каждую недѣлю предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ, каждую субботу принималъ всякаго, хотя бы простолюдина, желавшаго его попросить о чемъ либо.

Всѣхъ политическихъ преступниковъ онъ прощалъ, а главные революціонеры занимали даже потомъ у него министерскія должности; въ Бразиліи не было ни эмигрантовъ, ни политическихъ ссыльныхъ; хотя смертная казнь изъ бразильскаго кодекса не исключена, но императоръ не допустилъ съ 1856 г. ни одной казни. «Я горжусь тѣмъ, что не заставилъ носить трауръ ни одного моего подданнаго», говорилъ Домъ-Педро. Онъ освободилъ негровъ. Гуманность не отнимала у императора твердости. Не говоря уже о трудномъ первомъ періодѣ его царствованія, когда ему пришлось съ 1840 г. (моментъ его совершеннолѣтія) по 1849 г. усмирить нѣсколько революцій, Домъ-Педро велъ двѣ войны: въ 1851 и 1852 гг. противъ Розаса, диктатора Аргентинской республики, и въ 1864—1870 гг. противъ Лопеса, столь же жестокаго диктатора Парагвайской республики, и союзника ея, Уругвайской республики, и обѣ войны кончились съ честью для Бразиліи, расширившей свои территоріальныя владѣнія. Европейскія государства и Соединенные Штаты постоянно относились съ уваженіемъ къ правительству Домъ-Педро.

Въ экономическомъ отношеніи Бразилія сдѣлала съ 1840 г. огромные успѣхи, построила сѣть желѣзныхъ дорогъ, даже слишкомъ роскошную для страны, гдѣ не имѣлось грунтовыхъ дорогъ, привлекла эмиграцію, возстановила курсъ своихъ бумажныхъ денегъ; государственный кредитъ Бразиліи былъ такъ проченъ, что 4% бумаги продавались въ Парижѣ и Лондонѣ al pari. Иниціативу налоговъ имѣла только палата депутатовъ.

Платонъ сказалъ: «Народы будутъ счастливы только тогда, когда философы сдѣлаются царями». Вотъ Бразилія имѣла такого философа на престолѣ, она испытала желанное Платономъ управленіе «коронованнаго демократа», котораго, впрочемъ, злые языки называли «коронованнымъ анархистомъ», а все-таки дѣло окончилось революціей. Фактъ этотъ наводитъ прежде всего, конечно, на мысль о неблагодарности народовъ. Домъ-Педро — не первый государь, который, желая царствовать исключительно для блага своихъ подданныхъ, испыталъ эту неблагодарность. Примѣры Генриха IV-го, Людовика XVI-го, Александра II-го еще болѣе поучительны.

Но одною людскою неблагодарностью нельзя объяснять такія явленія. Всякое государственное устройство, подобно всякому человѣку, имѣетъ тѣ недостатки, которые проистекаютъ изъ его хорошихъ качествъ. Перечисленныя выше достоинства бразильской конституціи и Домъ-Педро ближе объясняютъ причину революціи. Въ федеральной монархіи власть императора не можетъ быть ни крѣпкой, ни популярной. Это объясняетъ, почему заговоръ нѣсколькихъ честолюбивыхъ генераловъ опрокинулъ правительство въ нѣсколько часовъ. Безусловная свобода печати и каррикатуры невольно подтачиваютъ уваженіе къ власти; доступность ея всѣмъ и каждому также не содѣйствуетъ укрѣпленію авторитета. Для неразвитой массы авторитетъ долженъ являться не на астрономической обсерваторіи и не въ видѣ школьнаго учителя или издателя ученыхъ переводовъ, а въ ореолѣ силы и всемогущества. Философы должны царствовать среди философовъ, а не между полуцивилизованными метисами, индѣйцами и неграми.

Поощреніе народнаго образованія, щедрая раздача стипендій, даже изъ собственнаго кармана, безъ сомнѣнія были полезны для Бразиліи, но они и создали тотъ умственный пролетаріатъ, который и питаетъ всѣ революціи. Въ Бразиліи этотъ пролетаріатъ носилъ названіе «партіи бакалавровъ» (кандидатовъ университетовъ) и эта партія принимала большое участіе въ изгнаніи Домъ-Педро и провозглашеніи республики. Строгая легальность Домъ-Педро, заставившая его не отказать въ утвержденіи ни одного закона, вотированнаго палатами, также имѣла неблагопріятныя послѣдствія для имперіи. По совѣту Домъ-Педро, дочь его утвердила, будучи регентшею, законъ объ окончательномъ освобожденіи негровъ безъ всякаго денежнаго вознагражденія, что вызвало сильное неудовольствіе не только плантаторовъ, но и въ республиканской партіи, искавшей повода къ безпорядкамъ. Въ Бразиліи, особенно въ Багіи, давно существовала республиканская партія между богатыми рабовладѣльцами. Это странное сочетаніе идей, напоминающее нашихъ «декабристовъ», объясняется тѣмъ, что въ Бразиліи реформы шли свыше. Миролюбивыя наклонности императора, вслѣдствіе чего армія, пополняемая въ Бразиліи безъ обремененія для населенія вербовкою, находилась на второмъ планѣ, въ свою очередь послужили причиною переворота. Армія и провозгласила республику, послѣдствіемъ которой, по всей вѣроятности, будетъ рядъ междоусобныхъ войнъ и распаденіе Бразиліи, т. е. португальской Америки, на нѣсколько самостоятельныхъ республикъ, какъ распалась испанская Америка.

Гаитскій императоръ Фаустинъ (Сулукъ), пародируя Наполеона I, сказавшаго своей арміи «сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ», говорилъ своей черномазой арміи: «Помните, что сорокъ тысячъ обезьянъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ деревьевъ». Не загадывая о будущемъ Бразиліи, можно

только повторить эти слова по отношенію къ новой республикѣ. Сорокъ тысячъ обезьянъ любовались на бразильскій pronunciamiento—результаты котораго скоро сказались.

Я говорилъ, что главною, хотя тайною причиною революціи было освобожденіе невольниковъ въ 1888 г., безъ всякаго вознагражденія, послѣ того, какъ первая попытка освобожденія въ 1871 г. принесла мало пользы.

Кто знакомъ съ положеніемъ вещей въ Бразиліи, по описаніямъ добросовѣстныхъ путешественниковъ, тотъ знаетъ, что время и свободныя учрежденія смягчили тамъ нравы, и что между положеніемъ тамошнихъ невольниковъ и положеніемъ бывшихъ нашихъ крѣпостныхъ не было особенно рѣзкой разницы, если не считать совершенно второстепенной подробности — воспрещенія бразильскимъ невольникамъ носить сапоги, не составляющаго, впрочемъ, въ тепломъ климатѣ большого лишенія, послѣ лишенія человѣка его свободы. Относительно же тѣлесныхъ наказаній едва ли въ Россіи, даже въ 50-хъ годахъ, было не хуже, чѣмъ въ Бразиліи.

Преслѣдуя, слѣдовательно, въ невольничествѣ вовсе не нравственную его сторону, давно осужденную общественнымъ мнѣніемъ, но только экономическую—опасеніе потерять огромный капиталъ, затраченный на покупку и воспитаніе невольниковъ, бразильцы въ 1871 г. хотѣли рѣшить вопросъ, подобный разрѣшенному у насъ Положеніемъ 19-го февраля, но не съумѣли этого сдѣлать.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что эта реформа нашла достаточно панегиристовъ. Не говоря уже о тѣхъ букетахъ, которыми осыпана была парламентская трибуна въ день провозглашенія закона, и о тѣхъ оваціяхъ, которыя получилъ императоръ бразильскій во время своего путешествія по Европѣ, даже европейскіе журналисты восхваляли способъ освобожденія, не желая вникнуть въ дѣйствительный смыслъ преобразованія. Въ числѣ рѣдкихъ голосовъ противъ реформы былъ голосъ лондонскаго «Anti-slavery society». Но, ближайшее разсмотрѣніе новаго закона невольно возбуждало скептическаое отношеніе къ нему и укрѣпляло сомнѣніе въ возможности рѣшенія вопроса объ уничтоженіи невольничества безъ всякаго вреда для земледѣлія и убытковъ для собственности, которымъ задалось бразильское правительство.

Немедленно по изданіи закона получали свободу невольники казенные (которыхъ было только 1,650), невольники коронныхъ имѣній, выморочныхъ имѣній и брошенные своими хозяевами. Но и эти вольноотпущенники отдавались на 5 лѣтъ подъ надзоръ правительства и обязаны были работать въ казенныхъ учрежденіяхъ, если не найдутъ себѣ другой работы. Учреждался выкупной фондъ изъ налога на владѣніе и продажу невольниковъ, изъ доходовъ отъ ежегодныхъ лотерей, отъ штрафовъ, пожертвованій и кредитовъ, ассигнуемыхъ по государственнымъ и земскимъ бюд-

жетамъ. Сообразно съ доходами фонда, должно было освобождаться ежегодно извѣстное число невольниковъ; кромѣ того имъ дано право выкупаться на свой счетъ по цѣнѣ, устанавливаемой третейскимъ судомъ. Добровольное освобожденіе изъято отъ налоговъ. Самая важная статья закона объявляла свободными всѣхъ дѣтей, родившихся у женщинъ-невольницъ послѣ провозглашенія закона. Но дѣти эти оставались подъ попеченіемъ хозяевъ ихъ матерей до восьми-лѣтняго возраста; послѣ этого хозяинъ могъ или оставить дитя работать у себя до 21 года, или уступить государству, съ платою по 450 руб. за каждаго. Государство отдавало дитя въ работу для заработка расхода, потребнаго на его выкупъ; послѣ 21 года онъ дѣлался свободнымъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ, для всѣхъ живыхъ невольниковъ невольничество оставалось въ прежней силѣ. Для будущихъ же дѣтей невольниковъ сохранено до двадцати одного года крѣпостное состояніе. Слѣдовательно Бразилія нескоро освобождалась окончательно отъ обязательнаго труда. Неумолимый законъ природы помогъ бы ей, однако, разрѣшить невольничій вопросъ гораздо скорѣе, чѣмъ законъ 1871 года.

Дѣло въ томъ, что невольничье населеніе въ Бразиліи размножалось съ поразительною медленностью, а вымирало очень быстро. Причина тому страшная смертность дѣтей, несмотря на особую попечительность, прилагавшуюся къ ихъ воспитанію хозяевами — попечительность, поддерживаемую, конечно, болѣе всего экономическими соображеніями. Вслѣдствіе смертности, число невольниковъ, достигавшее въ концѣ 40 годовъ до 2 милліоновъ душъ, сократилось въ 1871 г. до $^1/_2$ милл., и бразильскіе публицисты вычисляли, что прежде чѣмъ по новому закону трудъ долженъ сдѣлаться окончательно свободнымъ, въ Бразиліи не останется въ живыхъ ни одного невольника, что всѣ они вымрутъ, не дождавшись, пока реформа принесетъ свои плоды. Хороша реформа! Но замѣнившая ее реформа 1888 г. была еще хуже, такъ какъ разоряла собственниковъ. Затѣмъ, вслѣдствіе освобожденія рабовъ, потребленіе рома увеличилось въ такой степени, что цѣна на этотъ продуктъ возвысилась на сто процентовъ. Негритянки избрали себѣ другой предметъ роскоши. Признакомъ свободы у нихъ, безъ того великолѣпно сложенныхъ, явился корсетъ и спросъ на корсеты такъ великъ, что въ Бразиліи теперь стоятъ огромныя цѣны на корсеты.

Вымираніе негровъ заставило Бразилію еще при монархіи привлекать колонистовъ изъ Европы; сюда, прежде чѣмъ въ Аргентину, явились наши колонисты, сюда же пошли было и польскіе крестьяне, такъ что ихъ пришлось одно время удерживать силою. Эта такъ называемая русская колонизація стоила бразильскому правительству большихъ денегъ и въ результатѣ на долгіе годы охладила къ Бразиліи нѣмецкихъ эмигрантовъ. По мнѣнію

г. Іонина, не одно казнокрадство и чиновничество виноваты въ данномъ случаѣ, а самый характеръ народа враждебенъ чужимъ элементамъ. Бразилецъ по природѣ терпѣть не можетъ иностранца; онъ—въ сущности атеистъ—по традиціи съ ненавистью смотритъ на всякаго, кто не католикъ, притомъ до крайности самонадѣянъ; поэтому, эмигранты встрѣчаютъ на мѣстѣ огромное количество необразованныхъ и грубыхъ опекуновъ, подъ администраціею которыхъ имъ приходится очень тяжело. Виновата отчасти и природа. Эмиграція въ Америку только тогда можетъ развиваться, когда она въ состояніи продолжать до извѣстной степени и работу и условія жизни Стараго Свѣта. Для исключительно тропической культуры европейцы, а тѣмъ болѣе русскіе и поляки, не пригодны.

Изгнаніе Домъ-Педро потребовало, конечно, новой конституціи, и маршалъ Деодоро де-Фонсека, первый президентъ Соединенныхъ Штатовъ Бразиліи, распубликовалъ новую конституцію для Бразиліи, составленную безъ малѣйшаго участія народныхъ представителей, но «принявъ во вниманіе» (какъ выражаются въ канцеляріяхъ) замѣчанія къ конституціямъ вообще, сдѣланныя извѣстнымъ бельгійскимъ професоромъ Эмилемъ де-Лавелэ. При этомъ было забыто, что для парламентскаго управленія требуется не только народъ, но и политическіе нравы, воспитаніе въ духѣ самоуправленія, безъ чего въ грубыхъ рукахъ неразвитыхъ людей, любящихъ одинъ процесъ говоренія, конституція является орудіемъ слишкомъ хрупкимъ.

Прежняя бразильская конституція была сочинена въ 1823 г. также безъ участія народнаго представительства, Масіель Дакостою, но она, по крайней мѣрѣ, подверглась, по указанію опыта, нѣсколькимъ поправкамъ, послѣднею изъ коихъ былъ законъ 1881 г., отмѣнявшій систему двойныхъ выборовъ и установившій для депутатовъ выборы по участкамъ.

Новая конституція, само собою разумѣется, республиканская, окончательно обращала Бразилію въ федеральное государство. Но въ то время, когда двадцать бывшихъ провинцій становились политически автономными, въ экономическомъ отношеніи сохранялась нѣкоторая централизація. Федеральному правительству подлежатъ вопросы о привозныхъ пошлинахъ и почтахъ; наоборотъ, вывозныя пошлины, гражданское уложеніе, милиція, суды, школы и полиція вѣдаются каждымъ штатомъ самостоятельно. Центральное правительство сохранило, впрочемъ, за собою право вмѣшиваться въ дѣла штатовъ для защиты государства, въ случаѣ pronunciamiento (случай, который, вѣроятно, будетъ не рѣдко представляться въ республиканской Бразиліи), а также въ случаѣ общественныхъ бѣдствій: наводненія, голода, эпидемій. Каждый штатъ обязанъ былъ сочинить въ два года свою конституцію, если же этимъ онъ не озаботится, то таковую сочиняло ему центральное правительство.

Президентъ и вице-президентъ Бразильской республики избираются особымъ конгрессомъ простымъ большинствомъ голосовъ, срокомъ на пять лѣтъ, безъ права переизбранія ранѣе слѣдующихъ пяти лѣтъ. Но на первый разъ и президентъ, и вицепрезидентъ республики были избраны парламентомъ. Власть президента довольно ограничена. Онъ выбираетъ и увольняетъ министровъ, но договоры утверждаются законодательною властью. Министры не могутъ быть членами палатъ и, подобно Соединеннымъ Штатамъ, не могутъ даже принимать участія въ преніяхъ послѣднихъ.

Законодательная власть, попрежнему, состоитъ изъ двухъ палатъ: сената (по 3 сенатора отъ каждаго штата) и палаты депутатовъ (1 депутатъ на 10,000 населенія). Срокъ полномочій сенаторовъ десятилѣтній, депутатовъ трехлѣтній. Остальныя статьи новой конституціи обезпечиваютъ свободу печати, свободу сходокъ и ассоціацій, отдѣленіе церкви отъ государства и свободу совѣсти. Послѣднюю, впрочемъ, съ ограниченіями, а именно: духовенство стѣсняется въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности и не можетъ учреждать монастырей; іезуитамъ въѣздъ въ Бразилію воспрещенъ. Эти ограниченія могутъ сдѣлаться зерномъ бразильскаго Kulturcampf'а. Такъ какъ весьма сомнительно, чтобы католическая іерархія, могущественная въ Бразиліи, хотя тамъ мало желающихъ идти въ священники и поповъ привозятъ изъ Италіи, легко примирилась съ полной эмансипаціей церкви отъ государства.

Въ общемъ, новая конституція не представляла ничего новаго. Отъ бразильскихъ революціонеровъ, начавшихъ было съ переименованія дней и мѣсяцевъ, но сохранившихъ всѣ громкіе титулы, можно было ожидать чего-либо болѣе оригинальнаго, но они предпочли придержаться «хорошенькихъ книжечекъ» бельгійскихъ и другихъ профессоровъ, которыми у насъ пользовались для облагодѣтельствованія Болгаріи. Профессорскимъ указаніямъ надо приписать включеніе въ конституцію платоническаго условія, что прежде объявленія войны правительство обязано обращаться къ третейскому суду другихъ державъ.

«Figaro» весьма резонно замѣтилъ по поводу новой конституціи: «Для человѣка наблюдательнаго грустно видѣть, что все на свѣтѣ повторяется, заимствуется, что государственные люди, будутъ ли они черные или бѣлые, американцы или европейцы, ничему не выучиваются, ничего не забываютъ, можно даже, пожалуй, прибавить, ничего и не знаютъ и не могутъ ничего создать, не примѣшивая старыхъ предразсудковъ и старой нетерпимости». Даже доктринерскій «Temps», по поводу новой конституціи, не находилъ ничего сказать, кромѣ того, что «достоинство конституцій не въ нихъ самихъ, а въ достоинствѣ гражданъ, общественныхъ нравовъ и государственныхъ людей. Поэтому, конституціи оцѣниваются только опытомъ». Мысль не новая, но глубоко вѣрная.

При бывшемъ монархическомъ правленіи, финансы Бразиліи были сравнительно въ порядкѣ, отчеты своевременно контролировались палатами и бразильскіе $4^1/_2$% фонды даже въ Европѣ пользовались расположеніемъ. Республика, конечно, измѣнила все это. По новой конституціи, каждый изъ автономныхъ штатовъ имѣетъ свои финансы, между тѣмъ министръ финансовъ Рюц Борбоса заявилъ собранію, что федеральное правительство не можетъ уступить штатамъ ничего изъ своихъ доходовъ. Между тѣмъ, только двѣ провинціи: Санъ-Паули и Пара могли существовать безъ субсидіи центральнаго правительства, не смотря на долгъ, обременявшій ихъ, въ 40 милл. руб.

Еще ранѣе оказалось, что республиканское правительство издерживаетъ въ годъ противъ монархическаго на 60 или 70 мил. руб. болѣе, что отчасти зависѣло отъ упадка курса бумажныхъ денегъ. Мильрейсъ въ Бразиліи вмѣсто 5 фр. 68 сант. стоилъ при республикѣ менѣе $2^1/_2$ франковъ, а въ послѣднее время еще понизился. Правительство отрицало, впрочемъ, будто расходы увеличились и обѣщало представить, въ доказательство, отчеты... не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца.

Эти три мѣсяца прошли и никакихъ отчетовъ не появилось, зато Борбоса заявилъ учредительному собранію, что если монархическое правительство могло обходиться съ 150,000 контосовъ рейсовъ доходовъ, то для республиканскаго необходимо имѣть 200,000 контосовъ (170 мил. руб.), между тѣмъ доходы центральнаго правительства равнялись только 160,000 контосамъ. Поэтому-то федеральное правительство и не можетъ-де уступить штатамъ поземельный налогъ и отпускныя пошлины.

Это заявленіе вызвало общее негодованіе, тѣмъ болѣе, что, не довольствуясь увеличеніемъ жалованія арміи и флоту (сдѣлавшимъ революцію) и расходовъ на военныя пенсіи, республиканское правительство совершило еще рядъ безумныхъ въ финансовомъ отношеніи подвиговъ. Оно гарантировало постройку 19,000 верстъ мало кому нужныхъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, что потребуетъ не мало ежегодной гарантіи и увеличиваетъ дефицитъ на 12 милл. руб. Затѣмъ правительство, декретами увеличило выпускъ бумажныхъ денегъ. Мало того, оно разрѣшило слитіе двухъ важнѣйшихъ банковъ въ одинъ, подъ названіемъ Banca da Republica dos Estados Unidos do Brazil, съ правомъ выпустить въ обращеніе билетовъ на 1,020 милл. руб. Между тѣмъ, и безъ того въ обращеніи находилось громадное количество банковыхъ билетовъ, не считая билетовъ государственнаго казначейства и билетовъ мелкихъ банковъ, которымъ въ 1894 г. дана свобода.

Само собою разумѣется, такое изобиліе искусственно созданныхъ капиталовъ вызвало безумную спекуляцію, особенно по учрежденію дутыхъ предпріятій. Къ 1896 г. долгъ Бразиліи достигъ 3.675.586,825 франковъ, т. е, въ семь лѣтъ увеличился въ $3^1/_2$ раза; таможен-

ныя пошлины, доставляющія двѣ трети дохода, увеличены на 80%, а огромные дефициты повторяются ежегодно, какъ равно и междоусобная война; въ особенности провинція Ріо-Гранде до Суль желаетъ непремѣнно отдѣлиться. Подобная вакханалія, очевидно, недолго продолжится и государственное банкротство Бразиліи неминуемо, тѣмъ болѣе, что хотя республика по третейскому суду уступила огромную территорію Аргентинѣ, но отношенія послѣдней, а равно Англіи, Франціи, Италіи и Чили къ новой республикѣ очень натянуты.

Въ политическомъ отношеніи положеніе Бразиліи остается столь же запутаннымъ. Не встрѣчая сочувствія своей финансовой политикѣ, Фонсека, вопреки конституціи, распустилъ въ 1891 г. палаты; это вызвало рядъ безпорядковъ и заставило маршала подать въ отставку. Управлялъ вице-президентъ Пейхото и Бразилія представляла замѣчательное зрѣлище продолжительной войны столицы съ собственнымъ военнымъ флотомъ, окончившейся, къ счастью, побѣдою правительства. Въ послѣднее время президентъ Пруденте де Мораешъ, оказавшійся черезчуръ слабымъ, опять удалился до срока и замѣненъ болѣе энергическимъ Перейрою. Итого это будетъ четвертый президентъ республики въ теченіе семи лѣтъ, цифра для латинской Америки небольшая. Въ Мексикѣ за 75 лѣтъ было 2 императора и 53 президента, изъ которыхъ 4 разстрѣляно, 4 убито и 1 отравился.

Съ Бразиліей мы поддерживаемъ корректныя отношенія и давно имѣемъ тамъ миссію, но торговыя сношенія съ нею, кромѣ покупки пернамскаго хлопка, незначительны. По мнѣнію г. Іонина, Бразилія и весь Новый Свѣтъ для насъ только серьезный конкурентъ по сбыту сырыхъ продуктовъ. Безъ своего торговаго флота сношеній съ этими странами не заведешь. Послѣднее отчасти справедливо, но я думаю, что при другой торговой политикѣ мы могли бы въ Южной Америкѣ найти сбытъ множеству своихъ товаровъ отъ муки и лѣса до рысаковъ и серебряныхъ издѣлій.

Видя, что Россія неподвижна, бразильцы поступили какъ Магометъ: гора къ нимъ не шла, они шли къ горѣ, и сдѣлали хорошо, ибо гдѣ уже намъ думать завоевывать рынки въ Бразиліи, когда мы не можемъ справиться съ микроскопической Финляндіей, и рынокъ Персіи только тѣмъ и удержали за собою, что запретили туда провозъ иностранныхъ товаровъ черезъ русскую территорію. Если намъ трудно надѣяться, что русскіе купцы устроятъ свои торговыя конторы въ Ріо-де-Жанейро или Багіи и начнутъ покупать бразильскіе товары прямо изъ первыхъ рукъ отъ бразильскихъ плантаторовъ, то слѣдовало радоваться, если къ намъ явились бразильскіе купцы, чтобы, помимо иностранныхъ посредниковъ, предложить свой кофе по болѣе дешевой цѣнѣ. Къ сожалѣнію, дѣло болѣе ограничилось пожалованіемъ бразильскихъ орденовъ нашимъ дипломатамъ и журналистамъ. Страшно высокая пош-

лина на кофе дѣлаетъ невозможнымъ развитіе его потребленія въ Россіи.

Къ сожалѣнію, мы рискуемъ потерять совсѣмъ бразильскій рынокъ, даже не начавъ имъ пользоваться. Еще при президентствѣ Гаррисона готовился къ осуществленію проектъ закрыть всю Америку, и Сѣверную и Южную, для произведеній Европы, установивъ для нихъ такой общій высокій тарифъ, при коемъ привозъ изъ Европы былъ бы невозможенъ. Съ этою цѣлью въ Вашингтонѣ собирался конгрессъ при участіи: Бразиліи, Венецуэлы, Чили, Аргентины, Коста-Рики, Гватемалы, Перу, Гондураса, Никарагуа, Санъ-Сальвадора и Боливіи.

Задача конгресса была образовать изъ государствъ обѣихъ Америкъ таможенный союзъ, на подобіе германскаго Zollverein'a. При этомъ предполагалось и введеніе особой для Америки монетной системы, особой системы мѣръ и вѣсовъ, общей системы желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній, охраненія фабричныхъ марокъ. Если это и осуществится, то американская затѣя не очень много повредитъ Россіи. Въ отместку въ Европѣ можно ожидать стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ американскимъ продуктамъ. А такъ какъ Америка является для Европы поставщикомъ тѣхъ же самыхъ продуктовъ, какъ и Россія (хлѣбъ, мясо, нефть и т. п.), то такія мѣры могутъ лишь содѣйствовать русской внѣшней торговлѣ, къ прямой выгодѣ нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Для насъ можетъ быть въ этомъ случаѣ лишь одна опасность. Лишась американскихъ рынковъ, Европа постарается бросить въ Россію массу своихъ произведеній по крайне дешевой цѣнѣ, въ ущербъ нашей промышленности.

АВСТРАЛІЯ.

XXXI. АВСТРАЛІЯ.

Англійская колоніальная политика перешла через три періода, хорошо очерченные Алдерлеемъ въ его «Review Colonial policy». Сначала Англія предоставляла колоніямъ полную свободу. Съ потерею Соединенныхъ Штатовъ, опасаясь утратить свое колоніальное значеніе, она приняла политику административнаго вмѣшательства, доходы колоній пріобщила къ общимъ доходамъ и приняла на себя расходы по содержанію въ колоніяхъ администраціи, войска и пр. Но этимъ путемъ она скоро сдѣлалась данницей своихъ заморскихъ владѣній, приплачивая за ихъ содержаніе. Колоніи тоже страдали отъ медленности въ разрѣшеніи самыхъ существенныхъ дѣлъ. Потому, въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, англичане приняли новую систему, которую и можно назвать спеціально англійскою колоніальною системой. Система эта состоитъ въ томъ, что колоніямъ предоставлена полная свобода, и онѣ содержатъ себя сами, будучи связанными съ метрополіей только одинаковымъ происхожденіемъ и уваженіемъ къ царствующему дому. При этой системѣ колоніи не приносятъ метрополіи дохода, но и не стоютъ ей ни копѣйки. Исключеніе составляютъ только чисто-военныя колоніи—Гибралтаръ, Мальта и др., не имѣющія большого значенія. Степень политической свободы тоже ограничена, сообразно большему или меньшему преобладанію европейскаго элемента. Такъ Индія довольствуется пока совѣтами, составленными только на половину изъ выборныхъ лицъ; парламентское же управленіе австралійскихъ государствъ есть, наоборотъ, одно изъ самыхъ свободныхъ въ мірѣ, и основано исключительно на всеобщей подачѣ голосовъ. Существуетъ еще особый видъ управленія, о которомъ я

говорилъ. Это управленіе при помощи большихъ компаній. Если не считать Индію, которая сама по себѣ составляетъ обширную имперію, то англійская политическая колоніальная система собственно прилагается теперь къ 26 милл. населенія, разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ земного шара, преимущественно въ Канадѣ, Африкѣ, Австраліи и Новой Зеландіи. Экономически же, т. е. не касаясь бюджета метрополіи ни по доходу, ни по расходу, почти всѣ колоніи Англіи относятся къ англійской колоніальной системѣ.

Политика эта, повидимому самая справедливая для колоній, не чужда, однако, многихъ неудобствъ, и самыхъ серьезныхъ. Имѣя полное самоуправленіе, колоніи пользуются имъ не только для того, чтобъ выбирать себѣ администрацію по вкусу, но и для того, чтобъ отказывать въ пріемѣ эмигрантовъ, устанавливать пошлины, покровительствующія собственной промышленности, что прямо противорѣчитъ уже интересамъ Англіи, какъ это случилось въ продолжающейся еще борьбѣ изъ-за покровительственнаго тарифа Канады и австралійскихъ колоній. Съ другими государствами Англія въ этомъ случаѣ можетъ заключать договоры; но какія могутъ быть дипломатическія сношенія королевы съ ея собственными подданными? Если же признать безусловно власть британскаго парламента, то колоніи всегда останутся въ проигрышѣ.

Затрудненія эти еще не такъ важны во время мира; но вопросъ измѣняется для военнаго времени. Колоній нисколько не интересуютъ перевороты европейской политики; между тѣмъ при всякомъ столкновеніи Англіи, порты колоній будутъ блокированы, суда захватываемы, торговля разоряема. Англійскій флотъ не лучше можетъ защитить ихъ, чѣмъ защищалъ сѣверо-американскій свои суда отъ нападенія южныхъ каперовъ. Тогда у колоній явится сильное желаніе пользоваться нейтральнымъ флагомъ и отдѣлиться отъ метрополіи, связи съ которой теперь такъ слабы.

Англійскіе государственные люди предлагали, для большаго укрѣпленія колоніальнаго владычества, устроить въ Лондонѣ парламентъ, въ которомъ были бы представители всѣхъ колоній, по числу ихъ населенія. Но проектъ этотъ не пользуется большимъ сочувствіемъ ни въ Англіи, ни въ колоніяхъ. Англичане находятъ страннымъ, чтобъ австралійцы могли вліять на ихъ дѣла, колоніи же опасаются, что въ подобной палатѣ голоса ихъ будутъ постоянно въ меньшинствѣ.

Такимъ образомъ англійская система колоніальнаго управленія, кажущаяся самою практическою, въ концѣ концовъ приводитъ къ равнодушію и разложенію. Политическая связь удерживается со стороны англичанъ только сожалѣніемъ о милліардахъ государственнаго долга, сдѣланнаго именно для пріобрѣтенія колоній, а со стороны колонистовъ—опасеніемъ, что, въ случаѣ разрыва, милліардъ англійскаго капитала, обращающійся на колоніальныхъ рынкахъ, будетъ извлеченъ изъ обращенія и помѣщенъ въ другія страны.

Связь эта еще более ослабѣетъ, если осуществится федеральный союзъ всѣхъ австралійскихъ англійскихъ колоній, усердно проповѣдываемый бывшимъ первымъ министромъ Новаго-Южнаго Уэльса, Парксомъ. За образецъ предлагается взять Канаду. Для этого федераціей уже сдѣланы первые шаги. Такъ какъ союзъ будетъ имѣть собственную армію, то онъ можетъ въ будущемъ сдѣлаться для Англіи источникомъ не малыхъ затрудненій.

Въ послѣднее время англійскія колоніи въ Австраліи, сверхъ споровъ объ автономномъ тарифѣ, создали своей метрополіи новый предметъ для дипломатическихъ затрудненій. А именно, они подымали нѣсколько разъ вопросъ о томъ, что весь обширный океанъ Австраліи съ его безчисленными островами не можетъ быть предметомъ захвата другихъ націй, кромѣ англичанъ, и что австралійскія колоніи обязаны стоять на-стражѣ такихъ захватовъ. Это своего рода теорія Монроэ въ приложеніи къ Австраліи. Терпѣть и допускать ее Россіи, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія и разсчета, здѣсь, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Это должно быть догматомъ для нашей дипломатіи.

Да и претензіи австралійцевъ запоздали и мало имѣютъ смысла, потому что Франція давно уже имѣетъ не лишенныя значенія владѣнія въ Австраліи: Новую Каледонію, острова Дружбы и пр. Испанія, Португалія и Голландія также географически своими владѣніями могутъ считаться частью въ Океаніи, а въ послѣднее время къ нимъ присоединилась и Германія, и Соединенные Штаты, водворившіеся, хотя пока и не совсѣмъ открыто, въ Гавайскомъ архипелагѣ и на островахъ Самоа.

Когда изъ-за вопроса о водвореніи нѣмцевъ на Новой Гвинеѣ австралійскія колоніи подняли вопросъ о признаніи Тихаго океана «ихъ водами», Бисмаркъ сразу остановилъ эти претензіи. Обративъ вниманіе, что англичане вездѣ предупреждали нѣмцевъ въ захватѣ колоніальныхъ земель, желѣзный канцлеръ заявилъ въ 1883 г., что если это будетъ и впредь продолжаться, то онъ войдетъ въ соглашеніе съ Франціей, не имѣя возможности ничего добиться отъ Англіи. Слова эти подѣйствовали магически, хотя австралійскіе парламенты и особенно газеты продолжали поддерживать свои претензіи, отрицая, напримѣръ, конечно на бумагѣ, право Франціи ссылать въ свои австралійскія колоніи преступниковъ.

Австралія недавно еще была частью свѣта, гдѣ не имѣлось ни одного нашего штатнаго представителя. Иные подумаютъ, что Австралія такъ удалена, что тамъ рѣшительно нечего дѣлать представителямъ Россіи, но это великое заблужденіе. Хотя по консульскимъ отчетамъ 1895 г. въ Мельбурнѣ, важнѣйшемъ городѣ Австраліи, имѣлся всего одинъ русскій купецъ, какой-то А. Ѳедоровъ, торговавшій птицею и рыбою, но Австралія интересна для насъ въ очень многихъ отношеніяхъ. Прежде всего важнѣй-

шіе австралійскіе порты и теперь посѣщаются русскими военными судами. Затѣмъ по торговлѣ сырьемъ Австралія представляетъ для Россіи одного изъ опаснѣйшихъ соперниковъ на всемірныхъ рынкахъ, и очень важно знать экономическое состояніе этой страны. По мнѣнію спеціалистовъ, мы могли бы съ успѣхомъ торговать, даже отчасти монополизировать (?) тамъ торговлю стеариновыми свѣчами, кожами, мыломъ, лѣсомъ, ржаною мукою, водками и наливками. Пошлины на большинство этихъ товаровъ невысоки, но при переговорахъ на мѣстѣ можно бы добиться и сбавки ихъ; надобно также участвовать въ австралійскихъ выставкахъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, слишкомъ многаго ждать и многаго требовать отъ консуловъ; жалобы на нихъ, слышныя во всѣхъ государствахъ, происходятъ отъ современнаго стремленія всего ждать отъ правительства, хотя нельзя отрицать, что недавно еще чрезвычайно рѣдко обнародовались свѣдѣнія о заграничныхъ рынкахъ, собираемыхъ у насъ оффиціальнымъ путемъ. Подобныхъ свѣдѣній поступало не мало отъ дипломатическихъ миссій и консуловъ, но изъ этихъ документовъ не дѣлалось никакого употребленія; безъ всякой пользы для торговли они лежали въ архивахъ. Крайняя скудость нашей торговой и промышленной статистики, и незначительность средствъ, отпускавшихся для нея, сравнительно съ другими учеными работами, напр., астрономическими, были поразительны, между тѣмъ для такого государства, какъ Россія, гдѣ громадныя экономическія силы не вызываются часто къ жизни единственно вслѣдствіе незнанія, нѣтъ затраты болѣе плодотворной, чѣмъ публикація всякаго рода поучительныхъ въ промышленномъ отношеніи свѣдѣній.

Теперь это измѣнилось. «Вѣстникъ Финансовъ» издается превосходно, и, помимо своевременнаго печатанія консульскихъ донесеній, сдѣлано нѣсколько прекрасныхъ изслѣдованій Персіи, китайскихъ портовъ и пр. Учреждены также и особые торговые агенты, ничѣмъ, впрочемъ, себя пока не проявившіе.

Въ политическомъ отношеніи близкое знаніе Австраліи также важно, какъ по отношенію къ Англіи ея богатыхъ австралійскихъ колоній, такъ и по дѣятельному участію въ австралійской колоніальной политикѣ нѣмцевъ и французовъ, отчасти испанцевъ, португальцевъ и голландцевъ. Насъ въ Австраліи очень не любятъ, потому что боятся, да и мало знаютъ.

Въ случаѣ крейсерской войны Австралія навѣрное будетъ очень важнымъ мѣстомъ для дѣйствія русскихъ военныхъ крейсеровъ, между тѣмъ мы такъ мало имѣемъ связей въ тѣхъ мѣстахъ. Учрежденія генеральнаго консульства въ Сиднеѣ или Мельбурнѣ и нѣсколькихъ штатныхъ вице-консульствъ въ другихъ пунктахъ (въ Брисбэнѣ, Аделандѣ, Нумэа и т. п.), съ назначеніемъ на эти должности по преимуществу образованныхъ морскихъ офицеровъ, дѣло чрезвычайно полезное.

Отсутствіе консуловъ было, напр., причиною, что горный инженеръ Перре, командированный Горнымъ Департаментомъ въ 1892 г. въ Австралію, за снятіе фотографіей какого-то вида въ Квинслендѣ, судился по подозрѣнію въ шпіонствѣ и оставленъ въ покоѣ только послѣ сношеній черезъ лондонское министерство колоній.

Непонятно также, почему, посылая каждый годъ эскадры въ Тихій океанъ, мы никогда не догадались занять тамъ какой-либо подходящій для устройства военнаго порта островъ. И тутъ руководила наша дипломатическая мнительность, хотя русскіе люди начала нынѣшняго столѣтія не стѣснялись подымать русскій флагъ и въ Калифорніи, и на Сандвичевыхъ островахъ, а правительство и всю сѣверную часть Тихаго океана, несмотря на протесты Англіи, объявляло «моремъ закрытымъ». Если же мы не хотѣли искать незанятыхъ земель, что сдѣлали потомъ съ такимъ успѣхомъ нѣмцы и отчасти французы, то могли пріобрѣсти покупкою отъ испанцевъ какой либо островокъ изъ безчисленнаго множества имъ принадлежащихъ въ Полинезіи. Съ Испаніей намъ дѣлить нечего и она смѣло могла впустить насъ въ свое сосѣдство за хорошее, конечно, вознагражденіе. Примѣры же подобныхъ продажъ нерѣдки: Голландія уступила нѣкоторыя мелкія факторіи въ западной Африкѣ англичанамъ, Швеція продала островъ св. Варѳоломея французамъ, а Данія совсѣмъ была готова продать важный въ стратегическомъ отношеніи островъ св. Ѳомы американцамъ.

Нѣкоторые быть можетъ упрекнуть наше правительство, зачѣмъ оно не послѣдовало совѣту покойнаго Миклухи-Маклая и не заняло части Новой Гвинеи. Миклухо-Маклай дѣйствительно сдѣлалъ, какъ извѣстно, въ газетахъ приглашеніе русскимъ, желающимъ ѣхать селиться въ Новую Гвинею, обращаться къ нему за справками. Говорятъ, нашлось нѣсколько десятковъ, а можетъ быть и сотенъ лицъ, спрашивавшихъ объ условіяхъ эмиграціи въ Новую Гвинею, въ русскую колонію, которую измыслилъ устроить Миклухо-Маклай въ портѣ Константинъ, въ землѣ Маклая, ни на какой картѣ, однако, не значившейся. Но, начиная съ того, что «знаменитый», по мнѣнію особенно ему покровительствовавшаго «Голоса», путешественникъ уступалъ Россіи вещь, ему вовсе не принадлежавшую, способъ сдѣлать подарокъ, какъ извѣстно, весьма легкій. Новая Гвинея долго не имѣла хозяина, хотя голландцы считали ее номинально своею. При развитіи австралійскихъ колоній, особенно сосѣдняго съ Гвинеей Квинслэнда, англичане не преминули предъявить свои права, но, пока лондонское правительство медлило, явились, какъ я сказалъ, нѣмцы. Имъ еще въ 30-хъ гг. Новая Гвинея очень улыбалась — о чемъ можно видѣть въ дѣйствительно «знаменитомъ» сочиненіи Фридриха Листа о національной экономіи.

Въ концѣ концовъ состоялось полюбовное соглашеніе: западная часть Новой Гвинеи осталась за Голландіей, а восточную подѣ-

лили между собою Англія и Германія. Между тѣмъ является Миклухо-Маклай и требуетъ своей части. Комизмъ этого требованія не нуждался въ комментаріяхъ. Если бы наше правительство имѣло какую либо надобность въ кускѣ Новой Гвинеи, то могло сдѣлать заявленіе объ этомъ своевременно и безъ помощи Миклухи-Маклая. Вѣроятно, молчаніе это произошло отъ того, что Новая Гвинея имѣетъ очень малую внутреннюю цѣнность, потому-то она и осталась такъ долго не занятою, хотя англичане, испанцы, португальцы, голландцы расхватали давно по сосѣдству всѣ сколько нибудь имѣющіе цѣну островки. Теперь Новую Гвинею заняли не потому, что достоинство ея повысилось, а совсѣмъ по другимъ соображеніямъ. Для Голландіи и Англіи важно сосѣдство. Ихъ колоніи здѣсь такъ богаты, что было бы крайне опасно видѣть на Новой Гвинеѣ водвореніе какой либо новой державы, тѣмъ болѣе сильной. Онѣ не успѣли, однако, устранить Германію.

Для нѣмцевъ же Новая Гвинея имѣла совсѣмъ иное значеніе. У Германіи не было никакихъ колоній, между тѣмъ, эмиграція ея необыкновенно увеличилась съ 1870 года, германскій торговый флотъ также быстро возрастаетъ, а еще скорѣе увеличивается германская торговля въ портахъ Тихаго океана. Понятно, для нѣмцевъ важно было захватить здѣсь хотя какой либо кусокъ земли, а кромѣ Новой Гвинеи трудно было найти свободное мѣстечко. Нѣмцы удовольствовались поэтому частью Новой Гвинеи, архипелагомъ Бисмарка и Маршальскими островами, всего 432,000 километровъ, какъ удовольствовались они пустыннѣйшими, безводными кусочками земли на западѣ и востокѣ Южной Африки, въ надеждѣ, что Богъ не безъ милости и что, разъ поставивъ гдѣ нибудь ногу, нѣмцамъ удастся потомъ занести ее куда-нибудь и подальше.

Мы же, давно имѣя обширныя владѣнія на Тихомъ Екеанѣ, не только не цѣнили своего положенія, но легкомысленнѣйшимъ образомъ отказывались и отъ исключительно выгоднаго положенія, издавна тамъ нами занятаго. Еще Петръ Великій на предложеніе Соймонова занять Калифорнію нашелъ, что это для насъ дѣло неподходящее. Съ тѣхъ поръ продолжалась та же политика. Такъ, мы отказались отъ Сандвичевыхъ островов, когда они были заняты нашими моряками; добровольно уступили англичанамъ часть нынѣшней Британской Колумбіи; по непостижимому великодушію Александра I отказались принять отъ Испаніи Калифорнію за помощь, оказанную Фердинанду VII; продали за грошъ колонію Россъ; покинули изъ опасенія угрозъ Англіи островъ Цусиму, продали за пустую сумму, надѣясь угодить Соединеннымъ Штатамъ, русскую Америку и Алеутскіе острова, обширную территорію, которой ни пріобрѣтеніе, ни содержаніе никогда не стоило правительству ни одной копѣйки; наконецъ, уступили Японіи Курильскіе острова.

Ссориться после того съ Германіей и Англіей, чтобы пріобрѣсти ничего не стоющее мѣсто, гдѣ стояла хижина, въ коей жилъ «знаменитый» Миклухо-Маклай, было нелѣпо. Нелѣпо еще и потому, что Новая Гвинея не находится на пути изъ Россіи въ ея тихо-океанскія владѣнія ни черезъ Суэзскій, ни черезъ Панамскій каналъ, потому посѣщаться торговыми судами или служить каменно-угольною станціей не можетъ и годилась бы намъ развѣ какъ пріютъ для крейсеровъ на случай войны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UNIVERSITY OF M
3 9015 04844

